

Бранко Тошович (Branko Tošović), доктор филологических наук, профессор, родился в 1949 году в Калиновике. Учился в Сараевском университете, где защитил кандидатскую (1979) и докторскую (1982) диссертации. Работал в нескольких университетах: в Сараеве (16 лет), Москве (4 года), Мангейме (3 года) и Граце (15 лет). В МГУ преподавал сербохорватский язык (1985—1988, 1992—1993). С 1996 года ординарный профессор в Институте славистики Университета в Граце. Один учебный год (1992/1993) был ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН и старшим научным сотрудником Института русского языка им. А. С. Пушкина. Читал лекции в различных университетах — в Братиславе, Варшаве, Великом Тырнове, Загребе, Задаре, Катовице, Лёвене, Лейпциге, Любляне, Мариборе, Москве, Мостаре, Нови-Саде, Познани, Пуле, Санкт-Петербурге, Тарту и др. Выступал на многочисленных международных конференциях.

Основные области научных интересов — грамматика, стилистика, общее и сопоставительное языкознание, глагол, корреляции между славянскими языками, особенно близкородственными. Руководил международным проектом «Различия между боснийским/бошняцким, сербским и хорватским языками» (2006—2010). Возглавляет проект «Иво Андрич в европейском контексте» (2007—2015) и «Онлайн-словарь Gralis-Lexikarium» (2008—2011). Опубликовал более 300 работ на различных языках и в разных странах, в том числе 44 отдельных издания. В 2000 году основал славистический лингвистический портал Gralis, на котором создал ряд одноязычных и многоязычных корпусов (Gralis-Korpus), а также несколько онлайн-программ для изучения славянских языков.

ISBN 978-5-9551-0451-5

Часть I

Бранко Тошович

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА СЕРБСКОГО,
ХОРВАТСКОГО И БОШНЯЦКОГО ЯЗЫКОВ

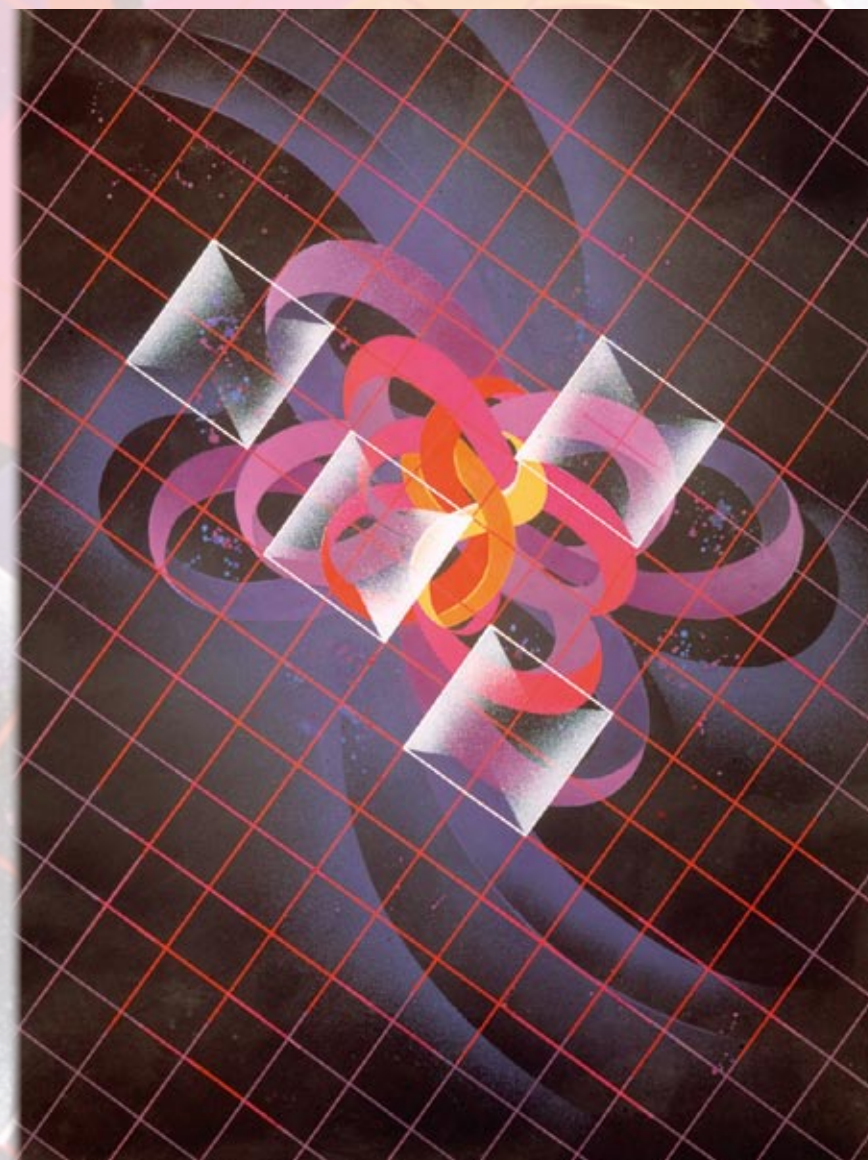

Бранко Тошович

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА СЕРБСКОГО, ХОРВАТСКОГО И БОШНЯЦКОГО ЯЗЫКОВ

Часть I

Фонетика — Фонология — Просодия

STUDIA PHILOLOGICA

S T U D I A P H I L O L O G I C A

Бранко Тошович

**Корреляционная грамматика
сербского, хорватского и
бошняцкого языков**

Часть 1

Фонетика – Фонология – Просодия

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2011

УДК 811.163.4

ББК 81.031

Т 55

Бранко Тошович. **Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков. Часть 1: Фонетика – Фонология – Просодия.** Москва: Языки славянской культуры, 2011. – 640 с.

ISBN 978-5-9551-0451-5

В настоящей книге рассматриваются фонетические, фонологические и просодические корреляции между сербским, хорватским и бошняцким языками. В центре внимания находятся совпадения, сходства и различия между этими языками, а также сравнение с остальными славянскими языками (особенно русским) и немецким языком. После распада общего сербохорватского языка в начале 90-х годов эта книга является первой попыткой монографического анализа данных языков на фонетическом, фонологическом и просодическом уровнях.

In diesem Buch werden die phonetischen, phonologischen und prosodischen Korrelationen zwischen dem Serbischen, Kroatischen und Bosniakischen betrachtet. Ein besonderer Schwerpunkt liegt dabei auf den Übereinstimmungen, Ähnlichkeiten und Unterschieden zwischen diesen Sprachen inklusive eines zusätzlichen Vergleichs mit der übrigen Slawia (besonders dem Russischen) und dem Deutschen. Es ist dies der erste monographische Versuch nach dem Zerfall des gemeinsamen serbokroatischen Standards zu Beginn der 1990er Jahre die Korrelationen zwischen diesen Sprachen auf der phonetischen, phonologischen und prosodischen Ebene zu analysieren.

Книга опубликована благодаря финансовой поддержке
(Förderung):

Фонда по содействию научных исследований Республики Австрии
(FWF Der Wissenschaftsfonds)

FWF Der Wissenschaftsfonds.

Союзного министерства науки и исследования в Вене
(Bundesministerium für Wissenschaft und Forschung in Wien)

Университета им. Карла и Франца в Граце
(Karl-Franzens-Universität Graz)

В оформлении переплета использована композиция
Александра Григорьева (1985)

© Бранко Тошович, 2011

© Языки славянской культуры, 2011

Оглавление

Знаки	7
Сокращения	11
Предисловие	15
Часть I	19
1. Общая информация	19
2. Исторические сведения	21
3. Диалекты	43
4. Корпус	51
Часть II	57
5. Фонетика	57
6. Фонология	61
7. Транскрипция	77
8. Алфавит	91
9. Органы речи	105
10. Звук и фонема	111
Часть III	135
11. Гласные	135
12. Гласный ять и его рефлекс	161
13. Умлаут	183
14. Аблаут	185
15. Вокализация	189
16. Выпадение гласных	193
17. Корреляции гласных	205
Часть IV	245
18. Согласные	245
19. Внутриязыковые корреляции согласных	281
20. Межъязыковые корреляции согласных	327
21. Ассимиляция согласных. Ассимиляция по звонкости	429
22. Ассимиляция по месту образования	447
23. Палатализация	455
24. Йотация	463
25. Выпадение согласных	467
Часть V	469
26. Слог	469
27. Интонация	473
28. Ударение	485
Литература	545
Zusammenfassung	601
Предметный указатель	603
Именной указатель	629

Знаки (Znaci/Znakovi)

1. Звуки и графемы с.-х.-б.

Знак	Фонетическое/фонологическое значение	Графема	
		Лат.	Кир.
ε	открытый е; ¹ гласный переднего ряда средне-нижнего подъема		
ə	закрытый е; шва (ь, Ъ)		
ɔ	лабиализованный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема		
∅	нуль знака, нулевая фонема, нулевая позиция		
ʼ	палатальный/палатализованный/мягкий согласный, напр., bʼ, vʼ		
ts	аффриката	с	ц
tɕ	аффриката	с́	һ
tʃ	аффриката	ч	ч
ʒ	аффриката	dž	ц
ʒ̣	аффриката	ḍ	һ
ʒ	звонкий фрикативный	ž	ж
ʒ̣	палатальный/палатализованный/мягкий z		
dz	звонкая пара для ts	dz	дз
f	звонкое f	f	ф
ʔ	гортанная смычка (глухой гортанный взрывной согласный звук)	h	х
x	заднеязычный	h	х
ɣ	звонкий x	h	х
i̯	полугласный	j	j
j	интервокальный i̯	j	j
l̥	слоγοобразующий (слоговой) l̥	l	л

¹ Точка с запятой указывает на различное использование данного знака.

í	палатальный/палатализованный/мягкий l	lj	ль
ŋ	носовой m	m	м
ɲ	носовой n	n	н
ñ	палатальный/палатализованный/мягкий n	ɲj	нь
ɾ	слогообразующий (слоговой) r	r	р
ś	палатальный/палатализованный/мягкий s		
ʃ	глухой фрикативный	š	ш
w	полугласный w	v	в

2. Звуки и графемы других языков

Звук	Язык	Графема
oi	и.-е.	
ē		
ě (ять)	ст.-сл.	ѣ
ī		ь
ǣ	ст.-сл., болг.	ѣ
ę	ст.-сл.	а
	польск.	ę
o	ст.-сл.	ж
	польск.	ą
ś	польск.	sz, rz
ż		ż, rz
ŧ		cz
ž		dž
dž		dž
ł	польск., луж.	ł
ě	чеш.	ě
ř		ř
ň		ň
d'	чеш., словацк.	d'
ř	словацк.	ř
l		l
t'		t'
ř		ř
y (i)	рус., белор.	ы
ĸ	мак.	ĸ
ǵ		í

3. Знаки ударения

Количество	Качество		Заударная долгота
	нисходящее	восходящее	
долгое	ˆ	ˊ	–
краткое	˘	ˋ	

~	акут в чакавском и кайкавском диалектах
---	---

4. Другие знаки

Знак	Значение
>	процесс звукового изменения (по направлению от левого звука к правому)
<	процесс звукового изменения (по направлению от правого звука к левому)
*	реконструированная форма

Сокращения (Skraćénice)

а) Кириллические сокращения

аор. аорист
белор. белорусский
болг. болгарский
бошн. бошняцкий/боснийский
бург. хорв. бургенландский хорватский, бургенландско-хорватский, градищанско-хорватский
в.-луж. верхнелужицкий
вин. винительный падеж
воен. военное
гипокор. гипокористика, уменьшительно-ласкательное
гер. германский язык / германские языки
гл. глагол
глух. глухой
дат. дательный падеж
деепр. деепричастие
диал. диалект, диалектный
др.-шт. древнештокавский
ед. единственное число
жарг. жаргон, жаргонный
ж. р. женский род
зват. звательный падеж
звон. звонкий
зоол. зоологическое
и.-е. индоевропейский
иекав. иекавский
икав. икавский
им. именительный падеж
имп. императив
кайк. кайкавский
каш. кашубский
л. лицо

луж. лужицкий, лужицкосербский
мак. македонский
мед. медицинское
междом. междометие
мест. местоимение
местн. местный падеж
мн. множественное число
м. р. мужской род
н.-луж. нижнелужицкий
нар. наречие
наст. вр. настоящее время
нем. немецкий
несов. несовершенный вид
новошт. новоштокавский
НСВ несовершенный вид
обл. областное
пейор. пейоратив, уничижительное
польск. польский
поэт. поэтическое
прас. праславянский язык
превосх. ст. превосходная степень
прил. прилагательное
притяж. притяжательный
прич. причастие
прош. вр. прошедшее время
разг. разговорное
разг. яз. разговорный язык
род. родительный падеж
ром. романский язык, романские языки
рус. русский
руси́н. русинский
с.-х. сербохорватский
с.-х.-б. сербский, хорватский, бошняцкий
СВ совершенный вид
серб. сербский
син. синоним
сл.-серб. славяносербский
слав. славянский, славянский язык / славянские языки

словацк. словацкий
словен. словенский
сов. совершенный вид
сравн. ст. сравнительная степень
ср. р. средний род
ст.-сл. старославянский
сущ. существительное
твор. творительный падеж
тур. турецкое
укр. украинский
уменьш. уменьшительное
уст. устаревшее
хим. химическое
хорв. хорватский
ц.-сл. церковнославянский
чак. чакавский
част. частица
черног. черногорский
чеш. чешский
числит. числительное
шток. штокавский
экав. экавский
энкл. энклитика

б) Сокращения на латинице

Ак старославянский
Be белорусский
Bg болгарский
BKS бошняцкий/боснийский, сербский, хорватский
Cs чешский
Mk македонский
Pl польский
Ru русский
Sh, SH сербохорватский
Sk словацкий
Sl словенский

SoN нижнелужицкий

SoO верхнелужицкий

Uk украинский

DnevHRT Dnevnik Televizije Hrvatske (главная информационная программа хорватского телевидения)

DnevRTCG Dnevnik Televizije Crne Gore (главная информационная программа черногорского телевидения)

DnevRTS Dnevnik Televizije Srbije (главная информационная программа сербского телевидения)

DnevTVBiH Dnevnik Federacije Bosne i Hercegovine (главная информационная программа телевидения Боснии и Герцеговины)

Предисловие

0. В настоящей книге сделана попытка комплексно рассмотреть основные фонетические, фонологические и просодические вопросы сербского, хорватского и бошняцкого языков на двух корреляционных уровнях: 1. во взаимном отношении фонетических, фонологических и просодических единиц и 2. во взаимодействии сербского, хорватского и бошняцкого языков (с.-х.-б.), а также по отношению к другим языкам (славянским и немецким), в первую очередь к русскому. Таким образом, были рассмотрены две корреляционные системы – внутриязыковая (структурная) и внеязыковая (межъязыковая). Анализ первой части является структурным, второй – интерлингвистическим. Таким образом, здесь рассматриваются два вида корреляций: 1. интралингвистические или структурные (фонетические, фонологические и орфоэпические) и 2. интерлингвистические (сербский ↔ хорватский ↔ бошняцкий). В рамках первого автор выделяет структурный интракорреляционал (охватывающий отношения фонетических, фонологических и просодических единиц одной и той же категории), интеркорреляционал (подразумевающий связи единиц различных категорий) и экстракорреляционал (в состав которого входят корреляции единиц различных языковых уровней). На интралингвистическом уровне автор делает анализ ретрокорреляционала (современное состояние по отношению к предшествующему и древнейшему), интракорреляционал (литературный сербский, хорватский, бошняцкий язык ↔ диалекты), интеркорреляционал (сербский язык ↔ хорватский язык ↔ бошняцкий язык), супракорреляционал (сербский, хорватский, бошняцкий ↔ другие южнославянские языки), суперкорреляционал (сербский, хорватский, бошняцкий ↔ восточные и западные славянские языки) и экстракорреляционал (сербский, хорватский, бошняцкий ↔ неславянские языки, в данном случае немецкий). На обоих уровнях выделяется категория – система совместимых отношений.

Автор поставил перед собой цель создать отсутствовавшее до сих пор исследование, которое остро необходимо для славистики в целом, для изучения южнославянских языков и для системного и социолингвистического анализа с.-х.-б., а также для других смежных областей науки. В работе рассматриваются гомогенные и гетерогенные корреляции между этими языками, а также немецким. Цель этой публикации состоит также в том, чтобы найти ответ на вопрос, в какой мере и в каких конкретных точках фонетико-фонологические и орфоэпические единицы трех систем совместимы.

Коррелятивный анализ производится параллельно применительно к фонетическим и фонологическим особенностям. Поэтому использование

одновременно фонетической и фонематической транскрипции (□ и // соответственно) привело бы к излишнему усложнению текста. Другим осложняющим обстоятельством является то, что анализ шести коррелятивных систем (ретрокорреляционал, интракорреляционал, интеркорреляционал, супракорреляционал, суперкорреляционал и экстракорреляционал) охватывает 14 славянских языков и немецкий язык. Ввиду этого фонетическая и фонологическая транскрипция используется только тогда, когда это действительно необходимо, тогда как в остальных случаях все фонемы и звуки выделяются полужирным шрифтом. Это ведет к заметному упрощению метаязыка книги.

1. Книга состоит из пяти частей. В первой дана общая (основная) информация о сербском, хорватском и бошняцком языках, их возникновении и развитии, а также о диалектном членении. Здесь указывается на исследуемый материал и многоязычный параллельный Гралис-Корпус, созданный в Университете Грац и являющийся основой для данного исследования.

Вторая часть посвящена общим фонетическим и фонологическим вопросам (что такое фонетика и фонология, какие их основные единицы), с особым вниманием на соотношение звук ↔ фонема ↔ графема и природу речевого аппарата. Одна глава посвящена транскрипции и транслитерации.

В третьей части рассматриваются гласные. Они толкуются по отношению к их акустическим, артикуляционным, функциональным и корпусным свойствам. Отдельно рассматривается ять и его рефлексy. Анализ охватывает основные процессы, какими являются расподобление гласных, их морфонологическое чередование, вокализация и выпадение. Один сегмент исследования составляют корреляции гласных в рамках ретрокорреляционала, интракорреляционала, интеркорреляционала, супракорреляционала, суперкорреляционала и экстракорреляционала.

Четвертая часть посвящена согласным. После толкования их акустических, артикуляционных, функциональных и корпусных свойств следует анализ основных изменений – ассимиляции, палатализации, йотации и выпадения согласных. Их корреляции, как и в системе гласных, рассмотрены в рамках ретрокорреляционала, интракорреляционала, интеркорреляционала, супракорреляционала, суперкорреляционала и экстракорреляционала,

В пятой части проводится анализ слога, интонации и ударения.

2. С момента распада единой сербскохорватской нормы в 1990-е годы и возникновения трех национальных стандартов: сербского, хорват-

ского и бошняцкого/боснийского, – к которым в 2007 году добавился черногорский², данная книга является первым исследованием, где анализируются корреляции между этими недавно провозглашенными языками на фонетико-фонологическом и орфоэпическом уровне. Такое исследование вышеуказанных языков – это первое (как немецком языке, так и в целом) исследование, затрагивающее эту структурную и интерлингвистическую проблематику.

3. Особенность этой книги состоит в том, что она является первой попыткой осветить фонетико-фонологические и орфоэпические отношения между тремя указанными языками в подробном научном исследовании. До сегодняшнего дня отсутствуют конкретные, объективные и выполненные на высоком научном уровне работы по данному вопросу. Новым в этой книге является и то, что она базируется на обширной выборке аудиоматериалов на всех трех языках, которая была занесена автором в недавно созданный им корпус «Gralis Speech- und Text-Korpus» (Gralis-Korpus-www) и изучена с помощью программы «Akzentarium».

4. Данная работа представляет собой результат научно-исследовательского проекта «Различия между сербским, хорватским и боснийским/бошняцким языками» («Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen»; 2006–2010 гг.; FWF P19158-G03; Tošović 2010b) и является значительно переработанной и расширенной немецкой версией книги «Korrelative Grammatisch des Bosni(aki)schen, Kroatischen und Serbischen, Teil 1; Phonetik – Phonologie – Prosodie» (Wien – Berlin: LitVerlag, 2010, 543 S.). Подготовка русской версии проходила в два этапа: 1) сначала был сделан перевод материала немецкого издания Анной Брайткопф (Расподобление, Морфологическое чередование, Вокализация, Выпадение, Корреляции гласных, Ударение), С. А. Лашиным (Речевой аппарат, Гласные, Рефлекс ятя) и А. Пиперским (Введение, Фонетика и Фонология, Согласные). Затем автор проверил полученный материал, сделал уточнения, изменения и значительно расширил некоторые части, особенно те, которые касаются соотношения с.-х.-б. и русского языков. В русской версии учтены замечания и предложения Драгомира Козомары по поводу акцентуации ряда слов с.-х.-б. и внесены соответствующие исправления.

² Ввиду того, что этот язык до сих пор не кодифицирован (отсутствует официально признанная грамматика, если не считать пособие Čirgić/Pranjković/Silić 2010, являющееся переводом/модификацией хорватской грамматики Silić/Pranjković 2005), представляется невозможным анализировать этот язык наряду с сербским, хорватским и бошняцким.

5. Книга предназначена для всех тех, кто занимается исследованием с.-х.-б. и их преподаванием, а также для интересующихся сопоставительным изучением славянских языков и немецкого языка. Особенно полезной данная публикация может быть для сравнительного изучения русского, с одной стороны, и сербского, бошняцкого и хорватского, с другой. Педагогическую ценность представляют прежде всего фонетические сведения, которые могут быть полезны для изучающих язык: это сопоставление фонетико-фонологической системы с.-х.-б. с русской системой (в первую очередь это касается различий в артикуляции). Немаловажно, что все приводимые автором примеры снабжены знаками ударения и переводом.

6. В целях унификации литературы, опубликованной на кириллице и латинице, ссылки на автора или главного редактора в форме короткой цитаты в скобках (автор/главный редактор, год, страница), а также в начале библиографических единиц в списке литературы даны единообразно латинскими буквами, несмотря на то, каким письмом они вышли (напр., Petrović 1975, Vinogradov 1962).

7. Нам хотелось бы поблагодарить Фонд по содействию научных исследований Республики Австрии, Союзное министерство науки и исследования в Вене и Университет им. Карла и Франца в Граце за финансовую поддержку, позволившую выпустить данную книгу.

Благодарю искренне Анну Брайткопф, С. А. Лашина и А. Пиперского за помощь при подготовке исходной русской версии, С. А. Лашина за корректуру и Драгомира Козомару за проверку расстановки ударения.

Грац, 2010 г.

Часть I

Глава 1

Общая информация (Opšta informacija)

8. Сербский, хорватский, бошняцкий/боснийский и черногорский языки относятся к группе южнославянских языков, имеют общую (новоштокавскую³) диалектную основу, от которой ведут свое происхождение литературные языки (сербов, хорватов, бошняков, или боснийских мусульман и черногорцев; общая численность говорящих на этих языках – 17 млн. человек), ставшие официальными языками возникших на протяжении последних 15 лет государств: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории.⁴

9. Сербы, черногорцы, хорваты и боснийцы в наши дни используют два алфавита: латинский и кириллический. При этом у хорватов и бошняков употребляется латиница, а у сербов распространены оба алфавита, но

³ Новоштокавские диалекты распространены на большей части территории Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории.

⁴ В Боснии и Герцеговине в 2005 г. насчитывалось 4 025 476 жителей, 1 700 000 из которых назвали своим обиходным языком бошняцкий (боснийский); число говорящих на этом языке в Сербии и Черногории составляло около 245 000 человек. В Хорватии в 2004 году было 4 400 000 жителей, из которых 3 977 171 (89,63%) считают себя хорватами, 201 631 (4,54%) – сербами, 20 755 (0,47%) – бошняками и 4 926 (0,11%) – черногорцами. Почти так же распределились и языки: хорватский – 4 265 081 (96,12%), сербский – 44 629 (1,01%), бошняцкий/боснийский – 9 197 (0,21%), хорватосербский – 2 054 (0,05%) и черногорский – 460 (0,01%) говорящих. В Сербии (без учёта Косова) согласно данным последней переписи населения, проведённой в 2002 г., проживал 7 498 001 житель, в том числе 6 212 838 (82,86%) – сербы, 69 049 (0,92%) – черногорцы, 80 721 (1,08%) – югославы, 136 087 (1,82%) – бошняки, 70 602 (0,94%) – хорваты, 20 012 (0,27%) – «буневцы» (с.-х.-б. *Bunjevci*) и 19 503 (0,26%) – мусульмане (как народность). В Черногории в 2003 г. кроме сербов и черногорцев проживали 48 184 (7,77%) бошняка, 31 163 (5,03%) албанца, 24 625 (3,97%) мусульман, 6 811 (1,10%) хорватов, 2 601 (0,42%) цыган и 41 271 (6,56%) представитель других народностей.

кириллица имеет преимущество как основной сербский алфавит. Кроме этого, в с.-х.-б. есть три произносительных варианта, которые носят название «экавский», «иекавский» и «икавский» в зависимости от рефлексов праславянского звука «ять» (ѣ).

10. Вплоть до 1990 г. язык, используемый на территории современных Боснии и Герцеговины, Хорватии, Сербии и Черногории, официально назывался серб(ск)охорватским или хорват(ск)осербским. Термин «сербскохорватский» (*Serbokroatisch*) впервые был употреблен ЯКОБОМ ГРИММОМ в предисловии к сделанному им переводу «Малой сербской грамматики» (1824) ВУКА СТЕФАНОВИЧА КАРАДЖИЧА. В 1836 г. ЕРНЕЙ КОПИТАР пользовался терминами *serbochorvatica sive chorvatoserbica*; в 1867 появилась «Грамматика сербохорватского (иллирийского) языка» («*Grammatica della lingua serbo-croato (illirica)*»), а в 1877 г. – «Грамматика сербохорватского языка» («*Grammaire de la language serbo-croate*») хорвата ДРАГУТИНА ПАНЧИЧА. Когда Хорватия, Босния и Герцеговина, а также Сербия и Черногория в начале 90-х годов XX в. обрели самостоятельность, произошло изменение общественно-политической ситуации, которое вызвало и изменения на языковом уровне. Хорватия официально объявила государственным языком хорватский, а Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) назвала свой язык сербским (в определенных ситуациях возможно, хотя и не обязательно было употребление понятия «сербскохорватский»). В Боснии и Герцеговине бошняки (которые стали именовать себя так с начала 90-х годов) объявили государственным языком боснийский, но против этого выступили сербы и хорваты, обосновывая свою точку зрения тем, что этот язык, стандартизированный на национально-национальной (бошняцкой) основе, должен носить название, производное от названия нации, а не от названия территории («бошняцкий», а не «боснийский»). Сербь и хорваты Боснии и Герцеговины называют свои языки сербским и, соответственно, хорватским.

Тем временем на бывшей сербохорватской языковой территории произошло нормирование четырех литературных языков: в Сербии – сербского, в Хорватии – хорватского, в Черногории – черногорского, а в Боснии и Герцеговине – бошняцкого/боснийского, хорватского (в населенных хорватами областях Федерации Боснии и Герцеговины) и сербского (в Республике Сербской). Ясно, что самый сложный вопрос в этой ситуации – это сосуществование сербского, хорватского и бошняцкого/боснийского языка на территории Боснии и Герцеговины. Происходящее там можно точнее всего охарактеризовать с одной стороны как процесс дивергенции, а с другой – как процесс навязываемой извне конвергенции.

Исторические сведения
(Iz istorije jezika)

11. Сербский, хорватский, бошняцкий/боснийский и черногорский ведут свое развитие, как и остальные славянские языки, из праславянского.⁵ Племена, говорившие на славянских языках, селились начиная со 2-й половины I в. до н. э. в области рек Днепр (укр. Дніпро) и Висла (польск. Wisła). В 1-й половине I в. н. э. площадь проживания славян существенно расширилась. После распада праславянского этноязыкового единства образовались три группы близкородственных языков: восточная («древнерусская» племенная общность), западная (лужицкие сербы, поляки, поморские славяне, чехи, словаки) и южная (болгары, бошняки, македонцы, сербы, словенцы, хорваты, черногорцы). Каждый из этих этносов рано или поздно сформировал себе литературный язык, к числу которых относятся и современные сербский, хорватский, бошняцкий/боснийский и черногорский языки. Вплоть до XI в. литературным языком служил старославянский (Holzer 2002a), ставший первым письменно зафиксированным славянским языком. Из него возникли национальные варианты (изводы) церковнославянского языка.

12. С е р б с к и й я з ы к . Мнения о ранней фазе развития этого языка (VII–XII вв.) противоречивы. Некоторые ученые утверждают, что в это время сербский стал отдельным славянским языком, тогда как другие считают, что о собственно сербском языке можно говорить только после завершения процессов, происходивших в рамках закона открытого слога (т. е. после X–XI вв.), в соответствии с которым каждый слог должен был оканчиваться на гласный. Литературным языком в это время был старославянский. Позднейший вариант этого языка, принявший в себя некоторые сербские черты, можно называть сербскославянским.

Сербы получили письменность между 867 г. и 974 г. Старославянские книги они переняли от так называемой Охридской школы. Вначале на равных правах использовались две системы письма: глаголица и кириллица. Их конкуренция продлилась долго, вплоть до XIV–XV вв. В конце концов кириллица стала сербским национальным алфавитом и в XII в. стала преобладать над глаголицей в Рашке, в Дубровнике, в Хуме и в Боснии.

⁵ См. об этом языке Holzer 2002b.

Самым знаменитым памятником сербской письменности этого периода является Мирославово Евангелие (серб. Мирослављево јеванђеље, *Miroljavljevo jevandelje*; XI в., 174 листа). Это кириллическая рукопись на пергамене, которая была написана для хумского князя МИРОСЛАВА (брата СТЕФАНА НЕМАНИ). Памятник содержит роскошные инициалы и 296 богато украшенных миниатюр. Эта рукопись до 1896 г. хранилась в сербском монастыре Хиландар на Афоне, а сейчас находится в Народной библиотеке в Белграде.

Начиная со 2-й половины X в. сербы использовали в качестве литературного языка церковнославянский язык. Сербский вариант называется сербскославянским языком (српскословенски језик, *srpskoslovenski jezik*). Он был сербским литературным языком вплоть до 30-х годов XVIII в. На этом языке не говорили, а только писали литургические, литературные и правовые тексты. Жития святых (житије, *žitije*) тоже обычно сочинялись на сербскославянском. Однако живой сербский язык употреблялся не только в живом устном общении, но и в грамотах (повеле, *povelje*), в законах, в межгосударственных соглашениях, в дипломатических письмах, в деловой переписке, в купчих, в завещаниях, в справках, в рыцарских романах (витешки романи, *viteški romani*), в хрониках (летописи/љетописи, *l/j/etopisi*) и т. д.

На языковую ситуацию оказал существенное влияние тот факт, что в X в. Сербия утратила независимость и оказалась во владении Болгарии, а позже – Византийской империи.

В 1459 г. Сербия была завоевана турками и вплоть до 1804 г. оставалась под властью Османской империи. Иностранное господство вызвало значительные передвижения сербского народа. Переселенцы направлялись (1) из Сербии в области к северу от рек Сава (Сава, *Sava*) и Дунай (Дунав, *Dunav*), (2) из Герцеговины в Западную Боснию и Хорватию. В результате этих перемещений расширились территории, на которых употреблялось (а) экавское произношение (т. н. *šumadijsko-vojvođanski dijalek/a/t*, диалект Шумадии и Воеводины) и (б) иекавское произношение (*hercegovački dijalek/a/t*, герцеговинский диалект).

С XV в. начали появляться первые летописи (*l/j/etopisi*). Около 1430 г. КОНСТАНТИН КОСТЕНЕЧСКИЙ, также называемый КОНСТАНТИНОМ ФИЛОСОФОМ (*KONSTANTIN FILOZOF*), написал первую светскую биографию, героем которой стал деспот СТЕФАН ЛАЗАРЕВИЧ (Житије деспота Стефана Лазаревића, *Žitije despota Stefana Lazarevića*).

В XVI и XVII вв. большая часть штокавских диалектов приняла свой сегодняшний облик. В восточных областях закрепилось экавское произношение, а в западных – иекавское.

В эпоху османского владычества были заимствованы многочисленные турецкие слова, напр., *sultān* 'султан', *hōdža* 'мулла', *kādija* 'судья',

zéjtin 'растительное масло', *màjmun* 'обезьяна', *bàkar* 'медь', *bàrjak* 'флаг', *kájsija* 'абрикос', *tàvan* 'чердак', *džàbē* 'бесплатно' и т. д.⁶

В 1804 г. в ходе Первого сербского восстания Сербия была частично освобождена от османского господства, однако в 1813 г. она снова была завоевана. Только в результате Второго сербского восстания в 1815–1817 гг. Сербия стала частично автономным княжеством. В 1867 г. князь МИХАИЛ ОБРЕНОВИЧ вынудил последние турецкие полки покинуть Сербию. В 1878 г. на Берлинском конгрессе Сербия получила полную независимость и в 1882 г. была провозглашена королевством.

В XVIII и в начале XIX вв. существовал так. наз. славяносербский язык (*slavenosrpski jezik*). Им пользовалось образованное население Воеводины и в остальных частях Габсбургской монархии.⁷ Это был смешанный язык, составленный из русскославянского⁸ с сербскими диалектными чертами и русскими элементами, взятыми из русского литературного языка. На этом языке печатались светские произведения. Но славяносербский язык был искусственным и отчасти непонятным. Поэтому он и был отвергнут ВУКОМ КАРАДЖИЧЕМ. Таким образом, Сербия в XVIII в. оказалась в ситуации диглоссии (двуязычия): в употреблении был сербский живой язык и славяносербский. Поскольку славяносербский/сербкославянский язык был понятен только узкому кругу образованных людей, сфера употребления живого сербского языка расширялась. Поэтому такому языку было уготовано исчезновение, пусть и за одним исключением: в сербской православной церкви он до сих пор (хотя и все меньше) используется как язык богослужения.⁹

⁶ Здесь и далее все примеры слов приводятся только в латинской графике.

⁷ Примерно с 1760 г. по 1850 г. сербское население Габсбургской монархии использовало этот особый язык (Kretschmer 2002).

⁸ О русскославянском языке у сербов в первой половине XIX в. см. Mladenović 1992.

⁹ Очень подробно литературный язык сербов в XVIII и в начале XIX в. представил Н. И. ТОЛСТОЙ (Tolstoj 1988: 239–344). Он особенно останавливается на следующих вопросах: периодизация литературного языка XVIII столетия, язык И. Рачанинского, Г. С. Венцловича, деятельность Захария Орфелина, Доситея Обрадовича и Йована Раича, русские школы у сербов, язык деловой и частной переписки, опыт нейтрализации делового церковного и гражданского языка, устная сфера функционирования литературного языка, язык проповедей и драмы, язык учебных книг и гражданских постановлений, исторический слог, прозаические переводы, язык журналистики, словари и пособия, язык дифирамбической «гражданской» поэзии, народность языка, язык переводных комедий, естественнонаучные и моралистические тексты и их языковые особенности, конкуренция,

Писатель, философ, педагог и просветитель ДОСИТЕЙ ОБРАДОВИЧ (1739–1811) выступал за использование народного языка в литературе.¹⁰ В своем произведении «Жизнь и приключения» (Живот и прикључењија, *Život i priključenjija*) он употреблял разновидность языка, приближенную к разговорному языку банатских горожан, но позже он снова стал сильнее склоняться в сторону славяносербского (Neweklowsky 1995–1998: 10).

Тогда же жил и еще один выдающийся деятель – САВА МРКАЛЬ (1783–1833), реформатор сербской кириллицы. Он хотел обосновать достоинства фонетического письма и написать работу об орфографии, о чем он рассказывал в своем произведении «Сало дебелога јера» («Salo debeloga jera», 1810) – Okuka 1975.

В XVIII в. в Сербии было три разных языка: церковнославянский, народный язык и славяносербский/сербскославянский (смесь церковнославянского с народным языком).¹¹ Эта тройственность была устранена реформой ВУКА КАРАДЖИЧА (1787–1864) в начале XIX в. Своими работами «Писменица» («Pismenica», «Грамматика», 1814) и «Српски рјечник» («Srpski rječnik», «Сербский словарь» 1818) он заложил основу нового литературного языка. В качестве базы для нормы Вук Караджич избрал на-

противопоставленность и нестабильность норм, становление «среднего» языка, расширение сферы функционирования народного языка. В другой работе Н. И. Толстой останавливается на вопросе, как сербы называли свой литературный язык в этот период (Tolstoj 1996). О некоторых аспектах истории сербохорватского/хорватосербского языка писал П. А. ДМИТРИЕВ (Dmitriev 1986).

¹⁰ «Д. Обрадович первый из сербских писателей теоретически обосновал важность и необходимость отказа в светской литературе и науке от церковнославянского и русского языков и введения в литературу языка народного» (Dmitriev/Safronov 1984: 17).

¹¹ «Вторая половина XVIII в. в сербских землях (и прежде всего в Воеводине, где в это время находился основной центр развития сербской культуры) характеризовалась одновременным функционированием в литературе нескольких языков: русско-славянского (церковнославянского языка русской редакции), русского (разновидности языка русской светской литературы XVIII в.) и народного (точнее – близкого к народному, главным образом, к воеводинским говорам). Границы между этими языками не были четкими, не было строгих норм, допускались ничем не регламентированные сочетания и смешения языков; в связи с этим в научной литературе их называют иногда типами языков. Не лишено оснований предположение, что для представителей сербской литературы того времени эти различные языки являлись вариантами или стилями одного литературного языка. Сферы употребления этих языков в большинстве случаев были закреплены за различными жанрами литературы» (Dmitriev/Safronov 1984: 13).

родный язык, а именно восточногерцеговинский, новоштокавско-иекавский диалект. Он провел реформу орфографии по принципу «Пиши так, как говоришь! Говори так, как написано!» «*Piši kao što govoriš! Govori kako je napisano!*» Основная орфографическая идея Вука гласила: «один звук = одна буква», «одна буква соответствует одному звуку» («*jedan glas – jedno slovo*»). В рамках реформы 1868 г. он отменил церковнославянские буквы и ввел несколько новых символов: **ј** (**j**), **љ** (лат. **lj**), **њ** (**nj**), **ђ** (**d**), **џ** (**dž**). Сперва реформа Вука вызвала большое сопротивление, особенно в рядах сербских церковных деятелей, и закрепилась только во 2-й половине XIX в.¹²

В 1850 г. сербские и хорватские филологи ВУК КАРАДЖИЧ и ДЖУРО ДАНИЧИЧ (с сербской стороны) и ИВАН КУКУЛЕВИЧ, ДИМИТРИЕ ДЕТЕТЕР и ИВАН МАЖУРАНИЧ (с хорватской стороны), а также ФРАНЬО МИКЛОШИЧ со словенской стороны подписали так называемое Венское литературное соглашение (*Bečki književni dogovor*). Они стремились к созданию

¹² «Основателем литературного языка, соответствовавшего новым условиям общественного и экономического развития, стал серб Вук Караджич (Стефанович) (1787–1864 гг.). Он предложил в качестве образца литературного слога фольклорные произведения сербов, черногорцев и хорватов, говорящих на штокавском диалекте (точнее, носителей так называемых новоштокавских говоров этого диалекта), и под лозунгом „общей правильности“ речи утвердил общие особенности новоштокавских говоров как основу норм литературного языка. Вук реформировал графику, ввел фонетический принцип правописания. В утверждении нового литературного языка огромную роль сыграли изданные им в 1818 г. „Сербский словарь“ и краткая грамматика» (Gudkov 1977: 260). В. П. Гудков указывает, на то, что установилась двойственная орфоэпическая норма, обусловленная неединообразной судьбой древнего гласного ѣ (ѣ), в говорах штокавского диалекта – экавское и иекавское произношение (*seno* и *sijeno*, *ded* и *djed*, *leto* и *ljet*) (Gudkov 1977: 261). П. А. ДМИТРИЕВ и Г. И. САФРОНОВ следующим образом оценивают реформу Вука С. Караджича: «Из возможных решений, связанных с созданием общего для всех говорящих на сербохорватском/хорватосербском языке литературного поливалентного языка, обслуживающего все области духовной и материальной культуры и повседневной государственной, общественной, деловой и производственной жизни, В. Караджич избрал для ситуации, сложившейся у сербов в конце XVIII – начале XIX вв., наиболее оптимальный путь – путь революционных преобразований, решительного разрыва со старой литературно-языковой традицией, со старым книжным языком и создания нового литературного языка, основанного на живой народно-разговорной речи большинства сербского населения – крестьянства. Этот путь настойчиво подсказывала сама жизнь» (Dmitriev/Safronov 1984: 27).

единой литературной нормы и хотели сделать ее основой штокавский диалект с иекавским произношением. Но текст не содержит названия для этого единого языка, в нем употребляются только выражения *južno narečje* 'южный диалект' или *naš zajednički jezik* 'наш общий язык'. Сербы обязались отказаться от славяносербского языка и пользоваться иекавским произношением штокавского диалекта, а хорваты согласились на существенно упрощенный штокавский язык. Было предложено унифицировать различные морфологические формы, напр., писать в род. мн. большинства существительных **-a**, употреблять **h** там, где это этимологически оправдано (*histōrija* 'история' вместо *istōrija*), использовать написание слогового **r** без эпентетического гласного (напр., *přst* 'палец' вместо *parst*).

Венское литературное соглашение

(перевод выполнен по тексту, опубликованному
в «Hrvatski književni list», № 13, июнь 1969)

Сознавая, что единому народу нужна единая литература, и поэтому с жалостью глядя на то, насколько разобщена наша литература не только из-за различия алфавитов, но и из-за различий в правописании, мы, нижеподписавшиеся, в эти дни встретились, чтобы поговорить о том, как нам прийти к единству и согласию в литературе, насколько это только возможно. Итак, мы

1. единогласно признали, что нельзя, смешивая наречия, создавать новое, несуществующее, а лучше из народных говоров выбрать один, который и станет литературным языком, а именно

- а) потому, что нельзя писать так, чтобы каждый мог читать на своем наречии;
- б) потому, что всякая такая смесь, будучи делом рук человеческих, была бы хуже любого из существующих диалектов, поскольку они творение божие, а также
- в) потому, что другие народы, например, немцы и итальянцы, не создавали из своих наречий новых, а выбрали один из народных говоров и пишут на нем книги.

2. Мы единогласно признали, что правильнее и лучше всего признать литературным южное наречие, а именно

- а) потому, что на нем говорит больше всего людей,
- б) потому, что оно ближе всех к старославянскому языку, а значит, и ко всем остальным славянским языкам,
- в) потому, что на нем сложены почти все народные песни,
- г) потому, что на нем написана вся древняя дубровницкая литература,
- д) потому что больше всего писателей и восточной, и западной веры уже так пишут, хотя и не все соблюдают все правила. Потому мы согласились, что там, где в этом наречии два слога, пишется **ije**, а там, где один слог, пишется **je** или **e** или **i**, как где потребуется, например, *bijelo* 'бело', *bjelina* 'белизна', *mreža* 'сеть', *donio* 'принес'. А чтобы всякому легче было узнать, где в этом диалекте два слога, а где один, и где писать **je**, где **e**, а где **i**, все мы попросили господина Вука Стефановича Караджича составить об этом правила, которые прилагаются.

Если кто-нибудь по какой-либо причине не захочет писать на этом наречии, то мы считаем, что для народа и для литературного единства было бы наиболее

полезно, чтобы он писал на том из двух других народных наречий, на каком хочет, но только пусть не смешивает их и не создает язык, которого в народе нет.

3. Мы сочли правильным и необходимым, чтобы и писатели восточной веры писали **h** всюду, где эта буква должна стоять по этимологии, как в старославянском языке, как уже пишут те, кто придерживается западной веры, и как говорит наш народ обоих вероисповеданий во многих местах в южных областях.

4. Мы все согласились, что не следует писать **h** на конце существительных в род. мн., потому что оно не оправдано ни этимологией, ни общим языком народа, ни другими современными славянскими языками. Мы понимали, что найдутся писатели, которые скажут, что это **h** надо писать для того, чтобы этот падеж отличался от остальных, или что в крайнем случае ради этого различия надо писать какой-нибудь другой знак вместо этого **h**.

Но, во-первых, потому, что у многих слов этот падеж имеет свою собственную форму, отличную от других (напр., *zemaľja* 'земель', *otaca* 'отцов', *lakata* 'локтей', *trgovaca* 'торговцев'), во-вторых, потому, что у нас есть и другие совпадающие падежи, которые мы не различаем, и такое часто случается и у других народов, мы все решили, что на этом месте не следует писать ни **h**, ни какой-либо другой знак, и только в случаях, когда по смыслу нельзя понять, что слово стоит в род. мн., следует указывать ударение (которое нам необходимо ставить и в остальных подобных случаях).

5. Мы все единогласно признали, что перед **r**, которое само образует слог, не пишется ни **a**, ни **e**, а должно писаться только **r** (напр., *prst* 'палец'), а именно

- а) потому, что так говорит народ,
- б) потому, что писатели восточной веры так пишут (кроме одного-двух),
- в) потому, что и чехи так пишут,
- г) потому, что многие славянские книги глаголическими буквами так написаны,
- д) потому, что доказано, что и в старославянском языке на этом месте не надо было писать еров ни рядом с **r**, ни рядом с **l**, потому что обе эти буквы в таких случаях были гласными, как и в санскрите.

Итак, обо всем этом мы договорились. Если, даст Бог, эти наши мысли будут приняты в народе, то мы уверены, что большие раздоры в нашей словесности будут устранены с дороги и мы приблизимся к настоящему единству.

Поэтому мы просим всех писателей, которые искренне желают своему народу счастья и прогресса, согласиться с этими нашими мыслями и писать свои произведения в соответствии с ними.

Вена, 28 марта 1850 г.

ИВАН КУКУЛЕВИЧ, собственноручно, д-р ДИМИТРИЕ ДЕМЕТЕР, собственноручно, И. МАЖУРАНИЧ, собственноручно, ВУК СТЕФ. КАРАДЖИЧ, собственноручно, ВИНКО ПАЦЕЛ, собственноручно, ФРАНЬО МИКЛОШИЧ, собственноручно, СТЕФАН ПЕЯКОВИЧ, собственноручно, ДЖ. ДАНИЧИЧ, собственноручно (Wiener Abkommen-www).

Перед Первой мировой войной (в 1913 г.) ЙОВАН СКЕРЛИЧ предлагал хорватам отказаться от своего (иекавского) литературного языка и принять сербскую (экавскую) норму, а сербам – заменить кириллицу латиницей во всех сферах, кроме церковной (Skerlić 1918). Он был убежден, что

рано или поздно «восточное произношение» станет общим сербскохорватским произношением и что спустя 30–50 лет латиница делается единственным общеупотребительным алфавитом (Skerlić 1918: 31–32).

В конституции Королевства сербов, хорватов и словенцев (Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca, SHS) 1921 г., а затем в конституции Югославии 1931 г. официальным языком государства объявлялся *srpskohrvatskoslovenački jezik* ‘сербскохорватскословенский язык’.

Важной датой является 10 декабря 1954 г., когда в Нови-Саде известные лингвисты, писатели и филологи Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Хорватии подписали так называемое Новисадское соглашение. В этом документе официально объявлялось, что сербохорватский язык имеет несколько центров. Важнейшим итогом Новисадского совещания стало новое единое правописание. Шесть лет спустя (в 1960 г.) был издан свод орфографических правил и тем самым объявлено о существовании сербохорватского/хорватосербского языка. В основе Новисадского соглашения лежало утверждение о языковой однородности разговорных и развившихся на их базе литературных языков сербов, хорватов и черногорцев. Сербохорватский (экавский) и хорватосербский (иекавский) признавались в договоре равноправными вариантами. Предлагалось сохранять оригинальные варианты текстов, а не подвергать их «вредному» и «своевольному» переводу. Текст соглашения гласит:

Нижеподписавшиеся участники встречи, организованной редакцией «Летописи Матицы сербской» в связи с окончанием опроса о сербохорватском языке и правописании, после всеобщей широкой дискуссии, состоявшейся в Нови-Саде 8, 9 и 10 декабря 1954 г., приняли следующую резолюцию: (1) Народный язык сербов, хорватов и черногорцев – это единый язык. Поэтому и литературный язык, развившийся на его базе вокруг двух главных центров (Белграда и Загреба), является единым языком, имеющим два произношения – иекавское и экавское. (2) В названии языка в официальных целях всегда следует употреблять обе составные части. (3) Обе системы письма (латиница и кириллица) являются равноправными. Поэтому следует настаивать на том, чтобы и сербы, и хорваты изучали оба письма, что будет достигнуто в первую очередь с помощью школьного образования. (4) Оба произношения (экавское и иекавское) также во всем являются равноправными. (5) Чтобы в полном объеме использовать лексическое богатство нашего языка и поспособствовать его правильному и полному развитию, необходимо разработать словарь современного сербохорватского языка. Поэтому следует приветствовать инициативу Матицы сербской, которая совместно с Матицей хорватской приступила к его разработке. (6) Вопрос о разработке общей терминологии также представляет собой проблему, нуждающуюся в безотлагательном разрешении. Необходимо разработать терминологию для всех сфер экономической и научной жизни, а также культурной жизни в целом. (7) Единый язык должен иметь единое правописание. Разработка такого правописания является важнейшей культурной и общественной потребностью. Проект свода орфографических правил будет разработан комиссией, состоящей из сербских и хорватских специалистов. (8) До окончательного принятия проект будет предложен для обсуждения союзам писателей, журналистов, работников образования и других общественных сфер. Следует решительно осудить создание искусственных препятст-

вий для естественного и нормального развития хорваткосербского литературного языка. Необходимо воспрепятствовать вредному появлению своеобразных «переводов» и с уважением относиться к оригинальным текстам писателей. (9) Состав комиссий по разработке орфографии и терминологии будет определен нашими тремя университетами (Белградским, Загребским и Сараевским), двумя Академиями наук (Загребской и Белградской), Матицей сербской в Нови-Саде и Матицей хорватской в Загребе. Для разработки терминологии необходимо вступить в сотрудничество с федеральными органами, отвечающими за законодательство и стандартизацию, а также с организациями и союзами специалистов в различных областях. (10) Эта резолюция будет передана Матицей сербской в Союзное исполнительное вече и в исполнительные веча Народной Республики Сербии, Народной Республики Хорватии, Народной Республики Боснии и Герцеговины и Народной Республики Черногории, в Белградский, в Загребский и в Сараевский университеты, в Академии наук в Загребе и в Белграде и в Матицу хорватскую, а также будет опубликована в газетах и журналах. Нови-Сад, 10 декабря 1954 г.

Подписавшиеся: ИВО АНДРИЧ, писатель, член Сербской академии наук (Белград), д-р АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ, профессор, президент Сербской академии наук (Белград), ЖИВОИН БОШКОВ, писатель, редактор «Летописи Матицы сербской» (Нови-Сад), МИРКО БОЖИЧ, писатель, председатель Союза писателей Хорватии (Загреб), д-р МИЛОШ ДЖУРИЧ, профессор (Белград), МАРИН ФРАНИЧЕВИЧ, писатель (Загреб), д-р КРЕШИМИР ГЕОРГИЕВИЧ, профессор (Белград), МИЛОШ ХАДЖИЧ, секретарь Матицы сербской (Белград), д-р ЙОСИП ХАММ, профессор (Загреб), д-р МАТЕ ХРАСТЕ, профессор (Загреб), д-р ЛЮДЕВИТ ЙОНКЕ, доцент (Загреб), – МАРИЯН ЮРКОВИЧ, писатель (Белград), – ЮРЕ КАШТЕЛАН, писатель (Загреб), – РАДОВАН ЛАЛИЧ, профессор (Белград), МЛАДЕН ЛЕСКОВАЦ, писатель, профессор (Нови-Сад), СВЕТИСЛАВ МАРИЧ, профессор, зам. председателя Матицы сербской (Нови-Сад), МАРКО МАРКОВИЧ, писатель (Сараево), ЖИВАН МИЛИСАВАЦ, писатель, редактор «Летописи Матицы сербской» (Нови-Сад), д-р МИЛОШ МОСКОВЛЕВИЧ, профессор, научный сотрудник Сербской академии наук (Белград), БОШКО ПЕТРОВИЧ, писатель, редактор «Летописи Матицы сербской» (Нови-Сад), ВЕЛЬКО ПЕТРОВИЧ, писатель, член Сербской академии наук, председатель Матицы сербской (Белград), ДЖУЗА РАДОВИЧ, писатель (Белград), д-р МИХАИЛО СТЕВАНОВИЧ, профессор (Белград), д-р ЙОВАН ВУКОВИЧ, профессор (Сараево) – Novi-Sader Abkommen-www.

Из-за того, что после 1990 г. возникли четыре независимых государства: (1) Босния и Герцеговина, (2) Хорватия, (3) Сербия и (4) Черногория (2006), – создалась новая общественно-политическая ситуация, которая привела также и к изменениям в языковой сфере. Так, государство Сербия и Черногория называло свой язык сербским (с применением понятия «сербскохорватский» в некоторых ситуациях). Закон об официальном употреблении языка и алфавитов в Сербии (1991) гласит: «В официальном употреблении используется сербскохорватский язык, который также называется сербским, если речь идет о выражении на сербском языке (как в екавской норме, так и в иекавской)» (Zakon 1991). В ныне действующей конституции Республики Сербии записано: «В Республике Сербии официально употребляется сербский язык и кириллица» (Ustav RS 2006: ст. 10).

13. Хорватский язык. Древнейшим литературным языком хорватов также был старославянский.¹³ Кроме этого языка, использовавшегося при богослужении, с IX в. начал формироваться литературный хорватский язык на основе чакавского диалекта. В Средние века в Хорватии употреблялись три алфавита: глаголица, кириллица (ранее называвшаяся также босанчицей) и латиница. Глаголица употреблялась в церковной сфере до начала XX в. С XIV в. резко увеличилась распространенность латинского алфавита, хотя и за одним исключением: на северном побережье глаголица удержалась в употреблении католического духовенства вплоть до XX в.¹⁴

Древнейшие документы были созданы на чакавском диалекте. К их числу относятся «Istarski Razvod» («Истрийское распределение», 1275) и «Vinodolski zakon» («Винодольский закон», 1288). Книга «Vatikanski hrvatski molitvenik» («Ватиканский хорватский молитвослов», Дубровник, 1400) – это старейший текст, полностью написанный на штокавском диалекте.

Самым знаменитым памятником хорватского языка, написанным глаголицей, является «Башчанская плита» (Bašćanska ploča, 1100 г.)¹⁵. Ее

¹³ «После евангелизации (которая была закончена более или менее в VIII и IX вв.) хорваты приняли латинский язык в качестве письменного и официального языка. Со временем латынь станет, как и в других католических странах Европы, одним из литературных языков хорватов, на котором они в период от средневековья до XIX века создадут значительное число литературных и научных произведений. Хорваты станут последним европейским народом, который откажется от использования латинского языка в качестве официального языка государства (1847 г.). Вместе с тем, хорваты в средние века пользуются еще одним литературным языком – староцерковнославянским. Наиболее древние сохранившиеся тексты, написанные этим языком, относятся к XI веку, однако, исторические источники свидетельствуют о том, что хорваты пользовались им еще в X веке, а вероятно, и в IX веке. На этом языке создавались тексты различного назначения, но чаще всего это были литургические тексты» (Šimunović 1980: 100).

¹⁴ «Церковнославянский язык у хорватов записывался глаголицей, и именно в хорватских текстах XI и XII веков можно наблюдать переход так называемой „круглой“ глаголицы в так называемую „угловатую“, на основе которой позже будет развиваться богатая и функционально разнообразная хорватская глаголическая традиция» (Šimunović 1980: 100–101).

¹⁵ Башка – населенный пункт на юге острова Крк. «Башчанская плита» написана переходным типом глаголицы и хорватским церковнославянским языком. «Этот текст [...] традиционно считается началом хорватской письменности, хотя существуют и более древние глаголические эпитафии („Пломинская надпись“, „Валунская плита“, „Крчкая надпись“), которые, однако, в текстовом отношении значительно беднее. Хорваты были единственным католическим народом в Ев-

текст повествует об основании капеллы хорватским королем ДМИТАРОМ ЗВОНИМИРОМ. Копия этого памятника находится в капелле Св. Луции, построенной в романском стиле. Первая книга на хорватском языке (написанный глаголицей миссал) была напечатана в Вене в 1483 г.

К XVIII в. возникли два региональных варианта хорватского языка: один – на севере Хорватии (на кайкавской основе), а другой – в Боснии (на штокавской основе). Литературный язык вначале развивался на базе кайкавского диалекта (с XVII в. до 30-х годов XIX в. на севере Хорватии вокруг Загреба).

В этот период появляется и первый словарь, принадлежащий перу ФАУСТА ВРАНЧИЧА («*Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum – Latinae, Italicae, Germanicae, Dalmati[c]ae et Ungaricae*», 1595), и грамматика БАРТОЛА КАШИЧА («*Institutionum linguae illyricae libri duo*», 1604). На базе иекавско-штокавского диалекта Дубровника создаются литературные произведения ИВАНА ГУНДУЛИЧА (1589–1638) и ЮЛИЕ ПАЛМОТИЧА (1607–1657).¹⁶

Поворотным периодом для хорватов, как и для сербов, стал XIX в. Под руководством ЛЮДЕВИТА ГАЯ (1809–1872) в 30-е и в 40-е гг. XIX в. возник так называемый иллиризм, объявивший штокавский диалект базой литературного языка. Представители этого движения опубликовали в 1835 г. «*Proglas*» («Воззвание»), где они выступили за единый для всех южных славян язык. Людевит Гай заложил основы хорватской орфографии и провел реформу латиницы по чешскому образцу. В 1830 г. в своей книге «*Kratka osnova horvatsko-slavenskog pravopisanja poleg mudroljubneh, narodneh i prigospodarneh temelov i zrokov*» («Краткие основы хорватско-

ропе, который с устного или молчаливого согласия папы римского получил право на использование своего языка и своего собственного письма для богослужения» (Šimunović 1980: 100).

¹⁶ «Начиная с XVII века проводились активные попытки создать единый письменный (литературный) язык для всех хорватов, выбрав для этой цели или штокавский диалект (как предлагал пользующийся чакавским диалектом БАРТОЛ КАШИЧ), или менее популярный вариант смешения трех диалектов (литературная группа „Озаль“). Однако, необходимо отметить тот факт, что между литературными языками, основанными на различных диалектах, уже в ранний период существовало постоянное и сильное взаимодействие, а потому можно говорить о литературном языке, созданном по моделям различных диалектов. Кроме северо-западной части гражданской Хорватии, где сохранился литературный язык на основе кайкавского диалекта, в регионах со штокавским и чакавским диалектами уже в XVIII веке преобладал письменный язык, образованный по модели новоштокавского диалекта» (Šimunović 1980: 103).

славянского правописания на философских, народных и экономических началах»; Gaj 1830/1983), написанной на кайкавском диалекте, он предложил ввести следующие буквы: **č, ž, š** (из чешского языка) для шипящих (*čak* 'даже', *nož* 'нож', *škola* 'школа'), **ľ, ň** для палатальных (*ľubav* 'любовь', *koň* 'конь'), **ď, ě** для рефлексов ятя (*město* 'место'), чтобы иметь единую графическую форму для различных вариантов произношения. Предлагалось также использовать **ć** (из польского языка) для мягкой аффрикаты (*noć* 'ночь'). На практике буквы **č, ž, š, ć** прижились, тогда как буква **ě** была отклонена. Вместо **ľ, ň** были введены диграфы **lj** и **nj**. В 1836 г. ВЕКОСЛАВ БАБУКИЧ издал «Основы славянской грамматики иллирийского наречия» («Osnova slovnice slavjanske narečja ilirskoga»). В 1850 г. было опубликовано «Правописание иллирийского языка» («Pravopis jezika ilirskoga») ЙОСИПА ПАРТАША, где употреблялись буквы **č, ć, dj, ě, ě, gj, lj, nj, š, tj, ž** (Partaš 1850/2002: 7).¹⁷

Кроме того, иллиризм предлагал всем южным славянам использовать единый литературный язык (на базе штокавского диалекта). ЛЮДЕВИТ ГАЙ основал газету с еженедельным литературным приложением «Danica» («Утренняя звезда»). В это же время началась и деятельность хорватского культурного общества «Матица иллирийская» (позднее – «Матица хорватская»).

Во второй половине XIX в. развивалась школа так называемых «хорватских вуковцев» (hrvatski vukovci), которые поддерживали орфографию, основанную на фонологическом принципе, и ориентацию на разговорные штокавские формы. Важнейшими представителями этого движения были грамматист ТОМИСЛАВ (ТОМО) МАРЕТИЧ и лексикограф ИВАН БРОЗ. Т. МАРЕТИЧ создал «Граматику хорватского, или сербского языка» («Gramatika hrvatskog ili srpskoga jezika», 1889), а перу И. БРОЗА принадлежит «Хорватское правописание» («Hrvatski pravopis», 1893).

В 1867 г. в Загребе была основана Югославская академия наук и искусств, которая в течение XIX–XX вв. издавала многотомный «Словарь хорватского, или сербского языка» («Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika»). Ру-

¹⁷ «Деятели хорватского национального движения 30–40 гг. XIX в. и их лидер Людевит Гай (1809–1872 гг.) видели в литературном языке эффективное оружие для достижения единства южнославянских народов в борьбе за свободу и национальный прогресс. Поскольку штокавский диалект распространен на большой территории и является общим достоянием сербов, черногорцев, мусульман и значительной части хорватов, Л. Гай и его сподвижники избирают вслед за Вуком Караджичем новоштокавские говоры как базу литературного языка» (Gudkov 1977: 260).

ководителем этого проекта был ДЖУРО ДАНИЧИЧ, сербский филолог, который занимал пост секретаря академии.

Что же касается отношения хорватов к Новисадскому соглашению (1954), то они явно пытались несколько дистанцироваться от него – прежде всего в вопросе о единстве сербскохорватского языка.¹⁸

В 1967 г. появилась так называемая «Декларация о положении хорватского языка» («Deklaracija o položaju hrvatskog jezika»), в которой отмечалось следующее: 1. В конституции должно быть четко и без колебаний закреплено равноправие четырех литературных языков: словенского, хорватского, сербского и македонского. 2. Должно гарантироваться использование хорватского языка в школе, в прессе, в общественно-политической жизни, на радио и на телевидении, когда дело касается хорватского населения, а служащие, преподаватели и чиновники обязаны вне зависимости от происхождения употреблять язык той среды, в которой протекает их деятельность (Deklaracija 2007: 27–28). На эту декларацию группа сербских интеллектуалов ответила документом «Предложение к размышлению» («Predlog za razmišljanje-www»).

Существование хорватского языка было официально объявлено в 1991 г. В конституции Республики Хорватии (Republika Hrvatska) можно найти следующую формулировку: «В Республике Хорватии в официальном употреблении находится хорватский язык и латинский алфавит [u službenoj uporabi]. В некоторых территориальных единицах кроме хорватского языка и латинского алфавита может официально использоваться другой язык и кириллический или же другой алфавит в соответствии с установленными законом условиями» (Ustav RH 2001).

Сегодняшняя хорватская языковая политика отличается ярко выраженным пуризмом, который имеет давнюю историю и рассматривается как одна из констант хорватского языка (Samardžija 2004: 197). В наши дни никакой другой славянский язык, насколько известно, не обладает настолько четкой ориентацией на пуризм. В хорватской языковой традиции живы пуристические элементы так называемого австрославянского типа, который раньше в особенности боролся с германизмами (Brozović 1998: 170), ныне сменившимися сербизмами и англицизмами (американизмами). В 90-е годы XX в. произошло резкое оживление пуристических тенденций, и только за последнее десятилетие прошлого столетия было издано двадцать справочников (так. наз. «jezični savjetnici») и так называемых словарей различий. Такая ситуация уникальна для славянского мира.

¹⁸ Текст этого соглашения приводится на стр. 31–33.

Что касается хорватских языковых норм, то в целом можно согласиться с утверждением, что соответствующие концепции еще не достигли полной зрелости, что все еще остаются неясности и спорные вопросы и что прежние результаты не являются полностью удовлетворительными.

Есть разные точки зрения в отношении хорватского литературного языка. Так, ИВО ШКАРИЧ (1994: 99–100) отмечает существование трех течений. Первое из них, которое он называет «криптоюгославским», рассматривает хорватскую норму как хорваткосербскую («югославскую») в ее «западном варианте». Для этого течения сохраняют актуальность идеи трех договоров: Венского соглашения (1850), договора СКЕРЛИЧА (речь идет об опросе, касающемся введения латиницы у сербов, который был проведен ЙОВАНОМ СКЕРЛИЧЕМ в 1912 г. в журнале «Srpski književni glasnik» – «Сербский литературный вестник») и Новисадского соглашения (1954). Второе направление, которое обладает наибольшим авторитетом, Иво Шкарич называет консервативным. Оно утверждает, что хорватский литературный язык достиг идеального развития еще до обретения Хорватией независимости, так что теперь надо просто позволить языку «спокойно» развиваться. В отличие от первого течения, которому близки термины «хорваткосербский язык» и «хорватский или сербский язык», второе направление признает только обозначение «хорватский литературный язык». Представители двух вышеназванных течений придерживаются мнения, что хорватский и сербский с лингвистической точки зрения – это один язык, но хорватский представляет собой отдельный литературный язык с политико-функциональной точки зрения. Третье течение, которое, по мнению Шкарича, недостаточно полно разработано в языковедческом отношении, демонстрирует наибольшую жизнеспособность. Оно является революционным и следует логике важнейших политических событий последних лет: «С его точки зрения нынешний хорватский языковой стандарт далек от естественного оптимума. Это течение называет хорватскую норму просто хорватским языком». На вопрос «Как должно протекать нормирование в будущем?» И. Шкарич отвечает: «Хорватский литературный язык несомненно должен пройти фазу коренного разрушения, чтобы он мог быть восстановлен» (там же).

По мнению ДАЛИБОРА БРОЗОВИЧА (1998: 164), то, что происходит в сегодняшней хорватской языковой практике и в языкознании, основывается на двух процессах: «Один из них – это спонтанная реакция на непопулярное языковое прошлое. В соответствии с этим процессом все, что в прошлом было явно или неявно навязано языку, должно быть устранено – все, что не соответствует хорватской языковой традиции и хорватскому языковому чутью. С другой стороны, мы наблюдаем сознательные усилия, направленные на то, чтобы очертить хорватский языковой стандарт и стабилизировать его в согласии с требованиями системы, уточнить и модернизировать нормы. Понятно, что оба процесса наталкиваются на противодействие, которое часто бывает довольно громким, но тем не менее

обладает лишь маргинальным значением и ничтожным влиянием в хорватском обществе и языкознании».

Современная хорватская языковая политика характеризуется процессами, явлениями и тенденциями, которые описаны ниже.

Что касается орфографических норм, то основные споры ведутся по поводу того, на каком принципе они должны базироваться: (а) на ныне действующем фонологическом принципе, который обладает более чем столетней традицией и основывается на правилах, сформулированных БРОЗОМ в 1892 г. или (б) на морфологическом (этимологическом) принципе, который действовал во время существования коллаборационистского Независимого Государства Хорватия (*Nezavisna Država Hrvatska*, NDH) с 1941 г. по 1945 г. Согласно высказываниям основных выразителей хорватской языковой политики, в этой области не должно произойти радикальных изменений, так что фонологическая орфография продолжит оставаться в силе.

В случае лексики пуристические тенденции особенно сильно затронули сербизмы и интернационализмы, а среди последних – в первую очередь англицизмы/англоамериканизмы. Исследования показывают, что сегодня, к примеру, *brzjav* употребляется чаще, чем *telegram* ‘телеграмма’, *dužnosnik* – чаще, чем *funkcionar* ‘должностное лицо’, *gospodarstvo* – чаще, чем *ekonomija* ‘экономика’, *ozračje* – чаще, чем *atmosfera* (в значении ‘настроение’), *povjerenstvo* – чаще, чем *komisija* ‘комиссия’, *sustav* – чаще, чем *sistem* ‘система’, а *uljudba* – чаще, чем *civilizacija* ‘цивилизация’ (Samardžija 1999: 228). Возродились старые и забытые слова, как, например, *glede* ‘касательно, в отношении’, *izvješće* ‘известие’, *nazočan* ‘присутствующий’, *nazočnost* ‘присутствие’, *tijek* ‘течение ход, протекание’. Одним из наиболее ярких явлений является возвращение традиционных хорватских терминов – например, в области права и государственного управления: *domovnica* ‘свидетельство о праве гражданства, удостоверение о гражданстве’, *skrbnik* ‘опекун’, *tvrtka* ‘фирма’ и т. п. Значительные изменения претерпела и военная лексика, прежде всего за счет активизации слов, возникших в XIX в.: *bojna* ‘воинское подразделение’, *bojnik* ‘солдат, также: командир воинского подразделения’, *časnik* ‘офицер’, *satnija* ‘бригада’, *satnik* ‘капитан’, *stožer* ‘штаб’, *vojarn(ica)* ‘казарма’.

В отношении лексики сильной поддержкой пользуется позиция БРОЗОВИЧА (1998: 167), в соответствии с которой из всякого литературного стандарта должны быть устранены нефункциональные дублиеты и большие группы равнозначных единиц. В этой связи особенно характерна борьба против синонимов. Некоторые даже рассматривают их как балласт, не понимая, что они представляют собой не только структурно-языковое, но и стилистическое и эстетическое явление. Даже если этот принцип и справедлив в отношении терминологии, приведение всей активной лексики к системе взаимно однозначных соответствий вида «1:1» – «одно

слово – одно значение» представляет собой значительное обеднение и разрушение языка. Тогда как для терминологии важна дизъюнкция «или – или», в нетерминологической лексике играет значительную роль конъюнкция «и – и». Некритичное и прямолинейное проведение в жизнь принципа «одно слово – одно значение» обладает очень существенной отрицательной стороной: оно вредит как раз той сфере, которая определяет богатство и разнообразие всякого языка, а именно синонимике.

В отношении грамматики радикальных идей и попыток вмешательства заметно меньше, поскольку грамматика представляет собой основу языковой системы и поэтому наименее подвержена идеологическому, политическому и вообще экстралингвистическому влиянию.

Если рассматривать нынешнюю языковую ситуацию в Хорватии с глобальной точки зрения, можно заключить, что в конце XX в. и в начале XXI в. имело место радикальное вмешательство в языковую норму и в ее проявления. Так как это процесс экстралингвистический, такое вмешательство рассматривается как внешнее и оценивается по-разному.¹⁹

С одной стороны, такое воздействие считается полностью оправданным, необходимым и ведущим к достижению важных целей, поскольку восстанавливается непрерывная хорватская традиция, а все, что проникло в хорватский язык извне, как инородное тело, удаляется. Эта позиция является основой официальной хорватской языковой политики и точку зрения ее ведущих представителей, прежде всего РАДОСЛАВА КАТИЧИЧА, ДАЛИБОРА БРОЗОВИЧА и СТЕПАНА БАБИЧА.

С другой стороны, многие видят в такой линии поведения ненужный экстремизм. Ее главным критиком является СНЕЖАНА КОРДИЧ (2004a: 255–256). Она исходит из того, что цель всякого вмешательства извне должна состоять в том, чтобы укреплять взаимопонимание на литературном языке и устранять трудности при общении говорящих из разных регионов. Но нынешняя языковая политика Хорватии, по ее мнению, направлена на создание новых трудностей при коммуникации, которых прежде не существовало. «Даже некоторые представители националистического направления признают, что язык был нормирован уже 100 лет назад, а сегодняшнее вмешательство ведет лишь к дестабилизации существующего литературного стандарта». В другой работе того же автора (Kordić 2004b: 222) можно найти весьма едкие оценки и характеристики, как, например, нижеследующий комментарий, касающийся СТЕПАНА БАБИЧА: «Нельзя поверить, что он выступает против предполагаемого [внешнего] языкового насилия над хорватами, поскольку он сам соверша-

¹⁹ Более подробно на эту тему см. Tošović 2008.

ет именно такое насилие, препятствуя хорватам говорить так, как они говорили всю свою жизнь». Далее она говорит о попытках навязать говорящим новую норму с помощью предписаний, контроля и цензуры.

14. Бошняцкий / боснийский язык. Это язык бошняков, которые проживают в основном в Боснии и Герцеговине и в Санджаке. Это южнославянский народ мусульманского вероисповедания, к которому принадлежит около четыре миллионов человек. Долгое время представители этого народа назывались боснийскими мусульманами или (сокращенно) мусульманами. Поскольку это название одновременно относилось к национальности и к религии, то закрепилось орфографическое различие: название представителя соответствующей народности писалось с заглавным **М** (*Musliman*), а название представителя соответствующей религии – со строчным **m** (*musliman*). Большинство бошняков проживают на территории Боснии и Герцеговины, меньшая часть – в Хорватии, в Сербии и в Черногории (прежде всего в сербском регионе Санджак), а также в других государствах. Кроме названия «бошняк» встречается также обозначение *Bosanac* (босниец), которое выражает принадлежность к Боснии и Герцеговине как к территории.

15. Мусульмане Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х годах приняли самоназвание *бошняки*, в 1992 г. объявили о существовании боснийского языка, но хорваты и особенно сербы выступили против этого, основываясь на том, что язык, который нормируется на мононациональной (бошняцкой) основе, должен получить название по национальному признаку (бошняцкий), а не по территориальному (*боснийский*). Сербы и хорваты Боснии и Герцеговины называют свой язык *сербским* и *хорватским* соответственно.

На протяжении своей истории бошняки пользовались различными алфавитами: латинским, кириллическим, так называемой босанчицей (особая разновидность кириллицы в Боснии и Герцеговине, а также в Далмации), беговицей (алфавит дворянства) и аребицей, или арабицей (алфавит, сильно приближенный к арабскому). Первым боснийским словарем стал боснийско-турецкий словарь МУХАМЕДА ХЕВАЙИ УСКУФИ (1631). В настоящее время существует три грамматики бошняцкого/боснийского языка (Jahić/Halilović/Palić 2000, Vajzović 1994, Čedić 2004),²⁰ свод орфо-

²⁰ Существует так называемая «Боснийская грамматика» („Bosanska gramatika“), которая может рассматриваться как инициированная БЕНЬЯМИНОМ КАЛЛАЕМ попытка Австро-Венгерской империи закрепить за Боснией и Герцеговиной отдельный язык исключительно по политическим причинам. «Новая власть хотела как можно быстрее разобраться с названиями языков. Когда в 1882–1903 гг. Боснией управлял Беньямин Каллай, национальная языковая поли-

графических правил (SENAHID HALILOVIĆ, *Pravopis bosanskoga jezika*, 1996) и три словаря (ALIJA ISAKOVIĆ, *Rječnik karakteristične leksike u bosanskome jeziku*, 1993; IBRAHIM ČEDIĆ /ред./, *Rječnik bosanskog jezika*, 2007; SENAHID HALILOVIĆ, ISMAIL PALIĆ, AMELA ŠENOVIĆ, *Rječnik bosanskoga jezika*, 2010). В качестве основы для нормирования служат западноштокавские иекавские формы, записываемые латинским алфавитом. Для бошняцкого/боснийского типичны заимствования из турецкого, арабского и персидского (ориентализмы, тюркизмы).

Что касается названий языков Боснии и Герцеговины, то, вероятно, была возможность найти единое и удовлетворяющее всех решение. Такой шанс предоставило бы различие боснийского и бошняцкого языка. Если бы бошняки выбрали термин «бошняцкий язык», то по крайней мере в теории сохранялась бы возможность, что в некоторых областях коммуникации для обозначения языка, на котором говорят все жители Боснии и Герцеговины, будет использоваться термин «боснийский язык». Хотя

тика приняла однозначное направление: настойчиво проводилась поддержка боснийского патриотизма, отдельности боснийской нации и наименования *боснийский*. Это идеологию надлежало проводить в жизнь и административными мерами. Поэтому в 1890 г. было официально закреплено понятие „боснийский язык“, а в Сараево была издана латиницей и кириллицей первая грамматика для межконфессиональных школ, которая придерживалась этой языковой политики: „Грамматика боснийского языка“ („Gramatika bosanskoga jezika“). Этот факт вызвал в обществе ярые споры. На одной стороне стояло правительство и мусульмане (они поддерживали название «боснийский»), а на другой – сербы и хорваты, которые выступали за обозначения «сербский» и «хорватский». Все встало на защиту своей национальной святыни. Грамматика была издана анонимно, поскольку её автор, хорват ФРАНЕ ВУЛЕТИЧ, в качестве протеста против насаждения понятия «боснийский» не пожелал быть названным по имени. Сербский журнал „Bosanska Vila“ отзывался о заглавии грамматики очень едко и иронично, а мусульманский журнал „Bošnjak“ – напротив, восторженно и уважительно. Там же обнаруживается тезис о том, что этот язык был подарен боснийцами другим народам: «Мы гордимся тем, что именно наш, отечественный язык был принят за основу литературного языка нашими соседями, сербами и хорватами». Саркастически говорится и о названиях *хорватский* и *сербский*. А обозначение *сербскохорватский* было для журнала „Bošnjak“ и вовсе брешом в глаз» (Okuka 1998: 54–55). Выражение *боснийский язык* встречается в этой книге только в названии (Gramatika bosanskog jezika 1890/1994). Грамматика лишена предисловия, и в ней нигде не говорится о том, что можно было бы понимать под обозначением «боснийский язык». См. подробнее о языковом вопросе в австро-венгерской политике в отношении Боснии и Герцеговины до Первой мировой войны в работе Juzbašić 1973.

боснийские официальные инстанции и утверждают, что боснийский язык открыт для всех народов Боснии и Герцеговины, кодификация этого языка носит ярко выраженный мононациональный характер. Поэтому можно сказать, что на уровне национального языка в Боснии и Герцеговине продолжает существовать асимметрия, хотя и несколько не такая, как в довоенные времена и в 90-е годы. До войны все три нации на территории бывшей Югославии использовали двойное название языка (сербохорватский/хорваткосербский), реже – одиночное (сербский, хорватский). Сербь и хорваты очень долго имели в названии своего языка название своей нации, тогда как у мусульман это было не так. После глубоких потрясений, национального возрождения и провозглашения нового названия («бошняки») самый многочисленный народ Боснии отказывается от национального названия языка (бошняцкий) и выбирает территориально или государственно обусловленное название языка (*bosanski jezik*), хотя оно оказывается неполноценным потому, что в нем не упоминается Герцеговина. Указание на то, что во времена Австро-Венгрии существовал боснийский язык, не является аргументом для того, чтобы принимать политическое решение о названии языка. Скорее, это доказательство существования языка, который только сейчас подвергается кодификации. Возникает вопрос о том, что бы произошло, если бы бошняки выбрали название «бошняцкий язык», а сербы и хорваты, не отказываясь от обозначений «сербский» и «хорватский», признали бы, что в некоторых ситуациях можно использовать выражение «боснийский язык», например, в научных целях и в тех бытовых ситуациях, когда нельзя обойтись без единого названия, свободного от споров в масштабе всей нации. В Боснии и Герцеговине очень много смешанных браков: случается, что муж – хорват, жена – бошнячка, а крестный отец – серб или наоборот и все при этом говорят на одном языке. Но в Боснии и Герцеговине не был использован шанс найти на языковом уровне такое решение проблемы, которое отвечало бы национальным интересам всех трех народов, заключающимся в существовании бошняцкого, хорватского и сербского языков. Такое решение одновременно дало бы возможность найти единое обозначение – пусть не немедленно, а, может быть, даже и в далеком будущем. Но теперь, очевидно, в сознании людей надолго закрепились такая ассоциативная связь: сербский язык – серб, хорватский язык – хорват, боснийский язык – бошняк (мусульманин).

Поскольку все три народа отказались от понятия «сербохорватский/хорватосербский язык», нет смысла на нем настаивать. Но в описании структуры сербского и хорватского языка так много общего, что обозначения «сербохорватский», «хорватосербский» и «сербский/хорватский» (или в обратном порядке) так и напрашиваются для использования в научных работах. Понятия «сербохорватский»/«хорватосербский» уже не могут обозначать язык сербов и хорватов, но время покажет, исчезнут ли они и в качестве научного термина для обозначения того, что харак-

терно если не для всех трех языков, то хотя бы для двух: сербского и хорватского.

Но прежде всего в научных целях остается насущная необходимость найти название, которое бы охватывало все то, что объединяет бошняцкий/боснийский, сербский и хорватский языки, не отрицая при этом существования никакого из них и не выдвигая никакого из них на передний план, или же следует разработать такое название. Во-первых, эта необходимость особенно ярко выступает при контрастивных исследованиях. Во-вторых, она проявляется и за рубежом, особенно в тех ситуациях, когда в одной аудитории оказываются представители всех трех наций, как это происходит в Институте славистики Университета Граца. В-третьих, она связана с существованием смешанных браков и прочих смешанных сред общения. Для таких случаев можно было бы найти выражение, которое обозначало бы не надъязык, охватывающий все три языка (то есть язык, который был бы одновременно надбошняцким, надсербским и надхорватским), а тип языков, имеющих много общих черт: ср., например, обозначения «балканские языки», «южнославянский» и т. п. Сербский, хорватский и боснийский нельзя называть «южнославянским языком», поскольку к этой группе принадлежат и словенский, македонский и болгарский, а эти языки обнаруживают существенные отличия на всех уровнях по сравнению с той компактной картиной, которую представляют собой сербский, хорватский и боснийский.²¹

16. Черногорский язык. В 2007 г. в Черногории был объявлен официальным еще один язык – черногорский (см. конституцию Черногории от 19 октября 2007 г.). До сих пор не существует грамматики, хотя существует индивидуальная попытка ВОЙИСЛАВА НИКЧЕВИЧА – автора «Черногорской грамматики» («Crnogorska gramatika», 2001), а также перевод-модификация хорватской грамматики Silić/Pranjković 2005 под названием «Грамматика черногорского языка» («Gramatika crnogorskog jezika», Ćirgić/Pranjković/Silić 2010). Пока отсутствует словарь этого языка. Шаг в этом направлении предпринял ТАКИ ЛАТКОВИЧ в своей работе «Priložak građi crnogorskoga rječnika: stara Crna Gora» («Приложение к ма-

²¹ Более подробно об этих вопросах см. Tošović 1999. О языковой ситуации в Боснии и Герцеговине до 1991 г. см. Bakić 1991, Baotić 1991, Jahić 1991, Janković 1991, Karadža 1991, Kovačec 1991, Okuka 1991, Oršolić 1991, Tošović 1991, Vukomanović 1991. Языковая ситуация в Боснии Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории рассматривается в Plotnikova 2003. О вкладе российской славистики в разработку важных проблем сербскохорватского языкознания XIX века см. Vulatova 1992.

териалам черногорского словаря: старая Черногория») – Latković 2004. Мнения черногорцев о названии их языка расходятся, что нашло свое проявление в итогах проведенной в 2003 г. переписи населения: 59,67% обозначили свой язык как сербский, а 21,53% – как черногорский. В последнее десятилетие активно обсуждался вопрос о том, представляют ли собой черногорцы отдельный народ или часть сербского народа. Жители Черногории придерживаются различных точек зрения: некоторые из них считают себя сербами, а другие – черногорцами, что отражается в результатах переписи 2003 г.: из 651 000 жителей этой республики 267 669 человек (43,16%) назвали себя черногорцами, а 198 414 человек (31,99%) – сербами.

Диалекты (Dijalekti)

17. У сербского, хорватского, бошняцкого/боснийского и черногорского языков много диалектов. Норма этих языков основывается на штокавском диалекте, который распространен на территории Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии и Черногории. Кроме этого, в Хорватии есть еще два диалекта: кайкавский и чакавский. Названия этих диалектов происходят от форм вопросительного местоимения *что?* – с.-х.-б.: *što?* = штокавский, *kaj?* = кайкавский, *ča?* = чакавский. На кайкавском диалекте говорят около Загреба (в области Загорье), в остальных частях северной Хорватии и в районе Карловаца и Сисака, а на чакавском – в Истрии, вдоль большей части далматинского побережья, почти на всех островах и к западу от Карловаца.

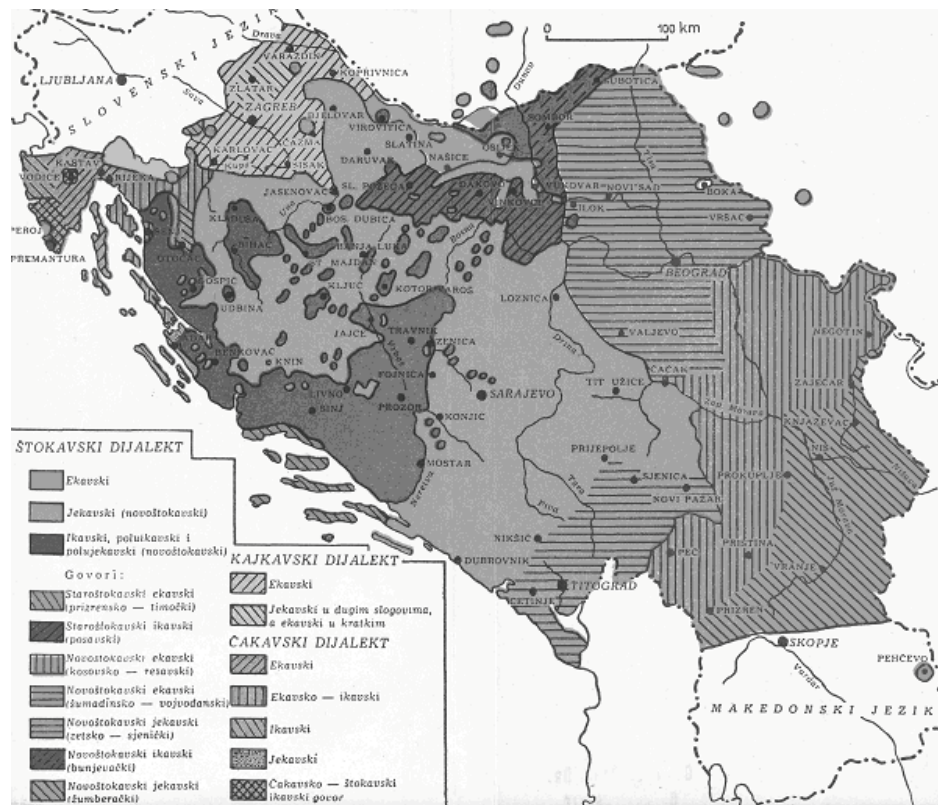

Рис. 1. Диалекты с.-х.-б. (Brabec/Hraste/Živković 1970)

18. Штокавский является самым крупным диалектом с.-х.-б. Он полностью покрывает собой территорию Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии, а также часть территории Хорватии. Для этого диалекта характерны следующие черты: 1. согласные **ć** и **đ** как рефлекс групп **tj**, **dj** (**t'**, **d'**): *sveť ja* > *sv(ij)eća* 'свеча', 2. группа согласных **cr** (*crn* 'черный', *crv* 'червь') вместо **čr**, 3. развитие носовых гласных **ǫ** > **u** и **ę** > **e**: *roka* > *ruka* 'рука', *męso* > *meso* 'мясо', 4. вокализация сонорного **l** на конце слога: *pisal* > *písao* 'писал', 5. новая йотация: *bratja* > *bràća* 'братья', 6. сочетание **vs** переходит в **sv**: *vse* > *svě* 'все'. Эти черты не обязательно проявляются во всех штокавских говорах, но тем не менее они носят преобладающий характер.

Внутри штокавского существуют две группы: новоштокавский и староштокавский. Они различаются ударением, которое в новоштокавском смещено на один слог к началу слова: напр., *ruka* 'рука', в то время как в староштокавском сохраняется прежнее ударение на конечном слоге: *ruká*.

19. К новоштокавской группе относятся диалекты с новоштокавской акцентуацией, имеющие семь падежей. Под новоштокавской акцентуацией подразумевается просодическая система с четырьмя типами акцента. Среди них выделяются нисходящие и восходящие, каждый из которых может быть как долгим, так и кратким. Новоштокавская акцентуация возникла в XV в. (вероятно, в Герцеговине), когда нисходящее ударение передвинулось на предшествующий слог и изменило интонацию (Srpskohrvatski leksikon 1972: 246).

20. В территориальном отношении штокавский диалект делится на 11 говоров: 1. восточногерцеговинские говоры (*istočnohercegovački*) – иекавские,²² 2. говоры Зеты и Южного Санджака (*zetsko-južnosandžački*) – иекавские, 3. восточнобоснийские говоры (*istočnobosanski*) – иекавские и шчакавские (*šćakavski*), 4. говоры Шумадии и Воеводины (*šumadijsko-vojvođanski*) – экавские, 5. говоры Смедерева и Вршаца (*smederevsko-vršački*) – экавские, 6. косовско-ресавские говоры (*kosovsko-resavski*) – экавские, 7. призренско-тимокские говоры (*prizrensko-timočki*)²³ – экав-

²² Здесь указываются преобладающие произносительные экавские и иекавские варианты.

²³ Эти говоры также называются торлакскими (*torlački*) или шопскими (*šopski*). Об их своеобразии пишет В. П. Гудков: «Особое место занимают в штокавском диалекте говоры юго-восточной Сербии, именуемые призренско-тимокскими или торлацкими. В них, как в болгарском и македонском языках, получили развитие так называемые „балканизмы“: именное склонение разрушено, появился постпозитивный артикль, утрачен инфинитив, вспомогательный глагол форм будущего времени стал неизменяемой частицей. Утратилось противопоставление

ские, 8. говоры Сврлига и Запланы (svrljiško-zaplanjski) – экавские, 9. тимокско-лужницкие говоры (timočko-lužnički) – экавские, 10. младшие икавские говоры (mlađi ikavski) и 11. славонские говоры (slavonski) – иекавские.²⁴

Основу нормы с.-х.-б. образуют восточногерцеговинские говоры, которые охватывают область, на юге начинающуюся в Дубровнике и проходящую мимо Сараева (хотя и не захватывая саму столицу Боснии) до боснийских и сербских регионов на севере, возле реки Дрина, а также северо-западную Черногорию.

21. К а й к а в с к и й диалект²⁵ имеет большое количество гласных, а именно: **а, е, ɛ** (открытое **е**), **ɐ** (закрытое **е**), **ě** (рефлекс ятя), **э** (редуцированный гласный, гласный неполного образования, «шва», из **ь, ъ**), **і, о, u, ɔ** (открытое **о**), **ɔ̣** (закрытое **о**), а также слоговые **ɾ** и **ɿ** (Lončarić 1996, 2002). «Старый ять и гласный неполного образования уподобились друг другу (с двумя праславянскими гласными неполного образования это произошло уже ранее): напр., наряду с *cvět* и *děca* мы находим *cvet, cvet, cvit, cveit, deca, decа* и т. д. Отдельный гласный на месте редуцированного гласного можно обнаружить в некоторых говорах Горского Котара и Плешивицкого Пригорья: *dənəs* ‘сегодня’. Гласный на месте «ятя» и редуцированного сегодня обычно представляет собой закрытое **е** (**ɐ**). Кроме того, в центральной части кайкавского диалекта слились старый носовой гласный заднего ряда **ɔ̣** и слоговое **ɿ**. Их общий рефлекс впоследствии совпал с **u** или с **o**, или же на их месте сохранился особый гласный типа **ọ** или дифтонг, содержащий **o** (*ruka, roka, rouka...*, *sudec, sodec...*; *vuk, vok, vouk...*, *suza, soza...*). **u-** и рефлекс **ɔ̣** в начале слова приобрели протетическое **v-**, напр., *vuho, vucit, vozek, vuzek* [...] В Горском Котаре гласный неполного образования сохранился как отдельная фонологическая единица, которая представляет собой шва, не совпавшее с ятем. В западных диалектах Меджимурья ять и редуцированный гласный, слившийся с **ɐ** из старого **е** и из носового гласного переднего ряда **ɛ**, также не совпали, равно как не совпали **ɔ̣** (отражающееся так же, как и **o**) и **ɿ** (отражающееся так же, как **u**). В Билогоре мы находим говоры типа *pakɛt*, это означает, что в ударной

долгих и кратких гласных, ударение лишилось тонической характеристики. Некоторые лингвисты отделяют торлацкие говоры от штокавского диалекта и рассматривают их как особый диалект» (Гудков 1977: 262).

²⁴ Важнейшие особенности этих говоров упоминаются в разных местах дальнейшего изложения.

²⁵ Этот диалект одним из первых подробно представил на русском языке А. М. ЛУКЪЯНЕНКО (Lukjanenko 1905).

позиции (и, соответственно, в лексических морфемах) редуцированный совпадает с **a**, а в безударной позиции (и, соответственно, в грамматических морфемах) – с ятем. Среди говоров Плешивицкого Пригорья есть диалекты типа *pekeɫ*, где гласный неполного образования совпадает с ятем в лексических морфемах, а с **a** – в грамматических» (Lončarić 2002: 258–259). Артикуляция кайкавских гласных зависит от их положения в слове (т. е. от ударения и количества гласного) – Ресо 1980: 171.

В кайкавском диалекте есть следующие согласные: **b**, **ts** (**c**), **tʃ** (**č**) **d**, **d'** (палатализованный зубной), **f**, **g**, **x** (**h**), **i** (**j**), **k**, **l**, **ɭ**, **m**, **n**, **ń**, **p**, **r**, **s**, **ʃ** (**š**), **t**, **t'** (палатализованный зубной), **v**, **w** (билабиальное **u**), **z**, **ʒ** (**ž**) – (Lončarić 2002). К числу фонетических особенностей кайкавского диалекта относятся палатальные. «Большинство кайкавских говоров имеют только две палатальные аффрикаты, которые произносятся как звуки, средние между штокавскими **č** и **č'**, **d** (**ž**) и **dž** (**ž'**), т. е. средние **č'** und **ž'**, более мягкие чем **č** и **ž** (обычно они обозначаются как **č'** с комбинированным надстрочным значком и **ž'**). В говорах Плешивицкого Пригорья и на нижней Сутле есть по две пары палатальных аффрикат» (Lončarić 2002: 259). В некоторых говорах есть фонема **ʒ** (**dz**), напр., *moʒek*, *bęʒga*. Плавный **l** часто смягчается перед **i**, реже – перед **e** и **ę** (*bof i*). Старое **l'** обычно утрачивает палатализацию (*zęmɫa*, *poɫę*). Что касается **-l** на конце слова, то можно утверждать следующее: «Обычно **-l** сохраняется как грамматическая морфема в конце слога (*imal*, *našęɫ*), но на северо-западе и в Горском Котаре оно перешло в **u** (**w**), которое в некоторых северо-западных диалектах развилось в **v** или даже в **f**, изредка оно может отпадать (*imaɯ*, *imav*, *imaf*, *ima*); **v**- в начале слова отпало перед **l** (*lasi*, *ladati*), иногда это происходит и с **v** из старого **və**- (*dověc*, *zęɫa*)» – Lončarić 2002: 260.

Согласные **n**, **t** и **d** реже бывают мягкими. В глаголах сохраняются сочетания **jt** и **jd** (*dojti*, *dojdem*).

Согласный **ń** иногда теряет палатализацию и переходит в **jn** или **ĵ** (носовое **j**), реже – в **j** (*kojna*, *koĵa*, *koja*). «В диалекте Горского Котара **-m** в конце слова в большинстве случаев дает **-n**, как в говорах Приморья (*mislin*)» – Lončarić 2002: 260.

М. ЛОНЧАРИЧ пишет, что согласный **x** всегда является велярным и сохраняется в северо-восточных говорах в начале слова и перед гласными. В других позициях он переходит в **j** (рядом с гласными, не относящимися к заднему ряду, напр., *orej*, *sneja*).

Согласный **v** либо утрачивается (рядом с остальными гласными, напр., *kruva*, *kru*), в конце слова в некоторых диалектах он переходит в **j** (*livadaj*). «Однако в кайкавском **-v** переходит в **-f** (*kraf* – *krava*, *lofca* – *lovęc*), в отличие от словенского перехода в **u**. Как и в словенском языке, старое палатальное **ř** превратилось в сочетание **rj**, но в меньшем числе категорий, главным образом перед гласными (*orjem*, *zorja*)» – Lončarić 2002: 260.

Более новые сочетания с **j** в большинстве своем не уподобляются старым (*listję, snopję, zelję*).

Что касается сочетаний согласных, то **ŕr-** (**ċr-**) обычно сохраняется (*ċrn, ċrf, ċrevo*), но на северо-востоке оно перешло в **tsr** (**cr**) – *crn, crf*: «Во многих говорах на месте **ċrę-** (< **ċer-*) находим «полногласие» *ċęęę* (*ċęęevo*, но *ċrn*)» – Lončarić 2002: 259.²⁶

²⁶ О перемещении плавных в начале слова в славянских языках писал МАЛИК И. Мулич: «В отличие от южнославянских языков, древнерусский, равно как и западнославянские языки, [...] перемещение плавных в начале слова осуществлял не одинаково, в зависимости от интонации слога: 1) под циркумфлексовой интонацией ***ort-**, ***olt-** давали **ro-**, **lo-**, ср.: чешск. *robota*, польск. *robić*, русск. *робѣть, робкий* и диалект. *робѣта*, арханг. и кал. *робить*; в.-луж. *róst*, польск. *wzrost*, рус. *рост*, польск. *łokieć*, чеш. *loket*, рус. *лѣкоть*; чеш. *lod*, польск. *łódź*, рус. *лодка*; 2) под акутовой интонацией – **ra-**, **la-**: чеш. *radlo*, польск. *radło*, русск. *рало*; польск. *łani, łapia*, рус. *лань*» (Mulić 1988: 22). Он отмечает, что в современном русском литературном языке существует ряд отступлений от указанных закономерностей, вызванных либо воздействием старославянского языка, либо аканьем – ср. современное произношение и написание: *работа, раб, расти, разум, разумѣть* (укр. *розумію*), *разбойник, рассказать* (ср. польск. *rozkaz*), но: *рѣссыпъ, рѣзыгрыш, рѣсчерк, рѣскошь* и т. п. (очень показательно сопоставление: *рѣспуск* – действие от глагола *распустити* и *распускатъ*; *рѣсказни* – *рассказывать*). «Отступление от закономерностей наблюдается и в южнославянских языках, в схр. *рѣб* (вместо ожидаемого *раб*), *рѣбиња, рѣпство, рѣбвати*, в болг. *роб, робѣня*, слов. *rob*. Ф. Ф. Фортунатов полагал, что южные славяне заимствовали это слово и его производные у западных или восточных славян. Такое объяснение не принимает С. Б. Бернштейн, считающий: „Южнославянское *роб* является народным словом“» (Mulić 1988: 22–23). Малик Мулич ссылается и на В. В. ИВАНОВА, который писал о том, что в языке предков южных славян, чехов и словаков, где слоговой плавный оказался кратким, слоговость плавного не удержалась, и он вновь отошел к предшествующему слогу, что в свою очередь вызвало перестановку артикуляции гласного и плавного: [**tort*] > [*trat*], [**tolt*] > [*tlat*], [**tert*] > [*tret*], [**telt*] > [*tlet*]. «Тут В. В. Иванов следует за А. М. Селищевым и С. Б. Бернштейном, а о долготе и краткости плавного в данных сочетаниях говорил и А. А. Шахматов. Нам кажется, что вопрос можно объяснить и проще, не вдаваясь в лишние гипотезы, которые трудно доказать. Ведь звуко сочетания ***ol**, ***el**, ***or** и ***er** по существу были дифтонгами и, следовательно, долгими. Когда же для устранения закрытости слога наступало перемещение плавных, этим самым утрачивалась и дифтонгическая природа бывшего сочетания, так как **o** и **e**, отдельно взятые, были краткими. Для сохранения бывшего количества слога, гласные из кратких становились долгими (**o** > **ā**, **e** > **ē**. Нечто подобное закону о сохранении массы! Древнее соотношение гласных **o** : **a** (***tort** : **trat**) и **e** : **ē** (***tert** : **trēt**) сохранились в *кольѣм* –

В северо-западных говорах предлог и приставка **v(-)** превратились в **x** (*xmriel*, *x sɛlo*). В некоторых говорах интервокальное **v** развилось в **x** (*so-xa*, *kro-xa*).

Звонкие согласные в конце слова на большей части кайкавской территории оглушаются (*grop*, *mras* – *groba*, *mraza*, но *med ními* и *z manom*).

Другие авторы подчеркивают следующие фонетические особенности кайкавского: частичное оглушение – *grad* [grad^l], протетическое **v** перед гласным – *vučitelj* ‘учитель’, палатальное **r**: *škarje* ‘ножницы’, группа согласных **ʃr (čr)** – *črep* ‘черепица’; группа согласных **tvr** переходит в **tr** – *trd* ‘твердый’ (Ресо 1980: 171).

В кайкавском есть три вида акцента: **1.** новый (долгий восходящий) акут (^ˊ), который возник в результате ослабления редуцированных или контракции. Это ударение особенно типично для форм женского рода причастий: *orāla* ‘пахала’, *brāla* ‘брала’, *lovīla* ‘ловила’, **2.** метатонический циркумфлекс ([˘]): *krāsti* ‘красть’ и **3.** краткий акцент (^ˋ): *brāt* ‘брат’ (Lončarić 1996: 39–66). Все эти акценты могут встречаться на любом слоге слова: *krāva* ‘корова’, *lopāta* ‘лопата’, *žēnā* ‘жена’. Кайкавской особенностью являются безударные долготы в предударных слогах (вне зависимости от долготы ударного слога), так называемая предударная долгота (prenaglasna duljina): *pītāti* ‘спрашивать’, *glāvā* ‘голова’. В заударных слогах долгота не встречается.

22. Ч а к а в с к и й сохранил архаичные фонетические и просодические особенности в большей степени, чем все другие диалекты с.-х.-б. К их числу относятся: сочетания согласных **ʃç (šć)** < **stj, skj** (*dvorišće* ‘двор’, *ščap* ‘палка’), **ʒj (žj)** < **zgj, zdj** (*možjani* ‘мозговой’), **ʃr (čr)**: *črn*, *črven* ‘шток’, *črn* ‘черный’, *črvēn* ‘красный’, **jd** и **jt** в середине слова (*dojti* – шток. *dóci* ‘прийти’), **j** на месте шток. **í (lj)**: *jut* – шток. *ljút* ‘злой, острый’, *judi* – шток. *ljúdi* ‘люди’, *jubav* – шток. *ljúbav* ‘любовь’, *poje* – шток. *pòlje* ‘поле’; согласный **l** в конце слова: *pakal* – шток. *pàkao* ‘ад, пекло’, *pepel* – шток. *pèpeo* ‘пепел’, *rekal* – шток. *rèkao* ‘сказал’; согласный **ʃ (č)** перед **k** и другими согласными переходит в **ʃ (š)**: *maška* – шток. *măčka* ‘кошка’, *kvoška* – шток. *kvôčka* ‘наседка’; согласный **ts (c)** перед некоторыми согласными переходит в **s**: *koskat se* вместо *kockat se* ‘играть в кости’; звук **m** почти регулярно произносится как **n** на конце слова: *iman* – шток. *imam* ‘я имею’, *dan* – шток. *dâm* ‘дам’, *ženon* – шток. *žènom* ‘женой’, *tobon* – шток. *tòbōm* ‘тобой’, *čovikon* – шток. *čòv(j)ekom/ čòv(j)ekom* ‘человеком’; в некоторых чакавских областях гласные дифтонгизировались: *groud* –

клайи, *мељем* – *мљейи* (*мљѣи*), *ѣр ó-сѣор* – *ѣр óсѣран*, *сѣер-ем* : *ѣр ó-сѣријейи*» (Mulić 1988: 23).

шток. *grâd* 'город' (Peco/Stanojčić 1972: 52). Кроме этого, есть еще несколько особенностей: «Типичные, почти что общечакавские особенности затрагивают прежде всего вокализм и консонантизм. Во-первых, характерно появление **a** вместо обычного **e** после палатальных **j**, **č**, **ž** (напр., *jazik* 'язык' и *zajik* в диалекте острова Хвар, *prijati* 'принять', *počati* 'начать', *žatva* 'жатва'), различные рефлексы ятя и спорадическое проявление редуцированных в слабой позиции (напр., *malin/melin* 'мельница', *pasa* 'пса, собаки'), а также возникновение вторичного слогового **ɾ** в словах типа *pr̩nesti* 'принести'. Важными явлениями в консонантизме являются отражение старого **t'** как **t'** или **ć** и отражение **d'** как **j** в свободной позиции и в последовательностях **št'** и **žj** (ср. *kuť a* 'дом', *šl̩ ipati* 'щипать', *noć* 'ночь'; *meja* 'межа, граница', *možjani* 'мозговой') и переход **dž** > **ž** (напр., *žep* 'карман', *svidožba* 'свидетельство'). Часто сохраняется **h**, а также группы фонем **čr** и **čɾ** (*črivo/črevo* 'кишка', *črn* 'черный'). Обычно для этого диалекта бывает характерно и велярное (велярно-палатальное) произношение **ć**. Как общую тенденцию, проявляющуюся в географически не связанных между собой областях, можно отметить преобразования сочетаний согласных (ср. *polkova/pojkova* < *potkova* 'подкова') и спирализацию первого звука в сочетании двух смычных (напр., *hl̩ i* < *kći* 'дочь') [...] Особенности северо-западных языковых областей (напр., Каставщины, Пазина, острова Цреса, Свети-Ивана, Бакара, Сеня) являются прежде всего фонетическими и просодическими. Ср., напр., *vas*, (*v*)*sega*... 'весь, всего', *ovion* 'этот/тот', *ki* (*ka*, *ko*) 'который' и *zele/zeli* (вместо *željja*) 'желание', а также акцентные особенности типа *čûje* 'слышит', *bogâti* 'богатый' [...] Особые формы языка характерны также и для островных диалектов. Важнейшим «инсуляризмом» является более закрытое произношение долгих гласных **a**, **o** и **e**, которое может сопровождаться дифтонгизацией (*gl̩aov̩a*, *gloav̩a* 'голова'). Кроме этого, островные говоры и говоры побережья имеют общие черты, которые иногда обозначаются как «адриатизмы» (более традиционный термин – «далматизмы»). К их числу наряду с сокращением долгого **ɾ** относятся в особенности переход **m** > **n** в конце слов и словоформ (напр., *sedan* 'семь', *vidin* 'вижу'), переход **ɭ** > **j** (*judi* 'люди', *poje* 'поле') и потеря смычки согласными **č** и **c** в положении перед смычными (ср. *maška* 'кошка', *osta* 'уксуса')» (Nehring 2002: 248).

МАЛИК МУЛИЧ указывает на то, что, некоторым чакавским говорам присуще фрикативное произношение фонемы **g** [ɣ], хотя взрывной ее характер наиболее устойчивым оказался именно в южнославянских языках (Mulić 1988: 37).

Если сравнивать штокавский и чакавский, можно найти некоторые пары слов с различающимися звуками, напр., **j** – **đ** (*meja* – *měđa* 'межа, граница'), **žj** – **žđ** (*možjani* – *mòžđani* 'мозговой'), **va** – **u** (*vazeti* – *ùzeti* 'взять'), **šč** – **št** (*dvorišće* – *dvòrištel dvòrište* 'двор'), **jt** – **ć** (*najti* – *nâći* 'найти'), **jd** – **đ** (*dojde* – *dòđe* 'придет'), **tj** – **ć** (*netjak* – *něćāk* 'племянник'), **dj** – **đ** (*sudje* – *súđe* 'посуда'). «Чакавский сохраняет старую трехакцентную

систему: краткое нисходящее ударение (˘), долгое нисходящее ударение (˘˘) и долгое восходящее ударение, или так называемый чакавский акут (˘˘˘): *měso* ‘мясо’, *repôr* ‘убежище’, *māzot* ‘мазать’, *pedesēt* ‘пятьдесят’. Часто сохраняется праславянское место ударения (*ženà* ‘жена’, *divôjka* ‘девочка’), а также безударная долгота, особенно в предударных слогах (напр., *rūkē* ‘рука’). Акценты в чакавском могут служить для дифференциации значений (ср. *krôj* ‘область’: *krôj* ‘король’). Они различаются в формах одного слова (напр., *nôgà* ‘нога’: род. ед. *nôgē*). Наблюдается постепенная потеря старых акцентов, особенно усилившаяся в настоящее время, и переход к четырехакцентной системе. В некоторых областях отсутствует акут, то есть имеется только два акцента» (Nehring 2002: 248). В этом диалекте сохранилось старое место ударения: *selò* ‘село’, *ženà* ‘жена’, *rūkà* ‘рука’, *pītāti* ‘спрашивать’, *desēti* ‘десятый’, и поэтому оказывается ближе к русскому и церковнославянскому. В чакавском есть также так называемый «кановский акцент» («kanovački akcen(a)t») ²⁷ – долгое восходящее ударение на месте краткого восходящего ударения, если последний слог слова краток (*žéna* ‘жена, женщина’, *séstra* ‘сестра’, *ótac* ‘отец’) – Ресо/Станојčić 1972: 52.

23. Ретрокорреляционал. Между славянскими диалектами возникали различия в глубокой древности, уже в дописьменный период: «Так, на месте праславянского сочетания **dj** находим, в штокавском аффрикату **h** (**đ**), а в чакавском и кайкавском – **j** (*međa* и *meja* ‘межа’), а сочетание **tj** замещено глухой аффрикатой, качество которой в трех диалектах различно. Существуют расхождения в судьбе носовых и редуцированных гласных, в акцентуации, в словоизменении. Кайкавский диалект имеет черты общности и сходства со словенским языком, с которым он территориально смежен» (Gudkov 1977: 262).

²⁷ В сербской области Шумадия есть диалект, именуемый кановским (kanovački govor), в котором краткое восходящее ударение на предпоследнем слоге двусложных и трехсложных слов превращается в долгое восходящее, если следующий слог не является долгим: *vòda* > *vóda* ‘вода’, *lepòta* > *lepóta* ‘красота’, *sèstra* > *séstra* ‘сестра’, *vìsok* > *vísok* ‘высокий’, *Milan* > *Mílan* ‘Милан (имя собственное)’. Название «кановский» («kanovački») происходит от слова *kanom* (*bato*) ‘будто (бы)’, которое часто употребляется, из-за чего и жителей этой области называют словом *kanovci*.

Корпус (Korpus)

24. Материал для данного исследования в основном брался из корпуса «Gralis». Корпус «Gralis» – это доступный в Интернете информационно-аналитический комплекс, предназначенный для накопления, обработки и изучения текстовой, звуковой и визуальной информации по славянским языкам.²⁸ Это многоязыковой, многомерный и многофункциональный набор текстов, аудио-, видео- и телезаписей, а также записей иного рода, которые были собраны и обработаны так, что они могут использоваться в лингвистических исследованиях, касающихся славянских языков.²⁹

Цель корпуса с.-х.-б. состоит в том, чтобы в рамках как можно более глубокого и всеохватывающего исследования изучить совпадения, сходства и различия между ними. Ввиду того, что это близкородственные языки, чьи взаимоотношения представляют собой почву для разнообразных спекуляций, создание такого корпуса должно привести к появлению репрезентативного и разнообразного источника для объективного анализа совпадающих, схожих и различающихся явлений в этих трех языках. Кроме этого, с помощью корпуса должен быть собран, подготовлен и изучен материал, необходимый для создания 1) комплексного коррелятивного словаря с.-х.-б., который будет доступен как в печатном виде, так и в Интернете, 2) коррелятивных грамматик с.-х.-б. и, наконец, 3) учебника с.-х.-б.

Гралис-Корпус с.-х.-б. должен на базе конкретного материала представить фонетико-фонологические, орфоэпические, грамматические и стилистические единицы с.-х.-б. на всех уровнях в естественном окружении.

25. Этот корпус состоит из двух частей: корпуса текстов и корпуса звучащей речи. Корпус текстов – это онлайн-овое собрание параллельных текстов на различных славянских языках. Часть корпуса «Gralis» составляет корпус звучащей речи. Это онлайн-овое собрание аудиоматериала, которое состоит из трех подкорпусов: пословного корпуса, фиксирован-

²⁸ Название «Gralis» произошло от названия одноименного славистического портала, открытого автором этой книги в Университете Граца 1 марта 2000 г. (<http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis>). Сокращение «Gralis» образовано от слов **G**razer **l**inguistische **S**lawistik 'Лингвистическая славистика в Граце' (более подробно см. Tošović 2010a).

²⁹ Описание корпуса «Gralis» является короткой выжимкой из специального издания «Gralis-Korpus» (Tošović 2008).

ного корпуса и свободного корпуса – и включает в себя три приложения: «Akzentarium», «Transkriptarium» и «Suprasegmentarium».

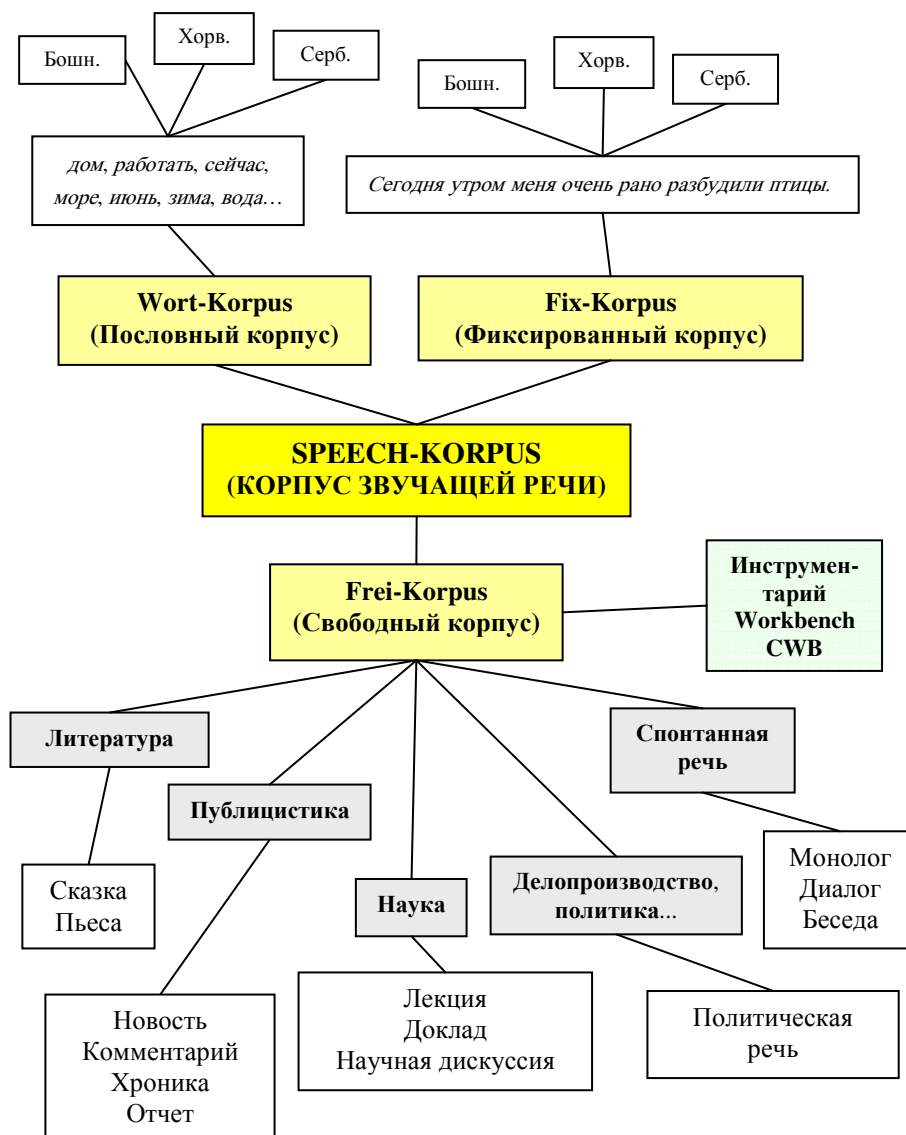

Рис. 2. Структура корпуса звучащей речи «Gralis»

26. Пословный корпус состоит из записей начитанных списков слов, а фиксированный корпус – это записи коротких текстов (часто записываемый текст «Jutro» содержит 18 предложений; Tošović 2006c).

27. Третий подкорпус в рамках корпуса звучащей речи «Gralis» – это свободный корпус, который служит для исследования спонтанной речи. Ввиду того, что образцы в таком корпусе непригодны для непосредст-

венного сравнения (каждое языковое высказывание является уникальным и не может иметь семантического эквивалента), записи должны быть выполнены в сходных ситуациях (напр., разговор на рынке или в ресторане и т. п.) или относиться к сходным жанрам (диалог, рассказ, дискуссия, возражение). Этот подкорпус развивается вне структуры корпуса звучащей речи, разрабатываемого на основе базы данных MySQL, и функционирует как часть корпуса текстов, в основе которого лежит корпусное программное обеспечение CWB. В настоящее время в свободном корпусе содержится только запись повествования одного человека (дяди автора), опубликованная в книге «Ujak» («Дядя»; Tošović 2003).

28. Особое значение для определения ударения имеет «Akzentarium», где, задав слово для поиска, можно получить информацию о его ударении в сербском, хорватском и бошняцком/боснийском языках, а также в сербскохорватском³⁰. В качестве источника информации для отдельных лексем используются словари с.-х.-б. С помощью «Акцентариума» в значительной мере облегчается поиск ударения, также обучение ему, поскольку появляется возможность одновременно увидеть нормативные решения, предлагаемые в словарях разных языков.

В рамках внесения ударений сперва происходит выбор слов с соответствующими просодическими свойствами, и при этом программа предлагает каноническое ударение (то, которое обозначено в словарях) как наиболее вероятный (в большинстве случаев) вариант акцентуации. Графическое представление соответствует классическим, принятым в орфоэпии символам.

«Akzentarium» дает возможность искать слова с определенными ударениями во всем корпусе звучащей речи, позволяя при этом осуществить выбор языка (с.-х.-б.) и конкретного источника. В нижней части экрана в этом случае приводятся все лексемы из корпуса звучащей речи, которые начинаются с соответствующих букв.

Кроме вышеописанного интерфейса для поиска была разработана еще одна рабочая поверхность, в середине которой находится окно для ввода интересующей пользователя лексемы.

«Akzentarium» включает в свой состав только материал из источников, для которых было получено письменное согласие обладателей авторских прав; информацию об источнике можно увидеть, щелкнув мышью по сокращению (напр., Matešić 1966).

³⁰ В случае, если информация извлечена из публикаций, появившихся еще во время существования сербохорватского языка.

Определенную лексему можно искать в рамках одного языка или в рамках одного источника, например, в книге «*Mali akcenatski rečnik srpskog jezika*» МИЛОРАДА ДЕШИЧА (2001).

Корпус звучащей речи «Gralis» позволяет акцентуировать аудиоматериалы. На основании аудитивного или спектрального анализа определяются ударения отдельных лексем. Непосредственно после акцентирования, выполненного на слух, данные передаются в «*Valorisarium*», где они подвергаются анализу специалистов. Если мнения трех экспертов в области акцентологии совпадают, то слово или, соответственно, полностью обработанный материал делается доступным для дальнейшего анализа. Следует отметить, что этот этап работы предполагает, что все его участники неоднократно прослушивают аудиоматериал.

Техническая работа, сопровождающая создание транскрипции, проводится так же, как и работа по определению ударения и интонации. В качестве первичного алфавита используется транскрипция «Gralis», которая используется и комментируется в данной книге. Эта система была специально разработана для нужд с.-х.-б. Впоследствии она может быть преобразована в такие имеющие международное хождение транскрипционные алфавиты, как SAMPA или IPA (МФА).

За подготовкой и обработкой записей следует анализ данных. Он осуществляется с помощью программы «Praat» и скрипта «Prosogramm», служащего для подробного и детального изучения интонации и ударения. Может исследоваться также и транскрипция.

Изучение акцентов, которое в случае с.-х.-б. представляет особенный интерес, может осуществляться с помощью скрипта «Prosogramm», базирующегося на основе программы «Praat». Этот скрипт, который позволяет также производить и исследования другого рода (например, касающиеся интонации синтагм и предложений), основывается на ряде специально рассчитанных параметров, чтобы приблизиться к восприятию, которое осуществляется человеческим ухом. Для акустического анализа аудиоматериала, содержащегося в корпусе звучащей речи «Gralis», необходимо сперва провести аннотирование данных в «Praat» и создать TextGrid с транскрипцией. Затем можно переходить к использованию «Prosogramm», для чего следует сохранить все предложения под одним и тем же именем с возрастающей нумерацией (напр., *abc001.wav* для аудиофайла и *abc001.TextGrid* для TextGrid с транскрипцией). После этого, задав каталог для обработки, можно получить графическое представление акустических параметров, рассчитанных с помощью «Prosogramm».

В процессе изучения собранного вышеуказанным способом материала, который представляет собой основную часть корпуса звучащей речи «Gralis», есть возможность получить биографическую информацию о каждом из информантов (которым при этом гарантируется анонимность). Благодаря гибкости корпуса в любое время есть возможность изменять и

удалять уже внесенные в него данные, причем это касается любого аудио-сегмента корпуса (как слов, так и предложений). Инструменты анализа аудиоматериала охватывают интонацию, транскрипцию и акцентуацию и значительно расширяются благодаря многочисленным возможностям программы «Praat» и скрипта «Prosogram».

29. Разработанная в Институте фонетических исследований Амстердамского университета программа «Praat» (в русском переводе: «говори») распространяется по лицензии «Open Source» и служит для акустического анализа аудиоматериала в формате wav. «Praat» (Praat-www) может использоваться в различных операционных системах (Windows, Linux и др.) и позволяет осуществлять широкий спектр фонетических исследований, затрагивающих интенсивность, интонацию, частоту, длительность, формантную структуру и другие параметры звука. Есть также инструменты для сегментации и фонетической транскрипции. Спектрограмма представляет собой спектрально-временное представление звука: по оси абсцисс откладывается частота, а по оси ординат – амплитуда. Тексты, сегментированные в корпусе звучащей речи «Gralis» до уровня слов или предложений, могут анализироваться на всех уровнях вплоть до фонемного.

Корпус звучащей речи «Gralis» имеет в своем распоряжении многочисленные источники записи, в том числе цифровые диктофоны с различными параметрами записи. Для того, чтобы записывать в цифровом формате теле- и радиопередачи, используются также спутниковые антенны (формат DVB-S) и Интернет. После записи собранный материал должен быть обработан, очищен и, наконец, подвергнут сегментации. В зависимости от целей работы устанавливаются различные требования и критерии качества. Например, для анализа звучащей речи необходим кодек (программа для цифрового кодирования/декодирования данных или сигналов), сжимающий информацию без потерь, тогда как для опубликования в Интернете требуется кодек с максимально возможным коэффициентом сжатия.

Часть II

Глава 5

Фонетика (Fonetika)

30. Фонетика – это научная (лингвистическо-естественнонаучная) дисциплина, которая изучает акустические (физические) и артикуляционные (физиологические) свойства звуков, не принимая во внимание особую (смыслоразличительную) функцию этих свойств. В противоположность фонологии фонетика не изучает функции звуков в языке. Предметом фонетики является звук языка, образование звуков и материальный анализ звуков языка (звуковых волн). Для таких исследований используются естественнонаучные измерения и методы описания. Фонетика анализирует конкретные артикуляционные, акустические и аудитивные свойства звуков. Если фонетика представляет собой ориентированное на естественнонаучные методы исследование звуков языка, то фонология является чисто лингвистической дисциплиной.

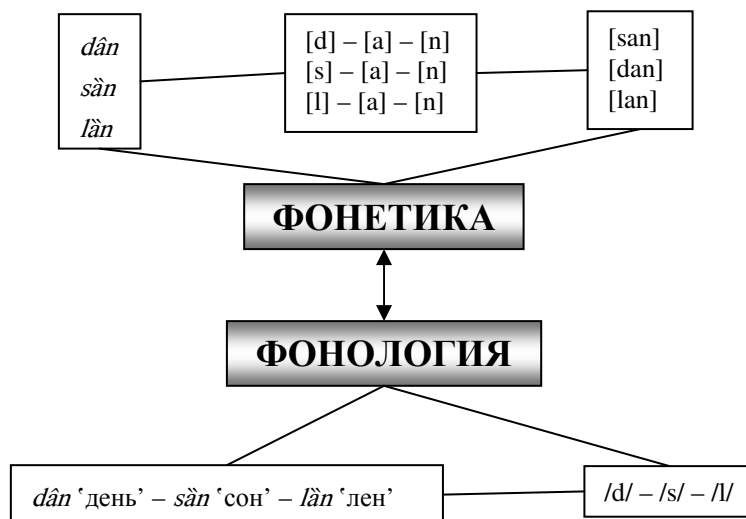

Рис. 3. Фонетика и фонология

С лингвистической точки зрения фонетика – это учение об образовании звуков. С естественнонаучной точки зрения это материальный анализ звуков речи с помощью естественнонаучных методов и приемов описания. Фонетика – это междисциплинарная область исследований, объединяющая в себе языкознание, акустику, анатомию и психологию.

Цель фонетики состоит в том, чтобы описывать и классифицировать звуки. Фонетика изучает три фазы языковой коммуникации: путь от мозга до губ говорящего, путь в воздушной среде и путь от уха до мозга слушающего.

31. Есть три раздела фонетики: артикуляционная, акустическая и аудитивная.

Артикуляционная фонетика (фонетика говорящего, или порождение речи; *artikulationa fonetika*) исследует физиологические аспекты звукопроизводства, описывает звуки с точки зрения их порождения и объясняет физиологические и артикуляторные процессы, происходящие при произнесении звуков говорящим. Она занимается анатомическими и физиологическими аспектами артикуляции. Если говорить более конкретно, то эта дисциплина анализирует (а) респирацию (функции дыхательного аппарата, органов дыхания, процесса дыхания, типов дыхания и т. п.), (b) фонацию (функции и анатомию гортани), (c) артикуляцию (функции органов артикуляции, артикуляцию согласных и гласных, коартикуляцию).

Акустическая фонетика (фонетика наблюдателя, акустика языка; *akustička, opservaciona fonetika*) описывает структуру акустических процессов, физические свойства звуков, физическую структуру звуковых волн как носителей звука (колебания воздуха между говорящим и слушающим, формы колебаний, длительность, частоту, интенсивность, акустику гласных и согласных) и исследует с помощью экспериментальных методов и технических (электронных) вспомогательных средств звуки как подлежащие физическому измерению объекты (звуковые волны) и процесс их производства при говорении.

Аудитивная фонетика (перцептивная фонетика, «фонетика уха», фонетика слушающего, восприятие речи; *perceptivna, auditivna fonetika*) исследует нейропсихологические процессы восприятия звуков языка (аудитивное восприятие звуков при слушании и их обработка в мозгу), прием звуков слушающим и их воздействие на него. Эта область фонетики тесно связана с такими дисциплинами, как физика, анатомия, психология и нейробиология. Она исследует обработку языковых сигналов с помощью слухового аппарата и мозга слушающего человека.

32. Принято различать общую и прикладную фонетику. Общая фонетика занимается порождением звуковых сигналов, их передачей и восприятием. Ее основными областями являются артикуляционная, акустическая и аудитивная фонетика. Прикладная фонетика анализирует практические

аспекты фонетического материала и подразумевает нормативную фонетику (правила звуковой системы языка как обязательная норма, орфоэпия; *normativna fonetika, ortoepija*).

33. Кроме того, различаются дескриптивная, диахроническая и синхронная фонетика (*deskriptivna, dijahronijska/dijakronijska, sinhronijska/sinkronijska fonetika*), судебная фонетика (применение фонетических знаний в криминалистике, в криминалистической технике, в судебной экспертизе и т. д.; *forenzijska fonetika*), экспериментальная фонетика (инструментальная фонетика, использование эмпирических, экспериментальных методов; *eksperimentalna fonetika*), педагогическая фонетика (освоение умения говорить и индивидуальное развитие речи; *pedaofonetika*), патофонетика или клиническая фонетика (нарушения языка, речи, голоса, дыхания и слуха; *patološka fonetika*), психологическая фонетика (восприятие собственной речи; *psihološka fonetika*), нейрофонетика (исследование того, как нервная система управляет процессом речи; *neurološka fonetika*), супraseгментная фонетика (описание отдельных звуков и их употребления в слоге и в слове, просодия; *suprasegmentarna fonetika*) и сравнительная фонетика (*komparativna fonetika*).

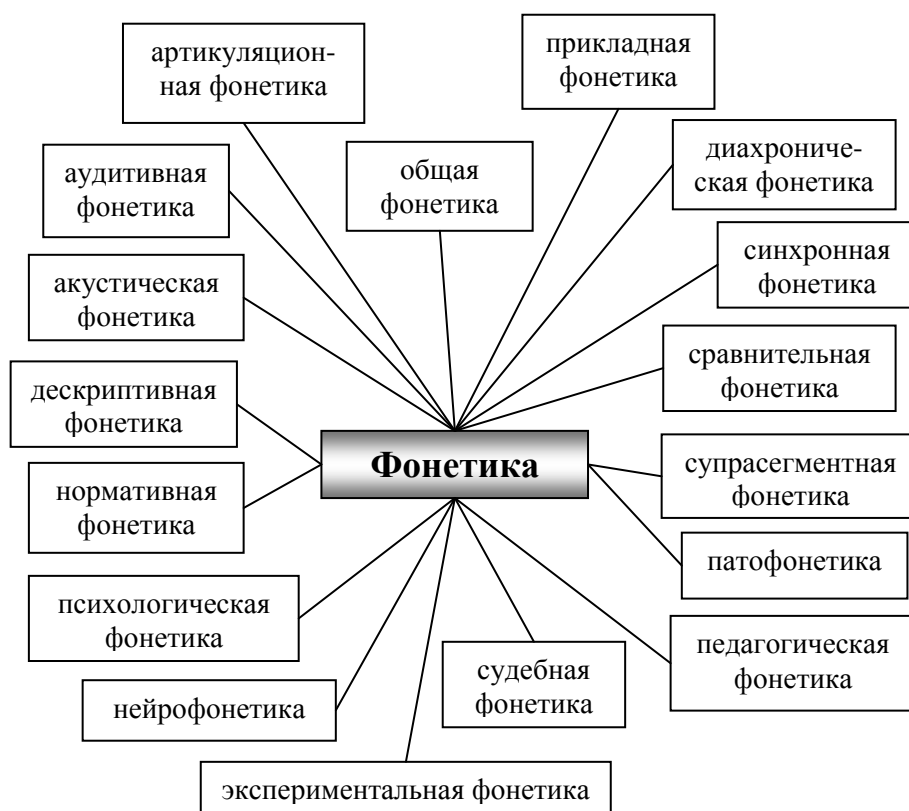

Рис. 4. Членение фонетики

Фонетика тесно связана с графикой (отношение между буквами и звуками/фонемами), орфографией, или правописанием (правила записи отдельных звуков и слов) и орфоэпией (разработка стандартов правильного, нормативного произношения).

Фонология (Fonologija)

34. Фонология (с.-х.-б.: fonologija)³¹ изучает звуки как составные части языковой системы, как единицы в системе языка. Она анализирует фонемы как минимальные смыслоразличительные элементы языков. Фонология рассматривает звуки не с материальной точки зрения, а с точки зрения их функционирования и взаимоотношений. Ее предметом являются смыслоразличающие звуки языка (фонемы), их дифференциальные признаки и корреляции.

Если фонетика занимается описанием звуков, то фонология исследует функции звуков. Фонетика – это учение о звуках языка, а фонология – учение об их функциях в языковой системе. Фонология – это чисто языковедческая дисциплина, тогда как фонетика – смешанная дисциплина. Фонология основывается на фонетике, поскольку фонология использует собранный фонетикой материал, чтобы дальше его только фонологически толковать и классифицировать. Таким образом, эти две области науки тесно связаны между собой, но имеют различные задачи: фонетика – исследование фонетических свойств звуков, а фонология – анализ их роли в коммуникации.

Предметами фонологии являются: 1. использование звуков в человеческом языке (как распределены звуки в языке, как язык использует звуки в коммуникативных целях, имеют ли звуки определенную смыслоразличительную функцию), 2. установление фонемного инвентаря отдельных языков, 3. разработка фонологических правил (правил дистрибуции), 4. анализ различительных признаков фонем/звуков.

Центральными понятиями фонология являются фонемы и фонологические признаки.

35. Корреляционная (коррелятивная) фонетика/фонология – это дисциплина, которая имеет две основные задачи: (1) описание фонетических и фонологических отношений и (2) образование и анализ фонетико-фонологических корреляций. Эта разновидность фонетики/фонологии должна объединять в себе коррелятивную лингвистику и коррелятивную

³¹ Эта дисциплина имеет также и другие названия: *функциональная фонетика*, *фонематика*, *фонемика* (funkcionalna fonetika, fonematika, fonemika).

грамматику, с одной стороны, и существующие фонетико-фонологические описания – с другой.

Корреляция – это одно из самых абстрактных и сложных понятий в науке. Оно настолько сложно, что высказывать окончательные суждения о его сущности либо очень трудно, либо вообще невозможно. Было бы ошибкой предполагать, что можно охватить глобальную систему корреляций с помощью проведения в системе таких дихотомий, как язык/речь, план выражения / план содержания, первое членение / второе членение, парадигматика / синтагматика, ось селекции/ось комбинации и т. п. Языковые отношения представляют собой бесконечный космос, который, как и Вселенную, нельзя свести к двум или трем измерениям.

В лингвистических исследованиях языковые отношения часто объясняются имплицитно и с другими намерениями: как проблемы, которые должны помочь решить другие проблемы. Лингвистика в значительной мере шаблонизирует языковые отношения, что затрудняет их исследование и сводит их к понятиям, чье терминологическое наполнение достаточно спорно, поскольку такие слова, как *отношение*, *корреляция*, *взаимоотношение* и *взаимодействие* во многих исследованиях употребляются не как научные термины, а как слова с общим значением.

На фонетико-фонологическом уровне есть две глобальные системы корреляций: корреляционал (все отношения) и категориал (совместимые отношения). В зависимости от того, идет ли речь о гомогенных или гетерогенных отношениях, различают интра-, интер- и экстракорреляционал. В то время как корреляционал не знает ограничений, касающихся типа отношений, категориал включает в себя только то, что совместимо в фонетико-фонологической системе языка.

36. Есть две макрокоррелятивные системы – интралингвистическая и интерлингвистическая, или монокорреляционал и мультикорреляционал. Первое – это система отношений внутри одного языка, а последнее – отношения между двумя или более языками.

37. В рамках мультикорреляционала различают пять корреляционных подсистем, которые обозначаются как интракорреляционал, интеркорреляционал, супракорреляционал, суперкорреляционал и экстракорреляционал.

И н т р а к о р р е л я ц и о н а л – это сеть отношений внутри одного языка (напр., в русском языке).

И н т е р к о р р е л я ц и о н а л возникает на основе взаимоотношений двух близкородственных языков, которые в высокой степени взаимопонятны (такими являются серб., хорв., бошн. и черног.). Интеркорреляционал – это сеть отношений между данным языком и как минимум одним другим языком. Это может быть двучленное отношение (сербско-хорватский, сербско-бошняцкий/боснийский и хорватско-бошняцкий/бос-

нийский интеркорреляционал) или трехчленное (включающее в себя все три языка). В обоих случаях встречаются разные виды взаимодействия. Первый из них образуют совпадения, сходства и различия, второй – гомогенность и гетерогенность, третий – транзитивность, рефлексивность, симметрия и т. п. Уже проводившиеся исследования в рамках этой подсистемы (Тошović 2008a) свидетельствуют о том, что процесс дивергенции после распада Югославии усилился, что привело к увеличению дистанции между с.-х.-б., и черног. Это направление развития особенно укреплялось и укрепляется радикальными пуристическими тенденциями в некоторых государствах, обострением определенных общественных процессов (рост национализма и шовинизма, вооруженные конфликты и т. п.) и психологическими факторами (напр., ненавистью к другим народам и государствам). Цель исследований на этом уровне состоит не только в том, чтобы обсуждать вопрос об отдаленности близкородственных языков в рамках каждого отдельного интеркорреляционала (**а**, **б** и **в**), но и в том, чтобы изучить расстояние между тремя вышеназванными группами (напр., больше ли расстояние между серб. и хорв., чем между болг. и мак. или чеш. и словацк.).

В рамках с у п р а к о р р е л я ц и о н а л а предметом исследований являются взаимоотношения двух территориально близких славянских литературных языков (восточно-, западно- и южнославянских). Славянский супракорреляционал состоит из (А) восточного – белор., рус., укр., (Б) западного – чеш., луж., польск., словацк. и (В) южного супракорреляционала – болг., бошн., мак., серб., словен., хорв., черног. Цель исследований в рамках супракорреляционала заключается в определении расстояния между языками, находящимися внутри этой системы взаимоотношений (А, Б, В; напр., близость/удаленность между луж., польск., словацк. и чеш.). В этом месте возникает вопрос о том, ближе ли друг другу языки внутри одного супракорреляционала, чем языки внутри другого супракорреляционала (напр., болг., мак. ↔ чеш., словацк.; чеш., польск. ↔ рус., укр.; белор., рус. ↔ мак., словен.).

С у п е р к о р р е л я ц и о н а л охватывает отношения между языками, которые принадлежат различным славянским ареалам (напр., восточнославянскому и южнославянскому, как в случае рус. ↔ болг.). В рамках суперкорреляционала находятся те славянские языки, которые принадлежат к разным подгруппам (или ареалам), а именно: 1. к восточно- и западнославянской: а) белор., рус., укр. и б) луж., польск., словацк., чеш.; 2. к восточно- и южнославянской: а) белор., рус., укр. и б) болг., бошн., макед., серб., словен., хорв., черног., а также 3. к западно- и южнославянской: а) чеш., луж., польск., словацк. и б) болг., бошн., макед., серб., словен., хорв., черног. Особенность исследований в рамках этой системы состоит в наличии вопроса о том, насколько интеркорреляционные изменения оказывают влияние на суперкорреляциональное расстояние. В этой связи кажется полезным проверить достоверность гипотезы о том, что

увеличение интеркорреляционной дистанции влияет на характер суперкорреляционной дистанции. Такое исследование даст возможность узнать, не ведут ли некоторые процессы в хорв., направленные на намеренное дистанцирование от серб. (т. е. к увеличению интеркорреляционной дистанции), к приближению хорв. к рус. (т. е. к уменьшению суперкорреляционной дистанции).

Э к с т р а к о р р е л я ц и о н а л – это система отношений между генетически неродственными или не близкородственными языками, например, это отношения между славянскими языками и немецким языком. Особое внимание в этом случае можно обращать на дистанцию между немецким языком и славянскими языками в рамках интеркорреляционала (напр., с.-х.-б., черн.), супракорреляционала (напр., чеш., луж., польск., словацк.) и суперкорреляционала (напр., словен. и укр., польск. и белор., мак. и чеш.). В частности, можно исследовать, какие славянские языки демонстрируют наименьшее и наибольшее удаление от немецкого. В этой связи можно проверить предположение о том, что непосредственный территориальный контакт (т. е. общая граница) влияет на уменьшение дистанции.

Кроме того, существует **р е т р о к о р р е л я ц и о н а л**, который представляет собой систему отношений между языком-предком (в нашем случае – праславянским и ныне существующими языками (современные славянские литературные языки), т. е. отношения различных периодов развития языка.

38. Интралингвистический корреляционал (монокорреляционал) охватывает структурные отношения в рамках одного языка и состоит из трех подсистем: интра-, интер- и экстракорреляционала.

Фонетико-фонологический интракорреляционал образуют отношения между единицами одного языка, принадлежащими к одной и той же подкатегории (напр., такие отношения между согласными, как $s \leftrightarrow \check{s}$, $t \leftrightarrow d$, или такие отношения между гласными, как $a \leftrightarrow e$, $o \leftrightarrow u$).

Фонетико-фонологический интеркорреляционал образуют единицы языка, которые принадлежат к разным подкатегориям одной и той же категории. На этом уровне особый интерес представляют отношения между гласными и согласными.

Фонетико-фонологический экстракорреляционал образуют единицы языка, которые относятся к различным гиперкатегориям. Таким образом, мы имеем дело с гипергетерогенным отношением: фонетико-фонологические единицы \leftrightarrow единицы, не являющиеся фонетико-фонологическими (морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические и т. п. единицы). Все морфонологические явления экстракорреляциональны.

39. Внутри фонологической системы славянских языков есть универсальные, специфические и эксклюзивные фонемы. Универсальными называются те фонемы, которые встречаются во всех славянских языках. Спе-

цифические фонемы присутствуют только в некоторых языках, тогда как эксклюзивные фонемы есть только в одном языке.

У н и в е р с а л ь н ы е славянские фонемы – это те фонемы, которые характерны для всех славянских языков. Это касается (а) других неславянских языков и (б) индоевропейских языков. Необходимо различать фонемы 1-го и 2-го ранга, обозначаемые как славянские универсальные экстрафонемы. К числу славянских универсальных экстрафонем 1-го ранга относятся те фонемы, которые встречаются и в других языках мира (напр., в славянских языках и в языках американских индейцев). Славянскими универсальными экстрафонемами 2-го ранга являются фонемы, встречающиеся в славянских и индоевропейских языках (к их числу относится большинство гласных и согласных). К числу универсальных славянских фонем относятся, по нашим данным, следующие 24 фонемы: 1) **a, o, e, i, u**, 2) **b, ts, ʦ, d, f, g, x, ʧ, k, l, m, n, p, r, s, ʃ, t, v** и **z**.

Эти фонемы встречаются во всех славянских языках. Некоторые из них могут иметь специфические особенности произношения, например, большую или меньшую степень твердости или мягкости, в особенности в случае **ʧ** и **ʃ**.

С п е ц и ф и ч е с к и е славянские фонемы характерны только для некоторых славянских языков. И эти фонемы можно рассматривать в их отношении (1) к прочим неславянским языкам и (2) к индоевропейским языкам, что вновь позволяет различать специфические славянские фонемы 1-го и 2-го ранга. Те славянские фонемы, которые встречаются и в других языках мира, обозначаются как славянские специфические интерфонемы. Они могут быть фонемами 1-го ранга (если они встречаются в некоторых славянских языках и в других языках мира, например, в африканских) и фонемами 2-го ранга (если они встречаются в некоторых славянских языках и в некоторых индоевропейских языках).

К специфическим славянским фонемам можно причислить мягкие согласные, напр., **b', d', f', g', k', l', m', n', p', r', s', t', v', z'** и **ʒ'**, которые встречаются в восточнославянских языках и частично в болгарском. Отдельные специфические фонемы существуют в двух-трех языках, напр., 1. **o, ɛ** в старославянском и в польском (в графике – **ѡ, ѣ**, т. е. **а, е**), 2. **у** (в графике – **ѹ, ѱ**) в старославянском, русском, белорусском и украинском.

Д л я э к с к л ю з и в н ы х славянских фонем (уникатов) характерно, что каждая из них присутствует только в одном славянском языке. Их эксклюзивность может носить внутренний и внешний характер. Внешняя эксклюзивность проявляется в том случае, если эксклюзивная славянская фонема являет собой уникат в отношении всех языков мира (1-й ранг) или в отношении других индоевропейских языков (2-й ранг).

Лишь небольшое число славянских языков имеет эксклюзивные фонемы. Ряд таких фонем можно найти в старославянском: **ѣ (ѣ)** – ять, **ѡ (ѡ)**,

ī (ь). Из живых языков эксклюзивные фонемы (уникаты) встречаются в чешском (ř).

40. Коррелятивная фонетика исходит из того, что в языке есть четыре доминанты: форма, значение, функция и категория – и что фонетико-фонологические феномены более или менее связаны с ними.

Взаимодействие фонетических и фонологических единиц может выступать как гомогенное или гетерогенное явление. Гомогенность имплицитно коррелирует корреляцию двух форм. Гетерогенность возникает в рамках двучленной корреляции (форма – значение, форма – функция, форма – категория), трехчленной корреляции (1. форма, значение и функция, 2. форма, значение и категория, 3. значение, функция и категория) или даже четырехчленной корреляции (форма, значение, функция и категория).

Отношения фонетических и фонологических единиц основаны на двух процессах: это притяжение и отталкивание. Эти процессы образуют три вида корреляций: потенциальную, реалистичную и нереалистичную. Потенциальные корреляции – это теоретически возможные отношения, тогда как реалистические корреляции – это те взаимоотношения, которые встречаются на практике. Нереалистичные корреляции – это невозможные сочетания. Все корреляции могут быть гомогенными (в рамках одной системы) и гетерогенными (в случае, если речь идет о единицах разных систем). Существуют также живые, мертвые и латентные корреляции. Живые корреляции – это отношения, которые активно действуют в системе (напр., отношения между гласными **о** – **е**), мертвые – это отношения, которые раньше были активными (напр., переход редуцированного **ъ** в гласный полного образования **а**), а латентные корреляции могут быть обнаружены только в результате анализа.

Доминантными категориями коррелятивной фонетики/фонологии являются корреляционал, категориал, коррелятивное притяжение и отталкивание, центростремительные и центробежные процессы (силы), коррелятивная сфера, потенциальные, реалистичные и нереалистичные отношения, первичные и вторичные корреляты и коррелятивная совместимость.

Категориал охватывает совместимые парадигматические и синтагматические отношения между двумя единицами или большим числом единиц, основывающиеся на законе притяжения.

41. Фонетико-фонологическая система с.-х.-б. обнаруживает неодинаковую степень изученности. Данная область является предметом обстоятельных работ в рамках исследовательских проектов и диссертаций. Кроме того, на эту тему также публикуются многочисленные статьи. Анализ имеющихся у нас 289 публикаций показывает, что фонетика и фонология занимают второе место в рамках лингвистики (на них приходится 17,5% публикаций: фонетика – 12%, фонология – 5,5%), непосредственно следуя за грамматикой (63%). Почти все работы относятся к сербскому и хорватскому языкознанию (95%: сербский – 51%, хорватский –

44%), тогда как число работ по бошняцкой/боснийской лингвистике минимально (5%). Публикации по фонетике преобладают по отношению к публикациям по фонологии (75% : 25%), причем в сербской лингвистике наблюдается больший разрыв между фонетикой и фонологией (82% : 18%), чем в хорватской (64% : 36%). По фонетике сербских публикаций больше, чем хорватских (40 : 27), тогда как в области фонологии дело обстоит противоположным образом (9 : 15). В сербском языкознании фонетика чаще всего рассматривается в рамках учебников по грамматике и словарей (20 изданий); далее следуют учебники фонетики (5), работы об иекавском произношении (3), о фонетике и орфографии (3), об исторической фонетике (2), о фоностилистике (2), о фонетике других языков (2) и, наконец, о деривационной фонетике (1). В хорватских публикациях фонетика тоже чаще всего описывается в учебниках по грамматике и в словарях (15); далее следуют труды по фоностилистике (6), фонетике и орфографии (3); фонетические журналы (1) и одна работа по фонетике других языков. Бошняцкие/боснийские публикации имеют следующую структуру: фонетика в учебниках по грамматике и в словарях (1), учебники по фонетике (1) и фоностилистика (1). Что касается фонологии, то в сербской науке обнаруживается 9 публикаций, которые распределяются так: учебники по фонологии (4), фонология в учебниках по грамматике и словарях (2), фонетика и фонология (1), фонология и орфография (1) и диалектная фонология (1). В хорватской науке имеется 15 публикаций, из них 9 учебников по фонологии, фонология в учебниках по грамматике и словарях (3), фонетика и фонология (1), генеративная фонология (1) и сравнительная фонология (1).

42. В противовес большому числу исследований по отдельным языкам, фонетико-фонологические различия между сербским, хорватским и бошняцким/боснийским языками изучены недостаточно. Тому есть несколько причин. Во-первых, следует отметить, что до недавнего времени сербский, хорватский и бошняцкий/боснийский язык рассматривались как один литературный язык (сербскохорватский/хорваткосербский), и проблема совпадений, сходств и различий была неактуальна и не представляла собой предмета исследования. Конечно, иногда различия упоминались. Такие исследования касались в основном различий между восточным (сербским) и западным (хорватским) вариантом. Находили отражение и две формы литературного языка, распространенные в Боснии и Герцеговине и в Черногории, которые, однако, обозначались не как варианты, а как «bosanskohercegovački i crnogorski standardnojezički izraz» («боснийско-герцеговинская и черногорская форма литературного языка»). После распада Югославии в рамках хорватского языкознания появился ряд публикаций на эту тему, но некоторые из них имели тенденциозный характер и пытались любой ценой подчеркнуть различия и представить их в наибольшей возможной мере.

43. Первая работа о фонетических различиях была создана Джуро Даничицем. Она носит заглавие «Razlike između srpskoga i hrvatskog jezika» («Различия между сербским и хорватским языком»). В ней автор упоминает три важнейших различия между сербским и хорватским языком³²: 1. «у сербов есть звук **đ**, а у хорватов нет, они вместо этого пишут **j**», 2. «у сербов есть звук **j**, а у хорватов нет, когда речь идет о слиянии, как в случае окончания **-ij**», 3. «сербы превращают звук **l** в конце слога в **o**, а хорваты нет». Джуро Даничич приходит к выводу, что «[...] эти три факта являются необходимыми и достаточными, чтобы надежно определить, написан ли какой-либо текст на сербском или на хорватском» (см. Milosavljević 2002: 302–303). Затем последовал долгий промежуток времени, отмеченный незначительным интересом к совпадениям, сходствам и различиям, и лишь после Первой мировой войны эта проблематика снова вышла на первый план, пока, наконец, она не достигла апогея в радикальной политике Независимого государства Хорватия.

44. ПЕТАР ГУБЕРИНА и КРУНО КРСТИЧ издали в 1940 г. совместную работу, к которой прилагался словарь «Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika» («Различия между хорватским и сербским литературным языком»). Одна из глав была посвящена фонетическим различиям. Авторы упоминают в общей сложности 28 различий: «1. Хорв. литературный язык: **-ije-**, **-je-**, **-i-**, серб. литературный язык: **-e-**: *mlijeko* – *mleko* ‘молоко’, *djeca* – *deca* ‘дети’, *bio* – *beo* ‘белый’. Хорватам экавица знакома лишь в диалектах, но и там она отличается от сербской как в отношении долготы, так и в отношении ударения и интонации. 2. Там, где хорватский язык имеет **h** в середине и в конце слова, в сербском литературном языке очень часто встречается **v**: *gluhoća* – *gluvoća* ‘глухота’, *duhan* – *duvan* ‘табак’, *gluh* – *gluv* ‘глухой’, *suh* – *suv* ‘сухой’. Это явление особенно интересно потому, что многие хорваты в своем диалекте употребляют звук **v** в середине и в конце слова, но хорватский литературный язык не знает форм с **v**, тогда как в сербском языке они регулярны и приняты. Тем самым, это явление, которое для хорватов в некоторых случаях является приметой разговорной речи и может использоваться хорватскими писателями в стилистических целях, воспринимается в сербском литературном языке как обычное и не несет особого значения. 3. Хорватский литературный язык во многих заимствованных именах собственных из греческого и древнееврейского имеет звук **b**, а сербский – **v**: *Babilon* – *Vavilon* ‘Вавилон’, *Baltazar* – *Valtazar* ‘Валтасар’, *Benjamin* – *Venjamin* ‘Вениамин’, *Abraham* – *Avraam* ‘Авраам’. 4. В хорватском литературном

³² Необходимо заметить, что Джуро Даничич под хорватским языком понимал чакавский диалект.

языке употребляется звук **t**, а в сербском – **ć**: *piletina* – *pilećina* ‘куриное мясо’, *samotovati* – *samoćovati* ‘жить в уединении’, *teletina* – *telećina* ‘телятина’, *proljetni* – *prolećni* ‘весенний’. Есть и противоположные случаи, например: *čistoća* – *čistota* ‘чистота’, *palača* – *palata* ‘палата’. 5. По-хорватски пишут **d**, а по-сербски **đ**: *redati* – *ređati* ‘расставлять’, *govedina* – *goveđina* ‘говядина’. Бывает и наоборот, а именно хорватское **đ** и сербское **d**: *luđak* – *ludak* ‘сумасшедший’, *luđakinja* – *ludakinja* ‘сумасшедшая’. 6. Хорватский имеет **c**, а сербский – **t**: *garancija* – *garantija* ‘гарантия’, *demokracija* – *demokratija* ‘демократия’, *diplomacija* – *diplomatija* ‘дипломатия’. 7. Хорватский демонстрирует **n**, а сербский – **nj**: *lijen* – *lenj* ‘ленивый’, *tuljan* – *tulanj* ‘тюлень’, *ljetni* – *letnji* ‘летний’. 8. Хорватский имеет **š**, а сербский – **ć** (**č**): *šutjeti* – *ćutati* ‘молчать’, *šutljiv* – *ćutljiv* ‘молчаливый’, *škiljiti* – *čkiljiti* ‘щурить глаза, щуриться’. 9. Хорватский имеет **h**, а сербский – **j**: *dihanje* – *dijanje* ‘дыхание’, *kihanje* – *kijanje* ‘чихание’. 10. Хорватский имеет **h**, а сербский – **k**: *drhtati* – *drktati* ‘дрожать’, *drhtanje* – *drktanje* ‘дрожание’. 11. Хорватский имеет **z**, а сербский – **s**: *filozofija* – *filosofija* ‘философия’, *Perzija* – *Persija* ‘Персия’, *konzul* – *konsul* ‘консул’. 12. Хорватский литературный язык имеет **c**, а сербский – **s**: *financije* – *finansije* ‘финансы’, *centimetar* – *santimetar* ‘сантиметр’, *decimetar* – *desimetar* ‘дециметр’. 13. Хорватский язык имеет **l**, а сербский – **lj**: *plosnat* – *pljosnat* ‘плоский’. 14. Хорватский язык имеет **lj**, а сербский – **j**: *sviraljka* – *svirajka* ‘свирель’. 15. Хорватский язык обнаруживает группу согласных **ć**, а сербский – **št**: *općina* – *opština* ‘община’, *svećenik* – *sveštenik* ‘священник’, *opći* – *opšti* ‘общий’. Но **št** есть также и в хорватском, а **ć** – также и в сербском. 16. В хорватском литературном языке есть ассимиляция на конце слога, а в сербском – нет: *obrana* – *odbrana* ‘защита’, *obraniti* – *odbraniti* ‘защищать’, *oklada* – *opklada* ‘спор’. 17. В середине и в конце слова в хорватском часто бывает **h**, когда в сербском его нет³³: *čahura* – *čaura* ‘оболочка’, *hrapav* – *rapav* ‘хриплый’, *hladan* – *ladan* ‘холодный’, *hren* – *ren* ‘хрен’, *hrskavica* – *rskavica* ‘хрящ’, *hrptenica* – *rptenica* ‘позвоночник’. 18. Хорватский имеет **k**, а сербский – **h**: *kirurg* – *hirurg* ‘хирург’, *kor* – *hor* ‘хор’, *kršćanin* – *hrišćanin* ‘христианин’, *kemija* – *hemija* ‘химия’. 19. В хорватском литературном языке есть **nj**, а в сербском нет: *grižnja* – *griža* ‘горе’. 20. В хорватском литературном языке, в отличие от сербского, нет **n**: *manšeta* – *manšetna* ‘манжета’, *moguće* – *mogućno* ‘возможно’, но есть и обратные случаи, когда в хорватском литературном языке есть **n**, а в сербском нет: *kratkovidnost* – *kratkovidost* ‘близорукость’,

³³ В оригинале: «U sredini i na kraju riječi hr. knjiž. jezik ima često **h**, a srpski nema. ‘В середине и на конце слова в хорватском часто бывает **h**, когда в сербском его нет’» (Guberina/Krstić 1940: 27).

maternica – *materica* ‘матка’. 21. В хорватском литературном языке есть *š*, а в сербском нет: *škropiti* – *kropiti* ‘кропить’, *škropionica* – *kropionica* ‘чаша со святой водой’. 22. Хорватский обнаруживает *l*, а сербский нет: *prijestolnica* – *prestonica* ‘столица’. 23. Хорватский литературный язык имеет *v*, а сербский – нет: *gruda* – *grudva* ‘груда’. 24. Хорватский литературный язык имеет в некоторых словах группу согласных *čv*, тогда как в сербском она в этих случаях отсутствует: *močvaran* – *močaran* ‘болотистый’, *čuvstvo* – *čustvo* ‘чувство’. 25. Хорватский литературный язык имеет *i*, а сербский – *e*: *bilješka* – *beleška* ‘заметка’, *grijanje* – *grejanje* ‘отопление’, *medicina* – *medecina* ‘медицина’, *koliba* – *koleba* ‘хижина’, *pionir* – *pioner* ‘пионер’. 26. Хорватский литературный язык имеет *e*, а сербский – *i*: *metropolita* – *mitropolita* ‘митрополит’, *getsemanski* – *getsimanski* ‘гефсиманский’. 27. Хорватский литературный язык имеет *u*, а сербский – *va*: *uš* – *vaš* ‘вошь’, *uzduh* – *vazduh* ‘воздух’, *uspostaviti* – *vaspostaviti* ‘восстановить’, *uskrsnuti* – *vaskrsnuti* ‘воскреснуть’. 28. Хорватский литературный язык имеет *a*, а сербский – *e*: *uzajamni* – *uzajemni* ‘взаимный’, *prijamni* – *prijemni* ‘приемный’, *jamčiti* – *jemčiti* ‘гарантировать» (Guberina/Krstić 1940: 26–27).³⁴ Ввиду этого авторы приходят к следующему заключению: «Вышеназванные звуковые различия образуют единое целое и ярко характеризуют хорватский литературный язык, причем не ввиду того, что отдельные звуки являются чертой только хорватского литературного языка, а потому, что они являются типичной чертой хорватского языка в целом. Например, группа согласных *št* встречается и в слове *pošten* ‘почтенный’, но эта группа согласных отличает сербское слово *sveštenik* ‘священник’ от хорватского *svećenik*. Хотя форма с *št* – более старая, этот исторический факт не влияет на наши ощущения от этих слов. С другой стороны, слово *kolebati* ‘колебать’ имеет, как и в сербском литературном языке, звук *e*, хотя по законам нашей фонетики это слово должно было бы звучать как *koljebati*. Но тем не менее мы не воспринимаем слово *kolebati* как экавское, потому что оно принадлежит нашему литературному языку, на основании которого развивалось наше языковое чутье. Не следует думать, что хорватский язык в звуковом отношении отличается от сербского, потому что сербский литературный язык будто бы имеет более развившуюся систему. Наоборот, в некоторых сербских словах мы находим отсутствие ассимиляции согласных в конце слога, тогда как в хорватском она присутствует. Это такие сербские слова, как *odbrana* ‘оборона’, *opklada* ‘заклад, пари, спор’, которым соответствуют хорватские *obrana*,

³⁴ Некоторые из вышеперечисленных примеров не соответствуют современному языковому состоянию и поэтому не будут привлекаться как надежный и достоверный аргумент при обсуждении различий между сербским и хорватским.

oklada, что означает, что фонетическое развитие у хорватских слов зашло дальше, чем у сербских. Все указывает на то, что историческая точка зрения не может быть решающей для сегодняшнего языка. Если же мы будем исследовать фонетические различия с точки зрения современного языка, то мы должны сравнивать звуки одного слова со звуками другого слова, если оба они имеют общий исконный пункт в своей истории, но разную форму в сегодняшнем языке» (Guberina/Krstić 1940: 27–28).

45. МАРИАН КРМПОТИЧ в написанной им главе «О glasovnim i rječotvorbenim razlikama» («О фонетических и словообразовательных различиях») находит прежде всего различия в употреблении экавицы и иекавицы и утверждает следующее: «Различие между хорватским и сербским можно заметить уже по коммуникативным преимуществам иекавицы» (Krmptić 2001: 136). В его работе мы находим, кроме уже упомянутых выше, следующие примеры: 1. **e/i** перед **o** (*ceo* – *cio* ‘целый’), 2. вставка гласного **a** в группе согласных (*nesalomljiv* – *neslomljiv* ‘неразрушимый’, *obaveza* – *obveza* ‘обязанность’), 3. церковнославянское **št** (*opšte* – *opće* ‘вообще’), 4. греческое **h** (*hlor* – *klor* ‘хлор’), 5. **b** в словах греческого и еврейского происхождения (*varvar* – *barbar* ‘варвар’), согласные **k/c** перед **e, i, y** в греческих словах, заимствованных через латинское посредство (*Kipar* – *Cipar* ‘Кипр’, *okean* – *ocean* ‘океан’), 6. **l** и **o** на конце слова (*sto* – *stol* ‘стол’, *go* – *gol* ‘голый’)³⁵, 6. **v** в сербских словах русского происхождения, «потому что в хорватский эти слова пришли из западославянских языков»³⁶ (*avgust* – *august* ‘август’, *evropeizacija* – *europaizacija* ‘европеизация’, *psevdo* – *pseudo* ‘псевдо-’), 7. в некоторых заимствованиях хорватский имеет **z**, а сербский **s** (*dezert* – *desert* ‘десерт’, *kozmos* – *kosmos* ‘космос’), 8. **r** в конце слова (*juče* – *jučer* ‘вчера’, *takođe* – *također* ‘также’), 9. **sa-** в сербском и **su-** в хорватском (*saradnik* – *suradnik* ‘сотрудник’), 10. «хорваты часто употребляют **ne-**, тогда как сербы используют предлог³⁷ **bez-** или **bes-**»³⁸ (*besanica* – *nesanica* ‘бессонница’, *besvestica* – *nesvjestica* ‘обморок’), 11. в композитах со значением равенства «хорваты употребляют прежде всего наречие **isto-**, а сербы – **jedno-** или **jednako-** (*jednakobrojan* – *istobrojan* ‘имеющий одинаковую численность’, *jednakosmjernan* –

³⁵ Следует заметить, что автор называет и неправильные формы: «Сербы превращают **l** в **o** не только в конце слога, но прежде всего и в окончании **-lac**; напр., *čitaos*, *čitaoca* (хорв. = *čitatelj*, *čitatelja*) ‘читатель’; – *rukovodioc*, *rukovodioca* ‘руководитель’ и т. д. [...]» (Krmptić 2001: 139).

³⁶ Krmptić 2001: 140.

³⁷ Автор не различает предлог и приставку.

³⁸ Krmptić 2001: 141

istosmjeren 'одинаково направленный', *jednorodan* – *istorodan* 'однородный', *jednoznačan* – *istoznačan* 'имеющий одинаковое значение')»,³⁹ 12. «использование инфикса **-o-** может привести к недоразумению в хорватском, потому что *šestgodišnji* и *šestogodišnji* 'шестилетний' в хорватском языке имеют разные значения [...] (сербское *šestogodišnji dečak* по-хорватски выглядит как *šestgodišnji dječak*, т. е. 'шестилетний мальчик', поскольку, естественно, не может существовать *dječak od šesto godina* '600-летний мальчик')»,⁴⁰ 13. в род. мн. некоторых хорватских существительных женского рода отсутствует вторая палатализация (*bajka* – *bajki* 'сказка', *biljka* – *biljki* 'растение', *majka* – *majki* 'мать', *noga* – *nogi* 'нога', *ruka* – *ruki* 'рука', *šaka* – *šaki* 'кулак'), 14. в группы согласных **-kt-**, **-nt-**, **-rt-**, **-pt-**, **-dt** в заимствованных существительных в хорватском, в отличие от сербского, обычно не вставляется беглое **-a-** (*agenat* – *agent* 'агент', *akcenat* – *akcent* 'ударение, акцент', *dijalekat* – *dijalekt* 'диалект', *koncepat* – *koncept* 'концепт', *momenat* – *moment* 'момент'), 15. греческое окончание **-tia** в хорватском выглядит как **-cija** (*demokratija* – *demokracija* 'демократия'), 16. латинские существительные на **-ium** получают в хорватском окончание **-j** (*kriterijum* – *kriterij* 'критерий', *teritorijum* – *teritorij* 'территория'), 17. в им. ед. существительных мужского рода в сербском используется **a** (*aktivista* – *aktivist* 'активист', *terorista* – *terorist* 'террорист') – Krmpotić 2001: 136–142.

46. Илия ПРОТУДЖЕР также обнаруживает ряд различий между сербским и хорватским. Например, в сербском используется гласный **a** в предлоге *ka*. «Этот предлог употребляется в хорватском в тех случаях, когда последующее слово начинается с согласных **k**, **g**, **h**, но даже и в этих случаях этот предлог выходит из употребления из-за своей сербской окраски. Поэтому мы говорим *Idem kući*, а не *Idem ka kući* 'Я иду домой', *Odlazi groblju*, а не *Odlazi ka groblju*. 'Он/она идет на кладбище'» (Protuder 2004⁴: 16). Поэтому мы не говорим *Idem ka sestri* 'Я иду к сестре', *Idem ka bratu* 'Я иду к брату', *Dodji ka meni* 'Иди ко мне'. В своей статье «Blagozvučno a» («Благозвучное a») СТЕПАН БАБИЧ высказывает мнение, что *srebren* – это сербская форма, а *srebrn* – хорватская, и приходит к выводу: «Важно, что мы должны стараться, что бы хорватский отличался от сербского настолько, насколько это возможно»,⁴¹ но при этом еще важнее не навредить структуре хорватского литературного языка» (Babić, Stjepan 1995: 38). Ему принадлежит

³⁹ Как видно, автор морфему **isto-** называет наречием (Krmpotić 2001: 142).

⁴⁰ Krmpotić 2001: 142.

⁴¹ Выделено автором (Б. Т.).

статья «Srebrena ulica u Zagrebu» («Серебряная улица в Загребе»), в которой он обращается к Мариану Крмпотичу: «Я не знаю, на основании каких соображений Крмпотич пришел к своему заключению. Есть проанализировать факты, можно установить, что всегда использовались обе формы, хотя *srebrn* и встречалось чаще. На новое употребление оказал влияние ДРАГУТИН БОРАНИЧ со своим правописанием, в котором он явно отдал предпочтение прилагательному *srebrn*» (Babić, Stjepan 1995: 147). СТЕПАН БАБИЧ утверждает, что нельзя сказать, что *srebrn* – это сербская форма, и что это противопоставление не имеет под собой достаточного основания. Он продолжает, что «на основании факта, что достаточно многие хорватские писатели и носители хорватского языка употребляют форму *srebrn*, мы должны согласиться со СЛАВКО ПАВЕШИЧЕМ и его соавторами, которые в своей книге «Jezični savjetnik» («Справочник по языку») утверждают, что допустимо говорить как *srebrn*, так и *srebrn*» (Babić, Stjepan 1995: 147).

47. Йосип Силич перечисляет следующие различия между с.-х.-б. (Silić 2008: 273):

PSJ	PBJ	PHJ	Перевод
<i>promaja</i> и <i>promaha</i>	<i>promaja</i> и <i>promaha</i>	<i>promaja</i> и <i>promaha</i>	сквозняк
<i>proja</i> и <i>proha</i>	<i>proja</i> и <i>proha</i>	<i>proja</i> и <i>proha</i>	просо
<i>aždaja</i> и <i>aždaha</i>	<i>aždaja</i> и <i>aždaha</i>	(только) <i>aždaja</i>	змея
<i>jendek</i> и <i>hendek</i>	<i>jendek</i> и <i>hendek</i>	(только) <i>jendek</i>	канавка
<i>muva</i> и <i>muha</i>	<i>muva</i> и <i>muha</i>	(только) <i>muha</i>	муха
<i>buva</i> и <i>buha</i>	<i>buva</i> и <i>buha</i>	(только) <i>buha</i>	блоха
<i>kuvati</i> и <i>kuhati</i>	<i>kuvati</i> и <i>kuhati</i>	(только) <i>kuhati</i>	готовить
<i>protuva</i> и <i>protuha</i>	<i>protuva</i> и <i>protuha</i>	(только) <i>protuha</i>	жулик
<i>đindūva</i> и <i>đindūha</i>	<i>đindūva</i> и <i>đindūha</i>	(только) <i>đindūha</i>	бусина
<i>uvo</i> и <i>uho</i>	<i>uvo</i> и <i>uho</i>	(только) <i>uho</i>	ухо
<i>suv</i> и <i>suh</i>	<i>suv</i> и <i>suh</i>	(только) <i>suh</i>	сухой
<i>gluv</i> и <i>gluh</i>	<i>gluv</i> и <i>gluh</i>	(только) <i>gluh</i>	глухой
<i>pastuv</i> и <i>pastuh</i>	<i>pastuv</i> и <i>pastuh</i>	(только) <i>pastuh</i>	пастух
<i>amajlija</i> и <i>hamajlija</i>	(только) <i>hamajlija</i>	(только) <i>hamajlija</i>	амулет
<i>ajvar</i> и <i>hajvar</i>	<i>ajvar</i> и <i>hajvar</i>	(только) <i>ajvar</i>	баклажанная икра
<i>hemija</i> и (хорв.-серб.) <i>kemija</i>	<i>hemija</i> и <i>kemija</i>	(только) <i>kemija</i>	химия
<i>hlor</i> и (хорв.-серб.) <i>klor</i>	<i>hlor</i> и <i>klor</i>	(только) <i>klor</i>	хлор
<i>hronika</i> и (хорв.-серб.) <i>kronika</i>	<i>hronika</i> и <i>kronika</i>	(только) <i>kronika</i>	хроника
<i>hirurg</i> и (хорв.-серб.) <i>kirurg</i>	<i>hirurg</i> и <i>kirurg</i>	(только) <i>kirurg</i>	хирург
<i>istorija</i> и (хорв.-серб.) <i>historija</i>	<i>istorija</i> и <i>historija</i>	(только) <i>historija</i>	история
<i>Vavilon</i> и (хорв.-серб.) <i>Babilon</i>	(только) <i>Babilon</i>	(только) <i>Babilon</i>	Вавилон
<i>Atina</i> и (хорв.-серб.) <i>Atena</i>	(только) <i>Atina</i>	(только) <i>Atena</i>	Афины
<i>okean</i> и (хорв.-серб.) <i>ocean</i>	<i>okean</i> и <i>ocean</i>	(только) <i>ocean</i>	океан

серб.) <i>ocean</i>			
<i>haos</i> и (хорв.-серб.) <i>haos</i> и <i>kaos</i>	(только) <i>kaos</i>		хаос
<i>kaos</i>			
<i>Kipar</i> и (хорв.-серб.) <i>Cipar</i>	(только) <i>Kipar</i>	(только) <i>Cipar</i>	Кипр
<i>evnuh</i> и (хорв.-серб.) <i>eunuh</i>	<i>evnuh</i> и <i>eunuh</i>	(только) <i>eunuh</i>	евнух
<i>ofanziva</i> и (хорв.-серб.) <i>ofenziva</i>	(только) <i>ofanziva</i>	(только) <i>ofenziva</i>	нападение

PSJ – сербское правописание (Pešikan et al. 1994), PBJ – боснийское правописание (Halilović 1996), PHJ – хорватское правописание; хорв.-серб. – «hrvatskosrpski» («хорватскосербский») – Anić/Silić 2001

Табл. 1: Важнейшие фонетические различия между серб., хорв. и бошн. правописаниями (Silić 2008: 273)

48. Три автора: ДАМИР ХОРГА, ВЕСНА ПОЖГАЙ ХАДЖИ и МАРКО ЛИКЕР – провели исследование, в рамках которого они создали фонетическое описание сегментного уровня хорватского языка и изучили способность говорящих на с.-х.-б. на слух различать нормы этих языков (Horga/Požgaj/Liker 2008). «В данной работе анализируется соотношение классической нормы и прикладной, имплицитной нормы, которая выражается в фонологическом представлении и акустической реализации фонемного состава хорватского языка. Известно, что под влиянием стилевого регистра, законов коартикуляции и различной степени взаимной ассимиляции и адаптации сегментов существуют различные реализации в произношении фонем. Возникает вопрос, есть ли на самом деле артикуляционные и акустические различия между бошн., хорв. и серб., которые могли бы составлять собой физическую характеристику каждого из этих языков и служить основой их перцептивной дифференциации» (Horga/Požgaj/Liker 2008: 199).

49. МИЛОШ ОКУКА занимался фонетико-фонологическими различиями между с.-х.-б. и нормализацией этих языков (Okuka 2008). По его мнению, фонетико-фонологические различия между с.-х.-б. стандартом существуют на двух уровнях: а) различия внутри системы, которые ведут к тому, что (общие) дублиеты (альтернации) по-разному употребляются и кодифицируются в соответствии с различными традициями нормирования и/или различным пониманием нормы (дизъюнктивным, конъюнктивным или комбинированным); б) различия социолингвистического характера (т. е. различия в языковой надстройке), которые являются следствием исторического развития отдельных норм и/или контакта с другими языками и культурами (прежде всего с областями, некогда принадлежавшими Византии, и Средиземноморьем). «Названные первыми различия (напр., *sjeol/sio*, *nisam/nijesam*, *sol/sol*, *muhal/muva*, *večel/večer*, *lakol/lahko* и т. д.) не имеют большого значения, потому что это факультативные варианты произношения в рамках естественных идиомов. Можно говорить о том,

что все три существующих нормы имеют общую фонетико-фонологическую систему (хотя в хорватскую норму и была введена „новая“ фонема, дифтонг *ie*, который, собственно говоря, не является фонемой). Особенно четко различия видны в случае с рефлексам *я*ть, но они не могут рассматриваться как противопоставление, поскольку сербский литературный стандарт имеет варианты, два из которых (западный и южный) – *иекавские*» (Okuka 2008: 265).

Окука утверждает, что такие различия, как *aristokratija/aristokracija*; *varvarin/barbarin*; *hemija/kemija*; *konsekvetno/konzekventno*; *afekat/afekt*; *uskrs/vaskrs* и т. д. имеют большее значение для идентичности отдельных норм и что именно в них и утверждается оппозиция между сербским и хорватским. «Бошняцкий стандарт в этом отношении не демонстрирует автономности. Все, что наличествует в бошняцкой надстройке и в ее реализации, может быть найдено и в сербском и/или в хорватском» (Okuka 2008: 265).

50. Для бошняцкого/боснийского языкознания представляет интерес статья НАИЛЫ ВАЛЕВАЦ, касающаяся фонетико-фонологических различий на территории Боснии и Герцеговины (Valjevac 2005). В этой работе она утверждает, что прозападная ориентация боснийской языковой нормы «уже закрепились психологически в боснийском языковом сознании и в рамках боснийской языковой идентичности» и что протесты в прессе против такой ориентации будут становиться все громче (Valjevac 2005: 66).

51. МАЙЯ МИДЖИЧ предприняла анализ фонетических различий в сербской, хорватской и боснийской версиях Дейтонского соглашения и пришла к следующему выводу: «В отношении гласных выясняется, что они более частотны в хорватском варианте, чем в боснийском и в сербском. В отношении согласных следует упомянуть, что из всех случаев употребления согласного **з** (**dž**) наибольшее число (62%) приходится на сербскую версию (в боснийской версии – 31%, в хорватской – 7%)» – Midžić 2008: 226.

Транскрипция (Transkripcija)

52. Для описания и исследования звуков/фонем и в особенности их различительных признаков существует система знаков, состоящая из обычных букв и из специально разработанных знаков, которая носит название «транскрипция» (фонетический алфавит, *transkripcija*). Это соответствующая звукам речи и особым установлениям передача звучащей речи с помощью специального фонетического алфавита. Транскрипцию можно рассматривать как письменную фиксацию (орфографическую запись) звуков/звучащей речи.

53. В структурном отношении различаются два типа транскрипции: фонетическая и фонематическая. **Фонетическая транскрипция** (*fonetska transkripcija*) – это система знаков для записи звуков или высказываний. В этой транскрипции применяются обычные буквы и специальные значки (диакритические знаки, *dijakritički znaci/znakovi*). В фонетической транскрипции единицы речи (звуки, сочетания звуков, слова, синтагмы, высказывания и т. д.) пишутся в квадратных скобках строчными буквами: напр., согласный **b** [b], группа согласных **stn** [stn], слово *kõnj* ‘конь’ [kõń], *nôž* ‘нож’ [nôž], синтагма *c̣ṛvenā jãbuka* ‘красное яблоко’ [cṛvenajabuka], высказывание *Dõbar dân* ‘Добрый день’ [dobardan] и т. д.

Фонематическая / фонологическая транскрипция (*fonematska/fonološka transkripcija*) – это система знаков, предназначенных для различения фонем. В этой транскрипции знаки ставятся в косые скобки: напр., **stn** /stn/, *kõnj* /kõń/, *nôž* /nôž/.

Знаки, используемые в транскрипции, называются транскрибемами.

54. Есть два вида транскрипции – международная и национальная.

Международная транскрипция была разработана Международной фонетической ассоциацией («International Phonetic Association», IPA) для всех языков мира (транскрипция МФА, Международный фонетический алфавит). Эта система транскрипции включает в себя около 50 основных знаков на основе латинских строчных букв и многочисленные диакритические знаки. Различают широкую и узкую международную транскрипцию (первая менее, а вторая более дифференцирована).

Немецкая транскрипция в международной системе выглядит следующим образом:

Гласные			
Описание	Пример	Транскр.	
Гласный а			
а нем. a	<i>kalt</i>	[kalt]	
ɑ «глубокое» a (a , образуемое при более заднем положении языка во рту)	англ. <i>car</i>	[kɑ:]	
ɐ ослабленное a ; произношение нем. er в конце слога	<i>Bauer</i>	['bauɐ]	
ɒ глубокое лабиализованное a , образуемое при более заднем положении языка	<i>Pott</i>	[pɒt]	
æ открытое a (образованное с широко открытым ртом)	<i>hätte</i>	[hætə]	
ɑ̃ назализованное a , образуемое глубоко во рту, между /a/ и /ɔ/	во франц. заимствованиях, напр., <i>Orange</i> , <i>Chanson</i>	[orɑ̃]	
Гласный е			
е закрытое e	<i>Beet</i>	[be:t]	
ə безударное e , шва	<i>Falle</i>	['falə]	
ɛ открытое e	<i>kess</i>	[kɛs]	
ɛ̃ передний назализованный гласный	франц. <i>main</i> 'рука'	[mɛ̃]	
Гласный и			
и нем. i	<i>Miete</i>	['mi:tə]	
ɪ «глубокое» i (i , образуемое при более заднем положении языка во рту)	<i>Mitte</i>	['mitə]	
Гласный о			
о закрытое o	<i>Boot</i>	[bo:t]	
ɔ открытое o	<i>toll</i>	[tɔl]	
ø немецкое закрытое ö	<i>Bö</i>	[bø:]	
œ немецкое открытое ö	<i>Hölle</i>	['hœlə]	
ɔ̃ звук, встречающийся в нем. во франц. заимствованиях, напр., <i>Balkon</i> , <i>Chanson</i>	<i>Balkon</i> , <i>Chanson</i>	[balkɔ̃]	
Гласный u			
u нем. u	<i>Stuhl</i>	[ʃtu:l]	
ʊ гласный, средний между нем. u и ü	англ. <i>hoof</i> (<i>Huf</i>)	[hʊ:f]	
ʊ нем. краткое u	<i>und</i>	[unt]	
Гласный y			
y нем. ü	<i>Tüte</i>	['ty:tə]	
ʏ краткое нем. ü	<i>Nüsse</i>	['nʏsə]	
Согласные			
Описание	Пример	Транскр.	
b нем. b	<i>Ball</i>	[bal]	
ts нем. c	<i>Witz</i>	[vits]	
tʃ нем. č	<i>tschüß</i>	[tʃu:s]	
d нем. d	<i>dann</i>	[dan]	
f нем. f	<i>Haft</i>	[haft]	
g нем. g	<i>Gott</i>	[gɔt]	

ç	нем. ch	<i>echt</i>	[eçt]
h	нем. h	<i>Hall</i>	[hal]
x	нем. ch после a, o, u (не в суффиксе - chen); особенно распространено на севере и в центре нем. языковой области	<i>Buch</i>	[bu:X]
X	более глубокое ch в нем. слове <i>Dach</i> ; особенно распространено на юге нем. языковой области	<i>Dach</i>	[dax]
j	нем. j	<i>jäh</i>	[jɛ:]
k	нем. k	<i>kalt</i>	[kalt]
l	нем. l	<i>Latte</i>	[ˈlatə]
m	нем. m	<i>Matte</i>	[ˈmatə]
ɱ	ассимилированное n или m	<i>Anfang</i>	[ˈamfan]
n	нем. n	<i>nass</i>	[nas]
ŋ	нем. ng	<i>Hang</i>	[haŋ]
p	нем. p	<i>Pass</i>	[pas]
r	нем. переднеязычное r	<i>rot</i>	[ro:t]
R	нем. заднеязычное r	<i>rot</i>	[Ro:t]
ʀ	нем. r , самый частотный произносительный вариант r	<i>er</i>	[eʀ]
s	нем. глухое s	<i>Hass</i>	[has]
ʃ	нем. sch	<i>schnell</i>	[ʃnɛl]
t	нем. t	<i>alt</i>	[alt]
v	нем. w	<i>Welt</i>	[velt]
z	нем. звонкое s	<i>Sahne</i>	[ˈza:nə]
ʒ	нем. звонкое sch	<i>Genie</i>	[ʒeˈni:]

Табл. 2. Список знаков Международного фонетического алфавита (IPA-Zeichen-www)

55. Национальная транскрипция либо полностью основывается на алфавите национального языка, либо специальным образом адаптирует его.

56. В сербском, хорватском и боснийском языкознании принято использовать в учебниках (в особенности в школьных) в качестве транскрибем те же знаки, которые есть в национальном алфавите.

57. Знак, служащий для транскрипции, как уже было сказано выше, носит название «транскрибема». Есть общие, специфические и уникальные транскрибемы. К числу общих транскрибем относятся знаки, которые используются во всех латинских алфавитах (напр., **a, u, d, p, t**). Специфические транскрибемы – это особые знаки, которые используются только в одном национальном алфавите или в небольшом числе алфавитов (напр., **č, ć, đ, dž, š, ž** в с.-х.-б.). Уникальные транскрибемы – это особые знаки, которые не входят в состав алфавитов, напр., **ѣ**, которое соответствует букве **č** в алфавите с.-х.-б.

58. С е р б с к а я т р а н с к р и п ц и я преимущественно ориентируется на кириллические буквы. В книге «Gramatika srpskoga jezika» («Грамматика сербского языка») ЖИВОИНА СТАНОЙЧИЧА и ЛЮБОМИРА

ПОПОВИЧА (2002: 34) звуки обозначаются с помощью кириллических графем (**а, б, в, г, д, ђ, е, ж, з, и, ј, к, л, љ, м, н, њ, о, п, р, с, ш, т, ћ, у, ф, х, ц, ч, џ, ш**).

РАДОЕ СИМИЧ и БРАНИСЛАВ ОСТОИЧ в своей книге «*Osnovi fonologije srpskog književnog jezika*» («Основы фонологии сербского литературного языка»; 1996: 198) используют сочетание национальной транскрипции с международной. Гласные обозначаются буквами **i, e, a, o** и **u**. Для согласных авторы используют 16 общих транскрибем (**b, c, d, f, g, h, j, k, l, n, p, r, s, t, z, v**), 9 интернациональных транскрибем (**η, ń, ɭ, ɱ, R, x, ʒ, ʒ̣, ʒ̥**) и четыре национальные транскрибемы (**č, ć, ž, š**).

[i]	[j]	[ɭ]	[ń]			[ʒ̣] [ć]	
[e]		[ɭ]	[n]	[r]	[z][s]	ʒ [c]	[d] [t]
[a]					[ž][š]	[ẓ̌] [č]	
[o]			η	R	h [x]		[g][k]
[u]	[v]		m [ɱ]		[f]		[b][p]

Табл. 3: Сербская транскрипция (Simić/Ostojić 1996: 198)

В своде правил сербской орфографии не содержится рекомендаций и предложений, которые касались бы транскрибирования звуков.

59. Хорватская транскрипция использует в школьных учебниках общие (**a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, lj, m, n, nj, o, p, r, s, t, u, v, z**) и специфические (**č, ć, đ, dž, š, ž**) транскрибемы – Brabec/Hraste/Živković 1970, Težak/Babić 1994.

«Hrvatska gramatika» («Хорватская грамматика») пользуется общими транскрибемами: **a, b, c, d, e, f, g, h, i, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, z** (Hrvatska gramatika 1995). Некоторым латинским транскрибемам из школьных грамматик соответствуют уникальные транскрибемы (всего их четыре): **đ – ẓ̌, dž – ẓ̣̌, nj – ń, n – η**. Две транскрибемы содержат особые значки: **lj – ɭ, j – j̣**. Вышеназванная хорватская грамматика использует четыре специфических транскрибемы: **č, ć, š, ž** (их соответствия уникальным транскрибемам: **č – ʧ̣, ć – ʧ̣̣, š – ʃ̣, ž – ʒ̣**) и, кроме того, различает **x, γ** и **h**. Слоговое **r** изображается как **ɾ**. Для **ятя** используется обозначение **ie**. В этой грамматике есть также **ś** (палатальное **s**) и **ẓ̌** (палатальное **z**).

j	i	u	e	ie	o	ə	a	m	n	ń	η	ɭ	ɭ̣	r	ɾ	v	j̣	p	b
f	t	d	c	ʒ̣	s	z	ć	ʒ̣̣	č̣	ẓ̣̌	ś	ẓ̣̣̌	ṣ̣̌	ẓ̣̣̣̌	k	g	x	γ	h

Табл. 4. Хорватская транскрипция (Hrvatska gramatika 1995)

В книге «*Glasovi i oblici hrvatskoga književnoga jezika*» («Звуки и формы хорватского литературного языка») имеется глава «*Znakovlje*» («Наука о знаках»), в которой авторы дают следующие объяснения и рекоменда-

ции: **а)** Каждое фонетически записанное орфографическое слово обозначается косыми скобками и отделяется от других слов пробелами: напр., /znakovi/ 'знаки', /stvar/ 'вещь', /iz/ /kuće/ 'из дома', /ne/ /mogu/ 'не могу', /znat/ /ću/ 'я буду знать'. **б)** Фонематические слова, являющиеся составными частями орфографических лексем, окружаются косыми скобками и не отделяются пробелом: напр., /naj//sigurniji/ 'самый безопасный', /pod//tema/ 'под-тема', /jedan//put/ 'один раз' и т. д. **в)** Фонетические слова записываются без пробела вне зависимости от правил орфографии: напр., *on je* [onje] 'он есть', *u tome je* [utomeje] 'в этом есть', *dao sam ti ga* [daosamtiga] 'я дал тебе его' и т. д. Каждое фонетическое слово записывается в угловых скобках и отделяется от других фонетических слов пробелом. **г)** Слоговая граница обозначается точкой без пробела: напр., *otići* [o.ti.ći] 'уйти', *izbaciti* [i.zba.ci.ti] 'выбросить' и т. д. **д)** Пауза изображается знаком #: *To je bitno* [toje#bitno] 'Это важно'. **е)** В фонетической и в орфографической транскрипции, т. е. внутри косых и угловых скобок, слова пишутся со строчной буквы, даже если по правилам орфографии они должны писаться с прописной буквы (Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: 146).

Ниже приводится таблица с тремя колонками, в которой «hr» соответствует традиционному хорватскому правописанию, «IPA» – транскрипции Международной фонетической ассоциации, а «cro» – транскрипции 2-й половины XX века (Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: 147–148).

hr	IPA	cro		hr	IPA	cro
ə	ə	ə		s	s	s
i	i	i		z	z	z
e	e	e		š	ʃ	š
a	a	a		ž	ʒ	ž
o	o	o		ś	ɕ	ś
u	u	u		ž	ʒ	ž
<u>ie</u>	<u>ie</u>	ije		h	x	x
r	r	r̥		ʎ	ʎ	ʎ
ī	ī	ī		c	ts	c
j	j	j		3	dz	3
w	w	w		č	tʃ	č
r	r	r		ǵ, đ	ɟ	ž
l	l	l		ć	tɕ	ć

ǐ	ǎ	ǐ		đ	dž	ž
v	u	v		p	p	p
m	m	m		b	b	b
ɱ	ɱ	ɱ		t	t	t
n	n	n		d	d	d
ń	ɲ	ń		k	k	k
ɳ	ɳ	ɳ		g	g	g
f	f	f		ʔ	ʔ	ʔ
f̥	v	f̥				

Табл. 5. Хорватская транскрипция в сравнении с транскрипцией
Международной фонетической ассоциации
(Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: 147–148)

Знак ǐ обозначает звонкий («ozvučen») звук, а знак ǐ̥ – глухой звук («glas je obezvučen»), напр., **ǎ**, **ɱ**, **ǐ**, **đ**. Графема **f̥** – это звонкое соответствие глухому **f**. Надстрочное ^j обозначает, что звук смягчен (**p^j**, **b^j**, **d^j**, **k^j**, **g^j**), а надстрочное ^w – что звук огублен («zaokružen») (**š^w**, **č^w**, **ž^w**, **ǵ^w**). Знаки **č** и **ǵ** используются для мягких чакавских звуков **č** и **đ** (глухой и звонкий соответственно). Знаки **i** и **u** выражают открытые ненапряженные (opušteno otvoreno) **i** и **u**. Транскрибемы **e**, **ɔ**, **a** указывают на открытые **e** и **o**. Для лабиализованных передних гласных используются знаки **y**, **ø**, **œ**. Графемы **č** и **đ** обозначают передненебные аффрикаты (tvrdoneprčani poluzatvorni suglasnici), которые не вступают в противопоставление твердых и мягких. Знаки **ʔ** и **ʔ̥** отображают варианты **h**. Глухим **x** и **h** соответствуют звонкие **ɣ** и **ɦ**. Звук, обозначенный графемой **j**, слышится в словах с начальным **ju-**: *jũg* ‘юг’, *jũtro* ‘утро’. Фон **ǐ** является неслоготворной формой гласного **i**. Звук **w** является аллофоном фонемы **v**: *vũk* [wũk] ‘волк’.⁴²

В отношении графики были попытки заменить символы с диакритическими знаками **č**, **š** (уникальные транскрибемы **č̣** и **ṣ̌**) диграфами **ch**, **sh**, но это предложение не нашло поддержки. Если бы предложения о замене или о приведении к единообразию букв для аффрикат **č** и **ć**, **dž** и **đ** закрепились в хорватской норме, при том что сербская и бошняцкая/боснийская нормы сохранили бы старое написание, то это привело бы к существ-

⁴² См. Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: 147–148, 188.

венной внутренней дивергенции в рамках серб., бошн. и хорв. ИВО ШКАРИЧ (2001: 13) выступает за изменения в системе графем и предлагает единообразно писать рефлекс ятя как **je** (*cvjet, ljep*), а также использовать **č** на месте нынешних **č** и **ć** и **đ** на месте **dž** и **đ**, поскольку у большей части хорватов, прежде всего в городах, уже завершилась дефонологизация фонематических оппозиций **č – ć** и особенно **đ – dž**, и поэтому можно было бы избежать дифференциации и затруднений, возникающих при необходимости выбрать правильное написание в парах **č – ć, dž – đ**.

ЗРИНКА БАБИЧ в книге «Fonetika i fonologija hrvatskoga jezika» («Фонетика и фонология хорватского языка»), рассуждая о соотношении фонем и фонетических знаков, говорит, что для хорватских звуков фонематический знак (буква) и фонетический знак обычно совпадают (Babić 1995: 81–82). Различия имеются только в следующих случаях:

Фонема	Фонет. знак	Звук
ie	ię	дифтонг (dvoglasnik)
lj	ɭ	палатальный боковой (perčani bočnik)
nj	ɲ	палатальный носовой (perčani nosni)
v	v	губно-зубной аппроксимант (zubnounsneni približnik)
h	x	заднеязычный фрикативный (jedreni tjesnačnik) – глухой
đ	ʒ	палатальная аффриката (perčani slivenik) – звонкая
dž	ʒ	переднеязычная аффриката (predperčani slivenik) – звонкая
r	ɾ	слоговой вибрант (slogotvorni treptajnik)

Табл. 6. Соотношение фонема – знак (Babić 1995: 80–81)

Далее автор указывает, что для передачи хорватского произношения важны также некоторые аллофоны.

Аллофон Фонема	Фонетич. знак	Звук
n	ɲ	заднеязычный носовой (jedreni nosnik)
h	x	заднеязычный фрикативный (jedreni tjesčanik) – звонкий
f	v	губно-зубной фрикативный (zubnounsneni tjesčanik) – звонкий
c	ʒ	зубная аффриката (zubni slivenik) – звонкая
š	ś	палатальный фрикативный (perčani tjesčanik) – глухой
ž	ź	палатальный фрикативный (perčani tjesčanik) – глухой

Табл. 7. Соотношение аллофон – знак (Babić 1995: 81)

Зринка Бабиш считает, что лучше использовать знаки **ž** и **ž** вместо **g**, **d**.

В книге «Hrvatski pravopis» («Хорватское правописание») корреляции между буквами и фонемами представлены следующим образом (Badurina/Marković/Mićanović 2007: 4):

буква	a	b	c	č	ć	d	dž	đ	e	f	g	h	i	j	k	
фонема	a	b	c	č	ć	d	ž	ž	e	f	g	h	i	i	k	
буква	l	lj	m	n	nj	o	p	r	r	s	š	t	u	v	z	ž
фонема	l	l	m	n	n	o	p	r	r	s	š	t	u	v	z	ž

Табл. 8. Корреляции между буквами и фонемами
(Badurina/Marković/Mićanović 2007: 4)

Авторы этого свода орфографических правил обозначают неслоговое **i** как **i**, а дифтонг **ije** (*bijel*, *lijep*, *snijeg*) – как **ie** (Badurina/Marković/Mićanović 2007). Буквам **dž**, **đ**, **lj**, **nj** соответствуют **ž**, **ž**, **l**, **n**. Буквы **c**, **h**, **j**, **č**, **ć**, **š**, **š** используются как транскрибемы. Объясняется, что вокалическое (слоγοобразующее, слоговое) **r** в специальной литературе обозначается как **r**, а в обычном языке – как **r**, поскольку всегда ясно, о каком звуке идет речь. Только слова *Istro* (зват. пад. от *Istra*, ‘Истрия’) и *istr̩o*⁴³ (перфект от *istrati* ‘истереться’) образуют минимальную пару в хорватском литературном языке.

ВЛАДИМИР АНИЧ и ЙОСИП СИЛИЧ, говоря об отношении между графемами и фонемами (**a**, **b**, **c**, **č**, **ć**, **d**, **dž**, **đ**, **e**, **f**, **g**, **h**, **i**, **j**, **k**, **l**, **lj**, **m**, **n**, **nj**, **o**, **p**, **r**, **r**, **s**, **š**, **t**, **u**, **v**, **z**, **ž**), утверждают, что графемам соответствуют следующие фонемы: **a**, **b**, **c**, **č**, **ć**, **d**, **ž**, **ž**, **e**, **f**, **g**, **h**, **i**, **j**, **k**, **l**, **l**, **m**, **n**, **n**, **o**, **p**, **r**, **r**, **s**, **š**, **t**, **u**, **v**, **z**, **ž** (Anić/Silić 2001). Кроме этого, есть слогообразующее **r** (реализуется как **r**) и группа графем **ije** (изображается как **ie** или **ije**).

60. Б о ш н я ц к а я / б о с н и й с к а я т р а н с к р и п ц и я в том виде, в каком она представлена, например, в грамматике ДЖЕВАДА ЯХИЧА, СЕНАХИДА ХАЛИЛОВИЧА и ИСМАИЛА ПАЛИЧА (Jahić/Halilović/Palić 2000), использует графемы с диакритическими знаками: **č**, **ć**, **dž**, **đ**, **š**, **ž**. В «Боснийском правописании» появляется смешанная форма (Halilović 1996): СЕНАХИД ХАЛИЛОВИЧ употребляет знаки **č**, **ć**, **j** (Halilović 1996: 113–118, 122–123), но предлагает варианты: **dž** (**ž**), **đ** (**ž**) – Halilović 1996: 118–120. Он не упоминает понятия «транскрипция», но говорит о научном стиле: «В научных работах вместо диграфов **dž**, **lj**, **nj** используются

⁴³ В дальнейших примерах знаком **r** последовательно указывается на наличие слоготворного **r** и за рамками фонетической транскрипции.

также особые знаки **ž** или **ǵ** (*svjedožba*, *svjedoǵba* 'свидетельство'), **l̇** или **ĺ** (*l̇ubav*, *ĺubav* 'любовь') и **ń** (*ńiva* 'поле'). Кроме этого, в специальной и научной литературе (как и в данном справочнике) употребляются следующие особые знаки: **r̥** для обозначения слогового **r**, **ž** для **đ**, **ø** для нулевой фонемы» (Halilović 1996: 15).

61. В рамках корпуса звучащей речи «Gralis» (Gralis-www) используется транскрипция, содержащая два типа транскрибем: общие и специфические. Это так называемая транскрипция «Gralis».

К числу общих транскрибем относится 20 знаков:

№	Фонема Fonem(a)	Латинская буква	Кириллич. буква
1	a	a	а
2	o	o	о
3	e	e	е
4	i	i	и
5	u	u	у
6	b	b	б
7	d	d	д
8	f	f	ф
9	g	g	г
10	h	h	х
11	k	k	к
12	l	l	л
13	m	m	м
14	n	n	н
15	p	p	п
16	r	r	р
17	s	s	с
18	t	t	т
19	v	v	в
20	z	z	з

Табл. 9. Общие транскрибемы

Нижеследующие транскрибемы являются специфическими:

№	Транскрибема	Латинская буква	Кириллич. буква
1	r̥	r	р
2	ts	c	ц
3	tʃ	č	ћ
4	tɕ	ć	ћ
5	ž	đ	ђ
6	ž̇	dž	џ
7	i̇	j	ј

8	í	lj	ль
9	ń	nj	нь
10	ſ	š	ш
11	ž	ž	ж

Табл. 10 Специфические транскрибемы

Общие и специфические транскрибемы образуют систему из 31 знака.

№	Транскрибема	Латинская буква	Кириллич. буква
1	a	a	а
2	o	o	о
3	e	e	е
4	i	i	и
5	u	u	у
6	r	r	р
7	b	b	б
8	ts	c	ц
9	tʃ	č	ч
10	tɕ	ć	ћ
11	d	d	д
12	ǰ	đ	ђ
13	ž	dž	џ
14	f	f	ф
15	g	g	г
16	x	h	х
17	i	j	ј
18	k	k	к
19	l	l	л
20	í	lj	љ
21	m	m	м
22	n	n	н
23	ń	nj	њ
24	p	p	п
25	r	r	р
26	s	s	с
27	ſ	š	ш
28	t	t	т
29	v	v	в
30	z	z	з
31	ž	ž	ж

Табл. 11. Общие и специфические транскрибемы

Если сопоставить транскрипцию МФА, транскрипцию Wikipedia, хорватскую транскрипцию, чаще всего используемую, и транскрипцию «Gralis», получаем следующую таблицу:

№	Фонема				Лат. буква	Кир. буква
	Транс-крипция МФА	Wikipedia	Хорв. транскрипция	Транс-крипция «Gralis»		
1	a	a	a	a	a	а
2	o, ɔ	ɔ	o	o	o	о
3	e, ɛ	ɛ	e	e	e	е
4	i	i	i	i	i	и
5	u	u	u	u	u	у
6			ɾ	ɾ	r	р
7	b	b	b	b	b	б
8	ts	ts	c	ts	c	ц
9	tʃ	tʃ	č	tʃ	č	ћ
10	tɕ	tɕ	ć	tɕ	ć	ћ
11	d	d	d	d	d	д
12	ɟ	dʒ	ǰ	ǰ	đ	ђ
13	ɟʒ	dʒ	ž	ž	dž	џ
14	f	f	f	f	f	ф
15	g	g	g	g	g	г
16	x	x	h	x	h	х
17	j	j	j, i	i	j	ј
18	k	k	k	k	k	к
19	l	l	l	l	l	л
20	ʎ	ʎ	ĺ	ĺ	lj	љ
21	m	m	m	m	m	м
22	n	n	n	n	n	н
23	ɲ	ɲ	ń	ń	nj	њ
24	p	p	p	p	p	п
25	r	r	r	r	r	р
26	s	s	s	s	s	с
27	ʃ	ʃ	š	ʃ	š	ш
28	t	t	t	t	t	т
29	v	v	v	v	v	в
30	z	z	z	z	z	з
31	ʒ	ʒ	ž	ʒ	ž	ж

* Hrvatska gramatika 1995

Табл. 12. Транскрипция МФА, хорватская транскрипция и транскрипция «Gralis»

Аллофоны обозначаются следующими знаками:

№	Знак	Описание	Пример
1	е	открытое е; гласный переднего ряда средне-нижнего подъема	<i>mêso</i> [mêso] ‘мясо’
2	ɔ	лабиализованный гласный заднего ряда средне-нижнего подъема	<i>bòb</i> ‘бооб’ [bòb]
3	ə	закрытое редуцированное е	<i>bicikl</i> [bičikəl] ‘велосипед’
4	j	интервокальное ĭ (в сочетаниях гласный + ĭ + гласные i и e)	<i>kòjĭ</i> [kòjĭ] ‘который’; <i>pĭjěš</i> [pĭjěš] ‘ты пьешь’
5	w	полугласный w (в сочетаниях v + o или u)	<i>vôd</i> [wôd] ‘взвод’, <i>vùna</i> [wùna] ‘шерсть’
6	ʃ	звонкое f (в сочетаниях f + звонкий согласный)	<i>Grăf ga zòvê</i> . [grăʃga zòvê] ‘Граф зовет его.’
7	ʒ	звонкое ts (в сочетаниях ts + звонкий согласный)	<i>Crnac ga zòvê</i> . [tsɲnaʒga zòvê] ‘Нерп зовет его.’
8	ɣ	звонкое x (в сочетаниях x + звонкий согласный)	<i>Òrah bi slòmio</i> . [òraɣbi slòmio] ‘Я бы расколол орех.’
9	ʔ	гортанная смычка в начале слова	<i>hùrā!</i> [ʔùrā] ‘ура’
10	ɲ	носовое n (в сочетаниях n + k и g)	<i>Ânka</i> [Âŋka] ‘Анка (женское имя)’, <i>Dân ga ràdujê</i> . [dânɡa ràdujê] ‘День его радует’
11	ɱ	носовое m (в сочетании m + v)	<i>tràm vāj</i> [tràmɱvāj] ‘трамвай’

12	ś	палатальное s (в сочетании s + ɬ)	<i>Miś će dōći/dóci.</i> [mʲiʂɬɕe dōɬɕi/dóɬɕi] ‘Мисс придет.’
13	ź	палатальное z (в сочетании z + ʒ)	<i>gvôžđe</i> [gvôžʒe] ‘железо’

Табл. 13. Аллофоны

Алфавит (Abeceda/Azbuka)

62. Графемы – это минимальные единицы, с помощью которых звуки (фонемы) передаются в письменной форме. Их варианты (строчные и прописные буквы) называются аллографами, или конкретными реализациями графем. Существуют монографы (графические элементы, состоящие из одной буквы), диграфы (двучленные комбинации букв), триграфы (комбинации трех букв) и мультиграфы (комбинации четырех и более букв). В славянских системах письма используются монографы и диграфы.

«Графическая система» – это совокупность графем, имеющих в языке, чтобы обозначать определенные звуки (фонемы). Существуют различные графические системы, которые образуют две основные группы: буквенные и «рисуночные» (идеографические). К первой группе принадлежат, например, латинская и кириллическая система. Вторую из этих систем можно разделить на две подгруппы: славянскую и неславянскую. К славянским графическим системам относятся русская, белорусская, украинская, болгарская, македонская и сербская кириллица. Неславянские системы – это алфавиты, созданные для неславянских народов бывшего СССР (напр., для узбеков, казахов и азербайджанцев). Латинские буквы мы называем л а т и н е м а м и , а кириллические – к и р и л л е м а м и .

Различают макро- и микрославянские графические системы. К числу первых относятся алфавиты славянских литературных языков (белорусский, болгарский, бошняцкий/боснийский, лужицкий, македонский, польский, русский, сербский, словацкий, словенский, старославянский, украинский, хорватский, черногорский, чешский), а к числу вторых – алфавиты так называемых малых славянских языков (русинского, кашубского и т. д.)

63. Славянская графическая система охватывает в общей сложности 436 букв (с учетом старославянского – около 490).⁴⁴ Это число является относительным, поскольку некоторые славянские языки используют одинаковые буквы (как латинемы, так и кириллемы). Абсолютное число (без пересечений) составляет 108. Таким образом, только 24,7% из 436 славянских букв являются абсолютными графемами. Из них на славянскую ла-

⁴⁴ Данные цифры являются условными, так как в используемых нами источниках нет в некоторых случаях строгого разграничения между монографами и диграфами.

тиницу приходится 61 абсолютная буква, а на кириллицу – 45. Для некоторых славянских языков количество букв может оцениваться по-разному: например, в польском насчитывают 32, 39 или 42 буквы; особенно сильны разногласия в отношении старославянского (мы исходим из числа 54).

Славянская кириллическая система охватывает 246 носительных графем, из которых 54 исчезли (речь идет о старославянских графемах). Большинство из них – живые (всего 192 графема; эти буквы принадлежат русскому, белорусскому, украинскому, болгарскому, македонскому и сербскому языку).

№	1	2	3	4	5	6	7
	Аk	Ру	Ве	Uk	Bg	Mk	BKS
1	а	Аа	Аа	Аа	Аа	Аа	Аа
2	б	Бб	Бб	Бб	Бб	Бб	Бб
3	в	Вв	Вв	Вв	Вв	Вв	Вв
4	г	Гг	Гг	Гг	Гг	Гг	Гг
5	д	Дд	Дд	Гг	Дд	Дд	Дд
6	ѣ	Ее	(Дж дж) ⁴⁵	Дд	Ее	Ѓѓ	Ђђ
7	ж	Ее	(Дз дз)	Ее	Жж	Ее	Ее
8	ѕ	Жж	Ее	Гг	Зз	Жж	Жж
9	з	Зз	Ёё	Єє	Ии	Зз	Зз
10	и	Ии	Жж	Жж	Йй	Ѕѕ	Ии
11	ј	Йй	Зз	Зз	Кк	Ии	Јј
12	ћ	Кк	Ї	и	Лл	Јј	Кк
13	к	Лл	Йй	Ї	Мм	Кк	Лл
14	л	Мм	Кк	Ї	Нн	Лл	Љљ
15	м	Нн	Лл	Йй	Оо	Љљ	Мм
16	н	Оо	Мм	Кк	Пп	Мм	Нн
17	о	Пп	Нн	Лл	Рр	Нн	Њњ
18	ѡ	Рр	Оо	Мм	Сс	Њњ	Оо
19	п	Сс	Пп	Нн	Тт	Оо	Пп
20	р	Тт	Рр	Оо	Уу	Пп	Рр
21	с	Уу	Сс	Пп	Фф	Рр	Сс
22	т	Фф	Тт	Рр	Хх	Сс	Тт
23	ѣ	Хх	Уу	Сс	Цц	Тт	Ѣѣ
24	ѣ	Цц	Ўў	Тт	Чч	Ќќ	Уу
25	ѣ	Чч	Фф	Уу	Шш	Уу	Фф

⁴⁵ Белорусский алфавит состоит из 32 монографов и двух диграфов – *дж* и *дз* (Krivickij/Podlužnyj 1994: 5).

26	Хх	Шш	Хх	Фф	Щщ	Фф	Хх
27	Цц	Щщ	Цц	Хх	Ъъ	Хх	Цц
28	Чч	Ъъ	Чч	Цц	Ьь	Цц	Чч
29	ш	Ыы	Шш	Чч	Юю	Чч	Цц
30	щ	Ьь	Ыы	Шш	Яя	Цц	Шш
31	ъ	Ээ	Ьь	Щщ		Шш	
32	ы	Юю	Ээ	Юю			
33	ь	Яя	Юю	Яя			
34	Ѧ		Яя	ь			
35	ю						
36	Ѫ						
37	Ѭ						
38	Ѯ						
39	Ѱ						
40	Ѳ						
41	Ѵ						
42	Ѷ						
43	Ѹ						
44	Ѻ						
45	Ѽ						
46	Ѿ						
47	ѿ						
48	ѻ						
49	ѽ						
50	ѿ						
51	ѻ						
52	ѽ						
53	ѿ						
54	ѿ						
	54	33	32 (34)	33	30	32	30

Ак: старославянский, Ве: белорусский, Вг: болгарский, ВКС: бошн., серб., хорв., Мк: македонский, Ру: русский, Ук: украинский

Табл. 14. Славянская кириллическая система

64. Славянская латинская система охватывает 246 относительных графем и 63 абсолютные графемы.

№	1	2	3	4	5	6	7
	BKS	Sl	Pl	CS	Sk	SoO	SoN
1	Aa	Aa	Aa	Aa	Aa	Aa	Aa
2	Bb	Bb	Aa	Áá	Áá	Bb	Bb
3	Cc	Cc	Bb	Bb	Ää	Cc	Cc
4	Čč	Čč	Cc	Cc	Bb	Čč	Čč

5	Ćć	Dd	(Ch ch)	Čč	Cc	Ćć	Ćć
6	Dd	Ee	(Cz cz)	Dd	Čč	Dd	Dd
7	Dž dž	Ff	Ćć	Đđ'	Dd	Dž dž	Dž dž
8	Đđ	Gg	Dd	Ee	Đđ'	Ee	Ee
9	Ee	Hh	(Dz dz)	Éé	Dz dz	Ěě	Ěě
10	Ff	Ii	(Dž dž)	Ěě	Dž dž	Ff	Ff
11	Gg	Jj	(Dž dž)	Ff	Ee	Gg	Gg
12	Hh	Kk	Ee	Gg	Éé	Hh	Hh
13	Ii	Ll	Ěě	Hh	Ff	Ch ch	Ch ch
14	Jj	Mm	Ff	Ch ch	Gg	Ii	Ii
15	Kk	Nn	Gg	Ii	Hh	Jj	Jj
16	Ll	Oo	Hh	Íí	Ch ch	Kk	Kk
17	Lj Ij	Pp	Ii	Jj	Ii	Ll	Ll
18	Mm	Rr	Jj	Kk	Íí	Łł	Łł
19	Nn	Ss	Kk	Ll	Jj	Mm	Mm
20	Nj nj	Šš	Ll	Mm	Kk	Nn	Nn
21	Oo	Tt	Łł	Nn	Ll	Ńń	Ńń
22	Pp	Uu	Mm	Ńń	Íí	Oo	Oo
23	Rr	Vv	Nn	Oo	Ĺĺ	Óó	Óó
24	Ss	Zz	Ńń	Óó	Mm	Pp	Pp
25	Šš	Žž	Oo	Pp	Nn	Rr	Rr
26	Tt		Óó	Qq	Ńń	Řř	Řř
27	Uu		Pp	Rr	Oo	Ss	Ss
28	Vv		Rr	Řř	Óó	Šš	Šš
29	Zz		(Rz rz)	Ss	Ôô	Śś ść	Śś ść
30	Žž		Ss	Šš	Pp	Tt	Tt
31			(Sz sz)	Tt	Qq	Uu	Uu
32			Śś	Ťť	Rr	Ww	Ww
33			Tt	Uu	Řř	Yy	Yy
34			Uu	Úú	Ss	Zz	Zz
35			Ww	Ůů	Šš	Žž	Žž
36			Yy	Vv	Tt		Žž
37			Zz	Ww	Ťť		
38			Žž	Xx	Uu		
39			Žž	Yy	Úú		
40			(Qq)	Ýý	Vv		
41			(Vv)	Zz	Ww		
42			(Xx)	Žž	Xx		
43					Yy		

44					Ýý		
45					Žž		
46					Zz		
	30	25	32 ⁴⁶ (39, 42)	42	46	35	36

BKS: бошняцкий/боснийский, сербский, хорватский, Cs: чешский, Pl: польский, Sk: словацкий, Sl: словенский, SoN: нижнелужицкий, SoO: верхнелужицкий

Табл. 15. Славянская латинская система

Отдельные славянские языки имеют следующее число букв:

№	Язык	Сумма
1	Старославянский	43 (54)
2	Болгарский	30
3	Македонский	32
4	Нижнелужицкий	36
5	Верхнелужицкий	35
6	Польский	32 (39, 42)
7	Русский	33
8	Словенский	25
9	С.-х.-б. – кириллица	30
10	С.-х.-б. – латиница	30
11	Словацкий	46
12	Чешский	42
13	Украинский	34
14	Белорусский	32 (34)
15	Немецкий	30

Табл. 16. Число букв в славянских языках

Число букв в разных славянских языках весьма различно. Меньше всего букв в словенском (25), в сербской кириллице и в латинице с.-х.-б. содержится по 30 знаков. Максимальное число букв имеет старославянский (до 54). Среди живых языков на первом месте словацкий (46), за ним следуют чешский (42), верхне- и нижнелужицкий (35 и 36 соответственно).

65. В славянские графические системы входят буквы трех типов: универсальные, специфические и эксклюзивные

⁴⁶ Существуют разные точки зрения относительно числа графем в польском. Оценки колеблются в пределах от 32 до 42. В настоящей работе в качестве основного используется число 32.

(эксклюзивы, уникаты). Эти понятия связаны с графическими гипер- и гипокатегориями.

66. У н и в е р с а л ь н ы е славянские графемы – это буквы, общие для всех славянских систем (латинских или кириллических). Универсальность может быть экстракатегориальной, интеркатегориальной или интракатегориальной. Экстракатегориальная универсальность охватывает одинаковые знаки, используемые в различных графических гиперкатегориях. К числу гиперкатегорий (экстракатегорий) относятся буквенное письмо (письмо, в котором слова передаются с помощью букв), слоговое письмо или словесное письмо (письмо, знаки которого обозначают слоги) и картиночное письмо (письмо, образные знаки которого отображают слова, понятия или мысли) – Duden Grammatik 1984. Экстракатегориальной универсальной графемой является, например, символ «сердце» в картиночном и буквенном письме. Интеркатегориальная универсальность возникает в рамках различных графических гипокатегорий. К числу гипокатегорий (интеркатегорий) относятся латиница и кириллица. Универсальными интеркатегориальными графемами являются, например, **а, о, е**, потому что они присутствуют в обеих славянских графических системах (в латинице и в кириллице). Интракатегориальная универсальность возникает в том случае, если две и более буквы в графической гипокатегории идентичны (например, прописное и строчное **р** в латинице). К числу интракатегорий относятся некоторые подсистемы славянских графических систем, например, чешская латиница или русская кириллица.

В славянских графических системах есть 44 универсальные интракатегориальные буквы, т. е. буквы, которые есть во всех славянских языках. Кириллица обнаруживает бóльшую универсальность (23 буквы), чем латиница (21 буква).

№	Универсальные кириллемы	Универсальные латинемы
1	Аа	Aa
2	Бб	Bb
3	Вв	Cc
4	Гг	Dd
5	Дд	Ee
6	Ее	Ff
7	Жж	Gg
8	Зз	Hh
9	Кк	Ii
10	Лл	Jj
11	Мм	Kk
12	Нн	Ll
13	Оо	Mm
14	Пп	Nn

15	Рр	Оо
16	Сс	Рр
17	Тт	Рр
18	Уу	Сс
19	Фф	Тт
20	Хх	Уу
21	Цц	Зз
22	Чч	
23	Шш	
	23	21

Табл. 17. Славянские универсальные кириллемы и латинемы

При сравнении доли универсальных графем в различных языках с кириллическим шрифтом, получаем следующие отношения: русский и белорусский $23 : 33 = 69,7\%$, украинский и македонский $23 : 32 = 71,87\%$, болгарский и с.-х.-б. $23 : 30 = 76,67\%$. Таким образом, графические системы болгарского и с.-х.-б. оказываются наиболее универсальными среди кириллических систем.

Эту корреляцию можно рассматривать также и частично. Тогда выяснится, что система универсальных графем содержит только четыре гласных буквы (**а, е, о, у**) и 19 согласных букв (**б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш**).

На интеркатегориальном уровне имеются универсальные для латиницы и кириллицы графемы. Некоторым из них (**а, о, е**) присущ изоморфизм формы и содержания. Другие графемы, хотя и имеют одинаковую форму, выражают различное содержание (ср. **р, b, с, u** в латинском и в кириллическом алфавите).

С п е ц и ф и ч е с к и е славянские графемы – это буквы, характерные только для нескольких (как минимум двух) славянских языков. Здесь мы также различаем экстра-, интер- и интракатегориальные характеристики. В рамках этой системы выделяют знаки, которые используются только в определенных графических гиперкатегориях (экстракатегориях), например, такие знаки картиночного письма, как иероглифы. Интеркатегориальная специфика формируется в различных графических гипокатегориях (интеркатегориях): например, различные буквы в латинице и в кириллице (**č, ž, š** и **я, ю, ъ**). Интракатегориальная специфика находит свое выражение в том случае, когда две или более буквы характерны только для одной графической гипокатегории (интракатегории), напр., **ń** в западнославянской латинице и **đ** в южнославянской латинице. Группу специфических интракатегориальных графем образуют буквы, которые имеются только в некоторых славянских подсистемах, напр., буквы **љ** и **њ** в сербской и македонской кириллице.

В славянских языках есть 45 специфические буквы, которые более типичны для латиницы (30), чем для кириллицы (15).

67. К группе специфических графем относятся 15 кириллем:

№	Специфические кириллемы
1	Ёё
2	Ии
3	Іі
4	Јј
5	Ээ
6	Ыы
7	Йй
8	Љљ
9	Њњ
10	Цц
11	Щщ
12	Ъъ
13	Ьь
14	Юю
15	Яя

Табл. 18. Специфические кириллемы

Специфические кириллемы особенно характерны для русского языка, где их встречается одиннадцать (**е, ё, и, й, щ, ъ, ы, ь, э, ю, я**). На втором месте – белорусский с девятью специфическими кириллемами (**е, ё, й, ь, ы, ь, э, ю, я**), далее следуют украинский (**и, й, і, щ, ь, ю, я**) и болгарский (**и, й, щ, ъ, ь, ю, я**), где имеется по семь специфических кириллем. Меньше всего таких букв в македонском и в с.-х.-б., где их только четыре: **и, љ, њ** и **ц**. Эти буквы отсутствуют в восточнославянской графической системе, тогда как в южнославянских языках нет типичной для русского и белорусского буквы **е**.

В кириллической графической системе буква **и** наименее специфична, поскольку она присутствует во всех языках с кириллической графикой, кроме белорусского, в котором есть **і** и **ы**.

К группе высокоспецифичных графем относятся следующие семь букв: а) **е** (русский и белорусский), **ё** (русский и белорусский), **ь** (русский и болгарский), **ы** (русский и белорусский) и **э** (русский и белорусский), а также б) **љ, њ** и **ц** (с.-х.-б. и мак.).

Промежуточное положение занимают графемы, которые есть только в четырех языках: **й, щ, ь, ю, я** (русский, белорусский, украинский и болгарский).

68. Славянские языки имеют в общей сложности 30 специфических латинских графем:

№	Специфические латинемы	№	Специфические латинемы
1	Áá	17	Łł
2	Ěě	18	Lj Ij
3	Ěě	19	Nj nj
4	Íí	20	Ňň
5	Óó	21	Ňň
6	Úú	22	Řř
7	Ÿy	23	Řř
8	Ýý	24	Śś ść
9	Ćć	25	Šš
10	Čč	26	Sz sz
11	Ch ch	27	Ťť
12	Cz cz	28	Vv
13	Đđ	28	Ww
14	Dz dz	29	Žž
15	Dž dž	30	Žž
16	Dž dž		

Табл. 19. Специфические славянские латинемы

Больше всего специфических графем имеется в словацком – 16 (á, ě, dz, dž, é, í, ě, ŋ, ó, ř, š, ť, w, y, ý, ž). Далее идет чешский – 15 (á, ě, d', é, ě, í, ŋ, ó, ř, š, ť, w, y, ý, ž), польский – 13 (ć, ch, cz, dz, ł, ń, ó, (rz), ś, (sz), w, y, ź), нижнелужицкий – 12 (ć, č, ł, ń, ó, ř, ś, š, w, y, ź, ź) и верхнелужицкий – 11 (ć, č, ł, ń, ó, ř, ś, š, w, y, ž). Немного специфических графем (8) в с.-х.-б. латинице (ć, č, đ, ž, dž, lj, nj, š, ž).

Три наименее специфические графемы (č, š, ž) встречаются в шести языках: в сербском, хорватском, бошняцком, словенском; словацком; чешском и в обоих лужицких языках.

В пяти языках (польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий) используются следующие совпадающие графемы: **ch, ó, w, y**.

По четыре и три языка имеют пять графем: **ć** (с.-х.-б., польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий), **ě** (чешский, верхнелужицкий, нижнелужицкий), **ł, ń, ś** (польский, верхнелужицкий, нижнелужицкий). Максимально специфичные графемы представлены в двух языках. К этой группе относятся 12 букв: **á** (чешский, словацкий), **d'** (чешский, словацкий), **dz** (польский, словацкий), **dž** (сербский, хорватский, бошняцкий, словацкий), **é** (чешский, словацкий), **í** (чешский, словацкий), **ň** (чешский, словацкий), **ř** (словацкий, нижнелужицкий), **ř** (чешский и верхнелужицкий), **ť** (чешский, словацкий), **ý** (чешский, словацкий) и **ž** (польский, нижнелужицкий).

69. Э к с к л ю з и в н ы е славянские графемы (эксклюзивы, уникалы) – это буквы, которые типичны для графической системы только одного языка. Эти графемы тоже могут иметь экстра-, интер- и интракатегориальный характер. Экстракатегориальные эксклюзивы (уникаты) – это уникальные знаки в различных графических гиперкатегориях (экстракатегориях), например, в буквенном и картиночном письме. Интеркатегориальные эксклюзивы (уникаты) – это уникальные буквы в различных гипокатегориях, напр., польская буква **ą** в латинице и белорусская буква **ў** в кириллице. Существуют экстракатегориальные уникалы (буквы, которые встречаются только в одной языковой семье мира, например, в индоевропейской), макрославянские уникалы (буквы, которые характерны только для славянских графических систем) и микрославянские (буквы, которые присутствуют только в одном славянском языке).

70. Славянские графические системы обнаруживают в общей сложности 19 уникалов (считая с белорусскими и польскими комбинациями графем – 24).

Кириллица содержит 9 эксклюзивных интракатегориальных графем (уникалов), а латиница – 10 (считая с польскими сочетаниями букв – 13). Наибольшее число уникалов (от 4 до 6) содержит польский язык, далее следуют словацкий (4), македонский и украинский (по 3) и сербский, хорватский, бошняцкий (2). По одному уникалу есть в белорусском, сербском, хорватском, бошняцком и в чешском. Эксклюзивы отсутствуют в русском, болгарском, словенском и лужицком.

№	1	2	3	4	5	BKS		8	9	10	11	12
	Ru	Bs	Uk	Bg	Mk	кир.	лат.	Sl	Pl	Cs	Sk	So
1		Ўў	Ґґ		Ѓѓ	Ђђ	đ		Ąą	Ůů	Ää	
2		(Дз дз)	Єє		Ѕѕ	Ћћ			Ęę		Ŏô	
3		(Дж дж)	Її		Ќќ				(Dž dž)		Ďď	
4									(Cz cz)		Ĺĺ	
5											Łł	
6									(Sz sz)			
7									Żż			
	0	1 (3)	3	0	3	2	1	0	3 (6)	1	5	0

Ак: старославянский, Ве: белорусский, Вг: болгарский, BKS: бошняцкий/боснийский, сербский, хорватский, Cs: чешский, Mk: македонский, Pl: польский, Ru: русский, Sk: словацкий, Sl: словенский, SoN: нижнелужицкий, SoO: верхнелужицкий, Uk: украинский

Табл. 20. Славянские уникалы

71. Проведенный анализ дает следующие результаты: в славянских языках содержится 44 универсальных и 45 специфических графемы, а также 19 уникалов. В кириллице больше универсальных букв (23 : 21),

чем в латинице, а в латинице больше специфических графем (30 : 15) и уникалов (10 : 9).

Графемы	Кириллица	Латиница	Суммы
Универсальные	23	21	44
Специфические	15	30	45
Эксклюзивные (уникаты)	9 (11)	10 (13)	19 (24)
Суммы	47 (49)	61 (64)	108 (113)

Табл. 21. Универсальные, специфические и эксклюзивные графемы

72. Латинский алфавит с.-х.-б. состоит из 30 букв, 27 из которых являются монографами (**a, b, c, č, ć, d, đ, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, t, u, v, z, ž**), а три – биграфами (**lj, nj, dž**). Пять графем включают в свой состав диакритики (**č, ć, dž, š, ž**), которые пишутся по образцу чешских букв, разработанных ЯНОМ ГУСОМ.

№	Буква	№	Буква
1	Aa	16	Ll
2	Bb	17	Lj Ij
3	Cc	18	Mm
4	Č,č	19	Nn
5	Ćć	20	Nj nj
6	Dd	21	Oo
7	Dž dž	22	Pp
8	Đđ	23	Rr
9	Ee	24	Ss
10	Ff	25	Šš
11	Gg	26	Tt
12	Hh	27	Uu
13	Ii	28	Vv
14	Jj	29	Zz
15	Kk	30	Žž

Табл. 22. Латиница с.-х.-б.

К числу универсальных славянских графем относится 21 латинская буква (латинема): **a, b, c, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, t, u, v, z**. В латинице с.-х.-б. есть только несколько специфических графем (9): **č, ć, đ, ž, dž, lj, nj, š, ž**. Три минимально специфичные латинемы в с.-х.-б. – это **č, š, ž**, которые встречаются еще в пяти языках: в словенском, в чешском, в словацком, в верхнелужицком и в нижнелужицком. Графему **ć** используют сербский, хорватский, бошняцкий, польский, верхнелужицкий и нижнелужицкий. К числу эксклюзивных славянских графем в с.-х.-б. относится только графема **đ**.

Кириллица с.-х.-б. также содержит 30 букв, все из которых являются монографами:

№	Буква	№	Буква
1	Аа	16	Нн
2	Бб	17	Њњ
3	Вв	18	Оо
4	Гг	19	Пп
5	Дд	20	Рр
6	Ђђ	21	Сс
7	Ее	22	Тт
8	Жж	23	Ћћ
9	Зз	24	Уу
10	Ии	25	Фф
11	Јј	26	Хх
12	Кк	27	Цц
13	Лл	28	Чч
14	Љљ	29	Ѣѣ
15	Мм	30	Шш

Табл. 23. Кириллица с.-х.-б.

К числу универсальных славянских графем относятся четыре гласных буквы (**а, е, о, у**) и 19 согласных букв (**б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш**).

В с.-х.-б. имеется только четыре специфические кириллемы: **и, љ, њ** и **ѣ**; они имеются также и в македонском.

73. Графемы имеют различную степень информативности. Поскольку самые частотные и вероятные (предсказуемые) единицы несут минимальную информацию, то эксклюзивные графемы несут в себе наибольшую энтропию (= информацию), а универсальные графемы – наименьшую.

74. На территории распространения с.-х.-б. используется как латинский, так и кириллический шрифт. Хорваты и бошняки в наши дни пользуются латинским шрифтом, тогда как у сербов ситуация двойственная, хотя кириллице и отдается предпочтение. Ввиду того, что в истории хорватского языка кириллица также использовалась, этот алфавит и сегодня упоминается в хорватских грамматиках и орфографических справочниках.

75. В своде правил хорватской орфографии, подготовленном СТЕПАНОМ БАБИЧЕМ, статус кириллицы не поясняется, а дается только короткий комментарий: «Кириллица имеет особый порядок букв, обозначаемый как *azbuka* (по первым двум буквам глаголицы и кириллицы: *az, buky*) ...» (Babić/Finka/Moguš 2000: 6). В. АНИЧ и Й. СИЛИЧ высказываются так: «В прошлом хорватский язык использовал также кириллический алфавит» (Anić/Silić 2001: 5). В правописании ЛАДЫ БАДУРИНЫ, КРЕШИМИРА МИЧАНОВИЧА и ИВАНА МАРКОВИЧА роль кириллицы охарактеризована так: «В прошлом хорватский записывали также с помощью не-латинских алфавитов: глаголицы и кириллицы» (Badurina/Mičanović/Marković 2007).

76. В Боснии и Герцеговине три официальных языка: бошняцкий/боснийский, хорватский и сербский. В одной части страны (в Федерации Боснии и Герцеговины) почти без исключения используется латиница, тогда как в другой части (в Республике Сербской) преобладает кириллица.

В своем справочнике по боснийской орфографии СЕНАХИД ХАЛИЛОВИЧ пишет, что кириллица является также и бошняцким/боснийским алфавитом: «В боснийском языке сегодня используются два алфавита: латиница и кириллица» (Halilović 1996: 15). [...] Далее говорится: «Каждому звуку в кириллице соответствует один знак, так что кириллический алфавит является полностью фонетическим» (Halilović 1996: 16). [...] «Хотя в боснийском языке латиница используется существенно чаще, необходимо знать также и кириллицу, потому что этим алфавитом написана или напечатана часть нашего языкового наследия» (Halilović 1996: 16).

77. Что касается черногорского, были изданы два орфографических пособия, одно из которых является неофициальным – «Правописание черногорского языка» («Pravopis crnogorskog jezika», Nikčević 1997) ВОИСЛАВА НИКЧЕВИЧА,⁴⁷ а другое официальным – «Правописание черногорского языка и словарь черногорского языка (орфографический словарь)» («Pravopis crnogorskoga jezika i rječnik crnogorskoga jezika /pravopisni rječnik/», Crnogorski pravopis 2009). В этом последнем правил (2009) введены новые буквы в латиницу *ś, ź, z* и в кириллицу *ć, ź, s* для обозначения «особых» черногорских звуков *s', z', dz* (*śekira, ćekira* 'топор', *ženica, źеница* 'зрачок', *zипзов, sинсов* 'бугай'). Указанные графемы отсутствуют в алфавите BS, HR и SR.

⁴⁷ До этого Воислав Никчевич предлагал в «Правописании черногорского языка» («Pravopis crnogorskog jezika» Nikčević 1997) ввести новые буквы *ś, ź* и *z* (две из них, *ś* и *ź*, есть в польском) для обозначения «особых» черногорских звуков *s', z', dz*, а также обозначать палатализацию *t* и *d* перед *je* (*ćerati, đeca*).

Органы речи (Govorní organi)

78. Звуки человеческой речи производятся с помощью различных органов речи, которые в свою очередь образуют так называемый речевой аппарат (govorní aparat). В него входят: гортань (gŕkljan), ротовая и носовая полость (ùsnenā/ùsnenā и òðsnā dúplja, šupljìna), язык (jèzik), губы (ùsne), зубы (zûbi) и т. д. Они образуют три группы: органы дыхания (dī-sājnī orgáni), органы порождения голоса (органы фонации, fònacìōnī orgáni) и органы формирования воздушного потока (органы артикуляции, àrtikulaiōnī orgáni). Глотка (farinks, ždriježnā/ždrèlnā dùplja/dúplja, šupljìna), ротовая и носовая полость образуют голосовой тракт и служат как резонатор (rezònàtor) и орган речи (gòvòrnī òrgān). К числу органов дыхания относится внешний дыхательный аппарат (spòljnī, vānjskī gòvòrnī orgáni), состоящий из грудной клетки (grūdñi kòš), плечевого пояса (ràmenī rðjās), позвоночника (kīčma/kīčma, králježnica/králješnica), дыхательных мышц (dīsajñi mìšići), внутренний дыхательный аппарат (верхние дыхательные пути: носовая и ротовая полость – òðsnā/òðsnā и ùsnenā/ùsnenā dùplja/dúplja, šupljìna, глотка – gŕkljan, гортань – ždriježlo/ždrélo) и нижние дыхательные пути (трахея – trahéja, бронхиальное дерево – brònhijālnò stáblo, легкие – plúća), диафрагма (dijafragma).

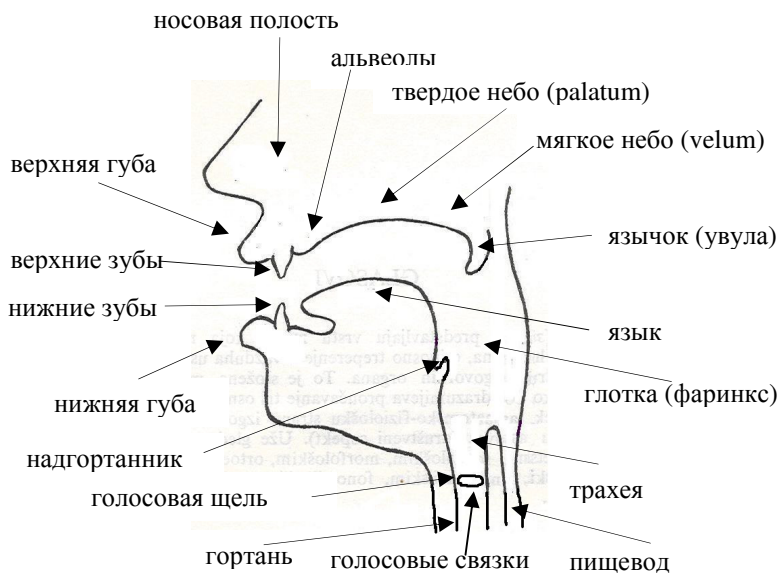

Рис. 5. Органы речи

Голос образуется в гортани (*gìkljan*). Органы артикуляции состоят из пищевода (*jèdnjāk*), полости глотки (*ždrijèlo/ždrélo, g̃llo*) и ротовой полости (*ùsnenā/ùsnenā dùplja/dúplja, šupljina*). В состав ротовой полости входят губы (*ùsne*), щеки (*òbraz, líce*), зубы (*zûbi*), твердое небо (передняя часть неба, *palatum – tvrdō, prèdnjē nèpce, palátum*), мягкое небо (задняя часть неба, *velum, – mèkō, zàdnjē nèpce, vélum, zàdnjī, strážnjī ðio/dèo nèpca*), язычок (увула – *gèsica, jezíčak*), язык (*jèzik*) и нижняя челюсть (*dônjā vili-ca/čèljüst*). Некоторые из этих органов являются активными: это губы, нижняя челюсть, язык, небная занавеска и язычок. Другие органы, как, например, зубы, зубная преграда, твердое небо, носовая полость и гортань, являются пассивными.

В гортани находится голосовая щель (глоттис – *t/j/èsnac, glásnica, pìsnīk*), состоящая из двух голосовых связок (*glásnice, glâsnē žice*). Голосовые связки проходят поперек гортани. Звуки могут порождаться посредством тона или шума. Если голосовые связки не напряжены, то голосовая щель широко открыта. Если же они напряжены, то они касаются друг друга, и поэтому поток воздуха выходит с трудом, вызывая колебания голосовых связок. Так возникает тон.⁴⁸ Когда голосовые связки колеблются, они производят гармонические колебания. При преодолении преграды, образованной органами речи, возникают шумы (*šúmovi*).

При артикуляции гласных воздух свободно проходит через ротовую полость, а при артикуляции согласных поток воздуха встречает на своем пути препятствия (органы речи могут быть полностью сомкнуты или оставлять лишь небольшой проход для воздуха).

79. Для описания и объяснения функций органов речи используются различные термины. Некоторые органы имеют в русском языке более одного наименования, например:

⁴⁸ «Высота основного тона человеческого голоса составляет около 125 Гц для мужского голоса, около 250 Гц для женского. Маленькие дети говорят голосом, частота основного тона которого – около 440 Гц. Эти различия объясняются различным размером гортани и, соответственно, разной длиной голосовых связок. Диапазон голоса составляет 1,3–2,5 октавы, а частота звуков человеческого голоса лежит примерно в пределах от 80 Гц до 12 кГц. В этих границах находятся частотные области, которые играют роль для понимания языка, для различения гласных и согласных, а также для создания приятного и теплого впечатления» (www-stimme). Существуют и другие данные: «[...] для мужских голосов средняя базовая частота равна приблизительно 130 Гц, для женских – 260 Гц. Для диапазона мужского голоса типичен интервал 80–200 Гц, для женского – 150–400 Гц, для детских голосов (в сильной зависимости от возраста) – 200–500 Гц» (Kodzasov/Krivnova 2001: 110).

альвеолы, зубные лунки, десны
голосовая щель, глоттис
голосовой тракт, резонатор
гортань, ларинкс
кончик языка, <i>apex</i>
мягкое небо, заднее небо, <i>velum</i>
носовая полость, полость носа
ротовая полость, полость рта
спинка языка, <i>dorsum</i>
твердое небо, переднее небо, <i>palatum</i>
трахея, дыхательное горло
глотка, зев, фаринкс
язычок, uvула

Табл. 24. Русские обозначения органов речи

Иногда в с.-х.-б. есть однозначный эквивалент для русского термина:

Русский	С.-х.-б.
грудная клетка	grûdnî kôš
небо	nèpce
гортань	gr̥kljan
пищевод	jêdnjāk
губа	ûsna
легкие	plúća
зуб	zûb
язык	jèzik
корень языка	kòrijen/kòrēn jèzika
диафрагма	dijafràgma

Табл. 25. С.-х.-б. эквиваленты
русских обозначений органов речи

Во многих случаях внутри с.-х.-б. есть терминологические различия:

Русский	С.-х.-б.
альвеолы (зубные лунки)	alveóle, dêsnî
голосовой тракт, резонатор	rezònātor: gòvōrnā šupljîna (gr̥kljan + ûsnenā dûplja/dúplja, šupljîna + nòsnā dúplja, šupljîna)
кончик языка, <i>apex</i>	vřh, vřšak jèzika
твердое небо, переднее небо, <i>palatum</i>	tvrdō, přednjē nèpce, palátum

гортань	gr̥kljan
пищевод	jêdnjak
надгортанник	pòklopac, zálistak gr̥kljana
губы	ùsnenī, lābijālñī orgáni, lābia (gòrnjā/górnjā ùsna + dònjā/dónjā ùsna)
трахея	vāzdūšnā, zrāčnā cìjev, dùšnik, tra- héja
ротовая полость, полость рта	ùsnenā dùplja/dúplja, šupljina
носовая полость, полость носа	nòsnā dùplja/dúplja, šupljina
фаринкс, глотка, зев	ždrijèlo/ždrélo, ždrijelna dùplja/dúplja, šupljina
голосовые связки	glásnice, glásne žice
голосовая щель, глоттис	t(j)èsnac glásnicā, pìšnik
нижняя челюсть	doñjā vīlica, čèljūst
мягкое небо, заднее небо, <i>velum</i>	mèkō, zàdnjē, strāžnjē nèpce, zàdnji, strāžnji đio/dèo nèpca, vélum
язычок, увула	rèsica, jezíčak, ùvula

Табл. 26. Обозначения голосовых органов в с.-х.-б.

Сербские языковеды употребляют термины *dùšnik*⁴⁹ ‘трахея’, *glásnē žice* ‘голосовые связки’, *nèpce* ‘небо’, *alveóli (dēsni)* ‘альвеолы’, *ždrèonā, ùsnā i nòsnā dùplja/dúplja* ‘полость глотки, рта и носа’, *glásnik (glóttis)* ‘голосовая щель (глоттис)’, *pòklopac (epiglottis)* ‘надгортанник’, *vīh jèzika (apex)* ‘кончик языка’, *vīlica* ‘челюсть’, *prèdnjē nèpce (palátum)* ‘твердое небо’, *mèkō nèpce (vélum)* ‘мягкое небо’, *rèsica (ùvula)* ‘язычок’ (Stevanović 1970/I). Живоин Станойич и Любомир Попович используют обозначения *zàdnjē i prèdnjē nèpce* ‘твердое и мягкое небо’, *alveóle* ‘альвеолы’, *ždrèonā, ùsnā i nòsnā dùplja/dúplja* ‘полость глотки, рта и носа’ (Stanović/Popović 2002). РАДОЕ СИМИЧ говорит о *gr̥kljanskā, ždrèonā, nòsnā i ùsnā dùplja/dúplja* ‘полость гортани, глотки, рта и носа’, *zàdnjē i prèdnjē nèpce* ‘мягкое и твердое небо’, *glàsīljka* ‘голосовая связка’, *vīlica* ‘челюсть’ (Simić 2002). СВЕТОЗАР МАРКОВИЧ употребляет термины *ždrijèlo (pharinx) ili ždrèonā, ùsnā i nòsnā dùplja/dúplja* ‘полость глотки, рта и носа’, *vīlica* ‘челюсть’, *dēsni (alveóli)* ‘альвеолы’, *tvrdō nèpce (palátum dúrum)* ‘твердое небо’, *mèkō nèpce* ‘мягкое небо’, *rèsica (ùvula)* ‘язычок’,

⁴⁹ Акцентуация сербских, хорватских и бошняцких терминов выполнена автором.

ùsne (lábja) ‘губы’ (Marković 1974). БРАНКО МИЛЕТИЧ пишет о *ùsnā i nòsnā dùplja/dúplja* ‘ротовая и носовая полость’, *górñjī górnjī i dónjī dónjī* ‘верхние и нижние зубы’, *alveóle* ‘альвеолы’, *tvrdō i mēkō nēpce* ‘твердое и мягкое небо’ (Miletić 1960).

В хорватском языкознании употребляются следующие обозначения: *ùsnenā, nòsnā i ždriježnā šupljina* ‘полость рта, носа и глотки’, *čěljūst* ‘челюсть’, *glásnica* ‘голосовая связка’, *dùšnik* ‘трахея’, *zálistak gikljana* ‘надгортанник’ (Hrvatska gramatika 1995), *dēsni* ‘альвеолы’, *prednēpce* ‘твердое небо’ *ùsnenā, nòsnā i ždriježnā šupljina* ‘полость рта, носа и глотки’, *dùšnik* ‘трахея’, *dēsni ili nādzūbnō mēso* ‘альвеолы’, *jědro ili mēkō nēpce* ‘мягкое небо’ (Težak/Babić 1994). У ИВО ШКАРИЧА находим *izgovōrni òrgān ili artikulātor* ‘голосовой тракт, или резонатор’, *gikljan (larinks)* ‘гортань (ларинкс)’, *ždriželo (fārink/s/fārings)* ‘глотка (фаринкс)’, *ždriježnā (fāringālnā) šupljina* ‘полость глотки’, *nòsnā (nāzālnā) šupljina* ‘носовая полость’, *ùsnā (òrālna) šupljina, ùsnenā (lābijālna) šupljina* ‘ротовая полость’, *rēsica (ūvula)* ‘язычок’, *mēkō nēpce ili vélum* ‘мягкое небо’, *tvrdō nēpce (palátum dúrum)* ‘твердое небо’, *čěljūst* ‘челюсть’ (Babić et al. 1991). ЗРИНКА БАБИЧ использует термины *dùšnik* ‘глотка’, *čěljūst* ‘челюсть’, *jědro* ‘мягкое небо’, *dēsni* ‘альвеолы’, *rēsica (jezičak)* ‘язычок’ (Babić, Zrinka 1995), а САНДРА ХАМ – *mēkō nēpce (jědro)* ‘мягкое небо’ (Ham 2002).

В книге «Gramatika bosanskoga jezika» («Грамматика боснийского языка»; Jahić/Halilović/Palić 2000: 86) была использована схема органов речи из «Хорватской грамматики» (Hrvatska gramatika 1995: 44), хотя и без указания источника. Авторы используют термины *glàsnice (glàsnē žice)* ‘голосовые связки’, *tvrdō (přednjē) i mēhkō⁵⁰ (zādñjē) nēpce* ‘твердое и мягкое небо’, *ždrèonā, ùsnā i nòsnā dùplja/dúplja* (в хорватской схеме – *ždriježnā, ùsnenā i nòsnā šupljina*) ‘полость глотки, рта и носа’, *górñjī i dónjī zūbi* ‘верхние и нижние зубы’, *dēsni (alveóle)* ‘альвеолы’, *vīlica* ‘челюсть’. В книге «Osnovi gramatike bosanskog jezika» («Основы грамматики боснийского языка») употребляются следующие термины: *glàsnē žice (glásnice, glàsiljke)* ‘голосовые связки’, *ùsnā i nòsnā dùplja (šupljina)* ‘ротовая и носовая полость’ (Čedić 2004). В «Грамматике боснийского языка» ХАНКИ ВАЙЗОВИЧ и ХУСЕИНА ЗВРКО используются термины *glàsnē žice (glásnice)* ‘голосовые связки’, *ùsnā i nòsnā šupljina (dùplja/dúplja)* ‘ротовая и носовая полость’, *tvrdō i mēhkō nēpce* ‘твердое и мягкое небо’ (Vajzović/Zvrko 1994), *górñjī i dónjī sjekùtići* ‘верхние и нижние резцы’, *alveole* ‘альвеолы’, *glàsnē žice (glásnice)* ‘голосовые связки’.

⁵⁰ В бошняцком добавляется **h**.

Сравнение показывает, что *vīlica* ‘челюсть’ и *dùplja/dúplja* ‘полость’ – это типично сербские слова, *šupljina* ‘полость’ и *děsni* ‘альвеолы’ встречаются в хорватском, а термин *měhkō něpce* ‘мягкое небо’ используется только в боснийских грамматиках.

МИЛИЦА МИХАЛЕВИЧ и БАРБАРА ШТЕБИХ сравнили хорватскую и сербскую фонетическую терминологию и пришли к следующему выводу: «В качестве одного из основополагающих различий следует упомянуть тот факт, что в хорватском особенно частотны производные слова (*usnenici*, *desnici*), тогда как в сербском наряду с интернационализмами преобладают словосочетания. Проведенный анализ показал, что в хорватских источниках есть различия по значению между терминами *suglasnik/samoglasnik*, с одной стороны, и *otvornik/zatvornik/zapornik*, с другой. В сербских источниках такое различие отсутствует. В хорватской литературе синонимия частотнее, чем в сербской, хотя и в сербских источниках для большинства понятий есть различные обозначения» (Mihaljević/Štebih 2008: 246).

Звук и фонемы (Glas i foneme/fonemi)

80. Звук (glas, глас) – шум, производимый органами речи, прежде всего голосом и потоком воздуха. Отдельный звук – минимальная фонетическая единица устной речи и минимальная единица, производимая речевыми органами внутри звуковой цепи. В целом, звук – это что-то слышимое и поддающееся восприятию, акустический сигнал, короткий непродолжительный шум.

Под звуком понимаются также те элементы, на которые можно разложить на слух некое высказывание. В противоположность фонеме, имеющей абстрактный характер, звук есть понятие, основывающееся на реальности. Звук имеет артикуляционные, акустические и перцептивные свойства. В первую очередь звуки – физическое явление, и поэтому они исследуются общей теорией звука – акустикой.

Звук делится на две составляющие: тон и шум. Тон создается простыми, периодическими и гармоническими колебаниями. Шумы – это звуковые ощущения, состоящие не только из тона и тембра.

Носители немецкого языка производят в минуту примерно 120–150 различимых на слух звуков, которые, однако, не все обладают смыслоопределяющей или смыслоразличительной функцией (Lewandowski 1994: 632).⁵¹

81. Фонемы – мельчайшие единицы языковой системы, которые лишены значения,⁵² однако же наделены семантико-дифференцирующей

⁵¹ «[...] установлено, что человек способен замечать изменение частоты формантного максимума, если оно составляет 3–5% от исходной частоты; замечаются изменение интенсивности первой форманты на величину около 1,5 дБ и изменения ширины формант от 20 до 40%. Изменения частоты основного тона замечаются даже в том случае, если они составляют 0,3–0,5%» (Bondarko 1981: 19).

⁵² А. П. ЖУРАВЛЕВ пишет о фонетическом значении, подразумевая под этим символическое значение звуков, т. е. звуковой символизм (Žuravlev 1974). По его мнению фонетическое значение можно измерять экспериментальным путем – заполнением матрицы, содержащей оценки звуков по шкале «хороший – плохой», «сильный – слабый», «светлый – темный», «простой – сложный», «легкий – тяжелый», «радостный – печальный», «громкий – тихий», «добрый – злой», «женственный – мужественный», «красивый – отталкивающий», «величественный – низменный» и т. п. Результаты одного такого эксперимента А. П. Журавлев подробно описывает (Žuravlev 1974: 36–143). С. В. ВОРОНИН рассматривает фоносемантику как самостоятельную ветвь языкознания, целью которой является

функцией. Фонема существенна для смысла (а также различения смыслов), поскольку в соединении с другими фонемами она может действовать в смысловоразличительном качестве. К примеру, *sóda* ‘сода’ – *sàdā* ‘сейчас’ – *sída* ‘СПИД’ – *Sída* [женское имя] – *súda* (род. п. ед. ч. от *súd*) ‘суд, суждение; посуда’ – *séda* (экав. 1. ‘седая’; 2. 3-е л. наст. вр. от *sèdati*); *sât* ‘час’ – *sèt* ‘сет (в теннисе)’; *sâm* ‘сам’ – *sòm* ‘сом’; *sât* ‘час’ – *rât* ‘война’ – *kât* ‘этаж’, *bât* ‘стук, топот’.

Поскольку фонема обладает семантико-дифференцирующей функцией, она не может быть заменена на другую фонему/звук без того, чтобы нарушить значение, ср.: *tàta* – *tétal/tèta* ‘папа’ – ‘тетя’, *pàs* – *bàs* ‘собака’ – ‘бас’, *tòp* – *pòp* ‘пушка’ – ‘поп’, *mîš* – *šîš* ‘мышь’ – ‘прут для обжаривания кофе’, *slâma* – *slâva* ‘солома’ – ‘слава’.

В примере *pòp* – *bòb* ‘поп’ – ‘боб’ различие между звуками **p** и **b** лежит в структуре звука: согласный **b** звонкий, в то время как согласный **p**, напротив, глухой. В примерах *pàs* ‘собака’ и *tàs* ‘металлическая тарелка, чашка весов’ различие между **p** и **t** – в месте образования: **p** – губной звук, **t** – зубной.

В вышеупомянутых примерах **p** и **b**, **p** и **t** обеспечивают оппозицию (контраст), противопоставляя друг другу два слова, образующих минимальную пару. В такой паре два слова различаются всего одним элементом; все остальные одинаковы. Фонологические оппозиции образуются, к примеру, на основе противопоставления по наличию/отсутствию голоса, долготы/краткости, восходящей/нисходящей интонации. Когда два слова различает всего один единственный признак, его называют дистинктивным. Этому признаку принадлежит смысловоразличительная (фонетическая, артикуляторная, акустическая) функция фонемы. В этой оппозиции есть две позиции, одна из которых может быть сильной, а другая слабой. В сильной позиции фонемы ясно выполняют свою дистинктивную функцию, в то время как в слабой позиции их функция ограничена.

Фонемы выступают в различных сочетаниях, которые называются фонемными комбинациями.

Совокупность всех ситуаций и окружений, в которых фонемы могут выступать, называется дистрибуцией (распределением) фонем.

82. Конкретное выражение какой-либо фонемы и минимальный сегмент речевого потока называют фоном. Фоны – звуковые репрезентации

изучение связи звука и значения в слове (Voronin 2006). В его концепции объектом этой дисциплины является звукоизобразительная (звукоподражательная и звукоименная) система языка (Voronin 2006: 21). О содержательности звуков речи в междзыковом аспекте (русско-польском) пишет Т. С. ЖУРАВЛЕВА (Žuravljova 1983).

фонем. В то время как фонема является абстрактным понятием, фон – это конкретный слышимый звук. Фонема входит в состав звуковой системы (*langue*), в то время как фон относится к реализации этой фонемы в речи (*parole*). Одной фонеме может соответствовать больше одного фона.

83. Фонемы могут иметь фонетические варианты, обычно называемые аллофонами (позиционно обусловленные аллофоны, комбинаторные варианты). Так, фонема **m** в следующих словах обладает различными фонетическими значениями и представлена различными фонетическими вариантами: *mâlā* ‘маленькая’ – *mīla* ‘милая’ – *mélal/mèla* ‘мелá’ – *mùla* ‘мул’ – *míla* ‘умирала’.

В с.-х.-б. часто играют существенную роль региональные вариации.

84. Существуют два типа фонем: гласные и согласные. К гласным фонемам относятся **a, e, i, o, u**. К согласным принадлежат: **p, b, f, v, m, t, d, s, z, n, ɲ** (графически **nj, ɲ**), **r, l, ɭ** (графически **lj, ɭ**), **ʃ** (графически **š, ш**), **ʒ** (графически **ž, ж**), **ts** (графически **c, ц**), **tɕ** (графически **č, џ**), **ʈ** (графически **ḍ, ḥ**), **ɟ** (графически **ḍ, ḥ**), **ɟ** (графически **j**) и **k, g, x** (графически **h, x**).

85. В с.-х.-б. можно встретить множество аллофонов (т. е. звуков, имеющих в определенной позиции или контексте специфическую артикуляцию, которая, тем не менее, не влияет на значение):

а) аллофон **ɲ** (назальный звук **n** перед велярными **k, g** из постдентального становится велярным): *Ānka* [aŋka], *bánka/bânka* [baŋka]/[bâŋka], *tāngo* [tãŋgo].⁵³

б) аллофон **ʃ** (палатальное, мягкое **s**) *Mis ée dóci*. [mĩstɕe dótɕi] ‘Мисс придет.’,

в) аллофон **ž** (палатальное, мягкое **z**) *gvôžde* [gvôžže] ‘железо’,

г) аллофон **ɕ** (графически **dz, дз**) возникает вследствие контакта глухого **ts** (графически **c, ц**) со следующими непосредственно за ним звонкими согласными **g** и **b**. Его появление – результат т. н. сандхи (фонологического изменения на границе двух слов): *òtac ga* [òtaɕga] *zòvè* ‘Отец его зовет’, *òtac bi* [òtaɕbi] *dòšao* ‘Отец бы пришел’,

д) глухой согласный **x** (графически **h, x**) при сандхи изменяется в звонкий аллофон **ɣ**, когда он стоит перед звонким согласным, к примеру, перед **g**: *ùspjeh ga* [ùspjeɣ ga] *ràdujè* ‘Успех его радует’,

⁵³ В лексемах *Āna* и *Ānka* сонант **n** артикулируется по-разному. «Своеобразным уподоблением, которое не передается на письме, можно назвать изменение звуков [n] и [ɲ] в положении перед [k] и [g] в более носовой звук, близкий к английскому [ŋ]: *bánka* ‘банк’, *ankèŋa* ‘анкета’, *gàñyuba* ‘пустая трата времени’, *iyàŋkalo* ‘ябеда’» (Leonova 1988: 18).

е) глухой согласный **f** при сандхи изменяется в звонкий аллофон **F** перед звонкими согласными, как, к примеру, перед **g**: *rèljef grâda* [rèl'eF grâda] 'рельеф города',

ж) согласный **š** перед **ć** изменяется в аллофон **ś**: *lišće* [lišće] 'листва',

з) согласный **ž** перед **ž** изменяется в аллофон **ẓ̌**: *grôžđe* [grôžže] 'виноград'.

Существуют также так называемые свободные аллофоны, или варианты, характеристики которых зависят от других обстоятельств (физиологии, возраста, настроения и т. д.) и число которых не ограничено.

и) Гласный **ɛ** (неогубленный передний гласный среднего подъема **e**) в сравнении с немецким представляет собой всегда открытое **e**, ср.: *mêso* [mêso] 'мясо'.

й) Огубленный задний гласный среднего подъема **ɔ** в сравнении с немецким представляет собой всегда открытое **o**, как, к примеру, в словах *Bòb, kòpoba* [kòpoba] 'трактор'.

86. Сербский, хорватский и бошняцкий имеют одинаковое количество фонем. При этом существует терминологическое различие: в сербском используется слово *fonema* (ж. р.), а в хорватском – *fonem* (м. р.).

87. В грамматиках с.-х.-б. выделяется различное количество двоичных дифференциальных признаков, причем их авторы опираются в первую очередь на модель Р. ЯКОБСОНА и М. ХАЛЛЕ, различавшие вокальность – невокальность, консонантность – неконсонантность, прерванность – непрерывность, глоттализованность (абруптивность) – неглоттализованность (неабруптивность), резкость (яркость) – нерезкость (неяркость), звонкость – незвонкость, глухость – неглухость, диффузность – компактность, высокотональность – низкотональность, бемольность – небемольность, простота, дизезность – недизезность, напряженность – ненапряженность, назальность – неназальность (Jakobson/Halle 1962b: 254–258). Якобсон и Халле выделяют два основных внутренних признака – признак звучности и признак тона. В рамках звучности различают девять типов: 1. г л а с н ы й – н е г л а с н ы й (акустическая характеристика: наличие/отсутствие четко выраженной формантной структуры; артикуляционная характеристика: прежде всего или только возбуждение голосовых связок при свободном проходе воздуха через голосовой тракт), 2. с о - г л а с н ы й – н е с о г л а с н ы й (акустическая характеристика: низкий/высокий общий уровень энергии, артикуляционная характеристика: наличие/отсутствие преграды в голосовом тракте),⁵⁴ 3. к о м п а к т н ы й

⁵⁴ «Гласные обладают признаком гласный, несогласный; согласные – признаками согласный, негласный; плавные – признаками гласный и согласный (так как характеризуются и свободным проходом воздуха, и наличием преграды в

– д и ф ф у з н ы й (акустическая характеристика: большая *resp.* меньшая концентрация энергии в относительно узкой центральной области спектра, сопровождаемая увеличением/уменьшением общего количества энергии в ее временной протяженности, артикуляционная характеристика: передняя/задняя артикуляция),⁵⁵ 4. н а п р я ж е н н ы й – н е н а п р я ж е н н ы й (акустическая характеристика: более/менее отчетливые резонансные области в спектре и увеличение/уменьшение общего количества энергии и ее временной протяженности, 5. з в о н к и й – г л у х о й (акустическая характеристика: наличие/отсутствие гармонических колебаний в нижних частотах, артикуляционная характеристика: гармонические колебания голосовых связок / отсутствие таких колебаний), 6. н о с о в о й – р т о в ы й или н а з а л и з о в а н н ы й – н е н а з а л и з о в а н н ы й (акустическая характеристика: распределение имеющейся энергии на более широкую/узкую полосу частот за счет сокращения интенсивности некоторых формант (в особенности первой) и появление дополнительных (носовых) формант, артикуляционная характеристика: к ртвому резонатору добавляется/исключается носовой резонатор), 7. п р е р в а н н ы й – н е п р е р ы в н ы й (акустическая характеристика: отсутствие звука, до или после которого происходит быстрое распространение энергии на широкую полосу частот / отсутствие резкого перехода между звуком и отсутствием звука, артикуляционная характеристика: внезапное включение или выключение источника звука, состоящее либо в быстром закрывании или открывании голосового тракта, что отличает смычные согласные от фрикативных, или в наличии одного или нескольких ударов (смыканий), отличающих прерванные плавные типа дрожащего, или вибрирующего *г*, от непрерывных плавных типа бокового *l*, 8. р е з к и й – н е р е з к и й (акустическая характеристика: большая/меньшая интенсивность шума, артикуляционная характеристика: острые/гладкие края, фонемы с острыми краями отличаются от имеющих менее сложную преграду фонем с гладкими краями наличием дополнительного препятствия в точке артикуляции, создающего специфический звуковой эффект), 9. г л о т т а л и з о в а н н ы й – н е г л о т т а л и з о -

голосовом тракте с соответствующим акустическим эффектом); глайды обладают признаками негласный и несогласный» (Jakobson/Halle 1962b: 255).

⁵⁵ «Различие между этими двумя типами звуков состоит в отношении между формой и объемами резонаторов, лежащих перед точкой максимального сужения голосового тракта и позади нее. При произнесении компактных фонем (широких гласных, а также велярных и палатальных, и в том числе постальвеолярных согласных) резонатор имеет форму горна, тогда как при произнесении диффузных фонем (узких гласных, а также губных и зубных, и в том числе альвеолярных согласных) ротовая полость приближается по форме к резонатору Гельмгольца» (Jakobson/Halle 1962b: 255).

в а н н ы й (акустическая характеристика: большая/меньшая скорость расходования энергии в относительно малый промежуток времени на более длинном отрезке времени, артикуляционная характеристика: наличие/отсутствие глоттализации – сжатия или смыкания голосовой щели) – Jakobson/Halle 1962b: 255–257.

К признакам тона относятся три элемента: 1. н и з к и й – в ы с о - к и й (акустическая характеристика: концентрация энергии в нижних/верхних частотах спектра, артикуляционная характеристика: периферийные/центральные; периферийные фонемы – велярные и губные – характеризуются большим размером и меньшей расчлененностью резонатора, чем соответствующие центральные фонемы – палатальные и дентальные, 2. б е м о л ь н ы й – п р о с т о й (акустическая характеристика: бемольные фонемы противопоставлены соответствующим простым фонемам сдвигом вниз или ослаблением некоторых из верхних частотных составляющих, артикуляционная характеристика: первые, фонемы с суженной щелью, в противоположность вторым, фонемам с более широкой щелью, производятся при уменьшенном переднем или заднем отверстии ротового резонатора с сопутствующей веляризацией, которая расширяет ротовый резонатор), 3. д и е з н ы й – п р о с т о й (акустическая характеристика: диззные фонемы противопоставляются соответствующим простым фонемам сдвигом вверх или усилением некоторых верхних частотных составляющих, артикуляционная характеристика: первые, фонемы с широкой щелью, в отличие от вторых, фонем с более узкой щелью, производятся при расширении заднего отверстия ротового резонатора с сопутствующей палатализацией, ограничивающей и расчленяющей область рта (Jakobson/Halle 1962b: 257–258).

88. «Hrvatska gramatika» (1995) различает одиннадцать релевантных дистинктивных признаков:

1. ± вокальность (vokalnost ~ nevokalnost). К вокальным относятся **a, e, i, o, u** и дифтонг **ie**. Это звуки, образующиеся без препятствий в органах речи;
2. ± консонантность (šumnost ~ nešumnost). Консонантные звуки – **p, t, k, b, d, g, ts (c), ʦ (č), ʦ̣ (ć), ʒ (dž), ʒ̣ (đ), f, s, ʃ (š), x (h), z, ʒ (ž)**. Это звуки, образующиеся с наличием препятствий в органах речи;
3. ± компактность (kompaktnost ~ nekompaktnost). Фонема является компактной в том случае, если акустическая энергия сфокусирована в центре спектра. К таковым относятся гласный **a**, сонорные **ń (nj), í (lj), j** и согласные **ʃ (š), ʒ (ž), ʦ (č), ʦ̣ (ć), ʒ (dž), ʒ̣ (đ), k, g, h**;
4. ± диффузность (difuznost ~ nedifuznost). Диффузным называется звук, образующийся в передней части ротовой полости и в ротовом резонаторе и акустический диапазон которого меньше, чем у

компактных фонем. К таким относятся гласные **i, u**, сонорные **v, m, n, l, r, ɾ** и согласные **p, b, t, d, ts (c), s, z, f**;

5. \pm грависность (*gravisnost ~ negravisnost*). Грависным (темным) звукам свойственен более широкий резонатор и потому более темный тон: это гласные **o, u**, сонорные **v, m** и согласные **p, b, k, g, f, h**;
6. \pm акутность (*akutnost ~ neakutnost*). Акутные, или светлые, звуки произносятся с упором языка в твердое и мягкое небо: гласные **i, e** и дифтонг **ie**, сонорные **n, ɲ (nj), l (lj), r, ɾ, j** и согласные **t, d, s, z, ʃ (š), ʒ (ž), ts (c), tʃ (č), ɬ (ć), ʒ (dž), ʒ (đ)**;
7. \pm назальность (*nazalnost ~ nenazalnost*). При артикуляции назальных помимо резонатора активизируется также носовая полость: **m, n, ɲ (nj)**;
8. \pm прерывность (*prekidnost ~ neprekidnost*). Непрерывные звуки – это звуки без стремительного, поспешного прерывания: гласные **i, e, a, o, u** и дифтонг **ie**, сонорные **v, l, l (lj), j** и согласные **ʃ (š), ʒ (ž), s, z, f, h**; к прерывным относятся сонорные **m, n, ɲ (nj), r, ɾ** и согласные **p, b, t, d, k, g, ts (c), tʃ (č), ɬ (ć), ʒ (dž), ʒ (đ)**;
9. \pm звонкость (*zvučnost ~ bezvučnost*). При звонких согласных голосовые связки вибрируют; к звонким относятся **b, d, g, ʒ (dž), ʒ (đ), z, ʒ (ž)**, к глухим **p, t, k, tʃ (č), ɬ (ć), s, ʃ (š), ts (c), f, h**; звонкими являются также сонорные **(m, n, ɲ (nj), r, ɾ)**;
10. \pm резкость (*stridentnost ~ nestridentnost*). Резкие звуки отмечены более сильным и долгим шумом. К ним причисляют сонорный **v** и согласные **ʃ (š), ʒ (ž), s, z, f, ts (c), tʃ (č), ʒ (dž)**;
11. \pm напряженность (*napetost ~ nenapetost*). Напряженными являются те согласные, которые воспроизводятся с сильным напряжением (контракцией) мускулов. Это гласные **i, u**, дифтонг **ie**, сонорные **ɲ (nj), l (lj), ɾ**, согласные **p, t, k, ts (c), tʃ (č), ɬ (ć), s, ʃ (š), f, h** (Hrvatska gramatika 1995: 45–48).

Akustička svojstva glasova	Vokali					Sonanti										Šumnici																			
	i	u	e	je	o	a	m	n	ŋ	l	r	ʀ	v	j	p	b	f	t	d	c	s	z	č	ć	ž	š	ž	š	k	g	x	γ	h		
vokalnost	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
šumnost	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
kompaktnost	-	-	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
difuznost	+	+	+	-	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
gravisnost	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	
akutnost	+	+	-	+	+	-	-	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-
nazalnost	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
neprekidnost	+	+	+	+	+	+	-	+	-	-	+	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	+	+	+	+	-	+	+	+
zvučnost	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
stridentnost	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-	+	+	-
napetost	-	+	+	-	+	-	-	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-

Табл. 27. Фонемы хорватского языка и их дистинктивные признаки
(Hrvatska gramatika 1995: 48)

89. ЗРИНКА БАБИЧ выделяет 15 дистинктивных признаков звуков: 1. slogotvorni (слоγοобразующие звуки), 2. zvonki (звучные), 3. šumni (шумные), 4. sprijedni (передние), 5. rubni (окраинные), 6. visoki (высокие), 7. stražnji (задние), 8. niski (низкие), 9. prekidni (прерывные), 10. reski (резкие), 11. zvučni (звонкие), 12. napeti (напряженные), 13. nosni (носовые), 14. bočni (боковые), 15. zaobljeni (огубленные) – Babić 1995: 85.

	p	b	f	t	d	c	s	z	č	ž	š	ž	ć	ž	k	g	x	m	n	ŋ	l	ʎ	r	r	v	j	i	e	ie	a	o	u
1. slogotvorni	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+
2. zvonki	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. šumni	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
4. sprijedni	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
5. rubni	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
6. visoki	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+
7. stražnji	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
8. niski	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
9. prekidni	+	+	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-
10. reski	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11. zvučni	-	+	-	+	-	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
12. napeti	+	-	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
13. nosni	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14. bočni	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
15. zaobljeni	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Табл. 28. Фонемы хорватского языка и их дистинктивные признаки
(Babić, Zrinka 1995: 85)

90. ЙОСИП СИЛИЧ и ИВО ПРАНЬКОВИЧ различают десять признаков: вокальность (vokalnost), турбулентность (turbulentnost), компактность

(kompaktnost), диффузность (difuznost), грависность (gravisnost), назальность (nosnost), непрерывность (neprekidnost), звонкость (zvučnost), резкость (stridentnost) и напряженность (napetost) – Silić/Pranjkočić 2005: 14. При наличии вокальности происходит вибрация, и поток воздуха не встречает препятствий. При наличии турбулентности дела обстоят противоположным образом: поток воздуха наталкивается на препятствие, вследствие чего возникает четкий тон и можно говорить о шуме (šumnost). О компактности речь идет, когда спинка языка при артикуляции звука сдвигается от альвеол в направлении глотки, при этом звуковая энергия концентрируется в центральной части ротовой полости. Диффузность возникает в передней части ротовой полости при контакте кончика языка с губами. Этот признак – противоположность компактности. Темные звуки образуются вследствие концентрирования энергии в глубоких уровнях спектра. О назальности говорят, если во время артикуляции мягкое небо ослаблено, а носовая полость не закрыта, благодаря чему поток воздуха может проходить через нос. Продолжительность имеет место, когда органы речи допускают свободное прохождение воздушного потока через носовую полость. Звонкость есть следствие колебаний голосовых связок. Поток воздуха проходит сквозь колеблющиеся голосовые связки в носовую полость, вследствие чего эти звуки приобретают носовое звучание. Резкие звуки характеризуются сильным шумом, который вызывают завихрения в ротоглотке и других органах речи. Напряжение есть следствие сокращения мускулов речевых органов, отчего возникает поток воздуха большей интенсивности. На основе этих признаков Йосип Силич и Иво Пранькович различают десять видов звуков: турбулентные (turbulentni), гласные (vokalni), компактные (kompaktni), диффузные (difuzni), темные (gravisni), назальные (nosni), непрерывные (neprekidni), звонкие (zvučni), резкие (stridentni) и напряженные (napeti).

GLASOVI I NJIHOVA RELEVANTNA OBILJEŽJA																															
	p	b	f	t	d	c	s	z	k	g	h	č	ć	ž	š	ž	š	m	n	ñ	l	ř	v	i	i	u	e	o	a	r	
1. TURBULENTNI	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2. VOKALNI																		-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	-
3. KOMPAKTNI	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	+	-
4. DIFUZNI																									+	+	+	-	-	-	
5. GRAVISNI	+	+	+	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	-					+	-	-	+	-	+		
6. NOSNI																			+	+	+	-	-	-							-
7. NEPREKIDNI	-	-	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	+	+						+	+	-	+						-
8. ZVUČNI	-	+	-	-	+	-	+	-	+		-	+	-	-	-	-	-	+													
9. STRIDENTNI				-	-	+								-	-	+	+														
10. NAPETI																							-		-	+	-				

Znak + znači prisutnost obilježja, a znak - odsutnost obilježja.

Navođenje znakova + i - znači da razlikovno obilježje nije relevantno za glas.

Табл. 29. Фонемы хорватского языка и их дистинктивные признаки
(Silić/Pranjkočić 2005: 14)

91. В хорватском языкознании существуют различные взгляды на фонологическую природу долгого рефлекса звука «ять» (старосл. ѣ, научная транскрипция *ě*, иногда описывается как дифтонг *ie*), отражаемого на письме как *ije*, как в слове *dijete* ‘ребенок’ (от *dъte*, или, соответственно, *děte*). В его отношении сформировались две позиции. Первую позицию, согласно которой *ie* – единая фонема, представляет ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ. Он пишет, что «этот дифтонгический фон представляет собой самую частую реализацию долгого иекавского ятя, отображаемого на письме через *ije*» (Brozović 2007: 44). Сообразно с этим, он транскрибирует этот дифтонг также как *ijē*. В дальнейшем Брозович заявляет, что «в обычной среднестатистической реализации хорватского стандартного языка» распространено и отвечает норме двусложное произношение *ijē*, в то время как односложное встречается редко и стоит на границе нормы (Brozović 2007: 84). Долгий ять, реализованный как дифтонг, он рассматривает как стилистический или поэтический прием. Он продолжает: В существовавших до сих пор изложениях упоминаются многочисленные примеры долгого ятя, которые по нормам графемики пишутся через последовательность *ije*, как в словах *nadlijeće*, *vrijeme*, *gnijezdo*, *bijela*, *strijela*, *umrijeti*, *dijete*, *smijeh*, *grijež*, *svijetom*, *zvijezde*. Однако же произносятся все эти формы с односложным, дифтонгическим ятем, т. е. *nadlijécē* и *umrijēti* – в три, а не в четыре слога; *vrijēme*, *gnijēzdo*, *bijēla* (и *bijēla*), *strijēla*, *dijēte*, *svijētom*, *zvijēzde* – в два, а не в три слога, и *smijēh*, *grijēh* – в один, а не в два слога» (Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: 237).

Уже в 1990-е годы Брозович критиковал орфоэпические нормы: «Почти все грамматики, словари, своды правил правописания и подобные справочники требуют произносить такие слова, как *tijelo*, *dijete*, *uvijek* и пр., исключительно как *tijělo*, *dijěte*, *ùvijek*, т. е. с таким же гласным *i*, как и во всех других случаях, далее со звуком *j* в интервокальной позиции после *i*, и с кратким *e*, как он обычно произносится» (Brozović 1972–1973a: 68).

В так называемой узуальной норме (обиходной, узусной – «uporabna, uzusna norma»), тем не менее, произношение *i* + *j* + *ě* затрагивает только слово *dvije* ‘две’ и еще четыре или пять других (Brozović 1972–1973a: 68). Во всех других случаях используется дифтонг, который состоит из (1) звука, сходного с гласным *i* и согласным *j*, и (2) долгого *e*. Иными словами, можно сказать, что кодифицированная норма требует произношения *tijělo* ‘тело’, *dijěte* ‘ребенок’, *ùvijek* ‘всегда’, в то время как узуальная норма принимает только (а) дифтонгическое произношение с *ij*: *tjělo*, *djěte*, *ùvjěk* (во всех случаях) или (б) произношение в два слога и с долгим *ē*: *tijělo*, *dijéte*, *ùvijěk* (редко). В дальнейшем Брозович описывает степень распространения такого произношения в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Сербии (Brozović 1972–1973b: 113).

Кроме того, Далибор Брозович констатировал, что долгий рефлекс ятя (**ije**) в предупредной позиции («в классическом произношении») реализуется кратким рефлексом (*pobijèliti* ‘побелить’ – *pobjeljívati* ‘белить’), в то время как последовательность звуков **ije**, не являющаяся рефлексом ятя, остается неизменной (*orijèntīrām se* ‘ориентируюсь’ – *orijentīrati se* ‘ориентироваться’) – Brozović 1972–1973a: 70. Он ссылается на то, что для таких случаев нет фонетического или фонологического объяснения.

Дифтонг **ie** в систему хорватских фонем включает также Зринка Бабиц, транскрибируя его как **ie̞** (Babić, Zrinka 1995).

92. Другую позицию занимают Йосип Силич и Иво Пранькович. Они различают лишь пять «классических» гласных фонем: **a, e, i, o, u** (Silić/Pranjkočić 2005: 11). В статье «Долгий рефлекс ятя – фонема или морфонема?» (Pranjkočić 2008: 14–18) Пранькович защищает точку зрения на трактование ятя как фонемы, отличную от точки зрения Брозовича, о чем писали также Степан Бабиц, Божидар Финка и Милан Могуш в «Хорватском правописании». Пранькович отмечает, что прецедентом является тот факт, что при склонении качество гласного меняется – так, в номинативе выступает «дифтонг **ie**» (*vrijeme* ‘время’), в то время как в генитиве находим совсем другую фонему – **e** (*vremena*). Кроме того, одну фонему (дифтонг **ie**) в номинативе других слов замещают в генитиве уже две – **j** и **e** (*dijete* ‘ребенок’). Пранькович не склонен считать «дифтонг **ie**» фонемой и приводит семь аргументов к этому: (а) в хорватском языке нет таких согласных, которые бы выступали только в долгих слогах, и потому нет также случаев, в которых бы эффектом редукции какого-либо гласного являлся долгий гласный, как в примерах *vrijemel vremena* или *vidjetil/vidio* у Брозовича, (b) «дифтонг **ie**» имеет ограниченную дистрибуцию и не встречается в свободном положении и в начале слова (за исключением лексемы *ijekavica*), (c) «дифтонг **ie**» всегда заменяет долгий рефлекс ятя и при редукции становится **je**. Для Праньковича **ije** не составляет фонемы. Он утверждает, что чередования **ije/je** (*dijete/djeteta*), **jě/jě** (*sjena/sjēnā*), **je/e** (*vremena*), **ije/i** (*dio*) и **je/i** (*vidio*) невозможно описать с фонологической точки зрения. На основании этого рефлекс ятя следовало бы рассматривать под углом зрения морфонологии, т. е. представив **ije, jě** и **jě, e** и **i** не как фонемы, а как морфонемы.

93. В фонетико-фонологическом отношении существовало предложение отойти от иекавской базы и снова принять икавицу, от которой отказались 120 лет назад. Однако это не нашло никакого отклика в научном мире, и, вероятно, эта ситуация не изменится и в будущем. Также другое предложение – нейтрализовать различия между **č** и **ć, dž** и **đ**, которое защищал в первую очередь Иво Шкарич (ср. выше), не пользуется в настоящее время необходимой поддержкой, чтобы быть воплощенной в реальность.

94. В сербском языкознании лишь РАДМИЛО МАРОВЕВИЧ разделяет точку зрения Далибора Брозовича относительно шести гласных фонем (как в иекавско-екавских диалектах, так и в стандартном языке) **и, о, а, е, ње, и:** и пишет: «[...] В более длинной статье профессор из Задара ставит вопрос о фонологическом статусе екавского рефлекса долгого ятя и его соотношения с иекавским (двусложным) рефлексом. Таким образом Брозович, по примеру ленинградской фонологической школы, сделал первый (и немалый) шаг в направлении фонологической интерпретации рефлекса ятя [...] Помимо этого, работа Брозовича существенна также для прояснения следующего вопроса: в ходе анализа поэзии, выдержанной в строгой метрической форме и принадлежащей тем литераторам, которых он берет за основу т. н. стандартного хорватского языка, этот лингвист доказывает несправедливость не включения односложного, екавского рефлекса ятя в орфоэпию хорватского стандартного языка. Речь при этом идет о том, что расположенная пространственно ближе всего сербоязычная зона, а именно та, на которой в идеале основывается т. н. хорватский стандарт, является исключительно екавской с односложным рефлексом ятя. В то время как в орфоэпии екавские формы утратили первенство, хорватские орфографисты сохраняют формы с **ije** – в предстоящих исторических этапах они, при содействии сербских ученых, говорящих на экавице, будут претендовать на всю общую иекавскую зону» (Marojević 1995: 27–28). Мароевич дальше развивает свою позицию: «Фонологическая интерпретация иекавского произношения сербского и общей (ятевой) версии сербского письма гласит: помимо пяти гласных фонем, которыми исчерпывается инвентарь экавского произношения (это верно также для икавского, хотя оно и не имеет статуса стандартного), в иекавской системе существует шестая фонема, а именно дифтонг **ĭe/**, записываемый графемой „ѣ“. Базовая форма этой фонемы в позиции первичной долготы реализуется как **[ije]** (в основном аллофоне компонента **i** носит чисто позиционный, фонетический характер, поэтому данная фонема изображается как **ĭe/**). В кратком слоге, а также в позиции вторичной долготы (т. н. удлинненный ять) реализуется аллофон **[ie]**, к чему имеются два ограничения. Первое: если в постпозиции находится звук **j** – независимо от того, является ли этот йот фонологическим **/i/**, как в примерах типа *ĭp ĵjaŋi* ‘греть’, или же позиционным **[i]** в составе аллофона фонемы **[io]**, как в примерах типа *volĵo* ‘любил’ (фонетически: [volijō]), – то реализуется аллофон **[i]**. Второе ограничение: если в препозиции находятся согласные **l, n** и **r** (при условии, что первое ограничение неприменимо), реализуется аллофон **[’e]** – **e** с мягкостью предшествующего согласного, если этот согласный обладает мягкой парой, т. е.: **лѣ** [lje], **нѣ** [nje], **рѣ** [re]. Слова с корнем *бѣлѣ* можно рассматривать как исключение: аллофон **[i]** реализуется также перед слогом **лѣ** [lje] в данном деривативном гнезде» (Marojević 1995: 32–33). Автор приходит к следующему заключению: «Мы исходим из того, что в иекавско-екавских диалектах – центральном сербском диалекте – и бази-

рующемся на них стандартном произношении есть шесть гласных фонем: /u/, /o/, /a/, /e/, /ie/, /i/. Базовая форма фонемы /ie/ в сильной позиции (рефлекс долгого ятя) реализуется как двусложная фонетическая последовательность [ije], но также и как факультативный аллофон – односложная последовательность [ʲje]: *лијеј* ‘красивый’, *вијек* ‘век’, *сијеци* ‘секи (императив от „сечь“)', *дијеће* ‘ребенок’, *ријека* ‘река’. В слабой позиции (рефлекс краткого ятя) дело доходит до реализации ряда аллофонов в зависимости от фонетического окружения – [je]: *вјекови* ‘века’, *сјећи* ‘сечь’, *дјеца* ‘дети’; [ʲe] (е с предшествующей мягкостью согласных **l**, **n**): *љепота* ‘красота’, *снегови* ‘снега’; [e] (е с предшествующим отвердевшим **r**): *времена* ‘времена’; [iʲ] (**i** с последующим согласным **j**, имеющим фонологическую или только фонетическую значимость): *тријаџи*, *волио* (фонетически: [волиʲo]). Аллофон [e] может замещаться факультативным аллофоном [je], если перед согласным **r** нет других согласных: *јорјеџи* ‘гореть’ (наряду с *јореџи*), *рјечиџи* ‘красноречивый’ (наряду с *речиџи*), *рјешене* ‘решение’ (наряду с *решене*), *рјечица* ‘речка’ (наряду с *речица*). Распределение факультативных аллофонов зависит от региона: [ʲje] и [je] после **r** на западе, [ʲje] и [e] после **r** на востоке. Со стилистической точки зрения отмечаются как народные формы слов с аллофоном [e], которому предшествует йотированный согласный (**d** → **đ**, **t** → **ć**, **s** → **ш**): *ђеца* ‘дети’, *ћераџи* ‘гнать’, *шећи* ‘сечь’. Как результат диссимиляции возникли следующие формы: *биљеџи* ‘знак, отметка’, *биљежиџи* ‘отмечать’, *биљешка* ‘пометка’. Фонема /ie/ в письменных текстах традиционно обозначается как **ѣ**» (Marojević 2000: 103–104).

95. Против аргументации Радмило Мароевича в отношении ятя как фонемы в иекавских говорах высказывается ПАВЛЕ ИВИЧ (Ivić 1998a). По мнению Ивича, Мароевич исходит из концепции Далибора Брозовича, который пытался доказать, что долгий ять в стандартном хорватском языке является отдельной фонемой, чтобы показать таким образом, насколько сильно различаются стандартные хорватский и сербский язык с фонетической точки зрения.

96. В сербском языкознании дистинктивные признаки изучены меньше, чем в хорватском.

97. ПАВЛЕ ИВИЧ подробно занимался фонологией, как теоретически, так и практически, и изложил свой опыт в большой 775-страничной работе (Ivić 1998c). Собственной классификации фонологических признаков, однако же, в этой книге он не представил.

98. РАДОЕ СИМИЧ и БРАНИСЛАВ ОСТОИЧ проводят классификацию признаков звуков по двум свойствам – акустическому и физиологическому (Simić/Ostojić 1996: 142). В обеих группах различаются сонорность (sonoritet), тональность (tonalitet) и интенсивность (fortitet, intenzitet). При принятии во внимание этих факторов получается следующая картина (таблица наша; Б. Т.):

Акустические свойства	Физиологические свойства
I. Соenorность (sonoritet)	
1. сонорность (sonornost)	вибрантность (vibrantnost)
2. периодичность (periodičnost)	резонантность (rezonantnost)
II. Тональность (tonalitet)	
3. компактность (kompaktnost)	централизованность (centraliziranost)
4. диффузность (difuznost)	периферийность (perifernost)
5. интенсивность (akutnost)	фронтализованность (frontaliziranost)
6. низкая тональность (gravisnost)	спинализированность (spinaliziranost)
7. диезность (diježnost)	палатализованность (palataliziranost)
8. бемольность (bemolnost)	лабиализованность (labijaliziranost)
III. интенсивность (fortitet, intenzivnost)	
9. ламинарность (laminarnost)	локализованность (lokaliziranost)
10. интенсивность (fortitet, intenzivnost)	напряженность (napetost)
11. турбулентность (turbulentnost)	латеральность (tesnačnost)
12. абруптность/глоттализованность (abruptnost)	наличие преграды (pregradnost)

Табл. 30. Классификация признаков звуков (Simić/Ostojić 1996: 142)

Однако эта терминология непоследовательна, так как она частично международного, частично сербского происхождения. Кроме того, *sonornost* и *sonoritet* семантически фактически тождественны, и поэтому в других языках (как и в немецком или русском) эквиваленты можно подобрать с трудом. Также с трудом поддаются семантическому различению *intenzivnost* и *fortitet*. Перевод осложнен также тем обстоятельством, что для отдельных категорий не приведены примеры.

99. В бошняцкой грамматике фонологическая система объясняется по хорватскому примеру (Jahić/Halilović/Palić 2000).

100. А. И. ИСАЧЕНКО утверждал, что в штокавском имеется пять количественно различных гласных (**i, e, a, o, u**) и 24 слоговые фонемы: «В политонических языках бывает по нескольку гласных фонем типа „а“. В данном случае мы имеем дело с четырьмя фонемами этого типа – долгой с восходящей интонацией, краткой с восходящей интонацией, долгой с нисходящей интонацией и краткой с нисходящей интонацией. Если учесть, что четырьмя различными интонациями представлен также и слоговой сонант **r**, то мы придем к выводу, что в штокавском имеются 24 слоговые фонемы» (Isačenko 1963: 111).

101. В русских источниках приводится различное количество фонологических признаков с.-х.-б. Например, матрица парадигматической

идентификации согласных сербохорватского языка, сделанная С. М. ТОЛСТОЙ, выглядит следующим образом:

Матрица парадигматической идентификации согласных сербохорватского языка

	j	r	l	ʎ	n	n'	m	p	b	f	v	t	d	s	z	c	š	ž	č	ž	ʒ	k	g	x
1. Согласность	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2. Компактность	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Периферийность	0	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
4. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	-	-	-	+	-	-	+	+	+	+	0	0
5. Непрерывность	0	-	+	+	-	-	-	-	+	+	-	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+
6. Назальность	0	-	-	-	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7. Звонкость	0	0	0	0	0	0	-	+	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
8. Палатальность	0	0	-	+	-	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-	+	-	+	0	0

Табл. 31. Парадигматическая идентификация согласных (Tolstaja 1972: 13)

102. Особый взгляд на фонологическую систему сербохорватского языка высказал П. С. КУЗНЕЦОВ (Kuznesov 1948). Он рассматривал фонемы этого языка с точки зрения ударения, задавая вопрос, можно ли считать отдельными фонемами гласные, отличающиеся долготой и краткостью, восходящей и нисходящей интонацией. Эта проблема является релевантной, так как ударение имеет смысловоразличительную функцию, т. е. является важным фонологическим элементом, причем не только качество и количество гласных, но и место ударения является смысловоразличительным. П. С. Кузнецов критически рассматривает позицию Н. С. Трубецкого и Р. Якобсона, согласно которой различие восходящего и нисходящего ударения, по крайней мере на начальном слоге, используется для различения значения (как лексического, так и грамматического). При этом Трубецкой толкует нисходящее ударение как комбинаторный вариант отсутствия тона (точнее, вариант, в котором реализуется отсутствие тона на начальном слоге), с чем П. С. Кузнецов не соглашается: «Но ведь этот „комбинаторный вариант“ и вполне значимое восходящее ударение противостоят друг другу в тождественном положении, а противопоставление двух звуков друг другу в тождественном положении является общепризнанным основанием для признания этих звуков разными фонемами. И даже если считать, что нисходящее ударение характеризуется лишь отрицательным признаком („отсутствие тона“), то и это не является основанием для того, чтобы признать его фонологически незначимым. Ведь из того, что глухие согласные характеризуются отсутствием звонкости (отсутствием работы голосовых связок), не следует, что глухие фонологически незначимы (в тех языках, где различие глухость – звонкость используется как смысловоразличительное средство). Фонологическая незначимость нисходящего ударения не может быть обоснована и тем, что оно возможно лишь на начальном слоге. Очень многие фонемы выполняют свою смыс-

лоразличительную функцию далеко не в любом положении. И из того факта, что, например, в русском языке (как, впрочем, и в сербском) глухие и звонкие согласные не различаются в положении перед шумными согласными, не следует, что они являются не такими же равноправными фонемами, как сонорные согласные» (Kuznesov 1948: 128–129). П. С. Кузнецов утверждает, что фонологическую незначимость нисходящего ударения нельзя вывести и из того, что нисходящее ударение зависит от тесной или не тесной связи данного слова с предшествующим, передвигаясь на предлог и на отрицание, тогда как восходящее ударение сохраняет свое место и в том случае, если оно падает на начальный слог: ср. *jâрица* – *за jâрицу*, но *jâрица* – *зѣ jарицу*. «Ряд фонем в определенных условиях подвергается изменениям, при чем частично или полностью теряет свою смысловую различительную функцию» (Kuznesov 1948: 129). Но если оба ударения (как восходящее, так и нисходящее), продолжает автор, играют определенную фонологическую роль, встает вопрос, должны ли рассматриваться эти различия в ударении как признаки отдельных слоговых фонем (как это делает А. И. Исаченко), или же эти различия лежат за пределами фонем? В продолжении анализа П. С. Кузнецов напоминает, что в свое время он указывал на необходимость рассматривать ударение с фонологической точки зрения как признак, характеризующий целое слово. «Но тогда шла речь о монотоническом ударении, т. е. ударении, играющем смысловую различительную роль только своим местом, а положения, относящиеся к монотоническому ударению, нельзя просто механически переносить на ударение политоническое, играющее роль не только местом, но и качеством, каким является сербское ударение» (Kuznesov 1948: 129). Он считает, что бесспорным доказательством того, что тоновые различия являются признаком отдельных слоговых фонем, могло бы служить наличие этих признаков как у ударяемых, так и у безударных слоговых звуков, но в сербском языке дело как раз обстоит иначе: «Различия восходящего и нисходящего тона выступают лишь под ударением. Но неразличение по тону безударных гласных, не давая средства для доказательства того, что тон является признаком отдельных фонем, в то же время не доказывает и обратного, т. е. что тон таким признаком не является» (Kuznesov 1948: 129).

Этот автор высказывает критическую позицию по поводу толкований данного вопроса Г. Л. Треждером, который отделяет ударение от фонем, но в то же время его рассматривает как признак, сопутствующий отдельной фонеме (так же, как и долгота). П. С. Кузнецов считает, что мотивы такого отделения неясны. «С таким же правом мы могли бы изолировать от согласной фонемы такой признак, как глухость или звонкость. И зачем выделять, раз этот признак сопутствует отдельной фонеме, а не какой-то единице, большей чем фонема и принципиально от нее отличной? В этом выделении ради выделения отражается весьма характерное для ряда западных, и в частности американских, лингвистов стремление к чистой классификации признаков, т. е. к классификации ради классификации, без

учета той роли, какую эти признаки реально играют в языке» (Kuznecov 1948: 129). Для него спорной является и позиция А. И. Исаченко, согласно которой ударение зависит от тонового характера отдельных слоговых фонем. В связи с этим П. С. Кузнецов ставит вопрос, можно ли считать тон признаком отдельной фонемы (как это делает А. И. Исаченко), и отвечает, что против такого предположения говорит следующее обстоятельство: «Если слоговые фонемы сами по себе характеризуются одни восходящим, другие нисходящим тоном, – при чем от ударения эти различия не зависят, а, напротив, само ударение зависит от них, – то оказывается, что в слове или совсем нет фонем, характеризующихся восходящим тоном, или же может быть только одна такая фонема, на которую и падает ударение» (Kuznecov 1948: 129–130). Автор утверждает, что обычно наличие одной фонемы, характеризующейся каким-нибудь дифференцирующим признаком, не имеет такого следствия, чтобы в слове не могло быть другой фонемы с таким же признаком (например, наличие в слове одной звонкой согласной фонемы не требует того, чтобы все остальные согласные фонемы в этом слове были глухими). «Поскольку же восходящий тон может падать только на один слог (или на одну слоговую фонему) в слове, по видимому, мы и здесь, как в случае монотонического ударения, имеем дело с отношениями, характеризующими целое слово» (Kuznecov 1948: 130).

После критического рассмотрения позиция других исследователей П. С. Кузнецов высказывает свой позицию, суть в которой состоит в следующем: 1. сербское ударение относится к фонологическим средствам, характеризующим целое слово, реализующимся на основе противопоставления целых слов, 2. в отличие от монотонического ударения, характерного для русского и большинства славянских, а также западноевропейских языков, сербское ударение отличается двумя смысловозначительными признаками – местом в слове и качеством (направлением движения голосового тона), 3. каждый из этих признаков проявляется лишь в определенных условиях: только местом ударения могут отличаться друг от друга лишь слова и формы, характеризующиеся восходящим ударением, только качеством ударения могут различаться лишь слова и формы, имеющие ударение на начальном слоге (в слове более чем один слог).

Далее следует конкретное рассмотрение фонем сербохорватского языка, причем в ряде случаев возникают не только оригинальные, но и спорные толкования. П. С. Кузнецов сначала пытается разобраться в вопросе, какое место занимают долготные отношения в фонологической системе данного языка. Здесь у него опять появляется другая позиция по отношению к А. И. Исаченко, рассматривающему длительность гласной фонемы таким же характеризующим ее признаком, как и тон, и Г. Л. Треджеру, отделяющему длительность от слоговой фонемы и считающему ее особым признаком, сопутствующим фонеме. П. С. Кузнецов утверждает, что не надо выделять долготу как особый признак, лежащий за пределами фонемы, как это делает Треджер. «Для этого нет никаких оснований (по-

добных тем, какие есть для отделения ударения как фонологической единицы от ударяемой фонемы). Так, по крайней мере, обстоит дело в сербском языке» (Kuznesov 1948: 131). Автор утверждает, что долгий гласный является особой самостоятельной фонемой и безусловным доказательством считает возможность наличия в данном языке двух одинаковых гласных рядом без стяжения (если такая возможность в языке имеется). «А такая возможность в сербском языке указана может быть, по крайней мере, для одного случая. Два одинаковых гласных, оказывающиеся рядом в результате утраты между ними *х*, обычно стягиваются в один долгий. Но это стяжение не происходит, если первый гласный принадлежит приставке, а второй – корню; например: *gđog* < *gđxog* (если бы стяжение происходило и здесь, *gđxog* должно было бы дать *gđg*). На стыке приставки и корня стяжения не происходит и в случае давнего сочетания двух одинаковых гласных (без утраты согласного между ними), например: *īđočim* ‘названный отец’» (Kuznesov 1948: 131). Автор приходит к окончательному выводу, что долгие гласные сербского языка следует считать особыми фонемами по отношению к кратким (Kuznesov 1948: 132).

В анализе конкретных слоговых фонем, характерных для сербохорватского языка, П. С. Кузнецов утверждает, что они носят очень устойчивый характер и мало подвержены изменениям позиционного характера⁵⁶, а затем высказывает позицию по всем конкретным фонемам. 1. По его мнению, согласные *г* и *г̣* являются различными фонемами.⁵⁷ 2. Что касается сочетания *ije* как рефлекса *ятя*, автор констатирует, что исследование чисто фонетического характера рассматриваемого сочетания представляет большие трудности даже для очень тонких наблюдателей, и разные ис-

⁵⁶ «Все они в общем отчетливо различаются как под ударением, так и без ударения, а если изменяются под влиянием соседних согласных, то эти изменения в общем незначительны, носят вариационный, а не вариантный характер, т. е. не приводят к совпадению различных фонем в одном варианте» (Kuznesov 1948: 135).

⁵⁷ Он утверждает, что слоговое *г̣* возможно перед гласным лишь в одном случае, а именно перед *о*, развившемся из *І* на конце слова, и считает необходимым доказать, не зависит ли в данном случае слоговой характер *г̣* от этого последующего звука. Автор добавляет, что само это *о* от характера *г̣* не зависит (оно обусловлено тем, что следует за ним: если дальше гласный звук – является *І*, если нет гласного – *о*) и констатирует: «Поскольку *о* не зависит от *г̣* и поскольку перед *о* может быть как слоговое *г̣*, так и неслоговое *г* (ср. *īpđza* ‘ужас’), постольку *г̣* и *г* являются, несомненно, различными фонемами. Поскольку *о* < *І* является особой фонемой по отношению к *І* и мы для современного языка имеем дело просто с морфологическим чередованием *о/І*, различное происхождение *о* в приведенных выше примерах для нас роли не играет. К тому же надо иметь в виду, что *г̣* возможно и после гласного перед согласным, т. е. опять-таки в таком положении, где возможно и *г*; например: *zarђaīti* ‘заржаветь’» (Kuznesov 1948: 133).

следователи приходят к различным результатам (для него дифтонги с фонологической точки зрения вообще должны быть рассматриваемы как сочетания двух фонем). 3. Если в экавской речи интеллигентных слоев населения, т. е. в экавской разновидности литературного языка, на месте старого *ě* (ятя) произносится несколько более широкий (открытый) звук, чем *e* на месте старого *ě* или *e*, как утверждает Решетар, то для экавского наречия должна быть указана еще одна пара фонем, которую условно можно обозначить как *ɛ*, *ē*.⁵⁸ 4. Принимая во внимание невозможность сочетаний (а) *tj*, противостоящего *c'*, (б) *dj*, противостоящего *d'*, (в) *nj*, противостоящего *n'*, (г) *lj*, противостоящего *l'*, следует считать рассматриваемые палатализованные согласные не особыми фонемами, а вариантами сочетаний *tj*, *dj*, *nj*, *lj*.⁵⁹ 5. Согласный *ʧ* (графически *ч*) появляется лишь в заимствованных словах. 6. Согласный *ɟ* представляет собой даже не вариант, а вариацию фонемы *ts*, не имеющей звонкого соответствия. 7. Для современного языка нет доказательств в пользу того, что *te* (*h*), *ʒ* (*h*) являются особыми фонемами.⁶⁰ 8. Это же относится к *l'* и *n'*, так как они вариации *l*, *n* в сочетании с *j*.

103. Что касается дифференциальных элементов фонем русского языка, существует, как и по отношению к с.-х.-б., различные типы толкований. Скажем, М. В. ПАНОВ указывает на то, что в русском языке звук может быть вокальным, консонантным, диффузным, низким, бемольным, дизным, прерванным, резким, звонким, т. е. он выделяет девять признаков (Panov 1967: 132).

⁵⁸ «Ведь если в одной и той же позиции возможны как более закрытое, так и более открытое *e*, мы имеем дело с двумя фонематически различающимися типами» (Kuznecov 1948: 134).

⁵⁹ Он добавляет: «Правда, на стыке предлога с корнем сочетание переднеязычного с *j* возможно; например: *ogjahaŋi* 'отъехать'. Но и здесь возможны колебания: *ogjāŋi ŋi*, *oĥjāŋi ŋi* 'открыть', ср. *jaŋiti* 'быть открытым'» (Kuznecov 1948: 133).

⁶⁰ «Мы должны их признать даже не вариантами, а вариациями сочетаний *tj*, *dj*, поскольку в рассматриваемых звуках не обнаруживается совпадения различных фонем и фонематических сочетаний» (Kuznecov 1948: 138).

	вокальный	консонантный	диффузный	низкий	бемольный	дизный	прерванный	резкий	звонкий
а	+	(-)	-	+	(-)	(-)	(-)	(-)	(+)
о	+	(-)	-	+	(-)	(-)	(-)	(-)	(+)
э	+	(-)	-	+	(-)	(-)	(-)	(-)	(+)
и	+	(+)	+	(+)	(-)	(-)	+	(-)	(+)
п	-	(+)	+	+	(-)	-	+	(-)	-
п'	-	(+)	+	+	(-)	+	+	(-)	-
б	-	(+)	+	+	(-)	-	+	(-)	+
б'	-	(+)	+	+	(-)	-	+	(-)	-
ф	-	(+)	+	+	(-)	+	-	(-)	+
ф'	-	(+)	+	+	(-)	+	-	(-)	-
в	-	(+)	+	+	(-)	-	-	(-)	+
в'	-	(+)	+	+	(-)	+	-	(-)	+
м	+	+	+	+	(-)	-	(+)	(-)	(+)
м'	+	(+)	+	-	(-)	+	+	(-)	(+)
т	-	(+)	+	-	(-)	-	+	-	-
т'	-	(+)	+	-	(-)	+	+	-	+
д	-	(+)	+	-	(-)	-	+	-	+
д'	-	(+)	+	-	(-)	+	+	-	+
с	-	(+)	+	-	(-)	-	-	(-)	-
с'	-	(+)	+	-	(-)	+	-	(-)	+
з	-	(+)	+	-	(-)	-	-	(-)	+
з'	-	(+)	+	-	(-)	+	-	+	+
ц	-	(+)	+	-	(-)	(-)	+	+	(-)
н	+	+	+	-	(-)	-	+	(-)	(+)
н'	+	+	+	-	(-)	+	+	(-)	(+)
л	+	+	+	-	(-)	-	-	(-)	(+)
л'	+	(+)	+	-	(-)	+	(-)	(-)	(+)
ш	-	(+)	-	-	(-)	+	(-)	-	-
ш'	-	(+)	-	-	(-)	-	(-)	-	+
ж	-	(+)	-	-	(-)	-	(-)	(-)	+
ж'	-	(+)	-	-	(-)	+	(+)	(-)	+
ч	-	(+)	-	-	(-)	(+)	(+)	+	(-)
р	+	+	-	-	(-)	-	(+)	+	(+)
р'	+	+	-	-	(-)	(-)	(+)	+	(+)
ѣ	+	+	-	-	(-)	(-)	(-)	+	+
к	-	(+)	-	+	(-)	-	+	(-)	-
к'	-	(+)	-	+	(-)	+	+	(-)	-
г	-	(+)	-	+	(-)	-	+	(-)	+
г'	-	(+)	-	+	(-)	+	+	(-)	+
х	-	(+)	-	+	(-)	+	(-)	(-)	-
х'	-	(+)	-	+	(-)	+	(-)	(-)	-

Табл. 32. Характеристики русских звуков (Рапов 1967: 132)

Т. П. ЛОМТЕВ различает в русском языке 12 признаков: твердость – мягкость, звонкость – глухость, сонорность, смычность, щелинность, неоднородность, лабиальность, дентальность, небность, задненебность (Lomtev 1972: 27). Он считает, что любая согласная фонема может быть получена путем конъюкции четырех дифференциальных элементов, каждый из которых принадлежит одному из четырех разбиений, например, **b** – твердость, звонкость, смычность, лабиальность, **b'** – мягкость, звонкость, смычность, лабиальность, **p** – твердость, глухость, смычность, лабиальность, **p'** – мягкость, глухость, смычность, лабиальность, **m** – твердость, сонорность, смычность, лабиальность, **m'** – мягкость, сонорность, смычность, лабиальность и. т. д. (Lomtev 1972: 28). Он дает такую модель согласных фонем современного русского языка:

- b** – твердая, звонкая, смычная, лабиальная, ср. *был*
- b'** – мягкая, звонкая, смычная, лабиальная, ср. *бил*
- p** – твердая, глухая, смычная, лабиальная, ср. *пыл*
- p'** – мягкая, глухая, смычная, лабиальная, ср. *пил*
- m** – твердая, сонорная, смычная, лабиальная, ср. *мыл*
- m'** – мягкая, сонорная, смычная, лабиальная, ср. *мил*
- v** – твердая, звонкая, щелинная, лабиальная, ср. *выл*
- v'** – мягкая, звонкая, щелинная, лабиальная, ср. *вил*
- f** – твердая, глухая, щелинная, лабиальная, ср. *форма*
- f'** – твердая, глухая, щелинная, лабиальная, ср. *фирма*
- d** – твердая, звонкая, смычная, дентальная, ср. *дал*
- d'** – мягкая, звонкая, смычная, дентальная, ср. *дядя*
- t** – твердая, глухая, смычная, дентальная, ср. *тына*
- t'** – мягкая, глухая, смычная, дентальная, ср. *тина*
- n** – твердая, сонорная, смычная, дентальная, ср. *ныл*
- n'** – мягкая, сонорная, смычная, дентальная, ср. *Нил*
- z** – твердая, звонкая, щелинная, дентальная, ср. *зал*
- z'** – мягкая, звонкая, щелинная, дентальная, ср. *ЗИЛ*
- s** – твердая, глухая, щелинная, дентальная, ср. *сад*
- s'** – мягкая, глухая, щелинная, дентальная, ср. *сядь*
- l** – твердая, сонорная, щелинная, дентальная, ср. *ложь*
- l'** – мягкая, сонорная, щелинная, дентальная, ср. *лёд*
- ts** – твердая, глухая, неоднородная, дентальная, ср. *цена*
- r** – твердая, сонорная, неоднородная, дентальная, ср. *рад*
- r'** – мягкая, сонорная, неоднородная, дентальная, ср. *ряд*
- ʒ** – твердая, звонкая, щелинная, небная, ср. *жать*

- з'** – мягкая, звонкая, щелинная, нёбная, ср. *визжать*
ʃ – твердая, глухая, щелинная, нёбная, ср. *шина*
ʒ – мягкая, глухая, щелинная, нёбная, ср. *щи*
ĩ – мягкая, сонорная, щелинная, нёбная, ср. *ёлка*
ʈʂ – мягкая, глухая, неоднородная, нёбная, ср. *челка*
g – твердая, звонкая, смычная, заднеязычная, ср. *гул*
g' – мягкая, звонкая, смычная, заднеязычная, ср. *гюрза*
k – твердая, глухая, смычная, заднеязычная, ср. *кура*
k' – мягкая, глухая, смычная, заднеязычная, ср. *кюри*
x – твердая, глухая, щелинная, заднеязычная, ср. *холл*
x' – мягкая, глухая, щелинная, заднеязычная, ср. *хил*⁶¹

(Lomtev 1972: 40–41)

Этот автор создал единую глобальную систему согласных фонем современного русского языка в форме их четырехмерной композиции (Lomtev 1972: 149). Речь идет о построении общей решетки для размещения в пространстве всех возможных согласных фонем современного русского языка. Она содержит девять прямоугольников, объединенных в три трехчленные композиции. В каждой тройке прямоугольников линии, соединяющие их точки, выражают отношения между фонемами по свойствам дифференциальных элементов звонкости, глухости, сонорности. Отношения по смычности, щелинности, неоднородности обозначаются линиями, соединяющими точки соответствующих прямоугольников из каждой тройки.

⁶¹ Кириллические буквы здесь заменены знаками, применяемой в данной книге.

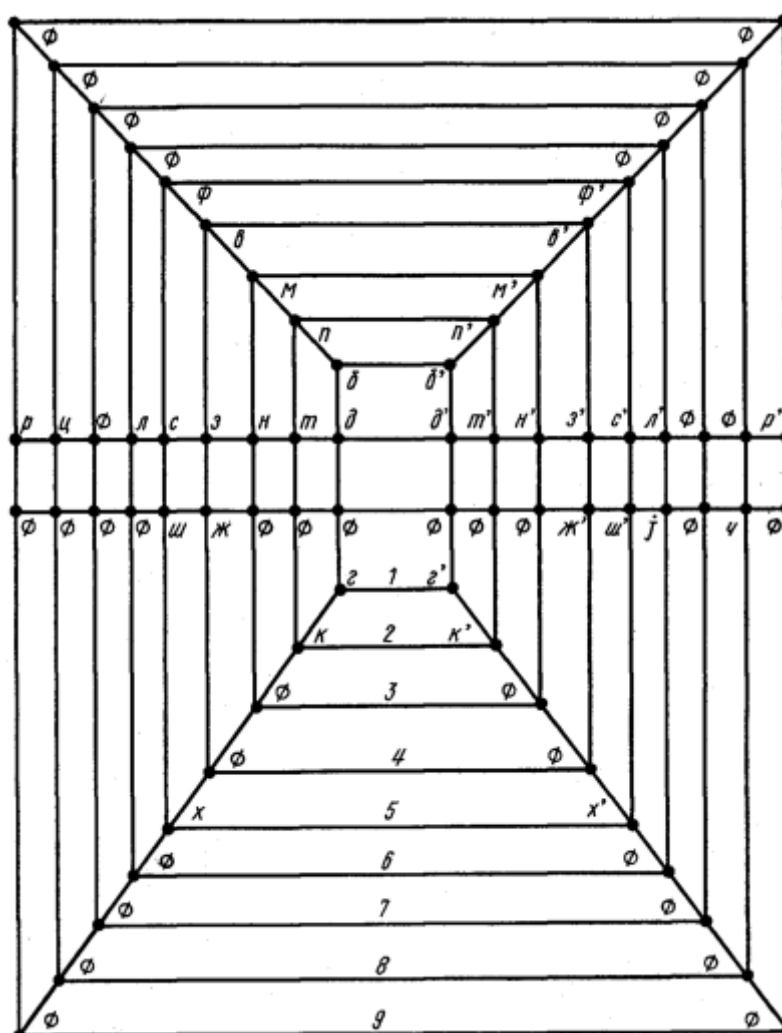

Рис. 6. Единая глобальная система фонем русского языка (Lomtev 1972: 149)

Полный список фонемных противопоставлений русского языка приводит и С. Н. ДМИТРИЕНКО (Dmitrienko 1985: 217–231).

Частоты формантов русских гласных можно определить на основе источников, которые приводит Л. В. БОНДАРКО (Bondarko 1981: 8).

	А. И. Томсон	Л. В. Щерба	М. И. Берг	Г. Фант		
				F1	F2	F3
i	2 192 – 2 461	3 044	2 322 – 2 461	222	2 244	3 140
e	1 642 – 1 843	1 816	1 381 – 1 844	432	1 959	2 722
a	1 303 – 1 550	960	1 096 – 1 161	616	1 072	2 470
o	821 – 976	756	775 – 870	510	900	2 400

и	690 – 775	432	652 – 731	231	615	2 375
ы	1 642 – 1 953	976	1 303 – 1 381	296	1 517	2 413

Табл. 33. Частоты формантов русских гласных (Bondarko 1981: 8)

Л. Л. Буланин пишет, что сочетания гласных (в форме так. наз. зияния) не свойственно собственно русским словам и что они встречаются почти исключительно в словах иностранного происхождения. «История русского языка свидетельствует о тенденции русского произношения избавляться от сочетания гласных путем вставки согласного между гласными. Обычно в роли этой вставки выступал согласный **в**. Ср. *Иоанн – Иван*» (Bulanin 1970: 142).

104. В немецком языке выделяется 12 признаков: гласный – негласный (наличие или отсутствие свободного прохода воздуха сквозь полости глотки и рта), согласный – несогласный (наличие или отсутствие преграды), компактный – диффузный (характер концентрации энергии и ширина раствора рта), напряженный – ненапряженный (четкость областей резонанса), звонкий – глухой (уровень периодических колебаний), носовой – ротовой (участие в артикуляции полости носа и рта), прерывный – непрерывный (наличие или отсутствие смычки в полости рта), резкий – нерезкий (наличие или отсутствие сужения в полости рта), глоттализованный – неглоттализованный (наличие или отсутствие резкого смыкания голосовых связок), низкий – высокий (объем резонатора), бемольный – простой (наличие или отсутствие сильного сужения у входного или выходного отверстия ротовой полости с одновременной веляризацией), дизный – простой (наличие или отсутствие уменьшения объема полости рта и поднятия передней части языка к небу) – Raevskij 1997: 131–135.

Часть III

Глава 11

Гласные (Samoglasnici, vokali, otvornici)

105. Есть три вида звуков: согласные, сонорные и гласные. При образовании согласных (konsonanti, suglasnici, zatvornici) поток воздуха наталкивается в течение определенного времени на сопротивление или сужается (**b, p, d, t, z, s** и т. д.). Эти звуки могут быть звонкими или глухими. При образовании сонорных, или сонантов (sonanti, glasnici), над шумом преобладает тон (**m, n, j, v** и т. д.). При образовании гласных (**a, e, o, i, u**) поток воздуха не встречает препятствий в ротовой и носовой полости (воздух без помех проходит сквозь рот), при этом голосовые связки в гортани вибрируют. Гласные состоят из чистого тона и являются звонкими.

106. Системы гласных различаются тем, что в некоторых языках гласные произносятся без позиционно обусловленных изменений, в то время как в других модификации в той или иной степени наблюдаются. Типичный пример редукции гласных представляет собой русский язык, в котором гласные произносятся ясно только под ударением, а безударные изменяются в зависимости от позиции (закрытый или открытый слог, предударная или заударная позиция и т. п.). Примером языка без количественного изменения гласных представляет собой с.-х.-б., в котором все без исключения гласные произносятся четко, сообразно своему фонемному облику и независимо от того, ударные они или безударные. Для систем согласных важно различное произношение отдельных звуков, как, например, **ʃ** в русском и с.-х.-б.

107. К гласным с.-х.-б. относятся **a** (*sàdā* 'сейчас'), **e** (*téma* 'тема'), **i** (*sīka* 'картина'), **o** (*kōnj* 'конь'), **u** (*dūnja* 'айва') и слоговое (сонантное, слогаобразующее) **ɾ** (*cɾn* 'черный'). Они произносятся четко в ударных и безударных слогах.

Для представления гласных используется так называемый треугольник гласных или трапеция гласных (*vokalski trougao, trokut, trapez*).

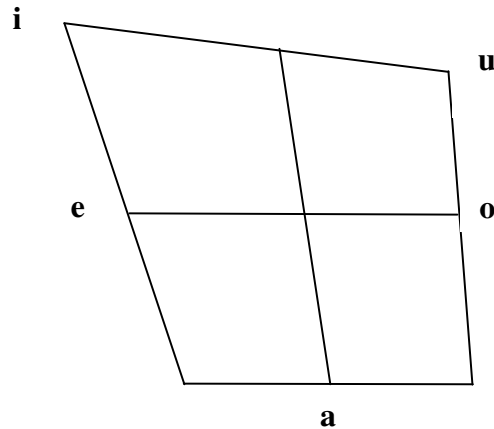

Рис. 7. Гласные

Он состоит из вертикальной и горизонтальной плоскости артикуляции.

В первой плоскости по степени подъема языка (движению языка по вертикали) различаются **(1)** гласные верхнего подъема (*visoki samoglasnici/vokali*): **i** и **u**, **(2)** гласные среднего подъема (*srednji samoglasnici/vokali*): **e** и **o** и **(3)** один гласный нижнего подъема (*niski samoglasnik/vokal*): **a**.

Во второй плоскости согласно горизонтальному движению языка различаются: **(1)** гласные переднего ряда (*samoglasnici/vokali prednjeg reda*): **i** и **e**, **(2)** один гласный среднего ряда (*samoglasnik/vokal srednjeg reda*): **a** и **(3)** гласные заднего ряда (*samoglasnici/vokali zadnjeg reda*): **o** и **u**.

В зависимости от существенного фактора движения губ гласные разделяются на **(1)** лабиализованные (огубленные) гласные (*labijalizirani samoglasnici/vokali*): **o** и **u** и **(2)** нелабиализованные (неогубленные) гласные (*nelabijalizirani samoglasnici/vokali*): **a**, **e** и **i**.

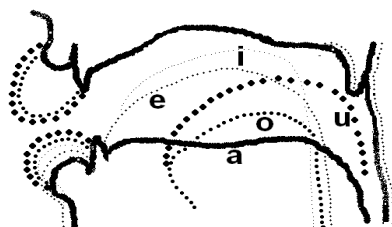

Рис. 8. Артикуляция гласных

Объединив эти три характеристики, в отношении артикуляции всех гласных с.-х.-б. наблюдаем следующую картину:

Гласный **а** – звук среднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованный. Гласный **е** – звук среднего подъема, переднего ряда, нелабиализованный.

Гласный **і** – звук верхнего подъема, переднего ряда, нелабиализованный.

Гласный **у** – звук верхнего подъема, заднего ряда, лабиализованный и, наконец, гласный **о** – звук среднего подъема, заднего ряда и лабиализованный.

Помимо этих трех качеств, различают также закрытые (узкие) и открытые (широкие) гласные (*otvoreni i zatvoreni vokali/suglasnici*). Открытым является **а**, в случае **о** и **е** речь идет о гласных средней открытости, в то время как **і** и **у** являются закрытыми.

В с.-х.-б. нет дифтонгов (двоезвучий – *diftonzi, dvoglasi*), состоящих из двух гласных (слогового и неслогового). Этот термин используется только в дискуссии касательно артикуляторных свойств звука *я*ть (в особенности в хорватском языкознании).

108. В некоторых случаях между сербским, хорватским и бошняцким существуют терминологические различия. В сербском и хорватском языкознании для понятия *гласный* используются термины *samoglasnik* и *vokal*, однако только в хорватских грамматиках встречаем слово *otvornik*. В грамматике ТЕЖАКА/БАБИЧА (1994: 83) различаются способ образования (*način tvorbe*) и функция (*uloga*) звуков. В отношении способа образования эти звуки называются словами *samoglasnik* и *vokal*. Однако когда рассматривается роль звука в слове (не в в фонемном смысле), используется термин *otvornik*.

109. Гласные имеют различную частоту колебаний. Средняя частота колебаний голосовых связок у взрослых мужчин составляет 120 Гц, у женщин – 220 Гц и у детей – 300 Гц: у мужчин связки длиннее (17–24 мм), чем у женщин (13–17 мм) и детей⁶² (Škarić 1991: 108). Усиленные части голосового спектра называют формантами. Самый низший резонансный максимум в спектре звука называют первым формантом (F1), за ним следуют второй формант (F2), третий формант (F3) и т. д.

Гласный **а** обладает самой высокой степенью открытости из всех гласных и потому имеет самый высокий F1 (F1 670, F2 1 220, F3 2 550 Гц), частота первого форманта гласного **о** ниже, чем у **а** (440 Гц), а гласный **и** – самый закрытый и имеет по этой причине самую низкую частоту первого форманта – 260 Гц (F1 250, F2 2 200, F3 2 000) – Bakran 1996: 33. F2 гласного **и**, однако же, имеет в системе гласных наибольшую величину (2 200 Гц); артикуляция **е** близка к артикуляции **и**, гласный же **у** занимает самую заднюю позицию и потому имеет самую низкую частоту F2 (F1 1 320, F2 700, F3 2 150 Гц) – Bakran 1996: 33. Средняя величина форманта F1 гласного **и** составляет 360 Гц, F2 – 2 200 Гц, а F3 – 2 850 Гц (Škarić 1991: 184). Средние показатели для стандартных гласных, согласно ŠKARIĆ (1991: 186), составляют:

	и	е	а	о	у
F1	360	500	700	450	380
F2	2 200	1 800	1 400	1 150	750
F3	2 850	2 500	2 250	2 300	2 450

Табл. 34. Средние показатели для стандартных гласных (Škarić 1991: 186)

Типичные частотные зоны для гласных можно очертить следующим образом (Škarić 1991: 266–267):

а	800 – 1 600 Гц
е	800 – 2 600 Гц
о	400 – 650 Гц

⁶² При половом созревании голосовые связки вырастают примерно на 10 мм у мужчин и на 3–4 мм у женщин.

i	3 200 – 4 100 Гц
u	200 – 400 Гц

Табл. 35. Частотные зоны гласных (Škarić 1991: 266–267)

110. Результаты анализа, проведенного на базе корпуса устной речи Gralis (Gralis Speech-Korpus), отличаются от названных выше акустических величин, приведенных ЮРАЕМ БАКРАНОМ и ИВО ШКАРИЧЕМ, лишь незначительно.

Приведенные ниже количественные данные основываются на анализе, проведенном при помощи программы Praat.⁶³ При этом в работе были предприняты следующие шаги: из Gralis Speech-Korpus извлечены репрезентативные образцы записи состоящего из 18 коротких предложений текста «Jutro» («Утро»), составленного самим автором (Tošović 2006с) с целью проанализировать различия между сербским, хорватским и бошняцким.

*Jutros su me vrlo rano ptice probudile.
 Sunce je tek bilo izašlo iza brda.
 U daljini se prostirala velika šuma.
 U njoj su rasli borovi, jele, breze i omorike.
 Na livadama oko šume pasle su ovce i krave.
 Na travi je i dalje ležala rosa.
 U obližnjem parku ptice su cvrkutale.
 Grad se postepeno budio.
 Ulice su postajale sve bučnije.
 U dvorištu su se pojavila dva psa.
 Oni su se veselo igrali, povremeno lajući.
 Iza dvorišta su dopirali zvuci tramvaja.
 Đaci su se spremali za odlazak u školu.
 Neki od njih imali su na sebi džempere.*

⁶³ Измерения были по нашей просьбе и под нашим контролем проведены Сандрой Форич.

Trgovine su počele s radom.

Poštari su raznosili pisma.

Jutro je sve više prelazilo u dan.

Ja se spremam za rad.

(Текст «Jutro»: Tošović 2006с)⁶⁴

Текст «Jutro» не обнаруживает ни одного сколько-либо релевантного лексического или грамматического различия между сербским, хорватским и бошняцким. Этот текст был зачитан вслух типичными носителями каждого отдельного языка. После этого записи, длящиеся примерно полторы минуты, были сегментированы на предложения и отдельные слова. Затем аудиофайлы с сегментированными лексемами были перенесены в программу Praat с целью выявить средние значения. В программе Excel на основе полученных данных было высчитано соответствующее акустическое значение для каждой записи. Вслед за этим данные были обобщены и в Excel было высчитано их среднее значение.

⁶⁴ Перевод:

Сегодня очень рано утром меня разбудили птицы.

Солнце только что вышло из-за холма.

Вдали простирался большой лес.

В нем росли сосны, ели, березы и пихты.

На лугах около леса паслись овцы и коровы.

На траве всё ещё лежала роса.

В ближайшем парке птицы щебетали.

Город постепенно просыпался.

Улицы становились всё шумнее.

Во дворе появились две собаки.

Они весело играли, время от времени лая.

Со стороны двора доносились звуки трамвая.

Школьники собирались пойти в школу.

Некоторые из них были одеты в джемперы.

Магазины начали работать.

Почтальоны разносили письма.

Утро всё больше переходило в день.

Я собираюсь пойти на работу.

(Tošović 2007b)

В настройках программы Praat, в соответствии с размерами акустических величин, была выбрана опция «Standard». Критерии сегментирования были приняты на основании таких признаков, как изменение интенсивности, форма спектра, различение границы между шумом и тембром, а также восприятие на слух. Таким образом определялась длительность гласных.

Для вычисления средних значений первого, второго и третьего формантов выбиралась средняя часть гласного или сегмента, в которой влияние соседних звуков наименьшее. Отмечаемые вручную части формантов высчитывались автоматически, во время чего производился также визуальный контроль. Тон замерялся в начале, середине и конце каждого гласного, чтобы было возможно описать кривые движения тона, которое может быть прямым, восходящим или падающим. Подобным же способом измерялась и интенсивность.

Для измерения акустических величин были привлечены следующие носители (приведены шифры, под которыми они выступают в Gralis Speech-Korpus): а) носители-женщины – bjelovar_006k, graz_004s, graz_005b, mostar_005k, novi_sad_002s, б) носители-мужчины – beograd_001s, mostar_003k, sarajevo_004b, sarajevo_003b, sarajevo_001k, sarajevo_004s, zagreb_010k. Топоним (к примеру, *Bjelovar*) обозначает место жительства испытуемого, число – номер (нумерация по возрастаню) в статистике корпуса (к примеру, 004), а стоящая вслед за этим буква (s) – язык (b – бошняцкий, k – хорватский, s – сербский).

111. Долгий нисходящий гласный *â* в слове *dân* 'день' имеет в Gralis Speech-Korpus следующие средние показатели: F1 – 789,97, F2 – 1 456,70 и F3 – 3 242,32.

№	Носитель	F1	F2	F3
1	graz_004s	840,37	1 703,67	3 117,00
2	novi_sad_002s	974,73	1 767,50	5 203,67
3	beograd_001s	1 033,27	1 628,51	3 537,01
4	bjelovar_006k	1 012,61	2 138,11	4 663,86
5	mostar_003k	680,65	1 330,52	4 155,97
6	mostar_005k	662,7	1 300,65	2 742,02
7	sarajevo_001k	533,36	1 210,89	2 567,46
8	zagreb_010k	969,13	1 113,40	3 354,33

9	graz_005b	907,89	1 455,24	2 205,29
10	sarajevo_003b	432,41	1 104,97	2 041,67
11	sarajevo_004b	642,51	1 270,23	2 077,24
В среднем		789,97	1 456,70	3 242,32

Табл. 36. Частотные зоны гласного *â* в слове *dân* 'день'
(Gralis Speech-Korpus)

В форме предложного падежа (*u*) *pârku* '(в) парке' кратковосходящий гласный *â* имеет отличные показатели, а именно: F1 – 902,51, F2 – 1 750,68, F3 – 2 653.

№	Носитель	F1	F2	F3
1	graz_004s	1 029,14	2 024,03	2 678,04
2	novi_sad_002s	997,37	2 102,82	3 492,84
3	beograd_001s	1 033,27	1 628,51	3 537,01
4	bjelovar_006k	776,55	1 478,99	2 645,49
5	mostar_003k	853,23	1 429,90	2 533,67
6	mostar_005k	766,40	2 192,53	4 539,38
7	sarajevo_001k	636,79	2 193,19	4 456,47
8	zagreb_010k	1 030,53	1 335,76	5 434,19
9	graz_005b	999,32	1 370,39	2 716,71
В среднем		902,51	1 750,68	2 653,00

Табл. 37. Частотные зоны гласного *â* в форме локатива *pârku*
(Gralis Speech-Korpus)

Долговосходящий гласный *á* в локативной форме (*u*) *trávi* '(в) траве' имеет следующие показатели: F1 – 818,17, F2 – 1 700,38 и F3 – 3 287.

№	Носитель	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	892,06	2 452,44	4 668,76
2	mostar_003k	1 013,39	1 552,87	4 105,04
3	mostar_005k	745,81	2 333,49	4 114,99
4	sarajevo_001k	694,40	2 323,28	4 865,82
5	zagreb_010k	927,43	1 337,83	2 345,70
6	graz_004s	987,06	1 823,62	2 999,95
7	novi_sad_002s	754,26	1 371,27	2 543,31
8	beograd_001s	877,21	1 444,85	3 004,00

9	graz_005b	972,36	1 444,11	2 596,83
10	sarajevo_003b	499,34	1 243,44	2 505,14
11	sarajevo_004b	636,56	1 376,96	2 405,19
В среднем		818,17	1 700,38	3 287,00

Табл. 38. Частотные зоны гласного **á** в локативной форме *trávi* '(в) траве'
(Gralis Speech-Korpus)

Кратконисходящий гласный **ǎ** в номинативе множественного числа *krǎve* 'коровы' имеет следующие значения формантов: F1 – 733,76, F2 – 1460,34 и F3 – 2497,45.

Носитель	F1	F2	F3
graz_004s	755,21	1 533,79	2 361,29
novi_sad_002s	997,72	2 077,36	3 557,78
beograd_001s	844,27	1 526,83	2 509,37
graz_005b	860,10	1 404,85	2 277,01
bjelovar_006k	789,58	1 572,91	2 603,54
mostar_003k	745,66	1 331,08	2 285,51
mostar_005k	603,90	1 320,26	2 456,56
sarajevo_001k	573,10	1 393,41	2 706,87
zagreb_010k	814,52	1 299,02	2 266,08
sarajevo_003b	474,07	1 347,60	2 178,19
sarajevo_004b	613,32	1 256,66	2 269,69
В среднем	733,76	1 460,34	2 497,45

Табл. 39. Частотные зоны гласного **ǎ** в номинативе мн. ч. *krǎve* 'коровы'
(Gralis Speech-Korpus)

По этому статистическому анализу можно установить, что средние показатели гласного **а** в Gralis Speech-Korpus равны: F1 – 811,13, F2 – 1 559,03 и F3 – 2 919,94.

Г л а с н ы й а	F1	F2	F3
á в слове <i>dân</i> 'день'	789,97	1 456,70	3 242,32
à в локативе <i>pàrku</i> '(в) парке'	902,51	1 750,68	2 653,00
á в локативе <i>trávi</i> '(в) траве'	818,17	1 700,38	3 287,00
ǎ в ном. мн. ч. <i>krǎve</i> 'коровы'	733,76	1 460,34	2 497,45
В среднем	811,13	1 592,03	2 919,94

Табл. 40. Средние показатели гласного **а** в Gralis Speech-Korpus

Графически артикуляция гласного **а** в слове *dànas* 'сегодня' выглядит так:

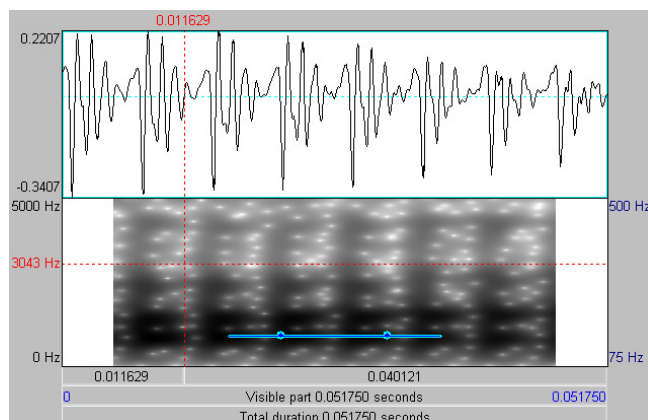

Рис. 9. Гласный **а** в слове *dànas* 'сегодня' (Gralis Speech-Korpus)

Гласные **и** и **а** в слове *sùtra* 'завтра' произносятся следующим образом:

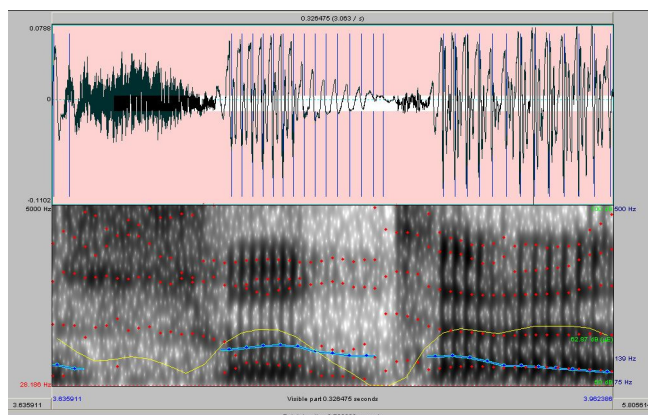

Рис. 10. Артикуляция слова *sùtra* 'завтра' (Gralis Speech-Korpus)

112. Гласный **е** под разными ударениями имеет следующие показатели первых трех формантов:

№	Носитель	F1	F2	F3
Гласный ê в <i>sprêmâm</i> 'готовлю'				
1	bjelovar_006k	626,53	2 220,12	2 883,53
2	mostar_003k	546,18	3 569,60	9 319,70

3	mostar_005k	451,92	1 769,58	2 541,71
4	sarajevo_001k	430,15	1 639,25	2 500,41
5	zagreb_010k	440,15	2 025,86	2 746,12
6	graz_004s	532,54	1 579,48	2 809,98
7	novi_sad_002s	558,78	1 848,31	2 694,37
8	beograd_001s	644,77	1 890,12	2 637,41
9	graz_005b	453,82	2 439,01	2 843,96
10	sarajevo_003b	403,15	1 721,05	2 497,69
11	sarajevo_004b	464,07	1 605,74	2 712,56
В среднем		504,73	2 028,01	2 789,65
Гласный è в <i>prèlazilo</i> 'переходило'				
1	bjelovar_006k	643,33	2 158,44	2 333,53
2	mostar_003k	540,23	1 003,20	2 611,01
3	mostar_005k	455,60	1 533,42	2 476,14
4	sarajevo_001k	388,16	1 572,08	2 331,11
5	zagreb_010k	443,26	1 420,92	2 707,98
6	graz_004s	532,72	1 579,38	2 810,73
7	novi_sad_002s	591,73	1 744,78	2 706,68
8	beograd_001s	677,58	1 634,03	2 446,54
9	graz_005b	748,86	1 777,82	2 639,85
10	sarajevo_003b	415,18	512,84	2 364,03
11	sarajevo_004b	446,20	1 566,84	2 284,00
В среднем		534,81	1 591,25	2 519,246
Гласный é в <i>sprémali</i> 'готовили'				
1	bjelovar_006k	500,83	2 083,43	3 009,93
2	mostar_003k	582,87	776,00	2 655,46
3	mostar_005k	496,02	1 857,36	2 690,49
4	sarajevo_001k	402,15	1 651,38	2 909,86
5	zagreb_010k	765,10	2 024,48	2 591,15
6	graz_004s	559,58	2 058,43	3 089,55
7	novi_sad_002s	511,15	1 941,55	2 745,23
8	beograd_001s	604,01	1 904,45	2 508,85
9	graz_005b	490,39	2 199,19	2 623,85
10	sarajevo_003b	376,19	1 723,07	2 071,99
11	sarajevo_004b	498,47	1 614,09	2 309,05
В среднем		526,07	1 803,04	2 655,04
Гласный ě в <i>věselo</i> 'весело'				

1	bjelovar_006k	556,73	2 067,47	2 843,08
2	mostar_003k	624,74	1 653,28	3 029,59
3	mostar_005k	500,04	1 534,35	2 582,10
4	sarajevo_001k	497,11	1 584,81	2 519,49
5	zagreb_010k	411,46	1 545,56	2 493,69
6	graz_004s	619,21	1 585,84	2 227,11
7	novi_sad_002s	673,96	1 886,32	2 922,16
8	beograd_001s	582,81	1 808,05	2 496,00
9	graz_005b	632,50	1 857,86	2 625,80
10	sarajevo_003b	427,23	1 514,41	2 274,83
11	sarajevo_004b	455,11	1 553,24	2 328,75
В среднем		543,72	1 690,11	2 576,60

Табл. 41. Акустические показатели гласного **е** в словах *sprêtmâm* 'готовлю', *prêlazilo* 'переходило', *sprêmalî* 'готовили' и *vêselo* 'весело' (Gralis Speech-Korpus)

В среднем гласный **е** имеет следующие значения формантов: F1 – 527,33, F2 – 1 778,10 и F3 – 2 635,13.

Г л а с н ы й е	F1	F2	F3
Гласный ê в <i>sprêtmâm</i> 'готовлю'	504,73	2 028,01	2 789,65
Гласный è в <i>prêlazilo</i> 'переходило'	534,81	1 591,25	2 519,25
Гласный é в <i>sprêmalî</i> 'готовили'	526,07	1 803,04	2 655,04
Гласный ë в <i>vêselo</i> 'весело'	543,72	1 690,11	2 576,60
В среднем	527,33	1 778,10	2 635,13

Табл. 42. Средние акустические показатели гласного **е** в Gralis Speech-Korpus

При замере записи слова *věčē* 'вечер' из Gralis Speech-Korpus получились следующие данные (в миллисекундах):

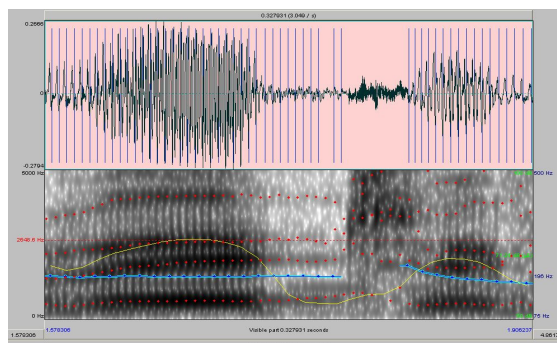
Слово	Всего
<i>věčē</i>	0,23

Табл. 43. Акустические показатели слова *věčē* 'вечер' (Gralis Speech-Korpus)

Длительность фонемы **е** в слове *věčē* 'вечер' составила:

Слово	е первого слога (кратконисходящее)	е второго слога
<i>věčē</i>	0,55	0,36

Табл. 44. Длительность фонемы **е** в слове *věčē* 'вечер' (Gralis Speech-Korpus)

Рис. 11. Артикуляция слова *veče* 'вечер' (Gralis Speech-Korpus)

113. Гласный *i* имеет следующие величины формантов: F1 – 351,62, F2 – 2 312,50, F3 – 2 832,23.

Г л а с н ы й <i>i</i>	F1	F2	F3
<i>î</i> в <i>nîh</i> 'их'	405,95	2 439,28	3 004,10
<i>ì</i> в <i>izašlo</i> 'вышло'	352,32	2 195,51	2 623,83
<i>í</i> в <i>pisma</i> 'письма'	317,12	2 362,66	3 008,94
<i>ï</i> в <i>ptice</i> 'птицы'	331,09	2 252,54	2 692,03
В среднем	351,62	2 312,50	2 832,23

Табл. 45. Акустические показатели гласного *e* под четырьмя ударениями в Gralis Speech-Korpus

Под разными ударениями гласный *e* имеет следующие показатели:

№	Г л а с н ы й <i>i</i>	F1	F2	F3
<i>î</i> в <i>nîh</i> 'их'				
1	bjelovar_006k	406,21	2 449,37	3 043,44
2	mostar_003k	407,53	2 578,74	3 250,34
3	mostar_005k	370,85	2 112,00	2 761,63
4	graz_004s	458,62	3 056,55	3 670,55
5	novi_sad_002s	519,32	2 669,54	3 477,88
6	beograd_001s	539,89	2 628,71	2 789,05
7	graz_005b	390,73	2 778,51	3 026,33
8	sarajevo_003b	294,77	1 933,95	2 583,89
9	sarajevo_004b	265,66	1 746,16	2 433,81
В среднем		405,95	2 439,28	3 004,10

ĭ в <i>izašlo</i> 'вышло'				
1	bjelovar_006k	373,05	2 242,47	2 716,65
2	mostar_003k	379,83	2 154,67	2 458,89
3	mostar_005k	313,04	2 006,88	2 459,58
4	graz_004s	339,09	2 609,85	-
5	novi_sad_002s	367,78	2 297,72	2 920,43
6	beograd_001s	420,50	2 124,51	2 617,12
7	graz_005b	396,78	2 458,07	-
8	sarajevo_003b	290,56	1 839,01	2 549,49
9	sarajevo_004b	290,23	2 026,43	2 644,67
В среднем		352,32	2 195,51	2 623,83
í в <i>písma</i> 'письма'				
1	bjelovar_006k	313,52	2 269,43	3 027,45
2	mostar_003k	325,12	2 530,55	3 101,28
3	mostar_005k	318,62	2 162,19	2 891,82
4	graz_004s	336,98	2 822,25	-
5	novi_sad_002s	318,74	2 715,09	3 399,90
6	beograd_001s	370,99	2 568,68	3 072,05
7	graz_005b	345,34	2 219,26	-
8	sarajevo_003b	274,42	1 940,57	2 823,40
9	sarajevo_004b	250,37	2 035,89	2 746,67
В среднем		317,12	2 362,66	3 008,94
ÿ в <i>ptice</i> 'птицы'				
1	bjelovar_006k	328,44	2 408,93	2 853,08
2	mostar_003k	378,59	2 239,79	2 670,18
3	mostar_005k	334,15	2 128,73	2 584,96
4	graz_004s	310,48	2 676,02	-
5	novi_sad_002s	388,20	2 448,38	3 046,41
6	beograd_001s	352,44	2 301,41	2 846,83
7	graz_005b	296,29	2 458,53	-
8	sarajevo_003b	306,61	1 793,65	2 485,21
9	sarajevo_004b	284,65	1 817,45	2 357,52
В среднем		331,09	2 252,54	2 692,03

Табл. 46. Акустические показатели гласного **е** в Gralis Speech-Korpus

114. Акустические показатели гласного **о** составляют: F1 – 571,16, F2 – 1 182,80, F3 – 2 639,78.

Г л а с н ы й о	F1	F2	F3
ô в <i>ôvce</i> 'овцы'	523,40	1 014,45	2 850,67
ò в <i>pròstirala</i> 'простиралась'	606,28	1 199,31	2 417,72
ó в <i>bórovi</i> 'сосны'	543,31	1 285,81	2 832,32
ǫ в <i>pǫčēle</i> 'начали'	611,47	1 231,63	2 458,41
В среднем	571,16	1 182,80	2 639,78

Табл. 47. Акустические показатели гласного **о** под четырьмя ударениями в Gralis Speech-Korpus

Отдельные аудиозаписи имеют следующие акустические показатели:

№	Г л а с н ы й о	F1	F2	F3
ô в <i>ôvce</i> 'овцы'				
1	bjelovar_006k	701,29	2 765,48	3 561,30
2	mostar_003k	524,83	841,07	2 680,93
3	mostar_005k	327,66	562,63	2 570,91
4	graz_004s	488,15	875,76	-
5	novi_sad_002s	491,13	913,40	2 799,50
6	beograd_001s	657,15	821,89	3 187,63
7	graz_005b	632,14	787,24	-
8	sarajevo_003b	409,86	701,97	2 804,54
9	sarajevo_004b	478,38	860,59	2 349,90
В среднем		523,40	1 014,45	2 850,67
ò в <i>pròstirala</i> 'простирала(сь)'				
1	bjelovar_006k	705,45	1 308,57	2 595,25
2	mostar_003k	612,75	1 022,63	2 144,24
3	mostar_005k	511,33	1 285,04	2 435,37
4	graz_004s	627,44	1 197,95	2 727,51
5	novi_sad_002s	589,23	1 228,91	2 591,55
6	graz_005b	735,97	1 225,27	2 327,48
7	sarajevo_003b	424,02	1 106,48	2 303,62
8	sarajevo_004b	499,26	998,19	2 216,71
9	beograd_001s	751,06	1 420,72	-
В среднем		606,28	1 199,31	2 417,72
ó в <i>bórovi</i> 'сосны'				
1	bjelovar_006k	726,74	1 921,28	2 521,08
2	mostar_003k	472,52	844,71	2595

3	mostar_005k	516,10	2 565,76	3 359,25
4	graz_004s	520,15	929,19	2 869,65
5	novi_sad_002s	477,80	894,98	2 658,90
6	beograd_001s	768,11	2149,6	3 501,79
7	graz_005b	548,30	840,45	2 884,60
8	sarajevo_003b	392,66	660,58	2 496,78
9	sarajevo_004b	467,41	765,77	2 603,81
В среднем		543,31	1 285,81	2 832,32
Ѣ в <i>pǎčele</i> ‘начали’				
1	bjelovar_006k	765,70	2 234,85	3 352,60
2	mostar_003k	621,49	996,42	2 177,00
3	mostar_005k	529,12	1 202,52	2 155,56
4	novi_sad_002s	643,16	1 249,58	2 833,82
5	beograd_001s	789,18	905,73	2 324,62
6	graz_005b	642,95	1 248,18	2 569,19
7	sarajevo_003b	422,33	988,10	2 158,05
8	sarajevo_004b	477,79	1 027,67	2 096,43
В среднем		611,47	1 231,63	2 458,41

Табл. 48. Акустические показатели гласного **о** в *ovce* ‘овцы’, *pròstírala* ‘простирала(сь)’, *bóroví* ‘сосны’ и *pǎčele* ‘начали’ в Gralis Speech-Korpus

115. Гласный **у** имеет следующие характеристики: F1 – 453,38, F2 – 1 365,36, F3 – 2 974,21.

Г л а с н ы й у		F1	F2	F3
û в <i>zvûcí</i> ‘звуки’		454,16	1 257,32	2 981,52
ũ в <i>bûčnijē</i> ‘шумнее’		472,07	1 368,07	3 026,93
ú в <i>probúdile</i> ‘разбудили’		403,77	1 461,09	2 967,14
ũ в <i>(oko) šûmē</i> ‘(возле) леса’		483,51	1 374,96	2 921,23
В среднем		453,38	1 365,36	2 974,21

Табл. 49. Акустические показатели гласного **у** под четырьмя ударениями в Gralis Speech-Korpus

Отдельные аудиозаписи имеют следующие акустические показатели:

№	Г л а с н ы й е	F1	F2	F3
û в <i>zvûcí</i> ‘звуки’				
1	bjelovar_006k	830,72	2 512,52	3 821,76
2	mostar_003k	376,03	819,37	2 806,93

3	mostar_005k	344,09	867,23	2 759,20
4	graz_004s	418,58	947,13	3 088,30
5	novi_sad_002s	356,81	844,77	2 655,30
6	beograd_001s	709,61	2 566,37	3 719,15
7	graz_005b	403,45	1 244,58	2 815,86
8	sarajevo_003b	345,71	400,02	2 778,28
9	sarajevo_004b	302,42	1 113,85	2 388,94
В среднем		454,16	1 257,32	2 981,52
ǔ в <i>bùćnijiē</i> 'шумнее'				
1	bjelovar_006k	697,61	2 178,94	3 531,43
2	mostar_003k	307,00	1 151,27	2 632,53
3	mostar_005k	407,67	1 136,67	2 911,99
4	novi_sad_002s	377,43	1 250,87	3 067,21
5	beograd_001s	842,40	2 825,60	3 472,42
6	graz_005b	507,75	1 089,42	2 771,22
7	sarajevo_003b	305,55	531,37	2 713,38
8	sarajevo_004b	286,40	859,65	2 403,40
9	bjelovar_006k	725,98	2 753,52	4 093,17
10	mostar_003k	349,92	708,81	2 995,74
11	mostar_005k	385,10	562,62	2 703,69
В среднем		472,07	1 368,07	3 026,93
ú в <i>probúdile</i> 'разбудили'				
1	graz_004s	361,74	1 161,79	2 814,91
2	novi_sad_002s	332,24	788,56	2 629,40
3	beograd_001s	673,16	2 782,48	4 050,57
4	sarajevo_003b	327,92	1 926,62	2 942,95
5	sarajevo_004b	323,77	646,00	2 397,87
В среднем		403,77	1 461,09	2 967,14
ǔ в (<i>oko</i>) <i>šǔmē</i> 'вокруг леса'				
1	bjelovar_006k	592,55	2 380,64	3 210,85
2	mostar_003k	355,52	1 083,14	2 759,62
3	mostar_005k	365,61	1 029,49	2 565,85
4	graz_004s	278,47	899,77	2 824,46
5	novi_sad_002s	426,83	865,54	2 589,23
6	beograd_001s	792,64	2 154,52	3 776,58
7	graz_005b	774,71	1 643,40	2 894,46
8	sarajevo_004b	281,73	943,14	2 748,75
В среднем		483,51	1 374,96	2 921,23

Табл. 50. Акустические характеристики гласного **е** в Gralis Speech-Korpus

116. По проведенному анализу можно заключить, что гласные в Gralis Speech-Korpus) имеют следующие значения формантов:

Г л а с н ы й	F1	F2	F3
а	811,13	1 592,03	2 919,94
е	527,33	1 778,10	2 635,13
і	351,62	2 312,50	2 832,23
о	571,16	1 182,80	2 639,78
u	453,38	1 365,36	2 974,21
В среднем	542,92	1 646,19	2 800,29

Табл. 51. Средние значения формантов в Gralis Speech-Korpus

117. Акустический анализ материала Gralis Speech-Korpus показывает, что между сербскими, хорватскими и бошняцкими испытуемыми нет больших различий. Однако для надежных выводов явно стоит исследовать больше материала.

118. Частотность гласных. Чтобы получить ответ на вопрос, какой гласный встречается в устной речи чаще всего, был проведен конкретный анализ. Корпусом для этого исследования послужили сербские, хорватские, боснийские и черногорские центральные выпуски теленовостей от 7 мая 2007 года. Общая продолжительность записанного материала составляет 125 минут, из которых самая длинная часть продолжительностью 38 минут приходится на новости сербского канала RTS (DnevRTS), а самой короткой явились 24 минуты теленовостей HRT (DnevHRT). Сербский информационный выпуск имел незапланированную длину в связи с кризисом вокруг формирования правительства Сербии.

Принимая во внимание тот факт, что телевизионные новости отличаются чрезвычайно сложной многоголосой структурой и предлагают самую разнообразную информацию, в языковом отношении влекущую за собой реализацию индивидуальных и коллективных особенностей, в целях объективности анализа совершенно необходимо окажется вычеркнуть значительные части.

Для анализа такого рода годится также разделение на три блока: речь ведущего, корреспондента и декларативный.

Блок ведущего составляют высказывания диктора, зачитывающего определенные информационные сообщения или ведущего телевизионную

беседу. Блок корреспондента представлен в форме сообщений с какого-либо другого места действия (из другой студии и т. п.).

Декларативный блок охватывает высказывания тех лиц, с которыми ведущий вступает в контакт. Эти три блока можно изобразить в форме пирамиды, на вершине которой находится блок ведущего, а в основании – декларативный блок.

При анализе DnevRTS выяснилось, что наибольшую часть занимает декларативный блок (42%), за ним следует корреспондентский (35%) и лишь потом блок ведущего (22,8%). Подобное разделение особенно важно потому, что целью является исследование фонетико-фонологические различия в рамках существующей нормы и отклонения от них, а каждый из этих трех блоков обладает своими особенностями.

Блок ведущего представляет собой наиболее нормативную часть передачи, поскольку он обязан преподносить речь, служащую примером, и эта роль закономерно ложится на ведущего. При этом следует отметить, что речь ведущих считается одним из лучших образцов реализации нормы не только потому, что ведущие специально обучены, но и потому также, что их речь представляет собой заранее неоднократно отредактированные и приведенные в соответствие с нормой тексты.

Корреспондентский блок меньше отличается от предыдущего предположительно более слабой языковой квалификацией (ясно, что корреспонденты тоже в совершенстве владеют стандартным языком), но намного больше – обстоятельствами порождения: как правило, в случае сообщений из этого блока речь идет о прямых, спонтанных включениях с мест, где произошли какие-либо события, и поэтому зачитать подготовленный предварительно текст невозможно – часто должно произойти импровизированное выступление. Поэтому также у говорящего меньше времени, чтобы следить за правильностью своей речи.

Декларативный блок, наконец, с точки зрения нормы является наиболее пестрым. С одной стороны, в нем выступают лица, в совершенстве владеющие языковой нормой (профессора университетов, публичные люди, деятели культуры, студенты, политики и т. д.), с другой – в этом блоке проявляются также различные типы отклонений (прежде всего территориальные – диалектизмы и регионализмы, но и социальные – жаргонизмы).

Из только что приведенных доводов следует, что при анализе различий между выпусками новостей нельзя упускать из виду, о каком из блоков идет речь. Правильность такого предположения подтверждают также

и результаты нашего анализа: между DnevRTS и DnevRTCG наблюдаются наименьшие различия в блоке ведущего, в корреспондентском блоке они становятся выраженнее и, что ожидаемо, наибольшие они в декларативном блоке (Подробнее см.: Тошović 2008g).

TV dnevnici 7. maja (ponedjeljak) 2007. godine		
1. Srpski TV dnevnik	19.30 38 min.	
2. Crnogorski TV dnevnik	19.30 33 min.	
3. Bosanski TV dnevnik	19.00 30 min.	
4. Hrvatski dnevnik	19.30 24 min.	
		125 min.

Рис. 12. Продолжительность телевизионных выпусков новостей (TV-Dnevnici) 7. 5. 2007

Касательно фонетико-фонологической структуры теленовостей важно (1) подсчитать количество гласных и согласных, их взаимоотношения и дистрибуцию, (2) выявить акустические характеристики звуков и речи (продолжительность, интенсивность, частота, темп, паузы) и (3) исследовать просодическую структуру гласных.

Во всех четырех выпусках новостей всего насчитывается 17 291 токен (словоформ, словоупотреблений), при этом наибольшее их число отмечено в DnevRTS и наименьшее в DnevHRT, что всецело отвечает различиям в долготе информационных выпусков в день анализа.

Все выпуски новостей вместе взятые содержат 93 569 фонем, при этом их число в каждом отдельном выпуске соответствует его длительности.

№	Выпуск	Фонем
1	DnevRTS	28 920
2	DnevRTCG	24 609
3	DnevTVBiH	22 095
4	DnevHRT	17 945
Всего		93 569

Табл. 52. Фонемы в четырех исследуемых выпусках теленовостей

При сравнении DnevRTS и DnevRTCG оказывается, что в первом гласные встречаются чаще, чем во втором (44,19% : 42,53%). На первом месте стоит гласный **а** с чуть более высокой встречаемостью в DnevRTS (11,84%: 11,74%). На втором месте мы наталкиваемся на различие, состоящее в том, что в DnevRTS второй по частотности гласный – **е** (9,24%), а в DnevRTCG – **і** (9,15%). Третье место тоже занимают различные гласные: **о** в DnevRTS (9,18%) и **е** в DnevRTCG (8,85%). Согласие наблюдается в распределении гласного **и**, который в обоих новостных выпусках встречается реже всего, притом немного чаще в DnevRTS (4,22%: 3,81%).

№	Гласный	Dnev-RTS	Dnev-HRT	Dnev-TVBiH	Dnev-RTCG	В среднем
1	а	11,84	11,9	11,28	11,74	11,69%
2	е	9,71	8,88	9,71	8,85	9,33%
3	і	9,24	9,77	9,7	9,15	9,43%
4	о	9,18	9,14	9,12	8,98	9,1%
5	и	4,22	4,01	4,03	3,81	4,03%
Всего		44,19	43,7	43,84	42,53	43,58%

Табл. 53. Гласные в четырех исследуемых выпусках теленовостей

Это значит, что расхождения в обоих новостных передачах минимальны и колеблются между 0,09% и 0,41%: для **а** это 0,10, для **і** 0,09, для **е** 0,14, для **о** 0,20 и для **и** 0,41. Меньше всего расхождение в случае гласного **і** (0,09), а больше всего – в случае гласного **и** (0,41).

Эти несовпадения объясняются прежде всего различными рефлексамия, поскольку в то время как в экавице во всех случаях представлено **е** (тип *mléko* ‘молоко’), долгий рефлекс ятя в иекавице, помимо наличия **е**, приводит также к учащенной встречаемости гласного **і** (*mlijèko* ‘молоко’). Если собрать результаты воедино, получаем средний коэффициент несовпадения 0,19%.

Сопоставление результатов, полученных при анализе DnevRTCG и DnevRTS, с результатами анализа DnevHRT и DnevTVBiH позволяет заключить, что во втором случае различие в отношении средней величины (43,58%) минимальны: DnevHRT +0,12, DnevTVBiH +0,14, DnevRTCG +0,61, DnevRTS -1,05. Это означает, что максимальное расхождение составляет 1,05, а минимальное 0,24. Различие в средней величине между выпусками новостей не выходит за рамки одного процента и составляет

0,48. Только DnevRTS содержит меньшее число гласных по отношению к среднему показателю четырех анализируемых передач (0,93).

Сравнение этого результата с полученными ИВО ШКАРИЧЕМ (Ivo Škarić 1991: 352) на хорватском материале (к сожалению, отсутствуют какие-либо указания на число и статус опрошенных лиц) показывает, что у него доля гласных лежит чуть выше приведенной средней величины (43,58% : 44,12%), вследствие чего разница составляет 0,54.

№	Гласный	Dnev-RTS	Dnev-HRT	Dnev-TV-BiH	Dnev-RT-CG	Кол-во	%	Škarić 1991
1	а	3 423	2 137	2 493	2 889	10 942	11,69	11,64
2	е	2 809	1 593	2 146	2 178	8 726	9,33	9,34
3	і	2 672	1 753	2 143	2 253	8 821	9,43	9,61
4	о	2 654	1 640	2 016	2 209	8 519	9,1	8,98
5	у	1 220	720	891	938	3 769	4,03	4,55
Всего		12 778	7 843	9 689	1 467	40 777	43,58	44,12

Табл. 54. Сравнение вокалической структуры теленовостей с данными Иво Шкарича (Škarić 1991: 352)

Данные результаты можно сравнить также с результатами анализа устного повествования СИМО ТЕПАВЧЕВИЧА, опубликованными в книге «Ujak» («Дядя»). Это сравнение напрашивается не в последнюю очередь потому, что количество гласных в четырех исследуемых выпусках новостей почти совпадает с количеством гласных у Тепавчевича: 40 777 : 40 608, даже несмотря на то, что мы имеем дело с двумя различными жанрами (информационным и повествовательным).

Тот факт, что в «Дяде» концентрация гласных чуть выше (46,57%: 43,58%), можно объяснить тем, что мы имеем дело с художественным повествованием.

Различие в языке между выпусками новостей и «Дядей» заметно в частотности гласных: у Тепавчевича **о** стоит на втором месте, а **і** – на третьем.

№	Гласный	Кол-во	%
1	а	11 500	13,16
2	о	9 867	11,29
3	і	8 319	9,52

4	е	7 488	8,57
5	и	3 434	3,93
Всего		40 608	46,47

Табл. 55. Гласные в тексте «Ujak» («Дядя»)

В плане рефлекса ятя в DnevRTCG можно услышать экавскую форму *prédlog* ‘предложение’ (вместо *prijèdlog*), как, например, в синтагмах *prédlog zákona* ‘законопроект’, *o prédlogu rezolúcijē* ‘о проекте резолюции’.

Касательно слова *prédlog* ВОИСЛАВ НИКЧЕВИЧ придерживается позиции, что эта форма не отвечает стандарту: «Обычно при использовании префиксов **pre-** и **pred-** в стандартном черногорском языке [...] в существительных и долгих формах прилагательных корректным звучанием ятя является **ije** (в два слога), т. е. в соответствии с упомянутыми правилами: *prijèvod* ‘перевод’, *prijèvoz* ‘транспорт, перевоз’, *prijèdlog* ‘предложение’ [...], в то время как параллельные формы с односложным **е** в качестве рефлекса ятя представляют собой в этом языке диалектизмы и не соответствуют стандарту» (Nikčević 2001: 88).

Был проведен также еще один анализ распределения гласных – по книге «Obratni rečnik srpskoga jezika» («Обратный словарь сербского языка» МИЛАНА НИКОЛИЧА: Nikolić 2000), результатом которого стало то, что (1) самыми частыми фонемами являются **і** (10,61%) и **а** (9,77%).

Из общего числа гласных **і** составляет 29,60%, **а** – 27,45%, затем идут **е** (20,20%), **о** (16,39%) и **и** (6,36%).

№	Гласный	Кол-во	%
1	і	223 771	29,75
2	а	206 043	27,39
3	е	151 578	20,15
4	о	123 045	16,36
5	и	47 697	6,34
Всего		752 134	99,99

Табл. 56. Гласные в «Обратном словаре сербского языка» (Nikolić 2000)

В «Словаре сербского языка» («Rečnik srpskog jezika») гласный **а** находится на первом месте, за ним следуют **і**, **о**, **е** и **и** (Nikolić 2007). В этой

статистике учитывалось также слогообразующее **г**, и получены были следующие результаты:

№	Гласный	Кол-во	%
1	а	33 284	25,59
2	і	30 370	23,35
3	о	26 497	20,37
4	е	24 756	19,04
5	u	12 070	9,28
6	г	3 071	2,36
	Всего	130 048	100,00

Табл. 57. Гласные в «Словаре сербского языка» (Nikolić 2007)

Интересным оказывается вопрос о количестве гласных в письменных текстах.

Для получения ответа на него был проанализирован сербско-хорватско-бошняцкий параллельный корпус Gralis (Gralis-Korpus-www). Он охватывает (по состоянию на 2 мая 2009 года) в своем сербском подкорпусе 1 383 919, в хорватском 1 401 455 и в бошняцком 457 026 токенов. В буквенном отношении (без цифр и других знаков) ситуация складывается следующим образом: сербский – 5 839 131, хорватский – 6 04 391, бошняцкий – 1 968 766 букв.

Самая частая фонема – **а**, за ней следуют **е**, **о** и **і**. Гласный **u** находится на 9 месте в сербском и на 10-м в хорватском и бошняцком подкорпусах. Гласные буквы представлены следующим образом:

Гласный	Сербский	Хорватский	Бошняцкий
а	689 769	684 662	226 657
е	552 128	543 033	172 290
о	539 724	560 660	181 391
і	530 592	584 578	189 545
u	250 704	259 215	85 462
Всего	5 422 602	5 037 327	1 730 698

Табл. 58. Гласные в корпусе текстов Gralis

Самые частые гласные в сербском – **а, е и о**, в хорватском и бошняцком – **а, і и о**. Процентные соотношения показывают, какая дистанция существует между этими тремя языками.

Гласный	Сербский	Хорватский	Бошняцкий
а	12,72%	13,59%	13,10%
е	10,18%	10,78%	10,0%
і	9,78%	11,60%	10,95%
о	9,95%	11,1%	10,48%
у	4,62%	5,15%	4,94%
Всего	100,00%	100,00%	100,00%

Табл. 59. Различие в распределении гласных между сербским, хорватским и бошняцким

Процентная дистанция между сербским и хорватским достигает максимума в случае с **і** (1,82%), затем идут **о** (1,15%), **а** (0,87%), **е** (0,60%) и **у** (0,53%).

Одной из причин расхождения в случае **і** является рефлекс ятя.

В отношении дистанции между сербским и бошняцким складывается следующая последовательность: **і** (1,17%), **о** (0,53%), **а** (0,38%), **е** (0,18%) и **у** (0,32%).

Корреляция выглядит следующим образом: **і** (1,35%), **е** (0,78%), **о** (0,62%), **а** (0,49%), **у** (0,21%). Согласно ДЖОРДЖЕ КОСТИЧУ (Kostić 1971), сербские гласные составляют 41,89% всех звуков (Punišić/Savicka 2007: 576).

119. Суперкорреляционал. Длительность русских ударных гласных с открытым последним слогом на границе неконечных синтагм имеет следующие показатели:

Тип удар- ного глас- ного	Минимальные значения (мс)	Средние значения (мс)	Максималь- ные значе- ния (мс)	Диктор	Тексты
а	120	165	220	I, П, Ш, У	А, В, К, Н
о	120	150	202		
у	110	125	200		
и	108	120	210		
ы	100	110	180		

Табл. 60. Длительность русских ударных гласных (Zlatoustova 1981: 14)

Гласный ять и его рефлексy (Vokal jat i njegovi refleksi)

120. Ять был церковнославянским звуком, названным так по имени кириллической буквы ѣ (в транскрипции ё). По рефлексам ятя в с.-х.-б. различаются три произношения – экавское (ekavština), напр., *lěto* ‘лето’, иекавское (ijekavština), напр., *ljěto* ‘лето’, *brěg* – *brjěg* ‘берег – холм’, и икавское (ikavština), напр., *lito* ‘лето’. Первые два положены в основу стандартных языков (сербского, хорватского и бошняцкого), в то время как последнее (икавское) является лишь диалектным. Сербскими произношениями являются экавское и иекавское, хорватским и бошняцким – только иекавское. В Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории и части Сербии (Санджак и окрестности города Ужице, около 200 000 говорящих) говорят на иекавице. В большей части Сербии, между тем, преобладает экавица. Икавица распространена в Далмации, южной Истрии, западной Герцеговине и в части западной Боснии и южной Славонии. В корне ошибочным является утверждение, что сербский язык знает только экавское произношение, а бошняцкий и хорватский – только иекавское, поскольку для более чем полутора миллионов сербских жителей Боснии и Герцеговины родным является только иекавское.

121. Относительно экавских форм можно утверждать, что при помощи нескольких практических базовых правил можно построить их иекавский эквивалент: 1. Когда в экавице рефлекс ятя (е) краткий, в иекавице выступает **je** с тем же ударением: *město* – *mjěsto* ‘место’, *čovek* – *čovjek* ‘человек’, *světlost* – *svjětlost* ‘свет’. 2. Когда в экавице **е** краткое и стоит после **l** и **n**, в иекавице эти **l** и **n** сливаются с **i** из **je** (на письме **je**) и дают **í** и **ñ**: *pòslednji* – *pòsljednji* ‘последний’, *lěto* – *ljěto* ‘лето’, *něga* – *njěga* ‘уход (за кем-л., чем-л.)’. 3. Когда в экавице рефлекс ятя (е) долгий, в иекавице выступает **iје**, при этом наблюдается также смена ударения: вместо долгого ударения на **е**, в иекавице имеем краткое ударение на **i** (**ê** > **ije**): *svět* – *svijet* ‘мир, свет’, *rěč* – *riječ* ‘слово’, *tělo* – *tijelo* ‘тело’. 4. Если **е** стоит в экавице перед **о** или **i**, в иекавице имеем **io**: а) в им. п. ед. ч. *děo* – *dio* ‘часть’, б) в м. р. причастия прош. вр. *video* – *vidio* ‘видел’, с) в мужском роде отглагольных прилагательных: *nagoreo* – *nagorio* ‘обгорелый’, *ostarreo* – *ostario* ‘постаревший’, *ožedneo* – *ožednio* ‘захотевший пить’, *preživeo*

– *preživio* ‘выживший’, *vàsceo* – *vàscio* ‘всецелый’, *zablúdeo* – *zablúdio* ‘заблудший’, *zakàsneo* – *zakàsnio* ‘запоздалый’, *zakòreo* – *zakòrio* ‘покрывшийся коркой’, *zàstareo* – *zàstarío* ‘устаревший’. К дублетам принадлежат *běo* – *bijel* и *bjo* (опр. форма *bēlī* – *bijelī*) ‘белый’, *zrěo* – *zrijo* ‘спелый’, *cěo* – *cjo* и *cijel* ‘целый’.

Есть следующие просодические правила: 1. Если в экавице представлен кратконисходящий или кратковосходящий согласный, то в иекавице ударение такое же: *dělo* – *djělo* ‘дело’, *děvōjka* – *djěvōjka* ‘девушка’. 2. Когда в экавице наблюдаем долгонисходящее ударение, в иекавице имеем кратконисходящее на первой части ятевого рефлекса: *svět* – *svjjet* ‘мир, свет’, *lěp* – *lijep* ‘красивый’, *věk* – *vjjek* ‘век’. 3. Если в экавице стоит долговосходящее ударение, в иекавице ему соответствует кратковосходящее: *rěka* – *rijeka* ‘река’, *Némac* – *Nijèmac* ‘немец’, *sténa* – *stijèna* ‘скала’.

122. Ретрокорреляционал. Звук «ять» возник из дифтонга *oi* (**koipa* > *kěna* > *cěna* > *cěnalcijèna*), а также из удлинённого гласного *e* – индоевропейского долгого *ē* (**bēgos* > *běgъ* > *bég/bijeg* ‘бер’) – Vuković 1974: 51. До сих пор невыяснено, как этот звук произносился. По тому, что в славянских языках он развил различные рефлексy, можно догадываться, что ять был сложным звуком. Предполагают, что он был (1) долгим закрытым гласным или (2) дифтонгом из (открытого) *i* и (закрытого) *e*. ЙОВАН ВУКОВИЧ придерживается мнения, что речь идет о фонеме, представляющей собой дифтонг с закрытым элементом (Vuković 1974: 51). Этот гласный претерпел впоследствии следующие преобразования:

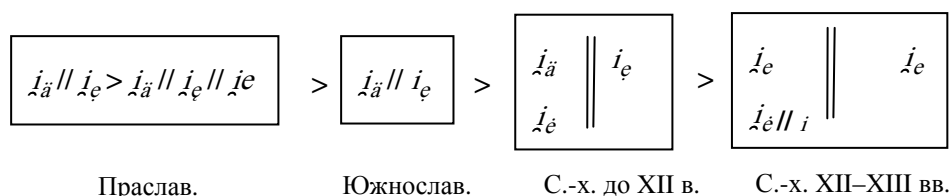

Рис. 13. Развитие гласного ять (Vuković 1974: 51)

ТИМОФЕЙ ФЛОРИНСКИЙ пишет, что «разнообразие выговора др. ѣ въ сербо-хорватскомъ языкѣ восходить къ глубокой древности» и наблюдается при образовании слов, в которых ѣ произошло из удлинения превосначального *e* (Florenskij 1895: 251).

С. М. КУЛЬБАКИН указывает на то, что праславянский и древнецерковнославянский ять не может быть точно определен по характеру, но по

происхождению отличается от всех иных гласных (ему соответствует в других индоевропейских языках в одних случаях \bar{e} , в других – дифтонг oi ai ; Kuljbakin 1917: 16). Он констатирует, что и прасербский рефлекс праславянского \bar{e} не может быть с уверенностью определен (Kuljbakin 1917: 18). Авто не согласен с Лескином, исходивший из закрытого e (\bar{e} и \bar{e}), откуда – восточное e , западное i и южное je – ije , и добавляет, что с таким же правом можно исходить и из дифтонга \bar{ie} .

МАЛИК МУЛИЧ утверждает, что праславянский язык знал два типа фонемы \bar{e} , различных по происхождению: $\bar{e}_1 < *e$ [\bar{a}], т. е. ниже-среднего подъема (открытое), которое в позиции после палатальных согласных переходило в a , ср.: *кричать* $< *krikēti$, *стоять* $< *stajēti$, с одной стороны, и $\bar{e}_2 < *oi$ или $*ai$, с другой стороны; последний \bar{e} переходил в определенных случаях в $[i]$; ср.: $*koina > цѣна$, $*kojditej > цѣдѣти$, $*beroite > верѣте$, $*beroi > вери$, $*vblkoi > вльци$ (схр. *вуци*, им. п. мн. ч.) и $*vblkoi > вльцѣ$ (м. п. ед. ч.), $*nogoī > ногѣ$ (д. п. ед. ч.) и $ногѣ$ (м. п. ед. ч.), схр. *нози* \neq *нози* (Mulić 1988: 66). «Пытаясь объяснить причину перехода \bar{e}_2 в $[i]$, некоторые исследователи (Миккола, Ягич, Бругманн) полагали, что причина этому качество древней интонации, которой обладал \bar{e}_2 . И. В. Ягич считал, что такой \bar{e} под циркумфлексовой интонацией давал \bar{e} , а под акутовой i . Й. Миккола высказал прямо противоположную гипотезу: \bar{e}_2 под акутовой интонацией давал \bar{e} , под циркумфлексовой – i . Х. Хирт и И. М. Эндзелин пытались объяснить двойственность рефлекса \bar{e}_2 подударной и безударной его позицией (что не далеко от гипотез Ягича, Микколы и Бругманна), а именно: $*oi$ будто бы изменялось в $[e]$ под ударением, а вне ударения якобы в $[i]$. Из приведенных выше примеров видно, что все упомянутые гипотезы несостоятельны не только потому, что противоречат друг другу, но и потому что не соответствуют действительности. Так, например: $рѣцѣ$ (д. п. ед. ч.) и $рѣцѣ$ (м. п. ед. ч.) несмотря на различие в интонации и ударность-безударность (ср. схр. *руци* \neq *руци*) в старославянском, древнесербском и древнерусском языках рефлексировался $\bar{e}_2 > \bar{e}$; в старославянском 2 л. ед. ч. пов. накл. *вери* различалось от 2 л. мн. ч. не только окончанием $-те$, но и тематическим гласным $-ѣ$, который происходил (как и $-и$ из ед. ч.) из $*oi$, присущего оптативу (ср. др. гр. *φέροτε*) и был акутовым, о чем говорит ударение в совр. русском и схр. языках: *бери* – *бери́те* и *бе́ри* – *бе́ри́те* (в схр. новое восходящее – возникло благодаря рецессии ударения с акутовых слогов в XIV–XV вв.)» (Mulić 1988: 66). Автору кажется, что прав С. Б. Бернштейн, утверждающий: «[...] дифтонгическое сочетание $[oi]$ монофтонгизировалось в праславянском в

[ě₁]. В нескольких случаях в конце слова на месте [oi] находим [i]. Условия появления этого [i] остаются невыясненными [...] Все известные нам положения во флексиях носят не фонетический характер. Они вызывались грамматической аналогией». Мулич продолжает: «Поскольку [ѣ] из [oi] после исконно мягких переходил в [и], то естественно (и фонетически закономерно) было: им. п. мн. ч. *kon'oi > **кони**, *ot'soi > **отъци**; 2 л. ед. ч. пов. накл. *krikěi > **кричи**, *běgěi > **бѣжи**, *slyhěi > **слыши**. Под воздействием морфологической аналогии возникли потом и *stoloi > *stolě > **столи**, а так же и **раби**, **доуси** и т. п., равно как и, соответственно, *beri* < *berě < *beroi, **възьми**, **носи** и т. п.» (Mulić 1988: 66).

Малик Мулич делает следующий вывод: «В древнерусском языке, как и в части южнославянских языков, ѣ₁ с ѣ₂ слились в единый гласный средне-верхнего подъема (закрытый) – [ê], дававший в некоторых говорах [îê] (ср. схр. екавский рефлекс долгого ѣ – **ије**). Судьба этой фонемы определилась окончательно после падения редуцированных и образования новых мягких пар согласных фонем. Перед мягкими согласными [ѣ] сохранял свой закрытый характер и даже в некоторых говорах подъем его от средне-верхнего повысился до верхнего [и]. Перед твердыми согласными при артикуляции [ѣ] подъем более-менее сохранялся. Лучше всего [ѣ] удерживал свой характер под ударением» (Mulić 1988: 67).

Мулич указывает на то, что в сербохорватском языке фонема ѣ получила три основных рефлекса в зависимости от того, какой из компонентов дифтонга [ě] = [ie] преобладал в процессе артикуляции, а затем поясняет: «В течение первой половины XIII в. на территориях западных штокавских, а также южночакавских говоров проходил процесс (ě) > [ie] > [ii] > [i]; это значит, что второй компонент дифтонга уподоблялся по подъему первому компоненту, чтобы окончательно на месте этимологического (е) всюду выступал гласный [и]. Во второй половине XIII же века формировалась и замена (ě) гласным [е]. Этот процесс ([ie] < [îê] < [eè] < [é] или [ie] > [eë] > [ê]) охватил широкую область восточной штокавской территории, северную часть чакавских говоров и почти всю территорию кайкавского диалекта. При этом для восточноштокавских говоров характерна открытость (средний или почти средненижний подъем) гласного [ě], в то время как в северночакавских и кайкавских говорах выступает в качестве замены напряженный (верхнесредний) гласный [е] или [ê], как его обычно обозначают диалектологи. Следовательно, в процессе формирования замены (ě) на территории северночакавских и кайкавских говоров имеем дело не только с уподоблением первого компонента второму, но и взаи-

модействие компонентов: под воздействием второго компонента дифтонга первый его компонент понизил свой подъем ([i] > [e]), воздействие же первого компонента на второй не допускало последнему дойти до среднего подъема» (Mulić 1988: 69).

Малик Мулич констатирует, что в говорах центральной и югозападной штокавской территории в XIV в. позже формировалась иекавская замена (ѣ), в которой каждый из компонентов бывшего дифтонгического произношения сохранил свою самостоятельность подъема: **ie** > **ije**. «Однако, такое расщепление бывшего дифтонга на две части характерно только для (ѣ), обладавшего когда-то циркумфлексовой (нисходящей) интонацией, например: *цвѣтъ* > *цвиѣтъ* : *цвѣтъ* : *цвиѣтъ*, *лѣтъ* > *лиѣтъ* : *лѣтъ* : *лиѣтъ*, *срѣда* > *сриѣда* : *срѣда* : *сриѣда* и т. п. Если (ѣ) обладал акутовой (древней) интонацией, то из-за сокращения древнеакутовых слогов первый компонент дифтонга из [и] становился сонантом [j], например: *вѣра* > *вјѣра*, *ѡмѣти* > *ѡмјѣти*, *сѣмѣ* > *сјѣме* и т. п. Новоакутовое (ѣ), в отличие от древнеакутового, не сокращалось и расщеплялось на два слога, например: *грѣхъ* > *ѣрѣхъ* > *ѣриѣхъ*» (Mulić 1988: 70).

Мулич отмечает, что замена ѣ в виде **je** могла утратить свой первый компонент, оказавшись непосредственно после согласного **г**, так как последний в сербскохорватском языке остался без своей палатальной пары; ср.: *рѣзати* > *рѣзати*, *трѣзвъ* – *ѣтрѣзвен*. Он напоминает, что ѣ под бывшей циркумфлексовой интонацией могло сократиться, оказавшись в первом слоге в допредударной и даже предударной позиции, что происходило уже в праславянскую эпоху: ср. рус. *малина* и с.-х. *мѣлина*, но рус. *рука* и с.-х. *рука*, но *ручнѣ* < *рѣчнѣ*; соответственно этому ср. *ѣриѣдлоѣ*, но *ѣредлоѣѣ*; *вриѣме*, но *времѣнѣ*. «Такое краткое отражение древнего (ѣ) после [р] сохраняет [j] лишь в нескольких случаях, ср. *риѣка* – *рјѣчица*, *рјѣчина*, *рјѣчнѣ*; *рјѣч* (– *рјѣчнѣк*) < *рѣчнѣк* < *рѣчнѣкѣ*; ср. также: *риѣшиѣ* – *рјѣшење*. Автор добавляет, что краткая (односложная) замена ѣ, следуя после **л** и **п**, вызывает их йотизацию: *лѣпотѣ* > *лјѣдѣѣ* (ср. *лјѣдѣѣ*, *лиѣдѣѣ*), *нѣга* > *нјѣга*, *нѣжан* (ср. *нјѣга*, *нјѣжан*), *нѣдра* > *нјѣдра* (ср. *нјѣдра* и *ниѣдра*). «В случаях позиционного удлинения бывшего акутового (ѣ), возникавшего в силу морфологической аналогии, рефлекс [je] не переходит в [ije], ср.: *мјѣсто* – род. п. мн. ч. *мјѣстаѣ*, *вјѣра* – *вјѣраѣ* и т. п.» (Mulić 1988: 70).

Т. П. ПОПОВА высказывает мнение о том, что изменение ѣ на сербскохорватской территории шло или по линии уменьшения его напряжен-

ности и закрытости, или, наоборот, усиления напряженности и степени закрытости. «В первом случае (в большинстве районов Сербии и на западе Хорватии) это привело к совпадению е с обычным открытым е, во втором – или к совпадению с **i** (икавские говоры), – или к возникновению дифтонга с йотовой артикуляцией, что в современном языке представлено сочетанием **ije** в долгом и **je** – в кратком слоге (иекавские говоры)» (Ророва 1986: 35).

123. Интракорреляционал. Экавское, иекавское и икавское произношение ятя относятся к штокавскому диалекту, охватывающему Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и Сербию.

Из древнего дифтонга к XII веку в восточноштокавской и западночкавской зонах образовался гласный **е**. Впоследствии, в течение XII века, ять получает в восточночкавских и западноштокавских диалектах звучание **i**. В центральной части штокавских диалектов выступают два рефлекса: **ije** (долгого ятя – *dijète* ‘Kind’, *br̂ijeg* ‘холм’, *vrijème* ‘время’) и **je** (краткого ятя – *vjèra* ‘вера’). Помимо этих форм, развился еще один рефлекс ятя, а именно **i**, напр., *dīte* ‘ребенок’, *vīra* ‘вера’. Здесь стоит упомянуть, что экавцы-штокавцы есть и среди хорватов (Težak 2000). Это касается, к примеру, диалекта города Дони-Михоляц («donjomiholjevački govor»), который, как и некоторые другие славонские идиомы к юго-западу от Винковцев, является экавским. В восточной Славонии и Среме, таким образом, можно услышать такие слова, как *mléko* ‘молоко’, *lêp* ‘красивый’, *sêno* ‘сено’ или *věra* ‘вера’. ПАВЛЕ ИВИЧ пишет об экавско-славонских диалектах и утверждает, что в Славонии есть значительная область, в которой хорватское население говорит на штокавских диалектах» (Ivić 2001: 125–133). «Большая часть этой области лежит в северной Славонии. [...] Чуть меньший ареал находится в юго-восточной Славонии, это примерно десять деревень к западу и юго-западу от Винковцев» (Ivić 2001: 125).

Происхождение хорватской экавицы интерпретируют двумя способами. Некоторые придерживаются мнения, что славонские экавские диалекты базируются на былой кайкавщине (кайкавский язык, *kajkavština*), на которой в Славонии говорили прежде (Pavičić 1953). Другие, напротив, утверждают, что подравская штокавщина (т. е. в районе реки Дравы) представляет собой естественное продолжение штокавских диалектов Славонии (Ivšić 1913, Hamm 1949).

Примечательно также то обстоятельство, что экавицу можно встретить и в Боснии – к примеру, у (преимущественно молодого) мусульман-

ского населения города Кладань: *sēno* 'сено', *mléko* 'молоко', *cēdi* 'цедит', *onesvēsti se* 'потерять сознание', *bélo* 'белое', *vréme* 'время', *déte* 'ребенок', *lêk* 'лекарство', *zvézda* 'звезда' и т. д. (Remetić 1982: 183). Это явление выступает в случае долгого ятя. ЛУКЕ ВУЙОВИЧУ принадлежит исследование на тему того, встречается ли экавица также в юго-восточной Черногории, на что автор отвечает категорическим «нет» (Vu-jović 1983: 516).

Представляет интерес также тот факт, что в западной Сербии (Подри-нье) все еще есть остатки икавицы: *mlíko* 'молоко', *díca* 'дети', *mìsto* 'место', *líp* 'красивый', *mìsec* 'месяц', *bríg* 'холм', *vrìča* 'мешок', *dìvõjka* 'девушка' (Moskovljević 1983). При этом считается, что она не была пере-несена из Далмации, а является остатком прежних икавских диалектов, так как с самого начала в этой области, как и в северо-западной Сербии и в Воеводине, ять произносился как **i** (Moskovljević 1983: 503). Насколько нам известно, первое исследование икавицы в Сербии восходит к Г. Гир-ту (Hirt 1903), который утверждает следующее: «Если бы кто-то захотел попытаться установить границу и к а в и ц ы в Сербии, это было бы со-вершенно бесперспективным начинанием. Я, по крайней мере, не нашел ни одного места, в котором бы произносили только **i**. Повсюду использо-вались **i**, **e**, **je** вперемешку, или же одни произносили **e**, другие **je** и третьи **i**. Это служит убедительным примером того, насколько плохо пригоден один-единственный звуковой признак для определения диалектных гра-ниц. Однако же если **i** во многих случаях начинает заменяться на **e** или **ije**, или даже полностью вытесняется, одним этим прочие диалектные особенности не уничтожаются» (Hirt 1903: 9). Он утверждает, что сами сербы считают «диалект с **i**» мужицким, и говорящие на этом диалекте пытаются по возможности употреблять формы с **e** или **je** (Hirt 1903: 8). «Когда я слышал гомерический хохот, с которым мне рассказывали в Лознице о носителях диалекта с **i**, я этому уже не удивился. Мои первые попытки справиться прямыми вопросами о наличии форм с **i** потерпели поэтому полнейший крах, и предубеждение, что произношение **i** на месте **je** или **e** – это что-то мужицкое, заходило настолько далеко, что даже об-разованные жители, в интересах общего населения, активно не признава-ли наличие форм с **i**» (Hirt 1903: 8).

Более точные данные об икавице в Черногории находим у М. ЙОВА-НОВИЧА (Jovanović 2004). Благодаря им можно быть уверенными, что в некоторых диалектах, особенно в Герцеговине и Черногории, ять произ-носится как **i**: *siđeti* 'сидеть', *usiđelica* 'старая дева'.

В некоторых диалектах встречается еще одна особенность, а именно – рефлекс ятя в форме **a**: *gńaždò* ‘гнездо’, *ńadra* ‘грудь, сердце’ (северная Истрия и остров Паг) – Maćeski 1931: 217–218.

Существуют также диалекты без замещения ятя, т. е. такие, где ять остался неизменным. ПАВЛЕ ИВИЧ (Ivić 1956) первым назвал этот ять «nezamenjeno jat» («незаменимым ятем») и различал четыре зоны, в которых ять сохранился как фонема («monofonška fonema» ‘монофтонгическая фонема’) и произносится как нечто среднее между **e** и **i** (*běo* ‘белый’, *zvězda* ‘звезда’): 1. деревня Рекаш в румынском Банате (к востоку от Тимишоары) с католическим населением, 2. различные деревни в «Банатском черногорье» («Banatska Crna Gora») в румынском Банате (к северо-востоку от Рекаша) с сербским православным населением, 3. Крашова в румынском Банате (к северо-востоку от Вршаца) с католическим населением, 4. Галлиполи (ныне Чанаккале) в Турции, где на протяжении нескольких столетий жила группа сербского населения, после Первой Мировой войны переселившаяся в город Пехчево в восточной Македонии⁶⁵ (Ivić 2001: 278). Затем имели место исследование СЛОБОДАНА РЕМЕТИЧА, в котором он вводит понятие «fonološki jat» (Remetić 1981) и РАДОЕ СИМИЧА, который ударяется в полемическую дискуссию с Реметичем (Remetić 1982).

124. Интеркорреляционал. Рефлекс ятя (**e**, **je**, **iје**, **i**) является одной из основных проблем фонетической системы с.-х.-б., при этом встает резонный вопрос: можно ли привлекать ять на роль признака, отграничивающего отдельные языки друг от друга. Если исходить из конкретных фактов, мы неминуемо приходим к заключению, что это не тот случай, и что на основании рефлекса ятя нельзя провести разграничение между стандартами сербского, хорватского и бошняцкого языков. Однако очень даже возможно провести различие между (1) экавской Сербией и иекавскими Боснией и Герцеговиной, Черногорией и Хорватией. (2) Иекавские хорватский и бошняцкий отличаются на данном уровне от сербского языка в Сербии, но не от сербского Боснии и Герцеговины, Черногории и Хорватии. На основе этих обстоятельств приходим к выводу, что ПЕТАР ГУБЕРИНА и КРУНО КРСТИЧ ошибочно считали, что звук «ять» может служить дифференцирующим признаком между сербским и хорватским

⁶⁵ Это место лежит недалеко от границы с Болгарией и является самой восточной общиной Македонии.

(Guberina/Krstić 1940: 26). МАРИАН КРМПОТИЧ в главе «О glasovnim i rječotvorbenim razlikama» («О звуковых и словообразовательных различиях») видит различие прежде всего в использовании экавицы и иекавицы и занимает следующую позицию: «Различие между хорватским и сербским заметно уже в коммуникативном превосходстве иекавицы» (Krmptić 2001: 136). Обобщая, стоит сказать, что из четырех языков три являются иекавскими (бошняцкий, хорватский и черногорский), однако всего один (сербский) проявляет как экавский, так и иекавский рефлекс, при этом оба варианта произношения считаются в сербском стандартными. «Сербский литературный (или стандартный) язык базируется на двойственности литературного стандарта, или же на двойственности экавского и иекавского произношения, что включает в себя также сведения об их отношении в системе» (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 64–65). В конце июня 1996 года в Республике Сербской, находящейся в Боснии и Герцеговине, вступил в силу одобренный парламентом закон, предусматривающий единственным законным произношением экавское. Нарушения этого закона должны были караться большими денежными штрафами (размером примерно со среднемесячный оклад), в связи с чем все общественные учреждения посчитали себя обязанными перейти на экавицу, что – прежде всего в случае теле- и радиостанций – неминуемо приводило к трагикомическим ситуациям. Звук **j** рефлекторно удалялся из всех возможных слов, в том числе слово *òbjek(a)t*⁶⁶ ‘объект’ превращалось в *òbek(a)t*, *sùbjekat* ‘субъект’ в *sùbekat*, *Bìjeljina* ‘Биелина’ в *Bèljina*, *Òsijek* ‘Осиек’ в *Òsek*, *Sòvjetski Sàvez* ‘Советский Союз’ в *Sòvetski Sàvez* и *Sjèdìnjene Amèricke Džave* ‘Соединенные Штаты Америки’ в *Sèdìnjene Amèricke Džave*, и т. п.⁶⁷ Это вмешательство языковой политики в публичную и культурную сферу вызвало массовые протесты, причем как от носителей иекавицы, так и от

⁶⁶ Прочитированные авторы (Anić/Silić 2001, Babić/Finka/Moguš 2005, Čedić 2005: 121, Halilović 1996, Jerković/Pešikan/Pižurica 1995, Valjevac 2005: 71) не расставляли ударений в своих примерах. В настоящей книге ударения поставлены в их примерах постфактум, при этом в некоторых случаях также в виде акцентных дублетов.

⁶⁷ Некоторые радио- и телеведущие подшучивали над законом и объявляли имя известной певицы ЛЕПОЙ БРЕНЕ (*Lêpā Bréna*), в противовес недавно принятой норме, как *Ljêpā Brijèna* (Novosti, Belgrad; 15. 8. 1996: 18).

носителей экавицы.⁶⁸ Известная писательница МИРА АЛЕЧКОВИЧ назвала искоренение иекавицы в Республике Сербской «ошибочным ходом» и «отречением от богатства» (Petričević 1996: 28). Некоторые писатели, постоянно проживающие в Белграде, использовали оба произношения. Так, МЕША СЕЛИМОВИЧ пытался писать и на экавице, однако позже оставил попытки. ДЕСАНКА МАКСИМОВИЧ иногда сознательно использовала иекавизмы (так, в ее поэзии можно найти, к примеру, слово *zdjěla* 'миска'). Некоторые ученые преподавали на экавице, сами пользуясь при этом иекавицей (МИХАИЛО СТЕВАНОВИЧ). С другой стороны, некоторые хорватские поэты, такие как МИРОСЛАВ КРЛЕЖА, ГУСТАВ КРКЛЕЦ и ВЛАДИМИР НАЗОР, писали в 1920-е годы стихи на экавице.

125. Помимо этих попыток искоренить иекавицу, с сербской стороны тоже доходило до унитаристских стремлений. Так, например, лингвисты и фонологи предлагали отражать ять на письме в соответствии с его латинской транскрипцией как *ě* (*mlěko*, *věra*, *sněg*) или даже вернуться к старославянской букве. Однако все эти идеи не нашли в конечном итоге большого понимания. Следует заметить, что для носителей иекавского произношения «экавизация» не представляет чересчур большой проблемы, так как они обычно хорошо ориентируются в расположении рефлексов ятя, а экавцам, напротив, стоило бы большого труда опознать слова с ятем.⁶⁹

⁶⁸ РАНКО РИСОВИЧУ, писателю из Баялуки, принадлежат следующие слова: «Вместо объединения всех сербов здесь уничтожили последний оазис хорошего народного произношения; я смотрю телевизор, слушаю радио и крещусь левой и правой рукой. Эх! На каком же языке говорит выступающий? Если включить белградское телевидение, можно услышать настоящее экавское произношение – выхоленное и красивое. Когда же начинают говорить наши дикторы (на TV Pale и Banjaluka), начинается сущий ужас и хаос. Ведущий сербских новостей мучается, как школьник на выпускном экзамене. Когда он сбивается с текста, я начинаю за него переживать, как я когда-то переживал в цирке за танцора на канате, боясь, что он упадет и сломает себе хребет» (Novosti, 15. 8. 1996, с. 18).

⁶⁹ То, что вопросы произношения могут выходить и в сферу политики, показал пример ВОИСЛАВА ШЕШЕЛЯ, обвинённого Международным военным трибуналом в Гааге: он ходатайствовал о представлении всех письменных документов на сербском (судебное дело IT-03-67-PT). Обвиняемый аргументировал это тем, что во время процесса он не понимал некоторых написанных или устно произне-

126. В хорватском языкознании в фонетико-фонологическом отношении существовала идея покинуть иекавскую базу и вернуться к икавице, от которой отказались более 20 лет назад. Это не нашло большой поддержки и, вероятно, не найдет и в будущем. С фонематической точки зрения ять трактуется в хорватской лингвистике по-разному. Так, например, уже в 1960-е годы указывалось на то, что долгая реализация ятя расширяет фонему **i** фонемой **e** (Brozović 1968, 1972–1973a, 1991). Кроме того, **ie** иногда интерпретировалось как самостоятельный дифтонг («Дифтонг /ijē/ можно было бы, вероятно, интерпретировать как бифонемную последовательность, в фонемном отношении идентичную /jē/» – Brozović 1968: 31), а иногда, напротив – как фонема и последовательность фонем /j/ + /ē/ (Brozović 1968: 32). В хорватской грамматике долгий рефлекс ятя главным образом понимается как гласный и дифтонг (Hrvatska gramatika 1995: 31), причем, к примеру, Иво ШКАРИЧ в одном месте говорит о фонеме **ije** (Škarić 2001b: 1), а в другом делает заключение, что в «общем хорватском языке» не существует подобной обособленной фонемы, а речь идет о группе фонем (**j**, **e**) (Škarić 2001b: 14). По мнению Шкарича, реф-

сённых слов по причине иекавского выговора. Гаагский трибунал ответил на ходатайство следующим образом: «Обвиняемый выдвигает неверное заявление [...], будто сербский/хорватский/бошняцкий язык-гибрид доставляет обвиняемому проф. доктору Воиславу Шешелю неудобства, поскольку в письменном материале на этом языке встречается множество слов, которые он не может понять, однако их перевод отнял бы ценное время. Ранее обвиняемый заявлял, что у него были затруднения с пониманием некоторых слов синхронного переводчика или переводчика судебного трибунала, что попросту неправда. Обвиняемый провёл свою молодость в Сараеве (Босния и Герцеговина), там же учился в университете. В эти формирующие личность годы обвиняемый пользовался в быту, работе и учёбе иекавицей, являющейся одним из двух вариантов сербохорватского литературного языка. Второй вариант называется экавицей и используется большинством населения Сербии, в которой обвиняемый провёл большую часть своей взрослой жизни. Устные и письменные различия между экавицей и иекавицей, между тем, настолько минимальны, что любой носитель одного из вариантов легко сориентируется также во втором. Ввиду этого представляется абсурдным заявление обвиняемого, будто во время текущего судебного процесса ему непонятны устные или письменные доводы по причине использованных в них определённых иекавских слов при устном или письменном переводе с английского на сербский/хорватский/босняцкий» (Naški-www).

лекс долгого старого ятя является бифонемным сочетанием **je**, аналогично краткому, и по этой причине стоит приветствовать также написания типа *svjět* ‘цветок’ (ср. *svjětnī* ‘цветочный’), *ljêp* ‘красивый’ (ср. *ljěpšī* ‘более красивый’). В дальнейшем он защищает идею полного отказа от долгого ятя.

Конкретные нормативные решения в с.-х.-б., прежде всего в отношении префикса **pre-**, оказываются особенно сложными и запутанными. Ср.: *prégib* ‘сгиб, перегиб’ (экавица и иекавица, Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 276) – *prégib* и *prijègib* (Babić/Finka/Moguš 2005), *prégib* (Halilović 1996: 438),⁷⁰ *préglas* ‘перегласовка’ (экав.) – иекав. *préglas* (*prijèglas*) Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 276 – *prijèglas* (Anić/Silić 2001: 674; Babić/Finka/Moguš 2005: 368) – *prijèglas* (Halilović 1996: 450); *prégled* ‘обзор’ (экавица и иекавица; малореально *prijègled* Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279) – только *prégled* (Anić/Silić 2001); *prégled* и *prijègled* (Babić/Finka/Moguš 2005) – *prégled/prijègled* (Halilović 1996: 438); *prékid* ‘перерыв, разрыв’ (экавица и иекавица, Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279) – *prékid* и *prijèkid* (Babić/Finka/Moguš 2005), *prékid/prijèkid* (Halilović 1996: 439);⁷¹ *prélet* ‘перелет’ (экавица и иекавица, Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279) – *prélet* (Anić/Silić 2001; Babić/Finka/Moguš 2005) – *prélet/prijèlet* (Halilović 1996: 440); *prémaz* ‘крем, намазывание’ (Babić/Finka/Moguš 2005), *prémaz/prijèmaz* (Halilović 1996: 441);⁷² *prépad* ‘внезапное нападение, набег, вылазка’ (экавица Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279) – *prépad* (Babić/Finka/Moguš 2005);⁷³ *prépīs* ‘копия’ (экав.), иекав. *prépīs* (*prijèpīs*) Jerković/Pešikan/Pižurica: 279 – *prijèpīs* (Anić/Silić: 675; Babić/Finka/Moguš 2005: 368) – *prijèpīs* (Halilović 1996: 175); *prépjev* (нет в Jerković/Pešikan/Pižurica 1995) – *prépjev* ‘свободный перевод стихов, переделка стихов’ (Anić/Silić 2001; Babić/Finka/Moguš 2005) – *prépjev/prijèpjev* (Halilović 1996: 442); *préplet* (экав.), иекав. *préplet* (*prijèplet*) ‘переплетение, переплет’ в общем значении, *prijèplet* (на òpānku – оплетка на лапте) – Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279 – *préplet* – только *préplet* (Anić/Silić 2001), *préplet* и *prijèplet* (Babić/Finka/Moguš 2005) – *préplet/prijèplet* (Halilović 1996: 443); *prérez* ‘пере-

⁷⁰ В Anić/Silić 2001 не встречается.

⁷¹ В Anić/Silić 2001 отсутствует.

⁷² Нет в Anić/Silić 2001.

⁷³ В Anić/Silić 2001 и Halilović 1996 не встречается.

рез' (экавица и иекавица, маловероятно *prijèrez*, Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279) – только *prérez* (Anić/Silić 2001), *prérez* и *prijèrez* (Babić/Finka/Moguš 2005) – *prérez/prijèrez* (Halilović 1996: 440); *préskok/prèskok* 'прыжок через что-л.' (экав.), иекав. *préskok/prèskok* (*prijèskok*) Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 279 – только *préskok/prèskok* (Anić/Silić 2001), *préskok* и *prijèskok* (Babić/Finka/Moguš 2005) – *préskok/prijèskok* (Halilović 1996: 444).⁷⁴

В черногорских телевизионных новостях в 19:30 (DnevRTCG) можно услышать экавскую форму *prédlog* 'предложение' (но не *prijèdlog*), – к примеру, в синтагмах *prédlog zákona* 'законопроект', *o prédlogu rezolúcije* 'о проекте резолюции'. В отношении слова *prédlog* и черногорского языка ВОИСЛАВ НИКЧЕВИЧ считает, что эта форма не отвечает стандарту: «Обычно при использовании префиксов **pre-** и **pred-** в литературном черногорском языке [...] в существительных и долгих формах прилагательных корректным звучанием ятя является **ije** (в два слога), т. е. в соответствии с упомянутыми правилами: *prijèvod* 'перевод', *prijèvoz* 'перевоз', *prijèdlog* 'предложение' [...], в то время как параллельные формы с односложным **e** в качестве рефлекса ятя представляют собой в этом языке диалектизмы и не соответствуют стандарту» (Nikčević 2001: 88).

В сербском иекавском стандарте представлены в равной степени как префикс **pre-**, так и **prije-**, но первая из названных форм считается главной. При помощи префикса **prije-** в иекавице возникли некоторые уникальные лексемы, к примеру, когда исходный глагол терялся или у существительного возникало особое значение, напр., *prijèklad* 'подставка для дров, каминная подставка', *prijèvoj* 'аблаут', *prijèsjek* (в исходном семантическом значении 'разрез') или также *prijèmet* 'сорт вина' – Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 6. В хорватском языке Боснии и Герцеговины в течение последнего столетия **pre-** было в большинстве случаев заменено на **prije-** (*mòstarskī Autoprèvoznīk* 'автотранспортное предприятие Мостара' превратился таким образом в *Autoprijèvoznīk*), при этом имели место также такие изменения, как, к примеру, *prijèvod* 'перевод' (вместо *prévod*). Ситуация в бошняцком языке остается неясной. Можно, однако же, заключить, что словесные образования с приставками **pre-** и **pred-** на наших глазах претерпевают колебания в нормативном отношении. Согласно правилам правописания, приведенные далее формы отвечают стандарту: *pri-*

⁷⁴ Акцентные дубликаты добавлены автором.

jèklop ‘клапан’, *prijènos* ‘перенос’, *prijèlom* ‘перелом’, *prijèsad* ‘саженец’, *prijètop* ‘переплавка’, *prijètvor* ‘притворство’, *prijèvjjes* ‘накидка’, *prijèvod* ‘перевод’, *prijèvoj* ‘аблаут; седловина горы’, *prijèvoz* ‘перевоз’ (*prèkop* ‘канавы’, *prèlom* и *prèvoz* не называются). Помимо этого, в некоторых случаях отмечены дублеты: *prijèčniklprèčnik* ‘поперечник’, *prijègledlprègled* ‘обзор’, *prijèkidlprèkid* ‘перерыв’, *prijèkloplprèklop* ‘клапан’, *prijèlazlprèlaz* ‘переход’, *prijèlaznicalprèlaznica* ‘переправа’, *prijèsjeklprèsjek* ‘разрез, перерез, срез’, *prijèletlprèlet* ‘перелет’, *prijèmazlprèmaz* ‘намазывание’, *prijèpletlprèplet* ‘переплетение, переплет’, *prijèrezlprèrez* ‘разрез’, *prijèskoklprèskok* ‘прыжок через что-л.’, *prijèvaralprèvara* ‘обман’, *prijèzirlprèzir* ‘презрение’ и пр. (Valjevac 2005: 71).

Часто утверждают, что по хорватскому стандарту (на который ориентируются также хорваты Боснии и Герцеговины) уже давно употребляются иекавские варианты, однако присутствие некоторых форм с префиксом **pre-** не исключается категорически: «В Боснии и Герцеговине журналисты строжайшим образом следуют таким нормам (*prijèvoz* и *prijèvod*). Пусть даже подкрепленная лингвистами, такая инновация [распространение префикса **prije-**] ввиду уже упомянутой «хорватизации» не без основания воспринимается в бошняцком языке с негативной психолингвистической коннотацией. Ввиду распространенности множества экавских форм в обиходном языке и неофициальном языке независимых СМИ этот про-хорватский поворот не получил в бошняцкой норме всеобщей поддержки» (Valjevac 2005: 73).

127. В отношении глаголов *tèći* ‘течь’ и *tàćiltàćí* ‘трогать’ в хорватской и бошняцкой норме можно найти следующие формы: а) *tèći*: *dòtjecati* ‘притекать’ – *dòtjecānje* ‘приток’, *ìstjecati* ‘вытекать’ – *ìstjecānje* ‘вытекание’, *nàtjecati (se)* ‘состязаться’ – *nàtjecānje* ‘состязание’, *pòtjecati* ‘происходить’ – *pòtjecānje* ‘побуждение’, *prìtjecati* ‘притекать’, *pròtjecati* ‘протекать’, *stjècati* ‘добиваться’, *ùtjecati* ‘влиять’, *zàtjecati* ‘заставать, захватывать’; б) *tàćiltàćí*⁷⁵: *dòticati* ‘дотрагиваться, касаться’ – *dòticānje*, *ìsticati* ‘выделять’ – *ìsticānje* ‘выделение’, *nàticati* ‘надевать’ – *nàticānje* ‘надевание’, *pòticati* ‘побуждать’ – *pòticānje* ‘побуждение’, *prìticati* ‘притекать’, *pròticati* ‘протекать’, *stìcati* ‘добиваться’, *ùticati* ‘влиять’, *zàticati* ‘заставать, захватывать’ (Anić/Silić 2001, Babić/Finka/Moguš 2005).

⁷⁵ Акцентный дублет добавлен автором.

В сербском стандарте, в отличие от бошняцкого и хорватского, оба значения имеет один глагол: *ìsticati*, *dòticati*, *nàticati*, *pòticati*, *prìticati*, *stìcati*, *ùticati*, *zàticati*. Эта особенность представляет собой различительный признак между сербским, с одной стороны, и бошняцким и хорватским – с другой, так как в сербском допустимы лишь формы с *i*: *dòticati*, *ìsticati* и т. д. (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 67). В хорватском и бошняцком, таким образом, различаются *ùticāj* ‘влияние’ (от глагола *ùticati* ‘влиять’) и *ùtjecāj* ‘влияние’ (от глагола *ùtjecati* ‘влиять’), в то время как в сербском используется исключительно *ùticati*. В связи с этим примером в бошняцком языке в настоящее время наблюдаются несогласия между предписанной и в действительности реализуемой нормой.⁷⁶

⁷⁶ «В повседневном употреблении носители боснийского языка оба этих слова, невзирая на их явное нормативное и семантическое разграничение, используются только в одной форме для обоих значений (*òdrēdenī ùtjecāji* ‘определённые влияния’), вне зависимости от того, от какого глагола слово произведено. Ранее предпочитавшееся в разговорной практике *ùticāj*, невзирая на нормативные ограничения (образованная от глагола *tèćī/tèći* [акцентные дубликаты мои. – Б. Т.] форма выглядит как *ùtjecāj*), всё ещё часто употребляется в боснийско-герцеговинских СМИ и в первую очередь в повседневной разговорной практике. У носителей боснийского, живущих возле хорватской границы и в социокультурном окружении, носящем на себе отпечаток хорватского, доминирует форма *ùtjecāj*. Именно эта форма считается босняками формой письменного языка. В разговорном языке остальных босняков – прежде всего тех, которые часто общаются с носителями сербского – форма *ùticāj* имеет бóльшую частотность. Смешанное использование обеих лексем в боснийско-герцеговинских радио- и телепередачах, учитывая многочисленных говорящих, представляется, таким образом, логическим, предсказуемым и допустимым. Бывает также, что один и тот же человек использует обе формы. В связи с этим явлением о подобной ситуации можно заявлять также и для носителей хорватского в Боснии и Герцеговине, несмотря даже на влияние хорватской нормы, в которой предпочтение отдаётся форме *ùtjecāj*. Употребление обеих форм чаще встречается у хорватов, живущих в боснийском или сербском окружении.

Самодистанцирование всех стандартных языков в Боснии и Герцеговине друг от друга было мотивировано различными факторами, неестественность которого, несмотря на мотивацию, все прочувствовали практически в равной мере. Предписанные нормы, требующие отказа от привычной ранее разговорной практики, внедряются с большим трудом. Дело дошло до языковой

Экавской отрицательной форме вспомогательного глагола *nísam* ‘я не есть’ соответствуют в сербской иекавице формы *nísam* и *nijèsam* (последняя типична для восточной Герцеговины и Черногории). В Jerković/Pešikan/Pižurica 1995 упоминаются соотношения между *nísam* (в экавице и иекавице) и *nijèsam* (в иекавице), но объяснение, что представляют из себя эти соотношения, тем не менее отсутствует. В хорватском стандарте обычная форма звучит как *nísam*, при этом во второстепенном порядке ссылаются и на *nijèsam* (Babić/Finka/Moguš 2005: 305).⁷⁷ бошняцкий стандарт предписывает *nísam*, однако указывает на стилистическую экспрессивность формы *nijèsam* (Halilović 1996: 363).⁷⁸

Различные иекавские стандарты содержат итеративы, произведенные от глагола *liti* ‘лить’. Сербский стандарт приводит *nalijèvati/nalivati* ‘наливать’ (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 67), хорватский же – только *nalijèvati* (Anić/Silić 2001; Babić/Finka/Moguš 2005), но помимо этого – деепричастие *nalijèvajuci*. В бошняцком стандарте допустимы обе формы, при этом *nalijèvati* названа главенствующей (Halilović 1996). Экавские глаголы типа *bdèti* ‘бдеть’, *vrèti* ‘кипеть’, *zrèti* ‘зреть’ звучат в хорватском как

инертности, оказавшейся важным консолидирующим фактором. Разрыв между официальным и фактически реализуемым стандартом имеет смысл, если на то есть лингвистические причины, если носители языка говорят на разных и в то же время плохо понятных диалектах (как, к примеру, на кайкавском, чакавском и штокавском в Хорватии или ново- и староштокавском в Сербии). Подобных причин никогда не было в Боснии и Герцеговине и прежде всего внутри боснийского языка» (Valjevac 2005: 73).

⁷⁷ В Anić/Silić 2001 не приводится ни одна из обеих форм.

⁷⁸ «Использование отрицательной формы *nijèsam* характерно для восточно-герцеговинских диалектов (Ресо 1964: 9), т. о., к примеру, в окрестностях города Любушки встречаемость выражений *nísam*, *nísi* ‘я не есть, ты не есть’ пренебрежительно невелика (Čedić 1989: 35), и Башагич использовал *nijèsam*, *nijèsi*, в то время как *nísam*, *nísu* отмечены всего несколько раз в стихах (Nakaš 2003: 27). Возле Памучины *nijèsam* и *nísam* равноправны (Čedić 1984:133), в то время как Дучич отмечает только *nijèsam* (Okuka 2003:164). Формы *nijèsam*, *nijèsi* использовал также Грго Мартич, хотя количество форм с *i* у него перевешивает (Čedić, 2003:242). Юкич последовательно использует огласовку с *i* (Куна 1983: 46), что относится также и к Кочичу, который в этом отступает от своего родного идиома (Šipka 1987: 112)» (Čedić 2005: 121).

bdjèti, *vrèti*, *zrèti* (Babić/Finka/Moguš 2005),⁷⁹ что верно также для бошняцкого с *bdjèti*, *vrèti*, *zrèti* (Halilović 1996). При этом есть и дублеты: *vrèd/vrìo* ‘горячий’, *zrèd/zrìo* ‘спелый’ (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995, Halilović 1996), *vrèd/vrìo*, *zrèd* (Babić/Finka/Moguš 2005). Для экавского *ògrev* ‘топливо, отопление’ в сербском иекавском стандарте указано *ògrijev* (*ògrev*) – Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 258, в хорватском *ògrijev* (Anić/Silić 2001: 500), (Babić/Finka/Moguš 2005: 315), в бошняцком *ògrjev*, но допускается также и *ògrev*: *ògrev* v. *ògrjev* (Halilović 1996: 377). Дуализм прилагательных типа *cijel* и *cìo* ‘целый’ нормируется по-разному: в сербском *cìo* (*čijel*) – Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 69, в хорватском *cijel* и *cìo* (Babić/Finka/Moguš 2005: 179), при этом определенные формы формы *cijel* – *cijeli*; *cìo* (Fem. *cijèla/cijéla*)⁸⁰ и *cijeli* (Anić/Silić 2001: 260–261); *cijel/cìo* находим и в бошняцком (Halilović 1996: 182). В случае экавских *pròdrēvši* ‘дееприч. прош. вр. от *pròdrēti* (прорваться)’, *ùmrēvši* ‘дееприч. прош. вр. от *ùmrēti* (умереть)’ в хорватской норме разрешаются дублеты *pròdr̃v(ši)*, *ùmr̃v(ši)* – Babić/Finka/Moguš 2005, при этом на первом месте стоят *pròdr̃v(ši)* и *ùmr̃v(ši)*. В бошняцком стандарте тоже допущены дублеты, однако в ином облике: *pròdrijevši/pròdr̃vši*, *ùmrijevši/ùmr̃vši* (вторая форма в каждой паре охарактеризована как форма народного языка). Экавская лексема *náslēde* ‘наследие’ имеет в качестве эквивалента в хорватском стандарте *násljede* (Anić/Silić 2001: 499), *násljēde* и *násljede* (Babić/Finka/Moguš 2005: 296), в бошняцком *násljede* (Halilović 1996: 350), в то время как в сербском иекавском – *násljēde* (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 250). Экавизму *ùsled* ‘вследствие’ соответствуют в иекавском стандарте *ùsljed* und *ùsljed* (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995), в хорватском *ùsljed* (Anić/Silić 2001; Babić/Finka/Moguš 2005) и *ùsljed/ùsljed* в бошняцком (Halilović 1996). В сербской иекавице встречаем дублет *mízzjetil/mízziti* ‘ненавидеть’ (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 245), в хорватском только *mízziti* (Babić/Finka/Moguš 2005: 288)⁸¹, в то время как в бошняцком стандарте представлены в равной мере оба (Halilović 1996: 337). Касательно экавского активного причастия *sèo* ‘сел’ от *sèsti* в сербской иекавице фиксируются две формы – *sìo* и *sjèo*. То же верно и для хорватского стандарта – *sjèo/sìo* (Anić/Silić 2001: 766), *sjèo (sìo)* – Babić/Finka/Moguš 2005: 406, то-

⁷⁹ В Anić/Silić 2001 *vrèti* и *zrèti* не упоминаются (Anić/Silić).

⁸⁰ Акцентный дублет добавлен автором.

⁸¹ В Anić/Silić 2001 этот глагол не упоминается.

гда как бошняцкий указывает только на *sjěo* (Halilović 1996: 505). Во всех трех стандартах представлена иекавская форма для *blêsak* – *bljjesak* ‘молния’, но, кроме этого, можно встретить и *bljêsak*.

128. В сербской, хорватской и бошняцкой иекавице существует несколько экавизмов, т. е. слов, в которых из ятя возникло *е*, как в лексемах *mezímac*, *mezímče*, *mezimica* ‘любимец, любимчик, любимица’ (Jerko-
vić/Pešikan/Pižurica 1995: 240). Сербский иекавский стандарт допускает также и *mjezímac*. Согласно хорватскому стандарту, нормативными формами являются *mèzimčad* (мн. ч. от *mezímče*), *mezímac*, *mezímče* (Anić/Silić 2001: 465; Babić/Finka/Moguš 2005: 282), *mezímčev* (‘принадлежащий любимчику’) – Anić/Silić 2001: 465. В бошняцком стандарте наблюдаются дублиеты: *mezímac/mjezímac*, *mèzimčad/mjèzimčad*, *mezimical/mjezimica*, *mezimicin/mjezimicin* ‘принадлежащий любимице’ (Halilović 1996: 329). Существуют многочисленные случаи экавизмов в некоторых грамматических формах, как, например, *е* при сокращении слога: им. п. ед. ч. *vrijème* ‘время’ – *vremèna* (им. п. мн. ч.), *vreménā* (р. п. мн. ч.) – *vrèmenski* ‘временный’, *brjèg* ‘холм’ (им. п. ед. ч.) – *brègovi* (им. п. мн. ч.), *brègōvābre-gōvā* (р. п. мн. ч.) – *bregòvit* ‘холмистый’, *srijèda* ‘среда’ – *sredīna* ‘середина’, *griješiti* ‘ошибаться’ – *grèška* ‘ошибка’, *vrèdniji* (сравн. степень от *vri-jèdan* ‘прилежный, усердный’), *gòre* ‘вверх’, *mrèža* ‘сеть’, *prèlaziti* ‘переходить’, *preskòčiti* ‘перепрыгнуть’, *prepísati* ‘переписать’, *rèzati* ‘резать’, *srèdnji* ‘средний’, *ùvreda* ‘оскорбление, обида’. Иногда краткий ять развивается в гласный *е* после сонорного *г*: *srèća* ‘счастье’, *vrèća* ‘мешок’, *brèza* ‘береза’. Экавица выступает также в таких примерах, как *nèšto* ‘что-то’, *nèkad* ‘когда-то’, *Slovèni/Slavèni* ‘славяне’, *obećávati* ‘обещать’. Подавляющему большинству экавизмов присуща автохтонность, т. е. они представляют собой результат фонетического развития, а не заимствования из экавицы (Ostojić/Vujičić 2000: 45).

129. К более частым экавизмам в сербской иекавице принадлежат *nèdelja* ‘воскресенье, неделя’ (*nèděljni* ‘недельный, воскресный’, *ponède-ljak* ‘понедельник’), *déjstvo* ‘действие’ и *dòle* ‘внизу’, которые также «[...] особенно часто представлены в боснийско-герцеговинском языке. Несмотря на то, что такая огласовка является фонологически корректной на основании диссимиляции согласных, эти формы не нашли вхождения в нормативный боснийский язык» (Valjevac 2005: 72). В сербском иекавском стандарте разрешаются следующие дублиеты: *dèjstvovati/djèjstvovati* ‘действовать’, *déjstvo/djéjstvo*, *dèlovati/djèlovati* ‘воздействовать’, *dèlovā-njel/djèlovānje* ‘воздействие’, *òtmen/òtmjen* ‘изысканный, отменный’, *nè-*

mūštl̥ njèmūštī ‘немой’, *mezímac/mjezímac*, *mezímical/mjezímica* (Jerko-
vić/Pešikan/Pižurica 1995: 70–71). Наряду с *istòvjetan* ‘тождественный’ пре-
дусмотрено также *istòvjetan*, поскольку, несмотря на то, что о рефлексе
ятя здесь речи не идет, в екавицу это слово попало с последовательностью
-**vje**-. Этот пример принадлежит к так называемым гиперъекавизмам (реф-
лексам ятя на месте, где ятя не было), как и *sjènica* ‘синица; беседка’ (не
от *sěna*, а от прилагательного *sínъ*), *djètaoldjètao* ‘дятел’ (не от *dětelъ*, а от
dětelъ), *ljèš* и *lèšina* ‘труп’ (от тур. *leş* ‘труп’), *òtmjen* ‘отменный’ и *òtmje-
nòst* ‘изысканность’ (русизм), *Stjèpān* ‘мужское имя’ (Putanec 1962–1963: 75).

Особым семантическим значением наделено слово *přvijenac* ‘бокал
водки для свидетелей на свадьбе; водка первого выхода (при перегонке),
первач’, и как стилистический прием допускаются также лексемы *kisjelō
mlijèko* ‘простокваша, кислое молоко’, *ùkisjeliti* ‘заквасить’.

В сербской иекавице представлено только *grèška* ‘ошибка’ (Jerko-
vić/Pešikan/Pižurica 1995: 194), в хорватском *grèška* (Anić/Silić 2001: 349) и
grjèška > *pògrjèška*, *grjèšnica* ‘грешница’, *grjèšničin* ‘принадлежащий греш-
нице’, *grjèšnički* ‘греховный’, *grjèšnik* ‘грешник’, *grjèšnikov* ‘принадлежа-
щий грешнику’, *grjèšnòst* ‘греховность’ (Babić/Finka/Moguš 2005: 233), а в
бошняцком отмечаются *grèšan/grjèšan* ‘грешный’, *grèščical/grjèščica* ‘оши-
бочка, грешок’, *grèškal/grjèška*, *grèšnica/grjèšnica*, *grèšnicin/grjèšnicin*, *grèš-
nickil/grjèšnički* ‘греховный’, *grèšnol/grjèšno* ‘греховно’, *grèšnòstl/grjèšnòst*
‘греховно’ (Halilović 1996: 243).

К экавизмам иекавицы причисляют также слова *bèdāk* ‘дурак’ (Hali-
lović 1996: 168), *bedastòća* ‘глупость’ (Babić/Finka/Moguš 2005: 163),
*brèža*⁸² ‘береза’, *brègovi* ‘холмы’, *bregòvit* ‘холмистый’, *cèriti se* ‘скалить-
ся’, *gòre* ‘вверху’, *grèšan/grjèšan* ‘грешный’, *grèščical/grèščica* ‘ошибочка,
грешок’, *grèškal/grjèška* ‘ошибка’, *grèškōm/grjèškōm* ‘по ошибке’, *grèšni-
cal/grjèšnica* ‘грешница’, *grèšnicin/grjèšnicin/grjèšničin* ‘принадлежащий
грешнице’, *grèšnički/grjèšnički* ‘греховный’, *grèšnikl/grjèšnik* ‘грешник’,
grèšnol/grjèšno ‘греховно’, *grèšnòstl/grjèšnòst* ‘греховность’.

130. В принадлежащей всем трем языкам иекавице встречаются
ставшие стандартом икавизмы, такие как *bìo* (*bijel*) ‘белый’, *bìonjača*/*bìo-*

⁸² Здесь ударение играет семантикоразличительную роль: *brèža* ‘береза’ –
Bréza ‘женская кличка животного’.

*njača*⁸³ ‘роговица’, *blijèdio* ‘бледнел’, *bòlio* ‘болел’, *cìo* ‘целый’, *dìo* ‘часть’, *diòba* ‘дележ’, *dòcniti* ‘опаздывать’, *grìjati* ‘греть’, *lètio* ‘летел’, *mì-lji* ‘более милый’, *mízio* ‘ненавидел’, *mùdriji* ‘более мудрый’, *nòviji* ‘более новый’, *obòlio* ‘заболел’, *odòlio* ‘одолел’, *prédio* ‘местность, ландшафт’, *rázdio* ‘отдел, раздел’, *sìjati* ‘сеять’, *sjèdio* ‘сидел’, *smijati se* ‘смеяться’, *stà-riji* ‘более старый’, *trésijāh* ‘я тряс (импф.)’, *vìdio* ‘видел’, *vòlio* ‘любил’, *vrtio* ‘вертел’, *závidio* ‘завидовал’, *zvizdan* ‘адская жара’, *živio* ‘жил’. Во всех стандартах используется *svijètao* ‘светлый’ (Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: 292, Anić/Silić 2001: 803, Babić/Finka/Moguš 2005: 426, Halilović 1996: 534).

131. Между некоторыми попавшими во все три стандартных языка иекавизмами существуют семантические различия, как-то: *bijèliti* ‘белить’ – ‘белить (материю)’, ‘белить (стены)’, *crvèniti* ‘красить в красный цвет’ – *cvrènjeti* ‘краснеть’, *òslabiti* ‘ослабить’ – *òslabjeti* ‘ослабеть’. В некоторых случаях наблюдается различие, обусловленное присутствием ятя в одной из двух лексем: *bésan* ‘бессонный’ – *bijèsan* ‘бешеный’, *dèva* ‘верблюд’ – *djéva* ‘дева’, *ljèvāk* ‘левша’ – *ljevāk* ‘воронка’, *mèden/mèden*⁸⁴ ‘медовый, сладкий’ – *mjèden* ‘медный’, *mēsni* ‘мясной’ – *mjēsni* ‘местный’, *razređivati* ‘классифицировать’ – *razrjeđivati* ‘прореживать’, *sjèdjati* ‘сидеть’ – *sjèdjeti* ‘седеть’, *svèt* ‘святой’ – *svìjet* ‘мир, свет’, *teléšce* ‘теленочек’ – *tjelèšce* ‘тельце’, *trèskal/tréska*⁸⁵ ‘треск’ – *trijèska* ‘стружка’, *zvìzda* (уничижительное название женщины) – *zvižzda* ‘звезда’. Некоторые из этих лексем относятся к различным частям речи, как, например, *kòrēnje* (имя действия от глагола *kòriti*) ‘упрекание’ и ‘коренья’ – *kòrijenje* (от существительного *kòrijen*) ‘коренья’, *rédak* ‘строка, рядок’ – *rijèdak* ‘редкий’, *vrèo* ‘горячий’ – *vrìo* (от глагола *vrèti*) ‘кипеть’, *zrèo* (прилагательное и глагол) ‘зрел; зрелый, спелый’ – *zrìo* ‘зрел’.

132. Некоторые топонимы обладают экавским и икавским вариантом, как, например, столица Сербии *Beògrad* и город на северодалматинском побережье *Biògrad*, другие – экавским и иекавским, как в случае региона в Среднедунайской низменности, называемого *Srêm* на сербском и *Srijem* на хорватском.

⁸³ Акцентный дублет добавлен автором.

⁸⁴ По мнению автора это акцентный дублет.

⁸⁵ Автором добавлен акцентный дублет.

133. Самыми частыми экавизмами в Gralis Speech-Korpus являются *vréme* 'время', *ùvĕk* 'всегда', *čðvek* 'человек', *gdĕ* 'где', *pðslĕ* 'после', *dĕo* 'часть', *svĕt* 'мир, свет', *prímer* 'пример', *òvde* 'здесь', *vĕrovātno veròvatno* 'вероятно', *tĕlo* 'тело', *mĕsto* 'место', *dĕte* 'ребенок', *rĕč* 'слово', *svĕtlōst* 'свет', *ùmesto* 'вместо', *dĕca* 'дети', *vĕk* 'век', *lépo* 'красиво', *osecánje* 'ощущение', *vĭdeti* 'видеть', *dĕvōjka* 'девушка', *dĕlo* 'дело', *cĕo* 'целый', *dĕvica* 'девица', *mĕsĕc* 'месяц; луна', *htĕti* 'хотеть', *nĕdelja* 'неделя', *mĕra* 'мера', *dðle* 'внизу', *òsecati* 'чувствовать' (Gralis-Korpus-www). К наиболее частым иекавизмам принадлежат: *čðvjek* 'человек', *vrijĕme* 'время', *prĭje* 'прежде', *mĭesto* 'место', *rĭječ* 'слово', *svĭjet* 'мир, свет', *gdjĕ* 'где', *dijĕte* 'ребенок', *tĭjelo* 'тело', *lĭjep* 'красивый', *òsjeçati* 'чувствовать', *pðslĭje* 'после', *bĭjel* 'белый', *sjĕditi* 'сидеть', *vjĕrojātan* 'вероятный', *mĭsĕc* 'месяц; луна', *pðsljednĭi* 'последний', *svjĕtlōst* 'свет', *òsjetiti* 'почувствовать', *djĕlo* 'дело', *zvjĕzda* 'звезда', *lĭjevi* 'левый', *mĭĕriti* 'мерять', *pròmje-na* 'изменение', *lĭjepiti* 'клеить', *lĭjepo* 'красиво', *sljĕdĕćĭ* 'следующий', *nĭž-žan/nĭžžan/nĭžžan* 'нежный', *prímjerićĕ* 'например', *prĕdsjednĭk* 'председатель, президент', *vjĕtar* 'ветер', *sjĕçati se* 'помнить'.

134. Супракорреляционал. В других южнославянских языках ять дал следующие рефлексy: в словенском **е** (*delo* 'дело', *les* 'лес', *stena* 'стена'), но в диалектах также **е¹** (безударное **е** – с 16 века пишется и произносится как **і**: *jutri* 'утром', *doli* 'внизу'), (2) в македонском **е** (*ле̑то* 'лето', *мес̑то* 'место', *сне̑* 'снег', *вре̑ме* 'время'), произносящееся в регионе Салоники открыто (**ä**), (3) в болгарском **'ä, 'а** (*бял* 'белый', *сняг* 'снег', *лято* 'лето') в случаях, когда ять находится под ударением и за ним не следует мягкий слог. В остальных случаях ять без исключений реализуется как **е** (*белият* 'белый (с опр. арт.)', *целият* 'целый (с опр. арт.)', *летен* 'летний'). В стандартном языке и в восточноболгарских диалектах ударное **ĕ** перед твердыми согласными (исключение – **ĕ** в конце слова) произносится как **ѐа** (или **'ä, 'а**), в то время как в западноболгарских представлено лишь **е**: *сняг* – *снег* 'снег', *бях* – *бех* 'я был', *лято* – *лето* 'лето', *бял* – *бел* 'белый'.

135. Суперкорреляционал. В русском языке встречается только **е**: *белый, место*, в белорусском так же: *белы* 'белый', *снег* 'снег', в украинском встречаем **і**: *білий* 'белый', *місто* 'город', *літо* 'лето', *сніг* 'снег', в польском ять перед твердыми зубными согласными выступает как **'а**: *bi-ały* 'белый', перед мягкими как **е**: *bieli* 'белые (м. р. одуш.)', *dział* 'часть' – *dzielić* 'делить', в чешском находим **і** (долгий ять) – *bílý* 'белый', *snĭh* 'снег' и **'е** после **n, t, d** (*tĕsto* 'тесто'), в словацком при долгом яте высту-

пает **ie** (*biely* ‘белый’, *viera* ‘вера’), а при кратком – **e** (*mesto* ‘город’, *sneh* ‘снег’), в лужицкосербском используется буква **ě** для гласного между **i** и **e** (*wěra* ‘вера’, *městno*, уст. *město* ‘место’, *běly* ‘белый’).⁸⁶

136. Экстракорреляционал. Людям с родным немецким определенно легче выучить экавский рефлекс ятя, чем иекавский. Иекавица требует большого объема упражнений и знания соответствующих правил и исключений. При наличии желания построить экавскую форму из иекавской целесообразно знать те слова, которые выглядят как имеющие рефлекс ятя (т. е. содержат **je** или **ije**), однако не имеют его на самом деле: 1) в случае с **je**: а) *bôrje* ‘сосновый бор’, *bubòjedac* ‘насекомоядное’, *dvòje* ‘двое’, *gòjen* ‘кормленный’, *jáje* ‘яйцо’, *jèdan* ‘один’, *jèdar* ‘ядренный’, *jèdīnī* ‘единственный’, *jèdro/jèdro* ‘парус’, *jèž* ‘еж’, *jéza* ‘озноб, дрожь’, *jèzero* ‘озеро’, *jèzik* ‘язык’, *jèlen* ‘олень’, *jèlo* ‘еда’, *jèsēn* ‘осень’, *jètra* ‘печень’, *òbojen* ‘покрашенный’, *òdjēk* ‘отклик, эхо’, *šansònjēr* ‘шансонье’, *tròje* ‘трое’, *ùjēd* ‘укус’, *zàjedno*, ‘вместе’, б) заимствования: *àdjektiv* ‘прилагательное’, *doàjēn* ‘дуаиен’, *fràjer* ‘фраер’, *jéger* ‘егерь, охотник’, *Jèvrej* ‘еврей’, *mujèzin* ‘муэдзин’, *òbjekat* ‘объект’, *sùbjek(a)t* ‘субъект’, *tràjekt* ‘паром’, *vilájet* ‘вилайет’, 2) в случае **ije**: а) *kòjē* ‘которое’, *kòčije* ‘экипаж, карета, коляска (мн. ч.)’, *nabijen* ‘набитый’, *pòmije* ‘помои’, *prijem* ‘прием’, *razvijenōst* ‘развитость’, *rànjē* ‘ранее’, *sàrajevskī* ‘сараевский’, *uvijen* ‘обернутый’, *zavijen* ‘свернутый’, *zbijen* ‘сбитый’, б) заимствования: *alije-nácija* ‘отчуждение’, *ambijent* ‘обстановка, среда’, *àrijevac* ‘ариец’, *barijéra* ‘барьер’, *bahànālije* ‘вакханалии’, *bijenále* ‘бьеннале’, *dimije* ‘шаровары’, *dosijē* ‘досье’, *dijéta* ‘диета’, *enterijēr* ‘интерьер’, *fèkālīje* ‘фекалии’, *fèrije* ‘каникулы’, *finànsijel/finàncije* ‘финансы’, *foàjē* ‘фойе’, *foksterijēr* ‘фокстерьер’, *genèrālīje* ‘общие сведения’, *gēnīje* ‘гений’, *genitālīje* ‘гениталии’, *higijéna* ‘гигиена’, *hijéna* ‘гиена’, *kârijes* ‘кариес’, *klījent* ‘клиент’, *òrijent* ‘Ближний Восток’, *orijèntīr* ‘ориентир’, *òfīcijēlan* ‘официальный’, *pijètēt* ‘пиетет’, *premiјéra* ‘премьера’, *pròjek(a)t* ‘проект’, *projèktīl* ‘снаряд’, *reālī-jel/reālīje* ‘реалии’, *rèptīlije* ‘рептилии’, *recipijent* ‘реципиент’, *rivijéra* ‘ривьера’, *Terázije* (площадь в Белграде), *terijēr* ‘терьер’, *tôrijevaca* ‘член партии тори в Великобритании’, *varijètēt* ‘разнообразие’.

⁸⁶ См.: Ivšić 1970: 117–119, Bošković 1985, Belić 1999/4, Vuković 1974, Šwela 1952, Wonisch 2008-www.

Умлаут (Preglas/prijeglas)

137. Умлаут (перегласовка, метафония, диссимилиация гласных) является результатом праславянского преобразования гласных заднего ряда **о**, **ѡ** в гласные переднего ряда **е**, **ѣ**. Этот процесс происходил в позиции после палатальных звуков **í, њ, j, r', ž** или **ʃ**, а также после группы согласных **ʃt** и **ʒd**.⁸⁷ Умлаут наблюдается в следующих грамматических формах: 1. в именительном и винительном падеже единственного числа существительных среднего рода, например, *pòlje* 'поле' < *poíe* < *poío* < *pol- i-o*, (ср. *sèlo* 'село'); 2. в творительном падеже единственном числе существительных мужского и среднего рода, например, *kònj* 'конь': *kònjem* < *końem* < *końom* < *kon- i-om*, *kráj* 'конец, край, район': *krájem* < *krajem* < *krajom* < *kra-i-om*, *mûž* 'муж': *mûžem* < *muž-em* < *muž-om*, *ključ* 'ключ': ед. ч. *ključem* < *ključ-om*, *gòdīšte* 'год рождения': *gòdīštem* < *godišt-om*, 3. в именительном и винительном падеже множественном числе существительных мужского рода с приращением основы **-ov-** и **-ev-**: *mûž* 'муж': *mûževī* *mûževi* < *muž-evi* < *muž-ovi*, *prīšt* 'гнойник': *prīštevī* < *prišt-evi* < *prišt-ovi*. Некоторые существительные образуют дублиеты по типу *mràzovī* – *mràzevi* 'морозы', *nòsovī* – *nòsevi* 'носы' (более подробно об этих парах см. Vuković 1950, Milanović 1950).

Исключение образуют (а) составные слова с инфиксом **-o-**: *prednjonè-pčanī* 'передненебный, палатальный', *dušòbrižnik* 'духовник', (б) форма творительного падежа единственного числа односложных и многосложных существительных мужского рода с гласным **е** перед окончанием: *Běč* 'Вена' – *Běčom*, *pádež* 'падеж' – *pádežom*, *hmělj* 'хмель' – *hměljom* за исключением трехсложных и многосложных слов типа *ùčitelj* 'учитель' – *ùčiteljem*, (в) форма творительного падежа единственного числа существительных женского рода: *kùhinja* 'кухня' – *kùhinjōm*, *srěča* 'счастье' – *srěčōm* и (г) заимствования независимо от гласного, находящегося перед окончанием: *imidž* 'имидж' – *imidžom*, *kapričol* *kapričo* 'каприччо' – *kapričom*, *gàučo* 'гаучо' – *gàučom*.

В некоторых случаях существительные мужского рода на **-ar** образуют дублиеты: а) в творительном падеже единственном числе, например, *cār* 'царь' – *cārem* *cārom*, *rībār* 'рыбак' – *rībārem* *rīb-ārom*, б) в притяжательных

⁸⁷ В том числе и в сочетании «палатальный звук + **yi** > **i**».

прилагательных, например, *mòrnā̄r* ‘морьяк, матрос’ – *mòrnā̄rev/mòrnā̄rov* ‘моряцкий, матросский’, *rībār* ‘рыбак’ – *rībā̄rev/rībā̄rov* ‘рыбацкий’. В одном случае единственно возможной формой оказывается форма на **-ev-**: *cā̄rev* ‘царский’.

Аблаут (Prevoj/Prijevoj)

138. Аблаут (корневое чередование гласных, апофония) – это регулярное изменение (чередование) гласных в корне однокоренных слов.⁸⁸ Такое чередование возникло уже в индоевропейском и в праславянском языках в результате просодических изменений качества гласных.

139. В с.-х.-б. наблюдаются двучленные и трехчленные корреляции с аблаутом.

А. двучленные корреляции (гласный₁ – гласный₂)

- а – i:** *tàci* ‘касаться, трогать, дотрагиваться’ – *tícati* ‘касаться’, *dâh* ‘дыхание’ – *dísati* ‘дышать’, *odâslati* – *odâšiljati* ‘отправлять, посылать’, *nâbrati* – *nâbirati* ‘складывать, закладывать складки’, *ispíрати* – *isprati* ‘вымывать’, *dòplitati* – *dòplesti* ‘довязывать’,
- а – o:** *hrámati* ‘хромать’ – *hròm* ‘парализованный, хромой, не могущий ходить’, *ráđati* – *ròđiti* ‘рождать, рожать – родить’, *káрати* ‘бранить, ругать’ – *úkor* ‘порицание’, *zamáрати* ‘утомлять’ – *zámor/zâmor* ‘усталость, утомление, истощение’, *prikásati* ‘докашивать’ – *kòsiti* ‘косить, обрезать’, *zbrájati* – *zbròjiti* ‘подсчитывать – подсчитать’, *prelámati* – *prelòmiti* ‘разбивать – разбить’, *umáрати se* – *umòriti se* ‘уставать, утомляться – устать, утомиться’, *prekrájati* – *prekròjiti* ‘перекраивать’, *klâti* ‘забивать’ – *kòljāč* ‘убийца’, *zatváрати* – *zatvòriti* ‘закрывать, запира́ть – закрыть, запереть’, *stâjati/stàjati* ‘стоять’ – *zástōj* ‘застой, пробка’, *donášati* – *donòsiti* ‘приносить’, *vâđiti* ‘вынимать, вытаскивать’ – *izvod* ‘выписка’, *zâpiti* ‘запить’ – *zâpōj* ‘пьянство, запой’, *izbáдати* – *izbosti* ‘выкалывать, прокалывать, дырять – выколоть, проколоть, продырять’, *odmáгати* – *òdmoci* ‘мешать, препятствовать – помешать, создать помеху’,
- е – i:** *vrèti* ‘кипеть’ – *ùvirati* ‘впадать, вливаться’,
- е – ije:** *lěci* – *lijègati* ‘ложиться, укладываться’,
- е (ije) – o:** *zrèti* – *sazòriti* ‘зреть’ – ‘поспевать’,
- е – u:** *trêstil/trésti* ‘трясти, встряхивать’ – *trùskatil/trùckati se* ‘встряхивать, трясти’,
- i – o:** *bíрати* ‘выбирать’ – *izbor* ‘выбор’, *bìти* ‘бить’ – *bôj* ‘битва’, *požívati* ‘звать’ – *zevat* – *zôv* ‘зов’, *rìти* ‘рыть’ – *rôv* ‘ров’,
- i – u:** *brìsati* ‘вытирать, стирать’ – *ùbrus* ‘полотенце’,

⁸⁸ Термин введен лингвистом Гриммом по немецкому образцу (*Ablaut*).

о – u: *kòvati* ‘ковать’ – *kùjēm* ‘кую’.

Б. трехчленные корреляции (гласный₁ – гласный₂ – гласный₃)

е – i – о: *tèci* ‘течь’ – *ùticati* (серб., *ùtjecati* хорв.) ‘влиять, впадать, вливать-ся’ – *tòk* ‘течение, поток’, *mréti* – *ùmirati* ‘умирать’ – *pòmor* ‘смертность, мор’,

а – i – о: *napájati* ‘поить, напоить’ – *píti* ‘пить’ – *nápōj* ‘пойло, напиток, глоток’, *zvāti* – *nazívati* ‘звать’ – *zōv* ‘зов’.

140. Ретрокорреляционал. Истоки аблаута ведут еще в праславянскую эпоху. В некоторых грамматических категориях он выступал в качестве средства грамматического противопоставления, скажем в глагольных основах. Существует аблаут качественный (или тембровый) и количественный (Бернштейн 1974: 25). «Под качественным (тембровым) аблаутом понимают чередование гласных различного образования (например, чередование гласных [ě : ō] *беру* – *сбор*, *нести* – *носить*; польск. *potok* – *potok*, *leżeć* – *łożyć*). Количественный аблаут представляет чередование гласных, дифференциальным признаком которых является только количество; например, [ě : ē]. Однако различия между качественным и количественным аблаутом очень изменчивы и подвижны. Очень часто наблюдается комбинированный (качественно-количественный) аблаут: псл. *rekō* – *prorokъ* – *rъci* – *rěxъ* – *proricati* [...] Различные гласные аблаута [...] традиционно до сих пор называются ступенями» (Бернштейн 1974: 26). С. Б. Бернштейн указывает на то, что морфемы с огласовкой [ě/ō] представляют основную ступень аблаута, а также и морфема с огласовками [ē/ō]. «Эти долгие монофтонги возникли под воздействием „ларингала“ (так называемые „тяжелые базы“) или были продленными (так называемые „легкие базы“). Долгие гласные в тяжелых базах и продленные краткие гласные в легких базах в праславянском не различались. Ослабленная ступень аблаута представляет ступень редукции (гласный редуцируется) и нулевую ступень (гласный утрачивается совсем)» (Бернштейн 1974: 26). С. Б. Берштейн подчеркивает, что аблаут возник и сформировался в индоевропейском праязыке в условиях, которые до сих пор еще не могут считаться окончательно установленными. Основная ступень индоевропейского аблаута в праславянском была отражена в виде чередований [ě – ō : ъ : ъ], причем, по мнению С. Б. Берштейна, огласовка [ě – ō] передает основную ступень аблаута, огласовка [ъ : ъ] – ослабленную ступень. «В результате в праславянском сформировался следующий ряд чередований [ě – ō : ъ : ъ, ě – ā : ī – ū]. Он представляет итог длительного исторического процесса» (Бернштейн 1974: 35). Автор констатирует, что во всех славянских языках можно обнаружить многочисленные случаи чередования альтернантов е/о (ср. русск. *беру* – *сборы*, *нести* – *носить*; польск. *pieść* – *po-*

sić, pociec – potok, mieść – miotać, с-х. нѣсѣти – нѣсиѣти, вѣсѣти – вѣзиѣти, вѣзило и под.).⁸⁹

⁸⁹ «Они в той или иной степени известны русскому, украинскому, белорусскому, польскому и серболужицким языкам. В прошлом они носили фонетический характер. В русском языке эти два случая чередований легко дифференцировать: в первом случае согласный перед **-е** будет мягким, перед **-о** твердым (*нести – носить*), во втором случае согласный будет всегда мягким (*несу – принёс*). Еще более глубокими различия будут на фонологическом уровне. Если в примерах типа *несу – принёс* мы имеем дело с чередованием фонем [е : о], то в случаях *нести – посить* фонологически релевантными будут согласные морфемы [н' : н], а не гласные. На морфонологическом уровне альтернантами в парном и по второму случае будут гласные» (Бернштейн 1974: 38–49).

Вокализация (Vokalizacija)

141. Вокализация – это чередование согласного **l** с гласным **o** в конце слова и слога: в случаях, когда конечнослоговому **l** предшествовал гласный **o**, происходило стяжение двух идентичных гласных: **oo** → **o**. Чередование **l/o** является морфологическим средством, характеризующим отдельные формы слова. Оно встречается, например, в именительном падеже единственного числа существительных мужского рода типа *dīo* ‘часть’:

Именительный	Òvō je <i>dīo</i> pàrka.
Родительный	Nēmā <i>dijèla</i> pàrka.
Дательный	Ìdēm ka <i>dijèlu</i> pàrka.
Винительный	Vìdīm <i>dīo</i> pàrka.
Звательный	<i>Dijèlu</i> pàrka, ...
Творительный	Tô je pòvèzāno sa <i>dijèlom</i> pàrka.
Предложный	Gòvorīm o <i>dijèlu</i> pàrka.

Табл. 60. Существительное *dīo* ‘часть’ в ед. ч.

Именительный	Òvō su <i>dijèlovi</i> pàrka.
Родительный	Nēmā <i>dijèlovā</i> pàrka.
Дательный	Ìdēm ka <i>dijèlovima</i> pàrka.
Винительный	Vìdīm <i>dijèlove</i> pàrka.
Звательный	<i>Dijèlovi</i> pàrka, ...
Творительный	Tô je pòvèzāno sa <i>dijèlovima</i> pàrka.
Предложный	Gòvorīm o <i>dijèlovima</i> pàrka.

Табл. 61. Существительное *dīo* ‘часть’ во мн. ч.

Тот же самый процесс имеет место в:

1а) словах *pòsao* ‘работа’, *ùgao* ‘угол’, *tròugao* ‘треугольник’, *pàkao* ‘ад, пекло’, *pijètao* ‘петух’, *òrao* ‘орел’, *kòtao* ‘котел’, *čàvao* ‘гвоздь’, *Pàvao* (мужск. имя собств.),

1б) в существительных женского рода: *mísao* ‘мысль’, *pòmísao* ‘мысль, идея’,

2) в действительных причастиях мужского рода: *písao* ‘писал’: *pisalъ* > *pisal* > *písao*; а также в *pòsio* ‘носил’, *čítao* ‘читал’, *rádio* ‘работал’...

3) в именительном падеже единственном числе прилагательных мужского рода, например, *cīo*/экав. *cěo* ‘целый’:

Именительный	Òvō je <i>cìò</i> prédmet.
Родительный	Nēmā <i>cijèlōg(a)</i> prédmeta.
Дательный	Ìdēm ka <i>cijèlōm</i> prédmetu.
Винительный	Vìdīm <i>cìò</i> prédmet.
Звательный	<i>Cìjèlì</i> prédmetu, ...
Творительный	Tô je pòvèzāno sa <i>cìjèlīm</i> prédmetom.
Предложный	Gòvorīm o <i>cìjèlōm(e)</i> prédmetu.

Табл. 62. Прилагательное *cìò* 'целый' в ед. ч.

Именительный	Òvō su <i>cijèlì</i> prédmeti.
Родительный	Nēmā <i>cijèlìh</i> prédmeta.
Дательный	Ìdēm ka <i>cijèlīm</i> prédmetima.
Винительный	Vìdīm <i>cijèlē</i> prédmete.
Звательный	<i>Cijèlìt</i> prédmeti, ...
Творительный	Tô je pòvèzāno sa <i>cijèlīm</i> prédmetima.
Предложный	Gòvorīm o <i>cijèlīm</i> prédmetima.

Табл. 63. Прилагательное *cìò* 'целый' во мн. ч.

К этой же группе относятся прилагательные *cìò* 'сильный, крепкий', *dèbeo* 'толстый', *prèdebeo* 'толстейший', *òdebeo* 'толстоватый', *pòdebeo* 'толстоватый', *gnjìò* 'гнилой, прогнивший', *nàgnjio* 'подгнивший' (фрукты), испорченный, гнилой', *ishlápìo* / экав. *ishlápeo* 'испарившийся; слабоумный, недоразвитый, дряхлый', *islabìo* / *òslabio* 'ослабленный, обессиленный', *kìseo* 'кислый', *nàkiseo* 'кисловатый', *prèkiseo* 'кислейший', *mìo* 'милый, дорогой', *nèmio* 'немилый, нелюбимый', *prèmio* 'милейший, возлюбленный', *pagòrio* / экав. *nàgoreo* 'пригорелый, подгорелый', *zagòrio* / экав. *zagòreo* 'пригорелый, подгорелый', *razgòrio* / экав. *razgòreo* 'разгоревшийся', *izgòrio* / экав. *izgòreo* 'сгоревший', *okòrio* / экав. *okòreo* 'закоснелый, закоренелый, черствый', *òmatorio* / экав. *òmatoreo* 'устаревший', *òlabavìo* / *olabávio* 'ослабленный', *òmrsàvìo* / *omršávio* 'исхудалый', *počnìo* 'очерненный', *potàmnio* 'затемненный', *požútio* / экав. *požúteo* 'пожелтевший', *preglàdnio* / экав. 'оголодать', *izglàdnio* 'изголодавшийся', *prežívio* / экав. *prežíveo* 'выживший, отживший', *prìspio* / экав. *prìspeo* 'прибывший', *dòspio* / экав. *dòspeo* 'добравшийся', *nedòspio* / экав. *nedòspeo* 'неприбывший', *ùspio* / экав. *ùspeo* 'удачный', *rascvâtio* 'расцветший, зацветший', *smìo* 'смелый, храбрый', *ùveo* 'увядший', *neùveo* 'не увядший', *vèseo* 'веселый, безоблачный; радостный', *pèveseo* 'невеселый, не радостный; грустный; печальный', *prèveseo* 'развеселый', *vrèo* 'горячий, жгучий', *prèvreo* / *prèvreo* 'ошпаренный, переваренный', *neprèvreo* 'не переваренный', *zablúdio* / экав. *zablúdeo* 'заблудший, потерявшийся', *polúdio* / экав. *polúdeo* 'сумасшедший', *zàstario* / экав. *zàstareo* 'устаревший', *nezàstario* / экав. *nezàstareo* 'не устаревший', *prèstario* / экав. *prèstareo* 'стареть', *òstario* / экав. *stàrio* 'устаревший', *zrèo* 'зрелый', *sàzrio* / *sàzreo* 'созревший',

nesàzriol/nesàzreo 'незрелый', *nèzreo* 'незрелый', *prèzriol/prèzreo* 'перезрелый', *dòzriol/dòzreo* 'дозревший', *nedòzriol/nedòzreo* 'недозревший', *ùzriol/ùzreo* 'созревший', *pòluzreo* 'полузрелый', *nàzreo* 'недоспелый'.

142. Кроме того, вокализация может наблюдаться при словообразовании существительных, например, перед суффиксом **-ba**: *sèliti* → *seòba* 'заселение', *nasèliti* → *nàseoba* 'поселение', *rasèliti* → *ràseoba* 'поселение, расселение', **pra-** + *seòba* → *praseòba* 'первобытное поселение', *dijèliti* → *diòba* / экав. *deòba* 'раздел, распределение', *razdijèliti* → *ràzdioba* / экав. *ràzdeoba*, 'раздел, разделение, раздача', *podrazdijèliti* → *pòdradioba* / экав. *ràzdeoba* 'распределение'.

Вокализация отсутствует в уменьшительных формах с суффиксом **-ce**: *stábło* 'дерево' → *stabálce* 'деревцо, деревце, столбик', *zìcalo* 'зеркало (хорв.)' → *zìcálce* 'зеркальце', *ogledalo* (серб.) → *ogledálce/ogledālce* 'зеркальце', *stákło* 'стекло' → *stakálce* 'стеклышко', *odijèlo* 'костюм' → *odijèlce*, *tijelo* 'тело' → *tijèlce* 'тельце', *vrèlo* 'источник, колодец' → *vrélce*, *sèlo* 'село' → *sélce*, *tèle* 'теленки' → *télce*, *krílo* 'крыло' → *krílce* 'крылышко'.

В некоторых случаях наблюдаются дублеты: а) у существительных с суффиксом **-ce**, например, *sèlo* – *sélce/seòce* 'село, деревня – сельцо, селенце, деревенька, деревушка', *gřlo* 'горло' – *gřlce/gřoce*, *gròce* 'горлышко', *krílo* – *krílce/kriòce* 'крылышко', *čèlo* 'лоб' – *čélce/čeòce* 'лобик', б) у дериватов глагола *dijéliti* 'делить', например, *òdio* – *òdjel* 'отдел', *podrázdio* – *podrázjel* 'подразделение', *rázdio* – *rázdjel* 'отвод', *prèdio/prèdio* – *prèdjel/prèdjel* 'область, местность, край, регион, район', *ùdio* – *ùdjel* 'часть', с) у некоторых прилагательных с суффиксом **-sk-i**, например, *ândeoskī/ândeoskī/ândeòskī* – *ândełskī/ândełskī* 'ангельский', *sèoskī* – *sèłskī* 'деревенский, сельский'.

143. Можно привести несколько примеров преобразования согласного **í** в гласный **o**: *zátijak* – *zátioka/zàtījka* 'затылок, шея', *pòtijak* – *pòtioka/pòtījka* 'затылок, шея', *òdjeljak* – *òdioka/òdjēljka* 'отдел' (Ресо 2000: 825–826).

144. Экстракорреляционал. Конечнослоговому с.-х.-б. **-o** соответствует в русском **-л**, ср. *čìtao* – *читáл*, *dò* – *дол*.

145. Ретрокорреляционал. Вокализация возникла в 14-м и 15-м вв. после утраты редуцированных гласных **ъ** и **ь**, если согласный **l** оказался в конце слова и слога. В случаях, когда перед согласным **l** находился гласный **o**, то двойной **oo** стягивался в **o**: **solъ* > *soo* > *sò* в сербском, но *sòl* 'соль' в хорватском, **dolъ* > *do* > *dò* в сербском, но *dòl* 'долина' в хорватском. Хотя утрата редуцированного в слабой позиции была уже закончена к XI веку, последствия ее сказались значительно позже, в конце XIV века (Ророва 1986: 36). «В большинстве говоров штокавского диалекта такой конечный **l** вокализовался в **o**: чуль → *чуо*, даль → *дао*, бѣль → *бео*, молилъ → *молио*, дѣльба → *геоба*, прильпнѣти → *прилпнѣти* → прилну-

ти → *приону̃ши* (ср. русск. *прильнуть*). В тех случаях, когда такому **І** предшествовал звук **о**, происходило стяжение двух одинаковых гласных: *воль* – *воо* – *во*, *соль* – *соо* – *со* и т. д. Таким образом, русскому конечнослоговому **І** в сербскохорватском языке соответствует **о**: *плел* – *йлео*, *дол* – *го*, *дал* – *гао*, *понедељник* – *йонедеоник*, но *йонедељак*» (Ророва 1986: 36). Т. П. ПОПОВА добавляет, что процесс **І** > **о** не был всеобщим и что существовали многочисленные отступления, т. е. сохранение конечнослогового **І**: *вал* ‘волна’, *ждрал* ‘журавль’ или наличие дублетных форм: *сѣо* и *сѣол*, *ѣоѣао* и *ѣоѣал* ‘теплый’. «Наличие в данной позиции **л** наблюдается также в поздних (после XV века) иностранных заимствованиях: *ѣенерал*, *конзул*, *бокал*; в некоторых словах, относящихся к культовым понятиям, под влиянием русско-церковного произношения: *олѣар*, хотя *анѣео*, *ѣаво*; в сербскохорватских словах вследствие выравнивания парадигмы или дифференцирования понятий: *ѣалац* – *ѣалца* – *ѣалци* (им. п. мн. ч.) ‘большой палец на руке или ноге’ и *ѣалац* – *ѣаоца* в ином значении: ‘спица в колесе’. Последовательно данный процесс отражен лишь в чередовании **л||о** в причастиях прошедшего времени: *чиѣао*, *видео*» (Ророва 1986, 36–37). Автором отмечается еще одно явление: «Помимо указанного рефлекса конечнослоговое **І** в ряде периферийных говоров дало рефлекс **-а**: *бија* – *био* (биль), *донија* – *донео* (донѣль). В чакавском диалекте и некоторых кайкавских говорах конечнослоговой **І** сохраняется: *гал*, *бил*, *вол*, *чинил*» (Ророва 1986: 36–37).

Выпадение гласных (Ispadanje vokala)

146. В некоторых словоформах конечные гласные могут чередоваться с нулем. Такие гласные называются беглыми (pokretni, nepostojani vokal/samoglasnik). Есть два беглых гласных: **а** и **е**.

147. Беглый **а** (nepostojano a) – это наиболее частый из чередующихся гласных. У существительных он реализуется в следующих словоформах:

а) в именительном падеже единственном числе и в родительном падеже множественном числе, например, *lòvac/lóvac* ‘охотник’

Именительный	Òvō je <i>lòvac</i> .
Родительный	Nēmā <i>lòvca</i> .
Дательный	Īdēm ka <i>lòvcu</i> .
Винительный	Vīdīm <i>lòvca</i> .
Звательный	Drāgī <i>lòvče</i> , ...
Творительный	Tō je pòvĕzāno sa <i>lòvcem</i> .
Предложный	Gòvorīm o <i>lòvcu</i> .

Табл. 64. Существительное *lòvac* ‘охотник’ в ед. ч.

Именительный	Òvō su <i>lòvci</i> .
Родительный	Nēmā <i>lòvācā/lòvācā</i> .
Дательный	Īdēm ka <i>lòvcima</i> .
Винительный	Vīdīm <i>lòvce</i> .
Звательный	Drāgī <i>lòvci</i> , ...
Творительный	Tō je pòvĕzāno sa <i>lòvcima</i> .
Предложный	Gòvorīm o <i>lòvcima</i> .

Табл. 65. Существительное *lòvac* ‘охотник’ в мн. ч.

б) в словоизменительной парадигме существительных на **-lac** (*čitalac* ‘читатель’ – *čitaoca*, *čitaocu*, *čitaoca*, *čitaoci*, *čitaocima*), за исключением именительного падежа единственного числа (*čitalac*) и родительного падежа множественного числа (*čitalācā*).

Именительный	Òvō je <i>čitalac</i> .
Родительный	Nēmā <i>čitaoca</i> .
Дательный	Īdēm <i>čitaocu</i> .
Винительный	Vīdīm <i>čitaoca</i> .
Звательный	Drāgī <i>čitaočē!</i>
Творительный	Tō je pòvĕzāno sa <i>čitaocem</i> .
Предложный	Gòvorīm o <i>čitaocu</i> .

Табл. 66. Существительное *čitalac* ‘читатель’ в ед. ч.

Именительный	Övō su <i>čītaoci</i> .
Родительный	Nēmā <i>čītalācā</i> .
Дательный	Īdēm <i>čītaocima</i> .
Винительный	Vīdīm <i>čītaoce</i> .
Звательный	Drāgī <i>čītaoci!</i>
Творительный	Tō je pōvēzāno sa <i>čītaocima</i> .
Предложный	Gōvorīm o <i>čītaocima</i> .

Табл. 67. Существительное *čītalac* 'читатель' во мн. ч.

К этой же категории существительных относятся слова *prīčalac* 'рассказчик', *glēdalac*/*glēdalac* 'зритель, наблюдатель', *prēgalac* 'деятельный, работающий, старательный человек', *lāskalac* 'льстец', *nevāljalac*/*nevaljālac* 'баловник, озорник, негодник, негодяй, шалопай, балбес', *pošīljalac* 'отправитель', *īmalac* 'владелец, собственник', *prīmalac* 'получатель', *stāralac* 'опекун, куратор, попечитель', *vāralac* 'обманщик', *stvāralac* 'творец', *slīšalac*/*slīšalac* 'слушатель', *tālac* 'заложник', *šétalac* 'гуляющий, совершающий прогулку', *skītalac* 'гуляка, бродяга', *māštalac*/*māštalac* 'фантазер, мечтатель', *dāvalac* 'даритель', *prepodāvalac* 'перекупщик', *prodāvalac* 'продавец', *preprodāvalac* 'продавец', *maloprodāvalac* 'мелкий торговец', *izdāvalac* 'издатель', *poznāvalac* 'знаток, специалист, эксперт', *obožāvalac* 'обожатель, поклонник, почитатель', *prebīvalac* 'житель, местный житель', *dobīvalac* 'победитель', *naručīvalac* 'заказчик', *preporučīvalac* 'поручитель', *darīvalac* 'даритель, донор, жертвующий', *pošīvalac* 'поклонник, обожатель', *potražīvalac* 'потребитель', *istražīvalac* 'исследователь', *užīvalac* 'сибарит, гурман, бенефициар; а также: наркоман, наркозависимый', *rukōvalac* 'управляющий, администратор, исполнитель', *darōvalac* 'даритель, жертвующий', *poštōvalac* 'поклонник, обожатель', *starosjēdjelac* 'коренной житель, абориген', *starosjēdilac* 'коренной житель, абориген, старожил', *žētelac*/*žētelac* 'жнец, косарь', *tlāčilac* 'угнетатель', *mūčilac*/*mūčilac* 'истязатель, мучитель, палач', *narūčilac* 'заказчик', *porūčilac* 'заказчик', *urūčilac* 'передающий, переносящий', *izrūčilac* 'выдающий', *prvosjēdilac* 'первый поселенец', *oslobōdilac* 'освободитель', *prevōdilac* 'переводчик', *rukovōdilac* 'руководитель', *nūdilac* 'поставщик', *ponūdilac* 'поставщик', *brōjilac* 'числитель (мат.), счетчик', *krōjilac* 'закройщик, портной', *preustrōjilac* 'преобразователь, реформатор', *hvālilac* 'панегирист, восхваляющий', *žālilac* 'податель жалобы, апеллянт', *djēlilac* 'делитель, знаменатель', *mōlilac* 'проситель, составитель, искатель, претендент', *mīslilac*/*mīslilac* 'мыслитель', *rānilac* 'жаворонок (человек, привыкший рано вставать)', *brānilac* 'защитник', *pravobrānilac* 'прокурор', *hrānilac* 'кормилец, хранитель; приемный отец, воспитатель', *rānorānilac* 'жаворонок (человек, привыкший рано вставать)', *pljēnilac* 'судебный исполнитель, взыскатель, судебный пристав', *imēnilac* 'знаменатель', *čīnilac* 'фактор, деятель, множитель', *gōnilac* 'гонитель, преследователь', *progōnilac* 'преследователь', *rōnilac* 'ныряльщик', *mjērilac* 'весовщик, мерильщик, землемер', *pronevjērilac* 'растратчик', *povjērilac* 'заимодавец, кредитор',

bòrilac 'борец', *dvòrilac* 'служитель', *gàsìlac* 'пожарник', *kòsìlac* 'косарь, жнец', *nòsìlac* 'носитель', *podnòsìlac* 'соискатель, претендент', *prendòsìlac* 'переносчик', *donòsìlac* 'податель, предъявитель', *raznòsìlac* 'распространитель, разносчик', *pròsìlac* 'проситель', *tjèšìlac* 'утешитель', *utjèšìlac* 'утешитель', *prekřìšìlac* 'нарушитель, правонарушитель', *vřìšìlac* 'заместитель', *izvřìšìlac* 'судебный исполнитель, экзекутор', *rùšìlac* 'ликвидатор, разрушитель', *pràtilac/pràtilac* 'спутник, сопровождающий', *posjètilac* 'посетитель', *kròtilac* 'дрессировщик, укротитель', *ukròtilac* 'дрессировщик, укротитель', *ovlâstìlac* 'уполномоченный, доверенное лицо', *izvjèstìlac* 'докладчик, референт, осведомитель, репортер', *čìstìlac/čìstìlac* 'уборщик', *křstìlac* 'креститель', *mútilac* 'возмутитель спокойствия, кляузник, интриган', *gràmzìlac* 'корыстолюбивый, алчный, жадный до денег человек', *prevòzìlac* 'перевозчик, экспедитор', *mìzìlac* 'ненавистник', *tràžìlac* 'искатель', *mnòžìlac* 'множитель, мультипликатор, копировальное устройство', *umnòžìlac* 'множитель', *tùžìlac* 'истец, обвинитель', *zanovijètalac* 'ворчун', *mačèvalac* 'фехтовальщик'.

В данном контексте необходимо различать существительные с суффиксом **-lac** и существительные с корнем на **-l**, у которых **-l** не изменяется при склонении, например, а) в славянских корнях, например, *màlac/màlac* 'малыш', *kovìtlac* 'вихрь', б) в корнях неславянского происхождения, например, *feudàlac* 'феодал', *reàlac* 'учащийся реального училища', *ilegàlac* 'нелегал', *radikàlac* 'радикал, экстремист', *Gvatemàlac* 'гватемалец', *kriminàlac* 'преступник, уголовник', *internacionàlac* 'интернационалист', *neutràlac* 'нейтральная сторона', *orijentàlac* 'восточный человек', *kontinentàlac* 'человек, проживающий на материке подальше от моря', *neandertàlac* 'неандерталец', *homoseksuàlac* 'гомосексуалист', *intelektuàlac* 'интеллектуал', *konceptuàlac* 'концептуалист', *manuèlac* 'ремесленник, мастеровой', *gerìlac* 'партизан', *tekstìlac* 'текстильщик', *metàlac* 'металлист', *liberàlac* 'либерал', *dijetàlac* 'человек, сидящий на диете', в) в словах, обозначающих жителей стран, например, *Austràlac* 'австралиец', *Brazìlac* 'бразилец', *Španjólac* 'испанец', *Senegàlac* 'сенегалец', *Bengàlac* 'бенгалец', *Portugàlac* 'португалец', *Venezuèlac* 'венесуэлец'.

Вокализация отсутствует при склонении составных слов, образованных от следующих существительных: а) *krílo* 'крыло' – *dugòkrilac* 'длиннокрылые', *jednakòkrilac* 'равнокрылые', *mekòkrilac* 'мягкотелки', *ljuskòkrilac* 'жесткоккрылые', *kratkòkrilac* 'короткоккрылые', *jednòkrilac* 'моноплан (самолет)', *opnòkrilac* 'кожистоккрылые', *crnòkrilac* 'чернотелки', *gavnòkrilac* 'прямоккрылые', *hidrokrìlac* 'гидроккрылые', *kosòkrilac* 'кривоккрылые', *kusòkrilac* 'короткоккрылые', *pravòkrilac* 'прямоккрылые', *dvòkrilac* 'двуккрылые, биплан (самолет)', *mrežòkrilac* 'сетчатоккрылые', *kožòkrilac* 'кожистоккрылые', *bèskrilac* 'бесккрылые', *polùkrilac* 'полуккрылые', б) *škòla* 'школа' – *višèškòlac* 'студент', *nižèškòlac* 'ученик младших классов', *trećòškòlac* 'третьеклассник', *pučkoškòlac* 'учащийся народной школы', *velikoškòlac* 'учащийся высшей школы', *visokoškòlac* 'учащийся высшей шко-

лы', *sedmoškólac* 'семиклассник', *osmoškólac* 'восьмиклассник', *srednjoškólac* 'учащийся средних классов', *višoškólac* 'учащийся высшей школы', *petoškólac* 'пятиклассник', *četrtoškólac* 'четвероклассник', *šestoškólac* 'шестиклассник', *prvoškólac* 'первоклассник', *nižoškólac* 'учащийся младших классов', в) *znāti* 'знать' – *znàlac/ználac* 'знаток, эксперт', *tkálac/tkàlac* 'ткач', *radòznalac* 'любопытный', *mnogòznalac* 'всезнайка', *pogorjèlac/pogòrjelac* 'погорелец', г) в словах типа *zemljodjèlac* 'земледелец', *poljodjèlac/poljòdjelac* 'хлебопашец', *vinodjèlac* 'винодел', *donjòselac* 'житель расположенной в долине деревни', *gornjòselac* 'житель горной деревни', *staròselac* 'коренной житель, абориген', *novòselac* 'новосел'.

Согласный **l** так же остается без изменения в существительных на **-alac**: *industrijàlac* 'промышленник', *gimnazijàlac* 'гимназист', *opozicionàlac* 'оппозиционер', *profesionàlac* 'профессионал', *komunàlac* 'работник муниципальных служб', *klerikàlac* 'клерикал', *provincijàlac* 'провинциал', *ferijàlac* 'студент или школьник, являющийся членом Союза молодежи по организации отдыха в бывшей Югославии', *komercijàlac* 'коммерсант'.

148. Беглый **a** встречается в существительных с суффиксом **-ac**: *pòljubac* – род. пад. ед. ч. *pòljupca* 'поцелуй', *stúbac/stùbac* – *stúpca/stùpca* 'столбец', *očevídac* – *očevíca* 'свидетель', *súdac* – *súca* 'судья', *obavještájac* – *obavještájca* 'разведчик, сотрудник спецслужб, агент', *pitómac* – *pitómca* 'питомец, ученик', *ljubímac* – *ljubímca* 'любимец', *Japánac* – *Japánca* 'японец', *Bosánac* – *Bosánca* 'босниец', *Crnac* – *Crnca* 'чернокожий', *kúpac* – *kúpca* 'покупатель' и в существительных с суффиксом **-ak**: *máčak* – *máčka* 'кот', *múčak* – *múčka* 'тухлое яйцо', *pòdmladak* – *pòdmlatka* 'подрастающее поколение', *kúčak* – *kúčka* 'собака', *pògodak* – *pògotka* 'попадание', *stálak* – *stálka* 'стойка, пюпитр, мольберт', *ràstanak* – *ràstānka* 'прощание, расставание', *sàstanak* – *sàstānka* 'встреча, заседание', *ùstanak* – *ùstānka* 'восстание'.

Беглый **a** находим также в некоторых формах мужского и среднего рода и в формах мужского рода множественного числа прилагательных, например, *kràtak/krátač* – ж. р. *krátka* 'короткий':

Именительный	Òvò je <i>kràtak/kràtkī</i> prédmet.
Родительный	Nēmā <i>kràtkal/kràtkōg(a)</i> prédmeta.
Дательный	Ìdēm ka <i>kràtkul/kràtkōm</i> prédmetu.
Винительный	Vìdīm <i>kràtak</i> prédmet.
Звательный	<i>Kràtkī</i> prédmete, ...
Творительный	Tò je pòvèzāno sa <i>kràtkīm</i> prédmetom.
Предложный	Gòvorīm o <i>kràtkul/kràtkōm</i> prédmetu.

Табл. 68. Прилагательное *kràtak* 'короткий' в ед. ч.

Именительный	Òvō su <i>kràtkil/kràtkī</i> prédmeti.
Родительный	Nēmā <i>kràtkīh</i> prédmētā.
Дательный	Īdēm ka <i>kràtkīm</i> prédmetima.
Винительный	Vīdīm <i>kràtkē</i> prédmete.
Звательный	<i>Kràtkī</i> prédmeti ...
Творительный	Tô je pòvězāno sa <i>kràtkīm</i> prédmetima.
Предложный	Gòvorīm o <i>kràtkīm</i> prédmetima.

Табл. 69. Прилагательное *kràtak* 'короткий' во мн. ч.

Другие примеры: *slàdak* – ж. р. *slàtka* 'сладкий', *rijèdak* – *rijètka* 'редкий', *gìbak* – *gìpka* 'гибкий', *pùnačak* – *pùnačka* 'полный', *židak* – *žitka* 'жидкий', *jèdak/jédak* – *jétka* 'едкий, кусачий'.

Беглый **а** появляется также и в глагольных формах: а) в прошедшем времени глагола *rèci* 'говорить' – он je *rèkao*, она je *rèkla*, оно je *rèklo*, они su *rèkli*, one su *rèkle*, она su *rèkla*, глагола *đici* 'поднимать' – он je *đigao*, она je *đigla*, оно je *điglo*, они su *đigli*, one su *đigle*, она su *đigla*, б) после приставки **iz-**: *birati* 'выбирать' – *izàbrati* 'избирать', *pràti* 'мыть' – *izàprati*, *tkàti* 'ткать' – *izàtkati*, **raz-** *bràti* 'собирать, рвать, срывать' – *razàbrati* 'разобрать, отобрать, уяснить себе, понять, постигать, понимать', *nàsūti* 'насыпать', *ràsūti* 'рассеять, рассыпать', но возможен и вариант *razàsūti* несов. *razàsipati* 'рассеивать, рассыпать', *razàsjeti se* 'засветиться, засиять', *razàs-lati* несов. *razàsīljati* 'высылать, посылать, отправлять, рассылать', *razàgnati* 'разгонять', *razàznati (se)* несов. *razaznávati* 'постигать, различать, воспринимать, уяснять себе, понимать', *razàpēti (se)* несов. *razàpinjati (se)* 'натягивать, растягивать, тянуть вверх, раскрывать', *razàbrati (se)* несов. *razabíratil/razàbirati* 'постигать, узнавать', *razàstrijetil/razàstṛti* несов. *razàstirati* 'расстилать, раскладывать, раскрывать, натягивать'.

Такой гласный возникает и в предлогах: *ùza* + винительный 'на, у...': *ùza zīd/ ùza zīd* 'у стены, к стене, рядом со стеной', *uza kùcu / ùza kuću* 'у дома, рядом с домом' – *s(à)*: *s(a) Vāma* 'с Вами', *prèda: glèdati prèdā se* 'глядеть вперед', *pòda: stāviti nēšto pòdā se* 'поставить что-то под себя'.

149. Б е г л ы й **е** (nepostojano **е**) встречается в кайкавских топонимах (например, *Čàkovec* – *Čàkōvca*; город в Меджимурье).

Именительный	Òvō je <i>Čàkovec</i> .
Родительный	Nēmā <i>Čàkōvca</i> .
Дательный	Īdēm ka <i>Čàkōvcu</i> .
Винительный	Vīdīm <i>Čàkovec</i> .
Звательный	Drāgī <i>Čàkovec/Čàkōvcu, ...</i>
Творительный	Tô je pòvězāno sa <i>Čàkōvcem</i> .
Предложный	Gòvorīm o <i>Čàkōvcu</i> .

Табл. 70. Склонение существительного *Čàkovec*

и именах собственных (*Gúbec* – *Gúpca*):

Именительный	Òvō je <i>Gúbec</i> .
Родительный	Nēmā <i>Gúpca</i> .
Дательный	Ìdēm ka <i>Gúpca</i> .
Винительный	Vìdīm <i>Gúpca</i> .
Звательный	Drāgi <i>Gúpče</i> , ...
Творительный	Tō je pòvèzāno sa <i>Gúpce</i> .
Предложный	Gòvorīm o <i>Gúpca</i> .

Табл. 71. Склонение существительного *Gúbec*

В следующих примерах гласный **е** остается без изменения во всех формах: *Māček* – *Māčeka*, *Bràbec* – *Bràbeka*.

150. Существует и так наз. ф а к у л ь т а т и в н ы й г л а с н ы й **а**. Он может появляться в именительном падеже единственном числе следующих существительных мужского рода: а) *arhitekt* – *arhitekta* ‘архитектор’, б) *àspekt* – *àspekt* ‘аспект’, *àfekat* – *àfekt* ‘аффект’, *dijàlekat* – *dijàlekt* ‘диалект’, *èfekat* – *èfekt* ‘эффект’, *ìmpèfekat* – *ìmpèfekt* ‘имперфект’, *ìnsekat* – *ìnsekt* ‘насекомое’, *kònflikat* – *kònflikt* ‘конфликт’, *pròdukat* – *pròdukt* ‘продукт’, *òbjekat* – *òbjekt* ‘объект’, *pèrfekat* – *pèrfekt* ‘перфект’, *plùskvamperfekat* – *plùskvamperfekt* ‘плюсквамперфект’, *pròjekat* – *pròjekt* ‘проект’, *pròspekat* – *pròspekt* ‘проспект’, *sùbjekat* – *sùbjekt* ‘субъект’ (первый вариант более характерен для сербского). Такой гласный встречается также в существительных типа *òsnova* – *òsnov* ‘основа’ и в местоимениях, например, *òvoga* – *òvog* (род. пад. ед. ч.) ‘этот’. В парах *fònéma* – *fònēm* ‘фонема’ и *morféma* – *mòrfēm* ‘морфема’ первая форма является стандартным вариантом в сербском, вторая – в хорватском.

151. Ретрокорреляционал. Беглые гласные возникли в результате утраты редуцированных гласных **ь** и **ѣ**. В сильной позиции (перед слогом с редуцированным гласным) образовался гласный **а**, а в слабой позиции (на конце слова) гласный исчез, например, им. п. ед. ч. *lòvac* ‘охотник’: *lòvьсь > lòvьса > lòvса, род. п. ед. ч. *lòvca* ‘охотника’: *lòvьса > lòvса, дат. п. ед. ч. *lòvci* ‘охотнику’: *lòvьси > lòvси. С. Б. БЕРНШТЕЙН констатирует, что чередования гласных с **ѣ** являются характерным признаком славянских языков и что они представлены как в корневых, так и в аффиксальных морфемах. «В своей основной части они восходят к известным фонетическим изменениям сверхкратких **ѣ** и **ь**, которые, как известно, в одних позициях утрачивались, в других – изменялись в гласные полного образования [...] В дальнейшем в результате многих причин фонетическая основа данного явления стерлась, наличие или отсутствие гласного стало определяться словообразовательными, морфологическими или лексическими условиями. Так на основе фонетического процесса сформировалось типичное для славянских языков чередование» (Бернштейн 1974: 55–56). Он подчеркивает, что от данного чередования, возникшего в славянских

языках после утраты сверхкратких, следует отличать чередования гласных с *ø* в форме аблаута, сформировавшиеся на основе фонетических процессов индоевропейского праязыка (русск. *братъ* – *беру*, *сборы*, с.-х. *brǫiti* – *běrem*, *zbr̥*, чешск. *bráti* – *beru*, *sbor*).

Малик Мулич считает, что падение слабых редуцированных и огласовка сильных явились самой значительной революцией в славянских языках, в том числе и в древнерусском, и поэтому подробно останавливается на данном процессе, причем подчеркивает, что он проходил не одновременно по всей территории, населенной восточнославянскими племенами (начался он на юге Руси во второй половине XII в. и закончился на севере в первой половине XIII в., Mulić 1988: 43). Затем М. Мулич переходит к южнославянским языкам: «В древнем сербскохорватском языке этот процесс закончился уже в XI веке. Утрата [ъ] и [ь] в слабой позиции связана с прекращением действия закона открытого слога. Слабой позицией редуцированного следует считать случай, когда [ъ] и [ь] были безударными, а в следующем слоге находился гласный полного образования, например: *сѣинъ*, *кѣнѣзь*, *дѣскѣ*, *мѣгла* – где все редуцированные находятся в слабой позиции» (Mulić 1988: 43). Автор пишет, что в сильной позиции *ѣ* и *ѥ* оказывались, если были под ударением или, если за ними следовал слог, содержащий в себе слабый редуцированный, например: *дѣнь*, *сѣинъ*, *кѣѣзь*, *дѣскоу*, *тѣмьныи*, *вѣрьнь*. «И редуцированные в сочетании с плавными *ѣр*, *ѥр*, *ѣл* ведут себя как сильные, несмотря на характер гласного в последующем слоге. Что касается слабых редуцированных, они падали, а сильные переходили в гласные полного образования *ѣ* > *о*, *ѥ* > *е*, откуда потом: *сын*, *князъ*, *мгла*, *сон*, *доску*, *тѣмный*, *верен*. Редуцированный переднего ряда [ъ] в слабой позиции после падения оставлял за собой след – в русском языке (как и в польском) смягчался предшествовавший ему согласный звук: (д'ен'), (кн'аз')» – Mulić 1988: 43. Далее подчеркивается, что в сербохорватском языке сильные редуцированные совпали в одном гласном: [ъ] = [ь] > [ъ] > [а], в то время как в древнесербской письменности этот гласный передавался буквой *ѣ* и лишь в XIV в. на месте редуцированных на письме появляется буква *а*: *начѣтакъ*, *добѣтакъ*. «В некоторых черногорских говорах встречается в произношении [ъ'] на месте редуцированных, а в призренско-тимочских говорах – [ъ]. В чакавских говорах встречаются рефлексy редуцированных – [о] и [е] наряду с [а], в кайкавских же [е]» (Mulić 1988: 44).

Мулич указывает на еще одно изменение в древнерусском языке, явившееся результатом утраты сверхкратких: «Если падение слабых редуцированных вызывало огласовку сильных, в чем сказывался закон о сохранении массы, то и этимологические [о] и [е], хотя и были исконно краткими, могли получить возместительную долготу. Возместительная долгота была возможна, если после слога, содержащего этимологическое

[о] или [е], следовал слог со слабым редуцированным, например: **камень, печь, шесть, боудеть**» (Mulić 1988: 47).⁹⁰ Нечто подобное он находит и на южнославянской территории: «В сербскохорватском литературном языке подобная заместительная долгота также известна, но без перехода [е] > [ѣ], ср.: *mêd* – *měda*, *lêd* – *lěda*. В чак. говорах (напр., в Елсе, о. Хвар) в соответствующих случаях встречается дифтонгическое [иѐ], *lîed*, *mîed*. М. Храстэ отметил для о. Брача (Бол Гор. Хумац) *šîest*. Примечательно, что исконное (ѣ) дает [i] в этих же говорах» (Mulić 1988: 47). Существует еще одно изменение, вызванное падением слабых редуцированных – это второе полногласие: «После падения слабых редуцированных в данных сочетаниях этимологический (первый) редуцированный всегда получал огласовку, а вторичный в определенных условиях мог огласоваться, и тогда возникало „второе полногласие“» (Mulić 1988: 47). По мнению М. И. Мулича, основным условием для осуществления «второго полногласия» было наличие слабого редуцированного в слоге, последующем за сочетанием редуцированного с плавным; например: **тържькоѹ > търъжькоѹ > торожькоѹ > торожкоѹ > торошкоѹ; вървька > веревка (верѣфка); безмълвие > безмълъвие > безмолвие; мълниѡ > мълъниѡ > молниѡ (молонья)**; «в последних двух примерах в слогах, последующих за -ѡ-, стоит „напряженный“ [й] в слабой же позиции» (Mulić 1988: 49). Что касается сербохорватского языка, после падения конечного редуцированного между согласным основы и суффиксом в форме прошедшего времени развился вторичный звук («беглый» [а]), а суффиксальный согласный в XIV–XV вв. изменился в [о]: *йасао, свезао, йекао, сѣриѡао, умро* (Mulić 1988: 51). В древнерусском языке произошло еще одно изменение: «Унаследованные древнерусским языком из праславянского напряженные аллофоны [ѣ] и [й], выступавшие как позиционные варианты (перед [j]) гласных [ѣ], [ѣ], [ы] и [и], в период падения редуцированных подвергались изменениям, при этом судьба их оказалась различной по разным древнерусским диа-

⁹⁰ М. И. Мулич добавляет, что А. И. Соболевский заметил, что в памятниках древнерусской письменности второй половины XII в., возникших на территории говоров, из которых образовался потом украинский язык, вместо былого [е] встречается [ѣ]: **камень, печь, шесть, боудеть**. «В украинском языке вместо вторичного [ѣ] появился гласный переднего ряда верхнего подъема [и], обозначаемый буквой „і“: *камінь, піч, шість*. Примечательно, что заместительная долгота не наблюдается в случае, когда слабым редуцированным был [ѣ]. Однако имеются исключения, на которые указывает А. А. Шахматов, например: порядк. числительное **шѣсть** (шестой), **вѣтхын** (Кормчая 1282 г.), **вѣтх** (Поуч. Ефрема Сирина XIII в.), **вѣтхын мѣхы** (Галич. ев. 1266–1301 г.). Относительно **вѣтхын** А. А. Шахматов оговаривается: „впрочем, случай этот сомнительный, так как возможно, что это слово в живой речи не существовало, а заимствовано из церковного языка... возможно также, что рядом с **ветхъ** существовало исконно **вѣтхъ**“» (Mulić 1988: 46–47).

лектам» (Mulić 1988: 51). Малик Мулич отмечает неодинаковые процессы на различных территориях: «В говорах территорий Новгородской и Псковской, Ростово-Суздальской, Рязанской и Чернигово-Северской земель, которые легли в основу велико-русского (собственно русского) языка, сильные [ы] и [и] изменились в [о] и [е], в говорах же, легших в основу белорусского языка (говоры живших по Зап. Двине, верхнему течению Днепра и его притокам: Сожу и Припяти, а также по Неману кривичей, радимичей и дреговичей) и украинского языка (говоры киевский и галицко-волинский) сохранились [ы] и [и]» (Mulić 1988: 51). Сказанное выше иллюстрируется такими примерами: а) в форме им.-вин. п. ед. числа прилагательных (м. р.) – *dobr-ъ : ст.-сл. **добрѣи**: др.-рус. **добрѣи**: сев.-рус. *доброй* : белорус. *добры* : укр. *добрий*, *sinь-ъ : ст.-сл. **сини**: др.-рус. **сини**: сев.-рус. *синей* : белорус. *сіні*, укр. *синий*, *moldь-ъ : ст.-сл. **младѣи**: др.-рус. **младѣи**: русск. *молодой* : белор. *малады* : укр. *молодий*, б) род. п. мн. ч. сущ. И-основ; им. п. ед. ч. сущ. типа *соловей* (Mulić 1988: 51). Под ударением, продолжает автор, во всех трех языках восточнославянской группы выступает замена -ей < ѣъ : *rešь-ъ : др.-рус. **печѣи**: совр. рус. *печѣй* : *пячэй* : укр. *печей* *; др.-рус. **солови**, совр. рус. *соловѣй*, белор. *салавей*, укр. *соловей*» (Mulić 1988: 51).

Что касается сербохорватского языка, Мулич констатирует, что напряженные редуцированные и их варианты [ы] и [и] повели себя по-разному: сильные [ѣ] и [ѣ] (после нейтрализации в [ь]) могли переходить в [а], например: местоимения **тѣ** + **ѣ** > *тај*, **овѣ** + **ѣ** > *овај*, **онѣ** < **ѣ** > *онај*. «В им. п. ед. ч. полных форм прилагательных сохранился [и] (нейтрализация [ы] и [и]): **добрѣ-и** > **добрѣи** > **добри** > *дѣбри*; **синѣ-и** > **синѣи** > **сини** > *сѣни*. Гласный [и] сохранился и в глагольных формах от *лиѣи*, *биѣи*, *ѣиѣи*, *шиѣи*, чему способствовало и ударение. Однако напряженный [и] в слабой позиции падал у сущ. ср. р., оканчивавшихся на -иѣ, вызывая таким образом йотацию предшествующего согласного; ср. *korije : ст.-сл. **копик** > *кѣйѣ* (рус. *копѣ*), *žitije : ст.-сл. **житиѣ** > жит-је > *жиће*, *ritije : ст.-сл. **питиѣ** : ст. схр. *питје* > *ѣиће* и т. п.» (Mulić 1988: 52).

Указывая на то, что некоторые фонетические процессы, происшедшие в древности, отражены в морфологизированных чередованиях согласных и гласных, В. Г. Гудков приводит в качестве примера а || ѳ : «Эта мена соответствует русскому чередованию о || ѳ, е || ѳ („беглые“ о и е). Гласный а представлен в основе ряда существительных м. и ж. р. только в форме им. – вин. п. ед. ч.: *вѣтар* ‘ветер’ – род. п. *вѣтра*, *ѣлѣсан* ‘плесень’ – *ѣлѣси*, а у некоторых слов м. р. и в род. п. мн. ч.: *ѣдѣ* ‘собака, пес’ – род. п. *ѣдѣ*, им. п. мн. ч. *ѣдѣ*, род. п. мн. ч. *ѣдѣ*. Основа некоторых существительных ж. и ср. р. получает а в род. п. мн. ч.: *вѣшна* ‘вишня’ – *вѣшнѣ*, *ѣсѣмо* ‘письмо’ – *ѣсѣмѣ*. У прилагательных, имеющих это чередование, а выступает в неопределенной (краткой) форме им.-вин. п. ед. ч. м. р.: *хладан* ‘холоден’ – род. п. *хладна*. Некоторые причастия прошедше-

го времени на -л также имеют **а** в форме м. р. ед. ч.: *наћи* 'найти' – *нашао* – ж. р. *нашла*, *сйасѣти* 'спасти' – *сйасео* – *сйасла*» (Gudkov 1977: 267–268).

В некоторых исследованиях говорится о вторичном, секундарном **а**. Так, ТИМОФЕЙ ФЛОРИНСКИЙ пишет, что в «сербо-хорватском» нужно отличать двойное **а**: 1) соответствующее общеславянскому **а** и 2) возникшее на местной почве, по отделении языка от общего корня (вторичное или секундарное **а**) – Florinskij 1895: 256. По его мнению вторичное **а** выступает прежде всего вместо старославянских глухих **ѣ**, **ь** и является результатом закона равновесия и влияния ударения: «Переход в ясный гласный здесь, как в других славянских языках, происходил в силу закона равновесия: конечный **ѣ**, **ь** исчезал, срединный **ѣ**, **ь** возвышался в **а** (иногда **е**). Но кроме закона равновесия в этом процессе принимает участие ударение, напр., *маїла* (старо-сл. *мѣгла*, в друг. яз. односложное: *mgla, mhlā*), *изадираїти*, *обазираїти*, *разаїнаїти*. Роль вторичного **а**, однако, не ограничивается заменой старо-слав. глухих. Этот звук является в сербо-хорватском языке нередко там, где в старо-славянском, или в других славянских языках были чистые гласные (**е**, **и**, **о**) или совсем не было и нет никакого гласного элемента. Он служит для облегчения выговора слов в случаях скопления многих согласных и наблюдается в середине и конце слов, в корневых слогах и флексиях» (Florinskij 1895: 253).

В отличие от русского в с.-х.-б. праславянские редуцированные **ѣ** и **ь** в сильной позиции развили не два, а один звук – гласный **а**: ср. *сон* – *сна*: *sān* – *snā*, *день* – *дня*: *dān* – *dāna*. Это совпадение произошло в эпоху, предшествовавшую древнейшим, дошедшим до нас, письменным памятникам, из-за чего в них не видно никакого следа различия **ѣ** и **ь**, и употребляется обычно один знак **ь** (Kuljbakin 1917: 20). В некоторых говорах на месте праславянского **ѣ** и **ь** в тех случаях, где это **ѣ** и **ь** не исчезло вовсе, слышится особый глухой гласный, а именно в южных говорах Черногории и юго-восточных говорах Сербии – призрено-тимочских, в то время как в черногорских говорах данный гласный колеблется между глухим **е** и «узким» **е** (Kuljbakin 1917: 20). Современное **а** на месте праславянских **ѣ** и **ь** впервые появляется в памятниках XIV в. (Kuljbakin 1917: 21). На вопрос, в каких условиях праславянские **ѣ** и **ь** в сербском языке исчезли и в каких сохранились в виде **а** или в виде глухого звука, С. М. КУЛЬБАКИН отвечает следующим образом: «В общем эти условия совпадают с условиями исчезновения или сохранения в том или в другом виде прасл. **ѣ**, **ь** в других славянских языках, в том числе в русском», а затем продолжает: «Главное значение имели в судьбе звуков **ѣ** и **ь** ударение и открытый или закрытый характер слога (слог, оканчивающийся на гласный, – открытый, а на согласный – закрытый); при этом под закрытым слогом понимается ставший закрытым в силу исчезновения в последующем слоге **ѣ** или **ь**, или же редуцированных **у** и **і** (**ы**, **и**). В слоге закрытом или же открытом, но ударяемом, **ѣ** и **ь** исчезнуть не могли и, следовательно, исчезли **ѣ** и **ь** только в открытом неударяемом слоге» (Kuljbakin 1917: 21). Кроме двух

указанных факторов, влияющий на появление гласного **а** на месте праславянских **ъ** и **ь** (характер слога и наличие/отсутствие ударения), С. М. Кульбакин приводит еще один – психологический, подразумевая под этим аналогию: «[...] под явлением родственных форм с **а** в закрытом или ударяемом слоге, являлось **а** и в слоге неударяемом открытом [...] Психологический фактор, – аналогия, особенно действовал в тех случаях, когда выпадение **ъ** или **ь** имело своим содействием возникновение трудно произносимой группы согласных, как, напр., в формах *gàска* из *dъskà, *màйла* из *тъgla; *снàха* из *спъсха (ср. вин. *gàску*, *màйлу*, зват. *снàхо*): сербское ударение ` – перенесенное с конечного слога» (Kuljbakin 1917: 22). С. М. Кульбакин отмечает и случаи, когда новый гласный неполного образования, позже переходивший в **а**, возникал впервые на сербской почве: если старое **ъ** или **ь** стояло после группы согласный + сонорный, по исчезновении **ъ** или **ь** эти сонорные становились слоговыми и затем развивали перед собой новый гласный неполного образования, а затем **а**: *jesъь > *je-sam* (Kuljbakin 1917: 23).

Корреляции гласных (Vokalske korelacije)

152. Корреляции гласных могут быть как внутриязыковыми, так и межъязыковыми. Внутриязыковые корреляции – это соотношение между гласными одного языка или одной языковой системы, как, например, в случаях с.-х.-б. Межъязыковые корреляции – это отношения между гласными различных языков, в данном случае славянских. На межъязыковом уровне гласные образуют пять корреляционных систем: интракорреляционал, интеркорреляционал, супракорреляционал, суперкорреляционал и экстракорреляционал.

153. Внутриязыковые корреляции. Каждый гласный вступает в фонематические отношения со всеми другими гласными звуками и образует двух- и многочленные корреляции.

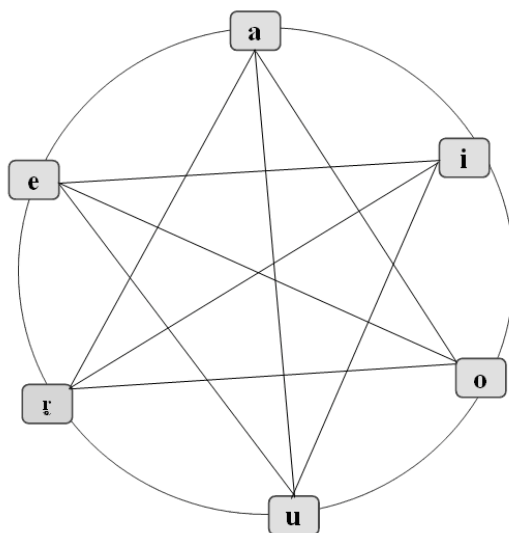

Рис. 14. Вокалические корреляции

Существуют два типа корреляций гласных: внутрисистемные и межсистемные. В рамках внутрисистемных отношений выделяются интракорреляции и интеркорреляции. Интракорреляция – это соотношение между собственно гласными **а, о, е, и, у**. К интеркорреляциям относится соотношение между настоящими гласными **а, о, е, и, у** и слогообразующим **г**.

Что касается интракорреляций, наблюдаются случаи, когда все пять гласных выражают семантические различия между словами: **1. Mára** (женск. имя собств.) – *měra* (экав.) ‘размер, мера’ – *Míra* (женск. имя собств.) – *mòra* ‘кошмар’ – *Múra* (река), **2. rǎka** ‘вырытая могила; род. п. ед.

ч. от слова *rāk* 'рак') – *réka* (экав.) 'река' – *rīka* 'рев, рычание' – *rōka* (род. п. ед. ч. от слова *rōk* 'срок') – *rúka* 'рука'.

Иногда корреляции включают четыре гласных: **1.** *lāk* 'легкий' – *lêk* (экав.) 'лекарство' – *līk* 'форма, изображение, образ, характер, личность' – *lūk* 'лук' (растение) и *lūk* 'лук' (оружие), **2.** *žága* 'пила' – *žèga* 'жара' – *žīgal/Žīga* 'искра' или имя собств. – *žūgal/Žūga* 'сброд' или имя собств., *bīk* 'бык' – *bèk* 'защитник (спорт)' – *bōk* ('сторона, бок').

Трехчленные вокалические корреляции наблюдаются чаще: **1.** *vāza* 'ваза' – *vèza* 'связь' – *vīza* 'виза', **2.** *līra* 'лира (муз.)', *līralīra* (бывшая итальянская валюта) – *Lāra* (женск. имя собств.) – *Lóra* (женск. имя собств.), **3.** *rām* 'рама' – *Rīm* 'Рим' – *rūm* 'ром', **4.** *sāt* 'часы' – *sēt* 'сет (теннис)' – *sīt* 'сытый', **5.** *plāviti* 'красить в синий цвет; заливать, затоплять' – *plīvati* 'плавать' – *plòviti* 'плавать, ходить на корабле', **6.** *rād* 'работа' – *rêd* 'порядок, ряд' – *rôd* 'пол, род', **7.** *bāt* 'топот' – *bīt* 'сущность, суть' и *bīt* 'бит (муз.)', *байт* (комп.) – *būt* 'окорок, бедро, ляжка', **8.** *tāma* 'тьма, мгла' – *téma* 'тема' – *Tóma* (мужск. имя собств.), **9.** *bāra* 'лужа' – *bóra* 'морщина, складка, борозда' – *būra* 'бора (ветер), ураган, буря, гроза', **10.** *kāt* 'этаж' – *kīt* 'кит' – *kūt* 'угол', **11.** *māk* 'мак' – *mèk* 'мягкий' – *mūk* 'молчание'.

При помощи гласных различается также множество лексических пар, например, **а – е:** *sālo* 'сало, жир (нутряной)' – *sèlo* 'деревня, село', *jāk* 'сильный, мощный' – *jêk* 'звучание, звук, отзвук, эхо', **а – и:** *nāš* 'наш' – *Nīš* (город в Сербии), *mācal/Māca* 'кошечка' или женск. имя собств. – *Mīca* (женск. имя собств.), *māna* 'недостаток' – *mīnal/mīnal/mīna* 'мина, взрывное устройство', *sāmo* 'только' – *Sīmo* (мужск. имя собств.), **а – о:** *bār* 'бар; хотя бы' – *bôr* 'сосна', *nās* 'нас' – *nôs* 'нос', *lāv* 'лев' – *lôv* 'охота', *lāva* 'лава' – *lôva* 'деньги (разг.)', *kās* 'рысь, размеренный шаг' – *kôs* 'кривой, косой; дрозд (зоол.)', *māst* 'жир' – *môst* 'мост', *sām* 'один, сам' – *sôm* 'сом', *pād* 'падение' – *pôd* 'пол', *rāj* 'рай' – *rôj* 'рой', **а – у:** *šūmār* 'лесничий, лесник' – *šāmār/šamar* 'пощечина', *Rāda* (женск. имя собств.) – *rúda* 'руда; дышло', *Kāca* (женск. имя собств.) – *kūca* 'дом', **е – и:** *rīma* 'рифма' – *réma* 'рема', *Mīka* (женск. и мужск. имя собств.) – *mēka* 'мягкая' – *Mēka/Mēka* 'Мекка', **е – о:** *kēš* 'наличные' – *kōš* 'коробка', *tên* 'цвет лица, кожа лица' – *tôn* 'тон', *vêz* 'вышивка, вышивание' – *vôz* 'поезд', *vèđa* 'бровь' – *vôđa* 'вождь', **е – у:** *šéma* 'схема' – *šūma* 'лес', *lépa* 'красивая' – *lūpa* 'лупа', **и – о:** *rība* 'рыба' – *rôbal/rôba* 'товар', *hīr* 'каприз, причуда, прихоть' – *hôr* 'хор', *līm* 'жесть' – *lôm/lòm* 'ломка, разлом', *līga* 'лига' – *lôga* 'барсучья нора', *līla* 'лиловый' – *lôla* 'негодяй, бездельник, шалопай', *Vīdal/Vīda* (женск. имя собств.) – *vôda* 'вода', *vīd* 'вид, форма; зрение' – *vôd* 'линия; эшелон (воен.)', *džīn* 'великан; джинн, злой дух; джин (алкогольный напиток)' – *Džôn* (мужск. имя собств.), **и – у:** *līpa* 'липа' – *lūpa* 'лупа', *žīto* 'зерновой хлеб, хлеба, зерновые, жито, злаки' – *žúto* 'желтое', **о – у:** *pōst* 'пост' – *pūst* 'пустой, нежилой', *kòvati* 'ковать' – *kūvati* 'готовить (пищу)'.

В некоторых интеркорреляциях функцию гласного выполняет согласный **г** (так называемый вокальный, сонорный или слогообразующий **г**), создавая фонематическую оппозицию по отношению ко всем пяти гласным, например, *br̥k* 'усы' – *b̥ik* 'бык' – *b̥ek* 'защитник (спорт)' – *b̥ok* 'сторона, бок'. Слогообразующий **г** может выступать в корреляциях с четырьмя гласными: *m̥ik* 'мрачный, сумрачный, темный' – *m̥ak* 'мак' – *m̥ek* 'мягкий' – *m̥uk* 'молчание'. В некоторых случаях при помощи слогообразующего **г** различаются лексемы в корреляции с тремя гласными, например, *br̥ka* 'усач, уса́тый человек' – *b̥aka* 'бабушка' – *b̥uka* 'шум', *t̥rk* 'бег' – *t̥ek* 'аппетит' и *t̥ek* 'только' – *t̥ok* 'бег, ход, походка', *k̥r̥t* 'крот; хрупкий' – *k̥at* 'этаж' – *k̥ut* 'угол', *m̥r̥čiti* 'чернить, мазать сажей, красить в черный цвет; пачкать, грязнить' – *m̥očiti* 'мочить, увлажнять' – *m̥üčiti* 'мучить, пытаться, истязать', *k̥r̥čiti* 'выкорчевывать, разрезать, вырубать (лес)' – *k̥äčiti* 'прицеплять' – *k̥očiti* 'тормозить', *k̥r̥pati* 'латать, чинить' – *k̥äpati* 'капать, накрапывать' – *k̥opati* 'копать'.

Слогообразующий **г** реализует свои вокалические характеристики, образуя различные пары с двумя гласными, например, **г** – **а**: *k̥r̥pa* 'тряпка, лоскут' – *k̥äpa* 'головной убор (шапка, кепка, фуражка)', *g̥rditi* 'бранить, ругать, порицать' – *g̥äditi* 'загрязнять, пачкать', *t̥rnje* 'кустарник, шипы' – *t̥änjē* 'тоныше', *d̥rvni* 'деревянный' – *d̥ävn̥i* 'бывший, старинный', *g̥rdno* 'уродливо, отвратительно, противно' – *g̥ädn̥o* 'противно, отвратительно, уродливо', *Tr̥st* 'Триест' – *t̥äst* 'тесть', **г** – **е**: *S̥r̥bi* 'сербы' – *s̥eb̥ils̥ebi* 'себе', *v̥r̥nuti* 'вернуть, возвратить' – *v̥ènuti/v̥ènuti* 'вянуть, увядать', *cr̥niti* 'чернить, красить в черный цвет' – *c̥éniti* (экав.) 'ценить, оценивать', *t̥fg* 'площадь' – *t̥ég* 'вес', *c̥rv* 'червь, червяк' – *c̥év* (экав.) 'труба, трубка', *b̥řz* 'быстрый' – *b̥ěž* 'без (предлог); бязь (ткань)', *cr̥na* 'черная' – *c̥éna* 'цена (экав.)', *b̥řžē/b̥řže* 'быстрее' – *b̥èžē* (экав.) '(они) бегут', *s̥řča* 'стекло (тур.)' – *s̥èča* (экав.) 'рубка леса, лесоповал, лесосека; бойня', **г** – **и**: *r̥knuti* 'храпнуть' – *r̥íknuti* 'рыкнуть', *v̥r̥šak* 'острие' – *v̥išak* 'избыток, изобилие, надбавка', *p̥r̥v̥o* 'первое' – *p̥ívo* 'пиво', *d̥r̥sko* 'нагло, дерзко, смело, заносчиво' – *d̥isko* 'дискотека', **г** – **о**: *S̥r̥ba* (мужск. имя собств.) – *s̥òba* 'комната', *br̥lja* 'ракия, сливовая водка, самогон плохого качества' – *b̥òljā* 'лучшая', *s̥řk* 'глоток' – *s̥ók* 'сок', *k̥r̥sta* 'крестец, поясница' – *K̥òsta* (мужск. имя собств.), *p̥r̥sn̥i* 'грудной' – *p̥òsn̥i* 'постный', **г** – **у**: *m̥řk* 'мрачный, сумрачный, темный' – *m̥úk* 'молчание', *zv̥rk* 'юла' – *zv̥úk* 'звук', *s̥r̥kati* 'хлебать, втягивать' – *s̥úkati* 'поворачивать, крутить', *v̥řci* 'молотить' – *v̥úci/v̥úci* 'тянуть', *g̥r̥ba/g̥r̥ba* 'горб, горбина' – *g̥ùba* 'проказа', *tr̥ba* 'живот (разг., прост.)' – *t̥úba* 'тюбик', *k̥r̥catil̥k̥r̥cati* 'шелкать' – *k̥ùcati* 'стучать, бить', *g̥r̥liti* 'обнимать' – *g̥úli* 'сдирать шкуру, освежевать, снимать кожуру', *m̥r̥ljati* 'пятнать, пачкать, марать' – *m̥úljati* 'выжимать, выдавливать'.

154. Сложность межъязыковых вокалических корреляций состоит в частности в том, что количество гласных в славянских языках варьируется.

№	Язык	Гласные
1	старославянский	11
2	словацкий	11
3	чешский	10
4	словенский	9
5	польский	7
6	лужицкий	7
7	русский	5/6
8	с.-х.-б.	6
9	македонский	6
10	украинский	6
11	болгарский	6
12	белорусский	6

Табл. 72. Количество гласных в славянских языках⁹¹

В фонологических системах этих языков имеются универсальные, специфические и уникальные гласные. Универсальные гласные – это гласные, встречающиеся во всех славянских языках. Согласно нашим данным, к таким гласным относятся **а, о, е, і, у**, которые, разумеется, отличаются определенными особенностями артикуляции почти в каждом славянском языке.

Специфические гласные существуют только в некоторых из языков. К таким звукам относятся носовые **ѣ (ж), ę (л)** – *рѣка* [rɔka] > *ruka* ‘рука’, *масо* [mɛso] > *měso* ‘мясо’) в старославянском и такие же вторично образовавшиеся носовые в польском (графемы **ą, ę**: *książka, mięso*), гласный заднего ряда **у (ы)** в старославянском, русском, белорусском и украинском (например, старослав. *быти* > *bŭti* ‘быть’, рус. *мыло*, укр. *мило*, белорус. *мытнік*) и редуцированный гласный заднего ряда **ѣ (ъ)** в старославянском (*съпъ* > *sǎp* ‘сон’) и болгарском (*българин* ‘болгарин’).

Уникальные славянские гласные (уникаты) – это гласные, которые встречаются только в одном из славянских языков. Такие фонемы наблюдаются в старославянском, например, ять **ѣ (ѣ)** – *мѣсто* [město] ‘место’ и редуцированный гласный (полугласный) переднего ряда **і (ь)** *днь* [dъnъ] ‘день’.

155. Ретрокорреляционал. Фонологическая система с.-х.-б. содержит значительно меньше гласных, чем фонологическая система старославянского. Пяти гласным сербохорватского (**а, о, е, і, у**) соответствуют одина-

⁹¹ Согласно другим источникам славянские языки содержат следующее число гласных фонем: словацкий – 15, словенский – 13, лужицкий – 8, русский, украинский, белорусский, польский, болгарский – 5–6, македонский – 5 (Krytowska/Sawicka 2007: 200), чешский – 14 (Palková 2007: 70).

дцать гласных старославянского, которые обозначаются следующими графемами: а) гласные переднего ряда **е, ѣ, и, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ**, б) гласные заднего ряда **о, ы, ѡ, а, ж, оу**.⁹² Графема **ѣ** указывает на сильно редуцированный звук переднего ряда, а графема **ѡ** – сильно редуцированный гласный заднего ряда. В современном русском языке **ѣ** имеет исключительно графическую функцию (обозначает мягкость предшествующего гласного: *лѣтъ*). Редуцированный гласный заднего ряда **ѡ** наблюдается в болгарском языке (*български*), а в русском является только графемой, разделяющей префикс и корень (*объём, объехать*). Гласный **у** (транскрибема также **ѣ**, графема **ѣ**) имеется в современном русском (*быть, мыло*), украинском (графема **и**) и в белорусском, а также в западославянских языках (буква **u**). В праславянском языке слогообразующими были **ǫ, ǫ', ѣ, ѣ**. Старославянские вокалические **г** и **л** встречались не только в твердом [g], [l], но и в мягком варианте [g'], [l'].⁹³ Отдельные гласные отличались рядом иных особенностей.⁹⁴

⁹² «Праславянский вокализм того периода, когда углубившееся диалектное членение вело к оформлению отдельных славянских языков, имел следующий инвентарь гласных, отраженных в памятниках ст.-слав. языка X–XI веков (в скобках записываем их соответствующими буквами ст.-сл. алфавита): гласные переднего ряда: **і, ѣ, е, ѣ (и, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ)**; гласные непреднего ряда (нелабиализованные): **у, ѡ, а (ы, ѡ, а)** и (лабиализованные): **и, о, ѡ (ѣ, ѡ, ѡ)**» (Порова 1986: 33).

⁹³ «Сербохорватский слоговой [r] по своей артикуляции, в общем, не отличается от неслогового согласного [r], который произносится примерно так же, как русский [r]. Единственное отличие сербохорватского слогового [r] от неслогового заключается в том, что при произнесении слогового [r] поверхность соприкосновения языка с альвеолами более широкая; сербохорватский слоговой [r] характеризуется несколько большей длительностью и напряженностью артикуляции. Являясь слогообразующим, [r] может быть носителем всех четырех видов ударения: *врѣти* 'сад', *крѣв* 'кровь', *срѣна* 'косуля', *врѣшѣак* 'ровесник', *црѣвен* 'красный'. Звук **р** является слогообразующим в начале слова перед согласным (кроме **ј**): *рѣти* 'мыс', *рѣвати се* 'бороться'; в середине слова между согласными: *брѣго* 'гора', *црѣсти* 'палец'» (Ženčuk i dr. 1988: 38).

⁹⁴ «Так, **ѣ, ѣ** были гласными неполного образования; **ѣ, ѣ** – носовыми и звук **ѣ** был дифтонгоидного характера неединообразного качества: **ае** или **іѣ**» (Порова 1986: 33). Система праславянского вокализма характеризовалась различием гласных по долготе, причем гласные **ѣ, ѣ** всегда были сверхкраткими; **е, о** – краткими, а остальные – долгими. «Однако еще в эпоху праславянской общности начался процесс сокращения долготы, который привел к тому, что создалась сложная система вокализма с большим числом гласных, различающихся количественно. Эта система во всех славянских языках претерпела значительные упрощения. Процесс преобразования и трансформации старой системы вокализма в сербскохорватском языке, начавшийся еще в дописьменный период, активно продолжался до середины XV века» (Порова 1986: 33).

Между VII и XII вв. произошли три значительных изменения гласных: а) смешение обоих еров **ь** и **ѣ**: *дѣнь* > *dan*, *сѣнь* > *sǎn* 'сон', т. е. в этом гласном совпали исконный **а** и рефлексy редуцированных гласных переднего и заднего ряда в сильной позиции, причем редуцированный гласный переднего ряда **ь** исчез в слабой позиции (в конце слова), а в сильной позиции преобразовался в **а**,⁹⁵ б) деназализация носовых **ѣ** (**А**) и **ѣ** (**Ж**): *měso* > *měso* 'мясо', *roka* > *ruka* 'рука', в) переход **у** в **и** *byti* > *bīti* – русск. *быть*, т. е. в гласном **и** совпали древние **и** и **у**, д) замена **я** (более подробно об этом см. гл. 12), е) объединение двух **о**: древнего **о** и **о** из **І** в процессе вокализации в конце слога (*písaο* 'писал'), ж) появление гласного **и** на месте старого **и** (*ŭlica* 'улица'), носового **о** (*рѣка* > *ruka*), слогового **І** (*вѣлькѣ* > *vŭk* 'волк'), а также начальных сочетаний **вѣ**, **ѣ** (*ŭnuk* 'внук'). Система сербскохорватского вокализма и консонантизма отражает результаты многовекового развития фонетической системы, характеризовавшей язык предков современных носителей (Porova 1986: 33).

Одну из типичных особенностей сербскохорватского вокализма составляет различие количества, т. е. долготы и краткости гласных (каждый из них, не исключая **г**, **І**, может быть кратким и долгим), и в этом отношении сербскохорватский язык занимает совсем особое место в ряду других славянских языков (Florinskij 1895: 261). Этот язык удержал в полной силе и

⁹⁵ Во всех славянских языках судьбы полугласных в сильных позициях одинакова: ни в одном из них эти гласные не утрачивались, а переходили в гласные полного образования (Bošković 2003: 58). РАДОВАН КОШУТИЧ пишет о рефлексax полугласных в сербском и русском: «Если в праславянском полугласный (**ь**, **ѣ**) находился после **г**, **І** и вместе с ним оказался между двумя согласными (прасл. *trьt*, *tlьt*, *trьt*, *tlьt*), в старославянском он сохранился (писали **рѣ**, **лѣ** или **рѣ**, **лѣ**), в сербском появились сонорные **г**, **І**, то есть *tr̩t*, *tl̩t* (*tl̩t*, как уже знаем, перешло потом в *tut*), а в русском возникла замена полугласных: **ь** перешло в **е**, а **ѣ** в **о**, то есть: *tret*, *tlet*, *trot*, *tlot*» (Košutić 1969: 157). Т. П. ПОПОВА следующим образом толкует развитие редуцированных гласных в с.-х.-б.: «Еще до появления первых письменных памятников на славянском языке на сербскохорватской языковой территории редуцированные переднего ряда [ь] и непереднего ряда [ѣ] совпали в одном звуке, о чем свидетельствуют латинские источники, передающие их одним знаком. То же самое наблюдается и в церковнославянских текстах, написанных на территории распространения современного сербскохорватского языка, где на месте обоих редуцированных стоит буква **ь**, что является одной из самых примечательных особенностей сербского извода старославянского языка» (Porova 1986: 34). Т. П. Попова обращает внимание и на некоторые диалектные особенности: «Характер гласного на месте старых редуцированных по диалектам представляет различия: в большинстве штокавских и чакавских говоров – **а**, в кайкавских – **е**, а в некоторых черногорских и в говорах призренско-тимокского диалекта на месте **ь** и **ѣ** выступает особый гласный среднего подъема среднего ряда, обозначаемый в транскрипции знаком **ь**: *дѣн*, *сѣн*» (Porova 1986: 34).

свежести вынесенный из общеславянского языка принцип различения количества гласных, дал этому принципу своеобразное развитие и применение на местной почве; причем сербохорватские долготы не соответствуют праславянским, а имеют самостоятельное развитие – через стяжение двух гласных или удлинение первоначально кратких гласных (Florinskij 1895: 262).

156. Интракорреляционал. К особым диалектным звукам (фонемам) относится гласный *ü* в диалектах Призрена и Тимока. Данный гласный встречается в словах, претерпевших турецкое влияние (*tütünžija* –нормативно *duvándžija/duhándžija* ‘продавец табака’). В этих диалектах вместо полугласных *ь* и *ъ* образовался нелабиализированный среднеязычный среднего или заднего ряда: *dən* ‘день’, *petək* ‘пятница’, *danəs* ‘сегодня’. Такой гласный называется в литературе «шва» и пишется как *ь*: *dən* ‘день’, *petək* ‘пятница’, *danəs*. Этот звук реализуется также в заимствованиях, особенно из турецкого чаще всего на месте полугласного *ı*: *bakırno* ‘медный’, *jasték* ‘подушка’, *kádır* ‘в состоянии, способный’, *pašalék* ‘пашалык, область, находящаяся под управлением паши’ (Ivić 2001: 148).

В штокавских диалектах некоторые гласные обладают особыми свойствами. В западнобоснийских, восточнобоснийских, восточногерцеговинских говорах, а также в диалектах Зеты и Южного Санджака имеется закрытый *а* (*ǎ*): *vrǎnit* < *vrǎniti* ‘возвращать’, *gospodǎr* ‘господин, повелитель’ (Зета и Южный Санджак). Закрытый *е* (*ǣ*) наблюдается в восточнобоснийских диалектах (*djǣvǒjka*) и в диалектах Шумадии и Воеводины: *breza* ‘береза’, *veǣ* ‘век, столетие’, *dǣda* ‘дед’, *pǣsak* ‘песок’, в диалектах Косова и Ресавы он реализуется как рефлекс *я* (*vrǣme* ‘время’, *dǣvka* ‘девочка, девушка’), а в диалектах Призрена и Тимока в качестве подударного гласного (*lǣska* ‘орешник’, *pobǣgli* ‘они побежали’). Открытый *е* (*e*) встречается в восточнобоснийских диалектах (*vǣsel* ‘веселый’, *rǣd* ‘ряд, порядок’) и в диалектах Призрена и Тимока (*let* – штокав. *léd* ‘лед’, *ret* – штокав. *réd* ‘ряд, порядок’).⁹⁶

Во многих случаях гласный претерпевает замену: *а* > *е* – *ǒgreda* < *ograda* ‘ограда’ (восточногерцеговинский диалект), *guštarica* (восточногерцеговинский диалект) < *gǔšterica* ‘ящерица’, *nǒćes* < *noćas* (диалект Томиславграда) ‘сегодня вечером’, *а* > *о* – *ǎramboša* (восточногерцеговинский) < (*h*)*arambaša* ‘атаман, разбойник, бандит’, *so tijem* (восточногерцеговинский) > *sa tijem* ‘с этим/тем’, *jǐsom* (диалект Томиславграда) > *jesam* ‘я есть’, *а* > *у* – *su tijem* < *sa tim* ‘с этим/тем’, *о* > *а* – *ǎnamo* < *onamo* ‘там’, *о* > *у* – *lǔnac* > *lonac* ‘горшок’, *о* > *ја*: *bǐo* > *bǐja* ‘был/бил’ (диалект Мркополя), *nǐsio* > *nǐsija* ‘нес/носил’ (на побережье Макарски), *о* > *е* – *tǐpal* <

⁹⁶ Приводимые в этой параграфе (156) примеры из диалектов взяты из базы данных Gralis, корпуса Gralis или заимствованы из других источников, преимущественно из Ivić 2001, Lisac 2003 и Peco 1980.

topal ‘теплый’ (восточногерцеговинский). Замена **о** на **е** после сонорного **г** часто встречается в штокавских диалектах (например, в западноштокавском, восточноштокавском, восточнобошняцком): *gròb* < *grèb* ‘могила’, *gròbĭe* – *grèbĭe* ‘кладбище’, *vrábac* > *vrébac* ‘воробей’, *rásti* > *résti* ‘расти’.

В некоторых диалектах (сумартинский чакавский на острове Брач и сучурайский на острове Хвар) носовой **ѣ** перешел вместо **е** в **а** (*jàzik* ‘язык’), а носовой **ѣ** – в **а** (*viknala* ‘крикнула’).⁹⁷

В отдельных штокавских диалектах находим и то, что является характерной чертой древнерусского языка – так называемое **о** с каморой (**ô**), т. е. у-образное произношение, например, *šok* [t^uok], т. е. гласный заднего ряда верхнесреднего подъема. Знак для него **ô** встречается в памятниках лишь с XVI века. Такой звук сохранился в говорах к востоку от Москвы. Существуют различные варианты его произношения: [ô], [u^o], [o^u]. «В сербскохорватском языке, в говорах Лики и Зап. Боснии, встречается нечто подобное, хотя и не совсем тождественное (**ô**). Так, например, А. Пецо отмечает в говорах мусульман (имеется в виду национальное определение – М. М.), т. е. икавцев-шакавцев, на территории от Приедора до Ключа, наличие замены гласного [o] гласным [y]: *ун* (он), *куъ* (конь) и т. п. Бывают также случаи более закрытой артикуляции гласного [o] под ударением. Пецо отмечает: *бѣѣами*, *ѣѣна* (Орляни), *мѣѣ* (Стиена), *Јѣѣшани* (К. Вакуф).⁹⁸ Небезынтересно отметить, что примеры: *куъ*, *ун*, *мѣѣ* показывают полную или усиленную лабиализацию, и в то же время лабиализованный гласный [o] обладал новой акутовой интонацией; в случае *ѣѣна*, так как слово дано без контекста, трудно определить к каким местоимениям относится – к личным или указательным. Если это указательное местоимение, то и тут имеем дело с метатонированным (**о**), на что указывает и ударение (древнее, краткое нисходящее). Во всяком случае, этот вопрос требует дальнейшего разьяснения» (Mulić 1988: 72).

157. Многие фонетические процессы и изменения в литературных вариантах с.-х.-б. не совпадают с фонетическими процессами, имевшими место в диалектах этих языков.

В западноштокавских и восточнобошняцких диалектах (в районе Сплита, у молизских хорватов⁹⁸ и особенно в северных регионах Боснии) наблюдается утрата безударных гласных, в особенности гласного **і**: *udòvca*

⁹⁷ Этот пример влияния македонского встречается в торлакском диалекте (Lisac 2003: 144).

⁹⁸ Молизские хорваты – это этническое меньшинство, проживающее в итальянском регионе Молизе (около 1 700 говорящих). Они переселились в Италию около 1500 года, предположительно из Истрии или из герцеговинского района Неретвы.

< *udovica* 'вдова', *stânca* < *stanica* 'остановка', *kólca* < *kolica* 'телега, карета, инвалидное кресло', *urédla* < *uredila* 'она уладила', *Kàlnovik* < *Kalinovik* (местность в Боснии и Герцеговине). В некоторых случаях выпадает гласный **е**: *Sàrājvo* < *Sàrajevo*. Фонетические изменения более характерны для западнобошняцких, чем для восточнобошняцких диалектов (Lisac 2003: 79). Примеры вокальных элизий можно найти и в других диалектах, например, в говорах Шумадии и Воеводины (*šēnca* 'пшеница' > *pšēnica*), Призрена и Тимока (*zājdnō* 'вместе' < *zājedno*, *gòtvíla* – *gòtovila* 'готовила'). В восточногерцеговинском диалекте отсутствует гласный **і** в императиве, особенно если за позицией гласного следует согласный (*kúpte* < *kúpīte* 'покупать'). В икавских диалектах этот гласный часто отсутствует перед сонорными (*sàkrla* < *sàkrila* 'спрятала', *izgòrlo* < *izgòrilo*/*izgòrjelo* 'сгорел'). Южно-воеводский диалект отличается широким артикуляционным диапазоном, а именно: очень открытым **е** и **о** (*dē'tsq* 'дети', *kō'la* 'телега') и таким же открытым **і** (*Kī'kīenda*, *Mielū'tin*) – см. Ivić 2001: 101. В диалектах г. Смедерево и Вршач короткие гласные **е** и **о** также отличается открытым характером: *čē'kadu* от *čē'kati* 'ждать', *đ'ćeš* от *hi'eti* 'хотеть' (Ivić 2001: 119).

К диалектным явлениям относится также стяжение гласных (контракция, *vokalsko sažimanje*). В некоторых случаях сохраняется второй гласный: *mīsao* > *mīsō* 'мысль', *īšao* > *īšō* 'ушел', *dōšao* > *dōšō* 'пришел', *čūvao* > *čūvō* 'сохранил', *rēkao* > *rēkō* 'сказал', *īmao* > *īmō* 'имел', в других случаях первый гласный вытесняет второй: *īšao* > *īšā* 'ушел', *mōgao* > *mōgā* 'мог', *rēkao* > *rēkā* 'сказал', *vūkao* > *vūkā* 'тянул', *pōsao* > *pōsā* 'работа', *bjēžao* > *bjēžā* 'бежал, -о, -а', *dāvao* > *dāvō* 'дал'. В штокавских диалектах существует тенденция избегать сочетания нескольких гласных подряд, что приводит к стяжению: *trīnaest* > *trīnes*, *trīnajs* 'тринадцать' (гласный не является слогообразующим).

158. Интеркорреляционал. В сербском, хорватском и бошняцком языках имеется одинаковое количество гласных фонем (**а, о, е, і, у**). Во всех трех языках сонорный **г** выполняет вокалические функции (слоγοобразующий **г**).

Существуют исследования, в которых соотносятся сербский и хорватский язык на фонетическом и фонологическом уровнях. Так, МАЙЯ МАРКОВИЧ и ИСИДОРА БЕЛАКОВИЧ провели контрастивный акустический анализ ударных гласных сербского и хорватского языков (Marković/Bjelaković 2008). Предметом исследования послужили записи 19 носителей сербского языка (жителей Нови-Сада, Белграда, Шабца, Лозницы, Ужица и Сербско-го Итебея (Српски Итебеј) и 16 носителей хорватского (проживающих в Загребе, Беловаре, Порече, Риеке и в Граце); кроме того, для анализа были использованы три записи из сербско-хорватско-бошняцкого корпуса Gralis (две из Загреба и одна из Осиека). Авторы также учитывали пол респондентов (одиннадцать женщин и восемь мужчин в сербском корпусе и десять женщин и шесть мужчин в хорватском корпусе). Исследование пока-

зывает, что вокалическая система сербского четко различает гласные **е** и **о** в зависимости от краткого или долгого ударения. «Это различие можно проследить как на примере показателей первых формантов (показатель степени открытия), так и на примере показателей вторых формантов (движение по продольной оси голосового тракта). В хорватском эта тенденция выражена в меньшей степени. Средние показатели первого форманта гласных **е** и **о** в общем совпадают со средними показателями долгих и кратких гласных в сербском. Это свидетельствует о более высокой степени открытия обеих реализаций хорватских гласных **е** и **о** по сравнению с теми же гласными с долгим ударением в сербском, а также о меньшей степени открытия по сравнению с сербскими краткими гласными» (Marković/Bjelaković 2008: 213). Эта пара обладает в хорватском наивысшей степенью централизации из всех гласных. Результаты анализа других гласных, полученные Маркович и Белакович, не позволяют делать выводов о значительных различиях между сербским и хорватским, но, тем не менее, свидетельствуют о некоторых особых тенденциях, характерных для обоих языков: «Гласные **і**, **и** и **а** занимают в исследованном сербском корпусе периферийную позицию по сравнению с хорватским. Что касается гласных **і** и **и**, то эти результаты могут показаться несколько неожиданными, если учитывать данные хорватских источников (например, Bakran 1996: 42–43, 242). Согласно этому исследованию, показатели формантов гласных **і** и **и** хорватского обнаруживают большее сходство с сербскими гласными по сравнению с нашими результатами. Что же касается глубокого гласного **а**, то в этом случае результаты в значительной степени совпадают. Причина различий, возможно, заключается в отсутствии основополагающих и систематических исследований, в которых экспериментальным путем можно было бы обработать данные, полученные от большего количества респондентов.⁹⁹ С другой стороны, полученные результаты не являются неожиданными, если учитывать всю систему вокализма обоих языков. В сербском наблюдается значительная дифференциация средневерхнего переднего гласного **е** и заднего гласного **о**. Смещение гласных **і**, **и** и **а** на периферийную позицию можно рассматривать как логическое следствие этого явления, целью которого является стремление сохранить различия между всеми гласными фонемами, что сказывается как на артикуляции, так и на восприятии» (Marković/Bjelaković 2008: 214).

⁹⁹ ЮРАЙ БАКРАН отмечает, что в контексте вариативности частот формантов в зависимости от консонантного окружения отсутствуют данные исследований хорватского, на которые можно было бы ссылаться. Тот же автор указывает, что влияние ударения и темпа артикуляции являются наименее изученными феноменами акустических характеристик языка и распределения формантов (Bakran 1996: 241)

О фонетико-фонематических различиях между гласными сербского и хорватского языков писал и А. Р. БАГДАСАРОВ (Bagdasarov 2004). Он утверждал, что несовпадения в огласовке фонемы (реже – в двух фонемах) обусловлены сложным и не вполне единообразным протеканием фонетических процессов, а также особенностями вхождения и адаптации иноязычной лексики, включая слова церковнославянского языка (Bagdasarov 2004: 50). В звуковой оболочке слов, совпадающих по своему лексическому значению, наличествуют два вида явлений: «К первым относятся системные фонетические различия в народных говорах, закреплённые орфоэпией и орфографией. В Хорватии и Сербии существуют две литературные произносительные нормы: иекавская (*djèd, rijéka*,¹⁰⁰ *đŕo, razlijévati, ìtjecāj, òbiljēžje*) и экавская (*gèg, réka, gèo, razlívatŭi, ŷŭiŭcāj, obèlèžje*). Различия между ними обусловлены континуантами (рефлексами) древнеславянского гласного [ě], а также своеобразием акцентуации. В Хорватии утвердилась иекавская произносительная норма, а в Сербии – экавская и иекавская (в юго-западных говорах Сербии) с преобладанием и предпочтением первой» (Bagdasarov 2004: 50). А. Р. Багдасаров считает, что иекавское и экавское произношения можно отнести к односторонней маркированности, поскольку лишь Хорватия последовательно придерживается иекавской произносительной нормы, тогда как Сербия имеет двоякую произносительную норму. «Указанные различия охватывают не отдельные, изолированные слова или группу слов, а фонематически обусловленный класс слов» (Bagdasarov 2004: 50). С другой стороны, продолжает автор, выделяются отдельные слова или группы слов с определенными различиями в фонемном составе, в их огласовке, не вытекающими из каких бы то ни было различительных признаков фонематических микросистем хорватского и сербского языков. В качестве примера такого рода расхождений он приводит переходные глаголы несовершенного вида с корнем **-hvat-** (**-хват-**): *dohvaćati, obuhvaćati, prihvaćati, shvaćati, zahvaćati* (хорв.) – *dohvatati, obuhvatati, prihvati, shvati, zahvati* (серб.) и дает следующее толкование: «Различия в огласовке корня этих глаголов сводятся к использованию фонемы [ć] в хорватском языке и фонемы [t] в сербском языке. Однако такого рода расхождения нельзя квалифицировать как фонематически обусловленные, т. к. употребление [ć] в одних конкретных случаях и [t] в других ни в коей мере не обусловлены различиями в инвентаре фонем двух языков. Так, например, фонема [t] в глаголах совершенного вида *nahvatati, pohvatati* употребляется как в сербском, так и в хорватском языках [...]. В хорватском языке встречаем *plaća*, но *sretan*, а в сербском – *ilaća*, но *srećan*» (Bagdasarov 2004: 50). Эти различия автор характеризует как лексически или словообразовательно обусловленные, представляющие собой частичные несовпадения в фонемном составе конкретных слов или группы слов.

¹⁰⁰ Корректным ударением является *rijèka*.

159. Супракорреляционал. Данную систему отношений образуют с.-х.-б., с одной стороны, и словенский, болгарский и македонский – с другой.

К общим чертам южнославянских языков относятся следующие: 1. изменение праславянских сочетаний **ōrt, ōlt** в **rat, lat**: с.-х. *rávan* 'ровный', *rásti* 'расти', *lâkat* 'локоть' (данная черта характерна и для среднесловацких говоров), 2. изменение праславянских сочетаний **tort, tert, tolt, telt** в **trat, trět, tlat, tlět**, с.-х. *vràna* 'ворона', *brìjeg* 'холм', *mlijèko* 'молоко' (эта черта встречается также в чешском и словацком языках), 3. изменение праславянского гласного **ę** в **e**: с.-х. *pêt* 'пять', *dèset* 'десять' (Bošković 1984: 33).

С.-х.-б. относится к вокалическим языкам, благодаря чему он является очень мелодичным. «Сербохорватский язык – красивейший из славянских языков, потому что он обладает исключительным богатством гласных: почти каждый второй звук в потоке речи – это один из пяти гласных **a, e, z, o, u**. При этом светлые гласные (**a, e, i**) появляется намного чаще, чем темные (**o, u**); в сербохорватском также отсутствуют затемненные гласные и группы твердых согласных, которые нередко встречаются в остальных славянских языках. В результате, сербохорватское произношение отличается ясностью и четкостью, нечеткие или проглоченные звуки практически отсутствуют. Гармоничное звучание сербохорватскому придает и музыкальное ударение, которое из всех славянских языков наблюдается только в словенском, хотя и не в такой степени, как в сербохорватском. В целом же музыкальное ударение из всех европейских языков наиболее характерно для сербохорватского» (Rešetar 1922: 7).

Тимофей Форинский пишет, что сербохорватский язык, в противоположность своим соседям – языкам болгарскому и словенскому («словинскому»), не любит глухих, неопределенных звуков, а напротив стремится к отчетливому и ясному произношению гласных. «Эта черта наблюдается почти на всемъ протяжении территории, занимаемой языкомъ (за исключеніемъ Черногоріи и областей, сосѣдящихъ съ болгарскимъ языкомъ) и должна быть признана одной изъ самыхъ характерныхъ особенностей сербохорватскаго вокализма» (Florinskij 1895: 235).

О. Брок констатирует, что сербохорватский вокализм отличается замечательной простотой и ясными артикуляциями и в качестве примера приводит мостарское произношение: «Въ красивомъ мостарскомъ произношеніи извѣстны, въ сущности, въ неударяемомъ какъ въ ударяемомъ положеніи, въ краткихъ какъ и въ долгихъ слогахъ, согласно съ правописаніемъ, лишь пять гласныхъ величинъ: **i e a o u**» (Brok 2010: 79). При всей простоте вокализма, продолжает О. Брок, и сербы и хорваты не вполне лишены возможности наблюдать в своем же языке гласные оттенки, удаляющиеся несколько от «нормальных» типов (Brok 2010: 80).

160. Если в системе с.-х.-б. имеется пять гласных (**а, о, е, і, u**), то в словенском наблюдается восемь с тремя ударениями:¹⁰¹ – долгое (*ostrivec*), которое реализуется при закрытом произношении гласных **е** и **о**, ^ – долгое (*strešica*), которое реализуется при открытом произношении **е** и **о**, и̇ – краткое (*krativec*), которое реализуется при открытом произношении **е** и **о**: (1) **а** – *banána* ‘банан’, *màrš* ‘марш’, (2, 3) открытый и закрытый **е** – *magnét* ‘магнит’, *študènt* ‘студент’, *koncêrt* ‘концерт’, (4) **і**, (5, 6) открытый и закрытый **о** – *lógika* ‘логика’, *otròk* ‘ребенок’, *nôga* ‘нога’, (7) **u** – *minúta* ‘минута’, *kruh* ‘хлеб’ и (8) шва **ə** – *tamà* ‘темнота’¹⁰² (Jenko 2000: 10).¹⁰³ Последний звук («polglasnik») встречается также и в корне (*pàs* ‘собака’, *vàs* ‘весь’, *mâgla* ‘туман’, *čēsən* ‘чеснок’, *brátac* ‘брат’, *têžak* ‘тяжелый’), в родительном двойственного и множественного числа существительных женского рода на **-а** и существительных женского рода на **-о** (*tekma* – *tékam* ‘соревнование, состязание’, *okno* – *ókən/ókən*), в причастиях на **-l** (*nesel* [nesəu] ‘он нес’ (Jenko 2000: 11–12).¹⁰⁴ Как уже было сказано выше, шва существует также в сербских диалектах Призрена и Тимока.

Как и в с.-х.-б., в словенском языке отсутствует редукция безударных гласных.¹⁰⁵ Они короче соответствующих кратких гласных, находящихся

¹⁰¹ Точнее, существуют два долгих ударения (знаки $_$ и $_$) и один краткий ($_$).

¹⁰² «Краткий **ə** во многих словах – это недавний звук. Он появляется как своего рода гласная прокладка внутри сочетаний согласных (шумного и сонорного) или перед таким сочетанием в начале слова: *okrógel* ‘круглый’, *kázen* ‘наказание, штраф, казнь’, *kapitalízem, káder* ‘кадр’, *rdèč* ‘красный’ и т. п.» (Mečkovskaja 1991: 15).

¹⁰³ В словенском литературном языке имеются 7 долгих фонем, в то время как в диалектах количество долгих гласных колеблется от 3 до 16 фонем (Mečkovskaja 1991: 7).

¹⁰⁴ Более подробно о словенском полугласном шва см. Toporišič 1984: 48–52.

¹⁰⁵ Нормами словенского литературного языка не допускается редукция безударных гласных, но зато в значительной части словенских диалектов широко представлены различные формы редукции безударных и кратких ударных гласных: *smo vprašali* [smo vprašal] ‘мы просили’, *sinoči* [snoč] ‘вчера вечером’, *ljubica* [ljubca] ‘возлюбленная’, *nič* [nəč] ‘ничего’, *prosim* [prosəm] ‘пожалуйста’, *drugega* [druzga] ‘другого’ (Plotnikova 1990: 17). Н. Б. Мечковская пишет о наличии редукции кратких гласных, как ударных, так и безударных, и констатирует, что краткий гласный может редуцироваться до ноля звука (*kpil* < *kupīli*), а затем добавляет, что в книжном варианте литературного языка редукции катких гласных нет, в то время как в разговорной литературной речи возможна утрата безударных гласных (Mečkovskaja 191: 7). «В ненормированной словен. речи – в ряде диалектов, в разговорной речи Любляны (*ljubljánska méstna govoríca*) – редукция и нейтрализация гласных могут быть значительными, вплоть до диерезы (выкидки) гласного и последующих ассимиляций согласных» (Mečkovskaja 191: 14). В другом месте она пишет: «В безударном положении гласные испытывают дальнейшую количест-

под ударением (Plotnikova 1977: 297). Для этого языка характерны дифтонгические сочетания гласных с билабиальным **ɸ**: *prav* [pɾaɸ], несвойственные с.-х.-б. Гласный **ə** вместе с согласный **ɾ** образует дифтонг перед согласным: *grd* [gəɾt] 'уродливый'.¹⁰⁶ Сильная позиция для гласных связана не с ударением, а с долготой; краткие гласные, даже будучи под ударением частично нейтрализуются: средне-верхнее и средне-нижнее **e** и **ê**, **o** и **ô** совпадают в средних **e**, **o** (Mečkovskaja 1991: 14).

161. Среди других южнославянских языков шва имеется в болгарском наряду с гласными фонемами **a**, **o**, **e**, **i**, **u**. Болгарский полугласный **ъ** – это нелабиализированный звук среднего ряда и среднего подъема (Bälg. GAN 1982/I: 31), «узкий» (*тесен*) звук – Раšov 1999: 7. Примеры: *дъб* 'дуб', *гълъб* 'голубь', *вѣрба* 'верба', *Александър*, *Петър*. Болгарский **ъ** находится между русским **a** и **ы** (Maslov 1982: 44). «Специфическая болгарская фонема /ъ/ (в *ъглов*, *дъб*, *път*, *аслъ*) – как особый гласный звук смешанного ряда среднего подъема („средний“ между /a/ и русским /ы/). Язык при произнесении ударенного [ъ] оттянут назад, а кончик его немного приподнят (почти до уровня верхнего края нижних зубов); губы образуют довольно узкую щель, близкую к той, что образуется при /и/ или русском /ы/» (Maslov 1981: 36). В некоторых редких случаях **ъ** может находиться в начальной позиции, как в слове *ъгъл* 'угол' и его дериватах, а также в заимствованиях из английского.

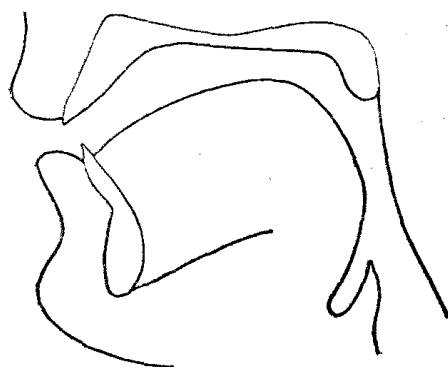

Рис. 15. Болгарский гласный **ъ** (Bälg. GAN 1982/I: 39)

венную и артикуляционную редукцию, однако все же нейтрализации аллофонов не происходит и, следовательно, различительные возможности безударных гласных не уменьшаются» (Mečkovskaja 191: 14). Этот автор упоминает также аканье (*atràk < otròk*, *nasaté < neseté*), иканье (*pičĭ < pečĭ*) и уканье (*bugàt < bogàt*).

¹⁰⁶ Дифтонги присущи большинству словенских диалектов, а их монофтонгизация – явление более позднее и редкое, однако для словенского литературного языка, а также для центральных горенских диалектов, характерно именно отсутствие дифтонгов (Mečkovskaja 1991: 7).

При артикуляции болгарского шва язык принимает такое же положение, как и во время артикуляции гласного **а**, но при этом слегка приподнимается к небу (Pašov/Pärvev/Radeva 1986: 20).

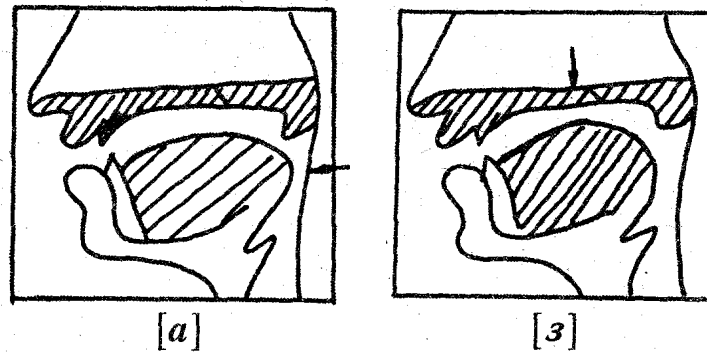

Рис. 16. Артикуляция болгарских гласных **а** и **ъ** (э) – Kārlova 1997: 112

Показатели первого форманта: 450 – 500 Hz, второго: 1200 – 1300, третьего: 2200 Hz (Bālg. GAN 1982/I: 40).

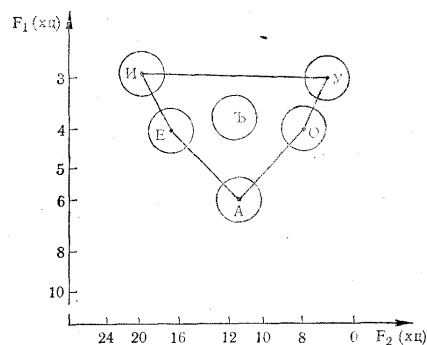

Рис. 17. Первый и второй формант болгарских гласных (Bālg. GAN 1982/I: 33)

По своей длительности болгарские гласные не разделяются на краткие и долгие, как в с.-х.-б., так как они всегда одинаково кратки, как в русском и польском (Andrejčín 1949: 21–22). Зато различаются широкие и узкие гласные: «Широкие гласные – это **е, а, о, я** узкие – **и, ъ, у**. Каждому широкому гласному соответствует узкий гласный, имеющий приблизительно то же место образования (подъем языка), но с меньшим раскрытием рта. Таковы соотношения между **е** и **и**, между **а** и **ъ** и между **о** и **у**» (Andrejčín 1949: 22).

В болгарском языке гласные **и, е**, в отличие от с.-х.-б., подвергаются редукции в безударном положении. В такой позиции **а** и **ъ** (э) значительно сближаются в артикуляции. «Специфическая для современного болгарского литературного языка фонема /ъ/ в ударной позиции соотносится с

ударным вариантом фонемы /a/ так же, как ударные варианты фонем /i/ и /u/ коррелируют соответственно с ударными вариантами фонем /e/ и /o/ – по степени подъема языка. В безударной позиции различие соотносимых пар /i/ – /e/, /ɤ/ – /a/, /u/ – /o/ практически нейтрализуется. Такой вид произношения называется в болгарской фонетике „редукцией безударных гласных“. Болгары из восточной Болгарии произносят в безударной позиции /a/ как /ɤ/, /e/ как /i/, /o/ как /u/. Болгары из западной части страны произносят безударные варианты фонем /e/, /a/, /o/ не в такой степени редуцированно, но артикуляция гласных /i/, /ɤ/, /u/ более открыта, с меньшим подъемом языка, вследствие чего и болгары из западной Болгарии не разграничивают фонетически /a/ и /ɤ/, /e/ и /i/, /o/ и /u/ в безударных позициях. Однако нормы болгарского радио и нормы сценического произношения требуют разграничения этих гласных и в безударных позициях. Дифференциация подкрепляется и болгарским правописанием, опирающимся при передаче на письме гласных фонем на этимологический принцип, напр., *бели* ‘беды’ и *били* ‘были’, *руга* ‘ругал’ и *рога* ‘рога’» (Kotova 1977: 220).

Ю. С. Маслов указывает на одно различие между болгарским и русским произношением: «Фонемы /e/ (в *это* и после „полумягких“ в *дело, добре*) и /o/ (в *охкам, топ, ухó*) – как гласные среднего подъема, произносимые „однородно“, без дифтонгоидности, характеризующей русское /э/ после мягкого и русское /о/ после любого согласного. При этом ударенное [o] звучит чуть закрытее, уже, чем в русском» (Maslov 1981: 36). В болгарском редукция гласных зависит от стиля: при полном произношении («пыльный стиль») гласный произносится четко, в то время как в разговорной речи («разговорный стиль») наблюдается значительная редукция безударных гласных (Maslov 1982: 45).¹⁰⁷ «В „полном“ стиле, т. е. при медленном

¹⁰⁷ «Важной особенностью болгарских гласных в безударной позиции является изменение тембра звука, которое проявляется в движении открытых гласных в сторону закрытых и в меньшей степени в движении закрытых гласных в сторону открытых. Различные гласные разным способом реагируют на эту общую тенденцию. Наиболее ярко изменение тембра выражено у гласных [a, ɤ], более слабые изменения наблюдаются у гласных [o, y], а меньше всего подвержены изменению тембра гласные [e, i] в стандартном варианте произношения. Если принять во внимание, что изменение тембра проявляется в разной степени интенсивности в зависимости от позиции безударного гласного, можно утверждать, что болгарскую речь отличает исключительное богатство тембров.

Все гласные в безударной позиции могут претерпевать два типа изменений, которые в фонетике обозначаются как количественная или качественная редукция.

Под качественной редукцией подразумевается изменение характера тембра гласного и сближение или полное совпадение этого гласного с другим гласным того же артикуляционного ряда. С точки зрения артикуляции, такое изменение сравнимо с изменением положения голосового канала, которое создает условия

темпе речи и тщательном произношении каждого слова, например, в публичной лекции, докладе, в образцовой речи учителя в классе, при чтении стихов, а также при пении допускается лишь сравнительно небольшая степень редукции. В частности, /и/ в неударенном слоге (*пирбѣн, мироглѣд, хѣдим*) звучит несколько открытее, /е/ (*селѣ, деловѣт, дѣгнем*) несколько отодвигается назад, /а/ (*барѣт, даровѣт, ѣмам*) также отодвигается назад и получает несколько более высокое образование, особенно в заударном слоге, /ъ/ (*рѣка, рѣковѣден, стѣльт*), наоборот, получает более низкое образование, /о/ (*богѣт, богатѣя, сѣло*) – несколько более закрытый характер, особенно в заударном слоге, а /у/ (*дубѣр, будалѣ, нѣму*) несколько открывается. Таким образом, оказываются несколько сближенными фонетические реализации фонем /а/ и /ъ/, в меньшей степени – также фонем /о/ и /у/» (Maslov 1981: 36–37).

Что касается разговорного стиля, т. е. стиля неофициальной, непринужденной речи, Ю. С. Маслов отмечает (особенно при быстром темпе и небрежном произношении) довольно сильную степень редукции неударенных гласных, приводящей к нейтрализации противопоставления фонем а и ѣ и к очень сильному сближению фонетических реализаций, а в речи многих носителей литературного языка даже и к нейтрализации противопоставления фонем о и у. «В разговорном стиле наблюдается также некоторое сближение фонетических реализаций фонем /и/ и /е/, но – кроме случаев сильной диалектной окрашенности – полного их совпадения не происходит» (Maslov 1981: 36–37).

162. Македонский язык, как и с.-х.-б., относится к вокалическим славянским языкам, обладающим слабо выраженным консонантизмом.

Сербские гласные, которые являются типичными средними фонемами, оказываются менее верхними по сравнению с македонскими (Punišić/Savička 2007: 560). В македонском языке, как и в с.-х.-б., гласные звуки в безударных позициях не подвергаются редукции. «В безударных слогах противопоставляется не меньшее число гласных, чем в ударных, поэтому в македонском литературном языке все позиции для гласных а, о, у, и, е являются позициями максимальной дифференциации, т. е. сильными позициями. Напр.: *ѣаѣ* ‘путь’, *ѣеѣ* ‘пять’, *ѣоѣ* ‘пот’, *вѣка* ‘кричать’, *вѣка* ‘вот так’, *дѣ века* ‘вечно’, *вѣда* ‘вода’, *водѣница* ‘мельница’, *водѣничари* ‘мельники’, *мѣлко* ‘маленькое’ – *мѣлку* ‘немного’, (*ке*) *вѣди* ‘увидит’ – *вѣде* ‘он увидел’ – *вѣдов* ‘я увидел’ – (*ке*) *вѣдам* ‘увижу» (Usikova 2003: 32).

Отсутствующий в литературном с.-х.-б. звук шва (обозначается как ә, т. е. ѣ), или «темный», средний гласный (как его называют в грамматиках македонского языка), функционирует во многих македонских говорах как

для образования нового тембра [...] Качественная редукция напрямую зависит от характера ударения» (Bojadžiev/Tilkov 1999: 81).

фонема, а также в художественной литературе (как архаизм), например, *ж'її* [žăt], лит. *жолїї* 'желтый',¹⁰⁸ в то время как в литературном языке выступает лишь в позиции неслогового призвуча перед слоогообразующим **г** (и обозначается как **ђ**), поэтому не является фонемой стандартного языка (Usikova 1977: 336, 2003: 31–32, Hill 2002: 299). В литературном македонском языке этот гласный регулярно появляется только в соединении с согласным **г** (Usikova 2003: 31). Как самостоятельный полногласный звук **ђ**, под ударением и вне ударного слога, факультативно возможен вместо **а** в некоторых заимствованиях из турецкого (*к'смет* [kăsmet] = *касмет* [kăsmet] 'удача, счастье'), а также в диалектных словах и в субстандарте, однако он не противопоставлен **а** и не имеет смысловозначительной функции (Usikova 2003: 31).

163. Суперкорреляционал. Гласные с.-х.-б. входят в две суперкорреляционные системы славянских языков – восточную и западную. К первой относятся отношения между сербским, хорватским и бошняцким и восточнославянскими языками: русским, украинским и белорусским, второй принадлежат отношения между сербским, хорватским и бошняцким и западнославянскими языками – польским, чешским, словацким и лужицко-сербским.

164. Что касается первого корреляционала, система вокализма восточнославянских языков (русского, белорусского и украинского) восходит к системе вокализма древнерусского языка. Общим является то, что эти языки имеют шесть гласных: **а, е, і, о, у, у**. В их произнесении наблюдаются определенные оттенки: «С точки зрения положения губ при артикуляции во всех трех языках гласные **о** и **у** противопоставляются остальным гласным, при первых губы сближаются, образуя вход в ротовую полость [...] С точки зрения положения языка при артикуляции русские гласные **и, э**, украинские **і, е** и белорусские **і, э** называются гласными переднего ряда (передними), так как спинка языка продвигается вперед и кверху, а его кончик лежит внизу у передних зубов. В связи с этим гласные **о, у, ы** (в русском и белорусском языках) и **о, у** (в украинском языке) называются гласными заднего ряда (задними), ибо при их артикуляции поднятая кверху спинка языка оттянута назад. В украинском литературном языке к передним гласным непосредственно примыкает **и** (никогда не допускающий перед собой мягкого согласного), стоящий на грани между передним и средним рядом. По степени поднятия языка, по степени открытости или закрытости рта (узости) восточнославянские гласные не имеют однообразия. Оно также нарушается особым местом украинского звука **и** [...] Закрытыми или узкими гласными являются **и** (в украинской и белорусской графике **і**), **у** и **ы** (только в русском и белорусском языках) [...] Гласный **а**

¹⁰⁸ Кроме того, он используется в названиях согласных букв, например, **бђ, вђ, гђ, дђ** и т. д. (Hill 2002: 299).

во всех трех языках наиболее открытый гласный заднего ряда, низкого подъема, негубной. Гласные высокого подъема (узкие или закрытые) во всех трех языках практически противостоят гласным более открытым или широким. Об этом свидетельствует невозможность чередований **а : и** (украинское и белорусское **і**), **а : ы** (украинское **и**), **а : у**» (Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: 34).

165. Исключительно восточнославянским чертами является 1. нормальное развитие полугласных **ъ > о**, **ь > е** в позиции перед праславянскими сонантами **г** и **л**: рус. *горло*, *зерно*; 2. специфическое развитие праславянских сочетаний **tort**, **tert**, **tolt**, **telt**, которые только в этих языках изменились в сочетания **torot**, **teret**, **tolol** (восточнославянское полногласие): рус. *ворона*, *берег*, *молоко*; 3. специфическое развитие сочетания **je** (**je**) в начале слова: **je** (**je**) > о, рус. *один* < *jedinъ*, *озеро* < *jezero*, *Олена* < *Jelena*, с исключениями типа рус. *едва* (Bošković 1984: 33).

166. Сербский, хорватский и бошняцкий отличаются от русского языка на типологическом уровне: первые относятся к вокалическим языками, второй – к консонантным. В русском языке консонантизм имеет ведущую роль, вокализм же подчиненную: участие гласных в структуре слога и слова в с.-х.-б. значительно большее, чем в русском (Terzić 2003: 46). «В сербском языке намного чаще встречаются слоги, оканчивающиеся на гласный, чем на согласный. К тому же сербский язык избегает многих групп, особенно в начале и в конце слова, в то время как в русском языке часто появляются многочисленные группы согласных в слове. Информационная нагрузка согласных и гласных ударных и безударных слогов в сербском гораздо гармоничнее распределена, чем в русском. Этому в значительной степени способствует мелодическая природа сербского ударения, довольно сильная напряженность и четкость гласных в неударных слогах. Сербские гласные во всех позициях в слове очень ясны, стабильны, одинаковы, тонически чисты. Кроме того, различительные возможности вокалических фонем в сербском языке, если в словах учитывать просодические дистинктивные признаки (т. е. дистинктивные признаки подударных гласных, а также длину и краткость безударных), значительно большее, чем у русских. Все это указывает на большую частоту гласных в структуре слога и слова в сербском языке, в отличие от русского, в котором господствующей является консонантная структура слова» (Terzić 2003: 46).

Если считать гласный **у** (**і**, графически **ы**) фонемой (некоторые называют его аллофоном), то в русском языке имеется на одну фонему больше, чем в с.-х.-б.

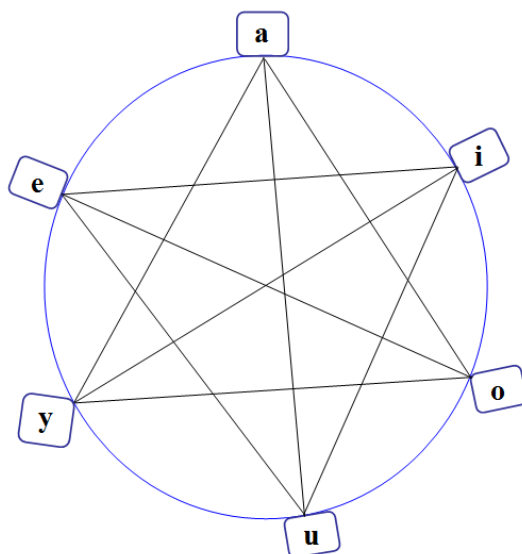

Рис. 18. Корреляционное кольцо русских гласных

Произношение гласных с.-х.-б. и русского языков почти совпадает в подударных слогах, но сильно отличаются в безударных позициях. Так как в с.-х.-б. отсутствует редукция,¹⁰⁹ безударные гласные произносятся одинаково отчетливо как в ударном, так и в безударном положении.¹¹⁰

Гласные с.-х.-б. отличаются большей стабильностью и не зависят так сильно, как в русском от позиции в слоге и фонетического окружения.¹¹¹ Поэтому в с.-х.-б. является не таким существенным различие сильных и

¹⁰⁹ Это отмечается в ряде источников. Ср.: «Сербскохорватские гласные в ударном положении, в отличие от русских, изменяющих свое качество, сохраняют качество до конца звучания» (Leonova 1988: 15).

¹¹⁰ Эта особенность (отсутствие редукции безударных гласных является для русскоговорящих значительной трудностью в овладении произношением с.-х.-б., поэтому при чтении текстов необходимо помнить, что «в сербохорватском языке в отличие от русского: а) нет редукции безударных гласных, т. е. все гласные звуки произносятся одинаково отчетливо как в ударном, так и в безударном положениях; б) сербохорватские гласные сохраняют свое качество до конца звучания, в отличие от русского языка, в котором гласные при произношении меняют качество (при произношении *нет* слышим [неат], вместо *дом* – [доам] и т. п.) [...]» (Dmitriev/Safronov 1975: 16).

¹¹¹ «В отличие от русской, в сербской живой речи качество гласного не зависит от его положения в слове. Из этого следует, что не только ударные, но и безударные гласные в потоке сербской речи артикулируются отчетливо. Им присуща напряженность и интенсивность звучания, контрастирующая с редуцированностью и неотчетливостью русских безударных гласных» (Kovaljov 2000: 12).

слабых позиций. «[...] в любой позиции гласная фонема реализуется с максимальным набором дифференциальных признаков. Ср. русское произношение [e] в положении перед твердыми и мягкими согласными: *это* – *эти*, *жест* – *жесть* [e – ê] и серб.-хорв. *ред* и *већ*[e] или в безударном слог: русск. *будем* [budɐm] и серб.-хорв. *будем* [budem]» (Ророва 1986: 24). Важной особенностью гласных с.-х.-б. по отношению к русским является релевантность их просодических свойств – количественных (долготы и краткости) и интонационных (восходящей и нисходящей интонацией), выступающих как дифференциальные признаки самих фонем (об этом см. главу 28 – Ударение). Так как музыкальный (тонический) характер фонемы реализуется лишь в ударном положении, данную фонологическую черту более уместно рассматривать в связи с акцентом и интерпретировать как дифференциальный признак словесной интонации (Ророва 1986: 24).

Отличия между гласными с.-х.-б. и русского языков в основном связаны со степенью их открытости и напряженности – за исключением *i*, русские гласные являются более открытыми и отличаются более напряженной артикуляцией. «[...] более открытый характер по сравнению с русским имеют сербскохорватские гласные [u], [o], [i]. Что касается сербскохорватского [e], то в русском языке есть и более закрытое (в слове *эти*) и более открытое (в слове *этот*). Гласный [a] по своим акустико-артикуляционным особенностям полностью соответствует русскому гласному [a] под ударением» (Ророва 1986: 24).

167. Что касается произношения под ударением, между гласными **а**, **о**, **и** с.-х.-б. и русского нет существенных отличий.¹¹² Есть, конечно, определенные артикуляционные оттенки. Так, при произнесении русского подударного **а** кончик языка находится за нижними зубами, но их не затрагивается, в то время как в с.-х.-б. он прикасается к ним и к альвеолам. Русский **а** является более открытым, чем сербский. Ср. *сам* – *sâm*, *пар* – *pâr*. Различие между русским и сербохорватским **а** состоит в основном в неодинаковом положении языка в горизонтальном направлении (Jazić 1966: 25–26). При артикуляции русского **а** нижняя челюсть больше отодвинута от верхней, язык немножко больше втянут назад, чем у сербского **а** (Terzić 2003: 87).¹¹³

¹¹² Это подчеркивается в ряде источников. Например, РАДОВАН КОШУТИЧ утверждает, что эти гласные произносятся одинакового в обоих языках (Košutić 1969: 24). См. также Leonova 1988: 14.

¹¹³ «[...] въ сербо-хорватскомъ яз. нужно отличать двоякое **а**: 1) соответствующее обще-славянскому **а** и 2) возникшее на мѣстной почвѣ, по отдѣленіи языка отъ общаго корня. Последнее **а**, в отличіе отъ обще-славянскаго называютъ вторичнымъ (секундарнымъ)» – Florinskij 1895: 252). Как и в других славянских языках, **а** может быть удлинением первичного **а** при образовании глаголов многократного вида (*bádati*, *razgovórati*, *pomógati*, *zálámati*, *pootváрати*) и при

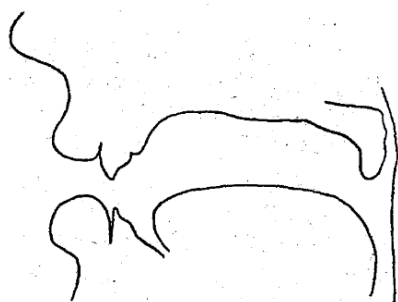

Рис. 19. Артикуляция русского основного гласного **а** (Jazić 1966: 26)

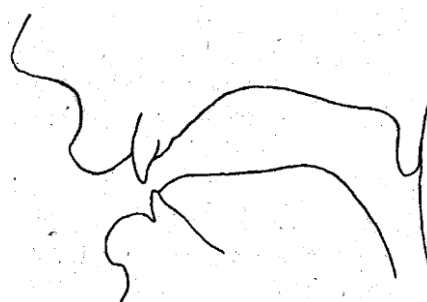

Рис. 20. Артикуляция сербохорватского гласного **а** (Jazić 1966: 26)

Русский **о** отличается более открытым произношением и большей лабиализацией, чем в с.-х.-б. «Сербохорватский [o] является несколько менее огубленным звуком и более закрытым, чем русский [o]: задняя часть спинки языка при произнесении сербохорватского [o] больше поднята к мягкому небу, чем при произнесении русского [o]» (Zenčuk i dr. 1986: 13). По положению языка русский **о** довольно близок к сербскому **и**, поэтому русский **о** носители сербского языка достаточно с трудом усваивают: «Ошибки являются двойными: а) произношение [o] отождествляется с сербским [o] или б) переходный лабиальный элемент (призвук) гласного [y] в начале артикуляции до перехода к открытому [o] усиливается, и произнесение гласного [o] превращается в дифтонг (двойной звук) [yo]» (Terzić 2003: 90).¹¹⁴

Рис. 21. Артикуляция русского основного гласного **о** (Jazić 1966: 26)

Рис. 22. Артикуляция сербохорватского гласного **о** (Jazić 1966: 26)

перестановке в сочетании **tort**: *zlâto, grâd* (Florinskij 1895: 253–254). С. М. Кульбакин утверждает, что современное **а** на месте праславянских **ѣ** и **ь** впервые появляется в памятниках XIV в. (Kuljbakin 1917: 21).

¹¹⁴ Кроме соответствия общеславянскому **о** этот гласный может иметь значение вторичного (секундарного) гласного (Florinskij 1895: 254). «В этомъ отношении особенно характерна вокализация согласного **л**, стоявшаго послѣ гласнаго и заканчивавшаго собою слогъ» (Florinskij 1895: 254). О вокализации см. главу 15.

Русский **u** является более закрытым, чем с.-х.-б.,¹¹⁵ а губы больше вытянуты и округлены. Гласный с.-х.-б. менее огублен, задняя часть спинки языка в меньшей степени поднимается к мягкому небу, ср. *лук* – *lŭk* ‘овощ лук’ и *lŭk* ‘оружие в виде гибкой дуги для метания стрел’ (ср. *lŭk* и *stréla|strijèla*).¹¹⁶

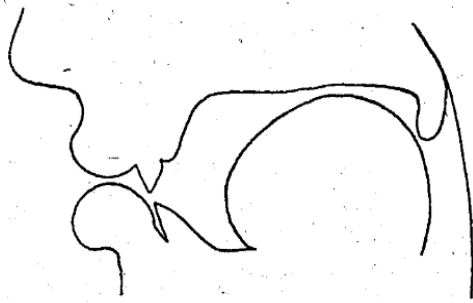

Рис. 23. Артикуляция русского основного гласного **u** (Jazić 1966: 26)

Рис. 24. Артикуляция сербохорватского гласного **u** (Jazić 1966: 26)

Гласный **e** в русском отличается более открытым произношением, чем соответствующий гласный с.-х.-б. в начале слога и после твердых согласных. Ср. *эра* – *éra*, *цех* – *cěh* ‘гильдия; счет’.¹¹⁷ При произнесении русского **e** угол между верхней и нижней челюстью больше, чем в сербском, фонационная струя в основном направлена к альвеолам и переднему небу, у сербского **e** – к ротовому отверстию (Terzić 2003: 87).¹¹⁸

¹¹⁵ «И этот гласный, как и [и], является в русском языке немножко закрытым по отношению к соответствующему гласному в сербохорватском языке» (Jazić 1966: 22).

¹¹⁶ См. также Zenčuk i dr. 1986: 13.

¹¹⁷ Это отмечается и другими авторами: «Гласный **e** близок русскому **e** в словах *свейш*, *йена*. Он уже, чем *э* в русских сочетаниях *из этого*, в *это* и т. п.» (Gudkov 1969: 11). «Сербохорватский гласный [e] близок по произношению русскому [э] в начале слова (*это*, *эра*, *эхо*), но несколько более закрытый: *ёйшо* ‘вот’, *эра*, *ёхо*» (Zenčuk i dr. 1986: 17). «Произношение звука [e] близко к произношению русского [э] под ударением в начале слова (*эпос*, *этот*, *эхо*) или в ударном положении после согласных **ж**, **ц**, **ш** (*жердь*, *цель*, *шерсть*)» (Leonova 1988: 14). «Гласный „e“ по произношению соответствует русскому [э] в начале слова (например, *это*, *эй*) или после согласных [ц], [ж], [ш] (например, *цена*, *цел*, *жесл*, *шесл*)» (Dmitrijev/Safronov 1975: 10). «Гласный **e** в хорватском языке произносится как русское *э* в начале слова (*это*, *эра*), а *ije* как русское *ие* (*svijet* – *свиётш*, *snijeg* – *сниётш*, *mlijeko* – *млико*)» (Bagdasarov 2006: 13).

¹¹⁸ Тимофей Флоринский пишет, что гласный **e** «имеет в сербо-хорватскомъ языкѣ твердый выговоръ и соотвѣтствуетъ старо-сл. **ѣ**: *жена*, *Боже*, *землях*, *пече*, *иде* и т. д.» (Florinskij 1895: 254). Независимо от общеславянского значения, про-

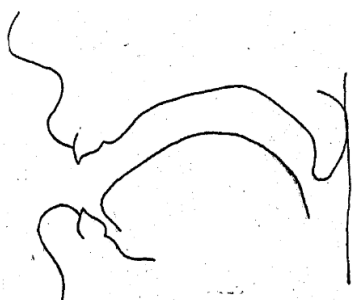

Рис. 25. Артикуляция русского открытого гласного *о* [ɔ] (Jazić 1966: 26)

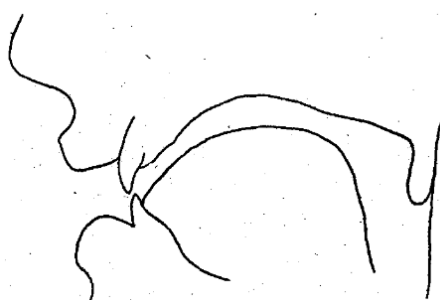

Рис. 26. Артикуляция сербохорватского гласного *о* (Jazić 1966: 26)

Гласный *и* в с.-х.-б. отличается более широким произношением (русский гласный более закрыт, так как язык поднимается к твердому небу). Ср. *ѣме – ѣмя*.¹¹⁹ Радован Кошутич указывает на то, что русское подударное *и* в начале слова произносится как «наше *и*» за исключением местоименных форм *ѣх, ѣм, ѣми*, в которых начальное *и* обычно произносится как *ји*: *јиh, јѣм, јѣм и (јѣм'и)* – Košutić 1969: 23. Он делает такое уточнение: «Наше *и* вообще кажется более низким и широким, чем русское *и*, т. е. при произнесении нашего *и* язык находится немножко ниже [...], поэтому и звук является более широким из-за более широкого пространства между небом и языком» (Košutić 1969: 23). В. Бородинский пишет, что «гласный *и* сербского языка воспринимается слухом как звук средний между *ы* и *и*, но без того нюанса *э*, который наблюдается в малорусском *и* (*ы*); это различие нюансов указывает, что сербское *и* обладает меньшей открытостью, чем малорусское» (Bogorodickij 1912: 204). Тимофей Флоринский констатирует, что гласный *и* соответствует не только старославянскому *и*, но и *ы*. «Вездѣ, гдѣ въ старо-славянскомъ, русскомъ и польскомъ языкахъ необходимо широкое *ы* (польск. *у*), вмѣсто него въ сербо-хорватскомъ (во

должает автор, *е* заменяет старославянское *ѣ* (*имѣ*) и подобно *а* может играть роль секундарного звука, служащего для вокализации окончания: *jeste* (и *jest*), *dobrome* (дат./пр. п.), *time, njome, tobome, sobome*.

¹¹⁹ Об этом пишут и другие авторы: «Русское *и* является по отношению к соответствующему сербохорватскому звуку немного закрытым, потому что при его произношении язык больше поднимается к твердому небу и края языка прикасаются со стороны к нему на более широкой плоскости» (Jazić 1966: 22). «Гласный *и* несколько шире русского» (Gudkov 1969: 11) «Звук [и] более открытый, чем русский [и], т. е. произносится с несколько меньшим подъемом языка» (Dmitrijev/Safronov 1975: 10). «Сербохорватский гласный [и] является более открытым, чем соответствующий русский гласный, то есть произносится с несколько меньшим подъемом языка: *и, ѣва, ѣюр*» (Zenčuk i dr. 1986: 17). «Звук [и] произносится более открыто, с несколько меньшим подъемом языка, чем русский [и]» (Leonova 1988: 14).

всѣхъ говорахъ) слышно узкое **и**; напр.: *би ѿи* (быти), *ри ѿи*, *бисѿар*, *риба*, *висок*, *ки да ѿи*, *ми ѿи*, *ѿи ѿа ѿи*, *мисао*, *ми*, *ѿи* (ты) – Florinskij 1895: 256.

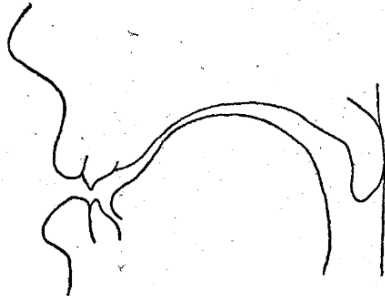

Рис. 27. Артикуляция русского основного гласного **i** (Jazić 1966: 26)

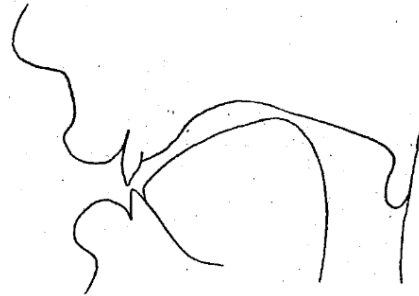

Рис. 28. Артикуляция сербохорватского гласного **i** (Jazić 1966: 26)

Джордже Язич констатирует, что **i** и **у** в русском языке в начале слова и после твердых согласных являются более закрытыми, а **е** и **о** более открытыми, чем в с.-х.-б. (Jazić 1966: 25).

По отношению к с.-х.-б. самое больше артикуляционное своеобразие составляет русский гласный **у**, обозначаемый графемой **ы**.¹²⁰ Он отсутствует в с.-х.-б., и в этимологически тождественных словах вместо него появляется **i**: *tí* 'ты', *bíla* 'была'. При его артикуляции задняя часть языка поднимается к среднему небу, кончик языка не касается нижних зубов, а поднимается вверх (*быт*, *быть*, *мыло*, *улицы*, *шить*). От **i** он отличается тем, что при произношении **i** язык выше поднимается к твердому небу, а от **у** тем, что при произношении **у** язык ниже находится и больше вытянут вперед (ср. *быть*, *быт*, *мыло*, *улицы*, *шить*).¹²¹ Трудность при овладении произношением этого гласного носителями с.-х.-б. Александр Терзич находит

¹²⁰ Одним из первых на это указывал РАДОВАН КОШУТИЧ, который отмечал в частности, что данный гласный «сильно отличается от нашего **и**: губы немного открыты как при произношении **и**, но язык сгибается в лук, так что он своей серединой приближается к крайней задней части твердого неба» (Košutić 1969: 12).

¹²¹ В отличие от русского языка после приставок, предлогов на согласный и союза **i**, стоящего после слова на согласный, в с.-х.-б. произносится **i**, не **у**: *bèžidejnī* 'безыдейный', *bèžimen* 'безымянный', *ĭvan i Ana, drúg i brăt* (Zenčuk i dr. 1986: 17). Но и в древнем языке сербов, хорватов и бошняков существовал этот гласный, о чем свидетельствуют латинские источники, в которых **у** передается буквой **u**: *Dobromuslo* (корень **мысль**): «В памятниках XII века написание **ы** сохраняется, но уже в Мирославлевом евангелии последовательно буквой **и** замещается **ы** в сочетаниях **гы**, **кы**, **хы** – **ги**, **ки**, **хи**. В грамоте бана Кулина (1189 г.) **i** пишется и после зубных – *дъвадесети*» (Porova 1986: 34).

в отсутствии в этом языке фонологической оппозиции твердых и мягких согласных, соответственно и оппозиции **i** – **y** (Terzić 2003: 91).¹²²

В славянских языках наблюдаются следующие общие тенденции в развитии гласного **y**: 1) он не сохранился ни в одном славянском языке во всех позициях праславянского языка, 2) дольше всего сохраняли его и сохранили те языки, в которых праславянская оппозиция по твердости/мягкости развилась в фонологическое отношение (русский, польский, лужицкосербский), 3. в некоторых языках **y** стал дифтонгом (чешский и полабский языки) – Vošković 2003: 50. Он имеется в русском, польском, белорусском и в лужицкосербском, в то время как в украинском **y** и **i** слились в один звук, обозначаемый буквой **и**. В чешском и словацком на месте **y** образовался гласный **i**.

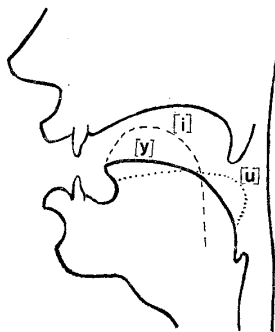

Рис. 29. Артикуляция русских гласных **y** (ы), **i**, **u** (Tošović 1988: 15)

168. По отношению к русскому с.-х.-б. отличается особой заменой редуцированных переднего ряда **ь** и заднего ряда **ъ** в сильной позиции (в слабой они утратились уже к XI в.), так как на месте обоих оказался один гласный – это **a**¹²³, в то время как в русском **ь** дал **е**, а **ъ** – **о**: **сѣнь** – *sàn* – сон, **дѣнь** – *dân* – день.

169. Произношение русских безударных гласных сильно отличается от соответствующих в с.-х.-б. тем, что они подвергаются (1) слабой редукции в форме так наз. первой степени редукции или же (2) сильной в форме второй степени.¹²⁴ Первая степень встречается в безударных гласных перед

¹²² Это толкование является не совсем корректным, так как твердые и мягкие согласные **l** и **ḷ**, **n** и **ṇ**, **ʒ** и **ʒ̣**, **ʦ** и **ʦ̣** образуют в с.-х.-б. пары по этому признаку (см. главу 18 – Согласные).

¹²³ Утрате редуцированных переднего и заднего ряда в слабой позиции предшествовало их совпадение в сильной позиции в одном звуке.

¹²⁴ Это отмечается и другими авторами: Так, В. П. Гудков констатирует, что сербохорватские гласные, находящиеся в безударном слоге, не изменяют своего качества: «Напр., в словах *около* ‘вокруг’, *непонослив* ‘невыносимый’, *поверёне*

ударным слогом и в начале слова: *вода́* [vǎdá], *она́* [ǎná]. Вторая степень реализуется во всех остальных позициях: *сковорода́* [skǔvǔrǎdá]. В с.-х.-б. отсутствует аканье, типичное для русского языка – совпадение в безударном слоге **а** и **о** в одном звуке: ударному **о** в безударном слоге соответствует **а** или звук, близкий к **а**. Такое произношение характерно для русского литературного языка и южно-русских говоров. Русские безударные гласные **а** и **о** произносятся одинаково: в предударном слоге как краткое **а** (ǎ), а во всех остальных безударных позициях – как очень краткое **а**, близкое краткому **и** (обычно обозначается ъ). В слове *поле* звук **о** находится перед ударением и звучит почти как и в с.-х.-б. В форме *поля́* гласный **о** находится перед ударением (первая степень редукции), его артикуляция является менее напряженной, губы не вытянуты, не округляются, а ослаблены. Этот звук произносится подобно **а**, но более закрыто. В слове *полевой* гласный **о** (на втором слоге после ударения) произносится как очень краткий **а** (ъ). Такой же случай и с произношением **о** и **а** в словах *потоло́к* [rǔtǎlók], *сковорода́* [skǔvǔrǎdá], *тарака́н* [tǔrǎkan], *ма́ма* [mamǔ], *ро́вно* [róvnǔ], *са́хар*

‘доверие’ *задово́льство* ‘удовольствие’ гласные **о**, **е** и **а** произносятся во всех слогах ясно и отчетливо. Только **и** в редких случаях ослабляется до полного исчезновения. Напр., *изво́лѣ* вместо *изво́лише*, *ко́лѣ* (в просторечии) вместо *ко́лико* ‘сколько’» (Gudkov 1969: 11–12). Л. В. ЛЕОНОВА пишет: «В то время как безударные гласные с.-х.-б. в такой позиции не теряют своего качества (ср. *polòvina* ‘половина’, *pěrorěz* ‘перочинный нож’, *mǎlina* ‘малина’) – они во всех слогах, ударных и безударных, произносятся четко и внятно – в русском языке ситуация совсем иная: гласные произносятся по-разному в подударных и безударных слогах» (Leonova 1988: 14). В последней позиции, продолжает она, произношение становится менее ясным, мутным, неопределенным (артикуляция изменяется таким образом, что высокие гласные могут понижаться, а низкие – повышаться, гласные заднего ряда могут передвигаться вперед, а переднего ряда отодвигаться назад). Л. В. Леонова обращает внимание и на то, что в произношении русских безударных согласных происходит их сокращение, что называется редукцией и что гласный меньше всего изменяется в предударном слоге и в начале слова, (первая степень редукции). Произношение гласных во всех остальных позициях (кроме, конечно, подударной) отличается более или менее выраженной потерей звонкости и ослаблением интенсивности (вторая степень редукции). «В сербскохорватском языке нет редукции безударных гласных, они произносятся одинаково отчетливо и в ударных и в безударных слогах. В связи с этим следует обратить внимание на недопустимость столь характерного для русского и белорусского языков аканья. Только звук [и] в редких случаях ослабляется до полного исчезновения: разговорная произносительная норма *изво́лѣ* вместо *изво́лише* ‘пожалуйста’ или *ко́лѣ* вм. *ко́лико* ‘сколько’» (Leonova 1988: 14).

Независимость качества гласного от его положения в слове имел в виду и РАДОВАН КОШУТИЧ, писавший, что в отличие от русской сербохорватская фонетика «так проста, ясна и хрустально прозрачна» (цит. по Gudkov 1977: 264).

[sáxъr], *со́кол* [sókы]. В начале слова **а** и **о** произносятся как краткий **а** (**ǎ**): *алма́з* [ǎlmas], *азо́т* [ǎzót], *окно́* [ǎknó], *она́* [ǎná]. Гласный **а**, передаваемый графемой **я**, в предударном слоге и в начале слова произносится как краткое **е**, т. е. произносится между **і** и **е**, поэтому так и обозначается – **і^е**: *язы́к* [jǐ^еzýk], *мясно́й* [m'ǐ^еsnóǐ]. Во второй степени редукции звук, обозначенный буквой **я**, становится еще короче и передается знаком **ь**: *вре́мя* [vr'ém'ь], *рядо́вой* [r'ьdǎvóǐ].

Гласный **е** произносится в первой степени редукции между **і** и **е**: *се́ло* [s'ǐ^еló]. Во второй степени редукции слышится краткое **е**, точнее звук между **і** и **е**: *берего́вой* [b'ьгьǎvóǐ]. После **з**, **ж** и **ш** гласный **е** произносится как **у** и обозначается знаком **у^е**: *же́на* [ʒy^еná], *ше́стой* [ʃy^еstóǐ], *це́на* [tsy^еná].

Безударные согласные **у**, **і**, **у** (**і**) не теряют своего основного качества, а только сокращаются, т. е. произносятся короче и ослабленно. Ср.: *лу́к* [luk], *ки́т* [k'it], *сы́н* [syn] – *рука́* [ruká], *пи́ла* [p'ilá], *бы́ла* [bylá], *урага́н* [urǎgán], *пи́столет* [p'ьstǎlét], *быто́вой* [b'ьtǎvóǐ]. После **з** и **ж** гласный **і** произносится как **у**: *жи́л* [ʒyl], *ши́л* [ʃyl], *ци́рк* [tsyrk].

170. В с.-х.-б. отсутствует явление, типичное для русского языка – переход **е** > **о** после мягкого согласного перед твердым (*тверде́ть* – *тве́рдый*), происходивший вплоть до XVIII в. «Сербскохорватский язык не знает подобного перехода [e] > [o], но в говорах встречается (в частности, это наглядно проявляется в склонении местоимений) результат морфологического воздействия словоформ местоимений указательных, ср.: *ѣо, ово, оно* : *којо* (вм. *које*), *мојо, ѣвојо, својо*; в литературном схр. языке правильно: *мојој, ѣвојој, којој, нашој, вашој* при древнем *моки, твоки, своки, нашен, вашен* (ср. рус. *моей, твоей, своей, нашей, вашей*). И здесь было воздействие *тои, овои*» (Mulić 1988: 65).

171. Особенностью с.-х.-б. состоит и в том, что, кроме гласных фонем, носителями слога может быть в определенных позициях слоговое **г** (**ḡ**), которое произносится с большей длительностью, чем неслоговой. Звук **г** никогда не является в русском языке гласным, поэтому не может образовать слог сам по себе, а также в связи с каким-либо другим согласным; это же касается и **л**, **л'** (Košutić 1969: 24). Под ударением слоговое **ḡ** приобретает и другие особенности ударных гласных: долготу и восходящую или нисходящую интонацию и его характер обусловлен следующими позициями: «1. Начало слова перед согласным: *рва́ње* [ḡvān'e] 'спорт, борьба'. 2. Между двумя согласными или после префиксального гласного перед согласным: *ѣрста́* [pḡst] 'палец, перст', *крва́* [krv] 'кровь', *за́рзати* [zaḡzati] 'заржать'. 3. [ḡ] может также выступать перед **о** < **л**, например, *ѣдо́це* [ḡdoce], наряду с

грьце 'горлышко'» (Ророва 1986: 24).¹²⁵ О своеобразии звука **г** писала и Л. В. ЛЕОНОВА: «Сонорный [p], как уже говорилось, может быть слогаобразующим: – в середине слова в положении между согласными (*врѣи* 'сад', *срк* 'глоток', *сврѣло* 'сверло', *врѣнац* 'первенец'); – в начале слова перед согласными (*рваѣи се* 'бороться', *рѣѣч* 'долото'), причем слоговость в таком положении сохраняется и при прибавлении приставки (*рѣѣи – ѡрѣѣи* 'поржаветь'); – в положении между гласными перед [o], происшедшем из [л] (*грьце* 'горлышко'). Произношение слогового [p] от неслогового отличается более энергичной артикуляцией» (Leonova 1988: 15–16). Т. П. ПОПОВА сопоставляла сербскохорватские и русские слова типа *срв* – *червь*, *skrb* 'забота, опека' – *скорбь*, *vuk* – *волк*, *krv* – *кровь*, *krst* – *крест*, а также *buha* – *блоха*, *suza* – *слеза* и пришла к выводу, что в одних случаях сербскохорватское **г** соответствует русским сочетаниям **ор**, **ер**, а в других – **го**, **ге**; русским же сочетаниям **ол** и соответственно **ло**, **ле** соответствует в сербскохорватском **и** (Ророва 1986: 36). «Известно, что для праславянского языка в первом случае реконструируются слоговые сонанты **г** и **л**, во втором сочетания неслоговых **г** и **л** со слоговыми редуцированными **ь** и **ь**. То есть праславянским слоговым **г** и **л** в русском языке соответствуют сочетания **ор**, **ол** (**ел**), **ер**, а группам **гь**, **гь**, **ль**, **ль** группы **го**, **ге**, **ло**, **ле**. В старославянской графике те и другие сочетания обозначались соединением букв **р** и **л** с **ь** и **ь**, тогда как в древнерусских памятниках в первом случае **ь** и **ь** помещался перед **р** и **л**, во втором – после них: *чьрвь*, но *крвь*. На территории распространения сербскохорватского языка оба эти сочетания дали один и тот же результат» (Ророва 1986: 36–37). Автор констатирует, что на месте **г** и сочетания **г** с редуцированными в сербскохорватском языке развился **г**, а на месте **л** и **ль** (**ь**) через стадию **л** (сейчас такой рефлекс сохранился в некоторых говорах восточной Сербии) и сочетание **лу** (известное также восточносербским говорам) или **оу** (имеется в некоторых говорах Боснии) развился гласный **у**. «Этот рефлекс в центральных штокавских говорах датируется XIV веком. Таким образом, сербскохорватским словам: *врх*, *врѣ*, *сунце*, *ду* соответствуют русские *верх*, *торг*, *солнце*, *долг*, а сербскохорватским *брвно*, *јабука* – *бревно*, *яблоко* (Ророва 1986: 36–37).

¹²⁵ Т. П. ПОПОВА указывает и на то, что слоговое **г** (как и слоговое **л**) возникло, в частности, в результате падения редуцированных в слабой позиции. В. П. Гудков пишет: «Сонорный **р**, находящийся в начале слова перед согласным (кроме **ј**) или внутри слова между согласными, является, подобно гласным, носителем слоговости: *рвач* 'борец', *врѣшина* 'поверхность'. Когда к слогу, начинающемуся слоговым **р**, присоединяется приставка, слоговость **р** сохраняется. В отдельных случаях **р** бывает слоговым и перед гласным **о**, замещающим **л**, напр., *врѣ* 'тер' от *врѣи* 'тереть'» (Gudkov 1977: 264).

П. А. ДМИТРИЕВ и Г. И. САФРОНОВ пишут об особых трудностях при усвоении русскими правильного произношения слогаобразующего **ɾ**¹²⁶ и указывают на то, что чаще всего **ɾ** бывает слогаобразующим в середине слова в положении между согласными (*přst* 'палец', *sřp* 'серп', *vřh* 'верх') и в начале корня перед согласным (*řt* 'мыс', *řďa* 'ржавчина', *řvati se* 'бороться', *pořvati se* 'побороться'), а также в положении перед **o**, произошедшим из **l** (*gřoce* 'горлышко', *řmrō* 'умер', *ōtrō* 'вытер', Dmitriev/Safronov 1975: 13).

172. В с.-х.-б. и русском по-разному преобразовались носовые гласные **ę** и **o** (графически **ѣ, ѡ**).¹²⁷ Носовой **ę** дал в сербском **e**, а в русском **a** (графически **я**): **мѣсо** → *měso* – *мясо*, но зато в обоих языках рефлексом носового **o** является **u**: **зѣбъ** → *zûb* – *зуб*. Что касается замены **o**, существуют и особые случаи в диалектах: «В отдельных, диалектах сербскохорватского языка в данном случае развился гласный **o** (некоторые кайкавские говоры): *рока, зоб* [...] в чакавском диалекте в определенной позиции, а именно после **j, ž, š** или после группы заднеязычный + **l'**, на месте носового выступает гласный **a**: *јазик, жаѡва, ѡчаѡ, ѡрокљаѡ*» (Pорова 1986: 34).

173. Существует еще одно несовпадение: в с.-х.-б. развились новые гласные неполного образования: «Они появлялись в сочетаниях шумного и сонанта после утраты конечных **ъ** и **ь** в слабой позиции. В таком случае сонант приобретал кратковременную слоговость: *jesъ* – *jesъ* – *jesъ* – *jesam*. Точно так же в случаях: *мрѡав* (из *мртвъ*), *седам* (из *седьмъ*), и др. Ср. также: *вѡшар, оѡанъ* – 'ветер', 'огонь'. В ряде случаев секундарный глас-

¹²⁶ «Кроме обычного согласного [p], произносимого так же, как и соответствующий звук русского языка, сербохорватский язык имеет еще [p] слогаобразующий. Положение органов речи при его произношении такое же, как и при произношении обычного [p], однако поверхность соприкосновения языка с альвеолами более широкая, поэтому слогаобразующий [p] отличается более энергичной артикуляцией» (Dmitriev/Safronov 1975: 13).

¹²⁷ На вопрос, были ли в сербо-хорватском языке носовые гласные, Тимофей Флоринский отвечает: если и были, то в самый ранний период жизни сербохорватского языка, о котором собственно говоря ничего не известно; в историческое время «Сербо-Хорваты» уже не знали носовых гласных. «Предположения о томъ, что сербо-хорватскій языкъ, по выдѣленіи из славянскаго праязыка, нѣкоторое время сохранялъ носовые гласные, подтверждается существованіем в современномъ языкѣ ряда словъ, в которыхъ нельзя не видѣть слѣдовъ прежняго носоваго произношенія: *брунчаѡи, ѡнграѡи, жвенчаѡи, клемѡеѡаѡи, менцаѡи* и друг. Если принять это предположеніе, то нужно допустить, что процессъ перехода носовыхъ гласныхъ въ чистые начался очень рано, а къ X–XI ст. онъ уже закончился» (Florinskij 1895: 247). С. М. Кульбакин пишет, что потеря носовых гласных, т. е. их изменение в чистые в сербском языке относится к очень древней эпохе и что в древнейших памятниках это изменение уже налицо (Kuljbakin 1917: 19).

ный **а** развился по аналогии с выше приведенными словами, например: *восак, мозак*» (Porova 1986: 34).

174. У к р а и н с к а я вокалическая система отличается от системы с.-х.-б. и почти совпадает с русской. Для обозначения гласных в украинском имеются следующие гласные буквы: **а, о, е, і, у, и**. Украинской графеме **и** соответствует русский гласный **ы**, а букве **і** – **и**. Особенным произношением отличается гласный, обозначенный графемой **и** (в русском **ы**): «Украинский звук **и** в типическом его произношении является звуком, который стоит на грани степени закрытости и открытости, т. е. промежуточным гласным (средневысокого подъема) по степени приближения языка к верхнему небу» (Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: 34).

Класифікаційна таблиця голосних звуків сучасної української літературної мови

Принципи класифікації		Ряди		
		передній	середній	задній
Ступені підняття спинки язика	високий	[i]		[y]*
			[и]	
	середній		[e]	[o]
	низький			[a]

Рис. 30. Украинская вокальная система (Pluš 2001: 2006)

В литературе высказывается мнение о том, что качественная редукция гласных в безударном положении играет в стандартном варианте украинского языка второстепенную роль по сравнению с другими восточнославянскими языками. «Возникновение, а точнее, результат редукции в значительной степени зависит от позиции безударного гласного в слове и (или) от гласного последующего ударного слога. Безударные [y] и [e] одинаково произносятся в безударной позиции, если они не стоят на конце слова (*мене́* род./вин. п. ед. ч. от *я – ми́не* 3. л. ед. ч. наст. вр. глагола ‘проходить, миновать’). В результате этой нейтрализации произносится [e], [ä] или промежуточный звук между этими гласными, который находится под влиянием следующего за ним ударного гласного, но может также варьироваться в зависимости от региона. Фонема [o] (произносится под ударением как открытый [o]) в безударной позиции может реализовываться как аллофон, закрытый [o] или, в более редких случаях, как [u], если в следующем слоге стоит ударный гласный верхнего подъема ([i], [u]) (*пори́г* ‘порог’; *голубка́*)» (Schweier 2002: 540).

В украинском языке наблюдается незначительное «уканье» – произношение **о** с оттенком **у** перед слогом с **у**: *кожу́х* [ko^uzux], *зо́зу́ля* [zo^uzúl’^u] ‘кукушка’.

175. Белорусская система гласных имеет некоторое своеобразие по отношению к с.-х.-б. и лишь незначительно отличается от русской.¹²⁸

Поднятие языка		По ряду	переднего ряда	среднего ряда	заднего ряда	
		По степени участия губ	нелабиализованные		лабиализованные	
	Высокого подъема (закрытые или узкие)		і		ы	у
	Среднего подъема (открытые или широкие)		э			о
	Низкого подъема (наиболее открытые)				← а →	

Рис. 31: белорусская вокальная система
(Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: 35)

Белорусский язык отличается от с.-х.-б. редукцией безударных гласных (более подробно о количественной и качественной редукции в этом восточнославянском языке см. Andreev 1983). В белорусском действует тенденция к устранению признаков противопоставления безударных гласных в системе среднего и нижнего подъема (Lomtev 1955: 27–28). Гласные **і** (и) и **у** (ы) представляют одну фонему **і** (и), т. е. утрачено различие между этими гласными как разными фонемами (Lomtev 1955: 31).

Как в русском, в белорусском языке наблюдается аканье (произношение неударного **о** как **а**). Но своеобразием белорусского языка является яканье – произношение **о** и **е** как **а** в предударном слоге после мягких согласных: *мядо́вы* ‘медовый’, *вя́сна* ‘весна’ (в остальных безударных позициях произносится **е**: *весна́вы* ‘весенний’).¹²⁹ Таким образом, отличительной

¹²⁸ «Гласные звуки белорусского языка с артикуляционной точки зрения практически не отличаются от гласных русского языка» (Podlužnyj 1980: 28).

¹²⁹ О яканье пишут А. А. Кривницкий и А. И. Подлужный следующее: «Совпадение гласных [о], [е] с гласным [а] по звучанию в неударных слогах после мягких согласных получило название яканья. Яканье характеризует манеру произношения, но в его основе лежит название буквы **я**. В основе литературной устной и письменной речи лежит один определенный тип яканья, свойственный среднебелорусским говорам, но все белорусы якают, хотя по-разному. В литературной речи [о] (ё), [е] переходят в [а] (я), когда ударение передвигается на один слог к концу слова, т. е. в первом предударном слоге из трех звуков [о], [е], [а] возможен только [а] (я): *вё́цер* – *вя́тры*, *вё́сны* – *вя́сна*, *мёд* – *мядо́вы*, *спе́ць* (зреть) – *наспа́ваць* (созревать), *з’я́ва* (явление) – *з’яві́цца* (явиться)» (Krivickij/Podlužnyj 1994: 22).

чертой вокалической системы белорусского языка является аканье или яканье, то есть реализация звуков **о**, **е**, **а** как **а** в безударной позиции и в первом предударном слоге после мягких согласных или звука **ј** (на письме обозначается как **я**): *гóры* – *гара́* ‘горы – гора’; *рэ́кі* – *рака́* ‘реки – река’; *па́ра* – *параво́з* ‘пар – паровоз’; *вёсны* ‘весны’, *веснавы* ‘весенний’ – *вясн* ‘весны’; *ён* – *яго́* ‘он – его’; *яй́ка* – *яё́шн*я ‘яйцо – яичница’ и т. п. (Cychin 2002: 568). Это приводит к тому, что в ударной и в безударной позиции количество гласных фонем значительно различается. «Данный контраст между ударными и безударными слогами отчетливо прослеживается как среди отдельных слов, так и среди их форм, например, *каро́ва* ‘корова’, *бара́вік* ‘белый гриб’, *каля́іна* ‘колея’, *паляце́ў* ‘полетел’, *зялё́ная* ‘зеленая’ и т. п.» (Cychin 2002: 568).

176. Следующая суперкорреляция образуется за счет отношений между гласными с.-х.-б. и гласными западнославянских языков – польского, чешского, словацкого, верхне- и нижнесербского.¹³⁰

177. Если в с.-х.-б. на смену старославянским носовым **ѣ** (**а**) и **ѣ** (**ж**) пришли гласные **е** и **о**, то в п о л ь с к о м оба носовых сохранились и обозначаются графемами **ę** и **ą**.¹³¹ Эти звуки не имеют соответствия не только в с.-х.-б., но отсутствуют и во всех современных славянских языках. Польские носовые гласные артикулируются в двух полостях: ротовой и носовой, и, в отличие от французского (в котором тоже есть носовые гласные), эти артикуляции не вполне синхронны: «Носовой резонанс, возникающий в результате того, что нёбная занавеска опущена, проход в полость носа открыт и воздух проходит через нос, несколько запаздывает по отношению к артикуляции гласного элемента – **е** или **о**. При этом положение языка несколько ниже по сравнению с артикуляцией соответствующих чистых гласных. Носовые гласные проявляют свой носовой резонанс в конце слова или в положении перед щелевыми согласными» (Krotovskaja/Goldberg 1970: 22).¹³² Гласный **ą** полностью сохраняет свой носовой резонанс в кон-

¹³⁰ О западнославянских языках см. Seliščev 2010.

¹³¹ «Произношение гласного [ę] с легким носовым резонансом на конце слова обязательно лишь в образцовой сценической речи. В обычной же разговорной практике здесь произносится звук [ę] с ослабленной назальностью либо вовсе без нее (**е** неносовое). Артикуляционной особенностью польских носовых гласных является несовпадение по времени основной (ротовой) и носовой артикуляции: носовой резонанс начинается с запозданием и длится дольше (асинхроническое произношение). Отмечается также тенденция к дифтонгизации: [ę^u], [o^u]» (Tihomirova 1978: 12).

¹³² Для лучшего усвоения артикуляции носовых гласных предлагается пользоваться зеркалом: «Чтобы научиться правильно артикулировать **ę** (**е** носовое), надо, произнося **е**, как бы приготовиться к произнесению **п**. Наблюдая в зеркале за положением языка, надо следить, чтобы артикуляция не была закончена, то есть

це слов (Krotovskaja/Goldberg 1970: 23).¹³³ Если за носовым гласным следует взрывной или аффрикативный согласный, то носовой гласный распадается на чистый гласный (**o** или **e**) и носовой согласный: *ząb* ‘зуб’, *zęby* ‘зубы’ (Krotovskaja/Goldberg 1970: 42).¹³⁴ В конце слова может находиться **o**, но **e** не в этой позиции нет – вместо него появляется **e** (Seliščev 2010: 297).

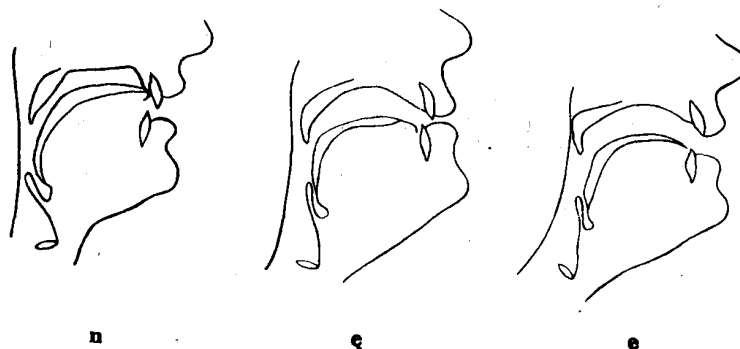

Рис. 32. Произношение польского согласного **n** и носовых гласных **e** и **o** (Karolak/Wasilewska 1977: XVII)

Таким образом, в польском языке – семь гласных, т. е. на два больше, чем в с.-х.-б. Пять из них – **e**, **i**, **a**, **o**, **u** являются самостоятельными фонемами, в то время как **y** – вариант фонемы **i**, выступающий только после твердых согласных (Tihomirova 1978: 12). Гласный **i** в положении после гласного произносится йотированно, что орфографически не отмечается:

чтобы не произошло смыкания передней части языка с верхними зубами. Для облегчения можно упираться кончиком языка в нижние зубы» (Krotovskaja/Goldberg 1970: 22). При артикуляции **o** надо, произнося **o**, подготовиться к артикуляции **n** и следить, чтобы не произошло смыкания. «Если произносить последовательно **o** – **o**, то, наблюдая за собой в зеркале, можно заметить, что при артикуляции **o** нижняя губа немного опускается. Произнося **o** труднее удержаться от смыкания, так как язык должен быть на весу. Поэтому рекомендуется сначала усвоить артикуляцию **e**. Умение произносить один носовой гласный поможет усвоить произношение другого» (Krotovskaja/Goldberg 1970: 22).

¹³³ В подлиннике используются графемы **e** и **a**.

¹³⁴ В другом учебнике даются следующие рекомендации: «Произношению этих звуков надо учиться следующим образом: нужно подготовиться к произношению сочетаний [он], [эн], не давая кончику языка упереться в верхние зубы. Этого лучше всего достигнуть, одновременно придерживая чем-нибудь (например, специальной лопаткой) кончик языка. В результате неносовые **o**, **э** получат носовой резонанс, так как для струи воздуха открыт вход в носовую полость. Этот резонанс ни в коем случае не должен получить звучания согласного **n**, поэтому нельзя допустить, чтобы кончик языка прикасался к верхним зубам. Язык должен быть опущен, лежать за нижними зубами» (Karolak/Wasilewska 1977: XVII).

zaimiek [zajimek] ‘местоимение’; при произношении польского **u** губы более выдвинуты вперед, чем при произношении русского ударяемого **u** (Krotovskaja/Goldberg 1970: 6, 10). Гласный **i** в начале слова не меняет, в отличие от русского языка, своего качества, то есть не произносится как **y** после слов, оканчивающихся на твердый согласный (Krotovskaja/Goldberg 1970: 6, 11). Что касается гласного **y**, он отличается от русского **y** (графически **ы**) в том, что русский гласный – высокого подъема заднего ряда, а польский – передний, занимающий позицию между высоким и средним подъемом (Krotovskaja/Goldberg 1970: 6, 14).

		Vordere Vokale	Hintere Vokale
Enge Öffnung	oral	i/y	u (ó)
Mittlere Öffnung	oral	e	o
	nasal	ɛ	ą
Weite Öffnung	oral	a	

Рис. 33. Польская вокальная система (Laskowski 1979: 10).

Есть одна графическая особенность польского языка **i** по отношению к с.-х.-б **i**: в некоторых случаях польская буква **i** не обозначает никакого гласного, а является просто знаком для обозначения мягкости предшествующего согласного: *napięcie* ‘напряжение’, *odpoczywanie* – ‘отдыхаете’, *porciąg* ‘поезд’, *pojęcie* ‘понятие, представление’, *przecież* ‘ведь’, *życie* ‘жизнь’ (Karolak/Wasilewska 1977: XX–XXI).

Несовпадение между с.-х.-б. и польским заключается и в том, что в польском не различаются долгие и краткие гласные (о них см. Laskowski 1979: 10). По отношению к немецкому наблюдается другое своеобразие: «Ротовые гласные **e**, **a**, **o** произносятся приблизительно как немецкий **e** в слове *Brett* ‘доска’ и *sechs* ‘шесть’, как **a** в *Gast* ‘гость’ и *das* ‘это’, как **o** в *Post* ‘почта’ и *Volk* ‘народ’. Гласный **u** напоминает немецкий **u** в словах *Kupfer* ‘медь’, *Student* ‘студент’; в большинстве случаев он представлен на письме при помощи буквы **u**, за исключением слов, где он чередуется с гласным **o**. [...] В этом случае он передается при помощи буквы **ó** (например, *pokój* [rokiuj] – *pokoje*). Гласные **i** и **y** различаются по артикуляции. Гласный **i** напоминает немецкий **i** в слове *Biene* ‘пчела’ или *dieser* ‘этот’, но произносится кратко; гласный **y** более задний, чем **i**, он произносится с незначительным поднятием языка, его произношение – это нечто среднее между немецким **i** в словах *bitte* ‘пожалуйста’, *Tisch* ‘стол’ и немецким **e** в слове *sechs* ‘шесть’. Гласный **y** встречается только после твердых согласных [...] и никогда в начале слова, гласный **i**, наоборот, встречается только

после мягких согласных и может стоять в начале слова» (Laskowski 1979: 10).¹³⁵

Что касается редукции безударных гласных, она отсутствует, поэтому польский язык ближе к с.-х.-б., чем к русскому языку. Польские гласные произносятся одинаково как под ударением, так и в безударном положении. «Необходимо привыкнуть к четкому (нередуцированному) их произношению. Это касается главным образом звуков **a**, **o**, **e**, которые в русском языке в безударном положении подвергаются значительной редукции» (Karolak/Wasilewska 1977:

По отношению к русскому наблюдаются такие своеобразия: 1. «Буква **y** обозначает звук, по ряду и подъему являющийся промежуточным между гласными [i] и [e] – гласный переднего ряда средне-верхнего подъема, нелабиализованный, неносовой [y]; от русского **ы** этот звук отличается более передним и низким образованием, напр., *syn* ['syn] „сын“» (Tihomirova 1978: 11). 2. Буква **o** означает гласный заднего ряда, средне-нижнего подъема, лабиализованный, неносовой [o], напр., *dom* ['dom] 'дом' и от русского **o** отличается продвинутостью вперед, а также меньшей лабиализацией (Tihomirova 1978: 12).

Особенностью польского произношения является назализация гласных **e**, **o** (**a** + **ns**, **nsz**, **nż**) в заимствованных словах, причем согласный утрачивает свою самостоятельность и превращается в носовой резонанс, а гласные произносятся соответственно как носовые **e**, **o**, **a**: *kwadrans* 'квартал', *romans* 'романтика', *konstytucja* 'конституция', *branża* 'отрасль промышленности', *plansza* 'доска', *nonsens* 'глупость, вздор' (Krotovskaja/Goldberg 1970: 31).

От с.-х.-б. польский язык отличается наличием дифтонгов **au** и **eu**, состоящих из двух гласных – слогового и неслогового.¹³⁶ Существуют два типа дифтонгов – восходящие (у которых слогообразующим является второй гласный) и нисходящие (со слогообразующим первым гласным). Для польского языка характерны только нисходящие дифтонги, встречающиеся в заимствованных словах, в некоторых междометиях или образованных от них слов, напр., *Kaukaz* 'Кавказ', *miauczeć* 'мяукать' (Krotovskaja/Goldberg 1970: 47).

В польском выделяются два полугласных звука – **ĩ** (**j**) и **w**. Артикуляция второго отличается от артикуляции **v** в с.-х.-б.: «При произнесении другого из названных выше звуков воздух проходит в щель между верхней и нижней губой. Этот звук похож на белорусское неслоговое **ў**, однако бе-

¹³⁵ В данном абзаце маркировка приводится в соответствии с маркировками в других абзацах.

¹³⁶ Они не являются дифтонгами, если относятся к разным морфемам, как в слове типа *nauka*.

лорусский звук ближе к гласному [u], чем польский. На письме польский звук обозначается буквой *u*: *mały* [mawu] ‘малый’, *atlas* [atwas] ‘атлас’. Такое произношение характерно для абсолютного большинства поляков. Неслоговой звук [w] можно также встретить в заимствованных словах в составе двойных гласных, где он обозначается знаком *u*: *Europa* ‘Европа’, *auto* ‘авто’» (Kiklevič/Kožinova 2001: 32).

178. Чешская система гласных отличается от системы с.-х.-б. наличием долгих и кратких гласных, образующих самостоятельные фонемы. Долгие гласные в чешском языке произносятся приблизительно вдвое дольше кратких и отличаются от соответствующих кратких не только длительностью, но также большей напряженностью и более закрытым характером образования, причем длительность различных долгих гласных неодинакова: гласные открытые тянутся дольше, чем гласные закрытые (Širokova 1952: 8). Существуют четыре пары долгих и кратких гласных: *e* – *ě*, *i* – *í*, *o* – *ů*, *u* – *ū*. Долгие гласные пишутся с акутом (острым ударением): *á*, *ó*, *é*, *í*, *ú*; для обозначения долгого *u* используется также знак *ů*; графема *ú* появляется, как правило, в начале слова: *úřad* ‘учреждение, офис’ (Širokova 1952: 7). Долгота гласных является способом различения значения слов, например, *pás* ‘пояс’ [pās] и *pas* ‘паспорт’ [pas], *váda* ‘ссора’ [vāda] и *vada* ‘недостаток, дефект’ [vada], *lůže* ‘ложа’ [lōže] и *lože* ‘кровать’ [lože], *pláč* (сущ.) ‘плач’ [plāč] и *plač* (импер.) ‘плачь!’ [plač], *dráha* ‘дорога’ [drāha] и *drahá* ‘дорогая’ [drahā], *píti* ‘пить’ [pīti] и *pítí* ‘питье’ [pīti], *piji* ‘я пью’ [piji] и *píjí* ‘они пьют’ [piji] – Širokova 1952: 7. Чешский отличается от с.-х.-б. наличием дифтонгов *ou*, *au* *eu*, вторую часть которых образует неслоговое *u*: *kouřit* ‘курить’, *soud* ‘суд’, *mouka* ‘мука’, *nesou* ‘они несут’; в заимствованных словах и междометиях встречаются дифтонги *au* и *eu*: *autor* ‘автор’, *auto* ‘автомашина’, *neuróza* ‘невроз’, *mňau* ‘мяу’, *eukalypt* ‘эвкалипт’ (о дифтонгах см. Širokova/Vasiljeva/Jedlička 1990: 30). Неслоговое *u* встречается в исконно чешских словах только после *o*, образуя дифтонг *ou*: *mouka* [moŭka] ‘мука’, *soud* [soŭt] ‘суд’, *brouk* [broŭk] ‘жук’, *houby* [hoŭbi] ‘грибы’, *trouba* ‘труба’, *louka* ‘луг’, *koupat* ‘купать’, *rybou* ‘рыбой’, *mou rukou* ‘моей рукой’ (Širokova 1952: 9). В иностранных словах появляются также дифтонги *au* и *ei*, второй части которых является неслоговое *u*: *soud* [soŭt], *moucha* [moŭcha], *trouba* [troŭba], *autor* [aŭtor], *pneumatika* [pneumatika] (Širokova 1977: 71).

Различие между с.-х.-б. и чешским заключается также в категории слогообразующих согласных: в с.-х.-б. таким является только *r*, а в чешском имеются два: *r* и *ř* (*r* – *prst* ‘палец’, *vrch* ‘гора, вершина’, *vrba* ‘ива, верба’, *ř* – *vlk* ‘волк’, *slza* ‘слеза’, *pln* ‘полный’). Они являются слогообразующими в положении между согласными. Иногда в такой функции выступают *m* и *n*: *sedm* [sedm] ‘семь’, *osm* [osm] ‘восемь’.

179. В словацком языке больше гласных фонем, чем в с.-х.-б.: это **i, e, ä** (краткие передние),¹³⁷ **u, o, a** (краткие задние), **í, é** (долгие передние) и **é, ú, á** (долгие задние). Гласный **i**, как в с.-х.-б. и в отличие от русского, не произносится твердо после согласных **ž, š, ts**, напр.: *живой* – *živý* [žyvo:ĩ – živý:ĩ], *жить* – *žiť* [žyt' – žit'], *шить* – *šit'* [šyt' – šit'], *шило* – *šidlo* [šy:lə – šidlo], *цирк* – *cirkus* [cyrk – cirkus] (Balaž/Darovec/Čabala 1995: 14).¹³⁸

В отличие от с.-х.-б. в словацком языке есть дифтонги, которые произносятся односложно: **ia, ie, iu, ô** (произносятся как **uo**). Дифтонги реализуются только в оригинальных, незаимствованных словах и в рамках одного слога: *viazat'* [vja-zat'], *biely* [bie-li], *cudziu* 'чужую' [cu-ziu], *môžem* [mɔžem] (Balaž/Darovec/Čabala 1995: 14).

Как и в чешском, в словацком языке слогообразующими являются **r** и **l**. Они выступают в роли носителя слога между двумя согласными, например, *vlk* 'волк' – *vĺča* 'волчонок', *dlhý* 'длинный' – *dĺžka* 'длина', *krč* 'судорога' – *krčít'sa* 'корчиться' (Vasiljeva 1977: 125).

180. В нижнелужицком и верхнелужицком языках больше гласных фонем, чем в с.-х.-б.: их всего семь: **a, e, ě, i, o, ó, u** (Speiß 2002: 325, Lewaszkiewicz 2002: 343). Как в с.-х.-б. и в отличие от русского языка безударные гласные в большинстве случаев не отличаются в количественном и качественном отношении от соответствующих ударных.

Гласный **ě** (орфограф. **ě**) является самостоятельной фонемой и под ударением при нормальном темпе речи реализуется как звук средний между узким **e** и **i**, хотя не всегда стабильно: напр., в словах *wěki*, *ćěkać* и других **ě** акустически ближе к **i**, в словах же *trěli*, *měli* – ближе к **e**; при медленном темпе речи **ě** может звучать как дифтонг: *bě* [bię] (Trofimovič 1977: 175). В ряде слов **ě** произносится как **y**: *rěbl* [rybi], *rěč* [ryč], а перед **i** перед мягким согласным этот звук слышится как узкое [ě] или [ej], причем мягкость предшествующего согласного полностью или частично утрачивается (ср. *změje* [zmeje] 'будет иметь', *běžec* [bežec] 'бежать' (Trofimovič 1977:

¹³⁷ «Гласный **ä** – типичный звук для среднесловацких говоров, хотя и не во всех местностях находится он. Этот гласный представлен и в звуковой системе литературного языка. Его образование: губы в индифферентном состоянии, открыты, как при **a**; языковое тело подвинуто больше вперед и ближе к нёбу, чем при **o**, но дальше назад и дальше от нёба, чем при **e**; приподнимается средняя часть языка по направлению к задней части твердого нёба; кончик языка находится у нижних зубов. В акустическом отношении получается гласный открытый **e**, похожий на **a**, или **a** вроде **e**» (Seliščev 2010: 67).

¹³⁸ «Краткие гласные противопоставляются долгим, краткие и долгие гласные могут чередоваться в пределах форм одного и того же слова, например, **i – í; u – ú (iu); y – ý; o – ô (ó); e – ie (é); a – á (ia); ä – ia**» (Gladrow 2002: 483).

175). А. М. Селищев считает, что гласный *ё* близок к гласному *i*, переходящему в конце своего образования в гласный ряда *e* (так как уклад языка в конечный момент понижается: *ie* [iə]) и утверждает, что это не дифтонг, ср. *běty, šěsć*» (Seliščev 2010: 226).

181. Экстракорреляционал. В немецком языке имеется значительно больше гласных фонем, чем в с.-х.-б.: согласно Грамматике Duden (1984: 32) их 25, т. е. 20 больше, чем в с.-х.-б.:

/i:/ [i: i i]	/ø:/ [ø: ø]	/ɔy/ ¹ [ɔy]
/ɪ/ [ɪ]	/œ/ [œ]	/ē:/ [ē: ē]
/e:/ [e: e]	/ə/ [ə]	/ā:/ [ā: ā]
/ɛ:/ [ɛ:]	/u:/ [u: u u]	/œ:/ [œ: œ]
/ɐ/ [ɐ]	/ʊ/ [ʊ]	/ō:/ [ō: ō]
/a:/ [a:]	/o:/ [o: o o]	(/ej/ ² [ej])
/a/ [a]	/ɔ/ [ɔ]	(/ou/ ² [ou])
/y:/ [y: y ŷ]	/aj/ ¹ [aj]	
/ʏ/ [ʏ]	/au/ ¹ [au]	

Рис. 34. Немецкие гласные (Duden Grammatik 1984: 32)

Число гласных фонем в немецком языке является спорным, о чем свидетельствует и тот факт, что в литературе упоминаются различные цифры: «Например, О. Х. Цахер, определяющий фонемный состав немецкого языка с позиций МФШ, насчитывает 18 гласных фонем. Большую их часть составляют фонемы-монофтонги, из которых восемь фонем – долгие (/i: y: e: ø: ɛ: a: o: u:/) и семь – краткие (/ɪ ʏ ɐ œ ə ɔ ʊ/). Кроме них в вокализме немецкого языка присутствуют три фонемы-дифтонга (/ae ao ɔø/). Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева, представляющие точку зрения ЛФШ, полагают, что в немецком языке существуют 14 фонем-монофтонгов: семь долгих (/i: ʏ: e: ø: a: o: u:/) и семь кратких (/ɪ ʏ ɐ œ ə ɔ ʊ/) и три фонемы-дифтонга (/ae ao ɔø/). Разница между взглядами этих авторов заключается, следовательно, только в том, что, по мнению О. Х. Цахера, гласный [ɛ:] представляет особую фонему, а Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева считают этот звук факкультативным вариантом фонемы /e:/» (Raevskaja 1997: 103).

По отношению к с.-х.-б. своеобразными являются, в первую очередь, немецкие гласные, обозначаемые графемами *ä, ö, ü*, так называемые умлаути (тембровое изменение корневых гласных *a, o, u*, происходившее исторически под влиянием гласных суффикса или окончания, характерное для ряда германских языков): *Bär* ‘медведь’ *können* ‘мочь’, *Tür* ‘дверь’. Второй особенностью является наличие дифтонгов, обозначаемых на письме буквами *ai, au, aui, äu, ei, ey, eu, oi*, например: *Mai* ‘май’, *Haus* ‘дом’, *Säule* ‘колонна, столб’, *Bein* ‘нога’, *heute* ‘сегодня’, *Boiler* ‘кипятильник, колонка для нагревания воды в ванной’.

Что касается русского языка, немецкий вокализм отличается также в количественном отношении: «Если в русском языке пять гласных, то в немецком их восемнадцать или девятнадцать (колебания разъясняются ни-

же). Это позволяет рассматривать немецкий вокализм как дальнейшее расширение минимума, обеспечиваемое РП [различительным признаком, Б. Т.] палатальности (ряда), напряженности (длительности) и дифтонгоидности [...]» (Zeleneckij/Monachov 1983: 35). Наибольшие трудности при обучении русскоязычных учащихся немецкому произношению связаны с усвоением различительных признаков и обучением немецким ненапряженным гласным. «Так называемый сильный отступ как явление, принципиально чуждое русскому языку, с трудом усваивается даже на продвинутой ступени обучения (на факультете иностранных языков). В этой связи следует предостеречь от сведения сущности корреляции по РП „напряженность“ к одной лишь длительности (она в целом дается учащимся не так трудно), ибо этим положение вещей не только не исчерпывается, но даже искажается» (Zeleneckij/Monachov 1983: 38).

Часть IV

Глава 18

Согласные (Suglasnici, konsonanti)

182. Согласными называются звуки, при артикуляции которых создается препятствие или сужение, так что струя воздуха полностью или частично блокируется, что приводит к возникновению завихрений воздушного потока. К числу согласных с.-х.-б. относятся **p, b, f, v, m, t, d, s, z, n, ĩ, r, l, ĩ, ſ, ʒ, ts, tɕ, ʧ, ʒ̣, ʒ̣̣, ĩ, k, g, x**. Согласные классифицируются на основании трех критериев: глухости/звонкости (*zvučnost*), места артикуляции (*mjesto izgovora*) и способа артикуляции (*način izgovora*). При произнесении звонких согласных голосовые связки смыкаются и вибрируют с высокой частотой. Различают сонорные согласные (сонанты, *sonanti*, хорв. *zvončanici*) и прочие согласные (шумные, хорв. *župnici*), к числу которых относятся смычные, фрикативные и аффрикаты. Сонорные согласные – это звонкие согласные, при артикуляции которых колеблются голосовые связки и не создается шума (в голосовом тракте не нагнетается давление, которое бы уменьшалось благодаря разрыву смычки или прохождению воздуха с трением через узкую щель), и поэтому они близки гласным. Сонорными являются согласные **ĩ, l, ĩ, m, n, ĩ r, v**. К числу остальных согласных относятся **p, b, f, t, d, s, z, ſ, ʒ, ts, tɕ, ʧ, ʒ̣, ʒ̣̣, k, g** и **x**. Согласные **ĩ, ĩ, tɕ, ʒ̣, ſ, ʒ, ʧ, ʒ̣̣** – палатальные (небные). В этой группе выделяются «мягкие» (**ʒ̣, tɕ**) и «твердые» согласные (**ʒ̣̣, ʧ**). В корреляции по палатализации входят **n – ĩ** (*pān – pānj* ‘господин, пан – пень’), **l – ĩ** (*lūdĩ – ljūdĩ* ‘сумасшедший – люди’), **tɕ – ʧ** (*kũće – kũće* ‘домá – щенок’) и **ʒ̣ – ʒ̣̣** (*đāk – đžāk* ‘ученик – мешок’).

Место артикуляции Способ артикуляции		Губные		Зубные	Альвеолярные	Передне-небные		Задне-небные
		губно-губные	губно-зубные			твердые	мягкие	
Взрывные (смычные)	звонкие	b		d				g
	глухие	p		t				k
Аффрикаты	звонкие					ʒ	ʒ̣	
	глухие			ts		tʃ	tʃ̣	
Фрикативные (щелевые, спиранты)	звонкие			z		ʒ		
	глухие		f	s		ʃ		x
Носовые	звонкие	m			n		ɲ	
	глухие							
Боковые (латеральные)	звонкие				l		ɭ	
	глухие							
Дрожащие (вибранты)	звонкие				r			
	глухие							
Полугласные	звонкие		v				ɹ̥	
	глухие							

Табл. 73: Согласные фонемы с.-х.-б.

Тремя самыми частотными согласными в корпусе текстов «Gralis» являются **n** (10,80%), **s** (8,43%) и **ɭ** (8,33%). Далее следуют **r** (8,21%), **t** (7,95%) и **m** (6,22%). Наиболее редкими являются согласные **f** (0,51%), **ʒ** (0,34%) и **ʒ̣** (0,05%).

№	Согласный	Количество	%
1	n	842 416	10,80
2	s	658 077	8,43
3	i̇	650 265	8,33
4	r	640 803	8,21
5	t	620 328	7,95
6	m	485 413	6,22
7	v	479 012	6,14
8	k	471 951	6,05
9	l	470 471	6,03
10	d	467 550	5,99
11	p	383 355	4,91
12	z	255 762	3,28
13	b	200 082	2,56
14	g	148 985	1,91
15	ʃ	148 467	1,90
16	ʈʂ	136 957	1,76
17	ts	121 796	1,56
18	x	111 095	1,42
19	ɲ	96 574	1,24
20	tʂ	91 053	1,17
21	ʒ	81 692	1,05
22	í	75 884	0,97
23	f	40 151	0,51
24	ʒ̣	26 755	0,34
25	ʒ̣̣	3 958	0,05
	Всего	7 801 852	98,78

Табл. 74: Частотность согласных в Корпусе «Gralis»

183. В с.-х.-б. различаются звонкие и глухие согласные (zvučni i bezvučni suglasnici/konsonanti). Копреляция глухости/звонкости (zvučnost) состоит из следующих пар: **b – p, d – t, g – k, z – s, ʒ – ʃ, ʒ̣ – tʂ, ʒ̣̣ – ʈʂ**. Только звонкими являются носовые **m, n, ɲ** и плавные (likvide) **r, l, í**, а только глухими – фонемы **x** и **ts**.

187. Если анализировать только написание, т. е. консонантные графемы, не обращая внимания на произношение (на ассимиляцию по глухости/звонкости), то парные глухие согласные в Корпусе «Gralis» частотнее, чем звонкие: **s – z** (8,43% : 3,28%), **t – d** (7,95% : 5,99%), **k – g** (6,05% : 1,91%), **p – b** (4,91% : 2,56%), **ʃ – ʒ** (1,90% : 1,05%), **ʦ – ʝ** (1,76% : 0,05%), **ʦ – ʝ** (1,17% : 0,34%).

№	Фонема	Количество	%
1	s	658 077	8,43
2	t	620 328	7,95
3	k	471 951	6,05
4	d	467 550	5,99
5	p	383 355	4,91
6	z	255 762	3,28
7	b	200 082	2,56
8	g	148 985	1,91
9	ʃ	148 467	1,90
10	tʃ	136 957	1,76
11	tɕ	91 053	1,17
12	ʒ	81 692	1,05
13	ʒ̣	26 755	0,34
14	ʒ̣̣	3 958	0,05

Табл. 76: Частотность парных по глухости/звонкости согласных

Глухие/звонкие согласные в Корпусе «Gralis» представлены следующим образом:

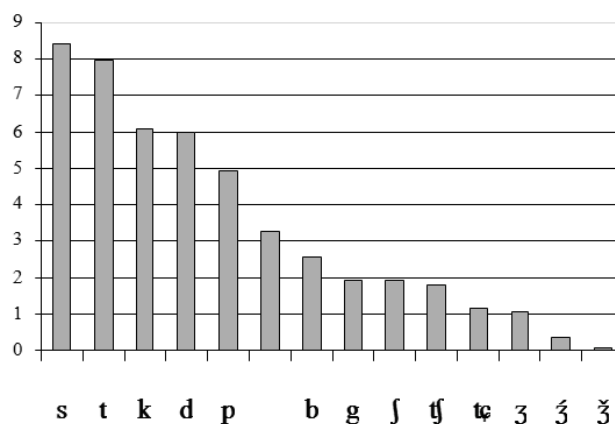

Рис. 35. Звонкие и глухие согласные в Корпусе «Гралис» (в процентах)

Согласные **b** и **p** различаются тем, что первый из них (**b**) является звонким, а второй (**p**) – глухим. Согласный **p** встречается в текстуальном Корпусе «Gralis» чаще, чем **b** (4,91% : 2,56%) – **p** занимает 11-е место, а **b** – 13-е. Эти звуки служат для различения многих слов: (а) в начале слова: *bàs* – *pàs* ‘бас – собака’, *bâr* – *pâr* ‘бар – пара’, *bân* – *pân* ‘бан – господин, пан’, *bât* – *pât* ‘топот – пат’, *bàja* и *bája* – *Pája* ‘уменьш.-ласк. от *brat* – Пайя (мужское имя), *bàra* – *pàralpàra* ‘лужа – пар’, *bàša* – *pàša* ‘турецкий начальник – паша’, *báta* – *pàta* ‘уменьш.-ласк. от *brät* ‘брат’ – ничья’, *bèn* – *PÈN* ‘родимое пятно, родинка – PEN-клуб (писательское объединение)’, *bèta* – *péta* ‘бета – пятая’, *bik* – *pik* ‘бык – пик’, *Bin* – *pìn* ‘Бин (мужское имя) – пин(код)’, *bìti* – *pìti* ‘быть – пить’, *bôj* – *pôj* ‘бой – песня’, *bôl* – *pôl* ‘боль – пол; полюс’, *bóra* – *póra* ‘морщина – пора’, *bóza* – *póza* ‘боза (слабоалкогольный сладковатый перебродивший напиток из кукурузы) – поза’, *bräti* – *präti* ‘брат – мыть’, *büt* – *püt* ‘бедро – путь’, *búca* – *púca* ‘толстощекий человек – пистолет, оружие (разг.)’, *búna* – *púna* ‘бунт – полная’, *búra* – *púra* ‘бурия – кукурузная каша’, *brěša* – *prěša* ‘брешь – спешка’, *brûs* – *Prûs* ‘точильный камень – пруссак’, *bôd* – *pôd* ‘очко – пол; под’, *bòjiti* – *pòjiti* ‘красить – поить’, *bòkāl* – *pòkāl* ‘кувшин – кубок’, *bòljē* – *pòljē* ‘лучше – поле’, *búniti* – *púniti* ‘подстрекать к бунту, раздражать – наполнять’, *búšiti* – *púšiti* ‘сверлить – курить’, *Bräun de Präun* (ресторан в Граце), б) в середине слова: *grúba* – *grüpa* ‘грубая – группа’, *ôba* – *ôpā* ‘оба – междометие (при прыжке)’, *ôbao* – *ôpao* ‘круглый – (он) опал’, *obáriti* – *ôpariti (se)* ‘ошпарить’, *trúba* – *trüpa* ‘труба – труппа’, *prèbeci* (экав.) – *prèpecí* ‘перебежать – пережарить’, *nábor* – *nápor* ‘морщина – напряжение, напор’, в) в конце слова: *slāb* – *slāp* ‘слабый – водопад’, *štāb* – *štāp* ‘штаб – палка’, *kûb* – *kûp* ‘куб – кубок’, г) в начале слова и в середине слова: *šûba* – *šûpa* ‘шуба – сарай’, д) в начале слова и в конце слова: *bôb* – *pôp* ‘боб – поп’, е) в начале слова и в середине слова: *bāba* – *pāpa* ‘бабушка – Папа Римский’, *bûba* – *pûpa* ‘жучок – гипокор. от *pûpak* (пупок)’.

188. Согласный **t** находится на 4-м месте по частотности (7,95%), а **d** – на 6-м (5,99%). И эта пара может участвовать в семантической дифференциации слов, например, (а) в начале слова: *dā* – *tā* ‘да – та’, *dāj* – *tāj* ‘повел. накл. от *dāti* (дать) – этот’, *dāma* – *tāma* ‘дама – тьма’, *dānak* – *tānak* ‘дань – тонкий’, *dāra* ‘вес тары’ и *Dāra* (женское имя) – *tāra* ‘вес тары’, *dānjī* – *tānjī* ‘дневной – тоньше’, *dāklē* – *tākle* ‘итак – они (ж. р.) дотронулись’, б) в середине слова: *bēda* – *bēta* ‘бедность – бета’, *brāda* – *brāta* ‘борода – род. ед. от *brāt* (брат)’, *grēda* – *Grēta* ‘балка – Грета (женское имя)’, *kāda* – *Kāta* ‘когда – Ката (женское имя)’, *kādar* – *kātār/kātar* ‘кадр; способный – катар’, *lūdāk* – *lūtak* ‘сумасшедший – кукла’, *mēda* – *mēta* ‘медведь (гипокор.) – цель’, *rādar* – *rātār* ‘радар – пахарь’, *rūda* – *rūta* ‘руда – маршрут’, *skīdati* – *skītati* ‘снимать – скитаться’, *vēdar* – *vētar* ‘ясный – ветер (экав.)’, в) в конце слова: *kād* – *kāt* ‘когда – этаж’, *lēd* – *lēt* ‘лед – полет’, *pād* – *pāt* ‘падение – пат’, *pūd* – *pūt* ‘пуд – путь’, *rād* – *rāt* ‘работа – война’, *slēd* – *slēt* ‘порядок – слет, сбор’, *tād* – *tāt* ‘тогда – вор’, г) в начале слова и в середине слова: *dāda* – *tāta* ‘мать, сестра, родственница (гипокор.) – папа’.

189. Согласные **g** и **k** по частотности в Корпусе «Gralis» занимают среднее положение: **k** находится на 8-м месте, (6,05%), а **g** – на 14-м (1,91%). Эта пара также во многих случаях выполняет смысловозначительную роль: (а) в начале слова: *gād* – *kād* ‘гад – когда’, *gālja* – *kālja* ‘черная овца – блюдо из капусты и картофеля с жареным луком и мясом’, *gāma* – *kāma* ‘гамма – кинжал’, *gānuti* – *kānuti* ‘растрогать – кануть’, *gās* – *kās* ‘газ – рысь’, *gāsni* – *kāsni* ‘газовый – поздний’, *gāt* – *kāt* ‘мол, плотина – этаж’, *gātār* – *kātār* ‘гадатель – катар’, *gēj* – *kēj* ‘гей, гомосексуалист – набережная’, *glās* – *klās* ‘голос – колос’, *glāsni* – *klāsni* ‘голосовой – классовый’, *gōd* ‘годовое кольцо’ и *gōd* как местоименная частица *kōjī god* ‘любой’ – *kōd* ‘код’ и *kod* ‘у’, *gōlica* – *kolica* ‘голая земля; голышка, голая девочка; пшеница безостая; голица (сорт груши) – коляска’, *gōlo* – *kōlo* ‘голое – колесо, хоровод’, *gōlja* – *Kōlja* ‘бедняк – Коля (мужское имя)’, *gōst* – *kōst* ‘гость – кость’, *grāh* – *krāh* ‘горох – крах’, *grēda* – *krēda* ‘балка – мел’, *grīva* – *krīva* ‘грифа – кривая’, *grōza* – *krōza* ‘ужас – через’, *Gīk* – *Kīk* ‘грек’ – Крк (остров на севере Адриатического моря), *gīčiti* – *kīčiti* ‘корчить, стягивать судорогой – корчевать’, *gūja* – *kūja* ‘змея – собака’, *gūma* – *kūma* ‘резина – кума’, б) в середине слова: *žīgica* – *Žikica* ‘спичка – Жикица (мужское имя)’, *zágon* диал. ‘гон (животных), загон’ – *zākon* ‘закон’, *igra* – *īkra* ‘игра – икра’, *jōga* – *Jōka* ‘йога – Йока (женское имя)’, *kūga* – *kūka* ‘чума – крюк’, *nēga* – *nēka* ‘забота, уход (экав.) – пусть’, *dūga* – *Dūka* ‘радуга – Дука (мужское имя)’, *tūga* – *tūka* ‘горе – болван’, *drāgōn* – *drākōn* ‘драгун, разновидность парусного судна, пояс – дракон’, *Rīga* – *rīka* ‘Рига – рык’, *strūga* – *strūka* ‘дыра; загон (для овец), пересохшее русло горного ручья, потока – специальность’, *tīgati* – *trīkati* и *tīkati* (se) ‘рвать – бегать’, *ūgor* – *ūkor* ‘угорь – укор’, *Cīga* – *cika* ‘уменьшительно-ласкательное от *Cīganin* (цыган) – визг, крик’, в) в

к о н ц е с л о в а : *bég* ‘побег’ и *bèg* ‘бей, турецкий титул’ – *bèk* ‘защитник (в спорте)’, *bôg* – *bök* ‘бог – бок’, *lûg* – *lûk* ‘роща – лук (растение)’ и *lúk* ‘лук (оружие)’, *mâg* – *māk* ‘маг – мак’, *rôg* ‘рог’ – *rók* ‘срок’ и *ròk* ‘рок(-н-ролл)’, *strûg* – *strûk* ‘токарный станок – талия, стан’, *têg* – *tèk* ‘вес – только, едва’ и *têk* ‘аппетит’, *tîg* – *trk* ‘площадь – бег’.

190. Согласные **z** и **s** имеют различную степень употребительности в Корпусе «Gralis»: **s** обладает высокой частотностью (2-е место, 8,43%), тогда как **z** занимает 12-е место (3,28%). Они могут встречаться в минимальных парах, например: (а) в н а ч а л е с л о в а : *zàbiti* – *sàbiti* ‘забить – сбить вместе’, *zabijāč* – *sabijāč* ‘кувалда – компрессор’, *závet* – *sávet* ‘завет, обещание – совет’, *zavijen* – *savijen* ‘завернутый – свернутый’, *zàkriti* – *sàkriti* ‘покрыть – скрыть’, *zàpēti* – *sàpēti* ‘напрягать; застрять – сузить, связать’, *zàšiti* – *sàšiti* ‘зашить – сшить’, *zíma* – *Síma* ‘зима – Сима (мужское имя)’, *zìnuti* – *sìnuti* ‘открыть рот – блеснуть’, *zjàti* – *sjàti* ‘широко открывать рот – сиять’, *zékalzèka* – *séka* ‘зайчик (уменьш.) – сестра (гипокор.)’, *zèlèn* ‘зелень’ и *zèlen* ‘зеленый’ – *sèlen* ‘любисток (растение)’ и *sèlèn* ‘селен’, *zóva* – *sóva* ‘бузина – сова’, *zrèo* – *srèo* ‘спелый – встретил’, *zûrla* – *sûrla* ‘зурна – хобот’, б) в с е р е д и н е с л о в а : *bóza* – *bòsa* ‘боза (слабоалкогольный сладковатый перебродивший напиток из кукурузы) – босая’, *váza* – *Vása* ‘ваза – Васа (мужское имя)’, *vêznik* – *vèsnik/vèsnik* ‘союз – вестник’, *dìzati* – *dīsati* ‘поднимать – дышать’, *kòza* – *kòsa* ‘коза – волосы’, *kòziti* ‘рожать козлят’ – *kòsiti* ‘косить (траву)’ и *kósi* ‘косить (делать косым)’, *máza* – *màsa/màsa* ‘любимчик – масса’, *múza* – *Müsa* ‘муза – Муса (мужское имя)’, в) в к о н ц е с л о в а : *äz* и *âz* ‘название первой буквы старославянского алфавита’ – *äs* ‘ас, мастер’, *bèz* – *bés* ‘без – злоба, ярость’, *gâz* – *gâs* ‘брод – газ’, *kròz* – *kròs* ‘через – кросс’.

191. Похожую артикуляцию имеют звонкий согласный **з** и глухой **ʃ** (ср. *žäba* ‘лягушка’, *žèna* ‘жена’, *živ* ‘живой’, *Žôrž/Žòrž* ‘Жорж (имя собственное)’, *žut* ‘желтый’, *râž* ‘рожь’, *ríža* ‘рис’, *rúža* ‘роза’, *kòža* ‘кожа’, *mrèža* ‘сеть’, *rûž* ‘губная помада’. Согласный **з** – это звонкое соответствие к **ʃ**, и эти звуки следует различать. Глухим соответствием к **ž** является звук **ʈʃ**, представляющий собой слияние **t** и **ʃ**.

При произнесении этих согласных средняя и задняя части языка приподняты и образуют узкий проход. Кончик языка приближается к альвеолам, причем между его нижней частью и резцами остается свободное пространство.

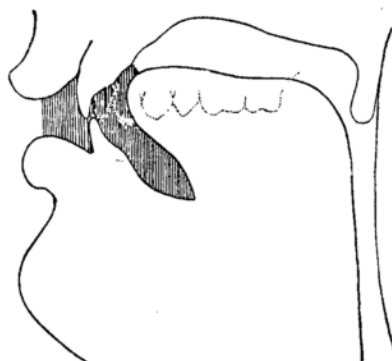

Рис. 36. Артикуляционный профиль звуков ʃ – ʒ (Miletić 1960: 30)

Согласный **ʒ** в дат./предл. п. ед. ч. прилагательного *ðbližnjēm* 'близлежащем' имеет следующие значения формантов: F1 – 2 690,20, F2 – 3 787,29, F3 – 4 806,54.

№	ʒ в <i>ðbližnjēm</i>	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	1 598,49	3 296,05	4 854,22
2	mostar_003k	3 316,50	4 538,09	-
3	mostar_005k	3 167,26	4 133,49	-
4	sarajevo_001k	2 054,88	3 947,55	-
5	zagreb_010k	2 883,25	5 040,64	-
6	graz_004s	3 329,72	4 111,46	-
7	novi_sad_003s	3 365,85	3 564,82	-
8	novi_sad_002s	2 302,85	3 401,22	4 408,87
9	beograd_001s	2 720,42	3 196,43	-
10	sarajevo_004s	2 347,52	3 637,68	-
11	bihać_003b	2 500,06	3 116,26	-
12	graz_003b	2 703,52	3 822,11	-
13	graz_005b	2 856,13	3 566,82	4 578,74
14	sarajevo_003b	2 758,02	3 313,09	-
15	sarajevo_004b	2 448,52	4 123,56	-
Среднее		2 690,20	3 787,29	4 613,94

Табл. 77. Согласный **ʒ** в дат./предл. п. ед. ч. прилагательного *ðbližnjēm* 'близлежащем' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

В форме существительного *štimē* 'лес (род. п. ед. ч.)' согласный **ʃ** обнаруживает следующие средние значения формантов: F1 – 2 117,35, F2 – 3 181,65, F3 – 4 489,58.

№	ʃ в <i>štimē</i>	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	2 039,14	3 493,20	4 792,37
2	mostar_003k	2 224,10	3 456,10	4 523,83
3	mostar_005k	2 617,38	3 149,95	4 579,42

4	sarajevo_001k	2 022,17	3 321,00	4 833,06
5	zagreb_010k	1 676,12	3 697,73	4 748,78
6	graz_004s	2 642,26	3 709,50	5 203,71
7	novi_sad_003s	2 568,11	3 287,97	5 320,54
8	novi_sad_002s	2 311,80	3 204,81	4 927,28
9	beograd_001s	2 875,89	2 932,54	5 117,25
10	sarajevo_004s	1 695,36	3 179,89	4 572,17
11	bihać_003b	1 991,43	3 473,77	5 217,43
12	graz_003b	2 616,55	3 668,41	-
13	graz_005b	2 837,86	3 837,18	-
15	sarajevo_004b	1 642,02	3 312,70	4 528,67
Среднее		2 117,35	3 181,65	4 489,58

Табл. 78. Согласный **ʃ** в форме *šimē* 'лес (род. п. ед.)' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

Звуки **ʒ** и **ʃ** менее частотны: в Корпусе «Gralis» **ʃ** занимает 15-е место (1,90%), а **ʒ** – 21-е (1,05%).

Согласные **ʒ** и **ʃ** часто играют фонематическую (смыслоразличительную) роль: а) в начале слова: *žāl* – *šāl* 'песчаный морской берег – шаль', *žāliti se* – *šāliti se* 'жаловаться – шутить', *Žalica* (фамилия) – *šalica* 'чашка' и *šalica* 'уменьш. от šala 'шутка, анекдот', *žāra* – *šāra* 'крапива – узор, украшение, орнамент, рисунок', *žāra* (уменьш. от *Žárko*) – *žāra* 'избирательная урна; сосуд, кувшин; урна', *žāren* – *šāren* 'жареный – пестрый', *žēga* – *šēga* 'жара – насмешка, издевка, шутка', *žicati* – *šicati* 'колоть; хлестать (гибким предметом) – стрелять; гнать, выгонять (кошек)', *žulj* – *šulj* 'мозоль – геморроидальная шишка', *župa* – *šupa* 'церковный приход – сарай', *žut* – *šut* 'желтый – удар (в спорте)', б) в середине слова: *grīža* – *Grīša* 'угрызания совести – Гриша (имя собственное)', *jāža* – *Jāša* 'ежеголовник – Яша (имя собственное)', *kāžē* – *kāše* 'говорит – каша (им. мн.)', *lōže* – *lōše* 'ложа (им. мн.) – плохо', *māža* 'мазь' – *māša* 'кочерга' и *Māša* (имя собственное), *rāža* – *Rāša* 'скат (рыба) – Раша (имя собственное)', в) в начале и в середине слова: *žizak* – *šisak* 'свечильник; ночник; поплавок в лампаде; горелка – шишака; стригун (жеребенок); черногорская шапочка; шлемник (растение)', *žūža* – *šūša* 'Жужа (имя собственное) – ничтожество', г) в начале и в конце слова: *žič* – *šič* 'восклицание, с помощью которого маленького ребенка предостерегают от ожога – железный вертель (прибор цилиндрической формы для обжаривания кофе)' и т. д.

192. Звуки **ts** и **ʃ** имеют похожую артикуляцию и близки по частотности в Корпусе «Gralis»: **ʃ** занимает 15-е место (1,90%), а **ts** – 16-е (1,17%). Они также могут различать значения некоторых слов. Ср.: а) *šaka* – *čaka* 'кулак – загвоздка; суть; хитрость; вещь', *kāša* 'каша' и *kaša* 'ложка' – *kāca* 'кадочка, кадушка; ушат', *šiša* – *Cíca* 'бутылка (разг., тур.) – Цица

(женское имя)’, *māša* ‘кочерга’ и *Māša* ‘Маша (женское имя)’ – *māca* ‘кошечка’, *rāša* ‘грубое сукно’ и *Rāša* (уменьш. от *Rādomīr*) – *Rāca* (мужское имя), *šāša* – *cāca* ‘кукурузный стебель – женщина (разг.)’ и *Cāca* (женское имя), *vīša* – *vīca* ‘плетеная корзина; металлический крючок для рыбной ловли – легкомысленная женщина, от *vīcati* (трепыхаться)’, *golišav* – *goličav* ‘голый – боящийся щекотки’, *dēša* – *dēca* (экав.) ‘гипокор. от *d(j)ēvēr* ‘деверь’ – дети’, *būša* – *būca* ‘разновидность рогатого скота – толстошекая женщина’, *Zdrāviša* – *zdrāvica* ‘Здравиша (мужское имя) – здравица, тост’ и *zdrāvica* ‘твердая, неплодоносная, не вспаханная почва’ б) имена *Góša* – *Góca*, *Đuriša* – *Đurica*, *Dòbriša* – *Dòbrica*, *Dràgiša* – *Dràgical*/*Dràgica*, *Jāša* – *Jāca*, *Jòviša* – *Jòvical*/*Jòvica*, *Jūriša* – *Jūrica*.

193. Аффрикат **ʧ** и **ʦ** – это слитные звуки, состоящие из взрывного (**t**) и фрикативного элемента (**ʧ**: **t** + **ʃ**, **ʦ**: **t’** + **s’**), которые, однако, в произношении никогда не совпадают полностью с **ʃ** и **ts**. Аффриката **ʦ** возникла в ряде слов в результате йотации: *brāča* ‘братья’, *Ćiril* ‘Кирилл (имя собственное)’, а **ʧ** – в результате 1-й палатализации: *vūk* – *vūče* ‘волк (им. п. ед. ч.) – волк (зват. п. ед. ч.)’. Согласные **ʧ** и **ʦ** имеют одинаковый способ образования, но различаются местом образования¹³⁹. Согласный **ʧ** – это апикальный звук, образуемый кончиком языка (место артикуляции находится вблизи мягкого неба). При его произнесении язык в большей степени участвует в образовании преграды, чем при артикуляции **ʦ**; кончик языка поднят и касается твердого неба, губы вытянуты вперед и слегка округлены (участие губ в произнесении этого звука отчетливо заметно): *čāk* ‘даже’, *čas* ‘час; мгновение’, *věčā(r)* ‘вечер’, *máč* ‘меч’, *rúčak* ‘обед’, *čōi(j)ek/čōi(j)ek* ‘человек’. Звук **ʧ** в Корпусе «Gralis» встречается чаще, чем **ʦ**: **ʧ** занимает 20-е место (1,76%), а **ʦ** – 16-е (1,17%).

Согласный **ʦ** относится к группе мягких аффрикат, которые образуются в передней части ротовой полости. Это ламинальный звук, в артикуляции которого участвует передняя часть, но не кончик языка, помещаемая за нижними резцами. Язык касается области альвеол, а место артикуляции находится ближе к зубам. При произнесении **ʦ**, в отличие от **ʧ**, тело языка больше продвинуто вперед, кончик языка касается нижних зубов, губы не округлены и только слегка выдвинуты вперед: *čūk* ‘сыч’, *kūća*

¹³⁹ В этой связи Стоян НОВАКОВИЧ отмечает: «При произнесении **č** язык касается нёба посередине между местами артикуляции звуков **t** и **š** [...]. Две точки касания всегда создают не один звук, а два, и я считаю, что всякое ухо легко может уловить это: хотя при произнесении **č** и можно услышать **t** и **š** (как и при произнесении **d** – **d** и **j**), но это **č** – не то же самое, что **tš** (если его произнести изолированно), а нечто иное» (Novaković 1873: 49). Более подробно артикуляция этой аффрикаты описана в работах Miletic 1933, 1960.

‘дом’ *vdŕe* ‘фрукты’, *iŕi* ‘идти’, *noŕ* ‘ночь’. Задняя часть языка более приближена к переднему небу, чем при произнесении **ʃ**. Если **ʃ** образуется скорее ближе к зубам, то **ʈ** – более или менее возле альвеол (участие губ менее заметно, чем при произнесении **ʃ**).

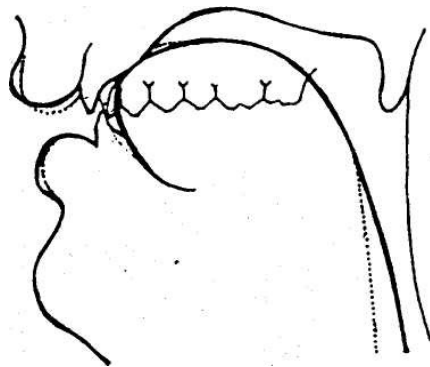

Рис. 37: Артикуляционные профили звуков **ʃ** и **ʈ**: сплошная линия — **ʃ**, пунктирная линия — **ʈ** (Miletić 1960: 41)

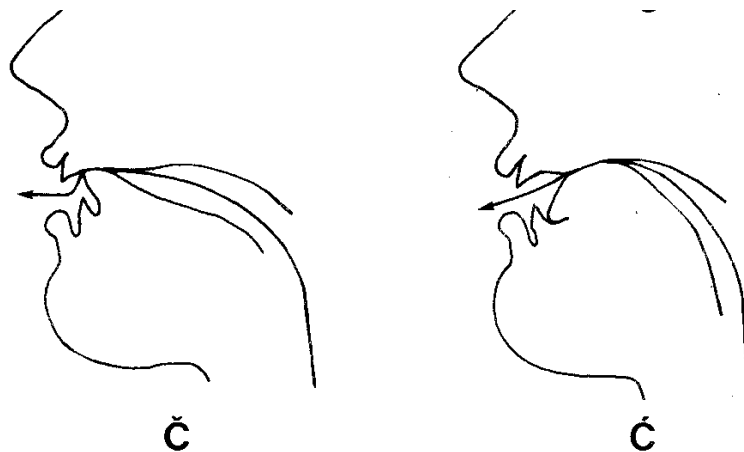

Рис. 38: Артикуляция согласного **ʃ** и **ʈ** (Škarić 1991: 131)

Самое существенное различие между **ʃ** и **ʈ** возникает из-за объема резонатора в передней части рта. При произнесении **ʃ** голосовой тракт в передней части рта расширяется (при уменьшенном растворе рта), и этот согласный имеет более низкую частоту, чем **ʈ**, при артикуляции которого голосовой тракт сужается (уменьшение площади ведет к увеличению частоты). Из-за более высокой частоты **ʈ** воспринимается как более мягкий

звук, тогда как **ʃ** ввиду своей низкой частоты кажется более твердым. Это подтверждается и аудиоматериалом из корпуса звучащей речи «Gralis».¹⁴⁰

Согласный **ʃ** в сравнительной степени *bùčnijē* 'более шумно' имеет следующие значения формантов в Корпусе звучащей речи «Gralis»:

№	ʃ в <i>bùčnijē</i> 'более шумно'	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	2 372,28	2 649,81	4 674,31
2	mostar_003k	2 280,26	3 593,05	4 697,12
3	mostar_005k	2 153,01	3 077,27	4 724,07
4	sarajevo_001k	2 628,63	3 376,27	5 163,63
5	zagreb_010k	1 609,47	3 405,91	4 963,79
6	graz_004s	3 111,13	3 946,31	4 520,26
7	novi_sad_003s	2 993,22	3 136,81	4 922,80
8	novi_sad_005s	2 641,75	3 497,23	4 880,18
9	novi_sad_002s	1 913,82	3 026,56	4 987,44
10	beograd_001s	2 321,05	3 057,15	4 761,31
11	beograd_002s	2 042,79	2 992,29	4 843,60
12	graz_003b	2 081,25	3 427,91	4 936,76
13	graz_005b	2 966,39	3 502,89	4 764,15
14	sarajevo_003b	1 955,93	3 023,59	4 446,57
15	sarajevo_004b	1 647,94	3 093,81	4 812,13
Среднее		2 314,59	3 253,79	4 806,54

Табл. 79. Согласный **ʃ** в форме сравнительной степени *bùčnijē* 'более шумно' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

В деепричастии настоящего времени *lǎjū́ci* от *lǎjati* 'лаять' согласный **ʦ** имеет следующие средние значения формантов: F1 2 497,43, F2 3 529,15, F3 4 653,71.

№	ʦ в <i>lǎjū́ci</i> 'лая'	F1	F2	F3
1	mostar_003k	2 085,83	3 440,45	4 668,43
2	mostar_005k	2 751,58	3 385,57	4 185,46
3	zagreb_010k	1 641,37	3 535,74	5 054,85
4	novi_sad_003s	2 344,92	3 933,40	4 707,20
5	novi_sad_005s	2 983,62	3 516,13	4 843,86
6	novi_sad_002s	2 070,32	3 884,34	4 543,79
7	sarajevo_004s	2 677,48	3 260,93	4 603,49
8	beograd_002s	2 803,78	3 605,60	5 065,23

¹⁴⁰ Измерения, результаты которых приводятся здесь, были выполнены САНДРОЙ ФОРИЧ в программе «Praat» под нашим руководством.

9	graz_005b	2 947,94	3 917,83	4 581,16
10	sarajevo_003b	2 289,64	3 200,46	4 115,80
11	sarajevo_004b	2 875,25	3 140,15	4 821,58
Среднее		2 497,43	3 529,15	4 653,71

Табл. 80: Согласный **ɬ** в деепричастии *lǎjūci* (от *lǎjati* 'лять') в Корпусе звучащей речи «Gralis»

На нижеприведенном рисунке представлен спектральный анализ фонемы **ʃ** в слове *būčnījē* 'более шумно', выполненный в программе «Praat».

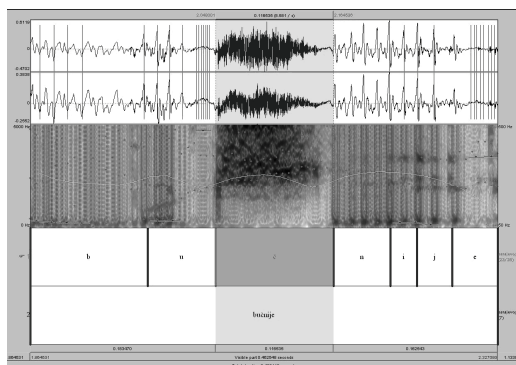

Рис. 39. Фонема **ʃ** в слове *būčnījē* 'громче' (Корпус звучащей речи «Gralis»)

Далее следует спектрограмма фонемы **ɬ**:

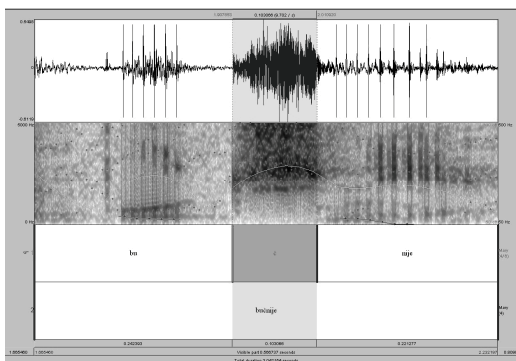

Рис. 40. Фонема **ɬ** в слове *lǎjūci* (деепр. от *lǎjati* 'лять') – Корпус звучащей речи «Gralis»

ДРАГА ЗЕЦ пишет об артикуляции **ʃ**, **ʒ**, **ʒ**, **ɬ** и **ʒ**: «При артикуляции апикальных согласных **č** и **dž** язык имеет выпуклую форму, что приводит к образованию так называемого подъязычного пространства, в то время как при произнесении ламинальных согласных **ž** и **đ** язык имеет вогнутую форму и подъязычное пространство полностью заполнено. То пространство, которое образуется при произнесении **č** и **dž**, приводит к увеличе-

нию объема полости перед смычкой (*dopregradna komora*), тогда как заполнение этого пространства при артикуляции *ć* и *đ* ведет к его уменьшению» (Zec 2003: 44).

Вследствие того, что при произнесении *ʃ* губы выдвинуты вперед и слегка округлены, пространство перед преградой увеличивается; с другой стороны, при артикуляции *ʦ* губы только незначительно выдвинуты вперед и находятся в нейтральном положении, из-за чего пространство перед преградой уменьшается или остается неизменным. Драга Зец далее констатирует, что у *ʦ* фаза смычки существенно короче, чем фаза фрикации, тогда как при произнесении *ʃ* дело обстоит противоположным образом (Zec 2003: 44). По ее мнению исключена возможность того, что *ʃ* и *ʦ* различаются своей резкостью/нерезкостью (как предполагал Павле Ивич), потому что оба эти звука имеют высокие амплитуды, которые выше, чем у типичных резких согласных (Zec 2003: 47). При классификации согласных на основании объема полости перед преградой Д. Зец относит *ʃ* к палатальным апикальным шумным (с большим пространством перед преградой), а *ʦ* – к палатальным ламинальным шумным (с меньшим пространством перед преградой).

194. Согласные *ʦ* и *ʃ* встречаются в минимальных парах, напр., *ćár* – *čár* ‘прибыль – чары’, *spavàćica* – *spavàčica* ‘ночная рубашка – спящая (женщина)’, *ćélo* ‘лысый человек’ – *čelo* ‘лоб’ и *čelo* ‘виолончель’, *véće* – *vèčā(r)* ‘вече (экав.) – вечер’, *kùće* – *küće* ‘домá – щенок’ и т. д.

Смыслоразличительная роль фонем *ʃ* и *ʦ* чаще всего проявляется в формах вин. п. мн. ч. существительных мужского рода и 3-го лица ед. ч. в синтетических формах будущего I, напр.: *Já vīdīm glasáće*. ‘Я вижу избирателей.’ – *Glàsaće za slobòdu*. ‘Он/она/оно проголосует за свободу’. Такой способ образования будущего времени типичен для сербского языка (по-хорватски соответствующая форма пишется как *glàsat će*). Ср.:

Существительное	Значение	Вин. п. мн. ч.	Инфинитив	Значение	Будущее I, 3-е л. ед. ч.
<i>bàcāč</i>	тот, кто бросает	<i>bacáće</i>	<i>bàcati</i>	бросать	<i>bàcaće</i>
<i>bīrāč</i>	избиратель	<i>biráće</i>	<i>bíрати</i>	выбирать	<i>bíраće</i>
<i>brijāč</i>	бритва; парикмахер, брадобрей	<i>brijáće</i>	<i>brījати</i> <i>brìjати</i>	брить, стричь	<i>brījaće</i>
<i>cřtāč</i>	рисовальщик	<i>cřtáće</i>	<i>cřtати</i>	рисовать	<i>cřtaće</i>
<i>dīžāč</i>	держатель	<i>dīžáće</i>	<i>dīžати</i>	держать	<i>dīžaće</i>
<i>glàsāč</i>	избиратель	<i>glasáće</i>	<i>glàsати</i>	избирать	<i>glàsaće</i>

<i>gùtāč</i>	(ог-не)глотатель	<i>gutáče</i>	<i>gùtati</i>	глотать	<i>gùtače</i>
<i>igrāč</i>	игрок	<i>igráče</i>	<i>igrati</i>	играть	<i>igrače</i>
<i>izvìdāč</i>	разведчик; тот, кто об- следует	<i>izvidáče</i>	<i>izvídati</i>	разведы- вать, об- следовать	<i>izvídače</i>
<i>jāhāč</i>	всадник	<i>jaháče</i>	<i>jāhati</i>	скакать на коне	<i>jāhače</i>
<i>mènĵāč</i> (экав.)	меняла	<i>mĕnjáče</i> (экав.)	<i>ménĵati</i> (экав.)	менять	<i>ménĵače</i> (экав.)
<i>nôsāč</i>	носильщик	<i>nosáče</i>	<i>nósati</i>	носить	<i>nosače</i>
<i>okìdāč</i>	курок	<i>okidáče</i>	<i>okídati</i>	спускать курок	<i>okídače</i>
<i>osnìvāč</i>	основатель	<i>osníváče</i>	<i>osnívati</i>	основы- вать	<i>osnivače</i>
<i>otvārāč</i>	отмычка, штопор, про- бочник	<i>otvaráče</i>	<i>otvárati</i>	откры- вать	<i>otvarače</i>
<i>p(j)èvāč</i>	певец	<i>p(j)eváče</i>	<i>p(j)èvati</i>	петь	<i>p(j)èva- če</i>
<i>plèsāč</i>	танцовщик	<i>plesáče</i>	<i>plésati</i>	танцевать	<i>plésače</i>
<i>plìvāč</i>	пловец	<i>pliváče</i>	<i>plìvati</i>	плавать	<i>plivače</i>
<i>pokazì- vāč</i>	указатель, индикатор	<i>pokazívá- če</i>	<i>pokazíva- ti</i>	показы- вать	<i>pokazí- vače</i>
<i>pomāgāč</i>	помощник	<i>pomagáče</i>	<i>pomága- ti</i>	помогать	<i>pomá- gače</i>
<i>potkìvāč</i>	кузнец, изго- тавливающий подковы	<i>potkiváče</i>	<i>potkívati</i>	подковы- вать	<i>potkíva- če</i>
<i>prekìdāč</i>	тот, кто пре- рывает; вы- ключатель	<i>prekidáče</i>	<i>prekídati</i>	преры- вать	<i>prekída- če</i>
<i>pribàda- ča</i>	английская булавка	<i>pribadače</i>	<i>pribádati</i>	прикреп- лять	<i>pribáda- če</i>
<i>pri- pov(j)è- dāč</i>	рассказчик	<i>pri- pov(j)e- dáče</i>	<i>pripo- v(j)èdati</i>	расска- зывать	<i>pri- pov(j)è- dače</i>

<i>rèzāč</i>	тот, кто режет	<i>rezáče</i>	<i>rèzati</i>	резать	<i>rèzače</i>
<i>slàgāč</i>	сборщик (машин); наборщик (по-лигр.	<i>slagáče</i>	<i>slágati</i>	укладывать слоями	<i>slágače</i>
			<i>slàgati</i>	солгать	<i>slàgače</i>
<i>ulàgāč</i>	вкладчик	<i>ulagáče</i>	<i>ulágati</i>	вклады-вать	<i>ulágače</i>
<i>uvijāč</i>	обертка, обмотка; упаковщик	<i>uvijáče</i>	<i>uvijati</i>	заворачивать	<i>uvijače</i>

Табл. 81. Минимальные пары с фонемами **ʃ** и **ɬ**

Фонологические корреляции могут образовывать два существительных в твор. ед. / твор. мн. ч.:

Существительное	Значение	Твор. п. ед. / твор. п. мн.	Существительное	Значение	Твор. п. ед. / твор. п. мн.
<i>bīč</i>	бич	<i>bīčem</i>	<i>bíce</i>	будет	<i>bíčem</i>
<i>čèta</i>	воинское подразделение	<i>čèōm</i>	<i>Ćéto</i> (имя)	Чето (имя собственное)	<i>Ćétom</i>
<i>mùčēnje</i>	мучение	<i>mùčē-njem</i>	<i>múčēnje</i>	размешивание	<i>múčē-njem</i>
<i>čèlo</i>	лоб	<i>čèlima</i>	<i>célo</i>	лысый человек	<i>célama</i>

Табл. 82. Минимальные пары, состоящие из форм твор. п. ед./мн. ч. существительных

В небольшом числе случаев существительное женского рода вступает в корреляцию с будущим I:

Существительное	Значение	Им./вин. п. мн. ч.	Инфинитив	Значение	Будущее I, 3-е л. ед. ч.
<i>cv(j)ètača</i>	цветная капуста	<i>cv(j)ètače</i>	<i>cvjètati</i>	цвести	<i>cv(j)ètaće</i>
<i>kàljača</i>	калоша	<i>kàljače</i>	<i>kàljati</i>	загряз-	<i>kàljaće</i>

				нять	
<i>léča</i>	чечевица	<i>léče</i>	<i>léčiti</i> (экав.)	лечить	<i>lěčē</i> (экав.)
<i>sapùnjā-ča</i>	мыльная пена	<i>sapùnjāče</i>	<i>sapùnjati</i>	намыливать	<i>sapùnjāče</i>
<i>udávača</i>	невеста, девушка брачного возраста	<i>udávače</i>	<i>udávati</i>	выдавать замуж	<i>udávače</i>

Табл. 83. Минимальные пары, состоящие из форм им./вин. мн. ч. и будущего I

Существительное женского рода может образовывать минимальную пару с формой вспомогательного глагола *biti* (*jesam*):

Су- щест- ви- тель- ное	Значе- ние	Им./вин. п. мн. ч.	Инфи- нитив	Значение	Наст. вр., 2 л. мн. ч. (энкл.)
<i>čēta</i>	воин- ское под- разде- ление	<i>čēte</i>	<i>bitil jèsam</i>	вы будете	<i>čete</i> (энкл.)

Табл. 84. Минимальные пары, состоящие из форм им./вин. ед. ч. и презенса

В корреляции с существительным может находиться также и прилагательное:

Суше- стви- тельное	Значе- ние	Твор. п. ед. ч.	Прила- гатель- ное	Значение	Дат., предл. п. ед. ч.
<i>jàhāč</i>	всадник	<i>jahāčem</i>	<i>jàhācī</i>	скачущий	<i>jàhāčem</i>

Табл. 85. Минимальная пара,
состоящая из существительного и прилагательного

В редких случаях пару образуют уменьшительное существительное и будущее I:

Мотиви- рующее сущест- вительное	Значение	Умень- ши- тель- ное	Инфи- нитив	Значе- ние	Будущее I, 3-е л. ед. ч.
<i>kàpa</i>	шапка	<i>kàpčē</i>	<i>kàpati</i>	капать	<i>kàpčē</i>

Табл. 86. Минимальная пара, состоящая из форм
уменьшительного существительного и будущего I

Есть случаи, когда фонематическая оппозиция образуется в глаголь-
ных формах:

Инфини- тив	Значение	1-е / 3-е л. ед./мн. ч.	Инфини- тив	Значение	1-е / 3-е л. ед./мн. ч.
<i>lēciti</i>	лечить	<i>lēčē</i>	<i>létati</i> (экав.)	летать	<i>lēčē</i> (экав.)
<i>zavíkati</i>	закричать	<i>zàvīčē</i>	<i>zàviti</i>	завернуть	<i>zàvīčē</i>
<i>(u)kòričiti</i>	переплетать (переплести)	<i>(u)kòričē</i>	<i>(u)kòriti</i>	(от)ругать	<i>(u)kòričē</i>
<i>pòsrkati</i>	выхлебать	<i>pòsrčēm</i>	<i>pòsr̥tati</i>	споткнуться	<i>pòsr̥čēm</i>
<i>nadvíkati</i>	перекричать	<i>nàdvičē</i>	<i>nàdviti se</i>	согнуться над чем.-л.	<i>nàdvičē se</i>

Табл. 87. Минимальные пары, состоящие из форм 1-го и
3-го л. ед./мн. ч. презенса и будущего I

Обе глагольные формы могут выступать в пассивном залоге:

Инфинитив	Значение	Пассив	Инфинитив	Значение	Пассив
<i>pòseći</i> (экав.)	срубить	<i>posèčēn</i> (экав.)	<i>pòsetiti</i> (экав.)	посетить	<i>pòsečēn</i> (экав.)
<i>mùčiti</i>	мучить	<i>mùčēn</i>	<i>mútiti</i>	мутить	<i>mùčēn</i>

Табл. 88. Минимальные пары, состоящие из форм пассива

Есть случаи, когда **ʃ** и **ʦ** не создают смыслового различия между
двумя словами: *básčā* – *básčā* ‘сад, огород’. Это особенно заметно прояв-
ляется в фамилиях, напр., *Milíčević* – *Milíčević*, *Vùkčević* – *Vùkčević*.

На стыке двух лексем иногда возникает следующая фонологическая
корреляция: *túčēmo* (< *túci* ‘бить’) – *tù čēmo* ‘мы бьем – мы будем
здесь...’, *zèmljāčē* (< *zèmljāk* ‘земляк’) – *zèmlja čē* ‘земляк (зват. п.) – зем-
ля будет...’, *tòčē* (< *tòčiti* ‘наливать’) – *tô čē* ‘они наливают – это будет...’,
zàčēla (< *zàčēti* ‘забеременеть’) – *za čēla* ‘она забеременела – для лысого
человека’, *dòkūčē* (< *dokúčiti* ‘понять’) – *dò kuće* ‘они поймут – до дома’.

195. В с.-х.-б. литературных языках согласный **ɖ** представлен в междометии *ɖɪn* для имитации высоких свистящих звуков. Хотя **ɖ** и выступает как фонема в паре с **ɟ** и **ʒ** (*ɖɪn* – *ɟɪn* ‘действие’ – *dʒɪn/dʒɪn* ‘великан; джинн (алкогольный напиток)’), но это все же не литературное слово в с.-х.-б.

196. Согласный **ɾ** – это переднеязычное **r**, которое образуется с помощью дрожания кончика языка и колебаний увулы. Данная фонема по частотности в Корпусе «Gralis» занимает 4-е место (8,21%).

Звук **ɾ** может выступать как в функции согласного, так и в функции гласного. Как чистый согласный он появляется во всех позициях: а) в начале слова – *râd* ‘работа’, *rɛpa* ‘репа’, *rɪba* ‘рыба’, *rɔ̃ba/rɔ̃ba* ‘товар’, *rúka* ‘рука’, б) в середине слова – *aréna* ‘арена’, *éros* ‘эрос’, *Iréna* ‘Ирина’, *òrah* ‘греческий орех’, *ùred* ‘бюро’, в) в конце слова – *àjvār* ‘баклажанная икра’, *àmpēr* ‘ампер’, *kèfir* ‘кефир’, *gòvōr* ‘говор, речь’, *kèngūr* ‘кенгуру’. При этом возникают два типа фонематических сочетаний: гласный + **ɾ** и **ɾ** + гласный. В первом типе чаще всего встречается **or**, далее в порядке убывания частотности следуют **ar**, **er**, **ir** и **ur**.

Гласный + ɾ	Количество	%
or	65 100	31,64
ar	57 859	28,12
er	41 619	20,23
ir	23 280	11,32
ur	17 875	8,69
Всего	205 733	100,00

Табл. 89. Сочетания «гласный + **ɾ**» в Корпусе «Gralis»

Эти значения, выраженные в процентах, образуют такую последовательность:

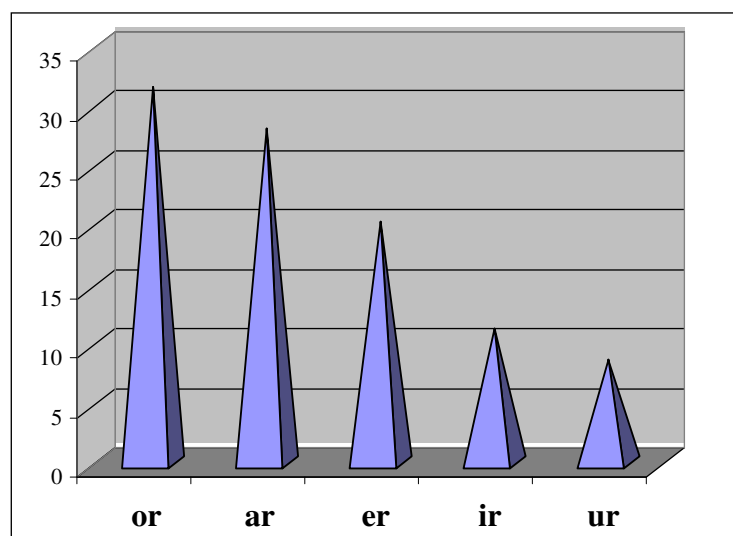

Рис. 41. Процентное распределение сочетаний
«гласный + r» в Корпусе «Gralis»

В сочетаниях вида «r + гласный» последовательность по частотности следующая:

г + гласный	Количество	%
ra	159 284	33,53
re	112 731	23,73
ri	98 107	20,65
ro	66 182	13,93
ru	38 801	8,17
Всего	475 105	100,00

Табл. 90. Сочетания «r + гласный» в Корпусе «Gralis»

Сочетания «r + гласный» обнаруживают следующее процентное распределение в Корпусе «Gralis»:

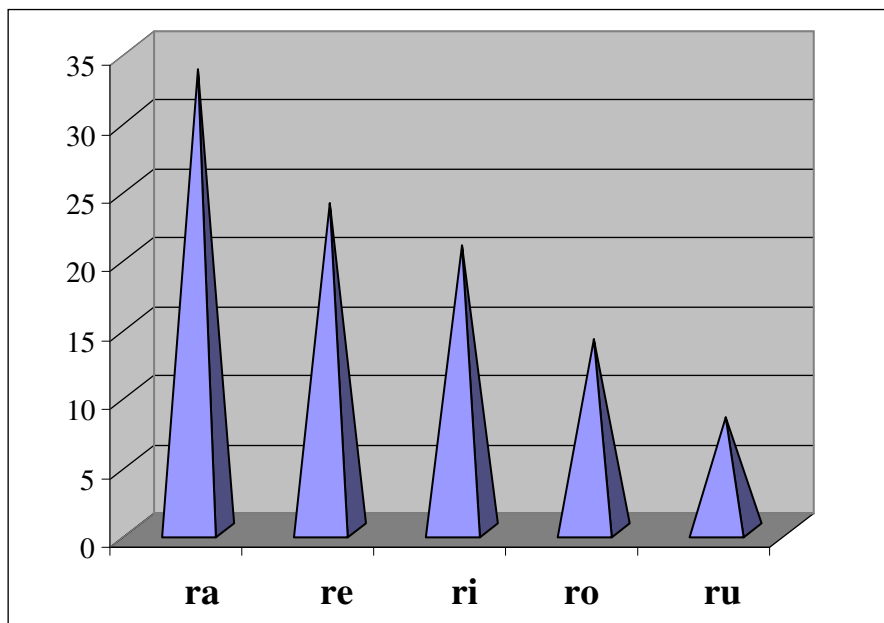

Рис. 42. Процентное распределение сочетаний «r + гласный» в Корпусе «Gralis»

Удвоенное **r** встречается только в междометиях (*brr*, *krrc*), иноязычных именах собственных (*Harry Potter*, *José Manuel Barroso*, *Ringo Starr*), названиях фирм (компания *Barr-Pharmaceuticals* из New Jersey), иноязычных словах и заимствованиях (*corruption*).

Если **r** выступает в функции гласного, то оно называется слогообразующим (слоговым, вокалическим) **r̥** и появляется в различных сочетаниях с другими согласными. Слоговое **r̥** встречается в Корпусе «Gralis» после согласных **b, ts, tʃ, tɕ, d, ʒ, f, g, h, k, m, p, s, t, v, z** и **ʒ**.

Наиболее частым¹⁴¹ является сочетание **v + r̥** (96): *čavrljati* 'болтать', *čètvrt* 'четверть', *čètvrti* 'четвертый', *cvrčak* 'сверчок', *čvīknuti* 'щелкнуть, ударить', *cvīkūt* 'щебетание', *cvrkūtatī* 'щебетать', *čvrst* 'черствый, твердый', *čvr̥ga* 'щелчок (пальцами)', *izvr̥ci* 'извергнуть', *izvr̥dati* 'увильнуть', *izvr̥ljati* ('сов. от *žvr̥ljati* 'много и плохо писать'), *izvr̥nuti* 'вывернуть', *izvrstan* 'превосходный', *kòvr̥čalkòvr̥dža* 'локон', *kv̥r̥čica* 'маленький локон', *kv̥r̥ckānje* 'потрескивание', *kv̥r̥ga* 'нарост', *nājvr̥èdnijī* 'самый старательный', *našvr̥ljati* 'сов. от *švr̥ljati* (бродить, слоняться; писать каракулями, марать)', *nepodvr̥gávānje* 'неподверженность', *perovr̥(j)èdiv*

¹⁴¹ Далее приводятся только особо типичные примеры.

‘невредимый’, *opòvrgnuti* ‘опровергнуть’, *oskvrljívati* ‘осквернять’, *osvrñnuti se* ‘оглянуться; упомянуть’, *òsvrťl’òsvrť* ‘взгляд назад; упоминание’, *pòdvrgnuti* ‘подвергнуть’, *pòtvřđen* ‘подтвержденный’, *pòvřće* ‘овощи’, *po-vređívati* ‘повреждать’, *pòvřšpovřšina* ‘поверхность’, *prìvřžen* ‘привязанный’, *skřnáviti* ‘осквернять’, *stvřdnuti se* ‘затвердеть’, *svráb* ‘зуд’, *svřbjetil’svřbjeti* ‘чесаться’, *svřdlo* ‘сверло’, *svrgávati* ‘свергать’, *svřha* ‘цель’, *svřhòvit* (*najsvřhovitiji*) ‘целесообразный’, *švrľjati* ‘бродить, слоняться; писать каракулями, мараить’, *svřšiti* ‘совершить’, *svřstati* ‘распределить’, *tvřd* (*nájtvřď*) ‘твердый (самый твердый)’, *tvřdica* ‘скряга’, *tvřditi* ‘утверждать’, *tvřtka* ‘фирма’, *utvřđenje* ‘укрепление’, *ùvreda* ‘оскорбление’, *uvrèdljiv* ‘оскорбительный’, *vřba* ‘верба, ива’, *Vřbnica* ‘Врбница (географическое название)’, *vřč* ‘кувшин’, *vřcati* ‘брызгать’, *vřcnuti* ‘брызнуть, сов. от *vřcati* (брызгать)’, *vřdati* ‘извергать’, *vřgānj* ‘гриб’, *vřh* ‘верх’, *vřlēt* ‘обрывистая, скалистая местность; круча, крутизна, утес, обрыв’, *vřli* ‘добросовестный, отменный’, *vřlina* ‘добродетель’, *vřlo* ‘очень’, *vřlùdati* ‘ходить нетвердой походкой; быть нерешительным и колеблющимся в деле’, *vřnuti se* ‘вернуться’, *vřpca/vřpca* ‘шнурок’, *Vřpolje* ‘населенный пункт в Хорватии’, *vřpoljiti/vřpoljiti se* ‘ерзать’, *Vřšac* ‘город в Сербии’, *vřšak* ‘вершина’, *vřšiti* ‘совершать’, *vřška/vřška/vřška* ‘плетеная корзина; верхняя часть стебля’, *vřšni* ‘превосходный’, *vřšnjāk* ‘сверстник’, *vřsta* ‘вид, сорт’, *vřt* ‘сад’, *vřtjeti* ‘вертеть’, *vřtlār* ‘садовник’, *vřtlog* ‘водоворот’, *vřvjeti* ‘кишеть, толпиться’, *vřzmati se* ‘ерзать’, *zavrěđívati* ‘заслуживать’, *zävřtanj* ‘болт’, *zavrzlámazavrzlāma* ‘увертка, уловка; путаница, неразбериха’, *zvřjati* ‘быть пустым’, *zvřk* ‘волчок, кубарь’, *žvrľjanje* ‘писанина’, *žvrľjati* ‘много и плохо писать’, *žvrľjotina* ‘писанина’.

На втором месте находится сочетание **t + r** – (82): *batřgati se* ‘мучиться’, *batřljak* ‘кулья’, *běstřzājñi* ‘безоткатный’, *četrðesēt* ‘сорок’, *četrnaest* ‘четырнадцать’, *četrvtak* ‘четверг’, *istrčati* ‘выбежать’, *istrgnuti* ‘извергнуть’, *istrľjati* ‘растереть, сделать массаж’, *istrzati* ‘вырывать’, *kotřljati* ‘катать’, *Matřjóna* ‘Матрена (русское женское имя)’, *naùštrb* ‘во вред’, *òstřvo* ‘остров’, *otrčati se* ‘истрепаться’, *òtřgnuti* ‘отторгнуть’, *otrežnjénje* ‘отрезвление’, *pàstřmka* ‘форель’, *Petrjùša* ‘Петрюша (имя собственное)’, *potřbuškēpòtřbuškēpotrbuškē* ‘на животе’, *potřbušni* ‘прил. от *pòd* (под) + *třbuh* (живот)’, *pretřnuti* ‘затвердеть’, *pròstřh* ‘от *pròstrijeti* подстелить’, *ràstřgnuti* ‘разорвать на части, расторгнуть’, *raštrkati se* ‘рассеяться’, *rastrľjati* ‘растереть, втереть’, *štrčati* ‘брызгать’, *štrčati* ‘выделяться’, *střgnuti* ‘сорвать, сдернуть’, *střelica* ‘стрелка’, *střka* ‘паника, толкучка’, *střm* ‘отвесный’, *střmīna* ‘отвесный склон’, *střnište* ‘жнивье’, *střnjika* ‘побег кукурузы’, *střpati* ‘свалить, навалить; засунуть’, *střpljénje* ‘терпение’, *střpljiv* (*nájstřpljivij*) ‘терпеливый (самый терпеливый)’, *střšati* ‘выступать, выдаваться’, *střšljēn* ‘шершень’, *střvan* ‘кровожадный’, *střvina* ‘падаль’, *třbuh* ‘живот’, *třcati* ‘бежать’, *třg* ‘площадь’, *třgnuti* ‘рвануть, дернуть’, *třk* ‘бег’, *třka* ‘гонка’, *třľjati* ‘тереть, массировать’, *třn* ‘терн’, *třnjāk* ‘куст ежевики’, *třnje* ‘шепы, тернии’, *třnjina* ‘терновая ягода’, *třnuti* ‘цепенеть’, *třpati*

‘набивать’, *tɾpezàrija* ‘столовая’, *tɾpjeti* ‘терпеть’, *tɾščan* ‘тростниковый’, *Tɾšíc* ‘Тршич (географическое название)’, *tɾšiti se* ‘избавиться’, *tɾška* ‘камыш’, *Tɾst/Tɾst* ‘Триест’, *tɾstika* ‘камыш’, *tɾtica* ‘копчик’, *tɾtljati* ‘бормотать’, *tɾvēnje* ‘трение’, *tɾzāj* ‘рывок’, *tɾzati* ‘дергать’, *tɾžnica* ‘рынок’, *tɾžnī* ‘рыночный’, *tvɾd* ‘твердый’, *utrnutí* ‘застыть, онеметь’.

Третье место по частотности занимает сочетание **p + ɾ** – *čepɾkati* ‘ковырять’, *ispɾskati* ‘разбрызгать’, *isɾɾva* ‘сперва’, *isɾɾžiti* ‘испечь’, *korɾcati se* ‘биться, трепыхаться’, *lapɾdānje* ‘болтовня’, *lapɾdati* ‘болтать’, *lepɾsati* ‘порхать’, *napɾtnjača* ‘рюкзак, заплечная сумка’, *pòpɾsje* ‘область груди’, *pɾčast* ‘вздернутый (о носе)’, *pɾčav* ‘вздернутый (о носе)’, *pɾgav* ‘горячий, вспылчивый, несдержанный, грубый’, *pɾgavōst* ‘вспылчивость, несдержанность, грубость’, *pɾhnuti* ‘порхнуть’, *pɾhūt* ‘перхоть’, *pɾkno* ‘ягодицы (пейор.)’, *pɾkos* ‘упрямство’, *pɾkositi* ‘упрямиться’, *Pɾle* ‘Прле (имя собственное)’, *pɾštati* ‘трещать, потрескивать’, *pɾšljēn* ‘позвонок’, *pɾsluk* ‘жилет’, *pɾsnuti* ‘лопнуть, треснуть; взорваться’, *pɾst* ‘палец’, *pɾstēn* ‘кольцо’, *pɾtina* ‘путь, проложенный по снегу’, *pɾtiti* ‘прокладывать путь по снегу’, *pɾtljāj* ‘багаж’, *pɾvāk* ‘чемпион’, *pɾvīlpɾvī* ‘первый’, *pɾžina* ‘отлогий песчаный берег’, *šepɾtlja* ‘неловкий, неумелый человек; копун; копуня’, *spɾdati se* ‘насмехаться’, *u(s)pɾkos* ‘вопреки’, *upɾti* (pogled) ‘обратить взгляд на что-л.’, *raspɾskati* ‘распрыскать’.

Далее следуют сочетания: **m + ɾ** – *izmɾšáviti* ‘похудеть’, *mɾcina* ‘труп; негодяй’, *mɾčiti* ‘делать темным’, *mɾcváriti* ‘мучить’, *mɾdati* ‘двигаться’, *mɾgodan* ‘мрачный, угрюмый’, *mɾgoditi se* ‘быть угрюмым, мрачно смотреть’, *Mɾgūd* ‘Мргуд (мужское имя)’, *mɾlja* ‘пятно’, *mɾljati* ‘пачкать, мара́ть’, *mɾmljati* ‘бормотать’, *mɾmōr* ‘бормотание’, *mɾs* ‘жирная, скоромная еда’, *mɾšav* ‘худой’, *mɾsiti* ‘путать; есть скоромное’, *mɾskil mɾzak* ‘жирный’, *mɾšiti se* ‘морщить лоб’, *mɾtav* ‘мертвый’, *mɾva* ‘крошка’, *mɾvica* ‘крошечка’, *mɾviti* ‘крошить’, *mɾziti* ‘ненавидеть’, *mɾžnja* ‘ненависть’, *pòmɾčina* ‘помрачение’, *smɾčal smɾča* ‘можжевелик’, *smɾd(j)eti* ‘вонять’, *šmɾk* ‘шланг, насос’, *šmɾkati* ‘сморкаться’, *smɾt* ‘смерть’, **k + ɾ** – *kɾrc* ‘междометие’, *Kɾca* ‘Крца (мужское имя)’, *kɾckati/kɾcnuti* ‘трескаться, лопаться’, *kɾdo* ‘стадо’, *kɾdža* ‘плохой табак’, *Kɾle* ‘Крле (имя собственное)’, *Kɾleža* ‘имя собственное, Мирослав Крлежа’, *kɾmak* ‘боров; негодяй (в переносном смысле)’, *kɾmčiti* ‘распределять (разг.)’, *kɾme* ‘подсвинок’, *kɾntija* ‘развалюха (старая, плохая машина)’, *kɾpa* ‘тряпка’, *kɾpelj* ‘клещ’, *kɾpež* ‘хлам’, *kɾpiti* ‘латать’, *Kɾško* ‘Кршко (город в Словении)’, *kɾst* ‘крест’, *kɾšten* ‘крещеный’, *kɾt* ‘хрупкий’, *kɾtōla* ‘картофель (диал.)’, *kɾv* ‘кровь’, *kɾvnik* ‘убийца’, *kɾzàmak* ‘корь’, *Kɾžišnik* ‘Кржишник (имя собственное в словенском)’, *lakɾdija* ‘шалость, озорство, шутка’, *òpskɾba* ‘снабжение, обеспечение, оснащение’, *òpskɾbnī* ‘служащий, используемый для снабжения, оснащения’, *skɾb* ‘забота, опека’, *skɾbništvo* ‘опекунство’, *škɾge* ‘жабры’, *škɾgūt* ‘скрежет’, **s + ɾ** – *milòsɾđel milòsɾđe* ‘милосердие’, *milòsɾdni milòsɾdni* ‘милосердный’, *nasɾnuti* ‘напасть’, *nàsɾtāj* ‘нападение’, *pòsɾtati* ‘спотыкаться’, *rasɾditi se* ‘рассердиться’, *Sɾbin* ‘серб’, *sɾčalsɾča*

‘стекло (разг., тур.)’, *sřčan* ‘сердечный’, *sřčanōst* ‘сердечность’, *sřce* ‘сердце’, *Sřđ* ‘Срдж (гора недалеко от Дубровника)’, *Sřđan* ‘Срджан (мужское имя)’, *sřđiti se* ‘сердиться’, *sřdžba* ‘злость’, *sřknuti* ‘хлебнуть (напиток)’, *sřljati* ‘стремглав нестись’, *sřma* ‘серебро’, *sřna* ‘серна’, *sřndāc* ‘самец серны’, *sřp* ‘серп’, *sřpski* ‘сербский’, *sřž* ‘сердцевина, стержень; костный мозг; суть, сущность’, **b + ɾ** – *břbljati* ‘болтать’, *břlog* ‘логово, берлога’, *břčkati (se)* ‘плескаться’, *břdo* ‘холм’, *zbřda-zdōla* ‘беспорядочный’, *břđanin* ‘горный житель’, *břk* ‘ус’, *Břlić* ‘Брлич (имя собственное)’, *břlja* ‘плохая ракия (сливовая водка)’, *břljati* ‘плохо работать (разг.)’, *Břno* ‘Брно (город в Чехии)’, *břnja* ‘родимое пятно на морде козы или овцы’, *břstiti* ‘обглаживать листву (о животных)’, *břvno* ‘бревно’, *břz* ‘быстрый’, *zbřzati* ‘быстро сделать что-л.’, **ts + ɾ** – *cřnica* ‘чернозем’, *cřnjāk* ‘красное вино; бедняк’, *cřci* ‘умереть, сдохнуть’, *cřknuti* ‘умереть, сдохнуть’, *cřn* ‘черный’, *cřnjo* ‘негр (пейор.)’, *cřpsti* ‘(вы)качать’, *cřpka* ‘насос’, *cřta* ‘черта’, *cřtati* ‘рисовать’, *cřv* ‘червь’, *cřkva* ‘церковь’, *cřvēnlcřven* ‘красный’, *cřvėnilo* ‘румяна’, *Cřkvėnica* ‘Црквеница (город в Хорватии)’, **h + ɾ** – *hřbat* ‘хребет’, *hřčak* ‘хомяк’, *hřka* ‘храпун’, *hřkati* ‘храпеть’, *hřliti* ‘спешить’, *hřpa* ‘куча’, *hrptėnjača* ‘позвоночник’, *hřskavica* ‘хрящ’, *hřsuz* ‘плут, проходимец, прохвост; мошенник, жулик, вор’, *hřt* ‘борзая’, *Hřvāt* ‘хорват’, *řvāc* ‘борец’, *řđa* ‘ржавчина’, *řzati* ‘ржать’, **d + ɾ** – *dřčiti se* ‘хвастаться’, *dřhtati* ‘дрожать’, *nadrřljati* ‘понести ущерб (разг.)’, *dřmati* ‘трясти’, *dřpiti* ‘вырвать, выдернуть; украсть’, *dřskōst* ‘дерзость’, *dřskal/dřška* ‘рукоятка’, *pōdřška* ‘поддержка’, *dřvo* ‘дерево’, *dřven* ‘деревянный’, *dřzak* ‘дерзкий’, *dřžati* ‘держать’, **z + ɾ** – *zřcalo* ‘зеркало’, *Zřmanja* ‘Зрманя (река в Хорватии)’, *zřnast* ‘зернистый’, *zřno* ‘зерно’, *zřnje* ‘зерна’, **g + ɾ** – *gřk* ‘грек’, *gřlo* ‘горло’, *gřm* ‘куст’, **ž + ɾ** – *žřtva* ‘жертва’, *žřvanj* ‘жернов’, **f + ɾ** – *fřknuti* ‘швырнуть (разг., пейор.)’.

После согласных **ts, ž, ž, ĭ, ĭ, n, ĭ** и **ř** слоговое **ɾ** в Корпусе «Gralis» не встречается.

197. Слоговое **ɾ** образует минимальные пары со всеми гласными: *břk* ‘ус’ – *bāk* ‘вид быка’, *bōk* ‘бок’, *běk* ‘защитник (в спорте)’; *třk* ‘бег’ – *ték* ‘течение’, *třk* ‘очень близко’, *tōk* ‘течение’; *cřv* – *cėv* ‘червь – труба’ (экав.); *zvřk* ‘волчок’ – *zvūk* ‘звук’; *břlja* ‘плохая водка’ – *bōlja* ‘лучшая’, *břlja* ‘полено’; *břz* ‘быстрый’ – *bez* ‘без’; *dřška* ‘рукоятка’ – *Düşka* ‘Душка (женское имя)’; *hřpa* ‘куча’ – *hōpa* ‘междометие’; *křt* ‘хрупкий’ – *kāt* ‘этаж’, *kūt* ‘угол’; *křv* ‘кровь’ – *kōv* ‘кузнечный молот’; *křst* ‘крест’ – *kōst* ‘кость’; *mřs* ‘жир’ – *mřs* ‘мисс’; *přst* ‘палец’ – *pōst* ‘пост’; *Přle* ‘Прле (мужское имя)’ – *pāle* ‘они (ж. р.) упали’, *Pěle* ‘Пеле (бразильский футболист)’, *přle* ‘цыпленок’; *sřknuti* ‘хлебнуть’ – *súknuť* ‘хлынуть, броситься; удрать, убежать’; *sřna* ‘серна’ – *Sána* ‘Сана (река в Боснии)’, *Sėna* ‘Сена (река в Париже)’; *Třst* ‘Триест’ – *tāst* ‘тест’; *třg* ‘площадь’ – *tėg* ‘вес’, *tōg* ‘род. ед. местоимения *tāř*’; *křt* ‘кит’ – *kūt* ‘угол’; *Křca* ‘Крца (мужское имя)’ – *kāca* ‘кадка’; *křpa* ‘тряпка’ – *kāpa* ‘шапка’, *kōpā* ‘он, она, оно копает’, *Křpa* ‘Купа (река в Хорватии и в Словении)’; *sřk* ‘глоток’ – *sōk* ‘сок’; *vřsta* ‘вид,

разновидность' – *Vista* 'Vista (операционная система)'; *vīdati* 'уклоняться, увертываться, избегать; вертеться, крутиться' – *vīdati* 'исцелять знахарством', *vódati* 'водить'.

198. Согласные **I** и **Ī** имеют различную артикуляцию. При произнесении звука **I** кончик языка касается альвеол, но не верхних зубов и десен. Язык в целом расслаблен. При артикуляции **Ī** язык касается большей части альвеол и образует более широкую преграду. Кончик языка сильно прижат к нижним зубам.

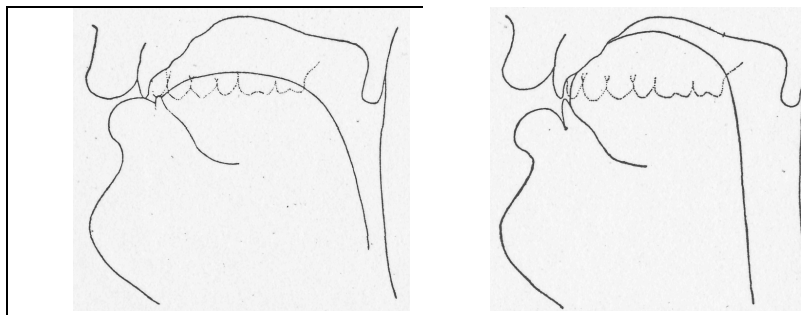

Рис. 43: Артикуляционные профили звуков **I** (слева) и **Ī** (справа) – Miletić 1960: 25, 32

Согласный **I** в глагольной форме *pòstajale* (от *pòstajati* 'становиться') в Корпусе звучащей речи «Gralis» имеет следующие значения формантов:

I в <i>pòstajale</i>	F1	F2	F3
bjelovar_006k	970,87	459,524	529,84
mostar_003k	550,27	1638,97	3 875,60
mostar_005k	558,39	2 006,53	4 380,88
sarajevo_001k	474,50	2 258,49	3 622,31
graz_004s	544,56	3 032,63	3 722,50
novi_sad_003s	499,47	1 921,36	3 911,44
novi_sad_002s	757,24	716,47	3 682,68
beograd_001s	1 062,06	2 469,43	4 044,44
bihać_003b	472,74	1 707,15	4 532,56
graz_003b	824,81	2 449,66	4 091,58
sarajevo_004b	616,86	1 542,53	3 334,46
Среднее	666,53	1 836,61	3 611,66

Табл. 91: Акустические характеристики согласного **I** в глагольной форме *pòstajale* (от *pòstajati* 'становиться') в Корпусе звучащей речи «Gralis»

В наречии *dālĵe* 'далее' у согласного **Ī** следующие значения формантов:

Ī в <i>dālĵe</i>	F1	F2	F3
mostar_003k	391,08	2 549,10	4 001,13
mostar_005k	219,28	2 702,54	3 979,75

graz_004s	381,79	3 546,20	4 712,25
novi_sad_003s	410,20	2 000,73	3 878,08
novi_sad_002s	417,13	2 249,04	4 578,28
Среднее	363,90	2 609,52	4 229,90

Табл. 92: Акустические характеристики согласного **ĭ** в наречии *dālje* 'дальше' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

Согласный **ĭ** встречается в Корпусе «Gralis» значительно чаще, чем **ĩ**: 6,03% (9-е место) – 0,97% (22-е место).

Согласные **ĭ** и **ĩ** образуют многочисленные минимальные пары –

а) в начале слова: *līga* – *ljīga* 'лига – изворотливый человек, ловкач, подлиза, подхалим', *lòkati* – *ljòkati* 'лакать – восклицание (междометие), чтобы отвлечь теленка от коровы во время дойки', *lúda* – *ljùda* 'дурак – настоящий человек', *ludovati* – *ljudovati* 'беситься – вести себя как настоящий человек',

б) в середине слова: *bòlī* – *bòljī* 'болит – лучший', *lūdī* – *ljūdī* 'сумасшедший – люди', (oni) *vòlē* – (bez) *vòlje* '(они) любят – (без) воли', *gàla* – *gàlja* 'торжественный, гала- – черная овца', *mìla* – *mìlja* 'ж. р. от *mio* милый – миля', *smòla* – *smòlja* 'смола – ограниченный, глупый человек', *ròla* – *ròlja* 'роль – ленивая женщина (диал., распространено в Лике)', *dòla* – *dòlja* 'долина – маленькая долина', *gòla* – *gòlja* 'голая – голыш, бедняк', *vòla* – *vòlja* 'род. ед. от *vo(l)* вол – воля', *dùplja* – *dùplja* 'двойная – дупло, полость', *bùla* – *bùla* – *bùlja* 'турецкая женщина – человек с неподвижным взглядом', *Pùla* – *pùlja* 'Пула (город в Истрии) – турецкая монета (стоимостью 60 пар)', *kùla* – *kùlja* 'башня – брюшко' и *kùlja* 'кукурузная каша', *Kòle* – *kòlje* 'мужск. имя – колья', *mále* – *màlje* 'маленькие – пушок', *bêlē* – *Bêlje* 'белые – Беле (географическое название)', *bíle* – *bilje* 'они (ж. р.) были – растения', *dále* – *dàljē* 'они (ж. р.) дали – дальше', *dòle* – *dòlje* 'внизу – мн. от *dòlja* дно долины', *Míle* – *mìlje* (*milina*) 'Миле (мужское имя) – радость, приятность', *nèmile* – *nèmilje* 'нелюбимые (ж. р.) – немилость', *bòlē* – *bòljē* '(они) болят – лучше', *topòle* – *tòpòlje* 'тополя – древесина тополя',

в) в начале и в середине слова: *lùla* – *ljùlja* / *ljùlja* '(зоол.) трубка – макрель; гипокор.' от *ljùljāška* и *ljùljka* 'качели', *lùtkast* (от *lùtka* 'кукла') – *ljùtkast* 'кукольный – горький',

г) в конце слова: *māl* – *màlj* 'маленький – молот'.

Согласные **ĭ** и **ĩ** иногда дифференцируют экавское и иекавское произношение: *lètnjī* – *ljètnjī* 'летний', *lèpsē* – *ljèpsē* 'красивее', *lepòta* – *ljepòta* 'красота', *lekòvit* – *ljekòvit* 'лечебный', *lètōs* – *ljètōs* 'в этом году', *lèvā* – *ljèvāk* 'левая – левша'. Они отличают глагольные формы (перфект) от именных (им., вин. и зват. п. ед. ч.):

Инфинитив	Значение	Перфект (3 л. ед. ч. ж. р.)	Им. ед. существительного	Значение
<i>bòsti</i>	колоть	<i>bòla</i>	<i>bólja</i>	болезнь (поэт.)
<i>dòjiti</i>	кормить грудью	<i>dòjila</i>	<i>dòjilja</i>	кормилица; мать, кормя- щая грудью; дойная корова
<i>dvòriti</i>	ухаживать	<i>dvòrila</i>	<i>dvòrīlja</i>	прислужница, служанка
<i>ìspiti</i>	выпить	<i>ìspila</i>	<i>ìspilja</i>	выпивала
<i>mèsti</i>	мести	<i>mèla</i>	<i>mélja</i>	мука (обл.)
<i>mòliti</i>	просить	<i>mòlila</i>	<i>mòljīla</i>	просительница
<i>nòsiti</i>	носить	<i>nòsila</i>	<i>nòsīlja</i>	носилки (обл.)
<i>nùditi</i>	предлагать	<i>nùdila</i>	<i>nùdīlja</i>	женщина, ухаживающая за больным; санитарка, медсестра
<i>òbiti</i>	обить	<i>òbile</i>	<i>òbīlje</i>	обилие
<i>pàsti</i>	упасть	<i>pàla</i>	<i>pālja</i>	факел (обл.)
<i>pàziti</i>	следить	<i>pàzila</i>	<i>pàzīlja</i>	надзиратель- ница
<i>poròditi</i>	породить	<i>poròdila</i>	<i>poròdīlja</i>	роженица, ро- дильница
<i>pò vestil/ povèsti</i>	повести, повезти	<i>pòvela</i>	<i>pòvelja</i>	грамота
<i>pràti</i>	мыть	<i>pràla</i>	<i>prālja</i>	прачка
<i>prèsti</i>	прясть	<i>prèla</i>	<i>prêlja/prèlja</i>	пряха, пря- дильщица
<i>ròditi</i>	родить	<i>ròdila</i>	<i>ròdīlja</i>	роженица, ро- дильница

<i>sèsti</i> (экав.)	сесть	<i>sèla</i>	<i>sélja</i>	крестьянин (фам.)
<i>šiti</i>	шить	<i>šila</i>	<i>šiljal šilja</i>	швея, портни- ха
<i>súdi</i>	судить	<i>súdila</i>	<i>sùdila</i>	женщина, оп- ределяющая судьбу другим
<i>svòdi</i>	сводить	<i>svòdila</i>	<i>svòdila</i>	сводница, сводня
<i>tkàti</i>	ткать	<i>tkàla</i>	<i>tkàljal tkàlja</i>	ткачиха
<i>tràti</i>	тереть	<i>tràla</i>	<i>tràlja</i>	неопрятная, неряшливая женщина, не- ряха
<i>titi</i>	тереть	<i>tila</i>	<i>tilja</i>	морская рыба Mullus barba- tus (султанка, барабулька); в игре: игрок, хватящий палку (обл.)
<i>uobráziti</i>	вообразить	<i>uobrázila</i>	<i>uobràzila</i>	мечта, вооб- ражение
<i>vòdi</i>	водить	<i>vòdila</i>	<i>vòdila vòdila</i>	та, которая ведет (напр., курица)
<i>zbiti</i>	сжать	<i>zbila</i>	<i>zbila</i>	действитель- ность, реаль- ность
<i>žeti</i>	жать	<i>žela</i>	<i>želja</i>	желание
<i>željati</i>	желать	<i>žele</i>	<i>želje</i>	желания

Табл. 93: Минимальные пары, состоящие из форм ж. р.
3-го л. ед. ч. перфекта и им. ед. ч. существительных

Это различие можно наглядно продемонстрировать с помощью про-
стых предложений: *Pràlja je pràla*. 'Прачка стирала.' – *Prèlja je prèla*.

‘Прядильщица пряла.’ – *Ròdīlja je ròdila*. ‘Роженица родила.’ – *Šīlja je šīla*. ‘Швея шила.’ – *Svòdīlja je svòdila*. ‘Сводня сводничала.’ – *Tànkòprēlja je tǎnko prēla*. ‘Прядильщица тонкой пряжи тонко пряла.’ – *Tkǎlja je tkàla*. ‘Ткачиха ткала.’.

199. Артикуляция носовых **n** и **ń** различается тем, что язык при произнесении **ń** примыкает к нижним зубам и поднят существенно сильнее, чем при произнесении **n**.

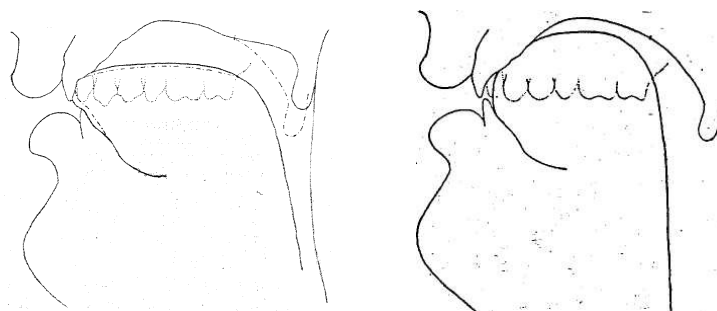

Рис. 44. Артикуляционные профили согласных **n** (штрихпунктирная линия слева) и **ń** (справа) – Miletić 1960: 37, 51

Согласный **n** в форме множественного числа местоимения *něki* ‘некоторые’ имеет в Корпусе звучащей речи «Gralis» следующие значения формантов: F1 – 351,02, F2 – 2 441,15, F3 – 4 302,85.

№	n в <i>něki</i> ‘некоторые’	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	230,33	2 460,13	4 586,35
2	mostar_003k	325,87	2 454,70	4 203,63
3	mostar_005k	243,30	2 230,21	4 162,91
4	sarajevo_001k	334,30	2 637,62	5 305,89
5	graz_004s ¹⁴²	345,83	2 929,39	4 324,78
6	novi_sad_003s	344,31	2 233,55	3 970,26
7	novi_sad_002s	371,00	2 423,11	4 804,60
8	beograd_001s	550,12	2 312,09	3 673,38
9	graz_003b	414,16	2 289,55	3 693,87
Среднее		351,02	2 441,15	4 302,85

Табл. 94. Согласный **n** в *něki* ‘некоторые’
в Корпусе звучащей речи «Gralis»

¹⁴² Говорящий произносит **n** и **e** очень слитно, так что провести границу между этими двумя звуками затруднительно.

В форме множественного числа *njih* 'их' личного местоимения *он, она, оно* согласный **ñ** имеет следующие средние значения формантов: F1 – 353,95, F2 – 2 547,03, F3 – 4 286,52.

№	nj в <i>njih</i> 'их'	F1	F2	F3
1	mostar_003k	330,47	2 939,13	3 980,30
2	zagreb_010k	282,35	2 162,94	5 058,33
3	graz_004s	425,25	2 988,07	4 376,20
4	novi_sad_003s	354,92	2 334,15	4 221,85
5	novi_sad_002s	403,58	3 111,14	4 239,36
6	sarajevo_004s	399,05	2 335,88	4 086,88
7	bihać_003b	325,93	2 255,12	4 689,32
8	graz_003b	325,52	2 198,96	4 663,11
9	sarajevo_003b	591,77	2 361,97	3 735,23
10	sarajevo_004b	100,68	2 782,95	3 814,61
Среднее		353,95	2 547,03	4 286,52

Табл. 95. Согласный **ñ** в форме мн. ч. *njih* 'их' местоимения *он, она, оно*

Звук **n** – самый частотный согласный в Корпусе «Gralis» (10,8%), тогда как **ñ** занимает только 19-е место (1,24%). Эти звуки могут играть смысловоразличительную роль, например, в нижеприведенных минимальных парах: а) в начале слова: *nèga* – *njèga* 'уход (экав.) – его', *níva* – *njìva* 'Нива (российская марка автомобилей) – нива', *nìska* – *njìska* 'низкая – ржание', *Nôrka* – *njôrka* 'Норка (женское имя) – гагара (зоол.)', б) в середине слова: *Āna* – *Ānja* 'Ана (женское имя) – Аня (женское имя)', *Břno* – *břno* 'Брно – овца или коза с белым пятном на морде', *Dānu* (вин. от имени *Dāna*) – *dānu* 'днем', *lúna* – *lūnja* 'луна – луня сущ. от *lúnjati* бродить', *strūne* – *strūnje* 'струны (мн. ч.) – собир. сущ. от *strūna* 'струна', *tūna* – *tūnja* 'тунец – леска', *mána* – *mānja* 'недостаток – сравн. ст. от *mālā*, маленькая', *rúno* – *rūno* 'руно – косматый человек', *cřno* – *cřno* 'черно – негр (пейор.)', *dīnār* – *dīnjār* 'динар (денежная единица) – человек, выращивающий дыни или торгующий ими', *Dīnara* – *dīnjara* 'Динара (горный хребет) – дынная водка', *kíno* – *kíno* 'кино – мужское имя', *mīna* – *mīnja* 'мина – Миня (женское и мужское имя), *mladīna* – *mladīnja* 'молодежь, юношество, юность, молодые; молодняк (домашних птиц); молодой месяц, новолуние – соб. сущ. молодость, молодые (обл.)', *Tīnal* *Tīna* – *tīnja* *Tīnja* 'женское имя – грязь', в) в начале и в середине слова: *nòna* *nóna* – *njónja* 'бабушка – усталый человек', г) в конце слова: *sīn* – *sīnj* 'сын – сероватый', *čūn* – *čūnj* 'лодка – конус'.

Они также могут отличать экавицу от иекавицы: *nèžan*/*nèžan* – *njèžan* 'нежный', *nèžno*/*nèžno* – *njèžno*/*njèžno* 'нежно', *Nèmica* – *Njèmica* 'немка', *Nèmačkā* – *Njèmačkā* 'Германия', *nèmačkī* – *njèmačkī* 'немецкий', *nèga* – *njèga* 'забота – его'.

Эти фонемы могут различать по смыслу глагольные формы (пассив) и формы существительных.

Инфинитив	Значение	Пассив (3-е л. мн. ч., ж. р.)	Им. ед. существительного	Значение
<i>aktivíratí</i>	активировать	<i>aktivīrāne</i>	<i>aktivírānje</i>	активация
<i>akumulíratí</i>	аккумулировать	<i>akumulīrāne</i>	<i>akumulírānje</i>	аккумуляция
<i>akumulísatí</i>	аккумулировать	<i>akumulīsāne</i>	<i>akumulisānje</i>	аккумуляция
<i>akcentíratí</i>	акцентировать	<i>akcèntīrāne</i>	<i>akcentírānje</i>	акцентирование
<i>àkcentovatí</i>	акцентировать	<i>àkcentovāne</i>	<i>àkcentovānje</i>	акцентирование
<i>amnestíratí</i>	амнистировать	<i>amnèstīrāne</i>	<i>amnestírānje</i>	амнистия
<i>analizíratí</i>	анализировать	<i>analizīrāne</i>	<i>analizírānje</i>	анализ
<i>àngažovatí</i>	привлекать	<i>àngažovāne</i>	<i>àngažovānje</i>	привлечение
<i>angažíratí</i>	привлекать	<i>angàžīrāne</i>	<i>angažírānje/ angàžīrānje</i>	привлечение
<i>bòdrití</i>	ободрять	<i>bòdrene</i>	<i>bòdrēnje</i>	ободрение
<i>bròjítí</i>	считать	<i>bròjene</i>	<i>bròjēnje</i>	счет
<i>vàdítí</i>	вытаскивать, вытягивать	<i>vàdene</i>	<i>vàdēnje</i>	вытаскивание, вытягивание
<i>vìd(j)etí</i>	видеть	<i>vìdene</i>	<i>vìdēnje</i>	видение
<i>vòdítí</i>	водить	<i>vòdene</i>	<i>vòdēnje</i>	вождение
<i>zàgadítí</i>	загрязнить	<i>zàgađene</i>	<i>zagađēnje</i>	загрязнение

Табл. 96. Минимальные пары, состоящие из форм 3-го л. мн. ч. ж. р. пассива и форм им./вин. п. ед. ч. существительных

200. Звуки **í** и **ń** представляют собой очень тесное слияние **l + j** и **n + j**, причем звук **j** полностью растворяется в **l** или **n**: *vòlja* 'воля', *ljúbav* 'любовь', *Ljiljana* 'женское имя'; *pānj* 'пень', *ńjva* 'нива', *kònj* 'конь'. Если кто-то произносит слово *sèljāk* 'крестьянин' как *seł-jak* или слово *bānja*

‘курорт’ как *ban-ja*, то сразу становится понятно, что это носитель другого языка.

201. Самыми сложными для иностранцев с точки зрения артикуляции являются звуки **ʒ** и **ɟ**. Согласный **ʒ** является звонким, а **ɟ** – это его глухое соответствие. Фонема **ɟ** представляет собой нечто среднее между **ts** и **tʃ**. При ее произнесении кончик языка касается нижних зубов, а губы слегка выдвинуты вперед.

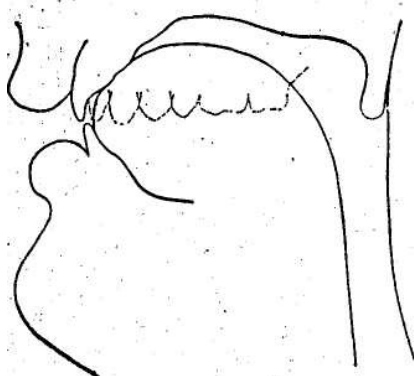

Рис. 45. Артикуляционные профили согласных **ɟ** и **ʒ** (Miletić 1960: 40)

При артикуляции звуков **ʒ** и **ɟ** средняя часть языка сперва создает преграду в районе верхних альвеол, а затем образуется проход для воздуха. Звук **ʒ** является звонким согласным, а **ɟ** – глухим.

Артикуляция согласного **ɟ** выглядит следующим образом: начав произносить **tʃ**, необходимо продвинуть тело языка вперед, пока кончик языка не коснется нижних зубов. Произнеся хотя бы приблизительно звук **ɟ**, очень легко получить путем подключения голоса и его звонкое соответствие, звук **ʒ**. Он редко встречается в Корпусе «Gralis» и занимает предпоследнее, 24-е место (0,34%).

Согласные **ʒ** и **ɟ** различают по смыслу многие слова, например: *vòðe* – *vòðel vòðe* ‘возжи – фрукты’, *Đéla* – *ćélal ċèla* ‘имя собственное – лысина’, *Đélo* – *ćélo* ‘имя собственное – лысый человек’, *Đòja* – *ćòja* ‘имя собственное – прозвище «чоя»’, *Đóra* – *ćóra* ‘имя собственное – одноглазая кобыла’, *Đúza* – *ćúza* ‘имя собственное – тюрьма (разг., жарг.)’, *léða* – *léća* ‘спина – чечевица’, *vèða* – *vèća* ‘бровь – большая (сравн. ст., ж. р. ед. ч.)’.

202. Согласные **ʒ** и **tʃ** также образуют фонематическую пару, напр.: *lúðenje* ‘сумасшествие’ – *lùčenje* ‘мясное блюдо с луком или чесноком’ и *lúčenje* ‘разлучение’, *síðal sřða* – *sřća* ‘сердитый человек / имя собственное – стекло (разг. тур.)’, *đavao* – *čavao* ‘дьявол – гвоздь’, *Đélo* – *ćelo* ‘имя собственное – лоб’ и *ćelo* ‘виолончель’, *džip* – *čip* ‘джип – чип’, *Đúka* – *ćuka* ‘имя собственное – скалистая вершина горы, часы (жарг.)’, *đak* – *čak* ‘ученик – даже’, *lèðen / lèðen* – *lèčen* (экав.) ‘тот, которой подвергнут замораживанию – леченный’, *lèðenje* – *léčenje* ‘замораживание – лечение’.

203. Есть лексемы, которые различаются с помощью фонем **ǰ** и **ǰ̣**. Ср.: а) *ǰāk* – *dǰāk* ‘ученик – мешок’, *ǰēm* – *dǰēm* ‘мундштук (у лошади) – джем’, *ǰēvēr* (диал.) – *dǰēver* ‘шафер – клен’, *dǰīdal/dǰīda* – *ǰīda* ‘короткое копье – здоровый парень, молодец; смельчак’, б) *Rāǰa* – *Rādǰa* (имена собственные), *Mīǰa* – *Mīdǰa/Mīdǰa* ‘имя собственное’, *būǰa* – *būdǰa* ‘плесень – важный человек, начальник’. Иногда возникает только формальное различие: *Mādār* – *Mādǰār* ‘венгр’.

204. Звук **ǰ** образует фонематическую пару с **ʃ**: а) *ǰéva* – *šéva* ‘имя собственное – жаворонок’, *ǰéle* – *šéle/Šéle* ‘имя собственное – имя собственное (гипокор.)’, б) *čāǰa* – *čāša* ‘копоть – рюмка’, *gūdēnje* – *gúšēnje* ‘пиливание – удушение’, *jēǰa* – *Jéša* ‘еда (диал.)’, *ǰāpīl’nik* – *ǰāpīl’nik* ‘напильник – имя собственное’, *Nāǰa* – *nāša* ‘имя собственное – наша’, *Nēǰa* – *Néša* (имена собственные), *Nēǰo* – *Néšo* (имена собственные), *prēǰa* – *prēša* ‘пряжа, сеть – спешка’, *rāǰa* – *Rāša* ‘работа (разг.)’, *skat* (рыба) – *skat* ‘имя собственное’, *sūǰen* – *sūšēn* ‘предначертанный – сушеный’, в) *būǰ/būǰ* – *Būš* ‘плесень; важный человек, начальник – имя собственное’, *tūǰ* – *tūš* ‘чужой – душ’.

205. Существуют фонематические пары с **ǰ** и **ts**, а также с **ʃ** и **ʒ**, **ǰ** и **ts**: а) *ǰūrica* – *cūrica* ‘имя собственное – девушка’, б) *būǰa* – *būca* ‘плесень – толстощекая женщина’, *vēǰa* – *Véca* ‘бровь – имя собственное’, *mēǰa* – *méca* ‘межа, граница – медведь (уменьш.)’, *Pēǰa* – *péca* ‘уменьшительно-ласкательное от *Prēdrāg* – плаксивый ребенок’, **ǰ** – **ʃ**: *ǰūša* – *šūša* ‘имя собственное – безрогая корова; незначительный человек’, **ǰ** – **ʒ**: *ǰēnka* – *ženka* ‘имя собственное – самка’, *lāǰa* – *lāža* ‘ладья, судно – лож, вранье; лжец, лгун, враль’.

206. Звуки **ʃ** и **ǰ** различаются тем, что первый из них – глухой, а второй – звонкий. Сочетание **d** и **ʒ** (оба звонкие) дает **ǰ̣**, которое соответствует по звучанию английскому звуку, обозначаемому графемой **j**.

207. Согласные **ǰ** и **ǰ̣** также могут выполнять смысловоразличительную роль: *ǰēm* – *dǰēm* ‘мундштук (у лошади) – джем’, *ǰōn* – *Dǰōn* ‘подметка – Джон’, *ǰūǰa* – *dǰūǰa* ‘незначительный человек, маленькое животное – карлик’.

Согласный **ǰ** в форме множественного числа *ǰáci* ‘ученики’ имеет в Корпусе звучащей речи «Gralis» следующие значения формантов:

№	ǰ в <i>ǰáci</i>	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	2 655,98	3 268,40	-
2	mostar_003k	3 484,11	4 108,47	-
3	mostar_005k	2 649,96	4 125,11	-
4	sarajevo_001k	1 977,58	3 959,92	4 804,28
5	zagreb_010k	1 522,47	3 956,37	-
6	graz_004s	3 021,20	4 250,92	-
7	novi_sad_003s	2 053,78	4 306,46	-
8	novi_sad_002s	2 984,12	4 608,34	-

9	beograd_001s	2 285,35	4 532,79	-
10	sarajevo_004s	2 853,00	4 044,21	-
11	bihać_003b	3 014,15	4 939,54	-
12	graz_005b	2 784,43	4 050,48	-
13	sarajevo_003b	2 675,11	3 633,47	-
14	sarajevo_004b	1 747,95	3 805,76	-
Среднее		2 550,66	4 113,59	4 804,28

Табл. 97. Согласный **ž** в форме множественного числа *đáci* 'ученики' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

В форме множественного числа *džèmpere* 'свитера' у согласного **ž** следующие средние значения формантов:

№	ž в <i>džèmpere</i>	F1	F2	F3
1	bjelovar_006k	1 648,22	3 122,74	5 090,10
2	mostar_003k	3 359,23	3 908,47	-
3	mostar_005k	2 576,61	4 075,76	-
4	sarajevo_001k	2 065,67	3 584,67	-
5	zagreb_010k	2 543,51	4 334,03	-
6	graz_004s	2 087,00	4 053,84	-
8	novi_sad_002s	3 101,23	4 856,33	-
9	beograd_001s	1 991,73	3 004,72	4 605,50
10	sarajevo_004s	2 654,51	3 244,34	-
11	bihać_003b	1 761,49	3 341,08	-
12	graz_005b	2 911,62	3 819,41	-
13	sarajevo_003b	2 258,88	2 787,43	-
14	sarajevo_004b	1 699,40	2 904,10	-
Среднее		2 189,94	2 558,76	4 847,8

Табл. 98. Согласный **ž** в форме множественного числа *džèmpere* 'свитера' в Корпусе звучащей речи «Gralis»

208. Согласный **ž** встречается прежде всего в ориентализмах и в иноязычных словах: *amidža* 'дядя', *bádža* 'дымовое отверстие', *bádžo* 'свояк', *bèdž* 'бедж – элемент униформы, амуниции в виде значка, наклейки, карточки', *búdža* 'важный человек, начальник', *dàidža* 'дядя', *džābē* 'бесплатно', *džāda* 'путь', *džāmija* 'мечеть', *džānum* 'дорогой! дорогая!', *džehènem* 'ад', *džèlāt* 'палач', *džèmpèr* 'свитер, джемпер', *dženáza* 'похороны', *džèp* 'карман', *džepárac* 'карманные деньги', *džèzva* 'турка, сосуд для приготовления кофе', *džídža* 'погремушка', *džigerica* 'печенка', *džihād* 'джихад, священная война', *džīn/džīn* 'великан', *džòkēj* 'жокей', *džòmba/džòmba* 'ухаб', *džùma* 'мусульманская молитва, читаемая в полдень по пятницам', *džùmbūs* 'хаос', *hādž/hādžiluk* 'хадж, паломничество в Мекку', *hādžija* 'паломник', *hòdža* 'мулла, ходжа', такие имена, как *Džáfer*, *Džèmi(a)*,

Džèvād. Звук **ž** занимает последнее, 25-е место по частотности в системе согласных, представленной в Корпусе «Gralis» (0,05%).

Звук **ž** образует различные минимальные пары, в том числе **ž** – **ʃ**: а) *džànk* – *šànk* ‘наркотики (разг.) – стойка в баре’, *džáratí* – *šáratí* ‘разжигать (огонь) – рисовать’, *džip* – *šip* ‘джип – шип’, *džuma* – *šuma* ‘мусульманская молитва, читаемая в полдень по пятницам – лес’, *džéva* – *šéva* ‘шум – жаворонок’, б) *Nídža* – *nīša* ‘имя собственное – ниша’, *Gádža* – *Gáša* ‘имена собственные’, *gúdža* – *gūša* ‘стог сена – шея, горло, глотка; свинка (болезнь)’, *kédžo* – *Kéšo* ‘нездоровый, болезненный человек – фамилия’, *Mádža* – *Máša* ‘имена собственные’, *Mídža* – *Miša* ‘имена собственные’, *Mídžo* – *Mišo* ‘имена собственные’, в) *džūdža* – *šūša* ‘карлик – незначительный человек’, **ž** – **ʒ**: а) *džaba* – *žaba* ‘бесплатно – лягушка’, *Džána* – *Žàna* ‘имена собственные’, *džūdža* – *žūža* ‘человек, небольшого роста, карлик (пейор.); слабый, слабосильный, безвольный, малодушный человек (пейор.); простак – сброд’, б) *Mádža* – *māžal māža*, *māža* ‘имя собственное – мешок, воск, мазь, весы, мера веса (50 кг)’, **ž** – **tʃ**: а) *džák* – *čák* ‘мешок – даже’, *džáratí* – *čáratí* ‘разжигать (огонь) – колдовать’, *džèp* – *čèp* ‘карман – пробка’, *džin* – *čin* ‘джин – дело, поступок’, *džip* – *čip* ‘джип – чип’, *džūdo* – *čūdo* ‘дзюдо – чудо’, б) *gúdža* – *Gūča* ‘стог сена – населенный пункт в Сербии’, в) *bèdž* – *Bèč* ‘бедж – Вена’, **ž** – **ts**: *Mídža* – *Mícal/Míča* ‘имена собственные’, **ž** – **ts**: *kídža* – *Kíca* ‘плохой табак – имя собственное’.

209. Сонорные **j**, **m** и **v** часто встречаются в Корпусе «Gralis» и занимают высокие места по частотности среди согласных: **j** находится на 3-м месте (8,33%), **m** – на 6-м (6,22%), а **v** – на 7-м (6,14%).

210. Согласный **f** встречается прежде всего в заимствованиях: *flùid* ‘флюид’, *fjòrd* ‘фьорд’, *fàh* ‘ящик’, *fonètika* ‘фонетика’, *frùštuk* ‘завтрак’, *feudalizam* ‘феодализм’, *fašizam* ‘фашизм’, *frizèr/frizer/frízer* ‘парикмахер’, *fàlš* ‘фальшивый’, *finiš* ‘финиш’, *fókus* ‘фокус’, *fikus* ‘фикус’, *fètiš* ‘фетиш’. Этот звук употребляется очень редко и занимает в Корпусе «Gralis» 23-е место (0,51%).

211. Звук **x** имеет очень низкую частотность: он находится на 18-м месте в Корпусе «Gralis» (1,42%).

Внутриязыковые корреляции согласных (Intralingvalne konsonantske korelacije)

212. Согласные вступают в два вида корреляций между собой: парадигматические и синтагматические. В рамках парадигматических отношений они реализуют свою основополагающую фонологическую функцию, которая может быть охарактеризована как смысловоразличительная. В рамках синтагматических отношений согласные сочетаются друг с другом и вступают наряду с этим также и в отношения с гласными. Эти парадигматические и синтагматические отношения образуют весьма разнообразную и сложную систему корреляций, которая включает в себя все мыслимые (теоретически возможные) взаимодействия. Ее удобнее всего представлять в виде сферы корреляций.

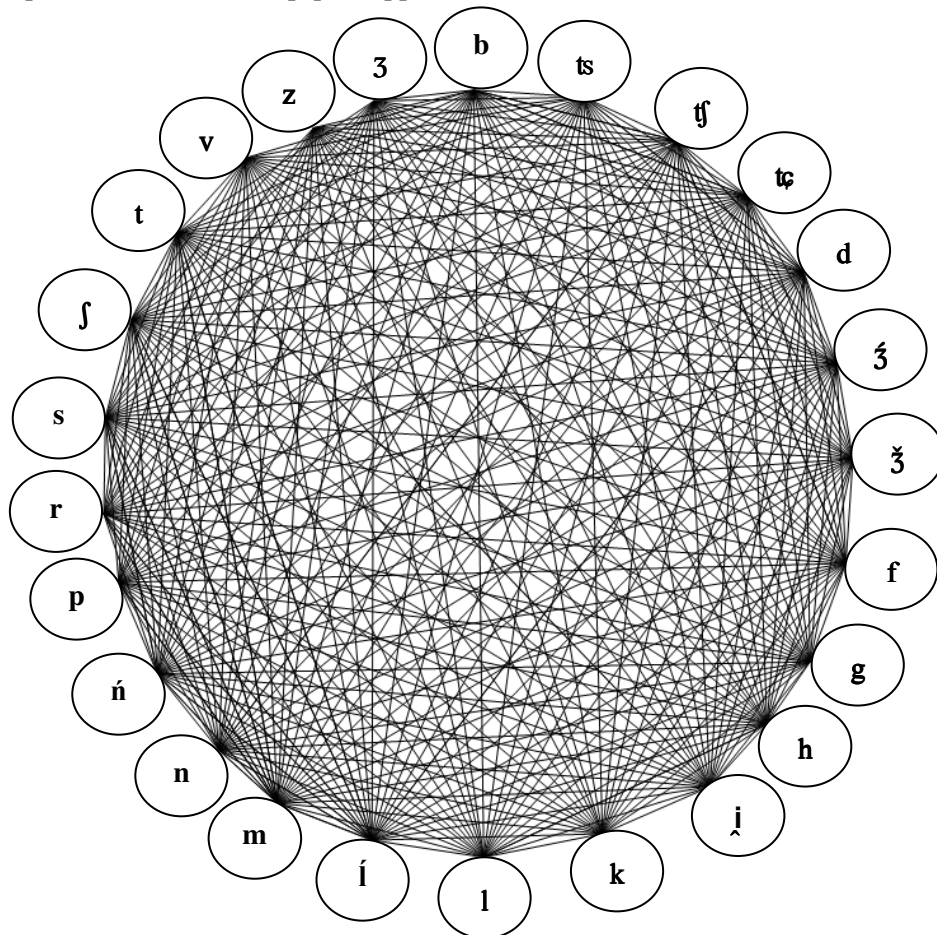

Рис. 46. Сфера отношений между согласными

213. Что касается п а р а д и г м а т и ч е с к и х отношений, то наше корпусное исследование показывает, что все 25 согласных без исключения вступают во взаимные отношения с другими согласными, и эти корреляции могут быть как двучленными (бинарными), так и многочленными. В качестве иллюстрации приведем по одному примеру каждой из этих возможностей (значительное количество примеров было также приведено при рассмотрении отдельных согласных).

b – ts: *bâr – câr* ‘бар – царь’, **b – ʈ:** *bāk – cāk* ‘бык – даже’, **b – ʈ:** *būba – cūba* ‘насекомое – чуб’, **b – d:** *sōba – sōda* ‘комната – сода’, **b – ʒ:** *bāk – dāk* ‘бык – ученик’, **b – ʒ:** *bôn – Džôn* ‘чек – Джон’, **b – f:** *bên – fên* ‘родинка – фен’, **b – g:** *rōb – rōg* ‘раб – рог’, **b – x:** *būba – būha* ‘насекомое – блоха’, **b – j:** *bēdan* (экав.) – *jēdan* ‘бедный – один’, **b – k:** *būka – kūka* ‘шум – крюк’, **b – l:** *bīk – līk* ‘бык – облик’, **b – ĭ:** *Bīlja – mīljalmīlja* ‘женское имя – миля’, **b – m:** *bōj – mōj* ‘бой – мой’, **b – n:** *bōs – nōs* ‘босой – нос’, **b – ŋ:** *bāba – bānja* ‘бабушка – баня, курорт’, **b – p:** *bāt – pāt* ‘топот – пат’, **b – r:** *bīti – rīti* ‘быть – рыть’, **b – s:** *rūb – Rūs* ‘грань – русский’, **b – ʃ:** *bāra – šāra* ‘лужа – узор, украшение’, **b – t:** *bōk – tōk* ‘бок – ток, движение’, **b – v:** *sōba – sōva* ‘комната – сова’, **b – z:** *bōra – zōra* ‘морщина – заря’, **b – ʒ:** *rība – rīžalrīža* ‘рыба – рис’,

ts – ʈ: *câr – câr* ‘царь – чара’, **ts – ʈ:** *Mīca – Mīca* ‘женское имя – мужское имя’, **ts – d:** *câr – dâr* ‘царь – дар’, **ts – ʒ:** *cūra – Đúra* ‘девочка – мужское имя’, **ts – ʒ:** *cāka – džāka* ‘загвоздка, вещь (разг.) – мешок’, **ts – f:** *câr – fâr* ‘царь – фара’, **ts – g:** *Cīca – Cīga* ‘женское имя – диминутив от Cigan (цыган)’, **ts – x:** *bācati – bāhati* ‘бросать – надменный, наглый’, **ts – j:** *bōca – bōja* ‘бутылка – цвет’, **ts – k:** *Dūca – Dūka* ‘женское имя – мужское имя’, **ts – l:** *cēna* (экав.) – *Lēna* ‘цена – женское имя’, **ts – ĭ:** *Mīca – mīljalmīlja* ‘женское имя – миля’, **ts – m:** *māca – mātma* ‘диминутив от маčka (кошка) – мама’, **ts – n:** *būca – būna* ‘толстощекий человек – бунт’, **ts – ŋ:** *māca – mājā* ‘диминутив от маčka (кошка) – сравн. ст. ж. р. от *mālen* ‘маленький’, **ts – p:** *cīsta – pīsta* ‘киста – взлетно-посадочная полоса’, **ts – r:** *cūra – pūra* ‘девушка (разг.) – кукурузная каша’, **ts – s:** *kāca – kāsā/kāsa* ‘сосуд – каска’, **ts – ʃ:** *māca – Máša* ‘диминутив от маčka (кошка) – женское имя’, **ts – t:** *cīta – tīta* ‘черта – страх (разг.)’, **ts – v:** *Cīle – vīle* ‘мужское имя – вилы’, **ts – z:** *bōca – bōza* ‘бутылка – боза (прохладительный напиток)’, **ts – ʒ:** *žīca – žīža* ‘провода – фокус’,

ʈ – ʈ: *vēcē – véce* ‘вечер – вече, комитет (экав.)’, **ʈ – d:** *cīča – dīda* ‘старик, старуха – дедушка’, **ʈ – ʒ:** *cāk – džāk* ‘даже – мешок’, **ʈ – ʒ:** *cīn – džīn* ‘дело, поступок, акт – великан’, **ʈ – f:** *čāma – fáma* ‘скука – молва’, **ʈ – g:** *tūča – túga* ‘драка – печаль’, **ʈ – x:** *cīr – hīr* ‘чирей, нарыв – каприз’, **ʈ – j:** *cāk – jāk* ‘даже – сильный’, **ʈ – k:** *māč – māk* ‘меч – мак’, **ʈ – l:** *cīst – līst* ‘чистый – лист’, **ʈ – ĭ:** *cīla – Ljīlja* ‘ж. р. от *cīlo* (свежий, отдохнувший) – женское имя’, **ʈ – m:** *cāk – māk* ‘даже – мак’, **ʈ – n:** *vūča – vūna* ‘тяга – шерсть’, **ʈ – ŋ:** *čēga – njēga* ‘род. пад. от *štāl/šīd* (что) – род./вин. пад. от *on*

(он)', **ɥ** – **p**: *čüst* – *púst* 'элегантный – пустой', **ɥ** – **r**: *část* – *rást* 'честь – рост', **ɥ** – **s**: *čěta* – *sěta* (экав.) 'рот. отряд; группа; команда – грусть, меланхолия', **ɥ** – **ʃ**: *čáratí* – *šáratí* 'колдовать – раскрашивать', **ɥ** – **t**: *măč* – *măt* 'меч – мат', **ɥ** – **v**: *čěk* – *věk* (экав.) 'чек – век', **ɥ** – **z**: *Kóča* – *kòza* 'мужское имя – коза', **ɥ** – **ʒ**: *čĭla* – *žĭla* 'ж. р. от *čĭo* (свежий, отдохнувший) – жила',

ɥ – **d**: *ćóra* – *Dóra* 'слепец (пейор.) – женское имя', **ɥ** – **ʒ**: *vòće* – *vòđe* 'фрукты – вожди', **ɥ** – **ʒ**: *džàba* – *ćába* 'бесплатно – Кааба; паломничество в Мекку', **ɥ** – **f**: *ćóra* – *fóra* 'слепец (пейор.) – фора (разг. преимущество)', **ɥ** – **g**: *ćâr* – *gâr* 'прибыль, польза – сажа', **ɥ** – **x**: *péc* – *pèh* 'печь – неудача, несчастье', **ɥ** – **i**: *kùća* – *kùja* 'дом – сука', **ɥ** – **k**: *věc* – *vêk* (экав.) 'уже – век', **ɥ** – **l**: *ćéla* – *Léla* 'лысина – женское имя', **ɥ** – **í**: *Míca* – *mĭlja/mĭlja* 'женское имя – миля', **ɥ** – **m**: *Kăca* – *kăma* 'женское имя – кинжал', **ɥ** – **n**: *kúca* – *kúna* 'собачка – куница; куна (денежная единица Хорватии)', **ɥ** – **ń**: *băca* – *bănja* 'гипокор. от *bátol/báta* (брат) – баня, курорт', **ɥ** – **p**: *čûp* – *pûp* 'горшок – пупок; почка (на растении)', **ɥ** – **r**: *věcā* – *Věra* 'ж. р. сравн. ст. от *vělik* большой) – женское имя', **ɥ** – **s**: *nóc* – *nós* 'ночь – нос', **ɥ** – **ʃ**: *Kăca* – *kăšal/kăša* 'женское имя – каша', **ɥ** – **t**: *péc* – *pêt* 'печь – пять', **ɥ** – **v**: *Kăca* – *kàva* 'женское имя – кофе', **ɥ** – **z**: *věc* – *vêz* 'уже – вышивка', **ɥ** – **ʒ**: *ćába* – *žàba* 'Кааба; паломничество в Мекку – лягушка',

d – **ʒ**: *vòda* – *vòđa* 'вода – вождь', **d** – **ʒ**: *Dón* – *Džón* 'Дон (река) – мужское имя', **d** – **f**: *dâh* – *fâh* 'дыхание – ящик; специальность', **d** – **g**: *náda* – *nága* 'надежда – нагая', **d** – **h**: *búda* – *bùha* 'Будда – блоха', **d** – **i**: *dáma* – *jăma* 'дама – яма', **d** – **k**: *dîm* – *kîm* 'дым – тмин', **d** – **l**: *dîm* – *lîm* 'дым – жель', **d** – **í**: *vòda* – *vòlja* 'вода – воля', **d** – **m**: *dáma* – *măma* 'дама – мама', **d** – **n**: *săd* – *săn* 'сейчас – сон', **d** – **ń**: *pâd* – *pânj* 'падение – пень', **d** – **p**: *dîsati* – *pîsati* 'дышать – писать', **d** – **r**: *dîm* – *Rîm* 'дым – Рим', **d** – **s**: *kòd* – *kós* 'у – косой', **d** – **ʃ**: *năd* – *năš* 'над – наш', **d** – **t**: *rúda* – *rúta* 'руда – маршрут', **d** – **v**: *ród* – *róv* 'род – ров', **d** – **z**: *vôd* – *vóz* 'проводка; взвод – поезд', **d** – **ʒ**: *dîv* – *žĭv* 'великан – живой',

ʒ – **ʒ**: *ďák* – *džák* 'ученик – мешок', **ʒ** – **f**: *Đòja* – *fòja* 'мужское имя – маленькая копна сена', **ʒ** – **g**: *Ràđa* – *răga* 'мужское имя – кляча', **ʒ** – **x**: *ďîr* – *hîr* 'небольшая прогулка – каприз', **ʒ** – **i**: *ďák* – *ják* 'ученик – сильный', **ʒ** – **k**: *Đúka* – *kùka* 'женское имя – крюк', **ʒ** – **l**: *ďák* – *lăk* 'ученик – легкий; лак', **ʒ** – **í**: *vòđa* – *vòlja* 'вождь – воля', **ʒ** – **m**: *Đúka* – *mùka* 'женское имя – мýка', **ʒ** – **n**: *věđa* – *véna* 'бровь – вена', **ʒ** – **ń**: *rodénje* – *rònjénje* 'рождение – ныряние', **ʒ** – **p**: *túď* – *tûp* 'чужой – тупой', **ʒ** – **r**: *lâđa* – *Lára* 'ладья – женское имя', **ʒ** – **s**: *ďîr* – *sîr* 'небольшая прогулка – сыр', **ʒ** – **ʃ**: *túď* – *tûš* 'чужой – душ', **ʒ** – **t**: *rîď* – *rît* 'рыжий – болотистое место', **ʒ** – **v**: *ďîr* – *vîr* 'небольшая прогулка – водоворот', **ʒ** – **z**: *věđa* – *věza* 'бровь – связь', **ʒ** – **ʒ**: *lâđa* – *lăža* 'ладья – ложь',

ʒ – **f**: *džĭn* – *fĭn* 'великан – хороший, изысканный', **ʒ** – **g**: *džùma* – *gùma* 'мусульманская молитва, читаемая в полдень по пятницам – резина,

шина', **ž** – **x**: *džòkēj* – *hòkēj* 'жокей – хоккей', **ž** – **i**: *džák* – *ják* 'мешок – сильный', **ž** – **k**: *džip* – *kíp* 'джип – скульптура', **ž** – **l**: *džák* – *lák* 'мешок – легкий; лак', **ž** – **l**: *Bídža* – *bìlja* 'мужское имя – полено', **ž** – **m**: *džák* – *màk* 'мешок – мак', **ž** – **n**: *hàdž* – *hân* 'хадж – хан', **ž** – **ñ**: *bàdža* – *bànja* 'дымоход – курорт, баня', **ž** – **p**: *džìn* – *pìn* 'великан – пин(-код)', **ž** – **r**: *džaka* – *Ráka* 'мешок – мужское имя', **ž** – **s**: *džìn* – *sîn* 'великан – сын', **ž** – **ʃ**: *džùma* – *šùma* 'мусульманская молитва, читаемая в полдень по пятницам – лес', **ž** – **t**: *bàdža* – *báta* 'дымоход – гипокор. от *bátolbáta* (брат)', **ž** – **v**: *búdža* – *bùva* '(высокопоставленный) чиновник – блоха', **ž** – **z**: *bédž* – *bèz*¹⁴³ 'бедж – без', **ž** – **ʒ**: *džák* – *Žák* 'мешок – мужское имя, Жак',

f – **g**: *fên* – *gên* 'фен – ген', **f** – **x**: *kòfer* – *kòher* 'чемодан – кипятильник', **f** – **i**: *fôn* – *jôn* 'фон, звук – ион', **f** – **k**: *fòka* – *kóka* 'тюлень – курица', **f** – **l**: *fârma* – *lârma* 'ферма – шум', **f** – **l**: *kàfà* – *kàlja/kàlja* 'кофе – блюдо из капусты и картофеля с жареным луком и мясом', **f** – **m**: *kàfà* – *kàma* 'кофе – кинжал', **f** – **n**: *fàliti* – *nàliti* 'разг. недоставать – налить', **f** – **ñ**: *kòfa* – *Kòlja/Kòlja* 'ведро – мужское имя', **f** – **p**: *fóra* – *póra* 'разг. преимущество, фора – пора', **f** – **r**: *fên* – *rèn* 'фен – хрен', **f** – **s**: *kàfà* – *kàsalkàsa* 'кофе – касса', **f** – **ʃ**: *kàfà* – *kàša* 'кофе – каша', **f** – **t**: *frùla* – *trùla* 'флейта – гнилая', **f** – **v**: *fâr* – *vâr* 'фара – жара', **f** – **z**: *fâr* – *zâr* 'фара – разве', **f** – **ʒ**: *kòfa* – *kòža* 'ведро – кожа',

g – **x**: *krùg* – *krùh* 'круг – хлеб', **g** – **i**: *gàma* – *jàma* 'гамма – яма', **g** – **k**: *gòst* – *kòst* 'гость – кость', **g** – **l**: *Gàna* – *Lána* 'Гана – женское имя', **g** – **l**: *mâg* – *mâlĵ* 'маг, волшебник – молот, кувалда', **g** – **m**: *kùga* – *kúma* 'чума – кума', **g** – **n**: *nòga* – *nôna* 'нога – разг. бабушка', **g** – **ñ**: *Pâg* – *pânĵ* 'Паг, остров на севере Адриатического моря – пень', **g** – **p**: *dùma* – *púma* 'мысль, дума – пума', **g** – **r**: *nâg* – *nâr* 'нагой – гранат', **g** – **s**: *lâger* – *làser* 'лагерь – лазер', **g** – **ʃ**: *gùša* – *šùša* 'зоб – безрогая корова; незначительный человек', **g** – **t**: *nòga* – *nóta* 'нога – нота', **g** – **v**: *sâga* – *Sáva* 'пила – Сава', **g** – **z**: *vâga* – *vâza* 'вес – ваза', **g** – **ʒ**: *Ríga* – *rížalrìža* 'рига – рис',

x – **i**: *kràh* – *krâj* 'крах – конец; область, край', **x** – **k**: *hùka* – *kùka* 'шум – крюк', **x** – **l**: *hân* – *lân* 'хан – лен', **x** – **l**: *dâh/dâh* – *Dâlĵ* 'дыхание – мужское имя', **x** – **m**: *hòtel* – *mòtel* 'отель – мотель', **x** – **n**: *kràh* – *krân* 'крах – кран', **x** – **ñ**: *kràh* – *Krânĵ* 'крах – Крань, город в Словении', **x** – **p**: *hîr* – *pîr* 'каприз – пир', **x** – **r**: *Hûm* – *rûm* 'Хум, населенный пункт в Истрии – ром', **x** – **s**: *hîr* – *sîr* 'каприз – сыр', **x** – **ʃ**: *kràh* – *krâš* 'крах, банкротство – карст', **x** – **t**: *hôr* – *tôr* 'хор – загон для скота', **x** – **v**: *hîr* – *vîr* 'каприз – водоворот',

¹⁴³ По дидактическим причинам ударение ставится и на слова (предлоги и т. п.), которые в предложении не являются его носителями.

х – z: *Hâna – Zâna* ‘женское имя – женское имя’, **х – ʒ:** *hân – Žân* ‘хан – Жан, французское мужское имя’,

ĭ – k: *kăd – jăd* ‘когда – страдание, несчастье’, **ĭ – l:** *môj – mól* ‘мой – мол’, **ĭ – Í:** *măj – málj* ‘май – молот, кувалда’, **ĭ – m:** *jăma – mămă* ‘яма – мама’, **ĭ – n:** *Măja – mănă* ‘женское имя – недостаток, порок’, **ĭ – ŋ:** *jôn – kônj* ‘ион – конь’, **ĭ – p:** *jăd – păd* ‘страдание, несчастье – падение’, **ĭ – r:** *Măja – Măra* ‘женское имя – женское имя’, **ĭ – s:** *rôj – sôj* ‘рой – род’, **ĭ – ʃ:** *vîjak – vîšak* ‘винт – излишек’, **ĭ – t:** *jăraljăra – Tăra* ‘жара – Тара, река в Черногории и в Боснии и Герцеговине’, **ĭ – v:** *jôd – vôd* ‘йод – проводка; взвод’, **ĭ – z:** *jăto – zătô* ‘стая – поэтому’, **ĭ – ʒ:** *jăraljăra – žăra* ‘жара – крапива’,

k – l: *kûka – kûla* ‘крюк – башня’, **k – Í:** *mûk – mûlj* ‘молчание – ил’, **k – m:** *kăma – mămă* ‘кинжал – мама’, **k – n:** *pûk – pûn* ‘полк – полный’, **k – ŋ:** *păk – pânj* ‘да, же – пень’, **k – p:** *kăpa – pâpa/păpa* ‘шапка – Папа Римский’, **k – r:** *kúra – púra* ‘курс лечения – кукурузная каша’, **k – s:** *răka – răsă* ‘могила – раса’, **k – ʃ:** *kúma – šûma* ‘кума – лес’, **k – t:** *kût – pût* ‘угол – путь’, **k – v:** *kûkati – kûvati* ‘жаловаться – готовить (еду)’, **k – z:** *kôb – zôb* ‘судьба – овес’, **k – ʒ:** *kôka – kôža* ‘курица – кожа’,

l – Í: *mîla – mîljalmîlja* ‘милая – миля’, **l – m:** *lăma – mămă* ‘лама – мама’, **l – n:** *kûla – kûna* ‘башня – куница; куна (денежная единица Хорватии)’, **l – ŋ:** *Mîla – Mînja* ‘женское имя – мужское и женское имя’, **l – p:** *lûla – lûpa* ‘трубка – лупа’, **l – r:** *lîlălîla – lîrălîra* ‘лиловый – лира’, **l – s:** *bôs – sôs* ‘босой – соус’, **l – ʃ:** *kîla – kîša* ‘грыжа – дождь’, **l – t:** *bâl – băt* ‘бал – топот’, **l – v:** *lîti – vîti* ‘лить – вить’, **l – z:** *mălă – măza* ‘маленькая – любимчик’, **l – ʒ:** *kôla – kôža* ‘машина, автомобиль – кожа’,

Í – m: *Ljîlja – mîljalmîlja* ‘женское имя – миля’, **Í – n:** *mîljalmîlja – mîna* ‘миля – мина’, **Í – ŋ:** *mîljalmîlja – Mînja* ‘миля – женское и мужское имя’, **Í – p:** *kûlja – kûpa* ‘брюхо (разг.) – большой кубок’, **Í – r:** *žûlj – žûr* ‘мозоль – вечеринка’, **Í – s:** *ljăga – sága* ‘позорное пятно, позор – пила’, **Í – ʃ:** *mîljalmîlja – Mîša* ‘миля – мужское имя’, **Í – t:** *málj – măt* ‘молот, кувалда – мат’, **Í – v:** *ljăga – vága* ‘позорное пятно, пятно – весы’, **Í – z:** *Kôlja Kólja – kôza* ‘мужское имя – коза’, **Í – ʒ:** *ljût – žût* ‘злой – желтый’,

m – n: *mîš – Nîš* ‘мышь – Ниш, город в Сербии’, **m – ŋ:** *săma – Sănja* ‘одна – женское имя’, **m – p:** *măt – păt* ‘мат – пат’, **m – r:** *môj – rôj* ‘мой – рой’, **m – s:** *măda – sădă* ‘хотя – сейчас’, **m – ʃ:** *kăma – kăša* ‘кинжал – каша’, **m – t:** *sâm – săt* ‘один – час, часы’, **m – v:** *tăma – tăva* ‘тьма – скворода’, **m – z:** *kôma – kôza* ‘кома – коза’, **m – ʒ:** *rîma – rîža* ‘рифма – рис’,

n – ŋ: *Sána – Sănja* ‘река в Боснии – женское имя’, **n – p:** *nûla – Púla* ‘ноль – Пула, город в Истрии’, **n – r:** *nôv – rôv* ‘новый – ров’, **n – s:** *nôs – sôs* ‘нос – соус’, **n – ʃ:** *Kína – kîša* ‘Китай – дождь’, **n – t:** *săn – săt* ‘сон – час, часы’, **n – v:** *zôpa – zôva* ‘зона – бузина’, **n – z:** *mîran – mîrăz* ‘мирный – приданое’, **n – ʒ:** *mrëna – mrëža* ‘бельмо, катаракта; усач, мирон, мурена – сеть’,

ń – p: *kònj – kóp* ‘конь – ров’, **ń – r:** *múnja – Múra* ‘молния – Мур (река)’, **ń – s:** *kònj – kós* ‘конь – косой’, **ń – ʃ:** *kònj – kòš* ‘конь – корзина’, **ń – t:** *gánjati – gátati* ‘преследовать – предсказывать’, **ń – v:** *đinja – díva* ‘дыня – дива’, **ń – z:** *bànja – báza* ‘баня, курорт – база’, **ń – ʒ:** *kònja – kòža* ‘род. ед. от *kònj* лошадь – кожа’,

p – r: *píti – ríti* ‘пить – рыть’, **p – s:** *pír – sír* ‘пир – сыр’, **p – ʃ:** *kàpa – kàša* ‘шапка – каша’, **p – t:** *pípa – píta* ‘водопроводный кран – вид пирога’, **p – v:** *pír – vír* ‘пир – водоворот’, **p – z:** *póza – kòza* ‘поза – коза’, **p – ʒ:** *pír – žír* ‘пир – желудь’,

r – s: *rám – sǎn* ‘рамка – сон’, **r – ʃ:** *rùpa – šùpa* ‘дыра – сарай’, **r – t:** *ráta – tàta* ‘взнос по кредиту – папа’, **r – v:** *rèza – vèza* ‘засов – связь’, **r – z:** *ròb – zób* ‘раб – овес’, **r – ʒ:** *ríža – žíža* ‘рис – фокус’,

s – ʃ: *kós – kòš* ‘косой – корзина’, **s – t:** *kàs – kàt* ‘рысь – этаж’, **s – v:** *sóda – vòda* ‘сода – вода’, **s – z:** *Síma – zíma* ‘мужское и женское имя – зима’, **s – ʒ:** *nós – nòž* ‘нос – нож’,

ʃ – t: *šéma – téma* ‘схема – тема’, **ʃ – v:** *Šíme – vime* ‘мужское имя – вымя’, **ʃ – z:** *Máša – máza* ‘женское имя – любимчик’, **ʃ – ʒ:** *šít – žút* ‘удар – желтый’,

t – v: *téza – vèza* ‘тезис – связь’, **t – z:** *tòžtòž – vòž* ‘кофейная гуща – поезд’, **t – ʒ:** *kóta – kòža* ‘отметка высоты на карте – кожа’,

v – z: *lóva – lòza* ‘деньги (разг.) – лоза’, **v – ʒ:** *vír – žír* ‘водоворот – желудь’, **z – ʒ:** *kòza – kòža* ‘коза – кожа’.

214. Что касается синтагматических отношений, следует отметить, что 25 согласных вступают в совместимые отношения, образуя консонантный категориал. В его состав входят гомогенные связи (корреляции одинаковых согласных, напр., **b ↔ b**, **s ↔ s**) и гетерогенные связи (корреляции различных согласных, напр., **d ↔ l**, **t ↔ z**). Эти связи могут быть двучленными/бинарными (напр.: **m ↔ n**), трехчленными/тернарными (напр., **k ↔ r ↔ v**) и многочленными (напр., wie **ts ↔ f ↔ l ↔ ʒ**).

215. Бинарные корреляции. Согласные с.-х.-б. образуют 625 потенциальных гомогенных и гетерогенных корреляций. В ходе нашего анализа лемм (словарных форм слов) из «Словаря сербского языка» («Rečnik srpskog jezika», Nikolić 2007) было установлено, что из 625 потенциальных отношений реализуется 361 (57,92%), а 264 отношения (42,40%) не реализуются.¹⁴⁴ Что касается частотности, следует отметить, что в 29 леммах встречаются уникальные бинарные комбинации согласных (4,64). Другие 20 комбинаций (3,20) появляются только 2 раза, 42 сочетания согласных

¹⁴⁴ Далее знак «%» опускается.

(6,88) встречаются в 3–10 леммах, а 86 комбинаций (13,92) в 11–50 леммах. Для остальных сочетаний можно привести следующие данные: 51–100: 39 (6,40), 101–200: 35 (5,76), 201–500: 55 (8,96), 501–1 000: 24 (4,00), 1 001–5 000: 21 (3,36), 5 001–10 000: 3 (0,48).

Число лемм с бинарным сочетанием	%
0	42,40
1	4,64
2	3,20
3 – 10	6,88
11 – 50	13,92
51 – 100	6,40
101 – 200	5,76
201 – 500	8,96
501 – 1 000	4,00
1 000 – 5 000	3,36
5 001 – 10 000	0,48
Всего	100,00

Табл. 99. Бинарные отношения согласных на основании лемм сербского словаря (Nikolić 2007)

216. Наиболее частое отношение образуют $s \leftrightarrow t$ (9,38), напр.: *stûb* 'столб', *lâsta* 'ласточка', *kôst* 'кость'.¹⁴⁵ На втором месте находится **pr** (6,61): *prâvo* 'право', *dèprēsija/deprēsija* 'депрессия'. Третье место занимает **sk** (5,6): *skàndāl* 'скандал', *àustrijskī* 'австрийский', *kiosk* 'киоск'. Далее следуют **tr** (3,8): *tràgēdija* 'трагедия', *sùtra* 'завтра', **kr** (2,4): *kràva* 'корова', *pòkrēt* 'движение', *masàkr* 'бойня, резня', **tk** (2,0): *čkalja* 'репей', *analitičkī* 'аналитический', **gr** (1,97): *grād* 'город', *bàgrem* 'акация', **nt** (1,8): *antēna* 'антенна', *kljēnt* 'клиент', **sp** (1,7): *spávati* 'спать', *aspīrīn* 'аспирин', **rs** (1,6): *fs* 'мужская сила', *rātārstvo* 'земледелие', *kònkurs* 'конкурс'.

¹⁴⁵ В продолжении анализа для каждого сочетания приводятся три примера (в случае, если они существуют), иллюстрирующих три позиции: в начале слова, в середине слова и в конце слова.

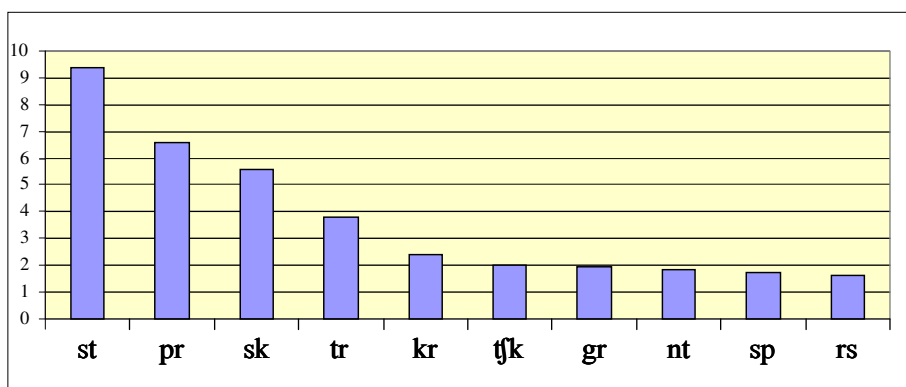

Рис. 46. 10 наиболее частотных бинарных корреляций согласных в словаре сербского языка (Nikolić 2007)

Далее следуют **tv** (1,59): *tvôj* 'твой', *jedinstvo* 'единство', **br** (1,55): *brôj* 'число', *tèmbŕ* 'тембр', **dr** (1,53), *drûg* 'другой', *tàndŕ* 'междометие от *tàndŕk* (грохот, стук, громыхание, дребезжание), тук-тук', **ns** (1,43) *bàlkān-skī* 'балканский', *àvans* 'аванс', **vr** (1,39): *vrât* 'шея', *Evrópa* 'Европа', **rn** (1,36): *pàpīrnī* 'бумажный', *vèstern* 'вестерн', **ʃt** (1,24): *štòf* 'сукно', *nām(j)eštāj* 'мебель', **gl** (1,22): *gláva* 'голова', *singl* 'сингл', *igla* 'игла', **dn** (1,16): *dněvnik* 'дневник', *národnī* 'народный',¹⁴⁶ **tn** (1,11) *bàlětnī* 'балетный', **kl** (1,06): *klāvīr* 'пианино', *bicikl* 'велосипед', *reklāma* 'реклама', **sl** (1,05): *slika* 'картина', *pòslati* 'послать', **rk** (1,04): *pàrk* 'парк', *pàrkēt* 'паркет'.

Частотность менее 1% имеют следующие пары: **kt** (0,94), **pl** (0,92), **vn** (0,92), **ʃk** (0,9), **rt** (0,88), **bl** (0,87), **ʃn** (0,83), **zn** (0,82), **nd** (0,78), **sv** (0,75), **is** (0,74), **dv** (0,73), **zv** (0,68), **tk** (0,67), **sn** (0,65), **zd** (0,64), **nk** (0,62), **rm** (0,62), **ln** (0,59), **rv** (0,586), **ks** (0,56), **sm** (0,53), **rd** (0,528), **mb** (0,52), **mr** (0,49), **dʒ** (0,48) и **zb** (0,48). Все они входят в число 50 наиболее частотных комбинаций согласных.

Места с 51-го по 100-е занимают **ts** (0,468), **zg** (0,466), **in** (0,443), **nts** (0,438), **mp** (0,435), **kv** (0,432), **zm** (0,430), **ví** (0,425), **ps** (0,418), **rz** (0,395), **mn** (0,391), **rb** (0,390), **gn** (0,383), **zl** (0,383), **rl** (0,378), **tsr** (0,375), **pt** (0,368), **vn** (0,368), **pí** (0,367), **kn** (0,362), **nʃ** (0,362), **sr** (0,361), **rp** (0,359), **ng** (0,358), **rg** (0,354), **ʃí** (0,352), **ik** (0,341), **ʃń** (0,328), **xr** (0,324), **ds***¹⁴⁷ (0,317), **fr** (0,308), **vl**

¹⁴⁶ О диалектных особенностях реализации группы **dn** (геминация **dn > nn**) в говорах с.-х.-б. и русского языков см. Jahić/Tošović 1978.

¹⁴⁷ Звездочка (*) указывает на то, что речь идет о комбинациях «звонкий согласный + глухой согласный», в которых первый из них может быть звонким только при наличии паузы между звуками.

(0,299), **rtf** (0,285), **ms** (0,284), **bl** (0,272), **dl** (0,266), **dn** (0,266), **vs** (0,251), **pn** (0,245), **kl** (0,240), **tl** (0,240), **tp** (0,238), **ml** (0,236), **ml** (0,236), **ftf** (0,232), **lt** (0,231), **tl** (0,224), **rx** (0,213), **rf** (0,212) и **sts** (0,210).

Со 101-го по 200-е место располагаются **vk** (0,210), **ls** (0,206), **kts** (0,203), **nz** (0,202), **tsk** (0,201), **bn** (0,195), **db** (0,182), **dm** (0,180), **rts** (0,174), **ftc** (0,173), **tsv** (0,167), **ptf** (0,165), **rl** (0,165), **fl** (0,164), **lk** (0,161), **pk** (0,159), **lk** (0,155), **zd** (0,155), **zl** (0,144), **xn** (0,130), **xv** (0,128), **sx** (0,126), **xl** (0,124), **dl** (0,118), **sl** (0,116), **ls** (0,115), **dg** (0,114), **ln** (0,113), **zn** (0,113), **ift** (0,112), **zi** (0,109), **zl** (0,109), **nf** (0,108), **fv** (0,107), **rn** (0,107), **gl** (0,106), **vft** (0,106), **tcn** (0,102), **gn** (0,101), **zb** (0,098), **gm** (0,097), **ri** (0,097), **sf** (0,095), **fp** (0,095), **tm** (0,094), **rz** (0,093), **tsn** (0,092), **tn** (0,092), **fm** (0,091), **fs** (0,086), **id** (0,086v), **tk** (0,082), **mtf** (0,081), **xt** (0,078), **rf** (0,078), **fl** (0,076), **fv** (0,076), **kn** (0,075), **vn** (0,075), **im** (0,073), **ft** (0,071), **gz** (0,071), **nv** (0,071), **lm** (0,068), **pf** (0,068), **nz** (0,067), **lv** (0,065), **gd** (0,063), **gv** (0,063), **rz** (0,061), **nz** (0,060), **ns** (0,059), **vv** (0,055), **di** (0,053), **ld** (0,052), **lg** (0,052), **bd** (0,050), **bi** (0,048), **fm** (0,047), **mn** (0,047), **mf** (0,046), **km** (0,043), **lts** (0,043), **zm** (0,042), **lf** (0,041), **vd** (0,041), **ti** (0,040), **tl** (0,040), **nf** (0,040), **pts** (0,040), **fts** (0,040), **rz** (0,039), **nl** (0,038), **tl** (0,037), **nk** (0,037), **md** (0,036), **kf** (0,035), **it** (0,034v), **lb** (0,034), **dz** (0,033).

Наименьшую частотность имеют следующие 160 пар: **lp** (0,033), **tsm** (0,032), **lf** (0,032), **ti** (0,032), **zr** (0,032), **lf** (0,030), **nx** (0,030), **mk** (0,029), **vi** (0,029), **bn** (0,028), **df*** (0,028), **nz** (0,028), **il** (0,027), **mi** (0,027), **tx** (0,027), **np** (0,025), **pn** (0,025), **ib** (0,024), **if** (0,024), **mf** (0,024), **vf** (0,024), **ptc** (0,023), **vt** (0,023), **mt** (0,022), **rtc** (0,022), **zz** (0,022), **fr** (0,021), **zi** (0,021), **its** (0,020), **iv** (0,020), **fi** (0,020), **zb** (0,019), **fn** (0,019), **iz** (0,019), **lf** (0,019), **nl** (0,019), **ntf** (0,018), **fn** (0,018), **iz** (0,017), **lz** (0,016), **zl** (0,016), **zg** (0,016), **zr** (0,016), **xm** (0,015), **bz** (0,014), **fl** (0,014), **tsi** (0,013), **nb** (0,013), **tf** (0,013), **vt** (0,013), **kf** (0,012), **nr** (0,012), **tts** (0,012), **tg**** (0,012),¹⁴⁸ **zn** (0,012), **tn** (0,011), **tps** (0,011), **ip** (0,011), **ktc** (0,011), **lx** (0,011), **pi** (0,011), **vg** (0,011), **fk** (0,010), **lf** (0,010), **tsl** (0,009), **zn** (0,009), **gs*** (0,009), **xn** (0,009), **xf** (0,009), **ig** (0,009), **mz** (0,009), **tf** (0,009), **bz** (0,008), **bv** (0,008), **in** (0,008), **mtc** (0,008), **mz** (0,008), **mv** (0,008), **zz** (0,008), **tsn** (0,007), **ld** (0,007), **sl** (0,007), **vp** (0,007), **vz** (0,007), **tsl** (0,006), **ir** (0,006), **lt** (0,006), **nd** (0,006), **nf** (0,006), **px** (0,006), **bm** (0,005), **bt*** (0,005), **fr** (0,005), **zs** (0,005), **gz** (0,005), **ft** (0,004), **dx** (0,004), **dt*** (0,004), **if** (0,004), **il** (0,004), **lz** (0,004), **mts** (0,004), **nm** (0,004), **nts** (0,004), **td** (0,004), **tcp** (0,003), **tcv** (0,003), **gb** (0,003), **ki** (0,003), **sn** (0,003), **vz** (0,003), **bz** (0,002), **tps** (0,002), **tcg** (0,002), **ti** (0,002), **tl** (0,002), **dd** (0,002), **zn** (0,002), **fts** (0,002), **ftf** (0,002), **gz** (0,002), **gp*** (0,002), **xk** (0,002), **xl** (0,002), **kb** (0,002), **ln** (0,002), **rr** (0,002), **sd**

¹⁴⁸ Две звездочки (**) указывают на то, что речь идет о комбинациях «глухой согласный + звонкий согласный», в которых первый согласный может быть глухим только при наличии паузы между звуками.

(0,002), **sg**** (0,002), **ss** (0,002), **tb**** (0,002), **bg** (0,001), **bp*** (0,001), **bs*** (0,001), **tfs** (0,001), **tf** (0,001), **tcm** (0,001), **ftc** (0,001), **fi** (0,001), **fj** (0,001), **gx** (0,001), **xtc** (0,001), **kd**** (0,001), **kg**** (0,001), **kx** (0,001), **kp** (0,001), **lb** (0,001), **mg** (0,001), **mz** (0,001), **ntc** (0,001), **nn** (0,001), **nž** (0,001), **pf** (0,001), **sb**** (0,001), **sf** (0,001), **fb** (0,001), **ttc** (0,001), **vž** (0,001), **vv** (0,001) и **zž*** (0,001).

217. Если сравнить данные сербского словаря с записями в Гралис-ФоноГрафематоре (Gralis PhonoGraphemator), где содержатся данные нескольких словарей с.-х.-б.¹⁴⁹, можно отметить, что в этой части корпусной программы сочетания согласных встречаются в 309 708 леммах. Из 625 потенциальных комбинаций реализуется 531 (84,96%), так что не представлены только 15,04% сочетаний. Это свидетельствует о том, что в ФоноГрафематоре встречается существенно большее количество бинарных сочетаний, чем в словаре сербского языка (84,96% : 57,92); иными словами, число нереализованных корреляций существенно меньше (15,04% : 42,08). В ФоноГрафематоре 10 наиболее частотных сочетаний покрывают 32,78% всех корреляций согласных. Их употребительность представлена в следующей таблице:

№	Согласные	Количество	%
1	st	28 496	9,20
2	pr	18 844	6,08
3	sk	12 680	4,09
4	tr	10 051	3,25
5	kr	6 770	2,19
6	nt	5 163	1,67
7	ft	5 085	1,64
8	gr	4 993	1,61
9	sp	4 975	1,61
10	pl	4 466	1,44
Всего		101 523	32,78

Табл. 100. Десять самых частотных бинарных корреляций согласных в Гралис ФоноГрафематоре (Gralis-www)

Эти отношения можно графически представить в следующем виде:

¹⁴⁹ Dešić 2001, Jahić 1999, Matešić 1966, Nikolić 2000, Nikolić 2007, Čedić 2007, HER 2002 (только частично внесен в Gralis PhonoGraphemator), Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007 (из этой публикации был включен только список слов).

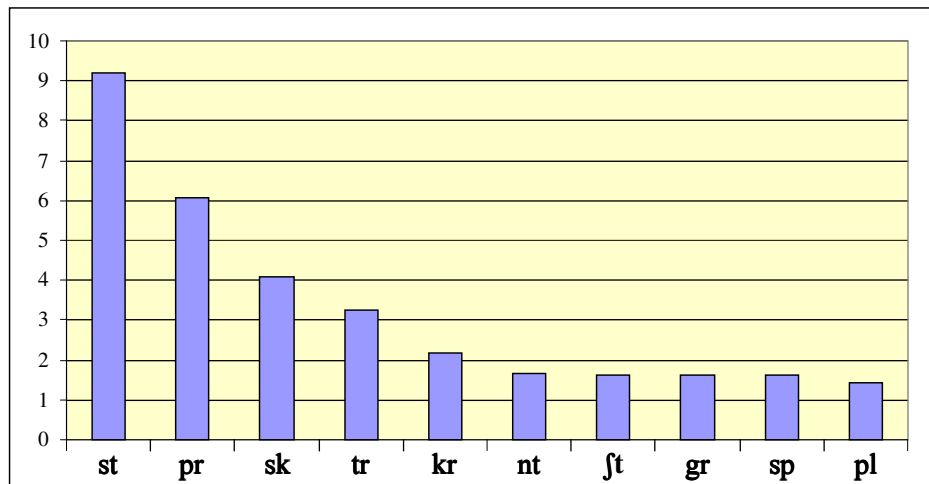

Рис. 47. Десять самых частотных бинарных корреляций согласных в Гралис-ФоноГрафематоре (Gralis-www)

Места вплоть до 50-го занимают следующие комбинации: **br** (1,39), **dr** (1,36), **ʦk** (1,33), **tv** (1,23), **kl** (1,21), **rn** (1,21), **vr** (1,19), **rs** (1,14), **dn** (1,10), **rk** (1,06), **sl** (1,04), **ns** (1,03), **gl** (1,03), **nd** (0,94), **tn** (0,92), **bl** (0,91), **nk** (0,83), **rt** (0,82), **vl** (0,82), **sn** (0,80), **vn** (0,75), **kt** (0,75), **sv** (0,75), **ʃk** (0,72), **vi** (0,68), **ʦn** (0,66), **zn** (0,66), **zv** (0,66), **tk** (0,64), **is** (0,62), **sm** (0,60), **rl** (0,60), **zd** (0,59), **dv** (0,57), **rd** (0,56), **rm** (0,56), **ml** (0,54), **vl** (0,53), **ʃn** (0,53) и **mr** (0,52). Комбинации, находящиеся на местах с 11-го по 50-е, составляют по частотности 33,85% от числа всех корреляций; таким образом, первые 50 пар покрывают собой 66,63% всех бинарных сочетаний согласных.

Сочетания, занимающие первые пять мест в Gralis ФоноГрафематоре и в словаре сербского языка (**st**, **pr**, **sk**, **tr**, **kr**), полностью совпадают. В ФоноГрафематоре на 6-м месте идет **ʦk**, а в сербском словаре – **nt**. Далее в ФоноГрафематоре следуют **ʃt**, **gr**, **sp**, **pl**, а в сербском словаре – **gr**, **nt**, **sp** и **rs**. Что касается количественных соотношений, то **st** и **pr**, занимающие 1-е и 2-е место в обоих источниках, имеют примерно одинаковую частотность. Группа **sk** несколько больше представлена в сербском словаре. Употребительность остальных комбинаций варьируется незначительно, так что можно прийти к выводу, что сербский словарь не обнаруживает существенных отличий от ФоноГрафематора.

При рассмотрении синтагматических корреляций важно рассматривать отношения как внутри системы (в нашем случае – в ФоноГрафематоре), так и в языковой реализации (Корпус «Gralis»). Что касается 50 наиболее частотных бинарных комбинаций, они распределяются в Корпусе «Gralis» следующим образом:

№	Согласные	Количество	%
1	pr	11 420	7,37
2	st	10 707	6,91
3	sk	6 983	4,50
4	tr	4 605	2,97
5	sp	2 986	1,93
6	kr	2 847	1,84
7	sl	2 364	1,52
8	dn	2 364	1,52
9	pl	2 207	1,42
10	tn	2 189	1,41
11	ft	2 186	1,41
12	gr	2 123	1,37
13	rn	2 117	1,37
14	br	2 081	1,34
15	ns	2 024	1,31
16	sn	1 979	1,28
17	vr	1 975	1,27
18	dr	1 879	1,21
19	nt	1 836	1,18
20	zn	1 816	1,17
21	vl	1 742	1,12
22	kl	1 739	1,12
23	fn	1 700	1,10
24	vn	1 694	1,09
25	fk	1 604	1,03
26	tv	1 592	1,03
27	sv	1 574	1,02
28	gl	1 564	1,01
29	sm	1 454	0,94
30	bl	1 387	0,89
31	zv	1 348	0,87
32	rs	1 315	0,85
33	ln	1 233	0,80
34	vl	1 220	0,79
35	is	1 176	0,76
36	vi	1 155	0,75
37	rt	1 123	0,72
38	fn	1 115	0,72
39	in	1 104	0,71
40	zb	1 007	0,65
41	nd	983	0,63

42	vʃ	942	0,61
43	zd	939	0,61
44	si	856	0,55
45	tk	844	0,54
46	dv	829	0,53
47	ʃk	826	0,53
48	sr	820	0,53
49	zl	814	0,53
50	kt	804	0,52
Всего		105 191	67,85

Табл. 101. Наиболее частотные бинарные корреляции согласных в Корпусе «Gralis» (Gralis-www)

Из 625 возможных бинарных корреляций в текстах Корпуса «Gralis» (представлены 485 (77,76%). Это означает, что 22,24% комбинаций не встречаются, т. е. представлено на 7,20% меньше сочетаний согласных, чем в ФоноГрафематоре. Из 155 029 случаев употребления (token) бинарных корреляций согласных на первые 50 комбинаций приходится 105 191 случай, т. е. 67,85% всех двучленных отношений. Что касается десяти наиболее частотных сочетаний, то их употребительность в обоих источниках обнаруживает близкие значения – в ФоноГрафематоре она составляет 32,78%, а в корпусе текстов – 31,39% от числа всех бинарных сочетаний.

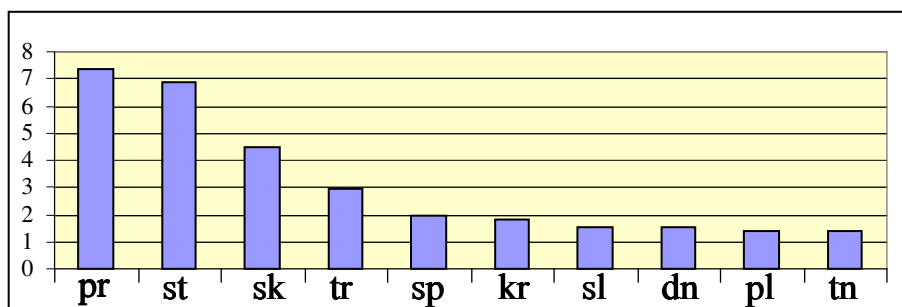

Рис. 48. Десять наиболее частотных бинарных корреляций согласных в Корпусе текстов «Gralis» (Gralis-www)

Внутри системы сочетаний согласных можно обнаружить существенное различие: в ФоноГрафематоре (т. е. в словарных леммах) на первом месте находится **st** (9,20), а в Корпусе текстов «Gralis» – **pr** (7,37); таким образом, эти две группы меняются местами, поскольку **st** занимает 2-е место (6,91) в Корпусе текстов «Gralis» и 1-е место в ФоноГрафематоре. В обоих источниках на 3-м и на 4-м месте находятся сочетания **sk** и **tr**. На 5-м месте в ФоноГрафематоре располагается **kr**, а в корпусе текстов – **sp**. Далее по списку совпадений не обнаруживается вообще.

№	Phono-graphem.	Корпус текстов
1	st	pr
2	pr	st
3	sk	sk
4	tr	tr
5	kr	sp
6	nt	kr
7	jt	sl
8	gr	dn
9	sp	pl
10	pl	tn

Табл. 102. Наиболее частотные бинарные корреляции согласных в Гралис-ФоноГрафематоре и в Корпусе текстов «Gralis» (Gralis-www)

Различия между корреляциями согласных в ФоноГрафематоре и в Корпусе текстов «Gralis» обусловлены прежде всего тем, что в ФоноГрафематоре содержатся только исходные формы (леммы), т. е. формы в им. пад. (существительные), в инфинитиве (глаголы) и в положительной степени сравнения (прилагательные), тогда как Корпус текстов «Gralis» демонстрирует вхождения слов в текстах (tokens), т. е. все грамматические формы. ФоноГрафематор содержит значительно больше лексем, чем словарь сербского языка, и этим объясняется тот факт, что в нем меньше не реализованных корреляций, а именно 94 (15,04) vs. 264 (42,08).

Следует различать гомогенную и гетерогенную совместимость согласных. В рамках гомогенной совместимости рассматриваются сочетания одинаковых согласных; в сербском языке ею обладают только пять согласных: **dd** (2): *naddr̥žāvnī* 'надгосударственный', *poddijālek(a)t* 'поддиалект', **nn** (1): *vānnāstāvnī* 'внеклассный', **rr** (2): *superrēvīzija* 'сверхпересмотр', *hiperrealizam* 'гиперреализм', **ss** (2): *transsāharskī* 'транссахарский', *transsibīrskī* 'транссибирский' и **vv** (1) *protivvrēdnōst* 'эквивалент, соответствующая ценность, компенсация'. Но в ФоноГрафематоре есть и другие примеры: **dd** – *naddr̥žāvnī* 'надгосударственный', *nādduhōvnī* 'наддуховный', *naddr̥štven* 'надобщественный', *nāddžepak* 'застежка кармана', *pōddnēvnik* 'приложение к газете', *poddijālek(a)t*, 'поддиалект', *poddisciplīna* 'поддисциплина', *poddžāratī* от *džāratī* 'шуровать, мешать (огонь)', *prediplōmskī* 'преддипломный', *predr̥žāvnī* 'догосударственный'; **tt** – *čētvrtōnskī/čētvrtōnskī* 'четвертьтонный', *četrdesettisūčina* от *četrdesēt* '40' и *īsučina* 'тысячная доля', *posttōraks* 'постторакс', *posttītovskī/posttītōističkī* 'посттитовский', *pōsttūrskī* 'послетурецкий'; **zz** – *nūzzanīmānje* 'работа

по совместительству', *nűszārada/nűzzārada/nűzzarada* 'побочный заработок', *nűzzgrada* 'пристройка'; **ss** – *trānssāharskī* 'транссахарский', *trānsseksuálac* 'транссексуал', *trānsseksuālan* 'транссексуальный', *transseksualizam* 'транссексуальность', *transseksuālka* 'транссексуалка', *trānsseksuālno* 'транссексуально', *transseksuālnōst* 'транссексуальность', *transsibīrskī* 'транссибирский', *transsupstancijácija* 'транссубстанциация' и **kk** – *Mèkka* 'Мекка'. Следует упомянуть также удвоенное **ii** в превосходной степени с приставкой **nāj-**: *nājjačī* 'сильнейший', *nājjednōstāvnijī* 'простейший'.¹⁵⁰ Данные примеры свидетельствуют о том, что требуют уточнения мнения типа: (1) «В отличие от русского языка в нем нет удвоения согласных: при столкновении двух одинаковых согласных один из них выпадает: *īdōgānīk* 'подданный' (< под + даник), *bezākōne* 'беззаконие' (< без + законье), *rűskī* 'русский' (< рус + ски), *rāsiūaīti* 'рассыпать' (< рас + сипати < раз + сипати), *rāžaliīti* 'разжалобить' (< раж + жалити < раз + жалити), *rašíriīti* 'расширить' (< раш + ширити < раз + ширити)» (Dmitriev/Safronov 1975: 22). (2) «В сербскохорватском языке отсутствует удвоение согласных – при столкновении в слове один из них в большинстве случаев выпадает: *rāselina* 'расселина', *odēliīti* 'отделить', *bējuchan* 'безжелчный', *īrōstīrani* 'пространный', *īdōstīeeno* 'постепенно',¹⁵¹ *rānī* 'ранний'» (Leonova 1988: 18).¹⁵²

¹⁵⁰ Повторения в междометиях типа *brr*, *pss*... не учитываются.

¹⁵¹ Корректным ударением является *pōstepeno/pōstepeno* и *prōstranī*.

¹⁵² Продолжение является более приемлемым: (1) «Допускается лишь двойной [j] в превосходной степени прилагательных: *nājījūžnījī* 'самый южный', *nājījāsniījī* 'самый ясный' и др., или двойные согласные в некоторых словах, где передача согласных одной буквой затруднила бы понимание значения слов: *nűzārada* 'побочный заработок', *īdōgijālekaī* и т. п. Иногда одинаковые сочетания согласных, следующих друг за другом в пределах одного слова, при произношении также заменяются одним (например, *šēstīstīb* 'шестьсот' произносится как *mēstīo*). Однако не в письме они оба сохраняются: *šēstīstīođiīni* 'шестисотлетний'» (Dmitriev/Safronov 1975: 22). (2) «В интернациональных заимствованиях, которые по-русски пишутся с удвоенными согласными, по правилам сербской орфографии, отражающей особенности произношения, удвоения нет: *ākorđ* 'аккорд', *aīārāī* 'аппарат', *diīlēma* 'дилемма', *kōrēkšan* 'корректный', *xōkēj* 'хоккей', *xōl* 'холл', *ēīītrām* 'эпиграмма'. Написание двойных согласных допускается лишь в формах превосходной степени некоторых прилагательных (*nājījačī* 'самый сильный', *nājījevīniījī* 'самый дешевый') и в тех случаях, когда утрата одного из звуков затруднила бы понимание значения слова (*īredđrjavni* 'догосударственный', *īdōgijālekaī* 'поддиалект', *nűzārada* 'побочный заработок')» (Leonova 1988: 18).

218. В словаре сербского языка 264 пары обнаруживают гетерогенную нулевую совместимость. Это могут быть (а) гомогенные пары – **bb, tsts, tʃf, tɛtɛ, ʒʒ, ʒʒ, ff, gg, xx, j̄j kk, ll, ll̄, mm, nn̄, pp, ʃʃ, zz, ʒʒ** или (б) гетерогенные пары – **bts, btf, btɛ, bf, bx, bk, bf, bz, tsb, tsf, tsɛ, tsd, tsʒ, tsf, tsɛ, tsx, tsp, tss, tsf, tst, tsz, tsʒ, tʃb, tʃɛ, tʃd, tʃʒ, tʃf, tʃg, tʃx, tʃp, tʃs, tʃʃ, tʃz, tɛb, tɛf, tɛd, tɛʒ, tɛx, tɛl̄, tɛn̄, tɛr, tɛf, tɛt, tɛz, tɛʒ, dts, dtf, dtɛ, dʒ, dʒ, df, dk, dp, ʒb, ʒts, ʒtf, ʒtɛ, ʒd, ʒʒ, ʒʒ, ʒf, ʒg, ʒx, ʒi, ʒk, ʒl, ʒl̄, ʒm, ʒn̄, ʒp, ʒr, ʒs, ʒʃ, ʒt, ʒv, ʒz, ʒʒ, ʒts, ʒtf, ʒtɛ, ʒd, ʒf, ʒg, ʒx, ʒi, ʒk, ʒl, ʒl̄, ʒm, ʒn̄, ʒp, ʒr, ʒs, ʒʃ, ʒt, ʒv, ʒz, ʒʒ, fb, fd, fʒ, fʒ, fg, fx, fm, fn̄, fp, fv, fz, fʒ, gts, gtf, gtɛ, gf, gi, gk, gʃ, gt, gʒ, xb, xts, xtf, xd, xʒ, xʒ, xf, xg, xi, xp, xs, xz, xʒ, itɛ, iʒ, ix, iʒ, kʒ, kʒ, kf, kz, kʒ, ltɛ, lʒ, li, ll̄, lr, lʒ, lts, ltɛ, lʒ, lʒ, lf, lg, lx, li, ll̄, lm, ln̄, lp, lr, lv, lz, lʒ, mʒ, mx, ni, nn̄, nb̄, n̄tɛ, n̄ʒ, nf, ng, nx, ni, nl̄, nl̄, nm̄, nn̄, np̄, nr̄, nt̄, nv̄, vz, n̄ʒ, pb, pd, pʒ, pʒ, pg, pm, pv, pz, pʒ, stf, stɛ, sʒ, sʒ, sz, sz, ʃd, ʃʒ, ʃʒ, ʃf, ʃg, ʃx, ʃs, ʃz, ʃʒ, tʒ, tʒ, tʃ, tt, tz, tʒ, vb, vtɛ, vʒ, vf, vx, vm, zts, ztf, ztɛ, zʒ, zf, zx, zk, zp, zs, zʃ, zt, zʒ, ʒts, ʒtf, ʒtɛ, ʒf, ʒx, ʒk, ʒp, ʒs, ʒʃ, ʒt, vz.**

№		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
	h	b	t	g	k	d	z	ʒ	f	g	x	i	k	l	l	m	n	n	p	r	s	ʃ	t	v	z	ʒ
1	+h	0	0	0	0	179	0	19	0	3	0	24	2	33	1	513	13	0	0	383	1	1	2	0	471	96
2	+b	0	0	1	2	0	0	0	2	0	0	20	199	42	0	4	430	4	39	171	206	39	12	23	0	0
3	+t	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	110	12	40	29	79	355	18	162	280	0	228	13	104	0	0
4	+g	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	11	0	0	8	1	0	23	22	0	170	1	0	0	0
5	+d	49	0	0	0	2	0	0	0	62	0	84	1	51	7	35	761	6	0	518	2	0	4	40	630	152
6	+z	2	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0	66	0	0	60	0	0	0	1	1	22
7	+ʒ	8	0	0	0	0	0	0	5	0	17	0	4	0	8	59	1	0	38	0	0	0	0	0	0	8
8	+f	0	0	0	1	0	0	0	0	0	4	0	31	0	45	106	0	1	77	93	0	9	0	0	0	0
9	+g	1	0	0	2	112	0	0	0	0	9	1	51	0	1	351	0	0	347	2	0	12	11	457	16	
10	+x	0	0	0	0	4	0	0	0	1	0	0	1	11	0	0	29	0	6	209	124	0	26	0	0	0
11	+i	47	13	39	2	52	0	0	1	0	0	0	3	0	0	26	0	0	11	95	114	20	31	28	107	21
12	+k	0	197	1960	80	0	0	0	10	0	2	335	0	152	158	28	612	36	156	1025	5498	885	661	206	0	0
13	+l	857	9	39	2	261	0	0	161	1199	122	26	1045	0	0	232	19	0	902	371	1028	75	220	293	376	107
14	+l	267	6	36	0	116	0	0	14	104	2	4	235	0	0	232	37	0	360	162	7	345	235	417	16	141
15	+m	5	31	46	1	177	0	0	0	95	15	72	42	67	0	0	4	0	0	608	521	89	92	0	422	41
16	+n	191	90	819	100	1138	9	0	19	376	128	435	355	579	111	384	1	0	240	1330	643	18	1088	900	802	361
17	+n	27	7	11	0	261	0	2	0	99	9	8	74	2	0	46	0	0	25	105	3	322	90	74	12	111
18	+p	1	0	0	3	0	0	0	0	2	0	11	1	32	0	427	25	0	0	352	1686	93	233	7	0	0
19	+r	1525	368	5	0	1499	0	0	302	1924	318	6	2347	0	0	482	12	0	6492	2	354	21	3712	1361	31	16
20	+s	1	0	0	11	311	5	0	84	9	0	729	554	202	113	279	1402	58	410	1571	2	0	459	246	0	0
21	+ʃ	0	0	0	0	27	0	0	1	0	9	24	34	19	10	24	39	6	67	208	1	0	0	24	0	0
22	+t	5	0	4	0	4	0	0	70	0	77	33	918	227	6	22	1815	0	361	861	9207	1217	0	13	0	0
23	+v	8	164	105	3	717	0	0	0	62	126	20	424	64	0	8	70	0	0	575	740	75	1561	1	664	54
24	+z	14	0	0	0	32	0	0	0	70	0	19	0	16	0	9	198	0	0	388	0	0	0	7	0	0
25	+ʒ	0	0	0	0	473	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	27	0	0	91	0	0	0	3	0	0
Σ		3068	885	3065	207	5365	14	21	667	4013	809	1990	6259	1623	435	2893	6432	129	9255	9649	26232	3598	8461	3759	3989	1146

Рис. 49. Бинарные корреляции согласных
в леммах словаря сербского языка (Nikolić 2007)

219. Что касается числа отдельных согласных в бинарных совместимых сочетаниях, то их частотность может быть представлена следующим образом:

№	Согласный	Количество	%
1	s	20 232	20,62
2	r	9 849	10,04
3	p	9 255	9,43
4	t	8 461	8,62
5	n	6 432	6,56
6	k	6 259	6,38
7	d	5 365	5,47
8	g	4 013	4,09
9	z	3 989	4,07
10	v	3 759	3,80
11	ʃ	3 598	3,67
12	tʃ	3 065	3,12
13	b	3 008	3,07
14	m	2 893	2,95
15	i	1 990	2,03
16	l	1 623	1,65
17	ʒ	1 146	1,19
18	ts	885	0,90
19	x	809	0,825
20	f	667	0,68
21	ɫ	435	0,44
22	tɕ	207	0,21
23	ɲ	129	0,13
24	ʒ̣	21	0,02
25	ʒ̣̣	14	0,01
Всего		98 104	100,00

Табл. 103. Частотность согласных
по данным сербского словаря (Nikolić 2007)

Из этого списка становится ясно, что согласные, занимающие первые десять мест, образуют 70,08% всех сочетаний. Таким образом, согласные **s**, **r** и **p**, а также **t**, **n**, **k** и, наконец, **d**, **g**, **z**, **v** обладают наибольшей совместимостью внутри слова.

Что касается первой (начальной) позиции, то **b** чаще всего сочетается с **r** (1 525 вхождений), **l** (857), **ɫ** (267), **n** (191) и **d** (49).¹⁵³ Аффриката **ts** чаще всего представлена в сочетании с **r** (368), **k** (197), **v** (164), **n** (90) и **m** (31). В бинарных отношениях за **tʃ** чаще всего следуют **k** (1 960), **n** (819), **v**

¹⁵³ Упоминаются только пять наиболее частотных сочетаний.

(105), **m** (46) и **l** (39). С **ɬ** наиболее совместимы **n** (100), **k** (90), **s** (11), **p** и **v** (3), **c**, **g**, **ɟ** и **l** (2). Зубной согласный **d** обычно встречается в сочетании с **r** (1 499), **n** (1 138), **v** (717), **ʒ** (473) и **s** (311). Фонема **f** особенно активно образует бинарные отношения с **r** (302), **l** (161), **s** (84), **t** (70), **n** (19) и т. д. За согласным **g**, как правило, следуют **r** (1 924), **l** (1 199), **í** (104), **ń** (99) и **m** (95). В сочетании с **x** преобладают **r** (318), **n** (128), **v** (126), **l** (122) и **t** (77). В сочетание с **ɟ** входят прежде всего **s** (729), **n** (435), **k** (335), **ʃ** (110) и **d** (84). За согласным **k** обычно следуют **r** (2 347), **l** (1 045), **t** (918), **s** (554) и **v** (424). После **l** появляется **n** (579), **t** (227), **s** (202), **k** (152), **m** (67) и т. д. Боковой **í** чаще всего оказывается совместимым с **k** (158), **s** (113), **n** (111), **ʃ** (29) и **ʒ** (10). Согласный **m** обнаруживает наибольшую совместимость с **b** (513), **r** (482), **p** (427), **n** (384) и **s** (279). Носовой **n** преимущественно вступает в контакт с **t** (1 815), **s** (1 402), **d** (761), **k** (612) и **ts** (430). Максимальную совместимость **p** проявляет в сочетаниях с **r** (6 492), **l** (902), **s** (410), **t** (361) и **í** (360). Пары с начальным **r** образуются прежде всего с участием **s** (1 571), **n** (1 330), **k** (1 025), **t** (861) и **m** (608). В сочетание с **s** преимущественно входят **t** (9 207), **k** (5 498), **p** (1 686), **l** (1 028) и **v** (740). Фрикативный **ʃ** обычно встречается рядом с **t** (1 217), **k** (885), **í** (345), **ń** (322) и **ʃ** (228). Пары с начальным **t** как правило включают в себя также **r** (3 712), **v** (1 561), **n** (1 088), **k** (661) и **s** (459). Наибольшая сочетаемость **v** проявляется в комбинации с **r** (1 361), **n** (900), **í** (417), **l** (293) и **s** (246). Согласный **z** чаще всего выступает вместе с **n** (802), **v** (664), **d** (630), **b** (471) и **g** (457), а фонема **ʒ** встречается прежде всего в корреляциях с **n** (361), **d** (152), **í** (141), **ń** (111) и **l** (107).

Есть и другие согласные, которые обнаруживают только ограниченную бинарную совместимость. Это а) согласный **ʒ**, выступающий в сербском словаре в сочетании только с одним согласным – **s** (5); б) согласный **ʒ**, совместимый только с **ń** (2), с) согласный **ń**, встречающийся только с **s** (58), **k** (36), **ʃ** (18), **d** и **ʒ** (6), **ts** (4), а также **ʒ** (1).

220. Трехчленные корреляции. Хотя число потенциальных бинарных корреляций достаточно велико (625), но количество трехчленных отношений оказывается еще больше (1 966). Из этих сочетаний 1 420 засвидетельствованы в ФоноГрафематоре. Трехчленные корреляции встречаются в 51 882 леммах. Наиболее частотны следующие сочетания:

№	Согласные	Количество	%	Пример	Значение
1	str ¹⁵⁴	3 130	6,03	<i>ilustrácija</i>	иллюстрация
2	stv	2 004	3,86	<i>kulinárstvo</i>	кулинария
3	rsk	1 865	3,59	<i>lírskī</i>	лирический
4	nsk	1 842	3,55	<i>žènskī</i>	женский
5	isk	1 554	3,00	<i>màgijiskī</i>	магический
6	spr	1 172	2,26	<i>bèsprāvan</i>	бесправный
7	rst	1 076	2,07	<i>třstika</i>	тростник
8	skr	853	1,64	<i>dískretan</i>	сдержанный, осмотрительный
9	tsk	787	1,52	<i>màgnētskī</i>	магнитный
10	nst	682	1,31	<i>instìtūt</i>	институт
11	řtv	642	1,24	<i>drùřtven</i>	общественный
12	ntr	599	1,15	<i>kòntrast</i>	контраст
13	vsk	553	1,07	<i>dřivovskī</i>	гигантский
14	řtr	475	0,92	<i>òřtriti</i>	заострять
15	spl	458	0,88	<i>bèsplatan</i>	бесплатный
16	zgr	444	0,86	<i>izgrádnja</i>	строительство
17	zdr	443	0,85	<i>zdrāvlje</i>	здоровье
18	vrt	366	0,71	<i>prèvr̥tati</i>	переворачивать
19	skl	350	0,67	<i>ùsklīk</i>	междометие, возглас
20	zvr	336	0,65	<i>rāzvřāt</i>	разврат
Всего		16 759	32,29		

Табл. 104. Наиболее частотные трехчленные корреляции согласных
в ФоноГрафематоре (Gralis-www)

¹⁵⁴ При подсчете количества корреляций, состоящих из трех и более членов и включающих в себя **r**, различие между слоговым **r̥** и неслоговым **r** не учитывается, но в продолжении этого исследования мы это обязательно сделаем, так как звук **r̥** одновременно принадлежит к двух категориям – гласным (как сонорный **r̥**) и согласным (как звук в его консонантном качестве). В этих целях надо из собранного материала создать две отдельные базы данных – одну для сочетаний с **r̥** в его вокальном статусе, а другую для сочетаний с **r̥** в его консонантном статусе.

Далее в порядке убывания частотности следуют **svĭ** (0,64), **vrĭ** (0,64), **lsk** (0,63), **ndr** (0,58), **ntn** (0,57), **msk** (0,56), **drĭ** (0,55), **stk** (0,55), **dsk** (0,53), **ist** (0,51), **krv** (0,51), **ktr** (0,50), **smr** (0,49), **krĭ** (0,48), **dst** (0,47), **zbr** (0,46), **tsrn** (0,46), **ſkr** (0,45), **zgl** (0,44), **psk** (0,43), **rĭt** (0,43), **trp** (0,43), **prs** (0,43), **tvr** (0,42), **vrd** (0,40), **zvi** (0,40), **drv** (0,39), **trk** (0,39), **pst** (0,38), **ksp** (0,37), **isk** (0,36), **mrk** (0,36), **zdr** (0,36), **krs** (0,36), **smi** (0,35), **vrs** (0,35), **tsrv** (0,35), **tp** (0,35), **prv** (0,34), **svr** (0,34), **vrl** (0,33), **mpl** (0,32), **krp** (0,31), **tkr** (0,31), **trn** (0,30), **kst** (0,30), **nts** (0,30), **mrt** (0,29), **rtl** (0,28), **trg** (0,28), **skv** (0,28), **vri** (0,27), **vrn** (0,27), **mrz** (0,27), **prĭ** (0,27), **tst** (0,26), **brz** (0,26), **rtv** (0,26), **fsk** (0,26), **zmi** (0,25), **krm** (0,24), **prd** (0,24), **ltr** (0,23), **ngl** (0,23), **rsn** (0,23), **trl** (0,23), **tsvi** (0,23), **prt** (0,23), **nsk** (0,22), **mpr** (0,22), **rbl** (0,22), **rkn** (0,22), **grl** (0,22), **rdn** (0,22), **kvr** (0,22), **vst** (0,21), **dbr** (0,21), **rtn** (0,21), **trb** (0,21), **vrĭ** (0,21), **rpl** (0,20), **trĭ** (0,20), **zbl** (0,20), **mrĭ** (0,20), **rĭt** (0,20), **nsp** (0,20), **tri** (0,20), **ngr** (0,20), **krĭ** (0,20), **ſvr** (0,19), **vrg** (0,19), **sti** (0,19), **rbi** (0,19), **krk** (0,19), **drm** (0,19), **pri** (0,19), **drl** (0,19), **zmr** (0,18), **dgr** (0,18), **pst** (0,18), **rpi** (0,18), **srd** (0,18), **krm** (0,18), **grb** (0,18), **rti** (0,18), **krb** (0,18), **tsrt** (0,18), **rkl** (0,18), **rĭk** (0,17), **mrs** (0,17), **nkt** (0,17), **rzn** (0,17), **vrk** (0,17), **grt** (0,17), **dri** (0,17), **zbi** (0,16), **srb** (0,16), **rvn** (0,16), **pri** (0,16), **trt** (0,16), **tpl** (0,16), **spi** (0,16), **dsi** (0,16), **grm** (0,16), **mrđ** (0,16), **tsrp** (0,16), **brk** (0,15), **dvr** (0,15), **lst** (0,15), **tsvr** (0,15), **trv** (0,15), **grđ** (0,15), **krts** (0,15), **ntk** (0,15), **hrv** (0,14), **krl** (0,14), **vrts** (0,14), **zdi** (0,14), **brđ** (0,14), **rĭn** (0,14), **tkl** (0,14), **nft** (0,14), **vft** (0,14), **rgn** (0,14), **krt** (0,14), **mbr** (0,14), **ist** (0,14), **dsm** (0,14), **brl** (0,13), **rzi** (0,13), **rĭl** (0,13), **zrn** (0,13), **nkr** (0,13), **iml** (0,13), **stsv** (0,13), **rvi** (0,13), **imi** (0,13), **brb** (0,13), **rĭl** (0,13), **rvi** (0,13), **zgn** (0,13), **tsrk** (0,13), **dvi** (0,13), **rnd** (0,12), **vrh** (0,12), **rki** (0,12), **rĭk** (0,12), **rml** (0,12), **stsr** (0,12), **trĭ** (0,12), **mrl** (0,12), **krn** (0,12), **trm** (0,12), **ſmr** (0,12), **grĭ** (0,12), **mrts** (0,12), **rtsk** (0,12), **grn** (0,12), **trts** (0,12), **mrĭ** (0,12), **rht** (0,11), **zdv** (0,11), **vrđ** (0,11), **trz** (0,11), **brn** (0,11), **prk** (0,11), **rmi** (0,11), **spi** (0,11), **rdl** (0,11), **rtr** (0,11), **vrĭ** (0,11), **dsv** (0,11), **ktn** (0,11), **ksk** (0,11), **sti** (0,11), **brĭ** (0,11), **drh** (0,11), **grg** (0,11), **krz** (0,11), **vrz** (0,10), **krĭ** (0,10), **prĭ** (0,10), **mst** (0,10), **stl** (0,10), **brĭ** (0,10), **rkv** (0,10), **prts** (0,10), **rĭi** (0,10), **prĭ** (0,10), **krh** (0,10), **drp** (0,10), **krd** (0,10).

Менее 0,10% приходится на сочетания **prh** (0,09), **zvl** (0,09), **nkl** (0,09), **rzn** (0,09), **brt** (0,09), **shr** (0,09), **ngv** (0,09), **shl** (0,09), **srp** (0,09), **prn** (0,09), **rtsn** (0,09), **dgl** (0,09), **trn** (0,09), **frk** (0,08), **nkv** (0,08), **krĭ** (0,08), **rkt** (0,08), **nkts** (0,08), **grts** (0,08), **tsrn** (0,08), **grk** (0,08), **rgl** (0,08), **skĭ** (0,08), **prp** (0,08), **drn** (0,08), **vrĭ** (0,08), **zml** (0,08), **ndl** (0,08), **vrĭ** (0,08), **prĭ** (0,08), **srk** (0,08), **ksn** (0,08), **dvl** (0,08), **stĭ** (0,08), **trs** (0,08), **stn** (0,07), **gdi** (0,07), **mpt** (0,07), **mrĭ** (0,07), **brv** (0,07), **ſpr** (0,07), **zri** (0,07), **grĭ** (0,07), **ldr** (0,07), **prn** (0,07), **dri** (0,07), **zgn** (0,07), **mrđ** (0,07), **đmi** (0,07), **rps** (0,07), **ksts** (0,07), **trĭ** (0,07), **mrđ** (0,07), **srĭ** (0,07), **nhr** (0,07), **bdi** (0,06), **trđ** (0,06), **rzl** (0,06), **rĭn** (0,06), **nsf** (0,06), **ift** (0,06), **rks** (0,06), **srt** (0,06), **brs** (0,06), **hrs** (0,06), **rnĭ** (0,06), **nsts** (0,06), **ptr** (0,06), **zrt** (0,06), **vrđ** (0,06), **mrn** (0,06), **rtk** (0,06), **drk** (0,06), **nfl** (0,06), **rdĭ** (0,06), **grĭ** (0,06), **sfr** (0,06), **grĭ** (0,06), **rpr** (0,05), **rĭm** (0,05), **rzn** (0,05), **psi** (0,05), **ſſv** (0,05), **stm**

(0,05), **drt** (0,05), **dft** (0,05), **vrđz** (0,05), **dsr** (0,05), **vrń** (0,05), **ſſl** (0,05), **rdń** (0,05), **thr** (0,05), **dbl** (0,05), **dsl** (0,05), **rdi** (0,05), **ſkl** (0,05), **rpk** (0,05), **nſk** (0,05), **hrk** (0,05), **rpn** (0,05), **mpi** (0,05), **mrđ** (0,05), **vri** (0,05), **tví** (0,05), **tví** (0,05), **ksh** (0,05), **rmn** (0,05), **tst** (0,05), **frl** (0,05), **nsí** (0,05), **dzv** (0,04), **svl** (0,04), **npr** (0,04), **pti** (0,04), **hrp** (0,04), **tri** (0,04), **mrđ** (0,04), **srn** (0,04), **frí** (0,04), **ndi** (0,04), **rhn** (0,04), **ſvr** (0,04), **bgr** (0,04), **nds** (0,04), **rsl** (0,04), **rví** (0,04), **rpi** (0,04), **rhn** (0,04), **mrt** (0,04), **krđ** (0,04), **rti** (0,04), **mbl** (0,04), **rſſ** (0,04), **skn** (0,04), **lſt** (0,04), **ntl** (0,04), **lkl** (0,04), **hti** (0,04), **nfr** (0,04), **thv** (0,04), **vrp** (0,04), **shv** (0,03), **zdn** (0,03), **rnk** (0,03), **žvr** (0,03), **grſ** (0,03), **trt** (0,03), **sts** (0,03), **brts** (0,03), **brđ** (0,03), **brń** (0,03), **ntsl** (0,03), **rmi** (0,03), **krdž** (0,03), **rds** (0,03), **rzm** (0,03), **srđ** (0,03), **srts** (0,03), **srí** (0,03), **srl** (0,03), **rńk** (0,03), **hrn** (0,03), **mrđ** (0,03), **rpts** (0,03), **rms** (0,03), **brſ** (0,03), **drſ** (0,03), **drz** (0,03), **dbi** (0,03), **ndg** (0,03), **ſkl** (0,03), **tsrí** (0,03), **tsrl** (0,03), **rts** (0,03), **hrt** (0,03), **zbl** (0,03), **ksl** (0,03), **mfl** (0,03), **dml** (0,03), **sml** (0,03), **rgí** (0,03), **rtk** (0,03), **rsp** (0,03), **hrđ** (0,03), **rpt** (0,03), **tkl** (0,03), **tkv** (0,03), **tpi** (0,03), **mps** (0,03), **srn** (0,03), **kti** (0,03), **rmſ** (0,03), **mrń** (0,03), **ſtl** (0,03), **ſtl** (0,03)

Частотность 0,02% и менее имеют следующие сочетания: **rkń** (0,02), **drts** (0,02), **hſt** (0,02), **izl** (0,02), **rtń** (0,02), **psl** (0,02), **ttsi** (0,02), **zrts** (0,02), **žrv** (0,02), **rfl** (0,02), **rptſ** (0,02), **hrń** (0,02), **rth** (0,02), **hrl** (0,02), **dsp** (0,02), **nsn** (0,02), **frſ** (0,02), **ſrſ** (0,02), **vpr** (0,02), **ipr** (0,02), **mti** (0,02), **std** (0,02), **prg** (0,02), **prz** (0,02), **dmr** (0,02), **rhl** (0,02), **rvń** (0,02), **irv** (0,02), **ltń** (0,02), **rns** (0,02), **ńst** (0,02), **rvts** (0,02), **nbr** (0,02), **lts** (0,02), **dbí** (0,02), **zmn** (0,02), **nsv** (0,02), **ńſt** (0,02), **mſt** (0,02), **rſp** (0,02), **rmb** (0,02), **itń** (0,02), **stp** (0,02), **frn** (0,02), **lfr** (0,02), **nks** (0,02), **nsm** (0,02), **ngs** (0,02), **ksm** (0,02), **zgv** (0,02), **rtsv** (0,02), **nss** (0,02), **ndn** (0,02), **psts** (0,02), **rtf** (0,02), **rkm** (0,02), **rkſ** (0,02), **rvk** (0,02), **lrv** (0,02), **rđd** (0,02), **rſi** (0,02), **rlk** (0,02), **tpí** (0,02), **brđ** (0,02), **rnts** (0,02), **ndv** (0,02), **sth** (0,02), **drſ** (0,02), **drs** (0,02), **frts** (0,02), **gst** (0,02), **rhk** (0,02), **rmk** (0,02), **mtí** (0,02), **mtl** (0,02), **bzn** (0,02), **vſi** (0,02), **htl** (0,02), **zdl** (0,02), **rsm** (0,02), **đdi** (0,02), **rfl** (0,02), **frń** (0,02), **mđl** (0,02), **mđl** (0,02), **rtsl** (0,02), **ngp** (0,02), **ſkv** (0,02).

Наименее употребительны (0,1%) **rtm**, **rdr**, **hrd**, **dpr**, **đſk**, **pkl**, **žst**, **vſſ**, **zmí**, **rſl**, **rlń**, **grz**, **grs**, **ndz**, **frt**, **ſmí**, **zrń**, **inſ**, **vdi**, **rbr**, **vgr**, **hrſ**, **rſi**, **kſt**, **mpts**, **ihl**, **tmí**, **lpt**, **btr**, **lſt**, **hrz**, **ndk**, **inz**, **rgr**, **kgr**, **zrđ**, **rnđ**, **rvſ**, **lmí**, **lmí**, **prđ**, **grń**, **zgm**, **bdr**, **rndž**, **tſv**, **itl**, **rſv**, **žrn**, **rvs**, **tlm**, **mzl**, **stg**, **ksi**, **ntsv**, **ftn**, **dzd**, **ntl**, **stt**, **rsi**, **ttsr**, **trh**, **sgr**, **srs**, **srđ**, **nvr**, **inl**, **ptn**, **ltm**, **tſmr**, **drń**, **zdń**, **iht**, **frn**, **frs**, **frđ**, **rſl**, **ikn**, **rmz**, **trf**, **rkg**, **npl**, **rzi**, **rsń**, **ind**, **lbr**, **ndm**, **rſn**, **nžm**, **tskl**, **rnp**, **tsks**, **rſn**, **ins**, **ndh**, **nth**, **nsr**, **nbl**, **rnb**, **hrſ**, **hst**, **tgr**, **rnt**, **rkr**, **dmn**, **isn**, **ddr**, **dtſi**, **tſts**, **tskv**, **smí**, **sri**, **mpí**, **ldb**, **vſn**, **mſk**, **sfl**, **shl**, **brg**, **žsk**, **fst**, **stf**, **tdr**, **ntſi**, **frí**, **frg**, **srv**, **hrg**, **rhl**, **đžr**, **ití**, **kfb**, **skf**, **krđ**, **vrn**, **rtg**, **ntsr**, **ppr**, **nkn**, **izb**, **ngt**, **htn**, **lms**, **ffr**, **bsb**, **hrb**, **phr**, **izn**, **sps**, **vſi**, **ndſ**, **ndb**, **itr**, **rſr**, **ntg**, **lſp**, **imn**, **ism**, **nrs**, **bvl**, **mbd**, **pkv**, **rtp**, **gdn**, **ftv**, **ngf**, **rbi**, **srđ**, **kbr**, **ikb**, **lkm**, **dkl**, **bſt**, **tſt**, **nſp**, **kts**, **ngk**, **tskn**, **rmp**, **lkr**, **mpf**, **tkn**, **žvr**, **psn**, **mfs**, **ksd**, **ſrv**, **frſ**, **hrm**, **npi**, **stsm**, **skń**,

Следующие комбинации встречаются только в двух леммах: **lps, ntv, stsx, ntsx, rnf, pri, lkz, stj, rls, drd, njl, lds, ntjk, nkf, rsx, lfs, pfr, stj, mfr, rdv, njf, mpx, xsk, krf, kri, ftb, ltd, ikl, rtt, dzn, ntsk, msp, jbr, jdr, jsr, plv, dfr, pstr, tvj, dtsr, nsq, ljk, rtsm, rzv, rd3b, rpñ, sxt, spn, bfm, drf, zvf, nkm, jnk, jnr, tnt, llr, n3p, mxl, rfr, gnm, sbr, nkp, rtb, zdl, drb, lfl, ntjn, tls, tskr, rdm, brm, brr, tskn, tsrt, tsrm, bls, tkñ, gpr, jds, ksf, jrts, ltsj, ktsv, glx, kzv, lks, ftl, jxf, rnm, ttr, rsr, klg, ndd, kfv, xvr, zrg, mtr, rls, lpl, ltk, mpj, ktp, pts, njf, mlp, rki, krt, xld, stj, ntjp, lxb, kvi, rmñ, dtsv, dzt, rzb, fjt, flx, ñrv, bxr, kmi, ksf, tfts, tfr, rlf, rzñ, pxl, tsv, lxl, tgl, vvr, mpn, vkr, tsl, jsf, mjl, spf, dfl, stb, ltsq, mdr, tsfl, glt, gsp, ngf, fbn, nkñ, tsm, srñ, nsx, spl, tgi, vjn, drt, z3r, rzg, tjkv, jbn, stjñ, stjñ.**

[illegible]

fn̄s, bn̄ts, np̄f, kn̄p, nk̄b, pl̄ts, xkv̄, īxk, mfx̄, fts̄, ʒfv̄, vms̄, m̄is, mm̄i, ʒmm̄, ʒmr̄, ʒr̄n̄, ʒrr̄, īrt, l̄rt, v̄zg, ʒv̄z.

Не представлены примеры следующих сочетаний: dzx, lmr, llg, lpx, mbts, nzn, ndt̄f, rtst, nrts, tsxk, tsxn, sxd, spts, ngz, nkx, nki, bbts, bdp, tsxl, ngx, nnv, rnx, ssm, bxs, vpg, īrm, b̄ir, blk, msb, bnn, bnr, īki, dtk, xms, rtz, īdn̄, l̄dn̄, l̄dn̄, b̄ld, b̄tv, nkg, ktsm, sxn, bvv, lnm, tsfm, rlt, ât, xâ, sxk, tsxr, tspl, tsnn, tskt, mtn, tspt, tsrx, mvv, tstr, tsvl, r̄f̄ts, x̄f̄n, st̄n̄, rvt, t̄f̄lm, t̄f̄nd, kdr, dld, d̄il, dms, dn̄f, ttl, pmn, dpm, dps, ssl, rng, ḡim, k̄t̄f̄i, d̄sts, dss, ʒnl, tsmt, dvs, ddv, rgx, lsx, plg, rrv, ll̄l, d̄ik, ld̄f, l̄sts, n̄tsz, fff, t̄zg, ll̄t, fl̄l, t̄f̄kx, rk̄t̄ç, f̄sts, f̄f̄i, f̄f̄f̄, xnm, īts, mn̄z, rḡi, gm̄t̄f̄, ḡmt, d̄fr, dsx, txs, bzd, v̄f̄t̄f̄, rtss, īdm, kl̄b, mḡi, xdz, dz̄b, ʒdn̄, x̄z̄d, tsxt, rt̄sz, tsxts, t̄tsx, x̄k̄i, xlg, xmm, mmm, xnr, xns, ffm, xpd, ttp, xtt, ffl, l̄tsx, ngm, pḡt̄f̄, p̄tf, rm̄g, sl̄r, t̄f̄r, l̄tsk, mvn, zmv, zvm, tsdn̄, ītsd, tsrg, dnd, xnn, īpg, fl̄n, ʒsk, kgb, ssk, rkp, szn, rsz, tdb, īzm, kn̄t̄ç, k̄nb, knr, mzm, vsv, r̄ʒʒ, kps, pss, kp̄z, t̄f̄n̄, rl̄i, rll, r̄rts, krr, x̄tsx, s̄xts, nsb, kzl, kxd, ldp, n̄nm, t̄ssx, st̄ss, ppm, sz̄t, l̄nb, l̄zb, l̄zg, l̄zr, rf̄i, tts, t̄tx, mt̄sts, mt̄sg, mt̄sm, mt̄sp, mdm, rsv, sl̄f, īsn̄, l̄sn̄, l̄sn̄, f̄ls, mk̄ts, mk̄g, mk̄s, m̄md, m̄mf, mxm, m̄mx, x̄fv, v̄pts, rvp, p̄nts, ün̄, gsk, rgs, t̄f̄k̄ts, ībl̄, ītsī, īt̄fv̄, īdī, īdv̄, īfm̄, īgl̄, īxr̄, īmr̄, b̄mī, īrī, īsī, īsv̄, ītv̄, īvī, īvr̄, īzd̄, īzḡ, īzr̄, sn̄k, m̄zd, sr̄t̄ç, t̄gg, nt̄sg, t̄f̄nv̄, k̄gl, l̄kg, sd̄n̄, sīt̄, mv̄ī, ʒnr̄, n̄fs, z̄sts, t̄zs, n̄t̄f̄m̄, n̄ms, ssb, nz̄d, b̄gl, bv̄z, br̄t̄ç, f̄f̄z, b̄f̄f̄, rv̄f̄, kl̄ts, s̄sts, f̄pt̄, f̄f̄k̄, r̄f̄f̄, v̄tsx, v̄id̄, p̄f̄t̄ç, n̄fn̄, īzs, nv̄ī, t̄gr̄, p̄bs, p̄f̄l̄, p̄df̄, p̄dl̄, p̄dp̄, p̄dv̄, p̄fp̄, p̄gp̄, l̄gs, ts̄kf̄, ts̄nt̄, m̄tsn̄, ḡmts, t̄tsx, nḡi, ss̄n, pn̄z, tk̄ts, ts̄fx̄, v̄tsf̄, īrn̄, s̄f̄t̄f̄, ls̄f̄, kl̄s, ll̄v, s̄st, pp̄n, pp̄p, pr̄b, b̄vs, t̄f̄tsn̄, l̄nv̄, m̄ln̄, pr̄m, pr̄r, r̄rī, r̄fḡ, ps̄d, s̄ss, p̄tt, t̄zn̄, t̄zn̄, p̄tz, ts̄gḡ, p̄zm̄, ms̄f̄, vk̄l̄, zv̄k, t̄f̄dv̄, tx̄b, sk̄i, r̄vd̄, f̄gr̄, f̄fḡ, st̄sb̄, ts̄xm̄, lz̄l, sd̄p, s̄ds, t̄nn̄, sf̄ī, t̄enn̄, s̄iv̄, m̄zv̄, vs̄ī, gḡl, ls̄b, sl̄s, sn̄p, nr̄n, sn̄r, sns, sn̄f̄, ts̄ds, rt̄sd̄, sk̄x, s̄sp, ss̄r, ts̄kb̄, m̄t̄f̄n̄, m̄t̄f̄n̄, t̄m̄t̄f̄, ms̄n, t̄ms̄, vp̄f̄, t̄cl̄m̄, v̄ip̄, m̄tsr̄, f̄tsk̄, ms̄ī, f̄gī, rt̄ts̄, l̄tsl̄, f̄f̄l̄, zp̄f̄, lz̄p̄, ʒl̄z̄, f̄ʒl̄, t̄b̄ts, f̄ʒt̄, p̄f̄x̄, pp̄f̄, f̄nts̄, sd̄n̄, p̄t̄t̄ç̄, f̄dr̄, t̄f̄d̄, tv̄d̄, t̄zv̄, x̄tsr̄, n̄xts̄, vn̄k, zv̄n̄, īvt̄, v̄bd̄, pḡn̄, p̄gn̄, v̄ir̄, vk̄v̄, vl̄r̄, vm̄r̄, lv̄v̄, ḡin̄, īsx̄, ītk̄, l̄fḡ, r̄ld̄, v̄ss̄, t̄tt̄, l̄d̄ts̄, zlv̄, znd̄, zsp̄.

В Корпусе текстов «Gralis» 50 наиболее частотных сочетаний покрывают собой 57,64% всех трехчленных корреляций:

№	Согласные	Количество	%
1	str	1 662	6,74
2	nsk	1 335	5,42
3	isk	869	3,53
4	rsk	806	3,27
5	stv	738	2,99
6	spr	660	2,68
7	skr	468	1,90
8	tsk	396	1,61
9	nst	378	1,53
10	vsk	362	1,47
11	drʒ	338	1,37

12	vrz	310	1,26
13	zdr	270	1,10
14	skl	243	0,99
15	dsk	214	0,87
16	svi	207	0,84
17	msk	206	0,84
18	spl	204	0,83
19	dst	204	0,83
20	ntn	203	0,82
21	rst	198	0,80
22	tvr	197	0,80
23	ntr	188	0,76
24	zgr	165	0,67
25	lsk	165	0,67
26	ist	165	0,67
27	zvr	164	0,67
28	vrt	151	0,61
29	psk	147	0,60
30	trp	147	0,60
31	tsrt	147	0,60
32	smi	145	0,59
33	smr	137	0,56
34	ftv	131	0,53
35	vrđ	131	0,53
36	trg	130	0,53
37	trf	130	0,53
38	tsrv	126	0,51
39	zbr	125	0,51
40	str	124	0,50
41	lsk	119	0,48
42	zgl	116	0,47
43	vrs	115	0,47
44	tsrn	111	0,45
45	nsk	111	0,45
46	ndr	110	0,45
47	rtn	110	0,45
48	svr	107	0,43
49	mrt	107	0,43
50	krv	105	0,43
Всего		14 197	57,64

Табл. 105. 50 наиболее частотных трехчленных корреляций
в Корпусе текстов «Gralis» Gralis-www)

Сравнение процентных данных в ФоноГрафематоре и в Корпусе текстов «Gralis» позволяет исследовать структуру трехчленных корреляций согласных в нормирующей системе (в словарях) и в конкретном употреблении языка (в корпусе). Можно установить, что максимальное различие затрагивает **nsk** (-1,87), **rst** (-1,27), **stv** (-0,88) и **str** (-0,71).

№	Согласные	Phonograph. (%)	Корпус (%)
1	str	6,03	6,74
2	stv	3,86	2,99
3	rsk	3,59	3,27
4	nsk	3,55	5,42
5	isk	3,00	3,53
6	spr	2,26	2,68
7	rst	2,07	0,80
8	skr	1,64	1,90
9	tsk	1,52	1,61
10	nst	1,31	1,53
11	ftv	1,24	0,53
12	ntr	1,15	0,76
13	vsk	1,07	1,47
14	fttr	0,92	0,50
15	spl	0,88	0,83
16	zgr	0,86	0,67
17	zdr	0,85	1,10
18	vrt	0,71	0,61
19	skl	0,67	0,99
20	zvr	0,65	0,67
21	vrj	0,64	1,26
22	svi	0,64	0,84
23	lsk	0,63	0,67
24	ndr	0,58	0,45
25	ntn	0,57	0,82
26	msk	0,56	0,84
27	drz	0,55	1,37
28	dsk	0,53	0,87
29	ist	0,51	0,67
30	krv	0,51	0,43
31	smr	0,49	0,56
32	dst	0,47	0,83
33	zbr	0,46	0,51
34	tsrn	0,46	0,45

35	zgl	0,44	0,47
36	psk	0,43	0,60
37	trp	0,43	0,60
38	tvr	0,42	0,80
39	vrđ	0,40	0,53
40	ísk	0,36	0,48
41	smi	0,35	0,59
42	tsrv	0,35	0,51
43	vsr	0,35	0,47
44	svr	0,34	0,43
45	mrt	0,29	0,43
46	trg	0,28	0,53
47	ńsk	0,22	0,45
48	rtn	0,21	0,45
49	trǵ	0,20	0,53
50	tsrt	0,18	0,60
Всего		50,68	57,64

Табл. 106. Трехчленные корреляции согласных в ФоноГрафематоре и в корпусе текстов «Gralis» (Gralis-www)

221. Четырехчленные корреляции. В ФоноГрафематоре встречается 1 281 четырехчленная комбинация согласных. Десять наиболее распространенных сочетаний покрывают собой 18,89% всех корреляций.

№	Согласные	%	Пример	Значение
1	rstv	6,25	<i>drugárstvo</i>	дружба
2	nstv	3,88	<i>božànstvo</i>	божество
3	istv	1,83	<i>svójstvo</i>	свóйство
4	ntsk	1,25	<i>gìgantskĩ</i>	гигантский
5	nstr	1,25	<i>demonstrúati</i>	демонстрировать
6	krst	1,25	<i>křst</i>	крест
7	tvrd	1,14	<i>tvřd</i>	твердый
8	vrst	1,12	<i>vřsta</i>	разновидность
9	tstv	0,96	<i>bogàtstvo</i>	богатство
10	krřt	0,96	<i>ukřřtènica</i>	кроссворд
Всего		19,89		

Табл. 107. Десять наиболее частотных четырехчленных сочетаний согласных в ФоноГрафематоре (Gralis-www)

Частотность 0,50% и выше обнаруживают многие сочетания: **vstv** (0,87), **mrtv** (0,82), **prst** (0,81), **dstv** (0,71), **dstr** (0,70), **zdrz** (0,67), **ístv** (0,66), **lstv** (0,61), **vrtl** (0,55), **strm** (0,53), **skvr** (0,53), **kstr** (0,53), **kspl** (0,53), **tvrt** (0,51), **smrd** (0,51), **kvrn** (0,50).

К группам согласных с частотой от 0,5% до 0,10% относятся **strv** (0,48), **zvr̥f̥** (0,47), **strp** (0,47), **prtí** (0,47), **prtl** (0,47), **drxt** (0,47), **skrb** (0,47), **stsrp** (0,47), **krvn** (0,46), **ʃmrk** (0,45), **kr̥f̥t̥** (0,45), **prsk** (0,44), **vr̥sn** (0,43), **ʃtrk** (0,42), **vr̥gn** (0,40), **vr̥f̥t̥** (0,39), **br̥bl** (0,39), **br̥bí** (0,38), **smrt** (0,37), **ʃf̥vr̥f̥** (0,37), **tsrk̥v** (0,37), **tv̥r̥ʒ** (0,35), **tr̥pí** (0,35), **sp̥rs** (0,35), **sp̥rd** (0,35), **skr̥f̥** (0,35), **sk̥rs** (0,35), **pstv** (0,35), **vr̥f̥n** (0,34), **str̥k** (0,34), **sp̥r̥f̥** (0,34), **sk̥rv** (0,34), **vr̥dn** (0,33), **tsvr̥k** (0,33), **mstv** (0,32), **kr̥pí** (0,32), **kr̥pl** (0,32), **dr̥ʒí** (0,32), **mr̥zn** (0,31), **kr̥ʒí** (0,31), **str̥n** (0,30), **pstr** (0,29), **pskr** (0,29), **pr̥sn** (0,29), **ʃf̥vrs** (0,29), **ʒrtv** (0,28), **ldrm** (0,28), **str̥g** (0,27), **mr̥tn** (0,27), **str̥f̥** (0,26), **mr̥sk** (0,26), **mr̥kn** (0,26), **kspr** (0,26), **vr̥dl** (0,25), **tr̥kí** (0,25), **vr̥tsk** (0,24), **tr̥gn** (0,24), **str̥f̥** (0,24), **kr̥kl** (0,24), **tsvr̥í** (0,24), **ʃtr̥ts** (0,23), **sr̥ps** (0,23), **ʃf̥vr̥** (0,23), **nskr** (0,23), **zvr̥t** (0,22), **zm̥rs** (0,22), **vr̥tí** (0,22), **svr̥f̥** (0,22), **sm̥rz** (0,22), **ndr̥í** (0,22), **kr̥zn** (0,22), **t̥stv** (0,22), **br̥ʃk̥** (0,22), **zvr̥s** (0,21), **zdr̥m** (0,21), **svr̥d** (0,21), **sr̥dn** (0,21), **rp̥sk** (0,21), **kr̥ʃm̥** (0,21), **str̥t** (0,20), **ʃkr̥b** (0,20), **tsr̥pí** (0,20), **pr̥ʃt** (0,20), **mr̥ʃt** (0,20), **kr̥bl** (0,20), **zm̥r̥f̥** (0,19), **vr̥t̥i** (0,19), **kr̥sn** (0,19), **zvr̥n** (0,18), **zbr̥d** (0,18), **vr̥nd** (0,18), **tr̥p̥i** (0,18), **str̥z** (0,18), **str̥i** (0,18), **sk̥rp** (0,18), **ntst** (0,18), **kr̥bí** (0,18), **ds̥m̥i** (0,18), **dr̥nd** (0,18), **br̥st** (0,18), **zvr̥k** (0,17), **zgr̥t** (0,17), **ʒdr̥l** (0,17), **sp̥rt** (0,17), **sk̥rn** (0,17), **st̥sv̥i** (0,17), **mr̥zl** (0,17), **kvr̥n̥** (0,17), **kskl** (0,17), **xr̥sk** (0,17), **zvr̥ts** (0,16), **vr̥ʃí** (0,16), **tr̥ʃk̥** (0,16), **svr̥b** (0,16), **sm̥rk** (0,16), **ʃkr̥g** (0,16), **ndsk** (0,16), **ndrk** (0,16), **mr̥dí** (0,16), **kr̥kí** (0,16), **vr̥dn̥** (0,15), **svr̥t** (0,15), **sv̥rs** (0,15), **ʃkr̥t** (0,15), **sk̥rts** (0,15), **kr̥ʃn** (0,15), **gr̥dn** (0,15), **gr̥bí** (0,15), **zdr̥v** (0,14), **ʒdr̥i** (0,14), **vr̥kn** (0,14), **ʃtr̥b** (0,14), **sr̥bí** (0,14), **sk̥r̥f̥** (0,14), **pr̥ʃí** (0,14), **pr̥ʃl** (0,14), **mr̥ml** (0,14), **kr̥ví** (0,14), **gr̥m̥i** (0,14), **tsvr̥ʃ** (0,14), **zgr̥ʃ** (0,13), **zdr̥p** (0,13), **zdr̥í** (0,13), **vr̥ʃn̥** (0,13), **r̥msk** (0,13), **r̥dsk** (0,13), **mr̥ml̥** (0,13), **kvr̥ʒ** (0,13), **kr̥bn** (0,13), **zvr̥ʃ** (0,12), **zdr̥x** (0,12), **zbr̥k** (0,12), **tr̥pn** (0,12), **tr̥pk** (0,12), **tr̥kn** (0,12), **tp̥rd** (0,12), **svr̥x** (0,12), **st̥vr̥** (0,12), **rt̥ví** (0,12), **pr̥dn̥** (0,12), **kvr̥g** (0,12), **kvr̥ʃ** (0,12), **kr̥ʒn̥** (0,12), **dv̥rg** (0,12), **ʃf̥vr̥k** (0,12), **zvr̥g** (0,11), **vr̥tn̥** (0,11), **vr̥ʃt** (0,11), **ʃvr̥í** (0,11), **str̥ts** (0,11), **sp̥r̥ʃ** (0,11), **sm̥rt̥** (0,11), **rp̥st** (0,11), **mr̥ʒn̥** (0,11), **kr̥ʃn̥** (0,11), **kr̥tsk** (0,11), **gr̥n̥ʃ** (0,11), **br̥vn̥** (0,11), **br̥tn̥** (0,11), **ʒdr̥í** (0,10), **vr̥v̥i** (0,10), **vr̥tk̥** (0,10), **str̥n̥** (0,10), **ʃmr̥ts** (0,10), **sm̥r̥ʃ** (0,10), **ʃkr̥ʒ** (0,10), **sk̥rl̥** (0,10), **pr̥ʃn̥** (0,10), **kr̥ʒn̥** (0,10), **gr̥tsn̥** (0,10).

Частотность от 0,10% до 0,06% имеют **zm̥rz** (0,09), **zgr̥b** (0,09), **vr̥zm̥** (0,09), **vr̥sk̥** (0,09), **vr̥t̥k̥** (0,09), **tr̥st̥** (0,09), **tk̥rp̥** (0,09), **ʃtr̥l̥** (0,09), **str̥l̥** (0,09), **r̥nsk̥** (0,09), **pr̥zn̥** (0,09), **pr̥xn̥** (0,09), **pr̥dl̥** (0,09), **ństv̥** (0,09), **kr̥ʃk̥** (0,09), **gr̥ʃk̥** (0,09), **dv̥rt̥** (0,09), **ʃf̥r̥ʃk̥** (0,09), **ʒvr̥í** (0,08), **zvr̥i̥** (0,08), **zgr̥m̥** (0,08), **zbr̥ʃ** (0,08), **zbr̥b̥** (0,08), **vr̥kt̥** (0,08), **ʃtr̥p̥** (0,08), **ʃtr̥í** (0,08), **str̥í** (0,08), **sr̥tí** (0,08), **sm̥r̥ʒ̥** (0,08), **ʃkr̥l̥** (0,08), **sk̥rx̥** (0,08), **r̥tsk̥** (0,08), **pr̥sl̥** (0,08), **pr̥d̥i̥** (0,08), **nspl̥** (0,08), **mr̥kv̥** (0,08), **l̥tsk̥** (0,08), **kr̥m̥í** (0,08), **gr̥m̥í** (0,08), **dr̥ʃk̥** (0,08), **tsvr̥í** (0,08), **tsvr̥ts̥** (0,08), **tsrn̥k̥** (0,08), **br̥kí** (0,08), **ʒvr̥n̥** (0,07), **vr̥tsn̥** (0,07), **tr̥ví** (0,07), **tr̥sk̥** (0,07), **sp̥r̥ʒ̥** (0,07), **sp̥r̥í** (0,07), **sp̥r̥t̥** (0,07), **pr̥ʃk̥** (0,07), **pr̥d̥í** (0,07), **pr̥ʃk̥** (0,07), **mr̥kl̥** (0,07), **kskr̥** (0,07), **xr̥pt̥** (0,07), **gr̥ʃt̥** (0,07), **fr̥kn̥** (0,07), **dspr̥** (0,07), **dg̥rt̥** (0,07), **zm̥rv̥** (0,07), **zgr̥n̥** (0,07), **zbr̥z̥** (0,07), **vr̥t̥f̥** (0,07), **vr̥ʃk̥** (0,07), **svr̥n̥** (0,07), **ʃtr̥ʃ̥** (0,07), **sr̥kn̥** (0,07), **sp̥rv̥** (0,07), **sk̥rt̥** (0,07), **ʃkr̥í** (0,07), **sk̥rk̥** (0,07), **pr̥xl̥** (0,07), **ngst̥** (0,07), **mr̥ví** (0,07), **mr̥k̥n̥** (0,07), **mr̥d̥i̥** (0,07),

mrtsv (0,07), mpsk (0,07), kvrk (0,07), krzl (0,07), krfl (0,07), krmfj (0,07), žstv (0,07), drzn (0,07), dgrl (0,07), fvrí (0,07), rtk (0,07), tsrps (0,07), tsrnfj (0,07), brtv (0,07), brtsn (0,07), zvrv (0,06), zgrts (0,06), vrfj (0,06), trzn (0,06), trfj (0,06), svrz (0,06), fvrč (0,06), stst (0,06), strč (0,06), srpk (0,06), sprx (0,06), smrs (0,06), fkrp (0,06), skrm (0,06), stsvr (0,06), stsrv (0,06), pftí (0,06), prfj (0,06), prtsk (0,06), mrsn (0,06), mrnž (0,06), mrnd (0,06), kvrts (0,06), krsm (0,06), krxt (0,06), grst (0,06), dsvi (0,06), drvn (0,06), drml (0,06), drkn (0,06), tsrpn (0,06), brdn (0,06), bgrl (0,06).

Частотность 0,05% и 0,04% характерна для следующих групп согласных: zvrí (0,05), zvrí (0,05), zvrđ (0,05), žrví (0,05), zmrd (0,05), zbrí (0,05), vrzn (0,05), vrzd (0,05), vrtí (0,05), vrík (0,05), vrbl (0,05), trfk (0,05), trfj (0,05), trfč (0,05), strz (0,05), sprk (0,05), smrz (0,05), smrf (0,05), sxrk (0,05), sfrk (0,05), stst (0,05), prfv (0,05), mrzi (0,05), mrnž (0,05), mrtsk (0,05), krj (0,05), krjk (0,05), krnd (0,05), krkn (0,05), iprv (0,05), xrkn (0,05), grkí (0,05), dzdr (0,05), dsrd (0,05), dfkr (0,05), drzn (0,05), drví (0,05), drmn (0,05), dmrz (0,05), dgrn (0,05), dgrm (0,05), fvrđ (0,05), tsrkn (0,05), brdn (0,05), bdrz (0,05), zvrz (0,04), zvrč (0,04), zmrfj (0,04), zgri (0,04), zdrt (0,04), zdrn (0,04), vzrl (0,04), vrtg (0,04), vrpj (0,04), vrnfj (0,04), vrgl (0,04), trzn (0,04), trtl (0,04), trgl (0,04), trfj (0,04), trfl (0,04), trtsn (0,04), trtsk (0,04), tprs (0,04), tkrí (0,04), txrv (0,04), tsrt (0,04), svrg (0,04), ftví (0,04), ftrl (0,04), stsk (0,04), strb (0,04), srnd (0,04), srdí (0,04), sprts (0,04), smrts (0,04), skrz (0,04), skrn (0,04), skrl (0,04), skfb (0,04), sxrv (0,04), rvsk (0,04), rstr (0,04), rstn (0,04), rkgr (0,04), rfml (0,04), rfml (0,04), ptrk (0,04), prtv (0,04), prtn (0,04), prsn (0,04), prfj (0,04), prxk (0,04), prtsn (0,04), nktn (0,04), mrzd (0,04), mrkl (0,04), mrnd (0,04), kstn (0,04), krví (0,04), krxn (0,04), krxk (0,04), insk (0,04), indl (0,04), xrtk (0,04), grkn (0,04), grgí (0,04), grdi (0,04), frkt (0,04), frfj (0,04), dskr (0,04), fvrj (0,04), tsmrk (0,04), brsn (0,04), brfj (0,04), brsl (0,04), brgí (0,04), bgrí (0,04).

Частотность 0,03% имеют zvrp (0,03), žvrk (0,03), zvrx (0,03), zrnk (0,03), zrnfj (0,03), zrnč (0,03), zmrz (0,03), zmrt (0,03), zgri (0,03), zgrg (0,03), ždrk (0,03), vrzn (0,03), vrts (0,03), vrfj (0,03), vrnt (0,03), vrgí (0,03), vrdi (0,03), vrfk (0,03), vfst (0,03), tskr (0,03), trvs (0,03), trmk (0,03), trln (0,03), trgl (0,03), trbl (0,03), tprv (0,03), tprt (0,03), tkrv (0,03), tsvi (0,03), svrl (0,03), stdr (0,03), srpfj (0,03), srkl (0,03), srdi (0,03), smrv (0,03), fírv (0,03), skrz (0,03), fkrí (0,03), skrž (0,03), sfrm (0,03), rtst (0,03), ptrfj (0,03), przn (0,03), prvt (0,03), prsi (0,03), prnd (0,03), prkn (0,03), pxrv (0,03), ntrb (0,03), ntln (0,03), nstd (0,03), ngrí (0,03), ngpl (0,03), ndrs (0,03), mrj (0,03), mrkt (0,03), mrtsn (0,03), lmsk (0,03), krzm (0,03), krkt (0,03), krxl (0,03), krtsn (0,03), infj (0,03), ikbr (0,03), xfst (0,03), grtsn (0,03), frsk (0,03), frfk (0,03), dvrz (0,03), dvrs (0,03), dvrn (0,03), dvrl (0,03), dvrtč (0,03), dftr (0,03), drz (0,03), drvts (0,03), drsk (0,03), drfj (0,03), drpk (0,03), drnk (0,03), drmk (0,03), drnž (0,03), drmd (0,03), dmrs (0,03), ddrz (0,03), dbrts (0,03), tsrt (0,03), tsrpk (0,03), fkrí (0,03), fkrn (0,03), brví (0,03), brtl

С частотностью 0,02% употребляются следующие комбинации: **zvrp** (0,02), **zvrts** (0,02), **zrnk** (0,02), **zmrĭ** (0,02), **zmrk** (0,02), **zgrf** (0,02), **zgrd** (0,02), **zdr̥t** (0,02), **zdr̥t̥** (0,02), **vstr** (0,02), **vrzg** (0,02), **vrtv** (0,02), **vrt̥p** (0,02), **vr̥pts** (0,02), **vr̥xn** (0,02), **vr̥xb** (0,02), **vr̥t̥fm** (0,02), **vr̥bi** (0,02), **vk̥rv** (0,02), **tr̥vts** (0,02), **tr̥tk** (0,02), **tr̥sn** (0,02), **tr̥pt̥f** (0,02), **tr̥mn** (0,02), **tr̥bn** (0,02), **tr̥pt̥** (0,02), **tk̥rm** (0,02), **tk̥rl** (0,02), **tg̥id** (0,02), **fv̥rn** (0,02), **sv̥rl** (0,02), **st̥sts** (0,02), **st̥rs** (0,02), **fv̥rn** (0,02), **st̥pr** (0,02), **st̥gl** (0,02), **sr̥zn** (0,02), **sr̥tn** (0,02), **sr̥n̥f** (0,02), **sr̥xn** (0,02), **sr̥z̥b** (0,02), **sr̥t̥fi** (0,02), **sp̥rn** (0,02), **sm̥rn** (0,02), **sm̥rm** (0,02), **sm̥rl** (0,02), **fv̥rk** (0,02), **sk̥rd** (0,02), **fv̥rt̥f** (0,02), **sf̥rl** (0,02), **sf̥rg** (0,02), **rv̥kr** (0,02), **rt̥sm** (0,02), **fv̥pr** (0,02), **fv̥t̥n** (0,02), **rp̥rs** (0,02), **rp̥lv** (0,02), **rn̥ft** (0,02), **rl̥sk** (0,02), **rk̥tn** (0,02), **rx̥tn** (0,02), **rx̥ti** (0,02), **rd̥r̥z** (0,02), **pt̥sk** (0,02), **pv̥tn** (0,02), **pr̥zn** (0,02), **pv̥rk** (0,02), **pv̥ri** (0,02), **pr̥tk** (0,02), **pr̥t̥** (0,02), **pr̥lk** (0,02), **pr̥xt** (0,02), **pr̥xl** (0,02), **pr̥dn** (0,02), **pr̥tsv** (0,02), **pr̥st̥** (0,02), **ns̥vi** (0,02), **nv̥tr** (0,02), **nv̥tx** (0,02), **ns̥gr** (0,02), **nr̥sl** (0,02), **ng̥fp** (0,02), **ng̥rz** (0,02), **ng̥lt** (0,02), **nd̥ft** (0,02), **nd̥rv** (0,02), **nd̥rt̥f** (0,02), **nd̥kl** (0,02), **mr̥z̥l** (0,02), **mr̥vk** (0,02), **mr̥st** (0,02), **mr̥nk** (0,02), **mr̥t̥fk** (0,02), **mr̥t̥k** (0,02), **mp̥tn** (0,02), **mb̥rl** (0,02), **mb̥rd** (0,02), **lp̥sk** (0,02), **lk̥zv** (0,02), **lk̥sd** (0,02), **lx̥br** (0,02), **lf̥sk** (0,02), **kt̥sk** (0,02), **kt̥nt** (0,02), **kt̥sv** (0,02), **kr̥vk** (0,02), **kr̥pt̥f** (0,02), **kr̥mz** (0,02), **kr̥mn** (0,02), **kr̥mk** (0,02), **kr̥km** (0,02), **kr̥ki** (0,02), **kr̥xl** (0,02), **kf̥bn** (0,02), **iz̥br** (0,02), **in̥fp** (0,02), **id̥rv** (0,02), **xv̥rl** (0,02), **xr̥sn** (0,02), **xr̥nk** (0,02), **xr̥kn** (0,02), **xr̥t̥k** (0,02), **gr̥ts** (0,02), **gr̥fk** (0,02), **gr̥t̥** (0,02), **gr̥mn** (0,02), **gr̥m̥f** (0,02), **gr̥dn** (0,02), **gr̥tsm** (0,02), **gr̥t̥l** (0,02), **gf̥dn** (0,02), **fr̥zn** (0,02), **fr̥nd** (0,02), **fr̥gn** (0,02), **fv̥rl** (0,02), **dv̥rv** (0,02), **dv̥rl** (0,02), **ds̥rk** (0,02), **dr̥ft** (0,02), **dr̥pn** (0,02), **dr̥nk** (0,02), **dr̥mi** (0,02), **dr̥tsn** (0,02), **dr̥tsk** (0,02), **dgr̥n** (0,02), **dgr̥l** (0,02), **dt̥svi** (0,02), **dt̥st̥** (0,02), **db̥rd** (0,02), **ts̥rnp** (0,02), **ts̥rnk** (0,02), **ts̥rnts** (0,02), **ts̥rk̥n** (0,02), **ts̥rkl** (0,02), **ts̥kvr** (0,02), **ts̥ksp** (0,02), **br̥vn** (0,02), **br̥t̥** (0,02), **br̥nk** (0,02), **bl̥sk** (0,02), **bx̥rv** (0,02).

[illegible]

№	Согласный	Количество	%
1	р	1 115	21,90
2	к	405	7,95

3	s	396	7,78
4	t	392	7,70
5	v	339	6,66
6	n	281	5,52
7	d	225	4,42
8	p	209	4,10
9	m	208	4,08
10	l	189	3,71
11	ʃ	168	3,30
12	ts	137	2,69
13	g	130	2,55
14	b	126	2,47
15	í	124	2,44
16	z	123	2,42
17	ʈʂ	98	1,92
18	ḱ	97	1,90
19	x	81	1,59
20	f	74	1,45
21	ž	67	1,32
22	ń	61	1,20
23	tɕ	28	0,55
24	ǰ	12	0,24
25	ž	7	0,14
Всего		5 092	100,00

Табл. 108. Согласные в четырехчленных корреляциях в
ФоноГрафематоре (Gralis-www)

222. Пятичленные корреляции. Примеры пятичленных корреляций встречаются в ФоноГрафематоре 415 раз. Пять наиболее частотных сочетаний – это **skvrn** (3,33), **tsvrʃts** (3,33), **tvrdn** (3,33), **pskrb** (3,33) и **svrdl**. При этом 20 самых частых корреляций составляют 27,96% всех пятичленных сочетаний.

№	Согласные	Количество	%	Пример	Значение
1	skvrn	52	3,33	<i>skvrnáviti</i>	осквернять
2	tvvrst	34	2,18	<i>učvršćivānje</i>	укрепление
3	tvrdn	29	1,86	<i>tvrdnja</i>	утверждение
4	pskrb	24	1,54	<i>òpskrba</i>	обеспечение
5	svrdl	21	1,35	<i>svrdlo</i>	сверло
6	stsrpl	21	1,35	<i>iscrpljivati</i>	исчерпывать
7	srpsk	21	1,35	<i>sřpskī</i>	сербский
8	strpl	21	1,35	<i>střpljiv</i>	терпеливый
9	smrtn	21	1,35	<i>smřtnī</i>	смертельный
10	tvvrst	20	1,28	<i>čvrst</i>	черствый
11	zdrzł	20	1,28	<i>izdřžljiv</i>	выносливый
12	ntstv	19	1,22	<i>disidentstvo</i>	диссидентство
13	strkl	18	1,15	<i>štrklja</i>	длинноногая женщина
14	skrbł	18	1,15	<i>skrbļjēnik</i>	человек, находящийся под опекой
15	zvrst	18	1,15	<i>izvrstan</i>	отличный
16	smrdł	17	1,09	<i>smřdljiv</i>	зловонный
17	skvrn	17	1,09	<i>osk(v)rnjivati</i>	осквернять
18	skrbn	14	0,90	<i>skřbnik</i>	опекун
19	sprsk	14	0,90	<i>ispřskati</i>	выпрыснуть
20	zdrxt	13	0,83	<i>uzdřhtati</i>	задрожать
Всего		436	27,96		

Табл. 109. Наиболее частотные пятичленные корреляции согласных

Далее следуют *skrft* (0,77), *tsvrn* (0,71), *mrtvl* (0,71), *zvrnd* (0,71), *skrpl* (0,71), *mrtvl* (0,71), *skrpl* (0,71), *smrkn* (0,64), *stvrđ* (0,64), *řkrzn* (0,64), *skvrn* (0,64), *sprft* (0,64), *skrřts* (0,58), *řmrkn* (0,58), *zbrbl* (0,58), *zmrsk* (0,58), *strgn* (0,58), *skrsn* (0,58), *svrst* (0,58), *zbrbl* (0,58), *sprsn* (0,51), *strvl* (0,51), *řkrzn* (0,51), *zbrtsk* (0,45), *smrzn* (0,45), *sprdn* (0,45), *tsrpst* (0,45), *tvrtf* (0,45), *smrdi* (0,45), *nskrť* (0,45), *dvrgn* (0,45), *řtsvrs* (0,45), *skrřn* (0,45), *skrřn* (0,45), *řtrpk* (0,38), *sprtl* (0,38), *strpi* (0,38), *zvrgn* (0,38), *zvrkt* (0,38), *tsvrřn* (0,38), *tsvrřn* (0,38), *tvrdl* (0,38), *zvrřl* (0,38), *zvrřl* (0,38), *smrřl* (0,38), *zvrtsk* (0,38), *skrst* (0,32), *tkrpl* (0,32), *zvrn* (0,32), *ldrml* (0,32), *zgrmi* (0,32), *skrvl* (0,32), *skrtsm* (0,32), *tkrpl* (0,32), *ldrml* (0,32), *skrvl* (0,32), *zmrzn* (0,26), *zgrbl* (0,26), *sprxn* (0,26), *sprdl* (0,26), *řmrkl* (0,26), *rpstv* (0,26), *řmrkl* (0,26), *sprtsk* (0,26), *skvrs* (0,26), *krtsml* (0,26), *sxrkn* (0,26), *strřl* (0,26), *srpst* (0,26), *strřl* (0,26), *krtsml* (0,26), *řvrtsk* (0,26), *tvrtg* (0,26), *tsvrkn* (0,26), *stsrpn* (0,26), *zvrtsn* (0,26), *zvrřn* (0,26), *brdsk* (0,26), *svrbł* (0,19), *sprdi* (0,19), *sřrkn* (0,19), *řmrkt* (0,19), *smrřn* (0,19), *stsvrk* (0,19), *zmrtsv* (0,19), *ldrmř* (0,19), *svrbl* (0,19), *zvrřl* (0,19), *svrřn* (0,19), *prstn* (0,19), *sprtv* (0,19), *strkn* (0,19),

trvsk (0,19), zdrzn (0,19), nstdr (0,19), skrkí (0,19), ldrmd (0,19), zvrvi (0,19), zvti (0,19), zmrzn (0,19), zmrvi (0,19), zdrnd (0,19), strvs (0,19), stvrd (0,19), ftrkn (0,19), stskr (0,19), zvrkn (0,19), ftrsn (0,19), dvrst (0,19), smrsk (0,19).

По два примера (0,13) засвидетельствовано для комбинаций brtvl, smrzl, skrtsk, smrzl, skrmí, skrmí, skfbn, sxrkú, strpn, krvkr, strtsk, drxti, ftrtsk, zvrkn, rvkrv, strps, tvrtv, zdrkn, mrfí, sprsn, smrml, zvrtsk, strmk, smrkú, tvrtk, kvrk, tsvrt, dbtsk, vrfsn, strvs, drxtn, ndrkn, brtví, dgrmi, fvrnd, sprfk, tvrtl, rprst, strtl, kvrtsk, vrfsn, ftrbn, tsrpí, tsvrkn, tvrtv, dsprd, fmrtsk, stsvts, pstrz, tprsn, tprdn, tsvrgn, svrbj, tvrdi, zvrzm, svrgn, tsvrn, dmrzn, zdrvn, strmn, tvrts, fmrkú, vrtst.

Каждое из следующих сочетаний встречается только в одной лемме (0,6): brtvl, skrtsk, smrzl, skrmí, skrmí, skfbn, sxrkú, strpn, krvkr, strtsk, drxti, ftrtsk, zvrkn, rvkrv, strps, tvrtv, zdrkn, mrfí, sprsn, smrml, zvrtsk, strmk, smrkú, tvrtk, kvrk, tsvrt, dbtsk, vrfsn, strvs, drxtn, ndrkn, brtví, dgrmi, fvrnd, sprfk, tvrtl, rprst, strtl, kvrtsk, vrfsn, ftrbn, tsrpí, tsvrkn, tvrtv, dsprd, fmrtsk, stsvts, pstrz, tprsn, tprdn, tsvrgn, svrbj, tvrdi, zvrzm, svrgn, tsvrn, dmrzn, zdrvn, strmn, tvrts, fmrkú, vrtst.

В пятичленные корреляции входят все согласные за исключением *ŋ*, *ʈ* и *ʑ*. И в этих сочетаниях *r* занимает первое место по частотности (19,10%); далее с большим отрывом следуют *s* (11,42%) и *t* (9,02%).

№	Согласный	Количество	%
1	r	453	19,10
2	s	271	11,42
3	t	214	9,02
4	k	189	7,97
5	v	186	7,84
6	n	131	5,52
7	ts	123	5,19
8	m	115	4,85
9	d	105	4,43
10	ʃ	90	3,79
11	p	84	3,54
12	l	78	3,29
13	z	72	3,04
14	í	56	2,36
15	i	39	1,64

16	b	35	1,48
17	g	31	1,31
18	ž	31	1,31
19	ń	28	1,18
20	f	19	0,80
21	x	19	0,80
22	ž	3	0,13
Всего		2 372	100,00

Табл. 110. Согласные в пятичленных корреляциях
в PhonoGraphemator (Gralis-www)

223. Шестичленные корреляции. В ФоноГрафематоре встречается 57 рядов из шести согласных, следующих друг за другом. Первые десять сочетаний составляют 54,22% всех шестичленных групп. Самым частотным является сочетание **pskrbǐ** (10,17%), далее следуют **šřvršć** (9,32%) и **stvrđn** (7,63%).

№	Согласные	Количество	%	Пример	Значение
1	pskrbǐ	12	10,17	<i>opskrǐblǐvati</i>	обеспечивать
2	šřvršć	11	9,32	<i>šćvršćávānje</i>	укрепление
3	stvrđn	9	7,63	<i>stvrđnuti</i>	затвердеть
4	šřvršń	6	5,08	<i>šćvršnúće</i>	затвердение
5	stvrđń	6	5,08	<i>stvrđnjávānje</i>	затвердение
6	pskrbn	6	5,08	<i>òpskrǐbnǐ</i>	опекунский
7	šřvrsn	4	3,39	<i>šćvršnuti</i>	затвердеть
8	srpstv	4	3,39	<i>šǐpstvo</i>	сербский народ
9	skrtřml	3	2,54	<i>raskrtřmlǐvati</i>	(пере)распределять
10	strvsk	3	2,54	<i>òstrvskǐ</i>	островной
Всего		64	54,22		

Табл. 111. Шестичленные сочетания согласных в
Gralis ФоноГрафематоре (Gralis-www)

В шестичленных комбинациях согласный **r** также является самым частотным (16,67). Далее следуют **s** (16,03) и **t** (10,26).

№	Согласный	Количество	%
1	r	52	16,67
2	s	50	16,03
3	t	32	10,26
4	v	27	8,65
5	k	20	6,41

6	p	18	5,77
7	ɟ	17	5,45
8	n	15	4,81
9	d	11	3,53
10	tʃ	11	3,53
11	i	8	2,56
12	m	7	2,24
13	b	6	1,92
14	l	7	2,24
15	ts	5	1,60
16	l	4	1,28
17	tɕ	4	1,28
18	ŋ	4	1,28
19	z	3	0,96
20	x	2	0,64
21	ʒ	2	0,64
22	g	1	0,32
Всего		306	100,00

Табл. 112. Согласные, входящие в состав шестичленных корреляций
в Gralis ФоноГрафематоре (Gralis-www)

224. Семичленные корреляции. Эта корреляция представлена в Гралис ФоноГрафематоре только в двух сочетаниях – **ṣṣvrṣṣṇ** (2 раза): *ṣṣvrṣṣṇjāvanje* ‘укрепление’, *ṣṣvrṣṣṇjāvati se* ‘затвердевать’ и **nskrtsk** (1 раз) *sānskrtskī* ‘санскритский’.

225. В ФоноГрафематоре не удалось обнаружить примеров сочетаний из восьми и более согласных, но можно представить себе некоторые гипотетические примеры, в частности **sūperṣṣvrṣṣṇjāwānje* ‘суперукрепление’ и т. д.

226. В сочетании согласных важным вопросом является их позиция: в начале, в конце и в середине слова. Этим вопросом занималась С. М. Толстая (Tolstaja 1972). В ее исследовании рассматривается только **r** в его консонантном качестве, а все последовательности, включающие слоговой **r** (**ṛ**), не считаются консонантными группами. Автор указывает, что на фоне других славянских языков сербохорватский выступает как язык с минимально развитой системой начальных и конечных консонантных сочетаний и приводит такую таблицу:

	Начало слова			Конец слова		
	CC	CCC	CCCC	CC	CCC	CCCC
польский	241	176	16	131	41	13
чешский	195	156	34	61	7	-

русский	238	105	24	155	46	11
болгарский	133	50	2	56	5	-

Табл. 113. Начальные и конечные сочетания в славянских языках
(Tolstaja 1972: 12)

По ее подсчетам, предельная длина начальной последовательности равна трем; двухэлементных групп насчитывается в экавской системе 114, в екавской – 125; трехэлементных – соответственно 41 и 54. «Длина конечных групп также не превышает трех согласных, однако трехэлементных групп на конце слова обнаружено всего 14; двухэлементных, среди которых преобладают группы в исходе заимствованных иноязычных слов, насчитывается 72» (Tolstaja 1972: 12). С. М. Толстая приходит к выводу, что большинство начальных консонантных групп принадлежит к ядерному инвентарю,¹⁵⁵ в то время как к периферийному могут быть отнесены лишь немногочисленные группы, оформляющие заимствования, например, **pn** (*йнеумайичан*) и **sf** (*сфера*), и группы, возможные исключительно на морфемных границах и в иноязычных словах: **sc** (*сциѡаѡи се, сцена*), **sx** (*сходан, схема*). «Все трехэлементные начальные группы должны быть причислены к ядерному инвентарю. Противоположное соотношение ядерной и периферийной частей наблюдается в инвентаре конечных консонантных групп. Здесь безоговорочно могут быть признаны ядерными лишь следующие группы: **st**, оканчивающая несколько весьма многочисленных словообразовательных классов слов (*nomina abstracta* с суффиксом **-ost**, краткие прилагательные с суффиксом **-ast**); **št**, например, *ниѡиѡи, ѡаѡиѡи, вѡиѡи, мѡиѡи* и т.д.; затем **zd**, **žd**, **rd** (*ѡѡрр*), **rt** (*мѡрѡи*), а также трехэлементная группа **jst** в исходе числительных от 11 до 19. Все остальные конечные группы принадлежат, безусловно, к периферийной части лексики, причем многие из них являются уникальными, характеризующими малоупотребительные иноязычные слова. Столь слабая развитость конечной системы групп согласных объясняется, в частности, тем, что все косвенные формы слов имеют в сербскохорватском языке гласные исходы или оканчиваются на одну согласную; консонантные же группы во многих заимствованных словах вокализируются, например, **zm** → **zam** (*гоѡмаѡиѡам*) или **kt** → **kat** (*фѡѡкаѡи, геѡфекаѡи*) и др.» Tolstaja 1972: 12–13).

В дальнейшем анализе С. М. Толстой (а) определены позиции консонантных групп (1, 2, 3, считая от слогового элемента) через множество согласных фонем, способных занимать каждую позицию, (б) даны дист-

¹⁵⁵ Разграничение ядерного и периферийного инвентарей исходит из статьи В. Н. ТОПОРОВА «Материалы к дистрибуции русских графем» (Структурная типология языков, Москва, 1966).

рибутивные характеристики отдельных фонем в начальных и конечных системах консонантных сочетаний, (в) рассмотрены комбинаторные отношения между элементами консонантных последовательностей, не зависящие от падегматических свойств этих элементов, (г) определена обусловленность сочетаемостей согласных в начале и на конце слова их падегматическими характеристиками.

С. М. Толстая констатирует, что все согласные (25) могут выступать в начале слова перед гласным или слоговым **r**, а затем приводит данные для экавского и екавского вариантов: «В экавском варианте в начале слова перед согласным могут стоять 17 фонем: **m, p, b, f, v, t, d, s, z, c, š, ž, č, ž, k, g, x**; перед двумя согласными – 6 фонем: **s, z, c, š, ž, č**; после согласного перед слоговым элементом могут употребляться все фонемы, кроме **ž, ž**, после двух согласных перед гласным возможны 7 фонем: **j, r, l, l', n, n', v**; в интерконсонантном положении в начале слова возможны 10 фонем: **m, p, b, v, t, d, č, k, g, x**» (Tolstaja 1972: 14). В екавском варианте такие данные: в начале слова перед согласным употребляются 18 фонем (**r, m, p, b, f, v, t, d, s, z, c, c, ž, č, ž, k, g, x**); перед двумя согласными 10 фонем (**b, d, a, z, c, š, ž, č, g, x**); после согласного перед слоговым элементом возможны все фонемы, кроме **ž** и **ž**; после двух согласных – 7 фонем (**j, r, l, l', n, n', v**); в интерконсонантном положении в начале слова выступают 10 фонем (**m, p, b, v, t, d, č, k, g, x**). «Наиболее активны в екавском варианте **s** (сумма вхождений во все группы – 40), **r, v** (33), **k** (29); наименее активны **č, ž, ž** (3)» (Tolstaja 1972: 14).

Анализ показывает, что все согласные сербскохорватского языка могут употребляться в абсолютном конце слова после гласного. «Известные исключения, касающиеся конечного **l**, не нарушают общего правила, поскольку в части слов и во всех новых заимствованиях конечное поствокальное **l** сохраняется: *бѡл, шѡл, бѡл*, и т. д. В положении после гласного перед согласным возможны все фонемы, кроме **r, n', t, c, č, č, ž, ž**; в положении после согласного в абсолютном конце – все согласные, кроме **n', ž, č**. По общему показателю активности на первом месте стоят **r** (22), **n** (21), **i** (20) и **t** (15); на последнем – **n', ž, č** (1)» (Tolstaja 1972: 14).

В анализе дистрибуции согласных в начальной и конечной позиции С. М. Толстая применяет понятие поле фонем Хэрари и Пейпера, различающие α - и β -поле: α -полем является множество фонем, способных предшествовать ей в начальных консонантных группах, β -полем – множество фонем, способных следовать за данной фонемой в начале слова (те же понятия для конца слова обозначаются соответственно через α -поле и β -поле). В результате получились такой результат: «Верхний предел объема α -поля в обеих начальных системах – 17, нижний – 1. Объем β -поля располагается между 13 и нулем в экавской системе и между 14 и нулем в екавской. В конечной системе объем α_1 -поля фонем не превышает 9, нижний предел – нуль. Объем β_1 -поля колеблется от 17 до 1. В обеих началь-

ных системах по объему α -поля сонорные резко противопоставлены шумным: в экавской системе сонорные, включая **v**, имеют объем α -поля от 5 до 17; шумные – от 1 до 7; в екавской системе сонорные, включая **v**, – от 7 до 17, а шумные от 1 до 17. По объему β -поля наблюдается обратное отношение между сонорными и шумными: в экавской системе все сонорные (исключая **m**) имеют нулевой объем, а шумные, включая **v**, имеют объем от нуля до 13; в екавской системе объем β -поля сонорных, не считая **m**, не превышает 1; объем β -поля шумных располагается между нулем и 14. В конечной системе, наоборот, сонорные имеют значительно больший объем β -поля по сравнению с шумными: сонорные от 1 до 14; шумные – от 0 до 9, а по объему β -поля они в целом уступают шумным» (Tolstaja 1972: 16–17).

В последней части анализа С. М. Толстая применяет логический аппарат теории отношений, выделяя из них два основных – симметричность и транзитивность консонантных сочетаний. «Первое из них связывает элементы конверсивных бинарных групп типа **xu** и **ux**. Уже а priori можно сказать, что не каждая пара сочетающихся фонем удовлетворяет этому отношению. Если бы это было так, то это означало бы, что порядок расположения элементов в последовательности не существен, что в действительности неверно. Соответствующий материал ряда славянских языков позволяет сделать вывод, что сочетаемость согласных в каждой отдельной (начальной или конечной) системе подчиняется скорее тенденции к асимметрии, в то время как взаимные отношения между начальными и конечными консонантными группами в значительной степени ориентированы на симметричность. Этот вывод хорошо согласуется с наблюдениями над структурой слога, в соответствии с которыми эксплозивные и имплозивные компоненты слога имеют противоположное, или зеркальное строение. Однако, поскольку эти наблюдения до сих пор не получили строгого выражения, было бы целесообразно провести полный анализ отношения симметричности бинарных консонантных групп как в начальных и конечных системах, так и между ними» (Tolstaja 1972: 18–21). В начальных системах сербохорватского языка представлено всего 12 симметричных консонантных пар. «Отношение этого числа к общему числу допустимых в каждой системе бинарных сочетаний, принимаемое как коэффициент внутренней симметричности начальной системы, составляет 0,10 для экавской системы и 0,09 – для екавской. В конечной системе насчитывается всего 10 симметричных пар, а коэффициент симметричности конечной системы равен 0,14. Взаимно симметричны относительно начала и конца слова 35 консонантных пар в экавщине и 38 – в екавщине. Коэффициенты взаимной симметричности, определяемые через отношение числа взаимно-симметричных консонантных пар к сумме начальных и конечных пар, составляют для обеих систем 0,38» (Tolstaja 1972: 22).

В отношении транзитивности самый высокий показатель в начальных системах характеризует фонему **m** (соответственно 32 и 37). «Это еще

один случай, когда сербскохорватское **m** резко противопоставлено всем остальным сонорным, имеющим в экавской системе нулевой показатель транзитивности, а в екавской – нулевой показатель для всех фонем, кроме **r**. Нетрудно понять, что это особое положение является следствием того, что **m**, в отличие от всех сонорных, может употребляться не только в качестве последующего элемента, но и в качестве предшествующего в консонантных группах. В конечной системе, наоборот, на первом месте по показателю транзитивности стоят сонорные **r** и **n** (11), которые на конце слова не испытывают столь сильных ограничений, касающихся их позиции в консонантной группе, как в начале слова» (Tolstaja 1972: 22).

С. М. Толстая указывает на то, что сочетаемость согласных в сербскохорватском языке подчинена весьма строгим ограничениям, касающимся звучности (согласность/несогласность и звонкость/глухость). Эти ограничения, продолжает она, проявляются в частности в том, что в начальных сочетаниях сонорные элементы могут занимать только постпозицию по отношению к шумным и никогда не встречаются в препозитивном употреблении (Tolstaja 1972: 29). По ее мнению, роль палатальности-непалатальности в организации начальных и конечных консонантных групп весьма невелика, и это связано в первую очередь с тем, что в парадигматической системе сербскохорватского консонантизма этот признак обладает слабой мощностью, измеряемой лишь четырьмя парами фонем, для которых он оказывается релевантным: **l – l'**, **n – n'**, **ć – ć'**, **ž – ž'**. «В синтагматическом плане существенно, что относительно ДП [дифференциальных признаков, Б. Т.] палатальности-непалатальности начальные и конечные последовательности согласных всегда неоднородны, точнее говоря, положительное значение этого признака не может распространяться на все элементы консонантной группы, тогда как отрицательное значение (непалатальность) может быть и в большинстве случаев является общим для всех элементов группы. Второе ограничение, связанное с признаком палатальности, состоит в том, что палатальные согласные могут занимать только последнее место в консонантной группе, т. е. в начальной системе они могут предшествовать только гласной, а в конечной системе – только паузе (#). Таким образом, в обеих начальных системах сербскохорватского языка реализуются только комбинации **сс**, **сс'**, **ссс** и **ссс'**, где **с'** – согласный с положительным значением признака палатальности-непалатальности, а **с** – с отрицательным. В конечной системе представлено лишь три типа: **сс**, **сс'** и **ссс**, причем тип **сс'** включает только одну группу **ml'**» (Tolstaja 1972: 34).

Для определения характера и размеров ограничений консонантной сочетаемости, связанных с остальными ДП – компактности, периферийности, непрерывности, яркости, назальности, С. М. Толстая воспользовалась следующей схемой, в которой представлена сочетаемость минимальных классов согласных, выделенных так, что фонемы, входящие в один класс, не сочетаются друг с другом.

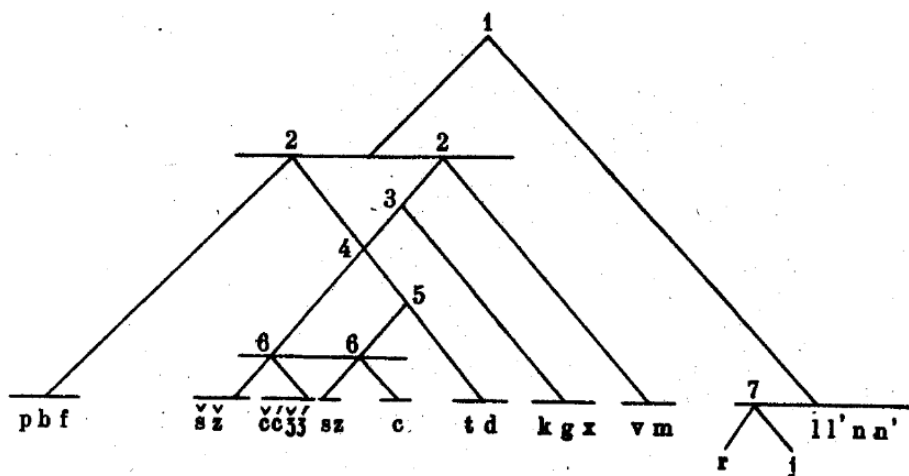

Рис. 50. Сочетаемость минимальных классов согласных с признаками компактности, периферийности, непрерывности, яркости, назальности (Tolstaja 1972: 35)

Каждая вершина в схеме означает допустимость сочетания элементов, принадлежащих к классам, расположенным влево от вершины, с элементами, принадлежащими к классам, расположенным вправо от вершины. Горизонтальная линия, соединяющая две вершины, указывает на недопустимость сочетания элементов, заключенных между линиями, исходящими от одной вершины, с элементами, заключенными между линиями, исходящими от другой вершины. Элементы, попадающие в пересечение этих линий, могут сочетаться как с первыми, так и со вторыми.

Данная схема толкуется следующим образом: «[...] вершина 1 показывает, что все минимальные классы шумных согласных, а также класс, определенный выше как промежуточный между классом шумных и классом сонорных (*v m*), могут сочетаться с классом сонорных (*j l l' n n'*). Левая вершина 2 означает, что класс фонем, определяемых как периферийные и некомпактные (*p b f*, сюда можно было бы включить и *v*) может сочетаться с классом непериферийных шумных, независимо от их принадлежности к компактным или некомпактным (*š ž č ć ž ž s z c t d*). Правая вершина 2 означает, что класс *v m* может сочетаться с классом непериферийных некомпактных (*s z c t d*) и с классом компактных шумных, как периферийных, так и непериферийных (*š ž č ć ž ž k g x*). Горизонтальная линия, соединяющая эти две вершины, показывает, что класс периферийных некомпактных (*p b f*) не сочетается с классом периферийных компактных (*k g x*), а также с классом *v m*. Вершина 3 указывает на возможность сочетания всех непериферийных согласных с периферийными компактными (*k g x*), вершина 4 – на сочетаемость непериферийных компактных (*š ž č ć ž ž*) с непериферийными некомпактными прерывными (*t*

d); вершина 5 – на сочетаемость непрерывных (**s z**) с прерывными (**t d**) внутри класса некомпактных и периферийных. Обе вершины 6 означают, что периферийные непрерывные согласные (как компактные **š ž**, так и некомпактные **s z**) могут сочетаться с соответствующими яркими (компактными **č ć ž ž** и некомпактным **c**). Однако горизонтальная линия, соединяющая эти две вершины, указывает на недопустимость сочетания компактных периферийных с некомпактными периферийными. Вершина 7 указывает на возможность сочетания **r** и **j** (это относится только к екавской системе). Горизонтальные линии, объединяющие элементы минимальных классов, соответствуют уже рассмотренным ограничениям на сочетаемость глухих согласных со звонкими, палатальных с палатальными, а кроме того – на сочетаемость прерывных с непрерывными внутри класса периферийных (**p b f v k g x**) и на сочетаемость всех сонорных, кроме **m** друг с другом» (Tolstaja 1972: 35–36). С. М. Толстая приходит к выводу, что в сербскохорватском языке предпочитают сочетания, неоднородные относительно периферийности-непериферийности. Что касается компактности, по ее мнению, довольно трудно говорить о предпочтении однородных или неоднородных последовательностей. «Относительно признака непрерывности достаточно ощутимо преобладание неоднородных последовательностей над однородными. Яркие фонемы, как уже говорилось, не сочетаются друг с другом, следовательно, все консонантные группы, включающие их, неоднородны по признаку яркости. Наконец, ДП назальности, по-видимому, не играет никакой самостоятельной роли в консонантной сочетаемости и подчиняется другим признакам, таким как периферийность, непрерывность и др.» (Tolstaja 1972: 35–36).

227. В сочетании двух или более согласных могут возникнуть долгие согласные – звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурация артикуляционных органов, т. е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель (Študiner 2004: 416). М. А. Штудинет констатирует, что их возникновение в славянских консонантных системах явилось результатом взаимной адаптации согласных в сочетаниях, появившихся после утраты сверхкратких гласных в слабой позиции: «Долгие согласные могли возникать: в) из сочетаний исконно одинаковых согласных звуков; б) из сочетаний согласных, первоначально отличавшихся друг от друга глухостью-звонкостью или твёрдостью-мягкостью; в) из сочетаний зубного фрикативного согласного с последующим переднёбным фрикативным; г) из сочетаний зубного смычного согласного с последующей аффрикатой; д) из сочетаний зубного смычного согласного с последующим зубным или переднёбным фрикативным; е) из сочетаний согласного с **j**» (Študiner 2004: 416). Этот процесс, продолжает автор, имел место в различных славянских языках в разное время (в зависимости от хронологии утраты сверхкратких и ассимиляции согласных по глухости-звонкости). «В каждом языке преобразование указанных сочетаний в долгие согласные осуществлялось в несколько этапов: раньше возникали

долгие согласные из тех сочетаний, элементы которых были между собой наиболее близкими в артикуляционном отношении, т. е. прежде всего преобразованию подвергались сочетания идентичных согласных. Вероятно, длительное время после утраты сверхкратких гласных во всех славянских языках наблюдалась ситуация, подобная той, которая характерна для современного украинского языка: в большинстве украинских говоров и в литературном языке на месте сочетаний исконно одинаковых согласных звуков выступают долгие согласные, сочетания же звонкого и глухого согласных сохраняются. После завершения процесса ассимиляции по глухости-звонкости число долгих согласных в славянских языках значительно увеличилось» (Študiner 2004: 416). Хотя не все из указанных выше возможностей были реализованы на всей славянской языковой территории, автор считает, что долгие согласные в равной мере были известны всем славянским языкам в определенный период их развития, поэтому появление долгих согласных в славянских консонантных системах он относит к числу общеславянских процессов и подчеркивает, что в дальнейшем судьба долгих согласных была различной в отдельных славянских языках. М. А. Штудинер ставит себе задачу провести анализ отражения данного общеславянского явления в современных славянских языках, в частности в сербском языке. Он указывает на то, что в этом языке внутри слова долгие смычные, фрикативные и сонорные согласные подверглись сокращению. «Аффрикаты с долгим затвором на стыке корня и суффикса также подверглись сокращению. Если о судьбе аффрикат с долгим затвором внутри морфемы и на стыке корня и суффикса можно однозначно судить по написанию соответствующих слов, то о характере фонетических сегментов, возникших в результате утраты сверхкраткого гласного на стыке префиксальной и корневой морфем, опираясь на графику, нельзя сделать никаких выводов. Наши наблюдения над произношением носителей сербского литературного языка дают возможность констатировать следующее. В кодифицированном стиле произношения сербского литературного языка в соответствии с орфографическими сочетаниями **тц**, **тч**, **тћ** могут выступать и аффрикаты с долгим затвором, и аффрикаты нормальной длительности: [ц:] и [ц] *оћцећићи*, *ћоћценићи*; [ч:] и [ч] *оћчећићи*, *ћоћчињен*, *наћчовек*; [ћ:] и [ћ] *оћћушнући*; в соответствии с орфографическими **дћ** и **дц** представлены звонкие аффрикаты только нормальной длительности: [ћ] *надћаволићи*, [ц] *надуилићаћи*, *ћодуарнући*» (Študiner 2004: 416–417). К другому типу долгих аффрикат относит М. А. Штудинер аффрикаты с продленным фрикативным элементом и констатирует, что «на стыке корня и суффикса также не удержался: [ц] *браћски*, *ћрадски*, *браћсћво*, *ћосћосћво* ([ц] < [ц^с] < [тс]; *ћрисусћво* ([ст] < [цт] < [ц^ст] < [тст]; *јуначки*, *ћророчки* ([ч] < [ч^ш] < [чс]); *младућки*, *ћлемички* [ћ] < [ћ^ш] < [ћ^с]; *јунашћво*, *ћроросћво* ([шт] < [чт] < [ч^шт] < [чст]); *ћосћосћина*, *немашћина* ([шт] < [чт] < [чшт] < [тшт]); в результате аналогичного процесса возникла и форма *кашћо*)». В другой позиции М. А. Штудинер на-

блюдает такую ситуацию: «На стыке приставки и корня в соответствии с орфографическими сочетаниями **дс** и **дш** в интервокальной позиции могут произноситься и аффрикаты с продлённым фрикативным элементом, и аффрикаты нормальной длительности: [ц^с] и [ц] *одсад, одсесѣи, одсеѣи, ѿредседник, ѿодсесѣиѣи* ([ц] в приведённых примерах выступает значительно чаще, чем [ц^с]; [ч^ш] и [ч] *одшешаши, ѿодшиѣи, ѿодшишаѣи*. В позиции перед согласным в соответствии с орфографическими **дс** и **дш** представлены аффрикаты нормальной длительности: [ц] *одсѣуѣиѣи, ѿредсѣавник*; [ч] *одшѣѣиѣи, одшкринуѣи*. Звонкие аффрикаты с продлённым фрикативным элементом подверглись сокращению и в интервокальной позиции, и в позиции перед согласным; [з] *ѿодземни, одзвониѣи, ѿредзнак*; [ц] *надживеѣи*» (Študiner 2004: 417). Он делает вывод о незавершённости в сербском литературном языке процесса сокращения долгих аффрикат [ц:], [ч:], [ц^с] и [ч^ш], что может свидетельствовать об их относительно недавнем происхождении и добавляет: «Частичное сохранение глухих долгих аффрикат можно объяснить сравнительно поздним оглушением конечного согласного приставки перед начальными согласными корня [ц], [ч], [с] и [ш]» (Študiner 2004: 417).

228. Экстракорреляционал. Важным вопросом нам представляется сравнение сочетаний согласных с.-х.-б. с другими языками мира, не только славянскими. Особенно интересной является проблема труднопроизносимых консонантных групп.

229. М. В. ПАНОВ пишет, что в русском языке сочетания двух соседних согласных подчиняются ряду строгих закономерностей и что эти закономерности можно разделить на запрещающие и разрешающие. Он рассматривает запрещающие законы, из которых однозначно вытекают законы разрешающие: «1. Глухой не сочетается со следующим звонким шумным, кроме [в – в’]. 2. Звонкий шумный не сочетается со следующим глухим шумным. 3. Звонкий шумный не сочетается со следующей паузой. Иначе говоря, слова не могут оканчиваться звонкими шумными. Эти три закона о глухости – звонкости являются запрещающими» (Panov 1967: 86–87). Их обратной стороной являются разрешающие законы: «После гласных и сонорных возможны и глухие, и звонкие шумные. После глухих и звонких шумных возможны гласные, сонорные и [в – в’]. Примеры: *пруды – пруды, косы – козы, прыщет = [прыщ’ит], брызжет = [брыж’ит], вытру – выдру, весло – везло, творцы – дворцы, твоих – двоих, сверь – зверь* и пр.» (Panov 1967: 87).

К запрещающим законам он относит и следующие: «Невозможно сочетание долгого согласного со следующим согласным; невозможно сочетание согласного со следующим долгим согласным. Объединяя то и другое: невозможен долгий согласный рядом с другим согласным. В частности, невозможен согласный „тройной долготы“: [н̄] не сочетается с согласным, в том числе с [н], [с̄] не сочетается с [с] и т. д. Даже на стыке

слов: *Олени уж сшиблись рогами*, когда ожидалось бы сочетание [ш + ш + ш], на самом деле произносится не тройной, а двойной [ш̥]. Поэтому невозможны удлинённые [ш̥'] и [ж̥']. Они сами по себе долги, их удлинёние означало бы трехсегментность звука» (Panov 1967: 87).

М. В. Панов представил все случаи сочетаемости и несочетаемости согласных в следующей форме:

		Второй член сегмента																																					
		п	п'	б	б'	ф	ф'	в	в'	м	м'	т	т'	д	д'	с	с'	з	з'	ц	н	л	л'	ш	ш'	ж	ж'	ч	р	р'	й	к	к'	г	г'	х	х'	##	
Первый член сегмента	п																																						
	п'																																						
	б																																						
	б'																																						
	ф																																						
	ф'																																						
	в																																						
	в'																																						
	м																																						
	м'																																						
	т																																						
	т'																																						
	д																																						
	д'																																						
	с																																						
	с'																																						
	з																																						
	з'																																						
	ц																																						
	н																																						
	н'																																						
	л																																						
	л'																																						
	ш																																						
	ш'																																						
	ж																																						
	ж'																																						
	ч																																						
ч'																																							
р																																							
р'																																							
й																																							
к																																							
к'																																							
г																																							
г'																																							
х																																							
х'																																							
##																																							

Таблица 113. Сочетаемость согласных в русском языке (Panov 1967: 99)

230. Одним из первых о проблеме труднопроизносимых групп писал А. И. Исаченко и считал, что это понятие чисто относительное и что оно не связано с трудностями артикуляционно-физиологического порядка, а в качестве примера взял сербохорватский язык: «Трудности здесь обусловлены системой: звуковой структуре сербохорватского чужды скопления согласных, эта структура благоприятствует появлению вставных гласных, или что то же, – образованию новых слогов» (Isačenko 1963: 116). Если мы обратимся теперь к радикальным, консонантным языкам, продолжает

он, то получим диаметрально противоположный результат: консонантные языки подчас сводят на нет естественную слоговость согласных; ср., например, польск. *jabłko* (произносится *japko*), *pionska* (произносится *piośka*); сюда же относятся такие односложные формы, как *krwi*, *plwać*, *trwać*, а также русские односложные слова *ржи*, *ржу*, *ртуть*, *льда*, *льщу* (Isačenko 1963: 117). Слоговость по его мнению сведена на нет также и в таких заимствованиях, как *тигр*, *театр*, *министр*. Что же касается труднопроизносимых согласных, А. И. Исаченко констатирует, что в польском и русском языках можно обнаружить огромное количество скоплений согласных в пределах морфемы, несколько, не препятствующих беглости произношения (напр., польск. *pstrzy*, *żdźbło*, *brzmieć*, *grzbiet*, *pchła*, рус. *мгновение*, *затхлый*, *мху*, *ткешь*, *ткали*) (Isačenko 1963: 117).

Против данного мнения остро возражает В. В. Шеворошкин: «В этом высказывании допущен ряд принципиальных неточностей. Уже простейшие подсчеты показывают, что противопоставленные Исаченко труднопроизносимые группы согласных представлены в соответствующих славянских языках в крайне ограниченном количестве как в словаре, так и в тексте. При этом наиболее употребительные формы входят в состав таких фонетических слов (т. е. звуковых комплексов, произносимых „в одно слово“), в которых данной группе согласных предшествует гласный (ср. *во рту*, *на лбу*, *во мху*, *на мгновение*, *во мгле*, *изо льда*, *во льду* и т. п.); так трудные группы становятся удобными» (Ševoroškin 2004: 10). Он называет причину «принципиальных» ошибок А. Исаченко: «Исаченко смешал речевой и языковой аспекты, или другими словами, фонетический и фонологический аспекты языка» (Ševoroškin 2004: 65).

В. В. Шеворошкин считает, что в польском языке трудные группы согласных более разнообразны, чем в русском, но и в польской речи они встречаются очень редко. «В результате просмотра 3 000 страниц польского художественного текста встретились лишь три слова, включающих трудную группу со структурой CCCC: *żdźbła*, *drgnięć* [...] и *pstrąg*» (Ševoroškin 2004: 16). Он утверждает, что рассмотренные им группы CCCC- и CCC- могут быть сведены к следующим типам структур: TST (R/S), TSC-, STTR-, RTR-, RST-, RSR-, TTS- (Ševoroškin 2004: 16). Далее он говорит об удобных группах согласных и сюда относит **str**, **br**, **pr**, **kr**, **dr**, **bl'**, **pl'**, **hl**, **sl'**, **sn'**, **zn'**, **vr** (Ševoroškin 2004: 16). Автор утверждает, что в русском языке согласные и гласные по степени повышения сонантности (свободы прохождения звука) и понижения консонантности (преграды) располагаются так: **т/д, к/г, п/б, с/з, ш/ж, х/γ, ф/в, н, м, р/л, а, и, у, а, о, а**. «Аффрикаты **ч** и **ц** следует, очевидно, поместить в начало списка» (Ševoroškin 2004: 31). В немецком языке он находит многочисленные слова типа CCVC, CVCC, CCVCC, CCCVC, CVCCC (Ševoroškin 2004: 42). По его мнению удобные начальные группы согласных в слогах в абсолютном начале фразы выглядит следующим образом: ST-, SR-, SS^R-, S^RS-, STR-,

$S^R SR^-$, $S^R SS^R^-$, $S^R STR^-$, TR^- , TS^- , $R^{S/T}R^-$ (Ševoroškin 2004: 45). Схема сложного закрытого слога имеет такой вид: $S^R-S-T-R/S-V-R-R^R/S^R-S-T-S$ (Ševoroškin 2004: 45). Схема $TST(R)V^-$, $-V(R)TST$ относится к схеме удобного слога (Ševoroškin 2004: 53). Автор считает, что очень многие языки строят свои звуковые цепи по схемам $CVCVCV$ или близким к ним схемам, так как это является наиболее естественным для человека (Ševoroškin 2004: 63). «Носители таких языков с большим трудом усваивают стыки согласных при изучении других языков [...]» (Ševoroškin 2004: 63). О том, что структура цепей $CVCVCV$ является не только наиболее удобной, но и исходной для языков мира, свидетельствует и изучение языка детей с их первоначальными словами CV , $CVCV$, $CVCVCV$ (Ševoroškin 2004: 77). Анализ, проведенный В. В. Шеворошкиным, показывает, что языки, в звуковых цепях которых количество согласных в более или менее значительной форме превосходит количество гласных, имеют преимущественно интервокальные стыки согласных, относящиеся к разным слогам. При этом оказывается, что русский язык обладает весьма высокой консонантной насыщенностью и что в нем подавляющее большинство слогов – открытое (примерно 80%; Ševoroškin 2004: 139). Чрезвычайно высокая консонантная насыщенность звуковых цепей наблюдается и в германских языках, напр., в немецком (Ševoroškin 2004: 140).

231. Л. Л. Буланин пишет, что двухфонемные сочетания согласных (они называются консонансами) являются самым связанным типом двухфонемных сочетаний в русском языке (Bulanin 1970: 143). «В них наглядно выявляется противоположность звонких и глухих, твердых и мягких, а также отчасти шумных и сонорных. Особое место занимают сочетания, содержащие **j**» (Bulanin 1970: 143). Л. Л. Буланин указывает на то, что существуют определенные правила сочетаемости согласных: «1) звонкие шумные не сочетаются с глухими, а глухие – со звонкими (**с в** и **в'** глухие сочетаются); 2) переднеязычные взрывные **т, т', д, д'** не сочетаются с аффрикатами **ц, ч**, а также с **с, с'**; 3) щелевые зубные **с, с', з, з'** не сочетаются с **ж, ш, ч**; 4) в сочетаниях двойных согласных обе фонемы являются либо твердыми, либо мягкими: возможны сочетания типа **дд** или **д'д'**, но невозможны сочетания типа **дд'** или **д'д**. Указанные правила, по-видимому, не знают исключений и потому могут считаться абсолютными» (Bulanin 1970: 143).

Межъязыковые корреляции согласных (Interlingvalne konsonantske korelacije)

232. При рассмотрении межъязыковых корреляций (отношений между согласными всех литературных славянских языков) мы, опираясь на имеющиеся источники,¹⁵⁶ принимаем следующее количество согласных фонем для каждого из языков:

№	Язык	Согласные
1	Польский	45
2	Украинский	44
3	Болгарский	39
4	Белорусский	39
5	Русский	37
6	Нижнелужицкий	36
7	Верхнелужицкий	32
8	Старославянский	29
9	Чешский	27
10	Словацкий	27
11	Македонский	26
12	С.-х.-б.	25
13	Словенский	21
Всего		425

Табл. 114. Количество согласных фонем в славянских литературных языках

Существуют общие, специфические и уникальные славянские фонемы. Общие (нейтральные) согласные фонемы – это такие согласные, которые есть во всех славянских языках (разумеется, с небольшими артикуляционными различиями). К их числу относятся **b, d, f, g, x, i, k, l, m, n, p,**

¹⁵⁶ Для болгарского языка Bălg. GAN 1982/І, Radeva 2003, Pašov 1999, Uvod u južnoslav. jezici 1986, Enc. bulg. jezik 2000, белорусского Sjameška 1999, верхнелужицкого Ševc 1968, македонского Koneski 1981, нижнелужицкого Šwela 1952, польского Bąk 1977, русского GAN 1980, словацкого Pauliny 1997, словенского Toporišič 1984, старославянского Kuljbakin 2010, Hamm 1947, Damjanović 2000, Bošković 1999, чешского Čehova et all. 1996, украинского Karpenko 1996.

r, s, t, v и z. Специфические согласные фонемы имеются только в некоторых языках. В с.-х.-б. к их числу принадлежат твердый шипящий **ř**, палатальные **ň, ě, ř, ž, ȝ, ȝ** и **ž**. Чешское **ř** представляет собой уникат, так как аналогичного звука не существует не только в славянских языках, но и в других языка мира.¹⁵⁷

233. Системы согласных славянских языков во многом отличаются друг от друга. А. И. Исаченко указывает на то, что консонантные несовпадения между отдельными славянскими языками в количественном отношении менее значительны, чем различия по вокализму. Основываясь на структуру консонантных систем, он разделяет эти языки по трем группам. Первую образуют языки, в которых проводится систематическое противопоставление между твердыми и мягкими согласными по всем (или почти по всем) артикуляторным классам (русский с его 37 согласными фонемами, в числе которых 15 пар фонем, характеризующихся корреляцией по твердости – мягкости; польский, насчитывающий 35 согласных, в том числе 13 пар, в которых фонемы противопоставлены друг другу аналогичным образом; верхнелужицкий, имеющий 33 согласных; нижнелужицкий с его 32 согласными; украинский, насчитывающий 33 согласных; болгарский – 34 согласных); в эту группу можно отнести также и восточнословацкие диалекты, в которых, кроме пар **t – tʹ, d – dʹ, n – ñ, l – lʹ**, имеются еще пары **s – ś, z – ź**, а в ряде случаев также **c – č** (Isačenko 1963: 113–114). Во вторую группу входят языки, в которых проводится различие между твердыми и мягкими согласными лишь в пределах группы дентальных (словацкий литературный язык, насчитывающий 27 согласных, чешский – 26, штокавский – 24 согласных). В третьей группе находятся языки, в которых отсутствуют мягкие согласные, что имеет место в люблянском произношении словенского языка, где **ň** перешло в **n**, а **ř** – в **l**.¹⁵⁸

¹⁵⁷ «Есть некоторые языки, которые в результате фонетического развития в настоящее время имеют в своей фонологической системе аллофон, похожий на чешское **ř** [r̥]. Но особенность чешского **ř** [r̥] состоит в том, что в этом случае дрожание кончика языка и одновременное произнесение постальвеолярного фриктивного **ž** [ʒ] / **š** [ʃ] приобрело фонемный статус и сохраняет его до сих пор. Поскольку языки, в системе которых этот звук когда-то тоже был фонемой, либо вымерли, либо претерпели дальнейшее развитие, то чешский является единственным из существующих в мире в настоящий момент языков (за исключением искусственного языка slezan), имеющим звук **ř** [r̥] в фонетической системе как фонему» (Newerkla 2006: 213).

¹⁵⁸ «Литературный словенский язык обладает чрезвычайно бедной системой согласных, состоящей из 21 фонемы» (Isačenko 1963: 114).

И. И. Исаченко приходит к выводу, что распределение согласных в фонологических системах славянских языков диаметрально противоположно распределению гласных: «Языки с бедным консонантизмом, например, штокавский или словенский, обладают богатым вокализмом, и, наоборот, языки с хорошо развитым консонантизмом, например, польский, характеризуются чрезвычайно бедной системой согласных. Таким образом, предлагаемое нами деление славянских языков на „вокалические“ и „консонантические“ не является функцией» (Isačenko 1963: 114).

Далее Исаченко выделяет основные типы славянских языков: радикальный вокалический тип, представленный сербохорватским, словенским и кашубским языками, и радикальный консонантический, представленный восточнославянскими языками, а также лужицкими и болгарским. По его мнению третий тип, к которому относится литературный словацкий, расположен между указанными двумя крайними языковыми типами (Isačenko 1963: 119).

Исходя из того, что фонологическая система с.-х.-б. содержит только 25 согласных, и учитывая критерий А. В. Исаченко (Isačenko 1963), относятся к крайнему для славянского языкового континуума типу вокалических языков, «причем следует учитывать и то, что прямой зависимости между численностью консонантного инвентаря и развитостью консонантных сочетаний не наблюдается, ср., например, чешский язык, также принадлежащий к „вокалическому“ типу и насчитывающий 25 согласных, который в то же время имеет весьма пространственный инвентарь допустимых консонантных сочетаний. И наоборот, болгарский язык, тяготеющий к противоположному, предельно консонантному типу (38 согласных), располагает достаточно кратким инвентарем консонантных сочетаний» (Tolstaja 1972: 12).

234. Ретрокорреляционал. Система согласных старославянского состояла из сонорных **r, r', l, l'**, носовых **m, n, ŋ**, губных **b, p, v**, зубных **d, d', t, t', s, s', z, ʃ', ʒ'**, задненебных **k, g, x**, средненебного **j** (графемы **ѥ, я, ю, ѡ, ѣ**, указывающие на двойной звук **j + e, a, u, ɛ, ɔ**), аффрикат **ts', dz', tʃ'**, сложных зубных **ʃ't', ʒ'd'** (буквы **ѡ** и **ѣ**), и **f** (только в заимствованиях) – всего 29. В старославянском, в отличие от с.-х.-б., было больше особых мягких согласных: **d', t', r', l', ts', dz', tʃ', ʃ't', ʒ'd', j**.¹⁵⁹ В старославянском имелись следующие пары по твердости/мягкости: **s – s', d – d', t – t', n – n', r – r', l – l'**; непарными были всегда мягкие согласные

¹⁵⁹ Для этого звука не было особой графемы: «Звук **j** не обозначался особо, потому что йотация исходно не отмечалась на письме и для **j** не нужен был особый знак» (Hamm 1947: 58).

ʃ', ʒ', ʃ', ʃ't', ʒ'd' (Damjanović 2000: 69). Согласные **ʃ', ʃ'** и **ʒ'** произносились мягче, чем сегодня (Hamm 1947: 69). Губные **b, p, m** и **v**, зубные **d, t, n, z** и **s**, плавные **l** и **r** могли палатализовываться, т. е. произноситься как полумягкие перед гласными переднего ряда (Vošković 1999: 78). Согласные **í, ě, ř, š** записывались как сочетания с **ь** (Hamm 1947: 59). «Звуки **í** и **ě** несомненно произносились как наши **í, ě**, тогда как **ř, š** соответствуют русским **гь, сь**» (Hamm 1947: 59). Согласных **ʒ** звучал как **ʒ** в современных сербом и хорватском языках, но «чуть мягче и более палатально» (Hamm 1947: 59). Согласный **ʒ** артикулировался как звонкая переднеязычная аффриката и находился в паре с глухим **ts**; **ʒ** – это результат 2-й и 3-й палатализации; согласный **l** имел более широкую артикуляцию, чем в с.-х. (мягкий – твердый – велярный); сонорный **r** был несколько мягче и более палатальным; согласный **s** также мог быть палатальным (Hamm 1947: 59, 67–68).

Г. А. ХАБУРГАЕВ различает 29 согласных, два из которых являются условными и помещаются в скобки: **f** и **ʒ'd'**.

Место образования Способ образования		Губ- ные	Язычные					Акуст. харак- тери- стика
			Зуб- ные	Неб- но- зуб- ные	Пе- ред- не- неб- ные	Сред- не- языч- ные	Зад- не- языч- ные	
Фрикативные		v (f)	z s	z' s'	ʒ' ʃ'	í	x	Шум- ные
Смыч- ные	Взрыв- ные	b p	d t				g k	
	Аф- фри- каты			d'z' ts'	(d'ʒ') ʃ'			
	Слож- ные				ʒ'd' ʃ't'			
	Носо- вые	m	n		ń			Сонор- ные
	Боко- вые		l		ĺ			
	Дро- жащие				r r'			

Табл. 115. Система согласных старославянского языка (Haburgaeu 1974: 101)

В старославянском **ʃ** представляло собой качественно новую аффрикату (Vošković 2000: 31). А. Лескин пишет, что сербскохорватское **ʃ** выступает на месте праславянского **ʃ'**, напр., *čelo* 'лоб', *sjěča* 'сеча', *plěč*

(*plačъ*) 'плач'. (Leskien 1996: 40). «Серб.-хорв. **ć** (т. е. **t's**) соответствует 1. праслав. **t'** = **tj** и = **kt** (в ст.-сл. в обоих случаях **š't'** [...], напр., *svijěća* свеча **švět'a* = **swět-ja*, ст.-сл. *svěšta*; *pôc* ночь **noť* ъ из **nokť*, ст.-сл. *nošť*. – Ст.-сл. **st'** может быть также и другого происхождения, = **skj** и **sh** перед палатальными гласными, а также = **stj** [...], в этом случае находим серб.-хорв. **št** и **šč** [...] 2. **ć** возникает в результате слияния **t** с **j** после выпадения **ь** или в результате соединения **t** с **je** = **ě** в иекавских говорах, напр., *prúće* собирательное (от *prút*) 'прутья' *prătje*, *čèrati* 'гнать' из *tjèrati* (экав. *tèrati*, ик. *tîrati*) *tèrati* [...]»¹⁶⁰. Тогда как в с.-х.-б. есть только один слоговой (сло-гообразующий, вокалический) согласный, в старославянском их было два: **г** и **ѣ**. Они записывались как **рѣ** (**гѣ**), **лѣ** (**ѣ**): *грѣдъ* [gгѣдъ] 'гордый', *влѣкъ* [vлѣкъ] 'волк'. Фонема **f** встречалась только в заимствованиях и часто заменялась на **p** (Damjanović 2000: 70).

В старославянском действовал закон открытого слога, в соответствии с которым слово не могло оканчиваться на согласный (на конце слова обязательно стоял **ъ** либо **ь**).

235. Интракорреляционал. Данную систему образуют консонатные соотношения в штокавском диалекте с.-х.-б.

236. В этих говорах сравнительно часто происходит слияние **ѣ** и **ѣ**, например, в западных новоштокавско-икавских¹⁶¹. «В говорах Тимока и Лужницы старые **ć** и **ž** были заменены на **č** и **ž** (*noč*, *meža*), а **ć**, **ž** и подобные звуки возникли из **k**, **g**, стоящих перед **e**, **i** или после **i**, **u**, **!** (*ruče*, *družī*, *majća* и т. д.). Диалект Призрена и Южной Моравы, а также диалекты Сврлига и Запланы сохраняют **ć**, **ž**, **k**, **g** без вышеописанных изменений; тип *dože* встречается также в области Карашева и Свиницы» (Lisac 2003: 144). Подобное явление наблюдается и в говорах Зеты и Санджака. В этом регионе **ѣ** и **ž** произносятся мягко. Особое качество имеют согласные **ѣ**, **ž**, **ѣ** и **ž** в восточнобоснийских шчакавских говорах: «Противопоставление фонем **č** и **ć**, а также **ž** и **ž** сохраняется в ряде хорватскоговорящих областей в районе Крешева, отчасти и в Сутьеске и Тузле, а у бошняков – в Тешане и Тухоле. В некоторых местах (у бошняков из Маглая и у хорватов из Сараева) оба члена этой оппозиции слились в средних звуках **č** и **ž** или **č'** и **ž'** (Вияка), но еще чаще эта оппозиция сокращается до **ć** и **ž**, как, например, в Високо, Плаховичах и в некоторых других деревнях возле Кладаня» (Lisac 2003: 80). В деревнях на юге Бургенланда (*južno Gradišće*;

¹⁶⁰ Способ выделения согласных изменен по сравнению с оригиналом (курсив > полужирный).

¹⁶¹ В качестве источников для этой части исследования служили работы Ivić 2001, Lisac 2003 и Peco 1980.

239. Старославянские фонемы *ś* и *ž* исчезли, и сегодняшние примеры в диалектах не обнаруживают никаких продолжений этих звуков (Lisac 2003: 20). При артикуляции *ś* и *ž*¹⁶³ кончик языка касается нижних зубов, тогда как передняя и задняя части языка подняты к твердому небу, причем не всегда легко отличить *ś* от *ʃ* и *ž* от *ʒ* (Miletić 1940: 133–134). ВОИСЛАВ НИКЧЕВИЧ считает, что *ś* является переднеязычным палатализованным глухим согласным (Nikčević 2001: 30). Для его артикуляции необходимо, чтобы он произносился как *ʧ*, но при этом поток воздуха выходит без типичного для *ʧ* преодоления преграды; чтобы произнести *ž* достаточно просто артикулировать согласный *ʒ*. (Nikčević 2001: 30). В восточногерцеговинских говорах часто можно обнаружить *ž* и *ś* (*ižesti* ‘съесть’, *klāše* ‘колосья’). В восточнобоснийских шчакавских говорах в

¹⁶³ Эти звуки – ламинальные палатальные фрикативные (Zec 2003: 53).

районе Тузлы в некоторых случаях встречается согласный *ś*: *śēde* 'sjēdē', 'они сидят' (возникла под влиянием *i* из рефлекса «ятя»), *śutra* 'завтра', *pokiśeli se* 'они промокли', *ś ħom* 'с ней' и т. д. (Lisac 2003: 89). В районе Дубровника можно услышать (а) дублиеты *paśil/pasji* 'собачий' вдоль побережья и (b) *paśi* в других местах.

240. Согласные *ś* и *ž* встречаются в восточногерцеговинских и восточнобоснийских диалектах: *izesti* < *izjesti* 'съесть', *klāse* < *klāsje* 'колося', *kōžī* 'козий', *śutra* 'завтра'. В восточногерцеговинских говорах *ś* и *ž* существенно смягчены (передняя и задняя часть языка сильно поднята к твердому небу, так что артикуляция этих звуков близка к артикуляции *ʃ* и *ʒ*) (Ivić 2001: 178). Эти согласные возникли как результат новой и новейшей йотации и не встречаются в конце слова (Ivić 2001: 179, 214).

В западных новоштокавских говорах появляется так называемый «šakavizam» (переход *šč* в *ś*) – Lisac 2003: 62. Он наблюдается также в западных икавских говорах, где *šć* (*šč*) заменяется на *ś* (Lisac 2003: 62).

241. В некоторых экавских говорах (в районе Джаковицы) место артикуляции фонем *ʃ* и *ʒ* смещено в область твердого неба, из-за чего *ʒ* переходит в *ś* и *ž*: *kāž em* 'я говорю', *š ūme* 'леса', *nāš i* 'наши' (Ресо 1980: 24). Палатальные согласные *ʃ* и *ʒ* представлены в говорах Косова и Ресавы: *ž ěna* 'жена', *š estica* 'шестерка', *Bōž e* 'Боже!', *dōš li* 'они пришли', *vīš e* 'больше' (Ресо 1980: 36). В Славонии артикуляция *ʃ* и *ʒ* является слегка палатальной или велярной – *ʃ* и *ʒ* или *ʃ* и *ʒ* (Ресо 1980: 121). В Воеводине звуки *ʃ* и *ʒ*, а также *ʃ* и *ʒ* произносятся с расширением голосового тракта, из-за чего эти звуки иногда кажутся очень твердыми (Ivić 2001: 101).

242. Согласный *ǰ* встречается в восточногерцеговинских говорах, в частности в районе Дубровника (*magǰin* 'склад', *ǰovina* 'бузина', *ǰóra* 'заря', *miǰerja* 'горе'), в говорах Косова и Ресавы (*ǰvono* 'колокол', *ǰid* 'стена', *ǰvezda* 'звезда'), а также в диалектах Призрена и Тимока. В торлакских говорах Призрена и Тимока аффриката *ǰ* обычно появляется в начальном сочетании согласных *ǰv-* (*ǰvezda* 'звезда', *ǰvono* 'колокол'). Звук *ʒ* возникает чаще всего перед *v*, но также и перед другими звуками (*ǰadni* 'последний', *naǰrem* от *naǰreti* 'смутно увидеть'). В этих говорах *ǰ* преимущественно выступает в начале слова перед *v* (*ǰvono* 'колокол'). В западных новоштокавско-икавских говорах *ǰ* встречается не только в заимствованиях (*linǰun* 'простыня'), но и в славянских словах (*sūnǰe* 'солнце'). Хорваты в итальянской области Молизе переняли звук *ǰ* (*sūnǰe*) от итальяноязычного окружения (Lisac 2003: 53–54). В штокавских говорах Восточной Герцеговины и в Румынии *ǰ* в находим в слове *ǰindov* 'бугай'. Звук *ǰ* обычно стоит в начале слова перед *v* или *r*, а также в случае, если следующим согласным является *d* (*ǰvezda*, *naǰrem* от *nasreti*, *ǰadni*, *ǰidam* 'я строю') – Ivić 2001: 152.

243. В западных икавско-новоштокавских говорах можно найти примеры так называемого цакавизма (*sakavizam*), который включает в свой состав следующие явления: (а) депалатализацию звука **ʃ** и его замену на звук **ts** в чакавском под влиянием итальянского (*čùdo* > *cùdo* 'чудо'), (б) замену **s** и **ʃ** на среднее **ʂ** (*ʂèʂtra* 'сестра', *ʂùma* 'лес'), (в) замену **z** и **ž** на среднее **ʒ** (*ʒèna*) – Peco/Stanojčić 1972: 48. Цакавизмы *covik* и *žašto* отмечаются в Карлобаге и Шибенике (Lisac 2003: 55). «В говорах крайнего северо-запада под венецианским влиянием появляется цакавизм, т. е. теряется различие между шипящими (*šuštavi*) и свистящими (*piskavi*) спирантами, а также между соответствующими аффрикатами (*šušed, žmija, nacin*)» (Ivić 2001: 255).

244. Согласный **г** имеет различную артикуляцию в зависимости от диалекта. На побережье Которского залива (Пераст, Лепетане), в Мостаре и в области Дубровника слоговое **г** сокращается (*křv*), что относится к категории адриатизмов (Lisac 2003: 122). Другой вариант – произношение **г** как **ar** (*karv*) – встречается на побережье Которского залива. Долгое сло-гообразующее **г** редуцируется в Дубровнике, Цавтате и в долине Неретвы (*křv, cřkva*). В некоторых штокавских говорах появляется мягкое **г**'. В различных прибрежных населенных пунктах можно услышать так называемые далматизмы, к которым относится, например, замена **г** на **г'** (Ivić 2001: 223). В икавских говорах Посавья (под кайкавским влиянием) *môre* произносится как *môrje*. Похожие артикуляционные варианты отмечаются и в восточнобоснийских шчакавских говорах.

245. Согласный **л** в славонских диалектах часто переходит перед **и** в **љ** (*mòlit* 'просить', *stoľica* 'стул'); иногда это явление встречается в Воеводине и Шумадии (*glísta* 'червяк, глист', *žěľiti* 'желать'). В этих диалектах **л** сохраняется в конце слова (*stól* 'стол', *světal* 'светлый'). Поблизости от побережья Адриатики в районе Дубровника **л** является палатализованным, равно как и в говорах буневцев (Bunjevci)¹⁶⁴ в Бачке. В Косово под албанским влиянием **л** перед **и** и **е** произносится мягко (**л'**). В говорах Зеты и Съеницы оппозиция **л** – **љ** перед **е** и **и** также нейтрализуется из-за контакта с албанским: *čěľ i* от *čěľti* 'слышать', *zakòľ i* от *zàklati* 'забить', *pěľ ene* 'пеленки', но **љ** здесь только в небольшой степени мягкое. «В говоре долины Зеты процесс зашел еще дальше. Здесь утратилось всякое различие между фонемами **л** и **љ**, и **л'** произносится на месте **л**: *Bľ āžo* 'мужское имя', *òľ ovo* 'свинец'» (Ivić 2001: 215). В большинстве говоров Зеты и Съеницы согласный **л** является веляризованным: *ľăbūd* > *ľabud* 'лебедь', *Miľoš* > *Miľoš*

¹⁶⁴ Буневцы (Bunjevci) – это южнославянская (хорватская) народность, представители которой по большей части исповедуют католичество. Их родиной является Западная Герцеговина и континентальная Далмация.

‘мужское имя’. В Далмации и в Истрии **-l** в конце слова и слога произносится как **-a** или **-ija**: (*pòpil* > *pòpio* > *pòrija* перфект от *pòpiti* ‘выпить’, *bil* > *bìo* > *bija* ‘был’). В противоположность этому в некоторых говорах Посавья и в призренско-тимокском диалекте **-l** сохраняется (*dál* перфект от *dàti* ‘дать’, *mìslil* перфект от *mìsliti* ‘думать’). В румынском Банате **-l** переходит в **-o**, но может представлять собой и неслоговое **u**: *bìo*, *bìu* ‘был’ (Ivić 2001: 281). Похожее явление наблюдается на востоке Македонии (**l** > **ol** > **ou**). В некоторых говорах призренско-тимокского диалекта **l** переходит в **lu** (*slúnce* ‘солнце’), а также появляется слоговое **l̥**: *v̥lk* ‘волк’, *jab̥lka* ‘яблоко’. В икавских диалектах Посавья **l** перед **i** меняется на **í** (*vefika* ‘большая’). На побережье в районе Дубровника можно услышать **ĩ** вместо **l** (*bòlje* > *bõje* ‘лучше’, *úlje* > *úje* ‘растительное масло’). Подобное явление есть и в Истрии (*pòlje* > *põje* ‘поле’, *zèmlja* > *zèmjja* ‘земля, страна’), тогда как в области, пограничной со Словенией, **í** произносится как **l** (*nedila* ‘воскресенье’). Переход **l** в **ĩ** отмечен также в говорах Зеты и Сьеницы. В Боснии и Герцеговине изменение **í** > **ĩ** наблюдается главным образом в районе рек Неретва и Босния. Возле Дубровника можно услышать произношение *l-jepši* ‘красивее’, *N-jemica* ‘немка’ и т. п. В Воеводине **l** произносится мягко (*mòl il i* перфект от *mòliti* ‘просить’). В говоре Печа и в его окрестностях (косовско-ресавский диалект) представлено твердое произношение звука **l** (но не в позиции перед **e** и **i**): *lùk* ‘лук’, *mlád* ‘молодой’. Частично осуществляется отверждение звука **í** (*nedèlja* ‘воскресенье’).

246. Употребление согласных **x** и **f** в диалектах имеет две характерные черты: 1) оба согласных характеризуются тенденцией к исчезновению; 2) диалекты, сохраняющие **x**, не утратили также и **f** (Lisac 2003: 53).

247. Звук **x** сохраняется в восточногерцеговинских говорах, а отчасти также в говорах Зеты и Южного Санджака, в косовско-ресавских говорах, в говорах Которского залива, в Сумартине на острове Брач, у буневцев и в некоторых частях Славонии. В других диалектах **x** исчез полностью (напр., в экавских говорах Славонии, в косовско-ресавских говорах, где он «почти всюду совершенно неупотребителен» – Ivić 2001: 136), частично (в говорах Воеводины, Шумадии, в некоторых районах Славонии, в западных икавских говорах, в призренско-тимокских диалектах¹⁶⁵ и в Западной Герцеговине) или же заменился другими согласными. В восточнобоснийских шчакавских говорах происходит дифференциация на этническом основании: бошняки относительно хорошо сохраняют фонему **x**, хорваты делают это заметно реже, а сербы – еще реже (Lisac 2003: 80). В новых икавских говорах фонема **x** употребляется преимущественно му-

¹⁶⁵ Павле Ивич пишет, что звук **x** в этих диалектах не представлен (Ivić 2001: 152).

сульманами, тогда как хорваты ее обычно утрачивают (Ivić 2001: 237). Мусульмане, говорящие на иекавско-шчакавских, икавских, иекавско-герцеговинских, икавско-штакавских¹⁶⁶ и центральнобоснийских диалектах, полностью сохраняют фонему **x** (Ресо 1980: 71, 97, 101, 103, 115). Как правило, она держится и в говорах Зеты и Южного Санджака (Ресо 1980: 70).

В восточногерцеговинских говорах **x** отчасти сохраняется (Ivić 2001: 185). «Согласный **x** исчез в большинстве [восточногерцеговинских, Б. Т.] диалектов, в частности в Дубровнике, у большинства мусульман и – в значительно меньшей степени – у хорватов в Боснии и Герцеговине. Звук **x** часто произносится как гуттуральный спирант и иногда даже является звонким.¹⁶⁷ В боснийских и герцеговинских говорах **x** обычно утрачивается в окончаниях и в конце слова [...] Сербское население сохраняет **x** только в редких случаях (напр., в Мостаре). Иногда в некоторых диалектах на месте **x** выступает **k** или **g**; особенно часто это происходит в конце слова и в окончаниях имперфекта: *dóđok* ‘я пришел’, *njíg* ‘их’, *òvijeg* ‘этих’, *gräg* ‘горох’, *mìšljāgū* ‘они думали’. Ареал распространения этого явления охватывает преимущественно южные и юго-восточные области, но он доходит вплоть до Сараева» (Ivić 2001: 180). В говорах Баната **x** произносится с ослабленной артикуляцией как гуттуральный спирант **h** (под влиянием румынских диалектов Баната, где имеется такой звук) – Ivić 2001: 105. Говоры, в которых сохраняется **x**, распространены в основном на западе Черногории.

Известны многочисленные примеры выпадения **x** в различных диалектах – а) в начале слова: *hàjdūk* > *ajdūk* ‘гайдук’, *hàljina* > *àljina* ‘платье’, *hìljada* > *ìljada* ‘тысяча’, *hl(j)èb* > *lèb* ‘хлеб’, *hvála* > *vála* ‘спасибо’, *hòću* > *òću* ‘хочу’, *hrána* > *rána* ‘еда’, *hlâd* > *lâd* ‘тень, холод’, *hrâst* > *râst* ‘дуб’, б) в середине слова: *bùha* > *bù* ‘блоха’, *măće-ha* > *măće* ‘мачеха’, *mâhniť* > *mâniť* ‘сумасшедший’, *rũho* > *rũ* ‘одежда, платье’, *snâha* > *snâ* ‘сноха’, *strahòta* > *straòta* ‘страх’, *ũho* > *ũ* ‘ухо’ и в) в конце слова: *rěko* (из аориста *rěkoh* ‘я сказал’), *òdmāh* > *òdmā* ‘сразу’, *strāh* > *strā* ‘страх’, *tìbuh* > *tìbu* ‘живот’.

Звук **x** часто заменяется следующими согласными: 1. **v** – *òrah* > *òrav* ‘орех’, *kũhati* > *kũvati* ‘готовить (еду)’, *ũho* > *ũvo* ‘ухо’, *krũh* > *krũv* ‘хлеб’ 2. **g** – *òrah* > *òrag* ‘орех’, *jâ bih* > *jâ big* ‘я бы’, *òvijeh* > *òvijeg* ‘под. мн. от

¹⁶⁶ В этих диалектах данное явление распространено только среди мусульманского населения.

¹⁶⁷ На западе Черногории **x** произносится с уменьшенным трением или даже с простым придыханием; но оно может также озвончаться в **ɣ** (в начальной и срединной позиции): *ɣòćeš* ‘ты хочешь’, *šćáɣu* ‘они хотели’ (Ivić 2001: 214).

òvāj (этот) 3. *ī* – *njīhovo* > *nījovo* ‘их (ср. р. ед. ч. притяжательного местоимения)’, *òrah* > *òrej* ‘орех’, *kíhati* > *kíjati* ‘чихать’, *tīho* > *tījo* ‘тихо’, 3. *k* – *dādoh* > *dādok* ‘я дал’, *dódoh* > *dožok* ‘я пришел’, *hīljadalhīljada* > *kiljada* ‘тысяча’, *pàroh/pàrōh* > *pàrok* ‘приходский священник’, *siròmah* > *siròmak* ‘бедняк’, *snaha* > *snàka* ‘сноха’, *zajt(ij)évaju* > *zaktívaju* ‘они требуют’, *Ti-homir* > *Tikòmir* (мужское имя), *š* – *htèò* ‘хотел’ > *štèl* от *htèti* ‘хотеть’.

В некоторых случаях появляется так называемое вторичное *x*: *lābavo* > *hlābavo* ‘расслабленно’, *lònac* > *hlònac* ‘кастрюля’ (Високо, Плаховичи – восточнобоснийские шчакавские говоры). У бошняков в Тузле можно услышать *pròhci* ‘мн. ч. от *pròsac* – *pròsci* ‘сват’, *trèhnēm* от *trèsnēm* ‘я ударю’. В диалектах Воеводины (прежде всего в Банате) также встречается вторичное *x*: *hīđa* < *řđa* ‘ржавчина’, *hīvati se* < *řvati se* ‘бороться’ (Ресо 1980: 54).

Согласный *f* используется только некоторыми носителями штокавского диалекта (*štokavci*), но он встречается в Славонии, в призренско-тимокских говорах и в бошняцких диалектах (Lisac 2003: 34, Ресо 1980: 29). В Западной Герцеговине, в районе Крешева, в Фойнице, в Високо и в Вареше, а также в говорах Тимока и Лучницы *f* заменяется на *p* (*fratar* > *pratar* ‘монах’) или *v* (*fital* > *vrtal* ‘четверть’, *fābrika* > *vābrika* ‘фабрика’, *kūfer* > *kūver* ‘чемодан’) – Ivić 2001: 188, Lisac 2003: 63, Ресо 1980: 19. В икавско-штакавских говорах *f* стабильно только у мусульман, тогда как у хорватов оно заменяется на *p* или *v*: *Filip* > *Pilip* ‘мужское имя’, *fildžān* > *vildžān* ‘пиала, чашка для кофе’, *trèfilo se* > *trèvilo se* перф. 3-е л. ед. ч. ср. р. от *trèfiti* ‘встретить’ (Ресо 1980: 103). Фонема *f* сравнительно частотна у буневцев в Бачке, а также в Мркопале, Нине, Сучурье на острове Хвар и в Сумартине на острове Брач (Lisac 2003: 53). В восточногерцеговинских диалектах фонема *f* отсутствует и заменяется на *v* (*vèñer* < *fèñjer* ‘фонарь’, *kūvar* ‘повар’). В восточнобоснийских диалектах *f* часто встречается в звукоподражаниях и заимствованиях. Во многих диалектах группа *hv* переходит в *f* (*hvāla* > *fāla* ‘спасибо’, *hvātati* > *fātati* ‘хватать’). В икавско-штакавских диалектах мусульмане заменяют *hv* на *f* (*ùhvatiti* > *ùfatiti* ‘схватить’), а хорваты – на *v* (*ùhvatiti* > *ùvatiti*) – Ресо 1980: 103. Иногда происходит двойное изменение: *hv* > *f* > *p*: *hvāla* > *fāla* > *pāla* ‘спасибо’, *ùhvatiti* > *ùfatiti* > *ùpatiti* ‘схватить’ (Ivić 2001: 188). В боснийских говорах группа *hv* остается неизменной в слове *kāhva* ‘кофе’.

248. Согласный *ž* во ряде говоров (напр., в восточнобоснийских и славонских) произносится перед *e* как *r*: *mòže* > *mòre* ‘возможно’, *kāžēm* > *kārēm* ‘я говорю’. Эта фонема в Среме и в Бачке является очень твердой (Ivić 2001: 101).

249. Согласные *k* и *g* могут произноситься мягко или же как *ʈ* и *ʑ* (Ivić 2001: 157), напр., в диалектах Тимока и Лужницы, в которых встречаются либо очень палатальные смычные *kʷ* и *gʷ*, либо палатальные аффрикаты: а) перед *e* и *i* – *bitkʷe* ‘битва (мн. ч.)’, *kokoškʷe* (в литературном

языке *kòkòške*) ‘курицы; домашние птицы’, *bajagi* ‘как бы’, *ginemo* ‘мы погибам’, *bàncé* ‘банк (мн. ч.)’, *gùscé* ‘гусыня (мн. ч.)’ *drùdi* ‘другие’, б) после палатальных сонорных **ǰ**, **ǎ** и **ǎ̃**: *màjk* ‘а мать’, *devòjk* ‘а девочка’, *bòljk* ‘а болезнь’ (Ресо 1980: 21).

250. Согласный **m** в конце слова (особенно в окончаниях) может переходить в **n**: *osam* > *osan* ‘восемь’, *zbògom* > *zbògon* ‘букв. с Богом!, прощай’, *píšēm* > *píšēn* ‘я пишу’, *jâ znâm* > *jâ znân* ‘я знаю’, *jâ čùjēm* > *jâ čùjēn* ‘я слышу’, *jâ glèdām* > *jâ glèdān* ‘я смотрю’ и т. д. На побережье Адриатического моря, в диалектах Зеты и Южного Санджака, а также в Западной Герцеговине у хорватского населения преобладает **n**, а у бошняцкого – **m** (Lisac 2003: 54). Это фонетическое изменение является одним из так называемых далматинизмов (явлений, типичных для Адриатического побережья) и представляет собой результат чакавского влияния – Ivić 2001: 223, 237.

251. Мягкие смычные **tʹ** и **dʹ** есть в торлакском диалекте (*trěf i, dóđ emo*) – Lisac 2003: 146.

252. В некоторых говорах (напр., в Славонии в Лике) представлены протетические **v** и **ǰ**: *ùžina* > *vùžina, jùžina* ‘полдник, перекус’, *òko* > *jòko* ‘глаз’, *ùvo* > *jùvo* ‘ухо’, *àvlija* > *jàvlija* ‘двор’. Согласный **v** встречается в Западной Подравине перед гласным **u** – *vùzak* ‘узкий’. Звук **v** может выпадать в восточногерцеговинских и призренско-тимокских говорах: *čòv(j)ek* > *čòv(j)ek* > *čòek* ‘человек’, *mìtvac* > *mìtac* ‘мертвец’, *stvòri* ‘он сделает’ > *stòri* наст. вр. от *stvòriti* ‘сделать’ (Ivić 2001: 151, Lisac 2003: 101). Редукция звука **v** может вызывать зияние: *plùati* < *pljùvati* ‘плевать’, хотя фонема **v** довольно часто служит и для его устранения (в Имотской Краине и в Бекии): *àuto* > *àvuto* ‘автомобиль’, *bàūk* > *bàvūk* ‘призрак, чудовище’, *jàūk* > *jàvūk* ‘крик’, *pàūk* > *pàvūk* ‘паук’ (Ресо 1980: 117). В районе Сеня **v** выпадает в сочетаниях **svr** (*svrâb* > *srâb* ‘чесотка’), **gv** (*gòžde* < *gvodzje* ‘железо’) и **kv** (*kvòčka* > *kòčka* ‘наседка’) – Ресо 1980: 119.

253. Звук **ǰ** может артикулироваться ослабленно, и в некоторых диалектах он даже исчезает: *svoý* ‘свой’, *seál* ‘он сеял’ > перфект от *sèjati* ‘сеять’, *edé* > *jèdē* ‘он есть’ (Ivić 2001: 152). В западнобоснийских иекавских говорах этот звук часто выпадает в начале слова; особенно часто это происходит в формах слов *jèsām* ‘быть’ и *jèdan* ‘один’: *èdan, èdna, èdnijē, èdnōg, e li, esi li, èsom, est* (Ресо 1980: 82).

254. Согласный **d** может выпадать (*zdjèla* > *zjèla* ‘миска’), но при этом встречается и вторичное **d** (*zràk* > *zdrák* ‘воздух’).

255. В экавских говорах Славонии согласный **n** перед **i** заменяется на **ǎ̃**: *zvonǎ̃t* ‘звонить’ (Ivić 2001: 127). В икавско-шчакавских говорах ситуация обратная: там **ǎ̃** переходит в **n** (*kénjac* > *kénac* ‘осел, упрямец’, *Trèbinje* > *Trèbine* (населенный пункт в Герцеговине), *trešnje* < *trešne* ‘черешня’ (Ресо 1980: 103).

256. Интеркорреляционал. Данная система возникает в результате взаимоотношений согласных очень близких языков, носители которых обнаруживают высокую степень взаимопонимания. Сюда относятся корреляции согласных между сербским, хорватским и бошняцким языками. Фонетические (акустические, артикуляционные) различия между ними встречаются реже, чем фонологические. Данные Корпуса «Gralis» демонстрируют, что частотность отдельных согласных в этих языках неодинакова:

Фонема	Процент			Количество	Среднее (%)
	Серб.	Хорв.	Бошн.		
n	10,89	10,72	10,77	842 416	10,79
i	7,33	9,08	8,99	658 077	8,47
s	8,50	8,33	8,55	640 803	8,46
r	8,25	8,16	8,28	620 328	8,23
t	7,85	8,11	7,75	650 265	7,90
m	6,27	6,07	6,56	467 550	6,30
v	6,29	6,09	5,83	479 012	6,07
k	6,04	6,08	6,00	485 413	6,04
d	6,32	5,65	6,10	471 951	6,02
l	6,01	6,14	5,77	470 471	5,97
p	4,97	4,89	4,83	383 355	4,90
z	3,33	3,30	3,07	255 762	3,23
g	3,20	3,03	3,04	241 985	3,10
b	2,58	2,53	2,60	148 985	2,57
ʃ	2,02	1,83	1,81	148 467	1,88
tʃ	1,84	1,74	1,57	121 796	1,71
ts	1,55	1,55	1,62	96 574	1,57
x	1,43	1,38	1,56	91 053	1,45
ñ	1,21	1,26	1,27	81 692	1,24
ɫ	1,19	1,17	1,09	75 884	1,15
ʒ	1,04	1,04	1,07	26 755	1,05
í	0,92	1,03	0,97	3 958	0,97
f	0,59	0,46	0,47	136 957	0,51
ž	0,36	0,32	0,36	111 095	0,35

ž	0,04	0,05	0,09	40 151	0,06
	3 276 212	3 412 227	1 113 413	7 801 852	99,07

Табл. 116. Частотность согласных фонем в Корпусе «Gralis»

Десять согласных имеют наивысшую частотность в сербском языке (**n, v, d, p, z, g, ʃ, ʧ, ʦ, f**), девять согласных – в бошняцком (**s, r, m, b, x, ħ, ʒ, ĭ, ʒ**) и четыре – в хорватском (**ĭ, t, k, l**). Согласный **ts** отличается одинаковой частотностью в сербском и в хорватском, а **ʒ** – в сербском и в бошняцком. Во всех трех языках **n, ĭ, s, r** и **t** относятся к числу наиболее частотных согласных, тогда как **ʒ, ʒ, f, ĭ** и **ʒ** наименее употребительны. Нижеприводимая таблица отражает процентные различия между с.-х.-б. (знак «плюс» указывает на значения, превышающие среднее, а знак «минус» – на значения, меньшие среднего).

Фонема	Процент			Количество	Среднее (%)
	Серб.	Хорв.	Бошн.		
n	+0,1	-0,07	-0,02	842 416	10,79
ĭ	-1,14	+0,61	-0,52	658 077	8,47
s	+0,04	-0,13	+0,09	640 803	8,46
r	+0,02	-0,07	+0,05	620 328	8,23
t	-0,05	+0,21	-0,15	650 265	7,90
m	-0,03	-0,23	+0,26	467 550	6,30
v	+0,22	+0,02	-0,24	479 012	6,07
k	0	+0,04	-0,04	485 413	6,04
d	+0,3	-0,37	+0,08	471 951	6,02
l	+0,04	+0,17	-0,2	470 471	5,97
p	+0,07	-0,01	-0,07	383 355	4,90
z	+0,1	+0,07	-0,16	255 762	3,23
b	+0,01	-0,04	+0,03	148 985	2,57
g	+0,10	-0,07	-0,06	200 082	3,10
ʃ	+0,14	-0,05	-0,07	148 467	1,88
ʧ	+0,13	+0,03	-0,14	121 796	1,71
ts	-0,02	-0,02	+0,05	96 574	1,57
x	-0,02	-0,07	+0,11	91 053	1,45
ħ	-0,03	+0,02	+0,03	81 692	1,24
ʦ	+0,04	+0,02	-0,06	75 884	1,15

з	-0,01	-0,01	+0,02	26 755	1,05
í	-0,05	-0,06	0	3 958	0,97
f	+0,08	-0,05	-0,04	136 957	0,51
ž	+0,01	-0,03	+0,01	111 095	0,35
ž	-0,02	-0,01	+0,03	40 151	0,06
	3 276 212	3 412 227	1 113 413	7 801 852	99,07

Табл. 117. Процентные различия между согласными серб., хорв., бошн. по данным корпуса «Gralis»

Можно установить, что расстояние между отдельными языками невелико. Только одна фонема демонстрирует отклонение от среднего, превосходящее 1% (**i** в серб.: -1,14%). Далее следует группа отклонений, составляющих менее 1%: +0,61% (**i** в хорв.), -0,52% (**i** в бошн.), -0,37 (**d** в хорв.), +0,30 (**d** в серб.), +0,26 (**m** в бошн.), -0,24 (**v** в бошн.), -0,23 (**m** в хорв.), +0,22 (**v** в серб.), +0,21 (**t** в хорв.), -0,20 (**l** в бошн.), +0,17 (**l** в хорв.), -0,16 (**z** в бошн.), -0,15 (**t** в бошн.), +0,14 (**ʃ** в серб.), -0,14 (**ʃ** в бошн.), -0,13 (**s** в хорв.), +0,13 (**ʃ** в серб.), +0,11 (**x** в бошн.) и +0,10 (**n, g, z** в серб.). В двух случаях частотность согласного в одном из языков совпадает со средней частотностью (**k** в серб. и **í** в бошн.). Наименьшее отклонение (0,01%) имеют **b** в серб., **z** в серб., **з** в серб. и хорв., **ž** в серб. и бошн. и **ž** в хорв. На 0,02% отклоняются **n** в бошн., **r** в серб., **v** в хорв., **ts** в серб. и хорв., **x** в серб., **í** в хорв., **tc** в хорв. и **з** в бошн. Наибольшее отклонение наблюдается у **i**, частотность которого в хорв. на 0,61% выше среднего, а в серб. и бошн. – ниже соответственно на 1,14% и 0,52%. Причина более низкой частотности в серб. состоит в использовании экавицы.

257. Ввиду близости **ʃ** и **tc** по месту артикуляции часто наблюдается смешение этих звуков. Это более заметно в бошн. и хорв., чем в серб. Данное обстоятельство привело к тому, что некоторые хорватские лингвисты предлагают одинаково записывать **č** (**ʃ**) и **ć** (**tc**) как **č**. Наиболее активным сторонником такой графической унификации был Иво ШКАРИЧ, предпринявший попытку аргументировано доказать свое мнение (Škarić 2000). Он приводит следующие доводы. а) Значительная часть школьников делает ошибки в написании этих аффрикат (по результатам эксперимента – от 30% до 40%), причем при написании **ć** ошибаются чаще, чем при написании **č**. б) Противопоставление **ʃ** и **tc** в «общехорватском языке» («općem svehrvatskom jeziku») находится на стадии исчезно-

вения.¹⁶⁸ в) Звук **ʃ** преобладает над **ʦ**, поскольку испытуемые слышали **ʃ** в 4,71 раза чаще, чем **ʦ**. г) Коммуникативная значимость различия этих аффрикат совершенно незначительна (Škarić 2000: 95).

Анализируя корпус письменных текстов, созданный философским факультетом Загребского университета и содержащий 7,6 миллионов словоформ, Шкарич попытался доказать, что в хорватском языке очень мало минимальных пар, различающихся с помощью **ʃ** и **ʦ**. Он обнаружил 323 пары слов, близких к омонимам. Большая часть из них (268 пар) происходит вследствие орфографических ошибок, напр., *hoće* – *hoće*, *ćega* – *ćega*, *većinu* – *većinu*. Было обнаружено только 55 собственно омографов. В некоторых случаях это были имена собственные, напр., *Čurković* – *Čurković*, *Kobeščak* – *Kobeščak*, *Ružička* – *Ružička*, и топонимы, напр., *Gradišća* – *Gradišća*. В омонимичных парах в большинстве случаев наблюдаются акцентные различия: *bīća* – *bīća*, *čēlu* – *čēlu*, *čūka* – *čūka*. Автор пришел к выводу, что число аллографических минимальных пар с **ʃ** и **ʦ** настолько незначительно, что оно не является значимым с точки зрения передачи информации (Škarić 2000: 102). Чистых минимальных пар, содержащих **ʃ** и **ʦ**, обнаружилось очень мало – только семь пар при поиске по корпусу, содержащему 7,6 миллионов словоформ. По мнению Шкарича, эта корреляция утрачивает статус оппозиции и редуцируется до одной фонемы (**ʃ**), отчего он и предложил писать **č** вместо **ć**. Иво Шкарич выступал за изменение графической системы и предлагает объединить **č** и **ć** в **č**, а **dž** и **đ** – в **đ**, поскольку у большинства хорватов, прежде всего в городах, дефонологизация фонематических оппозиций **č** – **ć** и в первую очередь **đ** – **dž** завершилось, так что следовало бы избавиться от различия **č** – **ć**, **dž** – **đ** на письме, сопряженного с лишними затратами энергии (Škarić 2001: 13).

Однако Шкарич не обратил внимания в своей работе на одно обстоятельство: в хорватском языке есть большое количество слов с **ʦ**, прежде всего форм инфинитива и фамилий. В хорватской части Корпуса «Gralis» представлены 59 326 вхождений **ʃ** и 39 960 вхождений **ʦ** (в процентном отношении – 1,74% : 1,17%; данные по состоянию на 2 мая 2009 г.).

	Количество	%
ʃ	59 326	1,74
ʦ	39 960	1,17

Табл. 118: Вхождения фонем **ʃ** и **ʦ** (представленных графемами **č** и **ć**) в Корпусе «Gralis»

¹⁶⁸ Пытаться сохранить оппозицию **ʦ** и **ʃ**, по мнению Иво Шкарича, – это то же самое, что сражаться с ветряными мельницами (Škarić 2000: 79).

Наиболее частотными словами/формами слов, содержащими *ć*, в хорватской части Корпуса «Gralis» являются: *věć* 'уже', *kùća* 'дом', *ću* 'показатель будущего времени', *òsjećati* 'чувствовать', *tisuća* 'тысяча', *većina* 'большинство', *budući* 'будущий', *sreća* 'удача', *noćiti* 'ночевать', *mogućće* 'возможно', *shvaćati* 'понимать'... Если воспользоваться предложением И. Шкарича, то следует записывать эти примеры так: **već*, **kuća*, **ću*, **osjećati*, **tisuća*, **većina*, **budući*, **sreća*, **noćiti*, **mogućće*, **shvaćati*. В некоторых случаях *ć* будет повторяться в пределах одного слова: *kléćēćí* > **kléćēćí* 'стоя на коленях', *dréćēćí* > **dréćēćí* 'визжа', *trčēćí* > **trčēćí* 'бегая', *múćēćí* > **múćēćí* 'мучая', *siròćíćí* > **siròćíćí* 'сироты', *ròšćíćí* > **ròšćíćí* 'рожки', *gùšćíćí* > **gùšćíćí* 'гусята', *kùćíćí* > **kùćíćí* 'щенята', *tùćíćí* > **tùćíćí* 'индюшата', *māćíćí* > **māćíćí* 'котята', *rāćíćí* > **rāćíćí* 'утята'. Формы инфинитива примут вид *noćiti* > **noćiti*, *saopćiti* > **saopćiti* 'сообщить', *omogućiti* > **omogućiti* 'сделать возможным'. Такие изменения могут привести к возникновению новых омографов: напр., к совпадению именной формы *prīćí* (дат. пад. ед. ч. от *prīća* 'рассказ') и глагольной формы *prīćí/prīćí* 'прийти' > **prīćí*.

258. Корпус «Gralis» отчетливо демонстрирует, что между серб., хорв. и бошн. нет больших различий в употреблении аффрикат *ʃ* (серб. 1,84%, хорв. 1,74%, бошн. 1,57%) и *ʦ* (серб. 1,19%, хорв. 1,17%, бошн. 1,16%).

Количество			
Фонема	Серб.	Хорв.	Бошн.
<i>ʃ</i>	60 179	59 326	17 452
<i>ʦ</i>	38 997	39 960	12 096
%			
Фонема	Серб.	Хорв.	Бошн.
<i>ʃ</i>	1,84	1,74	1,57
<i>ʦ</i>	1,19	1,17	1,16

Табл. 119. Различия в частотности фонем *ʃ* и *ʦ* в Корпусе «Gralis»

Если в хорватском языкознании орфографический статус соотносимых звуков *ʦ* и *ʃ* ставится некоторыми исследователями под вопрос, то в сербской и в бошняцкой лингвистике такой тенденции не наблюдается, хотя мусульманское население во многих случаях их не различает.¹⁶⁹

¹⁶⁹ БРАНКО МИЛЕТИЧ выделил в области распространения сербскохорватского языка три типа *ʃ* и *ʦ*: «[...] *ć* и *dž* произносятся не одинаково во всех областях

259. Что касается графики, то в хорватском языкознании, помимо упомянутой инициативы ИВАО ШКАРИЧА, было стремление заменить символы с диакритическими знаками *č*, *š* на диграфы *ch*, *sh*, но, насколько нам известно, эта идея не нашла поддержки. Если бы предложения изменить/унифицировать написание аффрикат *č* и *ć*, *dž* и *đ* вошли в хорватскую норму, то это (при сохранении старого написания в сербском и бошняцком стандарте) вызвало бы заметную дивергенцию между тремя языками.¹⁷⁰

260. Супракорреляционал. Эта система охватывает отношения согласных территориально близких славянских языков, но не относящихся к интеркорреляционалу. В данном случае это с.-х.-б., с одной стороны, и болгарский, македонский и словенский – с другой.

261. К общим чертам южнославянских языков относятся следующие: 1. отсутствие перехода *t^e*, *n^e* > *te*, *ne*, т. е. праславянские палатализованные согласные не перешли в палатальные (за небольшим исключением некоторых болгарских говоров), 2. изменение вследствие второй и третьей палатализации согласного *x* (*ch*) в *s*, а не в *š* (*š*): ст.-сл. *musě*, *dusi*, *vъsъ*, 3. изменение праславянских сочетаний *kvě*, *gvě* в *cvě*, *dzvě* (> *zvě*): с.-х. *cvět* ‘цвет’, *zvězda* ‘звезда’, 4. упрощение праславянских сочетаний *tl*, *dl* в *l* (за небольшим исключением северных словенских говоров, в которых иногда встречается *tl*, *dl*): с.-х. *rǎlo*, *plèli*, 5. наличие l’-эпентетикума в суффиксальных слогах (за небольшим исключением в болгарском языке): с.-х. *zěmlja* ‘земля’, *zǎbavljati* ‘развлекать’ (Bošković 1984: 35).

262. Болгарский язык имеет 39 согласных, тем самым значительно превосходя по этому показателю с.-х.-б.¹⁷¹ В болгарском соглас-

распространения нашего языка, а имеют несколько вариантов; по акустическому впечатлению опрошенных мною людей можно выделить три группы случаев. Одна часть носителей артикулирует оба звука совершенно ‘твёрдо’ (с более низким тоном) [...] Вторая часть [...] произносит *č* и *dž* несколько выше, а третья – еще выше» (Miletić 1933: 97).

¹⁷⁰ Иво Шкарич (2001: 13) выступал за еще одно изменение графической системы: единообразное написание сочетания фонем *je* и краткого ятя (*cvjet*, *ljep*).

¹⁷¹ Bălg. GAN 1982/I: 105, Radeva 2003: 11, Pašov 1999: 20, Uvod u južnoslav. jezici 1986: 365, Enc. bulg. jezik 2000: 494. В некоторых источниках приводится другое число, например, 38 (Dimitrova 1997: 57).

ные могут произноситься как палатально (что выражается знаком средне-небной артикуляции – ’), так и непалатально (Bulgarisch-www).¹⁷²

Способ артикуляции			Место артикуляции					
			Губные		Передняя-звучные		Пост-альвеолярные	Велярные
			губно-губные	губно-зубные	альвеодентальные	альвеолярные		
Смычные	Непалатализованные	зв.	b		d			g
		гл.	p		t			k
	Палатализованные	зв.	b’		d’			g’
		гл.	p’		t’			k’
Фрикативные	Непалатализованные	зв.		v	z		ʒ	
		гл.		f	s		ʃ	x
	Палатализованные	зв.		v’	z’			
		гл.		f’	s’			x’
Аф-	Непа-	зв.			ɖ		ʒ̥	

¹⁷² «Другой важной особенностью болгарской системы согласных является различие между палатализованными и непалатализованными согласными [...], которые также называются твёрдыми и мягкими. В артикуляционном отношении палатализованность связана с положением органов артикуляции, напоминающим положение для произнесения /i/, т. е. при произнесении этих согласных язык больше приближается к твёрдому нёбу, чем при артикуляции соответствующих непалатализованных звуков. На это следует обращать внимание, чтобы избежать частой ошибки, состоящей в том, что вместо палатализованного согласного произносят соответствующий ему непалатальный звук + /j/, напр., [bjaʔ] вместо [b’aʔ] (б’ял)» (Walter/Karvansabieva 1987: 16).

фрика- ты	латали- зован- ные	гл.			ts		ʃ	
	Палата- льные	зв.			ɬ'			
		гл.			ts'			
Дро- жащие	Непалатали- зованные					r		
	Палатали- зованные					r'		
Боко- вые	Непалата- лизированные				l			
	Палатализо- ванные				l'			
Носо- вые	Непалатали- зованные	m				n		
	Палатализо- ванные	m'				n'		
Глайд						j		

зв. = звонкий, гл. = глухой¹⁷³

Табл. 120. Согласные болгарского языка (Radeva 2003: 11)¹⁷⁴

Все согласные фонемы за исключением **ʃ**, **ʒ**, **ʃ** и **ʒ**¹⁷⁵ вступают в корреляцию мягкости – твердости (Hill 1986: 21. Почти все твердые согласные имеют палатальные соответствия: **p – p'**, **b – b'**, **m – m'**, **v – v'**, **t – t'**, **d – d'**, **n – n'**, **k – k'**, **g – g'**, **h – h'**, **l – l'**, **r – r'**, **s – s'**, **z – z'**, **ts – ts'**. Мягкость выражается с помощью трех букв: 1) **я** перед гласными **а** и **ѣ**: *вѣра* 'вера', *гѣрмѣ* 'греметь', 2) **ю** перед **и**: *бюро* 'бюро', 3) **ь** перед **о**: *актьор* 'актер' (Pašov/Pärvev/Radeva 1986: 44–45).

¹⁷³ В оригинале **ʃ** классифицировался как звонкий, а **ʒ** – как глухой; в приводимой выше таблице эта ошибка исправлена.

¹⁷⁴ В оригинале использованы следующие знаки: **ɟ** на месте **ɬ**, **ɟ'** на месте **ɬ'**, **ɟ** на месте **ts**, **ɟ'** на месте **ts'**, **ʒ** на месте **ʒ**, **ʒ** на месте **ʒ**, **ʒ** на месте **ʒ**.

¹⁷⁵ В отличие от с.-х.-б., эти четыре фонемы всегда слегка палатализованы.

Палатальные (мягкие) согласные (кроме **k'**, **g'**, **x'**) встречаются только перед гласными среднего и заднего ряда **а**, **ъ**, **о** и **и**: *спáла* – *пýла* ‘спала – пела’,¹⁷⁶ *бáл* – *бýл* ‘бал – белый’, *мáрка* – *мýрка* ‘марка – мерка’, *тáм* – *тýм* ‘там – им’, *дáл* – *дýл* ‘дал – часть’, *клóньт* – *кóньт* /*кóн'ът*/ ‘ветвь – конь’, *стрíно* – *кóньо* ‘тетка (зват. пад) – конь (зват. пад.)’, *кóраб* – *кьóрав* ‘корабль – слепой’, *губя* – *гюлов* ‘я теряю – розовый, из роз’, *хýсар* – *Хюсéйн* ‘гусар – Хуссейн (имя собственное)’, *цар* – *цýр* ‘царь – лекарство’ (Maslov 1981: 41).¹⁷⁷ Болгарские **з** и **џ** воспринимаются русскими как мягкие, а **џ** и **з** как твердые, хотя болгарские лингвисты трактуют одинаково все четыре фонемы как твердые, что подкрепляется болгарской орфографией, абсолютно запрещающей писать буквы **ъ**, **я**, **ю** после **ж**, **ч**, **ш** (Котова 1977: 221). Перед гласными переднего ряда все согласные произносятся твердо или с небольшим смягчением (Hill 1986: 21). Палатализация согласных не перед гласными в конце слова и внутри слова была утрачена: *ден* [den] ‘день’, *пет* [pet] ‘пять’, *кон* [kon] ‘конь’, *борба* [borba] ‘борьба’ (Bulgarisch-www3).

¹⁷⁶ Ударения, приводимые Ю. С. МАСЛОВЫМ, здесь сохраняются.

¹⁷⁷ «Палатализованные согласные (в транслитерации обозначаемые знаком [']) отличаются от соответствующих непалатализованных согласных тем, что при их произнесении спинка языка обязательно должна быть поднята к твердому небу, что сопряжено с увеличением мускульного напряжения. Эти согласные звучат более „мягко“, отчего носители немецкого языка иногда допускают ошибку, вместо сочетания палатализованного согласного с гласным заднего ряда произнося сочетание „непалатализованный согласный + [j] + гласный“, напр., *ключ* ‘ключ’ – [ključ] вместо [kl'uč] [...] Палатализованность имеет фонологическую функцию только перед гласными заднего ряда, т. е. палатальные согласные не встречаются перед другими согласными и в конце слова. Артикуляция этих звуков характеризуется только подъёмом спинки языка и более высокой степенью мускульного напряжения, чем при произнесении непалатализованных согласных» (Radeva 2003: 10–11).

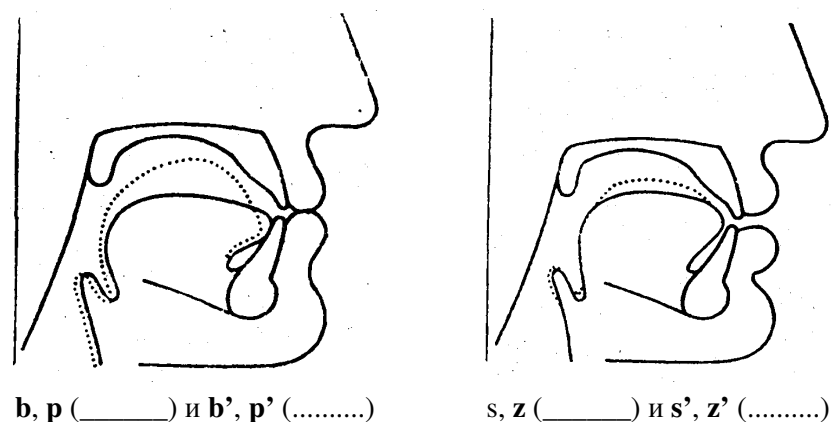

Рис. 51. Артикуляционные профили твердых и мягких согласных болгарского языка (Bojadžiev/Tilkov 1999: 105, 121)

Только у некоторых согласных отчетливо слышно сильное различие между палатализованным и непалатализованным произношением, напр., у **n** и **l**: *син* 'сын' ↔ *сѝньо* ('сын, зват. ед.') – *Bulgarisch-www2*.

В сравнении с с.-х.-б. болгарский имеет намного больше особых палатальных фонем (15): **b', p', d', t', g', k', v', f', z', s', x', ʃ', c', r'** и **m'**. С.-х.-б. и болгарский имеют общие палатальные **l̥** и **l̥'** (**n'** и **l'**), с тем что в с.-х.-б. при этом они – позиционно не обусловленные, а в болгарском – позиционно обусловленные. Общим также является палатальный **j̥**. В с.-х.-б. есть твердое **ʃ** и мягкое **ʃ̥**, а в болгарский – только мягкое **ʃ'**. Болгарское **ʃ'** – это звук, средний между с.-х.-б. **ʃ** и **ʃ̥**. При его произнесении передняя часть языка образует преграду, которая компактно распространяется до верхней кромки альвеол.¹⁷⁸ Пик интенсивности взрыва лежит в районе между 300 и 4 000 Гц, а фрикация – между 3 000 и 6 000 Гц (Bälg. GAN 1982/I: 92).

¹⁷⁸ «При образовании **ч** и **дж** язык продвигается вперед и вверх и касается своим кончиком нёба. Спинка языка касается альвеол и закрывает проход потоку воздуха. После того как преграда преодолевается, воздушный поток проходит через широкую щель» (Pašov/Pärvev/Radeva 1986: 40).

руется последующему согласному, и в этом контексте [ɣ] может выступать как позиционный вариант /x/ (*všivam* [fšivam] ‘вшивать’, *izčákam* [isčakam] ‘выжидать’, *sbor* [zbor] ‘сбор’). Эта ассимиляция происходит также на границах слов (*bez parí* [bespari] ‘без денег’)» – Hill 1986: 21.

263. В македонском языке есть 26 согласных фонем.

Место артикуляции Способ артикуляции	Губные		Зубные	Альвеолярные	Передне-небные (палатальные)		Задне-небные (велярные)
	Губно-губные	Губно-зубные			твердые	мягкие	
Взрывные	зв.	b		d			g
	гл.	p		t			k
Аффрикаты	зв.		ɖ		ʒ	ʝ	
	гл.		ts		tʃ	k	
Фрикативные	зв.		z		ʒ		
	гл.	f	s		ʃ		x
Носовые	зв.	m		n		nʹ	
	гл.						
Боковые	зв.			l		lʹ	
	гл.						
Дрожащие	зв.			r			
	гл.						
Полугласные	зв.	v				i	
	гл.						

Табл. 121. Согласные македонского языка

В целом его фонологическая система характеризуется ограниченным числом позиционно обусловленных аллофонов, отсутствием палатализации согласных перед передними гласными, отсутствием корреляции палатализации у согласных, малым числом палатальных согласных и отсутствием сколько-нибудь заметной аллофонии гласных в зависимости от окружающих согласных (Savicka/Spasov 1991, Karanfilovski 1999: 343).

В этом языке почти во всех случаях существует корреляция между глухими и звонкими согласными: **p : b, f : v, t : d, k : g, s : z, c : ɖ, s : z, tʃ : ʒ** и **k : g**. Как и в с.-х.-б., сонанты **x, i, l, í, m, n, ú** и **r** не имеют пар. В корреляцию палатализации вступают лишь **n** и **ú, l** и **í, k** и **Ķ, g** и **ǵ** (Karanfilovski 1999: 242). «В отличие от многих славянских языков, в том числе и от русского, в современном македонском языке твердые согласные (кроме **к, г, х** перед **е, и**) не только перед **е, и**, но даже и перед **j** почти не смяг-

чаются, причем **j** сохраняет собственную артикуляцию, напр.: *габје*, *класје*, *ѡаѡје* (*ѡаке*), *ливађе* (*ливаге*) и т. д. Сравнение со старославянским и современным русским языком показывает, что в македонских говорах интенсивно шел процесс отвердения согласных на конце слова, на стыке и внутри морфем, ср., напр.: *цар* ‘царь’, *учиѡел* ‘учитель’, *ген* ‘день’, *радосѡ* ‘радость’, *виѡна* ‘вишня’, *бура* ‘буря’, *ѡусѡина* ‘пустыня’, *возаѡ* ‘возят’, *носаѡ* ‘носят’, *молаѡ* ‘молят’, *молба* ‘мольба’, ‘прошение’, *клуч* ‘ключ’, и т. д.» (Usikova 2003: 40).

Особенностью македонского языка являются фонемы **ќ** (на письме – **ќ**) и **ѓ** (**ѓ**). Это исконно славянские звуки, хотя есть много примеров, когда они встречаются в заимствованиях, прежде всего в турецких (восточных) и в греческих: *сѡанаќ* ‘шпинат’, *мусѡаќ* ‘ус’, *ѡон* ‘подошва ботинка’, *ѡавол* ‘дьявол’ (Koneski 1981: 107). Существуют различные мнения об их артикуляции. Одни считают, что они только незначительно отличаются от звуков с.-х.-б. **tc** и **ž** (Poposka-www, Mazedonisch-www), тогда как другие (напр., Бл. КОРУБИН) придерживаются мнения, что их артикуляция является промежуточной между артикуляцией смягченных **k** и **g** (перед **e** и **i**) и сербскохорватских **tc** и **ž** (Minova-Gurkova 1998: 99). Македонское **ќ** похоже на **tc** в с.-х.-б. (*среќа* – *sreća* ‘удача’), но фрикация в македонском слабее; **ќ** – это очень мягкая средненебная аффриката: *куќа* ‘дом’ (Usikova 2003: 35).¹⁷⁹ Однако другие лингвисты считают, что фонемы **ѓ** и **ќ** – это особенность македонского языка, отсутствующая в других славянских языках (Mazedonisch-www). В македонских диалектах **k** произносится по-разному: **k**, **ќ**, **tc** и даже **tf** (Koneski 1981: 106–107, Usikova 2003: 35); произношение **ќ** и **ѓ** варьируется от мягких **k** и **g** до **tf** и **ž** (Karanfilovski 1999: 243). «Они встречаются в большом количестве слов (*Божиќ*, *вреќа*, *куќа*, *леќа*, *ноќ*, *свеќа*, *сваќа*, *синоќа*), в формах множественного числа (*бруќе*, *враќе*, *ѡраќе*, *рабоќе*), в названиях жителей (*ѡироќанец*, *Еѓѡѡќанец*, *Тибеќанец*, *сѡлиќанец*) и в словах *ѡлаќа*, *ѡраќа*, *исѡраќа*; *веѓа*, *лаѓа*, *ѡреѓеска*, *рѓа*, *ѡуѓ*, *ѡуѓина*, *луѓе*, *ливаѓе*, *оѓраѓе*, *охриѓанец*, *Швеѡанец*. Эти фонемы очень часто выступают в словах турецкого и греческого проис-

¹⁷⁹ «Средненебные согласные **ќ**, **ѓ** в литературном македонском языке произносятся как аффрикаты: спинка языка в средней части касается альвеол. Первый компонент этой аффрикаты – звук, более мягкий, чем [т'] и [к'], [д'] и [г'], второй компонент – [j]. Согласные **ќ**, **ѓ** возможны в позициях перед всеми гласными, на конце слова и перед согласными, но **ѓ** перед глухими согласными и в исходе слова оглушается в [ќ], напр.: *куќа* (*куќи*) ‘дом’, *куќна* ‘домашняя’, *ноќ* ‘ночь’, *ноќви* ‘квашня’, *лаѓа* (*лаѓи*) ‘ладья’, *ѡуѓ* [туќ] ‘чужой’, *меѓник* ‘межевой камень’. Список морфем с **ќ**, **ѓ** невелик, хотя некоторые из них и употребительны» (Usikova 2003: 35).

хождения (*каја, кар, кошек, кофие, кумур, сјанаќ, ѓавол, ѓон, ѓубре* и т. д.). В соответствии с правилами орфографии перед *е* пишется *ќ* или *ѓ* (*кебај, кебе, ѓерган*), а перед *и* – *к* (*кибрић, килим, кирија, Кирил, Зекир, Шакир* и т. д.)» – Karanfilovski 1999: 243.

Как и в с.-х.-б., в македонском есть звонкое *џ*, которое также обозначается графемой *џ*: *џава* ‘жевать’, *џбара* ‘касаться’, *џврка* ‘выплевывать’. Эта фонема часто появляется в словах с суффиксом *-џиј-а*: *џуџунџија* ‘крестьянин, выращивающий табак; торговец табаком’, *калаџија* ‘оловянщик’, *џамџија* ‘стекольщик’.

Мягкие согласные *Ѓ* и *Ѕ* (на письме – *љ* и *њ*) совпадают с соответствующими согласными с.-х.-б.: *учиџель* ‘учитель’, *џријаџель* ‘приятель’, *свиња* ‘свинья’, *коњ* ‘конь’, *сињ* ‘синий’. Есть и еще одна разновидность этих звуков – полумягкая: «Полумягкое *Ѓ* [ɲ] произносится перед *е, и* и *ј* (*леб, леџо, ливада, лице, зелје, Билјана*). В остальных позициях слышится *Ѓ* [ɲ], но в некоторых диалектах распространено более мягкое произношение – [ɲʲ]» – Karanfilovski 1999: 243.

В македонском языке есть звук *џ* (на письме – *s*), которой представляет собой звонкое соответствие *ts*. В литературном языке *џ* произносится также как *z*: *земја* ‘земля’, *езеро* ‘озеро’, *солза* ‘слеза’, *бронза* ‘бронза’ (Koneski 1981: 111). Этот звук имеет очень невысокую частотность в литературном языке. Он встречается в словах типа *суг* ‘стена’, *џросира* ‘глядеть’, *сенса* ‘качать’, *сумба* ‘музыка’, *свезда* ‘звезда’, *свер* ‘зверь’, *свои* ‘звонить’, *јанса* ‘страх’. Согласный *џ* никогда не употребляется в конце слова (Koneski 1981: 111). Чаще он выступает в говорах (особенно в районе Охрида), так что в данном случае мы имеем явление, параллельное тому, которое наблюдается в некоторых штокавских говорах.

Звук *г*, как и в с.-х.-б., в отдельных случаях может выполнять функции гласного (напр., в начале слова). Только в редких случаях так ведут себя *Ѓ* и *Ѕ* (Koneski 1981: 101). Согласная фонема *г* представлена двумя позиционно обусловленными аллофонами – согласным *г* и слоговым *г̣* (Karanfilovski 1999: 241). Звук *г* всегда является непалатализованным, напр., *море* ‘море’ (Rehder 1986: 35). «Слоговое [г̣] выступает как слононоситель и поэтому называется также гласным *г*. Слоговое [г̣] в македонском языке встречается в середине слова между двумя согласными (*дрво, крв, џрсџ, срџе, срџ, џрква* и т. д.) и в начале слова, когда за ним следует согласный. В последнем случае перед слоговым [г̣] ставится апостроф (*р̣беџ, р̣ја, р̣ж, р̣скавица, р̣џ* и т. д.), причем даже в том случае, если ему предшествует префикс, заканчивающийся гласным (*за̣р̣џа, за̣р̣жи* и т. д.). Если префикс оканчивается согласным, то образования со слоговым [г̣] пишутся без апострофа (*ср̣жи, ср̣ска, ср̣џи* и т. д.). При произнесении консонантного и вокалического [г̣] не возникает различий по долготе и интонации; кроме этого, не происходит редукции безударных гласных (за ис-

ключением небольшой части македонских диалектов)» – Karanfilovski 1999: 241.

Фонема **x** неизвестна многим македонским диалектам (Koneski 1981: 118), равно как и значительной части штокавских диалектов с.-х.-б. Старое славянское **x** либо исчезло, либо заменилось на **v**, **f** и **j**.¹⁸⁰ Македонское **x** произносится менее интенсивно, чем русское (Usikova 2003: 36).

В македонском языке является нормой то, что в с.-х.-б. считается диалектным – произношение **f** в словах типа *фали* ‘отсутствовать, недоставать’, *фака* ‘хватать’, *зафати* ‘захватить’. Слово *kafalkava* и русское *кофе* по-македонски звучит как *кафе*.

Для македонского языка характерна утрата **x** (*леб* ‘хлеб’), который часто заменяется на **v** (*ухо* > *уво* ‘ухо’, *виках* > *викав* ‘я крикнул’) – Karanfilovski 1999: 244.

Согласный **l** артикуляционно близок к средневропейскому **l**, но перед **a**, **o** и **u** произносится как твердое **l** (Rehder 1986: 35).

Македонский язык отличается от с.-х.-б. оглушением согласных: звонкие согласные в конце слова произносятся без участия голоса, ср. *град* [grat] ‘город’, *мраз* [mras] ‘мороз’, *брег* [brek] ‘берег’, *нож* [noʃ] ‘нож’, *дожд* [doʃt] ‘дождь’.

264. В словенском языке меньше согласных, чем в с.-х.-б. –21 (отсутствуют **ʈ**, **ʒ**, **ɲ** и **ʎ**). В нем не различаются **ʃ** и **ʈ** (есть только первый из них). «Вместо **č** и **đ** в соответствующих словах употребляются **č** и **j** как в случае, когда речь идет о еще праславянском изменении звуков, так и в случае сочетаний **tj** и **dj** более позднего происхождения» (Jugančič 1971: 16). Ср. *rođen* – *rojen* ‘рожден’, *sv(ij)etla* – *sveča* ‘свеча’, *međa* – *meja* ‘межа, граница’. Согласный **l** соответствует средневропейскому **l** (*luk* ‘лук’).

¹⁸⁰ Этот согласный встречается в славянских языках в словах типа *храбросѣ* ‘храбрость’, *поход* ‘поход’, *доход* ‘доход’, *успѣх* ‘успех’, *слух* ‘слух’, *дух* ‘дух’, *ваздух* ‘воздух’, а также в иноязычных словах и заимствованиях, напр., *херој* ‘герой’, *хиѣна* ‘гигиена’, *хемија* ‘химия’ и *хормони* ‘гормоны’ (Koneski 1981: 118–119).

		Губ- но- губ- ные	Губ- но- зуб- ные	Перед- неязыч- ные ¹⁸¹	Пост- альвео- ляр- ные ¹⁸²	Пала- таль- ные ¹⁸³	Веляр- ные
Носо- вые		m		n			
	зв.			l			дли- тель- ные
				r		i	
			v	z	ʒ		
		b		d	ʒ		
Рото- вые	гл.	p		t, ts	tʃ		g не- дли- тель- ные
			f	s	ʃ		x дли- тель- ные

зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 122: Согласные словенского языка (Toporišič 1984: 83)¹⁸⁴

В отличие от с.-х.-б., в словенском **v** перед согласными и между гласным и согласным, а также в конце слова произносится **ʋ** (в начале слова и слога этот звук близок звуку **u**): *ovca* [oʋca] ‘овца’, *nov* [nòʋ] ‘новый’ (Jenko 2000: 13). Согласный **ʋ** является позиционным вариантом сонорных **v** и **l** в конце слова или перед согласным: *cév* [céʋ], *cévka* [céʋka], *bél* [béʋ], *bélkast* [béʋkast] (Đukanović/Marković 2001: 13). Согласный **l** переходит в **ʋ**, когда он стоит в конце слова или в конце слога перед согласным: *délal* [délaʋ] ‘делал’, *tópel* [tòpeʋ] ‘теплый’ (Jenko 2000: 13). Звук **ʋ** встречается в тех же позициях, где в штокавском возникло **o** из **l** в конце слова или слога (Jurančič 1971: 17). Позиционные варианты имеют также фонемы **ts** и **tʃ**: находясь перед фонологически звонкими звуками, они заменяются на

¹⁸¹ Словен. *zobno-jezični* ‘зубно-язычные’.

¹⁸² Словен. *zadlesničnojezični* ‘альвеолярно-язычные’.

¹⁸³ Словен. *nebnno-jezični* ‘нёбно-язычные’.

¹⁸⁴ Здесь использована транскрипция, принятая в данной работе. В оригинале употребляются символы **c, ž, š, dž, č, š, j**.

џ (*Kóčbek* [kočbek]) и **ž** (*učbenik* [učbenik] ‘учебник’; но *učnina* [učnina] ‘плата за обучение’) – Rehder 1986: 64.¹⁸⁵

В словенском различие между твердыми и мягкими согласными как рудимент есть только у **l** и **n** (Slowenisch-www),¹⁸⁶ т. е. существуют только два согласных, вступающих в противопоставления по твердости-мягкости: «Корреляцию палатализации образуют только /n/ – /n’/, /l/ – /l’/, но /n’/, /l’/ (на письме – **nj**, **lj**) уже испытывают позиционную депалатализацию, напр., *mànj* [man] ‘меньше’, *dàlj* [dal] ‘дальше’, или разложение на [n + j] и [l + j], напр., *želja* [žê:lja] ‘желание’, так что их можно считать позиционными вариантами» (Rehder 1986: 64).¹⁸⁷ Это означает, что с.-х.-б. фонема **l** не идентична словенскому **l**: в словенском речь идет о соединении **l** и **j**, а в с.-х.-б. – об едином звуке. «Диграфы **lj** и **nj** перед гласными произносятся как сочетания согласных **l + j** и **n + j** (*Ljubljána* ‘Любляна’, *dovoljênje* ‘разрешение’, *blížnji* ‘ближний’, *njén* ‘ее’), а перед согласными или в конце слова – как простые либо мягкие **l** и **n** (*prijáteljski* ‘приятельский, дружеский’, *pisátelj* ‘писатель’, *kránjski* ‘из Краня’, *Kránj* ‘город в Словении’)» – Jug-Kranjec 1999: 9. Различие между словенским и хорватским состоит в том, что 1) в словенском отсутствуют сонорные **l** и **n**, существующие в хорватском, а им соответствуют две словенские фонемы **l + i** (*polje* ‘поле’) или **n + i** (*konja* ‘конь (род. ед.)’), 2) словенский имеет более богатую систему сонорных, чем хорватский (например, у звук **v** четыре

¹⁸⁵ «Есть также позиционный вариант фрикативного **ɣ** перед звонкими согласными: *Kóčbek* [Kóčbek], *stríc gré* [stríc gré; ‘дядя идет’]» (Đukanović/Marković 2001: 13).

¹⁸⁶ «Почти все согласные – твердые и не вступают в корреляции по твердости и мягкости. Пары по мягкости и твердости образуют только фонемы [l] : [l’], [n] : [n’] – *pol’*, *pol’*, *pisan* : *pisañ*. Однако на большей территории распространения словенского языка наблюдается тенденция к утрате палатального характера **l’**, **n’**, что в известной мере отражено и в литературном языке: в позиции перед гласным отмечается произношение сочетаний **lj**, **nj**: *žel-ja*, *kon-ja*, перед паузой и перед согласным наблюдается лишь незначительное смягчение этих согласных: [pol’ski], [kon’ski]» (Plotnikova 1977: 297).

¹⁸⁷ Это происходит в случае, если **l’** и **n’** стоят перед согласным или в конце слова, напр., *póljski* ‘польский’, *bòlj* ‘больше’, *kónjski* ‘конский’, *mànj* ‘меньше’ (Jug-Kranjec 1999: 8). Словенское **l’** в конце слова или перед согласным (на письме – **lj**) рассматривается некоторыми исследователями как звук, находящийся в свободном варьировании с плавным **l** (Đukanović/Marković 2001: 13). Это касается также и **n’**. ВЕСНА ПОЖГАЙ ХАДЖИ использует для **ɥ** термин «аллофон», а ЙОЖЕ ТОПОРИШИЧ говорит о дифтонгах с **w** или о полугласном (Požgaj Hadži 2002: 48).

аллофона) и 3) все словенские сонорные являются звонкими, а в хорватском это только **h**, **l** и **l̥** (Požgaj Hadži 2002: 48, 49).

Между хорватским и словенским есть артикуляционные различия в произнесении фонем **tʃ** и **ʒ**: в первом кончик языка приподнят и касается альвеол, а во втором он отодвинут назад; в хорватском губы при произнесении этих звуков округлены, а в словенском выдвинуты вперед (Požgaj Hadži 2002: 59). При произнесении **ʃ** кончик языка поднят к альвеолам, а в словенском язык касается альвеол своим краем (Požgaj Hadži 2002: 59).¹⁸⁸

Согласные **z** и **ʃ** являются более мягкими, чем соответствующие русские, ср. *živ* – жив, *šum* – шум.

Как и в с.-х.-б., согласный **g** может быть носителем слога: *prt* ‘скатерть’.

Словенский язык отличается от с.-х.-б. тем, что звонкие несонорные согласные в конце слова произносятся глухо (оглушаются): *drág* [drák]; ‘дорогой, любимый’, *París* [parís]; ‘Париж’ (Jenko 2000: 14).

265. Исследования показывают, что в с.-х.-б. больше согласных фонем, чем в словенском (25 : 21), но меньше, чем в македонском (25 : 26) и в болгарском (25 : 39). С количественной точки зрения наименьшее расстояние наблюдается между с.-х.-б. и македонским (-1), далее следует словенский (-4), и только затем – болгарский (-13). Что касается качества согласных, в с.-х.-б., македонском и болгарском есть мягкое **l** и мягкое **n**, которые в с.-х.-б. и в македонском позиционно независимы, а в болгарском встречаются только перед гласными заднего ряда **a**, **ъ**, **o** и **u**.

Согласные южного супракорреляционала				
№	С.-х.-б.	Болг.	Мак.	Словен.
1	b	b	b	b
2		b'		
3	ts	ts	ts	ts
4		ts'		
5	tʃ	tʃ	tʃ	tʃ
6	tɕ			
7			k̠	

¹⁸⁸ О фонетических различиях между сербскохорватским и словенским см. Dular 1987, Jurančič 1971 и Kalenić 1976.

8	d	d	d	d
9		d'		
10		ɖ	ɖ	
11		ɖ'		
12	ʒ			
13			ɡ	
14	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ
15	f	f	f	f
16		f'		
17	g	g	g	g
18		g'		
19	x	x	x	x
20		x'		
21	i	i	i	i
22	k	k	k	k
23		k'		
24	l	l	l	l
25	ɭ		ɭ	
26		l'		
27	m	m	m	m
28		m'		
29	n	n	n	n
30	ɳ		ɳ	
31		n'		
32	p	p	p	p
33		p'		
34	r	r	r	r
35		r'		
36	s	s	s	s
37		s'		
38	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
39	t	t	t	t
40		t'		
41	v	v	v	v
42		v'		

43	z	z	z	z
44		z'		
45	3	3	3	3
	25	39	26	21

Примечание: Согласные, мягкость которых позиционно обусловлена, обозначаются апострофом (').

Табл. 123. Согласные южного супракорреляционала

Фонемы **b, ts, ʈ, f, g, d, ž, x, ĭ, k, l, m, n, p, r, s, ʃ, t, v, z** и **3** могут быть охарактеризованы как общие южнославянские фонемы. На фоне с.-х.-б. необходимо отметить а) 16 болгарских позиционно мягких согласных, б) македонские **К** и **ġ** и в) болгарское и македонское **џ**.

Специфические согласные южного супракорреляционала				
	С.-х.-б.	Болг.	Мак.	Словен.
1	ʈɕ			
2			ǰ	
3	ž			
4			ġ	
5	ǰ		ǰ	
6	ń		ń	
7		џ	џ	
8		b'		
9		ts'		
10		d'		
11		џ'		
12		f'		
13		g'		
14		x'		
15		k'		
16		l'		
17		m'		
18		n'		
19		p'		

20		r'		
21		s'		
22		t'		
23		v'		
24		z'		

Табл. 124. Специфические согласные южного супракорреляционала

266. Восточнославянский суперкорреляционал сербского, хорватского и бошняцкого языков. Эта система охватывает консонантные отношения в языках различных славянских ареалов. В данном случае речь пойдет о корреляциях между с.-х.-б. и восточнославянскими языками: русским, украинским и белорусским.

267. Исключительно восточнославянским чертами является специфическое развитие праславянских сочетаний **tj, dj**, которые во всех восточнославянских языках перешли в **ѣ (ч)** и **ж**: рус. *свеча, межа* (Bošković 1984: 33). Общими восточнославянскими и южнославянскими чертами является: 1. изменение праславянских сочетаний **kvě, gvě** в **cvě, dzvě** (> **zvě**): рус. *цвет, звезда*, 2. упрощение праславянских сочетаний **tl, dl** в **l**: рус. *горло, плела*, 3. наличие так называемого l'-эпентетикума в суффиксальных слогах: рус. *земля, люблю* (Bošković 1984: 33).

268. Р у с к и й я з ы к имеет больше согласных, чем с.-х.-б. — соотношение 37 : 25. Система русских согласных состоит из 37 согласных: 21 твердого и 16 мягких.

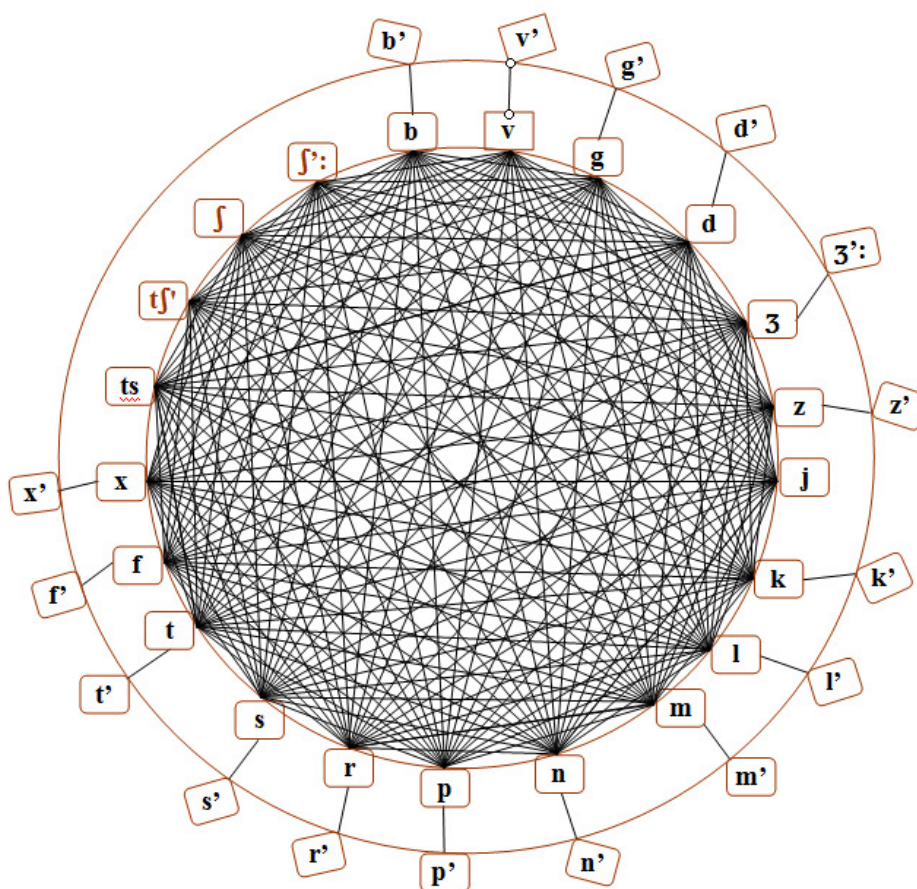

Рис. 53. Корреляционное кольцо русских согласных

269. Особенность русской фонологической системы состоит в наличии парных твердых и мягких согласных (15 пар) – **п : п', б : б', в : в', ф : ф', т : т', д : д', м : м', н : н', л : л', р : р', с : с', з : з', к : к', г : г'** и **х : х'**. Ср.: *пил – пыл, бить – быть, мило – мыло*. С другой стороны, с.-х.-б. имеют только пять мягких согласных: **й, й'** (графема **lj/ль**), **н'** (графема **nj/нь**), **з'** (графема **d/h**), **тс** (графема **č/h**).¹⁸⁹ Остальные гласные являются твердыми,

¹⁸⁹ На это указывают и другие авторы, ср.: – 1. «У сербскохорватских согласных не развита мягкость. Мягких только пять: [j], [љ], [њ], [ђ], [ћ]. Бывшие когда-то мягкими [ж], [ч], [ш], [џ], [џ], [р] отвердели [...] При произношении мягких согласных [j], [љ], [њ], [ђ], [ћ] кончик языка опускается на нижние зубы. Вследствие различия в артикуляции звуки [љ] и [њ] воспринимаются как более мягкие, чем русские [л'] и [н']: *љиљан* 'лилия', *љубав* 'любовь', *к њему* 'к нему', *њуџ*

несмотря на то, какую позицию в слове занимают. В русском языке только твердыми являются **тс**, **з**, **ж**, а только мягкими **і**, **ѣ**, **з’**, **ј**: (мягкие **з’** и **ј** редко встречаются, напр., *дрѣзжи* [dróž’i], *жузжѣть* [zuž’át’], *ѣзжу* [jéž’u], *пѣзже* [póž’ъ]). За исключением **і** и **ѣ**, на мягкость указывают буквы **я**, **ю**, **е**, **ѣ**, **ь** и **и**, т. е. перед этим графемами согласные произносятся мягко, а перед **о**, **а**, **у**, **ы**, **э** и **ѣ** – твердо, ср.: *мясо* – *мама*, *сюда* – *суд*, *серый* – *сэр*, *тѣтя* – *том*, *отъезд* – *течь*, *бить* – *быть*. При произнесении мягких согласных артикуляция отодвигается вперед, так как передняя и средняя части языка поднимаются к твердому небу. В с.-х.-б. твердые согласные не смягчаются перед гласными переднего ряда (ср. *bīti* ‘быть, бить’).

Мягкие согласные **і**, **ѣ**, **тс**, **з** произносятся в с.-х.-б. так, что кончик языка упирается в нижние зубы. «Вся масса языка сконцентрирована в передней части ротовой полости, площадь соприкосновения языка с твердым небом больше, чем при произнесении русских мягких согласных [л’], [н’], [т’], [д’]. Поэтому сербохорватские согласные [љ], [њ], [ћ], [ђ] звучат мягче русских мягких [л’], [н’], [т’], [д’] [...] Глухой [ћ] состоит из элементов, напоминающих русские мягкие [т’] и [ш’], а звонкий парный [ђ] – мягкие [д’] и [ж’]: *ноћ*, *ноћии*, *моћ*, *моћии*,¹⁹⁰ *ћак* ‘ученик’, *лаћа*, *сваћа*, *мѣћа*» (Zenčuk i dr. 1988: 30). Эти согласные с.-х.-б. являются аффрикатами, а русские **д** и **т** взрывными согласными с очень слабыми переходными фрикативными звуками **з** и **с**.¹⁹¹

Артикуляция мягкого **г’** в русском языке отодвинута вперед, к отверстию полости рта. «Кончик языка вибрирует в направлении начала аль-

‘нюх’» (Leonova 1988: 15–16). – 2. «При образовании всех пяти мягких согласных [сербохорватского языка, БТ] кончик языка опущен за нижние зубы (ср. **ј** в русск. *я* или *ей*), т. е. серб.-хорв. **љ** и **њ** и русск. **л’** и **н’** не тождественны по артикуляции. Акустически серб.-хорв. **љ** и **њ** воспринимаются как более мягкие, чем русские **л’** и **н’** [...] Изменяется артикуляция **н** и **њ** в позиции перед **г** или **к**: активизируется задняя и средняя часть спинки языка (а не передняя) – *сѣнка* ‘тень’, *шѣнк* ‘танк’, *анѣина* (ср. качество **н** в русск. *деньги*)» (Gudkov 1977: 266–264).

¹⁹⁰ Корректное ударение – *тодѣи*, т. е. без заударной долготы на **і**.

¹⁹¹ При артикуляции русских палатализованных согласных [д’], [т’], [л’], [н’] кончик языка находится за верхними зубами или прикасается к нижним зубам. Степень палатализованности этих согласных является неодинаковой. Больше всего палатализован носовой [н’], следуют [д’] и [т’], а меньше всего боковой [л’]. При артикуляции этого палатализованного согласного язык очень редко опускается к нижним зубам. Корректное произнесение палатализованного [л’] является у сербов и хорватов, пользующихся русским языком, признаком хорошего русского произношения» (Jazić 1966: 49).

веоль, в то время как у твердого [p] [...] он поднимается к началу твердого неба» (Jazić 1966: 49).

Разницу между произношением русских мягких и твердых согласных показывают следующие рисунки:

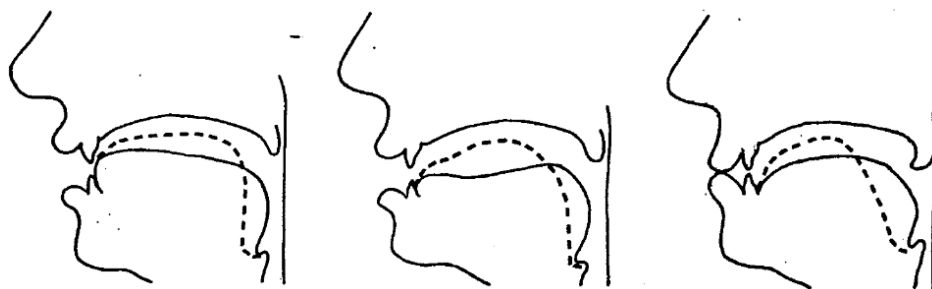

Рис. 54. *t, d* —, *t', d'* ---- Рис. 57. *s, z* —, *s', z'* ---- Рис. 55. *p, b* —, *p', b'* ----

В древнерусском было только пять пар, связанных по признаку твердости-мягкости: *s – s'*, *z – z'*, *r – r'*, *l – l'*, *n – n'*. «Остальные согласные были или непарными твердыми, или непарными мягкими. Таким образом, категория твердости-мягкости согласных в древнерусском языке находила свое выражение именно в указанных пяти парах фонем» (Ivanov 1983: 97). В. В. ИВАНОВ указывает на следующие особенности такой системы. Во-первых, внутри морфем твердые сонорные могли сочетаться с любой гласной фонемой, мягкие же – только с *u* (в рамках морфем твердые-мягкие сонорные противопоставлялись перед *u*). Во-вторых, на стыке морфем твердые сонорные могли сочетаться также с любой гласной фонемой; мягкие же сочетались с *u, a, i, e, ё, ь* и *ä* (твердые-мягкие сонорные противопоставлялись только перед перечисленными гласными). В-третьих, внутри морфем твердые свистящие сочетались с любой гласной фонемой, мягкие же – только с [e], поэтому твердые-мягкие свистящие противопоставлялись внутри морфем лишь перед [e]. В-четвертых, на стыке морфем твердые свистящие могли сочетаться также с любой гласной фонемой, а мягкие – с *u, a, i, e, ё* и *ь* (именно перед ними осуществлялось противопоставление твердых-мягких свистящих на стыке морфем). В. В. Иванов делает два вывода: 1) противопоставление парных твердых-мягких согласных по-разному осуществлялось внутри и на стыке морфем, 2) парные твердые-мягкие согласные не образовывали соотносительных рядов. «Это значит, что в древнерусском языке отсутствовали позиции нейтрализации твердых-мягких согласных, т. е. в этом языке не было позиций, в которых парный твердый изменял бы свое качество так, чтобы совпасть с мягким, или в которых парный мягкий изменял бы свое качество так, чтобы совпасть с твердым. Значит, твердость-мягкость согласного была его постоянным признаком» (Ivanov 1983: 97).

МАЛИК МУЛИЧ пишет, что в древнерусском языке твердые согласные, оказавшись перед гласными переднего ряда, становились полумягкими, а

заднеязычные подвергались палатализации, и поэтому только десять согласных фонем было связано в пары по признаку твердости-мягкости, в то время как у четырнадцати фонем отсутствовало соотношение по этой категории (Mulić 1988: 34). Автор приходит к выводу, что древнерусский язык был ближе не только к древнему языку, но и к современному сербскохорватскому по отношению к современному русскому языку. Эти сходства и различия основываются, по его мнению, на том, что фонологические системы данных языков образуют два основных типа, а именно – консонантный и вокалический. «В вокалическом типе большую роль играют гласные; в таких языках ослаблена корреляция твердых-мягких согласных фонем, гласные же фонемы могут различаться по длительности, характеризоваться по высоте тона. В консонантном типе основную роль играют согласные фонемы, что выражается в развитой корреляции твердых-мягких согласных фонем. Древнерусский язык периода X–XI вв. еще не утратил до конца различия долгих и кратких фонем, равно как и различные виды ударения, не имея при этом развитого соотношения согласных по признаку твердости-мягкости, он относился к вокалическому типу (подобно совр. сербскохорватскому, словенскому, чешскому и словацкому языкам). Современный же русский язык с польским принадлежат к консонантному типу» (Mulić 1988: 34).

Малик Мулич указывает и на то, что в результате утраты сверхкратких гласных новые согласные оказались в соседстве: «С падением редуцированных в древнерусском языке нередко оказывались рядом такие звуки, которые до падения никак не могли стоять в непосредственном соседстве. Благодаря этому столкнулись между собой старые закономерности с новым состоянием, что вызвало ряд фонетических изменений позиционного характера. Эти изменения сказались в первую очередь на системе гласных, но также охватили собой и систему согласных древнерусского языка.¹⁹²

¹⁹² В качестве примера приводится первая и третья палатализации заднеязычных согласных: «Когда такой [ѣ], оказавшись в слабой позиции, был утрачен, рядом могли оказаться исконно мягкий согласный с твердым, входящим в следующий слог. Могло быть и обратное положение, когда падал [ѣ], за которым следовал слог, начинавшийся с мягкого согласного. В таких случаях стал действовать процесс ассимиляции (уподобления) по признаку твердости-мягкости. Вот несколько примеров: *можно* > *можно*, *страшно* > *страшно* (после падения редуцированных исконно мягкие [ж] и [ш] в русском языке отвердели); *сът'ихати* > *стихати* [с'т'ихат'и], *красный* [крас'ьный] > *красный*, *т'ъм'ьныи* > *темный* [т'омный] [...]» – Mulić 1988: 54–55.

Этот автор находит в категории твердости-мягкости такое различие на межъязыковом уровне: «В сербскохорватском языке непозиционная мягкость ограничилась только теми случаями, в которых выступал исконно мягкий согласный. Кроме того, во всех южнославянских языках исконно мягкие [з'] и [с'] очень рано отвердели. Поэтому в схр. имеем: *жуљ*, но *бол*, *коњ*, но *гањ*, *сиљно*, *муљно*» (Mulić 1988: 54). Малик Мулич констатирует, что смягчение полумягких согласных расширило состав согласных фонем в русском языке: «[...] появились пары по твердости-мягкости почти для всех согласных: [б] – [б'], [п] – [п'], [в] – [в'], [м] – [м'], [т] – [т'], [д] – [д'], [с] – [с'], [з] – [з'], [л] – [л'], [н] – [н'], [р] – [р']. Таким образом, вместе с уже существовавшими (исконными парами [л] – [л'], [н] – [н'], [р] – [р'], [с] – [с'], [з] – [з']) в системе согласных появилось 11 пар, соотносящихся по твердости-мягкости. К ним немного позже примкнула вновь возникшая доморощенная русская фонема [ф] со своей парой [ф']» (Mulić 1988: 54–55). Мулич отмечает, что не все и не всегда возникшие мягкие согласные сохранили свою мягкость: «Когда после падения слабых ерей не стало гласной фонемы, отделявшей мягкие согласные от последующих твердых, встречавшихся в потоке речи, мягкие стали приспосабливаться, утрачивая свой дифференциальный признак» (Mulić 1988: 55–56). В течение истории некоторые мягкие согласные отвердели – в XIV в. *ѣ*, *ј*, а в XVI в. *ѣ*, в то время как шипящие *ѣ* и *ј* сохранили мягкость.

Т. П. ПОПОВА пишет о том, что большинство согласных сербскохорватского языка сохранило характер соответствующих звуков праславянского, однако некоторые из них существенно изменились в результате исторического развития, что также привело к возникновению новых звуков. Одним из таких явлений она считает отверждение согласных: «Одним из важнейших процессов в истории сербскохорватского консонантизма явилось отверждение согласных, которые перед гласными переднего ряда были полумягкими. В этом отношении сербскохорватский язык диаметрально противоположен русскому языку, где палатальный характер согласных в данной позиции усилился, что повлекло за собой значительную перестройку фонологической системы. Полное единообразие в реализации этого процесса, наблюдаемое в современных сербскохорватских диалектах, свидетельствует о его древности» (Ророва 1986; 37).

Наличие в сербохорватский язык только 25 согласных, т. е. гораздо меньше, чем в русском, П. А. ДМИТРИЕВ и Г. И. САФРОНОВ объясняют тем обстоятельством, что большинство русских согласных может быть мягкими и твердыми (палатализованными и непалатализованными), что для сербохорватского языка не характерно. «В сербохорватском языке только пять мягких согласных и все они имеют особое графическое обозначение: [j], [љ], [њ], [ћ], [ђ]. Бывшие когда-то мягкими согласными [ш], [ж], [ч], [џ], [џ], [р] в настоящее время также являются твердыми» (Dmitriev/Safropov 1975: 14). Авторы также констатируют, что твердые согласные звуки в положении перед гласными переднего ряда не смягчаются: «Так, на-

пример, согласные [т] и [д] перед гласными [е] и [и] произносятся чисто, не аффрицировано, т. е. без смягчений (*deđ* – [дэд], *šēška* – [тэтка]), ср. в русском языке (*тети* – [т^нот^ни], *день* – [дзень]) [...]» (Dmitriev/Safronov 1975: 15–16).

Л. В. ЛЕОНОВА указывает на общие правила произношения согласных звуков в сербохорватском языке: «1. В положении перед гласными переднего ряда твердые согласные почти не смягчаются, т. е. звук [д] в словах *дар* ‘дарование; подарок’, *добро* ‘хорошо’ и *девојка* ‘девушка’, *директор* ‘директор’ произносится одинаково твердо. Недопустимо характерное для белорусского языка дзеканье и цеканье при произношении [д] и [т] в положении перед [е] и [и]: *де́ло*, *дека̀н а́йш*, *де́нди*, *ди́вля́ч*; *ше́ме*, *ше́рма*, *шес-ше́ра*, *шй́х*, *ши́ража*» (Leonova 1988: 16).

270. Что касается звонких и глухих согласных, то они до падения слабых редуцированных в древнерусском языке представляли собой независимые ряды, в которых отношения не были такими тесными, как в современном языке: «Иными словами говоря, звонкость или глухость согласного не была обусловлена позиционно. Поэтому отношения между [д] и [т] были почти такие же, как между [д] и [п]. Правда, примеры позиционного оглушения звонкого (перед глухим) наблюдаются в древнейших старославянских текстах, когда предлоги-приставки, оканчивающиеся на **-z** оказываются перед глухими согласными (**въz-**, **из-**, **раз-**, **без-**)» – Mulić 1988: 60. Утрата редуцированных вызвала следующие последствия: «С падением редуцированных, когда между согласными исчезли разделявшие их друг от друга слабые [ъ] или [ь], начались уподобления соприкасающихся согласных по признаку глухости-звонкости. Это явление стало проявляться в памятниках письменности с XIII века. При этом интересно, что сначала глухие уподоблялись последующим им звонким; уподобление же звонких глухим заметно с XIV века» (Mulić 1988: 60).

В с.-х.-б. всегда звонкими являются все сонорные согласные: **v, l, ĭ, m, n, ŋ, r, ĭ**. «Некоторые согласные [...], являясь также звонкими, образуют пары по звонкости-глухости с глухими согласными: звонкие [б], [д], [г], [ђ], [ц], [з], [ж], глухие [п], [т], [к], [ћ], [ч], [с], [ш]. Глухие [ц], [х], [ф] соответствующих им звонких не имеют» (Leonova 1988: 15).

271. В настоящее время система согласных русского языка имеет следующую форму:

	Спо- соб арти- куля- ции	Глу- хость/ звон- кость	Место артикуляции										
			Губные				Язычные						
			губно- губ- ные		губ- но- зуб- ные		зуб- ные		пала- таль- ные		сред- не- неб- ные	ве- ляр- ные	
			т	м	т	м	т	м	т	м	м	т	м
Шумные	Смыч- ные	зв.	b	b'			d	d'				g	g'
		гл.	p	p'			t	t'				k	k'
	Фри- катив- ные	зв.			v	v'	z	z'	ʒ	ʒ'	ʃ		
		гл.			f	f'	s	s'	ʃ	ʃ'		x	x'
	Аф- фрика- ты	гл.					ts			tʃ			
Сонорные	Носовые		m	m'			n	n'					
	Боковые						l	l'					
	Дрожащие								r	r'			

т – твердые, м – мягкие, зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 125. Согласные русского языка (Тошović 1988a: 19)¹⁹³

272. Для согласных русского и с.-х.-б. **b, p, m, v, f, d, t, z, s, n, g** и **k** можно сказать, что они почти одинаково произносятся (различия не имеют существенного значения). Русское **ts** тверже, чем в с.-х.-б., а **l, r, ʒ, ʃ** и **x** также обнаруживают свои особенности.

273. Русский **ts** является более твердым, а **l, r, ʒ, ʃ** и **x** проявляют несовпадения в артикуляции.

274. В изолированной позиции среднеязычный сонорный согласный **ʃ** в с.-х.-б. соответствует по произношению русскому неслоговому **ʃ**. В позиции перед ударными гласными сербохорватский **ʃ** произносится слабее русского, причем язык при этом менее напряжен, чем при произнесении русского согласного, ср.: *ja* – *я*, *jarko* – *ярко* (Zenčuk i dr. 1986: 13). «В сравнении с образованием русского согласного [j] в положении перед подударным гласным, сербохорватский [j] является более слабым. Щель

¹⁹³ Таблица частично изменена, а транскрипция приведена к тому виду, который используется в данной книге.

является также более короткой и язык менее напряжен. Таким образом, надо обращать внимание на то, что русский [j] в словах *по́ели* [pǎjél'и], *я́рко* [járkъ], *ю́жный* [júžnýj] и т. п. не следует отождествлять с сербохорватским [j] в словах *jóјели*, *jáрко*, *júžni* и т. п.» (Jazić 1966: 55).

275. При артикуляции русского **l** кончик языка примыкает к верхним зубам и лишь частично соприкасается с альвеолами, средняя часть языка опущена, а задняя часть приподнята к мягкому небу. Ср. *лук* – *lúk* 'лук (оружие)', *лом* – *lóm*. По этим причинам русское **l** тверже, чем **l** в с.-х.-б. Джордже Язич пишет, что при произнесении сербохорватского **l** кончик языка нажимает на альвеолы и частично прикасается к верхним зубам (Jazić 1966: 44). «Со стороны остаются отверстия, через которые проходит фонационное течение. Губы не участвуют активно при артикуляции; их положение зависит от соседних гласных» (Jazić 1966: 44). Произношение русского **l** описывается им следующим образом: «При артикуляции русского **l** кончик языка прикасается к верхним зубам и только частично к альвеолам. Средняя часть языка опущена, а задняя часть отодвигается назад и поднимается к мягкому небу. Из-за такого положения языка это [л] и называют задним или велярным. Отверстия по сторонам более длинные и широкие и, так как проход на передней линии закрыт, фонационное течение проходит довольно свободно через эти отверстия» (Jazić 1966: 44–45). На различную артикуляцию **l** в русском и с.-х.-б. языках указывают и другие авторы. Приведем некоторые примеры. – 1. «Твердый **л** отличен в сербохорватском от русского твердого **л**. Русский **л** по месту образования преграды может быть определен как зубной, а сербохорватский **л** как альвеолярный (*клас* 'колос', *ле́то* 'лето', *ли́па* 'липа')» (Gudkov 1977: 264). – 2. «Сербохорватский согласный [л] произносится иначе, чем русский. При его произнесении кончик языка упирается в альвеолы, задняя часть спинки языка не оттянута назад, средняя часть спинки языка не прогнута, как при образовании твердого русского [л], а занимает более высокое положение. Сербохорватский звук [л] воспринимается русскими как более мягкий, чем соответствующий русский твердый [л]: *ла́мпа* 'лампа', *лу́к* 'лук', *ла́к* 'лак', *ли́к* 'образ', *ле́то* 'лето' (Zenčuk i dr. 1988: 20). – 3. «Русскому переднеязычному зубному [л] в сербскохорватском языке соответствует альвеолярный переднеязычный звук, так называемое „среднеевропейское“ [л]. При его артикуляции кончик языка прижимается к альвеолам, а тело языка, занимая нейтральное положение в полости рта, образует как бы ровную площадку, не прогибается вниз, что характерно для произношения русского [л], и не поднимается в направлении мягкого неба. Указанная артикуляция обуславливает акустически более мягкий [л], чем русский [л] в положении перед гласными заднего ряда: *ла́к* – 'лак', *ло́в* – 'лов', *ло́жа* – 'ложка', *лу́к* – 'лук', *ма́ло* – 'мало', *се́ло* – 'село'. В положении перед гласными переднего ряда сербскохорватский [л], в отличие от русского, артикулируется точно так же, как и перед гласными зад-

¹⁹⁴ См. также: а) «Согласный [л] по произношению близок среднеевропейскому. При произношении его кончик языка прижат к верхним альвеолам и частично касается верхних зубов. Средняя и задняя части языка несколько опущены. Края языка не прижаты к боковым зубам и оставляют свободный проход для воздушной струи. Губы участия в артикуляции не принимают. При артикуляции русского [л] кончик языка прижат к верхним зубам и только частично касается альвеол. Средняя часть языка опущена, а задняя часть оттянута назад и поднята к мягкому нёбу, вследствие чего середина языка приобретает ложкообразную форму. Сербохорватский звук [л] более мягкий, чем в русском языке, и в то же время произносится более твердо, чем **l** в нем. или франц. Он не изменяет своего качества в зависимости от последующего гласного (*ла́мѡа* и *ли́ѡа*, *ко́ло* и *ле́ѡо* – во всех этих словах [л] произносится одинаково) [...] Согласный [љ] произносится несколько мягче русского [љ]. При артикуляции его кончик языка опускается на нижние зубы передняя часть языка касается верхних альвеол и смежной с ними части твердого нёба. По бокам языка остается свободное пространство, где и проходит струя воздуха. Губы пассивны. Например: *људи* ‘люди’, *љуѡи* ‘лютый’ и т. д. При произношении русского [љ] кончик языка и передняя часть его спинки прижаты к верхним зубам и альвеолам» (Dmitriev/Safronov 1975: 12). – б) «Сербскохорватский [lʲ] произносится мягче, чем соответствующий русский звук. При произнесении русского [lʲ] кончик языка и передняя часть спинки прижаты к верхним зубам и альвеолам, средняя часть не прогибается, как при произнесении [l] твердого, а поднимается к твердому нёбу, создавая дополнительную артикуляцию, которая обеспечивает палатализованный характер звука. При произнесении сербскохорватского [lʲ] кончик языка прижимается к нижним зубам, а вся масса языка концентрируется в передней части полости рта, обеспечивая более обширную область контакта средней части языка с твердым нёбом и определяя основную артикуляцию звука» (Popova 1986: 27). – 6. «Хорватский **lj** произносится мягче, чем соответствующий звук в русском языке, а звук **nj** акустически почти не различается от **нь**» (Bagdasarov 2006: 13). – 7. «Произношение сербскохорватского [lʲ] и русского [lʲ], например, в словах: *родиѡель* – *родитель*, *учиѡель* – *учитель*, *кљун* – *клюв*, *ваља* ‘надо’ – *Валя*, *људи* – *люди*, *бољка* ‘болезнь, боль’ – *полька*, *љубав* – *любовь* и другие отличается степенью мягкости» (Popova 1986: 27).

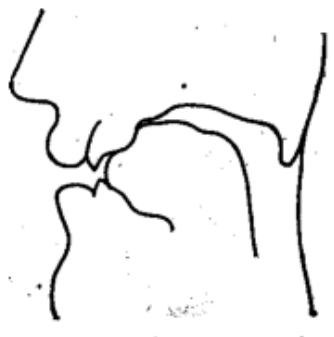

Рис. 56. Артикуляция серб.-хорв. \mathfrak{L}'
(Porova 1986: 27)

Рис. 57. Артикуляция русск. \mathfrak{L}'
(Porova 1986: 27)

В общей фонетике различаются три типа звука \mathfrak{L} : „Мягкое [\mathfrak{L}'] существует в русском, польском, сербохорватском и других славянских языках. Твердое задненебное [\mathfrak{L}] существует в русском, польском и македонском языках. Кроме этих двух типов, существует и третий – так. наз. средневропейский [\mathfrak{L}], встречающийся в большинстве германских и романских языков, затем в сербохорватском, чешском и еще некоторых славянских языках“ (Jazić 1966: 44).

276. Что касается артикуляции \mathfrak{H} , основная масса языка в случае произношения сербскохорватского согласного более продвинута вперед по сравнению с русским, но почти одинаково произносятся сербскохорватское и русское \mathfrak{H} в словах: *njùh* – нюх, *njûška* ‘морда’ – Нюшка (жен. имя), *puštinja* – пустыня, *inje* – иней, *kònj* – конь и др. (Porova 1986: 27–28).¹⁹⁵

¹⁹⁵ «Согласный [\mathfrak{H}] по акустическому впечатлению близок русскому [\mathfrak{H}], но произносится также несколько мягче русского. Положение языка такое же, как и при произношении [\mathfrak{L}], но мягкое нёбо опущено, поэтому [\mathfrak{H}] является носовым звуком, например: *kòň* ‘конь’, *nyŭva* ‘нива’, *knŭŭa* ‘книга’, *ŭaň* ‘пень’. При произношении русского [\mathfrak{H}] смычка образуется передней частью спинки языка с альвеолами и верхними зубами, кончик языка лежит у нижних зубов» (Dmitriev/Safronov 1975: 12).

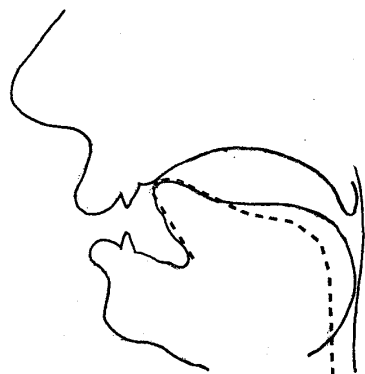
Рис. 58. Артикуляция серб.-хорв. **n̥**
(Popova 1986: 28)

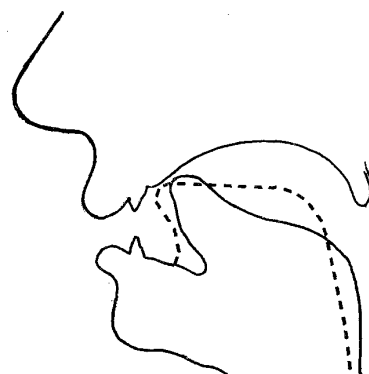
Рис. 59. Артикуляция русск. **n̥**
(Popova 1986: 28)

Когда согласный **n** находится перед заднеязычными согласными **k, g**, его артикуляция под влиянием этих согласных несколько меняется: язык смыкается с небом не передней частью спинки, а задней и средней, причем слышится звук, напоминающий английский **ŋ** и подобный звуку в русском слове *деньги*; ср. также: *ба́нка* 'банк', *те́нк* 'танк', *са́нке* 'санки' (Zenčuk i dr. 1988: 42).

277. Русское **r** артикулируется таким образом, что кончик языка приподнимается к задней части альвеол и к передней части твердого неба, тогда как в с.-х.-б. кончик языка близок к нижним зубам и к альвеолам. Ср.: *рок* – *ròk* 'рок-н-ролл', *рука́* – *ruka*. «При произнесении согласного [p] в нашем языке кончик языка вибрирует в направлении верхних зубов и альвеол, а в русском – в направлении к задней части альвеол и к началу твердого неба [...] Надо еще добавить, что при артикуляции русского [p] кончик языка вытянут кверху» (Jazić 1966: 44–45).

Звук **l** в с.-х.-б.: -----
Звук **l** в русском языке: _____

Звук **r** в с.-х.-б.: -----
Звук **r** в русском языке: _____

Рис. 60. Согласные **l** и **r** в с.-х.-б. и в русском языке
(Tošović 1988a: 18)

278. При артикуляции **з** и **ж** в русском языке средняя часть языка опущена, а в с.-х.-б. она располагается довольно ровно, отчего русские **з** и **ж** звучат тверже: *муж* – *miž*, *наш* – *naš*. «При артикуляции русских согласных [ж] и [ш] кончик языка поднимается к задним альвеолам и передней части твердого неба, образуя здесь щель. Средняя часть языка сгибается, а задняя часть поднимается к передней части мягкого неба, и это образует вторую щель. Таким образом, эти русские согласные обладают двойной артикуляцией. При произнесении сербохорватского [ж] и [ш] кончик языка направлен к альвеолам, а задняя часть языка не образует с мягким небом второй щели. Губы незначительно вытянуты и округлены. При произнесении русских согласных [ж] и [ш] лабиализованность еще сильнее. Особенно заметным является движение нижней губы» (Jazić 1966: 46).¹⁹⁶

Для с.-х.-б. является нормальным наличие гласного **о** после **ж**, в то время как в русском языке после **ж** на месте безударного **о** следует писать **е** (ср. *ножѡм*, но *дѹшем*). Поэтому не случайно, что у русскоязычных возникают недоумения в связи с написанием некоторых слов с.-х.-б. Поэтому поводу существует и мнение, что «к правилам передачи иностранных имен и названий в русском тексте не надо относиться догматически»

¹⁹⁶ И другие авторы отмечают межъязыковые оттенки в произношении **з**, **ж**, **ш**. Приведем некоторые примеры. – 1. «Сербохорватские **ж**, **ш**, **ц** в сравнении с русскими **ж**, **ш**, **ц** воспринимаются акустически как более мягкие» (Гудков 1977: 265). «В позиции перед **л**, **н**, **л**, **л**, **ч**, **ц** согласные **з**, **с** замещаются в большинстве случаев шипящими **ж**, **ш**: ср. *излѣтѣи* ‘вылететь’ и *ишчистѣи* ‘вычистить’, *лрѡзд* ‘гроздь’ – *лрѡжѣ* ‘виноград’, *листѣ* ‘лист’ – *лишѣ* ‘листья’, *казна* ‘наказание’ – *кажњи* ‘наказуемый’» (Gudkov 1977: 266). – 2. «Сербохорватские согласные [ж], [ш], [ц] по сравнению с русскими соответствующими согласными акустически воспринимаются как более мягкие; при их образовании средняя часть спинки языка не опускается, как при образовании твердых русских [ж], [ш], [ц]. Примеры: *жаба* ‘лягушка’, *шава* ‘шов’, *шѣстѣ* ‘шесть’, *жена* ‘жена, женщина’, *жуш* ‘желтый’, *шума* ‘лес’, *оцена* ‘отметка’. Следует помнить, что в сербохорватском языке после **ж**, **ш**, **ц** произносится гласный [и] (а не [ы], как в русском языке): ср. сербохорватские слова *жиѣ*, *шило*, *цирк*, *цифра* и русские *жито*, *шило*, *цирк*, *цифра*» (Zenčuk i dr. 1988: 25). – 3. «В сербохорватском языке согласные [š] и [ž] несколько мягче русских твердых [š] и [ž]. Это обусловлено: а) меньшей, чем в русском языке, лабиализацией (округлением и вытягиванием вперед губ); б) более передним положением кончика языка, который образует преграду с альвеолами, а не на границе альвеол и твердого неба, как в русском языке; в) отсутствием характерного для русского произношения второго фокуса, когда задняя часть языка приподнимается к мягкому небу. В сербохорватском масса языка лежит на одной горизонтали, образуя ровную площадку» (Popova 1986: 29). – 4. «Несколько мягче, чем русские, произносятся звуки [ж], [ц], [ш]» (Leonova 1988: 16).

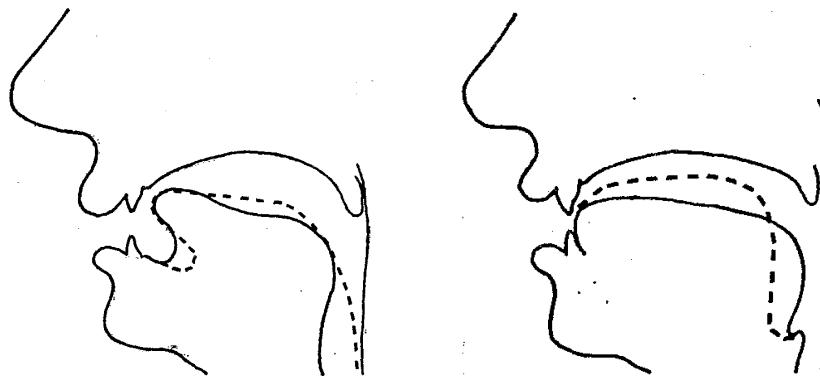
и приводится такой пример: «Недавно вышла книжка „Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков“, которую написал австрийский профессор *Бранко Тошовић* (*Branko Tošović*, ударение на первый слог). Фамилия автора на обложке написана как *Тошович*. Однако разве не надо стараться делать так, чтобы и иностранные фамилии по возможности подчинялись правилам русской графики? А правила русской графики таковы, что в безударном положении после шипящих не пишут *о*, а пишут *е*, тем более в суффиксе. Поэтому австрийский профессор *Тошовић* должен по-русски называться *Тошевич*».¹⁹⁷ Проблема в том, что так действительно пишутся некоторые фамилии на с.-х.-б., скажем: *Anda Tošević*, *Dean Tošević*, *Dragoljub Tošević*, *Milica Tošević*, *Mirjana Tošević*, *Nebojša Tošević*, *Nenad Tošević*, *Nevenka Tošević*, *Tihomir Tošević* (приводим лишь некоторые примеры из интернета). Поэтому и в русском языке надо учитывать необходимость различения тех лиц, фамилия которых на русском языке гласит *Tošović*, и тех, кого зовут *Tošević*, а также следует иметь в виду право каждого индивидуума на выбор.¹⁹⁸ Но с этой проблемой мы сталкиваемся не только тогда, когда речь идет о с.-х.-б. Есть примеры и в других славянских языках подобного типа, ср. болгарскую фамилию *Тошов* или чешскую *Tošovská*.

279. Русское *х* произносится с помощью поднятия задней части языка к мягкому небу, тогда как в с.-х.-б. язык смещен назад, отчего звуковой канал делается уже, а шум – сильнее: *дух* – *dùh*. Существуют и другие толкования, которые не сильно отличаются друг от друга.¹⁹⁹

¹⁹⁷ См. Danefae Livejournal 2008: <http://danefae.livejournal.com/67782.html>. Состояние: 23 июля 2008.

¹⁹⁸ Когда автор этой книги получил австрийское гражданство, возникла проблема как по-немецки писать его фамилию в свидетельстве о гражданстве и в паспорте: *Tošović*, *Toschowich*, *Toschovich*, *Toshovich*, *Tosovic*... Этот вопрос был решен демократично по принципу: написание определяет ее носитель по своему усмотрению. Мы, конечно, выбрали исконную форму: *Tošović*. Поэтому и в русском языке было бы хорошо придерживаться этого принципа.

¹⁹⁹ Вот несколько примеров. – 1. «При артикуляции нашего согласного [x] задняя часть языка поднимается к мягкому небу и там образует щель. У русского фрикативного глухого [x] язык отодвигается еще больше назад, щель между языком и мягким небом является более длинной и узкой, а шум согласного, соответственно, более сильным» (Jazić 1966: 48). «При образовании *х* спинка языка поднимается меньше, чем при произнесении русского *х*. Многие говоры сербохорватского языка полностью или частично утратили этот согласный» (Gudkov 1977: 265). – 2. «Сербохорватский заднеязычный шумный согласный [x] – один из твердых согласных. При его образовании спинка языка поднимается меньше, чем при

Звуки **ʒ** и **ʃ** в с.-х.-б.: ----

Звуки **ʒ** и **ʃ** в русском языке: ____

Звуки **t** и **d** в русском языке: ----

Звуки **t'** и **d'** в русском языке: ____

Рис. 61. Согласные **ʒ** и **ʃ** в с.-х.-б. и в русском языке (слева), звуки **t** и **d** в русском языке (справа) – Тошović 1988a: 20

В с.-х.-б. существуют три аффрикаты, не имеющие соответствия в русском языке – это **tʃ** и **ʧ**: им в русском языке соответствует только одна – **tʃ'**. Русское **tʃ'** занимает промежуточное положение между **tʃ** и **ʧ** в с.-х.-б.: ср. *час* – *čās*. С артикуляционной точки зрения русское **tʃ'** находится между **tʃ** и **ʧ** в с.-х.-б., поскольку фонема **tʃ** в с.-х.-б. тверже, чем русское **tʃ'**. Рус-

произнесении русского [x]; образующаяся между языком и мягким небом щель шире, поэтому сербохорватский [x] слабее русского: *муха*, *xêmija*, *ухо*» (Zenčuk i dr. 1988: 18). – 3. «При сопоставлении сербохорватского [h] и русского [h] можно отметить меньший элемент шума в сербохорватском [h]. Хотя место образования сербохорватского и русского звука в основном одно и то же, их произношение отличается тем, что артикуляция русского [h] несколько сдвинута назад, область сближения задней части языка с мягким небом обширнее, и поэтому звуковая струя должна преодолевать создаваемую преграду с большей силой. Многими штокавскими говорами фонема [h] утрачена. – 4. «Заднеязычный согласный [x] произносится при сближении задней части спинки языка с задним краем твердого неба и смежной с ним частью мягкого неба. При артикуляции сербохорватского [x] язык оттягивается назад немного меньше, щель между языком и мягким небом оказывается менее узкой, чем при артикуляции русского [x], речевые органы менее напряжены, производится более слабый шум» (Dmitriev/Safronov 1975: 14). – 5. «Менее придыхательно, почти без участия губ произносится звук [x], поэтому шум при его произнесении гораздо слабее: *xáľva*, *xľb* [...] «Звук [v], будучи сонорным, не оглушается в положении перед глухими согласными: в словах *зѡвнуѡи* 'подозвать' и *зѡвкаиѡи* 'подзывать' [v] перед [н] и перед [к] звучит одинаково» (Leonova 1988: 16)

ское **ѣ** всегда мягкое. «Наше [сербскохорватское, Б. Т.] **ѣ** является твердым (это соединение твердого [t] и твердого [š]), а русское [ч'] является мягким (это соединение элементов [т'] и [ш']). Как при артикуляции сербскохорватского [ѣ], так и при артикуляции русского [ч'] площадь преграды достаточно велика. Кроме того, при произнесении русского [ч'] передняя часть языка сильнее поднята к твердому небу. Благодаря этому голосовой тракт сужается и голос становится сильнее. Акустическому эффекту 'твердости' сербскохорватского [ѣ] способствуют также выдвинутые вперед губы» (Jazić 1966: 52). В. П. Гудков пишет, что при образовании сербохорватской твердой аффрикаты **ѣ** язык касается неба своим кончиком, а не передней частью спинки, как это бывает при произнесении русского **ѣ** и продолжает: «У **ч** есть парный звонкий согласный – **ѣ** (*у'чење*²⁰⁰ 'ученье', *у'чебник* 'учебник')» (Gudkov 1977: 264). П. А. ДМИТРИЕВ и Г. И. САФРОНОВ констатируют, что сербохорватский глухой аффрикативный согласный **ѣ** произносится несколько иначе, чем соответствующий русский: «Сербохорватский звук [ч] является твердым, в то время как русский звук [ч'] – мягкий. При произношении сербохорватского [ч] кончик языка и передняя часть спинки языка касаются альвеол, как и при артикуляции русского [ч]. Отличие заключается в том, что при произношении сербохорватского [ч] площадь соприкосновения языка с небом значительно меньше, чем при произнесении русского [ч], а губы больше округлены и выпячены вперед: *чај*, *чуђо*, *че́ло*, *чо́век* 'человек', *чи́сто*. «Аффриката [ч] состоит из двух компонентов – [тш]; произносится тверже русского [ч]. При произнесении сербохорватского и русского [ч] кончик и передняя часть языка касаются альвеол, только у русского [ч] поверхность прикосновения большая и передняя часть языка более поднята к твердому небу. При артикуляции сербохорватского [ч] губы округляются и несколько выпячиваются вперед, что также создает акустическое впечатление твердости: *чај* 'чай', *чи́сто* 'чисто', *ча́с* 'час'» (Dmitriev/Safonov 1975: 12–13).

Согласный **ѣ** отличается от русского мягкого **ѣ** и твердого **ѣ** в с.-х.-б. При его артикуляции кончик языка опущен к нижним резцам, передняя часть его смыкается с альвеолами, а средняя часть языка поднята к твердому небу, что ведет к мягкому, палатальному характеру звучания (Ророва 1986: 29).

С.-х.-б. фонема **ѣ** не идентична русскому **ѣ** (*пáсѣ* – *найтѣ*): при произнесении **ѣ** кончик языка касается верхних зубов и слышится **с'**-образный призвук.

²⁰⁰ Корректное ударение гласит *ùčēnje*.

280. Звук *ž* отличается артикуляционно от *ʦ* участием голоса. «При произношении согласного [h̥] кончик языка сначала лежит у нижних зубов (ср. в русском языке [т] в словах *тихо*, *тюк*) и сразу же переходит в положение для артикуляции мягкого [ш]. Получается слитный звук, средний между мягким [ц] и мягким [ч]: *īeħ* ‘печь’, *noħ* ‘ночь’, *veħ* ‘уже’, *reħi* ‘сказать’, *moħi* ‘мочь’, *leħi* ‘лечь’, *šeħi* ‘течь’ и т. д. [...] Произношение [h̥] начинается с того, что язык занимает положение для артикуляции мягкого [д] (кончик языка лежит у нижних зубов, а средняя часть поднимается к нёбу, ср. в русском языке *дело*, *дядя*) и сразу же переходит в положение для артикуляции мягкого [ж]. Получается слитно произносимый звук [дьж]: *ħāk* ‘ученик’, *smūħ* ‘судак’, *ħōn* ‘подошва’, *mēħa* ‘межа’, *lāħa* ‘ладья’, *lēħa* ‘спина’ и т. д.» (Dmitriev/Safronov 1975: 13).²⁰¹

281. Аффриката *ʒ*, являющаяся звонкой парой *ʦ*, отличается от ней участием голоса: ср., например, *džāk* ‘мешок’ – *čāk* ‘даже’. Для русскоговорящих следует четко различать в произношении твердую аффрикату *ž* от мягкой *ẓ̌*: *džak* ‘мешок’ – *čak* ‘ученик’, *džem* ‘джем’ – *čem* ‘удила’, *dželat* ‘палач’ – *čerdan* ‘ожерелье’, *džin* ‘великан’ – *čindžuva* ‘сережка’ и т. п. (Popova 1986: 30).

282. Звонкий аффрикативный согласный *ʦ* является в с.-х.-б. парным к глухому *ʦ̥*, но его артикуляция напоминает произношение *ž*. «По акустическому впечатлению и артикуляции русское [č] и сербскохорватское [č̣] различны. Русскому всегда мягкому [č̣] в сербскохорватском соответствует твердое [č], не смягчающееся и перед гласными переднего ряда: *čāj* – *чай*, *čudo* – *чудо*, *čas* – *час*, *ček* – *чек*, *čistī* – *чист*. Начальная фаза артикуляции [č̣] совпадает в обоих языках с артикуляцией [t]. В сербскохорватском языке она характеризуется подъемом кончика языка, который смыкается с основанием верхних резцов, или с альвеолами. Исход артикуляции характеризуется незначительным подъемом передней части тела языка к твердому нёбу, что не приводит к палатализации звука. В русском языке степень подъема языка и площадь его соприкосновения с твердым нёбом больше, а кончик языка незначительно оттянут вниз. При образовании сербскохорватского [č̣] отмечается также некоторое выдвижение губ вперед» (Popova 1986: 28–29).²⁰²

²⁰¹ «Правильного произношения звуков [h̥] и [h̥] можно добиться, если постараться, расположив кончик языка у основания нижних зубов, слитно произнести смягченные [д'] и [ж'] ([д'ж'] – [h̥]) и [т'] и [ш'] ([т'ш'] – [h̥]): *ħāvō*, *mēħa*, *jeħēħ*; *ħāħa*, *xōħu*, *mōħ*» (Leonova 1988: 16).

²⁰² Л. В. ЛЕОНОВА предупреждает: «Важно различать звуки [h̥] и [ч], [ц] и [h̥]. Первые не всегда различают многие носители языка. Особенно важно различать их в случаях, когда только эти фонемы являются отличительным признаком того

283. Аффриката \mathfrak{z} отсутствует как фонема в русском языке. Для русскоговорящих важно то, чтобы при ее произнесении получились не два, а один звук (Dmitriev/Safronov 1975: 13).²⁰³

В отличие от с.-х.-б., в русском языке отсутствует оппозиция \mathfrak{f} – $\mathfrak{t\mathfrak{c}}$.

Глухая и звонкая аффрикатy $\mathfrak{t\mathfrak{c}}$ и \mathfrak{z} звучит для русскоязычных как сильно смягченные $\mathfrak{t}^{\text{ш}}$ и $\mathfrak{d}^{\text{ж}}$ (*ūpūhē* ‘прутья’; *lāhja* ‘ладья, корабль’ и т. п.) (Gudkov 1997: 265).

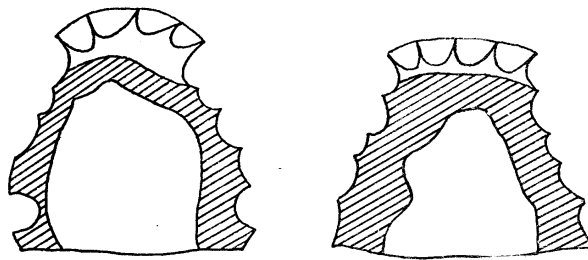

Рис. 62. Слева – палатограмма сербскохорватского \mathfrak{f} в слово *mūčī* (по Милетичу).

Справа – палатограмма русского \mathfrak{f} в слове *чуб* [tʃʊp] – Jazić 1966: 52

284. Для западно-боснийских говоров с.-х.-б. характерно изменение $\mathfrak{tft} > \mathfrak{ft}$, возникшее по тем же причинам, что и в русском языке, ср. *tètična* > *tètišna*, *prīlišno*, *mlišna krava*, *mūčno* > *mūšno*, *lično* > *lišno* (Mulić 1988: 61).

285. Согласный \mathfrak{v} произносится с более слабой артикуляцией, чем в русском, и не оглушается в положении перед глухими согласными; ср. *во* ‘вол’ и *овца* ‘овца’, где \mathfrak{v} произносится одинаково (Dmitriev/Safronov

или иного слова: *būča* ‘тыква’ *būha* ‘шар (не резиновый)’, *čār* ‘чары’ *hār* ‘прибыль, барыш’, *čorđa* ‘стадо, гурт’ *hōrđa* ‘сабля’, *jaħāčiца* ‘наездница’ *jaħāhiца* ‘ездовая’, *vrāčānje* ‘колдовство’ *vrāhānje* ‘возвращение’, *uāk* ‘мешок’ *hāk* ‘ученик’, *uēm* ‘джем’ *hēm* ‘удила’, *Цōн* ‘Джон’ *hōн* ‘подошва’» (Leonova 1988: 16).
Примечание: корректным ударением является *vrāčānje*.

²⁰³ «При произношении звуков [ч] и [ц] кончик языка касается альвеол. Звук [ч], подобно белорусскому [ч], возникает в результате слияния твердых [т] и [ш] ([тш] – [ч]). В звуке [ц] сливаются твердые [д] и [ж] ([дж] – [ц]). В артикуляции этих звуков участвуют губы, они округляются и выпячиваются. Аффриката [ц] чаще всего встречается в заимствованных словах, а также в словах, где [ч] уподобилось последующему звонкому согласному: *цамија* ‘мечеть’, *цѣз* ‘джаз’, *цин* ‘джин, гигант’, *йоручиши* ‘заказать’ – *йоруџбина* ‘заказ’» (Leonova 1988: 16).

1975: 11).²⁰⁴ «[...] Большинство югославских исследователей склонны относить его к смычным сонантам, хотя нередко он трактуется и как щелевой шумный. Первая точка зрения находит свое подтверждение в функционировании фонемы [v]: она не выступает в качестве звонкой оппозиции глухой щелевой [f]. Ср. русское *овца* [afsa] и сербскохорватское *овца* [ovsa] без оглушения [v]» (Popova 1986: 28).

286. Для русского языка типична десоноризация (оглушение) в конце слова, отсутствующая в с.-х.-б., напр., *národ* 'народ', *vôz* 'поезд', *nôž* 'нож'.²⁰⁵ Оглушение конечных звонких согласных относится к XIV в. «Некоторым сербскохорватским говорам (штокавским, чакавским и кайкавским) присущ упомянутый переход [v] в [f]: *офца*, *цафѣи*. Этот переход нашел свое выражение у писателей Дубровника и Марка Марулича (XIV–XV вв.). Оглушение конечных звонких согласных характерно для кайкавского диалекта» (Mulić 1988: 61).

²⁰⁴ В связи с этим авторы добавляют: «Произношение остальных согласных существенно отличается от произношения их в русском языке. Необходимо уяснить в соответствии с описанием, в каком положении должны находиться органы речи для правильного произношения этих согласных, а затем научиться воспроизводить тот или иной звук. При этом важно учитывать трудность или легкость произношения звука для русских. Сначала следует отработать произношение звуков, имеющих близкие по акустическому впечатлению согласные в русском языке, затем переходить к звукам, совершенно новым для русского. Отработку произношения звуков целесообразно производить в такой последовательности: [љ], [њ], [л], [ч], [џ], [ћ], [ђ], [р] (словообразующее)» (Dmitriev/Safronov 1975: 11).

²⁰⁵ Об этом пишут и другие авторы. Приведет три примера. –1. «Оглушение согласных в конце слова в сербохорватском языке настолько незначительно, что при практическом изучении языка русским его не следует принимать во внимание» (Dmitriev/Safronov 1975: 16). –2. «Звонкие шумные согласные в абсолютном конце слова могут сохранять свое качество, но чаще произносятся без участия голоса. Оглушаясь, они не совпадают, однако, с парными глухими согласными. Сила выдоха при их произнесении остается такой, какая свойственна звонким согласным (т. е. меньшей, чем у глухих): *зуб^и*, *рог^к*, *нож^ш*» (Gudkov 1977: 266). –3. «В отличие от русского языка, звонкие конечные согласные **б, в, г, д, ж, з**, а также **ђ и џ** [...] в сербохорватском языке не оглушаются: *зуб*, *рог*, *нож*, *воз*, *град*» (Zenčuk i dr. 1988: 14). 2. Звонкие согласные в конце слова оглушаются незначительно и произносятся почти так же четко, как и в положении перед гласными или звонкими согласными: *стџџб* 'столб' произносится как [стуб], *џрад* 'город' – как [град], *смџђ* 'судак' – как [смуд'ж']» (Leonova 1988: 16). «[...] звонкие согласные звуки в конце слова не оглушаются, а произносятся так же четко, как и в других положениях (*гџг* произносится [дэд], а не [дэт], *ноџс* – [нож], а не [нош] [...])» (Dmitriev/Safronov 1975: 16).

287. Русский язык отличается от с.-х.-б. полногласием. Суть этого явления состоит в наличии в русском языке (как и в других восточнославянских языках) сочетаний **-оро-, -оло-, -еле-, -ело-** после шипящих между согласными, которые соответствуют старославянским **-ra-, -la- -re-, -le-**, сохранившимся в с.-х.-б. (и других южнославянских языках). Ср. *гѡрод – grād, зѡлото – zlāto, бѣрег – brĕg (brĭjeg, brĭg), молоко – (mlijĕko, mlĭko), шелѡм – šlĕm (šljĕm)*. «В силу действия в праслав. языке закона открытого слога эти сочетания не могли сохраниться, т. к. слогораздел в них проходил после [г] и [л] и слог оказывался закрытым. Изменение этих сочетаний у славян шло разными путями, в частности у вост. славян, в др.-рус. языке, это изменение проходило путём развития гласного после [г] и [л], причём этот гласный был таким же, что и гласный перед плавным. Т. о., из праслав. *storna, *bergъ, *zolto развились др.-рус. *сторона, берегъ, золото*. Особенностью исконного сочетания [telt] является то, что в нём первоначальный [e] под влиянием твёрдого [l] изменился в [o], а дальше процесс шёл обычным путём. Так, напр., из праслав. *mĕlko развилось сначала *molko, а затем *молоко*. Процесс развития П. [полногласия, Б. Т.] у вост. славян протекал ещё в дописьменную эпоху, но был живым в 8–9 вв., о чём свидетельствует передача собственного имени франкского короля Карла Великого др.-рус. нарицательным существительным *король [...]*» (В. В. Иванов в: Karaulov 1997: 352–353). Существует и второе полногласие – сочетания в корневых морфемах **оро, ере, оло**, восходящие к праслав. сочетаниям редуцированных гласных (см.) с плавными типа [tȕrt], [tȕlt], [tȕrt], [tȕlt], напр.: *полон* (из др.-рус. *пѡлнѡ*), *верѣвка* (из др.-рус. *вѣрвѣка*), *бестолочь* (др.-рус. *тѣлкѣ*, совр. *бестолковый*), *сумеречный* (др.-рус. *сумѣркѣ*, совр. *сумерки*); шире это явление наблюдается в диалектах, напр.: *молонья* (из др.-рус. *мѡлнѡ*), *верѣх* (из др.-рус. *вѣрхѣ*), *гороб* (из др.-рус. *гѣрбѣ*), *жередь* (из др.-рус. *жѣрдѣ*), *кором* (из др.-рус. *кѣрмѣ*), *холом* (из др.-рус. *хѣлмѣ*) и др.» (В. В. Иванов в: Karaulov 1997: 353).

О праславянских группах **tort, tolt, tert, telt** и их рефlekсах пишет РАДОВАН КОШУТИЧ: «Группы **er, el, or, ol**, оказавшиеся в праславянском между двумя согласными (их обозначаем **tert, telt, tort, tolt**, причём **t** указывает на любой согласный впереди или позади), не сохранились при разделении славянских языков: в старославянском и в сербском произошло удлинение гласных **е** и **ѣ** (серб. южн.: **nje, je, њ** [...]), а **о** перешло в **а** (типа *точити – отакати*), и их перемещение (метатеза), так что праславянские **tert, telt** дали в этих языках **trĕt, tlĕt, tort, a tolt – trat, flat**. В русском, в конечном итоге звукового процесса, после **r, l** развился гласный, подобный тому, который находился перед **r, l**, т. е. праславянское **tert** дало в русском **teret**, а **tort, tolt – torot, tolot [...]** (Košutić 1969: 143). В начале слога группы **or, ol** дали следующие результаты: «Праславянские группы **or, ol**, если оказались в начале слова, а за ними следовал согласный (т. е.: **ort, olt**), дали в ст.-сл. и сербск. удлинением гласных **о** и **а** и метатезой **ra, la** (т. е.: **rat, lat**; иногда в ст.-сл. появляется и **ro, al**, значит: **rot, alt**); в рус-

ском: или **rat, lat** (удлинение и метатеза), или **rot, lot** (только метатеза)» (Košutić 1969: 148).

288. Украинский язык имеет больше согласных, чем русский²⁰⁶ и с.-х.-б.: 44 (по данным Ю. КАРПЕНКО, П. КОСТРУБЫ, М. А. ЖОВТОБРЮХА, О. КУРИЛО, М. ИВЧЕНКО, М. НАКОНЕЧНОГО), 42 (Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: 71), 32 (Тос'ка 1981: 91). Н. И. Тощая выделяет следующие фонемы: **b, ts, ts', tʃ, d, d', ʒ, ʒ', ɕ, f, g, x, ɦ, i, k, l, l', m, n, n', p, r, r', s, s', ʃ, t, t', v, z, z'** и **ʒ** (Тос'ка 1981: 91) Система из 44 согласных фонем выглядит следующим образом:²⁰⁷

	Спо- соб арти- куля- ции	Глухость/звонкость	Место артикуляции												
			Губные				Язычные								
			Губно- губные		Губ- но- зуб- ные		Зуб- ные		Пала- таль- ные		Сред- ние	Веляр- ные		Ларин- гальные	
			т	пм	т	п м	т	м	т	п м	м	т	п м	т	пм
Шумные	Взрыв- ные	зв.	b	b'			d	d'				g			
		гл.	p	p'			t	t'				k	k'		
	Фри- ка- тив- ные	зв.	v	v'			z	z'	ʒ	ʒ'	ɹ̥			ɦ	ɦ'
		гл.			f	f'	s	s'	ʃ	ʃ'		x	x'		
	Аф- фри- каты	зв.					ɬ	ɬ'	ʈ	ʈ'					
		гл.					ts	ts'	tʃ	tʃ'					

²⁰⁶ Я. Б. Рудницкий указывает на следующие фонетические отличия украинского языка от русского: (1) употребление твердых согласных перед **е**: *весна* (*vjesná*) – *весна* (*vesna*), *перед* (*pjered*) – *перед* (*pered*), (2) переход **г** в **х**: *голова* (*galavá*) – *голова* (*holova*), *горло* (*górló*) – *горло* (*hórlo*), (3) вокализация **і**, отражающаяся на письме с помощью буквы **в**: *пил* (*pil*) – *пив* (*pe' u*), *брал* (*bral*) – *брав* (*bra' u*) – Rudnyčukj 1964 (правописание Ю. Б. Рудницкого здесь и далее сохраняется). Про отличия между украинским и белорусским говорится следующее: «От белорусского украинский язык отличается прежде всего отсутствием так называемого 'аканья' (укр. *нога́*, белор. *нага́* 'нога') и 'дзеканья' (укр. *д'іти*, белор. *džeći* 'дети'), причём украинский в этом отношении находится на более древней ступени развития» (Rudnyčukj 1964: XII).

²⁰⁷ В целях унификации таблица Ю. КАРПЕНКО была несколько видоизменена.

Сонорные	Носовые	m	m'			n	n'							
	Боковые					l	l'							
	Дрожащие							r	r'					

t – твердые, **m** – мягкие, **пм** – полумягкие²⁰⁸; **зв.** – звонкие, **гл.** – глухие

Табл. 126. Согласные украинского языка (Karpenko 1996)

В соответствии с этой классификацией в украинском языке насчитывается 21 пара твердых и (полу)мягких согласных: **b – p'**, **d – d'**, **t – t'**, **k – k'**, **z – z'**, **s – s'**, **h – h'**, **x – x'**, **v – v'**, **f – f'**, **l – l'**, **m – m'**, **n – n'**, **p – p'**, **r – r'**, **ʃ – ʃ'**, **ʒ – ʒ'**, **ʒ – ʒ'**, **ʒ – ʒ'**, **ts – ts'** и **tʃ – tʃ'**.

Специфическими украинскими звуками являются:

а) ларингальное **ɦ** (на письме – **г**) – *герб* 'герб',²⁰⁹

б) мягкое **ts** (**ц**) – *гáлицький* 'галицкий',

в) твердые шипящие **tʃ** (**ч**), **tʃ:** (**щ**) и **ʃʃ** (**чш**) – *дочка́* 'дочь', *ключ* 'ключ'; *ще* 'еще', *що* 'что', *ящик* 'ящик',

г) неслоговое **ʉ** как реализация сонанта **v** (**в**) в начале и в середине слова – *дівчина* 'девушка', *Кавка́з* 'Кавказ', а также в конце слова – *брав* 'брал',

д) велярные **k** (**к**), **x** (**х**), **g** (**г**) перед **y** (**и**) или **e** – *кислий* 'кислый', *глухий* 'глухой', *гедз* 'овод' (Spez. ukr. Kons.-www).

В украинском языке есть твердое **tʃ** и палатализованное **tʃ** (**ч**) – Pljušč 2001: 33, причем последнее является постдентальным (Schweier 2002: 540). В украинском языке существуют также звонкий ларингальный **ɦ**: *город* [ɦórod]. Графема **ї** для обозначения сочетания **ji** встречается из всех славянских языков только в украинском. Согласный **ts** является мягким (он не смягчается перед **i**, **e**). Существует мягкая и твердая аффриката **ʒ** и **ʒ'**: *дзюб* 'клюв', *дзвін* 'звон'.

²⁰⁸ Ю. КАРПЕНКО обозначает эту категорию как «полумягкие согласные» («напівм'які»).

²⁰⁹ «Фарингальный согласный украинского языка ([noɦa] – нога, [ɦолос] – голос) отличается от южнорусского [ɣ] (нага́, го́лос) местом образования: согласный [ɦ] относится к глоточным (фарингальным), тогда как [ɣ] – заднеязычный. Заднеязычный согласный [ɣ] как позиционное озвончение [x] встречается при быстром темпе речи: [широки́й до́р'ih]» (Bulahov/Žovtobryuh/Koduhov 1987: 60).

Звук **l** звучит тверже, чем его немецкий эквивалент, потому что кончик языка при его произнесении касается задней поверхности верхних зубов и спинка языка глубоко опущена: *віл* [wil] 'вол', *мул* [mul] 'мул', *лук* [luk] 'лук (оружие)', *ла́ва* [lawa] 'лавка, скамья' и т. д. (Rudnyúkyj 1964: 5).

При сравнении с с.-х.-б. обнаруживается, что в украинском представлено такое же **ʃ**, тогда как **ts** (мягкое) и ларингальное **h** артикулируются иначе.

Звонкие согласные **b, d, g, z** и **з** в украинском языке обычно сохраняют звонкость, находясь на конце слова: *діб* (род. мн. от *доба* 'сутки') произносится не так, как немецкое *Dieb* 'вор', где в конце слова слышится **p** (*dip*), а как *dib* с явственным артикулируемым **b**; ср. также *мід* 'мед', *ніж* 'нож', *віз* 'воз' и т. д. (Rudnyúkyj 1964: 4).

В украинском языке глухие и звонкие согласные почти не отвергаются позиционному оглушению или озвончению, различаясь почти одинаково во всех позициях: *голова* – *голівка* – *голів*, *морозу* – *мороз*, *снігу* – *сніг* (Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: 63), что их сближает с с.-х.-б.

В украинском языке, как и в с.-х.-б. и белорусском, звук **v** не оглушается в **f**, «а произносится как *й*-неслоговое: [учора], [йдова], [прайда], [в'йторок], [стай]; этот звук произносится также и на месте [л]: *вовк*, *довго* (из *вълкъ*, *дълго*), в глаголах прошедшего времени мужского рода: *став* (ср. рус. *стал*), *ходив*. Следовательно, в украинском языке буква **в** обозначает губно-зубной согласный [v] (*він*, *вітер*), губно-зубной согласный [w] (*вага*, *вона*, *вуха*), неслоговое *й* (*жовтий*, *бив*, *голівка*)» – Bula-hov/Zovtobrjuh/Koduhov 1987: 58. Система украинских аффрикат ближе к белорусской, чем к русской.

289. Б е л о р у с с к и й я з ы к имеет 39 согласных (Sjameška 1999: 97).

	Спо- соб арти- куля- ции	Глу- хость/ звон- кость	Место артикуляции										
			Губные				Язычные						
			Губно- губ- ные		Губ- но- зуб- ные		Зуб- ные		Пала- таль- ные		Сред- не- неб- ные	Веляр- ные	
			т	м	т	м	т	м	т	м	м	т	м
Шумные	Смыч- ные	зв.	b	b'			d					g'	g''
		гл.	p	p'			t					k	k'
	Фрика- тивные	зв.					z		ʒ	z'			
		гл.			f	f'	s		ʃ	s'		g	g'

		Соно- рные	ǃ		v	v'					i	x	x'
	Аффри- каты	зв.					ɬ		ʃ	ɬ'			
		гл.					ts		tʃ	ts'			
Соно- рные	Носовые		m	m'			n			n'			
	Боковые						l	l'					
	Дрожащие						r						

т – твердые, м – мягкие

Табл. 127. Согласные белорусского языка (Sjameška 1999: 97)²¹⁰

Если сравнивать белорусский с с.-х.-б., то можно отметить ярко выраженную палатализацию в первом. «Если к 11 белорусским согласным прибавить признак палатализованности, возникают еще 11 согласных.²¹¹ Поэтому все белорусские согласные в зависимости от наличия/отсутствия палатализации делятся на не п а л а т а л и з о в а н н ы е и п а л а т а л и з о в а н н ы е [...] Согласные [ʃ], [ʒ], [tʃ],²¹² [dʒ] и [r], которые не имеют в белорусском палатализованных соответствий, рассматриваются в системе этого языка как т в е р д ы е [...], а [j] – как палатализованный» (Nossok 2007).

От с.-х.-б. белорусский язык отличается наличием так называемого «цеканья» и «дзеканья» – аффрикации палатализованных **t'** и **d'** до **ɬ** и **ɬ'** (Wexler 1986: 135), т. е. появлением аффрикат на месте мягких **d'** и **t'**: «Мягкость [...] обуславливает наличие „свистящего“ элемента, который одновременно образует своего рода мост, соединяющий соседние звуки или ведущий к оглушению звука в позиции перед паузой (*дзеці* ‘дети’, *цетка* ‘тетка’, *ісці* ‘идти’, *стаяць* ‘стоять’))» – Сучин 2002: 567. «Мягкие согласные, соответствующие твердым [д] и [т], в белорусском языке произносятся как [дзь], [ць], чем они существенно отличаются от русских [дь], [ть]. Такое произношение мягких [дзь] и [ць] получило название дзеканья и цеканья. Русская речь многих белорусов сохраняет эту черту, и по ней носители русского языка узнают их белорусское происхождение» (Krivickij/Podlužnyj 1994: 56).

²¹⁰ Таблица приведена к тому виду, который используется в данной главе.

²¹¹ Sjameška 1999 и Krivickij/Podlužnyj 1994 выделяют 14 пар.

²¹² В белорусском языке **tʃ** всегда твердое (Krivickij/Podlužnyj 1994: 57).

Малик Мулич пишет о цоканье в древнерусском языке (оно обнаруживается в памятниках русской письменности XI в., возникших в Новгороде, и состоит в смешении мягких **ts'** и **tʃ'** – на письме **ц** и **ч**); своеобразное цоканье известно и в сербохорватском языке, хотя здесь переход **tʃ** в **ts** касается лишь сочетаний *kьrt/kert → *čьrt/čert: «Уже Супрасальский кодекс содержит написание **црьногоризъзъ** вместо **црьногоризъзъ**» (Mulić 1988: 38).

Есть и еще одно различие по отношению к с.-х.-б. – так. называемые **п р и с т а в н ы е** согласные: в белорусском языке имеется протетическое **v** (иногда **x**) перед начальным и срединным ударным **и** или **о**: *вўгал* [vúhal] ‘уголь’, *вўстры* [vóstry] ‘острый’, *навўка* [navúka] ‘наука’ (Wexler 1986: 135). Об этом своеобразном явлении писали А. А. Кривицкий и А. И. Подлужный: «В ряде слов приставные звуки восходят к глубокой древности, имеются во всех восточнославянских языках, а часто и в других славянских языках, и поэтому обычно они выявляются только путем исторического анализа: *восем* – сравн. *асьміна* (старая мера сыпучих тел), *ягня* [йагн’а] – сравн. рус. книжное *агнец*, *Орша* – из древнерус. *Рьша* и т. д. Яркую специфическую черту многочисленных слов белорусского языка составляют приставные звуки, возникшие значительно позже, в период формирования белорусского языка. Аналогичный процесс проходил и в украинском языке. Авторы указывают на то, что приставные согласные **v**, **i**, **g** появляются в начале слова или после приставок перед ударными гласными, а в некоторых случаях сохраняются и перед безударными: *востры* – острый, *наво́бмацак* – наощупь, *вўгал* – угол, *вуча́нiца* – ученица, *э́ты* – этот, *íней* (читается [йіней]) – иней и т. д.

Существуют две позиции, в которых появляется приставной согласный **v**, 1. Перед ударным **о**. При сдвиге ударения он обычно исчезает: *во́зера* – *азёры*, *во́пратка* ‘одежда’ – *апра́тка* ‘одежда’, *во́сень* – *асе́ннi*, *во́гнік* ‘простудная сыпь на лице’ – *аго́нь*. «Исключений, когда перед ударным [о] приставной согласный не возникает, немного. Это сравнительно недавно возникшие новообразования типа *о́дум* (раздумье), *о́канне*, *нао́гул* (вообще) и большинство заимствований: *о́рдэн*, *о́смiй*, *о́ргiя*, однако: *во́цат* (уксус), *во́хра* (охра) и т. д. В ряде случаев этот приставной сохраняется и перед [а], восходящим к [о]: *наво́кал* (вокруг) – *навако́лле* (окрестность), *во́ка* – *вачэ́й*. В иных случаях допустимы варианты с приставным и без него: *во́кны* – *акно́* и *вакно́*, *во́стры* – *астры́ць* и *вастры́ць* и т. д.» (Krivickij/Podlužnyj 1994: 41–42). 2. Перед ударным и неударным **и**, если это неударное **и** не является приставочным или не развилось из **v**, сравн.: *вўгал*, *навўк*, *навучэ́нец*, *вуго́лле* (угли), *навуці́нне*, *вушэ́й*, но *узні́к-не́нне* ([y] – приставка), *уча́стак* ([y] ранее был приставной), *уну́к* ([y] развился из [в]). «Перед [y], таким образом, приставной [в] не исчезает со сменой места ударения. Обычно приставного согласного не бывает только в заимствованных словах: *у́нiверсі́тэ́т*, *у́ніка́льны*, *у́рна*, однако *вў́стрыца*, *ву́нiя* (чаще всё же употребляется *у́нiя*)» – Krivickij/Podlužnyj 1994: 41–42.

Что касается приставного **g**, его появление в литературном языке очень ограничено, хотя в юго-западных диалектах он употребляется довольно широко и там произносят *гавёс* (овес), *гуліца* (улица), *гаўца* (овца) и т. д. «В литературном языке [г] представлен в слове *гэты* (этот) и производных от него, а также в собственном имени *Ганна* (Анна). Под влиянием юго-западных диалектов в литературную речь проникают также варианты с этим приставным: *вобстры* и *гобстры*, *араць* и *гараць* (пахать), *ара́пнік* и *сара́пнік* и т. д.» (Krivickij/Podlužnyj 1994: 42).

Особой артикуляцией отличается от с.-х.-б. белорусский сонорный, передаваемый графемой **ў**. Этот согласный еще называется **у**-неслоговым. «Он образуется сближением верхней и нижней губ. В отличие от губно-зубного [в] и губно-губного украинского языка [w] **у**-неслоговое образуется при меньшем округлении губ и меньшей длительности выдержки артикуляции. Использование [ў] позиционно ограничено: в отличие от [в], [в'] согласный [ў] встречается только перед согласными и в конце слова: *ўдава́* (вдова), *аўто́рак* (вторник), *пра́ўда* (правда), *тра́ўка* (травка), *кроў* (кровь), *лугоў* (лугов), *палеў* (палей)» (Bulahov/Žovtobrjuh/Koduhov 1987: 58).

В белорусском больше шипящих и свистящих, чем в с.-х.-б. и русском. Это шипящие **з, ж, тж, ж** и свистящие **s, s', z, z', ts, ts', џ, џ'**.

Как и в с.-х.-б. в белорусском языке **тж** произносится всегда твердо, в то время как в русском языке оно всегда мягкое.

Согласный **г** в с.-х.-б. и белорусском является твердым, а в русском может быть твердым и мягким. В русской речи белорусов часто наблюдается неполное смягчение **г'**, что легко замечается носителями русского языка (Krivickij/Podlužnyj 1994: 56).

290. Наше исследование свидетельствует о том, что в восточнославянских языках больше согласных фонем, чем в с.-х.-б. С.-х.-б. в наименьшей степени удален от русского (-12), а в наибольшей – от украинского (-19). Промежуточное положение занимает белорусский (-14). Отличия в рамках восточного суперкорреляционала существенно больше, чем в рамках южного супракорреляционала (македонский: -1, словенский: -4). Только дистанция между с.-х.-б. и болгарским больше, чем между с.-х.-б. и русским (-13 : -12).

Согласные восточного суперкорреляционала				
№	С.-х.-б.	Рус.	Укр.	Белор.
1	b	b	b	b
2		b'	b'	b'
3	ts	ts	ts	ts

4			ts'	ts'
5	tʃ		tʃ	tʃ
6		tʃ'	tʃ'	
7	tɕ			
8	d	d	d	d
9		d'	d'	
10			ɖ	ɖ
11			ɖ'	ɖ'
12	ʒ			
13	ʒ		ʒ	ʒ
14			ʒ'	
15	f	f	f	f
16		f'	f'	f'
17	g	g	g	g
18		g'		g'
19				g'
20				g''
21	x	x	x	x
22		x'	x'	x'
23			ħ	
24			ħ'	
25	ɨ	ɨ	ɨ	ɨ
26	k	k	k	k
27		k'	k'	k'
28	l	l	l	l
29	l̥			
30		l'	l'	l'
31	m	m	m	m
32		m'	m'	m'
33	n	n	n	n
34	ɳ			
35		n'	n'	n'
36	p	p	p	p
37		p'	p'	p'
38	r	r	r	r

39		r'	r'	
40	s	s	s	s
41		s'	s'	s'
42	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
43			ʃ'	
44		ʃ:'		
45	t	t	t	t
46		t'	t'	
47	v	v	v	v
48		v'	v'	v'
49				ʎ
50	z	z	z	z
51		z'	z'	z'
52	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ
53			ʒ'	
54		ʒ:'		
	25	37	44	39

Примечание: Согласные, мягкость которых позиционно обусловлена, обозначаются апострофом (').

Табл. 128. Согласные восточного суперкорреляционала

Общих для всего восточного суперкорреляционала фонем насчитывается 18: **b, ts, d, f, g, x, j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z** и **ʒ**; это меньше, чем в южном супракорреляционале (21). Если включить в счет **ń/n'**, а также **ǃ/ǃ'** как мягкие соответствия (позиционно обусловленные и необусловленные), то получаем 19 фонем. К числу специфических согласных восточного суперкорреляционала относятся:

Специфические согласные восточного суперкорреляционала				
№	С.-х.-б.	Рус.	Укр.	Белор.
1		b'	b'	b'
2			ts'	ts'
3	ʈʂ		ʈʂ	ʈʂ
4		ʈʂ'	ʈʂ'	
5	ʈʂ			

6		d'	d'	
7			ɖ	ɖ
8			ɖ'	ɖ'
9	ʒ			
10	ʒ		ʒ	ʒ
11			ʒ'	
12		f'	f'	f'
13		g'		g'
14				g'
15				g''
16		x'	x'	x'
17			ɦ	
18			ɦ'	
19		k'	k'	k'
20	ɭ			
21		l'	l'	l'
22		m'	m'	m'
23	ɳ			
24		n'	n'	n'
25		p'	p'	p'
26		r'	r'	
27	s	s	s	s
28		s'	s'	s'
29			ʃ'	
30		ʃ:'		
31		t'	t'	
32		v'	v'	v'
33				ʎ
34		z'	z'	z'
35			ʒ'	
36		ʒ:'		
	8	19	26	21

Табл. 129. Специфические согласные восточного суперкорреляционала

Специфичными в сравнении с с.-х.-б. являются: (1) все позиционно мягкие согласные в русском, украинском и белорусском языках; (2) твер-

дое **dz** и мягкое **dz'** в украинском и белорусском языках; (3) три велярных согласных в белорусском (**g'**, **g'** и **g''**) и украинском языках (**х**, **h** и **h'**), а также (4) согласный **ŷ** в белорусском. Особенностью с.-х.-б. на фоне восточного корреляционала являются звуки **tc** и **ʒ**.

291. Западный суперкорреляционал серб./хорв./бошн. Эту систему образуют согласные с.-х.-б. и согласные западнославянских языков: польского, чешского, словацкого, верхне- и нижнелужицкого.

292. Польский язык является типичным консонантным языком. Он не только имеет больше согласных (особенно сибилантов, т. е. свистящих), чем многие другие языки но и чаще использует сочетания согласных, что вызывает у изучающих этот язык определенные затруднения; ср.: *żdźbło* 'стебель', *chrztu* род. ед. от *chrzut* 'крещение', *chrząszcz* 'жук', *pszczoła* 'пчела', *zemścić* 'отомстить' (Birnbäum 1986: 113). Этот язык характеризуется большим набором аффрикат и фрикативных (зубных, альвеолярных и палатальных). «Поскольку они относительно часто образуют минимальные пары, особенно важно (хотя и трудно) четко различать их артикуляционно: ср. *kasa* [kasa] 'касса' : *Kasia* [kaša] (имя собственное) : *kasza* [kaša] 'каша', *plac* [pʏac] род. мн. от *placa* 'плата' : *plac* [pʏac] 'плати!' : *placz* [pʏac̥] 'плач'» (Lubaś/Molas 2002: 373).

В польском языкознании нет единого мнения относительно числа согласных фонем: оценки варьируются в пределах от 36 до 56. Р. Ляковский, к примеру, выделяет 35 согласных:

Место артикуляции		Губные		Зубные	Альвеолярные	Палатальные	Велярные (задненебные)	
		губно-губные	губно-зубные				т	м
Взрывные	зв.	b	bi	d			g	ki
	гл.	p	bi	t			k	ki
Спиранты	зв.	w	wi	z	ż/rz	ź/zi		
	гл.	f	fi	s	sz/rz	ś/si	h/c h	hi/chi
Аффрикаты	зв.			dz	dź	dź/dzi		
	гл.			c	cz	ć/ći		
Сонанты	носовые	m	mi	n		ń/ni		

	плав- ные				r, l			
Полугласные						j	ɫ(u)	

т – твердые, м – мягкие, зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 130. Согласные польского языка (Laskowski 1979: 11)²¹³

В. ЛЮБАШ и Е. МОЛАС пишут, что польский язык имеет от 34 до 52 согласных (Lubaś/Molas 2002: 372). Х. ВРУБЕЛЬ находит на две согласных фонемы больше – 38 (Wróbel 2001: 32). В классификации С. ШОБЕРА насчитывается 40 согласных (Szober 1959: 18). П. БОНК выделяет 45/47 согласных (Bąk 1977: 84):

	Способ артикуляции	Глухость/звонкость	Место артикуляции											
			Губные				Зубные							
			Губно-губные		Губно-зубные		Зубные ²¹⁴		Палатальные ²¹⁵		Средне-небные		Велярные	
			т	м	т	м	т	м	т	м	т	м	т	м
Шумные	Взрывные ²¹⁶	зв.	b	b'			d	d'					g	g'
		гл.	p	p'			t	t'					k	k'
	Фрикативные	зв.					z	z'	ʒ			ʒ'		
		гл.			w	w'	s	s'	sz			s'	ch	ch' (h)'
		Сонорные			f	f'						j		
	Аффрикаты ²¹⁷	зв.					dz	dz'	dʒ			dʒ'		
		гл.					c	c'	cz			ć		

²¹³ В таблицу внесены незначительные изменения.

²¹⁴ В оригинале *przednio-jezykowo-zębowe* 'переднеязычно-зубные'.

²¹⁵ В оригинале *przednio-jezykowo-dziąsłowe* 'переднеязычно-дѣсенные'.

²¹⁶ В оригинале *zwarne* 'закрытые'.

²¹⁷ В оригинале *zwarto-szczelinowe* 'закрыто-щелевые'.

Сонозные	Носовые	m	m'			n	n'	(ŋ)			ń	(ɲ)		
	Боковые ²¹⁸	u				ɫ		l	l'					
	Дрожащие ²¹⁹							r						

т – твердые, м – мягкие, зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 131. Согласные польского языка (Bał 1977: 84)²²⁰

«Грамматика польского языка» («Grammatik der polnischen Sprache», Hasen/Karnowski 2004: 62) перечисляет значительно больше согласных, чем другие источники – 56:

Öffnungs- grad des Artikula- tionsappa- rats	Artikula- tionsart	Stimm- bän- derbe- teili- gung ±	Betei- ligung Nasen- raum ±	Artikulationsort											
				Bilabiale		Labiodentale		Dentale		Alveolare		Präpal	Postpal	Velar	
				hart	palatali- siert	hart	palatali- siert	hart	palatali- siert	hart	palatali- siert	palata- lisiert	palata- lisiert	hart	
Halbvo- kal		+stim m	oral	w							j				
Sonanten		+stim m	oral					ɹ		l, r	l, r, ɹ				
		nasal	m	m _i			n		ɳ		ɲ	ɲ _i	ɳ _i	ɳ, ɳ _i	
Obstru- enten	Plosive	+stim m	oral	b	b _i			d	d _i	ɖ			ɟ	g	
		-stim	oral	p	p _i			t	t _i	ʈ			c	k	
	Frikative	+stim m	oral			v	v _i	z	z _i	ʒ	ʒ _i	ʒ	ʝ _i	ʝ	
		-stim	oral			f	f _i	s	s _i	ʃ	ʃ _i	ʃ	ç _i	ç	
	Affrikate	+stim m	oral					ɖʒ		ɖʒ	ɖʒ _i	ɖʒ			
		-stim	oral					ts	ts _i	tʃ	tʃ _i	tʃ			

Рис. 63. Согласные польского языка (Hasen/Karnowski 2004: 62)

В польском существует больше пар твердых и мягких согласных, чем в с.-х.-б.: **b, p, w, f, g, k, x, m** имеют мягкие пары: **b', p', w', f', g', k', x', m'**. В отличие от русского языка мягкость польских согласных ограничена позиционно: они могут быть мягкими только в положении перед гласными (кроме **y**); они не могут быть мягкими в конце слова или слога, например: *кровь* – *krew* (Krotovskaja/Goldberg 1970: 11). Перед гласным **i** польские согласные **b, p, w, f, g, k, x, m** всегда произносятся мягко, по-

²¹⁸ В оригинале *półotwarte* 'полуоткрытые'.

²¹⁹ В оригинале *półotwarte* 'полуоткрытые'.

²²⁰ Таблица была приведена к единому виду с другими таблицами в данной главе, но транскрипция не была изменена.

этому мягкость их в таких сочетаниях не изображается особым знаком.²²¹ В отличие от русского согласные **t, d, s, z, r** в польском языке не имеют мягких пар. «Однако в некоторых (весьма немногочисленных) заимствованных словах, в частности в именах собственных, встречаются **t', d', s', z', r'**, которые произносятся так же, как соответствующие им русские согласные [...]» (Krotovskaja/Goldberg 1970: 11). В исконно польских словах согласные **t, d, s, z, c, dz, r** – только твердые, т. е. противопоставления по мягкости нет. «Лишь в заимствованных словах и иностранных именах, собственных произносятся с разной степенью обязательности и смягчения соответствующие мягкие переднеязычные согласные, напр., *kostium* [kost'um] 'костюм', *sinus* [s'inus] 'синус', *ring* [r'ɪŋk] 'ринг', *Cicero* [c'icero] 'Цицерон'. В общую фонологическую систему польского языка их обычно включают условно, в качестве так называемых потенциальных фонем» (Tihomirova 1978: 14).

В сравнении с с.-х.-б. особенностью польского языка является фонема **ɨ**, которая занимает особую позицию даже и в польской системе согласных. «Этот согласный сегодня очень редко используется в исконно польских словах, поскольку большинство говорящих произносят на его месте [w]. Это произношение сохраняется в основном у носителей языка из бывших восточных польских областей и из Восточной Польши. До недавнего времени этот вариант культивировался в сценическом произношении, отчего актеры старшего поколения сохраняют его до сегодняшних дней. При артикуляции звука [ɨ] воздух проходит через полость рта. Образуется смычка между кончиком языка и верхними резцами, а боковые части языка отдаляются от коренных зубов. Воздух проходит с обеих сторон от языка [...] В немецком языке у этого звука нет соответствия, но [он звучит] как в русском слове *lošad'* или в английском слове *Lord*» (Hansen/Karnowski 2004: 46). Для согласного **ɨ** очень трудно найти какой-нибудь сходный с ним русский звук: «Это согласный боковой, и в этом отношении он совпадает с русскими звуками **л** и **ль**, но не произносится ни как **л**, ни как **ль**. При его образовании кончик языка прикасается к границе верхних зубов и неба, а средняя часть языка ниже, чем при **ль**. Это звук твердый» (Karolak/Wasilewska 1977: XXV).

²²¹ «[...] **j**, звучащее после так называемых мягких согласных, лишает согласный звук резкости и порождает богатство звучаний, которое наряду с относительно высокой частотностью гласных делает польский язык более звучным и мягким, чем любой другой родственный ему славянский язык» (Polnisch2-www).

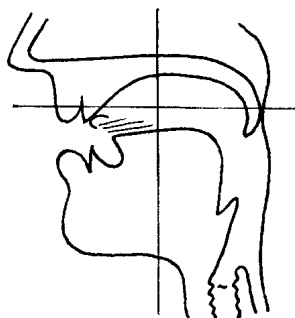

Рис. 64. Согласный ɫ в слове ɫan 'поле; лен' (Ва́к 1977: 76)

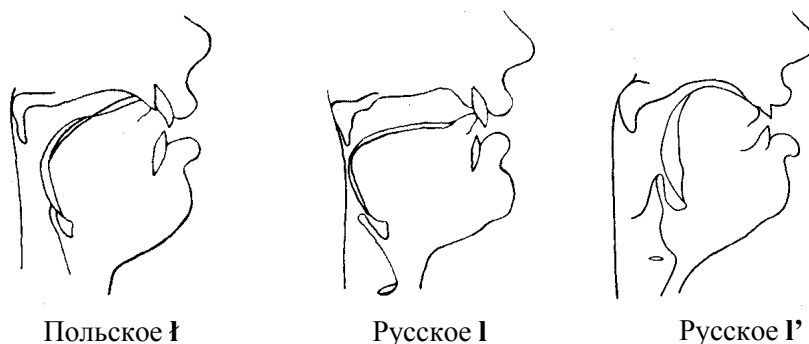

Рис. 65. Артикуляционные профили польского ɫ и русских согласных ɪ и ɪ' (Karolak/Wasilewska 1977: XXV)

Данный польский согласный сходен с русским твердым ɪ (на письме – л) и с английским w: «Согласный ɫ – переднеязычный зубной сонорный плавный твердый. Он произносится как русское л. В настоящее время такое произношение ɫ, хотя и продолжает считаться нормой (оно обязательно для сцены и радио), фактически свойственно меньшинству поляков. В польском языке происходит активный процесс вокализации ɫ, то есть он все чаще произносится как неслоговое u. Согласный ɫ не может сочетаться с гласным i» (Krotovskaja/Goldberg 1970: 18). Фонема ɫ произносится как твердое велярное ɪ, и она близка к русскому твердому ɪ. «Этот звук произносится только в восточных районах Польши, пограничных с СССР. Но именно такое произношение соответствует традиционной орфоэпической норме. На остальной территории Польши звук [ɫ] утратил переднеязычную смычку, произносится с активным подъемом задней части языка к заднему небу и большей или меньшей степенью лабиализации. Этот вариант фонемы [ɫ] близок к неслоговому [ɯ] и представляет собой вокальное образование: ɫawka 'скамейка' [ɯafka], poɫowa 'половина' [poɯowa], wɫadza 'власть' [vɯadza]. В настоящее время такое произношение также считается нормативным» (Posvjanskaja 1977: 28).

Звук **i̯** считается полугласным и в отличие от русского языка произносится во всех позициях с одинаковой интенсивностью (Tihomirova 1978: 17).

Польский язык отличается еще одним свойством: «Особенностью польской системы согласных звуков являются среднеязычные звуки [ʒ'], [s'] (щелевые), [dʒ'], [č'] (смычно-щелевые), которые образуются при сближении средней части спинки языка со средней частью верхнего нёба: *źle* [ʒ'l'e] 'плохо', *średni* [s'redn'i] 'средний', *dzień* [dʒ'en], *ćwiczyć* [č'fičyč] 'практиковаться', *nieprzyjaciół* [n'epřujač'el'] 'враг'. Подобное положение языка в сочетании с образованием щели дает эффект легкого пришепетывания и делает эти звуки более мягкими по сравнению с русскими мягкими шипящими [s'] долгим (как в слове *щука*) и [s'] (*час*). Они сохраняют свою мягкость на конце слова и перед согласным звуком, что не характерно для других согласных польского языка. Поэтому для них в польской орфографии существуют специальные обозначения» (Kiklevič/Kožinova 2001: 29).

Польские альвеолярные согласные записываются с помощью графем **sz/rz** и **ź/rz** (спиранты), **cz** и **dż** (аффрикаты); палатальным звукам соответствуют буквы **ś/si** и **ź/zi** (спиранты), **ć/ci** и **dź/dzi**, **ń/ni**; согласный (аффриката) **dz** является зубным (Laskowski 1979: 11). Согласный **dż** произносится твердо (*dżban* 'жбан, кувшин').

В польском языке **ʃ** произносится твердо (как и в с.-х.-б.) и обозначается графемой **cz**: *czas* 'время', *Czech* 'чех', *wieczór* 'вечер'. Этот звук представляет собой глухую аффрикату (Laskowski 1979: 12), которая произносится в области альвеол (Lubaś/Molas 2002: 373). После **cz** пишется только **y** (не **i**): *czyta* 'он, она, оно читает', *zaczyna* 'он, она, оно начинает' (Karolak/Wasilewska 1977: XIX). В русском языке нет такого согласного, кроме случаев типа *лучше* (в западнорусских говорах встречается твердое произношение **ʃ**, близкое к данному польскому согласному) – Krotovskaja/Goldberg 1970: 26.

Польское **ɕ** является палатальным и соответствует звуку **ɕ** в с.-х.-б. (в обоих случаях на письме используется **ć**): *ćwierć* 'четверть', *pięć* 'пять', *żyć* 'жить'. Этот звук записывается с помощью графемы **ć** только в конце слова и перед согласными, тогда как перед гласными используется буквенное сочетание **ci**: *ciało* 'тело', *cień* 'тень' (графема **i** не обозначает в этих случаях отдельного звука, указывая лишь на способ артикуляции согласного). Польское **ɕ** близко к русскому согласному, обозначаемому графемой **ч**.

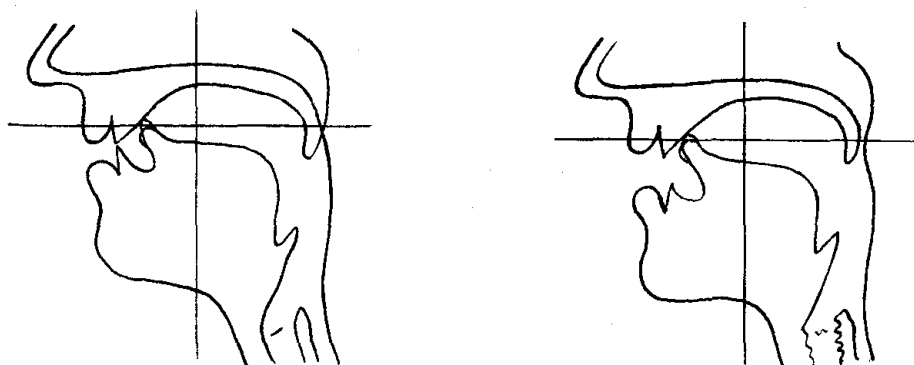

Рис. 66. Артикуляционные профили польских согласных **ʦ** и **tɕ** (Bak 1977: 72–73)

В польском языке больше мягких согласных, чем в с.-х.-б.: существует 9 пар, образованных губными согласными, заднеязычными **k**, **g**, **χ**, а также пара **n** – **ń**; фактически 100% согласных имеют мягкое соответствие (Sawicka 1974: 32). «Большинство оппозиций базируются на позиционном варьировании: мягкие согласные перед /i/ (или перед /i/ и /j/) – твердые согласные перед остальными гласными, перед согласными и в конце слова (исключение представляет собой /ń/). Только пять палатальных согласных не затронуты корреляцией мягкости, поскольку нет соответствующих им твердых согласных и их артикуляция, совершающаяся в районе твердого неба, может быть охарактеризована как элементарная. Это согласные /ś/, /ź/, /ć/, /ż/, /j/. Данные согласные, не входящие в корреляцию по твердости/мягкости, имеют только следующее ограничение дистрибуции: они не встречаются перед /y/; кроме того, /j/ может появляться только в соседстве с гласными» (Sawicka 1974: 32). В наши дни можно отметить новую тенденцию: «Типичное славянское различие твердых и мягких согласных отсутствует в разговорном языке. Это изменение привело к существенному упрощению польской фонетической системы» (Polnisch1-www).

В польском языке есть согласные, которые встречаются также в некоторых штокавских говорах: **ź** (*ziarno* ‘зерно’, *zielony* ‘зеленый’),²²² **ś** (*śliwa* ‘слива’, *śnieg* ‘снег’) и **ż** (*dzwon* ‘колокол’, *dzwig* ‘кран, лифт’). Согласный **ś** не появляется в русском языке в самостоятельном виде. «Звук близкий к польскому **ś** слышится при произношении русского **щ** как звука долгого и мягкого [ш’], например, в таких словах как *пища*, *щенок*, *сча-*

²²² «Звонкий согласный **ź** близок к русскому мягкому **жъ** в таких словах как *вожжи*, *дрожжи*, *визжать*, *позже*, но это звук нормальной долготы, т. е. он короче, чем в приведенных словах» (Karolak/Wasilewska 1977: XXIII).

стью, песчаный, но без долготы, характерной для русского щ» (Karolak/Wasilewska 1977: XXI).

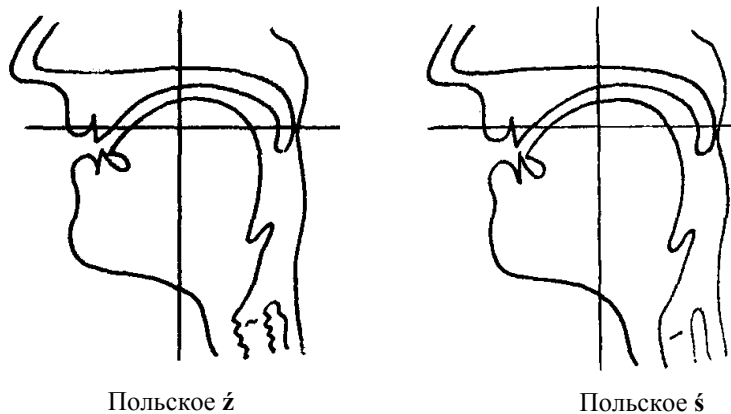

Рис. 67. Артикуляционные профили польских согласных *ź* и *ś* (Bał 1977: 70)

В отличие от с.-х.-б., в польском есть звонкая аффриката **dz** (*bardzo* 'очень', *dzwonek* 'звонок'), встречающийся в некоторых штокавских говорах.

В сравнении с.-х.-б. с этим языком обнаруживается еще одно различие – наличие оглушения в конце слова в польском: *póź* [ʃ] 'нож', *ząb* [p] 'зуб'. «В абсолютном конце слова (т. е. в конце отдельно стоящего слова и в конце предложения) происходит так называемое конечное оглушение согласных: звонкие звуки становятся глухими. Поэтому и слово *kot* 'кот', и слово *kod* 'код' в абсолютно финальной позиции произносятся как [kot]» (Lubaś/Molas 2002: 373).²²³

По отношению к с.-х.-б. на диалектном уровне одной из наиболее ярких черт польских народных говоров является мазурение. «Этим термином обозначается особенность некоторых польских диалектов, заключающаяся в том, что на месте общепольских шипящих [š], [ž], [č], [dž] стали произноситься свистящие [s], [z], [c], [dz]. Так, общепольские [šyja], [žyto], [čapka], [ježdže] произносятся [syja], [zyto], [capka], [jezdze]. Явление это охватывает значительную территорию страны: Мазовше, Малопольшу, а также северные районы Силезии. Не знают мазурения велико-

²²³ Более подробно о фонологических различиях между польским и сербско-хорватским см. Sawicka 1988.

польский, хелминско-мазовецкий диалекты, Южная Силезия и пограничные районы» (Posvjanskaja 1977: 20–21).²²⁴

293. Чешский язык располагает значительно меньшим числом согласных, чем польский. Как и в с.-х.-б., в чешском выделяют 25 согласных (Havranek/Jedlička 1996: 14, Širokova 1952: 12, Šlosar 2002: 514), но некоторые лингвисты насчитывают 27 согласных (Čechová et al. 1996: 32), другие же – лишь 24 (Vintr 1986b: 77). Система из 27 согласных выглядит следующим образом:

	Спо- соб арти- куля- ции	Глу- хость/ звон- кость	Место артикуляции						
			Губно- губные		Губно- зубные		Пала- таль- ные	Веляр- ные	Ларин- галь- ные
Шумные	Смыч- ные	зв.	b		d		d'	g	
		гл.	p		t		t'	k	
	Фри- ка- тив- ные	зв.		v	z	ʒ	ɟ	x	
		гл.		f	s	ʃ			h
	Аф- фри- каты	зв.			ɟʒ	ʒʃ			
		гл.			ts	tʃ			
Сонорные	Носовые		m		n		ɲ		
	Боковые				l				
	Дрожащие				r	ʀ			

зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 132. Согласные фонемы чешского языка

В чешском различаются твердые согласные (**d, h, ch, k, n, r, t**), нейтральные или средние согласные (**b, f, l, m, p, s, v, z**) и мягкие согласные (**č, ě, d', j, ň, ř, š, t', ž**) – Tschechisch1-www. Согласные **d, t** и **n** перед **ě** и **i** произносятся мягко. По твердости и мягкости различается меньше согласных, чем в с.-х.-б., и еще меньше по отношению к русскому языку, так как пары по этому признаку образуют только **n – ň, t – t', d – d'**. Все

²²⁴ О системе согласных польского языка, особенно в их диахроническом освещении см. Seliščev 2010: 295–336.

остальные согласные являются только твердыми или только мягкими. Чешские **ň**, **t'**, **d'** намного мягче соответствующих русских (Širokova 1952: 13). Заметно мягче русских чешские **ž** и **š**, ср. *život* 'жизнь' – *живот*, *široký* – *широкий*. «Чешское **ř** звучит мягче **š**, но не достигает той мягкости, которая характерна для русского **ř**» (Širokova 1952: 13).²²⁵ Чешское твердое **l** является по отношению к русскому твердому **l** более мягким, но значительно тверже русского мягкого **l'**: *málo* – *мало*, *lak* – *лак*, *list* – *лист*, *les* – *лес*). Как в с.-х.-б. и в отличие от русского языка, перед чешскими гласными **i**, **e** могут произноситься и мягкие и твердые согласные.

В сравнении с с.-х.-б. чешский язык имеет следующие особенности: дрожащий **ř**, ларингальный **h**, мягкие **ř**, **ž** и **š**, палатальные **d'** и **t'**, а также слоговые **l** и **m**.²²⁶

Звук **ř** отличается сложной артикуляцией, состоящей одновременно из вибрации и фрикации (**r'ž**). Обычно он бывает звонким (*řada* 'ряд', *Řím* 'Рим'), но после глухих согласных произносится глухо (*tři* 'три', *skříň* 'шкаф'). Его артикуляция очень сложна для иностранцев, потому что необходимо одновременно произнести **r** и **ž** (в колебательное движение приходит большая часть языка, чем при артикуляции обычного переднеязычного **r**) – Tschechisch3-www. «Произношение на месте **ř** двух звуков ([rž] или [rʃ]) является неправильным; правильная артикуляция такова: нужно произносить [ž] (для звонкого **ř**) или [š] (для глухого **ř**) и одновременно с этим, а не после этого начать совершать колебательные движения кончиком языка» (Vintr 1986b: 75). Между артикуляцией звуков **r** и **ř** есть четкие различия: «Согласные **r** и **ř** являются язычными дрожащими звуками, т. е. при их артикуляции кончик языка дрожит (особенно сильно – в области альвеол). Края языка за кончиком языка прижаты к небу, как и при произнесении всех описанных ранее согласных за исключением **l**; но при артикуляции **ř** передняя часть спинки языка приближена к твердому небу, так что язык принимает форму небольшой трубочки, как при произнесении **ž** и **š**. В этой трубочке поток воздуха подвергается воздействию трения, отчего и создается шум, который смешивается с шумом, возникающим благодаря вибрации кончика языка, как при произнесении **r**. Оба этих шума звучат одновременно, а не последовательно; не вполне точно говорить, что **ř** состоит из **r** и произнесенного быстро вслед за ним **ž** или **š**» (Trávníček 1954: 17). Оба этих согласных являются ротовыми (**r** – звонкий, **ř** – звонкий или глухой), причем **ř** произносится звонко перед глас-

²²⁵ А. М. Селищев утверждает, что чешский **ř** близок по образованию к московскому **ř** (Selišev 2010: 62).

²²⁶ Здесь не учитываются редкие случаи слогового **m** в с.-х.-б.

ными и между двумя гласными (*řasa, řez, vařiti, bouře...*), после звонких согласных (*dři, zřídlo, mřiti*) и перед звонкими согласными (*řvati, hořlavý*). «Он является глухим на конце слова перед паузой (*tvář, zvěř...*), после глухих согласных (*tři, při, křítí...*) и перед глухими согласными (*vařte, bořte, věřte...*). В отличие от пар **z – s, ž – š, d – t** и т. п. звонкое и глухое **ř** записываются совершенно одинаково» (Trávníček 1954: 17).²²⁷

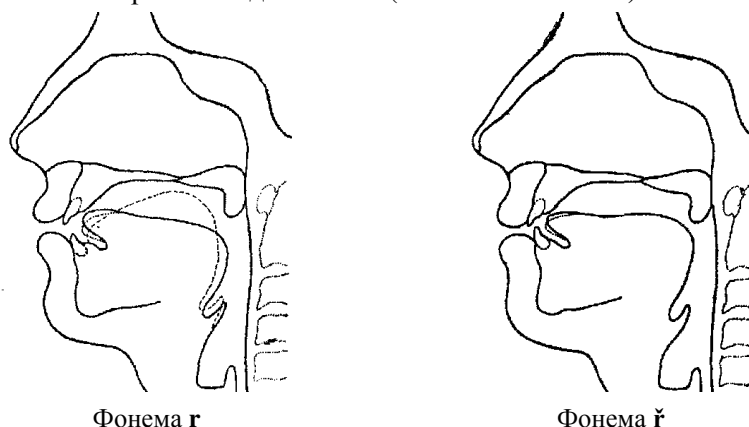

Рис. 68. Артикуляционные профили чешских согласных **r** и **ř** (Palková 1977: 231)

Чешское **ř** является мягким, но все же в меньшей степени, чем русское **ř** (Širokova 1952: 13). В отличие от с.-х.-б. фрикативных **з** и **ж**, со-

²²⁷ Его артикуляцию объясняет А. Широкова следующим образом: «Чешское [ř] представляет собой соединение вибрации с фрикативным шумом. При артикуляции [ř] бока языка упираются в десны верхних зубов и прилегающую часть твердого нёба. Вибрирует лишь самая передняя часть кончика языка. Вибрация сопровождается свистящими или шипящими шумами, которые возникают в результате трения выдыхаемой струи воздуха о края узкого отверстия между небом и спинкой языка и разбиванием ее о зубы. Кончик языка при [ř] больше приближается к верхним зубам, чем при [r]. Примешиваемое к раскатам шипение довольно мягкое» (Широкова 1952: 14). Она добавляет, что **ř** означает особый мягкий звук типа **r'z'** или **r'ž'**, причем **z'** и **ž'** произносятся не после **r** а одновременно с ним. Далее констатируется, что звук **ř** может звучать звонко и глухо. «Глухо он произносится в конце слова, перед глухими согласными и после глухих. В конце слов: *tvář* 'лицо' произносится как [tvār'š̌], *čtenář* 'читатель' [čtenār'š̌]; после глухой: *před* 'перед' [pr'š̌ed] [...] Во всех остальных положениях [ř] выступает как звонкое [r'ž̌]: *řada* 'очередь' [r'ž̌ada], *řeka* [r'ž̌eka], *řvati* 'реветь' [r'ž̌vāt'i]» (Широкова 1952: 14).

гласные **ž** и **š** в чешском являются мягкими. Ср.: *život* (с.-х.-б.) – *život* (чеш.) ‘жизнь’, *širokí* (с.-х.-б.) – *široký* (чеш.) ‘широкий’.

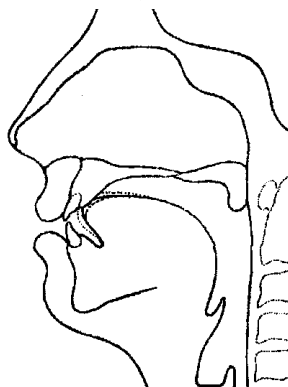

Рис. 69. Артикуляционный профиль чешского согласного **ž** (Palková 1977: 235)

В сравнении с твердыми согласными **z** и **s** в с.-х.-б., их чешские эквиваленты являются мягкими.

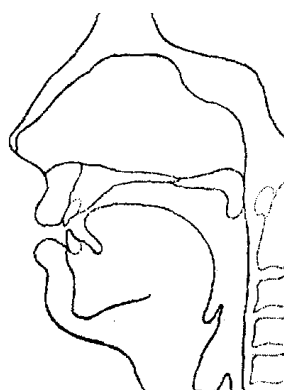

Рис. 70. Артикуляционные профили чешских согласных **z** и **s** (Palková 1977: 229)

В отдельных словах **ž** встречается в начале слова: *džban* ‘кувшин, жбан’, *džber* ‘ушат, кадка’. Аффриката **č** встречается лишь изредка, например, в глаголе *dzinkat* ‘звякать; от междометия *dzink*’.

Согласный **h** является ларингальным, фрикативным, звонким и произносится почти как украинский **h**; *noha* ‘нога’, *hora* ‘гора’, *holub* ‘голубь’, но отличается от него не только местом образования (укр. **h** задненебное), но и бóльшим участием голоса (Širokova 1952: 13; 1977: 73).

Фонема **l** похожа на средневропейское **l**. Различие между с.-х.-б. и чешским состоит в том, что в чешском есть не один слогообразующий согласный (как **l** в с.-х.-б.), а три: **l**, **l̥** и **m**: *prst* ‘палец’, *vlk* ‘волк’, *sedm* ‘семь’ (см. Fischer 1954: 86). Благодаря этому могут существовать слова,

состоящие только из согласных, напр., *scvrkl* 'сморщенный', *čtvrthrst* 'четверть пригоршни'.

Чешские согласные **n, t, d, n', t', d'** более отодвинуты назад, чем в русском языке.

В отличие от с.-х.-б., в конце слова звонкие согласные произносятся глухо (оглушаются): *dub* [dup] 'дуб', *jed* [jet] 'яд', *lev* [lef] 'лев'.

Тремя наиболее частотными согласными чешского языка являются **s, l** и **n** (Vintr 1986: 76), тогда как в с.-х.-б. наиболее частотны **n, s** и **i** (по данным Корпуса «Gralis»).

294. Словацкий язык располагает 27 согласными фонемами (Pauliny 1997: 23).²²⁸

	Способ артикуляции	Глухость/звонкость	Место артикуляции						
			Губно-губные		Губно-зубные		Палатальные	Велярные	Ларингальные
Шумные	Взрывные	зв.	b		d		d'	g	
		гл.	p		t		t'	k	
	Фрикативные	зв.		v	z	ʒ	ɲ	x	
		гл.		f	s	ʃ			h
	Аффрикаты	зв.			ɟ	ʒ			
		гл.			ts	tʃ			
Сонозные	Носовые		m		n		ɲ		
	Боковые				l		l'		
	Дрожащие				r				

зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 133. Согласные словацкого языка

В словацком языке есть (1) твердые согласные (**g, x, h, k, d, n, t**), (2) мягкие согласные (**ts, ɟ, ɲ**) с надстрочным знаком «mäkčeň»²²⁹ (напр., **tʃ, d'**)

²²⁸ А. ГЛАДРОВ перечисляет большее количество согласных (29), но она не отличает согласные фонемы от согласных графем: «В словацком языке противопоставляются следующие согласные: **b, c, č, dz, dž, f, g, x, ch, j, k, l, l', m, n, ň, p, q, r, ř, s, š, t, t', v, w, z, ž**» (Gladrow 2002: 483).

и (3) амбивалентные согласные (**b, m, p, r, s, v, z, f**) – Slowakisch-www. В словацком языке мягкими являются только **d', t', ň, l'**.

В сравнении с твердыми согласными **ɸ, ʒ, ʃ** в с.-х.-б. соответствующие словацкие звуки являются мягкими. Ср.: *časť* 'часть' – *čášt* 'честь', *naš* – *näš* 'наш', *koža* – *kôža* 'кожа', *cena* (словацк.) – *cénalcijèna* (с.-х.-б.) 'цена'. В с.-х.-б. отсутствует ларингальное **h**: *noha* – *nòga* 'нога'. Фонемы **d, t, n** и **l** произносятся мягко перед **e** и **i** (**d', t', n', l'**); язык при этом продвигается к передней части неба. «Есть ряд исключений из этого правила; прежде всего они затрагивают заимствованные слова (например, слово *telefón* 'телефон' произносится так же, как в немецком), но это касается некоторых исконных слов, например, *teraz* 'сейчас'» (Slowakisch1-www). Мягкость согласных **d, t, n** не во всех позициях передается графически с помощью **d', t', ň** (Slowakisch3-www).

В словацком языке, равно как в украинском и в чешском, есть ларингальное **h**, отсутствующие в с.-х.-б.

Согласные **l** и **r** могут быть слоговыми/слоγοобразующими (**l̥, r̥**) – как долгими, так и краткими (долгота на письме обозначается с помощью акута: **ř, ř̇**): *srdce* 'сердце', *vrba* 'верба', *dĺhý* 'длинный', *stĺp* 'столб'.

Есть и еще одно различие между с.-х.-б. и словацким: в конце слова словацкое **v** произносится как краткий неслоговой (билабиальный) **u̥**: *pravda* [praɯda] 'правда', *študentov* [ʃtudentou̥] 'род. мн. от *študent* (студент)'

В отличие от с.-х.-б. в конце слова происходит оглушение согласных: *dub* [dup] 'дуб'.

295. В е р х н е л у ж и ц к и й я з ы к имеет по одним данным 31 согласную фонему: 11 сонантов (**j, l, r, r', n, n', m, m', ɯ, ɯ', h**) и 20 шумных (**p', p', b, b', f, v, t, d, c, c', s, z, ʒ, č', ʒ', š', ž', k, g** и **χ**; Lewaszkiewicz 2002: 346), а по другим 32 (Ševc 1968: 43). В последнем источнике приводятся следующие согласные:

²²⁹ «Гачек (č, чеш. *háček* 'крючок', уменьшительное от *hák* 'крюк'; словацк. *mäčček*, верхнелуж. *hóčka*, нижнелуж. *kokulka*; словенск. *strešica*, разг. *klinček*; хорв. *kvačica*; польск. *daszek*; серб. *kvaka*) – это диакритический знак, обозначающий особое произношение буквы или ударение» (Hatschek-www).

	Способ артикуляции	Глухость/звонкость	Место артикуляции													
			Губные				Язычные									
			Губно-губные		Губно-зубные		Зубные		Альвеолярные		Препалатальные		Велярные		Ларингальные	
т	м	т	м	т	м	т	м	т	м	т	м	т	м			
Шумные	Взрывные	зв.	b	b'			d					g				
		гл.	p	p'			t					k				
	Фрикативные	sh.	w	w'		v	z	z'			ɨ	ɜ			ɦ	
		sl.			f		s				ʃ	x				
	Аффрикаты	sh.					ɟ				ʒ					
		sl.					ts	ts'			tʃ					
Сонорные	Носовые		m	m'					n	ɲ						
	Боковые								l							
	Дрожащие								r	ɾ						

т – твердые, м – мягкие, зв. – звонкие, гл. – глухие

Табл. 134. Согласные верхнелужицкого языка (Ševc 1968: 43)²³⁰

Дж. Стоун придерживается мнения, что в верхнее- и нижнелужицком 29 согласных фонем (Stone 1986: 97).²³¹ П. Вовчерк выделяет 36 согласных, добавляя велярные **k^h** (находится в двух местах его таблицы), **k'**, **g'**, **x'**, **f'** и ларингальный **ɦ'** (Wowčerck 1955: 22). Кроме того, он упоминает еще один согласный, который есть также в с.-х.-б.: аффрикату **ɟ**, которая произошла из праславянского **tj** и произносится мягче, чем **ɟ**: *ćichi* 'тихий', *ćma* 'тьма', *rećiće* 'вы скажете' (см. Wowčerck 1955: 22). В систему Вовчерка включен также **ɾ** – этот согласный произносится как **ʃ** и встречается только в группах согласных **kř**, **př** и **tř**: *křida* 'решето', *přiroda* 'природа', *třasu* 'я трясу' (Wowčerck 1955: 23). Во многих словах **ɾ** произносится как **c'**: *třo*, *tři* 'три', *třeleć* 'стрелять'. Каждому твердому согласному, как правило, соответствует мягкий; всегда твердыми являются

²³⁰ Таблица перепечатывается с незначительными изменениями.

²³¹ Он пишет: «Большая часть (27) нижнелужицких согласных фонем совпадает с верхнелужицкими» (Stone 1986: 98).²³¹

ts, s, z, d, t, w (ɟ) и **r** в группах согласных **kr, pr, tr**; всегда мягкими выступают **ʃ, ʒ, j, l, ɲ, ʝ, ɽ** и **ʒ** (Wowčerik 1955: 21).

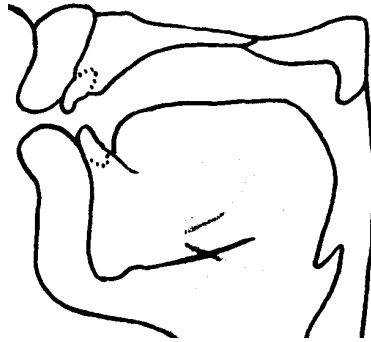

Рис. 71. Артикуляционный профиль лужицкого согласного **ɟ** (**w, ɟ**) – Ševc 1968: 35.

Согласный **ʒ** (**dž**), произошедший из **d + j**, звучит примерно как **dž**: *džak* ‘благодарность’, *widžu* ‘я вижу’, *na wodže* ‘на воде’ (Wowčerik 1955: 23).

Рис. 72. Артикуляционный профиль лужицких согласных **ʃ** и **ʒ** – Ševc 1968: 39.

Ларингал **ɦ** встречается в таких словах, как *noɦa* ‘нога’, *ɦora* ‘гора’.

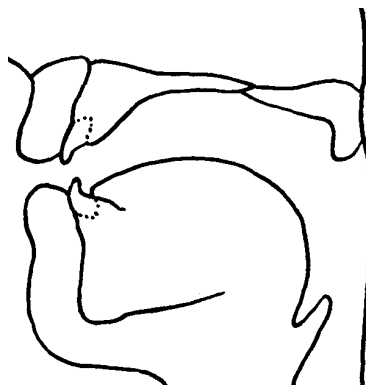

Рис. 73. Артикуляционный профиль лужицкого согласного **ɸ** (Ševc 1968: 41).

В верхнелужицком есть особые согласные, которые на письме обозначаются как **č, dž, ł, ŋ, ř, ć** и **ž**. В нижнелужицком их эквивалентами являются **č, ž, ł, ŋ, r, ć** и **ž**.

В лужицких языках есть шумный **č'**, который обозначается графемами **č** и **ć** и произносится как **sch** в немецком слове *lutschen* 'лизать' (Lewaszkiwicz 2002: 346).

В с.-х.-б., как и в русском, отсутствует мягкий **ts'**: *wotčina* [ɯots'ina] 'отчина'). Верхнелужицкие **š** и **ž** мягче соответствующих русских, а **ř** тверже.

Согласные **f, v, g** встречаются только в заимствованиях: *geofyzika, voltmeter* (Trofimovič 1977: 178).

Существует следующее несовпадение между верхнелужицким и русским: мягкие парные фонемы **p', b', m', n', r'** произносятся перед гласным непяреднего ряда с большей палатальностью, чем перед гласными переднего ряда, в то время как в русском бывает совсем наоборот (Trofimovič 1977: 178).

296. Нижнелужицкий язык имеет 36 согласных (Šwela 1952: 22). Эта цифра совпадает с данными П. ВОВЧЕРКА, в том числе и в отношении обоих веларных **k^h**. В этом языке есть **k', g', x', f'** и ларингальный **ɸ'**. Г. ШПИС постулирует меньшее количество фонем (30): **p, p', b, b', w, w', m, m', f, t, d, c, s, z, n, ŋ, l, r, ř, č, ć, š, ś, ž, ž', j, k, g, x** и **h** (Spieß 2002: 325).

В нижнелужицком есть аффрикаты, изображаемые на письме как **č** и **ć**: *česki* 'чешский' – *žowčo* 'девушка' (Schubert 2002: 327).

297. На основе проведенного анализа можно заключить, что в западнославянских языках больше согласных фонем, чем в с.-х.-б. На минимальном расстоянии от с.-х.-б. находятся чешский и словац-

кий языки, в каждом из которых на два согласных больше, чем в с.-х.-б. (27), а на максимальном расстоянии – польский (25 : 45). Промежуточное положение занимают верхнелужицкий (32) и нижнелужицкий (34).

Согласные западного суперкорреляционала						
№	С.-х.-б.	Чеш.	Польск. ²³²	Словацк.	Верхнелуж.	Нижнелуж.
1	b	b	b	b	b	b
2			b'		b'	b'
3	ts	ts	ts	ts	ts	ts
4			ts'		ts'	ts'
5	tʃ	tʃ	tʃ	tʃ	tʃ	tʃ
6	tɕ		tɕ			tɕ
7	d	d	d	d	d	d
8		d'	d'	d'		
9		ɖ	ɖ	ɖ	ɖ	ɖ
10			ɖ'			
11	ʒ					
12	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ
13			ʒ'			
14	f	f	f	f	f	f
15			f'			f'
16	g	g	g	g	g	g
17			g'			g'
18	x	x	x	x	x	x
19			x'			x'
20		ɸ		ɸ	ɸ	ɸ'
21	i̯	i̯	i̯	i̯	i̯	i̯
22	k	k	k	k	k	k
23			k'			
24	l	l	l	l	l	l
25	l̥					

²³² Здесь к 44 согласным, перечисленным в работе Falkenhahn/Zielke (1961: 33), добавлен i̯.

26			l'	l'		
27			ɫ			
28	m	m	m	m	m	m
29			m'		m'	m'
30	n	n	n	n	n	n
31			ŋ			
32	ń	ń	ń	ń	ń	ń
33	p	p	p	p	p	p
34			p'		p'	p'
35	r	r	r	r	r	r
36			r'		ř	ř
37		ř				
38	s	s	s	s	s	s
39			s'			
40	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
41			ʃ'			
42	t	t	t	t	t	t
43		t'	t'	t'		
44	v	v		v	v	v
45			w		w	w
46			w'		ŵ	ŵ
47	z	z	z	z	z	z
48			z'		z'	z'
49	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ
50			ʒ'			
	25	27	45	27	32	36

Табл. 135. Согласные западного суперкорреляционала

В с.-х.-б. и в западнославянских языках 19 общих фонем: **b, ts, tʃ, d, ʒ, f, g, x, i, k, l, m, n, p, r, s, t, z** и **ʒ**, что меньше, чем в южном суперкорреляционале (22).

К специфическим согласным фонемам западного суперкорреляционала относятся:

Специфические согласные западного суперкорреляционала						
№	С.-х.-б.	Чеш.	Польск.	Словацк.	Верхнелуж.	Нижнелуж.
1			b'		b'	b'
2			ts'		ts'	ts'
3	ʈʂ		ʈʂ		ʈʂ	ʈʂ
4		ʈʂ		ʈʂ		
5	tʃ		tʃ			tʃ
6		d'	d'	d'		
7		ɖ	ɖ	ɖ	ɖ	ɖ
8			ɖ'			
9			ʒ'			
10	ʒ					
11			f'			f'
12			g'			g'
13			x'			
14		ħ		ħ	ħ	ħ'
15			k'			
16	í					
17			l'	l'		
18			ɫ			
19			m'		m'	m'
20			ɳ			
21			n'			
22			p'		p'	p'
23		ř				
24					ř	ř
25			s'			
26			ʃ'			
27		t'	t'	t'		
28	v	v		v	v	v
29			w		w	w
30			w'		ŵ	ŵ
31			z'		z'	z'
32			ʒ'			
	5	7	25	7	12	15

Табл. 136. Специфические согласные западного суперкорреляционала

Эта таблица показывает, что в с.-х.-б. заметно меньше специфических согласных, чем во всех западнославянских языках. Минимальное расстояние наблюдается между с.-х.-б. и чешским и словацким (-2), а максимальное – между с.-х.-б. и польским (-20).

В сравнении с с.-х.-б. особенно специфичными являются: (1) позиционно мягкие согласные в польском, чешском, словацком и лужицком; (2) твердое **ǵ** во всех западнославянских языках и мягкое **ǵ'** в польском; (3) ларингальное **ɦ** в чешском, словацком и лужицком; (4) согласные **ɫ** и **ʒ'** в польском. Своеобразием с.-х.-б. составляет фонема **ʒ**. Звук **ɬ** представлен только в польском и в нижнелужицком. Некоторые из этих согласных встречаются в интракорреляционале с.-х.-б.

№	Серб./ хорв./ бошн.	Болг.	Мак.	Сло- венск.	Рус.	Укр.	Белор.	Чеш.	Польск. 233	Сло- вацк.	Верх- нелуж.	Ниж- нелуж.
1	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b	b
2		b'			b'	b'	b'		b'		b'	b'
3	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts	ts
4		ts'				ts'	ts'		ts'		ts'	ts'
5	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ		ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
6					ʃ''	ʃ''						
7	ʧ								ʧ			ʧ
8			ík									
9	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d	d
10		d'			d'	d'		d'	d'	d'		
11		ɖ	ɖ			ɖ	ɖ	ɖ	ɖ	ɖ	ɖ	ɖ
12									ɖ'			
13		ɖ'				ɖ'	ɖ'					

²³³ Здесь к 44 согласным, перечисленным в работе Falkenhahn/Zielke (1961: 33), добавлен **ɖ**.

[illegible]

55	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t	t
56		t'																	
57	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v	v
58		v'																	
59																			
60																			
61	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z	z
62		z'																	
63	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
64																			
65																			
66																			
	25	39	26	21	37	44	39	27	45	27	3	3	3	3	3	3	3	3	34

Табл. 137. Согласные фонемы в славянских языках

298. Анализ всех славянских фонематических корреляций показывает, что в с.-х.-б. есть 18 согласных, которые также представлены и во всех других славянских языках: **b, ts, d, f, g, x, j, k, l, m, n, p, r, s, š, t, v** и **z**. Если брать за основу с.-х.-б., становится очевидным, что (1) согласная фонема **ž** является его своеобразием, (2) согласный **č** есть в польском.

Специфическими славянскими согласными фонемами являются:

№	Серб./ хорв./ бошн.	Болг.	Мак.	Сло- венск.	Рус.	Укр.	Белор.	Чеш.	Польск.	Сло- вацк.	Верх- недуж.	Ниж- недуж.
1.		b'			b'	b'	b'		b'		b'	b'
2.		ts'				ts'	ts'		ts'		ts'	ts'
3.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ		ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
4.					ʃ''	ʃ''						
5.	ʈ								ʈ			ʈ
6.			ǰ									
7.		d'			d'	d'		d'	d'	d'		
8.		ʤ	ʤ			ʤ	ʤ	ʤ	ʤ	ʤ	ʤ	ʤ
9.									ʤ'			
10.		ʤ'				ʤ'	ʤ'					
11.	ʒ											
12.						ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ
13.									ʒ'			
14.			ǰ									
15.		f'			f'	f'	f'		f'			f'
16.	ʒ	ʒ	ʒ	ʒ								
17.						ʒ'						

	25	39	26	21	37	44	39	27	45	27		f'					
38.																	
39.					f':												
40.	t'				t'	t'		t'	t'								
41.	v'				v'	v'	v'										
42.									w			w			w		w
43.									w'			w'			w'		w'
44.	z'				z'	z'	z'	z'	z'			z'			z'		z'
45.							z'		z'								
46.					z':												
47.							ÿ́										
	25	39	26	21	37	44	39	27	45	27					32		34

Табл. 138. Специфические славянские согласные фонемы

299. В рамках уже описанной интерлингвистической корреляционной системы можно установить, что каждый язык обладает собственной системой фонем. По данным из различных источников, среди неславянских языков наибольшим числом фонем обладают абхазский (71) и цыганский (42), тогда как наименьшее число фонем имеют австралийский язык аранта (13) и финский (30). Среди славянских языков наиболее обширную фонемную базу имеют польский (52) и украинский (50), далее следуют белорусский и болгарский (45). Промежуточное положение занимают нижнелужицкий (41), верхнелужицкий (39), словацкий (38) и чешский (37), а на нижнем участке шкалы располагаются македонский (32), с.-х.-б. (31) и словенский (30).

№	Язык	Гласные	Согласные	Звуки
1	Польский	7	45	52
2	Украинский	6	44	50
3	Белорусский	6	39	45
4	Болгарский	6	39	45
5	Русский	6	37	43
6	Нижнелужицкий	7	36	43
7	Старославянский	11	29	40
8	Верхнелужицкий	7	32	39
9	Словацкий	11	27	38
10	Чешский	10	27	37
11	Македонский	6	26	32
12	С.-х.-б.	6	25	31
13	Словенский	9	21	30

Табл. 139. Количество фонем в славянских языках

300. Экстракорреляционал. Эта система охватывает отношения между согласными генетически различных языков. В данном случае речь пойдет о с.-х.-б. и немецком языке.

301. Относительно числа согласных в немецком языке высказываются различные мнения, и оценки колеблются в интервале от 20 до 30. В Dtv-Atlas (1992: 16) перечислена 21 согласная фонема.

Способ артикуляции		Место артикуляции						
		Губно-губные	Губно-зубные	Зубные/альвеолярные	Палатальные	Велярные	Увелярные	Глоттальные
Смычные	зв.	b		d		g		
	гл.	p		t		k		

Щеле- вые	зв.		v	z		j			
	гл.		f	s	(sch) š (дор- саль- ный)	(ich) χ	(ach) x		
Носо- вые		m		n			(ng) ŋ		h
Плав- ные	Длитель- ные/ боковые			l					
	Дрожа- щие			r				R	

Табл. 140. Согласные фонемы немецкого языка (Dtv-Atlas 1992: 16)

Б. ПОМПИНО-МАРШАЛЛ (1995: 253) выделяет 20 (23) согласных фонем. Кроме **ŋ** он в скобках приводит также **ç** (*Chemie, dich*) и **X** (*suchen, Buch*) – аллофоны **χ** (*machen, Dach*). Глоттальная смычка (**ʔ**) не обозначается в записи, напр., *vereisen* ‘замерзать’ [fəv’ʔaizən] = [fəv’aizən] vs. *verreisen* [fəv’vaizən] ‘уезжать’. Увулярное **r** передается знаком **ʀ** (*Rast* ‘отдых’, *Ehre* ‘честь’, *Herr* ‘господин’).

	Губ- но- губ- ные		Губ- но- зуб- ные	Зуб- ные	Аль- вео- ляр- ные	Пост- аль- вео- ляр- ные	Рет- ро- флекс- ные	Па- ла- таль- ные	Ве- ляр- ные	Уву- ляр- ные	Фа- рин- галь- ные	Глот- таль- ные
Взрыв- ные	b	p		t	d				k	g		(ʔ)
Носо- вые	m			n					ŋ			
Фрика- тивные	f	v	s		ʃ	ʒ		(ç)	(X)	χ	ʁ	h
			z									
Аппро- кси- манты								j				
Боковые апро- ксиманты			l									

Табл. 141. Инвентарь согласных немецкого языка
(Pompino-Marschall 1995: 253)

В эту систему включены также фрикативные \int (*schon* 'уже', *Masche* 'ячейка сита', *rasch* 'стремительный') и ʒ (*Garage* 'гараж').

В системе, предлагаемой Х. Гроссом, выделяются 25 согласных фонем (Gross 1990: 39).

LAUTE								ARTIKULATIONSART	
b		d		g				sth	Explosive (= Verschlußlaute)
p'		t'		k'				stl, aspir.	
pf	ts	tʃ						stl	Affrikaten (Expl.+Spir.)
	v	z		j				sth	Spiranten (= Reibelaute)
	f	s	ʃ	ç	x		h	stl	
m		n		ŋ				sth	Nasale
		l						sth	Laterale
		r			R,ʀ			sth	Schwinglaute
								<div> glottal (Kehle) uvular (Zäpfchen) velar (hinterer Gaumen) palatal (vorderer Gaumen) alveolar (postdental) dental (Zähne) labio-dental (Unterlippe, Zähne) bilabial (Lippen) </div> oft unzutreffend als "guttural" zus. gefaßt	
								ARTIKULATIONSORT	

Рис. 74. Инвентарь согласных немецкого языка (Gross 1990: 39)

Есть и работа, в который перечислены 23 согласных фонемы (Potarova/Lindner 1991: 33).

Система немецких согласных

По способу образования	По месту образования										
	Губные		Губно-зубные		Передне-язычные		Средне-язычные		Задне-язычные		Гортанные
	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	Глухие	Звонкие	
Смычные взрывные	p	b			t	d			k	g	
Сонанты		m				n				ŋ	
Щелевые			f	v	s	z	ç ʃ	j ʒ	χ	ʁ	h
Дрожащие						r				R	
Плавные						l					

Рис. 75. Инвентарь согласных немецкого языка (Potapova/Lindner 1991: 33)

Классификация Duden Grammatik (1984: 38) содержит 25 (30) фонем. Сюда не включены аффрикаты **pf**, **ts**, **tʃ** и **ɕ**, которые упоминаются несколько позже (Duden 1984: 46–47). С их учетом немецкий язык располагает 29 или 34 согласными фонемами.

		Губные		Губно-зубные		Зубные		Переднеязычные		Заднеязычные		Язычковые		Гортанные	
		гл	зв	гл	зв	гл	зв	гл	зв	гл	зв	гл	зв	гл	зв
Смычные	слн	p				t		k							
	слб		b				d			g					
Носовые			m				n			ŋ					
Боковые							l								
Дрожащие							r						R		
Хлопки							ɾ						ɾ		
Щеле-	слн			f		(θ)		ç		x				h	

вые						s									
						ʃ									
	слб				v		(ð)								
							z	j					ʋ		
							ʒ								

гл – глухие, зв – звонкие, слн – сильные, слб – слабые

Табл. 142. Инвентарь согласных немецкого языка
(Duden Grammatik 1984: 38)

Два согласных в грамматике Duden приводятся в скобках: межзубные согласные **ɵ** (*Thriller* ['θrɪlɐ] – 'триллер') и **ð** (*Fathom* ['fæðəm] – 'фатом, морская единица измерения').

В грамматике Duden различаются два носовых – **n** и **ɲ** (*Nest* 'гнездо' – *lang* 'длинный'), а также три фонемы, выступающие одним соответствием в с.-х.-б. – **x**: это **ç**, **x** и **h** (*ich* 'я' – *ach* 'ах' – *Halt* 'остановка'). Также четыре немецких дрожащих имеют один эквивалент в с.-х.-б. – **r**: 1. многоударное переднеязычное **R** – **r**, 2. одноударное переднеязычное **R** – **r**, 3. язычковое **R** – **R** и 4. фрикативное **R** – **ʋ**.²³⁴ Специфичным для немецкого языка является гортанная смычка, обозначаемая как |, напр., *Verein* 'союз, общество' [fɛɐ̯|aɪn].

В других источниках различают в первую очередь два звука **r**: увулярное (язычковое) **R** и апикальное (переднеязычное) **r**. «Поскольку оба звука **r** с точки зрения языка равнозначны и в настоящее время свободно варьируют, в преподавании следует исходить из того варианта, который более близок родному языку обучаемых. Следует упомянуть также фрикативное [ʋ]» (Gehrman 1995: 228).

²³⁴ В таблице представлен и еще один знак – **ʀ**.

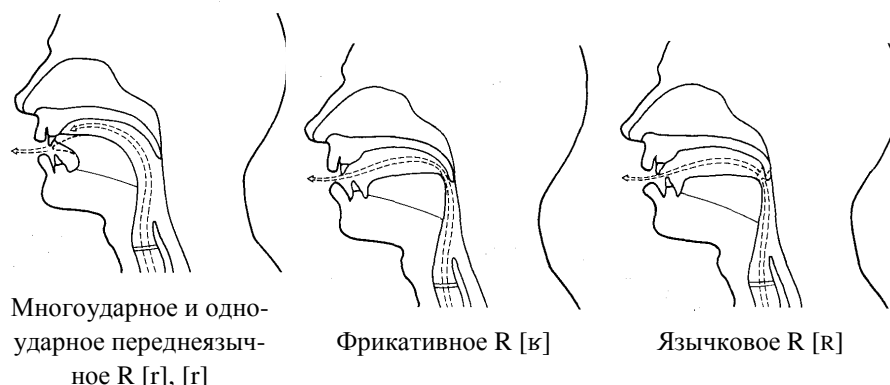

Рис. 76. Согласные типа **R** в немецком языке
(Duden Grammatik 1984: 47–48)

Артикуляция различных звуков **r** обладает следующими особенностями.

Переднеязычное **r** произносится следующим образом: «Кончик языка дотрагивается до верхних резцов или до альвеол и образует зубную или альвеолярную смычку. Поток выдыхаемого воздуха приводит кончик языка в движение, так что смычка и свободный проход быстро чередуются. [...] В немецком языке кончик языка осуществляет не более трех колебательных движений, а в исходе слога – только одно. Раствор губ и расстояние между зубами зависят от окружающих звуков. Небная занавеска поднята [...]

Язычковое **R** обладает такой артикуляцией: «Задняя часть спинки языка поднимается к мягкому небу и образует щель. Поток воздуха приводит язычок в движение, так что между язычком и поднятой задней частью языка постоянно создается и разрушается преграда. Образование и размыкание преграды чередуются между собой. Язычок ударяет о спинку языка. Раствор губ несколько шире, чем при произнесении переднеязычного [r]. Небная занавеска поднята» (Gehrmann 1995: 228–229).²³⁵

²³⁵ Автор приводит уточнение: «Умеренно литературное произношение» и литературный стандарт допускают использование и третьего звука типа r: фрикативного [ʁ]. При его произнесении задняя часть спинки языка приближается к язычку и образует щель. Шум трения слабый. Фрикативное [ʁ] должно четко отличаться от [x] (ach-Laut). Небная занавеска поднята» (Gehrmann 1995: 228–229).

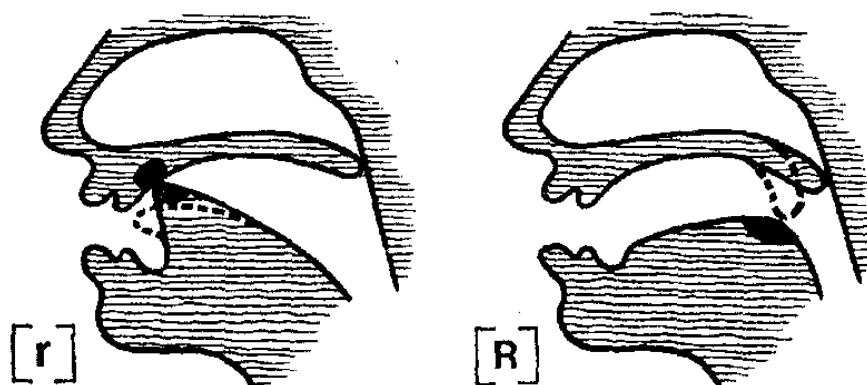

Рис. 77. Артикуляционные профили немецких согласных **r** и **R**
(Gehrmann 1995: 228)

В сравнении с с.-х.-б. обнаруживаются следующие различия: в с.-х.-б. имеется только **x**, тогда как в немецком есть три подобных звука: **x** – ach-Laut (велярный), **χ** – ich-Laut (палатальный) и **h** (глоттальный). В с.-х.-б. фонемой является только **n**, а в немецком носовой **ŋ** (*lange, Gang*) представляет собой фонему. Немецкий язык в соответствии с приведенной выше классификацией имеет два вида **r**: зубное/альвеолярное **r** и увулярное **R**. Это последнее отсутствует в с.-х.-б.: «[...] вместо него произносится переднеязычное [r]; в отличие от немецкого [r] хорватский звук r произносится со слишком большим числом ударов; их количество необходимо уменьшить [...]» – Gehrmann 1995: 71.

По отношению к с.-х.-б. немецкие звуки **ç** и **x** имеют особую артикуляцию.

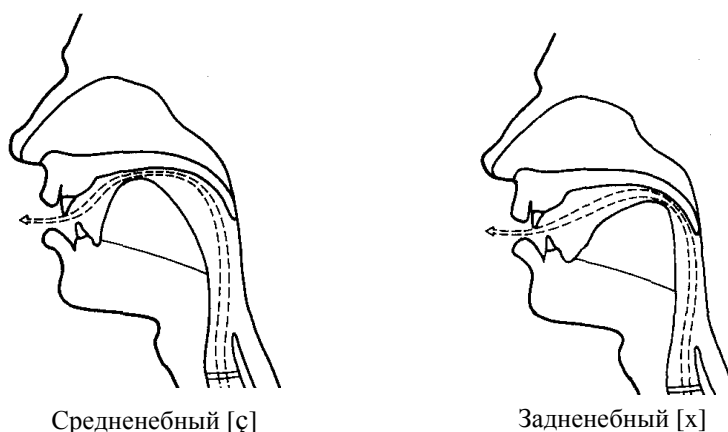

Рис. 78. Артикуляционные профили немецких согласных **ç** и **x**
(Duden Grammatik 1984: 47–48)

Они различаются следующим образом: «Передняя часть спинки языка приближается к среднему небу и образует палатальное сужение. Язык поднимается несколько выше, чем при произнесении [i]. Передняя часть языка примыкает к нижним резцам. В середине языка образуется широкая трубочка, через которую проходит поток воздуха [...] Мускульное напряжение и шум трения при произнесении глухого напряженного [ç] больше, чем при произнесении звонкого ненапряженного [j] – [...] Оба эти звука артикулируются в одном и том же месте. Губы образуют узкую щель. Положение губ и расстояние между зубами примерно такие же, как при произнесении краткого открытого [ɪ]. Небная занавеска поднята [...]» – Gehrman 1995: 198.

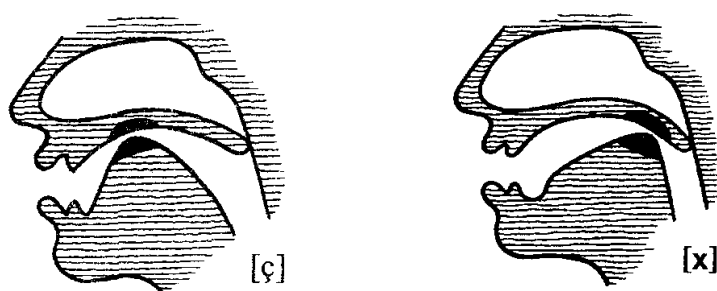

Рис. 79. Артикуляционные профили немецких согласных **ç** и **x**
(Gehrman 1995: 198, 204)

Согласный **x**, в с.-х.-б. ближе всего соответствует произношению немецкого **x** после задних гласных (*Bach* ‘ручей’, *doch* ‘но’, *Buch* ‘книга’), но шум трения немецкого **x** следует несколько ослабить: «Такой способ лучше всего позволяет получить усредненное произношение **x**; но иногда на месте этого звука можно услышать и немецкий гортанный **h** (как в слове *haben* ‘иметь’) – Schmaus 1964: 12. Ich-Laut в хорватском отсутствует; вместо него произносится хорватское **x**, которое представляет собой фрикативный, средний между немецкими *ich-Laut* и *ach-Laut* (Gehrman 1995: 69). Однако *ach-Laut* также не представлен в с.-х.-б.: на его месте произносится фрикативный **x**, хотя и «с большим расстоянием спинки языка от неба и с расслабленной мускулатурой: поэтому звук трения менее „резкий“, чем при произнесении немецкого [x]; артикуляция этого звука является промежуточной между *ich-Laut* и *ach-Laut* [...]» – Gehrman 1995: 69. В с.-х.-б. также нет ларингального фрикативного [h].

Если в с.-х.-б. есть **ɬ** и **ʃ**, то в немецком языке существует только аффриката **ʃ**, которая представляет собой тесное слияние зубного смычного **t** и палатоальвеолярного фрикативного **ʃ** (Duden Grammatik 1984: 46). Звук **t** и **ʃ** сливаются в **ʃ** (*Peitsche* ‘бич’, *Kutsche* ‘капета’). Согласный **ɬ** занимает промежуточное положение между **ts** и **ʃ**. Этот последний звучит более похоже на **ts** или **tʃ**, чем на немецкое **ʃ** (*tsch*) – Klaić/Miler 1910: 9.

Он произносится примерно как немецкое *ʧ* (tsch) в словах *Tschako* 'кивер', *Peitsche* 'бич': «Его звучание можно приблизительно описать как тесное слияние нем. *t* с *ich*-Laut (*ch* в слове 'ich'). Или же можно, начав произносить *č*, продвинуть тело языка вперед, пока кончик языка не коснется нижних резцов» (Schmaus 1964: 12). С.-х.-б. согласный *ʃ* произносится с более сильным выдвиганием губ вперед, чем немецкое *ʃ*. Ср.: *šàmarlšàmār* 'оплеуха', *šèšīr* 'шляпа', *šīpka* 'палка', *šūma* 'лес', *nāš* 'наш', *Sàša* 'Саша (имя собственное)' и *kōš* 'корзина'. Немецкое *ʃ* звучит «резче» (Gehrmann 1995: 69).

Согласный *ʒ* в с.-х.-б. и в немецком соответствует французскому *j* в *jour* 'день', *journal* 'газета' или французскому *g* в *étage* 'этаж', *paysage* 'пейзаж': *žēna* 'жена', *žīv* 'жив', *žūt* 'желтый'.

Согласный *ts* в с.-х.-б. и в немецком произносится одинаково (*Zimmer* 'комната' – *cīmer* 'сосед по комнате, товарищ').

С.-х.-б. согласные *f* и *j* (особенно если они находятся в середине слова) произносятся с меньшим шумом трения, чем в немецком, и поэтому звучат «менее резко».

Согласный *l* в с.-х.-б. звучит несколько более глубоко, чем немецкое *l*. Звуки *l̥* и *l̥* соответствуют итальянским *gl* и *gn* (как в словах *figlio* 'ребенок', *campagna* 'поле'): *vōlja* 'воля', *ljúbav* 'любовь', *Ljiljana* (женское имя); *pānj* 'пень', *njīva* 'поле', *kōnj* 'конь'.

Начальные глухие *p*, *t*, *k* в с.-х.-б. нельзя произносить с придыханием (аспирацией).²³⁶

Оппозиция по глухости/звонкости очень важна для с.-х.-б., потому что она часто играет смысловозначительную роль. Для носителей немецкого языка это представляет трудность, поскольку в немецком языке эта оппозиция не имеет сравнимой значимости. Оглушение представляет собой особенность немецкого языка: *Rad* [ra:t] 'колесо' – *rād* [rād] 'работа'. В отличие от немецкого, звонкие согласные с.-х.-б. в конце слов не изменяются, т. е. произносятся звонко: *národ* [národ] 'народ', *vóz* [vóz] 'поезд', *lāž* [lāž] 'ложь', *drúg* [drûg] 'друг'.

Общая система согласных фонем с.-х.-б. и немецкого языков выглядит следующим образом:

²³⁶ Оно отсутствует в словах типа *Pack* [p^hak^h] 'пакет' – *pāk* [pāk] 'но', *Tat* [t^ha:t^h] 'дело' – *tāt* [tāt] 'вор', *Talent* [t^ha'lent^h] – *tàlen(a)t* [tələnt] 'талант'.

№	С.-х.-б.	Нем.
1	b	b
2	ts	ts
3	ʈʂ	ʈʂ
4	tɕ	
5	d	d
6	ʒ	
7	f	f
8	ʃ	(ʃ)
9	g	g
10	x	x
11		ç
12		h
13	i	i
14	k	k
15	l	l
16	í	
17	m	m
18	n	n
19	ñ	
20		ŋ
21	p	p
22	r	
23		R
24		ʀ
25		ʁ
26		ʁ
27	s	s
28	ʃ	ʃ
29	t	t
30	v	v
31	z	z
32	3	3
	25	27

Табл. 143. Согласные фонемы с.-х.-б.
и немецкого языков

В этот экстракорреляционал входят следующие специфические согласные фонемы:

№	С.-х.-б.	Нем.
1	ɬ	
2	ʒ	
3		ç
4		h
5	í	
6	ń	
7		ŋ
8	r	
9		R
10		ʀ
11		ʁ
12		ʁ
	5	7

Табл. 144. Специфические согласные
в корреляционале с.-х.-б. и нем. языков

В сравнении с немецким языком особенности с.-х.-б. таковы: согласные **ɬ**, **ʒ**, **í**, **ń**, недифференцированное **r** (итого 5 согласных фонем). Своеобразием немецкого языка являются **ç**, **h**, **ŋ**, **R**, **ʀ**, **ʁ** и **ʁ** (7 фонем).

Что касается русского языка, то наблюдаются следующие несовпадения: 1. Если учесть, что общее число согласных в русском 34, а в немецком соответственно 22 или 23 (колебания связаны с неопределенностью статуса немецкого **ç**), то число нешумных в языках составляет соответственно девять и семь (Zeleneckij/Monachov 1983: 41). 2. Важнейшей особенностью русского консонантизма и его основным отличием от немецкого является наличие пятой ступени расширения, связанной с признаком велярности: «Здесь представлены десять четких коррелятивных пар (типа /п/ : /пʲ/, /с/ : /сʲ/ и т. п.), так что данным РП [различительные признаки, Б. Т.] не охвачены лишь аффрикаты и низкие недиффузные /х/, /к/, /г/. Обычно эта корреляция описывается как основанная на признаке палатальности. Однако нейтрализация оппозиции перед /е/, где возможен лишь палатальный (ср. русское *о месте* и *о мести* при формах *мест* и *месть*), указывает на целесообразность интерпретации велярного согласного как маркированного члена» (Zeleneckij/Monachov 1983: 41). 3. Усвоение немецких согласных фонем не вызывает у русскоязычного учащегося значительных трудностей. «Кардинальное расхождение языков связано с наличием в русском РП „велярность“, не представленного в немецком. При усвоении немецкого произношения это порождает ошибки в от-

ношении аллофонического варьирования согласных» (Zeleneckij/Monachov 1983: 43–44). 4. Трудности, связанные с различием немецких **x** и **ç** и обусловленные своеобразием аффрикат **ts** и **tʃ**. 5. Не имеющие параллелей в русском языке фонемы **ɲ** и **h** русским учащимся даются с большим трудом, причем наиболее типичными ошибками при этом являются: расщепление **ɲ** на **n** и **g**, а также замена **h** резким **x** (Zeleneckij/Monachov 1983: 43–44).

Ассимиляция согласных (Jednačenje suglasnika/konsonanata)

302. Под ассимиляцией (аккомодацией) понимают уподобление некоторых артикуляционных сегментов (компонентов) и признаков одних согласных артикуляционным сегментам или признакам других согласных, например: ассимиляция по звонкости (jednačenje po zvučnosti), ассимиляция по месту образования (jednačenje po mjestu tvorbe), ассимиляция по способу образования (jednačenje po načinu tvorbe). Бывает прогрессивная (нем. *Zimber* > *Zimmer*) и регрессивная ассимиляция (с.-х.-б. *bliz-ko* > *blisko*). Такие явления относятся к позиционным чередованиям.

Ассимиляция по звонкости (Jednačenje po zvučnosti)

303. Данное уподобление возникает в случае, если два шумных согласных (opstruenti, šumni suglasnici), т. е. не являющихся сонантами (**i, l, ĩ, m, n, ŋ, r**), следуют один за другим, при этом один из них звонкий, а другой – глухой (порядок неважен). Тогда первый из них уподобляется второму: звонкие согласные переходят перед глухими в глухие, и, наоборот, глухие согласные переходят перед звонкими в звонкие (регрессивная ассимиляция).

304. Парная категория звонкости/глухости проявляется у 14 согласных – всех взрывных (6), некоторых аффрикат (4 из 5) и щелевых (4 из 6), в то время как остальные (11) бывают только звонкими или глухими – аффрикаты (1 из 5), щелевые (2 из 6), носовые (3), боковые (2), дрожащие (1) и полугласные (2).

Взрывные	зв.	b		d			g
	гл.	p		t			k
Аффрикаты	зв.				ʒ	ʒ	
	гл.			ts	tʃ	tʃ	
Щелевые	зв.			z	ʒ		
	гл.		f	s	ʃ		x
Носовые	зв.	m			n	ŋ	
	гл.						
Боковые	зв.				l	ĩ	
	гл.						

Дрожащие	зв.				r			
	гл.							
Полугласные	зв.		v				i̯	
	гл.							

Табл. 145. Согласные по способу образования и наличию звонкости

Система согласных по этому признаку состоит из 15 звонких и 10 глухих согласных:

звонкие	b	d	g	ž	ẓ̌	z	ẓ				m	n	ń	l	ḷ	r	v	i̯
глухие	p	t	k	ʈ	ʈ̣	s	ʃ	ts	f	x								

Табл. 146. Звонкие и глухие согласные

Среди согласных только семь имеют пару по звонкости/глухости:

звонкие	b	g	d	z	ž	ẓ	ẓ̌
глухие	p	k	t	s	ʈ	ʃ	ʈ̣

Табл. 147. Парные звонкие и глухие согласные

Перед сонантами **m**, **n**, **ń**, **l**, **ḷ**, **r**, **v** и **i̯** ассимиляция по звонкости/глухости не происходит. Ср. 1) **b + n**: *gròḅnica* ‘могила’, **p + n**: *kòpno* ‘суша’, 2) **d + m**: *adṃirāl* ‘адмирал’, **t + m**: *òtṃical/òtṃica* ‘похищение’, 3) **g + l**: *ìzgḷēd* ‘внешний вид’, **k + l**: *kḷùb* ‘клуб’, **z + r**: *zṛák* ‘воздух’, **s + r**: *sṛěča* ‘счастье’. Если первый согласный звонкий, а второй глухой, то первый становится глухим. Например: *Ōn je sḷādak*. ‘Он сладкий; он мил.’ – *Ōna je sḷātka*. ‘Она сладкая; она мила.’

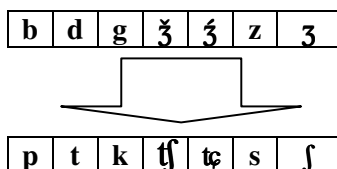

Рис. 80. Ассимиляция звонких согласных в глухие

Перед согласным **ts** звонкие согласные изменяются в глухие: **b + ts** > **pts**: *pòljubac* – род. ед. *poljubca* > *pòljupca* ‘поцелуй’, **g + ts** > **kts**: *ùbogac* – род. ед. *ubogca* > *ùbokca* ‘бедняк’, **ẓ + ts** > **ʃts**: *làžac* – род. ед. *lažca* > *làšča* ‘лжец’, **ẓ̌ + ts** > **ʈ̣ts**: *gololédac* – род. ед. *gololeđca* > *gololéc̣ca* ‘гимнот (вид рыбы)’, **z + ts** > **s**: *obṛàzadobrázac* – *obrazca* > *obṛàsc̣alobrásc̣a* ‘образец’.

Перед согласным **f** конечные звонкие согласные префиксов тоже переходят в глухие: а) **iz-** > **is-**: *isf̣abrikovati* ‘сфабриковать’, *isfantazírati* ‘придумать’, *isf̣ašírati* ‘прокрутить через мясорубку’, *isfenírati* ‘просушить’.

феном', *isfijúkati* *isfijúkati* 'отсвистеть' *isfíkariti* 'отсечь', *isfilozofíрати* 'сфилософствовать', *isfinansíрати* 'профинансировать', *isfinjen* 'отточенный', *isfinjenōst* 'отточенность', *isflekati* (se) 'запятнать (себя)', *isforsíрати* 'сфорсировать', *isfrizíрати* (se) 'причесать(ся)', *isfíljati* *isfíljati* *isfíljiti* (se) 'выбрасывать/выбросить', *isfrustríрати* 'фрустрировать', *isfúрати* 'спастись бегством', *isfúcati* se 'износиться', б) **od-** > **ot-**: *òtfáksati* 'передать по факсу', *otfíkariti* 'отсечь', *otfijúkati* *otfijúkati* 'выплюнуть', *òtfíljiti* 'отбросить', в) **pred-** > **pret-**: *pretfáza* 'предшествующая фаза, профаза', г) **raz-** > **ras-**: *rasfórmíрати* (se) / *rasfórmisati* 'расформировать(ся)', *ràsfrátriti* (se) 'стать расстригой', *ràsfućkati* 'разбазарить', д) **uz-** > **us-**: *ùsfaliti* 'иссякнуть', *usfí-kati* se / *usfíknuti* *ùsfíknuti*, 'фыркнуть, всфыркивать (о лошадях)'.

То же, что для **ts** и **f**, верно и для согласного **x**: **b + x** > **px** – *neobhodan* > *nèophodan* 'необходимый', **d + x** > **tx** – *pred-hoditi* > *prethòditi* 'предшествовать', *pred-hodan* > *prèthodan* 'предшествующий', *pod-hvat* > *pòthvāi* *pòthvat* 'затея, подвиг; подхват', *od-hraniti* > *othrániti* 'откормить', **z + x** > **sx** – *iz-habati* > *ishabati* (se) 'износить(ся), истрепать(ся)', *iz-hvaliti* > *ishvāliti* 'расхвалить', *iz-hladiti* > *ishlāditi* (se) 'охладить(ся)', *raz-hladiti* > *rashlāditi* (se) 'охладить(ся)', *raz-hod* > *rāshod* 'расход', *uz-hodati* > *ushódati* se 'начать ходить туда-сюда', *uz-ht(j)eti* > *ùsh(j)eti* 'захотеть, всхотеть'.

Глухие согласные **f**, **x**, **ts** в позиции перед звонкими не изменяются орфографически в звонкие (*Vr̥hbosna*, *Sālih̥bēgovíc̥*), в то время как звонкие перед ними оглушаются (*otfijúkati* *otfijúkati* 'отсвистеть', *otfíkariti* 'отсечь', *pretfáza* 'предфаза', в словах, связанных со значением (1) 'недооценивать': *potcéniti* *potcijèni*, *potcenjívānjet* *potcenjívānje*, *potcenjívati* *potcenjívati*, *potcenjívāč* *potcenjívāč*, *potcenjívāčkī* *potcenjívāčkī* (прилаг.), *potcenjívāčkī* *potcenjívāčkī* (нар.), *potcènjivōl* *potcènjivo*, (2) 'отделить, отцепить': *otcepljénjet* *otcepljénje*, *otcepljívānjet* *otcepljívānje*, *otcepljívati* *otcepljívati* (se), в сочетании приставка + корень **cvet-/cvijet-** 'цвет-': *nàtcvetan* *nàtcvjetan* 'надпестичный', *pòtcvetnī* *pòtcvjetnī*, 'подпестичный', *pòtcik*, *potcíknuti* *potcíkivati* *potcíkivānje* 'визжать', в словах типа: *dvanaestcilindričan* 'двенадцатицилиндровый', *otcàpariti* 'отломить', *otcvr̥kùtati* 'прочирикать, прощebetать', *otcéditil* *otcijèditi* 'процедить', *otcépiti* *otcijèpiti* (se) 'отсечь', *òtcupkati* 'уйти, подпрыгивая', *otcúriti* 'истечь', *pòtcentar* 'подцентр', *potcìkvenī* 'подцерковный', *pòtcrtati* *potcrtávati* 'подчеркнуть/подчеркивать' и т. п.

Сочетание **d + f** встречается в сложных словах (в т. ч. в немецких заимствованиях)²³⁷, таких как *rìndflajš* 'говядина', где **d** сохраняется вслед-

²³⁷ Следующие далее заимствования из немецкого взяты из словаря Й. Матешича (Matešić 1996).

ствие паузы в артикуляции. В словах с **g + f** зависит от паузы, **g** или **k** в них произносится: *šlàgfertig* 'готовый к бою, находчивый', *jùngfer(ica)* 'девственник/-ца', *jùngfersaft* 'девство', *fàgfürjäl fagfürja* 'китайский фарфор', *es-tagfirullāhl èstagfirullāh* 'прости Аллах!'. Комбинация **b + f** появляется в германизмах с префиксом **ab-**: *abfāl* 'отбросы, побочный продукт', *àbfèrtigung* 'осмотр; обслуживание' *abfèrtigatil àbfèrtigovati* 'обслужить' и **sub-**: *sùbfe-brīlan* 'субфебрильный', *subfèbrīlnōst* 'субфебрильность'.²³⁸

В случаях, когда первый согласный глухой, а второй звонкий, первый из них озвончается, напр.: *svät* 'сват' + **-b-a** > *svat-b-a* > *svàdba* 'свадьба'.

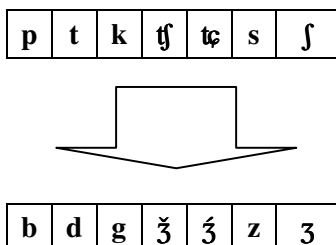

Рис. 81. Ассимиляция глухой согласный → звонкий согласный

Ассимиляция по звонкости охватывает следующие сочетания согласных:

Сочетание	Пример	Значение
b + k > pk	<i>dúbak</i> – род. п. ед. ч. <i>dúbk-a</i> > <i>dúpka</i>	ходунки
	<i>gìbak</i> – ж. р. <i>gìbk-a</i> > <i>gìpka</i>	гибкий
	<i>bábak</i> – род. п. ед. ч. <i>bábk-a</i> > <i>bapka</i>	рукоятка косы; божья коровка
	<i>pòrubak</i> – род. п. ед. ч. <i>pòrubk-a</i> > <i>pòrupka</i>	кайма, отделка по краю
b + ts > pts	<i>domoljúbac</i> – род. п. ед. ч. <i>domoljúpca</i>	патриот
	<i>knjigoljúbac</i> – род. п. ед. ч. <i>knjigoljúpca</i>	книголюб
	<i>pòljubac</i> – род. п. ед. ч. <i>pòljubpca</i>	поцелуй
	<i>rúbac</i> – род. п. ед. ч. <i>rùpca</i>	платок
	<i>stúbac</i> – род. п. ед. ч. <i>stúpca</i>	столбец
	<i>vrábac</i> – род. п. ед. ч. <i>vrápca</i>	воробей

²³⁸ См.: Matešić 1996.

	<i>zúbac</i> – род. п. ед. ч. <i>zúpca</i>	зубец
	<i>žábac</i> – род. п. ед. ч. <i>žápca</i>	самец лягушки
	<i>Šäbac</i> – род. п. ед. ч. <i>Šäpca</i>	Шабац (город в Сербии)
g + ts > kts	<i>dràgac</i> – род. п. ед. ч. <i>dragca</i> > <i>dràkca</i>	драгоценный камень
	<i>šègac</i> – род. п. ед. ч. <i>šegca</i> > <i>šèkca</i>	от <i>šéga</i> ‘шутка’; шутник, остряк
	<i>bògad bógac</i> – род. п. ед. ч. <i>bogca</i> > <i>bòkcal bókca</i>	бедняк
	<i>ùbogac</i> – род. п. ед. ч. <i>ubogca</i> > <i>ùbokca</i>	бедняк
	<i>šügac</i> – род. п. ед. ч. <i>šugca</i> > <i>šùkca</i>	чесоточный клещ
p + ž > bž	<i>čèvāp+džij-a</i> > <i>čevàbdžija</i>	продавец люля-кебабов (рулетов из мясного фарша)
	<i>čèvāp+džinīc-a</i> > <i>čevàbdžinīca</i>	ресторан, где предлагаются люля-кебабы
	<i>čèvāp+džijsk-i</i> > <i>čevàbdžijskī</i>	прилагательное к <i>čevàbdžija</i> – тот, который готовит и продает люля-кебабы
g + tʃ > ktʃ	<i>drugàčijē</i> > <i>drug-čij-e</i> > <i>drùkčijē</i>	по-другому
	<i>drag + -če</i> > <i>dràkče</i>	милый человек
k + ž > gž	<i>burek + džij-a</i> > <i>burègdžija</i>	тот, кто печет буреки (пирожки из слоеного теста с начинкой)
	<i>burek + džij-in</i> > <i>burègdžijin</i>	притяжательное прилагательное к <i>burègdžija</i> – тот, кто печет буреки
	<i>burek + džij-sk-i</i> > <i>burègdžijskī</i>	прилагательное к <i>burègdžija</i> – тот, кто печет буреки
	<i>burek + džin-ic-a</i> > <i>burègdžinīca</i>	ресторан, где предлагаются буреки
d + k > tk	<i>dòhodak</i> – род. п. ед. ч. <i>dòhotka</i>	доход
	<i>glàdak</i> – ж. р. <i>glàtka</i>	гладкий

	<i>izvadak</i> – род. п. ед. ч. <i>izvatka</i>	извлечение, выписка, выдержка
	<i>nàpredak</i> – род. п. ед. ч. <i>nàpretka</i>	прогресс
	<i>òtpadak</i> – род. п. ед. ч. <i>òtpatka</i>	отбросы
	<i>pòdbradak</i> – род. п. ед. ч. <i>pòdbratka</i>	подбородок
	<i>pògodak</i> – род. п. ед. ч. <i>pògotka</i>	попадание, гол
	<i>pòdmladak</i> – род. п. ед. ч. <i>pòdmlatka</i>	молодняк
	<i>pòredak</i> – род. п. ед. ч. <i>pòretka</i>	порядок
	<i>prègradak</i> – род. п. ед. ч. <i>prègratka</i>	отделение
	<i>prìgradak</i> – род. п. ед. ч. <i>prìgratka</i>	пристройка
	<i>prìplodak</i> – род. п. ед. ч. <i>prìplotka</i>	приплод
	<i>pròrèdak</i> – род. п. ед. ч. <i>pròrètka</i>	межстрочный интервал
	<i>rèdak</i> – род. п. ед. ч. <i>rètka</i>	ряд, строка
	<i>rijèdak</i> – ж. р. <i>rijètka</i>	редкий
	<i>slàdak</i> – ж. р. <i>slàtka</i>	сладкий, милый
	<i>židak</i> – ж. р. <i>žitka</i>	жидкий
z + p > sp	<i>iz-pisati</i> > <i>ispísati</i>	выписать
	<i>iz-praviti</i> > <i>ispraviti</i>	исправить
	<i>raz-kopati</i> > <i>raskòpati</i>	раскопать
	<i>raz-polagati</i> > <i>raspolágati</i>	располагать
z + ts > sts	<i>obrázac/obrâzac</i> – род. п. ед. ч. <i>obrásca</i>	образец
	<i>drvorézac</i> – род. п. ед. ч. <i>drvorésca</i>	резец по дереву
	<i>staklorézac</i> – род. п. ед. ч. <i>staklorésca</i>	стеклорез
	<i>knjigovézac</i> – род. п. ед. ч. <i>knjigovéscá</i>	переплетчик
	<i>puškomitraljézac</i> – род. п. ед. ч. <i>puškomitraljésca</i>	пулемет
	<i>ženomfzac</i> – род. п. ед. ч. <i>ženomfscá</i>	женоненавистник
s + g > zg	<i>Glasgow</i> > <i>Glazgov</i> , <i>Innsbruck</i> > <i>Inzbruk</i> , <i>Strasburg</i> > <i>Štrazburg</i>	Глазгов, Инсбрук, Страсбург

ž + c > t̚ts	<i>gololédac</i> – род. п. ед. ч. <i>gololéc̑ca</i>	вид рыбы (гимнот, электрический скат)
3 + k > ʃk	<i>držak</i> – род. п. ед. ч. <i>držka</i>	ручка, рукоятка
	<i>žizak</i> – род. п. ед. ч. <i>žiška</i>	светильник, ночник
	<i>uložak</i> – род. п. ед. ч. <i>uloška</i>	вкладка, вкладыш
	<i>umnožak</i> – род. п. ед. ч. <i>umnoška</i>	произведение (матем.)
	<i>težak</i> – ж. р. <i>teška</i>	тяжелый, трудный
	<i>uč-benik</i> > <i>ūdžbeničkī</i>	учебниковый
	<i>uruč-ba</i> > <i>urudžba</i>	вручение, доставка
	<i>uruč-beni</i> > <i>urudžbenī</i>	относящийся ко вручению, доставке
	<i>izruč-ba</i> > <i>izrudžba</i>	выдача, поставка
	<i>naruč-ba</i> > <i>narudžba</i>	заказ
	<i>naruč-bina</i> > <i>narudžbina</i> / <i>n̑arudžbina</i>	заказ
	<i>naruč-benica</i> > <i>narudžbēnica</i>	бланк заказа
	<i>poruč-bina</i> > <i>p̑orudžbina</i>	заказ
	<i>predoč-ba</i> > <i>pȓedodžba</i>	представление
	<i>predoč-ben</i> > <i>pȓedodžben</i>	умозрительный
	<i>jednač-ba</i> > <i>j̑ednadžba</i> / <i>jednā džba</i>	уравнение
	<i>svjedoč-ba</i> > <i>sv̑j̑edodžba</i>	свидетельство
	<i>srč-ba</i> > <i>s̑ȓdžba</i>	гнев
	<i>vrač-bina</i> > <i>vȓadžbina</i>	ворожба
	<i>otac-bina</i> > <i>otač-bina</i> > <i>òtadžbina</i>	отечество
	<i>otac-binski</i> > <i>otac-binski</i> > <i>òtadžbinskī</i>	относящийся к отечеству
	<i>otac-benik</i> > <i>otač-benik</i> > <i>òtadžbenik</i>	патриот
	<i>otac-beništvo</i> > <i>otač-beništvo</i> > <i>òtadžbenišтво</i>	патриотизм
3 + ts > ʃts	<i>tȓnožac</i> – род. п. ед. ч. <i>tȓnošca</i>	треног
	<i>crvenokóžac</i> – род. п. ед. ч. <i>crvenokóšca</i>	краснокожий (сущ.)
	<i>crnokóžac</i> – род. п. ед. ч. <i>crnokóšca</i>	темнокожий, чернокожий (сущ.)
	<i>bjelokóžac</i> – род. п. ед. ч. <i>bjelokóšca</i>	белокожий (сущ.)
	<i>rukodržac</i> – род. п. ед. ч. <i>rukodršca</i>	рукоять

<i>samodržac</i> – род. п. ед. ч. <i>samodršca</i>	самодержец
<i>bèzbožac</i> – род. п. ед. ч. <i>bèzbošca</i>	безбожник
<i>bèznožac</i> – род. п. ед. ч. <i>bèznošca</i>	безногий (сущ.)
<i>bodljokóžac</i> <i>bodljòkožac</i> – род. п. ед. ч. <i>bodljokóšca</i> <i>bodljòkošca</i>	иглокожее
<i>čtverónožac</i> <i>čtvorónožac</i> , <i>čtve- rónožac</i> <i>čtvorònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>čtveronóšca</i> <i>čtvorònošca</i> , <i>čtve- rónošca</i> <i>čtvorònošca</i>	четвероногое
<i>člankonóžac</i> <i>člankònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>člankònošca</i>	членистоногое
<i>debelókožac</i> <i>debelòkožac</i> – род. п. ед. ч. <i>debelokóšca</i> <i>debelòkošca</i>	толстокожий (сущ.)
<i>desetonóžac</i> <i>desetònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>desetónóšca</i> <i>desetònošca</i>	десятиног
<i>drvotřížac</i> – род. п. ед. ч. <i>drvotříšca</i>	лесоторговец
<i>dvonóžac</i> <i>dvònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>dvonóšca</i> <i>dvònošca</i>	двуногое
<i>dvoróžac</i> <i>dvòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>dvoróšca</i> <i>dvòrošca</i>	двурогое
<i>glavonóžac</i> <i>glavònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>glavonóšca</i> <i>glavònošca</i>	головоногое
<i>iglokóžac</i> <i>iglòkožac</i> – род. п. ед. ч. <i>iglokóšca</i> <i>iglòkošca</i>	иглокожее
<i>jednobóžac</i> <i>jednòbožac</i> – род. п. ед. ч. <i>jednobóšca</i> <i>jednòbošca</i>	монотеист
<i>kljunoróžac</i> <i>kljunòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>kljunoróšca</i> <i>kljunòrošca</i>	рогояз
<i>kozónóžac</i> <i>kozònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>kozónóšca</i> <i>kozònošca</i>	сатир
<i>kozoróžac</i> <i>kozòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>kozoróšca</i> <i>kozòrošca</i>	козерог
<i>kratkoróžac</i> <i>kratkòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>kratkoróšca</i> <i>kratkòrošca</i>	короткорог
<i>krilonóžac</i> <i>krilònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>krilonóšca</i> <i>krilònošca</i>	крылоногие
<i>krivobóžac</i> <i>krivòbožac</i> – род. п. ед. ч. <i>krivobóšca</i> <i>krivòbošca</i>	еретик

<i>krivonóžac/krivònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>krivonóšcal/krivònošca</i>	кривоногий (сущ.)
<i>lážac</i> – род. п. ед. ч. <i>lášca</i>	лжец
<i>listonóžac/listònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>listonóšcal/listònožac</i>	листоногое
<i>listoróžac/listòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>listoróšcal/listòrošca</i>	пластинчатоусое
<i>mnogobóžac/mnogòbožac</i> – род. п. ед. ч. <i>mnogobóšcal/mnogòbošca</i>	политеист
<i>neznabóžac/neznàbožac</i> – род. п. ед. ч. <i>neznabóšcal/neznàbošca</i>	язычник
<i>nosoróžac/nosòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>nosoróšcal/nosòrošca</i>	жук-носорог
<i>pljosnoróžac/pljosnòrožac</i> – род. п. ед. ч. <i>pljosnoróšcal/pljosnòrošca</i>	плоскорог
<i>pohižac</i> – род. п. ед. ч. <i>pohišca</i>	торговец вразнос; до- машняя собака, домаш- няя курица
<i>protivnóžac/protivnožac,</i> <i>/protivunóžac/protivùnožac,</i> <i>protunóžac/protùnožac</i> – род. п. ед. ч. <i>protivnóžcal/protivnožca,</i> <i>/protivunóžcal/protivùnožca,</i> <i>protunóžcal/protùnožca</i>	антипод
<i>ròžac</i> – род. п. ед. ч. <i>ròšca</i>	рожок
<i>silodřžac</i> – род. п. ед. ч. <i>silodřšca</i>	властитель
<i>skotolóžac</i> – род. п. ед. ч. <i>skotolóšca</i>	скотоложец
<i>škrگونóžac/škrگونònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>škrгонóšcal/škrгонònošca</i>	жаброногое
<i>stònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>stònošca</i>	сороконожка
<i>stòžac</i> – род. п. ед. ч. <i>stòšca</i>	конус
<i>tèljžac</i> – род. п. ед. ч. <i>tèljjšca</i>	недоуздок
<i>téžac</i> – род. п. ед. ч. <i>téšca</i>	труженик; барит (минерал)
<i>tvrdokóžac/tvrdòkožac</i> – род. п. ед. ч. <i>tvrdokóšcal/tvrdòkošca</i>	толстокожий (сущ.)
<i>ustonóžac/ustònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>ustonóšcal/ustònošca</i>	губоногое

	<i>veletržac</i> – род. п. ед. ч. <i>veletršca</i>	оптовый торговец
	<i>veslonóžac</i> <i>veslònožac</i> – род. п. ед. ч. <i>veslonóšca</i> <i>veslònošca</i>	веслоное
	<i>vlastodržac</i> – род. п. ед. ч. <i>vlastodršca</i>	властитель
	<i>zemljodržac</i> – род. п. ед. ч. <i>zemljodršca</i>	землевладелец
з + к > жк	<i>Rižkov</i> > <i>Riškov</i>	<i>Рыжков</i> (русская фамилия)

Табл. 148. Ассимиляция по звонкости

305. В правописании существуют определенные исключения, в которых звонкий **d** остается неизменным перед глухими **s**, **š** (графически **š/ш**), **ts** (**ц/ц**), **tš** (**ч/ч**) и **ť** (**ћ/ћ**). Есть множество слов, в которых не происходит изменения на письме согласного **d** в сочетании **d + s** / **d + š**:

a) **pred-** + **s**

prèdsjednik *prédsjednik* ‘председатель, президент’, *predstàvljāč* ‘исполнитель (на сцене и пр.)’, *prèdsrčje* ‘предсердье’, *prèdsōbljel* *préd-soblje* ‘прихожая’, *prèdsobnīl* *prédsobnī* ‘относящийся к прихожей’, *predsjedānje*, *prèdsjedānje*, *predsjedāvānje* ‘председательство’, *predstavljānje* ‘представление’, *predskázatil* *predskazívati* ‘предсказать/предсказывать’, *predskazívānje* *predskázānje* ‘предсказывание/предсказание’, *predstòjēči* ‘предстоящий’, *prèdsjedničkīl* *prédsjedničkī* ‘президентский, председательский’, *prèdstōjničkī* ‘принадлежащий начальнику’, *prèdstāvničkī* (*dom*) ‘палата представителей’, *prèdstrāža* ‘форпост’, *predsjedatil* *prèdsjedatil* *predsjedāvati* ‘председательствовать’, *prèdstojatil* *predstòjati* ‘предстоять’, *prèdstavljati* (*se*) / *prèdstaviti* (*se*) ‘представлять(ся)’, президент’, *prèdstōjnik* ‘начальник’, *prèdstāvnik* ‘представитель’, *predsjèdatelj* ‘председатель’, *prèdsmrtan* ‘предсмертный’, *prèdsjedničinl* *prédsjedničin* ‘принадлежащий женщине-президенту или председателю’, *prèdstōjnicāl* *prèdstōjnica* ‘начальница’, *prèdstōjničin* ‘принадлежащий начальнице’, *prèdsjedništvol* *prédsjedništvo* ‘президиум, председательство’, *prèdstōjništvo* от *prèdstōjnik* ‘начальство’, *prèdstāvništvo* ‘представительство’, *prèdsjednikovl* *prédsjednikov* ‘принадлежащий президенту/председателю’, *predstavljāčica* ‘исполнительница’, *prèdsjednicāl* *prédsjednicāl* *prèdsjednikovicāl* *prédsjednikovica* ‘президент (ж.), председатель, начальница’, *prèdstāvnica* ‘представитель (ж.)’, *prèdstāvka* ‘письменный доклад’, *prèdstaval* *prèdstava* ‘представление, выступление; премьера’, *prèdškolskī* ‘дошкольный’,

б) **pod-** + **s**

podsmjěšljivacl podsmjěvāč 'насмешник', *podstrèkāč* 'подстрекатель', *pòdstrěšje* 'подстрешье', *podsiječānje* 'подрезание', *pòdsticānje* 'подстрекательство, побуждение', *pòdsječānje/pòdsjēcānje* 'напоминание', *pòdsjedānje* 'осада', *pòdstavljati* 'подставлять, подкладывать', *pòdstavljanje* 'подставление, подкладывание', *podsmijávānje/podsmijěvānje/podsmijěhívānje/podsmjěšívānje/pòdsmijeh* 'насмешка', *podstreківānje* 'подстрекание, побуждение', *podšívānje* 'подшитие', *pòdstačil/pòdstàčil/pòdsticati* 'побудить, поощрить / побуждать, поощрять', *pòdsječil/pòdsijècati* 'подрезать/подрезать', *pòdstričì* 'подстричь', *podstrèkāčkì* 'подстрекательский, побудительный', *podsmjěvāčkìl/podsmjěvāčkì* 'насмешливо/насмешливый', *pòdstanarskì* 'относящийся к квартиросъемщику', *podsekrètār* 'заместитель секретаря', *pòdsticājnì* 'поощрительный, побудительный', *pòdšprajcati* 'подпереть', *pòdsjècati* 'напоминать', *podsjédati/pòdsjedati* 'осаждать', *podšísati* 'подстричь', *podsmijávati se / podmijèvati se / podsmijěhívati se* 'насмехаться, посмеиваться (над кем-л.)', *podskakívati* 'подскакивать', *podštapljívati se* 'опираться на клюку', *podšívati* 'подшивать', *pòdstrizati* 'подстригать', *podskòčiti* 'подскок', *podśaditi* 'посадить, рассадить (о растении)', *podslòniti se* 'приклониться', *podšápiti se* 'опереться на клюку', *pòdšiti* 'подшить', *pòdsjetiti* 'напомнить', *pòdstaviti* 'подставить', *pòdsjesti* 'осадить (крепость)', *podsmjěhnuti/pòdsmjehnuti se* 'усмехнуться', *pòdstàknuti/pòdstreknuti* 'побудить', *pòdsticāj* 'побуждение, импульс', *pòdstòlnjāk* 'подстольник', *pòdšavak* 'шов', *pòdstavak* 'подставка', *pòdsjek* 'подрезка', *pòdstrèk* 'побуждение', *pòdsjetnik* 'памятка; записная книжка', *pòdskok* 'подскок', *pòdsticatelj/pòdsticatěljka* 'тот/та, кто побуждает, подстрекает', *pòdsvjestan/pòdsvjestan* 'подсознательный', *pòdstrižen* 'подстриженный', *pòdstanārkìn* 'принадлежащий квартиросъемщице', *pòdsticalo* 'побудитель', *podsmijèvalo* 'тот, который посмеивается, издевается', *pòdsvjesno* 'подсознательно', *podsmjěšljivo* 'насмешливо', *pòdstanārstvo* 'съем', *pòdstanār* 'съемщик', *pòdsprat* 'полуподвальный этаж', *pòdsvijest* 'подсознание', *podsmjěšljivost* 'насмешливость', *pòdsjednūt* 'осажденный', *pòdšav* 'подвернутый шов', *pòdstanārev/pòdstanārov* 'принадлежащий квартиросъемщику', *podsekrètārev/podsekrètárov* 'принадлежащий заместителю секретаря', *podsmjěšljiv* 'насмешливый', *pòdšiv* 'подшив', *podstrekačica* 'подстрекательница', *podsmjěvāčica/podsmjěšljivica* 'насмехательница', *pòdsjetnica* 'записная книжка', *pòdstanārka* 'квартиросъемщица', *pòdstava* 'подкладка (на одежде)', *pòdsvōjkinja* 'приемная дочь', *pòdstāvka* 'подпункт',

в) **ispod-** + **s**

ispodsuncànik 'ветер под солнечными часами', *ispodsljèmenskī* 'подплеменский (местность под Слеме – Sljeme, горным пиком недалеко от Загреба)', *ispodsécatilispodsijècati* 'подрезать внизу (многократно)',

г) **od-** + **š**

odšapnutil / *odšapnutil* / *odšap̃atitil* / *odšap̃utati* 'прошептать', *odšaráfiti* 'отвинтить', *odšarajl̃jivati* / *odšraf̃itil* / *odšraf̃ljivati* 'отвинчивать', *odšvrl̃jati* 'праздно шататься', *odšep̃atitil* / *odšep̃atitil* / *odšep̃èsati* 'уковылять', *odšétati* (se) 'уйти, гуляя', *odšívānje* 'распарывание', *odšiti* (se) / *odšivati* (se) 'распороть(ся) / распарывать(ся)', *odškolovati* 'вышколить', *odškr̃inuti* (se) / *odškr̃iñjavati* 'приоткрыть(ся) / приоткрывать', *odškr̃ipati* 'уйти, поскрипывая', *odšlif̃ovati* 'отшлифовать', *odštāmpati* 'напечатать', *odštāmpāvānje* 'процесс распечатки', *odštèktati* 'уехать, издавая твякающий звук', *odšteta* 'возмещение', *odštet̃iti* 'возместить', *odštet̃ni* 'относящийся к возмещению', *odštećivati* 'возмещать', *odšt̃rcavati* 'опрыскивать', *odšúl̃jati* (se), *odšúñjati* (se) 'уйти крадучись', *odšút̃jeti* 'ответить молчанием', *odšús̃tati* 'ушуршать'.

306. Есть случаи, в которых комбинация (а) **t + d** записывается через **td**: *postdat̃irati* 'помечать более поздним числом', *postdèntālan* 'постдентальный', *postdipl̃omskī* и *pòstdipl̃omskī* 'последипломный', *pòstglacĩjāl̃ni* 'последнедикий', *kùnstdruk* 'художественная печать', *trideset̃dvòbit̃ni* 'тридцатидвухбитный' и (б) **d + t** через **dt**: *nàdt̃utorstvo* 'сверхопекунство', *odtugòvati* 'выстрадать', *pòdtačka* 'подпункт', *pòdtā̃jničkī* 'принадлежащий субсекретарю', *pòdtā̃jnik* 'субсекретарь', *pòdtā̃jñstvo* 'субсекретариат', *pòdtekst* 'подтекст', *podtéma* 'подтема', *podt̃žilac* 'соистец', *pòdtlāk* 'пониженное давление', *pòdturiti* 'подтолкнуть', *pòdtip* 'подтип', *predtākmičēnje* 'соревнование, предшествующее главному; предварительное соревнование', *predt̃urñir* 'отборочный турнир', *prèdturskī* 'дотурецкий', *lāndtāg* 'ландтаг, парламент федеральной земли', *pòdtačka* 'подпункт'.

307. Оглушенный **d** перед суффиксом **-sk-** не изменяется на письме: *ādiskī* 'адский', *ākordskī* 'аккордный', *alkalò̃diskī* 'алкалоидный', *b̃r̃diskī* / *b̃r̃dskī* 'горный', *br̃ò̃diskī* / *br̃ò̃diskī* 'корабельный', *bùrgenlandskī* 'бургенландский', *bùrgundskī* 'бургундский', *čirilomèt̃ò̃diskī* 'кирилло-мефодиевский', *dèkādskī* 'десятичный; декадный', *donjògradskī* 'относящийся к нижней части города', *epizò̃diskī* / *epizò̃diskī* 'эпизодически(й)', *gornjògradskī* 'относящийся к верхней части города', *gòspodskī* / *gòspodskī* 'господский/погосподски', *gòvedskī* 'говяжий', *grà̃diskī* / *grà̃diskī* / *grà̃diskī* / *grà̃diskī* 'по-

городскому/городской', *hòlandskil/hòlandskī* 'по-голландски/голландский', *invàlidskil/invàlidskī* 'по-инвалидному/инвалидный', *ìlandskī* 'исландский', *izvansùdskī* 'внесудебный', *kànādskī* 'канадский', *kàrbīdskī* 'карбидный', *knjigovòdskī* 'бухгалтерский', *lèopardskī* 'леопардовый', *lìstopādskī* 'октябрьский', *lìvādskī* 'луговой', *ljùdskil/ljùdskī* 'по-человечески/человеческий', *lòmbarđskī* 'ломбардский', *malògradskil/malogràđskī* 'провинциальный', *mèđugradskil/međugràđskil/međugradskī/međugràđskī* 'междугородный; в междугороднем масштабе', *mèdvjedskil/međvjedskī* 'по-медвежьему/медвежий', *mètòdskil/mètòdskī* 'методически(й)', *milijārdskī* 'миллиардный', *nàdljudskil/nàdljudskī* 'сверхчеловеческий', *nàdvojvodskī* 'эрцгерцогский', *nárođskī* 'народный', *něljudskī* 'нечеловеческий', *nòmāđskī* 'кочевнический', *novozèlāndskī* 'новозеландский', *ortòpēdskil/ortòpēđskī* 'ортопедически(й)', *pàrobroadskī* 'пароходный', *perìodskil/perìodskī* 'периодически(й)', *pràljudskī* 'первобытный', *prèdgradskī* 'предместный', *računovòdskī* 'счетоводный', *ràpsòdskī* 'рапсодический', *ròđskī* 'родовой', *sèfardskī* 'сефардский', *sinòdskī* 'синодальный', *sùdskil/sùdskī* 'судебный', *sùsjedskil/súsjedskī* 'соседский', *švèdskil/švèdskī* 'по-шведски/шведский', *tàlmudskī* 'талмудный', *ùredskī* 'офисный', *vagàbundskil/vagàbundskī* 'бродяжнический', *vānsudskī* 'внесудебный', *vanùredskī* 'внеофисный', *vèlegradskī* 'относящийся к большому городу', *vinogradskī* 'виноградный', *vīšegradskil/višeogradskī* 'относящийся к верхней части города; вишеградский (по городу Вишеград)', *vòdovodskī* 'водопроводный', *vojnosùdskī* 'относящийся к военному суду', *vojskòvodskil/vòjskovodskī* 'полководческий; военно-стратегический', *vòjvodskil/vòjvodskī* 'герцогский; принадлежащий воеводе', *záhodskī* 'туалетный', *závodskī* 'заводской'.

308. На письме не происходит ассимиляции звонких **d** и **ž** перед суффиксом **-stv-o**: *vòđā* 'руководитель' – **vod-stv-o**, **vod-stv-o** > *vòdstvo*, *vòđstvo* 'руководство', *djelovòđstvo* 'делопроизводство', *korovòđstvo/korovòđstvo* от *hòrovòđā/kòrovòđā* 'руководство хором; руководитель хора', *poslovòđstvo* 'делопроизводство', *vojvodstvo*: *vòjvodstvo/vòjvodstvo* 'воеводство', *gospodstvo* > *gospòdstvo* 'господство', *nasl(j)ed-stvo* > *násl(j)edstvo* 'наследство', *rukovod-stvo* > *rukovòdstvo* 'руководство', *sred-stvo* > *srèdstvo* 'средство'.

309. Есть и другие примеры, в которых ассимиляция по звонкости не находит поддержки на письме: 1. иностранные фамилии: *Jākobsōn* 'Якобсон', *Musòrgskī* 'Мусоргский', *Vāšingtōn* 'Вашингтон', *Blumìngton* 'Блумингтон', *Hābsburškā Monàrhija* 'Габсбургская монархия', 2. специальные термины, в особенности с латинским префиксом **ad-**: *àdhēzija* 'адгезия', *adskribíрати* 'припис(ыв)ать', *adstrikcija* 'ограничение', *adsorbíрати/àdsorbovati* 'адсорбировать', *adstringent* 'вяжущее средство', *adstringen-*

tan 'вяжущий', *adhèrent* 'приверженец', *adherèntan* 'сцепленный', *àdhezivan* 'вязкий, клейкий', *adhörtácija* 'побуждение', *àdskriptor* 'соподписант', *àdsertor* 'объявитель', *adsòrbāt* 'адсорбат', *adsòrbens* 'адсорбент', *adsòrbent* 'адсорбент', *àdsorbovati* 'адсорбировать', *adsòrpicija* 'адсорбция', *adstringens* 'вяжущее средство', *adstringèntan* 'вяжущий', 3. мусульманские имена типа *Mìdhāt* – *Mìthād*, *Subhīja* – *Suphīja*, *Edhem* – *Ethem*,²³⁹ 4. некоторые фамилии: *Dàbčević* – *Dàpčević*, *Zùbčević* – *Zùpčević*, 5. сокращения: *kg* 'килограмм', *dkg* 'декаграмм', *tzv.* 'так называемый', *tbc* 'туберкулез', 5. композиты *dvadesetdvogodišnjāk* 'двадцатидвухлетний мужчина', *četrvtgodište* 'квартал', *četrvtgodišnjāk* 'журнал, выходящий раз в квартал', *četrvtzavršnica* 'четвертьфинал', *Hòngkong* 'Гонконг', *pingpòngāš* 'игрок в пинг-понг', *pingpong* 'пинг-понг', *hòngkonškī* 'гонконгский', *džemsbòndovski* 'джеймсбондовский', *dràgstor* 'драгстор', *gàngster* 'гангстер', *prèsbiròl/presbirò* 'пресс-бюро', *štràjkbèher* 'штрейкбрехер', *politbirò* 'политбюро', *nòkdaun/nokdaun/nòkdāun* 'нокдаун', *lòngplēj* 'лонгплей', *plèbs* 'плебс', 6. слова типа *bùdšto* (род. *bùdčega*) 'что угодно', *kàdšto* 'иногда', *pòkadšto* 'иногда', *Mekdònāld/Mèkdōnald* 'Макдоналд', *Màkbet* 'Макбет', 7. топонимы: *Tbīlisi* 'Тбилиси', *ìvanićgràdskī* 'прил. от *Ivanić Grād*', 8. слова с приставкой *iznad-*, *ispod-*: *iznatpròsječan* 'незаурядный; выше среднего', *ispotpròsječan* 'заурядный; ниже среднего', 9. слово *vòdstvo* 'руководство', 9. слова типа *nàdteci* 'от *nad-* + *mèci* 'течь', *prèdtekst* 'исходный текст', *predtèrēn* 'предполье', *prèdtrka* 'предварительный забег', *jurisdikcija* 'юрисдикция', *transgrèsija* 'трансгрессия', *sùbpolāran* 'субполярный'. Но: *sùpstrāt* 'субстрат', *sùpstantiv* 'субстантив'.

В косвенных падежах фамилий есть две возможности: *Dábac* – *Dábcāl Dápca*, *Bóžac* – *Bóžcāl Bóšca*.

Немецкое слово *Röntgen* транскрибируется двумя способами: если речь идет об аппарате, применяется написание *rèndgen*, если же имеется в виду Вильгельм Конрад Рентген, его фамилия записывается как *Rèntgen*.

310. Интеркорреляционал. В хорватском правописании²⁴⁰ комбинация **d + c, č, ć** записывается как **dc, dč, dć**:

d + c > dc – *čeljádce*: уменьш. от *čèljād* 'люди, члены семьи, домашние; челядь, прислуга, слуги; домочадцы', *nàdcestār* от *nad* + *cèstār* 'работ-

²³⁹ «Мусульмане в Сербии записали свои имена с ассимиляцией по звонкости, в отличие от мусульман Боснии и Герцеговины» (Vuković 1974: 213).

²⁴⁰ Anić/Silić 2001: 135, Babić/Finka/Moguš 2000: 50, Badurina/Marković/Mićanović 2007: 31.

ник уличной службы', *nàdcestārev/nàdcestārov*: прил. от *nàdcestār*, *nàdčvjetnī* 'надпестичный', *otcàpariti* 'оттяпать', *odcijéditi/odcjedívati* 'выщедить/выщеживать', *odcijépitil/odcjepljívati* 'отрубить/отрубить', *odcjepljénje* 'отрубание', *otcúriti* 'утечь', *podcijéniti/podcjenjívati* 'недооцени(ва)ть', *podcijépitil* 'подломить, разорвать', *podcikívati* 'повизгивать', *pòdčrtati/pòdčrtávati* 'подчеркнуть/подчеркивать', *pòdčvjetnī* 'подпестичный',

d + č > dč – *domòrodčē*: уменьш. от *domoródacl/domòrodac* 'абориген', *mlàdčel/mladúnčē*: уменьш. от *mlàdac* 'мальчик', *mlàdčēv* притяж. прил. от *mlàdac* 'мальчик', *mèdvjedčē* 'медвежонок', *nàdčovječān/nadčovječānskī* 'сверхчеловеческий', *nàdčovječnōst* 'сверхчеловечность', *odčēpitil/odčepjljívati* 'откупори(ва)ть', *pòdčasnīčkī* 'унтер-офицерский', *podčīnitil/podčīnjávati* 'подчинить/подчинять', *podčīnjènik* 'подчиненный', *pòdčīnjenōst* 'подчинение, подчиненность', *podčīnòvnica* 'подчиненная', *podčīnòvnīčkī* 'принадлежащий подчиненному', *prègradčīc* уменьш. от *prègrada* 'перегородка', *vòdčēv* притяж. прил. от *vòdac* 'гид, проводник',

d + é > dé – *nadčūtīlan* 'сверхчувствительный', *nadčūtīlnōst* 'сверхчувствительность', *òdčušnuti* 'оттолкнуть'.

Особой позицией является граница между префиксом и корнем: «Фонема **d** с фонемами **c, č, é, ž** (**dž**) и **ž** на границе между префиксом и корнем произносится как **c, č, é, ž, ž**, что отображается на письме как **dc, dč, dé, dž** и **dd**: *podčrtati* (*pod + crtati* – произн. [pòc: rtati], *podčīniti* (*pod + čīniti* – произн. [poč: ĩniti], *odčarljati* (*od + čarljati* – произн. [oč: arljati], *poddžarnuti* (*pod + džarnuti* – произн. [pòž: ĩrnuti], *podđakon* (*pod + đakon* – произн. [pòž: akon])» (Anić/Silić 2001: 135).

311. В сербском правописании утверждены **tc, tč** и **té**, как в нижеследующих примерах:

tc – *nàtcv(j)etan* 'надпестичный', *otcàpariti* 'оттяпать', *otcvrkùtati* 'прощебетать', *otcéditi/otcijèditi* 'выщедить', *otcépiti (se) / otc(j)epjljívati (se) / otc(j)èpiti (se)* 'отрубить/отрубить', *otc(j)epjljénje/otc(j)epjljívānje* 'отрубание', *òtcupkati*: от *cùpkati* 'подпрыгивать, подскакивать', *otcúriti* 'утечь, убежать', *pòtcv(j)etnī* Adj. 'подпестичный', *potcijéniti/potcéniti – potc(j)enjívati* 'недооцени(ва)ть', *pòtcentar* 'субцентр', *potc(j)enjívānje* 'недооценка', *potc(j)enjivāč* 'тот, кто недооценивает', *potc(j)enjivāčkī/potc(j)enjivāčki* 'недооценивающий', *potcikívānje* 'радостный возглас, весело вскрикивать', *potcīknuti/potcikívati* 'весело вскрикнуть/вскрикивать', *potc̀kvenī* 'подцерковный', *potcrtávati/pòtcrtati* 'подчеркивать/подчеркнуть',

tč – *aparàtčīk* 'партаппаратчик', *īznatčūlan* 'сверхчувственный', *nàtčov(j)ek* 'сверхчеловек', *nàtčov(j)ēcān/natčòv(j)ēcān* 'сверхчеловеческий', *natčov(j)ēcānskī* 'сверхчеловеческий', *nàtčov(j)ějī/natčov(j)ějī* 'сверхчело-

веческий', *nàtčov(j)ečnōst/natčòv(j)ečnōst* 'сверхчеловечность', *nàtčūlan* 'сверхчувственный', *pòtčinjenōst* 'подчиненность, подчинение', *pòtčēlje* 'подлобье', *potčīniti (se) / potčīnjati (se) / potčīnjávati (se)* 'подчиниться/подчиняться', *potčīnjāvanje* 'подчинение', *pòtčinjen* 'подчиненный (причастие)', *potčīnjènik* 'подчиненный (сущ.)', *pòtčūčanj* 'приседание', *prètčas* 'предурочное время', *otčèpiti/otčèpiti/otčèpljívati* 'откупори(ва)ть',

té – *otčurlíkati/otčurlíkati* 'сыграть на флейте', *òtčúšnuti* 'отбросить, оттолкнуть'.

312. В б о ш н я ц к о м правописании комбинации **d + ts (c), tj (č) и tš (ć)**, как и в сербском, записываются через **tc, tč, té**: *otcijediti, otcijepiti, otčuriti, potcijèniti, pòtčrtati, potčīniti, òtčúšnuti*. (Halilović 1996). Это же решение предлагает «Rječnik bosanskog jezika»: *aparàtčik, otcijèpiti (se), otčejpljenje, potcijèniti, potčjenjivāčki, potčjenjivānje, potčjenjívati, potčrtati, potčrtávati, pòtčasnik, potčīniti (se) / potčīnjávati, pòtčinjenī, pòtčinjenōst, pòtčovjek* 'унтерменьш', *pòtčūčanj* (Čedić 2007). В «Школьном словаре боснийского языка» («Školski rječnik bosanskog jezika») удалось найти только один пример: *otčītati* 'прочсть' (Jahić 1999).

313. Ретрокорреляционал. Написание **d** перед согласными **s** и **š** (š) предложил ВУК КАРАДЖИЧ, изложивший свой фонетический принцип правописания в книге «Грамматика сербского языка» («Pismenica serbskoga jezika»; Karadžić 1814). При этом он ориентировался на те диалекты, в которых **d** обычно не произносилось (*prèdstava* > *prèstava* 'представление', *òdšeta* > *òšeta* 'возмещение'). Караджич не мог смело утверждать, какая именно артикуляционная сущность была причиной этому явлению (звонкий **d** или глухой **t**) и поэтому применил морфологический/этимологический принцип. Это решение перенял ТОМО МАРЕТИЧ в «Грамматике и стилистике хорватского или сербского языков» («Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika»; Maretić 1899, 1963). АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ в своде правил правописания 1923 года отошел от этого принципа и фиксировал *préts(j)ednik* 'председатель, президент', *srètsvo* 'средство' и др. (Belić 1999), в то время как в «Правописании хорватского или сербского языков» («Pravopis hrvatskoga ili srpskoga jezika»; Boranić 1923) принцип Вука Караджича остался нетронутым. После того как со стороны министерства образования было выдвинуто требование устранить сложившийся разнобой, оба автора стали искать компромисс, который вскоре был найден: ассимиляция по звонкости сохранилась в написании суффиксов (*srèdstvo*), но не префиксов (*prédsjlednik* у Боранича – *prétsjlednik* у Белича). После Второй мировой войны в новых изданиях своего правописания ДРАГУТИН БОРАНИЧ расширил этот принцип на **d** и **z** и разрешил использование звонкого согласного также перед аффрикатами: *pòdčistiti*

‘подчистить’, *razcijèpiti* ‘расщепить’ (Boranić 1947). В «Правописании сербохорватского литературного языка» («Pravopis srpskohrvatskoga književnog jezika»), опубликованного после Новисадского соглашения, последовала стандартизация написаний *prèdsjlednik* и *srèdstvo* (Pravopis 1960a).

314. Экстракорреляционал. Как в с.-х.-б., в русском происходит уподобление согласных по звонкости/глухости, но оно, как правило, не отражается на письме, так как в основе русского правописания лежит морфологический принцип, отличающийся от фонетического, характерного для с.-х.-б. Поэтому в этимологически одинаковых словах наблюдается несовпадение в орфографии типа *žènidba* – женитьба, *blīzak*, *blīskī* – близок, близкий, *iz stūpca* – из столбца.

**Ассимиляция по месту образования
(Jednačenje po mjestu tvorbe)**

315. Если внутри одного слова вступают в контакт два согласных, которые образуются в различных частях ротовой полости, первый из них уподобляется второму по месту артикуляции. Такое чередование касается в первую очередь зубных, носовых и заднеязычных согласных.

316. А с с и м и л я ц и я з у б н ы х **z** и **s** перед палатальными. Когда дентальные **z** и **s** стоят перед палатальными (переднеязычными) **ñ, í, ʧ, ʒ, ʃ, ʒ, ʧ, ʒ** (но не **i**), первый согласный приспосабливается ко второму: **z** становится **ʒ**, **s** становится **ʃ**. Зубные приближаются к месту артикуляции палатальных, или же в точности занимают его.

Зуб- ные	Альвео- лярные	Палатальные	
		Тверд.	Мягк.
		ʒ	ʒ
		ʧ	ʧ
z	→	ʒ	
s	→	ʃ	
	n		ñ
	l		í

Рис. 82. Ассимиляция зубных

Следующие примеры показывают, какие сочетания согласных приводят к этой ассимиляции:

Сочета- ние	Пример	Значение
s + ñ > šñ	<i>nositi – nos-nj-a > nòšnja/ nóšnja</i>	ношение
	<i>prositi – pros-nj-a > pròšnja</i>	попрошайниче- ство; прошение; сватовство
	<i>potrošiti – potros-nj-a > potròšnja/ potròšnja</i>	расходование
s + í >	<i>mísao</i> твор. п. ед. ч. <i>mis-lj-u > mîšlju</i>	мыслью

š		
s + ṭ > š	<i>líst – list-j-e > lisće > líšće</i>	листва
	<i>samòvlāst – sam-o-vlast + j-e > samovlasće > samòvlāšćel samòvlašće</i>	самовластие
	<i>bez-vlast + j-e > bezvlasće > bèzvlašćel bèzvlašće</i>	безвластие
	<i>hrāst – hrast-j-e > hrasće > hrāšće</i>	дубрава
	<i>čēst – čest-j-e > česće > čēšćel čēšće</i>	чаще (нареч.)
	<i>prīčēst – pričest-j-e > pričesće > prīčēšće</i>	причастие (церковн.)
	<i>účestl ūčest – učest-j-e > učesće > ùčēšćel ùčēšće</i>	участие
	<i>saučest-j-e > saučesće > sàučēšćel sàučēšće</i>	сочувствие
	<i>izvjest-j-e > izvjesće > izvješće</i>	известие
	<i>žest-j-e > žesće > žēšćel žēšće</i>	жестче
	<i>raskrst-j-e > raskrsće > ráskršćel ráskršće</i>	распутье
	<i>čvrst-j-e > čvrsće > čvīšćel čvīšće</i>	тверже
	<i>ust-j-e > usće > ūšćel ūšće</i>	устье
	<i>gust-j-e > gusće > gūšćel gūšće</i>	гуще
	<i>hod-o-čast-j-e > hodočasće > hodòčāšće</i>	паломничество
	<i>bez-čast-j-e > besčasće > bèščāšćel bèščāšće</i>	бесчестие
	<i>slad-o-strast-j-e > sladostrasće > sladòstrāšće</i>	сладострастие
	<i>trēst-j-e > trijesće > trijēšće</i>	щепа
z + ṭ > š	<i>iz-čup-a-ti > izčupati > iščupati</i>	вырвать
	<i>raz-čist-i-ti > razčistiti > ràščistiti</i>	расчистить
	<i>raz-čerup-a-ti > razčerupati > raščerupati</i>	растрепать
	<i>raz-čit-a-ti > razčitati > raščitati se</i>	зачитаться
	<i>raz-češ-a-ti > razčešati > rašččešati</i>	расчесать
	<i>raz-članj-iva-ti > razčlanjivati > raščlanjivati</i>	расчленять
	<i>raz-ču-ti > razčuti > ràščuti se</i>	стать известным
	<i>raz-čup-an > razčupan > ràščupān</i>	растрепанный
	<i>raz-češlj-a-ti > razčešljati > rašččešljati (se)</i>	причесать(ся)
z + š > šš	<i>iz-đik-a-ti > izđikati > ižđikati / iždikati</i>	прорости, вымахать
	<i>iz-đubr-i-ti > izđubriti > ižđubriti</i>	очистить от навоза

z + ž > 3ž	iz-džikl-ja-ti > izdžikljati > <i>iždžikljati</i>	прорости, выма- хать
z + í > 3í	zaraz-ljiv-ost > zarazljivost > <i>zaràžljivost</i>	заразность
	zatez-ljiv-ost > zatezljivost > <i>zátežljivost</i>	сдержанность
	bol(j)ez-ljiv > boleznjivost/boljeznjivost > <i>boležljivost/boljèžljivost</i>	болезненность
	za-jaz-ljiv-ost > zajazljivost > <i>zajàžljivost</i>	загороженность, насыщенность
	za-vez-ljaj > zavezljaj > <i>zàvežljāj</i>	связка
	su-stež-ljiv > sustezljiv > <i>sustèžljiv</i>	сдержанный
	dokaz-ljiv > dokazljiv > <i>dokàžljiv</i>	доказуемый
z + ŋ > 3ŋ	čez-njenj-e > čeznjenje > <i>čèžnjēnje</i>	страстное жела- ние
	iz-mrz-njava-ti > izmrznjavati > <i>izmržnjá-vati</i>	замораживать(ся)
	bliz-nj-i > bliznji > <i>blīžnji</i> (сущ.), <i>blīžnji</i> (прил.)	ближний
	voz-nj-a > voznja > <i>vóžnja/vòžnja</i>	езда
	griz-nja > <i>grīžnja</i>	угрызение
	ispraz-njavati > <i>ispražnjávati</i> (se)	опорожнять(ся), испражняться
	kazn-ja-vanje > <i>kažnjávānje</i>	наказание
	kazn-javati > kaznjavati > <i>kažnjávati</i>	наказывать
	mlaz-njak > <i>mlâžnjāk</i>	реактивный са- молет
	kukuruz-njača > <i>kukùružnjača</i>	кукурузное поле
	mrz-nja > <i>mřžnja</i>	ненависть
	nadvoz-njak > <i>nàdvožnjāk</i>	путепровод, виадук
	obliz-nji > <i>òblīžnji</i> (прилаг.)	находящийся поблизости
	otrez-njenje > <i>otrežnjénje</i>	отрезвление
	paz-nja > <i>pážnja</i>	внимание
	praz-njenje > <i>prážnjēnje</i>	опорожнение
	sablaznjivnost > <i>sablàžnjivost</i>	соблазнитель- ность
	sluz-njača > <i>slúžnjača</i>	слюнная железа

Табл. 149. Ассимиляция по месту образования

Есть случаи, в которых ассимиляции не происходит:

а) когда за конечной **-z (-s)** префикса следуют палатальные согласные **í** или **ň**:

Сочетание	Пример	Значение
1. iz- + í > izí	iz-lěč-enj-e > <i>izlječénje</i>	излечение
	iz-lěč-iv > <i>izljèčiv</i>	излечимый
	iz-ljušt-i-ti > <i>izljúštiti</i>	вылущить
	iz-lěv > <i>izljev</i> > <i>izljev</i>	слив
	iz-lěp-ljiv-a-ti > <i>izljepljívati</i>	склеивать
	iz-ljub-i-ti > <i>izljúbiti (se)</i>	зацеловать, перещеловать; поцеловаться
	iz-lěv-ač-a > <i>izljevača</i> > <i>izljèvača</i>	пирог из замешенного теста
	iz-ljušt-i-ti > <i>izljúštiti (se)</i>	вылущить
2. iz- + ň > izń	iz-njeg-ova-ti > <i>iznjegovati</i>	выхолить
	iz-nědr-i-ti > <i>iznjedriti (se)</i>	породить
	iz-njih-a-ti > <i>iznjíhati (se)</i>	вырастить
	iz-njuš-i-ti > <i>iznjušítìl iznjušíti</i>	(вы)нюхать
	iz-njuš-ka-ti > <i>iznjuškati</i>	вынюхать
3. raz- + í > razi	raz-lěp-ša-ti > <i>razljepšati</i> > <i>razljèpšati se</i>	стать более красивым, хорошим; похорошеть
	raz-ljub-i-ti > <i>razljubiti</i> > <i>razljúbiti se</i>	разъединиться, разветвиться, раздвоиться, разделиться
	raz-ljulj-a-ti > <i>razljuljati</i> > <i>razljúljati (se)</i>	расшатать(ся)
	raz-ljut-i-ti > <i>razljutiti</i> > <i>razljútiti (se)</i>	рассердить(ся)
4. raz- + ń > razń	raz-něž-en > <i>raznježen</i> > <i>ràznježen</i>	изнеженный
	raz-něž-i-ti > <i>raznježiti</i> > <i>ràznježiti (se)</i>	изнежить(ся)
	raz-něž-enost > <i>raznježenost</i> > <i>raznježenōst</i>	изнеженность

Табл. 150. Отсутствие ассимиляции по месту образования

б) когда за префиксом **s** следует палатальный согласный **í**: **s-ljub-i-ti** > *sljubiti* > *sljúbiti (se)* 'соединить(ся)', **s-ljušt-i-ti** > *sljuštriti* > *sljúštriti* 'резко, стремительно выпить',

в) когда **z** или **s** стоят перед палатальными **í** или **ň**, возникшими вследствие йотации из рефлекса ятя (**ě**, **ѣ**):

Пример	Значение
u-slěd > usljed > <i>ùsljed</i>	вслед
slěd-eć-i > sljedeći > <i>sljèdēci</i>	следующий
po-slěd-nj-i > posljednji > <i>pòsljednji</i>	последний
na-slěd-je > nasljede > <i>násljēde / násljede</i>	наследство, наследие
na-slěd-nik > nasljednik > <i>nàsljednik / násljednik</i>	наследник
iz-slěd-nik > isljednik > <i>isljednik</i>	следователь
slěd-ben-ik > sljedbenik > <i>sljèdbenik</i>	преемник
do-slěd-an > dosljedan > <i>dòsljedan</i>	последовательный
iz-slěd-jivanj-e > isljeđivanje > <i>isljèđivānje</i>	расследование
po-slěd-ič-n-i > posljedični > <i>pòsljedični</i>	последующий
na-slěd-ku > naposljetku > <i>napòsljetku</i>	напоследок
slěp-ljiv-anj-e > sljepljivanje > <i>sljepljivānje</i>	склеивание
slěp-il-o > sljepilo > <i>sljèpilo</i>	слепота
slěp-ač-k-i > sljepački > <i>sljèpački / sljèpačkī</i>	относящийся к слепому
o-slěp-ljiv-anj-e > osljepljivanje > <i>osljepljivānje</i>	ослепление
slěm-e > sljeme > <i>sljème</i>	верхушка
sněž-an > snježan > <i>snjèžan</i>	снежный

Табл. 151. Отсутствие ассимиляции по месту образования

При соединении корня **stez-** и суффикса **-ljiv-** наблюдаются дублиеты: *rastèžljiv / rastèzljiv, istèžljiv / istèzljiv* 'растяжимый, эластичный'.

В глагольных приставках и в некоторых других морфемах не меняется **z** перед **í** и **ň**: *izljúbiti* 'расцеловать', *razljútiti* 'рассердить', *izljúštiti* 'вылущить', *sljóskati* 'набросать, вонзить', *'iznjíhati* 'вынянчить', *pervèrznjāk* 'перевозный человек', *bezvèrznjāk* 'болван, тупой, неуклюжий человек'.

317. Ассимиляция в сочетании альвеолярный **n** + билабиальные **b** и **p**. Когда альвеолярный **n** стоит перед билабиальными **b** и **p** внутри одного слова, альвеоляр уподобляется билабиальным, превращаясь из **n** в **m**.

Губные		Ден- таль- ные	Альвео- лярные
Билаби- альные	Лабио- дент.		
b		d	
p		t	
		ts	
		z	
	f	s	
m	←		n

Рис. 83. Ассимиляция билабиальных

Эта ассимиляция происходит обычно на стыке корня и суффикса:

Сочетание	Пример	Значение
n + b > mb	stan-ben-i > stanbeni > <i>stàmbenī</i>	квартирный, жилищный
	o(d)brana: o(d)bran-ben-i > o(d)branbeni > <i>ǎ(d)brambenī</i>	оборонный
	prehrana: pre-hran-ben-i > prehranbeni > <i>prèhrambenī</i>	пищевой
	zelen-bač > zelenbač > <i>zelèmbāč</i>	зеленая ящерица
n + p > mp	crn-pur-ast > crnpurast > <i>cèmpurast</i>	смуглый

Табл. 152. Ассимиляция **nb > mb** и **np > mp**

Исключение составляют сложные слова типа *jedànpūt* 'однажды', *strànputica* 'объездная дорога; неверная дорога', *izvanbrāčnī* 'внебрачный', *Rizvanbégović* 'Ризванбегович (фамилия)', *crvènpērka* 'красноперка (птица)', *vodènbuba* 'водяной жук, водяная блоха', *vanblòkovskī* 'неприсоединившийся', *vanbólničī* 'внестационарный', *vànbrāčan* 'внебрачный', *jèlenbuba* 'жук-олень', *māskenbāl* *māskenbāl* 'бал-маскарад', *māšīnbrävār* *mašīnbrävār* 'слесарь по ремонту машин', *čùkunbaba* 'прапрабабушка', *pračukunbaba* *pračukunbaba* 'прапрапрабабушка'.

318. Ассимиляция велярного **x** перед палатальными **ʈɕ**, **ʈʂ**. Когда **x** попадает в позицию перед палатальным **ʈɕ**, он уподобляется ему, превращаясь в **ʃ** (**x + ʈɕ > ʃʈɕ**).

Палатальные		Велярные
Тверд.	Мягк.	
		g
		k
ž	ž	
ʃ	ʃ	
z	z	
ʃ	ʃ	x

Табл. 153. Ассимиляция велярных

Но это уподобление имеет факультативный характер, из-за чего возникают дублиеты.

Сочетание	Пример	Значение
x + ʃ > ʃʃ	<i>dàhtatī. daht-jem > dāhčēm/ dāščēm</i>	тяжело дышать
	<i>dřhtatī. drht-jem > dīhčēm/ dīščēm</i>	дрожать
	<i>òrah. orah-čić > òraščić</i>	орешек
	<i>Bihāc > Bihč-anin > Bišcanin > Bišcanin/ Bišcanin</i>	житель города Бихач

Табл. 154. Ассимиляция согласного x

319. Экстракорреляционал. Уподобление s и z последующему звуку по месту образования известно значительно в меньшей степени русскому языку: «[...] перед [ж] и [ч] мы произносим [с] и [з] как [ш]: *расширить* – *рашширить*, *без шапки* – *бешшапки*, *сшить* – *шить*, *приказчик* – *прикашчик*, *разносчик* – *разношчик*. В отличие от сербохорватского языка в русском языке эти изменения не отражаются орфографией» (Dmitriev/Safronov 1975: 20). В с.-х.-б. отсутствует следующий тип расподобления, типичный для русского языка: «[...] сочетание [чн] (оба звука смычные) мы в некоторых словах произносим как [шн] ([ш] – щелевой, [н] – смычный): *Ильинишна* (вм. *Ильинична*), *конешно* (вм. *конечно*), *скушно* (вм. *скучно*) и т. п.; сочетание смычных [гк] произносим как [хк] ([х] – щелевой, [к] – смычный): *лехкий* (вм. *легкий*), *мяхкий* (вм. *мягкий*) и т. п.; сочетание смычных [чт] произносим как [шт]: *што* (вм. *что*), *штобы* (вм. *чтобы*)» (Dmitriev/Safronov 1975: 21). В сербохорватском языке, продолжают авторы, в сочетании ʃn диссимиляция никогда не происходит: *kònačno* ‘наконец’, *lūčnī* ‘сводчатый’, *strīčnī* ‘специальный’. Существует и то, что объединяет данные языки: «Общей для русского и сербохорватского языков является диссимиляция в сочетании [чт], но в сербохорватском [чт] переходит в [шт] во всех случаях: *што* (< что), *штоштен* ‘честный’ (< почтен),

йòшѣа 'почет' (< почта), *йòшѣа* 'почта' (< почта), *лѣншѣина* 'лентяй' (< ленчтина), *шѣѣво* 'чтение' (< чтиво) и т. п. Исключение составляет лишь одно слово, заимствованное из русского языка: *у̀чѣив* 'учтивый'. В сербохорватском языке происходит также расподобление согласных в сочетании [чц]. Общим признаком этих звуков является то, что оба они смычные. При расподоблении [ч] утрачивает этот признак и произносится как [ш]: *лѣшѣ* 'личико' (< личце), *срѣшѣ* 'сердечко' (< срдачце), *сѣнѣшѣ* 'солнышко' (< суначце). Однако в некоторых словах сочетание [чц] остается без изменения: *рѣшѣа* 'словечко, частица'. В отличие от русского языка все случаи расподобления отражаются сербохорватской орфографией» (Dmitriev/Safronov 1975: 21).

Палатализация (Palatalizacija)

320. Палатализация – это преимущественно регрессивная модификация задненебных (велярных) **k, g, x**, при которой их место образования изменяется на твердое небо. В сочетании с гласными переднего ряда – **e, i**, редуцированным **ь**, ятем **ě** (в кириллице **ѣ**), назальным **ę** (в кириллице **ѧ**) – велярные **k, g, x** превращаются в палатальные **č, ʒ, ʃ** или же в **ts, z, s** (которые, в свою очередь, тоже были палатальными: **č', ʒ', ʃ'**).

321. Палатализация была историческим процессом, затронувшим все славянские языки. При этом различаются три ее типа: первая, вторая и третья.

322. Первая палатализация (prva palatalizacija). Во время первой палатализации **k, g, x**, попав в положение перед гласными переднего ряда, т. е. **e, i, ь, ě** (**ѣ**), **ę** (**ѧ**), перешли в **č, ʒ, ʃ**: **k → č, g → ʒ, x → ʃ**.

Место образования	Способ образования	Губные		Зубные	Альвеол.	Палатальн.		Велярн.
		Би-лаб.	Лабиодент.			Тв.	Мягк.	
Взрывные	зв.	b		d				g
	гл.	p		t				k
Аффрикаты	зв.					č	č	
	гл.			ts		č	č	
Щелевые	зв.			z		ʒ		
	гл.		f	s		ʃ		x

Рис. 84. Первая палатализация

В современном с.-х.-б. результаты этого исторического процесса можно найти в следующих формах:

1. в звательном падеже (вокативе) ед. ч. существительных мужского рода: *jùnā**k** – jùnāčē* ‘герой’, *drû**g** – drûže* ‘товарищ’, *dù**h** – dùše* ‘дух’,

2. в настоящем времени, за исключением третьего лица мн. ч., где находился носовой гласный **o** (**ѡ**): *vûcí* ‘тащить, тянуть’ – *jâ vuk-em > vúčēm*, *tî vúčēš*, *ôn*, *òna*, *òno vúčē*, *mî vúčēmo*, *vî vúčēte*, но *òni*, *òne*, *òna vúkū*, *túci* ‘бить, ударять’ – *jâ tuk-em > túčēm*, *tî túčēš*, *ôn*, *òna*, *òno túčē*, *mî túčēmo*, *vî túčēte*, но *òni*, *òne*, *òna túkū*, *těci* ‘течь’ – *jâ* tek-em > jâ**

tèčem, tí* *tèčěš*, òn, òna, òno *tèčě*, mí* *tèčěmo*, ví *tèčěte*, òni, òne, òna *tèkū*, *strići* ‘стричь’ – já *strig-em* > *strižēm*, tí *strižěš*, òn, òna, òno *strižě*, mí *strižěmo*, ví *strižěte*, но òni, òne, òna *strīgū*, *vřci/vřci* (также *vrijèci/vrìjeći*) ‘молотить’ – já *vřh-em* > *vřšēm*, tí *vřšěš*, òn, òna, òno, mí *vřšěmo*, ví *vřšěte*, òni, òne, òna *vřhū*,

3. в аористе: *povúci/pòvūci* ‘потянуть, потащить, протащить’ – já *povuk-oh* > *povúkoh*, tí *pòvuče*, òn, òna, òno *pòvuče*, mí *povúkosmo*, ví *povúkoste*, но òni, òne, òna *po vúkoše*, *strići* – já *stríg-oh* > *strìgoh/strìgoh*, tí *strižě*, òn, òna, òno *strižě*, mí *strìgosmo*, ví *strìgoste*, òni, òne, òna *strìgoše*,

4. в именительном, винительном и звательном падеже множественного числа существительных с окончанием **-i**: *òko* ‘глаз’ – **ok-i** > *òči*, *ùho* ‘ухо’ – **uh-i** > *ùši*.

В словообразовании первая палатализация часто встречается в следующих случаях:

1. в существительных с суффиксами

-e, обозначающий лиц юного возраста и детенышей (*mladunče*): *mòmak* – *momk-e* > *ovo mòmcě* ‘мальчик, парень’, *d(j)èvōjka* – *d(j)evojka-e* > *ovo d(j)èvōjče* ‘девочка’;

-ьсь > **-ac** – *lūk* ‘лук (растение)’ > *luk-ьсь* > *lūčac* ‘лук-скорода’, *lūk* ‘лук (оружие)’ > *luk-ьсь* > *lūčac* ‘рукоять, дужка, смычок’, *rōg* ‘рог’ > *rog-ьсь* > *rōžac* ‘солнечный луч’, *krūh* ‘хлеб’ > *kruh-ьсь* > *krūšac/krúšac* ‘хлебушек’;

-ькь > **-ak** – *zrák* ‘воздух’ – *zráčak*, *dáh/dàh* ‘дыхание’ – *dášak*,

-ьк-а – *grāh* ‘фасоль’ – *grāška*, *grēh* (экав.) ‘грех’ – *grēh-ьк-а* > *grēška* ‘ошибка’;

-ьпъstv-o – *čòvjek/čòvjek* ‘человек’ – *čovjek-ьпъstv-o* > *čovječànstvo* ‘человечество’, *bōg* ‘бог’ – *bog-ьпъstv-o* > *božànstvo* ‘божество’;

-íc – *vūk* ‘волк’ – *vuk-íc* > *vùčīd/vùčíc* ‘волчонок’, *Vùčíc*, *bōg* ‘бог’ – *bog-íc* > *Bòžíc* ‘Рождество’, но: *bògíc* ‘божок’, *Bògíc* (фамилия);

-ic-a – *vūk* ‘волк’ – *vuk-ic-a* > *vùčica* ‘волчица’, *nōga* ‘нога’ – *nog-ic-a* > *nòžica* ‘ножка’, *mūha* ‘муха’ – *muh-ic-a* > *mùšica* ‘мушка’;

-in-a – *vūk* ‘волк’ – *vuk-in-a* > *vùčina* ‘волчище’, *drúg* ‘товарищ’ – *drug-in-a* > *drùžinal/družina* ‘дружина; челядь’, *práh* ‘пыль’ – *pràšinal/prášina* ‘пыль’;

-il-o – *kvāka* ‘нажимная ручка двери’ – *kvak-il-o* > *kvàčilo* ‘сцеп, сцепка’;

-išt-e – *rōk* ‘срок’ – *rok-išt-e* > *ròčīšte* ‘судебное разбирательство’;

2. в производных существительных и глаголах с суффиксами **-sk-**, **-zg-**, превращающиеся в **-št-**, **-žd-**: *vòsak* ‘воск’ – *vosk-it-i* > *vosč-it-i* > *vošč-it-i* > *vòštiti* ‘вощить’, *písak* ‘мундштук, пищалка, свирель, дудка’ – *pisk-ýt-i* > *pisč-at-i* > *pisčati* > *píštati* ‘пищать; шипеть (о змее)’, *mòzak/mòzak* > *mozg-ьн-i* > *mozž-an-i* > *mòždanī* ‘мозговой’, *mòždanī* ‘ткань мозга’; в диалектах также *píščati*, *mòždanī*,

3. в производных прилагательных с суффиксом **-ьнь**, **-ьн-а** > **-an**, **-an-а** – *mrâk* – *mrak-ьнь* ‘мрачный’ > *mrâčan/mrâčan*, *düğ* ‘длинный’ – *dug-ьнь* > *dúžan*, *strâh* ‘страх’ – *strah-ьнь* > *strâšan* ‘страшный’, **-ьск-и** – *mòmak* ‘парень’ – *tomak-ьск-i* > *tomáč-sk-i* > *mòmačkī* ‘юношеский, холостяцкий’, *mòmačkī* ‘по-молодежному’, *vrâg* ‘черт’ – *vrag-ьск-i* > *vrâškī* ‘чертовский’, *vrâškī* ‘чертовски’, *Čěh* ‘чех’ – *čeh-ьск-i* > *čěškī* ‘чешский’, *čěškī* ‘по-чешски’;

4. в инфинитиве с ятем – *bêg/bijeg* ‘бег’ – *běg-ět-i* > *běž-ě-ti* > *běž-a-ti* > *b(j)ěžati* ‘бежать’, *kričati* ‘кричать’ – *krik-ět-i* > *krič-ět-i* > *krič-at-i* > *kričati*, *slūšati* ‘слушать’ – *sluh-ět-i* > *sluš-ět-i* > *sluš-at-i* > *slūšati*.

323. Первая палатализация произошла в праславянском и отразилась во всех славянских языках. В последующем условий для таких изменений не было, и **к**, **г** и **х** перед **е** и **и** не переходили в **ѣ**, **з** и **ш**. Ср.: *Nêmā jednē rukē, nògē, muhē*. ‘Нет руки, ноги, мухи.’, *Nāš tím je ispao iz prvē/prvē līge*. ‘Наша команда выбыла из первой лиги.’; им. мн.: *Ōvō su rūke, nòge, muhe, buhe*. ‘Это руки, ноги, мухи, блохи.’ *Ōne su prâvē junàkinje, monàhinje*. ‘Они настоящие героини, монахини.’

324. Велярные остаются без изменений

а) в диминутивах (с целью сохранения основы): *rúka* – *rùkica* ‘руч(он)ка’, *nòga* – *nògica* ‘ножка’,

б) в личных именах: *Jòvānka* – *Jòvānki*, *Lúka* – *Lúki*, *Zága* – *Zági*,

в) в группах согласных **zg**, **tsk**, **sx**, **ʃk**, **tek**: *màzga* – дат. и предл. п. ед. *màzgi* ‘ослица’, *kòcka* – *kòcki* ‘жребий’, *pàsha* – *pàshi* ‘пасха’, *màčka* – *màčki* ‘кошка’, *pràčka* – *pràčki* ‘праща’,

г) в группе согласных **tk**: *čètka* – *čètki* ‘щетка’, *tètka* – *tètki* ‘тетя’, *mòtka* – *mòtki* ‘палка, жердь’, но: *bìtka* > *bitk-i* > *bitc-i* > *bìci* ‘битва’,

д) когда палатализация приводит к неясности: *báka* ‘бабушка’ – *bak-i* > *báki* (*báci* – императив от *báciti* ‘бросить’), *klika* ‘клика, шайка’ – *klik-i* > *kliki* (*klic-i* – дат. и предл. п. ед. ч. от *klica* ‘росток, зародыш’), *liga* ‘лига’ – *lig-i* > *lígi* (**lízi*: *Líza* – *Lízi*),

е) в прилагательных и местоимениях: *düğ* ‘длинный’ – мн. *düğī, düğih, dügim, jāk* ‘сильный’ – мн. *jākī, jākih, jākīm, tih* ‘тихий’ – мн. *tihī, tihih, tihim, tihima, nēkī* ‘некий’ – мн. *nēkih, nēkīm, nēkima, kòlikī/kòlikī* ‘сколький’ – мн. *kòlikih/kòlikih, kòlikīm/kòlikīm, tolikī/tòlikī* ‘столький’ – мн. *tolikih/tòlikih, tolikīm/tòlikīm*,

ж) в притяжательных прилагательных с суффиксом **-in**: *Ānka* > *Ānkin*, *Zāga* > *Zāgin*, *snāha* ‘сноха’ > *snāhin* (*snāša* ‘невестушка, молодая замужняя женщина, молодуха’ > *snāšin*),

з) при склонении перед окончанием **-e** в вин. п. мн. ч.: *Vīdīm nōvē voj-nīke*. ‘Я вижу новых солдат.’, им. п. мн.: *Ōni su prāvē slūge*. (*slūga* ‘слуга’) ‘Они настоящие слуги.’, *Tō su nāše snāhe*. ‘Это наши снохи.’

325. Вторая палатализация (*druga palatalizacija, sibilizacija*). Данная палатализация, как и первая, вызвала регрессивную модификацию заднеязычных (велярных), но, в отличие от первой палатализации, перед гласными **ě** и **i**, возникшими из древнего дифтонга **oi**. Согласные **k, g** и **x** превращаются в **ts, z** и **s**; прежние палатальные (мягкие) звуки ныне стали твердыми зубными: **k + ě, i > ts**: *rūka* ‘рука’ – дат. и предл. п. ед. *ruk-i > rūci*, **g + ě, i > z**: *nōga* ‘нога’ – дат. и предл. п. ед. *nog-i > nōzi*, **x + ě, i > s**: *ōrah* ‘орех’ – им. п. мн. *orah-i > ōrasi*.

Место образования Способ образования		Губные		Зубные	Альвеол.	Палатальн.		Велярные
		Би-лаб.	Лабиодент.			Тв.	Мягк.	
Взрывные	зв.	b		d				g
	гл.	p		t				k
Аффрикаты	зв.					č	ć	
	гл.			ts		čʃ	ćʃ	
Щелевые	зв.			z		ž		
	гл.		f	s		š		x

Рис. 85. Вторая палатализация

326. Вторая палатализация встречается в следующих грамматических формах: 1. в императиве – *pēcī* ‘печь’ – *pek-i > pēci, strīci* ‘стричь’ – *strig-i > strīzi*, 2. в склонении существительных – а) в дательном и предложном падежах ед. ч. существительных женского рода:

mâjka ‘мама’ – *majk-i* > *mâjci*, *snàha* ‘сноха’ – *snàsi*, б) в именительном и винительном падежах мн. ч. существительных мужского рода: *dùh* ‘дух’ – *duh-i* > *dùsi*, *jùnāk* ‘герой’ – *junak-i* > *jùnāci*/*junáci*.²⁴¹

327. Третья палатализация (*treća palatalizacija*). Здесь мы имеем дело с прогрессивным изменением заднеязычных после гласных **ь, і**, носового **ę** (▲), сочетания **ьг** (но не перед **і, ь, u, ę**),²⁴² причем согласные **k, g, x** переходят в **ts, z, s**. Например, **k** > **ts**: *òtac* ‘отец’ *отъкъ* > *отсь* > *òtac* – род. и вин. ед. *отъk-a* > *otca* > *òca*, *vijènac/vénac* ‘венец’ – род. ед. *vijènk-a* / *vénk-a* > *vijèncal/vénca*, *líce* ‘лицо’ – *lik-o* > *lico* > *líce*, *stàrac* ‘старик’ – *starъкъ* > *starъсь* > *stàrac*, **g** > **z**: *knêz* ‘князь’ – род., вин. мн. *къneg-a* > *knêza*, **x** > **s** + гласный: *svě* ‘всѣ’ – *въho* > *въso* > *въse* > *svě*. Она не проходила после слога с шипящим, возникшей в результате первой палатализации (*стезя* – *стѣжка*).

328. Интракорреляционал. В диалектах с.-х.-б. существуют разнообразные нарушения палатальных чередований. О них пишет С. Б. БЕРНШТЕЙН в рамках анализа второй палатализации у имен существительных на **-а** (Bernštein 1974). Он констатирует, что следы чередований отсутствуют в чакавском и кайкавском диалектах. «Диалектологические описания различных штокавских диалектов открывают все новые и новые диалекты, которые не знают в именах на **-а** парадигматических чередований **k/ts, g/z, x/s**. Это является одной из важнейших морфологических особенностей шумадийско-воеводинского диалекта, смедеровско-вршацкого диалекта, косово-ресавского диалекта, характеризует группу славонских экавских говоров, истрийские, икавские говоры и мн. др. [...] Даже в вос-

²⁴¹ В литературном языке существуют многочисленные нарушения чередования. «Так, отсутствует чередование в словах, корень которых оканчивается на группу согласных **ck, zg, čk, sx**, наблюдаются колебания в словах на **tk**. Имеются целые лексические разряды слов, в которых чередования не допускаются. Это личные имена, ласкательные имена существительные. Очевидна тенденция избегать чередований в неологизмах и заимствованных словах, что убедительно свидетельствует об ущербности данного морфонологического ряда. Часто наличие или отсутствие чередований служит средством семантической дифференциации слов» (Bernštein 1974: 70).

²⁴² Дискуссионным является вопрос, какие гласные препятствовали прохождению третьей палатализации: Шахматов считал, что таковыми являлись **ь, і, o, ę**, Зубатый – **ь, і, ę**, Лер-Сплавинский – **ь, и, і**, Трубецкой – **oј** и **ę** (Bošković 1984: 109).

точном герцеговинском говоре данное чередование уже в значительной степени лексикализировано и представляет многочисленные отклонения» (Berstnštein 1974: 70). Автор предупреждает, что в анализе характера и природы чередований **k/ts**, **g/z**, **x/s**, следует иметь в виду важную особенность сербохорватского языка: огромное большинство говоров совсем не знает звука **x** (случаи типа *snàha* – *snàsi* встречаются чрезвычайно редко и практически ограничиваются несколькими примерами).

С. Б. Бернштейн констатирует, что процесс утраты чередований в народных говорах идет интенсивно: «В настоящее время почти в любом описании штокавского говора отмечается утрата чередования или его существенное ограничение. Многие лингвисты указывают на то, что в разговорном литературном языке чередования встречаются реже, нежели в письменном. Вот почему следует согласиться с Беличем, который писал, что чередования [**k** : **c**], [**g** : **z**], [**x** : **s**] – в будущем несомненно исчезнут и в литературном сербохорватском языке [...]» (Berstnštein 1974: 70–71). Он добавляет, что призренско-тимочская, македонская и собственно болгарская диалектные зоны представляют собою языковый ареал, который не может иметь в полном виде морфонологического ряда **k** : **ts**, **g** : **z**, **x** : **s** в именах на **-a**. Автор отмечает и то, что сербохорватский литературный язык и значительная часть штокавских говоров хорошо сохраняет чередования **k** : **ts**, **g** : **z**, **x** : **s**, однако в некоторых штокавских говорах данное чередование действует с рядом отклонений и нарушений. «В восточно-герцеговинском говоре при наличии указанных звеньев чередований Пецо зафиксировал, например, *jàšmaki*, *òranki* [...]». Диалектологи довольно часто отмечают в различных лексических группах нарушение чередований. Сравнительно много случаев нарушения наблюдается в икавских штокавских говорах. Далеко процесс выравнивания основ зашел в чакавских и особенно в кайкавских говорах: чак. *junaki*, *momki*, *potoki*, *orehi*, *vojniki* [...]» (Berstnštein 1974: 70–71).

Ограничений чередований в литературном языке и во многих штокавских говорах связаны, по его мнению, с особой грамматической формой – так. наз. долгим множественным (речь идет о расширении формы элементом **-ov**, а после небных согласных **-ev**: *čàsovi*, *znàkovi*, *mùževì*): «В этом случае чередования утрачиваются: *roì* – им. мн. *roìovi*, *ìpràì* – им. мн. *ìpràìovi*, *krùì* – им. мн. *krùìovi*, *šòčak* – им. мн. *šòčkovi*, *šròšak* – им. мн. *šròškovi*. Некоторые существительные при образовании множественного числа представляют варианты: *br̂kovi* и *br̂ci*, *vùkovi* и *vùci*, *šr̂àìovi* и *šr̂àzi*, *zn̂àkovi* и *zn̂àci*, *kr̂àkovi* и *kr̂àci*, *zr̂àkovi* и *zr̂àci*, *zvûkovi* и *zvûci* [...] Примеры с расширенными основами характерны для восточных и

центральных говоров. В западных штокавских говорах они встречаются редко, а чакавские и кайкавские говоры вообще не знают долгого множественного [...]» (Berstnštein 1974: 80).

329. Интеркорреляционал. В бошняцком правописании имеется особенность, не охваченная сербским и хорватским: вместо *Miličin* 'притяж. прил. от *Milica* (женское имя)' предписывается *Milicin*.

330. Ретрокорреляционал. Мягкие согласные возникли в праславянском языке в ходе различных изменений твердых согласных в определенных фонетических условиях. В праславянский период они возникали в результате смягчения заднеязычных согласных **k, g, x**, оказавшихся в соседстве с гласными переднего ряда (палатализация), и смягчения согласных под воздействием **j̇** (йотация). Что касается первой палатализации, гласные звуки **e, i, ъ**, изменяя качество заднеязычных, сами сохранялись без изменения, но гласный переднего ряда **ē**, перед которым заднеязычные изменялись в мягкие шипящие, после этих новых мягких согласных не сохранялся, а изменялся в **a** (Иванов 1983: 125). Вторая палатализация осуществлялась позднее первой, но тоже в праславянскую эпоху. «В ее результате [k], [g], [ch] изменялись в мягкие свистящие, соответственно в [c'], [z'] (через ступень [ďz']), [s']. Подобное изменение [k], [g], [ch] происходило, во-первых, в том случае, когда они попадали в положение перед г л а с н ы м и [i] и [e], возникшими из дифтонгов [oi], [ai]. Ср.: о.-слав. *koīna > *c'ēna, др.-русс. *цѣна*; о.-слав. *vlkoj > *vylc'i, др.-русс. *вълци*; о.-слав. *rъkoj > *rъc'i, др.-русс. *ръци*; о.-слав. *rankoj > *rōc'ě, др.-русс. *роуцѣ*; о.-слав. *drougoj > *drouďz'i > *druz'i, др.-русс. *друзѣ*; о.-слав. *nogaj > *noďz'ě > *noz'ě др.-русс. *нозѣ*; о.-слав. *poslouchoj > *poslus'i, др.-русс. *послоусѣ*; о.-слав. *mouchaj > *mus'e, др.-русс. *моусѣ* и т. д. Такое же изменение [k], [g], [ch] в свистящие было, во-вторых, после гласных переднего ряда [i], [ь], [e]. Ср.: о.-слав. *ovīka > *ovъc'a, др.-русс. *овьца*; о.-слав. *dēvika > *dēvic'a, др.-русс. *дѣвица*; о.-слав. *otъkъ > *otъcъ, др.-русс. *отѣцѣ*; о.-слав. *vъxъ > *vъc'ь, др.-русс. *вьсь* и т. д. Однако при этом условии смягчение [k], [g] [ch] в свистящие осуществлялось непоследовательно, и здесь было много отступлений» (Иванов 1983: 126)» (Иванов 1983).

331. Экстракорреляционал. Судьба второй палатализации, т. е. морфонологического ряда **k : ts, g : z, x : s** в славянских языках была различной. Например, у существительных на **-a** наблюдается такая ситуация: «В собственно русском (великорусском) языке результаты второй палатализации утратились очень рано. Возможно, что аналогическое выравнивание здесь было проведено еще до формирования морфонологического

ряда. Позже утрата чередований была осуществлена в словацком и словенском языках, в чакавских и кайкавских говорах сербохорватского языка. В настоящее время чередования утрачиваются совсем или лексикализуются в штокавских говорах сербохорватского языка, в какой-то степени в сербохорватском литературном языке. Менее интенсивно этот процесс можно наблюдать в белорусском языке. Лишь в польском, чешском и украинском языках морфологические чередования в именах на **-а** являются устойчивыми и продуктивными. Они представлены в равной степени в говорах и в литературных языках. Особенно велико значение этого ряда в польском языке, который включает в себя 15 звеньев, охватывая слова как женского, так и мужского рода» (Бернштейн 1974: 70–71).

Йотация (Jotovanje)

332. Йотация – это слияние непалатального согласного со звуком *i̇* и возникновение палатального звука вследствие этого. Процесс йотации растянулся с праславянского периода до XVI столетия. Прежде к непалатальным причислялись **b, d, p, t, m, n, f, v, s, z, l** и **r**. К палатальным принадлежат: **ž, ȝ, ʈ, ʂ, ʑ, ʃ, ĭ, ĭ̇**. Йотации подвергаются велярные **k, g, x**, фрикативные **s, z**, альвеолярные **n, l, r**, губные **b, p, m, v** и зубные **t** и **d**.

Место образования Способ образования		Губные		Зубные	Альвеолярные	Палатальн.		Велярные
		Билабиальные	Лабiodентальные			Тв.	Мягк.	
Взрывные	зв.	b		d				g
	гл.	p		t				k
Аффрикаты	зв.					ž	ȝ	
	гл.			ts		ʈ	ʈʂ	
Щелевые	зв.			z		ʑ		
	гл.		f	s		ʃ		x
Носовые	зв.	m			n		ñ	
	гл.						ĩ	
Боковые	зв.				l		ĩ	
	гл.							
Дрожащие	зв.				r			
	гл.							
Полугласные	зв.		v				i̇	
	гл.							

Рис. 86. Йотация

При йотации происходят следующие изменения: $b + \dot{i} > b\dot{i}$, $d + \dot{i} > \dot{z}$, $p + \dot{i} > p\dot{l}$, $t + \dot{i} > \dot{t}$, $s + \dot{i} > \dot{s}$, $z + \dot{i} > \dot{z}$, $m + \dot{i} > m\dot{l}$, $n + \dot{i} > \dot{n}$, $l + \dot{i} > \dot{l}$, $r + \dot{i} > r\dot{r}$, $v + \dot{i} > v\dot{l}$.

333. Различают два типа йотации: праславянскую (praslovensko jotovanja) и новые йотации (nova jotovanja).

334. Праславянская йотация (praslovensko/praslavensko jotovanje). Такое изменение охватывало следующие грамматические формы: 1. настоящее время с тематическим $-ie$: $pis-ie-š$ > $pišeš$ > $pīšēš$ 'пишешь', 2. страдательное причастие: $pos-ie-нь$ > $pošēнь$ > $nōšēn$ 'ношенный', 3. имперфект: $pos-ia-һъ$ > $pošahъ$ > $nōšāh$ 'я носил', 4. действительные причастия настоящего и прошедшего времени: $nesot-ie-$ > $nesot'a$ 'несущая', $nesys-ia$ > $nesysa$ – $nōšēci$ от $nōsiti$ 'носить', 5. инфинитив: $*pekti$ > $pēcī$ 'печь', 6. сравнительная степень: $jāk$ 'сильный' $jakъ-іъ-i$ > $jāci$. Йотация возникает также при словообразовании: $plākati$ > $plāč$ 'плач' < $plak-іъ$, $lāgati$ > $lāž$ 'ложь' < $lǝg-іъ$ < $lǝgъ$, $duša$ 'душа' < $duh-ia$, $kōža$ 'кожа' < $koz-ia$.

335. Йотация велярных **k, g, x**. При праславянской йотации велярные **k, g, x** переходили, как и при первой палатализации, в **č, ž, š**, т. е. **k** > **č** – $plākati$ 'плакать' – 2 л. наст. вр.: $plak-іеš$ > $plačeš$ > $plāčēš$, **g** > **ž** – $lāgati$ 'лгать': $lǝg-a-ti$ – 2 л. наст. вр.: $lǝg-іеš$ > $lǝg-іеš$ > $lǝžeš$ > $lāžēš$, **x** > **š** – $dihati$ 'дышать': $dyh-a-ti$ – 2 л. наст. вр.: $dyh-іеš$ > $dyšeš$ > $dīšēš$. Различие между йотацией и первой палатализацией заметно в третьем лице множественного числа наст. вр., где не было условий для палатализации, т. к. после **k, g, x** не стояло гласных переднего ряда:

Палатализация		Йотация	
<i>pēcī</i> 'печь'		<i>plākati</i> 'плакать'	
<i>jā pēčem</i>	<i>mī pēčemo</i>	<i>jā plāčēm</i>	<i>mī plāčemo</i>
<i>tī pēčēš</i>	<i>vī pēčēte</i>	<i>tī plāčēš</i>	<i>vī plāčēte</i>
<i>oñ, òna, òno pēčē</i>	<i>òni pēkū</i> < <i>pek-отъ</i>	<i>òn, òna, òno plāčē</i>	<i>òni, òne, òna plācū</i> < <i>plak-отъ</i>

Табл. 155. Палатализация и йотация

336. Йотация фрикативов **s** и **z**. При этом чередовании данные согласные превращаются в **š** и **ž**, например: $pīsati$ 'писать' – 2 л. наст. вр.: $pis-іеš$ > $pišeš$ > $pīšēš$, $nōsiti$ 'носить' – страд. прич. прош. вр.: $pos-іень$ > $poš-ень$ > $nōšēn$, $pāziti$ 'быть внимательным, следить' – страд. прич. прош. вр.: $raz-іень$ > $raž-ень$ > $pāžēn$, $kōža$ 'кожа' < $koz-ia$.

337. Йотация альвеолярных **n, l, r**. Эти согласные переходят в **ñ, ĺ, r'**: $m\dot{l}ētil$ $m\dot{l}jēti$ 'молоть' < $*mel-ti$ – 2 л. наст. вр.: $mel-іеš$ > $meleš$ > $mēljēš$, $k\dot{l}āti$

‘колоть’ < *kol-ti – 2 лицо наст. вр.: kol-ieš > koleš > kòljěš, òrati ‘пахать’ – 2 лицо наст. вр.: or-ieš > or’ ešb > òrěš.

338. Йотация губных **b, p, m, v**. Согласные **b, p, m, v** становятся **bí, pí, mí, ví**: zòbati ‘клевать’ – zob-ieš > zobíeš > zòbljěš, kàpati ‘капать’ – kap-ieš > kapíeš > kàpljěš, lòmíti ‘ломать’ – страд. прич. прош. вр.: lom-ien > lomíen > lòmljen, dozívati ‘подзывать’ – 2 лицо наст. вр.: doziv-ieš > dozivíeš > dòzìvljěš (наряду с dòzìvāš).

339. Йотация зубных **t** и **d**. То обстоятельство, что такая йотация дает в разных славянских языках разные результаты, указывает на то, что это изменение согласных происходило в эпоху уже сформировавшихся славянских диалектов и языков. В южнославянских языках **tí** становится **ṭe, ṭj** и **št**: с.-х.-б. svijèća/svěća ‘свеча’, ст.-сл. svešta, болг. свеща, мак. свеќа, словен. sveča, **dí** становится **ž, žd** и **j**: с.-х.-б. mèđa ‘межа’, ст.-сл. mežda, болг. межда, мак. меџа, словен. meja. В восточнославянских языках **tí** превращается в **ṭj**: *svět-**ia** > рус. свеча, укр. свіч(к)а, белор. свеча(к)а, **dí** становится **z**: *med-**ia** – рус. межа, укр. межа, белор. мяжа. В западнославянских языках на месте **tí** находим **ts’ > ts** и **ṭj**: svēt-**ia** > sveča, польск. świecca, чешск. svíce, svička, словацк. sviečka (sviečka), в.-луж. svěca, а на месте **dí** – **dz, z**: польск. miedza, чешск. mez, словацк. medza, в.-луж. měza.

340. Новая йотация (novo jotovanje). Это чередование произошло в XV веке. Сюда относятся примеры типа: líšće ‘листва’: listy-ie > listce > líšće, dŕvěće ‘деревья (собирает)’: drvetŕ-ie > dŕvěće, grôžde ‘виноград’: grozdŕ-ie > grozže > grôžde. Новая йотация явилась результатом выпадения редуцированных гласных переднего (ь) и заднего ряда (ѣ). Вследствие их утраты произошел контакт стоявших перед ними согласных со следующим за ними **j**, что и вызвало йотацию. «В сербскохорватском языке после падения [и] в слабой позиции последующий за ним [j] оказался рядом с предшествующим согласным, но лишь примерно с XVI в. начался новый процесс йотации, который, однако не охватил собой все возникшие сочетания согласных с [j]».²⁴³ Йотации подверглись: **н** – **л**, трн-je > шрње (трньня, зел-je > зѣля (зѣля); **т** – **д**,

²⁴³ «Так, начиная с XVI века, последовательно отражено изменение согласных с **j** (кроме сочетаний с **j** согласных **s** и **z**) в следующих категориях: 1. В твор. п. ед. ч. суш. жен. рода III склонения (с ѳ-флексией в им. п. ед. ч.): со – солу, лаг – лажу (лаг ‘голод’ в серб.-хорв. суш. жен. рода), крв – крвжу. 2. В собирательных и иных существительных с суффиксом **je** (*ъje): снойле (сной), ĩрмле (грм ‘куст’), бесѣжу (ѣж ‘путь’), забржу (брдо ‘гора’), жиће (ср. русск. ‘житье’), чишане (чишаши), шрне (шрн ‘колючка’), ĩробле (ĩроб ‘кладбище’), но класје (клас ‘колос’). 3. В прилагательных с суффиксом **-ju** (*ъji): кравли от крава ‘корова’, рибли от риба ‘рыба’, но ĩасји от ĩас ‘пѣс’» (Порова 1986: 38).

цвѣтѣи > цвиѣт-је > цвиѣће (цвѣће), прѣтѣи > прут-је > ѣруће, грѣдию > груд-ју > ѣружу; ст – зд, листѣи > лист-је > лиѣће, грозѣи > грозд-је > ѣрѣже; б – в – м – п, грѣи > грѣ-је > ѣрѣбе, здравѣи > здрав-је > здравѣе, Полиме, копѣи > коп-је < кѣѣе. Согласные с – з в такой позиции не подвергались йотизации: класѣи > клас-је > класѣе, псыи > пас-је (ѣасѣе ѣлѣе), козыи > кѣзе (кѣзе мѣѣеко)» (Mulić 1988: 32).

Помимо этого, существует прогрессивное йотирование (progressivno jotovanje), затрагивающее согласные **d** и **t**: *dóci* ‘прийти’ < do+i-ti > *doiti*, 2 лицо наст. вр.: *doideš* > *dožeš* > *dódeš*, *róci* ‘пойти’, *otici/otici* ‘уйти’, *náci* ‘найти’ и т. д.²⁴⁴

341. Новейшая (екавская) йотация (najnovije /jekavsko/ jotovanje). Это изменение связано с рефлексом звука *я*ть, и оно произошло в XVI в.: *ljeto* ‘лето’ < lět-o (экав. *lěto*), *njēga* ‘опека’ < nēg-a, (экав. *nēga*), *djèvōjka* ‘девушка’ < dēv-oj-k-a > *djèvōjka*, но также диал. *dēvōjka* (экав. *dēvōjka*), *tjèrati* ‘гнать’ > *tjèrati*, в диалектах *čèrati* (экав. *tèrati*).²⁴⁵

342. Экстракорреляционал. В большинстве случаев сербскохорватский и русский языки обнаруживают сходные результаты этого древнейшего процесса превращения **gj, kj, xj** в **з, ѣ, j**. Ср. *sèča* – *сеча*, *rěč* (экав. из *rěkj*) – *речь*, *suša* – *суша*. «В обоих языках в сочетаниях **nj, lj, rj** дополнительной артикуляции не развивалось, а передвижка артикуляции в область среднего нёба сообщала мягкость данным сонорным (серб. **љ, њ**), которая в сербскохорватском языке в случае **p** была утрачена. Ср. русск. и серб.-хорв.: *воля* – *воља*, *коня* – *коња*, *ошворен* (в русском **p** в сербскохорватском – твердый). В сочетаниях губных согласных **m, p, v, b** с **j** артикуляция осложнилась развитием дополнительного **Г**. Ср. русск. *плюю*, *земля* и серб.-хорв. *ѣљујем*, *земља*. **S** и **z** перед **j** в обоих языках дали **š** и **ž**. Ср. русск. *вязать* – *вяжу*, *писать* – *пишу* и серб.-хорв. *везаји* – *вежу* (3 л. мн. ч.), *писаји* – *пишу* (3 л. мн. ч.). Однако [...] в сочетаниях **tj** и **dj** в двух языках получились разные результаты: русским **č** и **ž** этого происхождения в серб.-хорв. соответствуют **ć** и **ž**: *свеча* – *свећа*, *межа* – *међа*» (Porova 1986: 38).

²⁴⁴ Процесс изменения согласных перед **i** в ряде говоров наблюдался в более позднее время. «Так возникло явление, которое в югославской лингвистике принято называть „новой йотацией“. Оно нашло свое выражение в ряде говоров штокавского диалекта при образовании приставочных глаголов от *идти*. *пойти*, *найти* и т. д.» (Porova 1986: 38).

²⁴⁵ «Процесс ассимиляции согласных с **j** последовательно отражен в некоторых иекавских говорах на месте сочетаний **b, v, p, l, m, n, d, t** с **j**, который входит в сочетание **je** из старого **ѣ** в кратком слоге: *ђевојка* (из *ђевојка* – дѣва), *виђеји*, *ђеј* ‘дел’, *ђеји* ‘гнать’ (из *ѣјеји*), *љеји*, *вољеји* ‘любить’, *љејиша* ‘красога’, *ѣјесма* (*ѣесма*), *вљера* (*вѣра*) и т. д.» Porova 1986: 38).

Выпадение согласных (Ispadanje konsonanata)

343. При скоплении согласных в некоторых случаях оказывается тяжело произнести два, три или большее количество звуков, поэтому имеет место упрощение их артикуляции либо сокращение их количества. Особенно часто согласные исчезают в начальной позиции (в начале слова). Такое выпадение происходило как в праславянский период, так и в эпоху формирования с-х.-б.

344. Упрощение групп согласных чаще всего затрагивало взрывные (**b, p, d, t, g, k**), что наблюдается как а) в существительных: *òtac* 'отец' – род. пад. *otca* > *òca*, vokativ *otče* > *òče*, *súdac* 'судья' – род. *sudca* > *sutca* > *súca*, vokativ *sudče* > *sutče* > *súče*, *junáštvō/junāštvō* 'геройство': *junak-stv-o* > *junačstvo* > *junāštvō*, *gòzba* 'пиршество': *gost-ba* > *gostba* > *gosba* > *gòzba*, *prisustvo* 'присутствие' < *prisut-stv-o*, так и б) в прилагательных: *prázna* 'пустая' < *prazd-n-a*, *másna* 'жирная, сальная' < *mast-n-a*, *ràdosna* 'радостная' < *radost-n-a*. Взрывные исчезают также в существительных на **-tak** и **-dak** в имен. пад. мн. ч.: *izmetak* 'выкидыш' → *izmetci* → *izmecci*, *izvadak* 'извлечение, выписка' – *izvatci* → *izvaci*.²⁴⁶

345. Фрикативы **s** и **z** тоже затрагиваются редукцией: 1. в наст. вр., напр., *cřpsti* – *cřpēm* 'черпать', *zěpstī/zěpsti* – *zébēm* 'зябнуть', 2. в прилагательных, напр., *rùskī* 'русский' < *rus-sk-i*, *rásadnīk/ràsadnīk* 'рассадник' < *ras-sad-nik*, *ràšiti* 'распороть' < *raz-šiti* < *rašiti*, *mùškī/mùškī* 'мужской' < *mušski* < *muž-sk-i*, *vlaški* 'валахский' < *vlah-sk-i*.

Есть еще одно изменение: «В сочетаниях [зд], [ст], [жд], [шт], если за ними следуют согласные [б], [к], [л], [ль], [м], [н] или [нь], согласные [т] и [д] [...] выпадают: *ìdzba* 'угощение' от *ìdcīiīi* 'угощать', *lìska* 'листка' от *lìcīi* 'листок', *lìcnaīi* 'лиственный' также от *lìcīi*, *ìdgiīi* 'годовой' от *ìdgiīiīe* 'год', *bolēsniīk* 'больной' от *bolēsīi* 'болезнь'. Произношение и написание согласного [т] сохраняется в некоторых словах в группах [стк] и [стль]: *īmnažisīiīkina* 'гимназистка', *ìoiūscīiīiv* 'снисходительный'» (Леопова 1988: 19). Согласный **s** не произносится и не пишется в положении после **ѣ** (**ч**) и **ѣ** (**ш**): *lúpeški* 'воровской' вм. *lupežski*, *junački* 'героический' вм. *junačski*. Данный процесс затрагивает и **х**: «Во многих областях звук [х] про-

«Орфография отражает [...] выпадение при произношении звуков [т] и [д] в положении перед [н], [ц], [ч], [ћ], [ђ], которые, будучи аффрикатами, уже содержат эти звуки: *свѣци* от *свѣщац* 'святой', *инација* 'упрямец' от *инаїи* 'упрямство', *желуци* [корректное ударение *желуци*, [Б. Т.] 'желудки' от *желудац* 'желудок'» (Леопова 1988: 18–19).

износится нечетко или совсем утрачивается (Караджич поначалу даже не ввел букву *x* в алфавит). Иногда утраченное [x] заменяется сонорными [в] или [j]: *ѣво* в.м. *ѣхо*, *лѣв* в.м. *лѣх*, *кѣвайи* 'готовить' в.м. *кѣхайи*, *киѣайи* 'чихать' в.м. *кихайи*. Нормами допускается двойное написание таких слов» (Leonova 1988: 19).²⁴⁷

346. Экстракорреляционал. Различие между сербохорватским и русским состоит в следующем: «Согласные [т] и [д] выпадают в положении перед [ц], [ц], [ч], [ћ], [ђ], так как последние, будучи аффрикатами, уже содержат эти звуки ([ц] – [дч], [ц] – [тш], [т' ш'], [ћ] – [д' ж]). В русском языке подобного явления не наблюдаем. Русские переднеязычные смычные [т] и [д] в сочетании с последующими аффрикатами [ц] и [ч] дают двойные аффрикаты [ц] и [ч]: *отцы* произносятся как [аццы], *попутчик* – как [папуччик] и т. п. Сербохорватский язык [...] двойных согласных не имеет, поэтому [т] и [д] оказываются выпавшими: *оца* 'отца' (< отца), *оче* 'отче' (< отче), *прѣци* 'предки' (< предци), *сѣци* 'судьи' (< судци). Точно так же: *почѣтак* 'начало' – почетци > *почѣци* 'начала', *задатак* 'задание' – задатци > *задѣци* 'задания'» (Dmitriev/Safronov 1975: 22). Согласные **d** и **t** выпадают также в сочетаниях **zd, st, 3d, ft, + p, b, k, g, n, њ, m**. «В русском языке подобное явление мы также встречаем, но реже (лишь в сочетаниях **стн, стл, здн**), и оно не находит отражения в письме. Мы пишем *праздник*, а произносим [празник], пишем *местный, жалостный, поздно, счастливый*, но не произносим согласные [т] и [д]. В сербохорватском языке последовательно произносится и пишется: *болѣсник* 'больной' – вместо болестник (от *болести*), *театрални* 'театральный' – в.м. позориштни (от *театрише*), *жалосна* 'грустная' – в.м. жалостна (от *жалости*), *корисна* 'полезная' – в.м. користна (от *користи*), *устен* 'устный' – в.м. устмен (от *уста*), *напретка* – в.м. наплетка (от *наплетак*)» (Dmitriev/Safronov 1975: 23). Согласный **s** выпадает в положении после **ћ** и **ђ**. «Так, произносится (и пишется): *јуначки* 'героический' – вместо јуначки, *сиромаштво* 'бедность' – в.м. сиромаштво, *друштво* 'общество' – в.м. друштво (< дружество), *мушки* 'мужской' – в.м. мушки (< мужски), *сѣљачки* 'крестьянский' – в.м. сѣљачки. Если после выпадения [с] рядом оказываются [ч] и [т], сочетание [чт] произносится как [шт]: јуначство < јуначтво < *јунѣштво* 'геройство, девојачство < девојачтво < *девојѣштво* 'девичество', пророчство < пророчтво < *прорѣштво* 'пророчество' и т. п. В русском языке таких изменений не встречается» (Dmitriev/Safronov 1975: 23).

²⁴⁷ «В хорватском языке нет долгих согласных, поэтому при стыке одинаковых согласных фонем одна из них выпадает: *bez-zvučan* > *bezvučan*, *od-dahnuti* > *odahnuti*. Допускается лишь двойной **j** в превосходной степени прилагательных: *najjači*, *najjednostavniji*, *najjužniji* и др. или двойные согласные в некоторых словах, где передача согласных одной буквой затруднила бы понимание значения слов: *nuzzarada*, *poddijalekt*, *superrevizija* и т. п.» (Bagsadarov 2006: 18).

Часть V

Глава 26

Слог (Slog)

347. Слог – минимальная группа звуков в естественном речевом потоке, единица, состоящая из одного или большего количества звуков, следующих один за другим и произносимых на одном выдохе. Различие между морфемой и слогом заключается в том, что морфема – это минимальная значащая единица, в то время как слог представляет собой не семантическую, а артикуляторную единицу. Опорным элементом слога является гласный (*ru-ka* ‘рука’) или слогообразующий согласный – **ɾ**, **m**, **l** и **ŋ**. Слогообразующий **ɾ** может стоять в начале слова (*ṛvati se* ‘бороться’), в середине слова между двумя согласными (*pṛṣṭ* ‘палец’) и на конце заимствованных слов после согласного (*žānɾ* ‘жанр’). Слогообразующий **m** возникает в междометии *hm*. Слоговые **l** и **ŋ** встречаются в заимствованиях и иностранных словах: а) в середине слова между двумя согласными: *džentlmen* ‘джентльмен’, *reḥŋšiber* ‘счётная (логарифмическая) линейка’ и б) на конце слова после согласных: *ansāmbɫ* ‘ансамбль’, *sèrkɫ* ‘круг, кружок’, *vèrgɫ* ‘шарманка’, *nóbɫ* ‘благородный, возвышенный’, *bi-cikɫ* ‘велосипед’, *ŋjūtɾ* ‘ньютон’. Типичной позицией слогообразующего **ŋ** является конец слова в арабских и английских словах типа *lbn*, *ldn*. Слогообразующий **l** встречается также в середине слова, к примеру, в названиях некоторых местностей Сербии, таких как *Vlkovića* или *Žlne*²⁴⁸ (T/NN: 1954), а также в заграничных топонимах: *Plzeň*, *Vltava* (Чехия) и *Šip* (Македония).

348. В одном слове столько слогов, сколько в нем гласных и слогообразующих согласных: один – *tī* ‘ты’, два – *ò-sam* ‘восемь’, три – *zà-ra-da* ‘заработок’, четыре – *se-re-ná-da* ‘серенада’ и т. д. Слог может при этом состоять из одного (гласного) или нескольких звуков: *ò-bu-ka* ‘обучение’. Один из них обязательно должен быть гласным (**a**, **o**, **e**, **i**, **u**) или слогообразующим согласным. По позиционно последнему звуку различают открытые (*mà-ma* ‘мама’) и закрытые слоги (*òt-por* ‘сопротивление’).

²⁴⁸ *Vlkovića* – поселение в общине Димитровград округа Пирот (Сербия); *Žlne* находится в общине Княжевац, округ Заечар (Сербия), а *Šip* – в общине Велес (Македония).

349. Деление слов на слоги определяется в правописании. Согласно правилам с.-х.-б. одиночный гласный не может оставаться на одной строчке (т. о. неверно: *o-písati* 'описать', *rádi-o* 'делал, работал').²⁴⁹

350. Среди открытых слогов, т. е. сочетаний согласный + гласный в Гралис-корпусе (Gralis-www) чаще всего встречаются пары **je**, **na**, **da**, **ra** и **ro**, а непосредственно вслед за ними **ka**, **ni**, **ne**, **no** и **ta**. При этом преобладают комбинации с гласным **a** (50%), следует **i** и **e**. Последовательность согласных в этом отношении складывается следующая: **n** (4 раза), **r** (два), **j**, **d**, **p**, **t** и **l** (по одному). В хорватском и бошняцком подкорпусах **je** также находится на первой позиции, встречаясь при этом заметно чаще, чем в сербском (серб. 4,74%, хорв. 7,28%, босн. 7,01). Эта дистанция обусловлена екавским рефлексом ятя. В хорватском и бошняцком также заметно чаще **ti**, нежели в сербском (серб. 2,15%, хорв. 2,68%, босн. 2,47%), поскольку эти два языка как правило отдают предпочтение инфинитивной конструкции перед сочетанием **da** + настоящее время. Это одновременно является причиной тому, что хорватский и бошняцкий обнаруживают меньшую частоту употребления сочетания **da** (серб. 2,91%, хорв. 2,09%, босн. 2,38%) которая находится за пределами первой десятки комбинаций.

№	С + Г	Серб.	Хорв.	Бошн.
1	je	4,74	7,28	7,01
2	na	3,43	3,53	3,46
3	da	2,91	2,09	2,38
4	ra	2,89	3,02	3,16
5	ko	2,88	2,92	2,90
6	ka	2,68	2,67	2,91
7	ni	2,60	2,68	2,74
8	ne	2,48	2,31	2,22
9	no	2,38	2,33	2,30
10	ta	2,37	2,19	2,30
11	li	2,37	2,44	2,35
12	po	2,36	2,33	2,31
13	re	2,33	1,90	2,11

²⁴⁹ О структуре, длине и границе слога, а также о слоговой делении (*silabizacija*) см. Belić 1954, Mihailović 1973, Simić 1985, Vuković 1954.

14	ti	2,15	2,68	2,47
15	va	2,12	2,02	1,82
Всего		40,69	42,39	42,44

Табл. 156. Комбинации согласный + гласный
в текстовом корпусе (Gralis-www)

Гласный **a** образует в сербском чаще всего следующие слоговые пары: **na, da, ra, ka, ta, va, la, ma, ja** и **sa**. В хорватском находим такую последовательность: **na, ra, ka, ta, da, va, la, ma, ja, za**, т. е. **ra** встречается чаще, чем **da**.

Пять наиболее частых комбинаций в сербском, хорватском и боснийском звучат как **ni, li, ti, ri** и **vi**. Гармоничную межъязыковую корреляцию составляют сочетания с **o**: в первой пятерке находятся **ko, no, po, to** и **vo**.

В отношении гласного **u** во всех трех языках наибольшую частоту имеют **ju, su, ru, nu, ku** и **tu**.

Есть множество слов, состоящих только из двух звуков – согласный + гласный или гласный + согласный. При попытке построить предложение из таких слов невозможно породить слишком длинное. Следующее предложение представляет собой фразу из 14 двузвучных слов без их повтора: *Êj bâ Li, ah mà dâ li si mî tî tî tô tá, nê?*²⁵⁰ – примерный перевод: *Ну-ка, Ли, ой да неужели это ты сама здесь?*

351. Среди комбинаций гласный + согласный в Gralis Text-Korpus преобладают следующие:

№	Г + С	Серб.	Хорв.	Босн.
1	an	3,20	3,13	3,49
2	av	3,00	2,85	3,24
3	en	2,81	2,66	2,70
4	ov	2,75	2,68	2,68
5	im	2,51	2,51	2,43
6	al	2,47	2,40	2,29
7	oi	2,45	2,46	2,59
8	od	2,44	2,40	2,33
9	om	2,27	2,18	2,21
10	os	2,23	2,24	2,30

²⁵⁰ *Êj* – междометие, используемое для обращения или приветствия. *Bâ* представляет собой типичное для Боснии междометие – заполнитель пауз (так наз. *roštaralica*, слово-сорняк), *mâ* же является средством усиления высказывания. *Li* – китайское женское имя.

11	ak	2,15	2,41	2,04
12	am	2,07	2,04	2,35
13	og	1,96	1,77	1,97
14	ed	1,92	1,81	2,14
Всего		34,23	33,54	34,76

Табл. 157. Комбинации гласный + согласный
в текстовом корпусе (Gralis-www)

Для отдельных гласных в Gralis-Korpus самыми частыми парами являются:

a + согласный: сербский – **an, av, al, ak, am, at**, хорватский – **an, av, ak, al, at, am**, бошняцкий – **an, av, am, al, ak, at**,

e + согласный: сербский – **en, ed, et, em, ek, el**, хорватский – **en, ed, et, em, el, ek**, бошняцкий – **en, ed, ek, et, el**,

i + согласный: сербский – **im, ij, in, il, is, it**, хорватский – **ij, im, in, il, it, is**, бошняцкий – **ij, im, in, il, is, it**,

o + согласный: сербский – **ov, ij, od, om, os**, – хорватский – **ov, ij, od, os, om**, бошняцкий – **ov, ij, od, os, om**,

u + согласный: сербский – **ut, du, us, ug, up**, хорватский – **ut, us, du, up, ug**, бошняцкий – **ut, du, us, up, ug**.

352. Ретрокорреляционал. В праславянском царил закон открытого слога, согласно которому все слоги должны были заканчиваться гласным²⁵¹, например: *bъčela 'пчела', т. е. все конечные согласные в любых словах и словоформах должны были отпасть.²⁵²

²⁵¹ В современном языке сербов, хорватов, босняков и черногорцев этот закон больше не действует, что иллюстрируют следующие примеры: *răž-govōr*, *òt-vor*, *stùdent-skī*.

²⁵² В общевосточнославянском языке слог оканчивался только на слоговой звук, т. е. в подавляющем большинстве случаев на гласный, например: *столь, братъ, дворъ, снегъ, знакъ*, о чем пишет В. В. Иванов: «Если учесть, что гласные звуки являются наиболее звучными, то можно установить, что закон открытого слога предполагал расположение звуков в слоге по возрастающей звучности, т. е. слог начинался с наименее звучного и оканчивался наиболее звучным звуком» (Иванов 1983: 76). М. И. Мулич указывает на то, что в результате падения редуцированных (слабых) и огласовки (сильных) две основные закономерности, характерные для древних славянских языках, утратили свою силу и слог уже не строился по принципу восходящей звучности (Mulić 1988: 54). «Так, до падения редуцированных мы имели: **РО-Гъ, БЕ-Гъ, МѢ-жъ**, а после падения из двух слогов стал один, оканчивающийся на согласный: *рог* ([рок], *бер* [бѣк], *муж* [муш]). Таким образом был нарушен и сингармонизм, так как в том же слоге могли оказаться разнородные звуки» (Mulić 1988: 54).

Интонация (Intonacija)

353. Интонация представляет собой существенный сегмент просодии, объектами изучения которой являются супraseгментные²⁵³ элементы – интонация, тон, акцент, высота голоса, длительность слога и темп речи. Наука, занимающаяся только интонацией, называется интонологией.

354. Интонация есть объединение различных артикуляторных и просодических элементов (прежде всего высоты и интенсивности тона и мелодии) воедино с целью выражения различных функций (утверждения, вопроса, усиления, актуального членения и т. п.).²⁵⁴ Благодаря интонации можно проанализировать и/или осуществить отдельные речевые акты (высказать просьбу, сделать приказ, задать вопрос), а также выразить эмоциональное отношение (неожиданность, удивление, радость, грусть, страх и др.). Интонацию обычно рассматривают в качестве части как фонетики и просодии, так и синтаксиса, хотя в последнее время развивается отдельная дисциплина, называемая интонологией (Josipović 1995, Vuletić 1974).

355. В зависимости от структурного и типологического определения интонации применяются различные подходы. Представители британской лингвистики выделяют ядро (нуклеус), голову (англ. head) и хвост (англ. tail), комбинация которых дает интонацию (Josipović 1995: 68). В этой точке зрения ключевое понятие составляет ядро, определяемое как ударный слог центрального слова в одной акцентной группе. Перед ядром находится голова, за ним следует хвост. В то же время, американская интонационная школа рассматривает интонацию не только с кинетической, но и со статической перспективы: паттерны мелодии складываются из рядов, обозначаемых цифрами от 1 до 4, и потому этот подход окрестили «теорией четырех тонов». Подобное статическое рассмотрение и объяснение природы интонации, тем не менее, оказалось не соответствующим практическим требованиям, вследствие чего в североамериканской науке раз-

²⁵³ Под *супraseгментным* понимается нечно надлинейное, хотя данное понятие в некоторых случаях используется как синоним слову *просодический*.

²⁵⁴ Некоторые ученые определяют интонацию еще шире, а именно – как общее звуковое воплощение выражения (Vuletić 1974).

вился новый метод, который можно описать прилагательным «двухтонно-генеративный». В ее границах различаются только два отдельных тона и правила порождения мелодии речи. Этот метод оказался более адекватным. В российской лингвистике говорят об интонационных конструкциях (ИК), в которых выделяется всего один (интонационный) центр, соответствующий в британском подходе понятию ядра (Bryzgunova 1969).

356. Интонация в с.-х.-б. рассматривается в рамках проблематики ударения во множестве отношений, что можно объяснить тем, что его ударение представляет собой комбинацию двух просодических элементов – длительности и высоты тона. На основании этого акцентологи рассматривают внутри акцентологии вопрос метатонии²⁵⁵. Некоторые сторонники загребской фонетической школы делают выбор в пользу британского подхода и уделяют основное внимание интонационному ядру. Так, ИВАН ИВАС защищал такую точку зрения, что ядро – это лингвистический, а не паралингвистический признак (Ivas 1996: 227–228). Он различал ядерное ударение (nuclear stress) и ядерный акцент (nuclear accent). Ядро при этом характеризовалось как «демонстративное проявление тона, речевой акт», которое при помощи просодических средств выполняет особую коммуникативную функцию как часть текста и как структура этой части текста (Ivas 1996: 228). В сербской лингвистике можно отметить работы ЕЛИЦЫ ЙОКАНОВИЧ-МИХАЙЛОВ (Jokanović-Mihajlov 1999, 2005 и 2007), в которых она в качестве базовых параметров, участвующих в построении интонации языкового сигнала, называет высоту, интенсивность, длительность и окраску и, таким образом, различает тоновый, усилительный, временной и тембровый компоненты интонации (Jokanović-Mihajlov 2007: 205). Из функций она приписывает ударению функции сегментирующую, оформляющую, коммуникативную и модально-экспрессивную (Jokanović-Mihajlov 2007: 227).

357. Некоторые выделяют ровную, восходящую и нисходящую интонацию. В синтаксическом отношении различаются повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения и соответственно такие же типы интонации. Интонация повествовательного (декларативного) предло-

²⁵⁵ Под метатонией понимается изменение интонации ударенной части слова, произошедшее в праславянскую эпоху, что вызвало переход старого долгого циркумфлекса в новый праславянский акут, а старого акута – в новый циркумфлекс. Так возникла система из шести ударений. Позднее сложилась нынешняя четырехакцентная система.

жения является обычно падающей, при вопросе тон повышается к концу предложения или вопросительного слова, в то время как в восклицательном (экскламативном) предложении интонация сильно повышена и резко падает в конце (центр интонационной структуры находится на том слове, которое выражает эмоциональное или какое-либо другое специфическое отношение). Ср.: *Dànas je pràvī zīmskī dān.* 'Сегодня настоящий зимний день.' *Kàkav je zīmskī dān?* 'Как выглядит зимний день?' *Kàkav zīmskī dān!* 'Какой чудесный зимний день!'

358. Интонация может использоваться также в семантико-дифференцирующей функции, чтобы различать отдельные высказывания. Ср.: *Stùdent pīšē.* 'Студент пишет.' и *Stùdent pīšē?* 'Студент пишет?'.

359. На уровне высказывания и предложения существует множество типов ударений: лексическое, эмфатическое, речевое, ритмическое, фразовое и др.

360. Лексическое ударение – это ударение конкретных слов, ударение в рамках фонетической структуры слова.

Эмфатическое ударение проявляется в более интенсивном произношении тех слов, которые являются главными носителями смысла предложения. Оно подробно исследуется в рамках коммуникативной перспективы предложения, что в особенности касается взаимоотношений темы и ремы (см. подробнее Тоšović 2001).

Речевое ударение подчеркивает то или иное высказывание. При нейтральном сообщении оно падает как правило на последнее слово речевой единицы (при этом происходит медленное повышение тона в виде интонации, выражающей незаконченность), тогда как фразовое находится в конце предложения.

Ритмическим ударением (ударением речевого такта) называется одно из ударений с большей интенсивностью на протяжении одного речевого такта.

Под фразовым ударением понимается любое из более интенсивно произнесенных ударений внутри высказывания или словосочетания. Его называют также логическим ударением. В отличие от лексического ударения, повышающего тон определенного слога по отношению к общей интонации, фразовое перестраивает само предложение. При этом тон понижается в виде конечной интонации: *Sīn je kāsno dōšao kūći.* 'Сын поздно пришел домой.' При экспрессивно окрашенном высказывании фразовое ударение переселяется с конца предложения в начало или середину: *Prvī pijētlī se oglāsiše u rānū zōru.* 'Первые петухи пропели рано на заре.' Одна часть синтагмы имеет более слабое, а другая более сильное ударение. В

атрибутивной синтагме усиленное ударение находится на субстантивном элементе: *Žútō líšće je || òpadalo sa dŕvēcá*. 'Желтая листва опадала с деревьев.' В сочетании двух существительных носителем ударения является одно из них: *Dubìna ríjeke || je vèlika*. 'Глубина реки велика.' В границах словосочетания с наречием на -о или -е усиленное ударение падает на то слово, от которого зависит это наречие (глагол, прилагательное, другое наречие): *Trèbā || brzo koràčati*. 'Нужно быстро шагать.' В двусоставных предложениях фразовый акцент находится на подлежащем: *Stìgla je pràvā jěsēn*. 'Пришла настоящая осень.' Это означает, что рема несет на себе более сильное ударение, т. о. оно падает на ту часть предложения, которая оказывается выделена. В случае инверсии фразовое ударение не меняется. Значение фразового ударения состоит в том, что с его помощью выражается информационное ядро предложения. Фразовое ударение не может влиять на правдивость предложения. Так, в предложении: *Cijèna nǎftē òsjetno je skòčila*. 'Цены на нефть ощутимо выросли.' мы не имеем дело с изменением экстенционала,²⁵⁶ независимо от того, стоит ли ударение на *cijèna* или на *nǎfta*: а) *Cijèna nǎftē || òsjetno je skòčila*, *Cijèna || nǎftē òsjetno je skòčila*. 'Цены на нефть ощутимо выросли'. Оба интонационных рисунка указывают на один и тот же экстенционал, однако имеют различный интенционал. В отличие от экстенционала, в интенционале (который имеет отношение к действительности и пропозиции) средства актуального членения могут влиять на правдивость предложения. Это можно заметить на следующих примерах: *Dòlazak 1992. gòdinē Fransoà Miterána u Sàrajevo iznenádio je svē grāđāne*. 'Визит Франсуа Миттерана в Сараево в 1992 году застал всех граждан.' Если сфокусироваться на *Mitèrān*, мы выражаем, что изумление заключалось в том, что во время обстрела столицы Боснии и Герцеговины в городе появился французский президент. Ставя ударение

²⁵⁶ Понятия экстенционала и интенционала были введены немецким логиком и философом Рудольфом Карнапом для нужд семантического анализа (Carnap 1934). Согласно его мнению, смысл составляется из двух частей: предметной или денотативной (экстенциональной) и понятийной или сигнификативной (интенциональной). Сигнификат, или интенционал, представляет при этом виртуальный смысл слова или выражения. Экстенционал создает группу (категорию) предметов, которые можно охарактеризовать определенным понятием, т. е. множество потенциально возможных референтов, которые не имеют отношения к речевому акту. Так, *stól* 'стол' являет собой множество всех когда-либо существовавших, имеющихся в настоящее время и изготовленных в будущем столов. Экстенционал *rīs* 'рысь' обозначает категорию хищников, которая относится к еще более широкой категории кошек. В каждом конкретном предложении речь идет о нейтрализации неопределенности, которую экстенционал несет в себе.

на *Sàrajevo*, мы указываем на то, что *Mitèrān* посетил город, который в это время подвергался интенсивной бомбардировке. Это означает, что изменение коммуникативной ориентации может влиять на правдивость интенционала (интенционального предиката), но не на экстенционал и не на пропозицию (реальное, онтологическое содержание предложения).

361. Различают пять элементарных средств, с помощью которых может осуществляться высказывание. Это порядок слов, ударение, интонация, частицы и синтаксические конструкции (фигуры, рифмы), при этом как правило используется и порядок слов, и интонация. Существенным средством при этом является также фразовый акцент, который помечает тот или иной элемент предложения как логический предикат. Ср. *Dànas || je lîjep dân. Dànas je || lîjep dân. Dànas je lîjep || dân*. 'Сегодня прекрасный день.' При этом с помощью ритмической структуры интонации данного слова устанавливается связь линейной организации с ударением (логическим и фразовым) и интонацией.

362. Коммуникативная перспектива предложения образуется при выборе порядка слов, интонации, фразового ударения, применения частиц и специальных синтаксических конструкций. В трансформационной грамматике отстаивается мнение, что определяющие фокус категории намечаются еще до генерации глубинной структуры, и поэтому ударение и интонация в равной степени вступают во взаимодействие с синтаксической структурой. При этом рассматривается допустимой возможность того, что синтаксическая структура содержит проекцию функциональных категорий фокуса и топика.

В отношении изменения коммуникативной организации предложения имеются две возможности: а) происходит изменение иллокуции, или же б) трансформация приносит с собой новый тип иллокуции. Так, вопрос останется вопросом при любом порядке слов: *Zăšto Cîgani lètē ù nebo? – Zăšto ù nebo Cîgani lètē? – Zăšto lètē ù nebo Cîgani?*²⁵⁷ 'Зачем табор уходит в небо?'. Если же подключить другое средство коммуникативной вариации – интонацию, вопрос можно превратить в «не-вопрос», «нулевой вопрос» – понятие, известное в стилистике как риторический вопрос (который имеет форму вопроса, однако не требует ответа, поскольку содержит в себе утверждение).

²⁵⁷ Этот пример основан на названии фильма «Cigani lete u nebo» («Табор уходит в небо»).

363. При изменении коммуникативной организации одна и та же позиция может выражаться через различную иллокуцию. Скорее всего это будет осуществлено варьированием интонации. Так, обычное утверждение (ассерцию): *Pùtujěš || ù Běč*. ‘Ты едешь в Вену.’ можно превратить в приказ (директив): *Pùtujěš || ù Běč!* (= ‘Я приказываю тебе ехать в Вену.’), в выражение удивления: *Pùtujěš || ù Běč!* (= ‘Как ты мог выбрать Вену как цель поездки?’), сочувствия: *Pùtujěš || ù Běč!* (= ‘Вместо теплой и солнечной Венеции ты едешь в холодную Вену.’), вопрос: *Pùtujěš || ù Běč?* (= ‘Ты едешь в Вену?’) и т. п. При метатезе темы и ремы иллокуция остается неизменной: *Ů Běč || pùtujěš*. ‘В Вену едешь.’ (= утверждение), *Ů Běč || pùtujěš*. (= приказ), *Ů Běč || pùtujěš!* (= удивление), *Ů Běč || pùtujěš!* (= сочувствие), *Pùtujěš || ù Běč?* (= вопрос), при этом различие состоит в том, что в иллокуции фокус находится на месте (*Běč* ‘Вена’) и на действии (*pùtujěš* ‘едешь’). Это значит, что изменением порядка слов можно изменить речевой акт, но не обязательно.

364. Отправной пункт в коммуникативной перспективе предложения составляет тема, противопоставляемая на другом конце ремы. Тема, как правило, охватывает старую, уже известную информацию, в то время как рема сообщает что-то новое – что-то, что неизвестно реципиенту. Так, смысл формально одного и того же предложения может приобрести существенно новые нюансы благодаря изменению порядка слов, интонации, ударения и т. п. Например: *Pëtar je otputòvao nà mōre. – Nà mōre je Pëtar otputòvao. – Otputòvao je nà mōre Pëtar*. ‘Петр уехал на море.’ В предложении: *Pëtar je polòžio ìspit*. ‘Петр сдал экзамен.’ пропозиция гласит: ‘*Petar je nešto uradio.*’ ‘Петр что-то сделал’ (= он успешно выдержал испытание по определенному предмету). Смысл какого-либо предложения можно в общем случае декодировать при помощи постановки вопросов: *Štā je Pëtar uradio?* ‘Что сделал Петр?’. Отправная позиция говорящего выражается в данном случае в виде лица мужского пола (*Петр*), в то время как второй частью предложения (ремой) описывается новое содержание. Далее, если изменить порядок слов и сказать: *Ìspit je jùčē polòžio Pëtar. – Polòžio je jùčē Pëtar ìspit*. ‘Экзамен вчера сдал Петр.’, предложение приобретает новую коммуникативную перспективу (ядром пропозиции при этом является агенс, исполнитель действия), поскольку теперь оно отвечает на вопрос: «*Kō je polòžio ìspit?*» ‘Кто сдал экзамен?’. В то же время нам известна тема, которая свидетельствует, что имел место некий экзамен (1) и он был сдан успешно (2), но неизвестно, кто был этим счастливецом; рема же – новая информация – указывает на Петра. В первом из названных случаев, таким образом, в центре находится действие, в то время как во втором – действующее лицо (агенс). Можно придумать еще один вариант с еще

одним смыслом, изменив при этом порядок слов еще раз: *Jùčē je Pètar polòžio ìspit*. 'Вчера Петр сдал экзамен.' Тут мы исходим только из того, что вчера что-то произошло, но опять же неизвестно, что это было. Этому «что-то» мы находим определение во второй части предложения. В предложении: *Pètar òdlazī nà mōre*. 'Петр уезжает на море.' синтагма *òdlazī nà mōre* 'уезжает на море' сообщает сведения об общем положении вещей, тогда как *nà mōre* 'на море' информирует нас об одном сегменте этой ситуации. Таким образом, возможны два разделения этого предложения: *Pètar || òdlazī nà mōre*. – *Pètar òdlazī || nà mōre*.

365. Предложения обычно составлены из двух частей: одна содержит то, из чего исходит говорящий, а другая указывает на то, что из этого следует. Эти коммуникативные сегменты разделяются двумя вертикальными линиями ||. Предложение *Pètar ìdē ù škōlu*. 'Петр идет в школу' допускает две возможные трактовки. Так, можно установить, что исходная позиция – **A** (*Петр*), а целевая позиция выражается **abB** (*ìdē ù škōlu* 'идет в школу'). В таком случае предложение имеет следующий вид: *Pètar || ìdē ù škōlu*. Вторая возможность состоит в том, что исходным пунктом служит реалья **A**, и мы исходим из того, что **A** выполняет действие **a** (*Pètar ide* 'Петр идет'): *Pètar ìdē || ù škōlu* ('Петр идет || в школу').

366. Для актуализации информации можно привлечь различные возможности. Обычное предложение типа: *Ûčenik čitā knjigu za stòlom*. 'Ученик читает книгу за столом.' может быть актуализовано различными способами, а помочь его декодировать могут вопросы, выделяющие или усиливающие различные элементы. В этом случае говорят об экспрессивном выделении. а) *Kò čitā knjigu za stòlom?* – *Ûčenik čitā knjigu za stòlom*. 'Кто читает книгу за столом? – Ученик читает книгу за столом.', б) *Štā rádí ùčenik za stòlom?* – *Čitā ùčenik knjigu za stòlom*. 'Что делает ученик за столом? – Учение читает за столом книгу.', в) *Štā ùčenik čitā za stòlom?* – *Knjigu čitā ùčenik za stòlom*. 'Что ученик читает за столом? – Ученик читает за столом книгу.', г) *Gdjè ùčenik čitā knjigu?* – *Za stòlom ùčenik čitā knjigu* 'Где ученик читает книгу? – Ученик читает книгу за столом'. Можно также заметить, что независимо от того, какой элемент выделяется или же какая информация получает актуализацию, отдельные части предложения обладают различной коммуникативной ценностью. При подобных вариациях структура предложения может оставаться неизменной.

367. При помощи интонации можно увеличить коммуникативную ценность отдельной синтаксемы. Так, два одинаковых предложения в различном синтаксическом окружении интонируются по-разному, ср.: а) *Žûtō lîšće òpadā*. 'Желтая листва опадает.', б) *Žúto je lîšće*. 'Желта листва.' В

первом случае *žuto* ‘желтое’ и *lišće* ‘листва’ составляют интонационное единство, а во втором разделены связкой. Наиболее выраженным представляется различие между предложениями с утвердительной и вопросительной интонацией: *Mālī Bòris spāvā*. ‘Маленький Борис спит.’ *Mālī Bòris spāvā?* ‘Маленький Борис спит?’.

Важную роль в интонации играет пауза – она выражает коммуникативную стратегию. Однако она может обладать при этом также семантико-дифференцирующей функцией. Такой пример дает нам предложение: *Nàvikli smo djècu oponášati*. ‘Мы привыкли детям подражать / мы приучили детей подражать.’ Если пауза находится перед *djècu* ‘детей’, имеется в виду первое значение: *Nàvikli smo* || *djècu oponášati*. Если поставить паузу после слова *djècu*, мы получаем толкование ‘мы приучили детей подражать’: *Nàvikli smo djècu* || *oponášati*. Наконец, используя конструкцию с *da*, мы избегаем двусмысленности: *Nàvikli smo da djècu opònāšāmo*. – *Nàvikli smo djècu da opònāšāju*. ‘Мы привыкли детям подражать. – Мы приучили детей подражать.’

Средство, помогающее усиливать значение слов в предложении, называется логическим ударением. Так, в предложении: *U pòžaru je nastrádalo stòtinu ljúdi*. ‘При пожаре погибла сотня людей.’ с ударением на слове *pòžār* ‘пожар’ подчеркивается происшествие как таковое. Ставя ударение на *stòtina* ‘сотня’, мы выносим на передний план количество затронутых происшествием людей, а при выделении слова *nastrádati* ‘явиться жертвой чего-л.’ рассматривается в первую очередь процесс. Логическое ударение оказывается важным в том отношении, что некоторые ученые-логики понимают под предикатом только то слово, которое отмечено таким акцентом. Обычно сначала называется предмет, и только потом его свойства: а) процессуальные: *Pètar* || *čítā*. ‘Петр читает.’, б) непроцессуальные: *Pètar* || *je dõbar* ‘Петр хороший’. При наличии желания выделить одно из этих двух свойств, они ставятся в доминантную позицию в предложении или отмечаются ударением, интонацией или другим невербальным языковым средством (мимикой, жестами и др.).

368. Суперкорреляционал. В то время как в с.-х.-б. различают, прежде всего, повествовательную, вопросительную и восклицательную интонации, а в рамках ударения выделяют восходящую и нисходящую, в русском языке различаются пять основных типов интонационных конструкций (ИК), служащих важнейшим средством различения смысла предложений – ИК-1, ИК-2, ИК-3, ИК-4, ИК-5 (Bryzgunova 1969: 15). ИК-1 наиболее ярко проявляется при выражении завершенности в повествовательных предложениях типа *Это Антон*. С помощью ИК-2 произносится вопрос в вопросительном предложении с вопросительным словом: *Кто пьет сок?* ИК-3 используются для выражения вопроса в вопросительном

предложении без вопросительного слова: *Это Антон?* ИК-4 возникает в неполном вопросительном предложении с сопоставительным союзом *а: А вы?* Наиболее ярко ИК-5 проявляется при выражении оценки в предложениях с местоименными словами: *Какой сегодня день!* В академической грамматике выделяется еще больше типов – семь (GAN 1980/1: 99–122).

Общие аспекты этой проблемы представлены в книге «Интонационная система русского языка» (Svetozarova 1982). Интонацией русской поэзии, прозы и разговорной речи занималась Н. В. Черемисина (Čeremisina 1982). В сопоставительном плане интонационными стратегиями русской речи занималась Т. Е. ЯНКО (Janko 2008). Она сравнивала русскую интонацию с английской, французской, немецкой, польской и датской.

Вопросы интонации в балканском языковом союзе подробно изучала Т. М. НИКОЛАЕВА (Nikolaeva 1996). Этот автор в частности обращает внимание на тот факт, сербохорватский альтернативный вопрос в литературе о сербохорватской интонации все еще не решен (Nikolaeva 1996: 191). О модели специального вопроса в сербохорватском языке Т. М. Николаева пишет: «[...] здесь тип конечного повышения не определяется типом акцента в слове, т. е. действительно происходит финальная нейтрализация. Единственным различием является более высокий подъем на ударном и заударном при восходящем акценте (*ба́ба*).²⁵⁸ Необходимо сделать типологическое замечание о том, что во всех анализировавшихся языках БЯС [балканского языкового союза, Б. Т.] контур вопроса с вопросительным словом не напоминает ту сглаженность ударных и монолитную оконтуренность, которую описала для русского языка, например, Н. Д. Светозарова [...]» (Nikolaeva 1996: 197). Что касается интенсивности восклицания, автор указывает на то, что в русском языке оно обычно описывается как некое дугообразное (или петлеобразное) образование и что такой же тип был отмечен ею для белорусского, украинского, польского, чешского, словенского и отчасти сербохорватского языков (Nikolaeva 1996: 203). По отношению длительности начального слога к конечному Т. М. Николаева находит в сербохорватском следующие свойства: левоориентированность – в кратком императиве, в восклицании; правоориентированность – в утверждении, в общем вопросе, в вопросе с вопросительным словом, в развернутом императиве, в придаточном; равновесность – в альтернативном вопросе, в утверждении-2. «Эти данные дают возможность выделить язык максимально левоориентированный (албанский: 5 структур из 9), с явной тенденцией к левоориентированности (румынский, греческий, болгарский: 4 структуры из 9), мало-ориентированный влево

²⁵⁸ В с.-х.-б. существуют два ударения: *bāba* ‘бабушка’ и *bába* ‘отец’ (разг.).

(сербохорватский: 2 из 9) и правоориентированный (македонский). Небезынтересно, что равновесность проявляется явно у славянских языков БЯС» (Nikolaeva 1996: 209). Что касается мелодики, Т. М. Николаева пишет: «[...] при восходящей мелодике сербскому типу при ´ соответствует мелодика при ´ _ . Сербскому типу при ` соответствует в других языках мелодика при ´ _ . При нисходящей мелодике сербскому типу при ´ соответствует мелодика при _ ´ . Сербскому типу при ` соответствует мелодика при ´ _ (кроме албанского языка). Таким образом, во всех случаях сербский ` _ соответствует ´ _ . Но сербскому ´ _ соответствует в языках БЯС (там, где она зависит от типа слова!) мелодика при структуре _ ´» (Nikolaeva 1996: 215). Она приходит к выводу, что сербский язык как бы сохраняет общую модель до неоштокавского сдвига и что это наблюдение можно считать очень важным для славянской просодической диахронии» (Nikolaeva 1996: 215). В анализе мелодики вопросительных предложений Т. М. Николаева описывает интонационную структуру некоторых конструкций сербохорватского языка. В структуре общего вопроса она находит следующие свойства: «*Били сѐе у Ленинѐрагу?* – резкий начальный подъем на *Били* и второй подъем с последующим понижением на ударном слоге слова *Ленинѐрагу*. *Били сѐе раније у Москви?* – повторение предыдущей модели. *Свиђа ли Вам се овде?* – резкий начальный подъем на глаголе с последующим понижением. *Не бисѐе ли ми ђрочиђали још једном?* – начальный подъем на *бисѐе* с последующим плавным понижением» и делает следующий вывод: «Сербохорватская модель напоминает болгарскую, но с большей левоориентированностью. В огрубленном виде она как бы зеркальна по отношению к неславянской балканской конструкции. Однако участок: подъем-понижение здесь более плавен» (Nikolaeva 1996: 232). В уточняющем вопросе, продолжает Т. М. Николаева, существуют следующие элементы: «*А руски?* – понижение к ударному слогу, затем резкий подъем к последнему слогу и небольшое понижение на нем» (Nikolaeva 1996: 244). Альтернативный вопрос она анализирует в предложении *Je li to interesantno ili ne?* и констатирует, что такая модель достаточно сложная: высокий подъем на *Je li*, низкое положение ударного слога в *interessantno*, затем резкий подъем, после чего происходит понижение и незначительное повышение на *ne* (Nikolaeva 1996: 247).

Т. М. Николаева рассматривает и интонацию текста и находит среднюю продолжительность звука (в мсек):

	Текст	Сказка	Стих
Сербохорватский	72,56	76,67	81,48
Македонский	75,23	76,01	82,69
Болгарский	77,09	81,89	90,69
Греческий	61,25	67,48	70,25

Албанский	97,01	114,94	129,83
Румынский	73,22	74,05	87,42

Табл. 158. Средняя продолжительность звука в текстах
(Nikolaeva 1996: 252–253)

Второй группой характеристик являются данные по средней продолжительности речевой единицы:

	Текст	Сказка	Стих
Сербохорватский	1 355,67	1 119,47	1 656,20 ²⁵⁹
Македонский	1 175,54	1 035,93	1 458,14
Болгарский	2 149,44	1 866,90	1 673,79
Греческий	1 416,46	1 326,55	2 408,03
Албанский	1 257,38	1 121,03	2 039,44
Румынский	1 976,3	1 864,77	1 148,75

Табл. 159. Средняя продолжительность речевой единицы в текстах
(Nikolaeva 1996: 252–253)

В художественном тексте сербохорватского языка Т. М. Николаева наблюдает отчетливую тенденцию к различному воплощению соотношения ударных и безударных в отношении к одной и той же функциональной позиции (Nikolaeva 1996: 262). В сказках речевая единица членения гораздо менее протяженна, чем при чтении текста (ближе к разговорной речи). «Временное же семантическое манипулирование свойственно сербохорватской сказке в гораздо меньшей степени, в меньшей же степени оказывается возможным выделить здесь начало, середину и конец речевой единицы. Можно говорить здесь о меньшем варьировании временной структуры слова» (Nikolaeva 1996: 265). В сербохорватском стихе (речитативный стих, эпос Косовского цикла) временная структура выявляется очень четко: стих разбивается в соответствии со смысловым членением на единицы от 2 до 4 строк (Nikolaeva 1996: 270). «Каждая из подобных единиц оформляется следующим образом: в начале идут краткие изохронные слоги с выровненными акцентами, в середине возможны более разнообразные отношения между ударными и безударными слогами, к концу слоги удлиняются, с возможным сохранением (или стиранием) различия ударных и безударных. Все это повторяется и в пределах целого текста изоморфным образом, т. е. начало всего текста более монотонно и „укорочено“, середина более вариативна, конец больше растянут. Таким обра-

²⁵⁹ Учитывалась продолжительность уже заданной стихотворной строки.

зом, сербохорватский стих отчетливо демонстрирует правоориентированность во времени линейных единиц» (Nikolaeva 1996: 270). Что касается мелодических характеристик текстов, мелодика сербохорватского текста – это чередование подчеркнутых участков с монотонизированными. «В каждом выбранном тексте, по условию, обязательно должно было быть несколько вопросов разного типа. Есть они и в сербохорватском тексте. Специальный вопрос оформляется несколькими яркими дугами: в начале с монотонной второй частью, идущей на постепенном ровном понижении, и вторым подъемом в конце.

Како Милена живи њамо?

В целом, ударные слоги регулярно отмечаются повышением основного тона. Однако создается впечатление, что основная форма выделения – поднятая дуга и акцентные различия могут смешиваться. Фигура конца, т. е. условного центра, может не быть ярче, чем в начале или в середине:

Нема разлоја да се рагује миру.

Т. М. Николаева приходит к выводу, что сербский текст представляет собой графически изрезанную дугами-подъемами на ударных и часто примыкающих к ним слогах поверхность с нечастыми монотонизированными участками.

Что касается акцентных характеристик, она констатирует, что в сербохорватском художественном тексте выразительные возможности интенсивности, в основном, сводятся к функции делимитативной, т. е. четкого очерчивания слов. «Особенно это было видно на фоне монотонизации высотных показателей. Интенсивность как бы „спасала“ цельность слова. На протяжении текста абсолютные показатели менялись мало. Подчеркнутыми были, в основном, глаголы результативного статуса: *минула су; изјуби* и т. д. [...]; в некоторых случаях подчеркнутыми были актанты: агенты и пациенсы. Например: *Официри ће распринути*, или *Једна нација изјуби своју интелијенцију*» (Nikolaeva 1996: 290). В сербохорватской сказке, сказанное выше о художественном тексте, выражено еще отчетливее: очерчены границы отрезков, а поскольку отрезков больше, то и звучание кажется более интенсивным, не пропускаются слова-интенсивы типа *мноџо* и т. д. (Nikolaeva 1996: 292). По мнению Т. М. Николаевой, в сербохорватском стихе функция интенсивности является не функцией строки, ее просодического оформления, не функцией выделения словесного ударения, а функцией выделения слова из стихотворного потока. «При этом разница между началом и концом слова невелика, но она, несомненно, существует» (Nikolaeva 1996: 293).

Ударение
(Akcent/Akcentat/Naglasak)

367. Ударение – это выделение гласного при произнесении. Есть два типа ударения: динамическое, или экспираторное, и мелодическое, или музыкальное. Динамическое (экспираторное) ударение означает, что слог выделяется за счет интенсивности артикуляции (силы давления). Этот тип ударения наблюдается в немецком, французском, английском, а также в некоторых славянских языках, например, в русском. Мелодическое (музыкальное) ударение означает, что ударный слог выделяется за счет изменения тона (подъема ↗ или снижения ↘). Среди славянских языков музыкальное ударение встречается только в с.-х.-б. и словенском языках.

Кроме того, ударение может быть свободным (разноместным) или фиксированным. При свободном ударении ударным может быть любой слог. При фиксированном ударении ударным оказывается всегда определенный слог (первый, второй, последний, предпоследний и т. д.). В венгерском языке, к примеру, ударение всегда падает на первый слог, во французском – на последний (ультима), а в итальянском, как правило, – на предпоследний (пенультима). В рамках просодической системы славянских языков фиксированное ударение наблюдается в некоторых из них – оно привязано, например, к начальному слогу в чешском, к третьему с конца в македонском (антепенультима), к предпоследнему в польском. Ударение, варьирующееся в рамках одного слога, но в разных формах, особенно характерно для с.-х.-б., ср. им. п. ед. ч. слова *gláva* ‘голова’ – вин. п. ед. ч. *glávu*. Или:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Именительный	Ōvō je <i>nòvac</i> . ‘Это деньги’	Ōvō su <i>nòvci</i> . ‘Это деньги’
Родительный	Nēmā <i>nòvca</i> . ‘Нет денег.’	Nēmā <i>nòvācā</i> . ‘Нет денег.’

Табл. 160. Подвижное ударение в слове *nòvac* ‘деньги’

Типичным примером языка с разноместным подвижным ударением является русский, где ударение может располагаться на любом слоге.

В некоторых штокавских диалектах (например, диалекты Зеты и Южного Санджака) наблюдаются два типа ударения.

Три типа ударения наблюдаются в словенском, а также в чакавском и кайкавском диалектах.

Для с.-х.-б. характерны четыре типа ударения. Если же учитывать, что, помимо двух восходящих (долгого и краткого) и двух нисходящих

(долгого и краткого) ударений, в этих языках существует так называемая долгота, то можно говорить о пятичленной просодической системе.

Система ударений с.-х.-б. представляет собой сочетание двух просодических характеристик: количество, т. е. долгота звука, и качество, т. е. изменение тона, подъем или снижение.

№.	Ударение	Akcen(a)t	Символ	Пример	Значение
1	длгое восходящее	dugouzlazni	ˊ	<i>rúka</i>	рука
2	краткое восходящее	kratkouzlazni	ˋ	<i>nòga</i>	нога
3	длгое нисходящее	dugosilazni	ˆ	<i>mâjka</i>	мать
4	краткое нисходящее	kratkosilazni	˝	<i>sân</i>	сон
5	заударная долгота	dužina	–	<i>mnogo ženā</i>	нет женщ-нин, жен

Табл. 161. Типы ударения в с.-х.-б.

Нисходящее ударение означает понижение тона в конце ударного слога. Восходящее ударение означает повышение тона в конце ударного слога.

Примеры:

длгое восходящее ударение (dugouzlazni akcen/a/t: ˊ) – тон долгого ударного гласного повышается к концу слога: *rúka* ‘рука’, *gláva* ‘голова’, *národ* ‘народ’, *písati* ‘писать’, *spávati* ‘спать’,

краткое восходящее ударение (kratkouzlazni akcen/a/t: ˋ) – тон незначительно повышается: *nòga* ‘нога’, *sèstra* ‘сестра’, *život* ‘жизнь’, *zèmlja* ‘земля’, *kòza* ‘коза’, *čitati* ‘читать’,

длгое нисходящее ударение (dugosilazni akcen/a/t: ˆ) – тон и сила долгого ударного гласного понижаются к концу слога: *mâjka* ‘мать’, *pîvo* ‘пиво’, *drûg* ‘друг’, *dîvno* ‘прекрасно’, *prâvda* ‘правда’,

краткое нисходящее ударение (kratkosilazni akcen/a/t: ˝) – тон быстро понижается к концу слога (из-за краткости ударного гласного такое снижение почти не слышится): *sân* ‘сон’, *kûća* ‘дом’, *pòlje* ‘поле’, *glèdati* ‘видеть, глядеть, смотреть’, *pàra* ‘пар’, *ìstok/ìstok* ‘восток’,

заударная долгота (postakcenatska/zanaglasna dužina/duljina: ˉ): *mnògo ženā* ‘много женщин, жен’, *sa mâjkôm* ‘с матерью’, *dèsnôm rúkôm* ‘правой рукой’.

368. Выбор ударения определяется следующими правилами.

1) В односложных словах может быть только нисходящее ударение: *grâd* ‘город’, *dâh* ‘дыхание, вздох’, *zrâk* ‘воздух’, *brâk* ‘брак’, *krâlj* ‘ко-

роль', *hrâm* 'храм', *sâm* 'один, сам', *râm* 'рама', *člân* 'член', *pâr* 'пара', *râb* 'раб', *plâc* 'площадь', *kvârc* 'кварц', *plâč* 'плач', *trăč* 'сплетни', *sâd* 'сейчас', *prăg* 'порог', *râng* 'ранг', *pârک* 'парк', *șâl* 'шарф'.

2) В многосложных словах ударение никогда не падает на последний слог: *măksimālan* 'максимальный', *trădicionālan* 'традиционный', *rukovòdilaс* 'руководитель', *znâmenitôst* 'достопримечательность', *griĵăč* 'обогреватель', *odgováratí* 'отвечать', *pripovijèdati* 'рассказывать', *prednjonèpčani* 'переднебный', *sàobračājní* 'транспортный', *tàlentovāno* 'талантливый'.

3) Нисходящее ударение всегда падает только на первый слог: *zâmjenica* 'местоимение', *râsprava* 'дискуссия, спор', *rĵěčnĭčkĭ* 'словарный, лексический', *médijskĭ* 'медийный', *prĕksinôč* 'позавчера вечером', *rĕktorskĭ* 'ректорский', *Vĭnkovčānka* 'жительница г. Винковцы (Славония)', *smĭrenôst* 'спокойствие', *lôgorovānje* 'летний лагерь, кемпинг', *zbûnjenôst* 'смущение, замешательство, неуверенность', *krăstavac* 'огурец', *găsovôd* 'газопровод', *fârmerice* 'джинсы', *trăperice* 'джинсы', *gmĭzavac* 'пресмыкающееся', *grĭčkānje* 'грызть, лакомиться', *ĭmenovānje* 'наименование, номинация', *rôdolĵûb* 'патриот', *prôpovijed* 'проповедь', *rûkovatĭ* 'управлять, обращаться'.

4) Восходящее ударение может падать на любой слог за исключением последнего (ультимы).

4) Восходящее ударение не встречается в односложных словах.

5) Восходящее ударение может падать на любой слог в многосложных словах, за исключением последнего слога: первый слог – *Dánac* 'датчанин', *glàsăč* 'избиратель', второй слог – *Albánac* 'албанец', *drugăčĭje* 'по-другому, другим способом', третий слог – *usisîvăč/usisăvăč* 'пылесос', *Čileánac* 'чилиец', четвертый слог – *racionalisānje* 'рационализация', *Venećijánac* 'венецианец', пятый слог – *aerodinâmičkĭ* 'аэродинамический', *satomopouzánje* 'самообладание', шестой слог – *telekomunikácĭje* 'телекоммуникации', седьмой слог – *udvadesetostručăvānje* 'увеличение в двадцать раз'.

6) В словах, состоящих из одной основы, имеется одно ударение (*rúka* 'рука', *nôs* 'нос', *vôda* 'вода'), в сложных словах бывает два ударения (*râdio-stànica* 'радиостанция').

7) В двусложных словах в первом ударном слоге могут наблюдаться все четыре типа ударения (*rúka* 'рука', *nôga* 'нога', *prâvda* 'правда', *pòlje* 'поле').

8) Последний слог (ультима) может быть ударным только в том случае, если происходит смещение ударения первого слога последующего слова, например, *izà praga* 'за порогом', *prekò prĭsta* 'через палец'.

9) Заударные долги́ты всегда располагаются после ударного слога: *prekĭdăč* 'прерыватель, выключатель', *pòglăvlje* 'глава', *mĵěšĕc* 'месяц', *ĭmenskĭ* 'именной', *vôdĭč* 'вождь, гид', *ĭgralĭšte* 'спортивная площадка, игровое поле', *dvòbôĵ* 'дуэль', *òdgoĵ* 'воспитание', *òrũĵje* 'оружие', *ĭstũćĭ* 'из-

бить'. Заударные долготы встречаются в следующих словоформах: а) в род. п. мн. ч. существительных мужского рода: *jùnāk – junákā* 'герой', б) в род. п. мн. ч. существительных женского рода: *jäbuka – jäbūkā* 'яблого', в) в род. п. ед. ч. существительных на -а: *nòga – nògē* 'нога', г) в род. п. ед. ч. местоимений и прилагательных: *òvāj, òvā, òvō – òvī, òvē, òvā* 'этот – эти', *jāk – jákē* 'сильный'), в тв. п. ед. ч. существительных женского рода: *vòda – vòdōm* 'вода', д) в им. п. ед. ч. прилагательных м. р.: *cīnī* 'черный', е) в глагольных формах настоящего времени: *jā kùpujēm* 'я покупаю'.

10) В слове может содержаться несколько безударных долгот: две – *pèčālbār* 'гастарбайтер', три – *dòkāzānōst* 'доказанность', четыре – *mnògo prèdstāvnīštāvā* 'много представительств'.

11) Глагольные окончания настоящего времени имеют долготу: *písati* 'писать' – *pīšēm, pīšēš, pīšē, pīšēmo, pīšēte, pīšū*. Исключением является глагол *mòci* 'мочь', у которого долгота появляется лишь в 3-м л. мн. ч.: *mògu, mòžēs, mòže – mòžemo, mòžete, mògū*.

12) Морфема **nāj-** в превосходной степени имеет долгое нисходящее ударение: *hládan* 'холодный' – *nājhlàdnijī, nājhlàdnijā, nājhlàdnijē*.

Существуют случаи, когда в одном слове появляются два ударения. Чаще всего это бывает в превосходной степени (*nājstàrijī* 'старейший') и в сложных словах (*hìrvātskosìpskī* 'хорват(ск)осербский').

369. В с.-х.-б. существуют проклитики (безударные слова, примыкающие к последующему ударному слову: *na stòlu* 'на столе') и энклитики (безударные слова, примыкающие к предшествующему ударному слову: *čìtao je* 'прочитал'). Сюда относятся:

а) формы настоящего времени вспомогательного глагола *jèsam*, т. е. *bīti* 'быть': *sam, sí, je, smo, ste, su. jā sam čìtao* 'я читал', *tī sí písala* 'ты писала', *òp je govòrio* 'он говорил', *mī smo rádili* 'мы работали', *vī ste spávali* 'вы спали', *òni su se ìgrali* 'они играли',

б) формы аориста вспомогательного глагола *bīti*: *bih, bi, bismo, biste*,

в) краткие формы глагола *ht(j)èti*: *cu, céš, cé, cemo, cete, cé*, скажем: *jā cu písati* 'я буду писать', *tī céš čìtati* 'ты будешь писать', *òni cé odgovárati* 'они будут отвечать',

г) краткие формы личных и местоимений:

me < mène (род./вин. п. от *jā* 'я'): *òna me vòlī* 'она любит меня',

mī < mēni/mēni (дат. п. от *jā* 'я'): *dāj mī knjigu* 'дай мне книгу',

te > tèbe/tèbe (род./вин. п. от *tī* 'ты'): *jā te vòlīm* 'я люблю тебя',

tī < tèbi/tèbi (дат. п. от *tī* 'ты'): *mī tī dājēmo* 'мы даем тебе',

nas < nās (род./вин. п. мн. ч. от *mī* 'мы'): *òni nas vòlē* 'они любят нас',

nam < nàma (дат. п. мн. ч. от *mī* 'мы'): *trèbā li da nam nàpīšēte* 'надо ли нам написать',

vas < *vâs* (род./вин. п. мн. ч. от *vî* 'вы'): *mî bez vas písêmo* 'мы пишем без вас',

vam < *vâma* (дат. п. мн. ч. от *vî* 'вы'), *mî vam čestîtâmo* 'мы поздравляем вас',

ga < *njêga* (род./вин. п. от *ôn* 'он'): *ôna ga vòli* 'она любит его',

nj < *njêga* (вин. п. от *ôn*, *òno* 'он, оно'): *ùzâ nj dòlâzi* 'вместе с ним идет',

tu < *njêtu* (дат. п. от *ôn* 'он'): *jâ tu vjêrujêm* 'я верю ему',

je < *njê/njû* (род./вин. п. от *ôna* 'она'): *pročítao sam je* 'я ее прочитал',

joj от *njôj* (дат. п. от *ôna* 'она'): *jâ joj vjêrujêm* 'я верю ей',

ju < *njû* (вин. п. от *ôna* 'она'): *ôn ju je zavòlio* 'он полюбил ее',

ih > *njîh* (род./вин. п. от *òni* 'они'): *mî ih znâmo* 'мы знаем их',

im > *njîma* (дат. п. от *òni* 'они'): *vî im prîčâte* 'мы рассказываете им',

se < *sêbe* (вин. п. от *sêbe* 'себя'): *nâ se nàvūci* 'надеть на себя',

д) некоторые предлоги типа *iz* 'из', *ispred* 'перед', *kod* 'у', *kroz* 'через, сквозь', *na* 'на', *prema* 'к', *pod* 'под', *pri* 'при', *s(a)* 'с(о)', *u* 'в' и др.: *iz zèmljê* 'из земли', *ispred fakultéta* 'перед факультетом', *kod djèvōjke* 'у девушки', *kroz dvòrište/dvòrište* 'через двор', *na dðbrobît* 'на добро', *prema cèntro* 'к центру', *pod stòlom* 'под столом', *pri univerzîtetu* 'при университете', *sa prîjateljima* 'с друзьями', *u rázredu* 'в классе',

е) некоторые союзы, например: *a* 'а, но', *ali* 'но, однако', *da* 'что; чтобы; да', *dok* 'пока, в то время как', *i* 'и', *jer* 'потому', *kad* 'когда', *ni* 'ни' (*mâma i tâta* 'мама и папа', *hòcū da čitām* 'хочу читать', *kad dðdē zîma* 'когда наступит зима', *ni brât*, *ni sèstra* 'ни брат, ни сестра',

ж) частицы типа *da* 'да, ну да, как же, может быть', *li* 'ли', *ne* 'не, нет': *da nísi mòžda bòlestan* 'может быть ты болен', *znáte li ìstinu* 'вы знаете правду', *ôna ne plāčē* 'она не плачет'.

Что касается предлогов, то в некоторых случаях на них может переходить ударение следующего за ним слова. На предлог не могут переходить восходящие ударения (ˊ, ˋ) типа: *u djèvōjci* 'в девушке', *pod planìnom* 'под горой', *nad glávom* 'над головой'. Ударный гласный предлога всегда является кратким (с восходящей или нисходящей интонацией).

Краткие нисходящие ударения могут переходить на предлог, причем

(1) краткое нисходящее превращается в краткое восходящее – *ù knjizi* < *u knjîzi* 'в книге', *zâ istinu* > *za ìstinu* 'для правды', *kòd stârca* < *kod stârca* 'у старика',

(2) краткое нисходящее остается кратким нисходящим: *nâ vodu* 'на воду' < *na vòdu* (*vòda*), *nâ nebu* 'на небе' < *na nèbu* (*nèbo*), *nâ pamet* 'на ум' < *na pàmēt* (*pàmēt*), *ù planinu* 'в гору' < *u plàninu* (*planìna*),

(3) долгое нисходящее превращается в краткое нисходящее: *nǎ glǎvu* 'на голову' < *na glǎvu* (*gláva*), *iz grāda* 'из города' < *iz grāda* (*grād*).

Ударение может переходить и с глагола на отрицание *ne*: *òni nǎ mògū* < *ne mògū* 'они не могут'.

Для того, чтобы ударение перешло на проклитику, оно должно быть нисходящим и находиться на первом слоге.

Перенос ударения на проклитики проводится непоследовательно, однако регулярно акцентуируется отрицательная частица *ne* в сочетании с глаголом: *nǎ bih znǎo* 'я бы не знал', *nǎ vidī* 'не видит', *nǎ damō* 'не дадим', *nǎ mōrāte* 'не должны'. Реже встречается перетяжка ударения на предлоги и союзы.

В заимствованиях наблюдаем следующие закономерности:

1) у существительных на **-izam** ударение как правило падает на суффиксальный **i** (*automatizam* 'автоматизм', *aforizam* 'афоризм', *fašizam* 'фашизм', *izolacionizam* 'изоляционизм', *kanibalizam* 'канибализм', *kapitalizam* 'капитализм', *kosmopolitizam* 'космополизм', *magnetizam* 'магнетизм', *nacionalizam* 'национализм', *paralelizam* 'параллелизм', *rusizam* 'русизм', *socijalizam* 'социализм', *srbizam* 'сербизм', *turizam* 'туризм', *unitarizam* 'унитаризм',

2) у слов с суффиксом **-ist** подударным является предсуффиксальный слог (*aktivist* 'активист', *antifašist* 'антифашист', *bljelogårdist* 'белогвардеец', *ekstrémist* 'экстремист', *enciklopèdist* 'энциклопедист', *esperàntist* 'эсперантист'),

3) у существительных, оканчивающихся в им. п. ед. ч. на **-a**, ударение обычно падает на предпоследний слог: *dijalíza* 'диализ', *sinzéta* 'синтез', *masáža* 'массаж', *hipnóza* 'гипноз',

4) у существительных с суффиксом **-ik-a** ударным является третий слог от конца: *botànika* 'ботаника', *mehànika* 'механика', *hidraùlika* 'гидраулика'.

Заимствования с суффиксом **-ij-a** имеют двойное ударение:

а) на третьем слоге от конца (*anèmiija*, *àgōniija*, *asignácija*),

agronòmija 'агрономия', *akcentuácija* 'акцентуация', *analògija* 'аналогия', *biohèmija* 'биохимия', *federalizácija* 'федерализация', *germanizácija* 'германизация', *integrácija* 'интеграция', *izolácija* 'изоляция', *kapitulácija* 'капитуляция', *liberalizácija* 'либерализация', *manipulácija* 'манипуляция', *nominácija* 'номинация', *opozícija* 'оппозиция', *parcelácija* 'парцелляция', *racionalizácija* 'рационализация', *stimulácija* 'стимуляция', *transliterácija* 'транслитерация', *utilizácija* 'утилизация', *velarizácija* 'веляризация',

б) на четвертом слоге от конца, причем гласный третьего слога является долгим: *àgōniija* 'агония', *àfāzija* 'афазия', *èliziija* 'эллизия', *èrōzija* 'эрозия', *èsēncija* 'эссенция', *èdīcija* 'издание, серия', *fāmiliija* 'семья', *fār-*

mācija 'фармация', *ilūzija* 'иллюзия', *impērija* 'империя', *invāzija* 'инвазия', *kòmēdija* 'комедия', *kònfūzija* 'конфузия', *Libērija* 'Либерия', *Lìtvānija* 'Литва', *pòzīcija* 'позиция'.

Об особенностях акцентуации ъ-основ среднего рода в сербохорватском языке см. Bulatova 1989.

370. Существуют многочисленные пары слов, уже упоминавшиеся в других главах нашей книги, где ударение выполняет с м ы с л о р а з - л и ч и т е л ь н у ю функцию, например:

Слово 1	Значение	Слово 2	Значение
<i>brána</i>	дамба, плотина	<i>Brána</i>	(женск. имя собств.)
<i>grād</i>	град (осадок)	<i>grād</i>	город
<i>džīn</i>	великан, гигант, исполин	<i>džīn</i>	джин (алк. напиток)
<i>iskupiti</i>	собрать	<i>iskúpiti</i>	выкупить, искупить
<i>jâ</i>	я (местоимение)	<i>jǎ</i>	междометие
<i>jàrica</i>	молодая коза	<i>jàrica</i>	вид травы
<i>kād</i>	когда	<i>kād</i>	ладан, благовоние
<i>klòbūk</i>	шляпа	<i>klòbūk</i>	пузырек (воздуха в воде)
<i>kòsa</i>	волосы	<i>Kósa</i>	женск. имя собств.
<i>ùpiti</i>	собрать	<i>kúpiti</i>	купить
<i>lūk</i>	лук (растение)	<i>lūk</i>	лук (оружие)
<i>lúka</i>	порт, гавань	<i>Lúka</i>	мужск. имя собств. Лука
<i>màlina</i>	малина	<i>malina</i>	паукальное число (грамм.)
<i>nòvine</i>	газеты	<i>novine</i>	новости
<i>pàra</i>	лужа	<i>pàra</i>	пар
<i>pàša</i>	паша	<i>pàša</i>	пастбище
<i>rávan</i>	ровный, гладкий	<i>rávan</i>	равнина
<i>sād</i>	сейчас	<i>sād</i>	сад
<i>sredīna</i>	середина	<i>srèdina</i>	хлебный мякиш
<i>zdràvica</i>	тост, здравица	<i>zdràvica</i>	подпочва, целина
<i>zòra</i>	заря	<i>Zóra</i>	женск. имя собств.

Табл. 162. Ударение как признак семантической дифференциации

Помимо ударения, семантическая дифференциация может осуществляться за счет послеударной длительности, например, *Razgòvārām sa sùprugōm*. 'Я разговариваю с моей женой.' *Razgòvārām sa sùprugom*. 'Я разговариваю с моим мужем.'

371. Интеркорреляционал. Среди форм ударения, как и в любой области языка, между сербским, хорватским и бошняцким наблюдаются совпадения в звучании, а также сходства и различия. Для того, чтобы определить реальную картину, отражающую различия между этими языками, необходимо учитывать множество факторов. Среди них – степень

изученности просодических систем и различий в области ударения, терминология ударений, стандартизация просодических явлений, соотношение между предписанной нормой и фактической реализацией, а также стилистическая и функциональная значимость просодем.

372. Система ударений с.-х.-б. (четыре ударения и долгота) является уникальной среди славянских языков. Именно поэтому данной теме уделено большое внимание специалистов в области с.-х.-б. (нам известно не менее десяти зарубежных публикаций).²⁶⁰ Этой тематике посвящали свои труды такие знаменитые лингвисты, как РОМАН ЯКОБСОН, АНТУАН МЕЙЕ, АВГУСТ ЛЕСКИН, НИКОЛАС ВАН ВЕЙК и др.

373. Стремясь воссоздать объективную картину исследований, посвященных сербскому, хорватскому и бошняцкому языкам, мы ознакомились с 307 тематическими работами и статьями по фонетике, фонологии, словообразованию, грамматике и стилистике, пытаясь понять, насколько в этих работах представлена и изучена проблема ударения. Среди исследованных работ – монографии, справочники, сборники статей, словари, сборники упражнений и научно-популярные издания. В рамках этого пилотного исследования мы выяснили, что 96,1% литературы по названным лингвистическим дисциплинам посвящены хорватскому или сербскому, что неудивительно, так как бошняцкий обрел статус самостоятельного языка только в девяностые годы. Среди лингвистических дисциплин работы по акцентологии занимают четвертое место (5,9%), вполнину меньше, если сравнивать с фонетикой, при этом сербских публикаций больше, чем хорватских (62% : 38%).

374. Первые и наиболее значительные исследования, посвященные ударению, принадлежат ДЖУРО ДАНИЧИЧУ (1851). Среди сербских лингвистов этим вопросом занимались АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ, ПАВЛЕ ИВИЧ, МИХАЙЛО СТЕФАНОВИЧ, АСИМ ПЕЦО и МИЛОРАД ДЕШИЧ. Работы, посвященные ударению и просодии, публиковали БРАНИВОЙ ДЖОРЖДЕВИЧ, РАДОСЛАВ ДЖУРОВИЧ, ЕЛИЦА ЙОКАНОВИЧ-МИХАЙЛОВА, СТАНИМИР РАКИЧ, МИЛОРАД ТЕЛЕБАК и ВАСО ТОМАНОВИЧ. Основы хорватской акцентологии были заложены СТЕПАНОМ ИВШИЧЕМ в его труде «Prilog za slavenski akzenat» (К славянскому ударению. Переработанная диссертация). Эта работа является, по мнению некоторых исследователей, первой крупной монографией, посвященной исключительно славянскому ударению. Хорватским ударением занимались ЙОСИП ГОПИЧ, ЙОСИП МАТЕШИЧ, ЗРИНКА ВУКОВИЧ, СТЕПАН ВУКУШИЧ и ЗОРАН ЗОРИЧИЧ. Кроме того, этой

²⁶⁰ ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ еще в 1971 г. писал: «Зарубежные публикации югославских и зарубежных авторов, вышедшие после второй мировой войны, значительно превзошли как по качеству, так и по количеству все, что было опубликовано в отечественных [югославских] изданиях» (Brozović 1971–1972: 124).

теме посвящены различные дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации (ХЕЛЕНА ДЕЛАШ, ИВАН ЛУПИЧ, РАФАЭЛА ШЕИЧ БОЖИЧ, САНЯ ЗУБЧИЧ).²⁶¹ Среди работ бошняцких лингвистов можно назвать лишь одно исследование МАЛИКА И. МУЛИЧА, посвященное русскому ударению (Мулич 1978).²⁶² Если сравнивать хорватские и сербские публикации, то их соотношение составляет 15 : 22.

375. Исследования, посвященные различиям в системе ударений. Нам неизвестны сравнительные исследования с.-х. и б. ударения. Объясняется это, видимо, тем, что еще до недавнего времени действовала единая сербохорватская орфоэпическая норма, и ударение рассматривалось в рамках диалектных вариаций. Поэтому мы можем привести всего лишь несколько отдельных замечаний и наблюдений. Так, Й. ШТОРМ, рассуждая о сербском и хорватском ударении, замечает, что хорватское ударение является более «певучим», чем сербское. АСИМ ПЕЦО комментирует это замечание следующим образом: «Вне всякого сомнения, речь здесь идет о различных областях нашей научной дисциплины, и тот, кто имеет хотя бы малейшее представление о наших диалектах, знает, что различия в ударении наблюдаются не только между штокавскими и чакавскими диалектами, но и между некоторыми языковыми зонами в пределах диалектных границ. По этой причине можно с уверенностью утверждать, что наблюдения Мазона, Готи и Шторма представляют собой скорее описание индивидуальных ударений отдельных представителей определенных языковых зон, чем реальную картину наших стандартизированных ударений» (Ресо 1971: 62–63).

Различия между системами хорватского и сербского ударения упоминаются ДАЛИБОРОМ БРОЗОВИЧЕМ в его модели общей нормы, которая базируется на «классической сербохорватской» (Антуан Мейе) и «стандартизированной новоштокавской модели», или на «хорватосербской (сербохорватской) модели» (Brozović 1970–1971: 125). Брозович говорит о соотношении между системой и нормой: «Чаще всего, хоть и не всегда, хорватские и сербские реализации совпадают. При этом в некоторых случаях с каждой стороны сохраняются нереализованные возможности (например, слова типа *čòvjek*, *čòvjeka* в хорватском). Система показывает нам то, что не может быть реализовано, как, например, форма **činovnik* или **čindvnik*, при этом невозможным оказывается именно данное конкретное слово (т. е. **činovnik* оказывается физиологически невозможным). Систе-

²⁶¹ В периодических изданиях преобладают диахронные исследования. Хорватские статьи посвящены в первую очередь чакавскому ударению (Menas-Mihalić 1993, 1995; Vulić 1996; Zubčić 2003; Šejić 1998, 1999, 2000 и др.).

²⁶² Следует также упомянуть исследования АСИМА ПЕЦО, который может считаться как бошняцким, так и сербским лингвистом, независимо от самоидентификации.

ма указывает на то, что является невозможным, например, **činovnik* или **činǝvnik* являются невозможными в системе и как слова (так же как **činovnik* не может быть и физиологически), в то время как, скажем, **činóvnik*, **činǝvnika* являются возможными как просодические структуры, напр., род. п. *planína* (a á ā) или *Vínkǝvčanin* (ā ā a a). Учитывая эти системные ограничения, вряд ли мы будем наблюдать серьезные отклонения от кодифицированной нормы как в хорватском, так и в сербском» (Brozović 1970–1971: 129). Особого внимания заслуживает высказывание, сделанное в одной из ранних работ Брозовича, о наличии трех типов «медленного» (медленно восходящего) ударения: северо-восточного, центрального и юго-восточного (Brozović 1952–1953: 122). Так, при северо-восточном медленном ударении гласный *u* в слове *student* (Срем и окрестности) произносится как долгий звук, при этом тон повышается, гласный *e* произносится ниже, короче и слабее, а при юго-восточном ударении в Далматии гласный *u* произносится глубже и короче, при этом начало ударения оказывается более интенсивным, а начальный тон – выше. За счет этого звук *e* также повышается, растягивается и произносится с большей силой.²⁶³ В другой работе Брозович так говорит о просодических различиях между сербским и хорватским: «Я не считаю, что любое языковое различие по линии Белград – Загреб должно быть нивелировано любой ценой – эта мысль далека от реальности, потому что при этом упускается из вида самое существенное. Тем не менее, я думаю, что в едином языке (а хорватосербский с лингвистической точки зрения является единым языком) не должно быть категориальных различий, в том числе и в области ударения» (Brozović 1962–1963: 153). В третьей работе Брозович рассматривает данную проблему с точки зрения анализа категориальных дублетов, благодаря которым штокавская область и область бытования литературного хорватосербского языка формируют два более или менее равных по величине региона – восточный и западный. Речь идет о дублетах типа *mène, za njega, čitámo, želímo, izvući, òplesti* (западный регион) и *mène, za njèga, čitámo, želímo, izvući, oplèsti* (восточный регион) – Brozović 1958: 69. Брозович высказывает свое мнение в довольно резкой форме: «Это противопоставление между Востоком и Западом ни в коем случае не следует рассматривать в сербско-хорватском этниче-

²⁶³ «Все эти сравнения относятся к центральному медленному ударению. Здесь оба гласных равны как по длине и высоте, так и по силе, и, тем не менее, можно четко определить, где находится ударение. Звучание оказывается (по крайней мере, на мой слух, вероятно, вследствие привычки) ясным, гармоничным, без примесей и побочных шумов. По моему мнению, можно объективно утверждать, что центральное ударение более красиво и равномерно, и только оно может стать орфоэпической нормой. К сожалению, именно этот вид ударения сложнее всего усвоить» (Brozović 1952–1953: 123).

ском ключе. Оно обусловлено исключительно территориально, в одних и тех же областях реализуются одни и те же типы ударения, независимо от того, кем по национальности является говорящий» (Brozović 1958: 69).²⁶⁴

Людевит Йонке предлагает модель двойных ударений для различения сербского и хорватского. Он пишет: «Я пока еще не говорил о том, что не все наши хорватосербские слова демонстрируют единый образец постановки ударений. В одних новоштокавских областях произносятся *pòvod, pròzor, zádruga, zàkasnili, književnōst, takóđer*, в других, наоборот, *póvod, prózor, zâdruga, zakàsniiti, knjižévnōst, tàkođer*. У нас существуют слова с тремя правильными вариантами произношения: 1. *rjèčnik – rječníka, vjèsnik – vjesníka*, 2. *rjèčnik – rječníka, vjèsnik – vjèsníka* и 3. *rjèčnik – rječníka, vjèsnik – vjèsníka*. Кроме того, целые группы слов демонстрируют парные ударения: *mène, tèbe, sèbe*, которым соответствуют варианты *kod mène, kod tèbe, kod sèbe* vs. *mène, tèbe, sèbe* и *kòd mene, kòd tebe, kòd sebe*. Совершенно очевидно, что такая вариативность представляет значительные трудности для работников театра, радио и телевидения. Лингвисты и литераторы считают парные ударения допустимыми только в тех случаях, если они являются употребительными в большинстве новоштокавских регионов. Но даже если допускаются оба варианта, их не следует употреблять вперемешку в одном и том же спектакле или передаче. Театр, радиостанция или телеканал должны выбирать тот вариант произношения, который является наиболее употребительным в соответствующем регионе. В соответствии с этой нормой актеры загребского театра произносят *kòd mene, kòd tebe, kòd sebe*. Исключением являются случаи, когда актеры стремятся передать определенный местный колорит той области, в которой происходит действие. Для Загреба характерным является ударение по типу *rjèčnik – rječníka* и *rjèčnik – rječníka*, в то время как в Белграде преобладает тип ударения *rèčnik – rèčnika*. В Загребе чаще встречается произношение *književnost*, в Белграде – *knjižévnost*» (Jonke 2005: 300).

В другом своем исследовании автор приходит к выводу, что новоштокавский вариант произношения мог бы объединить Белград, Загреб, Сараево и Титоград (Jonke 1956: 132). В следующей работе Йонке подчеркивает, что хорватские и сербские авторы следуют общим основополагающим принципам ударения, даже если встречаются отдельные различающиеся варианты.

С другой стороны, некоторые исследователи подчеркивают различия между хорватским и сербским. На наш взгляд, к этим мнениям следует

²⁶⁴ Автор приводит в качестве исключительного примера регионы центральной и северо-восточной Боснии, где мусульмане и хорваты обычно используют формы *-mè* и *-tè*, а у сербов чаще встречается западный вариант ударения.

прислушиваться с осторожностью, поскольку они опровергаются другими источниками. В любом случае, здесь требуется анализ конкретных данных. Утверждение, согласно которому краткое нисходящее и краткое восходящее ударение нейтрализуются и реализуются в сербском как краткое восходящее, а в хорватском как краткое нисходящее²⁶⁵ (Kačić 1995: 126), не подтверждается исследованием ДРАГОЛЮБА ПЕТРОВИЧА, поскольку в данном случае происходит скорее «устранение тонального контраста в кратких ударных слогах, то есть исчезновение различий между /^ˈ/ и /^ˋ/ в таких примерах, как *vòda, kòsa, jèlen, pòtok, lepòta, dubìna, Beògrad* вместо *vòda, kòsa, jèlen* и т. д.» (Petrović 1996: 93). Результаты Качича опровергает анализ Лиляны СУБОТИЧ, которая обнаруживает сближение между кратким восходящим и кратким нисходящим ударением в белградском диалекте (в пользу краткого нисходящего): вместо стандартных вариантов произношения *žèna, sèstra, pòtok* можно услышать *žèna, sèstra, pòtok* (Subotić 2005: 137). Суботич считает, что в некоторых диалектах сербского краткое восходящее ударение обладает лишь частично восходящей интонацией, и интонационная линия в конце артикуляции проходит скорее прямо, чем по возрастающей. Эгон Фекете указывает на выраженную утрату противопоставления краткого нисходящего и краткого восходящего ударения.²⁶⁶ Данные о сербско-хорватских просодических контактах можно встретить и в работах других авторов. Так, Булчу ЛАСЛО делает следующий вывод: «Различия между хорватским и сербским

²⁶⁵ Эмпирический анализ хорватского произношения показывает, что действительно имеет место нейтрализация двух типов ударения в пользу краткого нисходящего (Škarić 2001e, Varošaneć-Škarić 2001). Эта тенденция подтверждается исследованием (Varošaneć-Škarić/Škavić 2001), которое демонстрирует, что при произношении семидесяти произвольных слов различение краткого нисходящего и краткого восходящего ударения возможно только в 72% случаев, в 50% случаев речь шла об угадывании. «Ценность наблюдения заключается в том, что носители кайкавского диалекта в целом лучше определяют исследуемые диалекты (73% распознавания), поскольку они могут идентифицировать формы, отсутствующие в их диалекте, в то время как носители штокавского демонстрируют более низкий уровень распознавания, поскольку в их собственном диалекте различие между типами ударения выражено менее четко» (Varošaneć-Škarić/Škavić 2001: 95). Краткое восходящее ударение определялось респондентами намного лучше, чем краткое нисходящее. «Это является парадоксальным, так как предпочтение отдавалось краткому нисходящему ударению» (Varošaneć-Škarić/Škavić 2001: 96). Авторы считают, что приблизительно две трети носителей хорватского владеют трехчленной просодической системой.

²⁶⁶ «Наблюдается ослабление дистинктивных признаков между ^ˋ и ^ˋ (многие носители уже не могут с уверенностью различать эти два типа ударения), что сказывается на произношении составных слов, потому что в слогах, расположенных в середине слова, ^ˋ не удлиняется» (Fekete 2000: 1323).

литературными языками уменьшаются за счет того, что ударение не обозначается на письме, таким образом, усиливается видимое сближение систем ударения обоих языков» (László 1996: 341). Автор продолжает: «Общая же тенденция состоит в том, что наблюдается сближение хорватского школьного ударения с ударением, принятым в восточном варианте произношения» (László 1996: 341). Автор считает, что ударение Вука базируется на южных диалектах, ударение Даничича следует образцу восточных диалектов, а хорватская орфоэпическая норма основывается на юго-западном ударении. «Все эти три варианта допустимы в качестве орфоэпической нормы, даже если они используются без систематизированных и унифицированных правил». Различия между восточным, юго-западным и южным вариантами ударения автор определяет следующим образом: «Восточный тип ударения оказывается более инновационным в области склонения и более консервативным в области словообразования. Обе эти тенденции являются следствием выравнивания. Юго-западный тип ударения, наоборот, стремится сохранять традиционные формы ударения при склонении и стремится к новым формам при словообразовании. Южный тип ударения находится посередине между первыми двумя крайностями».

Еще одна тенденция, о которой уже в шестидесятых годах писал ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ, заключается в предпочтении долгого восходящего ударения и постепенной утраты краткого восходящего (Brozović 1962–1963: 150). «Это явление – часть более комплексного процесса: последовательной утраты краткого восходящего ударения, преимущественно в пользу долгого восходящего. Этот процесс может повлечь за собой полную утрату краткого восходящего ударения как такового, особенно если принять во внимание, что восходящее ударение в некоторых случаях и так замещается нисходящим. Я не буду задерживаться на этом вопросе, поскольку речь здесь идет не только об одном явлении, от которого зависит только лишь сохранение краткого нисходящего ударения. Я также не буду заострять внимание на других вариантах замены ударения, как, например, произношение *řádovi, brákoví* и т. п. вместо *ràdovi, brăkoví*, что представляет собой примеры слов, в которых начинает преобладать долгое восходящее ударение. Тем не менее, ввиду отсутствия других морфологических, деривационных или фонетических категорий, в которых наблюдалось бы вытеснение краткого нисходящего ударения долгим восходящим, не следует опасаться, что краткое нисходящее ударение исчезнет как просодическая характеристика. В худшем случае может измениться количественное соотношение \:/ и распределение ударений. Соотношение \:/ в гораздо большей мере подвержено риску, что обусловлено воздействием множества факторов, в том числе и исчезновением краткого нисходящего ударения» (Brozović 1962–1963: 150).

Брозович констатирует, что краткое нисходящее ударение «представляет собой типичное явление нашей просодии, его сложнее всего

выучить, а его акустические характеристики в значительной степени варьируются в зависимости от региона. Из трех основных вариантов самым сложным для обучения является средний, но именно этот вариант соответствует орфоэпической норме. По этой причине говорящие естественным образом стараются всячески избегать *ʌ*. Это ударение действительно в объективном общелингвистическом смысле является ‘сложным’ [...]» (Brozović 1962–1963: 152). Далее Брозович задается вопросом, имеет ли смысл противостоять названным тенденциям литературного языка, и в заключении отвечает на этот вопрос положительно. «Если бы речь шла о некоторых отдельных примерах, мы могли бы говорить о более точном определении нормы. Если бы речь шла только об экспрессивных видах ударения, мы приняли бы это как данность и сохраняли бы семантически или хотя бы стилистически маркированные дублеты. Если бы речь шла о единичном проявлении аналогии среди других аналогий, которые приводят к перераспределению имеющихся языковых средств в рамках одного языка, мы также могли бы принять эти новшества. Но в данном случае мы имеем дело с каждым из перечисленных пунктов, а также с тенденцией, которая представляет опасность для одного из средств нашего языка, одного из наших четырех ударений. При этом данное ударение не просто по-новому позиционируется в рамках системы, но полностью вытесняется из системы. А такое явление является допустимым в литературном языке только в самых исключительных случаях. Именно потому, что речь здесь идет о самом существенном вопросе, мы не имеем права бездействовать. Утрата системы четырех ударений вызовет цепную реакцию в области просодии, которую невозможно будет остановить и которая увеличит нестабильность нашей и без того слабой орфоэпической нормы. Разумеется, наше краткое нисходящее ударение не исчезнет в одночасье, но даже если речь идет об опасности такой утраты в обозримом будущем, то опасность эта может стать необратимой!» (Brozović 1962–1963: 152).

Автор завершает свои рассуждения следующими словами: «Литературный язык требует, чтобы мы сопротивлялись распространению ударения образца *pródor*, за исключением экспрессивных примеров и отдельных ограниченных аналогий, потому что данное явление, в совокупности с другими названным выше категориями, не только означает гибель ударения образца *pòmor*, но и утрату краткого нисходящего ударения, всей нашей системы четырех ударений и других особенностей хорватосербского литературного языка» (Brozović 1962–1963: 153).

В связи с обозначенной проблемой мы попытались понять, как соотносятся четыре ударения в системе языка. Анализ 140 829 ударных слов в «Обратном словаре сербохорватского языка» (Obrnuti rječnik srpskohrvatskog jezika; Matešić 1966) показал, что соотношение между кратким нисходящим и кратким восходящим ударением составляет 22,21% : 53,83%. Это означает, что краткое восходящее ударение составляет больше половины всех ударений и встречается вдвое чаще, чем краткое нисходя-

щее. Перечисленные выше случаи нейтрализации усиливают позицию краткого восходящего ударения не только по отношению к краткому нисходящему, но и по отношению ко всем остальным типам ударения (длгое восходящее ударение встречается в 20,86% случаев, а долгое нисходящее наблюдается только в 3,1% случаев).

Одно из исследований демонстрирует результаты, значительно отличающиеся от ранее перечисленных работ. Речь идет об исследовании Иво ШКАРИЧА, которое было проведено на основе анкетирования 78 респондентов. Большинство опрошенных составляли студентки второго курса, которые изучали фонетику на философском факультете Загребского университета. По своему происхождению и постоянному месту проживания студентки в равной мере представляли все государственные регионы Хорватии (Škarić 2001b). Целью данного исследования было выявление возможных различий между сербским и хорватским ударением, так как в обоих языках имеется одно и то же классическое ударение по образцу «сербского ударения» Даничића. Если обнаруживались различия, автор стремился показать, какие особенности могут являться типично хорватскими, а какие – типично сербскими. «Наша цель заключалась не в том, чтобы обосновать, какие именно элементы системы являются хорватскими или сербскими с филологической точки зрения: наши респонденты вряд ли имели реальное представление об этих различиях. Наша цель состояла в том, чтобы дать обоснованную картину языка» (Škarić 2001b: 13). Респонденты должны были при помощи семизначной шкалы определить, какой тип ударения слов является более типичным для сербского (деления шкалы выше единицы), а какой – для хорватского (деления шкалы ниже семи). «Если респонденты выбирали число четыре, то это означало, что они или затрудняются четко определить принадлежность ударения той или иной языковой системе, или считают, что данное ударение в хорватском и сербском реализуется одинаково. Слова для анкетирования были выбраны таким образом, чтобы они давали представление о трех образцах ударения, а именно об указанных особенностях западного новоштокавского ударения, о дифференцирующей функции кратких ударений и о возможности переноса кратких ударений в новоштокавском» (Škarić 2001b: 13).

Различия между западноштокавским ударением (хорватская узуальная или орфоэпическая норма) и восточным («классическим» ударением) рассматривались на примере трех групп слов. Первая группа состояла из форм *mene*, *izići* и *voće*. В результате исследователи делают следующие выводы: «Первое из этих трех слов, *mene*, с кратким нисходящим ударением, четко определяется как пример западного, то есть хорватского ударения. Точно так же западноштокавское слово *izići* определяется как менее чужое по сравнению вариантом *izíći*. Несмотря на то, что оба типа ударения тяготеют к сербскому варианту, респондентам оказывается ближе форма *izaći* с **a**, чем *izići* с **i**. Из трех предложенных респондентам

слов наиболее интересным является, несомненно, слово *voće*, которое в хорватских словарях обычно приводится как форма с кратким нисходящим ударением. Брозович в своих работах по диалектологии рекомендует придерживаться краткого восходящего ударения в слове *voće*, признавая одновременно, что «навязывание нормы не отвечает европейской практике» и что сам он «не является сторонником вмешательства диалектологов в вопросы орфоэпической нормы» (Brozović 1981: 68). Я полагаю, что при определении орфоэпической нормы в гораздо большей степени следует учитывать социолингвистические факторы, чем любые другие» (Škarić 2001b: 13–14).

Проводя дальнейшие эксперименты, Шкарич обратился к другой группе слов, а именно к «однозначно толкуемым лексемам с нормативным ударением» *žèna*, *mòžda* и *preskòčiti*, которые предлагались в некодифицированном варианте, например, *žèna*, *mòžda* и *preskočiti*. При этом автор учитывает тот факт, что «в хорватском языке исторически сложилась трехударная система, то есть в хорватском имеется только одно краткое ударение вместо двух. По этой причине многие носители хорватского литературного языка с трудом отличают краткое нисходящее от краткого восходящего ударения» (Škarić 2001b: 14). Автор пытается ответить на следующие вопросы: (1) будут ли респонденты определять некодифицированное ударение как нехорватское, (2) в состоянии ли они определить разницу ударений или (3) будут ли они отдавать предпочтение некодифицированным вариантам. Результаты подтверждают предположение о допустимости некодифицированного краткого нисходящего ударения, в особенности если ударный гласный располагается в середине слова (в случае *preskòčiti*). Шкарич приходит к выводу, что респонденты (а) в большинстве случаев считали нормой в хорватском краткое нисходящее ударение, а не кодифицированное краткое восходящее ударение, и что (б) они значительно реже считали краткое восходящее ударение правильным. Третьей группе респондентов предложили слова на *-ija*, например, *Italija*, *Jugoslavija*, *Slovenija*, *Dalmacija*, *Albanija* и *Makedonija*. Эта группа слов оказалась наиболее интересной, поскольку она предусматривает противопоставление так называемого классического «тосканского» ударения, которое является орфоэпической нормой западноштокавского, и других, «апокрифических» форм ударения хорватского языка, отличных от штокавского. «Теоретический аспект ожидаемого результата измерения довольно неоднозначен, поскольку сложно определить, что именно является типично хорватским, а что – типично сербским. С одной стороны, есть носители новоштокавского диалекта и полуторавековая традиция орфоэпической нормы, которая поддерживается при помощи книг, школ и средств массовой информации. С другой стороны, значительная часть населения не говорит на штокавском диалекте и использует другие образцы ударения. К этой части населения относятся прежде всего жители крупнейших хорватских городов, в том числе и интеллектуальная

элита, владеющая иностранными языками и знакомая с латынью. Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев ударение исследуемых слов не предусматривает нескольких вариантов, при этом группа слов, предложенная респондентам, не включает всех примеров, в которых возможны несколько вариантов ударения. Респондентам были предложены только некоторые названия стран, оканчивающиеся на **-ija**, некоторые заимствованные слова и некоторые формы местного падежа. Респондентов также просили определить долготу» (Škarić 2001b: 15).

Новоштокавское ударение в названиях стран на **-ija**... однозначно определялось как исключительно сербское, в то время как долгое нисходящее ударение на слоге перед суффиксом определялось как типично хорватское. Автор делает следующий вывод: «Полученные результаты демонстрируют абсурдность навязывания хорватам орфоэпической нормы, которая воспринимается как сербская, и запрет такого произношения, которое сами говорящие воспринимают как характерное для самих себя» (Škarić 2001b: 15). Шкарич проанализировал ударение в словах *parlament* и *ambasador* и получил ожидаемые результаты, так как он уже ранее высказывал мысль о том, что нисходящее ударение в середине слов такого типа приемлемо для хорватов. «Здесь сказывается исключительно социофонетический фактор, в результате которого так называемое классическое ударение определяется как типично сербское». Шкарич также проанализировал ударение в одной из грамматических форм, а именно в местном падеже типа *u vrtiću* и *u kotaru* и пришел к выводу, что респонденты определяют формы с долгим восходящим ударением на предпоследнем слоге (*u vrtíću*, *u kotáru*) как типично сербские. В заключение Шкарич исследовал ударение слогаобразующего **ř** в словах *trg* и *prvi*, интересуясь, насколько этот звук сокращается в хорватском.²⁶⁷ В результате анализа Шкарич приходит к следующему выводу: «Все четыре группы слов 3a, 3b, 3c и 3d, которые представляют наиболее многочисленные и значительные типы ударений, демонстрируют существенные различия между так называемой классической орфоэпической нормой и обычным общехорватским произношением, которое нередко считается неправильным.

²⁶⁷ «Это сокращение является, по всей вероятности, результатом особенностей артикуляции слогаобразующего **ř**, которое произносится как сочетание звука шва и согласного **ř**. При этом шва в стандартном варианте произношения не является долгим звуком и поэтому не выполняет дистинктивной функции в языке. В более раннем исследовании я уже анализировал лексемы *trg* и *prvi* (Škarić 1999) и пришел к выводу, что слогаобразующий **ř** в слове *trg* менее ярко выражен, чем в других словах. Субъективное восприятие также играет при этом немаловажную роль. Так, просодические характеристики слова *prvi* в большей степени воспринимаются как типично сербские. Слово *trg* в меньшей степени воспринимается как сербское» (Škarić 2001e: 15).

Эти группы слов объединяются одним общим признаком, благодаря которому наши специализирующиеся по хорватскому языку респонденты с высокой степенью точности могут определить, какая просодия является с хорватской точки зрения хорватской, а какая сербской. Данное различие прослеживается вдоль естественной внутриязыковой границы. При этом следует осторожно относиться к обобщениям полученных результатов: в большинстве случаев респонденты не смогли по ударению отличить хорватский язык от сербского» (Škarić 2001b: 17).

В другой работе Шкарич приходит к выводу, что ситуация вокруг хорватской орфоэпической нормы настолько изменилась, что необходима кардинальная переоценка нынешнего положения (Škarić 1999: 119). Исходя из того, что хорватский язык теперь является «общим языком всех хорватов в Хорватии и за ее пределами» и «политическим языком всех политизированных хорватов», автор развивает мысль о том, что хорватский ничем больше не обязан другому языку и ни в коей мере не должен быть к нему привязан или объединен с ним (Škarić 1999: 119).

376. Каждый язык обладает рядом особенностей. В хорватском или в лежащем в основе хорватского западношtokавском произношении такой особенностью является односложный рефлекс ятя, который предопределяет особый тип ударения (*vjêk*, *ljêp*, *mjênjati*, *uvjêk*).

Просодические различия между сербским и хорватским стали также темой исследований БЛАЖЕНКИ МАРТИНОВИЧ. В своей еще не опубликованной работе она анализирует отклонения от предписанной орфоэпической нормы в этих двух языках (Martinović 2007). Мартинович пишет: «Система ударений Караджича и Даничича, которую использовал также Томо Маретич, в двадцатом веке вызвала горячие дебаты, посвященные определению нормы, не только среди хорватов, но и среди сербов. Результаты при этом каждая из сторон представляет по-своему. Отклонения от принятой орфоэпической нормы сербского литературного языка говорят о самостоятельном развитии хорватской орфоэпии. С другой стороны, не следует забывать об отклонениях, наблюдавшихся в процессе исторического развития орфоэпической нормы» (Martinović 2007). Отклонение от «классической» орфоэпической нормы в хорватском и сербском Мартинович объясняет расхождением нормы и узуса.

Утверждение, что «некоторые хорватские лингвисты стремятся по-новому обозначать на письме ударение, предлагая орфографию типа *vijêk*, *lijêp* (а также *riječka* и др.)» (Pešikan 1991: 60), заставило нас обратиться к орфографическим словарям. В одном из них, под редакцией Степана Бабица, Божидара Финки и Милана Могуша, можно прочесть следующее: «[...] в хорватском литературном языке имеется дифтонг **ie**, который в свое время писался как **ie**, а в течение последних ста лет – за ис-

ключением периода НДХ²⁶⁸ – обозначается на письме как **ije**» (Ba-bić/Finka/Moguš 2000: 36). В орфографическом словаре Владимира Анича и Йосипа Силича встречается следующее определение: «В современном литературном хорватском наблюдаются следующие рефлексy **ятъ**: **ije/je/i** (*cvijet/cvjetovil bregovil dio*)» – Anić/Silić 2001: 124. В новом орфографическом словаре хорватского языка утверждается следующее: «В литературном хорватском языке рефлекс **ятъ** наблюдается в кратких слогах, например, **je** (**je**), **e** (*bregovi, povrede*) или **i** (*vidio, dio*)» (Badurina/Mićanović/Marković 2007: 17).

377. В сербском наблюдается аномалия, которую МИТАР ПЕШИКАН обозначил как нейтрализацию ударения. Она выражается в том, что ударение, оставаясь, как правило, на том же слоге, что и в стандартном произношении, претерпевает артикуляционные изменения. «Может показаться, что важнейшей отличительной чертой этого процесса является нетипичное произношение краткого нисходящего ударения, которое удлиняется и таким образом теряет свою нисходящую интонацию, сближаясь в определенной мере с другими типами ударения. В самом крайнем случае можно говорить о замещении новоштокавского различия ударений по длительности (долгое и краткое) и тону (нисходящее и восходящее) неким унифицированным полудолгим ударением, которое, тем не менее, может быть обозначено скорее как долгое, чем как краткое. Это унифицированное ударение не является также однозначно нисходящим или восходящим. Одновременно наблюдается утрата заударных долгот, безударные слоги произносятся менее четко по сравнению с типичным новоштокавским произношением. Такое ударение также часто сопровождается открытой артикуляцией гласных [...]» (Pešikan 1991: 66).

378. Таким образом, возникает монотонная последовательность одинаковых ударений, которая, по мнению автора, полностью разрушает новоштокавское звучание и различие ударений. Так, вместо предложения *Svâkê nêdeljê sâmi vëžbâmo i râdîmo* слышится *Svâkê-nêdeljê-sâmi-vëžbâm(o)-i-râdîmo*. «В двадцатом веке хорватские лингвисты указывали на отклонение от принятой орфоэпической нормы (которая в литературе обозначается как орфоэпическая норма Караджича, Даничича и Маретича, существуют подробные описания этого произношения). Это отклонение рассматривается не как этап развития языка, но как утрата особенностей западноштокавского произношения. Одновременно акцентологи предлагают использовать (хорватскую) кодифицированную норму, основанную на языковом употреблении, и все чаще видят в отклонении от этой кодифицированной нормы результат развития языка. Так, кодифицированное нисходящее ударение за пределами первого слога демонстриру-

²⁶⁸ НДХ (NDH) = Независимое государство Хорватии (Nezavisna Država Hrvatska) – квислингское образование, просуществовавшее с 1941 по 1945 гг.

ет влияние диалектов и заимствований. Это влияние все сильнее проникает и в литературный стиль. В жанрах, отвечающих норме литературного языка, такой тип ударения обозначается как «разговорный». С другой стороны, в течение всего прошлого столетия сербские лингвисты были заняты разработкой кодифицированной нормы, которая основывалась на восточном новоштокавском произношении. Возникшие со временем отклонения от этой нормы связывались с развитием языка, с упрощением (например, с возникновением аналогичных типов ударения) и с влиянием диалектов, которые не совпадают с нормой Караджича и Даничића. В результате литературные варианты произношения хорватского и сербского продолжают развиваться в разных направлениях» (Martinović 2007: 13).

379. Р а з л и ч и я в т е р м и н о л о г и и . В западных регионах для обозначения разных типов ударений уже давно используются термины *brzi* (˘), *spori* (˘), *silazni* (ˆ) и *uzlazni* (ˆ), предложенные ТОМО МАРЕТИЧЕМ (Marković 1974: 109). Сербские лингвисты также предлагают обновить терминологию, например, использовать наименование *visoko dugi akcent* (вместо *dugosilazni*) – Novaković 1894: 41. В хорватском *naglasak* является довольно распространенным явлением²⁶⁹, тогда как в сербских терминах часто встречается факультативный **а** (*akcenat* вместо *akcent*).²⁷⁰ В хорватском предпочитают лексемы родного языка, например, *prezaglasnica* и *prislonjenica* для обозначения проклитик и *zanaglasnica* и *naslonjenica* для обозначения энклитик; ударное слово обозначается как *naglasnica*, безударная клитика как *nenaglasnica*. *Duljina* является типичной хорватской лексемой; в сербском используется также термин *duljenje* (Ресо 1971: 157), хотя *dužina* является более употребительным.²⁷¹ В сербском чаще употребляется термин *nenaglašena* (*post-, poslijeakcenatska*) *dužina*, в хорватском – *zauđarna dužina*. Значительные терминологические изменения прослеживаются в работе Булчу ЛАСЛО «Bilješka o književnōme naglasku hrvatskōme». Там предлагаются следующие выражения: *odtežna razgloba, vladba oviska, dočetni ovisak, prjedkazba oviska, bezvisna osnova, sklonbena i tvorbena ovisba, zator osnovične visnosti, mlađa bezvis-*

²⁶⁹ В Хорватском корпусе-1 слово *akcent* встречается 266 раз, а слово *naglasak* – 1880 раз. В Сербском корпусе наблюдается противоположная картина: *akcent* встречается 495 раз, *naglasak* – 236 раз.

²⁷⁰ В Хорватском корпусе-1 слово *akcent* встречается всего два раза, в Сербском корпусе – 271 раз.

²⁷¹ Соотношение *dužina* и *duljina* в Хорватском корпусе-1 составляет 2960 : 2609, в Сербском корпусе – 829 : 0. Лексема *duljina* чаще всего встречается в работах ИВО ШКАРИЧА.

nost, kratka bezvisica, vrhudočetak, bezvisna životnica, visna neživotnica, službovita ujednaka neživotnica (László 1996).²⁷²

380. Различия при разработке нормы. Современная ситуация с ударением является расплывчатой и неясной в отношении всех исследуемых в данной работе языков. Тем не менее, существуют параллели между сербским и хорватским лингвистическим дискурсом.

8. Следует отметить, что новоштокавское ударение не рассматривается в качестве основы для стандартного произношения.²⁷³ Хорватские лингвисты принимают за образец западноштокавское ударение²⁷⁴, а сербские – восточногерцеговинское. Далибор Брозович следующим образом комментирует наметившийся отказ от кодифицированного новоштокавского ударения: «В любом случае, речь здесь идет о маргинальных кругах хорватского общества, чье влияние незначительно и может не приниматься во внимание» (Brozović 1998: 167). Тот же автор так высказывается о различии между хорватской и сербской просодической нормой: «Хорватское новоштокавское литературное произношение за последние десятилетия освободилось от более или менее навязанной орфоэпической нормы МАРЕТИЧА, КАРАДЖИЧА и ДАНИЧИЧА и обратилось к хорватским восточноштокавским образцам. Сербское литературное произношение в значительно большей мере отошло от предложенной Караджичем и Даничичем нормы, в Сербии новоштокавской традиции следуют еще меньше, чем среди хорватского населения в целом» (Brozović 2005: 211).

381. Разумеется, современная ситуация несопоставима с тем, что происходило во времена ВУКА и ДАНИЧИЧА. Сербь в последнее время неоднократно подчеркивают, что система Вука не отражает современную ситуацию, и современное ударение реализуется иначе, чем во времена Вука. Когда «орфоэпическая норма окончательно разрушена», нет смысла придерживаться утративших современность клише (Fekete 2000). Орфоэпическая норма Вука-Даничица основывалась на языковом употреблении, которому больше ста пятидесяти лет, за этот период времени язык претерпел изменения, которые затронули и элементы просодической систе-

²⁷² Существуют также специальные обозначения для падежей: *nazovnik, rod-nik, datnik, zovnik, tvornik, mjestnik*...

²⁷³ Сербь подчеркивают, что никто хочет нарушать основы «системы Вука» (Petrović 1996: 91).

²⁷⁴ В этой связи следует учитывать нюансы интерпретации. Некоторые полагают, что истоки хорватского новоштокавского лежат в восточногерцеговинских икавских диалектах, которые, вне всякого сомнения, находятся под влиянием чакавского и кайкавского ударения (Škavić/Varošane-Škarić 1999: 25).

мы (Fekete 2000: 1325–1326).²⁷⁵ Как подчеркивает ЭГОН ФЕКЕТЕ, со времен Вука усилился процесс интеллектуализации и специализации языка. Система Вука и Даничића сегодня устарела и не отвечает современным тенденциям развития языка. Невозможно и неестественно применять старые образцы к современным условиям (Fekete 2000: 1328). Далее Фекете пишет, что модель, существующая более ста лет, всегда обладала статусом неприкосновенности, и только за последние десятилетия начала подвергаться критике. Сербское языковое употребление во многом не соответствует классической просодической модели (Petrović 1999: 227). Петрович также подчеркивает, что отсутствие реалистической оценки ситуации представляет собой ключевую проблему современной лингвистики (Petrović 1996: 92). Лиляна СУБОТИЧ высказывает мнение, что просодической нормы Даничића больше не существует и поэтому не имеет смысла ей следовать (Subotić 2005: 139). Похожее мнение высказывает МИЛОРАД ДЕШИЧ, который обращает внимание на некоторые различия между системой ударений современного языка и системой Вука и подчеркивает, что эти изменения являются прежде всего результатом возникновения новых тенденций (Dešić 2004). АСИМ ПЕЦО признает, что «наше желание сохранить систему Вука и Даничића было невыполнимым», и прибавляет, что «в наше время система должна быть пересмотрена», необходимы перемены (Ресо 2002). Затем он делает следующий вывод: «В течении долгого времени я был сторонником принципов Вука и Даничића. Но время показало, что ситуация развивается независимо от наших желаний и мы должны мириться с этим». Интересно наблюдать, как менялись взгляды этого лингвиста касательно вопросов ударения, так как еще до недавнего времени Пецо был одним из наиболее активных и плодотворных приверженцев сохранения традиционной системы ударения, которая нуждалась, по его мнению, лишь в небольших косметических изменениях. В почтенном возрасте он резко меняет свое мнение и теперь высказывает тезис, с которым он сам сражался на пике своего творческого подъема: реформа орфоэпической нормы является теперь совершенно необходимой и неизбежной (Ресо 2002).

382. Нарушение нормы наблюдается почти на всех уровнях, но особенно ярко оно проявляется в употреблении краткого нисходящего ударения в середине слова и в переносе ударения на проклитики. Некоторые исследователи полагают, что в большинстве исконных хорватских диалектов нисходящее ударение встречается в середине слова (Škarić/Škavić/Varošanec-Škavić 1996: 134). Многие сербские лингвисты подтвер-

²⁷⁵ «Приверженность старым нормам („притягивание языка образованных слоев населения к неграмотной основе“, как говорит М. Ивич), очевидно, заводит в тупик и делает невозможным объективную оценку и проверку современной ситуации» (Fekete 2000: 1328).

ждают, что это наблюдение верно и для сербского.²⁷⁶ Очевидно, что традиционный просодический узус нарушен и кажется во многих своих проявлениях искусственным и непривычным (Fekete 2000: 1322). Действующая орфоэпическая норма «однозначно разрушена, поскольку нисходящее ударение наблюдается за пределами первого слога, что неизбежно влечет за собой утрату связи этого ударения с первым слогом» (Fekete 2000: 1322).²⁷⁷ Лиляна СУБОТИЧ также считает, что краткое нисходящее ударение встречается в середине слова (*televíziја, ambáѕador, dirigènt, asístènt*), и прибавляет: «В речи молодого поколения г. Нови-Сад и других городов наблюдается тенденция совпадения ударения род. п. ед. ч. с ударением род. п. мн. ч. существительных мужского рода образца */jezik/, /tepihl*. Сегодня обе формы произносятся с одинаковым ударением [*jèzika*], что ведет к утрате дистинктивной функции» (Subotić 2005: 140).

К интересным выводам приходит ИВО ШКАРИЧ в результате опроса восьмидесяти студентов, специализирующихся в области фонетики на философском факультете Загребского университета. Шкарич исследовал, насколько приемлемо нисходящее ударение на первом слоге, наблюдая при этом артикуляцию, а также качественные и количественные характеристики ударения в рамках четырех парадигм с одновременной реализацией краткого восходящего и краткого нисходящего ударения. Для тестирования использовались следующие парадигмы: инфинитив – настоящее время глагола (например, *písati – pišem (pišem)*), им. п. ед. ч. – род. п. мн. ч. (например, *kútak – kútaка (kútākā)*), им. п. ед. ч. – зват. п. ед. ч. (например, *stránac – strānče*) и существительные мужского и женского рода (*stránac – strānka*) – Škarić 2002a.²⁷⁸ Если ударение в основной форме слова не падает на начальный слог, то и метатоническое ударение, вопреки норме, тоже не падает на начальный слог. Начальный слог подчиняется, таким образом, следующим противоположным правилам: 1) соответствующее норме сохранение глубинной языковой парадигмы и 2) ритмико-синтагматическое правило избегания нисходящих ударений в данной позиции (Škarić 2002a: 115). Эксперименты Шкарича показали, что «квалифицированные автохтонные носители общехорватского языка в процессе

²⁷⁶ Краткое нисходящее ударение распределяется за пределами первого слога по определенным правилам, и это правило обычно реализуется последовательно (Dešić 2004).

²⁷⁷ Затем автор утверждает: «Правило перенесения нисходящего ударения на проклитику сегодня больше не соблюдается».

²⁷⁸ Шкарич указывает, что его исследование, «посвященное нисходящему ударению за пределами первого слога в общехорватском контексте, является продолжением предыдущих исследований в данной области. Нисходящее ударение не может падать на первый слог в соответствии с давно установившимися правилами [...]» – Škarić 2002a: 115.

речи и при оценке предложенных вариантов произношения в большинстве случаев отдают предпочтение нормативной речевой реализации краткого нисходящего ударения за пределами первого слога. Это наблюдение подтверждает, что два хорватских диалекта могут считаться классическими и общепринятыми» (Škarić 2002a: 115).

Вопрос о реализации нисходящего ударения за пределами первого слога вылился в дискуссию между Иво Шкаричем и СТЕПАНОМ ВУКУШИЧЕМ. Первый считает, что «неограниченная свобода в выборе позиции нисходящего ударения является природной особенностью общехорватского языка». Второй же полагает, что в хорватском языке наблюдается если и не значительная, но все же заметная произвольность (Vukušić 1996: 153). Шкарич считает при этом, что могут возникнуть неверные толкования в силу того, что одни исследователи исходят из «классического, нормативного литературного языка» (Вукушич), а другие говорят об «общепринятом общехорватском диалекте» (Шкарич). «Первый [классический, кодифицированный литературный язык] является результатом политического выбора и поэтому представляет собой неестественное образование, с трудом поддающееся научному исследованию. Эту норму можно описывать, объяснять, изучать, уточнять, нарушать или отвергать. Живой диалект, напротив, не является кодифицированным и представляется говорящим естественным. Он постоянно меняется в процессе усовершенствования коммуникации. Этот диалект может быть предметом научных исследований. Классический хорватский диалект по структуре является двойником новоштокавского, в то время как общехорватский диалект является соединением всех хорватских диалектов. Бытует общее представление о том, что кодифицированный литературный язык является одновременно системой и „конкретным языком“, в то время как живой диалект является „абстрактным“ или „незаконнорожденным“, но ни в коем случае не рассматривается как обогащенный гибрид» (Škarić 2002a: 116).

Уже в более ранних своих работах Шкарич утверждал, что в общехорватском допускается нисходящее ударение за пределами начального слога (Škarić 1999: 123). В другой работе (написанной в соавторстве) Шкарич делает следующий вывод: «поэтому совершенно правомерно считать нисходящее ударение за пределами начального слога допустимым для этих слов [заимствований], если этого требует современное чувство языка» (Škarić/Škavić/Varošanec-Škarić 1996: 138).

ИВО ПРАНЬКОВИЧ, анализируя нисходящее ударение за пределами начального слога, приходит к выводу, что правила дистрибуции ударения в новоштокавских диалектах (особенно в том диалекте, который Брозович называет «центральным») сегодня не соответствуют правилам дистрибу-

ции хорватского стандарта,²⁷⁹ и поэтому предлагает следующее: «перечисленные типы ударения за пределами первого слога следует рассматривать в качестве допустимых дублетов. В некоторых контекстах они могут считаться первичными ударениями, в то время как перенесенные типы ударения могут считаться классическими, устаревшими или региональными (например, форма *magistêrij* более употребительна, чем *magistërjij*, форма *radijātor* более употребительна, чем *radijātor*, форма *politikānt* более употребительна, чем *politikant*, форма *kabarê* более употребительна, чем *kabârê*, форма *esperānto* более употребительна, чем *espêranto* или *esperānto* и т. д.). Разумеется, подобные дистрибуции ограничиваются несколькими формами и лексемами, сюда в особенности относятся заимствования, а остальные словоформы, например, *nastûpām*, *prepîšēm*, *prokflinjēm*, *namêttnēm*, *kovăč*, *pjevăč*, *balôn*, *studènt* или *profêssor* не входят в эту категорию» (Pranjković 2001: 303).

Авторы «Хорватского энциклопедического словаря» предлагают ряд орфоэпических изменений, отражающих реально сложившуюся ситуацию (HER 2002): (а) В существительных мужского рода типа *asistent* и *refòrmist*, помимо традиционного (и до нынешнего времени единственно возможного) ударения *asistent*, *refòrmist*, допускаются варианты *asistènt* и *reformîst*. Они помечены в скобках как разговорный или неформальный варианты. Ударение по образцу *asistent* продолжает оставаться рекомендованной нормой и является признаком «высокого стиля». (б) В словах *akumulator* или *represalije* наряду с нормативным ударением *akumulātor* или *reprèsālije* допускаются варианты *akumulātor* или *represālije*. (в) Нисходящее ударение за пределами начального слога допускается и в некоторых словосочетаниях (*poljoprîvreda*, *samoûprava*, *samozāštita*, *jugozâpad* и т. п.). (г) Нисходящее ударение за пределами начального слога встречается в некоторых заимствованиях, в которых редко происходит смещение ударения на один слог (*rokokô*, *repesâž*, *rižôto*, *rigolêto*...). (д) Видоиз-

²⁷⁹ «Если выводы Брозовича в общем справедливы для новоштокавского диалекта (хотя, по моему мнению, его утверждения, касающиеся данного диалекта и высказанные в дискуссии с Москатело, являются довольно категоричными), то следует признать, что эти явления никогда не наблюдались и не наблюдаются в литературном хорватском языке (по крайней мере, на момент названной дискуссии). Не следует навязывать литературному языку «абсолютно штокавский» вариант (как это делает, например, А. Вебер Ткалчич) или, говоря более конкретно, абсолютно штокавскую просодию, поскольку почти во всех диалектах, входящих в „центральноштокавскую группу“, нисходящее ударение распределяется свободно – начиная с „периферийных“ штокавских диалектов, в которых нисходящее ударение может наблюдаться за пределами начального слога, до кайкавских и чакавских диалектов, в которых нисходящее ударение наблюдается в любой позиции в слове» (Pranjković 2001: 303).

менное **-ije** (т. е. долгий рефлекс ять) всегда произносится с долгим ударением во второй части рефлекса, как, например, слова *cvijēt* и *mlijēko*. (е) Ударение в род.п. мн. ч. таких слов, как *podātākā*, *prijateljstāvā*, *sveučilištārācā*, *Dalmatinācā* и т. п. не указывается, но и не расценивается как неправильное, то есть является допустимым (по практическим соображениям в словаре обозначаются только ударение и длина: – *pòdātākā*, *prijateljstāvā*, *sveučilištārācā*, *Dalmatinācā* и т. п.). (ж) Ударение в таких словах, как *nastûpām*, *namètnēm*, *pjevāč* или *balôn* и т. п., которое часто встречается в разговорной речи (особенно в Загребе), определяется как местный вариант, нигде не регистрируется и не рассматривается в качестве допустимого.

383. Заударная долгота, которая наиболее ярко выражена в диалектах Боснии и Герцеговины, утрачивается в других регионах. Это явление становится особенно очевидным при сравнении городских областей Боснии и Герцеговины с расположенной к востоку от них сербской областью: «Научные исследования и точные измерения показывают, что боснийское и герцеговинское ударение превышает сербское по длине и интенсивности [...]» (Valjevac 2005: 63). Хорватские исследователи приходят к выводу, что в городских говорах различие между долгим и кратким ударением постепенно утрачивается. ИВО ШКАРИЧ утверждает, что изменение длительности допустимо «с общехорватской точки зрения», но не может быть навязано (например, в словах *vûci* – *pòvûci*, *grād* – *û grād*, *dječāka* – *dječāk*) – Škarić 1999: 127. В хорватских справочниках уже сейчас можно найти важные нововведения. Так, в «Хорватском энциклопедическом словаре» фиксируются следующие изменения: (1) изменение ударения и длительности в парадигме единственного и множественного числа существительных и глаголов, например, в словах *nòvac* – *nóvca* – *nòvci* – *nòvčā*, *sjèna* – род. п. ед. ч. *sjênā*, *vòjnik* – *vojníka*; *prespávati* – *prèspāvām*, *ràzvesti* – *razvèdēm*, (2) утрата длительности в настоящем времени после долгого восходящего ударения в глагольных формах *rástem*, *vičem*, *krádem*, (3) изменение ударения в некоторых формах прилагательных и в сравнительной степени (если это изменение обусловлено фонологически), например, *táman* – *támniĵi*, *žût* – *žûći*, *svijétao* – *svijétli* – *svjètljiĵi* (HER 2002: XIII).

В речи городских жителей, говорящих по-сербски, заударная долгота в большинстве случаев редуцируется до такой степени, что в произношении младшего поколения наблюдается утрата долгих гласных после ударного слога. В результате этой тенденции качество ударения значительно снижается (Subotić 2005: 136). Система четырех ударений сокращается до одного ритмического ударения. ЛИЛЯНА СУБОТИЧ следующим образом комментирует данное явление: «современное молодое городское поколение (речь идет об образованных носителях сербского, прежде всего школьников и студентах) не знакомо с долготой и воспринимает ее как архаизм, регионализм и признак социолекта» (Subotić 2005: 139). АСИМ

ПЕЦО разделяет мнение некоторых других исследователей о том, что две или три долготы являются избыточными. Причина утраты долгот заключается, по мнению автора, в постоянно ускоряющемся темпе жизни общества: «Время навязывает нам свой темп: две или три долготы, следующие одна за другой, больше не нужны. [...] Наше время вносит свои корректуры, и речь не должна отставать от жизни. Речь жителей Герцеговины или области Дурмитора кажется нам певучей, потому что в ней четко обозначены долгота и краткость. Это различие отсутствует в речи жителей крупных городов, особенно Белграда. Как бы мы ни относились к этому явлению, оно вошло в нашу жизнь, и языковая норма должна его учитывать» (Ресо 2002: 72). Пецо признает, что «лингвисты вряд ли будут приветствовать такие радикальные меры», но, с другой стороны, он отдает себе отчет в необходимости перемен. Поэтому он предлагает особое решение: «Литературный язык, в особенности литературное произношение, может и далее следовать системе Вука и Даничића, но не исключено, что орфоэпическая норма будет развиваться по собственному пути» (Ресо 2002: 72). В некоторых случаях долгота не исчезает полностью, но трансформируется в полудолготу или факультативную долготу (Pešikan 1991: 55–57).

Если речь идет о долготе, то нельзя забывать, что она является важной составляющей просодической системы. Мы провели небольшое исследование на основе обратного словаря ЙОСИПА МАТЕШИЧА, проанализировав 130 651 слово с ударением. Слова с долготой составляют 27,93%, то есть занимают второе по частоте место после слов с кратким восходящим ударением (38,79%). На третьем месте стоят слова с кратким нисходящим ударением (16%), затем следуют слова с долгим восходящим (15%) и долгим нисходящим ударением (2,23%). Первое место по частоте среди фонем с просодическими свойствами занимает долгий *ā* (11,44%); четвертое место занимает *ī* (8,76%), девятое – *ō* (4,37%), двенадцатое – *ē* (2,93%). Словообразующий *ř* встречается редко и занимает двадцать девятое (предпоследнее) место (0,16%). Даже если не говорить об артикуляционных особенностях долгот, тот факт, что гласные с долготой встречаются в 27,93% исследованных слов, свидетельствует о теоретической значимости долготы как составляющей просодической системы. По этой причине слова с сокращенной или полностью утраченной долготой следует причислять к норме с осторожностью.

384. Перенос ударения с ударного слова на проклитики в современном хорватском или сербском осуществляется иным способом, чем раньше. В «общехорватском языке» этот перенос наблюдается нерегулярно (Škarić 1999: 120), то же самое происходит и в сербском (Fekete 2000). Этот факт известен уже давно. Так, ИВАН БРАБЕЦ делает следующий вывод, основываясь на анализе работы Комиссии по правописанию: «Деятельность комиссии не принесет результатов, если общество не будет следовать разработанным ей правилам. Тем не менее, перенос ударения на проклитики будет, на мой взгляд, сопряжен с определенными трудностями».

ми. Если Комиссия предлагает считать нормой отсутствие переноса ударения в трех- и многосложных словах, то перенос в одно- и двусложных словах, как, например, в словах *òd brata, ù vodu, ispòd kućē, zà rûku, ĭspod grāda* является обязательным. При этом недостаточно внимания уделяется практике современного литературного хорватского языка» (Brabec 1955–1958: 56–57).

385. По мнению ЕЛЕНА ДЕЛАШ, вопрос о том, когда нисходящее ударение переносится на проклитики в редуцированной форме, а когда в полной форме, остается наименее исследованным в хорватской грамматике (Delaš 2003: 21). Делаш констатирует, что перенос ударения на проклитики представляет трудности не только для носителей кайкавского и чакавского, но и для носителей штокавского диалекта. Если произношение *na nògu, na rûku, od brāta, iza kùćē* и т. п. станет считаться нормой, то потребуются ввести новые правила дистрибуции ударений в хорватском (Delaš 2003: 22). Делаш также считает, что ограничение свободы переноса ударения трех- и многосложных слов на энклитики повлечет за собой различные трудности, так как при введении орфоэпических правил необходимо будет постоянно учитывать и этот перенос (Delaš 2003: 22).

386. Во всех трех национальных языковых сообществах прослеживается тенденция сближения нормы с практикой. ИВО ШКАРИЧ неоднократно предупреждал об опасности слишком сильного расхождения между орфоэпической нормой и узусом в хорватском (например, Škarić 1999: 120). В процессе сравнительного анализа орфоэпических правил БЛАЖЕНКА МАРТИНОВИЧ обнаружила сближение нормы с реальной ситуацией словоупотребления (Martinović 2006: 249). Эта же тема затрагивается в словарях В. Анича и Й. Шонье. «Постепенный отход от классического ударения документируется в словарях. Это видно на примере ударения глагольных форм» (Martinović 2006: 250). Блаженка Мартинович делает следующие выводы: «Все приведенные отклонения от орфоэпической нормы указывают, что норма и реальное словоупотребление расходятся. Если такие расхождения рассматривать как следствие развития языка (не принимая во внимание региональных особенностей произношения), то норма должна определяться в зависимости от словоупотребления. Нормой должно считаться все, что не угрожает ее стабильности и одновременно обеспечивает функциональное различие вариантов. При этом языковая демократизация не должна привести к „снижению языковых критериев“. Поэтому непосредственная задача лингвистов заключается в том, чтобы, насколько это возможно, сдерживать расхождение орфоэпической нормы и реального словоупотребления (по крайней мере, в некоторых областях системы), но прежде всего необходимо унифицировать правила постановки ударений в справочниках и словарях хорватского языка» (Martinović 2006: 255–256). В другой своей работе автор подчеркивает, что «существование орфоэпических вариантов является, помимо прочего, результатом уверенности лингвистов в том, что

норма и узус расходятся. При этом, начиная с шестидесятых годов прошлого столетия, в работах С. Вукушича и в грамматиках наблюдается сближение между кодифицированным и узуальным ударением» (Martinović 2004: 319).

Мартинович подчеркивает, что все специалисты в области хорватской просодии признают, что реальное словоупотребление, которое также обозначается как узуальная норма, отличается от прескриптивной классической нормы.

387. АСИМ ПЕЦО предлагает реформировать систему сербского ударения и приблизить ее к разговорной речи: «Все, что уже и так вошло в нашу речь и стало частью нашей повседневности, то есть нисходящее ударение за пределами первого слога наряду с восходящим ударением, должно стать нормой, по крайней мере, в словах иностранного происхождения и в составных конструкциях» (Ресо 2002: 71–71).

388. Еще одна тенденция, которая наблюдается во всей орфоэпии с.-х.-б. языков – это сомнения в правильности ориентации на разговорную, «народную» речь при определении нормы. Носителей новоштокавских говоров часто обвиняют в том, что они привносят в литературный хорватский сельские, фольклорные, неевропейские, динарские элементы (Mićanović 2006: 104). Бытует мнение, что хорватская орфоэпическая норма должна основываться на речи образованных носителей языка, проживающих в крупных культурных центрах и являющихся специалистами в какой-либо профессиональной сфере, независимо от их говора – новоштокавского или какого-либо другого (Škarić/Škavić/Varošanec-Škarić 1996: 138). СТЕПАН ВУКУШИЧ не разделяет мнения о том, что при определении нормы следует основываться на городском произношении²⁸⁰, и отклоняет любую попытку классификации говоров по принципу «культуривированности». Вукушич считает такое разделение нецелесообразным: «В каждом из наших говоров можно найти [...] изысканное благородство и деревенскую простоту» (Vukušić 1997: 65).

²⁸⁰ «Городское произношение не может считаться основной стабильной системой, поскольку оно представлено различными вариантами произношения, на которые влияет происхождение говорящих. С другой стороны, это не означает, что мы приветствуем сельский вариант произношения. Настоящим ориентиром может считаться совокупность стандартизированного произношения, которое сформировано в процессе расширения и усовершенствования своей основы, исконного западноштокавского произношения, и привлечения всех хорватских говоров с близкой просодией. Эти два уровня, органический и кодифицированный, представляют собой результат пятисотлетнего развития и нуждаются в сближении с другими системами ударения» (Vukušić 1997: 63).

Часто высказываются мнения, что при определении современной нормы как сербского, так и хорватского следует избавляться от элементов «народной» речи (Fekete 2000: 1325). ЭГОН ФЕКЕТЕ также считает, что современный литературный язык – это язык культуры и интеллигенции, «то есть тех слоев общества, которые формируют эту культуру, это язык интеллектуалов и средств массовой информации, которые состоят в непосредственной связи с общественностью» (Fekete 2000: 1326). ЛИЛЯНА СУБОТИЧ делает более конкретное высказывание: «Необходимо провести анализ современной ситуации, описать ее и создать рамки для новой орфоэпической или просодической нормы, которая должна базироваться на реальной ситуации и на усредненном городском произношении образованных носителей сербского. Такие условия для создания новой нормы необходимо интегрировать в образовательную систему и в язык электронных средств массовой информации» (Subotić 2005: 141). При этом норма должна по-прежнему базироваться на системе четырех ударений, которая является «особенностью сербского языка». Те, кто сомневаются в эталонности «народной» речи, часто ссылаются на высказывания МИЛКИ ИВИЧ: «[...] речь людей, незнакомых с литературным языком, может служить примером для подражания только в той стадии, когда письменность еще формируется. При этом совершенно неуместно использовать эту речь в качестве образца для создания языковой культуры в наше время, когда эта культура уже давно стала культурой образованных слоев» (Ivić 1990: 92–93). Милка Ивич также подчеркивает, что языковой престиж и языковая компетенция связываются с носителями сербского, проживающими в крупных городах. Она с убеждением констатирует: «Фактический контроль над существенными тенденциями развития языка – это, вне всякого сомнения, прерогатива крупных городов – культурных центров» (Ivić 1990: 106).

389. При определении или изменении орфоэпической нормы немалую роль следует отвести человеческому фактору. Главные приверженцы сербской и хорватской орфоэпической нормы двадцатого столетия или уже покинули нас (СТЕПАН ИВШИЧ, АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ, ПАВЛЕ ИВИЧ, МИХАЙЛО СТЕФАНОВИЧ, МИТАР ПЕШИКАН, ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ, ИВО ШКАРИЧ) или находятся в почтенном возрасте (АСИМ ПЕЦО, СТЕПАН ВУКУШИЧ). Кроме того, интерес к вопросам ударения ослабевает, так что этой проблемой занимаются сегодня лишь немногие исследователи. В Хорватии классическими акцентологами могут считаться СТЕПАН ВУКУШИЧ, ИВАН ЗОРИЧИЧ и БЛАЖЕНКА МАРТИНОВИЧ, в то время как МАРКО ЛИКЕР и ЭЛЕНМАРИ ПЛЕТИКОС занимаются просодией. ДАМИР ХОРГА, БУЛЧУ ЛАСЛО, ИВО ПРАНЬКОВИЧ и ЙОСИП СИЛИЧ не специализируются непосредственно в области акцентологии, хотя и опубликовали многочисленные работы по этой теме. В Сербии стороной акцентологии занимается МИЛОРАД ДЕШИЧ. ЕЛИЦА МИХАЙЛОВ-ЙОКАНОВИЧ является специалистом по просодии, а ДРАГОЛЮБ ПЕТРОВИЧ, Эгон Фекете и другие

могут быть обозначены как «полуакцентологи». Среди бошняцких лингвистов нет крупных акцентологов (за исключением АСИМА ПЕЦО, который, как мы уже писали, может считаться как бошняцким, так и сербским лингвистом). За последнее время несколько работ по акцентологии опубликовала НАИЛА ВАЛЕВИЧ.

390. Современное состояние системы ударений в бывшем сербохорватском языке точнее всего может быть обозначено в шахматных терминах. Ситуация в Хорватии – это мат-позиция, в Сербии – пат-позиция, в Боснии наблюдается исходная позиция, а в Черногории – блок-позиция.

391. Хорватская ситуация характеризуется следующими признаками: (1) готовность к обсуждению включения в норму краткого нисходящего ударения в середине и в конце слова,²⁸¹ (2) стремление к отмене обязательного переноса ударения на проклитики, (3) допустимость исчезновения длительности, (4) допустимость переноса ударения влево, (5) выбор узальной нормы в качестве ориентира. Сербские лингвисты проявляют сдержанность и не слишком явно высказывают свое мнение по этому вопросу (в отличие от мнений по другим вопросам языкознания). Бошняцкая же исследовательница так видит ситуацию с орфоэпической нормой: «Если сравнивать просодические характеристики литературных вариантов, при-

²⁸¹ В недавно вышедшей книге «Naglasak u hrvatskome književnom jeziku» формы с нисходящим ударением внутри слова обозначаются как «razg.» – «разговорные», как, например, в словах *asistènt* (первоначально *asistent*), *docènt*, (*dòcent*), *rèaktor* (*rèaktor*), *recèptor* (*rèceptor*), *regulátor* (*regülátor*), *recitátor* (*rèciterator*), *restaurátorski* (*restaurátorski*), *rudimènt* (*rudiment*), *specijalizànt* (*specijalizant*), *spekulànt* (*spekulant*) и т. п. В некоторых случаях приводятся только формы без нисходящего ударения, как, например, в словах *komàndant* и *matùrant*. Ударение по типу *poljoprìvreda* или *šesnaestodnèvní* встречается реже. Вот как Мартинович оценивает значимость данной работы: «Выход книги «Naglasak u hrvatskome književnom jeziku», которая является результатом исследования, проведенного на философском факультете Университета Пула, означает этап в разработке орфоэпической (в большей мере дескриптивной, чем прескриптивной) нормы, сближающейся с хорватским языком» (Martinović 2007). Кроме того, слова, в которых нисходящее ударение падает не на первый слог, помечены в Хорватском энциклопедическом словаре как разговорные, например, *bàrok* (*baròk*), *àpel* (*apèl*), *kòktel* (*koktèl*), *alùmīnij* (*alumīnīj*), *àluzija* (*alúzija*), *intèrvjū* (*intervjū*) и т. д. (HER 2002). БЛАЖЕНКА МАРТИНОВИЧ пишет: «В Грамматике хорватского языка под редакцией Е. Барич также затрагивается вопрос орфоэпической нормы. Авторы обращают внимание на нисходящее ударение за пределами первого слога, которое наблюдается в составных словах, полусоставных словах, заимствованиях и именах собственных иностранного происхождения, в род. п. с беглым **а** и с восходящим ударением в других падежах, а также при произношении аббревиатур. При этом авторы отмечают, что такое произношение является признаком разговорного языка» (Martinović 2007).

нятых в Боснии и Герцеговине, с теми же литературными вариантами, принятыми за пределами Боснии, то бросаются в глаза существенные различия. В боснийском и герцеговинском вариантах ударение в значительно большей степени соответствует абстрактной просодической модели, которой следуют сторонники орфоэпической нормы. Научные исследования и измерения показывают, что ударение в сербском, на котором говорят в Боснии и Герцеговине, является более долгим и интенсивным, чем в сербском, на котором говорят в Сербии. Несмотря на отсутствие аналогичных сравнительных исследований боснийского и герцеговинского хорватского и хорватского, на котором говорят в Хорватии, схожее соотношение наблюдается и между этими языками. Эти наблюдения основываются на слуховом восприятии, которое, ввиду отсутствия результатов научных исследований, было и остается единственным источником для сравнительных наблюдений в области просодии» (Valjevac 2005: 62–63). НАИЛА ВАЛЕВАЦ далее утверждает: «В сербском, на котором говорят в Сербии, как и в старых штокавских диалектах (торлакском и косовско-ресавском диалекте), имеется только одно краткое ударение, долгота в безударной позиции отсутствует. Хорватский, на котором говорят в Хорватии, находится под сильным влиянием кайкавского диалекта, который распространен в районе Загреба. Известно, что приобретенный однажды вокализм и установившаяся система ударения с трудом поддаются изменению, поэтому хорватский литературный язык, сформировавшийся в Загребе, то есть в кайкавской области, в значительной степени подвержен влиянию кайкавского. Несмотря на то, что орфоэпическая норма хорватского базируется на новоштокавском произношении, которое преобладает в Боснии и Герцеговине, на практике хорватское произношение имеет местные черты, за исключением хорватского, на котором говорят в Боснии и Герцеговине. В этом смысле хорватский исключительно разнороден. Попытки создания единой орфоэпической нормы могут поставить под вопрос единство общехорватского языка» (Valjevac 2005: 62–63).

Хорватские лингвисты активно занимаются пересмотром хорватской орфоэпической нормы, поэтому радикальные реформы, если таковые в принципе будут иметь место, начнутся, скорее всего, именно в Хорватии. В Хорватии чаще и более открыто, чем где бы то ни было, ведутся разговоры об отказе от действующей на данный момент орфоэпической нормы, о необходимости перемен и о сближении с реальной языковой ситуацией.²⁸² Орфоэпическая реформа представляется необходимой особенно

²⁸² ИВАН ЗОРИЧИЧ приходит к выводу, что в крупных городах, расположенных в штокавских регионах, сохранение системы четырех ударений стоит под вопросом. Это обусловлено тенденциями развития разговорной речи и проявляется в том, что система сводится к двум долгим и одному краткому ударениям,

потому, что система ударений хорватского исключительно разнообразна. Всего в хорватском наблюдается пять различных типов ударения: полудолгое динамическое (как, например, в «чистом» загребском говоре), долгое динамическое и краткое динамическое (на северных далматских островах), краткое и долгое динамическое нисходящее ударение с акутом (в большинстве кайкавских и чакавских диалектов). В новоштокавских диалектах имеются все четыре ударения, в некоторых диалектах Позавины наблюдаются четыре новоштокавских ударения и акут – Škarić 2002b: 7. В рамках обсуждения орфоэпической реформы высказывается следующее мнение: «Орфоэпическая норма, созданная по модели Караджича и Даничича, чужда хорватскому языку настолько, насколько она отличается от общештокавского произношения. Речь идет о восточном новоштокавском ударении [...], которое было навязано хорватскому языку вместо распространенного западноштокавского ударения, которое было отторгнуто» (Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: 17–18). А вот мнение БЛАЖЕНКИ МАТИНОВИЧ: «Система ударений Караджича и Даничича, которую перенял Томо Маретич, вызвала в двадцатом веке брожение не только в хорватском, но и в сербском литературном языке, хотя степень расхождения нормы и узуса в сербском и хорватском неодинакова. Отклонение от орфоэпической нормы свидетельствует о независимом развитии хорватского и сербского языков, что немаловажно с исторической точки зрения [...]». Лингвисты, занимающиеся просодией хорватского литературного языка, единодушно признают, что языковое употребление (называемое также прикладной или узуальной нормой) отличается от предписанной, классической нормы Караджича, Даничича и Маретича и является единственной жизнеспособной системой» (Martinović 2007).

Некоторые лингвисты высказывают мнение, что хорватская орфоэпическая норма (а) уже в течение многих лет является наиболее спорной областью хорватского литературного языка и что система ударений Маретича для большинства говорящих чужда (Pranjković 2001: 304),²⁸³ (б) что орфоэпия представляет собой «наименее популярную сферу хорватского языка, начиная с Маретича и заканчивая нашим временем» (Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: 17–18). ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ счи-

или же к всего двум показателям: местоположению ударения и длине ударного слога (Zoričić 1997: 191). С другой стороны, автор считает, что нет серьезных оснований отказываться от системы четырех ударений с послеударной долготой в хорватском.

²⁸³ ПРАНЬКОВИЧ продолжает: «Эта проблема в значительной степени обусловлена консервативностью, поскольку создатели нормы исходят из правил ударения, разработанных Маретичем, а эти правила не отражают реальной ситуации в хорватских диалектах [...], более того, они чужды большинству носителей литературного хорватского [...] и заучиваются, как в иностранном языке».

тает: «Именно в области нормирования ударения предпринимались наименее значительные усилия» (Brozović 1998: 170). Социолингвистическая ситуация способствует радикальным изменениям, в том числе и стремлению максимально отмежеваться от сербского, попыткам вернуться к тому времени, когда еще не существовало сербохорватского. Подводя итоги, можно сказать, что создалась ситуация, не исключающая появления радикальных предложений по реформе ударения. Ситуация эта обусловлена в том числе тем, что хорватская норма постановки ударения в значительной мере уже сформировалась и «только» 20-30% всех случаев вызывают сомнения (Martinović 2004). Именно поэтому такая ситуация может быть обозначена мат-позицией: хорватские лингвисты готовы сделать последний ход, и необходимость этого хода нередко явно подчеркивается: «Ударение в хорватском литературном языке должно быть окончательно определено [то есть введение нормированного ударения, органически присущего хорватскому языку, в отличие от монолита Маретича, Броза и Ивековича]» (Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: 21).

Сложившаяся мат-ситуация не является при этом игрой в «мертвой зоне», поскольку уже более полувека в хорватской лингвистике ведутся интенсивные дебаты о реформе правил ударения. Ведущие участники этой игры на нескольких полях – это ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ, ИВО ШКАРИЧ, СТЕПАН ВУКУШИЧ, ИВАН ЗОРИЧИЧ и ИВО ПРАНЬКОВИЧ. Участников дискуссии можно разделить на три основные группы: 1. традиционалисты, которые выступают за максимально возможное сохранение старой нормы, 2. сторонники создания новой просодической нормы на базе западных новоштокавских говоров, 3. сторонники городских говоров (в особенности загребского произношения) – Samardžija 1999: 333. Степан Вукушич ссылается и на другие мнения, которые можно разделить на четыре типа (Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: 8–9): **1.** сторонники так называемого городского ударения, которое рассматривается как единое целое, потому что в нем в разной степени объединяются особенности ударения кайкавского, чакавского, старо- и новоштокавского говоров и особенности автономного городского стандартного ударения. **2.** некоторые придерживаются мнения, что в качестве новой нормы следует принять ударение западноштокавских говоров. **3.** высказываются также отдельные мнения, что создание единой нормы невозможно по причине различного произношения одних и тех же слов, и поэтому предлагается ввести термин «просодические регионализмы». **4.** еще реже можно услышать мнение, что любое новоштокавское ударение (в том числе и западное) несет в себе сельские и фольклорные элементы, от которых следует немедленно избавляться. Сам Вукушич является приверженцем западного варианта новоштокавского ударения. «Вкратце можно сказать: анализ говоров, влияющих на хорватский литературный язык, свидетельствует о существовании органического западного новоштокавского ударения, а анализ узуальной нормы хорватского показал, что эта норма выработалась путем

отсеивания и отторжения чуждых для западного новоштокавского диалекта элементов, и представляет собой хорватское стандартизированное ударение с региональными особенностями» (Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: 20–21).

Мнение КРЕШИМИРА МИЧАНОВИЧА несколько отличается от позиции Вукушича (норма как результат соперничества конкурирующих инстанций),²⁸⁴ и сводится к следующему: «С нетерпением ожидаемая нейтрализация кодифицированной просодии хорватского, которая должна быть принята всеми носителями языка²⁸⁵, обусловлена сосуществованием трех хорватских диалектов (исконных говоров с устойчивым ударением), а также различных региональных и городских усредненных типов произношения. По этой причине новый стандарт, который не может быть полностью нейтральным, сложно воплотить в жизнь» (Mićanović 2006: 105–106).

392. Такое многообразие взглядов и концепций не является чем-то новым. ДАЛИБОР БРОЗОВИЧ еще в 1958 году писал о трех решающих противоречиях в рамках стандартизированного ударения: «противоречия сводятся к трем основным альтернативам: определение нормы филологическим методом количественного выбора на основании словарей и классических трудов (Вук, Даничич, Маретич) согласно известной схеме п р а - в и л о – и с к л ю ч е н и е ; исследование всех штокавских изоглосс и

²⁸⁴ «Не только потому, что в хорватском отсутствует единая орфографическая норма (вероятно, из-за того, что существуют различные орфографические справочники и практикуются различные нормы правописания), и эта орфографическая норма, в силу отсутствия единства, не совпадает с орфоэпической нормой, но и потому, что поддержка стандартизированных форм, в том числе и просодической, как предлагает Аммон, вызвана постоянной конкуренцией различных инстанций. Существование различных городских и региональных просодических моделей, конкуренция между литературной и разговорной нормой или нормами, а также неизбежность возникновения нескольких вариантов кодифицированной просодической нормы характерны не только для хорватской языковой ситуации. Для хорватской же ситуации характерным является то, что (отдельные) носители языка не придерживаются орфоэпической нормы, даже если этого требуют их социальные роли (например, ведущие радио или телевидения). Устная стандартизированная речь наблюдается в формальных ситуациях, где действуют кодифицированные правила (Dittmar 1997). Преимущество стандартизированного произношения состоит в отсутствии регионализмов, благодаря чему невозможно определить происхождение говорящего» (Mićanović 2006: 102).

²⁸⁵ Автор отмечает: «Хорватские стандартологи п о т е н ц и а л ь н о могут разработать нейтральный стандарт, если будут исходить из того, что стандарт не является ничьим родным языком и его должны учить все, то есть не только носители штокавского, но и говорящие на кайкавском или чакавском».

выбор наиболее употребительного варианта без учета того, что все варианты в совокупности могут являться органической системой; речь образованных слоев населения крупных городов, основанная на языке письменности и образования, определяется как норма. Я полагаю, что в этом состоит квинтэссенция трех основных направлений. Разумеется, я не принимаю во внимание сторонников полной анархии в области орфоэпии ударения (насколько здесь вообще можно говорить об „орфоэпии“)» (Brozović 1958: 65). Брозович признает, что все три возможных варианта сопряжены с трудностями: первый из них означал бы возврат к прошлому,²⁸⁶ второй сопряжен с преодолением множества препятствий²⁸⁷, а тре-

²⁸⁶ «Все три возможности сопряжены с трудностями. Классическая система целостна, но менее естественна, чем может показаться на первый взгляд. Это подтвердит любой штокавский диалектолог. Такой выдающийся человек, как Вук, сумел представить эту систему как целостный жизнеспособный организм. Тем не менее, эта целостная система является продуктом ушедшей эпохи. Хотя язык Вука и продолжал развиваться лишь до определенной степени, то есть, как сказали бы сегодня, н е р е г у л я р н о , все равно нельзя игнорировать, выражаясь образно, его заметное п р о д в и ж е н и е п о в с е м ф р о н т а м . Это означает, что если мы и дальше будем настаивать на нерушимости стандарта Вука и Маретича, то нам придется отказаться от языкового выражения явлений современной жизни, или полностью включить все, что развилось позднее, в этот стандарт, включить механически, последовательно, п о а н а л о г и и , чтобы ни единое правило не было нарушено. Разумеется, мы не сможем реализовать первую возможность, а вторая возможность исключительно сложна. Наши лексикографы до недавнего времени довольно строго придерживались системы ударения Вука и Даничича, но при всем своем желании не смогли достичь того же результата, даже старательно включая новую лексику в старую систему. Очевидно, что филологический подход новых словарей (Ристич-Кангрга, Бенешич, Барич, Юранчич, правописание Белича, словари Деановича) не может обеспечить функционирования просодической нормы. Индивидуальная деятельность в этой области в лучшем случае приводит к созданию нового орфоэпического словаря, что является, несомненно, шагом вперед, но не решает существующей проблемы» (Brozović 1958: 65–66).

²⁸⁷ «Вопрос заключается в том, какие регионы следует выбрать для проведения опроса. Если за исходную точку брать Загреб или Белград, то мы получим две окружности с большой смежной площадью, но у каждой из них будет западная и восточная периферия. Если же мы будем брать в расчет только площадь, покрываемую одной из окружностей, то мы получим преимущественно регионы с низким уровнем культуры, то есть еще один сельский вариант (без облагороженной стилизации Вука). Именно этого мы желаем меньше всего, и именно этого опасаются все те, кто громче всех призывает к реформам. Кроме того, сегодня наблюдается целый ряд других противоречий. Чем обширнее база, тем менее цельным будет результат, но именно это произойдет вследствие сильнейшей разобщенности штокавских изоглосс, а отсутствие единства означает и отсутствие

тий, являясь наиболее абстрактным и сложным в воплощении, завоевывает все больше сторонников. «Несмотря на то, что речь образованного населения крупных городов характеризуется некоторыми общими особенностями и тенденциями (стремление к редукции послеударных длительностей, смягчение интонационных различий, стремление к аналогичным флексиям, и в особенности тенденция к переходу от редких форм к более частым), речь образованного населения каждого из этих центров представляет собой компромисс между неестественным, выученным штокавским Вука, с одной стороны, и региолектом менее образованных слоев населения – с другой. Другими словами, только тенденции являются общими, а реализация при этом различна. По этой причине наши интеллигалы более, чем где бы то ни было в Европе, демонстрируют свое происхождение – стоит им открыть рот, как сейчас же можно определить, откуда они и где они выросли. Если отсутствует общий язык, на котором говорят образованные слои населения, то это означает, что нормой может стать только один из регио- и социолектов. Это также означает, что норма станет провинциальной, что само по себе будет нонсенсом. Затем различия между центрами увеличатся, потому что единственное, что будет их соединять (за исключением неопределенных и абстрактных общих тенденций) – это исходный классический стандарт, на котором базируются, в конечном счете, даже если и не напрямую, все типы произношения» (Brozović 1958: 65–66).

Далибор Брозович видит в этих тенденциях серьезную опасность: «Если говорить о предпочтении той или иной нормы при разработке нового стандарта, то здесь можно принимать во внимание только белградское или загребское произношение (сараевское произношение не является особенно престижным и в меньшей мере затронуто процессами „урбанизации“). Поэтому любое предпочтение автоматически будет расцениваться негативно, учитывая эмоциональные аспекты данной проблемы. Кроме того, в данном случае пришлось бы возложить весь труд на одну из сторон, что было бы неразумно и несправедливо. Следует выработать некую срединную норму, что потребует одинаковых усилий как со стороны

функциональности. Нам же необходим работающий механизм, и эффект его будет зависеть от его функциональности, гибкости и точности. И еще раз повторяем – чем меньше база, тем больше расхождение между предписанной нормой и тем, „как говорит большинство“. Именно это расхождение служит основным аргументом сторонников реформ, хотя оно, возможно, и не так велико, как представляют его в наших крупных центрах. Решающим остается наше представление о „большинстве“ в территориальном и социальном смысле. В конечном счете, такое исследование стремится уравнивать различные стадии развития [...], что в результате повысит риск получения искусственных показателей в процессе опроса» (Brozović 1958: 65–66).

Белграда, так и со стороны Загреба, но при этом, как мы уже видели, невозможно брать за основу „урбанистическое“ направление. Если же мы все-таки отдадим предпочтение одному из стандартов, то мы будем способствовать возникновению дальнейших расхождений, а именно расхождений в сфере ударения. Пока же существующие нормы более или менее централизованного типа характеризуются территориальными, но ни в коем случае не национальными особенностями. Но как только диалектные особенности одного из национальных центров будут возведены в стандарт, ситуация изменится. Это неизбежно приведет к созданию альтернативной общепризнанной культурной нормы (исключая официальное общение в административной и школьной среде) в том национальном центре, который должен будет отказаться от собственной нормы. Таким образом, в этом центре возникнет новое противостояние между официальной и общественной нормой, и это противостояние приобретет национальный характер» (Brozović 1958: 65–66).

Этот лингвист признает, что существуют лексические дублеты, один из которых обычно ассоциируется или с хорватским, или с сербским (*vlak* – *voz*, *kazalište* – *pozorište*, *poduzeće* – *preduzeće*, *opći* – *opšti* и др.), хотя с лингвистической точки зрения речь идет об одном и том же языке. «Тем не менее, невозможно найти ни одного качественно-структурного различия (вероятно, за исключением незначительной разницы в частоте использования определенных общих средств, то есть в области стилистики), что неудивительно, поскольку речь идет об одном и том же языке. Двойной стандарт ударения (при том, что один из вариантов не является официально принятой нормой) представляет собой первое структурное различие, и я не знаю, как мне достаточно убедительно представить реальную опасность, которая возникнет, если эта проблема не будет решена с наибольшим вниманием и ответственностью, наиболее квалифицированно, трезво и продуманно. Бессмысленно устанавливать искусственные различия там, где им нет места. Тот факт, что современные дублеты не обладают национальным характером, легко доказывается: каждый, обратившись к ритму сербских стихотворений из западных регионов, обнаружит, что рифмы свидетельствуют об ударении *zà mene*, а не *za mène*, точно так же, как и в стихах хорватских поэтов из тех же областей. Как же можно канонизировать этот дублет как новое сербско-хорватское различие? Другими словами, третий путь также не ведет к цели, а если и ведет, то не к той, которой мы желаем достигнуть» (Brozović 1958: 65–66).

Далибор Брозович констатирует, что условия для окончательного утверждения орфоэпической нормы еще не сформировались, но процесс выбора уже заметно прогрессирует.²⁸⁸

393. БЛАЖЕНКА МАТИНОВИЧ считает, что старая прескриптивная норма, то есть так называемая норма Караджича, Даничича и Маретича, сегодня уже во многом не соответствует языковому узусу, и приводит перечень современных спорных хорватских примеров, утверждая следующее: «Отклонение от нормы литературного хорватского языка затрагивает средства выражения и дистрибуцию ударений. Мы можем выделить следующие группы отклонений от нормы (на основании того, как некоторые из этих вопросов трактуются в хорватских справочниках): нисходящее ударение за пределами первого слога в определенных словах и морфологических категориях (включая ударение на последнем слоге в определенных падежах), частичный перенос нисходящего ударения на проклитики, снижение числа варьирующихся типов ударения, исчезновение длительностей, смещение ударения „влево“, краткие слоги без противопоставления тона в речи жителей крупных городов» (Martinović 2006: 248).

Матинович также полагает, что нет общего правила постановки ударений и что хорватская система ударений является по большей части системой предписаний и объединена в справочниках. «Непоследовательность, отсутствие учета языковой практики постановки ударений в справочниках создают впечатление, что норма постановки ударений как таковая полностью отсутствует. Возможно, это обусловлено тем, что жесткая прескриптивная норма устарела за многие годы своего существования» (Martinović 2006: 248). В другой своей работе автор указывает на то, что норма для постановки ударения еще не сформировалась окончательно и пока еще неизвестно, что именно в системе ударений является стилистически нейтральным (общезыковым), что должно дублироваться, а что относится к сфере стилистики (Martinović 2004: 319). «Одним из элементарных отличительных признаков языковой нормы является гибкая стабильность на всех уровнях, при этом система ударений также сохраняет подвижность. Этот подвижный характер системы ударения проявляется в сосуществовании стилистически маркированных дублетов, то есть двух вариантов в рамках полифункциональной нормы. При этом система ударений должна быть разработана и упрощена с привлечением тех тенденций, которые не угрожают этой системе и в особенности дистрибутивным просодическим правилам» (Martinović 2004: 319).

²⁸⁸ Брозович подчеркивает, что проблема ударения затрагивает четыре области: основные принципы новошtokавской четырехударной системы, взаимоисключающие дублеты, морфологически обусловленное изменение ударения и варьирование ударения, обусловленное типом лексики.

394. ИВО ШКАРИЧ, ДЖУРДЖА ШКАВИЧ и ГОРДАНА ВАРОШАНЕЦ-ШКАРИЧ различают две просодические нормы: классическую, кодифицированную («так, как ударение определялось раньше») и узуальную или верифицированную норму («речь жителей крупных городов и образованного населения») – Škarić/Škavić/Varošaneć-Škarić 1996: 130. Они придерживаются мнения, что образованные носители языка больше подходят на роль носителей нормы, чем носители сформировавшихся, систематизированных и частично устаревших диалектов. Степан Вукушич, наоборот, считает, что при разработке нормы ударения «следует, в основном, исходить из уже существующей систематизированной нормы, а также учитывать тенденции развития языка» (Vukušić 1997: 65–66). При этом необходимо усовершенствовать детали и отказаться от всего, что не является употребительным. Вукушич отмечает стремление некоторых хорватских акцентологов (очевидно, имея при этом в виду Иво Шкарича) усматривать конкуренцию удлинения и адаптации в узком смысле (замена нисходящего ударения за пределами первого слога равноценным восходящим ударением) – Vukušić 2000: 392. Автор подчеркивает, что не следует вмешиваться в свободное развитие языка.

В этой связи представляется интересным решение, направленное в сторону создания нормы, которое предлагается в новейших трудах по акцентологии, как, например, в словаре «Hrvatski enciklopedijski rječnik» («Хорватский энциклопедический словарь»). В нем предпринимается попытка создать перечень реальных типов произношения (с учетом ударений и долгот). Предпочтение при этом отдается континентальным (а не средиземноморским) типам произношения. «Согласно дистрибутивным правилам и ограничениям, свойственным штокавскому диалекту и хорватскому литературному языку, нисходящее ударение может падать исключительно на первый слог, восходящее ударение может падать на любой слог за исключением последнего, а на последнем слоге не может быть ударения вообще. Исключение из правил составляют некоторые типы слов, в особенности слова иностранного происхождения [...]» (HER 2002: XIII). Вукушич считает, что «Справочник с рекомендациями для хорватского языка» («Hrvatski jezični savjetnik») является первым нормативным трудом, в котором в сжатом виде и в контексте современной нормативной акцентологии представлена теория хорватской просодии и предлагаются новые решения (Vukušić 2000: 392).²⁸⁹ Он продолжает: «Что

²⁸⁹ «В условиях отсутствия общих орфоэпических правил мы попытались создать современный и надежный справочник по орфоэпии хорватского языка, способный, хотя бы временно, дать ответы на вопросы, связанные с правильным произношением. В первом разделе справочника ударения проставлены только в тех случаях, когда постановка ударений необходима для разъяснения морфологических и деривационных явлений и отношений. Во втором разделе ударение про-

касается ударений, то мы разделяем мнение других хорватских акцентологов, которые считают, что необходимо сохранить, усовершенствовать и упростить западношtokавскую систему ударений, включая те разговорные элементы, которые не угрожают ядру этой системы, то есть правилам дистрибуции просодических средств литературного хорватского языка. Многие слова были включены в этот справочник только потому, что в их парадигме наблюдается смена ударения» (HJS 1999: 633).

Участники сложившейся хорватской мат-позиции не торопятся сделать последний ход (хотя некоторые из них склонны к исключительно радикальным шагам). Это свидетельствует о том, что все они отдают себе отчет в значимости и далеко идущих последствиях этого шага. Особую осторожность перед финалом демонстрировал Далибор Брозович до самой своей смерти в 2009 году.

395. С е р б с к и е лингвисты в значительно меньшей степени выражают готовность к радикальной реформе орфоэпической нормы. Вот одно из типичных сербских высказываний: «Попытки найти выход из этой ситуации [нарушение нормы] путем создания новой орфоэпической нормы являются вредными, как бы широко ни трактовалось это понятие. Если мы возьмемся за разработку нового стандарта, нам придется отказаться от столетидесятилетней традиции и разрушить целостность сербского литературного языка. Следует больше внимания уделять заботе о культуре разговорной речи и проводить больше исследований, посвященных вопросу изменения ударения за прошедшее десятилетие или даже столетие. Результаты проведенных исследований могут уже сейчас помочь усовершенствовать и модернизировать действующую норму постановки ударений, основанную на системе Вука и Даниича» (Dešić 2004: 633).

ставлено во всех словах (за исключением грамматически неправильных форм, несогласованных предлогов, имен собственных и слов иностранного происхождения), при этом справа и слева расставлены знаки нормативных отношений. Если за нормативным знаком располагается заглавное слово, имеющее два варианта ударения, то ударение ставится в соответствии с заглавием статьи в данном разделе. Так, слово *opustošiti* в справочнике приводится в двух вариантах (*opústošiti* и *opùstošiti*), но в ряду с синонимом приводится только первый вариант ударения (*ishárati* > *opústošiti*). Точно так же проставляется ударение в словах с изменяющимся ударением, при этом приводятся все формы (*kòvāč*, *kováča*, зват. п. *kòvāču*, тв. п. *kováčem*, им. п. мн. ч. *kováčī*, *organizirati*, *organizirām* [...] *organizirajū*, повелит. накл. *organizirāj*, действ. причастие *organizirao*, страдат. причастие *organiziran*). Если при словоизменении меняется ударение, то приводится форма с измененным ударением. Если какие-то формы не приводятся, это значит, что ударение в них проставляется как в предыдущих формах» (HJS 1999: 14).

Лиляна Суботич подчеркивает, что общественность отказывается признавать, что сербский просодический стандарт устарел, никем больше не соблюдается и во всех работах по фонетике и грамматике называется «квазиреальным». Суботич считает, что задача и обязанность лингвистов заключается в том, чтобы устранить эту аномальную ситуацию (Subotić 2005: 141). В настоящее время наблюдаются явления, которые можно обозначить как демифологизацию и разрушение старых стереотипов, отказ от «устаревших клише» и, как следствие, принятие отклонений от канонического ударения.

В сербском наблюдается особый дуализм, который выражается, с одной стороны, в сохранении системы четырех ударений и в следовании орфоэпическим правилам. Эта тенденция преобладает в сербском языке. С другой стороны, существуют определенные отклонения от орфоэпической нормы,²⁹⁰ которые проявляются, прежде всего, в возникновении краткого нисходящего ударения в середине слова и на последнем слоге, в факультативной проклитике и в утрате долготы. Первая тенденция обозначается как восточная, вторая – как западная (Petrović 1999). Мило-рад Дешич говорит о другом типе дуализма: «Если речь идет о сербском ударении, то не следует выпускать из поля зрения общую картину, то есть экавскую и иекавскую области, так как разница в ударении наблюдается не только в словах с долгим рефлексом *ять*, но и в других формах» (Dešić 2004: 633). Сербская просодическая система распадается на две автономные и структурно отличные части (западную и восточную), при этом в первой из них сохранились такие отмеченные Вуком и Даничичем дистинктивные признаки, как количество, качество и место ударения, в то время как во второй из них эти признаки проявляются значительно слабее (Petrović 1999: 230). Наиболее стабильным звеном остается место ударения. ДРАГОЛЮБ ПЕТРОВИЧ отмечает, что даже сопротивление грамматистов не может предотвратить образования и утверждения альтернативной модели. «По своим существенным признакам она [модель] гораздо ближе просодическим характеристикам других балканских языков (в этом смысле можно говорить о „балканизации“), но в силу постоянных контактов и пересечений с западным типом невозможно говорить о конкуренции на уровне коммуникации. Западный просодический тип, как в словах *zapísati* – *zàpīšēm* – *zàpīsāno* ‘записать – запишу – записано’, *kròjač* – *krojāča* ‘портной, им. п. ед. ч. – портные, им. п. мн. ч.’, *trenútak* – *trènūtākā* ‘момент, им. п. ед. ч. – моментов, род. п. мн. ч.’ автоматически ‘переводится’ в восточный, как в словах *zapìsati* – *zàpīšem* – *zàpīsano*,

²⁹⁰ «В наши дни проблема ударения особо остро встает в среде носителей экавского, где наблюдается ярко выраженное отклонение от системы четырех ударений: утрата количественных и качественных различий, нисходящее ударение в середине и на конце слова и т. п.» (Dešić 2004: 633).

kròjač – krojàča, trenùtak – trènutak. Возможен, разумеется, и обратный процесс» (Petrović 1999: 230).

Автор считает, что в соперничестве двух систем (системы Вука и белградской узуальной нормы) в восточных регионах Сербии выигрывает автохтонный («домашний») вариант, который подразумевает значительный отход от новоштокавского ударения: «Утрата количественных характеристик ударения в большинстве сербских диалектов (это явление также прочно укоренилось и в некоторых новоштокавских регионах, например, в Воеводине и в отдельных областях западной Сербии) повлекло за собой схожие изменения в ударных слогах (*vrème* 'время', *nàrod* 'народ', *po gràdu* 'по городу'; *ràsprava* 'дискуссия, спор', *tràži se* 'разыскивается', *kàžu* 'говорят' и др.). Эти изменения, сопровождаемые широко распространенной утратой тональных различий в кратких словах (в таких примерах, как *vòda* 'вода', *lepòta* 'красота', *veličina* 'величина', *pòtok* 'ручей', *kukùruz* 'кукуруза' и др.), затронули все ударные позиции, в особенности же краткие ударения, которые часто произносятся с другой интонацией, не по правилам и появляются в тех позициях, в которых, согласно модели Вука, могут находиться только длинные ударения: *sàbor* 'собрание; хорватский парламент', и *Prìboju* 'в Прибое (место в Сербии)', *komitèta* 'комитета, род. п. ед. ч.', *penzionèra* 'пенсионеров, род. п. мн. ч.' вместо *sábor*, и *Prìboju*, *komitèta*, *penzionérā*, *màjstor* 'мастер', *knèza* 'князя, род.п. ед. ч.', *sprèmljeno* 'подготовлено, убрано', *sīpom* 'серпом, тв. п. ед. ч.' вместо *màjstor*, *knêza*, *sprèmljeno*, *sīpom*. В свете подобных явлений более естественным и понятным становится „перевернутое“ ударение, как, например, в словах *òdbacim* 'я выбрасываю', *òvamo* 'сюда', *zèmlje* 'земли, род. п. ед. ч.', *ìzborima* 'выборы, дат., предл. и тв. п. мн. ч.' вместо *zèmlju*, *zgràde*, *pèsnik*, *stìžu* и др.» (Petrović 1999: 229).

Драголюб Петрович считает, что все эти явления и тенденции могут привести к возникновению силового или экспираторного ударения. Он также поясняет, что «идеальная» просодическая система, разработанная Вуком Караджичем и Джуро Даничицем, в восточных регионах никогда не функционировала «идеально» и поэтому не может быть навязана в качестве единственно действующего образца (Petrović 1996: 88), «[...] Внутреннее разделение сербских диалектов можно явно проследить на уровне стандартного произношения: в иекавском и в юго-западных говорах наблюдается устойчивое сохранение просодических образцов Вука и Даничица, в то время как в восточных регионах имеет место радикальное упрощение» (Petrović 1996: 88–89). Последствия такого упрощения могут оказаться довольно серьезными: просодические изменения могут прочно войти в языковые привычки носителей просодической системы и привести к полному разрушению просодических образцов Вука и Даничица (Petrović 1996: 96). Изменения можно проследить и на межъязыковом уровне: просодическая система сербского литературного языка сближается с просодическими системами других балканских языков, и изменения

эти уже давно затронули значительную часть южных и восточных областей распространения сербского (Petrović 1996: 96).

Поскольку «восточная» и «западная» модели в значительной мере противостоят друг другу и являются несовместимыми, представляется сложным найти решение, приемлемое для обеих сторон. Таким образом, можно сказать, что у сербских лингвистов связаны руки и они не в состоянии предлагать продуманные и основанные на компромиссе решения. В связи с этим Драголюб Петрович так оценивает сложившуюся ситуацию: «[...] уже давно встает вопрос о пересмотре сербской просодической нормы, но сегодня совершенно ясно, что радикальное вмешательство недопустимо, потому что восточная и западная системы развиваются в разных направлениях и вмешательство в любую из систем не может быть ни легким, ни рациональным» (Petrović 1999: 231). Именно по этой причине данная ситуация обозначается нами как патовая, то есть сербскому языку еще долго придется мириться с сосуществованием двух просодических систем. «Из всего этого можно сделать единственный вывод: в сербском языке еще долго будут сосуществовать две просодические нормы, которым нельзя отказать в функциональности, поскольку обе эти нормы имеют высокий узусный статус (хотя только восточный вариант закреплён нормативно). Эти две системы как выступали, так и будут в будущем выступать параллельно [...]» (Petrović 1999: 231). Что же касается исчезновения долготы, то правила, которые регулируют это явление в диалектах Шумадии и Воеводины, могут «служить основой для подобных процессов в литературном языке, тем не менее, создается впечатление, что рано или поздно в с е долготы сократятся» (Petrović 1996: 93). «Это явление широко распространяется среди всех эквских школьников и студентов (то есть, среди будущей интеллигенции, профессоров, журналистов, политиков, ораторов и т. п.). Можно с уверенностью сказать, что в сербском устном литературном языке п р а к т и ч е с к и у т р а ч е н а д о л г о т а в п о с л е д а р н о й п о з и ц и и » (Petrović 1999: 93). Сербская «патовая ситуация» способствует созданию неясности и неуверенности, которые связаны с необходимостью обеспечивать «разумное сосуществование» обеих систем. «Основная дилемма заключается в сосуществовании языковой практики и кодифицированной нормы. Как следует относиться к основополагающим постулатам системы и к тем речевым явлениям, которые отклоняются от этой системы? Другими словами: в какой мере соотношение этих двух параметров представляет собой приемлемый баланс, и до какой степени это соотношение может нести угрозу или даже разрушение тому, что называется основой системы ударений Вука и Даничића?» (Fekete 2000: 1297).

Нам представляются возможными три пути решения проблемы утраты заударной долготы: обучение заново, переучивание и отсутствие обучения. Обучение заново – это процесс обучения правилам постановки долгот в середине слова, то есть в той позиции, где долгота частично или

полностью утрачивается. Переучивание означает, что те носители языка, в чьей речи встречается долгота, должны отказаться от нее. Отсутствие обучения означает принятие сложившейся ситуации без попытки что-либо предпринять. Первая возможность кажется наиболее реалистичной и целесообразной. Вторая возможность (переобучение) наименее вероятна, поскольку вряд ли такое большое количество носителей языка, проживающих в западных и юго-западных районах Сербии, откажется от длительности ради унифицированного стандарта произношения. Третья возможность является доминирующей в настоящее время, но она неизбежно ведет к тому, что непростая ситуация становится еще более запутанной.

396. Следует отметить еще одну тенденцию, характерную для сербской лингвистики: в настоящее время исследователи слишком мало внимания уделяют нештокавским диалектам (чакавскому и кайкавскому). Раньше крупнейшие сербские акцентологи АЛЕКСАНДР БЕЛИЧ и ПАВЛЕ ИВИЧ занимались чакавским и кайкавским диалектами. Другие сербские лингвисты (РАДОСЛАВ БОШКОВИЧ, АСИМ ПЕЦО, МИХАЙЛО СТЕФАНОВИЧ) не так интенсивно занимались данными диалектами. Современные сербские лингвисты в целом мало интересуются акцентологией.²⁹¹ Произошла смена поколений, которая, к сожалению, не повлекла за собой качественных изменений, а наоборот, только ухудшила ситуацию. Среди современных сербских акцентологов больше нет ученых масштаба АЛЕКСАНДРА БЕЛИЧА или ПАВЛЕ ИВИЧА. Важная роль принадлежит сегодня тем, кто задает общие тенденции, но не предпринимает открытых шагов. Среди них следует выделить МИЛКУ ИВИЧ, которая прямо или косвенно влияет на формирование теории и практики.

397. Интересно в этой связи и мнение хорватских и бошняцких исследователей по поводу стандартизации сербского произношения. Здесь нам хотелось бы привести три примера (два хорватских и один бошняцкий, причем последний относится прежде всего к сербскому языку в Боснии и Герцеговине):

а) «Современные отклонения от нормы в сербском демонстрируют (и доказывают) наличие индивидуальных особенностей в рамках новоштокавского стандарта. При этом можно говорить о двух параллелях, которые сформировались независимо друг от друга. Одна из них представляет собой фундамент хорватского литературного языка, другая составляет основу сербского стандарта. Сербские лингвисты также осознают необходимость пересмотра нормы Караджича и Даничича. В результате возникают дублеты тех категорий слов, которые Вукушич во многих сво-

²⁹¹ В хорватской лингвистике наблюдается схожая тенденция: исследователи интересуются в первую очередь теми штокавскими диалектами, которые представляют ценность для хорватского литературного языка и хорватских диалектов.

их работах обозначил как ядро хорватского кодифицированного произношения. Речь идет о двадцати двух образцах, среди которых приводятся дублиеты форм глаголов, прилагательных, существительных, местоимений и числительных» (Martinović 2007).

Автор продолжает: «в сербском литературном языке два варианта ударения наблюдаются не только в тех же позициях, что и в хорватском (то есть нисходящее ударение не на первом ударном слоге или потеря долготы), но и в тех позициях, где в хорватском стандарте наблюдалась или наблюдается только одна форма, и эти позиции не учитываются в системе ударений Караджича и Даничича». Поэтому кодифицированное ударение в сербском и хорватском (с учетом их основ) и в дальнейшем будет развиваться в разных направлениях.

б) «Ситуация в сербском литературном языке очень близка ситуации в хорватском, но причины, которые привели к такому сходству, различны. На мой взгляд, следует гораздо терпимее относиться к наличию нисходящих ударений за пределами первого слога в литературном языке, и делать это следует прежде всего ради „периферийных“ штокавских (или староштокавских) диалектов, ради южносербских диалектов торлакской группы и ради белградского произношения, для которого, как и для загребского, характерна нейтрализация качественных различий и стремительное сокращение долготы» (Pranjković 2001: 304).

в) «Что касается отношения сербского языка Боснии и Герцеговины к другим двум языкам, а также к сербскому, на котором говорят в Сербии и Черногории, то ни на просодическом, ни на любом другом структурном уровне не существует объективной опасности ассимиляции с вариантами сербского за пределами Боснии. Причина же отсутствия такой опасности заключается в том, что сербский, наряду с другими литературными языками Боснии и Герцеговины, базируется на восточногерцеговинском диалекте, который значительно отличается как от экавского, на котором говорят в Сербии, так и от иекавского, на котором говорят в Черногории. Сербские диалекты за пределами Боснии и Герцеговины находятся под влиянием староштокавских (экавских и иекавских) диалектов, что наиболее наглядно прослеживается на супraseгментном уровне сербского языка за пределами Боснии и Герцеговины. Утрата долготы как в ударной, так и в безударной позиции является ярким отличительным признаком стандартизированной реализации сербских диалектов в Сербии, а также доминирующей староштокавской интонации черногорских диалектов. Различия между письменным и устным вариантом литературного языка принимаются в этих социокультурных кругах как данность. Боснийский сербский обладает значительными преимуществами по сравнению с другими вариантами сербского. При этом в пограничных областях с Черногорией наблюдается неизбежное влияние других языков Боснии и Герцеговины» (Valjevac 2005: 63)

398. Ситуация, в которой находится система ударений в Б о с н и и , была названа «исходной позицией», потому что процесс стандартизации бошняцкого языка находится в начальной стадии своего развития. Такие сложные темы, как анализ и возможное изменение правил постановки ударений, связаны со значительными затратами времени и сил. Суть проблемы сводится к двум основным вопросам: 1. как следует нормировать ударение в бошняцком? 2. как соотносятся между собой системы ударения трех литературных языков Боснии и Герцеговины? Что касается ответа на первый вопрос, то здесь не наблюдается значительных усилий, направленных на изменение стандарта. Ответ на второй вопрос может быть найден, если принять во внимание четыре фактора: 1. все три литературных языка Боснии и Герцеговины следуют орфоэпической норме Караджича, 2. отсутствуют признаки, которые встречаются только в одном из языков или только в языке одной этнической группы, 3. в этих языках наблюдаются многочисленные варианты ударений, 4. нисходящее ударение встречается, как правило, только в начале слова (Valjevac 2005). Влияние турецкого в Боснии проявляется в меньшей степени в просодии, чем в лексике (Valjevac 2005: 63). НАИЛА ВАЛЕВАЦ неоднократно подчеркивает в своем исследовании, что три литературных языка Боснии и Герцеговины практически не отличаются друг от друга, и если имеются различия, то они незначительны. Есть основания предполагать, что ее выводы имеют дополнительную подоплеку. После цитирования МИДХАТА РИЖДАНОВИЧА (который писал в 2003 году: «В Боснии и Герцеговине, где хорошо сохранилась „классическая“ система ударения, различия в ударении иногда в гораздо большей степени означают лингвистический контраст, чем сегментное различие») следует высказывание автора: «Просодия языков Боснии и Герцеговины была и остается территориально маркированной, несмотря на распад боснийско-герцеговинского литературного языка. При более благоприятных политических и общественных условиях просодия языков Боснии и Герцеговины могла бы, несомненно, стать основой создания н о в о г о о б щ е г о я з ы к а [разрядка Б.Т.]» (Valjevac 2005: 65).

В одной из более поздних работ НАИЛА ВАЛЕВАЦ сравнивает боснийский с сербским и хорватским, утверждая, что все три языка имеют общую основу – штокавский диалект, и в силу этой общности демонстрируют больше сходств, чем различий (Valjevac 2003: 303). Затем она говорит о стремлении создать как можно больше различий при разработке литературных вариантов этих языков и тем самым поддержать политически обусловленный распад общего стандарта. «С самого начала номинальной дифференциации и в процессе формирования новых норм предпринимаются попытки создать как можно больше различий между этими языками». Согласно Валевац, последствия такого лингвистического вмешательства прослеживаются во всех трех языках. Они проявляются, в частности, в том, что при создании новой литературной нормы предпочтение отдает-

ся языковым элементам, которые раньше были непривычны или незнакомы носителям определенного языка. Валевац считает, что нет необходимости выискивать различия при разработке боснийского литературного языка: «Даже если существует необходимость отделения литературного сербского и хорватского от боснийского, совершенно бессмысленно настаивать на отличии боснийского от этих двух языков» (Valjevac 2003: 30–43). Подобные попытки, которые автор рассматривает как часть «языковой инженерии» или «бизнес-лингвистики» в военные и послевоенные годы, наносят боснийскому языку тяжелый и невосполнимый ущерб (Valjevac 2003: 305). Затем автор констатирует, что грамматическая структура боснийского языка в той или иной мере соответствует грамматике сербского и хорватского, в то время как нормативная просодия, хоть и базирующаяся на тех же принципах, что в сербском и хорватском, значительно отличается скорее на практике, чем в теории (Valjevac 2003: 306). «В боснийском литературном языке, как и в двух других, до сих пор действует новошtokавская система четырех ударений. Ее отличительные признаки – два долгих ударения (долгое восходящее и долгое нисходящее), два кратких ударения (краткое восходящее и краткое нисходящее) и по большей части хорошо сохранившаяся, но не всегда обязательная долгота» (Valjevac 2003: 306). Валевац утверждает, что просодия, несмотря на политизированность вопросов языка в Боснии и Герцеговине, была и остается наиболее значительным и имманентным элементом языковой системы, символизирующим аутентичность и автохтонность боснийского языка, который не затронули изменения и который не был скомпрометирован внеязыковыми обстоятельствами. Боснийский язык не нуждался и не нуждается в норме, базирующейся на строгом пуризме. С того момента, как боснийский язык будет очищен от всевозможных дублетов, он перестанет быть боснийским» (Valjevac 2003: 303).

Валевац перечисляет несколько особенностей ударения в боснийском языке: 1. просодические явления как на уровне диалекта, так и на уровне сублитературного и литературного боснийского языка Боснии и Герцеговины не несут национальной окраски, 2. эти явления не выходят за рамки установленной ранее просодической нормы, 3. просодические явления в рамках литературного боснийского языка, как правило, не отклоняются от принципов, на которых базируется действующая сербско-хорватская орфоэпическая норма (Valjevac 2003: 310). Автор подчеркивает, что в языке наблюдается естественная просодическая эволюция, при этом более старые формы ударения сдают позиции под давлением простых аналогичных просодических форм, имеющих более высокую частотность. Некоторые формы ударения оказываются более устойчивыми, чем другие (они возникают параллельно с другими формами и вытесняют их, особенно преуспели в этом краткие ударения), при этом нисходящие ударения уступают место восходящим. Автор считает, что будущая просодическая норма боснийского литературного языка должна базироваться на авто-

хтонной и аутентичной боснийско-герцеговинской разговорной речи (Valjevac 2003: 309).

Исследование Наилы Валевац позволяет сделать следующие выводы. (1) После распада общего литературного языка боснийскому литературному языку предстоит процесс трансформации. (2) В боснийско-герцеговинском литературном языке на практике, в том числе и в средствах массовой информации и других общественных сферах, доминирует просодическая импровизация без жестких орфоэпических правил и учета орфоэпических словарей. (3) Просодическая анархия боснийского языка не столь опасна для базового диалекта, чем где бы то ни было, и не затрагивает литературный язык, поэтому она должна стать предметом языковой политики и языкового планирования и должна быть стандартизирована. (4) Боснийская просодия не ограничивается национальными границами (все боснийцы в Боснии и за пределами страны, выучившие язык в Боснии, демонстрируют ярко выраженное боснийское произношение, которое является более интенсивным, выразительным и устойчивым, чем сербское и хорватское). (5) В боснийской просодии не наблюдается ярко выраженных имманентных различий по этническому признаку, то есть различий в произношении бошняков, хорватов и сербов. (6) Боснийская просодия имеет четкие территориальные границы и может служить основой для социокультурной дифференциации (жители Герцеговины отличаются от боснийцев, жители Мостара отличаются от жителей Боснийской Краины, жители Сараева от жителей Бихача, но бошняки не отличаются по произношению от боснийских сербов или боснийских хорватов).

В «Грамматике боснийского языка» («Gramatika bosanskog jezika»; Jahić/Halilović/Palić 2000) приводятся примеры правил постановки ударения: а) нисходящее ударение всегда падает на первый слог, за исключением некоторых редких случаев, когда оно стоит на последнем слоге, например, в междометиях и звукоподражательных словах: *ahâ, ohô, fîju*, б) в интернационализмы произносятся в разговорной речи обычно с кратким восходящим, а не с кратким нисходящим ударением (*komandânt* 'командир, комендант'), г) названия государств произносятся с кратким восходящим ударением (*Jugòslāvija, Àustrālija*); то же самое правило действует и для составных слов, например, *telèvīzija* 'телевидение', *evròvīzija* 'Евровидение' (Jahić/Halilović/Palić 2000: 124–125). ИВО ПРАНЬКОВИЧ считает, что состояние нормы постановки ударений боснийского литературного языка отличается от хорватской ситуации, потому что боснийская норма «по праву» считается производным «центральноштокавского» диалекта, и поэтому в большей степени соответствует норме Маретича (Pranjković 2001: 303). Пранькович, признавая, что ДЖЕВАД ЯХИЧ, автор «Грамматики», также придерживается этого мнения, отмечает, что некоторые тезисы Яхича далеки от реальности: «1. На мой взгляд, совершенно нереально настаивать на сохранении классического ударения в случае долгого рефлекса *ять*, как, например, в словах *snîjeg* 'снег' или *mlijèko*

‘молоко’. Здесь более реальным было бы ударение, которое уже давно принято в литературном хорватском языке, например, в словах *snijég* или *mlijéko*, потому что так говорят практически во всех областях Боснии и Герцеговины. 2. Кроме того, я полагаю, что некоторые случаи трансформации нисходящего ударения в восходящее необоснованны, как, например, в словах *inteligèntan* ‘интеллигент’, *evìdèntan* ‘очевидный’, *ku-popròdaja* ‘купля-продажа’, и я так же считаю, что в словах *agitátor* ‘агитатор’, *reprèsàlija* ‘репрессия’, *završètākā* ‘конец, завершение, род. п. мн. ч.’ наряду с классическим ударением могут допускаться варианты ударения *agitátor*, *reprèsàlija*, *završètākā* [...]» (Pranjković 2001: 304).

399. Определение состояния черногорской просодической системы как «блок-позиция» базируется на общей социалингвистической ситуации, которая характеризуется сосуществованием диаметрально противоположных течений. Решению проблемы ударения препятствует тот факт, что неясным остается вопрос о стандартизации языка. Пока жители Черногории не выберут направление развития языковой политики в новом независимом государстве, просодия будет находиться на блокадном положении. В грамматике Воислава Никчевича нет сведений, которые бы отличались от ранее названных (например, отклонения в постановке ударения за пределами первого слога – Nikčević 2001: 109). Иво Пранькович так обрисовывает черногорскую ситуацию: «Для еще не сложившегося черногорского литературного языка, так же, как и для боснийского, характерно классическое ударение, включая ударение по типу *snijég* ‘снег’, *mlijèko* ‘молоко’, потому что это ударение действительно встречается в подобных случаях (я бы сказал, только в этих случаях, по крайней мере, ударение по типу *snijég*). С другой стороны, я считаю, что при определении черногорского литературного языка следует учитывать особенности другого произношения, отличного от новоштокавского, а именно зетского, которое, все всякого сомнения, оказывает влияние на черногорскую речь» (Pranjković 2001: 304).

400. Мы провели небольшое пилотное исследование с целью выявить различия в системе ударений в Сербии и Черногории. В качестве материала использовались сводки новостей сербского и черногорского государственного телевидения, которые передавались 7 мая 2007 года в 19 часов 30 минут. Анализ произношения дикторов показал, что в черногорских новостях наблюдаются следующие явления: сокращение долгих ударений (*u bázi pòdataka* ‘в базе данных’, *prédsjēdnik svñ Francúzā* ‘президент всех французов’, *za 10. jūn* ‘за десятое июня’, *krātak rōk* ‘краткий срок’, *prioritēta* ‘приоритет’, *rād policije* ‘работа полиции’, *pītanjā* ‘вопросов, род. п. мн. ч.’); нисходящее ударение за пределом первого ударного слога (*amandmān* ‘поправка к законопроекту’); различное произношение французских фамилий, при этом фамилия президента страны произносится с ударением не на последнем слоге (*Sarkòzi*), чего не наблюдается в сербских новостях (*Sarkozi*), другие имена произносятся с ударе-

нием на последний слог (*Širāk, Sangolèn Roajāl, Mišèla Žoroà*); перенос ударения на один слог вперед (*Očekujemo pòlitičkū volju*. ‘Мы ожидаем политической воли’) или назад (*ostvāren* ‘выполнен, реализован’); произношение одних и тех же слов с разным ударением (дат. п. ед. ч. *parlāmentu* – род. п. ед. ч. *parlamènta* ‘парламент’). Особенно подчеркивается черногорская интонация (*Policija je mnògē stvāri pòtpuno prècīzno iden-tīfikovala* ‘полиция точно идентифицировала многие вещи.’). Просодические характеристики в особенности прослеживаются в декларативной части. В черногорских центральных информационных передачах долгое ударение часто реализуется как полудолгое или краткое (*dānju* ‘днем’, *màgistralnī pūt* ‘магистраль’, *všē škóle* ‘высшей школы’); чаще, чем в сербских новостях, наблюдается утрата или нейтрализация заударной долготы (*òbiđu* ‘они обходят’, *pītanju* ‘вопросу, дат. п. ед. ч.’, *do tih kūća* ‘до этих домов’, *nèkoliko gòdina* ‘несколько лет’, *u kòšarci* ‘в баскетболе’; *Glèdali ste nājvažnijē vèsti*. ‘Вы смотрели самые важные новости.’); краткое нисходящее ударение преобразуется в краткое восходящее (*pròšlog* ‘последнего, род. п. ед. ч.’, *ròđen* ‘рожден’, *bez pòsla* ‘без работы’); краткое нисходящее ударение преобразуется в долгое восходящее (*níkada* ‘никогда’, *u spórtu* ‘в спорте’) или долгое нисходящее (*I prèlazimo na spórt*. ‘Теперь перейдем к спорту.’), переход долгого нисходящего ударения в краткое восходящее (*prvī pūt* ‘первый раз’), преобразование долгого восходящего ударения в краткое нисходящее (националном *sāvetu* ‘национальный совет, дат. и местн. п. ед. ч.’) или в краткое восходящее (*iz 12. vèka* ‘из двенадцатого века’); смещение ударения вправо (*zabāvan* ‘забавный’, *unūčadi* ‘внуки’, *za našu televíziju* ‘за наше телевидение’, *za švedsku televíziju* ‘для шведского телевидения’). Некоторые из этих явлений наблюдаются также в речи диктора Майи Жежелъ.

401. Воссоздание объективной и полной картины просодических различий между сербским, хорватским и бошняцким сопряжено по многим причинам со значительными трудностями. Система ударений с.-х.-б. исследована в разной степени, наименее исследованной остается бошняцкая просодия. Кроме того, нам неизвестно ни одно исследование, которое было бы посвящено исключительно сравнению систем ударения с.-х.-б. Не только теоретические, но и эмпирические исследования обходят эту проблему стороной. Большинство лингвистических справочников рассматривает прежде всего лексику и в гораздо меньшей мере грамматику, а проблема ударения в них почти не затрагивается. Создается впечатление, что авторы стараются избегать этой опасной темы, словно минного поля. Сложность этой темы заключается в том, что лежащие в ее основе явления и процессы с трудом поддаются описанию, нормированию и сравнению в силу взаимных корреляций. Различная трактовка решений, диктуемых практикой, а также разногласия относительно явных или скрытых норм создают дополнительные трудности.

Проведенный анализ систем ударения с.-х.-б. языков позволяет сделать выводы о том, что состояние просодической системы в районах распространения сербского и хорватского имеет ряд общих черт. Так, новоштокавская система ударений является, бесспорно, основой литературного произношения, при этом хорватские лингвисты в качестве эталона видят западноштокавское, а сербские – восточногерцеговинское произношение. Все исследователи признают, что современная ситуация значительно отличается от той, что была во времена Вука и Даничића. И, наконец, следует признать, что практически во всех регионах наблюдается отклонение от нормы (в первую очередь, появление нисходящего ударения в середине или на конце слова). Среди других явлений – исчезновение долготы, которая лучше всего сохранилась в Боснии и Герцеговине. Во многих регионах нисходящее ударение не переносится на проклитики. Во всех трех национальных языковых сообществах очевидна тенденция сближения нормы с реальным произношением. Кроме того, все больше сомнений высказывается по поводу целесообразности использования народного языка в качестве ориентира. Следует также прибавить, что человеческий фактор также играет значительную роль в реформе правил постановки ударений. Некоторые ведущие сербские и хорватские специалисты в области просодии ушли из жизни совсем недавно, в середине или в конце прошлого века, а другие находятся в том возрасте, в котором все сложнее становится заниматься интенсивной научной деятельностью. И, наконец, необходимо подчеркнуть, что каждый язык обладает рядом особенностей, как, например, односложный рефлекс *ј* в хорватском, который влечет за собой новую мелодию ударения (*ljép* ‘красивый’, *mjēnjati* ‘менять’), или монотонная последовательность одинаковых ударений по типу *svāke-nēdelje-sāmi-vēžbām(o)-i-rādīmo* ‘Каждую неделю мы сами упражняемся и работаем’ в сербском.

Как уже говорилось ранее, современное состояние системы ударений в бывшем сербохорватском языке можно сравнить с шахматной игрой. Ситуация в Хорватии – это мат-позиция, в Сербии – пат-позиция, в Боснии исходная позиция, а в Черногории – блок-позиция. В Хорватии наблюдается (1) готовность обсуждать стандартизацию нисходящего ударения в середине или на конце слова, (2) стремление отменить обязательный перенос нисходящего ударения на проклитики, (3) допустимость исчезновения долготы, (4) допустимость смещения ударения влево, (5) узуальная норма в качестве основного ориентира. Хорватские лингвисты дальше всего зашли в пересмотре действующей нормы постановки ударений, в Хорватии открыто говорят об отмене действующей в настоящее время просодической нормы, о необходимости отказа от старых позиций и принятия современной ситуации. Сербские лингвисты в меньшей степени стремятся к радикальным изменениям нормы постановки ударений. Они указывают на дуализм сербского произношения: в большинстве сербских регионов (на западе) четырехударная система в целом сохраняется, и про-

изношение следует принятым правилам. В восточных же регионах, которые территориально лишь незначительно уступают западным, наблюдаются многочисленные нарушения орфоэпической нормы (нисходящее ударение в середине и в конце слова, факультативные проклитики и утрата длительности). Из-за того, что восточный и западный варианты произношения во многом противоположны и несовместимы, представляется исключительно сложным найти решение, удовлетворяющее обе стороны. У сербских акцентологов связаны руки, и они не в состоянии предложить рациональное и жизнеспособное решение. Бошняцкая исходная позиция обусловлена тем, что процесс стандартизации языка находится в начальной стадии, а черногорская блокада является результатом общей социолингвистической ситуации, которая может быть обозначена как крайняя поляризация двух противоположных направлений.

402. Ретрокорреляционал. Тоническое, музыкальное ударение унаследовано сербскохорватским языком из праславянского языка: «В древних говорах, легших в основу сербскохорватского языка, была система из трех ударений: кратконисходящего \sim на любом слоге: *но́йу, но́йа*; долгонисходящего: \wedge *сне́й, ме́со, тра́д, брѐй*, ср. русск. – *сне́г мя́со, го́род, бе́рег*; особой (акутовой) интонации, ср. русск. *коро́ва, берѐза, ле́то, ве́ра* (в совр. серб.-хорв. яз.: *кра́ва, брѐза, ле́то, ве́ра*). В этой системе распределение ударений в слове было свободным» (Ророва 1986: 44). Данная трехчленная система сохранилась в архаических говорах, в частности в ряде чакавских и в некоторых штокавских говорах, в то время как в большинстве штокавских говоров (до XV в.) шел процесс нейтрализации тонических, музыкальных оппозиций.²⁹² «Так была ликвидирована интонация восходящая, т. е. старый акут совпал с циркумфлексом – нисходящим ударением и таким образом создалась новая, двучленная система ударений, которая и ныне характерна для ряда говоров штокавского диалекта (косовско-ресавских и зетско-южно-санджакских). Приблизительно в XV веке в центральных штокавских говорах начался процесс перехода нисходящего ударения на предшествующий слог. Возникшее новое ударение имело восходящую интонацию на долгой или краткой гласной. Таким образом, в центральных штокавских говорах возникла новая, четырехчленная акцентная система, которая в дальнейшем широко распространилась и в наше время характеризует литературный язык. Однако в крайних восточных районах (призренско-тимокский диалект) проявилась другая тенденция – нейтрализация количественных оппозиций. Здесь развилось экспираторное ударение, подобное тому, какое мы имеем

²⁹² «В XV в. произошел так называемый неоштокавский сдвиг: ударения начальные нисходящие в начальном слоге сохранились, а современные восходящие есть результат сдвига акцентов вперед, к началу, с сохранением долготы на первичном ударном, ставшем теперь постударным» (Nikolaeva 1996: 116).

в болгарском языке, а также сохраняется и старое место ударения, т. е. оно в основном соответствует месту ударения в русском языке» (Ророва 1986: 44–45).

403. Что касается ударения в славянских языках, существуют различные просодические системы. С учетом фонологической нагрузки гласных фонем в славянских языках А. И. ИСАЧЕНКО выделяет следующие группы: I. политонические языки: а) с различием музыкальных ударений на кратких и долгих слогах (языки типа штокавского наречия сербохорватского языка или кашубского); б) с различием музыкальных ударений только на долгих слогах (чакавское наречие, словенский литературный язык и большинство словенских диалектов), II. монотонические языки с так называемым «свободным количеством»: а) в любом слоге (языки типа чешского); б) только в корневых слогах и в префиксах в соответствии с законом диссимилятивного количества в литературном словацком и в среднесловацких диалектах; в) с ограничением, состоящим в том, что в слове можно зафиксировать лишь один долгий слог (в словенских диалектах, которые утратили музыкальное ударение также и в долгих слогах, сохранив лишь этимологические долготы (например, Приморье и Штирия), III. монотонические языки с так называемым динамическим ударением (например, восточнославянский и болгарский), IV. монотонические языки без какой бы то ни было просодической нагрузки на гласные фонемы (ударение закреплено за определенным слогом слова, как, например, в польском, в обоих лужицких языках, а также в некоторых словацких диалектах (восточнословацкий, некоторые наречия и ряд диалектов Липтова) – Isačenko 1963: 110–111).

А. И. Исаченко критически относится к трактовке сербохорватского языка как славянского языка архаического типа, сохранившего политонию. «Это утверждение представляет не более чем метафору. Известно, что отдельные славянские диалекты, близкие общеславянскому, стояли перед альтернативой: сохранить политонию и устранить мягкие согласные, не вошедшие в фонологические корреляции, или, наоборот, фонологизировать мягкие согласные и отказаться от политонии. Как показал Якобсон, любое из возможных решений исключает другое. Одни языки сохраняют политонию (вокалический тип), другие – мягкость согласных (консонантический тип). Поэтому лишь на том основании, что в сербохорватском сохранилась политония, данный язык не может трактоваться как архаический, непосредственно продолжающий общеславянский. Ведь известно, что для праславянского была характерна не только политония, но и слоговой сингармонизм, а также закон открытых слогов. Как только отдельные славянские языки утратили слоговой сингармонизм и в результате утраты редуцированных образовали новые закрытые слоги, сербохорватская политония оказалась в новых структурных условиях. Другие славянские языки, как мы уже сказали, сохранили иные особенности общеславянского; так, в польском и русском сохранились палатальные

согласные. Это могло случиться – и действительно случилось – лишь в условиях, когда перестал действовать закон открытых слогов, представляющий характерную черту праславянского, т. е. в эпоху падения редуцированных, ибо лишь вследствие их падения могла возникнуть фонологическая оппозиция типа *быт* : *быть*. Следовательно, в момент, когда сербохорватский язык, подобно русскому и всем другим славянским языкам, утратил общеславянскую особенность (открытые слоги), он превратился в язык, принципиально и типологически отличный от общеславянского» (Isačenko 1963: 110–111).

404. Супракорреляционал. В словенском языке ударение может находиться на различных слогах, т. е. оно является разноместным и подвижным, напр., *žēna* ‘женщина’, *recímo* ‘скажем’, *zlató* ‘золото’ *akademíja* ‘академия’.

В болгарском языке ударение свободное и имеет смысловозначительную функцию.

В отличие от с.-х.-б., в македонском языке ударение является фиксированным: ударным слогом может быть только третий слог от конца, точнее, в многосложных словах ударение закреплено за третьим слогом (антепенульtima), а в двухсложных – за вторым, например, *водéница* ‘водяная мельница’, *пíшува* ‘пишет’, *вóда* ‘вода’. Этим правилам не подчиняются иноязычные слова типа *суверенитéт*. «Перемещение ударения в иностранных словах происходит лишь тогда, когда оно оказывается дальше третьего слога словоформы, напр.: *рèжим*, *рèжимот*, *рèжими* и *рèжимитè*; *гíјало* – *гíјало*зи – *гíјало*зи^{те}» (Usikova 2003: 42).

Роман ЯКОБСОН отмечал в пределах балканского языкового союза реликтовость сербохорватского и словенского языков как языков с тоновым ударением. «По его мнению, Евразийский союз в целом характеризуют два признака: корреляция по твердости-мягкости и монотония гласных. Сербохорватско-словенский ареал перекликается в этом плане с другим островом политонии: Скандинавским полуостровом и зоной Прибалтики» (Nikolaeva 1996: 63). Т. М. НИКОЛАЕВА подробно писала о том, что на просодическом уровне сербохорватский язык занимает особое положение в балканском языковом союзе и что его просодия является настолько своеобразной и важной для общего типологического сопоставления, что заставляет минимизировать описание просодии сербохорватского языка, занимавшей умы лингвистов уже почти два века. «Практически о сербохорватской просодии – как литературной, так и диалектной – написано, вероятно, в сотни раз больше, чем о просодии всех остальных балканских языков вместе взятых. Сербохорватская просодия в течение всех этих лет является, несомненно, притягательной для лингвистов разных эпох и разных школ. Это одновременно и загадка, которую хочется разгадать, и пробный камень чисто дескриптивного мастерства лингвиста. Поэтому история сербохорватской просодии знает и блестящие оригинальные ги-

потезы – Л. Мазинга, конечно (Мазинг, 1876), и фундаментальнейшие (двадцатилетние!) исследования (Lehiste, Ivić, 1986) и более ранние их публикации» (Nikolaeva 1996: 63). В 1876 г., продолжает Т. М. Николаева, Л. Мазинг выдвинул гипотезу о том, что восходящие акценты являются двусложными (высокий тон переходит и на второй слог), а нисходящие, где подъем и падение происходят в пределах одного слога, являются односложными. «Второй слог двусложной фигуры повторяет облик нисходящего акцента, но как бы в ослабленном виде. Поэтому нисходящие акценты можно считать первичными, а восходящие суть подступ к нисходящему плюс этот же нисходящий акцент. Спустя 110 лет после опубликования гипотезы Л. Мазинга, И. Лехисте и П. Ивич подтвердили двусложность акцентных конфигураций в сербохорватском языке: „Несмотря ни на что мы продолжаем верить, что среди прочих акустических „ключей“ первое место (наибольшая важность) принадлежит отношению частотных уровней (F_0 levels) тех двух слогов, которые составляют двусложную акцентную последовательность“ (Lehiste, Ivić, 1986, p. 170). Правда, оказалось, что для жителей западных регионов существенно движение F_0 в ударном слоге, а для жителей северо-восточных областей – важно отношение F_0 на грани слогов акцентной биссиллабической структуры (там же).»

Т. М. Николаева констатирует, что в настоящее время наиболее мало охваченным гипотезами является вопрос о том, почему вообще произошел «неоштокавский сдвиг», во-первых, и почему значительная часть сербохорватских диалектов его не узнала, во-вторых (Nikolaeva 1996: 116).

405. Суперкорреляционал. В то время как в с.-х.-б. ударение является преимущественно музыкальным (политоническим) и частично свободным, в русском языке ударение является преимущественно динамическим и свободным, и каждый слог, включая последний, может быть подударным (как мы уже сказали, в с.-х.-б. правила не позволяют ставить ударение на последний слог).²⁹³ Ударный слог в с.-х.-б. отличается усилением тона и его движением (восходящим и нисходящим). «Русскому языку свойственно количественно-динамическое ударение, при котором ударный слог выделяется по сравнению с неударным большей напряженностью артикуляции, в особенности гласного звука. Фонетическим средством выделения ударного слога в русском языке является его большая длительность по сравнению с безударным. В сербохорватском языке ударение музыкально-силовое (музыкально-экспираторное). Ударный слог выделяется не только экспираторным усилением, но и изменением высоты голосового тона (повышением или понижением)» (Zenčuk i dr. 1986: 14).

²⁹³ Об истории русского ударения см. Kolesov 1972.

Наличие в с.-х.-б. четырех ударений и долготы представляют для русскоговорящих, изучающих этот язык, большую трудность, так как в русском языке речь идет только об одном ударении, которое обозначается знаком акута (´). Особенно нелегким является усвоение просодической мелодии. О сложности этого процесса пишет Т. П. ПОПОВА: «Для русских, изучающих сербскохорватский язык, усвоение просодических элементов представляет значительные трудности. Так, возникают затруднения при воспроизведении тонической стороны ударения (тонические элементы есть и в русском ударении, но они не являются фонологическим средством и поэтому русские их слабо воспринимают). Вызывает трудность и определение места ударения не только в написанном слове [...], но и в услышанном. Легче всего на слух русские различают кратконисходящее ударение, в котором при незначительном понижении тона присутствует резкая экспирация. Улавливается на слух также ударение на долгой фонеме, где по сравнению с безударным слогом доминирует количественный компонент (долгота). Трудно уловим для русских кратковосходящий акцент, так как краткость ударного слога при ослабленной к тому же интонации, особенно в начальной фазе, очень отличается от понятия акцента, которое свойственно интуитивному восприятию русского. Особенно осложняется определение места ударения в тех случаях, когда после кратковосходящей интонации ударного слога следуют долготы: *stūđīrām*, *rěšāwām*, *sīāsāwām*, *gěwōjka*, *Dūbrōwnīk*. В произношении подобных слов допускается особенно много ошибок, так как на слух русский воспринимает как ударный или первый долгий слог (*студīрам*), или ему кажется, что все слоги в слове акцентуированы (или не акцентуированы) в одинаковой степени» (Popova 1986: 43).

В этимологически одинаковых словах в с.-х.-б. и русском обнаруживаются определенные общие закономерности. Скажем, если в русском языке ударение не на первом слоге, то в с.-х.-б. он будет отодвинут за один слог вперед. Ср.: *селó* – *sělo*, *рукá* – *rūka*, *ногá* – *nòga*. Русскому ударению на первом слоге соответствует очень часто нисходящее ударение: *вóля* – *vòlja*, *дúма* – *dūma*, *жáба* – *žāba* ‘лягушка’, *нéга* – *něgal/njěga*, *нúва* – *njīva*, *пáдать* – *pādati*, *ры́ба* – *rība*, *сúла* – *sīla*, *смéна* – *směna/smjěna*.

Если в с.-х.-б. нисходящее ударение, в русском на этом же месте будет ударение, напр.: *нèбо* – *не́бо*.

Когда в с.-х.-б. стоит восходящее ударение, в русском ударение будет отодвинуто на один слог к концу: *вòда* – *водá*.

В случаях, когда в русском языке подударным оказывается не первый слог, в с.-х.-б. ударение обычно перемещается на один слог к началу слова и является восходящим, долгим или кратким (˘, ˘): *бедá* – *béda* (екав.), *базáр* – *bàzār*, *борьбá* – *bòrba*, *балéт* – *bàlēt*, *винó* – *vīno*, *водá* – *vòda*, *горá* – *gòra*, *гомóв* – *gòtov*, *господин* – *gospòdin*, *душá* – *dúša*, *дýга* – *dúga*, *жарá* – *žára* ‘крапива’, *женá* – *žèna* ‘женщина, супруга’, *живóт* – *život* ‘жизнь’.

жилёт – *žilēt* ‘лезвие’, колéно – *kòleno/kòljeno*, косá – *kòsa* ‘волосы’, кры-
ло – *krílo*, лонáта – *lòpata*, метáлл – *mètāl*, местí – *mèsti*, нарóд – *národ*,
ногá – *pòga*, окнó – *òkno*, позóр – *pòzor* ‘внимание’, пше́ница – *pšěnica*, ре-
ка – *réka* (екав.), рука – *rúka*, рука́в – *rùkāv*, седлó – *sèdlo*, селó – *sèlo*, Си-
би́рь – *Sibīr*, сукно – *súkno*, тира́ж – *tīrāž*, трубá – *trúba*, ценá – *céna*, чудáк
– *čudāk*. Но: разгово́р – *ràzgovōr*, уда́р – *ùdār* (таких случаев меньше).²⁹⁴

Что касается русских слов с полногласием, если ударение стоит на первом гласном группы **oro, olo, ere**, в с.-х.-б. появляется долгое нисходящее ударение (˘): *бе́рег – brêg* (екав.), *го́род – grâd*, *зо́лото – zlâto*. Когда подударным является второй слог, в с.-х.-б. стоит краткое нисходящее ударение: *берё́за – brěza*, *болóто – blâto*, *горо́х – grâh*, *перё́дний – prědnjī*. Если в русском языке ударение стоит после полногласных сочетаний, то в с.-х.-б. появляется, как правило, долгое восходящее ударение: *борода́ – bráda*, *дорога́ – drága*, *молода́ – mláda*, *молоко́ – mléko* (екав.). Но: *серебро́ – srěbro*, *середу́на – sredīna*.

Перенос ударения на проклитику встречается и в русском языке, ср. *на́ руку*, *но́д гору*, *но́ воду* и т. п.

406. В польском языке ударение экспираторное и постоянное на предпоследнем слоге (пенультиве). Но некоторые польские слова и заимствования произносятся с ударением на третьем слоге от конца (*okólica* ‘окрестность’, *státua* ‘статуя’). Такое же ударением имеют слова из греческого и латинского с суффиксами **-yk-a**, **-ik-a** (*matemátyka* ‘математика’, *lógika* ‘логика’).

В чешском языке ударение экспираторное, постоянное и фиксированное за первым слоге (*město* ‘место’).

В словацком языке ударение является экспираторным и оно привязано к первому слогу (*jázik* ‘язык’, *kníha* ‘книга’).

В лужицкосербском языке ударение находится на первом слоге (*róбота* ‘работа’, *dóbry* ‘добрый’). В многосложных словах появляется и побочное ударение, например, в превосходной степени оно обычно на втором слоге от конца (*nájdàlši* ‘самый далекий’). В заимствованиях ударение как в немецком языке (*septémbér* ‘сентябрь’, *dynámika* ‘динамика’). Обычно существительные на **-ita** и глаголы на **-ować**, **-ěrovać** имеют удар-

²⁹⁴ «[...] конечному ударению в русских существительных женского рода с суффиксом **-ота** (*красотá*, *краснотá* и др.) в сербскохорватском соответствует ударение на суффиксальном **-о**: *лейдо́ша*, *чистдо́ша*. То же самое наблюдается в случае суффиксов **-ина**: *губи́на* ‘глубина’, *виси́на*, *шири́на*, *ведри́на* ‘ясность’; **-лив**: *боја́жлив*, *гово́рлив* ‘боязливый’, ‘говорливый’» (Ророва 1986: 45).

ным третий слог от конца (*uniwérsita* ‘университет’, *telefonować* ‘звонить’).

407. Экстракорреляционал. В немецком языке ударение является динамическим. В нем различается сильноударенность, слабоударенность и безударность. В исконных словах ударение фиксировано и падает преимущественно на первый слог корневой морфемы (*ságen* ‘сказать’, *Ríchtung* ‘направление’), в то время как в производных словах оно может находиться на другом слоге, чем в производящей основе (*Strich* ‘черта, линия’ – *strichéln* ‘штриховать’). В сложных словах под главным ударением стоит первый компонент (*Schúljahr* ‘учебный год’). Как и в с.-х.-б., немецкое ударение может выполнять смыслоразличительную функцию: *übersétzen* переводить (с одного языка на другой) – *übersetzen* ‘переводить’.

Литература (Literatura)

- Abramov 1999: Абрамов, Б. А. *Теоретическая грамматика немецкого языка: Сопоставительная типология немецкого и русского языков*. – Москва: ВЛАДОС. – 288 с.
- Aleksić/Stanić 1975¹⁰: Aleksić, Radomir; Stanić, Milija. *Gramatika srpskohrvatskog jezika za učenike gimnazije*. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenika i nastavna sredstva. – 235 s.
- Andreev 1983: Андреев, А. Н. *Количественная и качественная редукция гласных в белорусском литературном языке*. АКД. – Минск: Институт языкознания им. Якуба Купалы. – 20 с.
- Andrejčin 1949: Андрейчин, Любомир. *Грамматика болгарского языка*. Перевод с болгарского В. В. Бородич. – Москва: Изд-во иностранной литературы. – 406 с.
- Anić/Silić 2001: Anić, Vladimir; Silić, Josip. *Pravopis hrvatskoga jezika*. – Zagreb: Novi Liber – Školska knjiga. – 970 s.
- Appel: 1980: Appel, Wilhelm. *Grundzüge der kausalen Phonetik*. – Wien: VWGÖ. – 353 S.
- Arbuzova/Dmitrijev/Sokalj 1965: Арбузова, И. В.; Дмитриев, П. А.; Сокаль, Н. И. *Сербохорватский язык*. – Ленинград. – 127 с.
- Arsenjeva et al. 2003: Арсеньева, М. Г.; Балашова, С. П.; Берков, В. П.; Соловьева, Л. Н. *Введение в германскую филологию*. – Москва: ГИС. – 320 с.
- Arsjenjeva et al. 1962: Arsenjeva, M. G. et al. *Deutsche Grammatik*. – Leningrad: Učpedgiz, 1962. – 216 S.
- Asenova 1999: Asenova, Petja. Bulgarian. – In: *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 211–238.
- Avanesov 1972⁵: Аванесов, Р. И. *Русское литературное произношение*. – Москва: Просвещение. – 415 с.
- Avanesov 1979: Аванесов, Р. И. (отв. ред.). *Звуковой строй языка*. – Москва: Наука. – 268 с.
- Babić 1963–1964: Babić, Stjepan. O Daničićevu naglasnom sustavu kao sustavu. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 5/15. – S. 150–157.
- Babić 1964: Babić, Stjepan. Uklanjanje hrvatsko-srpskih razlika. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 11. – S. 65–71.
- Babić 1981: Babić, Stjepan. Daničićevi naglasni tipovi (jedan pogled s današnjega gledišta). – In: *Zbornik o Đuri Daničiću*. – Zagreb – Beograd. – S. 341–345.

- Babić 1990: Babić, Stjepan. *Hrvatski jezik u političkom vrtlogu*. – Zagreb: Ante i Danica Pelivan. – 340 s.
- Babić 2004: Babić, Stjepan. *Hrvanja hrvatskoga: Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču sa engleskim*. – Zagreb: Školska knjiga. – 262 s.
- Babić et al. 1991: Babić, Stjepan; Brozović, Dalibor; Moguš, Milan; Pavešić, Slavko; Škarić, Ivo; Težak, Stjepan. *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. – 743 s.
- Babić, Stjepan 1995: Babić, Stjepan. Srebrena ulica u Zagrebu. – In: Babić, Stjepan. *Hrvatski jezik jučer i danas*. – Zagreb: Školska knjiga. – S. 146–148.
- Babić, Zrinka 1995: Babić, Zrinka. *Fonetika i fonologija hrvatskog jezika: udžbenik za 1. razred gimnazije i tehničkih škola*. – Zagreb: Školska knjiga. – 108 s.
- Babić/Brozović/Moguš/Pavešić/Škarić/Težak 1991: Babić, Stjepan; Brozović, Dalibor; Moguš, Milan; Pavešić, Slavko; Škarić, Ivo; Težak, Stjepan. *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. – 743 s.
- Babić/Brozović/Škarić/Težak 2007: Babić, Stjepan; Brozović, Dalibor; Škarić, Ivo; Težak, Stjepko. *Glasovi i oblici hrvatskoga književnoga jezika*. – Zagreb: Globus. – 597 s.
- Babić/Finka/Moguš 2000⁵: Babić, Stjepan; Finka, Božidar; Moguš, Milan. *Hrvatski pravopis*. – Zagreb: Školska knjiga. – 496 s.
- Badurina/Marković/Mićanović 2007: Badurina, Lada; Marković, Ivan; Mićanović, Krešimir. *Hrvatski pravopis*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 662 s.
- Bagdasarov 2004: Багдасаров, А. Р. *Хорватский литературный язык второй половины XX века*. – Москва: ВТИ. – 164 с.
- Bagdasarov 2006: Багдасаров, А. Р. *Хорватский язык: Краткий грамматический справочник*. – Москва: ВТИ. – 136 с.
- Bąk 1977: Bąk, Piotr. *Gramatyka języka polskiego: Zarys popularny*. – Warszawa: Wiedza Powszechna. – 508 s.
- Bakić 1991: Bakić, Ibrahim. Языковая проблема у югославо. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 220–228.
- Bakran 1996: Bakran, Juraj. *Zvučna slika hrvatskoga govora*. – Zagreb: Ibis grafika. – 313 s.

- Balaž/Darovec/Čabala 1995: Балаж, П.; Даровец, М.; Чабала, М. *Словацкий язык для славистов*. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. – 349 с.
- Bălg. GAN 1982/Л: Тилков, Димитър; Стоянов, Стоян; Попов, Константин (гл. ред.). *Граматика на съвременния български книжовен език: Том I: Фонетика*. – София: Издателство на Българската академия на науките. – 300 с.
- Baotić 1991: Баотич, Йосип. Сербскохорватский язык: языковая политика в Боснии и Герцеговине. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 72–88.
- Barnetova et al. 1979: Barnetova, Vilma et al. *Русская грамматика. 1*. – Praha: Academia. – 664 s.
- Bašić 1994: Bašić, Nataša. „Nasilna kroatizacija“. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 41. – S. 157–160.
- Bečki dogovor 1850: Bečki književni dogovor. – In: *Balkanski književni glasnik*. – In: <http://www.balkanwriters.com/broj5/beckidogovor5.htm>. – Состояние 10. 7. 2009.
- Belić 1923/1999: Belić, Aleksandar. *Pravopisi*. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenike i nastavna sredstva, 1999. – 499 s. [Izabrana dela, t. 11, sv. 1].
- Belić 1951: Belić, Aleksandar. *Savremeni srpskohrvatski jezik. Prvi deo: Glasovi i akcenat*. – Beograd: Naučna knjiga. – 181 s.
- Belić 1954: Belić, Aleksandar. О упрошчаванју подеље на слогове у српскохрватском језику. – In: *Naš jezik. Nova serija*. – Beograd. – Knj. 5. – S. 151–164.
- Belić 1999: Belić, Aleksandar. *Istorija srpskog jezika: fonetika, reči sa deklinacijom, reči sa konjugacijom*. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenike i nastavna sredstva. – 488 s. [Izabrana dela, t. 4]
- Bernštejn 1974: Бернштейн, С. Б. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы*. – Москва: Наука. – 378 с.
- Bernštejn 1996: Бернштейн, С. Б. *Словарь фонетических терминов*. – Москва: Восточная литература РАН. – 175 с.
- Bezиковић/Gordova-Rybaljčenko 1957: Безикович, Е. И.; Гордова-Рыбальченко, Т. П. *Болгарский язык*. Учебник для вузов. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 536 с.
- Beženceva 1995: Беженцева, Т. Г. Коррекция слухо-произносительных навыков в русской речи сербскохорватских учащихся. – In: *Русский язык: вопросы функционирования и методики обучения*. – Москва. – Вып. 1. – С. 78–83.

- Bielfeldt 1961: Bielfeldt, Hans Holm. *Altslawische Grammatik: Einführung in die slawischen Sprachen*. – Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag. – 297 S.
- Birnbaum 1986: Birnbaum, Henrik. Das Polnische. – In Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 111–122.
- Bogomazov 2001: Богомазов, Г. М. *Современный русский литературный язык: Фонетика*. – Москва: Гуманитарный издательский центр Владос. – 352 с.
- Bogorodickij 1912: Богородицкий, В. Из наблюдений надъ сербо-хорватскимъ литературнымъ произношеніемъ. – In: *Русскій филологическій Вѣстник*. – Варшава. – Т. LXVII. – С. 201–206.
- Bojadžiev/Tilkov 1999: Бояджиев, Тодов. *Фонетика на българския книжовен език*. – Велико Търново: Абараг. – 294 с.
- Bondarko 1981a: Бондарко, Л. В. *Звуковой строй современного русского языка*. – Москва: Просвещение. – 175 с.
- Bondarko 1981b: Бондарко, Л. В. *Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи*. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 199 с.
- Boranić 1923: Boranić, Dragutin. *Pravopis hrvatskoga ili srpskoga jezika*. – Zagreb: Naklada „Ćirilo-metodske nakladne knjižare“. – 183 s.
- Boranić 1947⁹: Boranić, Dragutin. *Pravopis hrvatskoga ili srpskoga jezika*. – Zagreb: Nakladni zavod Hrvatske. – 208 s.
- Borkovskij/Kuznecov 1965²: Борковский, В. И.; Кузнецов, П. С. *Историческая грамматика русского языка*. – Москва: Наука. – 555 с.
- Bosák 1998: Bosák, Ján (redaktor naukowy). *Slovenský jazyk*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 216 s.
- Bošković 1984: Бошкович, Радослав. *Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование*. Составила и перевела Н. М. Елкина. – Москва: Высшая школа. – 303 с.
- Bošković 1985: Bošković, Radosav. *Osnovi uporedne gramatike slovenskih jezika II. Morfologija*. – Nikšić: Univerzitetstva riječ. – 112 s.
- Bošković 1999: Bošković, Radosav. *Osnovi uporedne gramatike slovenskih jezika: Fonetika, morfologija, građenje reči*. – Beograd: Trebnik. – 422 s.
- Brabec 1957–1958: Brabec, Hraste. O akcenatskim reformama. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. VII. – S. 56–59.
- Brabec/Hraste/Živković 1970⁹: Brabec, Ivan; Hraste, Mate; Živković, Sreten. *Gramatika hrvatskosrpskoga jezika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 280 s.
- Brachnov 1970: Брахнов, Б. М. *Явища асиміляції в консонантизмі української мови*. – Київ: Наукова думка. – 102 с.

- Brborić 1999: Brborić, Branislav. Das Serbische. – In: Hinrich, Uwe (Hrsg.). *Handbuch der Südeuropa-Linguistik*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 339–381.
- Brborić 2001: Brborić, B. *S jezika na jezik: Sociolingvistički ogledi II*. Beograd – Novi Sad: CPL –Prometej. – 384 s.
- Broch 1911: Broch, Olaf. *Slavische Phonetik*. – Heidelberg: Carl Winters's Universitätsbuchhandlung. – 347 S.
- Brok 2010²: Брок, О. *Звукообразование славянской речи*. – Москва: Книжный дом ЛиброКом. – 272 с.
- Broz 1893: Broz, Ivan. *Hrvatski pravopis*. – Zagreb: Naklada Kr. hrv.-slav.-dalm. zemaljske vlade. – 133 s.
- Brozović 1952–1953: Brozović, Dalibor. Bilješke o akcenatskim pseudodubletima. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 1. – S. 77–80.
- Brozović 1955: Brozović, Dalibor. Akcentuacija tuđica na -or u hrvatskom jeziku. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 3. – S. 118–123.
- Brozović 1958: Brozović, Dalibor. O normiranju književnih naglasaka. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 6. – S. 65–72.
- Brozović 1962–1963: Brozović, Dalibor. Prodor u naš ortoepski standard. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 10. – S. 144–153.
- Brozović 1968: Brozović, Dalibor. O fonološkom sustavu suvremenog standardnog hrvatskosrpskog jezika. – In: *Radovi Filozofskog fakulteta, Razdio lingvističko-filološki* (4). – Zadar. – Br. 7/7. – S. 20–39.
- Brozović 1970–1971: Brozović, Dalibor. Uz jedno vrijedno, ali i kontroverzno akcentološko djelo – razmišljanja o genezi, sustavu i normi. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. XIX/4–5. – S. 123–139.
- Brozović 1972–1973a: Brozović, Dalibor. O ortoepskoj vrijednosti dugoga i produženog ijekavskog jata. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 20. – S. 65–74.
- Brozović 1972–1973b: Brozović, Dalibor. O ortoepskoj vrijednosti dugoga i produženog ijekavskog jata (Nastavak). – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 20. – S. 106–118.
- Brozović 1972–1973c: Brozović, Dalibor. O ortoepskoj vrijednosti dugoga i produženog ijekavskog jata (Nastavak). – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 20. – S. 142–149.
- Brozović 1979: Brozović, Dalibor. Akcenatske značajke: Govori sjeverozapadne Bosne. – In: *Bosanskohercegovački dijalektološki zbornik*. – Sarajevo: Institut za jezik i književnost. – Knj. II. – S. 1–118.
- Brozović 1981: Brozović, Dalibor. Daničićovo mjesto među istraživačima (i sudionicima) povijesti srpskoga i hrvatskog jezika (s osobitim obzirom na akcent). – In: *Zbornik o Đuri Daničiću*. – Zagreb – Zemun. – S. 65–81.
- Brozović 1991: Brozović, Dalibor. Fonologija hrvatskoga književnoga jezika. – In: Babić, Stjepan; Brozović, Dalibor; Moguš, Milan; Pavešić, Slavko;

- Škarić, Ivo; Težak, Stjepan. *Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Nacrt za gramatiku*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. – S. 379–452.
- Brozović 1996: Brozović, Dalibor. O prilogu dr. Stjepana Vukušića za Ivšićev zbornik. – In: *Stjepan Ivšić i hrvatski jezik*. – Zagreb. – S. 175–176.
- Brozović 1998: Brozović, Dalibor. Aktualna kolebanja hrvatske jezične norme u slavenskome i europskome svjetlu. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 45. – S. 160–176.
- Brozović 2003: Brozović, Dalibor. Genetskolingvistički i sociolingvistički kriteriji u sistematizaciji južnoslavenskih idioma, s posebnim obzirom na Bosnu i Hercegovinu. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 50/1. – S. 1–6.
- Brozović 2005: Brozović, Dalibor. *Prvo lice jednine*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 255 s.
- Brozović 2007: Brozović, Dalibor. *Fonologija hrvatskoga standardnog jezika*. – Zagreb: Globus. – 109 s.
- Brozović/Ivić 1988: Brozović, Dalibor; Ivić, Pavle. *Jezik, srpskohrvatski/hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski*. – Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod „Miroslav Krleža“. – XI. – 120 s. [Izvadak iz 2. izd. Enciklopedije Jugoslavije]
- Bryzgunova 1969: Брызгунова, Е. А. *Звуки и интонация русской речи*. – Москва: Прогресс. – 251 с.
- Bugarski 1997: Bugarski, Ranko. *Jezik u društvenoj krizi*. – Beograd: Čigoja štampa. – 186 s.
- Bukatevič/Gricjutenko/Savickaja 1958: Букатевиц, Н. И.; Грицютенко, И. Е.; Савицкая С. А. (ред). *Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков*. – Одесса: Одесский гос. ун-т. им. И. И. Мечникова. – 390 с.
- Bulahov/Žovtobrjuh/Koduhov 1987: Булахов, М. Г.; Жовтобрюх, М. А.; Кодухов, В. И. *Восточнославянские языки*. – Москва: Просвещение. – 304 с.
- Bulanin 1970: Буланин, Л. Л. *Фонетика современного русского языка*. – Москва: Высшая школа. – 206 с.
- Bulatova 1985: Булатова, Р. В. Вклад А. А. Шахматова в сербохорватскую акцентологию. – In: *Советское славяноведение*. – Москва. – № 6. – С. 81–86.
- Bulatova 1989: Булатова, Р. В. Особенности акцентуации ъ-основ среднего рода в сербохорватском. – In: Зализняк А. А. и др. (отв. ред). *Славянское и балканское языкознание*. – Москва: Наука. – с. 164–191.
- Bulatova 1990: Булатова, Р. В. (отв. ред.). *Основы славянской акцентуации*. – Москва: Наука. – 284 с.

- Bulatova 1992: Булатова, Р. В. Вклад российской славистики в разработку важных проблем сербскохорватского языкознания XIX века. – In: *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия*. – Москва. – Ч. 2. – С. 69–89.
- Bulatova/Zamjatina 1994: Булатова, Р. В.; Замятина, Г. И. *Общее и специфическое в механизме построения акцентных систем суффиксальных имен в сербохорватском и словенском*. – In: Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – Москва. – С. 179–197.
- Bulgarisch-www1: Bulgarisch. – In: <http://www.sprachensteckbriefe.at/index.php?id=130>. Состояние 5. 6. 2009.
- Bulgarisch-www2: Bulgarisch. – In: http://de.wikipedia.org/wiki/Bulgarische_Sprache#Phonetik. Состояние 15. 6. 2009.
- Bulgarisch-www3: Bulgarisch. – In: <http://www.uni-pots-dam.de/u/slavistik/swsw/vm/schuercks-bulgarisch.doc>. Состояние 20. 6. 2009.
- Carnap 1934: Carnap, Rudolf. *Logische Syntax der Sprache*. – Wien: Springer. – 274 S.
- Cychin 2002: Cychin, Hienadź. Weißrussisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 563–580.
- Čalikova 1986: Чалыкова, Т. И. *Фонетическая реализация дифференциальных признаков в близкородственных языках (корреляция по твердости-мягкости в болгарском и русском языках)*. АКД. – Ленинград: Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. – 17 с.
- Čechová et al. 1996: Čechová, Marie a kolektiv autorů. *Čeština – řeč a jazyk*. – Praha: ISV nakladatelství. – 383 s.
- Čedić 2004: Čedić, Ibrahim. *Osnovi gramatike bosanskog jezika*. Priručnik za osnovne škole. – Sarajevo: Bosna leksika. – 249 s.
- Čedić 2005: Čedić, Ibrahim. Pisana riječ i jezičke norme u Bosni i Hercegovini. – In: *Radovi Instituta za jezik*. – Sarajevo. – Br. XVII. – S. 111–173.
- Čeremisina 1982: Черемисина, Н. В. *Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь*. – Москва: Русский язык. – 207 с.
- Černych 1954²: Черных, П. Я. *Историческая грамматика русского языка: Краткий очерк*. – Москва: Учпедгиз. – 356 с.
- Čigoja 2006: Čigoja, Brankica. *Tragovima srpske jezičke prošlosti*. – Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije. – 196 s.
- Čirgić/Pranjković/Silić 2010: Čirgić, Adnan; Pranjković, Ivo; Silić, Josip. *Gramatika crnogorskog jezika*. – Podgorica: Ministarstvo prosvjete i nauke. – 358 s.

- Ćorić 1998: Ćorić, Božo. *Anatomija naopake hrvatske jezičke politike*. – In: Srpski jezik. – Beograd. – Br. III/1–2. – S. 551–552.
- Ćorović 1907: Ćorović, Vladimir. Der Dialekt von Mostar. – In: *Archiv für slavische Philologie*. – Berlin. – Bd. 29. – S. 497–510.
- Dahl 1984: Dahl, Johannes. *Die Abtönungspartikeln im Deutschen*: Ausdrucksmittel für Sprechereinstellungen mit einem kontrastiven Teil deutsch-serbokroatisch. – Heidelberg: Julius Groos Verlag. – 303 S.
- Damerau 1967: Damerau, Norbert. *Polnische Grammatik*. – Berlin: Walter de Gruyter. – 139 S.
- Damjanović 2000³: Damjanović, Stjepan. *Staroslavenski glasovi i oblici*. – Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada. – 160 s.
- Daničić 1857: Daničić, Đuro. Razlike između jezika hrvatskog i srpskog. – In: *Glasnik Društva Srbske Slovesnosti*. – Beograd. – Br. 9. – S. 1–59.
- Daničić 1869: Daničić, Đuro. *Akcenti u glagola*. – Zagreb: Knjižara Jugoslavenske akademije (Dioničke tiskare). – 112 s. [Djela Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti = Opera Academiae scientiarum et artium Slavorum meridionalium; knj. 17]
- Daničić 1925/1851: Daničić, Đuro. *Srpski akcenti*. – Beograd – Zemun: Grafički zavod „Makarije“, 1925. – 320 s. [Posebna izdanja SANU, knj. LVIII: Filozofski i filološki spisi, knj. 16]
- Daničić 1997/1847: Daničić, Đura. *Rat za srpski jezik i pravopis*. – Budim. – 1847. – Beograd: Narodna biblioteka Srbije. – 63 s. [Fototipsko izdanje]
- Deklaracija 1997/1967: *Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 231 s.
- Delaš 2003: Delaš, Helena. Naglasak na proklitici. – In: *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. – Zagreb. – Knj. 29. – S. 21–31.
- Delaš 2003: Delaš, Helena. Naglasak na proklitici. – In: *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. – Zagreb. – Br. 29. – S. 21–31.
- Delaš 2003b: Delaš, Helena. *Silazni naglasci na nepočetnim slogovima riječi*. – Zagreb: Filozofski fakultet. – 110. s. [Magistarski rad]
- Desnica-Žerjavić 2006: Žerjavić-Desnica, Nataša. *Strani akcent*. – Zagreb: FF press. – 176 s.
- Desnickaja 1998: Десницкая, А. В. (отв. ред.). *Основы балканского языкознания: Языки балканского региона*. – СПб.: Наука, 1998 277 с. [Славянские языки. Ч. 2: Под ред. Десницкой А.В., Толстого Н. И.]
- Dešić 1992: Dešić, Milorad. *Srpski akcenat s lakoćom*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 74 s.
- Dešić 2002: Dešić, Milorad. *Pravopis srpskog jezika*. – Zemun: Nijansa. – 236 s.
- Dešić 2004: Dešić, Milorad. Glavne karakteristike akcenatskog rječnika srpskog književnog jezika. – In: *Život i delo akademika Pavla Ivića*. – Su-

- botica – Novi Sad – Beograd: Gradska biblioteka – SANU – Narodna biblioteka Srbije – Institut za srpski jezik – Matica srpska. – S. 633–639.
- Dimitrova 1997: Dimitrova, Stefana (redaktor naukowy). *Български език* – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 272 с.
- Dmitrenko 1985: Дмитренко, С. Н. *Фонемы русского языка: Их сочетаемость и функциональная нагрузка*. – Москва: Наука. – 232 с.
- Dmitriev 1986: Дмитриев, П. А. О некоторых вопросах истории сербохорватского/хорватосербского литературного языка. – In: *Советское славяноведение*. – Москва. – N 6. – С. 91–98.
- Dmitriev/Safronov 1975: Дмитриев, П. А.; Сафронов, Г. И. *Сербохорватский язык*. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета. – 154 с.
- DTV-Atlas 1992⁹: DTV-Atlas zur deutschen Sprache. Tafeln und Texte. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 250 S.
- Duden Grammatik 1984⁴: *Duden Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* / Herausgegeben und bearbeitet von Günther Drosdowski. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich: Dudenverlag. – 800 S. [Der Duden in 12 Bänden. – Bd. 4]
- Dular 1987: Dular, Janez. Kontrastivni prikaz slovenskega in srbskohorvaškega glasoslovja. – In: *Jugoslovenski seminar za strane slaviste*. – Novi Sad: Filozofski fakultet, Institut za južnoslovenske jezike. – S. 57–73.
- De, Dong 1997: De, Dong Kn. *Akcentat složenih reči u srpskom jeziku*. – Beograd: Filološki fakultet. – 391 s. [Doktorska disertacija]
- Dorđević 1975²: Dorđević, Branivoj. *Akcentat, retorika, versifikacija*. – Beograd Univerzitet umetnosti. – 291 s.
- Dorđević 1996⁴: Dorđević, Branivoj. *Elementi dikcije: akcentat, retorika, versifikacija*. – Beograd: Univerzitet umetnosti. – 291 s.
- Đukanović/Marković 2001: Đukanović, Maja; Marković, Željko. *Osnovi grammatike slovenačkog jezika*. – Beograd: Filološki fakultet. – 146 s.
- Đurović 2004: Đurović, Radosav J. *O akcentu i dijalektima*. – Niš: Filozofski fakultet, Prosveta. – 275 s.
- Ekblom 1917: Ekblom, R. *Beiträge zur Phonetik der serbischen Sprache*. – Uppsala: Le Monde Oriental. – 78 S.
- Ekblom 1924–25: Ekblom, R. Zur čechischen und serbischen Akzentuation. – In: *Slavia*. – Praha. – 3. – S. 35–44.
- Ekblom 1930: Ekblom, B. *Zur Entstehung und Entwicklung der slavobaltischen und nordischen Akzentarten*. – Uppsala: Le Monde Oriental. – 63 S.
- Enc. bulg. jezik 2000: *Енциклопедия на съвременния български език* / Съставители Русин Русинов, Станьо Георгиев. – София: Абгар. – 583 с.

- Engelbrecht 2000³: Engelbrecht, Elena. *Bulgarisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 144 S. [Kauderwelsch, Bd. 51]
- Falkenhahn/Zielke 1961: Falkenhahn, V.; Zielke, W. *Grammatik der polnischen Sprache*. – Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag. – 216 S.
- Faska 1998: Faska, Helmut (redaktor naukowy). *Serbščina*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 337 s.
- Fedotov 1995: Федотов, О. И. О сербском элементе в метрическом составе «Песен западных славян» А. С. Пушкина. – In: *Ученые записки Казанского гос. ун-та*. – Казань. – Т 131. – С. 83–88.
- Fekete 2000: Fekete, Egon. Neke pojave sistem(at)skog narušavanja akcenatske norme. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Br. VI/3–4. – S. 1297–1329.
- Fischer 1954: Fischer, Rudolf. *Tschechische Grammatik: Leitfaden zur Einführung in die tschechische Sprache*. – Halle (Saale): Max Niemeyer. – 86 S.
- Florenskij 1895: Флоренскій, Тимофей. *Лекції по славянському языкознавцю. Часть первая: I. Введение II. Южно-западные славянские языки (болгарский, сербо-хорватский и словинский)*. – Киевъ: Типографія Императорскаго Университета см. Владиміра. – 527 с.
- Gačević/Tasić 2009: Gačević, Radojko; Tasić, Milan. *Srpski jezik: Priručnik za osnovnu školu*. – Beograd: Beogradska knjiga. – 196 s.
- Gaj 1830/1983: Gaj, Ljudevit. *Kratka osnova horvatsko-slavenskoga pravopisanja, poleg mudroljubneh, narodneh i prigospodarneh temeljev i zrokov*. – Budim: Tiskarnica Kraljevskoga Vseučilišća, 1830. – 27 s. [Reprint: Liber, Zagreb, 1983]
- Gajda 2001: Gajda, Stanisław (redaktor naukowy). *Język polski*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 540 s.
- GAN 1960: Виноградов, В. В.; Истрина, Е. С.; Бархударов, С. Г. (Ред. коллегия). *Грамматика русского языка. Т. I: Фонетика и морфология*. – Москва: Изд-во АН СССР. – 719 с. [Том I–III]
- GAN 1980: Шведова, Н. Ю. (гл. редактор). *Грамматика русского языка. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Словообразование. Морфология*. – Москва: Наука. – 783 с. [Том I–II]
- Garde 1993: Garde, Paul. *Naglasak*. – Zagreb: Školska knjiga. – 132 s.
- Gehrmann 1995²: Gehrmann, Siegfried. *Deutsche Phonetik in Theorie und Praxis*. – Zagreb: Školska knjiga. – 272.
- Georgiev 1964: Георгиев, Владимир. *Вокалната система в развоя на славянските езици*. – София: Издание на Българската академия на науките. – 127 с.

- Gladrow 2002: Gladrow, Anneliese. Slowakisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 477–494.
- Gorškova/Haburgaev 1981: Горшкова, К. В.; Хабургаев, Г. А. *Историческая грамматика русского языка*. – Москва: Высшая школа. – 359 с.
- Grahek 1975: Grahek, Sanja. Odredbe intonacije u lingvistici. – In: *Suvremena lingvistika*. – Zagreb. – Br. 12. – S. 17–20.
- Gramatika bosanskog jezika 1890/1994: *Gramatika bosanskog jezika za srednje škole. Dio I i II: Nauka o glasovima i oblicima* / Franje Vuletić (autor), Davor Nemanić (koautor i redaktor). – Sarajevo: Naklada Zemaljske vlade za Bosnu i Hercegovinu, 1890. – 131 S. [Reprint izdanje: Wuppertal: Das bosnische Wort, 1994]
- Gramatika dikcije 1984: Đorđević, Branivoj. *Gramatika srpskohrvatske dikcije sa praktikumom*. – Beograd: Univerzitet umetnosti. – 476 s.
- Gramatika gradišćanskog 2003: *Gramatika gradišćanskohrvatskoga jezika*. – Željezni: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov. – 701 s.
- Grčević 1997: Grčević, Mario. *Die Entstehung der kroatischen Literatursprache*. Köln – Wien [u.a.]: Böhlau. – 184 S.
- Grickat 1975: Grickat, Irena. *Studije iz istorije srpskohrvatskog jezika*. – Beograd: Narodna biblioteka Srbije. – 317 s.
- Grigorova 2007: Григорова, Евелина. Język bułgarski – In: *Sawicka, Irena (redaktor naukowy). Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 427–447.
- Gromova 1981: Громова, А. П. *Сравнительная фонетика славянских языков. (Консонантизм)*. – Свердловск: Уральский гос. ун-т имени А. М. Горького. – 92 с.
- Gross 1990²: Gross, Harro. *Einführung in die germanische Linguistik*. – München: Iudicium Verlag. – 268 S.
- Grube/Börner 2001: Grube, Ulrike; Börner, Natalija. *Ukrainisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 144 S. [Kauderwelsch, Bd. 79]
- Guberina/Krstić 1940: Guberina, Petar; Krstić, Kruno. *Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 218 s.
- Gudkov 1969: Гудков, В. П. *Сербохорватский язык*. – Москва: Издательство Московского университета. – 168 с.
- Gudkov 1973: Гудков, В. П. Из исторической фонетики сербохорватского языка (К истории [х] в воеводинских говорах). – In: Бернштейн, С. П.; Цыбенко, Е. З. (под ред.). *Славянская филология*. – Москва: МГУ. – С. 92–101.

- Gudkov 1977: Гудков, В. П. Сербохорватский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 259–288.
- Gudkov 1988: Гудков, В. П. Чередование **к/ц**, **г/з**, **х/с** в склонении существительных сербохорватского языка. – In: *Теория и практика изучения славянских языков*. – Москва. – С. 42–51.
- Gudkov 1998: Гудков, В. П. О морфологическом своенравии сербскохорватского слова *вече*(р). – In: *Славистический сборник*. – Санкт-Петербург. – С. 144–151.
- Gudkov/Cybenko 1996: Гудков, В. П.; Цыбенко, Е. З. (отв. редакторы). *Изучение и преподавание сербохорватского языка и югославских литератур в инославянской среде*. – Москва – Белград: Филологический факультет МГУ – Филологический факультет Белградского ун-та, Ассоциация друзей Югославии. – 90 с.
- Gudurić/Petrović 2006: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. O prirodi glasa **p** u srpskom jeziku. – In: *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. – Novi Sad. – XLVIII/1–2. – S. 135–150.
- Gudurić/Petrović 2006: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. O problemu sloga u srpskom jeziku. – In: *Godišnjak za srpski jezik i književnost*. – XX/8. – Niš: Filozofski fakultet. – S. 327–344.
- Gudurić/Petrović 2007a: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. Fonetske osnove fonološkog sistema savremenog srpskog jezika – osnovne postavke. – In: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane, Gramatika i leksika – deskriptivni i normativni pristup*. – Beograd: MSC. – Br. 36/1. – S. 91–110.
- Gudurić/Petrović 2007b: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. O prirodi glasa **v** u savremenom srpskom jeziku. – In: *Zbornik radova Filozofskog fakulteta*. – Kosovska Mitrovica. – XXXVI/ 2006. – S. 321–340.
- Gudurić/Petrović 2007c: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. Prilog proučavanju fonetske prirode glasova u srpskom jeziku: lateralni glasovi. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – LXIII. – S. 11–29.
- Gudurić/Petrović 2007d: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. O prirodi u statusu šva u srpskom jeziku. Glas ili nepriznata fonema. In: *Probleme de filologie slavică*, XV, Universitatea de Vest din Timișoara, Facultatea de Litere, Istorie și teologie, Catedra de limbi și literaturi slave. – Timișoara. – S. 214–224.
- Gudurić/Petrović 2008a: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. Artikulaciono-akustička priroda glasa **j** u srpskom jeziku. – In: *Zbornik radova Filozofskog fakulteta Univerziteta u Prištini*. – Kosovska Mitrovica. – XXXVII (2007). – S. 57–67.

- Gudurić/Petrović 2008b: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. Prilog proučavanju fonetske prirode glasova srpskog jezika: strujni suglasnici. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – LXIV. – S. 73–108.
- Gudurić/Petrović 2008c: Gudurić, Snežana; Petrović, Dragoljub. Prilog proučavanju fonetske prirode glasova srpskog jezika: sliveni suglasnici **dž** č. – In: *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*. – Knj. XXXIII/2. – Novi Sad. – S. 167–184.
- Gutschmidt 2002: Gutschmidt, Karl. Bulgarisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 219–234.
- Haburgaev 1974: Хабургаев, Г. А. *Старославянский язык*. – Москва: Просвещение. – 432 с.
- Halilović 1996: Halilović, Senahid. *Pravopis bosanskoga jezika*. – Sarajevo: Preporod. – 626 s.
- Halilović 1999: Halilović, Senahid. Das Bosnische. – In: Hinrich, Uwe (Hrsg.). *Handbuch der Südeuropa-Linguistik*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 413–428.
- Ham 2002: Ham, Sanda. *Školska gramatika hrvatskoga jezika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 168 s.
- Hamm 1947: Hamm, Josip. *Gramatika starocrkvenoslavenskog jezika*. I. – Zagreb: Nakladni zavod Hrvatske. – 182 s.
- Hamm 1949: Hamm, Josip. Štokavština Donje Podravine. – In: *Rad JAZU*. – Zagreb. – Br. 275. – S. 5–70.
- Hamm 1967: Hamm, Josip. *Kratka gramatika hrvatskosrpskog književnog jezika za strance*. – Zagreb: Školska knjiga. – 124 s.
- Hamm 1970: Hamm, Josip. *Staroslavenska gramatika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 204 s.
- Hansen/Karnowski. 2004: Hansen, Björn; Karnowski, Paweł (zum Druck vorbereitet). *Grammatik der Polnischen*. – München: Verlag Otto Sagner. – 620 S.
- Haški-www: Slučaj Šešelj. – In: [www: http://www.un.org/icty/bhs/cases/seselj/documents/docpros/ses-pros041123b3.htm](http://www.un.org/icty/bhs/cases/seselj/documents/docpros/ses-pros041123b3.htm). Состояние 10. 6. 2008.
- Hatschek-www: Hatschek. – In: (<http://de.wikipedia.org/wiki/M%C3%A4k%C4%8De%-C5%88>). Состояние 23. 6. 2009.
- Häusler 1976²: Häusler, Frank. *Das Problem Phonetik und Phonologie bei Baudouin de Courtenay und seiner Nachfolge*. – VEB Max Niemeyer Verlag. – 167 S.
- Havránek/Jedlička 1996: Havránek, Bohuslav; Jedlička, Alois. *Stručná mluvnice česká*. – Praha: Nakladatelství Fortuna. – 246 s.

- Hill 1986: Hill, Peter. Das Bulgarische. – In Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 20–32.
- Hill 2002: Hill, Peter M. Makedonisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 295–312.
- Hirt 1903: Hirt, Herman. Der ikavische Dialekt im Königreich Serbiens. – In: *Sitzungsberichte der Kaiserischen Akademie der Wissenschaften*. – Wien. – Bd. CXLVI. – S. 1–56.
- HJS 1999: Žagar, Mateo; Hudečer, Lana; Koharović, Nebojša; Lončarić, Mijo; Lukenda, Marko; Mamić, Mile; Mihaljević, Milica; Vukojević, Luka; Zečević, Vesna; Šarić, Ljiljana; Švačko, Vanja; Barić, Eugenija. *Hrvatski jezični savjetnik: U redakciji izvršnog uredništva Lane Hudeček, Milice Mihaljević i Luke Vukojevića*. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 1660 s.
- Holzer 2002a: Holzer, Georg. Altkirchenslawisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 187–202. Состояние 18. 4. 2009.
- Holzer 2002b: Holzer, Georg. Urslawisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 551–557. Состояние 18.4.2009.
- Homenko 2007: Хоменко, Людмила. Język ukraiński. – In: *Sawicka, Irena (redaktor naukowy). Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 367–401.
- Horga/Požgaj/Liker 2008: Horga, Damir; Požgaj Hadži, Vesna; Liker, Marko. Fonetski opis segmentalne razine hrvatskog jezika i sposobnost hrvatskih govornika u slušnom razlikovanju bošnjačkog, hrvatskog i srpskog govora. – In: *Branko Tošović (Hg.). Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 187–199.
- Horga/Škarić 2007: Horga, Damir; Škarić, Ivo. Język chorwacki. – In: *Sawicka, Irena (redaktor naukowy). Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 531–556.
- Hrvatska gramatika 1995: Zečević, Vesna; Peti, Mirko; Pavešić, Slavko; Malić, Dragica; Lončanić, Mijo; Barić, Eugenija; Znika, Marija. *Hrvatska gramatika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 684 s.
- Hrvatski književni jezik 1969: Pavletić, Vlatko (gl. urednik). *Hrvatski književni jezik i pitanje varijanata*. – Zagreb. – Svezak 1. – 247 s. [Posebno izdanje časopisa Kritika]

- IPA-Zeichen-www: Liste der IPA-Zeichen. – In: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_der_IPA-Zeichen. Состояние 15. 5. 2009.
- Isačenko 1963: Исаченко, А. И. Опыт типологического анализа славянских языков. – In: Звегинцев, В. А. (сост. и ред.). *Новое в языкознании*. – Москва: Издание иностранной литературы. – С. 106–121.
- Isačenko 1963: Исаченко, А. И. Опыт типологического анализа славянских языков. – In: *Новое в лингвистике*. Вып. III. – Москва: Изд-во иностранной литературы. – С. 106–124.
- Ivanov 1959: Иванов, В. В. *Краткий очерк исторической фонетики русского языка*. – Москва: Госучпедгиз. – 119 с.
- Ivanov 1983²: Иванов, В. В. *Историческая грамматика русского языка*. – Москва: Просвещение. – 399 с.
- Ivanova 1995: Иванова, И. Е. *Пособие по сербохорватскому языку*. – Москва: Изд-во Московского ун-та. – 63 с.
- Ivas 1996: Ivas, Ivan. Silazno-uzlazna jezgra u sustavu jezgri hrvatskog jezika. – In: *Suvremena lingvistika*. – Zagreb. – Br. 41–42. – S. 227–244.
- Ivić 1956: Ivić, Pavle. Jedna doskora nepoznata grupa štokavskih govora: govori sa nezamenjenim jatом. – In: *Godišnjak Filološkog fakulteta*. – Novi Sad. – Br. 1. – S. 140–160.
- Ivić 1958: Ivić, Pavle. *Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung*. – s'Gravenhage: Mouton & Co. – 325 S.
- Ivić 1958: Ивич, Павле. Основные пути развития сербохорватского вокализма. – In: *Вопросы языкознания*. – Москва. – № 1. – С. 3–20.
- Ivić 1971: Ивич, Павле. Один неисследованный штокавский говор с двояким рефлексом *ѣ. – In: Чешко, Е. В. (Отв. ред.). *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь 60-летия С. Б. Бернштейна*. – Москва: Наука. – С. 331–342.
- Ivić 1985: Ivić, Pavle. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika: Uvod i štokavsko narečje*. – Novi Sad: Matica srpska. – 215 s.
- Ivić 1990: Ivić, Pavle. *O jeziku nekadašnjem i sadašnjem*. – Beograd – Priština: BIGZ – Jedinstvo. – 335 s.
- Ivić 1996: Ivić, Pavle. *Prozodija reči i rečenice u srpskohrvatskom jeziku*. – Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 354 s. [Celokupna dela – VII/2. Pripremio Aleksandar Mladenović.]
- Ivić 1997: Ivić, Milka. *O Vukovom i vukovskom jeziku*. – Beograd: Čigoja štampa. – 203 s.
- Ivić 1998a: Ivić, Pavle. Epitaf jednoj polemici. – In: *Riječ*. – Nikšić. – S. 68.
- Ivić 1998b: Ivić, Pavle. *Pregled istorije srpskog jezika*. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 348 s. [Ivić Pavle. [Celokupna dela – VIII. Pripremio Aleksandar Mladenović.]

- Ivić 1998c: Ivić, Pavle. *Rasprave, studije članci: 1. O fonologiji*. – Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 755 s. [Celokupna dela – X/1. Pripremio Aleksandar Mladenović.]
- Ivić 2001: Ivić, Pavle. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika: Uvod i štokavsko narečje*. – Novi Sad: Budućnost. – 313 s. [Celokupna dela – II. Pripremio Aleksandar Mladenović.]
- Ivić/Lehiste 2002: Ivić, Pavle; Lehiste, Ilse. *O srpskohrvatskim akcentima*. – Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 639 s. [Celokupna dela – VII/1. Pripremio Aleksandar Mladenović.]
- Ivšić 1913: Ivšić, Stjepan. Današnji posavski govor. – In: *Rad JAZU*. – Zagreb. Br. 196. – S. 122–254. – Br. 197. – S. 113–162.
- Ivšić 1970: Ivšić, Stjepan. *Slavenska poredbena gramatika*. – Zagreb: Školska knjiga. – 434 s.
- Ivšić 1971: Ivšić, Stjepan. *Izabrana djela iz slavenske sintakse* (Gesammelte Schriften zum slavischen Akzent). – München: Wilhelm Fink Verlag. – 804 S.
- Ivšić 1979: Ivšić, Stjepan. Prilog za kvantitetu u hrvatskom jeziku. – In: *Rad JAZU*. – Zagreb. – Br. 6. – S. 5–39. [Priredio, napisao predgovor i popratio bilješkama Božidar Finka.]
- Jacobsen 1977: Jacobsen, Per. *Akcent i intonacija u srpskohrvatskom jeziku*. – In: Naučni sastanak slavista u Vukove dane. – Beograd: MSC. – Br. 6/1. – S. 47–52.
- Jagić 1870: Jagić, Vatroslav. *Paralela k hrvatsko-srbskomu naglasivanju*. – Rad JAZU. – Knj. XIII. – S. 1–17.
- Jahić 1991: Jahić, Dževad. О некоторых языковых тенденциях в Югославии. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 403–418.
- Jahić/Halilović/Palić 2000: Jahić, Dževad; Halilović, Senahid; Palić, Ismail. *Gramatika bosanskoga jezika*. – Zenica: Dom štampe. – 476 s.
- Jahić/Tošović/ 1978: Jahić, Dževad; Tošović, Branko. Redukcija i asimilaciona geminacija grupe **dn** u ijekavskoštakavskim govorima istočne Bosne i u pskovskim srednjoruskim govorima (kontrastivna analiza). – In: *Prilozi nastavi srpskohrvatskog jezika i književnosti*. – Banjaluka. – Br. 13. – S. 77–94.
- Jakobson 1966: Jakobson, Roman. *Lingvistika i poetika*. – Beograd: Nolit. – 327 s.
- Jakobson 1988: Jakobson, Roman. *Temelji jezika*. – Zagreb: Globus. – 109 s.

- Jakobson/Fant/Halle 1962a: Якобсон, Роман; Фант, Г; Халле, М. Введение в анализ речи. In: *Новое в лингвистике*. Москва: Прогресс. – Вып. 2. – С. 173–230.
- Jakobson/Fant/Halle 1962b: Якобсон, Роман; Халле, М. Фонология и ее отношение к фонетике. In: *Новое в лингвистике*. Москва: Прогресс. – Вып. 2. – С. 231–278.
- Janko 2008: Янко, Т. Е. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. – Москва: Языки славянских культур. – 312 с.
- Janković 1991: Янкович, Срджан. Вариантное расслоение сербскохорватского стандартного языка и боснийско-герцеговинский стандартноязыковой тип. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 21–49.
- Jaworski 1986: Jaworski, Michał. *Podręczna gramatyka języka polskiego*. – Warszawa: Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne. – 184 s.
- Jazić 1966: Jazić, Đorđe. *Osnovi fonetike ruskog jezika: Ruski glasovni sistem u poređenju sa srpskohrvatskim*. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenika SRS. – 135 s.
- Jelaska 2004: Jelaska, Zrinka. *Fonološki opisi hrvatskoga jezika: glasovi, slogovi, naglasci*. – Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada. – 249 s.
- Jenko 2000: Jenko, Elizabeta M. *Grammatik der slowenischen Sprache: Eine Einführung*. – Klagenfurt/Celovec: Drava Verlag. – 134 S.
- Jerković 1965a: Jerković, Jovan. Glasovna struktura jednosložne reči u srpskohrvatskom književnom jeziku. – In: *Prilozi proučavanju jezika*. – Novi Sad. Br. 1. – S. 31–74.
- Jerković 1965b: Jerković, Jovan. Glasovna struktura jednosložne reči u srpskohrvatskom književnom jeziku – Prozodijske karakteristike. – In: *Prilozi proučavanju jezika*. – Novi Sad. Br. 2. – S. 55–76.
- Jerković/Pešikan/Pižurica 1995: Jerković, Jovan; Pešikan, Mitar; Pižurica, Mato. *Pravopis srpskoga jezika*. – Novi Sad – Beograd: Matica srpska – Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 328 s.
- Jermakova 1988: Ермакова, М. И. Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков. – In: *Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе*. – Москва. – С. 84–118.
- Jermakova 1994: Ермакова, М. И. Функционирование серболужицкого языка. – In: *Язык, культура, этнос*. – Москва: Наука. – С. 151–165.
- Jermakova 1995: Ермакова, М. И. (отв. ред.) *Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов*. – Москва: Ин-т славяноведения и балканистики и др. – 195 с.

- Jermakova/Mihalk 1989: Ермакова, М. И.; Михалк, Ф. (отв. ред.). *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов*. – Москва: Наука. – 207 с.
- Jermolenko 1999: Ермоленко, С. С. (redaktor naukowy). *Українська мова*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut filologii Polskiej. – 324 с.
- Jokanović-Mihajlov 1996: Йоканович-Михайлова, Е. Релевантные особенности сербской просодии и их усвоение в иноязычной среде. – In: Гудков, В. П.; Цыбенко, Е. З. (отв. редакторы). *Изучение и преподавание сербохорватского языка и югославских литератур в инославянской среде*. – Москва – Белград: Филологический факультет МГУ – Филологический факультет Белградского ун-та, Ассоциация друзей Югославии. – С. 12–14.
- Jokanović-Mihajlov 1999: Jokanović-Mihajlov, Jelica. Relewatne prozodijske karakteristike rečeničkih modela i njihova realizacija u govoru. – In: Plankoš, Judita (gl. urednik). *Aktuelni problemi gramatike srpskog jezika*. – Subotica – Beograd: Gradska biblioteka Subotice – Narodna biblioteka Srbije – Institut za srpski jezik SANU. – S. 233–238.
- Jokanović-Mihajlov 2005: Jokanović-Mihajlov, Jelica. Aktuelna prozodijska slika informativnih televizijskih emisija. – In: *Šesti lingvistički skup „Boškovićeve dani“*. – Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti. – S. 281–292.
- Jokanović-Mihajlov 2007: Jokanović-Mihajlov, Jelica. *Akcenat i intonacija govora na radiju i televiziji Beograd*. – Beograd: Društvo za srpski jezik i književnost Srbije. – 279 s.
- Jonke 1956: Jonke, Ljudevit. Akcentuacija na našoj radio-stanici. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 4. – S. 129–133.
- Jonke 1965²: Jonke, Ljudevit. *Književni jezik u teoriji i praksi*. – Zagreb: Znanje. – 471 s.
- Jonke 1971: Jonke, Ljudevit. *Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 390 s.
- Jonke 2005: Jonke, Ljudevit. *O hrvatskome jeziku u Telegramu od 1960. do 1968*. – Zagreb: Pergamena. – 500 s.
- Josipović 1995: Josipović, Vesna. Intonacijski modeli i kontrastivna intonologija. – In: *Suvremena lingvistika*. – Zagreb. – Br. 39. – S. 65–78.
- Jovanović 2004: Jovanović, Miodrag. Ikavska zamjena jata u govorima Crne Gore. – In: *Srpski jezik*. – Beograd. – Br. 1–2. – S. 333–349.
- Jug-Kranjec 1999¹⁰: Jug-Kranjec, Hermina. *Slovenščina za tujce: učbenik za začetne in prve nadaljevalne tečaje slovenskega jezika*. – Ljubljana: Seminar slovenskega jezika, literature in kulture pri Oddelku za slovenske jezike in književnosti Filozofske fakultete. – 326 s.

- Jung 1971⁴: Jung, Walter. *Grammatik der deutschen Sprache*. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut. – 518 S.
- Jurančič 1971: Jurančič, Janko. Formanti pregibnih besed v slovenščini in srbohrvaščini. – In: *VII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. – Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti. – S. 1–16.
- Juzbašić 1973: Juzbašić, Dževad. *Jezičko pitanje u austrougarskoj politici u Bosni i Hercegovini pred prvi svjetski rat*. – Sarajevo: Svjetlost. – 134 s.
- Kabesch 1969: Kabesch, Friedrich. *Langenscheidts praktisches Lehrbuch Tschechisch*. – Berlin – München, Zürich: Langenscheidt. – 160 S.
- Kačić 1995: Kačić, Miro. *Hrvatski i srpski: zablude i krivotvorine*. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta. – 155 s.
- Kalenić 1976: Kalenić, Vatroslav. Fonetska kontrastivnost između slovenačkoga i srpskohrvatskoga jezika. – In: *XXVI. seminar za strane slaviste*. – Sarajevo: Filozofski fakultet. – S. 5–15.
- Kalnyn' 1961: Кальнынь, Л. Э. *Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках*. – Москва: Издательство Академии наук СССР. – 136 с.
- Karadža 1991: Karadža, Mevlida. Конституционные аспекты языковой проблематики в Югославии. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараево, Институт языка в Сараево. – С. 311–324.
- Karadžić 1814: Karadžić, Vuk Stefanović. *Pismenica serbskoga jezika*. – Vienna: Pečatnja G. Ioanna Šnirera. – 106 s.
- Karanfilovski 1999: Karanfilovski, Maksim. Das Makedonische. – In: *Handbuch der Südosteuropa-Linguistik*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 239–260.
- Karaulov 1997²: Караулов, Ю. Н. (гл. редактор). *Русский язык. Энциклопедия*. Москва: Дрофа. – 703 с.
- Karlík/Nekuda/Rusínová 1995: Karlík, Petr; Nekuda, Marek; Rusínová, Zdenka (Editori). *Příruční mluvnice češtiny*. – Brno: Nakladatelství Lidové noviny. – 800 s.
- Kärlova 1997: Кърлова, Радка. *Фонетика и Фонология*. – Благоевград: Радка Кърлова (издат.). – 336 с.
- Karolak/Wasilewska 1977: Karolak, Stanisław. *Учебник польского языка*. – Warszawa: Wiedza powszechna. – 568 с.
- Karolak/Wasilewska 1977: Karolak, Stanisław; Wasilewska, Danuta. *Учебник польского языка*. – Warszawa: Wiedza powszechna. – 568 s.

- Karpenko 1996: Карпенко, Ю. А. *Фонетика і фонологія сучасної української літературної мови*. – Одеса: Чорномор'я. – 144 с.
- Kasatkin 2007: Kasatkin, Leonid. Język rosyjski. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 331–366.
- Kašić 2002: Kašić, Bartol. *Osnove ilirskoga jezika u dvije knjige*. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 445 s.
- Katičić 1999: Katičić, Radoslav. Das Kroatische. – In: Hinrich, Uwe (Hrsg.). *Handbuch der Südeuropa-Linguistik*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 383–412.
- Kepeski 1983: Кепески, Круме. *Грамаџика на македонскиот литературен јазик*. – Скопје: Просветно дело. – 193 с.
- Kiklevič/Kožinova 2001²: Киклевич, А. К.; Кожинава, А. А. *Польский язык*. – Минск: ТетраСистемс. – 320 с.
- Kirov 1997: Киров, Е. Ф. *Фонология языка*. – Ульяновск: СВНЦ. – 451 с.
- Klaić/Miler 1910: Klaić, Franz; Miler, Ferd. *Praktischer Lehrgang der Kroatisch-Serb. Sprache*. – Agram: Druck und Verlag von L. Hartman's Buchhandlung. – 220 s.
- Klajn 2005: Klajn, Ivan. *Gramatika srpskog jezika*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 263 s.
- Klikovac 2002: Klikovac, Duška. *Gramatika srpskog jezika za osnovnu školu*. – Beograd: Srpska školska knjiga. – 224 s.
- Kodzakov/Krivnova 2001: Кодзасов, С. В.; Кривнова, О. Ф. *Общая фонетика*. – Москва: Гос. гуманитар. ун-т. – 592 с.
- Kohls 1995: Kohls, Siegfried. *Russische Grammatik*. – Leipzig – Berlin, München – Wien – Zürich – New York: Langenscheidt. – 196 S.
- Kolesov 1972: Колесов, В. В. *История русского ударения*. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета. – 256 с.
- Kolesov 1973: Колесов, В. В. Проблемы синхронии и диахронии в исследовании сербскохорватской акцентуации. – In: *Вестник ЛГУ*. – Ленинград. – № 2. – С. 162–164.
- Koneski 1981: Конески, Блаже. *Грамаџика на македонскиот литературен јазик*. – Скопје: Култура. – 552 с.
- Kordić 2003a: Kordić, Snježana. Demagogija umjesto znanosti (odgovor D. Brozoviću). – In: *Književna republika*. – Zagreb. – Br. 7–8. – S. 176–202.
- Kordić 2003b: Kordić, Snježana. Jezik i nacionalizam (recenzija knjige R. Bugarskog, Nova lica jezika). – In: *Književna republika*. – Zagreb. – Br. 9–10. – S. 224–228.

- Kordić 2003c: Kordić, Snježana. Pogled unazad, pogled unaprijed (odgovor S. Damjanoviću i M. Grčeviću). – In: *Književna republika*. – Zagreb. – Br. 1/1–2. – S. 150–178.
- Kordić 2004a: Kordić, Snježana. Autizam hrvatske filologije (odgovor I. Pranjkoviću). In: *Književna republika*. Zagreb. Br. 7–8. – S. 254–280.
- Kordić 2004b: Kordić, Snježana. Lice purizma (odgovor Stjepanu Babiću). – In: *Književna republika*. – Zagreb. – Br. 5–6. – S. 217–226.
- Kořenský 1998: Kořenský, Jan (redaktor naukowy). *Český jazyk*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 216 s.
- Korytowska/Sawicka 2007: Korytowska, Anna; Sawicka, Irena. Bałkańskie odstępstwa od słowiańskiego sandhi. – In: *Sawicka, Irena (redaktor naukowy). Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 183–190.
- Koschat 1978: Koschat, Helene. *Die čakavishe Mundart von Baumgarten im Burgerland*. – Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – 298 S.
- Koseska-Toszewa/Sawicka 1987: Koseska-Toszewa, V.; Sawicka, I. Konfrontativna gramatika srpskohrvatskog i poljskog jezika (Metodološki aspekt). – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. 43. – S. 215–227.
- Košutić 1969: Košutić, Radovan. *Gramatika ruskog jezika – I: Glasovi*. – Beograd: Zavod za izdavanje udžbenika SRS. – 231 s.
- Kotova 1977: Котова, Н. В. Болгарский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 216–258.
- Kovačec 1991: Ковачец, Аугуст. Употребление языков этнических групп в Югославии. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 191–210.
- Kovalev 2006: Ковалев, Ю. В. *Интонация публичной политической речи: Прагматический аспект*. – Москва: Изд-во Российского ун-та дружбы народов. – 202 с.
- Kovaljov 2000: Ковалев, Н. С. *Современный сербский язык*. – Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. – 79 с.
- Kretschmer 2002: Kretschmer, Anna. Slawenoserbisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 473–476.
- Krivickij/Mihnevič/Podlužnyj 2008: Кривицкий, А. А.; Михневич, А. Е.; Подлужный, А. И. *Белорусский язык: Для говорящих по-русски*. – Минск: Вышэйшая школа. – 383 с.

- Krivickij/Podlužnyj 1994: Кривицкий, А. А.; Подлужный, А. И. *Учебник белорусского языка для самообразования*. – Минск: Вышэйшая школа. – 349 с.
- Krmpotić 2001: Krmpotić, Marijan. *Hrvatski jezični priručnik*. – Kloštar Ivanić: Agapa. – 454 s.
- Krotovskaja/Goldberg 1970: Кротовская, Я. А.; Гольдберг, Б. Н. *Учебник польского языка для университетов и педвузов*. – Москва: Высшая школа. – 448 с.
- Kubeš 1996: Kubeš, Branka. *Češki: Praktični priručnik u svakoј prilici za svakoga*. – Prag. – 71 s.
- Kuljbakin 1909: Кульбакин, С. М. *Краткая фонетика и морфология сербского языка*. – Харьков: Типография С. Иванченко. – 51 с. [Рукопись]
- Kuljbakin 1915: Кульбакин, С. М. *Сербский языкъ: I. Фонетика и морфология сербского языка*. – Харьков: Типография и литография М. Зильбербергъ и с-въ. – 103 с.
- Kuljbakin 1917²: Кульбакин, С. М. *Сербский языкъ: Фонетика и морфология сербского языка*. – Полтава: Электрич. Типо-литография И. Л. Фришберга. – 99 с.
- Kuljbakin 2010³: Кульбакин, С. М. *Древнецерковнославянский язык: Фонетика*. – Москва: КомКнига. – 136 с.
- Kunzmann-Müller 2000: Kunzmann-Müller, Barbara. Sprachliche Wende und Sprachwandel im Kroatischen/Serbischen. – In: Kunzmann-Müller Barbara (Hrsg.). *Die Sprachen Südosteuropas heute*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 42–65.
- Kunzmann-Müller 2003: Kunzmann-Müller, Barbara. Novi standardni jezici u jugoistočnoј Europi i jezična tipologija. – In: Neweklowsky, Gerhard (Hg.). *Bosanski – hrvatski – srpski, Bosnisch – Kroatisch – Serbisch*. Wien: Wiener slawischer Almanach. – S. 135–145. [Sonderband 57]
- Kuznesov 1948: Кузнецов, П. С. О фонологической системе сербохорватского языка. – In: *Известия АН СССР*, Отделение литературы и языка. – Москва. – Т. VII. – С. 125–139.
- Kvačadze 1964: Квачадзе, В. В. Звуковые изменения в сербохорватском языке: Ассимиляция. – In: *Труды Тбилиского пед. ин-та*. – Тбилиси. – Т. 18. – С. 95–104.
- Kvačadze 1967: Квачадзе, В. В. Об ударениях в сербохорватском языке. – In: *Труды Тбилиского пед. ин-та*. – Т. 20. – С. 195–205.
- Laskowski 1979: Laskowski, Roman. *Polnische Grammatik*. – Warszawa: Wiedza Powszechna. – 199 S. [Deutsche Übersetzung Werner Paschek.]
- László 1996: László, Bulcsú. Bilješka o književnome naglasku hrvatskome. – In: *Suvremena lingvistika*. – Zagreb. – God. 22. – Br. 41–42. – S. 333–391.

- Laškova 2001: Лашкова, Лили. *Сърбо-хърватска граматика: сръбски, хърватски, босненски*. – София: Емас. – 359 с.
- Lehfeldt 1999: Lehfeldt, Werner. Zur gegenwärtigen Situation des Bosnischen. – In: *Wiener slavistisches Jahrbuch*. – Wien. – Bd. 45. – S. 83–90.
- Lehfeldt 2010²: Лефельдт, В. *Акцент и ударение в современном русском языке*. – Москва: Языки славянской культуры. – 288 с.
- Lehiste/Ivić 1963: Lehiste, Ilse; Ivić, Pavle. *Accent in Serbocroatian: An Experimental Study*. – Michigan: University of Michigan, Department of Slavic Languages and Literatures. – 142 p.
- Lehiste/Ivić 1996: Lehiste, Ilse; Ivić, Pavle. *Prozodija reči i rečenice u srpsko-hrvatskom jeziku*. – Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 354 s.
- Lehr-Splawiński 1954: Лер-Сплавинский, Тадеуш. *Польский язык*. Перевод с второго польского издания И. Х. Дворецкого. – Москва: Изд-во иностранной лит-ры. – 367 с.
- Lehr-Splawiński/Kuraszkiewicz 1954: Lehr-Splawiński, Tadeusz; Kuraszkiewicz, Władysław; Sławski, Franciszek. *Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe. – 166 s.
- Lekomceva 1968: Лекомцева, М. И. *Типология структур слога в славянских языках*. – Москва: Наука. – 226 с.
- Lekomceva 1977: Лекомцева, М. И. К типологии фонологических систем языков Балканского полуострова и Средиземноморья. – In: *Балканский лингвистический сборник*. – Москва: Наука. – С. 243–274.
- Lekomceva/Segal/Sudnik/Šćur 1963: Лекомцева, М. И.; Сегал, Д. М.; Судник, Т. М.; Щур, С. М. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. – In: *Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)*. – Москва. – С. 423–476.
- Lekov 1960: Леков, Иван. *Насоки в развоја на фонолоичните системи на славянските езици*. – София: Издание на Българската академия на науките. – 115 с.
- Leonova 1988: Леонова, Л. В. *Сербохорватский язык*. – Издательство Университетское, Минск. – 93 с.
- Leskien 1976²: Leskien, August. *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache: Lautlehre, Stammbildung, Formenlehre*. – Heidelberg: Winter. – 588 S.
- Leskien 1985: Leskein, August. *Untersuchungen und Betonung in den slavischen Sprachen: I. Die Quantität im Serbischen*. – Leipzig: S. Hirzel. – 220 S.
- Levicka/Levicki 2001: Левицка, Гражина; Левицки, Роман. *Самоучитель польского языка*. – Киев: Методика. – 256 с.

- Lewandowski 1994⁶: Lewandowski, Theodor. *Linguistisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. – Heidelberg – Wiesbaden: Quelle & Meyer. – 1287 S.
- Lewaszkiewicz 2002: Lewaszkiewicz, Tadeusz. Obersorbisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 343–354.
- Liewehr 1927: Liewehr, Ferdinand. *Zur Chronologie des serbokroatischen Akzentes*. – Prag: Taussig und Taussig. – 48 S.
- Lindner/Potapova 1991: Линднер, Г.; Потапова, Р. К. *Особенности немецкого произношения*. – Москва: Высшая школа. – 319 с.
- Lisac 2003: Lisac, Josip. *Hrvatska dijalektologija 1: Hrvatski dijalekti i govori štokavskog narječja i hrvatski govori torlačkog narječja*. – Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga. – 167 s.
- Lomtev 1956: Ломтев, Т. П. *Грамматика белорусского языка*. – Гос. учебно-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР. – 336 с.
- Lomtev 1972: Ломтев, Т. П. *Фонология современного русского языка: На основе теории множества*. – Москва: Высшая школа. – 224 с.
- Lončarić 1996: Lončarić, Mijo. *Kajkavsko narječje*. – Zagreb: Školska knjiga. – 208 s.
- Lončarić 2002: Lončarić, Mijo. Kajkawisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 257–264.
- Lončarić 2005: Lončarić, Mijo. *Kajkaviana & Alia: Ogleđi o kajkavskim i drugim hrvatskim govorima*. – Zagreb: Zrinjski – Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 555 s.
- Lubaś/Molas 2002: Lubaś, Władisław; Molas, Jerzy. Polnisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 367–390.
- Lukašanec/Prigodžić/Sjameška 1998: Lukašanec, Aljaksandr; Prigodžić, Mikalaj; Sjameška, Lidzija (red. naukowy). *Беларуская мова*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 293 с.
- Lukjanenko 1905: Лукьяненко, А. М. *Кайкавское нарѣчје*. – Киевъ: Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира. – 317 с.
- Lupić 2001: Lupić, Ivan. *Preskriptivna akcentologija i hrvatski standardni jezik*. – In: *Kolo*. – Zagreb. – Br. XI/1. – S. 85–135.
- Madelska 2008: Madelska, Liliana. *Im Griff Praxis-Grammatik Polnisch*. – Poznań: Wydawnictwo LektorKlett. – 306 S.

- Mahnken 1964: Mahnken, I. *Studien zur serbokroatischen Satzmelodie*. Göttingen. – 95 S. [Opera slavica III/2]
- Malberg 1974: Malberg, Bertil. *Fonetika*. – Sarajevo: Svjetlost. – 121 s.
- Małecki 1931: Małecki, Mieczysław. Još o razvoju *ě* > *a* u srpsko-hrvatskom jeziku. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. XI. – S. 217–219.
- Mareš 1994: Мареш, Франтишек Вацлав: *Македонска ѓрамаѓика*. – Скопје: МАНУ. – 86 с.
- Maretić 1899: Maretić, Tomo. *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. – Zagreb: Štampa i naklada Knjižare L. Hartmana (Kugli i Deutsch). – 702 s.
- Maretić 1963: Maretić, Tomo. *Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika*. – Zagreb: Matica hrvatska. – 690 s.
- Marković 1974: Marković, Svetozar. *Fonetika i morfologija savremenog srpskohrvatskog-hrvatskosrpskog jezika sa osnovama istorije i pregledom dijalekata*. – Sarajevo: Studentski servis Univerziteta u Sarajevu. – S. 108–121.
- Marković et al. 2002: Маркович, М.; Ђоканович-Михайлова, Е.; Киршова, М. П.; Зенчук, В. Н. *Сербский язык: Учебник*. – Москва: Международный ун-т бизнеса и управления. – 491 с.
- Marković/Bjelaković 2008: Marković, Maja; Bjelaković, Isidora. Kontrastivna akustička analiza vokalskih sistema srpskog i hrvatskog jezika. – In: Branko Tošović (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 200–216.
- Marojević 1995: Marojević, Radmilo. Ijekavica i srpski jezik. – In: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. – Beograd: MSC. – Knj. 24/1. – S. 25–34.
- Marojević 2000: Marojević, Radmilo. *Srpski jezik danas*. – Beograd: ZIPS – Srpska radikalna stranka. – 416 s.
- Marojević 2001: Marojević, Radmilo. *Novi Rat za srpski jezik i pravopis: lingvistički ogledi iz fonologije i ortografije*. – Beograd – Banja Luka – Podgorica: Trebnik – Media centar Prelom – Unireks. – 242 s.
- Martine 2006²: Мартине, Андре. *Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии*. Под ред. В. А. Зализняка. Пер. с франц. – Москва: КомКнига. – 264 с.
- Martinović 2004: Martinović, Blaženka. Naglasne dvostrukosti imenica. – In: *Riječki filološki dani*. – Rijeka. – Br. 5. – S. 319–326.
- Martinović 2006: Martinović, Blaženka. Odmaci od preskriptivne naglasne norme u hrvatskome standardnom jeziku. – In: *Riječki filološki dani*. – Rijeka. – Br. 6. – S. 247–257.

- Martinović 2007: Martinović, Blaženka. *O naglašavanju dvaju južnoslavenskih standardnih jezika*. – 17 s. [Рукопись]
- Martinović 2008: Martinović, Blaženka. *Naglasna kolebanja imenica u hrvatskome standardnom jeziku*. – Zagreb: Filozofski fakultet. – 567 s. [Докторская диссертация]
- Maslov 1981: Маслов, Ю. С. *Грамматика болгарского языка*. – Москва: Высшая школа. – 407 с.
- Maslov 1982: Маслов, Ю. С. *Грамматика на българския език*. – София: Наука и изкуство. – 401 с.
- Matešić 1970: Matešić, Josip. *Der Wortakzent in der serbokroatischen Schriftsprache*. – Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. – 345 S.
- Matulina 1997²: Matulina, Željka. *Grundlagen der germanistischen Linguistik*. – Zadar: Zadarska tiskara. – 162 S.
- Mazedonisch-www: Mazedonisch. – In: <http://www.sprachensteckbriefe.at/index.php?id=124>. Состояние 15. 6. 2009.
- Mečkovskaja 1981: Мечковская, Н. Б. *Словенский язык*. – Минск: Университетское. – 119 с.
- Medić 1974¹¹: Medić, Ivo. *Kleine deutsche Grammatik*. – Zagreb: Školska knjiga. – 250 S.
- Melichar/Styblík 1967: Melichar, Jiří; Styblík, Vlastimil. *Český jazyk*. – Praha: Státní pedagogické nakladatelství. – 268 s.
- Menac-Mihalić 1993: Menac-Mihalić, Mira. Naglasak imperativa u čakavskom narječju. – In: *Fluminensia*. – Rijeka. – Br. V/1–2. – S. 125–137.
- Menac-Mihalić 1995: Menac-Mihalić, Mira. Naglasak glagolskog pridjeva radnog u čakavskom narječju. – In: *Filologija*. – Zagreb. – Br. 24/25. – S. 247–251.
- Metzler Lexikon Sprache 2000²: *Metzler Lexikon Sprache* / Herausgegeben von Helmut Glück. – Stuttgart – Weimar: Verlag J. B. Metzler. – 817 S.
- Miatluk/Sawicka 2007: Miatluk, Anna; Sawicka, Irena. Język białoruski. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 401–426.
- Mićanović 2006: Mićanović, Krešimir. *Hrvatski s naglaskom: standard i jezični varijeteti*. – Zagreb: Disput. – 175 s.
- Midžić 2008: Midžić, Maja. Fonetske razlike u bosanskoj, hrvatskoj i srpskoj verziji Dejtonskog sporazuma. – In: Branko Tošović (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 217–226.
- Mihailović 1973: Mihailović, Ljubomir. Dužina srpskohrvatskih reči izražena brojem slogova. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Br. XXX/1–2. – S. 445–453.

- Mihalk 1989: Михалк, Ф. Стабильность и вариантность серболужицкого языка: Вводные замечания. – In: *Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов*. – Москва: Наука. – С. 36–49.
- Mihaljević 1991: Mihaljević, Milan. *Generativna i leksička fonologija*. – Zagreb: Školska knjiga. – 135 s.
- Mihaljević 2002: Mihaljević, Milan. *Slavenska poredbena gramatika. 1. dio: Uvod i fonologija*. – Zagreb: Školska knjiga. – 242 s.
- Mihaljević/Štebih 2008: Mihaljević, Milica; Štebih, Barbara. Usporedba hrvatskoga i srpskoga fonološkog nazivlja. – In: Branko Tošović (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 227–246.
- Miklosich 1878: Miklosich, Franz. *Altslovenische Lautlehre*. – Wien: Wilhelm Braumüller. – 310 S.
- Miklošič 1879²: Miklosich, Franz. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: Lautlehre*. – Wien: Braumüller. – 598 S.
- Milanović 1950: Milanović, B. *Mrazovi : mrazevi; nosovi : nosevi i sl.* – In: *Naš jezik*. Nova serija. – Knj. I. – S. 43– 53. [Replik auf: Vuković 1950].
- Miletić 1933: Miletić, Branko. *Izgovor srpskohrvatskih glasova (eksperimentalno-fonetska studija)*. – Beograd: Štamparija Slovo. – 165 s.
- Miletić 1940: Miletić, Branko. *Crmnčki govor*. – Beograd: Srpska kraljevska akademija. – 665 s. [Srpski dijalektološki zbornik. Knj. IX]
- Miletić 1960: Miletić, Branko. *Osnovi fonetike srpskog jezika*. – Beograd: Naučna knjiga. – 112 s.
- Milosavljević 2002: Milosavljević, Petar. *Srbi i njihov jezik: hrestomatija*. – Beograd: Čigoja štampa. – 555 s.
- Minova-Ćurkova 1998: Minova-Ćurkova, Liljana (redaktor naukowy). *Македонски јазик*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut filologii Polskiej. – 297 s.
- Mladenović 1992: Младенович, А. Русскославянский язык у сербов в первой половине XIX века. – In: *Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия*. – Москва: ИСБ. – Ч. 2. – С. 60–69.
- Mluvnice češtiny 1986/1: Jan, Petr (vědecký redaktor). *Mluvnice češtiny I: Fonetika. Fonologie. Morfonologie. Morfemika. Tvoření slov*. – Praha: Academia. – 566 s.
- Moguš 1971: Moguš, Milan. *Fonološki razvoj hrvatskoga jezika*. – Novi Sad: Matica srpska. – 101 s.
- Moguš 1995²: Moguš, Milan. *Povijest hrvatskoga književnoga jezika*. – Zagreb: Globus. – 234 s.

- Moguš 2001: Moguš, Milan. *Geschichte der kroatischen Literatursprache*. – Zagreb: Nakladni Zavod Globus. – 302 S. [Übers. von Nicole Emmenrich. Unter Mitarb. von Mario Grčević. Biblioteka Posebna izdanja]
- Moldovan 2005: Молдован, А. А. (гл. ред.). *Языки мира: Славянские языки*. – Москва: Academia. – 641 с.
- Moskovljević 1983: Moskovljević, Miloš. Ikavski govor u Srbiji. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. XXVI. – S. 471–509.
- Mrazović/Vukadinović 1990: Mrazović, Pavica; Vukadinović, Zora. *Gramatika srpskohrvatskog jezika za strance*. – Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića. – 743 s.
- Mucke 1891: Mucke, Karl Ernst. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niderlausitzisch-wendischen) Sprache*. – Leipzig: Bei S. Hirzel. – 617 S.
- Muhr/Sellner 2006: Muhr, Rudolf; Sellner, Manfred B. *Zehn Jahre Forschung zum Österreichischen Deutsch: 1995–2005. Eine Bilanz*. – Frankfurt am Main etc.: Peter Lang. – 293 S.
- Mulić 1974: Mulić, Malik I. *Osnove ruske akcentologije. Dio 1: Akcenat riječi sa deklinacijom*. – Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu. – 279 s.
- Mulić 1978: Mulić, Malik I. *Osnove ruske akcentologije: za studente slavistike. Dio II: Akcenat glagolskih oblika*. – Sarajevo: Univerzitet. – 206 s.
- Mulić 1988: Mulić, Malik. *Историческая фонетика русского языка* (Predavanja). – Sarajevo: Svjetlost, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 88 s. [Istorijska fonetika ruskog jezika].
- Muljačić 1972: Muljačić, Žarko. *Opća fonologija i fonologija suvremenoga talijanskog jezika*. – Zagreb: Sveučilište u Zagrebu. – 320 s.
- Nahtigal 2009²: Нахтигал, Р. *Славянские языки*. Пер. со словен. Елкина Н. Москва: РФК – Имидж Лаб. – 345 с.
- Nehring 1990: Nehring, Gerd-Dieter. Kontinuität und Neurertum Dositej Obradović bei der Herausbildung der nationalen serbischen Literatursprache. – In: *Berliner Jugoslawistik – Konferenz*. – Berlin. – Unter Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – 12 S.
- Nehring 2002: Nehring, Gerd-Dieter. Čakavisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – S. 247–251.
- Neusius 2002: Neusius, Boris. Die Sprachfrage in Bosnien und Herzegowina. – In: *Südosteuropa*. – München. – 51. Jg. – Nr. 4–6. – S. 217–227.
- Neweklowsky 1995–1998: Neweklowsky, Gerhard. *Dositej Obradović – Leben und Abenteuer*. Teil 1–2. – Wien: Verlag der Österreichischer Akademie der Wissenschaften. – S. – Teil 1 (1995): 1047 S. – Teil 2 (1998). – 1141 S.

- Neweklowsky 2002: Neweklowsky, Gerhard. Serbisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 443–460.
- Newerkla 2006: Newerkla, Stefan Michael. Auf den Spuren des ř in den slawischen Sprachen und Rund um den Globus. – In: *Etnoslavica. Festschrift für Gerhard Neweklowsky zum 65. Geburtstag* (Hg. Johannes Reinhart, Tilmann Reuther). – Wien: Wiener slawischer Almanach. – S. 201–217. [Sonderband 65]
- Nikčević 1997: Nikčević, Vojislav. *Pravopis crnogorskog jezika*. – Cetinje: Crnogorski Pen Centar. – 468 s.
- Nikčević 2001: Nikčević, Vojislav. *Gramatika crnogorskog jezika*. – Podgorica: Dukljanska akademija nauka i umjetnosti. – 585 s.
- Nikolaeva 1982: Николаева, Т. М. *Семантика акцентного выделения*. – Москва: Наука. – 104 с.
- Nikolaeva 1996: Николаева, Т. М. *Просодия Балкан: Слово – высказывание – текст*. – Москва: Индрик. – 350 с.
- Nolan 1999³: Nolan, John. *Slowakisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 160 S. [Kauderwelsch, Bd. 81]
- Nork/Adamova 1976: Норк, О. А.; Адамова, Н. Ф. *Фонетика современного немецкого языка: Нормативный курс*. – Москва: Высшая школа. – 212 с.
- Nossok 2007: Nossok, Swetlana. Ausspracheprobleme weißrussischer Deutschlernender und Schritte zur korrekten Aussprache. – In: *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht*: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-12-2/docs/Nossok.pdf>. 1. Mai 2007. Состояние 23. 6. 2009.
- Novaković 1873: Novaković, Stojan. *Fiziologija glasa i glasovi srpskoga jezika*. – Beograd: Državna štamparija. – 108 s.
- Novaković 1894: Novaković, Stojan. *Srpska gramatika*. – Beograd; Državna štamparija. – 512 s.
- Novi-Sader Abkommen-www: Das Abkommen von Novi Sad. http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/2.Slawistikarium/BKS/Herausbildung_Kroatisch.pdf. Состояние 18. 9. 2007.
- Okuka 1975: Okuka, Miloš. *Sava Mrkalj als Reformator der serbischen Kyrilliza*. Mit einem Nachdruck des Salo debeloga jera libo Azbukoprotres. – München: Verlag Otto Sagner. – 123 S. [Slavistische Beiträge. Bd. 91]
- Okuka 1991: Okuka, Miloš. Теоретические подходы к сербохорватскому языку. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского язы-

- ка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 345–358.
- Okuka 1998: Okuka; Miloš. *Eine Sprache – viele Erben: Sprachpolitik als Nationalisierungsinstrument in Ex-Jugoslawien*. – Klagenfurt/Celovec, Wien – Ljubljana – Sarajevo: Wieser Verlag. – 163 S.
- Okuka 2008: Okuka, Miloš. Fonetsko-fonološke razlike između srpskog, hrvatskog i bosanskog (bošnjačkog) i njihovo normativno sankcionisanje. – In: Branko Tošović (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 247–265.
- Ordish 2001⁶: Ordish, Bob. *Polnisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 176 S. [Kauderwelsch, Bd. 35]
- Oršolić 1991: Oršolić, Marko. Язык и религия. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 371–380.
- Ostojić 1999: Ostojić, Branislav. *Kratka pregledna gramatika srpskog jezika: Priručnik za škole*. – Zemun: Nijansa. – 193 s.
- Palková 1997: Palková, Zdena. *Fonetika a fonologie češtiny*. – Praha: Univerzita Karlova. – 366 s.
- Palková 2007: Palkova, Zdena. Język czeski. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 461–478.
- Panov 1967: Панов, М. В. *Русская фонетика*. – Москва: Просвещение. – 438 с.
- Panzer 1996: Panzer, Baldur. Das Kroatische und das Serbische. – In: Panzer, Baldur. *Die slavischen Sprachen in Gegenwart und Geschichte*. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien: Peter Lang. – S. 134–148.
- Partaš 1850/2002: Partaš, Josip. *Pravopis jezika ilirskoga*. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 73 s. [Фототипическое издание 2002]
- Pašov 1999: Пашов, Петър. *Българска граматика*. – София: Хермес. – 455 с.
- Pašov/Pärvev/Radeva 1986: Пашов, Петр; Пырвев, Христо; Радева, Василка. *Болгарский язык: Учебник для иностранцев*. – София: Наука и искусство. – 493 с.
- Pauliny 1997: Pauliny, Eugen. *Krátká gramatika slovenská*. – Bratislava: Národné literárne centrum. – 215 s.
- Paunović 2003: Paunović, Tatjana. *Fonetika i/ili fonologija: kritički prikaz fonoloških teorija XX veka*. – Niš: Filozofski fakultet – Prosveta. – 218 s.

- Pavičić 1953: Pavičić, Stjepan. Podrijetlo hrvatskih i srpskih naselja i govora u Slavoniji. – In: *Rad JAZU*. – Zagreb. – 356 s.
- Pavičić 1982: Pavičić, Josip. *Novogovor: Sociolingvistički ogledi iz svakodnevnog života jezika*. – Zagreb: Stvarnost. – 242 s.
- Peco 1970: Peco, Asim. *Zvončići zvone*. Akcenatska čitanka za V, VI, VII i VIII razred. – Beograd: Naučna knjiga. – 199 s.
- Peco 1971: Peco, Asim. *Osnovi akcentologije srpskohrvatskog jezika*. – Beograd: Naučna knjiga. – 180 s.
- Peco 1980²: Peco, Asim. *Pregled srpskohrvatskih dijalekata*. – Beograd: Naučna knjiga. – 202 s.
- Peco 1982: Peco, Asim. Priroda afrikata srpskohrvatskog jezika. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. XXV. – S. 61–180.
- Peco 1989²: Peco, Asim. *Akcenatska čitanka*. Beograd: Naučna knjiga. – 269 s.
- Peco 1991: Peco, Asim. *Akcenti i dužine u srpskohrvatskom jeziku*. – Beograd: Naučna knjiga. – 144 s.
- Peco 2000: Peco, Asim. Nekoliko potvrda za promjenu sonanta **-lj** u vokal **-o**. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Br. LVI/3–4. – S. 823–827.
- Peco 2002: Peco, Asim. Za reformu naše standardne akcentuacije. – In: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. – Beograd. – Knj. 30/1. – S. 69–72.
- Peco/Stanojčić 1972: Peco, Asim; Stanojčić, Živojin (redaktori i urednici). *Srpskohrvatski jezik: Enciklopedijski leksikon* – Beograd: Interpres. – 604 s.
- Pešević 1996: Pešević, Sl. Ijekavica u izgnanstvu. – In: *Novosti*. – Beograd: 15. avgust. – S. 18.
- Pešikan 1991: Pešikan, Mitar. Akcenat i druga pitanja pravilnog izgovora. – In: Ivić, Pavle; Klajn, Ivan; Pešikan, Mitar, Brborić, Branislav. *Jezički priručnik*. – Beograd: Radio-Televizija Beograd. – S. 39–66.
- Peti 1994: Peti, Mirko. Nerazlikovnost razlika. – In: *Rasprave Zavoda za hrvatski jezik*. – Zagreb: Zavod za hrvatski jezik Hrvatskog filološkog instituta. – S. 245–272.
- Petričević 1996: Petričević, M. Odricanje od bogatstva. – In: *Novosti*. – Beograd: 17. avgust. – S. 28.
- Petrović 1970: Petrović, Dragoljub. Prilog karakterizaciji razlika između ekavskog u ijekavskog tipa srpskohrvatskog književnog jezika. – In: *Zbornik za filologiju i lingvistiku*. – Novi Sad. – XIII/1. – S. 71–76.
- Petrović 1996: Petrović, Dragoljub. Fonetika. – In: Radovanović, Milorad (ur.). *Srpski jezik na kraju veka*. – Beograd – Kraljevo: Institut za srpski jezik SANU – Slovo. – S. 88–98.
- Petrović 1999: Petrović, Dragoljub. Dve srpske prozodijske norme? – In: *Aktuelni problemi gramatike srpskog jezika*. Subotica – Beograd: Gradska

- biblioteka – Narodna biblioteka Srbije – Institut za srpski jezik SANU. – S. 227–231.
- Petrović 2007: Petrović, Tanja. Die Entwicklung der serbischen Literatursprache. – In: *Ländersonderband Serbien und Montenegro*. – Wien: LitVerlag. – S. 393–411. [Österreichische Osthefte, Jg. 47, hrsg. von Walter Lukan, Ljubinka Trgovčević, Dragan Vuketić]
- Piškorec-www: Piškorec, Velimir. Kroatisch und Serbisch zwischen Verständnis und Missverständnis – Eine Dokumentation. – In: http://www.inst.at/trans/15Nr/06_1/piskorec15.htm. Состояние 28. 3. 2008.
- Plotnikova 1977: Плотникова, О. С. Словенский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 289–332.
- Plotnikova 1990: Плотникова, О. С. *Словенский язык*. – Москва: Изд-во Московского университета. – 198 с.
- Plotnikova 2003: Плотникова, А. А. Актуальные вопросы изучения современного состояния языка в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии и Черногории. – In: *Славяноведение*. – Москва. – № 3. – С. 101–108.
- Plušč 2001: Плющ, М. Я. (за редакцією). *Сучасна українська літературна мова*. – Київ: Вища школа. – 430 с.
- Podlužnyj 1980: Подлужный, А. И. *Фонетическая система белорусского языка*. АДД. – Минск: Институт языкознания им. Якуба Купалы. – 42 с.
- Pohl 1996: Pohl, Heinz Dieter. Serbokroatisch – Rückblick und Ausblick. – In: I. Ohnheiser (Hrsg.). *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. – Innsbruck: Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck. – S. 205–219.
- Pollok 1964: Pollok, K.-H. *Der neuštokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. – 183 S. [Opera Slavica III/1]
- Polnisch 1996: *Polyglott-Sprachführer Polnisch*. – München: Polyglott-Verlag. – 96 S. [Bearbeitung Anna Reißig]
- Polnisch1-www: Polnisch. – In: <http://www.etymos.de/sprachen/polnisch/index.htm>. Состояние 25. 6. 2009.
- Polnisch2-www: Polnisch. – In: <http://www.peter-hug.ch/lexikon/Polnische+Sprache>. Состояние 3. 5. 2009.
- Poljanec 1931: Poljanec, Franjo. *Istorija srpskohrvatskog književnog jezika s pregledom naših dijalekata i istorijskom čitankom za više razrede srednjih škola*. – Beograd: Narodna prosveta. – 293 s.
- Pompino-Marschall 1995: Pompino-Marschall, Bernd. *Einführung in die Phonetik*. – Berlin – New York: Walter de Gruyter. – 311 S.

- Poposka-www: Popovska, Elena. Makedonisch. – In: <http://www.sprachensteckbriefe.at/fileadmin/sprachensteck-briefe/pdf/Makedonisch.pdf>. Состояние 30. 6. 2009 [Sprachensteckbrief]
- Popova 1986: Попова, Т. П. *Сербохорватский язык*. – Москва: Высшая школа. – 271 с.
- Popović 1960: Popović, Ivan. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz. – XX. – 687 S.
- Postovalova 2006: Постовалова, В. И. *Фонология*. – Москва: URSS. – 128 с.
- Posvjanskaja 1977: Посвянская, А. С. Польский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 19–64.
- Potapova/Lindner 1991: Потапова, Р. К.; Линднер, Г. *Особенности немецкого произношения*. – Москва: Высшая школа. – 319 с.
- Potebnja 1973: Потебня, А. А. *Ударение*. – Киев: Наукова думка. – 172 с.
- Požgaj-Hadži 2002: Požgaj-Hadži, Vesna. *Hrvaščina in slovenščina v stiku = Hrvatski i slovenski u kontaktu*. – Ljubljana: Znanstveni inštitut Filozofske fakultete. – 130 s.
- Praat-www: Praat. – In: <http://www.fon.hum.uva.nl/praat>. Состояние 14. 6. 2009.
- Pranjković 2001: Pranjković, Ivo. Za demokratizaciju hrvatske ortoepske norme. – In: *Jezik i demokratizacija. Posebna izdanja Instituta za jezik u Sarajevu*. – Sarajevo. – Nr. 12. – S. 299–307.
- Pranjković 2008: Pranjković, Ivo. Je li dugi refleks jata fonem ili morfonem. – In: Pranjković, Ivo. *Sučeljavanja*. Zagreb: Disput. – S. 14–20.
- Pravopis 1960a: *Pravopis srpskohrvatskoga književnog jezika: Sa pravopisnim rečnikom*. – Novi Sad – Zagreb: Matica srpska – Matica hrvatska. – 831 s.
- Pravopis 1960b: *Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika*. – Zagreb – Novi Sad: Matica hrvatska – Matica srpska. – 885 s.
- Predavanja iz istorije jezika 2004: *Predavanja iz istorije jezika* / Redakcija: Ljiljana Subotić, Vera Vasić, Slobodan Pavlović. – Novi Sad: Filozofski fakultet, Odsek za srpski jezik i lingvistiku. – 189 s.
- Predlog za razmišljanje 1967: Predlog za razmišljanje Društva književnika Srbije. – In: http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/2.Slawistikarium/BKS/Predlog_za_razmisljanje.doc. Состояние 14. 7. 2009.
- Protuđer 2004⁴: Protuđer, Ilija. *Pravilno govorim hrvatski. 3: Praktični jezični savjetnik*. – Split: Naklada Protuđer. – 270 s.
- Pruszak/Tošović 1992: Spagińska-Pruszak, Agnieszka; Tošović, Branko. *Srpskorhvatki jezik. Kurs serbsko-chorwackiego z gramatyką i wyborem tekstów*. – Gdańsk: Uniwersytet Gdański. – 196 s.

- Punišić/Sawicka 2007: Punišić, Silvana; Sawicka, Irena. Język serbski. – In: *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 557–576.
- Putanec 1962–1963: Putanec, Valentin. Neki noviji hiperjekavizmi. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. X. – S. 75–78.
- Radeva 2003: Radeva, Vassilka (Hg.). *Bulgarische Grammatik: Morphologisch-syntaktische Grundzüge*. – Hamburg: Helmut Buske Verlag. – 362 S.
- Raevskij 1997: Раевский, М. В. *Фонетика немецкого языка*. – Москва: Изд-во МГУ. – 312 с.
- Raguž 1997: Raguž, Dragutin. *Praktična hrvatska gramatika*. – Zagreb: Medicinska naklada. – 466 s.
- Rakić 1972: Rakić, Stanimir. Imenički sufiksi i akcenat. – In: *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*. – Br. 35/1. – S. 141–159.
- Rakić 1984–1985: Rakić, Stanimir. Pridevski sufiksi i akcenat. – In: *Književni jezik*. – Sarajevo. – Br. 1. – S. 121–128.
- Rakić 1990: Rakić, Stanimir. *Pridevski sufiksi i akcenat*. – Sarajevo: Institut za jezik i književnost. – 260 s. [Монография]
- Rehder 1986: Rehder, Peter. Das Makedonische. – In Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 33–45.
- Rehder 2002: Rehder, Sigrid. Serbokroatisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 461–471.
- Remetić 1981: Remetić, Slobodan. O nezamenjenom jatu i ikavizmima u govorima severozapadne Srbije. – In: *Srpski dijalektološki zbornik*. – Beograd. – Knj. XXVII. – S. 7–105.
- Remetić 1982: Remetić, Slobodan. O još jednom nezapaženom ekavskojekavskom bosanskom govoru. – In: *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. – Beograd: MSC. – Knj. 11/2. – S. 181–186.
- Ressel 2000: Ressel, Gerhard. Zur sprachlichen Situation im alten und neuen Jugoslawien. – In: Panzer, Baldur (Hg.). *Die sprachliche Situation in der Slavia zehn Jahre nach der Wende*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. – S. 225–241.
- Rešetar 1891: Rešetar, Milan. Zur Aussprache und Schreibung des Ъ im Serbokroatischen. – In: *Archiv für slavische Philologie*. – Berlin. – Bd. 13. – S. 591–597.
- Rešetar 1900: Rešetar, Milan. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. – In: *Schriften der Balkankommission*, Linguistische Abtei-

- lung I. – Wien: Kaiserische Akademie der Wissenschaften. – Bd. 1/1. – 218 S.
- Rešetar 1911: Rešetar, Milan. *Die serbokroatische Kolonien Südtaliens*. – Wien: Alfred Hölder. – 402 S. [Schriften der Balkankommission, Linguistische Abteilung I: Südslawische Dialektstudien, Heft V]
- Rešetar 1922: Rešetar, Milan. *Elementar-Grammatik der Kroatischen (Serbischen) Sprache*. – Zagreb: Mirko Breyer's Verlagsbuchhandlung. – 128 S.
- Ribarova 1991: Ribarova, Zdenka. *Pregled češke gramatike s vježbama*. – Zagreb: Filozofski fakultet. – 200 s.
- Riđanović 2003²: Riđanović, Midhat. *Totalni promašaj: Prikaz Gramatike bosanskog jezika Dž. Jahića, S. Halilovića, I. Palića*. – Sarajevo: Šahinpašić. – 179 s.
- Rosandić/Rosandić 1996: Rosandić, Dragutin; Rosandić, Irena. *Hrvatski jezik u srednjoškolskoj nastavi 1: Fonetika i gramatika*. – Zagreb: Školske novine. – 490 s.
- Row 2002: Row, Anneliese. Slowakisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 477–494.
- Rudnyčkyj 1964⁴: Rudnyčkyj, Jaroslav B. *Lehrbuch der ukrainischen Sprache*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz. – 203 S.
- Rusakov 2007: Русаков, А. Ю. Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия. – In: *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола*. – Москва, – С. 77–89.
- Sabol 2007: Sabol, Ján. Język słowacki. – In: *Sawicka, Irena (redaktor naukowy). Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 479–504.
- Samardžija 1999: Samardžija, Marko. Norme i najnovije promjene u hrvatskom jeziku. – In: *Zaprešićki godišnjak*. – Zaprešić: Matica hrvatske Zaprešić. – S. 327–340.
- Samardžija 2004²: Samardžija, Marko. *Iz triju stoljeća hrvatskoga standardnog jezika*. – Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada. – 250 s.
- Santen 1972: Santen, Я. О фонетической и фонологической природе ударения в сербскохорватском языке. – In: *Советское славяноведение*. – Москва. – № 4. – С. 100–1005.
- Sawicka 1974: Savicka, Irena. Korelacija mekoće u poljskom književnom jeziku. – In: *Zbornik za filologiju i lingvistiku*. – Novi Sad. – Knj. XVII/2. – S. 31–36.
- Sawicka 1981: Savicka, Irena, Kontrastivna fonologija srpskohrvatskog i poljskog jezika. – In: *Zbornik Matice srpske za fonologiju i lingvistiku*. –

- Novi Sad, XXIV/2 (a). – S. 7–55; (b), XXV/1. – S. 6–66; (c), XXVI/1 (d). – S. 67–68.
- Sawicka 1984: Sawicka, Irena. Fonem [v] w językach słowiańskich. – In: *Македонски јазик*. – Скопје. – Г. 35. – S. 205–213.
- Sawicka 1985: Sawicka, Irena. Syllabic structure in Slavic languages. – In: *Rocznik slawistyczny*. – Wrocław etc. – T. 45, cz. 1. – P. 3–9.
- Sawicka 1986: Sawicka, Irena. Macedoński – bułgarski: przykład dywergencji fonetycznej. – In: *Прилози*. – Скопје: Макед. акад. на науките и уметностите. Одд-ние за лингвистика. – Т. 11, N 2. – S. 97–105.
- Sawicka 1987: Sawicka, Irena. *Struktura sloga u balkanskim jezicima (u poređenju sa susednim jezicima)*. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź: Ossolineum. – 122 s. [Prace Slawistyczne, 54]
- Sawicka 1987a: Sawicka, Irena. Problem grup spółgłoskowych typu «sonant nosowy + okluzyw» w językach bałkańskich. – In: *Sprawozdania. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk*. Wyd. filol.-filoz. – N 102. – S. 59–61.
- Sawicka 1987b: Sawicka, Irena. *Struktura sloga u balkanskim jezicima (u poređenju sa susednim jezicima)*. – Wrocław etc.: Ossolineum. – 122 s. [Pr. slawistyczne; 54]
- Sawicka 1988: Sawicka, Irena. *Fonologia konfrontatywna polsko-serbskochorwacka*. – Wrocław et al.; Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk – 200 s.
- Sawicka 1988: Sawicka, Irena. *Fonologia konfrontatywna polsko-serbskochorwacka*. – Wrocław et al: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk. – 198 s.
- Sawicka 1991a: Sawicka, Irena. Some remarks on the intonation of yes-or-no questions in Southern Slavonic. – In: *Studies in the phonetic typology of the Slavic languages*. – Warszawa. – P. 125–152.
- Sawicka 1991b: Sawicka, Irena. The problem of the prenasalization of stops in Southern Slavic. – In: *Studies in the phonetic typology of the Slavic languages*. – Warszawa. – P. 113–124.
- Sawicka 1991c: Sawicka, Irena. Uwagi w związku z wokalizacją słabych jerów w południowej słowiańszczyźnie. – In: *Прилози*. – Скопје: Макед. акад. на науките и уметностите. Одд-ние за лингвистика. – Скопје. – Т. 26, N 1. – S. 109–113.
- Sawicka 1998: Sawicka, Irena. Język celniejszy od karabinu. – In: *Acta Univ. N. Copernici: Nauki Humanistyczno-Spolecz.* – Toruń. – Z. 318. *Studia slavica*, t. 2. – S. 101–108.
- Sawicka 2000a: Sawicka, Irena. Sudbina nazala u poljskom – najnovije tendencije. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. 56, sv. 34. – S. 1005–1008.
- Sawicka 2000b: Sawicka, Irena. Tendencje rozwojowe współczesnej fonetyki słowiańskiej. – In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. – Opole. – S. 81–86.

- Sawicka 2007a: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 639 s.
- Sawicka 2007b: Sawicka, Irena. Język polski. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 305–320.
- Sawicka 2007c: Sawicka, Irena. Język macedoński. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 577–590.
- Sawicka/Holvoet 1991: Sawicka, I.; Holvoet, A. Preface. – In: *Studies in the phonetic typology of the Slavic languages*. – Warszawa. – P. 7–12.
- Sawicka/Petrowa-Wasilewicz 1990: Sawicka, I.; Petrowa-Wasilewicz, A. *Czy istnieją balkanizmy fonetyczne?*. – In: *Językowe studia bałkanistyczne*. – Wrocław. – T. 2. – S. 145–152.
- Sawicka/Spasov 1991: Савицка, Ирена; Спасов, Људмил. *Фонолошја на македонскиот стандарден јазик. Прва свеска*. – Скопје: МАНУ. – 123 с.
- Schmaus 1964³: Schmaus, Alois. *Lehrbuch der serbokroatischen Sprache*. – München – Belgrad: Max Hueber Verlag – Prosveta. – 358 S.
- Schubert 2002: Schubert, Gabriella. Montenegrinisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 319–321.
- Schweier 2002: Schweier, Ulrich. Ukrainisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 535–551.
- Seliščev 2010²: Селищев, А. М. *Славянское языкознание: Западнославянские языки*. – Москва: Либроком. – 472 с.
- Shevelov 1986: Shevelov, George Y. Das Ukrainische. – In: Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 123–133.
- Sigeda 1964: Сигеда, П. И. Система зычных фанем сучаснай сербскохорватскай літаратурнай мовы. – In: *Весті АН БССР. Серія грамад. навук*. – Мінск. – № 2. – С. 110–115.
- Sigeda 1965: Сигеда, П. И. Границы слога в сербскохорватском языке (На материале сусачского говора). – In: *Питанні мовознаўства і методыкі выкладання моў*. – Мінск: Інстытут мовознаўства. – С. 20–28.
- Silić 2008: Silić, Josip. Fonetsko-fonološke i ortografsko-ortoepske razlike između bosanskoga (bošnjačkoga), hrvatskoga i srpskoga jezika. – In: Branko Tošović (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnisch-*

- hen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 266–274.
- Silić/Pranjковић 2005: Silić, Josip; Pranjковић, Ivo. *Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta*. – Zagreb: Školska knjiga. – 422 s.
- Simić 1982: Simić, Radoje. O tzv. „nezamenjenom jatu“ i oko njega. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. XXXVIII. – S. 131–151.
- Simić 1985: Simić, Radoje. Struktura sloga i problem silabizacija u srpskohrvatskom jeziku. – In: *Naš jezik. Nova serija*. – Beograd. – Knj. 26. – S. 181–204.
- Simić 1998: Simić, Radoje. *Pravopisni priručnik srpskoga književnog jezika*. – Beograd: Naučno društvo za negovanje i proučavanje srpskog jezika. – 256 s.
- Simić 2002a: Simić, Radoje. *Srpska gramatika 1: Uvod, fonologija, morfologija*. – Beograd – Nikšić: Naučno društvo za negovanje i proučavanje srpskog jezika – Jasen. – 212 s.
- Simić 2002b: Simić, Radoje. *Morfonološki procesi u srpskohrvatskom jeziku: njihovi uzroci i posledice*. – Beograd – Nikšić: Naučno društvo za negovanje i proučavanje srpskog jezika – Jasen. – 385 s.
- Simić/Jovanović 2007: Simić, Radoje; Jovanović, Jelena. *Mala srpska gramatika*: Ekavsko izdanje. – Beograd: Jasen. – 295 s.
- Simić/Ostojić 1996: Simić, Radoje; Ostojić, Branislav. *Osnovi fonologije srpskog književnog jezika*. – Beograd: Univerzitet u Beogradu. – 269 s.
- Sjameška 1999: Сямешка, Лідзія. *Беларуская мова: Уводзіны ў навуку аб мове. Фанетыка. Арфаэнія. Графіка. Арфаграфія*. – Мінск: Сучаснае слова. – 224 с.
- Skerlić 1918: Skerlić, Jovan. *Eseji o srpsko-hrvatskom pitanju*. – Zagreb: Jugoslavensko nakladno dioničarsko društvo. – 100 s.
- Skljarenko 1971: Склярэнко, В. Г. До пытання про новаакутову інтонацію. – In: *Мовознавство*. – Київ. – № 1. – С. 49–56.
- Sködl 1922: Sködl, Hannes. *Zur Chronologie der Štokavischen Akzentverschiebung*. – Leipzig: Lund. – 110 S.
- Slovenski jezik 1998: Vidovič-Muha, Ada. *Slovenski jezik*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – 295 s.
- Slowakisch1-www: Slowakisch. – In: http://infofrosch.info/s/sl/slowakische_sprache.html. Состояние 23. 6. 2009.
- Slowakisch3-www: Slowakisch. – In: http://www.azm-lu.si/index.php?option=com_content&task=view&id=292&Itemid=374. Состояние 5. 5. 2009.
- Slowakisch-www: Slowakisch. – In: http://de.wikipedia.org/wiki/Slowakische_Grammatik#Konsonanten. Состояние 14. 6. 2009.

- Slowenisch-www: Slowenisch. – In: <http://www.etymos.de/sprachen/slowenisch/index.htm>. Состояние 18. 8. 2009.
- Sodolj 1978: Содоль, Г. В. *Историческая грамматика русского языка*. – Киев: Вища школа. – 200 с.
- Sokalj/Zajseva/Vuković 1996: Сокаль, Н. И.; Зайцева, С. В.; Вукович, Б. *Сербский язык. Пособие по развитию речи*. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. – 303 с.
- Spez. ukr. Kons.-www: *Spezielle ukrainische Konsonanten und Lautfol.* – In: <http://www.uni-leipzig.de/~krueger/lehress/ukrain/ukrainkonsueb1.pdf>. Состояние 18. 5. 2009.
- Spieß 2002: Spieß, Gunter. Niedersorbisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 323–342.
- Sprache und Politik – www: Sprache und Sprachpolitik auf dem Gebiet Ex-Jugoslawiens. – In: http://www.kas.de/wf/doc/kas_12611-544-1-30.pdf. Состояние 30. 6. 2008.
- Sprachenstreit-www: Der Sprachenstreit in Jugoslawien: <http://www.ceeol.com/document.aspx?logid=5&id=E47E8C6C-D797-4D24-AB0B-0182853FE079>. Состояние 3. 4. 2008.
- Srpskohrvatski jezik 1972: Peco, Asim; Stanojčić, Živojin (redaktori i urednici). *Srpskohrvatski jezik: Enciklopedijski leksikon*. – Beograd: Interpres. – 604 s.
- Stakić 1988: Stakić, Milan. *Derivaciona fonetika imenica i prideva u južnoslovenskim jezicima*. – Beograd: Filološki fakultet. – 244 s.
- Stanislav 1977: Stanislav, Ján. *Slowakische Grammatik*. – Bratislava: Slowakischer Pädagogischer Verlag. – 189 S.
- Stanojčić/Popović 2002⁸: Stanojčić, Živojin; Popović, Ljubomir. *Gramatika srpskoga jezika: Udžbenik za I, II, III i IV razred srednje škole*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 413 s.
- Stevanović 1957³: Stevanović, Mihailo. *Gramatika srpskohrvatskog jezika za više razrede gimnazije*. – Beograd: Nolit. – 412 s.
- Stevanović 1960: Stevanović, Mihailo. Stvaranje dužine prethodnog samoglasnika ili prelaz **l** u **o**. – In: *Naš jezik. Nova serija*. – Beograd. – Knj. 10. – S. 1–9.
- Stevanović 1970/1²: Stevanović, Mihailo. *Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistemi i književnojezička norma): I – Uvod, Fonetika, Morfologija*. – Beograd: Naučna knjiga. – 653 s.
- Stevanović 1991: Stevanović, Mihailo. *Knjiga o akcentu književnog jezika*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 248 s.

- Stimme-www: Menschliche Stimme. – In: http://de.wikipedia.org/wiki/Menschliche_Stimme. Состояние 15. 5. 2009.
- Stone 1986: Stone, Gerhadr. Das Ober- und Niedersorbische. – In: Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 96–102.
- Subotić 2002: Subotić, Ljiljana. *Istorijska lingvistika: Fonološke promene i morfološke alternacije, mladogramatičari, strukturalizam, generativna gramatika*. – Novi Sad: Filozofski fakultet, Katedra za srpski jezik i lingvistiku. – 182 s.
- Subotić 2005: Subotić, Ljiljana. *Ortoepska i ortografska norma standardnog srpskog jezika*. Novi Sad – Beograd: Filozofski fakultet – WUS Austria. – 182 s.
- Sučasna ukr. lit. mova 2001: Плющ, М. Я. (за редакцією). *Сучасна українська літературна мова*. – Київ: Вища школа. – 430 с.
- Sučasna ukr. mova 2001: Пономарева, О. Д. (за редакцією). *Сучасна українська мова*. – Київ: Либідь. – 400 с.
- Sučasnaja belar. mova 1997: Яўневіч, М. С. (пад рэд.). *Сучасная беларуская літаратурная мова*. – Мінск: Ул. М. Скакун. – 288 с.
- Svetozarova 1982: Светозарова, Н. Д. *Интонационная система русского языка*. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 175 с.
- Szober 1959⁵: Szober, Stanisław. *Gramatyka języka polskiego*. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe. – 390 s.
- Šejčić 1998: Šejčić Božić, Rafaela. Akcent imenica muškog roda u čakavskom i ruskom. – In: *Zadarska smotra*. – Zadar. – God. 47, br. 4/6. – S. 45–57.
- Šejčić 1999: Šejčić Božić, Rafaela. Akcenatska kretanja u prezentu višesložnih ruskih i čakavskih glagola. – In: *Radovi Filozofskog fakulteta. Razdio filoloških znanosti*. – Zadar. – Br. 36/26. – S. 257–264.
- Šejčić 2000: Šejčić, Božić, Rafaela. *Akcent u ruskom i čakavskom: Čakavština srednjodalmatinskih otoka*. – Zagreb: Filozofski fakultet. – 107 s. [Кандидатская диссертация]
- Ševc 1968: Ševc, Hinc. *Gramatika hornjoserbskeje řeče. I. zwjazk: fonematika a morfologija*. – Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina. – 320 S.
- Ševoroškin 2004: Шеворошкин, В. В. *Звуковые цепи в языках мира*. – Москва: УРСС. – 184 с.
- Šimunović 1980: Šimunović, Petar (ur.). *Hrvatski jezik*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. – 119 s.
- Širokov 1983: Широков, О. С. (отв. редактор). *Сравнительно-исторические и сопоставительно-типологические исследования*. – Москва: Изд-во Московского ун-та. – 145 с.

- Širokova 1952: Широкова, А. В. *Очерк грамматики чешского языка*. – Москва: Изд-во лит-ры на иностранных языках. – 190 с.
- Širokova 1977: Широкова, А. Г. Чешский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 64–118.
- Širokova 1977: Широкова, А. Г. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – 375 с.
- Širokova 2000: Широкова, А. В. *Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология)*. – Москва: Добросвет. – 198 с.
- Širokova/Vasiljeva/Jedlička 1990: Широкова, В. Ф.; Васильева, В. Ф.; Едличка, А. *Чешский язык*. – Москва: Изд-во Московского университета. – 343 с.
- Škarić 1994: Škarić, Ivo. Hrvatski jezik danas. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 41/4. – S. 97–103.
- Škarić 1999: Škarić, Ivo. Sociofonetski pristup standardnom naglašavanju. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 16/2. – S. 117–137.
- Škarić 2000: Škarić, Ivo. Č i đ. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 17/2. – S. 77–103.
- Škarić 2001a: Škarić, Ivo. Kakav pravopis (između fonetike i fonologije). – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 18/1. – S. 1–31.
- Škarić 2001b: Škarić, Ivo. Razlikovna prozodija. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 48. – S. 11–19.
- Škarić 2002a: Škarić, Ivo. Naglasci iz suprotstavljenih pravila. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 19/2. – S. 115–135.
- Škarić 2002b: Škarić, Ivo. Vrijednosni sudovi o hrvatskim naglascima. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 19/1. – S. 5–34.
- Škarić/Škavić/Varošaneć-Škarić 1996: Škarić, Ivo; Škavić, Đurđa; Varošaneć-Škarić, Gordana. Kako se naglašavaju posuđenice. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 43. – S. 128–138.
- Škavić/Varošaneć-Škarić 1999: Škavić, Đurđa; Varošaneć-Škarić, Gordana. Neke osobitosti hrvatskoga naglasnog sustava. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 16/1. – S. 23–30.
- Škavić/Varošaneć-Škarić 2001: Škavić, Đurđa; Varošaneć-Škarić, Gordana. Neutralizacija kratkouzlaznoga i kratkosilaznoga naglaska u suvremenom hrvatskom prihvaćenom izgovoru. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 18/2. – S. 89–104.
- Šlosar 2002: Šlosar, Dušan. Tschechisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 513–534.

- Šrámek/Ohnheiserová 2003: Šrámek, Rudolf; Ohnheiserová, Ingeborg (editoři) *Základy české gramatiky s texty a cvičenými*. – Brno – Innsbruck: Masarykova Univerzita. – 303 s.
- Štolc 1990: Штольц, Б. Влияние русского языка на развитие сербохорватского и болгарского языка. – In: *Славянские и балканские культуры XVIII–XIX вв.* – Москва. – С. 37–49.
- Študiner 1993: Штудинер, М. А. Фонетическая характеристика сербского языка на фоне других славянских языков. – In: *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. – Нови Сад. – № 44/45. – С. 129–139.
- Študiner 2004: Штудинер, М. А. Судьба долгих согласных в сербском языке. – In: *Славянский вестник*. – Москва. – Вып. 2. – С. 416–425.
- Šuster-Ševc 1995: Шустер-Шевц, Г. Серболужицкий язык и его изучение. – In: *Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов*. – Москва. – С. 4–36.
- Šutova 2000: Шутова, М. Н. Обучение ритмической организации слова студентов-русистов с сербохорватским родным языком. – In: *Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков*, V международный симпозиум (Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г.): Доклады. – Beograd. – S. 123–127.
- Šwela 1952: Šwela, Bogumił. *Grammatik der niedersorbischen Sprache*. Bearbeitet und herausgegeben von Frido Mětsk. – Bautzen: Domowina-Verlag. – 107 S.
- T. K. 1954: Т., К. Vokalno **n** u našem književnom izgovoru. – In: *Naš jezik. Nova serija*. – Beograd. – Knj. 5. – S. 267–268.
- Telebak 2001: Telebak, Milorad. *Pravogovor: Usta nisu štamparija*. – Banja Luka – Beograd – Novi Sad: Zadužbina „Petar Kočić“ – IGP „Školska knjiga“. – 167 s.
- Ternes 1999²: Ternes, Elmar. *Einführung in die Phonologie*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – 266 S.
- Terzić 2000: Терзич, Александр. О концепции учебника фонетики русского языка для сербов. – In: *Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков*, V международный симпозиум (Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г.): Доклады. – Beograd. – S. 116–122.
- Terzić 2003: Terzić, Aleksandar. *Fonetika ruskog jezika u poređenju sa srpskim*. – Beograd: Slavističko društvo Srbije. – 284 s.
- Težak 2002: Težak, Stjepko. Hrvatski štokavski ekavci. – In: *Hrvatski naš osobujni*. – Zagreb: Školske novine. – S. 40–43.
- Težak/Babić 1994¹⁰: Težak, Stjepko; Babić, Stjepan. *Gramatika hrvatskoga jezika: Priručnik za osnovno jezično obrazovanje*. – Zagreb: Školska knjiga. – 296 s.

- Thomas 2003: Thomas, P.-L. Le serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe): de l'étude d'une langue à l'identité des langues. – In: *Revue des études slaves*. – Paris. – 74/2–3. – P. 311–325.
- Tihomirova 1978: Тихомирова, Т. Е. *Польский язык*. – Москва: Изд-во Московского ун-та. – 208 с.
- Tivadar 2007: Tivadar, Hotimir. Język słoweński. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 505–530.
- Тос'ка 1973: Тоцька, Н. І. *Голосні фонемі української літературної мови*. – Київ: Видавництво Київського університету. – 193 с.
- Тос'ка 1981: Тоцька, Н. І. *Сучасна українська літературна мова. Фонетика, орфоенія, графіка, орфографія*. – Київ: Вища школа. – 260 с.
- Tolstaja 1972: Толстая, С. М. Начальные и конечные сочетания согласных в сербскохорватском языке. – In: Булатова, Р. В. (отв. ред.). *Исследования по сербохорватскому языку*. – Москва: Наука. – С. 3–37.
- Tolstoj 1996: Толстой, Н. И. Как называли сербы свой литературный язык в XVIII и начале XIX века? – In: *Славяноведение*. – Москва. – № 1. – С. 32–38.
- Tolstoj 1998: Толстой, Н. И. Литературный язык сербов в XVIII – начале XIX в. – In: Толстой, Н. И. *Избранные труды, т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация*. – Москва: Языки русской культуры. – С. 239–344.
- Tomanović 1937: Tomanović, Vaso. *Akcentat u govoru sela Lepetana (Boka Kotorska)*. – Beograd. – 83 s.
- Toporišič 1984: Toporišič, Jože. *Slovenska slovnica*. – Ljubljana: Obzorja. – 739 s.
- Tornow 2002: Tornow, Sigfried. Burgenlandkroatisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 235–245.
- Torsuev 2008: Торсуев, Г. П. *Проблемы теоретической фонетики и фонологии*. – Москва: ЛКИ. – 104 с.
- Tošović 1987: Tošović, Branko. Vukova reforma jezika u tumačenju ruskih i sovjetskih naučnika (1). – In: Leovac, Slavko (odg. urednik). *Zbornik radova o Vuku Stefanoviću Karadžiću*. Sarajevo: Institut za jezik i književnost. – S. 297–306.
- Tošović 1988a: Tošović, Branko. *Ruska gramatika u poređenju sa srpskohrvatskom*. – Sarajevo: Svjetlost. – 427 s.
- Tošović 1988b: Tošović, Branko. Литературно-языковая политика в Боснии и Герцеговине (СФРЮ). – In: *Slavica Tartuensia 2: Славянские литературные языки и историография славяноведения*. – Тарту. – С. 5–14. [Ученые записки Тартуского гос. ун-та.]

- Tošović 1990: Tošović, Branko. Metaplazme u jeziku. – In: *Prizma*. – Sarajevo. – Br. 1. – S. 29–38.
- Tošović 1991a: Tošović, Branko. Metaplazme u slovenskim jezicima. – In: *Slavist*. – Sarajevo. – Br. 2. – S. 45–54.
- Tošović 1991b: Тошович, Бранко. Сравнительная социолингвистическая парадигма югославско-советской языковой ситуации. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН, Философский факультет в Сараево, Институт языка в Сараево. – С. 102–130.
- Tošović 1995: Tošović, Branko. *Stilistika glagola. Stilistik der Verben*. – Wuppertal: Lindenblatt. – 539 s.
- Tošović 1998a: Tošović, Branko. Linguistik des Krieges – Krieg der Linguistik. – In: Benedek Wolfgang, König Otto, Promitzer Christian (Hg.). *Menschenrechte in Bosnien und Herzegowina: Wissenschaft und Praxis*. – Wien – Köln: Böhlau Verlag. – S. 329–340.
- Tošović 1998b: Tošović, Branko. Интра-, интер- и экстракатегориал. – In: *Streszczenia referatów i komunikatów. Językoznawstwo. Międzynarodowy komitet slawistów*. – Warszawa: Energia. – S. 24–25.
- Tošović 1999a: Tošović, Branko. Lingvistika rata – rat lingvista. – In: *Ljudska prava u Bosni i Hercegovini: znanost i praksa*. – Sarajevo: Centar za ljudska prava Univerziteta u Sarajevu. – S. 279–288.
- Tošović 1999b: Tošović, Branko. Osnovne kategorije korelacione gramatike. – In: *XXVIII Međunarodni naučni sastanak slavista u Vukove dane*. – Beograd: MSC. – Knj. 28/2. – S. 65–77.
- Tošović 1999c: Tošović, Branko. Отношение. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die grammatische Korrelationen*. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. – S. 29–45.
- Tošović 2001: Tošović, Branko. *Korelaciona sintaksa. Projectional*. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. – 456 s.
- Tošović 2003: Tošović, Branko. *Ujak*. – Beograd: Beogradska knjiga. – 321 s.
- Tošović 2004a: Tošović, Branko. Korelacija kao teoretski problem. – In: Plankoš, Judita (glavni urednik). *Život i delo akademika Pavla Ivića*. Subotica: Gradska biblioteka. – S. 57–67.
- Tošović 2004b: Tošović, Branko. Vukssprachreform in der Deutung der russischen Wissenschaftler. – In: http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/2.Slawistikarium/BKS/Tosovic_Vuk_russ.htm. Состояние 15. 5. 2008.
- Tošović 2006a: Tošović, Branko. Fonetsko-fonološke razlike između bosanskog/bošnjačkog, hrvatskog i srpskog jezika (standardološka rješenja).

- In: Jesenšek, Marko; Zorko, Zinka (uredila). *Jezikovna predanost. Akademiku prof. dr. Jožetu Toporišiču ob 80-letnici*. Maribor: Slavistično društvo. – S. 165–181.
- Tošović 2006b: Tošović, Branko. Korelacijska terminologija. – In: *Filologija*. – Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti. – Br. 46–47. – S. 301–317.
- Tošović 2006c: Tošović, Branko. Jutro. – In: <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/0.Projektarium/Gralis-Audiotexte/Jutro.htm>. Состояние 12. 12. 2006.
- Tošović 2007a: Tošović, Branko. Fonetsko-fonološke i akcenatske razlike između srpskog, hrvatskog i bošnjačkog jezika (razlike u proučenosti i proučenost razlika). – In: *Slavistika*. – Beograd. – Br. 11. – S. 158–168.
- Tošović 2007b: Tošović, Branko. Morgen. – In: <http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/0.Projektarium/Gralis-Audiotexte/Jutro.htm>. Состояние 15. 3. 2007. [Перевод Arno Wonisch]
- Tošović 2008a: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – 846 S. [Серия „Slawische Sprachkorelationen“ 1].
- Tošović 2008b: Tošović, Branko. Akcenatske razlike između bosanskoga/bošnjačkoga, hrvatskoga i srpskoga jezika. – In: *Riječki filološki dani*. – Br. 7. – Rijeka: Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci. – S. 779–792.
- Tošović 2008c: Tošović, Branko. Akzentuelle Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 450–475.
- Tošović 2008d: Tošović, Branko. Das Gralis-Akzentarium. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 770–776.
- Tošović 2008e: Tošović, Branko. Das Gralis-Bibliothekarium. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 807–812.
- Tošović 2008f: Tošović, Branko. Das Gralis-Korpus. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 724–749.
- Tošović 2008g: Tošović, Branko. Das Gralis-Präskriptarium. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosni-*

- schen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 822–825.
- Tošović 2008h: Tošović, Branko. Der Unterschied. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 143–185.
- Tošović 2008i: Tošović, Branko. Die kroatische Sprachpolitik (mit einem Vergleich zu Serbien und Bosnien). – In: Braselmann, Petra; Ohnheiser, Ingeborg (Hg.). *Frankreich als Vorbild? Sprachpolitik und Sprachgesetzgebung in europäischen Ländern*. – Innsbruck: Universität Innsbruck – University Press. – S. 99–116.
- Tošović 2008j: Tošović, Branko. Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen als Projektgegenstand. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 18–44.
- Tošović 2008k: Tošović, Branko. Phonetisch-phonologische Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 275–315.
- Tošović 2008m: Tošović, Branko. Fonetsko-fonološke razlike između TV dnevnika RTCG i RTS. – In: Ostojić, Branislav (urednik). *Jezička situacija u Crnoj Gori: Norma i standardizacija*. – Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti. – S. 59–72.
- Tošović 2008n: Tošović, Branko. Das Gralis-Korpus. – In: Tošović, Branko (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – S. 724–827. [Отдельный оттиск]
- Tošović 2008p: Тошович, Бранко. Ложные языковые различия. – In: *Логический анализ языка – Между ложью и фантазией*. – Москва: Институт языкознания РАН. – S. 407–415.
- Tošović 2008s: Тошович, Бранко. Сопоставительное изучение славянских языков при помощи многоязычного „Гралис-Корпуса“. – In: *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura kao inoslovenskih i stranjih* – Beograd: Slavističko društvo Srbije. – S. 336–340.
- Tošović 2009: Tošović, Branko. (Hg.). *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen: Lexik – Wortbildung – Phraseologie*. – Wien – Münster – Berlin: LitVerlag. – 513 S. [Серия „Slawische Sprachkorelationen“ 2]

- Tošović 2010a: Tošović, Branko. *Gralis: Das linguistische Slawistik-Portal der Karl-Franzens-Universität Graz (2000–2010)*. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. – 74 S.
- Tošović 2010b: Tošović, Branko. *Die Unterschiede zwischen dem Bosnischen/Bosniakischen, Kroatischen und Serbischen (FWF-Projekt P19158-G03 2006–2010). Konzeption, Aktivitäten, Ergebnisse*. – Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. – 286 S.
- Trávníček 1950: Травничек, Франтишек. *Грамматика чешского литературного языка. Часть первая: Фонетика – словообразование – морфология*. Перевод с чешского А. Г. Широковой. – Москва: Изд-во иностранной лит-ры. – 466 с.
- Trávníček 1954: Trávníček, František. *Phonetik der tschechischen Schriftsprache*. – Halle (Saale): VEB MAX Niemeyer. – 55 S.
- Trofimovič 1977: Трофимович, К. К. Серболужицкий язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 170–215.
- Trofimovič 1989: Трофимович, К. К. *Серболужицкий язык: Учеб. пособие для студентов филол. фак. ун-тов*. – Минск: Университетское. – 68 с.
- Trubetzkoy 1988: Trubetzkoy, N. S. *Opera slavica minora linguistica*. – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. – 344 S.
- Trubetzkoy 1989⁷: Trubetzkoy, Nikolaus S. *Grundzüge der Phonologie*. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. – 297 S.
- Trubezkoy 1960: Трубецкой, Н. С. *Основы фонологии*. – Москва: Изд-во иностранной лит-ры. – 372 с.
- Tschechisch 2000²: *Polyglott-Sprachführer Tschechisch*. – München: Polyglott-Verlag. – 80 S. [Bearbeitung Günther Stelzig]
- Tschechisch1-www: Tschechisch. – In: <http://www.grammatiken.de/tschechische-grammatik/sprache7.html>. Состояние 28. 6. 2009.
- Tschechisch2-www: Tschechisch. – In: <http://www.netprofi-uebersetzungen.de/uebersetzung-tschechisch.htm>. Состояние 24. 6. 2009.
- Tschechisch3-www: Tschechisch. – In: http://infofrosch.info/t/ts/tuschechische_sprache.html. Состояние 9. 5. 2009.
- Ukr. enciklopedija 2000: Русанівский, В. М.; Тараненко, О. О. (співголова). *Українська мова: Енциклопедія*. – Київ: Українська енциклопедія. – 750 с.
- Unbegaun 1995: Unbegaun, Boris. *Počeci književnog jezika kod Srba*. – Beograd – Novi Sad: Vukova zadužbina – Orfelin. – 103 s.
- Usikova 1977: Усикова, Р. Н. Македонский язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 333–374.

- Usikova 2000: Усикова, Р. П. *Македонский язык*. – Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески». – 284 с.
- Usikova 2003: Усикова, Р. П. *Грамматика македонского литературного языка*. – Москва: Муравей. – 376 с.
- Ustav RH 2001: Ustav Republike Hrvatske. – In: <http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/232289.html>. Состояние 12. 7. 2009.
- Ustav SRS 2006: Ustav Republike Srbije. – In: <http://www.parlament.sr.gov.yu/files/cir/doc/zakoni/2006/2959-06.zip>. Состояние 30. 6. 2009.
- Uvod u južnoslav. jezici 1986: *Увод в изучаването на южнославянските езици* / Георгиев, Владимир; Иванова-Мирчева, Дора; Кочев, Иван; Деянова, Мария; Стоянов, Стоян (редакционна колегия). – София: Издателство на Българската академия на науките. – 485 с.
- Vajzović/Zvrko 1994: Vajzović, Hanka; Zvrko, Husein. *Gramatika bosanskog jezika: I.–IV. razred gimnazije*. – Sarajevo: Ministarstvo obrazovanja, nauke i kulture. – 160 s.
- Valjevac 2003: Valjevac, Naila. Bosanski standardni jezik i njegova prozodij-ska norma. – In: *Wiener Slawischer Almanach*. – Wien. – Nr. 57. – S. 303–323. [Отдельный оттиск]
- Valjevac 2005: Valjevac, Naila. Standardna novoštokavšina i jezička situacija u Bosni i Hercegovini. – In: *Standardna novoštokavšina i bosanskohercegovačka jezička situacija*. – Sarajevo: Radovi Instituta za jezik. Br. XVII. – S. 4–111.
- Varošanec-Škarić/Škavić 2001: Varošanec-Škarić, Gordana; Škavić, Đurđa. Neutralizacija kratkouzlaznoga i kratkosilaznoga naglaska u suvremenom hrvatskom prihvaćenom izgovoru. – In: *Govor*. – Zagreb. – Br. 18/2. – S. 89–104.
- Vasiljeva 1977: Васильева, Л. И. Словацкий язык. – In: Широкова, А. Г.; Гудков, В. П. (под ред.). *Славянские языки*. – Москва: Издательство Московского университета. – С. 119–169.
- Vater 1999³: Vater, Heinz. *Einführung in die Sprachwissenschaft*. – München: Wilhelm Fink Verlag. – 294 S.
- Vinarskaja/Bogomazov 2001: Винарская, Е. Н.; Богомазов, Г. М. *Возрастная фонетика*. – Томск: STT. – 284 с.
- Vince 1978: Vince, Zlatko. *Putovima hrvatskoga književnog jezika: Lingvističko-kulturnopovijesni prikaz filoloških škola i njihovih izvora*. – Zagreb: SNL. – 629 s.
- Vintr 1986a: Vintr, Josef. Das Slowakische. – In: Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 88–95.

- Vintr 1986b: Vintr, Josef. Das Tschechische. – In: Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 74–87.
- Völkl 2002: Völkl, Sigrid Darinka. Bosnisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 209–218. Состояние 18. 4. 2009.
- Voronin 2006²: Воронин, С. В. *Основы фоносемантики*. – Москва: URSS. – 248 с.
- Vujović 1962: Вуйович, Л. Как возник экавизм мрковичского говора в Черногории. – In: *Международный съезд славистов. Материалы и дискуссия*. Т. 2: *Проблемы славянского языкознания*. – Москва: Наука. – С. 391–392.
- Vujović 1983: Vujović, Luka. Je li postojao ekavski govor u jugoistočnoj Crnoj Gori i sjevernoj Albaniji. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. XXVI – S. 511–517.
- Vukomanović 1991: Вукоманович, Славко. Сербохорватский стандартный язык, его коммуникативная функция и вариантная специфика. – In: Солнцев, В. М. (отв. ред.). *Функционирование языков в многонациональном обществе*. – Москва: Научный совет «Языки и общество», Институт языкознания РАН, Институт русского языка РАН. Философский факультет в Сараеве, Институт языка в Сараеве. – С. 144–173.
- Vuković 1949: Vuković, Jovan. *Pravopisna pravila i uputstva za pisanje ijekavskih glasovnih oblika: Sa pravopisnim rječnikom ijekavizama*. – Sarajevo: Svjetlost. – 217 s.
- Vuković 1950: Vuković, Jovan. *Mrazovi : mrazevi; nosovi : nosevi i sl.* – In: *Naš jezik*. Nova serija. – Knj. I. – S. 42–43.
- Vuković 1954: Vuković, Jovan. Granice sloga i rastavljanje reči na slogove. – In: *Naš jezik*. Nova serija. – Beograd. – Knj. 5. – S. 103–117.
- Vuković 1974: Vuković, Jovan. *Istorija srpskohrvatskog jezika. I dio: Uvod i fonetika*. – Beograd: Naučna knjiga. – 225 s.
- Vuković 1978–1979: Vuković, Zrinka. O glagolskoj naglasnoj tipologiji. – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 26/2. – S. 33–42.
- Vukušić 1982: Vukušić, Stjepan. *Usporedbe dvaju novoštokavskih naglašavanja – siničkog i Daničićeva: Prilog za uporabnu normu hrvatskog književnog jezika*. – Zagreb: Filozofski fakultet. – 380 s. [Докторская диссертация]
- Vukušić 1984: Vukušić, Stjepan. *Nacrt hrvatske naglasne norme na osnovi zapadnog dijalekta*. – Pula: Istarska naklada. – 153 s.

- Vukušić 1991–1992: Vukušić, Stjepan. Naglasak u Anićeve Rječniku hrvatskoga jezika : (Vladimir Anić: Rječnik hrvatskoga jezika, Novi Liber, Zagreb 1991). – In: *Jezik*. – Zagreb. – Br. 39/4. – S. 119–122.
- Vukušić 1996: Vukušić, Stjepan. Neprihvatljiva naglasnonormativna pravila. – In: *Jezik*. – Zagreb. – God. 44. – S. 63–66.
- Vukušić 1999: Vukušić, Stjepan. Zapadno novoštokavsko – hrvatsko književnojezično naglašavanje. – In: *Mostarski dani hrvatskog jezika*. – Mostar. – S. 121–125.
- Vukušić 2000: Vukušić, Stjepan. Kada prenošenje, a kad prilagodba naglasaka. – In: *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*. – Zagreb. – Br. 20. – S. 389–393.
- Vukušić/Zoričić/Grasselli-Vukušić 2007: Vukušić, Stjepan; Zoričić, Ivan; Grasselli-Vukušić, Marija. *Naglasak u hrvatskome književnom jeziku*. – Zagreb: Globus. – 685 s.
- Vuletić 1974: Vuletić, Branko. Uloga intonacije u određivanju odnosa „lijepo – ružno“ i „malo – veliko“ kod deminutiva i augmentativa. – In: *Suvremena lingvistika*. – Zagreb. – Br. 10. – S. 3–7.
- Vuletić 1976: Vuletić, Branko. *Fonetika književnosti*. – Zagreb: Liber. – 238 s.
- Vuletić 1980: Vuletić, Branko. *Gramatika govora*. – Zagreb: GZH. – 163 s. [Библиотека Тека]
- Vuletić 2005: Vuletić, Branko. *Fonetika pjesme*. – Zagreb: FF press. – 281 s.
- Vulić 1996: Vulić, Sanja. Akcenatske, glasovne i tvorbene inačice u rječnicima izvornih čakavskih govora – In: *Filologija*. – Zagreb. – Br. 26. – S. 109–116.
- Walter/Karvanbasieva 1987: Walter, Hilmar; Karvanbasieva, Georgieva, Elga (Hg.) *Lehrbuch der bulgarischen Sprache*. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie. – 491 S.
- Wexler 1986: Wexler, Von Paul. Das Weißrussische. – In: Rehder, Peter. *Einführung in die slawischen Sprachen*. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 134–140.
- Wiener Abkommen-www: Das Wiener Abkommen. – In: http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/2.Slawistikarium/BKS/Das_Wiener_Abkommen.pdf. [Перевод Arno Wonisch]. Состояние 15. 7. 2009.
- Wiesler 2001⁴: Wiesler, Alois. *Slowenisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 144 S. [Kauderwelsch, Bd. 69]
- Wingender 2002: Wingender, Monika. Kroatisch. – In: *Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / Herausgegeben von Miloš Okuka und Mitwirkung von Gerald Krenn. – Klagenfurt/Celovec. – S. 275–286.
- Wonisch 2008-www: Wonisch, Arno. Ekavische, ikavische, ijekavische und jakavische Reflexe des Lautes Jat in den slawischen Sprachen. – In:

- http://www.gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/4.Gralisarium/GraLiS%202008/Wonisch/Wonisch_Jat.doc)-www. Состояние 28. 6. 2009.
- Wornar 2007: Wornar, Edward. Język łużycki. – In: Sawicka, Irena (redaktor naukowy). *Fonetyka/Fonologia*. – Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. – S. 321–330.
- Wortmann 1998⁵: Wortmann, Martin. *Tschechisch: Wort für Wort*. – Bielefeld: Verlag Peter Rump GmbH. – 96 S. [Kauderwelsch, Bd. 32]
- Wowčerк 1955³: Wowčerк, Pawoł. *Kurzgefasste obersorbische Grammatik: Phonetik und Morphologie*. – Berlin: Volk und Wissen Ludowy nakład. – 171 S.
- Wróbel 2001: Wróbel, Henryk. *Gramatyka języka polskiego*. – Kraków: OD NOWA. – 335 s.
- Zakon 1991: Zakon o službenoj upotrebi jezika i pisama. – In: *Službeni glasnik Republike Srbije*. – Beograd, br. 45/91: http://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/zakoni/Zakon_sluzbenoj_upjezika_pisma.pdf. Состояние 10. 7. 2009.
- Zaliznjak 1989: Зализняк, А. А. и др. (отв. ред). *Славянское и балканское языкознание*. – Москва: Наука. – 251с.
- Zec 2003: Zec, Draga. О месту palatalnih afrikata *ć, đ i č, dž* u sistemu glasova srpskog jezika. – In: *Južnoslovenski filolog*. – Beograd. – Knj. LIX. – S. 37–55.
- Zeleneckij/Monachov 1983: Зеленецкий, А. Л.; Монахов, П. Ф. *Сравнительная типология немецкого и русского языков*. – Москва: Просвещение. – 240 с.
- Zemljak 2004: Zemljak, Melita. *Trajanje glasov štajerskega zabukovškega govora: Instrumentalno-slušna analiza*. – Maribor: Slavistično društvo (Zora). – 343 s.
- Zenčuk i dr. 1986: Зенчук, В. Н., Йоканович-Михайлова, Е., Киршова, М. П.; Маркович, М. *Учебник сербохорватского языка*. – Москва: Московский государственный университет. – 414 с.
- Zinder/Sokoljskaja 1938: Зиндер, Л. Р.; Сокольская, Т. В. *Научная грамматика немецкого языка*. – Ленинград: Гос. учебно-педагогическое из-во Наркомпроса РСФСР. – 320 с.
- Zlatoustova 1981: Златоустова, Л. В. *Фонетические единицы русской речи*. – Москва: Изд-во Московского ун-та. – 105 с.
- Zolhovev 2003: Золхоев, В. И. *Дифференциальные признаки фонем: Славянские языки*. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского. гос. ун-та. – 226 с. [Славянские языки. В 10 т. Т. 1: Отв.ред. Рассадин В. И.]
- Zoričić 1990: Zoričić, Ivan. *Naglasni odnosi i norme*. – Zagreb: Školska knjiga. – 139 s.

- Zoričić 1997: Zoričić, Ivan. O naravi naglasnih kolebanja u hrvatskom jeziku. – In: *Prvi hrvatski slavistički kongres*. – Zagreb: Hrvatsko filološko društvo. – S. 191–195.
- Zoričić 1998: Zoričić, Ivan. *Naglasak pridjeva u hrvatskome književnom jeziku*. – Pula: Pedagoški fakultet. – 254 s.
- Zubčić 2001: Zubčić, Sanja. *Akcentatski tipovi u grobničkoj skupini govora*. – Rijeka: Filozofski fakultet. – 265 s. [Кандидатская диссертация]
- Zubčić 2003: Zubčić, Sanja. Akcent glagolskoga pridjeva radnoga u sjeverozapadnim čakavskim govorima. – In: *Čakavska rič*. – Split. – Br. 1/2. – S. 139–163.
- Zubčić 2006: Zubčić, Sanja. *Akcentatski tipovi imenica i glagola u sjeverozapadnim čakavskim govorima (dijakronijski i sinkronijski aspekt)*. – Rijeka: Filozofski fakultet. – 473 s. [Докторская диссертация]
- Žagar 2007¹⁰: Žagar, France. *Slovenska slovnica in jezikovna vadnica*. – Ljubljana: Obzorja. – 359 s.
- Žepić 1980: Žepić, Stanko. *Historische Grammatik des Deutschen*. – Zagreb: SNL. – 201 S.
- Žepić 1991: Žepić, Stanko. *Osnovni pojmovi fonologije i usporedba fonoloških sustava njemačkoga i hrvatskoga*. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta. – 71 s. [Hrvatsko-njemačke kontrastivne studije, svezak 6]
- Žirmunskij 1938: Жирмунский, В. М. *История немецкого языка*. – Ленинград: Госучпедгиз Наркомпроса РСФСР. – 280 с.
- Žuravlev 1974: Журавлев, А. П. *Фонетическое значение*. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. – 160 с.
- Žuravljova 1983: Журавлёва, Т. С. *Содержательность звуков речи в межъязыковом аспекте*. АКД. – Минск: Белорусский гос. ун-т. им. В. И. Ленина. – 23 с.

Словари

- Anić 2000: Anić, Vladimir. *Rječnik hrvatskoga jezika*. – Zagreb: Novi Liber. – 1439 s.
- Anić/Goldstein 2005: Anić, Vladimir; Goldstein, Ivo. *Rječnik stranih riječi: Sažeto izdanje*. – Zagreb: Novi Liber. – 652 s.
- Bakotić 1936: Bakotić, Lujo. *Rečnik srpskohrvatskog književnog jezika*. – Beograd: Izdanje piščevo. – 1399 s.
- Brodnjak 1992a: Brodnjak, Vladimir. *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika*. – Zagreb: Školske novine. – 640 s.

- Brodnjak 1992b: Brodnjak, Vladimir. *Rječnik razlika između hrvatskoga i srpskoga jezika*. – Zagreb: Školske novine. – 637 s.
- Čedić 2007: Čedić, Ibrahim (urednik). *Rječnik bosanskog jezika*. – Sarajevo: Institut za jezik, 2007. – 1313 s. [Autori: Čedić, Ibrahim; Kršo, Aida; Kadić, Safet; Hajdarević, Hadžem; Valjevac, Naila]
- Ćirilov 1994: Ćirilov, Jovan. *Srpsko-hrvatski rečnik varijanata = Hrvatsko-srpski rječnik inačica*. – Beograd: Bata – Orbis. – 213 s.
- Dešić 2001: Dešić, Milorad. *Mali akcenatski rečnik srpskog jezika*. – Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva. – 103 s.
- Dikro/Todorov 1987: Dirko, Osvald. *Enciklopedijski rečnik: nauka o jeziku*. I–II. – Beograd: Prosveta. – 367 s.
- Halilović/Palić/Šehović 2010: Halilović, Senahid; Palić, Ismail, Šehović, Amela. *Rječnik bosanskoga jezika*. – Sarajevo: Filozofski fakultet. – 1566 s.
- HER 2002: Jojić, Ljiljana; Matasović, Ranko (glavni urednici). *Hrvatski enciklopedijski rječnik*. – Zagreb: Novi Liber. – 1583 s.
- Isaković 1993: Isaković, Alija. *Rječnik karakteristične leksike u bosanskome jeziku*. – Wuppertal: Bambi. – 497 s.
- Iveković/Broz 1901: Iveković, Franjo; Broz, Ivan. *Rječnik hrvatskoga jezika*. Svezak 1–2. – Zagreb: Štamparija Karla Albrechta. – 884 s.
- Jahić 1999: Jahić, Dževad. *Školski rječnik bosanskog jezika*. – Sarajevo: Ljiljan. – 557 s.
- Jakić 1991: Jakić, Branka. *Hrvatsko-njemački rječnik: s gramatičkim podacima i frazeologijom*. – Zagreb: Školska knjiga. – 1249 s.
- Jakić/Hurm 2004: Jakić, Branka; Hurm, Antun. *Kroatisch-Deutsches Wörterbuch. Hrvatsko-njemački rječnik*. – Zagreb: Školska knjiga. – 1249.
- Karadžić 1935⁴: Karadžić, Vuk Stef. *Srpski rječnik istumačen njemačkim i latinskim riječima*. – Beograd: Štamparija Kraljevine Jugoslavije. – 880 s.
- Klaić 1974: Klaić, Bratoljub. *Veliki rječnik stranih riječi, izraza i kratica*. – Zagreb: Zora. – 1440 s.
- Klaić 1978: Klaić, Bratoljub. *Rječnik stranih riječi: Tuđice i posuđenice*. – Zagreb: Nakladni zavod Matice Hrvatske. – 1456 s.
- Kovačević 2004: Kovačević, Mirjana. *Hrvatsko-srpski rječnik razlika*. – Banja Luka – Beograd: Besjeda – Ars Libri. – 174 s.
- Kristal 1985: Kristal, Dejvid. *Enciklopedijski rečnik moderne lingvistike*. – Beograd: Nolit. – 293 s.
- Latković 2004: Latković, Taki. *Priložak građi crnogorskoga rječnika: stara Crna Gora*. – Cetinje: Izdanje autora. – 440 s.
- Matešić 1966: Matešić, Josip. *Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen*. Bd. I–II. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. – Bd. I: 464 S. – Bd. II: 492 S.

- Matešić 2005: Matešić, Josip (u redakciji). *Deutsch-Kroatisches Universalwörterbuch / Njemačko-hrvatski univerzalni rječnik*. – Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. – 2075 s. [Autori: Kokoruš-Hansen, Renate; Matešić, Josip; Pečur-Medinger, Zrinka; Znika, Marija]
- Moguš/Pintarić 2002: Moguš, Milan; Pintarić, Neda. *Poljsko-hrvatski rječnik*. – Zagreb: Školska knjiga. – 1151 s.
- Nikolić 2000: Nikolić, Miroslav. *Obratni rečnik srpskoga jezika*. – Novi Sad – Beograd: Matica srpska – Institut za srpski jezik SANU. – 1394 s.
- Nikolić 2007: Nikolić, Miroslav (redigovao i uredio). *Rečnik srpskoga jezika*. – Novi Sad: Matica srpska. – 1561 s.
- Ostojić/Vujičić 2000: Ostojić, Branislav; Vujičić, Dragomir. *Rečnik (i)jekavizama srpskog jezika*. – Podgorica: CID. – 192 s.
- Poljanec 1962: Poljanec, R. F.; Madatova-Poljanec, S. M. *Rusko-hrvatskosrpski rječnik*. – Zagreb: Školska knjiga. – 996 s.
- Rečnik MS/MH 1969: *Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika*. Knj. I–VI. – Novi Sad – Zagreb: Matica srpska, Matica hrvatska.
- Rečnik SANU 1959–2006: *Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. Tom 1–17. Beograd: Institut za srpskohrvatski jezik.
- Rječnik JAZU 1880–1976: *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. 1–23. – Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Rječnik MH/MS 1967: *Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika / Urednici – Matica Hrvatska: Ljudevit Jonke, Mate Hraste, Stjepan Musulin, Pavle Rogić, Slavko Pavešić, Božidar Finka; Matica srpska – Mihailo Stevanović, Svetozar Marković, Svetozar Matić, Mitar Pešikan*. – Zagreb – Novi Sad: Matica Hrvatska – Matica srpska, 1967. – Knjiga prva: A – F. – 747. – Knjiga druga: G – K. – 840.
- Stanković 1988: Stanković, Bogoljub (u redakciji). *Rusko-srpskohrvatski rečnik*. – Novi Sad – Moskva: Matica srpska – Ruski jezik. – 984 s.
- Simeon 1969: Simeon, Rikard. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. I–II. – Zagreb: Matica hrvatska. – 927 s.
- Skok 1971–1974: Skok, Petar. *Etimologijski rječnik hrvatskoga i srpskoga jezika*. Knj. 1–4. – Zagreb: JAZU. – 837 s.
- Šamija/Lukačić 1991: Šamija, Branko; Lukačić, Dražen. *Razlikovni rječnik srpskoga i hrvatskoga nazivlja: Rječnik hrvatskih i srpskih inačica*. – Zagreb: Maxprint. – 143 s.
- Šimundić 1994: Šimundić, Mate. *Rječnik suvišnih tuđica u hrvatskomu jeziku*. – Zagreb: Barka. – 269 s.
- Šonje 2000: Šonje, Jure (glavni urednik). *Rječnik hrvatskoga jezika*. – Zagreb: Školska knjiga – Leksikografski zavod Miroslava Krleža. – 1450 s.

- Tolstoj 1982⁵ Толстой, Н. И. *Сербскохорватско-русский словарь*. – Москва: Русский язык. – 735 с.
- Uroić/Hurm 1993: Uroić, Marija; Hurm, Anton. *Njemačko-hrvatski rječnik: s gramatičkim podacima i frazeologijom*. – Zagreb: Školska knjiga. – 1010 s.

Электронные корпусы

- Bos-Korp: Korpus bosanskih tekstova na univerzitetu u Oslu: <http://www.tekstlab.uio.no/Bosnian/Korpus2.html>.
- Gralis-Korpus-www: <http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/0.Projektarium/Gralis-Korpus/speech.php>. Состояние 27. 6. 2009.
- Gralis Speech-Korpus-www: <http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/0.Projektarium/Gralis-Korpus/speech.php>. Состояние 27. 8. 2009.
- Kro-Korp1: Hrvatski nacionalni korpus: <http://www.hnk.ffzg.hr/>
- Kro-Korp2: Hrvatska mrežna riznica: <http://riznica.ihjj.hr/>
- Ser-Korp: Korpus savremenog srpskog jezika na Matematičkom fakultetu Univerziteta u Beogradu: <http://www.korpus.matf.bg.ac.yu/prezentacija/korpus.html>.

Branko Tošović

**Korrelative Grammatik
des Serbischen, Kroatischen und Bosniakischen
Teil 1: Phonetik – Phonologie – Prosodie**

– Zusammenfassung –

Das Thema der Monographie ist ein Vergleich der phonetischen, phonologischen und prosodischen Systeme des Serbischen, Kroatischen und Bosniakischen in Bezug auf andere slawische Sprachen und das Deutsche. In Mittelpunkt steht dabei ein Korrelationssystem, in dessen Rahmen die Beziehungen auf den Ebenen der Phonetik, Phonologie und Prosodie zwischen den behandelten Sprachen aufgezeigt und ausführlich beschrieben werden. Neben allgemeinen, diachronen wie synchronen Informationen zu den angeführten Sprachen werden die Themengebiete Transkription (Lautschrift), Transliteration, Schrift, menschliche Sprechorgane, Laut und Phonem behandelt sowie gemäß der Unterteilung in a) Vokale und b) Konsonanten folgende, für slawische Sprachen wesentliche Kapitel analysiert: a) der Vokal Jat und seine unterschiedlichen Reflexe, Umlaut, Ablaut, Vokalisierung, Schwund von Vokalen, Vokalkorrelationen und b) Intralinguale konsonantische Korrelationen (innerhalb des Russischen), interlinguale konsonantische Korrelationen (zwischen den einzelnen slawischen Sprachen und im Bezug auf das Deutsche), Assimilation der Konsonanten, Assimilation nach der Artikulationsstelle, Palatalisierung, Jotierung und Schwund von Konsonanten. Den Abschluss der Publikation bilden ausführliche Kapitel zu den prosodischen Themen Silbe, Intonation und Akzent.

Genanntes Korrelationsmodell, bei dem zwischen unterschiedlichen Graden von Korrelationen (**retro-** für die diachron-historische Betrachtung einer Sprache, **intra-** für die synchronen Beziehungen innerhalb einer Sprache, **inter-** für die Beziehungen zwischen nahe verwandten slawischen Sprachen, **supra-** für slawische Sprachen eines Großareals, **super-** für slawische Sprachen verschiedener Großareale und **extra-** für die Beziehungen zwischen einzelnen slawischen Sprachen und dem Deutschen) unterschieden wird, erwies sich in seiner bisherigen Anwendung als überaus brauchbar, da es gleichrangige Vergleiche zwischen bestimmten Themengebieten ermöglicht (etwa bei der menschlichen Produktion und Artikulation von Lauten in unterschiedlichen Sprachen) und den Grad der Distanz zwischen einzelnen Sprachen aufzuzeigen vermag. Die Ergebnisse entstammen in erster Linie dem am Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz entwickelten Gralis-Korpus, das sowohl in seiner Text- als auch in seiner Audioversion umfangreiches Sprachmaterial umfasst, sodass von der tatsächlichen Realisation von Sprache (gesprochenes wie geschriebenes Wort) ausgegangen werden kann.

Der Nutzen des Buches möge darin liegen, dass es sowohl für wissenschaftliche Zwecke als auch für den Unterricht an schulischen Einrichtungen herangezogen werden kann. Die edukativen Anwendungsgebiete betreffen dabei vor allem phonetische Hilfestellungen für Lernende slawischer Sprachen, indem (beschreibende wie graphische) Vergleiche des phonetisch-phonologischen Systems der Slawia mit jenem der deutschen Sprache hergestellt werden. Dazu sei festgehalten, dass in dieser Publikation sämtliche vom Autor angeführten Wortbeispiele mit Akzenten versehen wurden und für ein Wort in einer slawischen Sprache deutsche semantische Äquivalente angeführt werden. Ein besonderer Schwerpunkt liegt dabei auf den Übereinstimmungen, Ähnlichkeiten und Unterschieden, wobei diese Publikation den ersten monographischen Versuch darstellt, Korrelationen zwischen dem Serbischen, Kroatischen und Bosniakischen innerhalb eines Systems von 14 slawischen Sprachen und des Deutschen zu analysieren.

Предметный указатель (Predmetni registar)

А

аблуат 174, 185, 186, 199
австрославянский 33
адриатизм 49, 334
акустика 58, 111
акустический 16, 54, 55, 57,
58, 74, 111, 115, 117, 123, 139,
140, 141, 146, 149, 150, 154,
213, 214, 242, 338, 343, 367,
372, 373, 374, 498, 540
акут 9, 48, 50, 241, 398, 517,
537, 540
чакавский 49
Акцентариум 53
акцентолог 474, 503, 514, 524,
525, 529, 537
акцентология 54, 474, 492,
514, 524, 529, 550
акцентуация 17, 44, 50, 53, 54,
215, 491, 550, 564
новоштокавская 44
новоштокавская 44
албанский 334, 481
аллофон 82, 83, 113, 114, 122,
200, 218, 223, 235, 328, 349,
351, 354, 418
алфавит 21, 26, 27, 29, 30, 33,
37, 54, 77, 79, 91, 92, 101, 102,
103, 209, 467
кириллический 97, 102, 103
национальный 21, 79
фонетический 77, 79
альтернация 74
амплитуда 55, 259
анализ
спектральный 53, 258
анатомия 58

английский 113, 171, 218, 260,
277, 368, 389, 390, 469, 480,
485
англицизм 33, 35
антепенульта 485, 539
аорист 11, 336, 456, 488
арабский 37, 469
архаизм 222, 510
аспирация 425
ассимилированный 79
ассимиляция 16, 69, 74, 248,
321, 349, 361, 429, 430, 442,
445, 447, 450, 451, 452, 530
согласных 70, 321
аффриката 7, 32, 46, 50, 82, 83,
245, 248, 255, 321, 326, 329,
331, 333, 337, 341, 343, 350,
359, 371, 374, 378, 379, 380,
386, 390, 392, 401, 420, 424,
427, 429, 445, 468
зубная (дентальная) 83

Б

балканизация 526
Банат 168, 336
румынский 168, 334
безударный 45, 48, 78, 126,
135, 136, 163, 181, 199, 212,
217, 219, 220, 221, 223, 224,
225, 230, 235, 236, 240, 242,
351, 369, 381, 483, 488, 503,
516, 530, 540, 541
белорусский 8, 11, 13, 63, 64,
65, 91, 92, 93, 97, 98, 100, 181,
187, 201, 208, 209, 222, 230,
231, 236, 241, 327, 357, 363,
374, 377, 379, 380, 381, 382,
385, 417, 462, 465, 481, 545,
565, 568, 576

- билабиальный 46, 218, 398, 451, 452
биография 22
болгарский 8, 11, 13, 40, 44, 47, 63, 65, 91, 92, 93, 97, 98, 100, 181, 208, 209, 216, 218, 219, 220, 315, 327, 328, 329, 344, 346, 347, 348, 355, 356, 370, 382, 417, 460, 465, 481, 537, 538, 539, 545, 551, 570, 586
босниец 21, 37, 38, 533
боснийский 11, 13, 16, 17, 21, 22, 21, 36, 37, 38, 39, 43, 45, 53, 63, 67, 74, 75, 79, 82, 84, 91, 95, 100, 102, 103, 109, 152, 175, 176, 178, 336, 337, 374, 444, 471, 510, 516, 531, 532, 533, 534
Босния и Герцеговина 14, 21, 22, 28, 29, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 67, 75, 102, 120, 161, 166, 168, 171, 173, 174, 175, 213, 285, 335, 442, 476, 510, 515, 529, 530, 531, 532, 533, 536, 547, 576, 587
бошняк 21, 22, 21, 36, 37, 38, 102, 229, 331, 332, 335, 336, 533
бошняцкий/боснийский 11, 62, 63, 74, 82, 93, 340, 341, 343, 385, 409, 414, 470
буква 18, 25, 26, 27, 31, 53, 60, 77, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 92, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 132, 141, 158, 182, 199, 200, 209, 210, 222, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 239, 241, 243, 252, 295, 329, 337, 346, 359, 377, 379, 390, 398, 467
 кириллическая 79, 161
 старославянская 170
бургенландский хорватский 11
бургенландско-хорватский 11
В
вариант 21, 22, 24, 28, 31, 32, 44, 53, 67, 74, 75, 79, 82, 84, 91, 113, 114, 125, 128, 129, 169, 171, 174, 180, 197, 198, 200, 201, 209, 212, 217, 220, 235, 238, 243, 316, 334, 343, 348, 353, 354, 381, 389, 390, 421, 460, 478, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 504, 508, 509, 512, 513, 515, 519, 520, 522, 523, 524, 526, 529, 530, 531, 534
 восточный 497, 528
 западный 34, 495, 518, 536
веляр 364
венгерский 284, 485
Венское литературное соглашение 25, 26
версия
 боснийская 75
 сербская 75
верхнелужицкий 11, 14, 47, 95, 99, 100, 101, 242, 327, 328, 399, 401, 402, 417, 465
взаимодействие 15, 31, 62, 63, 165, 281, 476, 579
вид
 несоврешенный 12, 215
 совершенный 12, 13, 215
Воеводина 23, 24, 167, 333, 334, 527
военный 11, 35, 170, 206, 441, 532
вокализация 16, 44, 191, 210, 226, 228, 376, 390
вокализм 48, 209, 210, 214, 216, 222, 223, 243, 328, 516, 559
восприятие 54, 58, 59, 111, 141, 214, 501, 516, 541

время 12, 22, 21, 24, 30, 32, 35,
36, 38, 39, 44, 53, 54, 62, 67, 68,
112, 113, 115, 119, 120, 121,
122, 126, 135, 137, 140, 141,
153, 155, 157, 161, 164, 171,
173, 175, 176, 177, 181, 199,
202, 212, 217, 219, 220, 222,
223, 225, 230, 231, 234, 237,
238, 258, 270, 316, 318, 321,
329, 360, 361, 362, 366, 369,
372, 382, 389, 390, 401, 429,
431, 445, 455, 469, 473, 474,
476, 477, 480, 483, 489, 493,
494, 495, 496, 501, 502, 504,
505, 508, 509, 511, 514, 517,
520, 526, 527, 530, 532, 536,
537, 540, 543
будущее 44, 259, 342
настоящее 12, 37, 49, 53,
112, 121, 175, 235, 257, 328,
338, 363, 390, 421, 455, 460,
461, 464, 465, 466, 467, 470,
488, 507, 510, 525, 529, 536,
540
прошедшее 12, 161, 177,
197, 200, 379, 464
вуковец
хорватский 32
выражение 25, 29, 39, 40, 62,
97, 113, 176, 318, 360, 375, 473,
477, 480, 504, 523
языковое 520

Г

германизм 33, 432
Герцеговина 22, 37, 38, 40, 44,
102, 161, 167, 168, 174, 176,
333, 334, 335, 337, 338, 510,
511, 516, 530, 531, 533
герцеговинский 22, 67, 175,
178, 212, 335, 336, 459, 510,
516, 531, 532, 561
гетерогенность 63
гиперкатегория 64, 95, 96, 97,
99

гипокористика 11, 250, 251,
252, 255, 271, 277, 283, 284
глагол 11, 46, 47, 173, 174,
175, 176, 177, 180, 191, 197,
210, 215, 225, 235, 294, 345,
346, 349, 353, 364, 370, 377,
379, 386, 387, 393, 394, 396,
397, 398, 399, 417, 418, 429,
430, 455, 457, 458, 463, 475,
481, 484, 488, 490, 507, 510,
529, 542, 547, 554, 563, 572
вспомогательный 44, 176,
262, 488
глаголица 21, 30, 102
глагольный 186, 197, 201, 263,
269, 270, 271, 275, 342, 451,
488, 510, 512
гласный 5, 7, 16, 17, 21, 25, 26,
27, 44, 45, 46, 47, 48, 58, 64, 65,
66, 71, 72, 75, 78, 82, 88, 97,
102, 106, 113, 114, 115, 116,
117, 119, 120, 121, 122, 124,
125, 128, 133, 134, 135, 136,
137, 138, 139, 141, 142, 143,
144, 146, 147, 148, 149, 150,
151, 152, 154, 155, 156, 157,
158, 159, 160, 162, 163, 164,
166, 171, 178, 182, 183, 185,
186, 187, 189, 191, 193, 197,
198, 199, 200, 201, 202, 205,
206, 207, 208, 209, 210, 211,
212, 213, 215, 216, 217, 218,
219, 220, 221, 222, 223, 224,
225, 226, 227, 228, 229, 230,
231, 232, 233, 234, 235, 236,
237, 238, 239, 240, 241, 242,
243, 245, 264, 265, 268, 281,
298, 316, 317, 321, 323, 324,
325, 328, 329, 330, 338, 346,
349, 350, 351, 353, 354, 355,
359, 360, 361, 362, 363, 364,
365, 366, 369, 373, 375, 376,
381, 388, 390, 391, 394, 395,
401, 424, 455, 458, 459, 461,

- 463, 464, 469, 470, 471, 472,
485, 486, 489, 490, 494, 500,
503, 510, 511, 537, 539, 540,
542, 545
беглый 193
выпадение 46
заднего ряда 45, 136, 183,
208, 209, 212, 222, 231, 240,
346, 355, 365
закрытый 162, 220
кайкавский 46
корреляция 16, 205
лабиализованный 7, 88, 212
открытый 220, 223, 228
переднего ряда 7, 45, 88,
136, 183, 200, 209, 222, 240,
329, 346, 359, 361, 362, 363,
366, 373, 401, 455, 461, 464
редуцированный 45, 50,
198, 208, 209, 210, 376, 465
заднего ряда 208, 209
переднего ряда 210
утрата 191, 198
чередование 185, 186, 198
глотка 105, 106, 107, 108, 109,
119, 134, 279
глоттальный 422
глухой 11
говор
Воеводины 335
восточнобоснийский 44
восточногерцеговинский
44, 45, 211, 332, 333, 335,
460
кайкавский 46, 164, 192,
234, 460, 461
косовско-ресавский 44, 335
призренско-тимокский 44,
337, 338
Сврлига 45
Сврлига и Запланы 45
северо-восточный 46
славонский 45
Смедерева и Вршаца 44
тимокско-лужицкий 45
торлакский 333
чакавский 49, 164, 199, 210
штокавский 44, 233, 333,
334, 348, 351, 371, 392, 460,
461, 537, 559
Шумадии 44, 213
Шумадии и Воеводины 44,
213
гомогенность 63
градищанско-хорватский 11,
558, 566, 569, 570, 571, 573,
574, 578, 581, 588, 589, 590,
594
Гралис 16, 51, 250, 289, 290,
293, 315, 470, 590
Гралис-Корпус 16, 51, 590
грамматика 3, 4, 17, 22, 25, 31,
36, 37, 40, 51, 67, 80, 84, 102,
109, 114, 120, 124, 137, 171,
221, 421, 476, 480, 492, 512,
513, 525, 532, 534, 535, 545,
547, 548, 550, 551, 555, 559,
583, 585, 595
коррелятивная 62
славянская 32
грамматический 45, 46, 51,
125, 140, 164, 178, 183, 186,
294, 458, 460, 464, 501, 532,
546
грамота 22, 229, 272
графема 7, 8, 16, 82, 84, 91, 92,
93, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102,
103, 122, 208, 209, 229, 232,
235, 237, 238, 241, 243, 248,
277, 316, 329, 331, 342, 351,
358, 381, 390, 391, 397, 401
группа 84
кириллическая 80
графика 23, 25, 60, 65, 82, 98,
222, 233, 322, 343, 370
греческий 68, 71, 350, 481, 542
губно-губной 246, 248, 344,
364, 381

губно-зубной 83, 246, 248,
344, 364, 379, 381
губы 58, 105, 106, 108, 119,
136, 218, 222, 227, 229, 231,
239, 242, 255, 258, 276, 354,
369, 371, 372, 373, 374, 381,
386, 422, 423, 424

Д

далматизм 49, 334
далматинский 43
Далмация 37, 161, 167, 334
деепричастие 11, 176, 257
 прошедшего времени 177
дентальный 116, 131, 328, 447
депалатализация 333, 354
дефонологизация 83, 342
диалект 9, 11, 15, 21, 22, 24,
25, 26, 31, 43, 44, 45, 46, 47, 48,
50, 68, 122, 166, 167, 168, 176,
181, 201, 210, 211, 212, 217,
218, 234, 251, 268, 270, 277,
328, 331, 332, 333, 334, 335,
336, 337, 338, 350, 351, 352,
362, 376, 381, 393, 445, 457,
459, 465, 466, 485, 493, 496,
504, 505, 506, 508, 509, 510,
517, 519, 524, 526, 527, 528,
529, 530, 532, 533, 538, 540,
561, 571, 586
 Воеводины 336
 восточноболгарский 181
 восточнобоснийский 332,
 337
 восточногерцеговинский
 176, 211, 213, 337, 530
 герцеговинский 22
 древнештокавский 11
 кайкавский 31, 43, 45, 46,
 164, 375, 496, 516, 529
 косовско-ресавский 335,
 516
 новоштокавский 31, 500,
 508, 509, 517, 518

призренско-тимоцкий 210,
334, 335, 537
Сврлига 331
Сврлига и Запланы 331
славонский 166, 334
торлакский 212, 331, 338
чакавский 30, 31, 68, 192,
234, 493, 509, 517
штокавский 22, 25, 30, 31,
32, 43, 44, 166, 191, 211, 212,
213, 331, 337, 352, 459, 485,
500, 509, 512, 516, 520, 524,
529, 531, 537
Шумадии 22, 211, 528
Шумадии и Воеводины 22,
211, 528
 южный 25, 497
диалектный 11, 16, 21, 23, 67,
161, 167, 209, 210, 211, 213,
221, 222, 288, 352, 393, 460,
493, 522, 539
дивергенция 22, 63, 82, 343
диглоссия 23
дифференциация
 перцептивная 74
дифтонг 45, 47, 74, 83, 84, 116,
117, 120, 121, 122, 129, 137,
162, 163, 164, 165, 166, 171,
218, 226, 230, 240, 241, 242,
243, 354, 458, 461, 502
дифтонгизация 49, 237
дифтонгический 47, 120, 163,
165, 200, 218
долгота
 заударная 359, 486, 503,
 510, 528, 535
 предударная 48
древнештокавский 11
дуализм 526, 536
дублет 35, 74, 162, 169, 173,
174, 175, 177, 178, 180, 183,
191, 332, 451, 453, 494, 498,
509, 522, 523, 529, 532

Е

еврейский 71
 единица
 стилистическая 51
 фонетико-фонологическая 64
 фонологическая 45, 66, 128
 екавица 179
 екавский 122, 164, 315, 316, 317, 318, 320, 466, 470

Ж

жанр 24, 53, 156, 504
 жаргон 11
 жаргонный 11, 277

З

задненебный 248, 329, 361, 386, 455, 458, 459
 заднеязычный 7, 83, 234, 361, 368, 370, 378, 391, 447, 461
 задний 7, 46, 78, 88, 106, 107, 108, 114, 115, 116, 118, 137, 138, 209, 210, 211, 214, 222, 226, 227, 229, 230, 239, 242, 252, 332, 346, 359, 365, 366, 368, 369, 370, 378, 390, 422, 424, 465
 заимствование 38, 71, 78, 178, 182, 183, 192, 211, 218, 222, 265, 279, 295, 316, 317, 324, 329, 331, 333, 337, 350, 352, 381, 401, 432, 469, 490, 504, 508, 509, 515, 542
 закон
 Винодольский 30
 открытого слога 21, 199, 331, 375, 472
 закрытый 7, 45, 49, 78, 88, 129, 135, 137, 138, 162, 163, 164, 202, 211, 212, 217, 220, 221, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 235, 241, 325, 375, 469, 538
 запись 52, 55, 60, 77, 139, 140, 146, 213, 418

затвор 321

звонкий 11

звук 7, 9, 16, 22, 25, 46, 48, 49, 55, 57, 58, 59, 60, 61, 68, 77, 78, 80, 82, 91, 103, 106, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 128, 129, 130, 135, 137, 138, 140, 141, 154, 159, 161, 162, 168, 183, 192, 199, 200, 202, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 216, 217, 218, 220, 221, 222, 224, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 240, 242, 243, 245, 250, 252, 253, 255, 256, 259, 269, 274, 276, 277, 280, 284, 288, 289, 295, 298, 321, 323, 325, 328, 329, 331, 332, 333, 335, 336, 338, 341, 343, 344, 346, 347, 350, 351, 352, 353, 354, 359, 361, 362, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 371, 372, 373, 374, 375, 378, 379, 380, 385, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 395, 398, 421, 422, 423, 424, 453, 458, 460, 461, 463, 467, 468, 469, 471, 482, 486, 494, 501, 540, 596

глухой 82, 202

губно-губной 246, 248, 344, 364, 381

губно-зубной 83, 246, 248, 344, 364, 379, 381

двойной 226, 329

звонкий 353, 392

носовой 113, 367

образование 57, 58

свистящий 263

фрикативный 359

хорватский 83, 423

чакавский 82

языка 57, 58, 61

звуковой

волна 57, 58
знак
 система 77
 фонетический 83
значение 7, 34, 35, 49, 53, 62,
66, 68, 71, 74, 75, 110, 111, 112,
113, 125, 140, 141, 143, 146,
152, 172, 173, 175, 179, 192,
202, 215, 226, 227, 241, 253,
254, 257, 264, 269, 270, 273,
274, 278, 292, 295, 319, 340,
364, 431, 462, 479, 596

И

идентичность 75
иекавизм 170, 180, 181
иекавица 71, 155, 161, 162,
169, 170, 171, 172, 173, 176,
177, 178, 179, 180, 275
иекавский 11, 22, 24, 25, 27,
28, 29, 38, 44, 67, 74, 120, 121,
122, 123, 161, 165, 166, 168,
170, 171, 172, 173, 174, 176,
178, 180, 182, 215, 271, 331,
338, 526, 527, 530
икавица 167, 171
икавский 11, 22, 45, 122, 161,
166, 167, 180, 213, 331, 332,
333, 334, 335, 459, 460, 505
императив 11, 123, 213, 457,
458, 481
имя
 прилагательное 12, 72, 157,
 161, 173, 177, 179, 180, 184,
 189, 190, 191, 196, 201, 253,
 262, 267, 294, 295, 316, 433,
 442, 443, 449, 457, 458, 461,
 467, 473, 475, 488, 510, 529
 существительное 13, 26, 27,
 72, 157, 173, 180, 183, 189,
 191, 193, 194, 195, 196, 197,
 198, 201, 217, 253, 259, 261,
 262, 271, 273, 275, 276, 294,
 376, 455, 456, 457, 458, 459,

460, 461, 467, 475, 488, 490,
507, 509, 510, 529, 542, 556
числительное 13, 200, 316,
529
индоевропейский 8, 11, 65,
100, 162, 163, 185, 186, 199
интенсивность 55, 58, 111,
115, 119, 123, 124, 141, 154,
220, 224, 231, 347, 473, 474,
480, 484, 485, 510
интервокальный 7, 47, 88, 120,
322
интеркорреляционал 15, 16,
62, 63, 64, 205, 344
интерлингвистический 15, 17,
62, 417
интернационализм 35, 110,
533
интонационный
 конструкция 473, 480
интонация 16, 44, 47, 54, 55,
68, 124, 163, 165, 212, 225, 351,
473, 474, 475, 476, 477, 479,
480, 482, 527, 530, 535, 537,
541, 550, 551
 восходящая 124, 496, 537
 нисходящая 112, 124, 125,
 225, 232, 474, 489, 503
интракорреляционал 15, 16,
62, 64, 205, 405
интралингвистический 15, 62
инфикс 71, 183
информационная программа
 центральная
 сербского телевидения 14

Й

йотация 16, 201, 255, 329, 451,
461, 463, 464, 465, 466
 новая 44
 новейшая 333

И

Истрийское распределение 30
Истрия 43, 161, 168, 212, 270,
284, 334

итальянский 170, 206, 212,
332, 333, 425, 485

К

кайкавский 9, 11, 31, 43, 45,
46, 48, 50, 164, 166, 176, 192,
197, 199, 210, 234, 334, 375,
459, 460, 461, 485, 496, 505,
509, 512, 516, 517, 518, 519,
529

камора

о с каморой 212

кановский 50

канонический 53, 526

категориал 15, 62, 66, 286

кашубский 11, 91, 329, 538

кириллица 18, 21, 24, 27, 28,
29, 30, 37, 91, 95, 96, 97, 100,
102, 103, 455

код 250, 284

кодификация 38

комбинация

ось 62

коммуникация

языковая 58

композица 71, 442

конвергенция 22

конец

слов и словоформ 49

консонантизм 48, 210, 221,
223, 319, 328, 362, 427

корпус 17, 51, 52, 53, 54, 55,
85, 139, 141, 158, 159, 211, 213,
246, 256, 293, 304, 305, 340,
341, 470, 471, 504, 599

Гралис 16, 51, 470, 590

звучащей речи 51, 52, 53,
54, 55, 85, 256

пословный 51

свободный 51, 52

устной речи 139

фиксированный 51, 52

корреляционал 62, 64, 66, 222,
385, 427

корреляция 62, 315, 342, 349,
361, 427, 539, 551

между буквами и фонемами
84

фонологическая 62, 263,
538

Косово 334

криминалистика 59

Л

латинский 18, 21, 23, 30, 33,
37, 71, 77, 79, 80, 91, 93, 95, 97,
98, 101, 102, 170, 210, 229, 442,
542

лексема 53, 54, 81, 113, 121,
140, 173, 175, 177, 178, 179,
180, 207, 263, 277, 294, 500,
501, 504, 509

литература 18, 24, 26, 110,
211, 222, 235, 243, 480, 492,
503, 545, 547, 559, 566

научная 24, 84

специальная 84

литературный 15, 21, 22, 21,
22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31,
32, 33, 34, 35, 36, 38, 47, 63, 64,
67, 68, 74, 80, 91, 129, 169, 173,
212, 215, 217, 218, 219, 221,
222, 231, 232, 236, 242, 263,
321, 327, 328, 329, 337, 350,
351, 354, 381, 422, 459, 460,
462, 494, 497, 498, 502, 503,
504, 505, 508, 509, 511, 512,
513, 514, 515, 517, 518, 519,
523, 525, 527, 528, 529, 530,
531, 532, 533, 534, 535, 537,
538, 539, 545, 546, 548, 553,
561, 571, 586, 587, 591, 592

лицо 11, 35, 112, 153, 156, 161,
163, 173, 174, 195, 206, 235,
259, 261, 262, 263, 267, 268,
271, 273, 275, 276, 337, 351,
365, 370, 390, 395, 439, 455,
456, 459, 464, 465, 466, 478,
479, 488

лужицкий 8, 12, 63, 64, 465

М

македонский 8, 12, 13, 33, 40,
44, 63, 64, 91, 92, 93, 97, 98,
100, 102, 181, 208, 212, 216,
221, 327, 344, 349, 350, 351,
352, 355, 356, 367, 382, 417,
460, 465, 481, 485, 539, 592

матица

Матица иллирийская 32

Матица сербская 28, 29

Матица хорватская 28, 32

медицинское 12

междометие 12, 240, 241, 250,
263, 265, 270, 288, 294, 299,
348, 396, 469, 491, 533

местоимение 12, 198, 201, 212,
232, 239, 269, 273, 274, 336,
457, 488, 491, 529

вопросительное 43

Мирославово Евангелие 21

мозг 58, 268

монокорреляционал 62, 64

мононациональный 37, 38

морфема

грамматическая 45, 46

лексическая 45

морфологический 26, 35, 64,
128, 164, 165, 189, 198, 232,
445, 459, 497, 523, 524, 556

морфология 554, 585, 591

морфонологический 16, 64,
187, 459, 460, 461

мультикорреляционал 62

мусульманин 21, 32, 37, 38,
212, 335, 337, 442, 495

боснийский 21, 37

мягкий 7, 8, 32, 46, 65, 82, 106,
107, 108, 109, 113, 117, 119,
122, 131, 132, 164, 181, 187,
209, 220, 222, 225, 226, 227,
230, 232, 236, 240, 242, 245,
255, 256, 326, 328, 329, 334,
344, 346, 347, 349, 350, 351,

353, 354, 355, 356, 358, 359,
360, 361, 362, 364, 365, 366,
367, 369, 370, 371, 372, 373,
377, 378, 379, 380, 382, 384,
385, 386, 387, 388, 390, 391,
392, 394, 395, 396, 398, 399,
401, 405, 422, 453, 458, 461,
538, 563

мягкость 65, 122, 131, 209,
230, 239, 242, 321, 328, 329,
346, 353, 354, 356, 359, 360,
361, 362, 366, 384, 388, 390,
391, 394, 466, 538, 539, 551

Н

назализованный 78, 115

название

национальное 39

языка 28, 38

наречие 12, 26, 32, 71, 129,
270, 431, 475, 538

национальный 16, 21, 32, 37,
38, 77, 79, 80, 212, 512, 522,
532, 533, 535, 536

небо 106, 107, 108, 134, 219,
227, 228, 229, 235, 248, 255,
332, 333, 346, 359, 360, 365,
368, 369, 370, 372, 389, 390,
391, 394, 395, 398, 423, 424,
455, 477

мягкое 106, 107, 108, 109,
117, 119, 226, 227, 255, 365,
369, 370, 422

нёбо 242, 255, 344, 347, 366,
369, 371, 372, 373, 390, 395,
466

мягкое 365, 366, 367, 369,
371

нейрофонетика 59

немецкий 4, 12, 15, 16, 17, 64,
78, 79, 111, 114, 124, 134, 182,
185, 239, 243, 325, 346, 366,
378, 389, 398, 401, 417, 418,
419, 420, 421, 422, 423, 424,
425, 426, 427, 429, 432, 480,

485, 542, 545, 568, 573, 577,
578, 595, 596
нижнелужицкий 12, 14, 95, 99,
100, 101, 242, 327, 328, 385,
399, 401, 402, 405, 417
новоштокавский 12, 21, 25,
31, 32, 44, 333, 493, 495, 499,
500, 503, 505, 508, 509, 513,
516, 517, 518, 522, 526, 529,
532, 534, 535
Новый Сад 28, 29, 213, 507
норма 16, 23, 24, 25, 27, 29,
34, 36, 45, 59, 74, 75, 82, 120,
153, 169, 174, 175, 176, 215,
220, 231, 352, 390, 492, 493,
494, 495, 497, 498, 499, 500,
501, 502, 503, 505, 506, 507,
508, 509, 511, 512, 513, 514,
515, 516, 517, 518, 519, 520,
521, 522, 523, 524, 525, 526,
528, 529, 531, 532, 533, 535,
536
 имплицитная 74
 литературная 25, 531
 орфографическая 35, 519
 хорватская 34, 74, 82, 175,
 177, 343, 518
 языковая 33, 36, 75, 153,
 511, 523
нормализация 74
носовой 8, 44, 45, 50, 83, 113,
115, 118, 134, 135, 208, 209,
210, 212, 234, 237, 238, 240,
247, 248, 273, 329, 359, 367,
386, 421, 423, 429, 447, 455,
459

О

областной 12, 271, 272, 275
общечакавский 48
огласовка 176, 178, 186, 199,
215
оглушение 248, 323, 352, 363,
375, 379, 380, 392, 398
 частичное 48

окончание 28, 68, 71, 72, 163,
183, 228, 243, 348, 456, 458,
488
окраска
 сербская 72
омограф 341, 342
описание
 фонетическое 74
оппозиция 75, 112, 207, 230,
263, 331, 334, 341, 342, 374,
375, 425, 427
 фонологическая 230, 538
ориентализм 38, 279
орфографический 25, 28, 35,
37, 38, 77, 81, 84, 102, 103, 322,
341, 343, 502, 519
орфография 24, 28, 31, 32, 35,
60, 67, 80, 81, 102, 103, 215,
295, 346, 350, 390, 445, 453,
502
открытый 7, 45, 51, 78, 82, 88,
114, 129, 135, 137, 159, 162,
163, 166, 202, 213, 217, 220,
223, 225, 226, 227, 228, 229,
235, 241, 242, 326, 423, 469,
470, 503, 529, 538
отношение
 между гласными и
 согласными 64
 система 62, 64, 216
 трехчленное 298

П

падеж
 винительный 11, 183, 201,
 203, 235, 259, 261, 262, 271,
 274, 276, 282, 458, 459, 485,
 488, 489
 дательный 11, 198, 228, 253,
 342, 457, 458, 488, 489, 527,
 534
 звательный 11, 84, 203, 255,
 263, 271, 346, 347, 455, 456,
 507, 525

- именительный 4, 11, 18, 72, 161, 163, 178, 189, 192, 193, 198, 201, 254, 255, 262, 271, 273, 276, 293, 457, 458, 460, 485, 488, 490, 507, 525, 526, 545, 550, 551, 576, 596
местный 12, 501, 535
предложный 142
родительный 12, 26, 27, 49, 72, 112, 165, 193, 196, 198, 201, 205, 235, 251, 253, 254, 269, 270, 282, 286, 336, 354, 378, 385, 398, 430, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 442, 459, 467, 488, 489, 494, 507, 510, 515, 526, 527, 534
творительный 13, 183, 261, 447
палатализация 16, 46, 103, 116, 245, 255, 330, 349, 354, 361, 373, 380, 455, 457, 458, 459, 461, 464
 вторая 72, 459, 461
 первая 455, 456, 458, 459, 464
 третья 344
палатальность 244, 319, 401, 427
палатальный 7, 8, 32, 46, 48, 80, 83, 89, 113, 115, 116, 163, 165, 183, 245, 248, 259, 319, 320, 328, 330, 332, 333, 337, 344, 346, 347, 349, 353, 362, 364, 372, 386, 390, 391, 394, 422, 423, 427, 447, 450, 451, 452, 455, 458, 459, 463, 538
парадигматика 62
патофонетика 59
пауза 154, 288, 289, 319, 323, 348, 354, 380, 395, 432, 479
пейоратив 12, 267, 268, 275, 279, 283
пенультима 485, 542
передний 39, 78, 82, 106, 107, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 134, 137, 199, 208, 209, 210, 214, 222, 227, 230, 231, 238, 239, 240, 242, 255, 256, 332, 347, 349, 359, 365, 366, 367, 368, 369, 372, 373, 394, 395, 398, 461, 465, 479
письменность 21, 30, 199, 200, 363, 380, 514, 520
плавный 47, 115, 199, 200, 247, 248, 329, 354, 376, 386, 390, 481
подкорпус 51, 52, 158, 470
позиция
 беударная 45, 220, 221, 224, 231, 235, 236, 516, 530
 нулевая 7
 сильная 112, 123, 198, 199, 202, 210, 221, 230
 слабая 48, 112, 123, 191, 198, 199, 201, 210, 225, 230, 233, 234, 321, 361, 465
 ударная 45, 219, 527
политика
 языковая
 хорватская 33, 34, 35, 36
полногласие 47, 200, 223, 375
полугласный 7, 8, 88, 208, 210, 211, 217, 218, 223, 240, 248, 354, 390, 429
польский 8, 12, 13, 21, 32, 47, 63, 64, 65, 91, 92, 95, 99, 100, 101, 103, 112, 181, 186, 187, 199, 208, 219, 222, 228, 230, 237, 238, 239, 240, 315, 324, 325, 327, 328, 329, 361, 367, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 398, 402, 405, 413, 417, 462, 465, 480, 481, 485, 538, 542, 563, 566, 567
помеха 135
понимание 74, 106, 170, 171, 295

- поэтический 12, 120, 271
 правило
 орфографическое 28, 38, 84
 фонологическое 61
 правописание 25, 26, 28, 32,
 60, 72, 74, 84, 102, 120, 121,
 174, 220, 377, 438, 444, 445,
 469, 511, 519, 520
 боснийское 74
 бошняцкое 444, 461
 сербское 74, 444
 хорватское 31, 74, 81, 443
 праславянский 12, 22, 21, 45,
 49, 50, 64, 162, 163, 165, 183,
 185, 186, 200, 202, 209, 210,
 211, 216, 223, 226, 230, 233,
 330, 344, 352, 357, 362, 376,
 399, 457, 461, 463, 464, 467,
 472, 537, 538
 предлог 47, 71, 72, 126, 129,
 197, 207, 229, 284, 363, 489,
 490, 524
 предложение 17, 52, 54, 55,
 80, 82, 121, 139, 140, 273, 284,
 342, 343, 392, 471, 474, 475,
 476, 477, 478, 479, 480, 481,
 503, 518
 префикс 157, 172, 173, 174,
 209, 351, 431, 432, 442, 443,
 445, 450, 538
 придыхание 336, 425
 признак
 фонологический 61, 123,
 124
 принцип
 морфлогический 445
 фонологический 32, 35
 этимологический 220, 445
 приставка 47, 71, 128, 173,
 197, 229, 233, 294, 322, 363,
 381, 431, 442, 451
 притяжательный 12, 443, 461
 причастие 12, 48, 161, 177,
 189, 192, 201, 217, 444, 448,
 464, 465, 525
 прошедшего времени 192,
 202, 464, 465
 программа
 центральная
 информационная
 телевидения Боснии и
 Герцеговины 14
 центральная
 хорватского
 телевидения 14
 черногорского
 телевидения 14
 продолжительность 152, 154,
 482
 произношение 26, 28, 47, 49,
 65, 74, 78, 120, 123, 134, 135,
 161, 167, 169, 170, 192, 199,
 212, 215, 216, 217, 220, 221,
 224, 225, 226, 227, 228, 229,
 231, 234, 235, 236, 237, 238,
 239, 240, 241, 244, 248, 255,
 295, 322, 325, 328, 334, 335,
 347, 350, 352, 354, 359, 360,
 363, 364, 365, 366, 367, 369,
 371, 372, 373, 374, 380, 389,
 390, 392, 398, 422, 424, 427,
 475, 495, 496, 497, 501, 502,
 503, 505, 510, 512, 513, 514,
 515, 516, 517, 518, 519, 521,
 524, 527, 529, 530, 533, 534,
 535, 536, 541, 545, 568, 577
 вариант 32, 74, 169, 220,
 495, 496, 501, 504, 508, 513
 восточное 27
 дифтонгическое 120, 165
 закрытое 49, 217
 иекавское 22, 25, 67, 122,
 169, 170, 271
 икавское 166
 классическое 121
 мягкое 351

нормативное 60
открытое 217, 226, 227
сербохорватское 216
сербскохорватское 27
твердое 335, 391
хорватское 83, 496, 516
экавское 22, 122, 161, 170
проклитика 488, 490, 504, 506,
507, 511, 512, 515, 523, 526,
536, 542
протетический 45, 48, 338, 380
психология 58
пуризм 33, 532
пуристический 33, 35, 63

Р

разговорный 12, 24, 25, 28, 32,
68, 175, 176, 206, 207, 217, 220,
221, 231, 237, 250, 254, 268,
277, 279, 282, 283, 284, 285,
286, 392, 398, 459, 460, 480,
483, 510, 513, 515, 516, 519,
525, 532, 533, 551
различие 4, 18, 26, 27, 37, 50,
51, 63, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74,
75, 106, 107, 110, 112, 114, 121,
125, 127, 137, 139, 140, 152,
153, 154, 155, 163, 168, 171,
180, 186, 187, 202, 205, 210,
214, 215, 220, 236, 256, 263,
273, 277, 293, 298, 304, 328,
332, 333, 334, 338, 339, 340,
342, 343, 344, 347, 348, 351,
353, 359, 361, 362, 364, 380,
392, 393, 394, 398, 422, 477,
479, 480, 483, 491, 493, 494,
495, 496, 499, 501, 502, 505,
506, 510, 516, 521, 522, 526,
527, 530, 531, 533, 534, 535,
590
акустическое 74
артикуляционное 327, 354
звуковое 70
словообразовательное 71,
169

фонетико-фонологическое
67, 74, 75, 153
фонетическое 68, 74, 75,
215, 354
фонологическое 74
распределение 112, 115, 155,
157, 159, 214, 264, 265, 328,
497, 537
расстояние 63, 64, 341, 355,
405, 422, 423, 424
 максимальное 402
 минимальное 401
реализация
 акустическая 74
редакция 24, 28, 502, 515
резонатор 105, 107, 115, 116,
117, 134, 256
ретрокорреляционал 15, 16, 64
рефлекс 5, 16, 22, 32, 44, 45,
48, 74, 82, 120, 121, 122, 128,
155, 157, 159, 161, 162, 163,
164, 165, 166, 168, 170, 171,
173, 179, 181, 182, 192, 199,
210, 211, 215, 233, 234, 332,
376, 451, 466, 470, 502, 503,
510, 526, 533, 536, 559
 звука ять 32, 45, 48, 74, 82,
 121, 122, 128, 155, 157, 159,
 161, 166, 168, 170, 171, 173,
 179, 182, 211, 451, 466, 470,
 502
 ятя 45, 82, 121, 122, 128,
 155, 157, 159, 161, 166, 168,
 171, 173, 179, 182, 211, 451,
 502
речь 5, 25, 29, 34, 51, 52, 53,
55, 58, 59, 62, 66, 68, 77, 84, 92,
105, 112, 113, 119, 126, 129,
137, 152, 153, 154, 162, 171,
179, 180, 200, 216, 217, 220,
221, 224, 236, 237, 242, 253,
254, 257, 258, 269, 270, 273,
274, 278, 279, 288, 289, 325,
352, 354, 357, 362, 370, 378,

380, 381, 382, 417, 443, 460,
466, 473, 480, 493, 496, 497,
498, 505, 507, 510, 511, 513,
514, 519, 522, 523, 526, 528,
534, 535, 540, 547, 548, 549,
550, 560, 561, 565, 583, 595,
596
 орган 105, 106, 107, 109,
 111, 116, 119, 234, 374
 порождение 58
 процесс 59, 508
 разговорная 25, 68, 217,
 220, 480, 483, 510, 513, 516,
 525, 532, 533, 551
 собственная
 восприятие 59
 устная 111, 152
род 11, 12, 26, 27, 49, 51, 54,
72, 112, 152, 161, 165, 183, 196,
198, 201, 205, 215, 217, 235,
251, 253, 254, 269, 270, 282,
283, 286, 336, 354, 378, 380,
385, 398, 430, 432, 433, 434,
435, 436, 437, 438, 442, 459,
467, 488, 489, 494, 507, 510,
515, 526, 527, 534
 женский 11, 72, 114, 183,
 189, 196, 197, 201, 217, 251,
 261, 262, 269, 270, 271, 273,
 275, 276, 277, 282, 283, 432,
 434, 435, 458, 488, 507, 542
 мужской 12, 72, 114, 161,
 181, 183, 189, 198, 201, 259,
 379, 455, 459, 462, 488, 507,
 509
 средний 13, 183, 196, 491,
 550
рот 78, 107, 108, 109, 116, 134,
135, 219, 222, 252, 256, 283,
325, 360, 365, 366, 389, 521
румынский 168, 334, 336, 481
русинский 12, 91
русский 4, 8, 12, 13, 15, 17, 18,
23, 24, 45, 47, 50, 55, 62, 63, 65,

71, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 100,
106, 107, 124, 126, 127, 129,
130, 131, 132, 133, 134, 135,
159, 160, 163, 165, 181, 187,
191, 192, 199, 201, 202, 208,
209, 210, 218, 219, 220, 222,
223, 224, 225, 226, 227, 228,
229, 230, 231, 232, 234, 235,
236, 239, 240, 242, 243, 266,
282, 288, 294, 315, 316, 323,
324, 325, 326, 327, 328, 330,
346, 349, 352, 354, 357, 358,
359, 360, 361, 362, 363, 364,
365, 366, 367, 368, 369, 370,
371, 372, 373, 374, 375, 376,
379, 380, 381, 382, 385, 388,
389, 390, 391, 392, 394, 396,
397, 401, 427, 438, 445, 453,
461, 465, 466, 468, 480, 485,
493, 537, 538, 540, 541, 542,
545, 546, 547, 548, 550, 551,
553, 554, 555, 559, 560, 561,
563, 564, 565, 567, 568, 572,
573, 574, 583, 584, 586, 587,
588, 593, 595, 599

С

Санджак 36, 44, 161, 211, 331,
335, 337, 485
свойство
 физическое 58
селекция
 ось 62
серб 12, 21, 22, 21, 22, 23, 25,
27, 28, 31, 32, 34, 37, 39, 40, 63,
68, 71, 73, 74, 82, 93, 102, 167,
170, 186, 191, 215, 216, 225,
229, 330, 335, 341, 343, 359,
360, 367, 368, 376, 385, 398,
466, 470, 495, 502, 533, 537,
571, 586, 587
сербизм 33, 35
Сербия 21, 22, 23, 24, 28, 29,
37, 40, 43, 44, 120, 152, 161,
166, 167, 168, 171, 176, 180,

- 202, 206, 215, 233, 433, 442,
469, 505, 514, 515, 516, 526,
528, 530, 534, 536, 576
сербохорватский 7, 12, 15, 17,
21, 43, 44, 45, 48, 51, 53, 54, 61,
63, 64, 66, 73, 74, 79, 95, 97, 98,
99, 101, 102, 107, 108, 113, 114,
124, 129, 135, 137, 161, 165,
168, 172, 185, 199, 202, 205,
208, 210, 212, 216, 217, 219,
221, 222, 223, 224, 225, 226,
227, 228, 229, 230, 231, 232,
234, 235, 236, 237, 238, 239,
240, 241, 242, 243, 245, 246,
247, 248, 263, 286, 288, 289,
323, 327, 329, 331, 339, 344,
346, 347, 348, 349, 350, 351,
352, 353, 354, 355, 356, 357,
358, 359, 363, 364, 365, 368,
369, 370, 371, 372, 373, 374,
375, 376, 378, 380, 381, 382,
385, 388, 389, 391, 392, 393,
394, 396, 397, 398, 399, 401,
403, 405, 413, 417, 421, 422,
423, 424, 425, 426, 427, 429,
445, 453, 455, 459, 465, 469,
474, 480, 485, 486, 488, 492,
493, 513, 535, 540, 541, 542,
543
сербский 3, 4, 12, 13, 14, 15,
16, 17, 18, 21, 22, 21, 22, 23, 24,
25, 27, 28, 29, 32, 33, 34, 37, 38,
39, 40, 43, 45, 50, 53, 63, 67, 68,
69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 79, 80,
82, 91, 92, 93, 95, 97, 99, 100,
101, 102, 103, 108, 109, 110,
114, 122, 123, 124, 126, 127,
128, 137, 139, 140, 141, 152,
157, 158, 159, 161, 168, 170,
173, 175, 176, 177, 178, 179,
181, 186, 191, 198, 202, 207,
210, 213, 215, 217, 222, 223,
224, 225, 226, 227, 228, 234,
259, 268, 286, 287, 288, 289,
291, 294, 295, 296, 297, 298,
311, 314, 322, 325, 330, 338,
339, 341, 343, 359, 367, 368,
370, 376, 385, 398, 444, 461,
466, 470, 471, 472, 474, 481,
483, 491, 492, 493, 495, 499,
500, 501, 502, 503, 504, 505,
506, 510, 511, 513, 514, 516,
517, 518, 522, 525, 526, 527,
529, 530, 531, 533, 534, 535,
536, 537, 554, 562, 565, 586
симметрия 63
синоним 12, 35, 524
синонимия 110
синтагма 54, 77, 159, 475, 478
синтагматика 62
система
 графическая 91, 95, 96, 97,
 98, 99, 100, 342, 343
 корреляционная 15, 205,
 417
 языковая 36, 61, 111, 205,
 499, 532
ситуация
 языковая
 хорватская 519
склонение 44, 121, 195, 232,
458, 497, 556
скобка
 квадратная 77
 косая 77, 81
 угловая 81
славистика 15, 39, 40, 51, 551
Славония 161, 166, 332, 333,
335, 337, 338, 487
славонский 45, 166, 334, 337,
459
славяносербский 12, 23, 24, 25
словарь различий 33
словацкий 8, 13, 63, 64, 398,
465
словенский 13, 63, 64, 217,
465, 572

- слово 17, 22, 23, 27, 35, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 59, 60, 62, 68, 71, 72, 77, 79, 81, 82, 84, 88, 96, 110, 112, 113, 114, 120, 121, 123, 126, 127, 134, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 157, 162, 166, 169, 170, 171, 173, 175, 178, 179, 182, 183, 185, 189, 192, 194, 195, 200, 201, 202, 205, 211, 212, 215, 217, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 250, 251, 254, 255, 258, 263, 265, 275, 276, 277, 279, 284, 286, 289, 290, 294, 295, 297, 315, 316, 317, 322, 323, 325, 331, 333, 334, 336, 337, 338, 341, 342, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 359, 363, 365, 366, 367, 368, 369, 371, 372, 373, 374, 375, 378, 380, 381, 388, 389, 390, 392, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 424, 425, 431, 432, 438, 442, 443, 445, 447, 451, 453, 459, 462, 467, 469, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 479, 480, 483, 484, 485, 487, 488, 489, 490, 491, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 504, 506, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 515, 518, 521, 522, 523, 524, 526, 527, 528, 529, 533, 534, 536, 537, 538, 539, 541, 542, 556, 582, 586
- заимствованное 129, 240, 241, 316, 374, 381, 388, 398, 459, 469, 501
- значение 241, 295, 479
- иностранное 241, 469, 539
- конец 46, 48, 68, 69, 71, 128, 164, 181, 189, 191, 198, 210, 223, 235, 236, 237, 248, 250, 251, 252, 254, 264, 271, 275, 287, 315, 316, 317, 318, 331, 333, 334, 336, 337, 346, 347, 348, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 375, 378, 382, 388, 390, 391, 392, 395, 397, 398, 469, 484, 515, 526, 536
- начало 44, 45, 46, 47, 121, 209, 217, 223, 227, 228, 229, 231, 233, 239, 241, 250, 251, 252, 254, 264, 270, 274, 287, 316, 317, 318, 333, 336, 338, 351, 353, 376, 381, 396, 467, 469, 531, 541
- односложное 324, 486, 487
- сербское 70, 71, 109, 287, 289, 297
- середина 48, 209, 233, 234, 250, 251, 252, 254, 264, 270, 271, 274, 287, 315, 336, 348, 351, 378, 425, 469, 496, 500, 506, 526, 528
- сложное 432, 452, 487, 488, 543
- трехсложное 50
- форма 189, 507
- хорватское 70, 500
- словосочетание 110, 475, 509
- слог 16, 21, 23, 25, 26, 27, 44, 47, 48, 49, 50, 59, 70, 96, 120, 121, 122, 125, 127, 135, 136, 146, 157, 163, 165, 173, 178, 181, 189, 191, 198, 199, 202, 221, 223, 224, 227, 230, 231, 232, 233, 235, 236, 237, 242, 318, 324, 325, 334, 344, 353, 355, 358, 361, 370, 375, 376, 388, 422, 459, 469, 470, 472, 473, 475, 481, 483, 484, 485, 486, 487, 490, 496, 501, 503, 507, 508, 509, 513, 515, 523, 524, 530, 533, 534, 537, 538,

- 539, 540, 541, 542, 543, 567, 581
долгий 538, 541
заударный 221
конец 44, 46, 68, 69, 71, 78, 210, 353, 486
краткий 122, 166
последний 159, 482, 487, 523, 524, 526, 533, 534
предударный 231, 236
ударный 48, 222, 231, 235, 473, 481, 483, 485, 486, 487, 496, 510, 516, 527, 530, 534, 539, 540, 541
слоговой 7, 8, 26, 45, 47, 48, 83, 84, 85, 96, 124, 126, 127, 128, 135, 137, 203, 209, 210, 232, 233, 240, 265, 268, 298, 316, 331, 334, 351, 394, 398, 471, 538
слоогообразующий 7, 8, 84, 118, 136, 158, 205, 207, 209, 213, 222, 233, 234, 240, 241, 242, 265, 331, 334, 375, 397, 398, 469, 501
слуховой 58, 516
смыслоразличительный 57, 61, 111, 112, 125, 127, 222, 251, 254, 274, 277, 281, 348, 425, 491, 539, 543
согласный
взрывной 7, 359
выпадение 16
губно-губной 246, 248, 344, 364, 381
губно-зубной 83, 246, 248, 344, 364, 379, 381
двойной 295, 326, 468
задненебный 248, 329, 361, 386, 455, 458, 459
заднеязычный 7, 83, 234, 361, 368, 370, 378, 391, 447, 461
корреляции 5, 281, 288, 290, 292, 293, 296, 299, 304, 305, 312, 327, 338
мягкий 65, 164, 222, 225, 230, 232, 236, 240, 242, 328, 329, 347, 353, 356, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 378, 385, 388, 391, 394, 398, 405, 461, 538, 563
носовой 238
отношение 75, 287, 343
палатальный 163, 319, 346, 349, 391, 450, 538
переднебный 82, 183, 248, 447
переднеязычный 129, 326, 332, 365, 388, 390, 394, 422, 468
смычный 115, 321
твердый 181, 216, 227, 229, 238, 239, 346, 349, 359, 360, 361, 363, 370, 376, 391, 394, 396, 398, 399, 461
фрикативный 321
чередование 201
щелевой 237
сонорный 44, 116, 117, 126, 135, 178, 203, 207, 210, 212, 213, 217, 245, 298, 317, 318, 320, 322, 323, 326, 329, 337, 353, 354, 360, 363, 364, 371, 381, 390, 466, 467
сочетание 24, 44, 46, 47, 48, 50, 66, 77, 80, 88, 89, 100, 112, 128, 129, 134, 163, 166, 172, 183, 199, 200, 210, 213, 216, 217, 218, 223, 226, 227, 229, 233, 234, 238, 264, 265, 266, 267, 286, 287, 289, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 300, 302, 303, 306, 309, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 320, 321, 323, 326, 329, 331, 333, 338, 343, 344, 346,

352, 354, 357, 375, 378, 380,
385, 388, 390, 391, 431, 432,
438, 447, 451, 453, 455, 459,
465, 466, 467, 468, 470, 471,
475, 486, 490, 501, 542, 587
союз 28, 229, 252, 421, 480,
489, 490, 539
справочник 33, 84, 102, 103,
120, 492, 510, 512, 519, 523,
524, 525, 535, 546
сравнительный 13, 18, 59, 67,
257, 464, 493, 510, 512, 516,
547, 548, 550
стандарт 16, 34, 35, 36, 60, 74,
75, 157, 168, 173, 175, 176, 178,
180, 422, 519, 520, 521, 522,
525, 529, 531
 бошняцкий 176, 178, 343
 хорватский 122, 174, 176,
 177, 178, 509, 530
стандартизация 29, 445, 492,
529, 530, 534, 536
старославянский 8, 13, 21, 26,
27, 30, 47, 65, 66, 91, 92, 93, 95,
100, 163, 170, 201, 202, 208,
209, 210, 228, 233, 237, 252,
327, 329, 330, 331, 344, 350,
363, 375, 376, 465, 553
староштокавский 44, 530
степень
 превосходная 12, 294, 295,
 488, 542
 сравнительная 13, 257, 275,
 277, 282, 283, 464, 510
стилевой 74
стилистический 35, 51, 68,
120, 123, 176, 179, 492
стиль 24, 31, 220, 221, 322,
504, 509
 научный 84
 разговорный 221
суперкорреляционал 15, 16,
62, 63, 64, 205, 357, 382, 384,
385, 402, 403, 404, 405

супракорреляционал 15, 16,
62, 63, 64, 205, 355, 356, 357,
382, 384
сходство 4, 50, 51, 63, 214,
361, 491, 530

Т

твёрдость 65, 131, 230, 328,
329, 346, 353, 354, 360, 361,
362, 372, 391, 394, 539, 551
твёрдый 82, 106, 107, 108, 109,
117, 131, 132, 164, 181, 187,
209, 216, 225, 227, 228, 229,
230, 232, 238, 239, 242, 245,
255, 256, 266, 306, 326, 327,
328, 330, 332, 333, 335, 337,
346, 347, 349, 352, 353, 358,
359, 360, 361, 362, 363, 364,
365, 366, 368, 369, 370, 371,
372, 373, 374, 376, 377, 378,
379, 380, 382, 385, 386, 387,
388, 389, 390, 391, 394, 395,
396, 398, 399, 405, 455, 458,
461, 466, 563
текст 16, 22, 23, 25, 26, 28, 30,
31, 51, 52, 53, 68, 123, 139, 140,
153, 157, 158, 159, 170, 210,
224, 246, 292, 293, 303, 304,
305, 325, 341, 363, 369, 474,
482, 483, 484, 573
темный 111, 117, 119, 216,
221, 362
термин 22, 34, 38, 49, 106, 107,
108, 109, 110, 137, 354, 393,
442, 504, 515, 518, 547
 научный 39, 62
 хорватский 35
терминологический 62, 107,
114, 137, 504
терминология 28, 35, 110, 124,
492, 504
техника
 криминалистическая 59
традиция
 языковая

хорватская 33, 34
транскрибема 77, 79, 80, 82,
84, 85, 86, 209
транскрипция 16, 54, 77, 79,
80, 81, 82, 84, 85, 87, 88, 120,
161, 170, 210, 353, 364, 387
боснийская 84
национальная 80
фонетическая 55, 77, 84
фонологическая 16, 77
хорватская 87, 88
транслитерация 16, 346
турецкий 22, 23, 37, 211, 222,
250, 252, 350, 531

У

ударение 8, 16, 18, 27, 44, 46,
48, 53, 54, 68, 72, 125, 126, 127,
128, 135, 144, 147, 149, 150,
161, 162, 163, 164, 169, 179,
181, 199, 201, 202, 209, 212,
214, 215, 216, 217, 218, 221,
222, 225, 227, 231, 232, 235,
236, 240, 241, 242, 284, 295,
359, 361, 370, 372, 373, 381,
398, 459, 474, 475, 476, 477,
479, 480, 484, 485, 486, 487,
488, 489, 490, 491, 492, 493,
494, 495, 496, 497, 498, 499,
500, 501, 502, 503, 504, 505,
506, 507, 508, 509, 510, 511,
512, 513, 514, 515, 516, 517,
518, 519, 522, 523, 524, 525,
526, 527, 528, 529, 530, 532,
533, 534, 535, 536, 537, 539,
540, 541, 542, 564, 566, 567,
579
восходящее 50, 125, 127,
489, 496, 497, 498, 500, 513,
515, 524
динамическое 538, 540
долгое восходящее 49, 486,
497, 499, 501, 510, 535, 542
долгое нисходящее 49, 486,
488, 501, 511, 535, 542

каноническое 53, 526
классическое 499, 501, 512,
533, 534
краткое 161, 499, 500, 510,
516, 527, 532
краткое восходящее 50, 486,
496, 497, 498, 500, 511, 533
краткое нисходящее 49,
486, 496, 497, 498, 499, 500,
503, 506, 507, 511, 515, 526,
533, 535, 542
медленное 494
место удара 50, 125,
127, 381, 526, 537, 541
нисходящее 44, 125, 486,
489, 497, 498, 500, 501, 503,
506, 507, 508, 509, 512, 513,
515, 517, 523, 524, 526, 530,
531, 532, 533, 534, 536, 537,
541
норма 524
подвижное 485
праславянское место
удара 49
сербское 126, 127, 203, 223,
493, 499, 513, 526
система 506, 516, 520, 523,
531
устойчивое 519
фиксированное 485
хорватское 493, 499
ударный 45, 48, 135, 136, 159,
160, 181, 213, 217, 219, 221,
222, 223, 224, 225, 227, 231,
232, 235, 237, 242, 380, 381,
473, 480, 483, 485, 486, 487,
488, 490, 496, 498, 500, 504,
510, 511, 516, 527, 530, 534,
537, 539, 540, 541, 542
украинский 13, 14, 21, 47, 63,
64, 65, 91, 92, 93, 97, 98, 100,
181, 187, 200, 201, 208, 209,
222, 230, 235, 321, 327, 328,
357, 376, 378, 379, 381, 382,

385, 396, 398, 417, 462, 465,
481
ульtima 485, 487
уменьшительно-ласкательный
11, 251, 277
уменьшительный 13, 191, 250,
252, 254, 255, 262, 277, 398,
443
уничижительный 12, 180
уровень
 фонетико-фонологический
 62
устаревшее 13, 182
устаревший 13, 509, 524, 526
ухо 54, 58, 73, 255

Ф

факультативный 74, 123, 198,
243, 453, 504, 511, 526, 536
фонема 5, 7, 16, 46, 49, 60, 61,
65, 66, 74, 77, 82, 83, 84, 85, 91,
111, 112, 113, 114, 115, 116,
117, 120, 121, 122, 123, 124,
125, 126, 127, 128, 129, 131,
132, 133, 146, 154, 157, 158,
162, 163, 164, 168, 171, 187,
208, 211, 213, 214, 215, 217,
218, 219, 221, 222, 223, 225,
232, 236, 237, 238, 241, 242,
243, 246, 247, 258, 259, 261,
263, 264, 275, 277, 298, 316,
317, 318, 319, 320, 326, 327,
328, 331, 332, 333, 334, 335,
337, 338, 339, 341, 342, 343,
346, 347, 348, 349, 350, 351,
353, 354, 355, 356, 360, 361,
362, 371, 372, 373, 374, 375,
377, 382, 384, 386, 389, 390,
394, 397, 398, 399, 401, 403,
405, 412, 413, 416, 417, 418,
419, 420, 421, 423, 425, 426,
427, 443, 511, 537, 541, 563,
595
 группа 49, 172
 инвентарь 215

 славянская 65, 413
 универсальные,
 специфичные и
 эксклюзивные 65
фонема/звук
 различительные признаки
 61
фонематика 61
фонемика 61
фонетика 16, 57, 58, 59, 61, 66,
70, 220, 231, 367, 473, 492, 499,
507, 525, 555, 559, 561, 564,
566, 572, 574, 585, 586, 587,
592
 аудитивная 58
 говорящего 58
 инструментальная 59
 клиническая 59
 педагогическая 59
 психологическая 59
 сравительная 59
 судебная 59
 функциональная 61
 экспериментальная 59
фонетика/фонология
 коррелятивная 66
фонетический 4, 15, 16, 18, 24,
25, 46, 48, 55, 59, 61, 62, 66, 67,
68, 71, 74, 75, 77, 79, 81, 82, 83,
84, 103, 110, 111, 112, 113, 121,
122, 123, 128, 164, 168, 178,
187, 198, 201, 210, 212, 213,
215, 221, 224, 322, 325, 328,
337, 354, 361, 376, 392, 444,
445, 461, 474, 475, 497, 547,
569, 579
фонологический 4, 7, 15, 16,
17, 18, 32, 35, 45, 51, 61, 62, 64,
65, 66, 74, 77, 113, 120, 121,
122, 123, 124, 125, 127, 129,
154, 171, 187, 208, 213, 225,
230, 263, 281, 325, 328, 329,
338, 346, 349, 358, 361, 362,

389, 393, 537, 538, 541, 548,
566, 567, 579
фонология 16, 57, 61, 66, 80,
83, 123, 492, 569, 587, 591

форма

женского рода 48
иекавская 38, 178
морфологическая 26
мужского рода 196
экавская 161, 173, 174, 182

формант 111, 115, 133, 134,
138, 141, 143, 144, 146, 147,
152, 214, 219, 253, 257, 269,
270, 273, 274, 278

французский 237, 284, 425,
476, 480, 485, 534

фрикация 259, 332, 347, 350,
394

функция

дистинктивная 112, 501,
507
смыслоразличительная 61,
111, 125, 222, 491, 539, 543

Х

химический 13

химическое 13

Хорватий 21, 22, 28, 29, 30,
31, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 43, 44,
68, 120, 161, 166, 168, 176, 215,
268, 269, 283, 285, 499, 502,
503, 514, 515, 516, 536, 576
хорватский 3, 4, 11, 12, 13, 14,
15, 16, 17, 18, 21, 22, 21, 25, 28,
30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38,
39, 40, 43, 53, 62, 63, 67, 68, 69,
70, 71, 72, 73, 74, 75, 79, 80, 81,
82, 83, 84, 87, 88, 91, 93, 95, 99,
100, 101, 102, 103, 108, 109,
110, 114, 118, 119, 120, 121,
122, 123, 124, 137, 139, 140,
141, 152, 156, 158, 159, 161,
166, 168, 171, 173, 174, 175,
176, 178, 179, 181, 186, 191,
198, 202, 213, 214, 215, 222,

223, 225, 227, 234, 245, 330,
334, 337, 338, 339, 340, 341,
342, 343, 354, 357, 359, 367,
368, 370, 385, 398, 409, 414,
423, 424, 443, 445, 461, 466,
470, 471, 472, 491, 492, 493,
495, 496, 499, 500, 501, 502,
503, 504, 505, 506, 508, 509,
510, 511, 512, 513, 514, 515,
516, 517, 518, 519, 522, 523,
524, 525, 527, 529, 530, 531,
532, 533, 535, 537, 566
хорватско-бошняцкий 63, 158,
213
хорватскосербский 21, 24, 25,
28, 34, 38, 39, 67, 74, 493, 495,
498, 553
хроника 22, 73

Ц

цакавизм 333
циркумфлекс 48, 537
метатонический 48

Ч

чакавский 9, 13, 30, 31, 43, 48,
49, 50, 68, 82, 164, 176, 192,
199, 200, 210, 212, 234, 333,
338, 375, 459, 460, 461, 485,
493, 505, 509, 512, 517, 518,
519, 529, 537, 538
частица 13, 251, 476, 489, 490
частота 55, 58, 106, 111, 138,
154, 223, 245, 256, 306, 470,
471, 511, 522
чередование 16, 17, 121, 128,
185, 186, 187, 189, 192, 198,
201, 223, 429, 447, 459, 460,
461, 464, 465, 483
гласных 185, 186, 198
согласных 201
черногорец 21, 25, 28, 32, 40
черногорский 13, 62, 63
чешский 8, 13, 31, 47, 63, 64,
66, 91, 95, 99, 100, 101, 181,
208, 216, 222, 230, 237, 241,

242, 315, 327, 328, 329, 361,
367, 385, 393, 394, 396, 397,
398, 401, 405, 417, 462, 481,
485, 538, 542, 585, 591

число

единственное 11, 183, 189,
193, 198

множественное 12, 26, 27,
72, 143, 163, 165, 178, 182,
189, 190, 192, 193, 194, 197,
201, 254, 259, 261, 262, 263,
270, 274, 275, 276, 336, 337,
378, 386, 398, 455, 457, 458,
459, 460, 466, 467, 488, 489,
507, 510, 525, 526, 527, 534

чутье

языковое 34, 70

Ш

шва 7, 45, 78, 211, 217, 218,
219, 221, 501

шрифт 16, 97, 102

штокавский 13, 22, 25, 30, 31,
32, 43, 44, 46, 48, 49, 50, 124,
164, 165, 166, 176, 191, 210,
211, 212, 213, 233, 328, 331,
333, 334, 337, 348, 351, 352,
353, 371, 375, 392, 459, 460,
461, 485, 493, 494, 496, 500,
509, 512, 516, 519, 520, 524,
529, 530, 531, 537, 538, 559
шум 106, 111, 115, 117, 119,
135, 141, 245, 279, 282, 284,
354, 370, 395, 423, 424, 425,
494

шчакавский 44, 331, 332, 334,
335, 336, 338

Э

экавизация 170

экавизм 178, 179, 181, 593

экавица 68, 71, 122, 155, 161,
162, 166, 167, 169, 172, 176,
178, 341

экавский 13, 22, 25, 27, 28, 29,
44, 70, 112, 122, 129, 157, 161,

166, 168, 170, 172, 173, 174,
177, 180, 182, 189, 190, 191,
205, 206, 207, 215, 250, 251,
255, 259, 260, 261, 263, 269,
271, 272, 274, 277, 282, 283,
315, 316, 317, 318, 331, 332,
333, 335, 338, 456, 459, 466,
526, 528, 530

экспериментальный 58, 59,
111, 214

экстракорреляционный 15, 16,
62, 64, 205, 426

экстралингвистический 36

экстраркорреляционный 15, 16,
62, 64, 205, 426

экстрафонема

универсальная 65

эллизия 490

энклитика 13, 262, 488, 504,
512

этимология 26, 27

Ю

Югославия 22, 28, 38, 63, 67,
556, 560, 562, 563, 565

югославский 34, 374, 492, 556,
562

Я

язык

албанский 481

арабский 37

балканский 40, 526, 527,
539

белорусский 13, 92, 93, 100,
201, 236, 363, 380, 382, 462,
477, 565, 568, 576

болгарский 8, 11, 13, 47, 63,
92, 93, 100, 209, 219, 327,
329, 344, 346, 347, 465, 537,
539, 545, 570, 586

боснийский 36, 37, 38, 103,
109, 175, 176, 178, 444, 532,
533

бошняцкий 15, 38, 171, 173,
174, 175, 530

- бошняцкий/боснийский 22, 37, 67
бургенландский хорватский 11, 558, 566, 569, 570, 571, 573, 574, 578, 581, 588, 589, 590, 594
венгерский 485
верхнелужицкий 11, 47, 399, 465
восточнославянский 65, 222, 235, 236, 329, 357, 375, 380, 382, 465, 550
германский 11, 243, 326
государственный 22
древнештокавский 11
западнославянский 71, 209, 222, 237, 385, 401, 403, 405, 465
иллирийский 32
индоевропейский 8, 11, 65, 163
кашубский 11
латинский 30
литературный 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 38, 64, 67, 68, 80, 129, 217, 218, 219, 221, 231, 242, 263, 322, 327, 328, 462, 497, 498, 502, 504, 508, 509, 514, 525, 527, 530, 531, 532, 533, 534, 537, 538, 546, 548, 553, 587, 591, 592
 Венское соглашение 25, 26
 единый 32
 сербохорватский 171, 445, 460, 462
 сербскохорватский 200
 хорватский 34, 68, 72, 80, 84, 500, 502, 516, 517, 518, 524, 529
 хорваткосербский 28
 лужицкосербский 100, 542
македонский 221, 349, 350, 351, 352, 539
национальный 38, 79, 512, 536
неславянский 15, 65, 417
обозначение 38
общий 25, 27, 502, 521, 531
официальный 21, 28, 30
письменный 31, 175
польский 13, 32, 93, 95, 100, 238, 239, 240, 325, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 462, 542, 563, 566, 567
праславянский 12, 163
разговорный 12, 24, 175, 392, 515
романский 12, 367
русинский 12
русский 45, 62, 98, 106, 126, 129, 131, 132, 133, 134, 135, 181, 187, 199, 209, 223, 224, 225, 227, 229, 231, 232, 234, 236, 239, 240, 242, 243, 294, 323, 324, 325, 326, 350, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 366, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 380, 382, 388, 390, 391, 392, 394, 397, 427, 453, 466, 468, 480, 537, 540, 541, 542, 546, 547, 548, 550, 551, 553, 554, 555, 559, 560, 561, 563, 565, 567, 568, 572, 574, 583, 584, 586, 588, 593
санскрит 27
сербохорватский 4, 13, 22, 28, 53, 125, 127, 128, 164, 199, 200, 201, 210, 216, 224, 227, 234, 318, 324, 359, 362, 363, 369, 370, 375, 380, 453, 459, 460, 461, 468, 480, 482, 491, 498, 515, 536, 538, 539, 540, 555, 556, 559, 562, 566, 573, 587, 595

- сербский 15, 21, 22, 23, 29, 32, 34, 39, 68, 79, 92, 123, 126, 128, 157, 158, 161, 168, 202, 213, 215, 223, 226, 234, 259, 286, 288, 290, 291, 294, 295, 296, 322, 339, 444, 481, 514, 526, 528, 529, 530, 565, 586
- сербскославянский 22, 23
- сербскохорватский 13, 29, 33, 165, 192, 199, 209, 210, 212, 231, 233, 234, 294, 316, 317, 318, 320, 343, 362, 365, 369, 373, 465, 466, 537, 540, 579, 581, 587
- сербскохорватскословенский 28
- славяносербский 12, 23, 25
- славянский 4, 12, 16, 17, 21, 26, 27, 33, 47, 51, 64, 65, 66, 91, 92, 95, 96, 97, 100, 162, 186, 198, 199, 202, 207, 208, 209, 210, 216, 221, 222, 225, 230, 237, 315, 318, 321, 325, 327, 328, 329, 343, 349, 350, 352, 367, 370, 376, 378, 381, 388, 412, 413, 417, 457, 461, 465, 481, 485, 492, 537, 538, 547, 548, 551, 555, 556, 559, 563, 567, 579, 586, 590
- словацкий 13, 93, 95, 100, 242, 397, 398, 402, 542
- словенский 13, 46, 50, 93, 95, 100, 217, 328, 352, 353, 469, 539, 575
- смешанный 23
- современный 70, 128, 129, 506
- старославянский 26, 27, 47, 210, 330
- турецкий 207, 267, 269, 325
- украинский 200, 201, 222, 235, 321, 376, 378, 379, 381
- хорватосербский 24, 28, 39, 494
- хорватский 15, 30, 31, 33, 34, 36, 39, 68, 71, 73, 74, 83, 102, 118, 119, 121, 122, 123, 171, 173, 202, 213, 215, 227, 234, 341, 342, 500, 502, 503, 508, 509, 512, 515, 517, 523, 524, 533, 566
- общехорватский 341, 507, 508, 511, 516
- хорваткосербский 34
- церковнославянский 13, 21, 22, 24, 30, 215
- черногорский 21, 40, 103, 157, 173
- чешский 13, 31, 93, 95, 100, 241, 329, 394, 397, 542, 585
- штокавский 26
- южнославянский 15, 21, 40, 47, 49, 98, 164, 181, 199, 216, 218, 344, 362, 375, 465
- языкознание 34, 40, 58, 67, 79, 109, 112, 120, 122, 123, 137, 171, 343, 386, 515, 545, 546, 547, 550, 551, 552, 559, 560, 561, 563, 565, 567, 573, 574, 576, 581, 588, 590, 593, 595
- бошняцкое 75
- ять 5, 8, 16, 17, 22, 45, 66, 80, 120, 121, 122, 123, 129, 137, 157, 161, 162, 166, 167, 168, 170, 171, 173, 178, 179, 180, 181, 182, 208, 210, 332, 343, 455, 457, 503, 510, 526, 533, 536

A

Akzentarium 17, 51, 53, 589

C

CWB 53

G

Gralis 17, 51, 52, 53, 54, 55, 85,
87, 88, 139, 141, 142, 143, 144,
146, 147, 148, 149, 150, 151,
152, 158, 159, 181, 211, 213,
246, 247, 248, 249, 250, 251,
252, 253, 254, 255, 256, 257,
258, 264, 265, 268, 269, 270,
273, 274, 276, 278, 279, 280,
289, 290, 291, 292, 293, 299,
303, 304, 305, 306, 311, 313,
314, 315, 338, 339, 340, 342,
343, 397, 470, 471, 589, 590,
591, 599

I

IPA 54, 77, 79, 81, 558

K

Korpus

Gralis 17, 51, 158, 181, 471,
589, 590, 599

Gralis-Korpus 17, 51, 158,
181, 471, 589, 590, 599

Gralis Text-Korpus 471

Speech-Korpus 139, 141,
142, 143, 144, 146, 147,
148, 149, 150, 151, 152,
181, 599

Text 17

P

Praat 54, 55, 139, 140, 141, 256,
258, 577

Prosogramm 54

S

SAMPA 54

**Именной указатель
(Imenski registar)**

A

Adamova, N. F. 573
Alečković, Mira 170
Aleksić, Radomir 545
Andreev, A. N. 236, 545
Andrejčin, Ljbomir 219, 545
Andrić, Ivo 29
Anić, Vladimir 74, 84, 102, 169,
172, 175, 176, 177, 178, 179,
180, 443, 444, 503, 512, 545,
594, 596
Arbuzova, I. V. 545
Arsenjeva, M. G. 545
Asenova, Petja 545
Avanesov, R. I. 545

B

Babić, Stjepan 36, 72, 102, 121,
502, 545, 546
Babić, Zrinka 83, 109, 118, 121,
546
Badurina, Lada 84, 102, 443,
503, 546
Bagdasarov, A. R. 215, 227,
366, 546
Bąk, Piotr 327, 387, 389, 391,
392, 546
Bakić, Ibrahim 40, 546
Bakotić, Lujó 596
Baotić, Josip 40, 547
Barić, Eugenija 515, 520, 558
Barnetova, Vilma 547
Bašić, Nataša 547
Belić, Aleksandar 29, 182, 445,
460, 492, 514, 520, 529, 547
Benedek, Wolfgang 588
Benešić, Julije 520
Bernštejn, S. B. 547
Beženceva, T. G. 547
Bezikovič, J. I. 547
Bielfeldt, Hans Holm 548
Birnbbaum, Henrik 386, 548

Bjelaković, Isidora 213, 569
Bogomazov, G. M. 548, 592
Bogorodickij, V. 228, 548
Bondarko, L. V. 111, 133, 134,
548
Borkovskij, V. I. 548
Grube, Ulrike 555
Bosák, Ján 548
Boškov, Živojin 29
Bošković, Radosav 182, 210,
216, 223, 230, 327, 329, 330,
344, 358, 529, 548
Božić, Mirko 29
Brabec, Ivan 43, 80, 511, 548
Brasermann, Petra 590
Brborić, Branislav 549, 575
Broch, Olaf 549
Brok, O. 216, 549
Broz, Ivan 32, 35, 518, 549, 597
Brozović, Dalibor 33, 34, 35,
36, 81, 82, 120, 121, 122, 123,
171, 492, 493, 494, 497, 498,
500, 505, 508, 509, 514, 517,
518, 519, 520, 521, 522, 525,
546, 549, 550
Bugarski, Ranko 550
Bulahov, M. G. 378, 379, 382,
550
Bulatova, R. V. 40, 491, 550,
551

C

Cybenko, J. Z. 556
Cychin, Hienadž 237, 380, 551

Č

Čechová, Marie 551
Čedić, Ibrahim 37, 109, 169,
176, 289, 444, 551, 597
Čeremisina, N. V. 480, 551
Čigoja, Brankica 550, 551, 559,
571
Čirgić, Adnan 17, 40, 551

Ć

Ćirilov, Jovan 597

Ćorić, Božo 552

Ćorović, Vladimir 552

D

Dahl, Johannes 552

Damerau, Norbert 552

Damjanović, Stjepan 327, 329, 331, 552

Daničić, Đura (Đuro) 25, 27, 32, 68, 492, 497, 499, 502, 503, 505, 511, 517, 519, 520, 523, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 536, 552

Delaš, Helena 493, 512, 552

Demeter, Dimitrije 25, 27

Desnickaja, A. V. 552

Dešić, Milorad 53, 289, 492, 506, 507, 514, 525, 526, 552, 597

Dimitrova, Stefana 344, 553

Dirko, Osvald 597

Dittmar, Peter 519

Dmitriev, P. A. 24, 25, 224, 234, 294, 295, 363, 366, 367, 371, 372, 373, 374, 375, 453, 468, 553

Drosdowski, Günther 553

Dular, Janez 354, 553

Đ

Đe, Đong Kn 553

Đordević, Branivoj 553, 555

Đukanović, Maja 353, 354, 553

Đurić, Miloš 29

Đurović, Radosav J. 492, 553

E

Ekblom, R. 553

Engelbrecht, Elena 554

F

Fant, G. 560, 561

Faska, Helmut 554

Fedotov, O. I. 554

Fekete, Egon 496, 505, 506, 507, 511, 514, 528, 554

Finka, Božidar 102, 121, 169, 172, 175, 176, 178, 179, 180, 443, 503, 546, 560, 598

Fischer, Rudolf 397, 554

Florenskij, Timofej 162, 554

Forić, Sandra 139, 256

G

Gačević, Radojko 554

Gaj, Ljudevit 31, 32, 554

Gajda, Stanisław 554

Garde, Paul 554

Gehrmann, Siegfried 421, 422, 423, 424, 554

Georgijević, Krešimir 29

Gladrow, Anneliese 242, 397, 555

Glück, Helmut Glück 570

Goldberg, B. N. 237, 238, 239, 240, 388, 390, 391, 566

Goldstein, Ivo 596

Gopić, Josip 492

Gordova-Rybaljčenko, T. P. 547

Gorškova, K. V. 555

Grahek, Sanja 555

Grasselli-Vukušić, Marija 289, 517, 518, 594

Grčević, Mario 555, 572

Grickat, Irena 555

Gromova, A. P. 555

Gross, Harro 419, 555

Guberina, Petar 68, 69, 168, 555

Gudkov, V. P. 25, 32, 50, 202, 227, 228, 231, 233, 359, 365, 369, 370, 372, 374, 375, 555, 556

Gudurić, Snežana 556, 557

Gutschmidt, Karl 557

H

Haburgaev, G. A. 330, 555, 557

Hadžić, Miloš 29

Hajdarević, Hadžem 597

Halilović, Senahid 37, 74, 84, 103, 109, 124, 169, 172, 176, 177, 178, 179, 180, 444, 533, 557, 560, 597

Halle, M. 114, 115, 116, 548, 554, 560, 561, 591

Ham, Sanda 109, 557

Hamm, Josip 29, 166, 327, 329, 557

Häusler, Frank 557
 Havránek, Bohuslav 557
 Hill, Peter 222, 346, 349, 557, 558
 Hinrich, Uwe 549, 557, 564
 Hirt, Herman 163, 167, 558
 Holvoet, A. 581
 Horga, Damir 74, 514, 558
 Hraste, Mate 29, 43, 80, 548, 598
 Hudeček, Lana 558
 Hurm, Anton 597, 599

I

Isačenko, A. I. 124, 324, 328, 329, 538, 539, 559
 Isaković, Alija 38, 597
 Ivanov, V. V. 360, 559
 Ivanova, I. J. 559
 Ivas, Ivan 474, 559
 Iveković, Franjo 518, 597
 Ivić, Milka 506, 514, 559
 Ivić, Pavle 123, 166, 168, 211, 213, 259, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 492, 514, 529, 540, 552, 559, 560, 567, 588
 Ivšić, Stjepan 166, 182, 492, 514, 550, 560

J

Jagić, Vatroslav 163, 560
 Jahić, Dževad 37, 40, 84, 109, 124, 288, 289, 444, 533, 560, 597
 Jakić, Branka 597
 Jakobson, Roman 114, 115, 116, 125, 492, 538, 539, 560, 561
 Jan, Petr 571
 Janko, T. J. 480, 561, 562
 Janković, Srđan 40, 561
 Jaworski, Michał 561
 Jazić, Đorđe 225, 226, 227, 228, 229, 360, 365, 367, 368, 369, 370, 372, 374, 561
 Jedlička, Alois 241, 393, 557, 585
 Jelaska, Zrinka 561

Jenko, Elizabeta M. 217, 353, 355, 561
 Jerković, Jovan 169, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 180, 561
 Jermakova, M. I. 561
 Jojić, Ljiljana 597
 Jokanović-Mihajlov, Jelica 474, 492, 562, 569, 595
 Jonke, Ljudevit 29, 495, 562, 598
 Josipović, Vesna 473, 562
 Jovanović, Jelena 582
 Jovanović, Miodrag 167, 562
 Jug-Kranjec, Hermina 354, 562
 Jung, Walter 562
 Jurančić, Janko 352, 353, 354, 520, 562
 Jurković, Marijan 29
 Juzbašić, Dževad 38, 563

K

Kabesch, Friedrich 563
 Kačić, Miro 496, 563
 Kadić, Safet 597
 Kalenić, Vatroslav 354, 563
 Kangrga, Jovan 520
 Karadža, Mevlida 40, 563
 Karadžić, Vuk Stefanović 22, 23, 24, 25, 26, 27, 32, 444, 467, 502, 503, 505, 517, 523, 527, 529, 530, 531, 563, 597
 Karanfilovski, Maksim 349, 350, 351, 352, 563
 Karaulov, J. N. 376, 563
 Karlík, Petr 563
 Karolak, Stanisław 238, 239, 240, 389, 390, 391, 392, 563
 Karvanbasieva, Elga Georgieva 344
 Kasatkin, Leonid 563
 Kašić, Bartol 31
 Kaštelan, Jure 29
 Katičić, Radoslav 36, 564
 Kiklevič, A. K. 241, 390, 564
 Klaić, Bratoljub 424, 564, 597
 Klajn, Ivan 564, 575
 Klikovac, Duška 564
 Koduhov, V. I. 550

Koharović, Nebojša 558
 Kohls, Siegfried 564
 Kokoruš-Hansen, Renate 598
 Kolesov, V. V. 540, 564
 König, Otto 588
 Kordić, Snježana 36, 564
 Kořenský, Jan 565
 Korubin, Blagoja 350
 Korytowska, Anna 565
 Koschat, Helene 565
 Koseska-Toszewa, V. 565
 Kostić, Đorđe 159
 Košutić, Radovan 210, 225, 228, 229, 232, 376, 565
 Kotova, N. V. 220, 565
 Kovačec, August 40, 565
 Kovačević, Mirjana 597
 Kožinova, A. A. 241, 390, 564
 Krenn, Gerald 551, 555, 557, 558, 565, 568, 572, 573, 578, 579, 581, 583, 585, 587, 593, 594
 Kretschmer, Anna 23, 565
 Kristal, Dejvid 597
 Krivickij, A. A. 92, 236, 380, 381, 382, 565
 Krklec, Gustav 170
 Krleža, Miroslav 170, 550
 Krmpotić, Marijan 71, 72, 169, 565
 Krotovskaja, J. A. 237, 238, 239, 240, 388, 390, 391, 566
 Kršo, Aida 597
 Krstić, Kruno 68, 69, 168, 555
 Kubeš, Branka 566
 Kukuljević, Ivan 25, 27
 Kuljbakin, S. M. 163, 202, 226, 234, 327, 566
 Kuna, Herta 176
 Kunzmann-Müller, Barbara 566
 Kuraszkiwicz, Władysław 567
 Kuznecov, P. S. 125, 127, 128, 129, 548, 566

L

Lalić, Radovan 29
 Laskowski, Roman 239, 386, 390, 391, 566

László, Bulcsú 497, 505, 566
 Latković, Taki 40, 597
 Lehfeldt, Werner 566, 567
 Lehist, Ilse 539, 560, 567
 Lehr-Spławiński, Tadeusz 567
 Lekomceva, M. I. 567
 Leonova, L. V. 113, 224, 225, 227, 228, 231, 233, 295, 359, 363, 369, 371, 373, 374, 375, 467, 567
 Leskien, August 330, 567
 Leskovac, Mladen 29
 Lewandowski, Theodor 111, 567
 Lewaszkiewicz, Tadeusz 242, 398, 401, 567
 Liewehr, Ferdinand 568
 Liker, Marko 74, 514, 558
 Lisac, Josip 211, 212, 213, 331, 332, 333, 334, 335, 337, 338, 568
 Lomtev, T. P. 131, 132, 133, 236, 568
 Lončarić, Mijo 45, 46, 47, 48, 558, 568
 Lubaś, Władisław 386, 393, 568
 Lukačić, Dražen 598
 Lukašanec, Aljaksandr 568
 Lukenda, Marko 558
 Lukjanenko, A. M. 45, 568
 Lupić, Ivan 493, 568

M

Madatova-Poljanec, S. M. 598
 Madelska, Liliana 568
 Mahnken, I. 568
 Maksimović, Desanka 170
 Malberg, Bertil 568
 Małecki, Mieczysław 168, 569
 Malić, Dragica 558
 Mamić, Mile 558
 Maretić, Tomo 32, 445, 502, 503, 504, 505, 517, 519, 520, 523, 533, 569
 Marić, Svetislav 29
 Marković, Ivan 84, 102, 108, 213, 353, 354, 443, 503, 504, 546, 553, 569

Marković, M. 102, 108, 213, 353, 354, 503, 504, 546, 553, 569
Marković, Maja 213, 569
Marković, Marko 29
Marković, Svetozar 108, 598
Marković, Željko 102, 108, 213, 353, 354, 503, 504, 546, 553, 569
Marojević, Radmilo 122, 123, 569
Martine, Andre 569
Martinović, Blaženka 502, 504, 512, 513, 514, 515, 517, 518, 523, 529, 569, 570
Masson, Olivier 493
Matasović, Ranko 597
Matešić, Josip 53, 289, 432, 492, 498, 511, 570, 597, 598
Matulina, Željka 570
Mažuranić, Ivan 25, 27
Medić, Ivo 570
Melichar, Jiří 570
Menac-Mihalić, Mira 493, 570
Miatluk, Anna 570
Mićanović, Krešimir 84, 102, 443, 503, 513, 519, 546, 570
Midžić, Maja 75, 570
Mihailović, Ljubomir 570
Mihaljević, Milan 571
Mihaljević, Milica 110, 571
Mihalk, F. 561, 570
Miklosich, Franz 25, 27, 571
Milanović, B. 183, 571
Franz 424, 564
Miletić, Branko 108, 253, 255, 256, 269, 273, 276, 332, 343, 374, 571
Milisavac, Živan 29
Milosavljević, Petar 68, 571
Minova-Ćurkova, Liljana 350, 571
Mladenović, Aleksandar 23, 559, 560, 571
Moguš, Milan 102, 121, 169, 172, 175, 176, 178, 179, 180,

443, 502, 546, 549, 571, 572, 598
Molas, Jerzy 386, 391, 393, 568
Moldovan, A. A. 572
Moskovljević, Miloš 29, 167, 572
Mrazović, Pavica 572
Mucke, Karl Ernst 572
Muhr, Rudolf 572
Mulić, Malik I. 47, 49, 163, 164, 165, 199, 200, 201, 212, 232, 361, 362, 363, 374, 375, 380, 466, 493, 572
Muljačić, Žarko 572

N

Nahtigal, Rajko 572
Nehring, Gerd-Dieter 49, 50, 572
Nekuda, Marek 563
Nemanić, Davor 555
Neweklowsky, Gerhard 24, 566, 572, 573
Newerkla, Stefan Michael 328, 573
Nikčević, Vojislav 40, 103, 157, 173, 332, 534, 573
Nikolaeva, T. M. 480, 483, 484, 537, 539, 540, 573
Nikolić, Miroslav 157, 158, 286, 287, 288, 289, 296, 297, 598
Nolan, John 573
Nork, O. A. 573
Nossok, Svetlana 380, 573

O

Obradović, Dositej 23, 24, 572
Ohnheiser, Ingeborg 576, 586, 590
Okuka, Miloš 24, 38, 40, 74, 75, 176, 551, 555, 557, 558, 565, 568, 572, 573, 574, 578, 579, 581, 583, 585, 587, 593, 594
Ordisch, Bob 574
Oršolić, Marko 40, 574
Ostojić, Branislav 80, 123, 124, 178, 574, 582, 590, 598

P

Palić, Ismail 37, 84, 109, 124, 533, 560, 597
 Palková, Zdena 574
 Panzer, Baldur 574, 578
 Partaš, Josip 32, 574
 Pašov, Petr 218, 219, 327, 344, 346, 347, 574
 Pauliny, Eugen 327, 397, 574
 Paunović, Tatjana 574
 Pavešić, Slavko 546, 549, 558, 598
 Pavičić, Stjepan 166, 575
 Pavletić, Vlatko 558
 Pavlović, Slobodan 577
 Peco, Asim 46, 48, 50, 176, 191, 211, 212, 331, 333, 335, 336, 337, 338, 460, 492, 493, 504, 506, 511, 513, 514, 529, 575, 583
 Pečur-Medinger, Zrinka 598
 Pešević, Sl. 575
 Pešikan, Mitar 74, 169, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 180, 502, 503, 511, 514, 561, 575, 598
 Peti, Mirko 558, 575
 Petričević, M. 170, 575
 Petrović, Boško 29
 Petrović, Dragoljub 18, 29, 496, 505, 506, 514, 526, 527, 528, 556, 557, 575, 576
 Petrović, Tanja 556, 576
 Petrowa-Wasilewicz, A. 581
 Pintarić, Neda 598
 Piškorec, Velimir 576
 Pižurica, Mato 169, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 180, 561
 Plankoš, Judita 562, 588
 Plotnikova, O. S. 40, 217, 218, 354, 576
 Podlužnyj, A. I. 236, 380, 381, 382, 565, 576
 Pohl, Heinz Dieter 576
 Poljanec, Franjo 576
 Poljanec, R. F. 598
 Pollok, K.-H. 576

Pompino-Marschall, Bernd 418, 576
 Popova, T. P. 166, 191, 209, 210, 225, 229, 233, 234, 235, 362, 366, 367, 368, 369, 372, 373, 375, 466, 537, 541, 542, 577
 Popović, Ivan 577
 Popović, Ljubomir 108, 583
 Popovska, Elena 350, 577
 Posvjanskaja, A. S. 390, 393, 577
 Požgaj Hadži, Vesna 74, 354, 558, 577
 Pranjković, Ivo 17, 40, 118, 119, 121, 508, 509, 514, 517, 518, 530, 533, 534, 551, 577, 582
 Prigodžić, Mikalaj 568
 Promitzer, Christian 588
 Protuder, Ilija 72, 577
 Putanec, Valentin 179, 578

R

Radeva, Vassilka 219, 327, 344, 346, 347, 348, 574, 578
 Radovanović, Milorad 575
 Radović, Đuza 29
 Raguž, Dragutin 578
 Rakić, Stanimir 492, 578
 Rehder, Peter 351, 352, 353, 354, 548, 557, 578, 581, 584, 592, 593, 594
 Rehder, Sigrid 578
 Remetić, Slobodan 167, 168, 578
 Rešetar, Milan 129, 216, 578, 579
 Ressel, Gerhard 578
 Ribarova, Zdenka 579
 Riđanović, Midhat 579
 Ristić, Svetomir 520
 Rosandić, Dragutin 579
 Rosandić, Irena 579

R

Row, Anneliese 579

R

Rudnyčkyj, Jaroslav B. 377,
378, 379, 579
Rusakov, A. J. 579
Rusínová, Zdenka 563

S

Sabol, Ján 579
Safronov, G. I. 24, 25, 224, 227,
228, 234, 294, 295, 363, 366,
367, 371, 372, 373, 374, 375,
453, 468, 553
Samardžija, Marko 33, 35, 518,
579
Sawicka Irena 208, 391, 393,
550, 555, 558, 563, 565, 570,
574, 578, 579, 580, 581, 587,
595
Schmaus, Alois 424, 581
Schubert, Gabriella 401, 581
Schweier, Ulrich 235, 378, 581
Segal, D. M. 567
Seliščev, A. M. 237, 238, 242,
243, 393, 394, 581
Sellner, Manfred B. 572
Shevelov, George Y. 581
Silić, Josip 17, 40, 73, 74, 84,
102, 118, 119, 121, 169, 172,
175, 176, 177, 178, 180, 443,
444, 503, 514, 545, 551, 581,
582
Simeon, Rikard 598
Simić, Radoje 80, 108, 123,
124, 168, 582
Sjameška, Lidzija 327, 379,
380, 568, 582
Skerlić, Jovan 27, 34, 582
Sködl, Hannes 582
Skok, Petar 598
Sławski, Franciszek 567
Sodolj, G. V. 583
Sokalj, N. I. 545, 583
Spagińska-Pruszek, Agnieszka
577
Spieß, Gunter 401, 583
Stakić, Milan 583
Stanić, Milija 545
Stanislav, Ján 583

Stanković, Bogoljub 598
Stanojčić, Živojin 48, 50, 79,
108, 333, 575, 583
Stevanović, Mihailo 29, 108,
170, 583, 598
Stone, Gerhadr 399, 584
Styblík, Vlastimil 570
Subotić, Ljiljana 496, 506, 507,
510, 514, 525, 577, 584
Sudnik, T. M. 567
Szober, Stanisław 387, 584

Š

Šamija, Branko 598
Šarić, Ljiljana 558
Šćur, S. M. 567
Šejić Božić, Rafaela 493, 584
Šešelj, Vojislav 170, 557
Ševc, Hinc 327, 398, 399, 400,
401, 584
Ševoroškin, V. V. 325, 584
Šimundić, Mate 598
Šimunović, Petar 584
Širokov, O. S. 584
Širokova, A. G. 241, 393, 394,
396, 397, 585
Škarić, Ivo 34, 81, 82, 109, 120,
121, 138, 139, 156, 171, 256,
341, 342, 343, 496, 499, 500,
501, 502, 504, 506, 507, 508,
510, 511, 512, 513, 514, 517,
518, 523, 546, 550, 558, 585,
592
Škavić, Đurđa 496, 505, 506,
508, 513, 523, 585, 592
Šlosar, Dušan 393, 585
Šonje, Jure 598
Šrámek, Rudolf 586
Štebih, Barbara 110, 571
Študiner, M. A. 321, 586
Šuster-Ševc, G. 586
Šutova, M. N. 586
Švačko, Vanja 558
Šwela, Bogumił 182, 327, 401,
586

T

Tasić, Milan 554
Telebak, Milorad 492, 586

Ternes, Elmar 586
 Terzić, Aleksandar 223, 225,
 226, 227, 230, 586
 Težak, Stjepko 80, 81, 82, 109,
 120, 137, 166, 546, 550, 586
 Thomas, P.-L. 587
 Tihomirova, T. J. 587
 Tivadar, Hotimir 587
 Tolstaja, S. M. 125, 315, 316,
 317, 318, 319, 320, 329, 587
 Tolstoj, N. I. 23, 587, 599
 Tomanović, Vaso 492, 587
 Toporišić, Jože 217, 327, 353,
 354, 587
 Tornow, Sigfried 587
 Torsuev, G. P. 587
 Tošović, Branko 3, 4, 17, 36,
 40, 51, 52, 53, 63, 139, 140, 154,
 230, 288, 364, 368, 370, 371,
 475, 558, 560, 569, 570, 571,
 574, 577, 581, 587, 588, 589,
 590, 591
 Trávníček, František 591
 Trgovčević, Ljubinka 576
 Trofimović, K. K. 242, 401, 591
 Trubetzkoy, N. S. 125, 591

U

Unbegaun, Boris 591
 Uroić, Marija 599
 Usikova, R. P. 221, 222, 350,
 352, 539, 591, 592

V

Vajzović, Hanka 37, 109, 592
 Valjevac, Naila 75, 169, 174,
 176, 178, 510, 516, 530, 531,
 532, 592, 597
 Varošaneć-Škarić, Gordana 496,
 505, 508, 513, 523, 585, 592
 Vasić, Vera 577
 Vasiljeva, L. I. 241, 242, 585,
 592
 Vasiljeva, V. F. 241, 242, 585,
 592
 Vater, Heinz 592
 Vidović-Muha, Ada 582
 Vinarskaja, J. N. 592
 Vince, Zlatko 592

Völkl, Sigrid Darinka 593
 Voronin, S. V. 112, 593
 Vrančić, Faust 31
 Vujičić, Dragomir 178, 598
 Vujović, Luka 167, 593
 Vukadinović, Zora 572
 Vuketić, Dragan 576
 Vukojević, Luke 558
 Vukomanović, Slavko 40, 593
 Vuković, Jovan 29, 162, 182,
 183, 442, 571, 593
 Vukušić, Stjepan 289, 492, 508,
 513, 514, 517, 518, 519, 524,
 529, 593, 594
 Vuletić, Branko 38, 473, 555,
 594
 Vuletić, Franje 473, 555, 594
 Vulić, Sanja 493, 594

W

Walter, Hilmar 344, 552, 562,
 576, 594
 Wasilewska, Danuta 563
 Wexler, Von Paul 380, 594
 Wiesler, Alois 594
 Wingender, Monika 594
 Wornar, Edward 595
 Wortmann, Martin 595
 Wowčerka, Paweł 399, 400, 595
 Wróbel, Henryk 595

Z

Falkenhahn, V. 402, 409, 554
 Zajceva, S. V. 583
 Zaliznjak, A. A. 595
 Zamjatina, G. I. 551
 Zec, Zlata 258, 259, 332, 595
 Zečević, Vesna 558
 Zeleneckij, A. L. 244, 427, 595
 Zemljak, Melita 595
 Zenčuk, V. N. 209, 226, 227,
 228, 229, 359, 365, 368, 369,
 370, 375, 540, 595
 Znika, Marija 558, 598
 Zolhoev, V. I. 595
 Zoričić, Ivan 289, 492, 514,
 516, 517, 518, 594, 595, 596
 Zorko, Znika 589
 Zubčić, Sanja 493, 596

Zvrko, Husein 109, 592

Ž

Žagar, France 558

Žagar, Mateo 596

Žepić, Stanko 596

Žerjavić-Desnica, Nataša 552

Žeželj, Maja 535

Žirmunskij, V. M. 596

Živković, Sreten 43, 80, 548

Žovtobrjuh, M. A. 378, 379,
382, 550

Žuravljova, T. S. 112, 596

А

Абрамов, Б. А. 545

Аванесов, Р. И. 545

Адамова, Н. Ф. 573

Андреев, А. Н. 545

Андрейчин, Любомир 545

Арбузова, И. В. 545

Арсеньева, М. Г. 545

Б

Багдасаров, А. Р. 215, 546

Балаж, П. 242, 547

Балашова, С. П. 545

Баотич, Йосип 547

Бархударов, С. Г. 554

Беженцева, Т. Г. 547

Безикович, Е. И. 547

Берков, В. П. 545

Бернштейн, С. Б. 47, 163, 186,
187, 198, 459, 460, 462, 547,
555

Богомазов, Г. М. 548, 592

Богородицкий, В. 548

Бондарко, Л. В. 133, 548

Борковский, В. И. 548

Бояджиев, Тодов 221, 347, 548

Брахгов, Б. М. 548

Брок, О. 216, 549

Брызгунова, Е. А. 473, 480,
550

Букатевич, Н. И. 223, 235, 236,
377, 379, 550

Буланин, Л. Л. 134, 326, 550

Булатова, Р. В. 550, 551, 587

Булахов, М. Г. 550

В

Васильева, В. Ф. 585, 592

Васильева, Л. И. 585, 592

Винарская, Е. Н. 592

Виноградов, В. В. 554

Воронин, С. В. 112, 593

Вукович, Б. 162, 492, 583

Вукоманович Славко 593

Г

Георгиев, Станьо 553

Гольдберг, Б. Н. 566

Гордова-Рыбальченко, Т. П.
547

Горшкова, К. В. 555

Григорова, Евелина 555

Грицютенко, И. Е. 223, 235,
236, 377, 379, 550

Громова, А. П. 555

Гудков, В. П. 25, 44, 201, 230,
233, 369, 372, 555, 556, 562

Д

Даровец, М. 242, 547

Десницкая, А. В. 552

Деянова, Мария 592

Дмитренко, С. Н. 553

Дмитриев, П. А. 24, 25, 234,
362, 372, 545, 553

Е

Ермакова, М. И. 561

Ермоленко, С. С. 562

Ж

Жирмунский, В. М. 596

Жовтобрюх, М. А. 550

Журавлев, А. П. 111, 596

Журавлёва, Т. С. 596

З

Зайцева, С. В. 583

Зализняк, А. А. 550, 595

Замятина, Г. И. 551

Зеленецкий, А. Л. 595

Зенчук, В. Н. 569, 595

Зиндер, Л. Р. 243, 595

Златоустова, Л. В. 160, 595

Золхоев, В. И. 595

И

Иванов, В. В. 47, 360, 376,
461, 559, 592
Иванова, И. Е. 47, 559, 592
Иванова-Мирчева, Дора 592
Исаченко, А. И. 124, 126, 127,
324, 325, 328, 329, 537, 538,
559
Истрина, Е. С. 554
Истрина, Ю. 554

К

Караулов, Ю. Н. 563
Карпенко, Ю. А. 327, 376,
377, 378, 563
Кепески, Круме 564
Киклевич, А. К. 564
Киров, Е. Ф. 564
Киршова, М. П. 569, 595
Ковалев, Ю. В. 565
Ковачец, Аугуст 565
Кодзасов, С. В. 106, 564
Кодухов, В. И. 550
Кожина, А. А. 564
Колесов, В. В. 564
Конески, Блаже 327, 350, 351,
352, 564, 592
Котова, Н. В. 346, 565
Кочев, Иван 592
Кошутич, Радован 210, 225,
228, 229, 231, 376
Кривицкий, А. А. 92, 236, 380,
381, 382, 565
Кривницкий, А. А. 236
Кривнова, О. Ф. 106, 564
Кротовская, Я. А. 566
Кузнецов, П. С. 125, 126, 127,
128, 548, 566
Кульбакин, С. М. 162, 202,
226, 234, 566
Кърлова, Радка 563

Л

Лашкова, Лили 566
Левицка, Гражина 567
Левицки, Роман 567
Лекомцева, М. И. 567
Леонова, Л. В. 231, 233, 363,
373, 567

Лер-Сплавинский, Тадеуш
567
Лефельдт, В. 567
Линднер, Г. 419, 420, 568, 577
Ломтев, Т. П. 131, 132, 133,
236, 568
Лукьяненко, А. М. 45, 568

М

Мареш, Франтишек Вацлав
569
Маркович, М. 213, 569
Мартине, Андре 569
Маслов, Ю. С. 218, 220, 221,
346, 348, 570
Михалк, Ф. 561, 570
Молдован, А. А. 572
Монахов, П. Ф. 595
Мулич, М. И.
47, 49, 163, 164, 165, 199, 200,
201, 363, 493

Н

Нахтигал, Райко 572
Николаева, Т. М. 480, 482,
483, 484, 537, 539, 540, 573
Норк, О. А. 573

П

Панов, М. В. 129, 130, 323,
324, 574
Пашов, Петър 218, 219, 327,
344, 346, 347, 574
Плотникова, О. С. 576
Плющ, М. Я. 576, 584
Подлужный, А. И. 236, 380,
565, 576
Пономарева, О. Д. 584
Попов, Константин 165, 192,
210, 233, 362, 540, 547, 577
Попова, Т. П. 165, 192, 210,
233, 362, 540, 577
Посвянская, А. С. 577
Постовалова, В. И. 577
Потапова, Р. К. 419, 420, 568,
577
Потебня, А. А. 577
Пыррев, Христо 219, 346, 347,
574

Р

Радева, Василка 219, 327, 344,
346, 347, 348, 574, 578
Раевский, М. В. 134, 578
Русаков, А. Ю. 579
Русанівський, В. М. 591
Русинов, Русин 553

С

Савицкая, С. А. 223, 235, 236,
377, 379, 550
Сафронов, Г. И. 25, 234, 362,
372, 553
Светозарова, Н. Д. 480, 584
Сегал, Д. М. 567
Селищев, А. М. 243, 394, 581
Содоль, Г. В. 583
Сокаль, Н. И. 545, 583
Сокольская, Т. В. 595
Соловьева, Л. Н. 545
Спасов, Људмил 349, 581
Стойнов, Стоян 547, 592
Судник, Т. М. 567
Сямешка, Лідзія 327, 379, 380,
568, 582

Т

Тараненко, О. О. 591
Терзич, Александр 229, 586
Тилков, Димитър 547
Тихомирова, Т. Е. 587
Толстая, С. М. 315, 316, 317,
318, 319, 320, 587
Толстой, Н. И. 23, 125, 316,
587, 599
Торсуев, Г. П. 587
Тоцька, Н. І. 377, 587
Трофимович, К. К. 591

У

Усикова, Р. П. 221, 222, 350,
352, 539, 591, 592

Ф

Фант, Г. 133, 560
Федотов, О. И. 554
Флоренскій, Тимофей 554

Х

Хабургаев, Г. А. 330, 555, 557
Халле, М. 114, 560, 561
Хоменко, Людмила 558

Ц

Цыбенко, Е. З. 555, 556, 562

Ч

Чабала, М. 242, 547
Чалыкова, Т. И. 551
Черемисина, Н. В. 480, 551
Черных, П. Я. 551

Ш

Шведова, Н. Ю. 554
Шеворошкин, В. В. 325, 584
Широков, О. С. 395, 556, 565,
576, 577, 584, 585, 591, 592
Широкова, А. В. 241, 393, 394,
395, 396, 397, 556, 565, 576,
577, 585, 591, 592
Широкова, А. Г. 395, 556, 565,
576, 577, 585, 591, 592
Штольц, Б. 586
Штудинер, М. А. 322, 586
Шустер-Шевц, Г. 586
Шутова, М. Н. 586

Щ

Щур, С. М. 567

Я

Янко, Т. Е. 480, 561
Янкович, Срджан 561
Яўневіч, М. С. 584

Бранко Тошович
КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА
СЕРБСКОГО, ХОРВАТСКОГО И БОШНЯЦКОГО ЯЗЫКОВ

Часть 1

Фонетика – Фонология – Просодия

О. Univ.-Prof. Dr. Branko Tošović
Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz
8010 Graz, Merangasse 70, Österreich/Austria
Tel.: +43 316/380 2522. Fax: +43 316/380 9773
branko.tosovic@uni-graz.at
<http://www-gewi.kfunigraz.ac.at/gralis/>

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор С. А. Лашин

Оригинал-макет подготовлен автором

Художественное оформление переплета
С. А. Жигалкина

Подписано в печать 16. 04. 2011. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. печ. л. 51,6. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: **959-52-60** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**
Site: **<http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>**

*

Оптовая и розничная реализация – магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский проезд, 2, стр. 1 (Метро «Парк культуры»)